№ 1
январь
2026 г.

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

LAW and MANAGEMENT

scientific and legal journal

Ежемесячный аналитический научно-правовой журнал, посвященный актуальным вопросам гражданского, административного права,судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности, а также правовому мониторингу гражданского законодательства в России и мире

Monthly analytical scientific and legal journal on topical issues of civil, administrative law, judicial power, law enforcement and human rights activities, as well as legal monitoring of civil legislation in Russia and the world

Председатель редакционного совета:
доктор юридических наук, профессор
Василий Васильевич Гущин
Главный редактор:
доктор юридических наук, профессор
Светлана Анатольевна Иванова
Заместитель главного редактора:
доктор юридических наук, доцент
Марат Селирович Шайхуллин
Заместитель главного редактора по научному развитию:
Руслан Гандалоев
кандидат политических наук, доцент
Корректор:
Вера Ивановна Козлова
Компьютерная верстка и дизайн:
Марина Владимировна Горячева

Chairman of the Editorial Board:
doctor of law sciences, professor
Vasily Vasilievich Gushchin
Editor-in-Chief:
doctor of law sciences, professor
Svetlana Anatolyevna Ivanova
Deputy Editor-in-Chief:
doctor of law sciences, associate professor
Marat Selyovich Shaikhullin
Deputy Editor-in-Chief for Scientific Development:
Ruslan Gandaloev
candidate of Political Science, Associate Professor
Corrector:
Vera Ivanovna Kozlova
Computer layout and design:
Marina Vladimirovna Goryacheva

Учредитель и издатель:
Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77-84981, ПИ № ФС77-46150 от 12 августа 2011 г.)
Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке e-LIBRARY.RU.
ISSN: 2224-9133

Адрес редакции (для писем): 111397,
г. Москва, Зеленый проспект, 22-302.
Home page: www.law.law-books.ru
E-mail: mail@law-books.ru

Founder and Publisher:
Publishing house «YURKOMPANI»

Registered with the Federal Supervision Service in communications, information technology and mass communications (EL Media Registration Certificate No. FS 77-84981, PN FS77-46150 dated August 12, 2011)
Included in the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and registered with the Scientific Electronic library e-LIBRARY.RU.
ISSN: 2224-9133

Editorial address (for letters): 111397, Moscow,Green Avenue, 22-302.
Home page: www.law.law-books.ru
E-mail: mail@law-books.ru

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Право и управление» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

When using published materials, the link to the magazine “Right and Control” is mandatory. Materials published in the journal can be placed in electronic legal databases and reference systems. All manuscripts sent are subject to mandatory review. The author of the manuscript is informed of the decision. The editorial opinion may not coincide with the opinion of the author.

Индекс подписки в каталоге «Пресса России» и «Библиотечном каталоге»: 46148

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **В.В. Гущин** – доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин
Российской государственной академии интеллектуальной собственности

Заместитель Председателя: **Р.М. Мырзалимов** - доктор юридических наук,
советник Председателя Верховного Суда Кыргызской Республики,
профессор кафедры административного права юридического факультета
Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына

Е.В. Богданов - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

А.В. Барков - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России

А.П. Галоганов - доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.П. Камышанский - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Российского, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

В.В. Комарова - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Российской Федерации Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

В.В. Сангаджиев - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

В.Н. Ткачев - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

О.В. Химичева - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя

Л.А. Тхабисимова - доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея

EDITORIAL BOARD

Chairman: **V.V. Gushchin** - Doctor of Law, Professor, Department of Copyright, Related Rights and Private Law Disciplines of the Russian State Academy of Intellectual Property

Deputy Chairman: **R.M. Myrzalimov** - Doctor of Law, Advisor to the Chairman of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic, Professor, Department of Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University

E.V. Bogdanov - Scientific Secretary of the Section, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov

A.V. Barkov - Doctor of Law, Professor, Department of Civil Law, Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia

A.P. Haloganov - Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers

V.P. Kamyshansky - Section Head, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law of the Kuban State Agrarian University, Head of the Department of Civil Law and Process of the Institute of International Law, Economics, Humanities and Management named after K.V. Russian, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

V.V. Komarova - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy)

V.V. Sangadzhiev - Academic Secretary of the Section, Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Judicial Power, Law Enforcement and Human Rights Activities of the RUDN Law Institute

V.N. Tkachev - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

O.V. Khimicheva - Section Head, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs named after V.Ya. Kikotya

L.A. Tkhabisimova - Doctor of Law, Professor, Director, Head of the Department of Consti ¬ Tutsionnaya and Municipal Law of the Law Institute of Pyatigorsk State University, Director of the North Caucasus Center for Electoral Law and Process, Head of the North Caucasus Scientific and Educational Center for Political and Legal Problems, Academician of the AMAN, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Adygea

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.А. Иванова - председатель, главный редактор, доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН.

М.С. Шайхуллин - первый заместитель главного редактора, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем прав

Научная специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Е.Г. Багреева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

А.И. Глушков - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой права Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Л.Ю. Грудцына - доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН

И.В. Дойников - доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы

А.А. Дорская - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Р.А. Каламкарян - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов

А.Н. Левушкин - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия

Т.А. Сошникова - доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права Московского гуманитарного университета

Д.П. Стригунова - доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Г.Г. Шинкарецкая - доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

М.Д. Давитадзе - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Одинцовский филиал, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Открытого гуманитарно-экономического университета

М.М. Дикажев - доктор юридических наук, доцент, профессор Ингушского государственного университета

Ю.В. Николаева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ

Г.Б. Прончев - кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра химической физики им. Н.Н. Семенова Российской академии наук, действительный член Российской академии естественных наук, Россия, г. Москва

В.Е. Усанов - доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова

Е.Н. Щербак - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного гуманитарного университета

Н.Д. Эриашвили - доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники

Э.Г. Юзиханова - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России

EDITORIAL BOARD

S.A. Ivanova - Chairman, Editor-in-Chief, Doctor of Law, Professor,
Deputy First Vice-Rector for Academic and Methodological Work,
Professor of the Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, expert of the Russian Academy of Sciences.

M.S. Shaikhullin - First Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Rights Problems

Scientific specialty: 5.1.3. Private law (civil) sciences

E.G. Bagreeva - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation"

A.I. Glushkov - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Law, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University

L.Yu. Grudtsyna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Academy of Intellectual Property," Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)," Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

I.V. Doinikov - Doctor of Law, Professor, Moscow City University of Management, Moscow Government

A.A. Dorskaya - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen

R.A. Kalamkaryan - Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of the International Legal Research Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of International Law of the Peoples' Friendship University of Russia

A.N. Levushkin - Doctor of Law, Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice

T.A. Soshnikova - Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Procedure and Social Branches of Law, Moscow University of the Humanities

D.P. Strigunova - Doctor of Law, Associate Professor, Department of International and Integration Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

G.G. Shinkaretskaya - Doctor of Law, Chief Researcher of the International Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Member of the Council on International Law under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Scientific specialty: 5.1.4. Criminal Law Sciences

M.D. Davitadze - Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics the International Law Faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo Branch, Head of the Department of Criminal Law and Process of the Open Humanitarian and Economic University

M.M. Dikazhev - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Ingush State University

Yu.V. Nikolaeva - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation

G.B. Pronchev - Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Senior Researcher, Federal Research Center of Chemical Physics named after N.N. Semenov of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Russia, Moscow

V.E. Usanov - Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University Economics named after G.V. Plekhanov

E.N. Shcherbak - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor, Department of Financial Law, Russian State University for the Humanities

N.D. Eriashvili - Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology

E.G. Yuzikhanova - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Preliminary Investigation, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Содержание:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Крохина Ю.А. * Принцип целевого использования бюджетных средств как фактор укрепления доверия к институтам власти 17
Вышегуров З.Б. * СВО в «Театре юридических действий» 21
Тищенко Ю.Ю. * Система и принципы международного сотрудничества в борьбе с терроризмом 26
Марина А.А. * К вопросу о правовом регулировании применения беспилотных летательных аппаратов в зарубежных странах 33
Кулова С.З., Черная С.Н., Рассказов В.Л. * Основные виды конституций зарубежных стран 38

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВОЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Ковалев О.Г. * Особенности реализации права осужденных к лишению свободы на просмотр кинофильмов и телепередач, прослушивание радиопередач 43
Злобин М.Н., Кривицкий Д.Е. * Взаимодействие правоохранительных органов с населением в обеспечении общественного порядка при массовых мероприятиях 49

ПРАВО И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Рублев А.Г. * Особенности принципов законотворчества в части принятия норм уголовного права 54
Степанчиков А.М. * Проблемы правоприменительной практики по делам об экстремистских преступлениях в Российской Федерации 61
Шикула И.Р., Макарова В.И. * Неоднозначность использования понятий «обременение» и «ограничение» в законодательстве: проблемы и пути их решения 67

ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Бермес Е.А. * Принцип добросовестности как проявление частноправового характера контрактной системы 72
Бермес Е.А. * Соотношение публично-правовых и частноправовых начал в правовом режиме контрактной системы Российской Федерации 77
Полякова Я.Н. * Тенденции стабильности и обновления российского права: баланс между традициями и инновациями 82
Косарева В.В., Малый М.В., Стеценко В.Ю. * Досудебный механизм урегулирования споров как способ защиты гражданских прав 85

ДОГОВОРНОЕ ПРАВО

Коротаева Ю.А. * Проблема имплементации принципа добросовестности в российское договорное право 93

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

Абдульмянова Т.В., Кечайкина Е.М. * Понятие и формы проявления коррупции в сфере государственных финансов 97

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО

Хлыстова А.В. * Староста академической группы университета: релевантные личностные и лидерские качества 107

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Латтеган К.О. * Взаимосвязь креативной экономики и защиты интеллектуальной собственности: анализ практики США 114
Демидов А.Н. * Объективная форма выражения произведения: критерий охраноспособности и особенности применения в цифровой среде 119

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Чешин А.В. * Совместное банкротство супругов: процессуальные и материально-правовые проблемы . . 125

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Пахарева Д.А., Минасян Г.М. * Вопросы ареста и запрета совершения определенных действий в арбитражном процессе 131
Бондарев А.С., Нагорный А.П., Чупров А.С. * Электронные доказательства в уголовном процессе на современном этапе 136

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И АДВОКАТУРА

Трубкина О.В. * Тактические и психологические особенности истребования информации у несовершеннолетних, находящихся в состоянии фрустрации 142

Астахов И.П., Довгань Е.А., Родителева Я.Н. * Уголовно-правовые аспекты профессиональной коммуникации сотрудников патрульно-постовой службы полиции с гражданами в условиях цифровой трансформации и конфликтной среды 146
Москаленко С.А., Дудаев А.Б. * Роль оперативно-розыскных мероприятий в борьбе с наркопреступлениями 152
Омелин В.Н. * Законодательные ограничения проведения оперативно-розыскных мероприятий 156
Вагайцев В.М., Марьина Н.Н., Манахов А.В. * Эффективность службы участковых уполномоченных полиции в условиях цифровизации правоохранительной деятельности: вызовы 2026 года 161
Исаева Е.Д., Османов М.М. * К вопросу о совершенствование профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации по противодействию киберпреступлениям 165
Омелин В.Н. * Организационно-правовые аспекты проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении подозреваемых и обвиняемых в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы . . . 169
Шумакова Е.В. * Особенности лицензионно-разрешительной деятельности Росгвардии в области оборота гражданского оружия на территории Северо-Кавказского федерального округа 173

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Собянин А.А. * Природоохранные иски прокурора 177

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Дмитриев Г.Г. * Содержание понятия агрессии, психологические характеристики видов и форм агрессивности 188
Тальвик Е.В. * Информационная безопасность как ценность организационной культуры 194

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Кунц Е.В. * Подходы к изучению рецидивной преступности 202
Быстрова Ю.В. * Пенитенциарное преступление: уголовно-правовые, криминологические и криминалистические подходы 206
Степанчиков А.М. * Понятие экстремизма и общие положения правового регулирования противодействия экстремизму 210
Астахова Е.А. * Перспективы развития криминалистического учения о выявлении преступлений 216
Кашкина Е.В. * Гуманизация реализации исправительных работ как уголовного наказания 220
Дмитриев Г.Г. * О содержании термина «раскрытие преступлений» в деятельности органов внутренних дел 226
Шарнин А.А. * Понятие общественной опасности в теории уголовного права 231
Ковалев О.Г. * Злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы как элемент правового института применения мер взыскания 238
Бажанов С.А. * Экспертная оценка уголовно-правового регулирования: соотношение юридической и правовой экспертиз 244
Абдулханнянова Я.М. * Оценочные понятия «общественный и государственный деятель» в истории советского уголовного права 248
Бажанов С.А. * Системы классификаций признаков международной организованной преступности 253

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Шайхуллин М.С. * Уголовно-правовые аспекты противодействия распространению алкогольной продукции в среде несовершеннолетних 256
Чурсин Р.С. * Оффлайн-склонение к совершению самоубийства: уголовно-правовые и криминологические аспекты 262
Боровкова И.С., Исаичева М.М., Белов В.А. * Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд 266
Ковалев О.Г. * Правовые и психологические вопросы привлечения подозреваемых и обвиняемых к труду 270
Кулбужева З.И. * Мошенничество: правовые аспекты и современные тенденции уголовного преследования 275
Гаврилов С.Т. * Реконструкция состава хулиганства и уточнение правил квалификации: необходимость обращения к советскому опыту 280
Бажанов С.А. * Ресоциализация осужденных в пенитенциарных условиях через трудовую занятость и профессиональную подготовку 284
Иваньшина А.Э., Тимошкина В.А., Балак П.А. * Конкретизация уголовно-процессуальных принципов права как способ совершенствования законодательства 292
Искандаров Р.Р. * Адаптивная паранойя в условиях лишения свободы: бредовая настроенность или эволюционное преимущество? 298
Бурняшева В.В. * Использование цифровых следов в качестве криминалистически значимой информации при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и психотропных веществ посредством информационно-коммуникационных технологий 303

Гаврилова Т.В., Списивцев С.А. * Уголовно-правовые аспекты предупреждения и пресечения экстремизма и терроризма 306
Дворжицкая М.А. * Отличие укрывательства преступления от несообщения о нем: вопросы теории и правоприменения 311
Тюхтин Д.А. * Классификация криминалистически значимой информации в сфере инновационных технологий 316
Чурсин Р.С. * Проблемы выявления и расследования склонения к совершению самоубийства в условиях цифровизации: пути преодоления кризиса латентности 321
Камышанова С.С. * Общественная опасность преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства: криминологический аспект 325
Караваев Е.С., Ченчиковский А.Д., Юзьвак С.А. * Профессиональная коммуникация и разрешение конфликтов в уголовно-правовой деятельности 331

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Искандаров Р.Р. * Синдром «остановленного времени»: психопатология будущего у пожизненно осужденных 336
Кузнецов А.Г. * Проблемные аспекты квалификации преступления по статье 177 УК РФ (по материалам практики судов кассационной инстанции) 341
Ковалев О.Г. * Принципы содержания под стражей как постулаты функционирования следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития 345
Макарова В.В. * Отдельные вопросы, возникающие перед сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций на стадии исполнения приговора 352
Ковалев О.Г. * К вопросу соблюдения прав осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительных колониях общего режима 355
Искандаров Р.Р. * Метафоры заточения: нарративная практика в работе с осужденными как инструмент реконструкции идентичности 361
Радченко Е.П., Бажанов С.А. * Налоговая реформа и производственный сектор учреждений уголовно-исполнительной системы: ожидаемые эффекты, риски и правовые механизмы адаптации 366

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Федоренко Я.А. * Система миграционно-правовых режимов: сущность, основные признаки и типологии 374
Панов И.И. * Несовершенства и перспективы правового регулирования договора ОСАГО 378
Твердова Т.В. * О проблемах защиты прав и законных интересов лиц при затруднении возврата ими микрозаймов 385
Горбунова К.А. * Сравнительно-правовое исследование теории и практики применения конфискации имущества в интересах обеспечения синхронизации уголовной политики союзного государства 389

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Вагайцев В.М., Гаврилова Т.В. * Роль патрульно-постовой службы в обеспечении общественной безопасности: административно-правовой аспект 397
Мерказова В.А., Турчин В.С., Яблонский К.А. * Правовые коллизии при применении КОАП РФ в деятельности патрульно-постовой службы полиции 401
Майстренко Г.А. * Уголовно-правовая ответственность за правонарушения при хулиганских действиях . . 407
Примакова С.В., Россошик С.Л. * Профилактика правонарушений в общественных местах: административно-правовые формы и методы работы патрульно-постовой службы полиции 411
Чуканова Е.С., Волошина О.П. * Организационно-практические аспекты поддержания общественного порядка и безопасности граждан органами внутренних дел Российской Федерации при проведении публичных мероприятий 416
Марьина Н.Н., Манахов А.В., Россошик С.Л. * Роль патрульно-постовой службы полиции в противодействии уличной преступности 419
Мельникова А.С., Петрова Е.А. * Проблемы реализации принципов законности и правовой определённости в административных правоотношениях 425
Османов М.М., Парьев А.Г. * Алгоритмы действий сотрудников дорожно-патрульной службы полиции при обеспечении личной безопасности во время досмотра автотранспорта и проверке документов 429
Леминов М.В., Семагин А.В., Ивашин В.Н., Терехин А.В., Столяров А.В. * Правовое обеспечение подготовки операторов БВС в системе МВД России: вызовы технологической эпохи 434

ДИСКУССИЯ

Железная В.Г. * Личностно-социальные аспекты развития карьеры 440
Бермес Е.А. * К вопросу об ответственности в рамках контрактной системы 447
Качурова Е.С., Репина В.В. * Особо охраняемые природные территории как каркас экологической устойчивости региона (на примере Иркутской области) 453
Кудрявцев А.В., Бондаренко Ю.В. * Отдельные современные аспекты противодействия преступлениям террористической направленности 457

Проничева Е.В. * Влияние санкций на рынок синдицированного кредитования Российской Федерации . . . 461
Искандаров Р.Р. * Наказание как кара и наказание как исцеление: философский дуализм пенитенциарной системы . . . 466
Зорина Н.С. * К вопросу о педагогической запущенности несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях . . . 470
Бажанов С.А., Бодяков В.Н. * Особенности стресса у сотрудников УИС в трудах пенитенциарных психологов . . . 473
Кривошея Д.Г., Кузнецов А.В., Лазарев А.В. * Правовые аспекты применения мер обеспечения производства по административным делам патрульно-постовой службой полиции . . . 477
Асланов М.А., Павленко Н.О. * К вопросу о правовых основаниях применения физической силы нарядами патрульно-постовой службы полиции при пресечении нарушений установленного порядка проведения массовых мероприятий . . . 483
Лукашенко Д.В., Бодяков В.Н. * Понятие и проблематика стресса в отечественной и зарубежной литературе . . . 487

МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО

Шикула И.Р., Поляков Д.С. * Последствия реорганизации юридических лиц на примере реорганизации в форме присоединения учреждений здравоохранения города Москвы, в контексте возникновения проблем правового статуса некоторых объектов имущества и юридических лиц, а также в части возникновения задолженностей за предоставление коммунальных и эксплуатационных услуг . . . 492
Попова М.Д. * Актуальные вопросы правового регулирования внедрения медицинских изделий с искусственным интеллектом в Российской Федерации . . . 498

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Татаринов А.А. * Трудоправовое обеспечение процесса адаптации персонала . . . 503
Лукашенко Д.В. * Основные элементы организации оплаты труда работников бюджетной сферы . . . 508
Шатверян Н.Г., Пшеничная М.А. * Правовые аспекты сохранения занятости и поддержки работников в условиях экономических кризисов . . . 516
Тищенко Ю.Ю. * Особенности и специфика социально-экономических и социально-трудовых отношений уголовно-исполнительной системы . . . 520

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ

Аминов И.Р., Голубев И.В. * Криминологический анализ мошенничества с использованием электронных средств платежа . . . 524
Шарлова М.Н. * Социальная безопасность в киберпространстве: механизмы распознавания ложной информации и меры защиты в информационных системах . . . 528

ЦИФРОВОЕ ПРАВО

Проценко В.М. * Правовое регулирование цифрового рубля: новые вызовы для банковского законодательства . . . 534
Тюхтин Д.А. * К вопросу о понятии криминалистически значимой информации в сфере инновационных технологий . . . 546
Степаненко А.А. * Цифровая платформа в системе объектов гражданских прав: проблемы квалификации и перспективы регулирования . . . 555
Малов Н.М. * Статус и перспективы веб-конференции в современном правоприменении . . . 559
Пивнева Л.В. * Виртуальная виктимность: методики повышения цифровой грамотности населения как инструмент предупреждения хищений . . . 563

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

Кашкина Е.В. * Взяточничество в советском государстве . . . 567
Максимов В.А., Пиддубривная А.Ю. * Правовая природа соглашения о непредставлении иска (pactum de non petendo) в римском праве . . . 573
Полякова Я.Н. * История становления и развития институтов амнистии и помилования в законодательстве Российской Федерации . . . 578
Иванова Н.Н., Манойлова М.А., Виноградова Н.А. * Кризис тюремной системы Ирландии: причины, последствия и способы его преодоления (очерк зарубежного опыта) . . . 585
Ахмадуллин А.С. * История формирования и развития в уголовно-процессуальном законодательстве России XX и XXI веков принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела . . . 592

Contents:

POLICY AND LAW

Krokhina Yu.A. * The principle of targeted use of budgetary funds as a factor in strengthening trust in government institutions . . . 17
Vyshegurov Z.B. * Special Military Operation in the «Theater of legal actions» . . . 21
Tishchenko Yu.Yu. * The system and principles of international cooperation in the fight against terrorism . . . 26
Marina A.A. * On the legal regulation of the use of unmanned aerial vehicles in foreign countries . . . 33
Kulova S.Z., Chernaya S.N., Rasskazov V.L. * Main types of foreign countries' constitutions . . . 38

HUMAN RIGHTS AND HUMAN RIGHTS ACTIVITIES

Kovalev O.G. * Features of the realization of the right of persons sentenced to imprisonment to watch movies and tv shows, to listen to radio broadcasts . . . 43
Zlobin M.N., Krivitsky D.E. * Interaction between law enforcement agencies and the population in ensuring public order during mass events . . . 49

LAW AND ENFORCEMENT

Rublev A.G. * Features of the principles of lawmaking regarding the adoption of criminal law norms . . . 54
Stepanchikov A.M. * Problems of law enforcement practice in cases of extremist crimes in the Russian Federation . . . 61
Shikula I.R., Makarova V.I. * Ambiguity in the use of the concepts «encumbrance» and «restriction» in legislation: problems and solutions . . . 67

CIVIL LAW THEORY

Bermes E.A. * The principle of good faith as a manifestation of the private law nature of the contract system . . . 72
Bermes E.A. * The ratio of public and private law in the legal regime of the contract system of the Russian Federation . . . 77
Polyakova Ya.N. * Trends in the stability and renewal of russian law: the balance between tradition and innovation . . . 82
Kosareva V.V., Malyi M.V., Stetsenko V.Yu. * Pre-trial dispute settlement mechanism as an element of the system of protection of civil rights . . . 85

CONTRACT LAW

Korotaeva Yu.A. * The problem of implementing the principle of good faith in russian contract law . . . 93

ECONOMICS AND LAW

Abdulmyanova T.V., Kechaikina E.M. * The concept and forms of corruption in the field of public finance . . . 97

EDUCATION AND LAW

Khlystova A.V. * University academic group leader: relevant personality and leadership qualities . . . 107

INTELLECTUAL PROPERTY LAW

Lattegan K.O. * The relationship between the creative economy and intellectual property protection: an analysis of US practice . . . 114
Demidov A.N. * The objective form of expression of a work: a criterion of copyrightability and features of its application in the digital environment . . . 119

FAMILY LAW

Cheshin A.V. * Joint bankruptcy of spouses: procedural and substantive issues . . . 125

JUDICIAL POWER AND PROCEEDINGS

Pakhareva D.A., Minasyan G.M. * Issues of arrest and prohibition of certain actions in the arbitration process . . . 131
Bondarev A.S., Nagorny A.P., Chuprov A.S. * Electronic evidence in criminal proceedings at the present stage . . . 136

LAW ENFORCEMENT AND ADVOCACY

Trubkina O.V. * Tactical and psychological features of information extraction from minors in a state of frustration . . . 142
Astakhov I.P., Dovgan E.A., Roditeleva Ya.N. * Criminal-legal aspects of professional communication of police patrol and post service officers with citizens in the context of digital transformation and conflict environment . . 146
Moskalenko S.A., Dudaev A.B. * The role of operational investigative measures in the fight against drug crimes . . . 152
Omelin V.N. * Legislative restrictions on operational and search activities . . . 156
Vagaytsev V.M., Marina N.N., Manakhov A.V. * The effectiveness of the service of district police officers in the context of digitalization of law enforcement activities: challenges of 2026 . . . 161

Isaeva E.D., Osmanov M.M. * On the issue of improving the professional training of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation in countering cybercrime 165
Omelin V.N. * Organizational and legal aspects of operational and search activities against suspects and accused persons in investigative isolators of the criminal-executive system 169
Shumakova E.V. * Features of license and permitting activities of the Russian Guard in the field of civil weapons traffic in the North Caucasus federal district 173

PROSECUTORIAL SUPERVISION

Sobyanin A.A. * Environmental protection claims of the prosecutor 177

CONTROL THEORY

Dmitriev G.G. * The content of the concept of aggression, psychological characteristics of types and forms of aggression 188
Talvik E.V. * Information security as a value of organizational culture 194

CRIMINAL LAW THEORY

Kunts E.V. * Approaches to the study of recipient crime 202
Bystrova Yu.V. * Penitentiary crime: criminal law, criminological and forensic approaches 206
Stepanchikov A.M. * Concept of extremism and general provisions of legal regulation of countering extremism 210
Astakhova E.A. * Prospects for the development of criminalistic teaching on crime detection 216
Kashkina E.V. * Humanism of the penal system on the example of correctional labor as the main type of criminal punishment 220
Dmitriev G.G. * On the content of the term “crime detection” in the activities of internal affairs bodies 226
Sharnin A.A. * The concept of public danger in criminal law theory 231
Kovalev O.G. * Malicious violation of the established procedure for serving sentences by persons sentenced to imprisonment as an element of the legal institution of the application of penalties 238
Bazhanov S.A. * Correlation between legal and juridical expertise 244
Abdulkhannyanova Ya.M. * Evaluative concepts of “public and statesman” in the history of soviet criminal law 248
Bazhanov S.A. * Classification systems for signs of international organized crime 253

CRIME AND PUNISHMENT

Shaikhullin M.S. * Criminal law aspects of countering the spread of alcoholic beverages among minors 256
Chursin R.S. * Offline inclination to commit suicide: criminal law and criminological aspects 262
Borovkova I.S., Isaicheva M.M., Belov V.A. * Criminal law and criminological characteristics of crimes in the field of procurement for state and municipal needs 266
Kovalev O.G. * Legal and psychological issues of bringing suspects and accused to work 270
Kulbuzheva Z.I. * Fraud: legal aspects and modern trends in criminal prosecution 275
Gavrilov S.T. * Reconstruction of the hooliganism and explanation of the qualification rules: the need to refer to soviet experience 280
Bazhanov S.A. * Resocialization of convicted persons in penitentiary settings through work engagement and vocational training 284
Ivanshina A.E., Timoshkina V.A., Balak P.A. * Specification of criminal procedural principles of law as a way to improve legislation 292
Iskandarov R.R. * Adaptive paranoia in prison: delusional type or evolutionary advantage? 298
Burnyasheva V.V. * The use of digital footprints as criminalistically significant information in the investigation of crimes related to illicit trafficking in drugs and psychotropic substances through information and communication technologies 303
Gavrilova T.V., Spisivtsev S.A. * Criminal law aspects of prevention and suppression of extremism and terrorism 306
Dvorzhitskaya M.A. * The difference between concealing a crime and not reporting it: issues of theory and law enforcement 311
Tyukhtin D.A. * Classification of criminally significant information in the field of innovative technologies 316
Chursin R.S. * Problems of detecting and investigating inclination to commit suicide in the context of digitalization: ways to overcome the latency crisis 321
Kamyshanova S.S. * Public danger of economic crimes in the sphere of housing and communal services: criminological aspect 325
Karavaev E.S., Chenchikovsky A.D., Yuzvak S.A. * Professional communication and conflict resolution in criminal law 331

CRIMINAL PROCEDURE

Iskandarov R.R. * Syndrome of «stopped time»: the psychopathology of the future in lifers 336
Kuznetsov A.G. * Problematic aspects of qualifying a crime under article 177 of the criminal code of the Russian Federation (based on the practice of cassation courts) 341

Kovalev O.G. * Principles of detention as postulates of respect for the rights and legitimate interests of suspects and those accused of committing crimes 345
Makarova V.V. * Some issues faced by employees of penal inspections at the stage of verdict execution 352
Kovalev O.G. * On the issue of observing the rights of convicts serving their sentences in correctional colonies of general regime 355
Iskandarov R.R. * Metaphors of imprisonment: narrative practice in working with convicts as a tool for identity reconstruction 361
Radchenko E.P., Bazhanov S.A. * Tax reform and the production sector of penal institutions in Russia: expected effects, risks, and legal adaptation mechanisms 366

CIVIL LAW ISSUES

Fedorenko Ya.A. * System of migration and legal regimes: essence, main features and typologies 374
Panov I.I. * Imperfections and prospects of legal regulation of the compulsory third party insurance (CTP insurance) contract 378
Tverdova T.V. * On the problems of protecting the rights and legitimate interests of persons when they find it difficult to return microloans 385
Gorbunova K.A. * Comparative legal study of the theory and practice of property confiscation in the interests of ensuring the synchronization of the criminal policy of the union state 389

ADMINISTRATIVE LAW

Vagaytsev V.M., Gavrilova T.V. * The role of the patrol and guard service in ensuring public safety: administrative and legal aspect 397
Merkazova V.A., Turchin V.S., Yablonsky K.A. * Legal conflicts in the application of the code of administrative offenses of the Russian Federation in the activities of the police patrol and post service 401
Maistrenko G.A. * Criminal liability for offenses in hooligan actions 407
Primakova S.V., Rossoshik S.L. * Crime prevention in public places: administrative and legal forms and methods of work of the patrol and post police service 411
Chukanova E.S., Voloshina O.P. * Organizational and practical aspects of maintaining public order and safety of citizens by the internal affairs bodies of the Russian Federation during public events 416
Marina N.N., Manakhov A.V., Rossoshik S.L. * The role of the police patrol service in combating street crime 419
Melnikova A.S., Petrova E.A. * Problems of implementing the principles of legality and legal certainty in administrative legal relations 425
Osmanov M.M., Paryev A.G. * Algorithms of actions of employees of the highway patrol police service in ensuring personal safety during vehicle inspection and document verification 429
Leminov M.V., Semagin A.V., Ivashin V.N., Terekhin A.V., Stoliyarov A.V. * Legal support for training aircraft operators in the Russian Ministry of Internal Affairs: challenges of the technological era 434
DISCUSSION
Zheleznaya V.G. * Personal and social aspects of career development 440
Bermes E.A. * On responsibility under the contract system 447
Kachurova E.S., Repina V.V. * Specially protected natural areas as a framework for the region's environmental sustainability (based on the Irkutsk region) 453
Kudryavtsev A.V., Bondarenko Yu.V. * Some modern aspects of countering terrorist crimes 457
Pronicheva E.V. *The impact of sanctions on the syndicated lending market of the Russian Federation 461
Iskandarov R.R. * Punishment as punishment and punishment as healing: the philosophical dualism of the penal system 466
Zorina N.S. * On the issue of pedagogical neglect of juvenile convicts in educational colonies 470
Bazhanov S.A., Bodyakov V.N. * Features of stress in the works of penitentiary psychologists 473
Krivosheya D.G., Kuznetsov A.V., Lazarev A.V. * Legal aspects of the application of measures to security proceedings in administrative cases by the police patrol and post service 477
Aslanov M.A., Pavlenko N.O. * On the legal grounds for the use of physical force by patrol police units to prevent violations of established procedures for holding mass events 483
Lukashenko D.V., Bodyakov V.N. * The concept and problems of stress in russian and foreign literature 487

MEDICAL LAW

Shikula I.R., Polyakov D.S. * The consequences of the reorganization of legal entities, using the example of reorganization in the form of the merger of healthcare institutions in the city of Moscow, in the context of the emergence of problems with the legal status of certain property and legal entities, as well as in terms of the emergence of debts for the provision of utilities and operational services 492
Popova M.D. * Current issues of legal regulation of the introduction of medical devices with artificial intelligence in the Russian Federation 498

EMPLOYMENT LAW

Tatarinov A.A. * Labor law support of the personnel adaptation process 503
Lukashenko D.V. * The main elements of the organization of remuneration for public sector employees 508

Shatveryan N.G., Pshenichnaya M.A. * Legal aspects of preserving employment and supporting workers in conditions of economic crises 516
Tishchenko Yu.Yu. * Features and specifics of socio-economic and socio-labor relations of the penal system . . . 520

CYBERCRIME

Aminov I.R., Golubev I.V. * Criminological analysis of e-commerce scamming 524
Sharlova M.N. * Social security in cyberspace: mechanisms for detecting false information and protection measures in information systems 528

DIGITAL LAW

Protsenko V.M. * Legal regulation of the digital ruble: new challenges for banking legislation 534
Tyukhtin D.A. * On the concept of criminally significant information in the field of innovative technologies 546
Stepanenko A.A. * Digital platform in the system of civil rights objects: problems of qualification and prospects for regulation 555
Malov N.M. * Status and prospects of the web conference in modern law enforcement 559
Pivneva L.V. * Virtual victimity: methods for increasing digital literacy of the population as a tool for preventing theft 563

HISTORICAL ARCHIVE

Kashkina E.V. * Bribery in the soviet state 567
Maksimov V.A., Piddubrivnaya A.Y. * The legal nature of the agreement not to bring an action (pactum de non petendo) in roman law 573
Polyakova Ya.N. * The history of the formation and development of amnesty and pardon institutions in the legislation of the Russian Federation 578
Ivanova N.N., Manoilova M.A., Vinogradova N.A. * The crisis of the Ireland penitentiary system: causes, consequences and ways to overcome it (study of foreign experience) 585
Akhmadullin A.S. * The history of the formation and development of the principle of all-side, complete, and objective investigation of the facts in the criminal procedure laws of Russia in the 20th and 21st centuries 592

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-17-20

КРОХИНА Юлия Александровна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры юриспруденции
Московского государственного университета управления
Правительства Москвы им. Ю.М. Лужкова,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРИНЦИП ЦЕЛЕВОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ ДОВЕРИЯ К ИНСТИТУТАМ ВЛАСТИ

Аннотация. *Государство несет на себе ряд публично-правовых обязанностей перед населением, исполнение которых является необходимым условием его устойчивого функционирования. Лишь при условии добросовестного исполнения государством всех возложенных на него обязательств можно говорить о полноценной реализации его функций как правового и социального института.*

В ситуации, когда бюджетные ресурсы расходуются не по назначению, эффективность государства как политико-правового механизма стремительно снижается: оно теряет возможность исполнения своих обязательств, что влечет за собой системный кризис. Возникают риски коррупции, ослабляется доверие населения к государственным институтам, увеличивается правовой нигилизм, что в совокупности может привести к подрыву легитимности всей государственной системы.

Для поддержания стабильности и дееспособности государства необходим действенный механизм контроля за формированием, распределением и использованием бюджетных ресурсов. Важнейшим элементом бюджетного контроля является нормативно установленный принцип целевого расходования бюджетных средств. Эффективная система бюджетного надзора, обеспечивающая соблюдение правовых норм всеми участниками бюджетного процесса, выступает важнейшим элементом политической устойчивости как для общества, так и для государства.

Ключевые слова: *бюджетная система, бюджетный контроль, функции государства, целевое расходование, бюджетные средства, бюджетные расходы, денежные обязательства, бюджетное учреждение.*

KROKHINA Yulia Aleksandrovna,
Doctor of Law, Professor, Professor,
Department of Law, Luzhkov Moscow State
University of Management

THE PRINCIPLE OF TARGETED USE OF BUDGETARY FUNDS AS A FACTOR IN STRENGTHENING TRUST IN GOVERNMENT INSTITUTIONS

Annotation. *The state bears a number of public-law obligations to the population, the fulfillment of which is a prerequisite for its sustainable functioning. Only when the state conscientiously fulfills all its obligations can it fully realize its functions as a legal and social institution.*

When budgetary resources are misused, the effectiveness of the state as a political and legal mechanism rapidly declines: it loses the ability to fulfill its obligations, which leads to a systemic crisis. Risks of corruption arise, public trust in government institutions weakens, and legal nihilism increases, which together can lead to the undermining of the legitimacy of the entire state system.

To maintain the stability and effectiveness of the state, an effective mechanism for monitoring the

formation, distribution, and use of budgetary resources is necessary. A crucial element of budgetary control is the legally established principle of targeted budgetary expenditure. An effective budgetary oversight system, which ensures compliance with legal norms by all participants in the budgetary process, is a crucial element of political stability for both society and the state.

Key words: *budgetary system, budgetary control, government functions, targeted expenditure, budgetary funds, budget expenditures, monetary obligations, budgetary institution.*

Финансовый суверенитет государства реализуется через его бюджетную систему, что придаёт особое значение вопросам нормативного урегулирования бюджетной системы и контролю за соблюдением бюджетного законодательства всеми субъектами соответствующих правоотношений. Поддержание высокого уровня правового регулирования в сфере бюджетного процесса является одной из приоритетных задач для любого государства, заинтересованного в сохранении своей политической самостоятельности.

В процессе использования средств бюджетов различных уровней государство естественным образом заинтересовано в их адресном и целевом применении, то есть в расходовании финансов строго в соответствии с задачами, на которые они были выделены. Эффективное и целенаправленное расходование бюджетных ресурсов является основой для формирования действенной системы государственного управления, в рамках которой возможна реализация функций публичной власти в социальной, экономической и иных сферах.

Для того чтобы обеспечить надлежащее исполнение своих обязательств, государство формирует централизованные финансовые фонды, служащие источником ресурсов для достижения поставленных целей [2]. Эти цели могут включать, например, обеспечение национальной обороны, функционирование систем здравоохранения и образования, исполнение социальных гарантий, поддержание внутренней и внешней безопасности, управление государственным долгом и реализацию внешнеполитического курса.

Бюджетная система выступает в роли главного инструмента реализации финансового суверенитета. Отсюда следует, что надлежащее законодательное регулирование бюджетных процессов и надзор за соблюдением норм бюджетного права становятся стратегической задачей, напрямую связанной с обеспечением независимости государственной политики [5].

Если же распределение средств из бюджета не будет соотноситься с первоначальными целями их выделения, государственные механизмы потеряют работоспособность, а обязательства перед населением не будут исполняться. Подобный провал чреват наращиванием уровня коррупции, снижением доверия к институтам власти и распространением правового нигилизма в обществе.

Поэтому полноценное существование государства требует наличия стройной и устойчивой системы контроля за всеми стадиями бюджетного процесса — от формирования до расходования. Надежный механизм государственного контроля над движением бюджетных средств, обеспечивающий соблюдение действующих норм бюджетного законодательства, способствует укреплению как государственной дисциплины, так и общественного доверия.

Закрепление данных постулатов в нормативных правовых актах, в частности в статье 38 Бюджетного кодекса РФ, представляет собой значимый элемент бюджетного регулирования: «Принцип адресности и целевого характера бюджетных средств означает, что бюджетные ассигнования и лимиты бюджетных обязательств доводятся до конкретных получателей бюджетных средств с указанием цели их использования».

Названный принцип имеет основополагающее значение для работы государства: он влияет на качество выполнения публичных обязательств и обеспечивает эффективность бюджетных расходов. Без данного принципа невозможно построить стройную систему финансирования государственного аппарата.

Основное назначение этого принципа — регламентация деятельности учреждений, созданных государством для реализации его задач, поскольку именно они получают средства из бюджета на осуществление определенных функций. Так, например, бюджетное учреждение получает финансирование в форме субсидий, предназначенных для выполнения государственного (муниципального) задания, которое носит обязательный характер.

Использование бюджетных средств подчинено требованиям бюджетного законодательства, обязывающим учреждения строго соблюдать целевое назначение выделенных ресурсов. Это связано с правовой природой таких учреждений — их деятельность должна осуществляться в соответствии с заранее установленными целями. Казенные учреждения, в частности, обязаны соблюдать утвержденную смету доходов и расходов, где определяется не только общий объем финансирования, но и его целевая направ-

ленность. Эти показатели индивидуализируются в зависимости от профиля учреждения и характера его задач, способствуя достижению наибольшей эффективности государственной политики.

Бюджетные учреждения не вправе отказаться от выполнения государственного задания, финансируемого за счет субсидий. Это позволяет государству воздействовать на наиболее значимые сферы, исходя из текущих приоритетов, и направлять ресурсы на решение ключевых задач общественного развития.

Учреждения, получающие бюджетное финансирование, обязаны вести раздельный учет операций, осуществляемых за счет средств бюджета и доходов от внебюджетной деятельности. Это предполагает строгое разграничение источников финансирования и ведение отдельных смет по каждому из них. Такая практика является выражением действия принципа адресности финансирования, установленного статьей 38 Бюджетного кодекса Российской Федерации.

Не только государственные учреждения, но и иные юридические лица могут получать субсидии из бюджета — в порядке, предусмотренном статьей 78 Бюджетного кодекса РФ.

Финансируемая из бюджета организация должна использовать полученные средства в пределах, установленных сметами расходов, при этом соблюдая коды экономической классификации, которые определяют допустимые направления расходования бюджетных ресурсов. Таким образом обеспечивается контроль над использованием средств не только по объему, но и по цели, ради которой они предоставлены.

Принцип адресности и целевого характера расходования бюджетных средств играет ключевую роль в обеспечении прозрачности финансовой деятельности государства. Публичное предназначение бюджетных ресурсов предполагает их использование исключительно для достижения задач, поставленных перед государством, в первую очередь в социальной сфере. Как отмечается в правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, обеспечение целевого характера использования средств бюджета должно гарантироваться посредством установления жестких и императивных правил обслуживания бюджетных счетов. Эти правила направлены на обеспечение открытости и сохранности средств, эффективности исполнения полномочий субъектами Российской Федерации и органами местного самоуправления, при этом финансовая деятельность государства не может быть ориентирована на извлечение прибыли, так как закон предусматривает иные формы участия публично-правовых образований в предпринимательской деятельности [7].

Конституционный Суд РФ подчеркивает, что цель использования бюджетных средств — реализация государством своих функций, а не получение экономической выгоды. Это подчеркивает системообразующую роль принципа целевого расходования для обеспечения не только устойчивости бюджетной системы, но и самого существования государства как суверенного и эффективного субъекта публичной власти. Государство, утратившее способность реализовывать публичные задачи и влияющее на общественные процессы лишь формально, фактически теряет признаки полноценности и становится неэффективным.

Отсюда следует, что нарушение принципа адресности и целевого характера расходования бюджетных средств влечет за собой меры бюджетной ответственности, а также может повлечь применение административных и уголовных санкций.

Финансовое право Российской Федерации содержит инструменты, обеспечивающие реализацию названного принципа. В их числе — казначейская система исполнения бюджета, предварительный и текущий внутренний финансовый контроль, санкционирование операций, контроль со стороны главных распорядителей средств, которые доводят лимиты до получателей бюджетного финансирования [1].

Особенное значение принцип адресности и целевого характера расходования приобретает в условиях применения программно-целевого метода бюджетного планирования [3]. Такой подход позволяет государству соотносить бюджетные ассигнования с задачами конкретных программ, определяющих приоритеты текущей политики. Это упрощает как сам процесс планирования, так и контроль за расходами, обеспечивая гибкость и результативность финансовой деятельности государства.

Благодаря программно-целевому подходу достигается рациональное распределение ресурсов по уровням управления — от федерального до муниципального. Государственные программы разрабатываются с учетом приоритетов социально-экономического развития регионов и всей страны. В законодательстве установлено, что региональные программы формируются в соответствии со стратегиями развития субъектов, с возможностью адаптации к федеральным программам, если предмет их регулирования попадает в сферу совместного ведения [8]. Это подтверждает, что государство осознает значимость принципа адресности и целевого назначения бюджетных средств как фундамента устойчивости всей финансовой системы.

Таким образом, реализация принципа целевого использования бюджетных средств способ-

ствует как эффективному функционированию финансовой системы, так и укреплению доверия к государственным институтам. Целевое использование бюджета снижает коррупционные риски, упрощает проведение аудита, обеспечивает прозрачность и, как следствие, укрепляет устойчивость общественной системы. Повышение открытости и подотчетности способствует укреплению легитимности власти и социальной стабильности, что в перспективе выражается в экономическом росте, инвестиционной привлекательности и повышении уровня доверия граждан к государству.

Список литературы:

[1] Артюхин Р. Е. Правовой режим единого счета бюджета // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 1. — С. 57–65.

[2] Васюнин Е.А. О целевых финансовых фондах // Аудиторские ведомости. 2025. № 3. С. 13—17.

[3] Иванов П.И. Особенности оперативно-розыскного предупреждения преступлений, совершаемых на объектах бюджетного финансирования // Аграрное и земельное право. 2024. № 4(232). С. 289-293.

[4] Керимов А. Х. Ответственность в сфере формирования и расходования средств резервных фондов субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 9. — С. 30–38.

[5] Клещенко Ю.Г. Возвращение уголовных дел о нецелевом расходовании бюджетных средств на дополнительное следствие // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 3. С. 88—93.

[6] Наметкин Д.В., Головко С.Н. Некоторые аспекты оперативно-розыскной характеристики уголовно-правовых деяний в сфере нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов// Аграрное и земельное право. 2024. № 12(240). С. 435-437.

[7] См.:Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2004 N 12-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 155, пунктов 2 и 3 статьи 156 и абзаца двадцать второго статьи 283 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросами Администрации Санкт-Петербурга, Законодательного Собрания Красноярского края, Красноярского краевого суда и Арбитражного суда Республики Хакасия» // «Вестник Конституционного Суда Российской Федерации», 2004г., N 4

[8] См.: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2014 г. , N 26 , ст. 3378 (Часть I)

References:

[1] Artyukhin R.E. Legal regime of the single budget account//Actual problems of Russian law. — 2025. — T. 20. — № 1. - S. 57-65.

[2] Vasyunin E.A. On target financial funds// Audit reports. 2025. № 3. S. 13-17.

[3] Ivanov P.I. Features of operational-search prevention of crimes committed at budget financing facilities//Agrarian and land law. 2024. № 4(232). S. 289-293.

[4] Kerimov A. Kh. Responsibility in the field of formation and spending of reserve funds of the constituent entities of the Russian Federation//Actual problems of Russian law. — 2025. — T. 20. — № 9. - S. 30-38.

[5] Kleshchenko Yu.G. Return of criminal cases on misuse of budget funds for additional investigation//Education. Science. Scientific cadres. 2024. № 3. S. 88-93.

[6] Nametkin D.V., Golovko S.N. Some aspects of the operational-search characteristics of criminal legal acts in the field of misuse of budgetary funds and funds of state extra-budgetary funds//Agrarian and land law. 2024. № 12(240). S. 435-437.

[7] See: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 17.06.2004 N 12-P “In the case of checking the constitutionality of paragraph 2 of Article 155, paragraphs 2 and 3 of Article 156 and paragraph twenty-second of Article 283 of the Budget Code of the Russian Federation in connection with requests from the Administration of St. Petersburg, the Legislative Assembly of the Krasnoyarsk Territory, the Krasnoyarsk Regional Court and the Arbitration Court of the Republic of Khakassia “//” Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation,” 2004, No. 4

[8] See: Federal Law of 28.06.2014 No. 172-FZ “On Strategic Planning in the Russian Federation “// Collection of Legislation of the Russian Federation of 2014, No. 26, Art. 3378 (Part I)

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-21-25

ВЫШЕГУРОВ Заурбек Баширович,
Мировой судья судебного участка № 20
Республики Ингушетия,
e-mail: mail@law-books.ru

СВО В «ТЕАТРЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ»

Аннотация. *Данная статья посвящена рассмотрению одного из аспектов приобретшей четыре года назад и сохраняющей свою актуальность темы специальной военной операции. Внимание автора сфокусировано на одном явлении, относящемся к СВО, – законодательном решении вопросов, прямо или косвенно связанных с самим феноменом. Интерес к теме вызван пониманием того, что любое явление общественно-правовой жизни неизбежно нуждается в законодательном оформлении. В то же время автором не было обнаружено серьезных исследований по данной теме, поскольку в основном встречается информация о разработке и рассмотрении, а также констатация самого факта принятия того или иного законодательного акта, очерчивающего определенный круг явлений, связанных с СВО. Целью работы является изучение современного положения специальной военной операции в «театре юридических действий» (термин, предлагаемый автором). Проводя аналогию с известным понятием военной географии и стратегии «театр военных действий», автор обращает внимание на тот факт, что при использовании данного термина чаще всего забывают о его третьем аспекте – международно-правовом поле, а потому сосредоточивается на рассмотрении именно законодательных актов. Сделан вывод о том, что столь важное явление, каковым стала специальная военная операция, неизбежно должно находить, и находит свое отражение в правовом поле, поскольку только на законодательном уровне могут быть решены многие вопросы, вызванные к жизни самим фактом осуществления СВО.*

Ключевые слова: *специальная военная операция (СВО); «театр юридических действий»; защита прав человека в условиях проведения СВО; уполномоченный по правам человека; эвакуированные лица; освобождение из плена; меры социальной поддержи; участники СВО и члены их семей.*

VYSHEGUROV Zaurbek Bashirovich,
Magistrate of Judicial District No. 20
of the Republic of Ingushetia

SPECIAL MILITARY OPERATION IN THE «THEATER OF LEGAL ACTIONS»

Annotation. *The article examines one aspect of the topic of special military operations, which gained currency four years ago and remains relevant. The author focuses on a single phenomenon related to special military operations: the legislative resolution of issues directly or indirectly related to the phenomenon itself. Interest in this topic stems from the understanding that any phenomenon in socio-legal life inevitably requires legislative formalization. However, the author was unable to locate any significant research on this topic, as most information is available on the development and consideration, as well as the mere fact of adoption, of a particular legislative act outlining a specific range of phenomena related to special military operations. The purpose of this paper is to examine the current status of special military operations in the "theater of legal action" (a term proposed by the author). Drawing an analogy to the well-known concept of "theater of military operations" or "theater of war" in military geography and strategy, the author draws attention to the fact that when using this term, its third aspect—the international legal framework—is often overlooked, and therefore focuses on legislative acts. It is concluded that such an important phenomenon as a special military operation must inevitably be, and is, reflected in the legal field, since only at the legislative level can many issues brought to life by the very fact of the implementation of the SMO be resolved.*

Key words: *special military operation (SMO); "theater of legal actions"; protection of human rights during SMO; Human Rights Commissioner; evacuees; release from captivity; social support measures; SMO participants and their family members.*

Одним из важных понятий военной географии и стратегии является термин «театр военных действий», согласно определению представляющий собой значительную территорию, включая воздушное и водное пространство, на которой стратегические группировки вооруженных сил осуществляют военные действия стратегического масштаба [1]. Термин не вызывает вопросов, однако достаточно часто, оперируя им, забывают еще об одной сфере его применения. Поясним: помимо географической и стратегической семантики, он несет семантическую нагрузку в международно-правовом поле. Логично, что специальная военная операция (СВО), продолжающаяся без малого четыре года, осуществляется в конкретном театре военных действий в его географическом (не будем приводить геолокацию, которая регулярно освещается в новостях) и стратегическом понимании. Однако, это лишь часть феномена, поскольку за столь длительный период (ведь, если задуматься, продолжительность СВО уже сопоставима с продолжительностью Великой Отечественной войны), СВО приобрела непосредственное отношение и к вопросам, решаемым в правовом поле. В определенном смысле это позволяет говорить о том, что СВО осуществляется не только в театре военных, но и в «театре юридических действий» (термин, предлагаемый автором статьи). И, учитывая длительность СВО, ее масштабы и непосредственное отношение ко многим явлениям современного общества, правомерно говорить об актуальности заявленной темы. В связи с этим цель статьи заключается в анализе некоторого круга правовых явлений, возникших или ставших более значимыми для отдельных индивидуумов, общества и страны в целом.

Руководствуясь статистическими данными, приходим к пониманию того, что в правовом поле СВО нашла и продолжает находить значительное отражение. В частности, в своем интервью каналу «Россия 24» спикер Государственной Думы В. Володин указал, что с февраля 2022 г. было принято 154 закона, имеющих отношение к поддержке специальной военной операции, причем 30 из них – в течение 2025 г. [2]. Заметим, что такой мощный толчок изменению и дополнению законодательной базы фактически был дан двумя указами, подписанными Президентом Российской Федерации 21 февраля 2022 г., – это указ № 71 «О признании Донецкой Народной Республики» и указ № 72 «О признании Луганской Народной Республики». Очевидно, что эти указы и то, что стояло за ними, стало причиной весьма жесткой реакции со стороны целого ряда стран. Причем, наиболее крупных и влиятельных игроков не только на политической, но и на экономической арене – США, стран Евросоюза, Великобритании. Эта реакция нашла свое отражение в практически молниеносном введении новых пакетов санкций против Российской Федерации, резкой активизации военной поддержки, оказываемой Украине НАТО [3].

Руководство нашей страны, действовавшее логически взвешенно в русле соблюдения интересов и обеспечения безопасности людей, которые проживают на данных территориях, дало разъяснения по поводу сложившейся ситуации и отметило неизбежность столкновения России с теми силами, которые фактически являются ответственными за создание государства «анти-Россия» на территории Украины. В качестве таких сил Президент Российской Федерации указал США и их союзников [4, с. 22].

Следующим шагом стало то, что продемонстрировало эту неизбежность столкновения, – решение о проведении специальной военной операции. Широкий спектр реакций – от поддержки и одобрения до крайней степени осуждения и протеста – не замедлил себя ждать. В качестве ответа на антивоенные протесты уже 4 марта 2022 г. был принят федеральный закон № 32 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». История данного закона сама по себе достаточно показательна, поскольку именно начало СВО привело к его принятию. Показательно, что закон, согласно которому устанавливалась уголовная ответственность «за распространение заведомо ложной информации об использовании вооруженных сил Российской Федерации», на протяжении без малого четырех лет (с мая 2018 по март 2022 гг.) после первого чтения находился в стадии доработки. В то же время после начала СВО он был рассмотрен, одобрен обеими палатами и принят Государственной Думой в течение всего лишь двух дней. Логика проста – в законе, который в средствах массовой информации практически сразу окрестили «законом о фейках», возникла реальная потребность в противодействии информационной войне, которая развернулась практически на всех уровнях. И, хотя независимые эксперты указывают на то, что некоторые положения закона носят размытый и не вполне соответствующий Конституции Российской Федерации, закон оказался эффективным в плане пресечения распространения недостоверной информации.

Логичным оказалось и то, что «театр юридических действий», связанных с СВО, затронул и деятельность института уполномоченного по правам человека. Более того, данная тема попала в поле зрения федерального омбудсмена еще до объявления специальной военной операции. В частности, представляя Президенту Российской

Федерации ежегодный доклад о защите прав человека за 2021 г., Т.Н. Москалькова отметила, что хотя в докладе были представлены сведения об ее деятельности в течение 2021 г., что естественным образом исключало рассмотрение вопросов «защиты прав граждан в новых политико-правовых реалиях», даже в этом документе были упомянута почва для беспокойства [5]. С точки зрения федерального уполномоченного по правам человека, еще до начала СВО на Украине был принят целый ряд законов, которые нарушали права той части населения Украины, для которой родным является русский язык. На подобные нарушения обращалось внимание уже с 2014 г., что, впрочем, не вызвало адекватной реакции со стороны руководства Украины и известных членов мирового сообщества. Более того, ситуация лишь усугубилась, став причиной экстренной эвакуации граждан не только признанных Российской Федерацией народных республик (Донецкой и Луганской), но и «основной» Украины, а значит, и включив этих граждан в сферу заботы российского уполномоченного по правам человека.

Далее, если проанализировать доклады федерального омбудсмена за последующие годы, можно заметить значительное изменение масштабов, структуры и динамики обращений, что имеет прямое или косвенное отношение к СВО. Под косвенным автор подразумевает различные аспекты нарушения прав человека, связанные с бесконечными пакетами международных санкций, принятых в отношении нашей страны и отдельных ее граждан в связи со специальной военной операцией. В частности, в докладе за 2022 г. уже присутствует отдельный раздел (глава 2), раскрывающий, какие действия предприняты уполномоченным в русле защиты прав человека в условиях проведения СВО. Это касается разных категорий граждан (эвакуированные лица, военнослужащие и члены их семей, мобилизованные и члены их семей, граждане России, проживающие за рубежом), суммарно давая 23,3 % обращений граждан [6].

Так, в отношении эвакуированных лиц решались вопросы социальных выплат; разъяснения законодательства; получения убежища и гражданства; прав детей; медицинской помощи; трудоустройства, т.е. фактически по всем ключевым вопросам, решение которых необходимо для обеспечения безопасной и приемлемой во всех отношениях жизни. В отношении военнослужащих и членов их семей это возвращение из плена военных, а также возвращения гражданских лиц, удерживаемых украинскими властями, оказание медицинской и морально-психологической помощи и других вопросов; аналогично и с мобилизованными и членами их семей. Причем, обращает на себя внимание и то, насколько короткий промежуток времени заложен на решение вопросов, «требующих безотлагательного решения» – 24 часа, что дополнительно указывает на важность для государства обеспечения соблюдения прав тех, кто принимает непосредственное участие в боевых действиях, и членов их семей. Наконец, очень важным для понимания проблем, связанных с СВО, является то, какое внимание уделяет государство (в данном случае через институт уполномоченного по правам человека) вопросам помощи соотечественникам, находящимся за рубежом, в случае возникновения ситуации их дискриминации и нарушения личных, социальных, экономических, политических и культурных прав [6].

Доклад уполномоченного по правам человека за следующий 2023 год стал еще более показательным в плане внимания к ситуации, связанной с СВО. Т.Н. Москалькова отметила, что организация специальной круглосуточной «горячей линии» для обращений по вопросам помощи эвакуированным, звонков от родственников военнослужащих, находящихся в зоне боевых действий дала значительный прирост устных обращений – 11,6 % по отношению к 2022 году. Суммарно же в 2023 г. количество обращений, которые связаны с обеспечением защиты прав участников специальной военной операции и членов их семей возросло на 30 % [7]. Заметим, что деятельность по защите прав человека потребовала принятия ряда новых законов, связанных с обеспечением прав участников СВО и членов их семей в разных гражданско-правовых аспектах. Например, только 17 февраля 2023 г. было принято сразу несколько федеральных законов. Это закон, устанавливающий пенсионное и дополнительное социальное обеспечение для граждан новых субъектов Российской Федерации (№ 17-ФЗ); регулирующий предоставление мер социального обслуживания и социальной защиты этой же группе граждан (№ 18-ФЗ); решающий вопросы интеграции системы образования ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской области в образовательное пространство Российской Федерации (№ 19-ФЗ); защищающий граждан в случае временной нетрудоспособности, материнства, производственных травм (№ 20-ФЗ). Значительное количество законов федерального уровня, а также приказов отдельных министерств (Минздрав, Минтруд) было принято и в русле оказания поддержки участникам специальной военной операции и членам их семей (первоочередной прием в дошкольные и школьные образовательные организации, квота для поступления в вузы, субсидии на специализированную медицинскую помощь и др.) [7].

Что касается тематики обращений по вопросам, касающихся эвакуированных лиц, к уполномоченному по правам человека, то безусловно, положительным показателем является резкое (в разы) сокращение количества обращений по вопросам эвакуации, получения убежища или гражданства, социальных выплат, разъяснения законодательства. В то же время отмечается не менее значительный рост числа обращений по вопросам пенсионного и жилищного обеспечения, поскольку закономерно стремление новых граждан обладать всей полнотой прав. Однако, следует признать печальный факт, что максимальное количество обращений (65 % от общего числа) касается получения информации о месте, где служат родные, содействия освобождению из плена, поиска и возвращения на родину тел погибших.

В 2024 г. фокус деятельности уполномоченного по правам человека в значительной мере сместился в социальную сферу, на что указывает значительный рост числа решенных обращений по вопросам жилищного обеспечения (особенно для жителей Белгородской и Курской областей), медицинского обслуживания и социального обеспечения. Равно как и в 2023 г. по сравнению с 2022 г., в 2024 г. был отмечен прирост числа обращений по вопросам оказания гуманитарной помощи в связи с СВО, содействия в освобождении из плена и возвращении тел погибших в зоне СВО на родину [8].

Продолжая рассматривать «театр юридических действий», заметим, что в 2024 г. только в указанной ранее парадигме на законодательном уровне была продолжена целостная системная поддержка участников СВО и членов их семей. Это нашло отражение в принятии 33 законов, касающихся налоговых льгот, социальных выплат, запрета на увольнение вдов участников СВО, заключения контракта, получения статуса ветерана [8]. Таким образом, к концу 2024 г. общее количество законов, согласно которым обеспечиваются различные меры поддержки участников специальной военной операции и членов их семей, увеличилось до 124. Как было отмечено в начале статьи, в 2025 г. было принято еще 30 законов в данном направлении, однако на момент написания статьи доклад уполномоченного по правам человека за 2025 г. еще не сформирован.

Заметим, что принятие законов, указов и других нормативно-правовых документов, фактически создающих правовое поле вокруг ситуаций и людей, так или иначе связанных с СВО, является не только следствием деятельности уполномоченного по правам человека. Обращает на себя внимание, что все государственные структуры действуют в единой парадигме, которую в широком смысле можно обозначить как «создание условий для всесторонней поддержки участников специальной военной операции и членов их семей» [9]. Поскольку объем статьи не позволяет осуществить детализированный анализ этих законов, поэтому ограничимся перечислением основных направлений, в которых они действуют:

- введение военного положения, частичной мобилизации, воинской обязанности, службы по контракту;
- обретение статуса участника или ветерана СВО, а также награждения;
- упрощенный прием в гражданство Российской Федерации;
- широкий спектр социальных вопросов – пособия, выплаты; трудовые отношения; финансовые отношения (ипотека, кредиты, займы); различные льготы в жилищной сфере, включая льготы по оплате жилищно-коммунальных услуг; поддержка бизнеса (индивидуальное предпринимательство); финансовые и налоговые льготы; пенсионное обеспечение [9].

Подводя итог, заметим, что с одной стороны, 154 закона, принятых за почти четыре года в связи с ведением специальной военной операции, составляют лишь немногим более 1,5 % от общего количества только федеральных законов. С другой стороны, их количество сравнялось с количеством федеральных конституционных законов, что позволяет говорить о значимости СВО не только в жизни отдельных людей, общества и государства, но и о наличии у специальной военной операции особого места в «театре юридических действий».

Список литературы:

[1] Словарь военных терминов / Сост. А.М. Плехов, С.Г. Шапкин. М.: Воениздат, 1988. 335 с.

[2] Володин: с 2022 года принято 154 закона для поддержки СВО // Вести.ру [Электронный ресурс]. URL: https://www.vesti.ru/article/4854611 (дата обращения 01.01.2026).

[3] Три года признания ДНР и ЛНР: исторический шаг и его последствия // Ассоциация ветеранов СВО [Электронный ресурс]. URL: https://участниксво.рф/news/tri-goda-priznaniya-dnr-i-lnr (дата обращения 01.01.2026).

[4] Ильин Е.А., Морев М.В. Рубикон пройден: 24 февраля 2022 г. наступил новый этап развития России в XXI веке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 2. С. 9-30.

[5] Яковлева Е. Татьяна Москалькова представила Президенту РФ ежегодный доклад о защите прав человека. «РГ» публикует этот документ и интервью с омбудсменом // Российская газета. 6 июня 2022 г. [Электронный ресурс]. URL:

https://rg.ru/2022/06/06/tatiana-moskalkova-predstavila-prezidentu-ezhegodnyj-doklad-o-zashchite-prav-cheloveka.html (дата обращения 01.01.2026).

[6] Доклад о деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 год [Электронный ресурс]. URL: https://cdnstatic.rg.ru/uploads/attachments/2023/05/15/ombudsmen_doklad_2022_e29.pdf (дата обращения 01.01.2026).

[7] Доклад о деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 год [Электронный ресурс]. URL: https://cdnstatic.rg.ru/uploads/attachments/2024/06/11/doklad_2023_9c5.pdf (дата обращения 02.01.2026).

[8] Доклад о деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/documents/2025/02/26/doklad-2024-god-site-dok.html (дата обращения 02.01.2026).

[9] Перечень нормативных правовых актов, посвященных поддержке мобилизованных // Федеральная палата адвокатов [Электронный ресурс]. URL: https://fparf.ru/for-citizens/materials/mery-podderzhki-mobilizovannykh/perechen-normativnykh-pravovykh-aktov-posvyashchennykh-podderzhke-mobilizovannykh/ (дата обращения 02.01.2026).

References:

[1] Dictionary of military terms/Comp. A.M. Plekhov, S.G. Shapkin. M.: Military Publishing, 1988. 335 pp.

[2] Volodin: since 2022, 154 laws have been adopted to support SVOs// Вести.ру [Electronic resource]. URL: https://www.vesti.ru/article/4854611 (date of contact 01.01.2026).

[3] Three years of recognition of the DPR and LPR: a historical step and its consequences// Association of Veterans of the SVO [Electronic resource]. URL: https://участниксво.рф/news/trigoda-priznaniya-dnr-i-lnr (date of contact 01.01.2026).

[4] Ilyin E.A., Morev M.V. Rubikon passed: on February 24, 2022, a new stage of Russia's development in the 21st century began//Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2022. VOL. 15. № 2. S. 9-30.

[5] Yakovleva E. Tatyana Moskalkova presented to the President of the Russian Federation an annual report on the protection of human rights. "RG" publishes this document and an interview with the Ombudsman//Rossiyskaya Gazeta. June 6, 2022 [Electronic Resource]. URL: https://rg.ru/2022/06/06/tatiana-moskalkova-predstavila-prezidentu-ezhegodnyj-doklad-o-zashchite-prav-cheloveka.html (дата обращения 01.01.2026).

[6] Report on the activities of the Ombudsman in the Russian Federation for 2022 [Electronic resource]. URL: https://cdnstatic.rg.ru/uploads/attachments/2023/05/15/ombudsmen_doklad_2022_e29.pdf (date of contact 01.01.2026).

[7] Report on the activities of the Ombudsman in the Russian Federation for 2023 [Electronic resource]. URL: https://cdnstatic.rg.ru/uploads/attachments/2024/06/11/doklad_2023_9c5.pdf (date of contact 02.01.2026).

[8] Report on the activities of the Ombudsman in the Russian Federation for 2024 [Electronic resource]. URL: https://rg.ru/documents/2025/02/26/doklad-2024-god-site-dok.html (date of contact 02.01.2026).

[9] List of regulatory legal acts dedicated to the support of mobilized//Federal Chamber of Lawyers [Electronic resource]. URL: https://fparf.ru/for-citizens/materials/mery-podderzhki-mobilizovannykh/perechen-normativnykh-pravovykh-aktov-posvyashchennykh-podderzhke-mobilizovannykh/ (дата обращения 02.01.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-26-32

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат юридических наук,
e-mail: yutish@list.ru

СИСТЕМА И ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

Аннотация. *В статье представлена система и принципы международного сотрудничества в борьбе с терроризмом, который является одной из наиболее опасных форм преступности.*

Ключевые слова: *международный терроризм, сотрудничество, уголовное законодательство, международно-правовые нормы*.

TISHCHENKO Yuri Yurievich,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation;
Candidate of Legal Sciences

THE SYSTEM AND PRINCIPLES OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIGHT AGAINST TERRORISM

Annotation. *The article presents the system and principles of international cooperation in the fight against terrorism, which is one of the most dangerous forms of crime.*

Key words: *international terrorism, cooperation, criminal law, international legal norms.*

Терроризм, в том числе в его трансграничных формах, – одна из наиболее опасных форм преступности. На современном этапе это явление превратилось в фактор, серьезно дестабилизирующий нормальное развитие международных отношений. Особую опасность могут представлять террористические посягательства с использованием ядерных и иных средств массового поражения.

Процесс становления международного сотрудничества в противодействии терроризму, формирования его основополагающих принципов и норм прошел через определенные исторические этапы. Первые многосторонние усилия государств на этом направлении восходят к концу 20-х – второй половине 30-х годов XX столетия. В ходе международных конференций по унификации уголовного законодательства удалось сформулировать и принять (в форме рекомендаций государствам-участникам) определение терроризма, под которым понималось применение какого-либо средства, способного терроризировать население, в целях уничтожения всякой социальной организации. На конференциях шла также работа над созданием механизмов, которые позволяли бы осуществлять уголовное преследование террористов за пределами национальных границ. «Унификаторы» подошли вплотную к признанию объективной необходимости подкрепления мер, принимаемых на национальном уровне, разработкой соответствующих международно-правовых норм [18].

Новым этапом международного сотрудничества государств в этой области стала завершенная в 1937 году разработка под эгидой Лиги Наций Конвенции о предупреждении терроризма и наказании за него, а также Конвенции о создании международного уголовного суда. Хотя обе конвенции так и не вступили в силу, многие их положения легли в основу становления таких действующих принципов и норм международного сотрудничества в борьбе с терроризмом, как неотвратимость наказания преступников, универсальная юрисдикция, обязательство либо выдавать предполагаемого преступника, либо преследовать его в уголовно-процессуальном порядке, положения о взаимном обмене соответствующей информацией и др.

Современные параметры международного сотрудничества государств по борьбе с терроризмом в основном сложились в послевоенный период. До сих пор международному сообществу не удалось (главным образом из-за доминировавшей до последнего времени чрезмерной идеологической отягощенности данной проблематики) выработать общепризнанное определение терро-

ризма, хотя в целом и сложилось общее понимание в отношении основных составляющих этого явления. Прежде всего речь идет о противозаконном насилии, как правило, с применением оружия, стремлении запугать широкие слои населения, о невинных жертвах, а применительно к террористическим актам, затрагивающим интересы более чем одного государства, присутствует и международный элемент. Что касается политической направленности, то международное сообщество не рассматривает ее в качестве определяющей черты международного терроризма, акты которого могут совершаться и по иным мотивам. В последние годы в VI Комитете Генеральной Ассамблеи ООН предпринимаются шаги с целью придать новый импульс работе над определением международного терроризма.

Ввиду отсутствия общепризнанного всеобъемлющего определения терроризма формирование правовых основ сотрудничества государств в борьбе с ним концентрируется на тех направлениях, где его проявления представляют наибольшую опасность интересам международного сообщества.

К настоящему времени сформировалась система международного противодействия терроризму, которая включает в себя сотрудничество на глобальном и региональном уровнях [19].

Региональное и глобальное сотрудничество можно рассматривать в качестве перекрещивающихся стратегий, которые дополняют друг друга. Такой подход оказывает синтетическое воздействие, особенно в случаях, когда результаты совместных операций ощущаются на национальном уровне и поощряют государства к разработке внутреннего права в соответствии с их обязательствами, принятыми на международном уровне. Но существуют различия в исходных предпосылках, лежащих в основе двустороннего сотрудничества, с одной стороны, и многостороннего сотрудничества, с другой стороны, особенно тогда, когда предпринимаются усилия по многостороннему сотрудничеству в глобальных формах. Двусторонний подход основывается на так называемой эволюционной модели сотрудничества, для которой характерно постепенное укрепление системы двусторонних связей. Такой процесс носит планомерный характер и предусматривает тщательное укрепление и постепенное расширение норм, механизмов и инструментов сотрудничества. Укрепление двустороннего сотрудничества осуществляется снизу вверх, стержневым моментом являются понятия целесообразности и практичности. Конечная цель отнюдь не игнорируется, но осознается, что для ее достижения потребуется много времени. Приверженцы двустороннего подхода считают наилучшей основой для развития сотрудничества совпадение интересов двух государств, которые сталкиваются с аналогичными проблемами и проявляют готовность решить эти проблемы. Эффективность в значительной степени зависит от воли государств, и это наилучшим образом проявляется в случаях, когда отдельные государства готовы налаживать активное и стабильное сотрудничество для достижения общих целей. При этом действующие двусторонние договоры о взаимной помощи и выдаче, а также различные другие формы содействия обеспечивают модель для более высокого уровня сотрудничества [20].

Комплексный подход к международному сотрудничеству состоит в том, что, поскольку проблема носит глобальный характер, наилучшим решением является деятельность, широкая по масштабам, многосторонняя по форме и глобальная по охвату. Признается необходимость упорядочить ситуацию, которая может оказаться «довольно беспорядочным набором глобальных, региональных и двусторонних механизмов, созданных без учета общих параметров». Применение многостороннего подхода позволило бы исправить сложившееся положение. Сотрудничество развивалось бы постепенно, без какой-либо общей стратегии, однако на современном этапе процесс требует планирования и регулирования, в частности за счет применения более комплексных и долгосрочных подходов, например, разработки конвенции борьбе против организованной транснациональной преступности. Ключевая концепция многостороннего подхода состоит в том, что для решения острых проблем необходимы кардинальные меры, но такой подход наталкивается на традиционную приверженность национальному суверенитету. Но в действительности речь идет не об утрате суверенитета, а о том, готовы ли государства пожертвовать частью формальных требований, связанных с ним, чтобы предотвратить разрушения в результате деятельности транснациональных преступных организаций. Как и большинство других теоретических схем, многосторонний подход ориентирован на определенную конечную цель и предусматривает наиболее короткий и прямой путь ее достижения. Такой подход, действующий сверху вниз, учитывает различные проблемы и в то же время исходит из неумолимой логики, которая обеспечивает стимулы для их преодоления.

В каждый исторический период международная борьба с преступностью хранила черты своей эпохи. В период рабовладения все межгосударственные связи в этой области сводились к заключению договоров о выдаче или просто к практике выдачи политических беглецов. Данные связи, естественно, имели только двусторонний характер и развивались в немногих регионах. Развитых принципов сотрудничества не суще-

ствовало. При феодализме круг государств, имеющих связи в деле борьбы с преступными деяниями, расширился, активная роль в этом принадлежала церкви. И хотя межгосударственные связи по-прежнему ограничивались заключением договоров и практикой выдачи преступников, детальнее стал определяться круг лиц, подлежащих выдаче. В период феодализма широко применялись обычные нормы, но появлялось все большее количество договоров. Господствующим принципом был принцип борьбы с политическими преступлениями [21].

С появлением капитализма в международной борьбе с преступностью произошли кардинальные изменения. Во-первых, стало общепризнанным совершенно новое правило: не выдавать политических деятелей и сотрудничать только в борьбе с общеуголовными преступлениями, что, однако, не означало точного следования этому принципу на практике. Во-вторых, сам предмет сотрудничества стал шире. Между государствами начали заключаться соглашения о борьбе с отдельными видами преступлений. Одним из первых документов такого рода явилась принятая Венским конгрессом 4 февраля 1815 г. Декларация, в которой заявлялось о недопустимости торговли африканскими неграми. Вслед за ней были приняты соглашения о борьбе с торговлей женщинами и детьми, незаконным распространением наркотических веществ и др. Далее чрезвычайно усилилась роль уголовного закона в деле борьбы за мир и безопасность, равноправие народов и наций, против геноцида, расовой дискриминации и т.д. Новые принципы международного права в ряде случаев обеспечиваются также силой внутригосударственного принуждения. Например, многие государства приняли специальные акты, запрещающие пропаганду войны. Увеличилась роль международных соглашений в борьбе с преступлениями. И дело не только в том, что увеличивается число таких соглашений, но и в том, что теперь вначале вырабатывается договор, а затем, в соответствии с его установлениями, принимаются внутригосударственные законы.

Существенная черта современного состояния международной борьбы с преступностью – возрастание роли международных организаций в качестве организационных и координирующих центров.

Учитывая, что межгосударственные связи в области борьбы с преступностью весьма динамичны, что почти ежегодно появляются новые и новые соглашения относительно отдельных видов преступлений, в данном исследовании подробно рассмотрим меры по борьбе именно с международным терроризмом.

В документах ООН отмечается, что при рассмотрении деятельности транснациональных преступных организаций неизменно встают вопросы, касающиеся использования тактики террора и связей с террористическими организациями. Преступные организации прибегают к террору чаще всего для того, чтобы создать более благоприятные условия для деятельности своих преступных предприятий. Их действия направлены против конкретной политики в области обеспечения законности, а не против существующих властных структур. Напротив, террористические группы преследуют политические цели, которые зачастую направлены на изменение сложившегося положения либо на уровне государства, либо на международном уровне. В преступной деятельности, например в торговле наркотиками или оружием, террористические группы участвуют, как правило, с целью добыть средства, необходимые им для более эффективного выполнения их политических задач. Однако при том, что средства и цели преступных и террористических организаций совершенно различны, в настоящее время все больше проявляется тенденция к их слиянию, которая может стать необратимой [19].

Одним из признаков этой тенденции является прямое использование преступными организациями акций террора.

Исследуемая проблема являлась предметом неоднократного рассмотрения в ООН. Так, ее седьмой Конгресс по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в своей резолюции в Миланском плане действий подтвердил, что первоочередное внимание должно уделяться борьбе с терроризмом во всех его формах, в ключах, при необходимости, скоординированные, согласованные действия международного сообщества. Седьмой Конгресс ООН просил Комитет по предупреждению преступности и борьбе с ней рассмотреть возможность разработки рекомендаций международных действиях по укреплению правоохранительных мер, в том числе процедур выдачи преступников, соглашений юридической помощи и сотрудничестве в отношении правонарушений террористического характера.

Будучи обеспокоен быстрым распространением национальной и международной террористической преступной активности, а также сознавая серьезную угрозу, которую представляет рассматриваемая активность для социальной и политической стабильности и жизни огромного числа людей, восьмой Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями особо отметил тенденцию интернационализации терроризма. В связи с этим Конгресс предложил международному сообществу принятие согласованных ответных мер по борьбе с национальным и международным терроризмом глобального характера. С целью скоординиро-

ванных действий против международного терроризма как на национальном, так и на международных уровнях, восьмой Конгресс ООН выработал специальные рекомендация, именуемые «Приложение «О мерах по борьбе с международным терроризмом» (далее – Приложение).

В данном Приложении отсутствует определение международного терроризма. Этот пробел можно объяснить следующим. Начиная с первого исследования международного терроризма, проведенного ООН в 1972 г., международное сообщество до настоящего времени не может достигнуть согласия в отношении общеприемлемого содержания термина «международный терроризм». Не удалось достичь общего согласия и в отношении мер, необходимых для предотвращения пагубных последствий терроризма и в целом борьбы с ними. До согласования общеприемлемого определения международного терроризма в Приложении рекомендуется определить преступное поведение террористов и на основе принципов международного права создать систему эффективных мер превенции и принуждения.

В своем выступлении на пятой сессии Генеральной Ассамблеи ООН руководитель американской делегации в ООН М. Олбрайт заявила, что США будут просить Ассамблею принять решения, касающиеся терроризма, коррупции и преступности, наркобизнеса и незаконной торговли оружием. По ее словам, США будут лоббировать резолюцию по заключению конвенции против террористических актов с применением взрывных устройств. «Терроризм подобен чуме, распространившейся во все уголки земного шара, – заявила госсекретарь США М. Олбрайт. – Мы должны действовать вместе для того, чтобы предупреждать и предотвращать террористические акты, а их организаторов и исполнителей привлекать к ответственности. Мы должны дать ясно понять тем, кто планирует подобные акты, что международное сообщество выступит против них единым фронтом». США будут добиваться принятия «международной декларации безопасности граждан, которая должна продемонстрировать решимость в борьбе с международной преступностью во всех ее формах» [22].

Лидеры крупнейших промышленно-развитых стран приняли пакет мер, направленных на борьбу с международной преступностью, незаконным оборотом наркотиков и терроризмом на состоявшемся саммите в Лионе в 1996 г. Этот пакет, представляющий собой перечень из сорока рекомендаций, предусматривает принятие конкретных мер со стороны «большой семерки» и России.

Указанный пакет содержит конкретные рекомендации по следующим ключевым направлениям [19].

«Отказ в предоставлении убежища»: восемь стран должны обмениваться информацией в связи с договорами об экстрадиции и запросами об экстрадиции в отношении разыскиваемых преступников, террористов и преступных организаций, а также в связи с программами по защите свидетелей. Это будет осуществляться путем обмена работниками прокуратур, судебных и правоохранительных органов; за счет координации усилий в сфере международной подготовки сотрудников правоохранительных органов, а также за счет увеличения числа договоров и других двусторонних и многосторонних соглашений, касающихся экстрадиции.

«Лишение преступников и террористов необходимых ресурсов»: восемь стран будут обмениваться информацией, касающейся борьбы с отмыванием денег, в том числе методах ведения расследований и методах привлечения преступников к ответственности. Они будут способствовать увеличению числа стран, относящих практику отмывания денег к преступлениям и принимающих законы, которые позволяют налагать арест на имущество преступников-террористов.

«Зашита национальных границ»: они усилят деятельность по борьбе с организациями и подпольными рынками, поддерживающими преступную террористическую деятельность; они будут обмениваться информацией о лицах и организациях, занимающихся незаконной торговлей оружием, контрабандой людьми, а также данными разыскиваемых преступниках; они будут обмениваться последними достижениями в сфере технологий, применяемых при защите границ, использовать усовершенствованные виды въездных и выездных документов и более совершенную технику для обнаружения подделок; они будут содействовать увеличению числа стран, относящих контрабанду людьми к категории преступлений.

«Выявление и профилактика преступлений и террористических актов, совершаемых с применением передовых технологий»: восемь стран разработают общие подходы к борьбе с высокотехнологичными преступлениями и компьютерным пиратством, в том числе с действиями террористов, использующих последние достижения информационной технологии для проникновения в базы данных финансовых институтов и государственных учреждений.

В этой связи необходимо выделить еще один документ, принятый министрами «восьмерки» на совещании в Оттаве от 12.12.95. в котором закреплялись вопросы укрепления международного сотрудничества, международные и национальные правовые рамки, вопросы обмена опытом и информацией, вопросы захвата заложников, финансирования террористической деятельности и др.

В рамках Интерпола (Международной организации уголовной полиции) сложился постоянно действующий механизм кооперации и координации действий полиции разных стран в борьбе с общеуголовной преступностью. Но контакты полицейских служб в системе Интерпола — лишь часть более общего и широкого международного сотрудничества государств по социальным вопросам, в числе которых поиски наиболее эффективных форм и методов борьбы с преступностью как на национальном, так и на международном уровне.

Борьба Интерпола с терроризмом всегда была проблематичной. До последнего времени он вообще не вступал в противоборство с ним из-за опасений относительно «политической» природы этого преступления. Такое отношение Интерпола к терроризму основывается на ст. 3 Устава Международной организации уголовной полиции (официально текст Устава опубликован не был), в которой указано, что «организации строго запрещается любое вмешательство или деятельность политического, военного, религиозного или расового характера». Исключение составляли лишь проявления «чисто» криминального терроризма, который отмечался при совершении таких преступлений, как, например, незаконная торговля наркотиками или фальшивомонетничество.

В 1984 г. Генеральная ассамблея Интерпола в Люксембурге утвердила новые «Основные направления», действовать если террористы орудуют за пределами своей национальной территории. В январе 1987 г. Генеральной ассамблеей Интерпола была создана специальная антитеррористическая группа, ее именуют ТЕ-группа. В марте 1987 г. Генеральный секретариат Интерпола разослал в Национальные центральные бюро (НЦБ) стран-членов Интерпола «Руководство по борьбе с международным терроризмом».

В борьбе с европейским терроризмом Интерпол играет важную роль в следующих аспектах:

1) Если национальная полиция страны намерена арестовать кого-либо за ее пределами, она должна действовать через Интерпол. Никто не имеет права арестовать иностранца в пределах Европейского сообщества или где-либо еще за преступление, совершенное за пределами данной страны, без наличия особого извещения или оповещения из Интерпола.
2) Интерпол используется тогда, когда расследование акта терроризма, совершенного в Европе, выходит за ее пределы, так как это единственная полицейская организация, действующая в мировом масштабе.
3) Интерпол помогает в борьбе с европейским терроризмом, предоставляя консультации специалистов и техническое содействие, например проводит экспертизу по взрывчатым веществам или огнестрельному оружию.

Интерпол главную свою деятельность в борьбе с международным терроризмом сосредоточил на вопросах предупреждения захватов и взрывов на воздушном транспорте. Только к сентябрю 1980 г. ТЕ-группа отправила 18 предупреждений, связанных с воздушным терроризмом и нападением на посольства дипломатов. Данные о готовящихся террористических покушениях проверяются, затем сообщаются в национальные полиции, а также направляются в две международные организации, отвечающие за безопасность на воздушном транспорте: IATA (Международная ассоциация гражданской авиации) и UCAO (Международная организация гражданской авиации), для принятия соответствующих мер [18].

Также необходимо обратить внимание на действующие международные договоры о выдаче преступников и взаимной помощи. Данные договоры являются эффективным средством сотрудничества государств в борьбе с террористической деятельностью, вместе с тем двусторонним договорам о выдаче и взаимной помощи присущи недостатки. Для этой формы сотрудничества характерна нерегулярность, которая является причиной низкой эффективности, плохой координации и дублирования усилий, если рассматривать деятельность в целом. Двустороннее сотрудничество требует значительного времени и ресурсов, что сложно для малых государств, не обладающих надлежащими ресурсами и опытом ведения многочисленных двусторонних переговоров для разработки различных инструментов сотрудничества. Хотя наличие типовых договоров несколько упрощает эту задачу, нехватка ресурсов, по-видимому, будет и впредь являться существенным препятствием. Отсюда следует, что, хотя система двустороннего сотрудничества будет и далее укрепляться, ее необходимо дополнить различными формами многостороннего сотрудничества.

Региональное сотрудничество в вопросах судебного и уголовного преследования является естественным дополнением усилий по созданию политического и экономического союза, хотя оно связано с рядом деликатных и сложных аспектов национального суверенитета. В этом смысле его можно рассматривать в качестве очередного этапа (или неизбежного результата) более обширных политических и экономических процессов, основанного тем не менее на признании того, что полное единообразие внутригосударственного законодательства не является ни реальным, ни желательным. Дело в том, что «все системы уголовного правосудия создаются в полном соответствии с конкретными особенностями различных

стран. Такое хрупкое равновесие можно нарушать лишь в том случае, если это позволит получить существенные преимущества». Между тем региональное сотрудничество является признанием необходимости предпринять конкретные шаги в ответ на обострение региональных проблем из-за открытия внутренних границ и развития единого рынка.

Вместе с тем многосторонние механизмы «открывают значительные преимущества, одним из наиболее важных среди которых является устранение необходимости в разработке отдельных двусторонних соглашений с большим числом иностранных правительств». Ведение переговоров является относительно легким делом для крупных государств с высокоразвитыми административными структурами; однако для мелких государств с ограниченными ресурсами и опытом более эффективными по затратам являются многосторонние формы сотрудничества. Они особенно полезны, если правительства не желают осуществлять двустороннее сотрудничество или оно невозможно по политическим соображениям. Хотя после окончания «холодной» войны политическое и идеологическое противостояние не является значительной проблемой, многостороннее сотрудничество по-прежнему открывает такие возможности для сотрудничества, каких не существует на двустороннем уровне. Еще одним преимуществом многостороннего сотрудничества является то, что оно меньше становится объектом ответных ударов со стороны организованных преступных групп [23].

Список литературы:

[1] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Выпуск 3. Москва. 2024.

[2] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Выпуск 4. Москва. 2024.

[3] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Выпуск 1. Москва. 2025.

[4] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Выпуск 2. Москва. 2025.

[5] Вилкова А. В., Фадеева С. А. Полякова Я. Н. Развитие педагогических компетенций в системе дополнительного профессионального образования в процессе обучения сотрудников ФСИН России // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 1(23). С. 103-110.

[6] Гагиева Л. А. Организационно-педагогические условия повышения качества воспитательного процесса в исправительном учреждении: дис. ... кандидата пед. наук: 13.00.01 / Гагиева Лиана Албековна. – Владикавказ, 2023.

[7] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности: проблемы возвращения к истокам / А. В. Вилкова, Я. Н. Полякова, Ю. Н. Строгович // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 1(12). С. 80-86.

[8] Вилкова А. В. Ранняя психодиагностика и профилактика личности несовершеннолетних / А. В. Вилкова, Я. Н. Полякова// Вопросы современной науки и практики. 2025. № 1(12). С. 87-92.

[9] Зинина Н. А. Развитие социально-коммуникативных навыков в образовательном процессе / Н. А. Зинина, А. В. Вилкова. Москва. 2025.

[10] Литвишков В. М. Профилактика наркомании и ресоциализация несовершеннолетних осужденных. Москва, 2018.

[11] Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Тверь. 2025.

[12] Литвишков В. М. Коллектив сотрудников – коллектив воспитателей / В. М. Литвишков, А. В. Вилкова, Н. И. Ткаченко // В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Тверь, 2025. С. 130-132.

[13] Ерофеева М. А. Подготовка будущих сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних к профилактике вовлечения подростков в деструктивные интернет-сообщества, М. А. Ерофеева, Д. А. Харламова. Москва. 2024.

[14] Лукашенко Д. В. Сравнительный анализ исправления несовершеннолетних осужденных женского и мужского полов / А. В. Вилкова, Д. В. Лукашенко // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2024. С. 102-110.

[15] Полякова Я. Н. Несовершеннолетние осужденные: длительные сроки наказания и особенности их исправления / А. В. Вилкова, Я. Н. Полякова // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2024. С. 59-63.

[16] Тищенко Ю. Ю. Личность несовершеннолетних осужденных с делинкветным поведением / А. В. Вилкова, Ю. Ю. Тищенко // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2025. № 2. С. 36-37.

[17] Казберов П. Н. Макаренко А. С.: система отношений осужденных в отечественной пенитенциарной психологии / А. В. Вилкова, П. Н. Казберов // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2024. С. 95-102.

[18] См.: Емельянов В.П Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. – СПб., 2002. – С. 14.

[19] См.: Солодовников С.А.Терроризм и организованная преступность. Монография. – М., 2008. – С. 73.

[20] См.: Панов В.П. Международное уголовное право: Учеб. пособ. – М., 1997. – С. 91.

[21] См.: Основы борьбы с организованной преступностью / Под ред. В.С. Овчинского. – М., 1996. – С. 116.

[22] См.: Трикоз Е.Н. Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты. – М, 2007. – С. 320.

[23] См.: Савицкий В.М. Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества. Международный научно-исследовательский проект. – М., 1995. – С. 159.

References:

[1] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Issue 3. Moscow. 2024.

[2] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Issue 4. Moscow. 2024.

[3] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Issue 1. Moscow. 2025.

[4] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Issue 2. Moscow. 2025.

[5] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. Polyakova Y. N. Development of pedagogical competencies in the system of additional professional education in the process of training employees of the Federal Penitentiary Service of Russia//Military legal and humanitarian sciences of Siberia. 2025. № 1(23). S. 103-110.

[6] Gagieva L. A. Organizational and pedagogical conditions for improving the quality of the educational process in a correctional institution: dis.... candidate ped. Sciences: 13.00.01/Gagieva Liana Albekovna. - Vladikavkaz, 2023.

[7] Vilkova A.V. Spiritual and moral values: problems of returning to the origins/A.V. Vilkova, Y. N. Polyakova, Yu. N. Strogovich//Issues of modern science and practice. 2025. № 1(12). S. 80-86.

[8] Vilkova A.V. Early psychodiagnostics and prevention of the personality of minors/A.V. Vilkova, Y. N. Polyakova//Issues of modern science and practice. 2025. № 1(12). S. 87-92.

[9] Zinina N. A. Development of socio-communicative skills in the educational process/N. A. Zinina, A. V. Vilkova. Moscow. 2025.

[10] Litvishkov V. M. Prevention of drug addiction and resocialization of juvenile convicts. Moscow, 2018.

[11] Spiritual and moral education of the individual in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Tver. 2025.

[12] Litvishkov V. M. Collective of employees - a team of educators/V. M. Litvishkov, A. V. Vilkov, N. I. Tkachenko//In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Tver, 2025. S. 130-132.

[13] Erofeeva M. A. Training future employees of juvenile affairs units to prevent the involvement of adolescents in destructive Internet communities, M. A. Erofeeva, D. A. Kharlamov. Moscow. 2024.

[14] Lukashenko D.V. Comparative analysis of the correction of female and male juvenile convicts/A.V. Vilkov, D.V. Lukashenko//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2024. S. 102-110.

[15] Polyakova Y. N. Juvenile convicts: long sentences and the peculiarities of their correction/A. V. Vilkova, Y. N. Polyakova//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2024. S. 59-63.

[16] Tishchenko Yu. Yu. Personality of juvenile convicts with delinquent behavior/A.V. Vilkova, Yu. Yu. Tishchenko//Criminal executive system: law, economics, management. 2025. № 2. S. 36-37.

[17] Kazberov P.N. Makarenko A.S.: the system of relations between convicts in domestic penitentiary psychology/A.V. Vilkova, P.N. Kazberov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2024. S. 95-102.

[18] See: Emelyanov V.P. Terrorism and crimes with signs of terrorism: criminal law research. - St. Petersburg, 2002. - S. 14.

[19] See: Solodovnikov S.A. Terrorism and Organized Crime. Monograph. - M., 2008. - S. 73.

[20] See: Panov V.P. International criminal law: Instructional method. - M., 1997. - S. 91.

[21] See: Fundamentals of the fight against organized crime/Ed. V.S. Ovchinsky. - M., 1996. - S. 116.

[22] See: Tricoz E.N. Crimes against the peace and security of mankind: comparative and international legal aspects. - M, 2007. - S. 320.

[23] See: Savitsky V.M. Criminal justice: problems of international cooperation. International Research Project. - M., 1995. - S. 159.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-33-37

МАРИНА Авелина Александровна,
преподаватель кафедры специальных дисциплин
Краснодарский университет МВД России,
Краснодар, Россия,
e-mail: KalinaM50@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРИМЕНЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аннотация. *В статье дается сравнительный анализ правовых норм, регламентирующих порядок получения разрешения на использование беспилотных летательных аппаратов, правил их эксплуатации и мер ответственности за нарушения законодательства применения БПЛА в некоторых зарубежных странах.*

Ключевые слова: *беспилотные летательные аппараты, регистрация и выдача лицензии, правила полетов, Управление гражданской авиации, управление полетом, категории для безопасного использования дронов, зоны полета, ответственность за нарушение законодательства.*

MARINA A.A.,
educator of a Chair of Special disciplines,
the Krasnodar University of the Ministry
of the Interior of Russia, Krasnodar, Russia

ON THE LEGAL REGULATION OF THE USE OF UNMANNED AERIAL VEHICLES IN FOREIGN COUNTRIES

Annotation. *The article provides a comparative analysis of the legal norms governing the procedure for obtaining a permit to use unmanned aerial vehicles, the rules for their operation, and the measures of liability for violations of the legislation on the use of UAVs in some foreign countries.*

Key words: *nmanned aerial vehicles, registration and issuance of a license, flight regulations, Civil Aviation Administration, flight control, categories for the safe use of drones, flight zones, and liability for violating the law.*

Перспективам развития беспилотной техники в настоящее время уделяется огромное внимание. Применение и использование беспилотных летательных систем в зарубежных станах, прежде всего, связано с внешней и внутренней политической обстановкой в том или ином государстве. В странах Восточной Азии и Южной Америки использование БПЛА запрещено на законодательном уровне в связи с военной интервенцией в этих государствах и их применение грозит соответствующей ответственностью (Сирия, Сенегал, Узбекистан, Египет, Иран, Тунис, Северная Корея, Никарагуа, Марокко, Куба, Алжир и др.).

В странах Европейского Союза, Северной Америке и ряде других государств использование БПЛА в воздушном пространстве разрешено и регламентировано на законодательном уровне. Однако применение и использование беспилотников допустимо только после получения соответствующего разрешения на эксплуатацию и при строгом соблюдении определенных правовых регламентов при их использовании. Несмотря на то, что каждое государство имеет свою законодательную базу в отношении применения БПЛА, установлена общая процедура их сертификации и получения разрешения на их использование.

По общим правилам лицо, желающее эксплуатировать БПЛА должно его зарегистрировать и поставить на учет. Для этого, владелец беспилотного аппарата подает в соответствующий орган, как правило это Управление гражданской авиации (Агентство по авиационной безопасности в Евросоюзе, Единая государственная цифровая платформа в Китае) письменное заявление, в котором указываются цели использования беспилотника, данные производителя, технические характеристики аппарата и данные владельца. Заявление рассматривается в опреде-

ленный законом срок, после чего лицу сообщается о результате его рассмотрения с постановкой объекта на учет или отказе. При предоставлении не полных или недостоверных сведений, орган вправе отказать в регистрации беспилотника.

После регистрации владельцу выдаются специальные знаки (реквизиты), которые в зависимости от технических характеристик и целей использования должны быть размещены на корпусе беспилотного аппарата. Использование воздушного судна без опознавательных знаков запрещено.

Государства устанавливают определенные регламенты для регистрации и постановке на учет БПЛА в зависимости от их размера и весовой категории. Так, в странах Евросоюза, Белоруссии все беспилотники вне зависимости от массы и размера подлежат регистрации; в Китае, странах Южной Африки - это беспилотники более 250 гр.; в США – более 25 кг. В Южной Африки, например, при весе более 7 кг., предусмотрено получение дополнительного разрешения на эксплуатацию.

Законодательство некоторых государств устанавливает процедуру получения сертификата на управление беспилотным аппаратом только после прохождения лицом обучения по теоретическим вопросам знания правовых норм и правил эксплуатации беспилотного летательного аппарата. По окончанию обучения гражданин проходит тестирование, в котором необходимо набрать более 75% правильных ответов. Только после успешного прохождения испытаний гражданин может претендовать на получение сертификата на использование БЛА и его управление (Китай, страны Евросоюза).

В странах Южной Африки при использовании БПЛА в коммерческих целях, пилоты помимо получения сертификата и разрешения на управление, должны получить лицензию на воздушное обслуживание Южноафриканского Управления гражданской авиации.

В Белоруссии, Таджикистане и Иордании помимо выше указанных документов пилот для осуществления пилотирования должен подать план полета или заявку на использование воздушного пространства с указанием зоны использования, высоты, цели и времени полета, вида, используемого БПЛА в центр Единой системы организации воздушного движения [1] (в Белоруссии предварительно заключив договор на обслуживание с «Белаэронавигация» [2], в Иордании - страховой сертификат и утвержденную Агентством оценку рисков [3]). За несоблюдение установленных правил физические и юридические лица привлекаются к ответственности в соответствии с законодательством страны.

Более лояльные законодательные требования применения беспилотников мы можем наблюдать в Саудовской Аравии, в которой операторам дронов не требуется регистрировать свои дроны или представлять план полета. Достаточно только получения разрешения на осуществление полетов от Главного управления гражданской авиации (GACA).

Законодательство Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) предусматривает соблюдение операторами полетов определенных ограничений в воздушном пространстве и соблюдение правил техники безопасности при эксплуатации БЛА. Не требуется предоставление карты оценки рисков или плана полета, однако используемый дрон должен быть зарегистрированы в Главном управлении гражданской авиации (GCAA).

Также, в каждой стране установлены свои возрастные цензы, предъявляемые к владельцам беспилотных аппаратов, в соответствии с которыми они имеют право на их управление. Это, прежде всего, связано с предупреждением рисков физического вреда и имущественного ущерба третьим лицам, профилактикой совершения правонарушений при использовании БПЛА. Например, в Китае владельцем дрона может быть только лицо, являющееся его гражданином либо юридическое лицо, находящееся на территории государства. В странах Европейского союза управлять дроном может любой гражданин, достигший возраста 16 лет и зарегистрированный в качестве оператора (пилота) в соответствующем реестре. В части странах использовать дроны может любой гражданин в возрасте от 18 лет, также, в Иордании владелец должен предъявить документ удостоверяющий личность, а в Южной Африки - авиационную страховку. В Белоруссии владелец дрона должен быть членом «Белорусской федерации беспилотной авиации».

В США зарегистрировать и управлять полетом БПЛА до недавнего времени мог несовершеннолетний подросток в возрасте от 13 лет самостоятельно и при представлении его интересов законным представителем - до 13 лет. При этом гражданин облагался регистрационным сбором в размере 5 долларов США, который действовал на протяжении трех лет и мог быть продлен еще на три года по такой же ставке. Однако после внесения изменений в законодательство с июля 2023 г. владельцем дрона может являться любой гражданин свободно владеющий английский языком, здоровый психически и физически, и достигший возраста 16 лет. Для соблюдения прав третьих лиц и безопасной эксплуатации летательного аппарата при установлении у гражданина физических отклонений здоровья могут быть наложены определенные ограничения по

использованию дрона (пар. 107.61-107.74 Правил) [4]. Также лицу, имеющему судимость за преступление против здоровья населения за выращивание, переработку, изготовлении, продажу, распоряжение, хранение наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, может быть отказано в принятии заявки на использование БЛА и дальнейшего получения сертификата сроком до 1 года после срока погашения судимости (пар. 107.57 Правил) [5].

Каждое государство в соответствии со своим законодательством в области применения БПЛА устанавливает определенные критерии для безопасного использования беспилотников в пределах воздушного пространства наряду с иными пилотируемыми летательными аппаратами. Это требование распространяются на все виды беспилотных летательные аппаратов независимо от их массы и размера. В соответствии с этим устанавливается определенный порядок эксплуатации летательных аппаратов. Выделяются категории полетов. Например, в странах ЕС установлены три категории:

1. открытая (с низким уровнем риска для окружающей среды)- БЛА имеет максимальную массу менее 25 кг., во время полета держится на расстоянии не более 120 м. от ближайшей точки поверхности земли, за исключением случаев облета препятствий, не перевозит опасные грузы и не сбрасывает никакие материалы);
2. специальная – беспилотные летательные аппараты массой более 25 кг., для эксплуатации гражданин должен зарегистрироваться в качестве удаленного пилота и получить в компетентном органе разрешение на использование;
3. сертифицированная - БЛА предназначены для переноски опасных грузов, должны быть обязательно сертифицированы [6].

В соответствии с Федеральными авиационными правилами в США устанавливается четыре категории полетов для гражданских малых беспилотных летательных аппаратов в воздушном пространстве городов и населенных пунктов [7]. Например, при осуществлении пилотирования по категории «один» пилот может не продолжительное время в открытом воздушном пространстве в черте города использовать небольшой летательный аппарат весом не белее 25 кг., соответствующий всем требованиям техники безопасности (не должен содержать ни каких вращающихся частей).

Для осуществления пилотирования по категории «три» летательный аппарат должен быть задекларирован с указанием названия и марки модели, иметь серийный номер и быть без каких-либо технических дефектов, которые не соответствуют техники безопасности. Данным летательным аппаратом запрещено осуществлять полеты над массовым скоплением граждан. Такие аппараты допускаются к применению в пределах площадок закрытого типа или с ограниченным доступом, при этом люди, находящиеся на площадке должны быть уведомлены об осуществлении полетов над ними.

В настоящее время все беспилотные летательные аппараты весом более 25 кг. должны быть оснащены специальным дополнительным оборудованием и определением геолокации для предотвращения несанкционированных полетов, иметь идентификационный серийный номер.

В каждом государстве в соответствии с законодательством предусмотрено установление, так называемых, «летных зон, зоны полетов» - часть воздушного пространства, которая разрешает, ограничивает или исключает применение беспилотных летательных систем.

Часть 107 устанавливает правила полетов и эксплуатации малых беспилотных летательных аппаратов, относящихся к гражданским системам и весящих до 25 кг. при определенных условиях (погодных, при состоянии опьянения, в ночное время, в пределах прямой видимости, перевозки грузов и т.д.), устанавливает ограничения полетов в определенных зонах [8].

Основные общие требования при использовании БПЛА:

- не могут использоваться в ночное время суток;
- удаленный пилот всегда должен следить за тем, чтобы его летательный аппарат оставался в пределах прямой видимости;
- запрещено использование на территориях национальных парков, природоохранных зон, социальной инфраструктурой города, общественными и военными объектами;
- не могут подлетать ближе чем на 50 м. от людей, жилых домов без соответствующего согласия владельцев;
- установлены виды зон, в которых запрещено пилотирование любых летательных аппаратов без специального разрешения уполномоченных государственных органов (Министерства обороны и Министерства транспорта и коммуникаций, Министерства внутренних дел);
- не запускать дроны ближе чем на 3 км. от аэропорта, вокзала, аэродрома (Иордания);
- необходимо дополнительное разрешение для пилотирования БПЛА весом более 7 кг. вблизи взлета-посадки самолетов, в пределах 10 км от аэродромов, в ограниченном (запрещенном) воздушном пространстве [9].

При использовании БПЛА пользователь обязан:

– выполнять требования законов, регламентирующих эксплуатацию БПЛА;
– соблюдать правила использования летательных аппаратов и выполнять требования безопасности, предусмотренные производителем;
– принимать необходимые меры при возникновении угрозы причинения вреда имуществу физических и юридических лиц, жизни и здоровью граждан.

В случае несоблюдения установленных регламентов, гражданин в зависимости от причиненного вреда в связи с эксплуатацией БПЛА, подлежит гражданской, административной или уголовной ответственности.

На законодательном уровне каждого государства разработаны требования, установленные к БПЛА для снижения рисков, связанных с безопасностью полетов для третьих лиц, их имущества, окружающей среды. Например, в странах ЕС это закреплено в соответствующих регламентах 2019/945 от 12 марта 2019 г. и 2020/639 от 12 мая 2020 г. «О внесении изменений в Исполнительный регламент (ЕС) 2019/947 в отношении стандартных сценариев полетов, выполняемых в пределах или за пределами прямой видимости» [10].

Надзор за соблюдением правовых регламентов в области применения БЛА осуществляет Агентство по авиационной безопасности Европейского союза, в некоторых государствах - Управление гражданской авиации. (Управление гражданской авиацией в Китае).

Например, если гражданин управляет БПЛА без номера, то на него может быть наложен административный штраф. Также не соблюдение правил полета в определенных географических зонах, также влечет наложение штрафа.

В случаях злостного нарушения действующего законодательства, а также нарушение правил безопасности полетов и создание угроз для людей, лицо подлежит уголовной ответственности – лишение свободы сроком до 5 лет (страны Европейского союза, Южной Африки).

В случае выявления удалённого пилота в состоянии опьянения сотрудники правоохранительных органов направляют правонарушителя в медицинское учреждение для прохождения теста на состояние опьянения. Если гражданин отказывается от данной процедуры, то на него накладываются меры административного воздействия в виде приостановки действия сертификата на осуществление полетов или отклонения заявки на получение сертификата сроком до 1 года с момента вынесения подобного предписания (пар. 107.59 Правил) [11].

В соответствии с ч. 107 Федеральных авиационных правил США, приятых 28 июня 2016 г. (с изм. и доп. от 13.07.2023 г.) при предоставлении гражданами ложных данных для выдачи сертификата и постановки на учет беспилотного аппарата, подделки сертификата, совершения мошеннических действий в отношении корректировки рейтинга или авторизации, устанавливается административная или гражданско-правовая ответственность в виде штрафа с возможной конфискацией беспилотного летательного аппарата. При этом полученный на основании ложных данных сертификат на использование БПЛА подлежит аннулированию (США, страны Южной Африки) [12].

В настоящее время законодательство о применении БПЛА постоянно совершенствуется, вносятся изменения, дополнения в имеющееся законодательство и принимаются новые нормативно-правовые акты. Например, в США в соответствии с «Дорожной картой интеграции БЛА в национальное воздушное пространство США» внесены предложения правового регулирования до 2026 г., включающие разработку национальных технических стандартов и документов, сертификации БАС, разработку процедур и правил аэронавигационного обслуживания и организации использования воздушного пространства, обучения лиц, использующих БЛА, проведение исследований, разработок и апробации соответствующих технологий. Федеральным авиационным управлением подготовлены предложения о внесении изменений в Правила, касающиеся установления специальных безопасных зон для полетов.

Список литературы:

[1] Воздушный кодекс Республики Таджикистан от 13 ноября 1998 года № 720 (с изм. и доп. по состоянию на 24.11.2025 г.) [Электронный ресурс] //URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30486894 (дата обращения 02.11.2025 г).

[2] О некоторых вопросах использования авиамоделей в Республике Беларусь: Постановление Совета министров республики Беларусь от 16 августа 2016 г. № 636 [Электронный ресурс]//URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21600636&p1=1 (дата обращения 24.11.2025 г);

[3] Законы о дронах в Иордании [Электронный ресурс] //URL: https://ts2.space/ru/законы-о-дронах-в-иордании/ (дата обращения 24.11.2025 г.).

[4] Свод федеральных нормативных актов США. Раздел 14. Параграф 107 [Электронный ресурс]//URL: https://www.ecfr.gov/current/title-14/chapter-I/subchapter-F/part-107 (дата обращения 24.11.2025 г.).

[5] Правила упрощенного доступа к системам беспилотных летательных аппаратов (Регламент Комиссии по внедрению (ЕС) 2019/947 от 24 мая 2019 г. «О правилах и процедурах эксплуатации беспилотных летательных аппаратов» и Регламент (ЕС) 2019/945 от 12 марта 2019 г. «О системах беспилотных летательных аппаратов (UAS) и об операторах UAS в третьих странах») (с изм. от сентября 2022 г.) [Электронный ресурс] // URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg_del/2019/945/oj (дата обращения 24.11.2025 г.);

[6] Свод федеральных нормативных актов США (с изм. от 15.01.2021г.). Раздел D [Электронный ресурс] //URL: https://www.ecfr.gov/current/title-14/chapter-I/subchapter-F/part-107 (дата обращения 20.11.2025 г.).

[7] Свод федеральных нормативных актов США. Раздел 14. Параграф 107 [Электронный ресурс] //URL: https://www.ecfr.gov/current/title-2814/chapter-I/subchapter-F/part-107 (дата обращения 18.11.2025 г.);

[8] Законы о дронах в Иордании [Электронный ресурс] //URL: https://ts2.space/ru/законы-о-дронах-в-иордании/(дата обращения 26.07.2023 г.);

[9] Обновленные законы о беспилотниках в Южной Африке (2023) [Электронный ресурс] // URL: https://www.propelrc.com/ru/drone-laws-in-south-africa/ (дата обращения 18.11.2025 г.);

[10] Регламент Комиссии по внедрению (ЕС) 2019/947 от 24 мая 2019 г. «О правилах и процедурах эксплуатации беспилотных летательных аппаратов» и Регламент (ЕС) 2019/945 от 12 марта 2019 г. «О системах беспилотных летательных аппаратов (UAS) и об операторах UAS в третьих странах») (с изм. от сентября 2022г.) [Электронный ресурс] // URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg_del/2019/945/oj (дата обращения 26.11.2025 г.);

[11] Свод федеральных нормативных актов США. Федеральных авиационных правил, приятых 28 июня 2016 г. (с изм. и доп. от 13.07.2023 г.). Раздел 14. Параграф 107 [Электронный ресурс] // URL: https://www.ecfr.gov/current/title-2814/chapter-I/subchapter-F/part-107 (дата обращения 18.11.2025 г.).

References:

[1] Air Code of the Republic of Tajikistan dated November 13, 1998 No. 720 (as amended and supplemented as of 24.11.2025) [Electronic resource]// URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30486894 (accessed on 02.11.2025).

[2] On some issues of the use of aircraft models in the Republic of Belarus: Decree of the Council of Ministers of the Republic of Belarus of August 16, 2016 No. 636 [Electronic pecypc]//URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C2160063 6&p1=1 (date of appeal 24.11.2025 g);

[3] Laws on drones in Jordan [Electronic resource]//URL: https ://ts2.space/en/laws-on-drones-in-Jordan/(accessed 24.11.2025).

[4] Code of Federal Regulations. Section 14. Paragraph 107 [Electronic pecypc]//URL: https://www.ecfr.gov/current/title-14/chapter-I/subchapter-F/part-107 (accessed 24.11.2025).

[5] Rules for Simplified Access to Unmanned Aerial Vehicle Systems (Implementation Commission Regulation (EC) 2019/947 of 24 May 2019 “On rules and procedures for the operation of unmanned aerial vehicles” and the Regulation (EU) 2019/945 of 12 March 2019 “On unmanned aerial vehicle systems (UAS) and about UAS operators in third countries”) (as amended on September 2022) [Electronic Resource]//URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg_del/2019/945/oj (accessed on 24.11.2025);

[6] Code of Federal Regulations (as amended on 15.01.2021). Section D [Electronic Resource]// URL: https://www.ecfr.gov/current/title-14/chapter-I/subchapter-F/part-107 (accessed 20.11.2025).

[7] Code of Federal Regulations. Section 14. Paragraph 107 [Electronic resource]//URL: https://www.ecfr.gov/current/title-2814/chapter-I/subchapter-F/part-107 (accessed 18.11.2025);

[8] Laws on drones in Jordan [Electronic resource]//URL: https ://ts2.space/ru/laws-on-drones-in-Jordan/(accessed 26.07.2023);

[9] Updated laws on drones in South Africa (2023) [Electronic resource]//URL: https://www.propelrc.com/ru/drone-laws-in-south-africa/ (accessed 18.11.2025);

[10] Implementation Commission Regulation (EC) 2019/947 of 24 May 2019 “On Rules and Procedures for the Operation of Unmanned Aerial Vehicles” and Regulation (EC) 2019/945 of 12 March 2019 “On Unmanned Aerial Vehicle Systems (UAS) and on UAS Operators in Third Countries”) (as amended on September 2022). [Electronic resource]//URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg_del/2019/945/oj (accessed 26.11.2025);

[11] Code of Federal Regulations. Federal Aviation Regulations adopted on June 28, 2016 (as amended and supplemented on 13.07.2023). Section 14. Paragraph 107 [Electronic resource]//URL: https://www.ecfr.gov/current/title-2814/chapter-I/subchapter-F/part-107 (accessed 18.11.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-38-42

КУЛОВА Самира Замировна,
студентка Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина,
e-mail: mail@law-books.ru

ЧЕРНАЯ Софья Николаевна,
студентка Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина,
e-mail: mail@law-books.ru

РАССКАЗОВ Вячеслав Леонидович,
доктор юридических наук,
Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ КОНСТИТУЦИЙ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Аннотация. *Статья посвящена анализу основных видов конституций зарубежных стран, их классификации и ключевым характеристикам. Рассматриваются особенности писаных и неписаных конституций, а также жестких и мягких форм конституционного регулирования. В работе проводится сравнительный анализ конституционных систем демократических и авторитарных государств, выявляются тенденции и особенности создания, применения и развития конституций в международной практике. Статья будет полезна специалистам в области конституционного права, политологии и международных отношений.*

В рамках статьи рассматривается вопрос о том, что из себя представляет термин «конституция» вы современной юридической литературе. Автор приходит к выводу, что конституция – это уникальный нормативно-правовой акт, регулирующий фундаментальные основы государственного и общественного устройства страны. Особое внимание в работе уделено вопросу критериев разграничения конституций различных государств. Автор выделяет такие критерии как: содержание, способ принятия, форму выражения конституции и т.д.

В заключении автор делает вывод о том, что современные конституции представляют собой уникальные нормативные акты, регулирующие наиболее важные аспекты государственной и общественной жизни. При этом в юридической практики принято разграничивать конституции по множеству критериев, определяющих уникальный характер каждого конкретного нормативного акта. При этом следует помнить, что не все конституции оказываются жизнеспособными, что обуславливает необходимость глубокого и детального подхода к их принятию, пересмотру и внесению поправок. Только на основе такого подхода возможно создать действительно действенную конституцию, которая сможет стать фундаментом всей правовой системы.

Ключевые слова: *конституция, классификация, критерии, способ принятия, разновидность, юридическая сила, основной закон, государство.*

KULOVA Samira Zamirovna,
Student of Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

CHERNAYA Sofya Nikolaevna,
Student of Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

RASSKAZOV Vyacheslav Leonidovich,
Doctor of Law Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

MAIN TYPES OF FOREIGN COUNTRIES' CONSTITUTIONS

Annotation. *The article is devoted to the analysis of the main types of foreign countries' constitutions, their classification, and key characteristics. It examines the features of written and unwritten constitutions, as well as the rigid and soft forms of constitutional regulation. The article provides a comparative analysis of the constitutional systems of democratic and authoritarian states, identifying trends and peculiarities in the creation, application, and development of constitutions in international practice. This article will be useful for specialists in constitutional law, political science, and international relations.*

The article examines the concept of "constitution" in modern legal literature. The author concludes that a constitution is a unique legal act that regulates the fundamental principles of a country's government and society. The article focuses on the criteria for distinguishing between different constitutions. The author identifies criteria such as content, method of adoption, form of expression, and more.

In conclusion, the author concludes that modern constitutions are unique legal acts that regulate the most important aspects of state and public life. In legal practice, it is common to distinguish between constitutions based on a variety of criteria that define the unique nature of each specific legal act. It is important to remember that not all constitutions are viable, which necessitates a thorough and detailed approach to their adoption, revision, and amendment. Only through such an approach can a truly effective constitution be created, serving as the foundation for the entire legal system.

Key words: *constitution, classification, criteria, method of adoption, variety, legal force, fundamental law, state.*

Введение.

Правовые системы большинства демократических государств основаны в первую очередь на положениях конституций. Некоторые государства прямо рассматривают конституцию как основной закон страны, к примеру, Основной закон Федеративной Республики Германии 1949 г., Основной закон Республики Гвинея 1990 г., Основной закон Монголии 1992 г. [1, с. 155]. В других случаях конституция прямо не провозглашается основным законом государства, однако, ее структура и содержание говорят о том, что именно указанный нормативно-правовой акт выступает главным в правовой системе государства. В исключительных случаях, как правило в теократических государствах, юридическая сила конституций может уступать юридической силе иных источников права (например, священных писаний), однако, даже при таком раскладе указанный нормативный акт остается основным правовым актом, закрепляющим основы конституционного и правового строя государства.

Значимость конституций для регулирования общественных отношений предопределяет необходимость их детального изучения в рамках современной юридической литературы. Так, к примеру, исследованию могут подвергнутся структура конституций, их содержание или, к примеру, как в нашем случае, классификация.

Данную исследовательскую работу мы посвятим вопросу сравнительного анализа конституций различных стран. Целью работы выступает всестороннее и комплексное изучение вопроса о характерных особенностях конституций различных государств.

Методы исследования.

В рамках написания исследовательской работы были использованы различные методы научного познания, включая такие общие методы как: анализ, синтез, индукция и дедукция. Отметим, что основу исследования составляет анализ нормативно-правовой базы, которая представлена положениями конституций различных государств. Также анализу подверглись различные положения юридической литературы и исследования отечественных и зарубежных авторов.

Обсуждение.

В первую очередь нам необходимо установить, что же из себя представляет конституция как основной источник правовых норм в современных странах. Отметим, что в некоторых правовых системах присутствует легальное определение указанного нормативно-правового акта, в то время как в других законодатель ограничивается лишь указанием на его характерные признаки, которые, однако, также дают представление о содержании понятия «конституция». В то же время во многих государствах и вовсе отсутствует понятие или характеристика указанного правового акта, что.ю однако, не мешает признанию конституции в качестве основного закона государства.

Термин «конституция» зародился еще в Древнем Риме, где под ним было принято понимать правовые акты суверена. При этом власть суверена была абсолютной, а значит не имела каких-либо юридических ограничений. Как отмечает Пугачев А.Н., широкое влияние римского права на современное право европейских стран

обусловило применимость указанного термина к современным правовым реалиям [2, с. 137]. В то же время современная трактовка термина «конституция» разительно отличается от трактовки времен Древнего Рима.

В рамках юридической литературы под конституцией принято понимать: основной закон государства, обладающий высшей юридической силой, который определяет его устройство, закрепляет права и свободы человека, основы общественного и государственного строя, а также принципы организации и функционирования власти. Понятие конституции также можно раскрыть через ее юридические свойства, к которым, как отмечают отечественные авторы, следует отнести следующее:

– верховенство конституции;
– высшую юридическую силу конституции;
– значение конституции в качестве фундамента всей законодательной системы в государстве;
– особый порядок принятия конституции и внесения в нее поправок;
– особый порядок защиты конституционных положений [5, с. 115].

Таким образом, можно заключить, что термин «конституция» в современном его понимания означает основной нормативный акт государства,, характеризующийся уникальными юридическими свойствами, и регулирующий наиболее фундаментальные основы государственного устройства, конституционного строя и строения правовой системы. При этом конституции различных государств могут обладать своим уникальным характером, поэтому для их детального исследования необходимо обратиться к теме классификации конституций в современной юридической литературе.

В настоящее время нет единого критерия классификации конституции, в различных исследованиях встречаются разные подходы к разграничению видов данного правового акта. Мы рассмотрим основные из них.

В первую очередь, следует отметить, что конституции разграничиваются по характеру их принятия. Так, принято выделять октроированные т.е. дарованные конституции, народные конституции, а также конституции, которые приняты на основе международных договоров. Октроированные конституции также можно подразделить на несколько категорий. В первую очередь, речь в данном случае идет о конституциях, которые были «дарованы» монархом и фактически ограничивали его власть. Как правило, такое происходило на основе общественного давления, а конституция выступала гарантией отказа от самодержавия. Примером такой конституции может стать Манифест Императора всея Руси Николая II от 17 октября 1905 г. Данный манифест провозглашал установление гражданских прав и свобод. В соответствии с его положениями была создана Государственная Дума, выступавшая в качестве ограничителя воли монарха [4, с. 48].

Однако не все дарованные монархом конституции утратили актуальность. В настоящее время октроированные конституции продолжают действовать в Монако, Лихтенштейне, Иордании, Омане, Кувейте и Катаре.

Октроированные конституции также появились в период распада колониальных империй. Так, к примеру, в 1926 г. Верховный комиссар Франции обнародовал в Ливане конституции независимого государства. Несмотря на то, что ее положения провозглашали Ливан независимым государством, Франция продолжила контролировать внешние связи и оборону. Великобритания также использовала октроированные конституции для контроля бывших колоний. Такие конституции устанавливали государственный строй аналогичный строю метрополии. В настоящее время большинство конституций принятых таким образом, модернизированы или заменены новыми. Вместе с тем, в Канаде, Австрии, Зимбабве, Кении и во многих других государствах действуют октроированные конституции.

Октроированные конституции также формировались в результате принятия парламентами или конгрессами метрополий конституций и законов соответствующего статуса для зависимых территорий. Например, Конгресс США принял Конституцию Пуэрто-Рико (1952 г.), Австралия — Закон об островах Килинг (1955 г.), Новая Зеландия — Конституцию Островов Кука (1965 г.).

В исламских государствах октроированной конституцией нередко признается Коран, поскольку он считается дарованным свыше Аллахом через пророка Мухаммада. В Иране и Саудовской Аравии Коран официально признается одновременно конституцией и священной книгой, определяющей фундаментальные нормы государственного устройства.

Народные конституции получили свое название в связи с активным участием населения государства в их принятии. Так, такие конституции, как правило, утверждаются Парламентом на основе проведения референдума среди населения страны. Такой способ принятия конституции имеет как свои достоинства, так и свои недостатки. С одной стороны, проведение референдума в первую очередь позволяет узнать мнение народа о структуре и содержании нормативного акта, а также определяет возможность детального обсуждения отдельных положений конституции, что обуславливает принятие юридически выверенных положений. С другой стороны, зачастую, такой способ принятия конституции приво-

дит к тому, что Парламент государства наделяется слишком широким спектром полномочий, что может негативно сказаться на системе разделения власти в государстве.

Некоторые конституции могут быть приняты на основе международных договоров. Например, принятие конституции Кипра проходило наряду с международными переговорами Великобритании, Греции, Турции. Итогом стало принятие Меморандума об урегулировании кипрского вопроса, а также Договор о гарантиях сохранения независимости и территориальной целостности Кипра. Было предусмотрено создание комиссии для подготовки проекта Конституции, установления порядка вступления конституции в законную силу. Соответственно, указанное соглашение наделило комиссию учредительной властью.

Способ принятия конституции является значимым, но не единственным критерием классификации указанных нормативно-правовых актов. Так, еще одним критерием для разграничения конституций различных стран выступает форма выражения конституции. Так, большинство конституций носит писанный характер, то есть содержаться в конкретных нормативно-правовых актах. Выделяют кодифицированные конституции (представленные одним актом), и некодифицированные конституции (инкорпорированные в несколько нормативных актов и правовых обычаев). Кодифицированные конституции свойственны романо-германской правовой семье (Россия, Германия, США), в то время как некодифицированные больше свойственны англосаксонской правовой семье (Великобритания).

Также критерием разграничения конституций различных государств выступает способ внесения поправок. Принято выделять жесткие и гибкие конституции. Жесткие конституции предусматривают специальный порядок их пересмотра (США, Российская Федерация). В то же время для некодифицированных конституций зачастую характерен гибкий порядок внесения поправок, в рамках которого пересмотр конституционных положений не имеет специального порядка.

Содержание конституций также может выступать критерием для их классификации. Конституции принято подразделять на социальные и политические. . Политические конституции определяют фундаментальные юридические свойства государства, механизмы государственной власти, структуру органов власти и формы участия граждан в управлении государством, игнорируя социально-экономические аспекты. Примером служит Конституция США 1787 г., закрепляющая структуру органов власти, их взаимоотношения и систему сдержек и противовесов без упоминания социально-экономических прав. К политическим конституциям относятся также основные законы социалистических государств (Вьетнам, КНДР, Куба).

Социальные конституции, напротив, провозглашают социальный характер государства, устанавливают обширный перечень социально-экономических прав граждан и определяют обязанности государства перед обществом. К ним относятся новейшие конституции Европы, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии и Северной Африки; Конституция Российской Федерации посвящает социальным правам 20 статей.

Форма правления в государстве также может выступать критерием разграничения конституций разных стран. В указанном случае принято выделять республиканские конституции (Россия, США) и монархические конституции (Япония, Великобритания).

Конституции могут разграничиваться и по времени своего действия. Большинство современных конституций носят постоянный характер, то есть их действие распространяется на неограниченный срок. В то же время чрезвычайные обстоятельства могут привести к созданию так называемых временных конституций. Например, такие конституции часто создаются как временное решение после революций, военных переворотов и других чрезвычайных событий.

Некоторые авторы предлагают также разграничивать конституции государств по их соответствию реальной действительности. Так, к примеру, выделяются реальные конституции, которые полностью соответствуют реальным условиям жизни населения. Однако, существуют и фиктивные конституции, которые фактически существуют только на бумаге, но не работают в действительности. Вопрос об отнесении отдельных конституций к числу реальных или фиктивных представляет собой интерес для отдельного исследования.

Заключение.

Современные конституции представляют собой уникальные нормативные акты, регулирующие наиболее важные аспекты государственной и общественной жизни. При этом в юридической практике принято разграничивать конституции по множеству критериев, определяющих уникальный характер каждого конкретного нормативного акта.

При этом следует помнить, что не все конституции оказываются жизнеспособными, что обуславливает необходимость глубокого и детального подхода к их принятию, пересмотру и внесению поправок. Только на основе такого подхода возможно создать действительно действенную конституцию, которая сможет стать фундаментом всей правовой системы.

Список литературы:

[1] Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс. Т. 1. / С.А. Авакьян, - М., 2010. - С. 155.

[2] Пугачев А.Н. Значение термина «конституция» / А.Н. Пугачев // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2011. - № 14. – С. 134-137.

[3] Пугачев А.Н. Юридические свойства конституции: понятие, виды, характеристика / А.Н. Пугачев // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2013. - № 5. – С. 115-126.

[4] Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: учебник. / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин, - М., 1995. - С. 48.

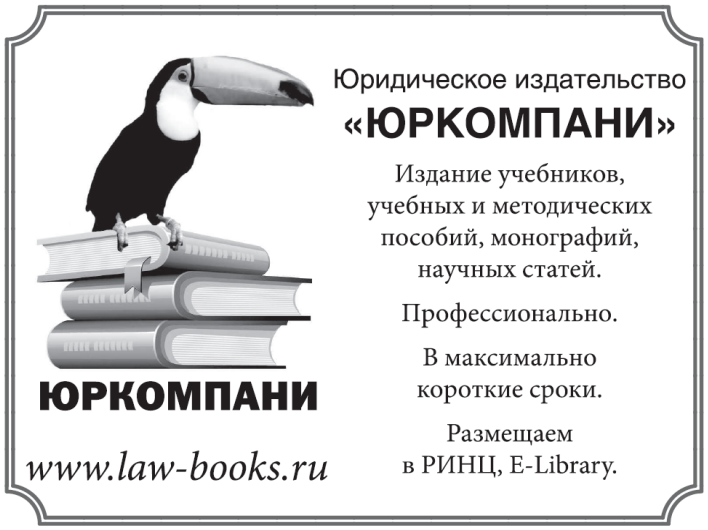
References:

[1] Avakyan S. A. Constitutional law of Russia: training course. T. 1 ./S.A. Avakyan, - M., 2010. - S. 155.

[2] Pugachev A.N. Meaning of the term “constitution “/A.N. Pugachev//Bulletin of Polotsk State University. Series D. Economic and legal sciences. – 2011. - № 14. - S. 134-137.

[3] Pugachev A.N. Legal properties of the constitution: concept, types, characteristics/A.N. Pugachev//Bulletin of Polotsk State University. Series D. Economic and legal sciences. – 2013. - № 5. - S. 115-126.

[4] Kozlova E.I., Kutafin O.E. Constitutional law of Russia: textbook ./E.I. Kozlova, O.E. Kutafin, - M., 1995. - S. 48.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-43-48

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук,
профессор, главный научный сотрудник ФКУ
научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ НА ПРОСМОТР КИНОФИЛЬМОВ И ТЕЛЕПЕРЕДАЧ, ПРОСЛУШИВАНИЕ РАДИОПЕРЕДАЧ

Аннотация. *Целью исследования стали организационные, правовые и психологические особенности реализации права осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы на просмотр кинофильмов и телепередач, прослушивание радиопередач. Для ее достижения применялись диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение, с помощью которых анализировались законодательные и ведомственные правовые акты, научные публикации, а также материалы, раскрывающие организационно-правовые и психологические особенности реализации права осужденных на просмотр кинофильмов и телепередач, прослушивание радиопередач в условиях исправительных учреждениях, правоохранительную и правозащитную практику на данном направлении. Национальное уголовно-исполнительное законодательство (статья 94 УИК РФ) и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России (Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы, утвержденные Приказом Министерства юстиции Российской Федерации 2022 г. № 110 регулируют право осужденных к лишению свободы на просмотр кинофильмов и телепередач, прослушивание радиопередач. Указанное право относится к дополнительным нематериальным правам, является актуальным для теории и практики уголовно-исполнительного права, правоохранительной и правозащитной деятельности, прокурорского надзора в современных условиях функционирования отечественной уголовно-исполнительной системы, учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания. Уголовно-исполнительный закон установил, что рассматриваемое право не распространяется на осужденных, отбывающих лишение свободы в тюрьме, а также лиц, нарушающих установленный порядок и условия отбывания наказания, признанных в установленном законом порядке злостными нарушителями режима, содержащимися в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ и ОК. Право на просмотр кинофильмов и телепередач, прослушивание радиопередач является важнейшим элементом воспитательной работы с осужденными к лишению свободы в исправительном учреждении. Использование наглядных форм и методов воспитания, которыми являются кинофильмы и телепередачи, положительно влияют на эффективность воспитательно-профилактического воздействия. Способствует формированию у осужденных мотивации и социальных установок, целеполагания и жизненных планов, патриотизма и мировоззрения, морально-нравственных ценностей, свойств и качеств личности. Преодолению и купированию негативных психологических характеристик, вызванных криминальной зараженностью осужденных, проявляющиеся при отбывании ими наказания в ИУ. Успешному достижению цели исправления, ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, развития социальной культуры и правосознания осужденных к лишению свободы. Представляется целесообразным оказывать на осужденных целенаправленное, постоянное воспитательно-профилактическое воздействие в целях профилактики их противоправного поведения, случаев нарушения установленного порядка и условий отбывания лишения свободы. Активно приме-*

нять при этом современные цифровые и информационные технологии, распространенные в том числе, в средствах массовой информации, использовать воспитательной и обучающей деятельности специальных телепередач и радиопрограмм не только в образовательных, но и психотерапевтических целях.

Ключевые слова: *права осужденных, просмотр кинофильмов и телепередач, прослушивание радиопередач, лишение свободы, исправительные учреждения, уголовно-исполнительная система, сотрудники.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research Institute
Federal Penitentiary Service of Russia

FEATURES OF THE REALIZATION OF THE RIGHT OF PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT TO WATCH MOVIES AND TV SHOWS, TO LISTEN TO RADIO BROADCASTS

Annotation. *The purpose of the study was the organizational, legal and psychological features of the realization of the right of convicts serving sentences in the form of imprisonment to watch movies and television shows, listening to radio broadcasts. To achieve this goal, the dialectical method of cognition and other well-known methods of logical cognition (general scientific and private scientific) were used: analysis, synthesis, comparison, analogy, generalization, sociological survey, observation, which analyzed legislative and departmental legal acts, scientific publications, as well as materials revealing the organizational, legal and psychological features of the implementation of law. convicted of watching movies and TV shows, listening to radio broadcasts in correctional facilities, law enforcement and human rights practice in this area. National penal enforcement legislation (Article 94 of the Criminal Code of the Russian Federation) and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia (Internal Regulations of Correctional Institutions of the penal System, approved by Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 110 of 2022 regulate the right of persons sentenced to imprisonment to watch movies and television shows, listening to radio broadcasts. This right refers to additional intangible rights, and is relevant to the theory and practice of penal enforcement law, law enforcement and human rights activities, and prosecutorial supervision in the modern context of the functioning of the domestic penal enforcement system, institutions, and bodies executing criminal penalties. The Penal Enforcement Law established that the right in question does not apply to convicts serving their sentences in prison, as well as persons who violate the established procedure and conditions of serving their sentences, recognized in accordance with the procedure established by law as serious violators of the regime, held in the SIZO, PKT, EPKT and OK. The right to watch movies and television shows, and to listen to radio broadcasts is an essential element of educational work with those sentenced to imprisonment in a correctional institution. The use of visual forms and methods of education, such as films and television shows, has a positive effect on the effectiveness of educational and preventive measures. It promotes the formation of motivation and social attitudes among convicts, goal-setting and life plans, patriotism and worldview, moral values, personality traits and qualities. To overcome and stop the negative psychological characteristics caused by the criminal infection of convicts, which manifest themselves while serving their sentences in prison. The successful achievement of the goals of correction, re-socialization, social adaptation and social rehabilitation, the development of social culture and legal awareness of those sentenced to imprisonment. It seems advisable to provide convicts with a targeted, constant educational and preventive impact in order to prevent their illegal behavior, cases of violation of the established procedure and conditions of serving their imprisonment. At the same time, they actively apply modern digital and information technologies, which are widespread, among other things, in the mass media, and use special television and radio programs for educational and educational purposes, as well as for psychotherapeutic purposes.*

Key words: *convicts' rights, watching movies and TV shows, listening to radio broadcasts, imprisonment, correctional institutions, penal enforcement system, employees.*

Введение. На основе теоретико-правового анализа уголовно-исполнительного законодательства и ведомственных правовых актов Минюста и ФСИН России права осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях (далее ИУ) уголовно-исполнительной системы (далее УИС) можно классифицировать на:

– основные и дополнительные. Первые базируются на соблюдении и обеспечении основных прав человека, нашедших свое отражение в Основном законе России – Конституции Российской Федерации [1, с. 16-19];
– материальные и нематериальные.

Все перечисленные виды прав закреплены в специальных правовых нормах, регулирующих порядок их осуществления, а также процедуру реализации в ИУ различных видов режима и условий содержания [2, с. 189-191].

К дополнительным нематериальным правам осужденных к лишению свободы относится право на просмотр кинофильмов и телепередач, прослушивание радиопередач. Данное право является актуальным для теории и практики уголовно-исполнительного права, правоохранительной и правозащитной деятельности, прокурорского надзора в современных условиях функционирования отечественной УИС, учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания. Эффективной реализации директивных документов Правительства Российской Федерации в сфере исполнения уголовных наказаний [3].

Право на просмотр кинофильмов и телепередач, прослушивание радиопередач осужденными к лишению свободы характеризуется наличием правовых, организационных и психологических особенностей его реализации в условиях ИУ, ожидающих комплексного междисциплинарного рассмотрения и анализа.

Методы и принципы исследования. Для изучения организационных, правовых и психологических особенностей реализации права осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы на просмотр кинофильмов и телепередач, прослушивание радиопередач применялись диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение, с помощью которых анализировались законодательные и ведомственные правовые акты, научные публикации, а также материалы, раскрывающие организационно-правовые и психологические особенности реализации права осужденных на просмотр кинофильмов и телепередач, прослушивание радиопередач в условиях исправительных учреждениях, правоохранительную и правозащитную практику на данном направлении.

Основные результаты. Реализация рассматриваемого права осужденных к лишению свободы берет свое начало с их информирования администрацией и сотрудниками ИУ об особенностях его обеспечения, закрепленных в национальном уголовно-исполнительном законодательстве [4, с. 220-224]. Доведением сведений о том, что согласно части первой статьи 94 УИК РФ, в ИУ не реже одного раза в неделю демонстрируются кинофильмы и видеофильмы. Законодатель также определил категории осужденных к лишению свободы, которые лишены указанного права. К ним относятся отбывающие наказание в тюрьме, переведенным в:

– штрафные изоляторы (далее ШИЗО);
– помещения камерного типа (далее ПКТ);
– единые помещения камерного типа (далее ЕПКТ);
– одиночные камеры (далее ОК) [5].

Таким образом, уголовно-исполнительный закон существенно ограничил права осужденных, нарушающих установленный порядок и условия отбывания лишения свободы, признанных в установленном порядке злостными нарушителями режима исполнения наказания [6, с. 257-261]. Более того, обязал администрацию ИУ ставить на профилактический учет осужденных, содержащихся в указанных помещениях [7, с. 130-132].

Осужденным, за исключением содержавшихся в помещениях, перечисленных в первой части статьи 94 УИК РФ, разрешается просмотр телепередач в свободное от работы часы, кроме времени, отведенного распорядком дня для ночного отдыха [8].

В рассматриваемом контексте актуализируется значение воспитательной работы с осужденными. Использования для этого наглядных форм и методов, которыми являются кинофильмы и телепередачи, положительно влияющих на эффективность воспитательно-профилактического воздействия на осужденных к лишению свободы [9, с. 160-167]. Способствующее формированию у них мотивации и социальных установок, целеполагания и жизненных планов, патриотизма и мировоззрения, морально-нравственных ценностей, свойств и качеств личности. Преодолению и купированию негативных психологических характеристик, вызванных криминальной зараженностью осужденных, проявляющиеся при отбывании ими наказания в ИУ [10, с. 20-23].

Развивая значение права осужденных к лишению свободы на просмотр телепередач в их исправлении, ресоциализации, социальной адап-

тации и социальной реабилитации, развития социальной культуры и правосознания, законодатель в третьей части анализируемой статьи УИК предусмотрел возможность приобретения осужденными и группами осужденных телевизионных приемников и радиоприемников за счет собственных средств через торговую сеть, либо получать их от родственников и иных лиц. При этом прослушивание радиопередач разрешается в свободные от работы часы, кроме времени, отведенного распорядком дня для ночного отдыха. Жилые помещения, комнаты воспитательной работы, комнаты отдыха, рабочие помещения, камеры ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ и ОК оборудуются радиоточками за счет средств ИУ [11].

Таким образом, национальный уголовно-исполнительный закон демонстрирует системную готовность оказывать на осужденных целенаправленное, постоянное воспитательно-профилактическое воздействие в целях профилактики их противоправного поведения, случаев нарушения установленного порядка и условий отбывания лишения свободы. Активно применять при этом современные цифровые и информационные технологии, распространенные в том числе, в средствах массовой информации [12, с. 255-261].

Анализ пенитенциарной практики на рассматриваемом направлении показывает перспективные возможности использования в воспитательной и обучающей деятельности специальных телепередач и радиопрограмм не только в образовательных, но и психотерапевтических целях [13, с. 79-84].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами:

- VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний»;
- V Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» (приуроченном к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий)., состоявшемся 17-19.10.2021 г. в Академии ФСИН России. Доклад на тему «Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправительных колониях уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования»;
- 10 Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия» в Пермском институте ФСИН России 15.04.2023. Доклад на тему: «Современная оперативно-розыскная политика в УИС и ее влияние на комплексное обеспечение безопасности пенитенциарных учреждений»;
- XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», 18 -19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;
- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;
- 6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития»;
- XI Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 05.04. 2024 г., на секции «Правовое регулирование деятельности подразделений УИС по обеспечению режима, охраны и конвоирования». Доклад на тему: «Особенности деятельности оперативных подразделений по обеспечению режима исправительных учреждений».

Заключение. Национальное уголовно-исполнительное законодательство (статья 94 УИК РФ) и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России (Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы, утвержденные Приказом Министерства юстиции Российской Федерации 2022 г.

№ 110 регулируют право осужденных к лишению свободы на просмотр кинофильмов и телепередач, прослушивание радиопередач.

Указанное право относится к дополнительным нематериальным правам, является актуальным для теории и практики уголовно-исполнительного права, правоохранительной и правозащитной деятельности, прокурорского надзора в современных условиях функционирования отечественной уголовно-исполнительной системы, учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Уголовно-исполнительный закон установил, что рассматриваемое право не распространяется на осужденных, отбывающих лишение свободы в тюрьме, а также лиц, нарушающих установленный порядок и условия отбывания наказания, признанных в установленном законом порядке злостными нарушителями режима, содержащимися в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ и ОК.

Право на просмотр кинофильмов и телепередач, прослушивание радиопередач является важнейшим элементом воспитательной работы с осужденными к лишению свободы в исправительном учреждении. Использование наглядных форм и методов воспитания, которыми являются кинофильмы и телепередачи, положительно влияют на эффективность воспитательно-профилактического воздействия. Способствует формированию у осужденных мотивации и социальных установок, целеполагания и жизненных планов, патриотизма и мировоззрения, морально-нравственных ценностей, свойств и качеств личности. Преодолению и купированию негативных психологических характеристик, вызванных криминальной зараженностью осужденных, проявляющиеся при отбывании ими наказания в ИУ. Успешному достижению цели исправления, ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, развития социальной культуры и правосознания осужденных к лишению свободы.

Представляется целесообразным оказывать на осужденных целенаправленное, постоянное воспитательно-профилактическое воздействие в целях профилактики их противоправного поведения, случаев нарушения установленного порядка и условий отбывания лишения свободы. Активно применять при этом современные цифровые и информационные технологии, распространенные в том числе, в средствах массовой информации, использовать воспитательной и обучающей деятельности специальных телепередач и радиопрограмм не только в образовательных, но и психотерапевтических целях.

Список литературы:

[1] Трапаидзе К.З. Проблемы защиты прав осужденных к лишению свободы в контексте соблюдения и обеспечения основных прав человека // Проблемы защиты прав: история и современность. Материалы 13 международной научно-практической конференции. Научный редактор И.С. Кокорин. Ответственный редактор Е.Б. Гоголевская. 2019. С. 16-19.

[2] Ковалев О.Г Вопросы соблюдения прав осужденных в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы // Российский научный вестник. 2024. № 12. С. 189-191.

[3] Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // Consultant.ru (дата обращения 19.12.2025).

[4] Ковалев О.Г. Особенности законодательного и ведомственного регулирования права осужденных на получение информации о своих правах и обязанностях, порядке и условиях отбывания, назначенного судом наказания // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 220-224.

[5] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[6] Ковалев О.Г. К вопросу соблюдения законности содержания осужденных в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа, единых помещений камерного типа и одиночных камерах исправительных учреждений // Право и управление. 2024. № 7. С. 257-261.

[7] Ковалев О.Г., Васильева А.Ю. Теоретические основы организации профилактического учета в исправительных колониях // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 96-5. С. 130-132.

[8] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А.Москва, 2006. 148 с.

[9] Ковалев О.Г., Иконников Д.С., Семенова Н.В. Проблемы организации воспитательной работы в исправительных учреждениях в процессе профилактики противоправного поведения осужденных // Перспективы науки. 2024. № 3 (174). С. 160-167.

[10] Баламут А.Н., Ковалев О.Г., Дикопольцев Д.Е. Теоретический анализ комплексных психокоррекционных программ, направленных на суицидальную превенцию подозреваемых, обвиняемых и осужденных (организационный, соци-

альный и психологический аспекты) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 1. С. 20-23.

[11] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[12] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Влияние цифровых технологий на противоправное поведение осужденных молодежного возраста // Российский научный вестник. 2025. № 4. С. 255-261.

[13] Ковалев О.Г., Ковтуненко Л.В. Учебная деятельность и профессиональная подготовка в исправлении осужденных // В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Тверь, 2025. С. 79-84.

References:

[1] Trapaidze K.Z. Problems of protecting the rights of persons sentenced to imprisonment in the context of observing and ensuring fundamental human rights // Problems of protecting rights: history and modernity. Materials of the 13th international scientific and practical conference. Scientific editor I.S. Kokorin. The responsible editor is E.B. Gogolevskaya. 2019. pp. 16-19.

[2] Kovalev O.G. Issues of observance of the rights of convicts in correctional institutions of the penal system // Russian Scientific Bulletin. 2024. No. 12. pp. 189-191.

[3] Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/29/2021 No. 1138-r "On approval of the Concept of development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030" // Consultant.ru (date of application: 12/19/2025).

[4] Kovalev O.G. Peculiarities of legislative and departmental regulation of the right of convicts to receive information about their rights and obligations, the order and conditions of serving the sentence imposed by the court // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 1. pp. 220-224.

[5] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

[6] Kovalev O.G. On the issue of observing the legality of the detention of convicts in penal isolation cells, cell-type rooms, single cell-type rooms and single cells of correctional institutions // Law and Management. 2024. No. 7. pp. 257-261.

[7] Kovalev O.G., Vasilyeva A.Yu. Theoretical foundations of the organization of preventive accounting in correctional colonies // Trends in the development of science and education. 2023. No. 96-5. pp. 130-132.

[8] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A.Moscow, 2006. 148 p.

[9] Kovalev O.G., Ikonnikov D.S., Semenova N.V. Problems of organizing educational work in correctional institutions in the process of preventing illegal behavior of convicts. Perspektivy nauki. 2024. No. 3 (174). pp. 160-167.

[10] Balamut A.N., Kovalev O.G., Dikopoltsev D.E. Theoretical analysis of complex psychocorrective programs aimed at suicidal prevention of suspects, accused and convicted (organizational, social and psychological aspects) // Penal enforcement system: law, economics, management. 2023. No. 1. pp. 20-23.

[11] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[12] Kovalev O.G., Melnikova O.V. The influence of digital technologies on the illegal behavior of youth convicts. // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 4. pp. 255-261.

[13] Kovalev O.G., Kovtunenko L.V. Educational activity and professional training in the correction of convicts // In the collection: Spiritual and moral education of the individual in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Tver, 2025. pp. 79-84.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-49-53

ЗЛОБИН Михаил Николаевич,
старший преподаватель кафедры
огневой и физической подготовки Волгодонского филиала
Ростовского юридического института МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: y137os@yandex.ru

КРИВИЦКИЙ Дмитрий Евгеньевич,
преподаватель кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: dkrividskii@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ С НАСЕЛЕНИЕМ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА ПРИ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности и значимость взаимодействия правоохранительных органов с населением в процессе обеспечения общественного порядка при массовых мероприятиях. Анализируются правовые основы, организационные модели, а также ключевые методы эффективного взаимодействия. Особое внимание уделяется правовому регулированию, проблемам коммуникации и доверию между полицией и обществом, влияющим на успешность профилактики правонарушений и обеспечения безопасности. Сделаны выводы о необходимости комплексного подхода, основанного на принципах законности, прозрачности и активного гражданского участия.*

Ключевые слова: *правоохранительные органы, общественный порядок, массовые мероприятия, взаимодействие с населением, профилактика правонарушений, безопасность.*

ZLOBIN Mikhail Nikolaevich,
senior lecturer of the department
of fire and physical training of the Volgodonsk branch
of the Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

KRIVITSKY Dmitry Evgenievich,
lecturer at the Department of Special Disciplines
at the Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
police lieutenant colonel

INTERACTION BETWEEN LAW ENFORCEMENT AGENCIES AND THE POPULATION IN ENSURING PUBLIC ORDER DURING MASS EVENTS

Annotation. *This article examines the specifics and importance of interaction between law enforcement agencies and the public in maintaining public order during mass events. It analyzes the legal framework, organizational models, and key methods of effective interaction. Particular attention is paid to legal regulation, communication issues, and trust between the police and the public, which influence the success of crime prevention and security. Conclusions are drawn regarding the need for a comprehensive approach based on the principles of legality, transparency, and active civic participation.*

Key words: *law enforcement, public order, mass events, interaction with the population, crime prevention, security.*

Нестабильная геополитическая ситуация на современном этапе, когда идет сложный процесс по формированию многополярного мира без гегемонии коллективного запада, сформировала множество процессов течение которых в силу своей новизны не могут в должной мере быть прогнозируемыми и соответственно контролируемыми. Данная конъюнктура оказывает свое влияние практически на все сферы жизни, а значит, затрагивают интересы большей части населения. При этом следует констатировать, что на данном этапе значительно могут возрасти массовые и иные публичные мероприятия, необходимые для выражения гражданским населением своих политических, социальных и экономических интересов. При этом, возрастает роль различных спортивных, религиозных, культурно-массовых мероприятий, посредством которых граждане хотят выразить свою идентичность.

По этой причине остается актуальным вопрос по обеспечению общественного порядка и безопасности при проведении массовых и иных публичных мероприятий. Первоочередную роль в этом играют органы внутренних дел, в частности, и вся система правоохранительных органов в общем. Именно выполнение ими своих служебных обязанностей на должном профессиональном уровне позволяет организацию и проведение таких мероприятий в рамках законодательного поля, позволяющем достижения цели акций, исключая совершения отдельными гражданами правонарушений, а равно совершение групповых нарушений общественного порядка и массовых беспорядков. Данная деятельность правоохранительных органов включает в себя множество аспектов, в которой недопустимо халатное отношение к нюансам, которые могут иметь печальные последствия [1].

В научной литературе подчеркивается, что традиционные силовые подходы к обеспечению безопасности на массовых мероприятиях постепенно дополняются моделями партнерства и сотрудничества с гражданским обществом, способствующими снижению числа конфликтов и улучшению общего климата безопасности, поскольку только через налаженное взаимодействие с населением можно своевременно получить важную информацию, вовлечь граждан в процессы профилактики правонарушений и повысить их правовую культуру. К примеру, механизм совместного патрулирования, создание каналов обратной связи и проведение информационно-просветительской работы являются эффективными инструментами повышения общественной безопасности на массовых акциях.

Взаимодействие между правоохранительными органами и населением регламентируется комплексом нормативных актов, определяющих права и обязанности обеих сторон, а также гарантирующих их соблюдение. Но, следует заметить, что на практике возникают значительные вызовы, связанные с объективным недостатком доверия к полиции, административными и организационными ограничениями, а также сложностями использования современных технологий взаимодействия. В связи с этим возникает необходимость системного исследования, как нормативных основ, так и практических механизмов взаимодействия, чтобы разработать рекомендации по его совершенствованию.

Взаимодействие правоохранительных органов с населением при обеспечении общественного порядка и безопасности на массовых мероприятиях базируется на комплексном нормативно-правовом обеспечении, основой которого является Федеральный закон от 7 февраля 2011 года №3-ФЗ «О полиции» [2]. Закон закрепляет обязанности полиции по охране порядка при проведении публичных и массовых мероприятий, предусматривает сотрудничество с государственными и муниципальными органами, общественными объединениями и гражданами. В частности, статья 10 данного закона определяет, что полиция должна не только исполнять возложенные на неё функции, но и активно взаимодействовать с населением, обеспечивая комплексный подход к предупреждению правонарушений и обеспечению безопасности [2]. Нормативное регулирование так же строится на основах, заложенных Конституцией Российской Федерации, гарантирующих право граждан на мирные собрания и одновременно возлагающих на государство обязанность обеспечивать порядок и безопасность при их проведении. Административно-правовые нормы тоже играют здесь ключевую роль, поскольку Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрена ответственность за нарушения, связанные с организацией и проведением массовых акций [3].

При всем этом, организация деятельности правоохранительных органов при массовых мероприятиях требует согласованных действий и взаимодействия различных служб и ведомств. Нормативные акты предусматривают механизм координации полиции с органами исполнительной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, организаторами мероприятий и общественными объединениями. Специфика нормативного регулирования отражается и в локальных нормативных актах МВД и других структур, направленных на оптимизацию управления силами и средствами, а также на расширение форм сотрудничества с населением и повышение эффективности предупреждения правонарушений [4].

Немаловажным является и правовое обеспечение прозрачности действий полиции, а также защита прав и свобод граждан в ходе обеспечения общественного порядка при массовых мероприятиях. Закон «О полиции» обязывает обеспечивать соблюдение баланса между поддержанием порядка и гарантированием конституционных прав граждан, что подтверждается судебной практикой, показывающей важность соответствия действий правоохранительных органов этим требованиям. В частности, правовые нормы устанавливают ограничения на применение силы, порядок взаимодействия с организаторами и участниками событий, а также обязательства по информированию населения и обеспечению обратной связи [5]. Поэтому вопрос взаимодействия правоохранительных органов с населением при обеспечении общественного порядка на массовых мероприятиях приобретает особую актуальность в современном научном дискурсе. Одной из ключевых тем является формирование модели партнёрских отношений, основанных на взаимном доверии и вовлечённости граждан в процессы охраны порядка. В статье Клеймёнова Е.А. (2021) анализируются социальные практики, свидетельствующие о смене роли полиции с доминантной на партнёрскую, где граждане не только информируют правоохранителей о возможных угрозах, но и непосредственно участвуют в профилактике правонарушений и обеспечении безопасности [6].

Учебное пособие под редакцией Бекетовой О.И. (2018) раскрывает теоретические и практические основы деятельности полиции по обеспечению порядка при массовых мероприятиях, подчёркивая важность взаимодействия с органами власти, организаторами мероприятий и общественными объединениями. Работа акцентирует внимание на согласованности действий всех заинтересованных сторон и комплексном использовании правовых и организационных инструментов для эффективного обеспечения безопасности [4].

По мнению Шанько В.В. (2021), особенности организации действий сотрудников органов внутренних дел при массовых беспорядках требуют не только силового воздействия, но и налаживания продуктивного социального взаимодействия с населением, что способствует повышению доверия и эффективности работы полиции [7].

Важным компонентом исследований является также анализ методов профилактики правонарушений и повышения доверия к полиции через просветительские и коммуникативные технологии, научные публикации выделяют цифровизацию коммуникационных процессов и развитие обратной связи как перспективные направления, способствующие активному участию населения и снижению конфликтных ситуаций на массовых мероприятиях. Практические аспекты рассматриваются в работах, посвящённых оптимизации организационных структур и согласованности работы служб безопасности. В частности, исследования подчеркивают роль патрульно-постовой службы, участковых уполномоченных и взаимодействия с общественными формами контроля и частными охранными организациями в комплексном обеспечении порядка и безопасности [8].

Таким образом, мы видим, что научные исследования современного периода демонстрируют многокомпонентность и междисциплинарность подходов к взаимодействию полиции с населением на массовых мероприятиях, в которых сочетаются правовые, социологические и организационные аспекты, что обуславливает необходимость комплексного анализа и реализации практик с учетом особых условий каждого мероприятия.

В современных условиях обеспечение общественного порядка на массовых мероприятиях требует применения не только традиционных силовых методов, но и развития комплексных моделей взаимодействия правоохранительных органов с населением. Одной из ключевых концепций является партнерство полиции и общества, которое направлено на повышение уровня вовлеченности граждан в процессы обеспечения безопасности и повышение доверия к правоохранительным структурам. В рамках данной модели полиция стремится стать доступной и узнаваемой для населения, активно откликаться на потребности граждан, прислушиваться к их проблемам и привлекать их к решению вопросов охраны правопорядка. Организационно такие модели взаимодействия предполагают децентрализацию управления, расширение полномочий участковых уполномоченных, использование проактивных подходов к выявлению и решению проблем на местах. Еще одной важной составляющей на наш взгляд является привлечение общественных объединений, волонтеров и представителей частных охранных структур к совместному патрулированию и контролю за порядком, поскольку это помогает создать более комплексную и гибкую систему охраны безопасности. Цифровые технологии и каналы обратной связи выступают эффективным инструментом для мониторинга ситуации, информирования населения и своевременного реагирования на возникающие угрозы.

Практическая реализация методов взаимодействия включает оперативное информирование граждан о правилах поведения и возможных рисках с использованием средств массовой информации, социальных сетей и мобильных приложений, и позволяет охватить широкую

аудиторию, чтобы своевременно донести важную информацию. Помимо этого проводятся совместные рейды и патрулирования силами полиции и общественных формирований, что способствует повышению качества контроля за общественным порядком и вовлечению граждан в охрану безопасности. Организация горячих линий и цифровых платформ обеспечивает оперативную передачу сведений о потенциальных нарушениях, позволяя реагировать на преступления и правонарушения в кратчайшие сроки. И, наконец, профилактические мероприятия и просветительская работа направлены на повышение правовой культуры населения, формирование ответственного отношения к соблюдению порядка [9]. Значимым аспектом является адаптация моделей взаимодействия с учётом особенностей конкретного массового мероприятия, включая масштабы, состав участников и специфику территории, что требует профессиональной подготовки сотрудников полиции, постоянного обучения и контроля качества их работы. Исследования показывают, что успешность таких взаимодействий во многом зависит от уровня доверия населения к правоохранителям и прозрачности их действий [10], [11].

Взаимодействие правоохранительных органов с населением при обеспечении общественного порядка на массовых мероприятиях сталкивается с многочисленными трудностями, существенно снижающими эффективность сотрудничества. Одной из ключевых проблем на наш взгляд является недостаточный уровень доверия граждан к полиции, которое связано с исторически сложившимися стереотипами, а также с восприятием организма правопорядка как закрытой и недоступной структуры и, поэтому, приводит к снижению активности населения в участии в охране порядка, безынициативности и формальному подходу со стороны как граждан, так и сотрудников полиции [12].

Другой значимой проблемой является нехватка у сотрудников МВД навыков работы в современных коммуникационных системах, а также недостаток технического оснащения и низкая материальная мотивация для активного взаимодействия с населением, а так же недостаточное нормативное обеспечение, регулирующее формы и методы сотрудничества полиции и гражданского общества, что приводит к размытости ответственности и формализации совместных мероприятий.

Пути решения обозначенных проблем во многом ориентированы на развитие партнерских моделей взаимодействия, повышение прозрачности и открытости работы полиции, внедрение современных цифровых технологий для коммуникации и обратной связи, а также активизацию нормативной базы, регулирующей взаимодействие с населением. Предлагается усиление образовательной работы с населением по вопросам правопорядка, внедрение программ повышения квалификации сотрудников полиции в области коммуникаций и информационной работы, а также развитие мер стимулирования и поддержки активных граждан, вовлеченных в охрану общественного порядка, поскольку анализ научных исследований и практики показывает, что успешность обеспечения порядка во многом обусловлена качеством коммуникации между полицией и населением, прозрачностью правоохранительной деятельности и своевременным обменом информацией. Здесь решающее значение имеет комплексный подход, включающий нормативно-правовое регулирование, технологическое оснащение, организационную координацию, а также воспитательную работу, направленную на повышение правовой культуры среди граждан [13].

Тем не менее, нельзя не отметить, что сохраняются объективные трудности, связанные с недостатком доверия к правоохранительным органам и ограничениями ресурсов для эффективного вовлечения населения в охрану общественного порядка, преодоление которых возможно через повышение открытости полиции, стимулирование гражданской активности и дальнейшее развитие партнерских форматов сотрудничества на всех уровнях взаимодействия. В перспективе целесообразно продолжать усилия по внедрению современных цифровых платформ обратной связи, развитию систем мониторинга и скорого реагирования, а также совершенствованию нормативной базы, что позволит формировать устойчивую и эффективную систему обеспечения общественной безопасности, способную оперативно адаптироваться к вызовам и реалиям массовых мероприятий, а также укреплять социальное согласие и законность в обществе.

Список литературы:

[1] Ташева Г.Р. Взаимодействие правоохранительных органов с населением в обеспечении общественного порядка и общественной безопасности // Вестник МГЮА, 2024.

[2] Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Российская газета. 2011. № 25 (8 февр.), № 28 (10 февр.); Парламентская газета. 2011. № 7 (11 февр.); Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7, ст. 900.

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. № 256 (31 дек.); Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (часть I), ст. 1 (7 янв.); Парламентская газета. 2002. № 2-5 (5 янв.).

[4] Бекетова О.И. Правовые основы и организация деятельности полиции по обеспечению общественного порядка и безопасности при проведении массовых мероприятий: учебное пособие / О.И. Бекетова. — Омск: Омский юридический институт, 2018. — 120 с.

[5] Полномочия полиции при обеспечении безопасности и общественного порядка при массовых мероприятиях [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://rk.gov.ru/structure/c33bf730-2e46-4d1d-9ff2-ab37c2b85582 (дата обращения: 21.09.2025).

[6] Клеймёнов Е.А. Взаимодействие полиции с гражданами и организациями в оценках сотрудников полиции // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4 (97). С. 128–142.

[7] Шанько, В. В. Особенности организации действий сотрудников органов внутренних дел при массовых беспорядках / В. В. Шанько, А. С. Курочкин, В. В. Шабаев. – Ростов-на-Дону : Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – 48 с. – ISBN 978-5-89288-429-7. – EDN ARBDVX.

[8] Замураева Е.А. Охрана общественного порядка при проведении массовых мероприятий // Научно-практический журнал. 2023. URL: https://scilead.ru/article/4875-okhrana-obshchestvennogo-poryadka-pri-provede (дата обращения: 21.09.2025)

[9] Майоров А.В., Майорова Е.Н. Особенности взаимодействия органов внутренних дел с иными субъектами при проведении массовых мероприятий // Социальное управление. 2023. Т. 5, №10.

[10] Павленко О.С. Административно-правовые основы взаимодействия полиции и молодежи // Учебное пособие. 2020.

[11] И. В. Важенина. Модели организации деятельности полиции зарубежных государств в сфере взаимодействия с гражданским обществом // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. №1 (101).

[12] Шпак А.В. Актуальные проблемы взаимодействия полиции и гражданского общества в сфере реализации правоохранительной функции // Вестник Воронежского института МВД России, 2021.

[13] Зуева О.В. Взаимодействие органов внутренних дел с населением как основа формирования доверия граждан к полиции в современной России // Вестник ПГУ, 2023.

References:

[1] Tasheva G.R. Interaction of law enforcement agencies with the population in ensuring public order and public safety//Bulletin of Moscow State Law Academy, 2024.

[2] Federal Law “On Police” of 07.02.2011 No. 3-FZ//Rossiyskaya Gazeta. 2011. No. 25 (February 8), No. 28 (February 10); Parliamentary newspaper. 2011. No. 7 (February 11); Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. No. 7, Art. 900.

[3] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 195-FZ//Rossiyskaya Gazeta. 2001. No. 256 (Dec 31); Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part I), Art. 1 (January 7); Parliamentary newspaper. 2002. Nos. 2-5 (Jan. 5).

[4] Beketova O.I. Legal foundations and organization of police activities to ensure public order and security during mass events: a textbook/O.I. Beketova. - Omsk: Omsk Law Institute, 2018. - 120 s.

[5] Powers of the police in ensuring security and public order during mass events [Electronic resource]. - Access mode: https://rk.gov.ru/structure/c33bf730-2e46-4d1d-9ff2-ab37c2b85582 (access date: 21.09.2025).

[6] E.A. Kleimenov. Interaction of the police with citizens and organizations in the assessments of police officers//Power and management in the East of Russia. 2021. № 4 (97). S. 128-142.

[7] Shanko, V.V. Peculiarities of organizing the actions of employees of the internal affairs bodies during riots/V.V. Shanko, A.S. Kurochkin, V.V. Shabaev. - Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. - 48 p. - ISBN 978-5-89288-429-7. – EDN ARBDVX.

[8] Zamuraeva E.A. Protection of public order during mass events//Scientific and practical journal. 2023. URL: https://scilead.ru/article/4875-okhrana-obshchestvennogo-poryadka-pri-provede (дата обращения: 21.09.2025)

[9] Mayorov A.V., Mayorova E.N. Peculiarities of interaction of internal affairs bodies with other subjects during mass events//Social management. 2023. VOL. 5, NO. 10.

[10] Pavlenko O.S. Administrative and legal foundations of interaction between the police and youth//Training manual. 2020.

[11] I.V. Vazhenina. Models for organizing the activities of the police of foreign countries in the field of interaction with civil society//Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. №1 (101).

[12] A.V. Shpak. Actual problems of interaction between the police and civil society in the implementation of the law enforcement function//Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021.

[13] Zueva O.V. Interaction of internal affairs bodies with the population as the basis for the formation of citizens’ confidence in the police in modern Russia//Bulletin of PSU, 2023.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-54-60

РУБЛЕВ Андрей Геннадьевич,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент Крымского филиала
ФГБОУВО «Российский государственный университет
правосудия им. В.М. Лебедева»,
г. Симферополь, Россия,
e-mail: andrewrublev@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРИНЦИПОВ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА В ЧАСТИ ПРИНЯТИЯ НОРМ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Аннотация. *Принципы законотворчества понимаются как правила, устанавливающие предписания законодателю. В таком классическом подходе они являются идеей, определяющей право и одновременно обязанность законодателя. В условиях эволюции уголовного законодательства особый интерес представляет анализ принципов законотворчества, определяющих структуру и содержание норм уголовного права. В статье исследуются проблемы реализации ст. 200.4 УК РФ. На основе анализа судебной практики и доктринальных позиций выявляется проблема, связанная с определением субъектов данного преступления. Автор анализирует проект федерального закона, направленный на совершенствование уголовно-исполнительного законодательства в части регулирования исполнения наказания в виде ограничения свободы. Выявляются правовые коллизии и предлагаются пути их устранения.*

Ключевые слова: *принципы законотворчества, уголовное законодательство, полнота состава, достаточность запрета, беспробельность закона.*

RUBLEV Andrey Gennadievich,
Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines,
Candidate of Law, Associate Professor Crimean Branch
of the Lebedev Russian State University of Justice,
Simferopol, Russia

FEATURES OF THE PRINCIPLES OF LAWMAKING REGARDING THE ADOPTION OF CRIMINAL LAW NORMS

Annotation. *Lawmaking principles are understood as rules establishing instructions for the legislator. In this classical approach, they constitute an idea defining both the right and the obligation of the legislator. Given the evolution of criminal law, an analysis of the lawmaking principles that determine the structure and content of criminal law norms is of particular interest. This article examines the implementation of Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on an analysis of judicial practice and doctrinal positions, the problem associated with determining the subjects of this crime is identified. The author analyzes a draft federal law aimed at improving penal legislation in terms of regulating the execution of sentences in the form of restriction of liberty. Legal conflicts are identified and solutions are proposed.*

Key words: *principles of lawmaking, criminal legislation, completeness of composition, sufficiency of prohibition, absence of loopholes in the law.*

В теории права существует ряд «теорий принципов права», которые предлагают вкладывать в этот термин различное содержание [1, с.113-117]. Как известно, принципы права появились в теоретико-правовой мысли, прежде всего, в отношении применения права.

Обоснование актуальности данного исследования заключается в недостаточной разработанности эффективного инструментария для выявления, чёткой формулировки и систематизации доктринальных основ при конструировании норм уголовного права. От качества исследуемых доктринальных основ непосредственно зависит не только результативность правоприменения, но и общественное благополучие.

Несмотря на определенную степень изученности, система принципов законотворчества остаётся предметом дискуссий. В ней можно выделить принципы, основанные на Конституции РФ и общих принципах права, а также процессуальные принципы, связанные с особенностями отдельных этапов правотворческого процесса. Все они, будучи различными по природе и значению, определяют содержание и механизм создания законов.

К общим принципам законотворчества (общеправовым принципам), которые применяются при создании законодательства, в том числе уголовного, традиционно относят следующие положения.

Принцип законности предполагает, что все законы должны соответствовать Конституции РФ, не противоречить друг другу и быть приняты в установленном порядке. Закон должен быть чётко сформулирован, а его применение — предсказуемым. Принцип равенства всех перед законом обязывает законодателю исключить дискриминационные нормы, поскольку все субъекты правоотношений равны в правах и обязанностях. Принцип гуманизма обеспечивает уважение к человеческому достоинству, например, уголовный закон должен исключать чрезмерную суровость наказаний.

Особое внимание законодатель должен обращать на принцип справедливости, так как нормы должны быть обоснованными, справедливыми и соразмерными, отражать баланс интересов личности, общества и государства.

С принципом справедливости связан принцип правовой определённости и ясности закона – нормативные предписания должны быть понятны, чётко сформулированы и не допускать произвольного толкования.

В свою очередь принцип определённости согласуется с принципом системности и непротиворечивости, поскольку законотворчество должно обеспечивать согласованность новых норм с уже существующими, избегать дублирования и противоречий. Рассматриваемые принципы отражают фундаментальные требования к процессу создания законодательства и служат основой для формирования эффективной, справедливой и предсказуемой правовой системы [2, с.34-41].

Процессуальные принципы законотворчества обеспечивают эффективность, законность, прозрачность и качество законодательной деятельности, способствуют формированию справедливого и устойчивого правового регулирования [3, с.192].

Таким образом, под принципами законотворчества понимаются основополагающие идеи, руководящие начала и исходные положения, определяющие сущность, направления и качество законотворческой деятельности. Они служат методологической основой для разработки, принятия, изменения и отмены законов, обеспечивая их соответствие общественным потребностям и государственным интересам.

Принципы помогают избежать законотворческих ошибок, способствуют реализации воли народа, росту правовой культуры и доверию к законодательству.

В зависимости от правовой характеристики принципов законотворчества возможно выделение различных их свойств, в частности: объективность, системность, демократизм, законность, научность, гуманизм, ясность и предсказуемость, эффективность.

Принципы законотворчества эволюционировали от неформальных морально-этических норм к научно обоснованной системе, обеспечивающей качество, легитимность и эффективность законодательства. Их соблюдение — ключ к устойчивому развитию правовой системы и общества в целом.

Представляется, что проблема принципов возникает в любой отрасли права, но особую специфику она приобретает в уголовном праве. Именно в теории уголовного права существует концепция множественности принципов, которые делят на: общие и специальные, основные и неосновные, общеправовые (общие) и регулятивные (Н.И. Загородников, Ю.А. Демидов, Г.А. Кригер, П.А. Фефелов); принципы уголовного права, уголовного законодательства, отдельных категорий и институтов уголовного права (ВА. Мальцев); принципы назначения наказания (ГА. Левицкий, ЛЛ. Крутиков, Г.С. Келина, В.Н. Кудрявцев); принципы законодательной техники (М.И. Ковалев) и принципы кодификации уголовного законодательства (Т.В. Кленова) [4, с.23].

Принципы уголовного законотворчества не обязательно являются правилами для процесса создания уголовного закона в строгом смысле. Такие идеи не имеют однородного характера, хотя и обладают определённым фундаментальным (базовым) характером, поскольку являются динамическими принципами на основе статистических принципов, таких как принципы законности, верховенства права, правовой определённо-

сти, гуманизма и справедливости. Принципы уголовного законотворчества подразумевают создание правовых предписаний не только в формальном, но и в содержательном аспекте.

Принципы уголовного законотворчества возможно понимать, как правила или нормы, устанавливающие предписания или запреты и выделяющиеся среди других норм своим значением. В таком классическом подходе они представляют собой идеи, определяющие основные права и обязанности в законотворческой деятельности. Сферу уголовного правотворчества характеризуют такие принципы, как полнота состава, достаточность запрета и беспробельность закона [5, с.302].

Принципы законотворчества в уголовно-правовом регулировании соответствуют повышенным требованиям к ясности, справедливости, гуманности и полноте регламентации норм. Функциональное назначение принципов уголовного законотворчества заключается в обеспечении баланса между эффективной охраной общественно значимых интересов и защитой конституционных прав личности, что находит свое выражение в недопустимости избыточной криминализации и чрезмерной уголовной репрессии.

Условия создания уголовно-правовой нормы включают в себя конкретные основания принятия и изменения уголовного закона, например, позволяют с помощью принципа достаточности запрета конкретизировать понятие преступления.

Принцип полноты состава, реализуемый в процессе уголовного правотворчества, предполагает, что уголовно-правовая норма должна содержать все необходимые и достаточные признаки (элементы) деяния, которые вместе образуют полный и исчерпывающий состав преступления.

Рассмотрим в качестве примера законотворчества проблемы реализации ст. 200.4 УК РФ [6]. В 2018 году законодатель ввел в систему должностных преступлений новый состав преступления, усилил ответственность за нарушение законодательства о контрактной системе путем появления нового состава преступления – ст. 200.4 УК РФ. За время действия указанной статьи, согласно официальной статистике Верховного Суда РФ по ст. 200.4 УК РФ имеется несколько приговоров.

Практически отсутствие в России статистики применения ст. 200.4 УК РФ является индикатором недостатка её взаимодействия с общими составами преступлений главы 30 УК РФ. Основная проблема заключается в толковании законодательного условия о том, что субъект преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ, не должен быть должностным лицом или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации.

Сложившаяся судебная практика демонстрирует преобладание формального (статусного) подхода. В его рамках суды, устанавливая соответствие статуса обвиняемого критериям, изложенным в примечании к ст. 285 УК РФ и Постановлении Пленума ВС РФ № 19 от 16.10.2009 [7], отдают приоритет квалификации по статьям о должностных преступлениях. В кассационных жалобах сторона защиты нередко указывает на поверхностность такого анализа, когда суд, по сути, ограничивается перечислением формальных полномочий, не углубляясь в их юридическую сущность и не устанавливая наличия реальных организационно-распорядительных функций, влекущих правовые последствия (Кассационное определение Восьмого КСОЮ от 21.01.2025 по делу № 77-441/2025 [8]).

В противовес этому в правоприменительной практике формируется альтернативная тенденция, основанная на функциональном подходе. Её сторонники полагают, что для квалификации по ст. 200.4 УК РФ решающее значение имеет не формальный статус, а фактический характер совершаемых действий.

Например, представляет интерес апелляционное определение Сахалинского областного суда, где внимательно проанализированы не только локальные акты, но и фактические обязанности обвиняемого по приёмке работ. Суд пришёл к выводу о возможности привлечения виновного к уголовной ответственности именно по специальной норме (Апелляционное определение от 27.05.2025 по делу № 22-553/2025) [9].

Подобный подход находит поддержку и в научной доктрине, где отмечается, что полномочия контрактного управляющего могут носить различный характер и далеко не всегда соответствуют классическому пониманию должностных функций.

Сложившаяся коллизия приводит к правовой неопределённости и снижает эффективность специальной уголовно-правовой нормы. Для реализации замысла законодателя представляется целесообразным закрепление в практике функционального подхода, при котором каждый случай должен оцениваться на предмет того, были ли инкриминируемые действия непосредственным осуществлением функций в сфере контрактной системы, или же они вытекали из полномочий должностного лица. Изложенное потребует законодательного совершенствования редакции исследуемой статьи и дополнительных разъяснений со стороны Верховного Суда РФ.

Уголовный закон должен быть чётко и однозначно сформулирован, закрепляя любые воз-

можности применения права по аналогии «nullum Crimen nulla poena sine lege» (перевод с лат. – нет наказания без указания на то в законе). Исследуемый принцип обеспечивает правовую определенность и справедливость в привлечении к уголовной ответственности.

Таким образом, ключевые аспекты принципа полноты состава составляют: конкретность и определённость состава преступления. Состав преступления должен охватывать все необходимые объективные и субъективные признаки преступления, чтобы правоприменитель смог полно и исчерпывающе квалифицировать наказуемое деяние.

Как известно, уголовный закон должен устанавливать все признаки, которые характеризуют деяние как общественно опасное и противоправное, исключая неопределённость и произвольное толкование. В свою очередь следует обеспечить исчерпывающую регламентацию уголовно-правовой нормы. В частности, уголовно-правовая норма должна охватывать весь спектр обязательных элементов преступления, чтобы при квалификации деяния не возникало неясностей и ошибок в квалификации.

Принцип достаточности запрета — фундаментальная правовая идея, ограничивающая публичную власть законом. Его суть в том, что вмешательство государства в права граждан допустимо лишь в строго оправданных случаях, когда это предписано законом и является минимально необходимой степенью для защиты других конституционных ценностей.

Исследуемый принцип, развитый в рамках идей конституционализма, нашел отражение в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом лишь «в той мере, в какой это необходимо» для защиты основ конституционного строя, нравственности, прав других лиц. Принцип напрямую формулируется в уголовных кодексах различных стран. К примеру, аналогичные нормы содержатся в Конституции ФРГ и Конституции Португалии. В УК Панамы (ст. 2, 3) устанавливает, что криминализация деяния допустима лишь когда это «безусловно необходимо», а уголовное законодательство применяется, только если иные механизмы социального контроля невозможны. УК Сербии (ст. 3) говорит о наказаниях «в размерах, необходимых для пресечения преступлений» [10, с.164-167]. К примеру, аналогичные нормы содержатся в Конституции ФРГ и Конституции Португалии.

Практическая значимость принципа заключается в создании правового барьера против произвола, не допуская избыточных ограничений прав человека и защищая конституционные права и свободы.

Осуществление государством ius puniendi (перевод с лат. – «права на наказание») ограничено конституционным правопорядком и системой гарантий, основанной на принципах, которые определяют условия доказывания и легитимируют разрешение социальных конфликтов. В этом контексте принцип достаточности запрета выступает в качестве динамического принципа, развивающего и конкретизирующего системный принцип криминализации [11, с.129].

Динамический принцип достаточности запрета основан на учёте реальной общественной опасности и частоты деяний, совершение которой следует уголовное преследование. Он требует, чтобы расширение уголовной репрессии было достаточным. Этот принцип служит противовесом ужесточению уголовного закона, напоминая, что его системность не должна нарушаться сотнями несогласованных поправок.

Таким образом, если принцип минимальной криминализации очерчивает границы уголовного закона, то принцип достаточности запрета направляет и ограничивает сам процесс законодательных изменений внутри этих границ, обеспечивая его обоснованность и целесообразность.

Следует отметить, что динамика криминализации новых видов деяний вызывает обеспокоенность с точки зрения принципа достаточности запрета, поскольку уголовное право иногда используется законодателем как инструмент символической политики, направленной не на решение проблем, а на демонстрацию видимости борьбы с ними. Уголовное право становится все более технократическим, уголовные предписания строятся во взаимосвязи с нарушением сложных «нормативных тканей», которые находят свое регулирование за пределами уголовного права. Такое развитие свидетельствует о признаках кризиса несовершенства законодательных инициатив, поскольку затрагивает реализацию основы статистических принципов законности и справедливости, что снижает определённость границ уголовной сферы, наносит ущерб функции общего предупреждения и ставит под угрозу его эффективность.

В свою очередь отказ в признании деяния преступным, несмотря на его очевидную общественную опасность и необходимость уголовно-правового реагирования, ведёт к тяжёлым последствиям: безнаказанности преступников, риску широкого распространения общественно опасных деяний, подрыву веры в справедливость и авторитет закона.

Ошибки, совершаемые законодателем в области криминализации и декриминализации связаны с несоблюдением следующего принципа – принципа беспробельности уголовного закона [12].

Проблема системного пробела находит своё отражение в действующей редакции Уголовно-исполнительного кодекса (УИК) РФ, где выявлен системный пробел в правовом регулировании исполнения наказания в виде ограничения свободы (ст. 47[1] УИК РФ)

Правовая неопределённость существует в вопросе исчисления срока дополнительного наказания в виде ограничения свободы для лиц, отбывающих принудительные работы. Согласно ч. 2 ст. 49 УИК РФ, срок исчисляется с момента освобождения из исправительного учреждения, что не учитывает специфику освобождения из исправительных центров.

В целях устранения указанных пробелов законопроектом предлагается распространить установленный ст. 47[1] УИК РФ порядок (направление к месту жительства и явка в уголовно-исполнительную инспекцию) на осужденных, указанных выше категорий, обеспечив тем самым единый правовой режим для всех лиц, приступающих к отбыванию ограничения свободы после освобождения из мест изоляции. Кроме того, предлагается закрепить, что для лиц, отбывавших принудительные работы, срок дополнительного наказания в виде ограничения свободы исчисляется со дня освобождения из исправительного центра. При этом время, затраченное на проезд к месту жительства, подлежит зачёту в срок отбывания наказания (один день за один день) [12, с.92-101]. Представленный законопроект носит технический, но важный характер, направленный на повышение системности и непротиворечивости уголовно-исполнительного законодательства. Устранение выявленных пробелов будет способствовать единообразной правоприменительной практике и укреплению законности в сфере исполнения судебных актов.

Диспозитивность как принцип уголовно-правового законотворчества, например, проявляется в ст. 76 УК РФ, в примечании к ст. 122 УК РФ, в примечание к ст. 201 УК РФ, что подтверждают влияние диспозитивных идей на уголовную политику и уголовное правотворчество. Однако, несмотря на это, можно констатировать, что инструментальный подход к анализу диспозитивности в уголовном праве отсутствует [14, с.69].

Диспозитивность как принцип уголовно-правового законотворчества характеризует возможность субъектов уголовно-правового права самостоятельно, в пределах, предусмотренных законом, выбирать варианты поведения и влиять на отношения на процессуальные правоотношения, исходя из своих законных интересов [15, с.11].

Основные принципы диспозитивности в уголовном праве связаны со свободой выбора поведения субъекта права личности, поскольку индивид имеет право самостоятельно выбирать из альтернативных, предусмотренных уголовными законами, наиболее выгодный для себя вариант поведения при соблюдении установленных правовых границ.

В уголовных делах праве диспозитивность находится в подчинённом положении в отношении к принципу публичности, поскольку государство выступает в роли защитника общественных интересов и защиты обвиняемых.

Уголовное право построено на принципе наименьшего вмешательства, согласно которому право привлекать к уголовной ответственности должно применяться только после того, как все другие альтернативы оказались неэффективными. Изложенное положение означает, что государство не обязано наказывать в уголовно-правовом порядке все антиобщественные действия, но оно также не может криминализировать те, которые не представляют реальной угрозы интересам общества, государства или отдельных лиц.

Криминализация и пенализация общественно опасных деяний – это процессы определения деяний как преступных и установления за них наказания. Эти процессы основываются на ряде принципов, которые обеспечивают их обоснованность, справедливость и соответствие правовым и социальным нормам.

Криминализация и пенализация должны быть сбалансированными, основываясь на защите общественных интересов при соблюдении прав человека. С содержательной точки зрения важнейшими направлениями уголовного правотворчества являются именно процессы криминализации (декриминализации) и пенализации (депенализации) [16, с.11].

Очевидно, что, общие принципы законотворчества задают базовые правила развития сущности законотворчества в целом, в то время как принципы уголовного законодательства отражают основные требования к уголовному законодательству, не касаясь особой природы и задачи правотворчества.

Таким образом, исходя из концепции государства, изложенной в Конституции России, автор констатирует важное значение и роль принципов уголовного законотворчества в системе действий от самых общих (таких как уважение человеческого достоинства) до утверждения конкретных практических результатов их применения (например, принцип виновности ст. 5 УК РФ) [17, с.168-175].

Эволюция уголовной доктрины определяется созданием и совершенствованием принципов, ограничивающих и регулирующих всю карательную власть государства. Такая формулировка была малоисследованной в соответствии с историческими, политическими и социально-экономическими отношениями в России.

Однако структурирование принципов не является исключительным вопросом правового порядка, это характерно для всех областей знания, поскольку вопросы философско-методологического характера регулируются на основе фундаментальных положений, из которых проистекает все систематическое построение каждой области человеческого знания. В современных условиях значение исследования принципов законотворчества приобрело новое измерение, поскольку систематические дискуссии выдвигают их в качестве существенных факторов для современной кодификации в области уголовного закона, а также в отношении тенденций в правовом обосновании, что является преступлением и какие негативные последствия будут указаны в уголовном законе за их совершение.

Представляется, что развитие принципов уголовного законотворчества не является производным от теоретико-академических размышлений, а, напротив, свидетельствует о реакции общества на возможные признаки ошибок законодательной власти.

Список литературы:

[1] Щербик Д.В. Принципы права и преемственность в праве // Вестник Полоцкого государственного университета. – Серия D. – Экономические и юридические науки. – 2013. – №13. – С. 113-117.

[2] Кравчук В.М. Принципы законотворчества в современной правовой системе // Журнал российского права. — 2021. — № 2. — С. 34–41.

[3] Овчинникова И.В. Принципы правотворчества: учебное пособие. — М.: Проспект, 2022. — 192 с.

[4] Панько К.К. Основы законодательной техники в уголовном праве России: Теория и законодательная практика: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.08 / Саратов, 2006. — С. 23.

[5] Сабитов Т.Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.08 / Т.Р. Сабитов. – Екатеринбург, 2019. – С. 302.

[6] Уголовный кодекс РФ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25.

[7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 (в ред. от 11 июня 2020 г.) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // / Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 12.

[8] Кассационное определение СК по уголовным делам Восьмого КСОЮ от 21.01.2025 по делу № 77-441/2025 // Информационно-правовой портал «Гарант» - URL: https://arbitr.garant.ru/#/document/344536034/paragraph/1/doclist/1248/1/0/0/77-441|2025%20от%2021.01.2025%20восьмой%20кассационный%20суд:2

[9] Апелляционное определение СК по уголовным делам Сахалинского областного суда от 27.05.2025 по делу № 22-553/2025 // Информационно-правовой портал «Гарант» - URL: https://arbitr.garant.ru/#/document/345995359/paragraph/1:0

[10] Кузнецов А. П. Уголовно-правовые принципы в законодательстве зарубежных стран: теоретическое исследование // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 4. – С. 164–167.

[11] Сергеев Д. Н. Законотворчество в системе уголовно-правового регулирования // Вестник Пермского университета. – 2018. – № 1. – С. 129.

[12] Кауфман М. А. Правотворческие ошибки в уголовном праве // Журнал российского права. – 2016. – № 9. – С. 92–101.

[13] О пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] : электрон. док. // Официальный сайт Государственной Думы ФС РФ. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1014418-8#bh_note

[14] Сумачев А.В. Диспозитивность в уголовном праве // Юридическая наука и правоохранительная практика. №1(4). 2008. С.69.

[15] Сидоренко Э.Л. Диспозитивность как режим уголовно-правового регулирования: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.08 / Э.Л. Сидоренко; - Москва, 2013. – С.11.

[16] Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика: монография / отв. ред. Л. Л. Кругликов. — Москва: Проспект, 2014 С.11.

[17] Литвинова Ю.И., Рублев А.Г. Толкование конституционного принципа вины применительно к уголовному праву // Юристъ-Правоведъ. – 2024. – № 1(108). – С. 168-175.

References:

[1] Scherbik D.V. Principles of Law and Continuity in Law//Bulletin of Polotsk State University. - Series D. - Economic and legal sciences. – 2013. – №13. - S. 113-117.

[2] Kravchuk V.M. Principles of lawmaking in the modern legal system//Journal of Russian Law. — 2021. — № 2. - S. 34-41.

[3] Ovchinnikova I.V. Principles of lawmaking: a textbook. - M.: Prospect, 2022. - 192 s.

[4] Panko K.K. Fundamentals of legislative technique in criminal law of Russia: Theory and legislative practice: abstract dis... Doctor of Law: 12.00.08/Saratov, 2006. - S. 23.

[5] Sabitov T.R. Criminal law principles: concept, system and types: abstract dis... Doctor of Law: 12.00.08/T.R. Sabitov. - Yekaterinburg, 2019. - S. 302.

[6] Criminal Code of the Russian Federation// Collection of legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 25.

[7] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 16, 2009 No. 19 (as amended on June 11, 2020) "On judicial practice in cases of abuse of office and abuse of office "///Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2009. – № 12.

[8] Cassation ruling of the Investigative Committee in criminal cases of the Eighth KSOY dated 21.01.2025 in case No. 77-441/2025//Information and legal portal "Garant" - URL: https://arbitr.garant.ru/ #/document/ 344536034/paragraph/1/doclist/1248/1/0/0/77-441 | 2025%20ot%20 21.01.2025%20eight%20cassation%20cord: 2

[9] Appeal ruling of the Investigative Committee in criminal cases of the Sakhalin Regional Court of 27.05.2025 in case No. 22-553/2025//Information and legal portal "Garant" - URL: https://arbitr.garant.ru/ #/document/ 345995359/paragraph/1: 0

[10] Kuznetsov A.P. Criminal law principles in the legislation of foreign countries: theoretical research//Gaps in Russian legislation. – 2015. – № 4. - S. 164-167.

[11] Sergeev D. N. Lawmaking in the system of criminal law regulation//Bulletin of Perm University. – 2018. – № 1. - S. 129.

[12] Kaufman M. A. Legal errors in criminal law//Journal of Russian Law. – 2016. – № 9. - S. 92-101.

[13] On the explanatory note to the draft federal law "On Amendments to the Criminal Executive Code of the Russian Federation" [Electronic resource]: electron. doc .//Official website of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1014418-8#bh_note

[14] Sumachev A.V. Dispositivity in criminal law//Legal science and law enforcement practice. №1(4). 2008. S.69.

[15] Sidorenko E.L. Dispositivity as a regime of criminal law regulation: abstract dis... Doctors of Law: 12.00.08/E.L. Sidorenko; - Moscow, 2013. - S.11.

[16] Ivanchin A.V. Design of corpus delicti: theory and practice: monograph/rev. ed. L. L. Kruglikov. - Moscow: Prospect, 2014 S.11.

[17] Litvinova Yu.I., Rublev A.G. Interpretation of the constitutional principle of guilt in relation to criminal law//Lawyer-Pravoveda. – 2024. – № 1(108). - S. 168-175.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-61-66

СТЕПАНЧИКОВ Александр Максимович,
магистрант 2 курса Юридического факультета
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Государственный университет просвещения»,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ ОБ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье автор провел уголовно-правовой анализ составов преступлений экстремистской направленности и выявил ряд правовых проблем в законодательном регулировании и правоприменении. Сделан вывод о том, что видовым объектом этих преступлений выступает безопасность личности через защиту конституционных прав, а не безопасность государства. Авто статьи отмечает, что интернет-пространство признается ключевым инструментом экстремизма, однако требует сбалансированного подхода к регулированию. В связи с выявленными проблемами необходимы законодательные изменения для устранения существующих противоречий и совершенствования практики квалификации экстремистских преступлений.*

Ключевые слова: *экстремистские преступления, экстремизм, Уголовный кодекс, состав преступления, экстремистский мотив, права человека.*

STEPANCHIKOV Alexander Maksimovich,
2nd year master's student of the Faculty of Law
of the Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "State University of Education"

PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN CASES OF EXTREMIST CRIMES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *In the article, the author conducted a criminal law analysis of extremist crimes and identified a number of legal problems in legislative regulation and law enforcement. It was concluded that the specific object of these crimes is personal safety through the protection of constitutional rights, and not the security of the state. Auto article notes that the Internet space is recognized as a key tool of extremism, but requires a balanced approach to regulation. In connection with the identified problems, legislative changes are needed to eliminate existing contradictions and improve the practice of qualifying extremist crimes.*

Key words: *extremist crimes, extremism, Criminal Code, corpus delicti, extremist motive, human rights.*

В действующей редакции Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. (далее – УК РФ) под преступлениями экстремистской направленности понимаются деяния, совершенные на почве политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной неприязни, а также вражды в отношении социальных групп. Данное определение закреплено в примечании 2 к статье 282.1 УК РФ и конкретизировано в пункте «е» части 1 статьи 63 УК РФ как квалифицирующий признак. В развитие этих положений Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 детализирует, что к экстремистским относятся специальные составы преступлений, предусмотренные статьями 280, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 282.4 УК РФ; а также иными составами преступлений, совершенные по экстремистским мотивам, например при квалификации по пунктам «л» ч. 2 ст. 105, «е» ч. 2 ст. 111, «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ; в том числе любые деяния, где экстремистский мотив признан отягчающим обстоятельством. Единообразие данного подхода подтверждается Указанием Генеральной прокуратуры и МВД России от 25 июня 2024 года №462/11/2 [1], закрепившим перечень статей для статистического учета экстремистских преступлений. Следует отметить, что экстремистский

мотив в уголовном праве представляет собой систему специфических побуждений, основанных на различных формах социальной неприязни, что позволяет выделять преступления экстремистской направленности в отдельную категорию. Между тем, в науке уголовного права отсутствует единый подход к определению экстремистского мотива. Часть исследователей придерживается легальной трактовки, детализируя законодательную дефиницию. Так, А.О. Безроков рассматривает экстремистский мотив как родовое понятие, выражающееся в направленности действий виновного не против конкретной личности, а против её принадлежности к определенной социальной, политической или конфессиональной группе [2]. Соглашаясь с этим, следует отметить, что данный мотив реализуется через конкретные формы, перечисленные в пункте «е» части 1 статьи 63 УК РФ. В свою очередь, А.С. Лаврив, опираясь на этимологию термина «экстремизм», определяет экстремистский мотив как предельно обостренную форму социальных чувств; радикальное отрицание охраняемых государством ценностей; бескомпромиссное противопоставление личности существующему нормативному порядку; гипертрофированную приверженность деструктивным идеологическим установкам [3]. Соглашаясь с этим, следует отметить, что преступления экстремистской направленности, несмотря на их расположение в различных главах Особенной части УК РФ, объединяются в самостоятельную уголовно-правовую категорию благодаря наличию специфического мотива, который, несмотря на вариативность научных интерпретаций, остается системообразующим признаком данной группы деяний.

В соответствии с пунктом 2 части 1 статьи 73 УПК РФ [4] мотив подлежит доказыванию по всем уголовным делам, между тем, при квалификации экстремистских преступлений этот элемент приобретает системообразующее значение. Экстремистский мотив выступает обязательным признаком субъективной стороны, и его отсутствие исключает состав преступления. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении № 11 приводит критерии разграничения экстремистских преступлений и деяний, совершенных на почве личных конфликтов, рекомендуя прик квалификации деяний как преступление учитывать характер и продолжительность взаимоотношений обвиняемого и потерпевшего; наличие конфликтов, не связанных с групповой принадлежностью; отсутствие идеологической, расовой или религиозной подоплеки в действиях преступника. Однако данные разъяснения не устраняют терминологической неопределенности законодательных формулировок. Использование законодателем разделительного союза «либо» между понятиями «ненависть» и «вражда» создает правоприменительную вариативность, усугубляемую смысловой близостью этих категорий.

Исследование материалов уголовных дел и судебных решений по преступлениям экстремистской направленности, совершенным в Российской Федерации [5], позволило выявить различные подходы к формулированию экстремистского мотива. Так, например, в судебной практике используются следующие варианты трактовки экстремистского мотива:

1) действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды;
2) «действия, направленные на возбуждение ненависти и вражды;
3) действия, направленные на возбуждение вражды. Следует отметить, что в большинстве случаев сохраняется законодательная формулировка с разделительным союзом «либо».

Однако в единичных случаях суд исключает отдельные элементы мотивации как не соответствующие установленным обстоятельствам дела, в частности - указание на «возбуждение ненависти».

А.С. Лаврив обоснованно разграничивает данные понятия, рассматривая ненависть как субъективное чувство, а вражду - как его объективное проявление [3]. Соглашаясь с этим, следует отметить, что, на наш взгляд, в вопросах квалификации деяний экстремисткой направленности представляется достаточным указание на мотив вражды как на объективно выраженную форму экстремистской направленности.

В то же время, А.Е. Шалагин и А.Д. Идиятуллов считают, что преступное поведение может детерминироваться несколькими взаимодополняющими мотивами, объединенными общей целью [6]. Если мотивы расовой, национальной или религиозной неприязни в целом понятны без специального толкования, то мотивы политической и идеологической вражды, а также ненависти к социальным группам оставляют простор для свободного толкования. Неопределенность этих терминов, допускающая расширительное толкование, стала предметом обоснованных научных дискуссий. Например, мотив политической ненависти или вражды корреспондирует с понятием политики как сферы социальных отношений, где решения принимаются через дискуссию и компромисс либо посредством применения властных полномочий. Е.А. Таюрская объясняет политическую ненависть или вражду в исследуемых диспозициях преступлений экстремисткой направленности как негативное отношение виновного к субъектам, участвующим в процессах формирования и реализации власти на

различных уровнях государственного управления [7]. Между тем, А.А. Можегова расширяет эту формулировку определения «политическая ненависть или вражда», включая в него отрицательное отношение к деятельности институтов государственной власти и управления; политических партий и общественных объединений; иных структур, чья деятельность определяется идеологическими установками [8]. Соглашаясь с этим, следует привести пример реализации данного мотива, которыми являются материалы уголовного дела в отношении гр. Г., который под влиянием информации экстремистского характера, содержащейся в телеграмм-каналах, поддерживающих вооруженные силы Украины, стало приверженцем террористической идеологии и практики ВС Украины. Являясь осведомленным о целях и задачах ВС Украины, лицо Г. начало разделять, поддерживать взгляды и деятельность ее участников, направленные на совершение террористических актов, обстрелов, подрывов, а также иных акций устрашения в отношении ВС России и мирного населения Российской Федерации. Кроме того, являясь противником проведения ВС России СВО, по мотивам политической, идеологической ненависти, основанной на неприязненном отношении к государственной власти, политическому и конституционному строю Российской Федерации, разделяющего террористическую идеологию и практику ВС Украины, связанную с совершением террористических актов, обстрелов, подрывов, иных акций устрашения в отношении военнослужащих ВС России и мирного населения Российской Федерации, признавая указанные преступные действия ВС Украины правильными, нуждающимися в поддержке и подражании, возник преступный умысел, направленный на публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдания терроризма, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», за что был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 205.6 УК РФ [9]. Таким образом, следует отметить, что преступления, совершаемые по мотивам политической ненависти или вражды, могут основываться как на неприятии определенного политического курса, так и на негативном отношении к носителям конкретных политических взглядов. При этом важно разграничивать такие преступные деяния с политическими преступлениями, непосредственно направленными против основ государственного строя.

Необходимо отметить, что идеология представляет собой систему взглядов и концепций, характеризующих определенную социальную общность. Целенаправленное противодействие распространению альтернативных мировоззренческих позиций формирует идеологический мотив преступления. В то же время необходимо отметить проблематичность использования в правоприменительной практике термина «идеологический» в контексте мотивации преступного поведения. Так, например, И.А. Кияткина отмечает единую природу преступлений, совершаемых по мотивам политической, идеологической и социальной ненависти, проводя параллель с деяниями, основанными на национальной, расовой или религиозной розни [10]. Во всех случаях потерпевший подвергается преследованию не в силу индивидуальных характеристик, а из-за принадлежности к иной социальной группе, политической организации или идеологическому течению. Ключевым признаком выступает случайность выбора конкретной жертвы при целенаправленности воздействия на представляемую ею общность. Соглашаясь с этим, следует также отметить, что анализируемые мотивы существенно повышают общественную опасность преступных деяний. Потенциальной жертвой может стать любой человек, чьи идеологические, политические, религиозные, национальные или расовые характеристики или взгляды отличаются от взглядов носителя экстремистской идеологии. Это обусловливает повышенную опасность таких преступлений как для отдельных лиц, так и для общества в целом.

При этом законодательного закрепления понятие «социальная группа» в контексте мотива ненависти или вражды не получило. На наш взгляд представляется возможным предположить, что в данном контексте применительно к термину «социальная группа» имеются в виду крупные социальные общности, поскольку неприязнь к отдельной семье или хоккейной команде вряд ли может рассматриваться как проявление экстремизма. Тем не менее, отсутствие четких законодательных критериев социальной группы создает существенные сложности в правоприменительной практике. Подобная расширительная трактовка вызывает обоснованные проблемы при квалификации тех или иных преступных деяний, поскольку, как считает К.И. Бринев, любой потерпевший объективно принадлежит к какой-либо социальной группе [11]. Соглашаясь с этим, следует также отметить, что такой законодательный пробел порождает правовую неопределенность в разграничении бытовых конфликтов и преступлений экстремистской направленности.

На наш взгляд, существует реальная опасность расширительного толкования термина «социальная группа». В случаях, когда отсутствуют мотивы ненависти или вражды к политическим, идеологическим, расовым, национальным или религиозным группам, обвинение может

использовать данную категорию как «резервную», что приводит к размыванию оснований уголовной ответственности и создает риски необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

Использование информационно-телекоммуникационных сетей закреплено в качестве квалифицирующего признака составов преступлений, предусмотренных в ст. 280 и ст. 282 УК РФ. При этом уголовно-правовая оценка варьируется в зависимости от состава преступления: при публичных призывах к экстремизму использование интернета образует квалифицированный состав по ч. 2 ст. 280 УК РФ, а при возбуждении вражды или унижении достоинства данный способ входит в основной состав преступления по ч. 1 ст. 282 УК РФ. В обоих рассматриваемых составах преступлений применение информационно-телекоммуникационных сетей неразрывно связано с признаком публичности. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ в пунктах 4 и 7 Постановления № 11 от 28 июня 2011 года, к публичным способам распространения информации относятся размещение материалов на интернет-ресурсах (сайтах, форумах, блогах); массовая рассылка электронных сообщений; иные действия, ориентированные на последующее ознакомление неограниченного круга лиц. Между тем, достаточно дискуссионным, на наш взгляд, является нормативное закрепление данного признака в статьях 280 и 282 УК РФ, учитывая схожую степень общественной опасности и значительное сходство составов этих преступлений. Представляется, что существующая дифференциация в регламентации способов совершения анализируемых преступлений обусловлена недостатками законодательной техники, а не объективными различиями в их общественной опасности.

Уголовно-правовая значимость использования информационно-телекоммуникационных сетей выходит за рамки основного состава преступления. В соответствии с положениями Общей части УК РФ, приготовление к тяжким и особо тяжким преступлениям экстремистской направленности также влечет уголовную ответственность. К таким деяниям относятся часть 2 статьи 282 УК РФ и статьи 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ. Между тем, Верховный Суд Российской Федерации признал распространение экстремистских материалов через цифровые каналы связи одним из основных способов вовлечения лиц в деятельность запрещенных структур. Также в Стратегии противодействия экстремизму [12] отмечается, что информационно-телекоммуникационные сети стали ключевым инструментом экстремистских и террористических организаций для вербовки новых сторонников, координации преступной деятельности и распространения деструктивной идеологии. Особую актуальность эта проблема приобретает в контексте возрастного состава интернет-аудитории, где преобладает молодежь, демонстрирующая повышенную восприимчивость к экстремистскому влиянию.

Квалификационный признак использования сетевых ресурсов распространяется на все электронные платформы, функционирующие в киберпространстве, независимо от их правового статуса как СМИ, при обязательном учете следующих обстоятельств: контекст и способ распространения информации; содержательные характеристики материалов; наличие и содержание пользовательских реакций. Н.Р. Шевко считает, что возрастание криминальной активности в информационном пространстве, обусловленная технологическим прогрессом, детерминировала адекватную законодательную реакцию, направленную на предотвращение экстремисткой деятельности в киберпространстве [13]. При этом, на наш взгляд, представляется необходимым соблюдение баланса между противодействием экстремизму и сохранением информационной ценности цифровых коммуникаций, что требует взвешенного подхода к установлению правовых ограничений.

Таким образом, проведенный уголовно-правовой анализ составов преступлений экстремистской направленности выявил ряд правовых проблем в законодательном регулировании и правоприменении. Ключевые выводы заключаются в следующем: видовым объектом этих преступлений выступает безопасность личности через защиту конституционных прав, а не безопасность государства. Также существует ряд проблем, влияющих на квалификацию преступлений экстремисткой направленности: отсутствуют четкие критерии разграничения смежных составов, в частности статей 280 и 282 УК РФ, наблюдается терминологическая неопределенность таких понятий как «ненависть», «вражда», «социальная группа», а также имеет место конкуренция квалификаций между экстремистским хулиганством и насильственными действиями экстремистской направленности. Субъективная сторона преступлений экстремисткой направленности характеризуется тем, что экстремистский мотив является системообразующим признаком, однако требует более четкого законодательного определения. Выявлены многочисленные технико-юридические недостатки: избыточное сходство диспозиций статей 282.1 и 282.2 УК РФ, терминологические противоречия между Общей и Особенной частями УК РФ, а также неопределенность критериев финансирования экстремизма. Отдельно отмечается, что интернет-пространство признается ключевым инструментом экстремизма, однако требует сбалансированного

подхода к регулированию. В связи с выявленными проблемами необходимы законодательные изменения для устранения существующих противоречий и совершенствования практики квалификации экстремистских преступлений.

Список литературы:

[1] Указание Генпрокуратуры России, МВД России от 25 июня 2024 года №462/11/2 О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности - https://rulaws.ru/

[2] Безроков, А. О. Содержательный аспект мотива преступления или мотив как критерий объединения преступлений экстремистской направленности в самостоятельную группу по признакам единства объекта / А. О. Безроков // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 11. – С. 310.

[3] Лаврив, А. С. Сущностные черты преступлений экстремистской направленности / А. С. Лаврив // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 1-2(15). – С. 118.

[4] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 52 (I часть), 24.12.2001, ст.4921

[5] Приговор Сыктывкарского городского суда Республики Коми по делу № 1-530/2025 от 4 июня 2025 г.; Приговор Советского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан по делу № 1-496/2024 от 9 декабря 2024 г.; Приговор Кызылского городского суда Республики Тыва по делу № 1-1600/2024 от 30 октября 2024 г.; Приговор Семеновского районного суда Нижегородской области по делу № 1-170/2024 от 15 августа 2024 г.; Приговор Батайского городского суда Ростовской области по делу № 1-234/2024 от 4 июля 2024 г.; Приговор Шолоховского районного суда Ростовской области по делу № 1-144/2024 от 30 сентября 2024 г.; Приговор Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югра по делу № 1-934/2024 от 11 июня 2024 г.; Приговор Каспийского городского суда Республики Дагестан по делу № 1-275/2024 от 15 мая 2024 г.; Приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан по делу № 1-713/2022 от 11 ноября 2022 г.; Приговор Теучежского районного суда Республики Адыгея по делу № 1- 82 /2020 г. от 4 сентября 2020 года.

[6] Шалагин, А. Е. О мотивации преступного и суицидального поведения / А. Е. Шалагин, А. Д. Идиятуллов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – № 3(37). – С. 365.

[7] Таюрская, Е. А. Политическая, идеологическая, национальная, расовая, религиозная ненависть или вражда как мотивы совершения преступления / Е. А. Таюрская // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2009. – № 3(50). – С. 25.

[8] Можегова, А. А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по Уголовному праву Российской Федерации : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Можегова Анастасия Анатольевна, 2015. – 49 с.

[9] Приговор Абаканского городского суда Республики Хакасия по делу № 1-477/2025 от 25 июля 2025 г.

[10] Кияткина, И. А. Разграничение мотива религиозной ненависти или вражды и мотива национальной ненависти или вражды / И. А. Кияткина // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 5. – С. 118.

[11] Бринев, К. И. Методологические проблемы лингвистической экспертизы: определение сущности экстремизма / определение понятия «социальная группа» / К. И. Бринев // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 2(50). – С. 120.

[12] Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 № 1124 Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации, № 53 (ч.I), 30.12.2024, ст.8669

[13] Шевко, Н. Р. Особенности противодействия преступности в киберпространстве / Н. Р. Шевко // Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика : материалы VI Международной научно-практической конференции, Донецк, 28 апреля 2022 года. Том 1. – Донецк: Цифровая типография, 2022. – С. 326.

References:

[1] Directive of the Prosecutor General's Office of Russia, the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 25, 2024 No. 462/11/2 On the introduction of lists of articles of the Criminal Code of the Russian Federation used in the formation of statistical reporting - https://rulaws.ru/

[2] Bezrokov, A. O. The substantive aspect of the motive of the crime or motive as a criterion for combining extremist crimes into an independent group on the grounds of the unity of the object/A. O. Bezrokov//Social and humanitarian knowledge. – 2013. – № 11. - S. 310.

[3] Lavriv, A. S. Essential features of extremist crimes/A. S. Lavriv//Historical, philosophical, politi-

cal and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. – 2012. – № 1-2(15). - S. 118.

[4] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 01.09.2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation, No. 52 (I part), 24.12.2001, Article 4921

[5] Verdict of the Syktyvkar City Court of the Komi Republic in case No. 1-530/2025 of June 4, 2025; The verdict of the Sovetsky District Court of Ufa of the Republic of Bashkortostan in case No. 1-496/2024 of December 9, 2024; The verdict of the Kyzyl City Court of the Republic of Tyva in case No. 1-1600/2024 of October 30, 2024; The verdict of the Semenovsky District Court of the Nizhny Novgorod Region in case No. 1-170/2024 of August 15, 2024; The verdict of the Bataysky City Court of the Rostov Region in case No. 1-234/2024 of July 4, 2024; The verdict of the Sholokhovsky District Court of the Rostov Region in case No. 1-144/2024 of September 30, 2024; The verdict of the Surgut City Court of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Ugra in case No. 1-934/2024 of June 11, 2024; The verdict of the Caspian City Court of the Republic of Dagestan in case No. 1-275/2024 of May 15, 2024; The verdict of the Leninsky District Court of Makhachkala of the Republic of Dagestan in case No. 1-713/2022 of November 11, 2022; The verdict of the Teuchezhsky District Court of the Republic of Adygea in case No. 1-82/2020 of September 4, 2020.

[6] Shalagin, A.E. On the motivation of criminal and suicidal behavior/A.E. Shalagin, A.D. Idiyatullov//Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – № 3(37). - S. 365.

[7] Tayurskaya, E. A. Political, ideological, national, racial, religious hatred or enmity as motives for committing a crime/E. A. Tayurskaya//Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2009. – № 3(50). - S. 25.

[8] Mozhegova, A. A. Extremist crimes and extremist crimes under the Criminal Law of the Russian Federation: specialty 12.00.08 “Criminal Law and Criminology; criminal executive law”: dissertation for the degree of candidate of legal sciences/ Mozhegova Anastasia Anatolyevna, 2015. - 49 s.

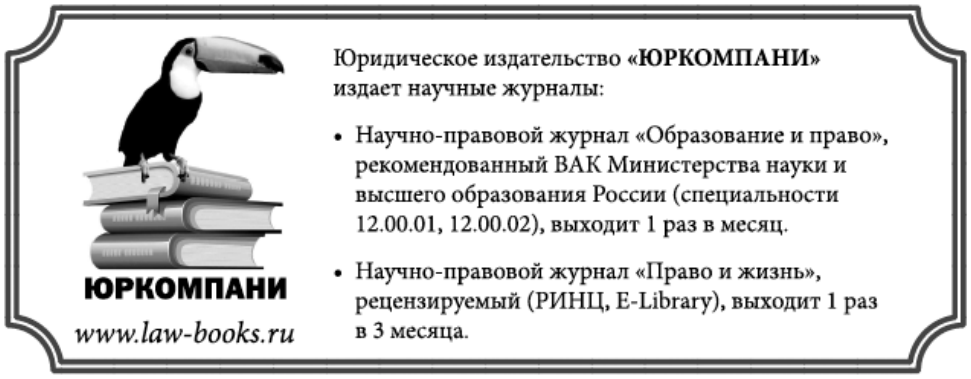
[9] The verdict of the Abakan City Court of the Republic of Khakassia in case No. 1-477/2025 of July 25, 2025

[10] Kiyatkin, I. A. Delimitation of the motive of religious hatred or enmity and the motive of national hatred or enmity/I. A. Kiyatkin//Gaps in Russian legislation. – 2017. – № 5. - S. 118.

[11] Brinev, K. I. Methodological problems of linguistic expertise: determining the essence of extremism/defining the concept of “social group “/K. I. Brinev//Bulletin of Kemerovo State University. – 2012. – № 2(50). - S. 120.

[12] Decree of the President of the Russian Federation of December 28, 2024 No. 1124 On approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation//Collection of Legislation of the Russian Federation, No. 53 (part I), 30.12.2024, article 8669

[13] Shevko, N. R. Features of countering crime in cyberspace/N. R. Shevko//Actual problems of legal, economic and socio-psychological knowledge: theory and practice: materials of the VI International Scientific and Practical Conference, Donetsk, April 28, 2022. Volume 1. - Donetsk: Digital Printing House, 2022. - S. 326.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-67-71

ШИКУЛА Ильмира Рифкатьевна,
Профессор кафедры Гражданского и Уголовного права и процесса
АНОВО «Московский международный университет» ,
доктор юридических наук, доцент;
Профессор кафедры прикладного правоведения и
междисциплинарных юридических исследований Факультета
«Высшая школа прикладной юриспруденции»
ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»,
Член экспертного совета комитета Государственной Думы РФ
По защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства,
Член-корреспондент РАЕН,
e-mail: ila.vnii@mail.ru

МАКАРОВА Виктория Ивановна,
Магистрант кафедры Гражданского и уголовного права и
процесса АНОВО «Московский международный университет»,
e-mail: pan.vik@bk.ru

НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНЯТИЙ «ОБРЕМЕНЕНИЕ» И «ОГРАНИЧЕНИЕ» В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. *В статье авторы исследуют проблемные вопросы понятия «обременение» и «ограничение» их неоднозначное использование в законодательстве и правоприменении. Авторами проанализированы имеющиеся точки зрения в литературе, а также нормативно правовые акты в соответствии с чем обозначена проблемное поле и пути его решения.*

Ключевые слова: *обременения, ограничения, неоднозначное использование терминологии.*

SHIKULA Ilmira Rifkatyevna,
Professor, Department of Civil and Criminal
Law and Process ANOVO "Moscow International University"
Doctor of Law, Associate Professor; Professor, Department
of Applied Law and Interdisciplinary Legal Studies,
Faculty of Higher School of Applied Jurisprudence,
FSAEI HE Russian State University for the Humanities,
Member of the Expert Council of the State Duma
Committee on Family Protection, Fatherhood,
Motherhood and Childhood, Corresponding Member
of the Russian Academy of Natural Sciences

MAKAROVA Victoria Ivanovna,
Graduate student of the Department of Civil and Criminal
Law and Proceedings of ANOVO "Moscow International University"

AMBIGUITY IN THE USE OF THE CONCEPTS «ENCUMBRANCE» AND «RESTRICTION» IN LEGISLATION: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Annotation. *In this article, the authors explore the problematic issues of the concepts of "encumbrance" and "restriction," focusing on their ambiguous use in legislation and law enforcement. The authors analyze existing viewpoints in legal literature, as well as regulatory legal acts, thereby identifying the problematic area and substantiating its resolution.*

Key words: *Encumbrances, restrictions, ambiguous use of terminology.*

Актуальность темы неоднозначности использования понятий «обременение» и «ограничение» в законодательстве: проблемы и пути их решения обусловлена тем, что современный имущественный оборот, особенно в сфере недвижимости, построен на разнообразных ограничениях и обременениях права собственности, напрямую влияющих на возможность распоряжения имуществом и его стоимость. Широкое применение ипотеки, аренды, сервитутов, ренты, а также публичных ограничений приводит к конфликтам интересов собственников, кредиторов, государства и третьих лиц, что усиливает необходимость теоретического осмысления и совершенствования правового регулирования. Для того, чтобы разобраться из-за чего возникает не соответствии в терминологии «ограничения» и «обременения» рассмотрим нормативно правовую базу.

В действующей редакции Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), а именно в статье 131 ГР РФ до сих пор указаны лишь ограничения вещных прав на недвижимость, которые подлежат государственной регистрации [1]. Слово «обременение» в цитируемой статье не встречается. Однако в статье 8.1 ГК РФ, которую ввели в 2013 году четко прописано: в случаях, которые предусмотрены законом, государственной регистрации подлежат права, которые закрепляют, что объект принадлежит конкретному человеку, ограничения таких прав, а также обременения имущества (или прав на имущество) [5].

Получается, что регистрировать нужно и ограничения, и обременения. При этом слово «ограничение» обычно привязывают именно к правам, а вот «обременение» может относиться и к самому имуществу, и к праву на него. Эта двойственность термина «обременение» тянется через весь Гражданский кодекс и через множество других законов. Если открыть сам Гражданский кодекс РФ, то об обременении имущества упоминают статьи 209, 274, 275, 276, 277, 342.1, 149, 149.2, 460, 586, 604, 704, 926.6, 1019, а об обременении прав на имущество - уже другие: 149.2, 345, 674, 700, 1138.

Теперь возьмём Закон о государственной регистрации недвижимости (в редакции 2015 года) [6]. Там почти везде стоит устойчивая связка: «ограничение права и обременение недвижимого имущества». Слово «обременение» почти всегда относится именно к недвижимости или к её отдельным видам. Но при этом в статье 26 три раза подряд говорится о регистрации ограничения или обременения права без привязки к имуществу.

Земельный кодекс Российской Федерации хаотичен. Об обременении земельных участков говорится в огромном количестве статей: 11.6, 23, 37, 39.27, 39.29, 39.43, 39.46, 39.47, 39.48, 39.50, 48, 56.6, 56.12. А вот в статьях 11.8, 11.9, 39.25, 39.42, 39.43, 56.5 ограничения и обременения уже приравниваются и рассматриваются именно как характеристики прав на имущество. В статьях 23 и 37 ограничения использования земли называются особой характеристикой самого участка [2].

Закон об ипотеке № 102-ФЗ от 1998 года в основном трактует обременение как свойство имущества. Очень часто встречается фраза «имущество, обременённое ипотекой» (статьи 11, 13, 14, 20, 22, 33, 40). Но даже там иногда встречается обременение права (ст. 20, 24, 77.1) [7].

В Жилищном кодексе РФ в зависимости от объекта используются различные формулировки. Про жилое помещение говорится следующее: - «ограничение (обременение) права собственности на жилое помещение», в то время как для земельного участка установлено понятие «обременение земельного участка». Этот пример указывает на то, что в первом случае речь идет об обременении права, а во втором уже непосредственно объекта [4].

Градостроительный кодекс определяет земельный участок как объект, на который могут наложить обременения. При этом, в отношении других объектов недвижимости кодекс рассматривает обременения уже непосредственно права собственности [3].

Можно было бы продолжать этот разбор ещё долго, но и так уже видно: у законодателя нет единой, чёткой позиции.

При внимательном анализе норм, регулирующих обременения недвижимого имущества, отчетливо прослеживается отсутствие единообразного подхода в законодательных актах к соотношению понятий «ограничение» и «обременение».

Если говорить о современном состоянии правового регулирования, то можно выделить несколько ключевых моментов.

Во-первых, законодатель сознательно отказался от предоставления легального определения ограничений (обременений). В действующем Федеральном законе «О государственной регистрации недвижимости», в отличие от Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», уже не содержится такого определения. С одной стороны, это логично: зачем повторять в специальном законе то, что должно быть прописано в главном документе, а именно Гражданском кодексе. В таком случае законодатели избегают дублирования. Но, с другой стороны, такой шаг наводит на мысль,

что они хотят разделить понятия «ограничения» и «обременения», а не считают их одним и тем же как раньше. Можно считать, что законодатель сменил подход [9, С.129-133].

Во-вторых, получила развитие ранее отмеченная в литературе тенденция, заключающаяся, в частности, в том, что термин «обременение» преимущественно относится к самой недвижимой вещи (имуществу), а «ограничение» – к субъективным правам на нее. Это разделение теперь прямо прописано в законе - в статье 8.1 Гражданского кодекса РФ и в законе о регистрации. Чтобы понять, что именно означают эти правовые нормы, в первую очередь нужно смотреть на их прямой текст. Законодательство о регистрации прав на недвижимость — это основа всех правил, касающихся недвижимости. Поэтому именно оно является главным ориентиром для понимания всех ключевых терминов, которые в этих правилах используются. И одно из таких важнейших понятий - как раз «обременение» [9, С.129-133].

Очень отчетливо видно данную путаницу между понятиями «ограничение» и «обременение» права собственности в судебной практике. Как пример приведу два похожих механизма: особые условия использования земельных участков в зонах с особыми условиями использования территорий (ЗОУИТ например, в охранных зонах) и публичный сервитут. Оба этих инструмента не похожи на обычный (частный) сервитут по ст. 274 ГК РФ. В частном сервитуте один участок «служит» другому, и они принадлежат разным владельцам. Здесь же такого нет: ограничения вводятся по закону или решению властей, чтобы защитить интересы общества или государства в целом, а не от конкретного соседа. Собственник земли вынужден терпеть эти стеснения независимо от своего желания. Подобную сложившеюся ситуацию разбирал Верховный Суд РФ в 2024 году. В ноябре 2020 года администрация своим постановлением установила публичный сервитут на 10 лет на часть участка сельхозназначения (особо ценные продуктивные угодья). Целью администрация была - обеспечить проход и проезд. Владелец участка оспаривал это решение. Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ в своих разъяснениях подчеркнула: публичный сервитут официально регистрируется в ЕГРН как обременение права собственности. Но, по сути, он работает как ограничение использования земли в интересах общества - очень похоже на режим охранных зон или других ЗОУИТ (например, вокруг линейных объектов) [8].

Между эти двумя механизмами есть общие критерии: нет «соседского» отношения между участками, ограничение вводится принудительно, по публичным правилам. Их цели часто пересекаются: доступ к участку, проезд техники (в том числе для противопожарных нужд или обслуживания инфраструктуры). Охранные зоны чаще просто запрещают или ограничивают определённые действия (пассивный режим). Но на практике эти механизмы могут дублировать друг друга, что создаёт путаницу в терминах и применении норм. Из-за такого пересечения целей и последствий возникает риск, что институты будут смешиваться или подменять друг друга. Это требует более чёткого разграничения в теории права и в законах.

В доктрине этому вопросу также уделяется значительное внимание, поскольку он затрагивает фундаментальные аспекты вещного права. Существует множество различных точек зрения как среди представителей общей теории права, так и специалистов в области гражданского права. В частности, среди позиций теоретиков права можно выделить мнения А.В. Малько и М.И. Приходько.

С учетом обозначенных тенденций в научной среде преобладает мнение о том, что, во-первых, ограничение и обременение в гражданском законодательстве Российской Федерации не являются синонимами, а во-вторых, обременение представляет собой характеристику именно правового состояния недвижимой вещи, а не субъективного права на эту вещь.

С последним выводом категорически не согласны ряд ученых. Так, А.О. Рыбалов подчеркивает: «Ограниченные вещные права обременяют не вещь, как часто говорят, а именно субъективное право на нее. Право следует не за вещью, а за правом на вещь» [11, С.177]. А.В. Швабауэр полагает, что «выражение «обременение вещи» появилось, по-видимому, в связи со следованием обременением «за вещью» при смене ее правообладателя. Однако стеснению (обременению) подлежат на самом деле возможности собственника вещи, а не вещь, поэтому об обременении вещи можно говорить лишь условно» [13, С.63]. Аналогичного мнения придерживается А.А. Савельев [12, С.77]. Столь же категорично, но с альтернативной позиции выступает О.К. Тикк: «Исходя из предложенного подхода к категории «обременение», объектом права-обременения может выступать только объект права другого лица, но не само это право либо его субъект» [9, С.132].

Исходя из всего вышеизложенного, автор полностью разделяет позицию В.А. Микрюкова в том, что «необходимость формулирования в гражданском законодательстве четкого понятия «обременение» и определение его сущностных признаков явно назрели» [10, С.244-445]. Действительно, этот термин весьма широко исполь-

зуется в ГК РФ и многих других законах, но не имеет установленных в законе признаков, что негативно сказывается на правоприменении.

Ранее в литературе предлагалось следующее определение обременения: «Обременение имущества – установленные на основании законов и иных нормативных актов или актами уполномоченных органов либо договором и сохраняющиеся при смене правообладателя ограничения вещных прав на имущество и специальные обязанности обладателей этих прав». Полагаю, что и в настоящее время это определение может успешно использоваться для уяснения того, что в действующем законодательстве понимается под обременением. Вместе с тем представляется целесообразным его уточнить с учетом современных тенденций: ограничения и обязанности носят специальный характер и соотносятся именно с правом собственности, а не с вещными правами в целом. В уточненном виде определение могло бы выглядеть следующим образом: «Обременение имущества – это обременения установленные на основании законов и иных нормативных актов или актами уполномоченных органов либо договором и сохраняющиеся при смене правообладателя специальные ограничения права собственности на имущество и специальные обязанности обладателя этого права» При этом под специальным характером ограничений и обязанностей понимается их выход за рамки общих ограничений и обязанностей, установленных законом для собственника любого объекта (или группы объектов).

При изучении нормативных правовых актов, научной литературы, судебной практики автор считает необходимым законодательно закрепить общее понятие обременения права и обременения имущества как самостоятельной правовой категории - отдельной от ограничений права собственности и других режимов.

Предлагается добавить в Гражданский кодекс России отдельную норму (например, новую статью в общих положениях о вещных правах - после статьи 216 ГК РФ), где указать, что обременением признаётся устанавливаемая законом, договором или актом публичной власти юридическая связанность вещи либо права на вещь, уменьшающая объём правомочий управомоченного лица, но не прекращающая само право.

Список литературы:

[1] «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: справочные правовые системы: Законодательство.;

[2] Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: справочные правовые системы: Законодательство.;

[3] «Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 29.12.2025) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: справочные правовые системы: Законодательство.;

[4] «Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 29.12.2025) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: справочные правовые системы: Законодательство.;

[5] Федеральный закон «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 30.12.2012 N 302-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: справочные правовые системы: Законодательство.;

[6] Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 N 218-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: справочные правовые системы: Законодательство.;

[7] Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.1998 N 102-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: справочные правовые системы: Законодательство.;

[8] Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 13 мая 2024 г. N 305-ЭС23-29621 по делу N А41-83261/2022 Суд отменил вынесенные ранее судебные акты и направил на новое рассмотрение в суд первой инстанции дело о признании незаконным постановления об установлении публичного сервитута в отношении части земельного участка, поскольку судами не проверено приложение, обосновывающее возможность продолжения использования земельного участка в соответствии с его разрешенным целевым назначением в течение определенного времени при возведении и эксплуатации газопровода с учетом требований по охранным зонам и доступа для его дальнейшего обслуживания[Электронный ресурс] // Консультант Плюс: справочные правовые системы: Законодательство.;

[9] Алексеев, В. А. Право недвижимости Российской Федерации. Права на недвижимые вещи: общие проблемы: учебник для вузов / В. А. Алексеев. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 164 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-13418-6. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/567162;

[10] Микрюков В.А. Ограничения и обременения гражданских прав С.244-245;

[11] Рыбалов А.О. Проблемы классификации гражданских правоотношений. С. 177;

[12] Савельев А.А. Ограничения и обременения права собственности: дис. … канд. юрид. наук. Уфа, 2007. С. 77;

[13] Швабауэр А.В. О государственной регистрации обременений прав на недвижимое имущество // Вестник СПбГУ. Сер. 14. 2012. Вып. 2. С. 63.

References:

[1] “Civil Code of the Russian Federation (Part Two)” dated 26.01.1996 No. 14-FZ (as amended by 24.06.2025) [Electronic Resource]//Consultant Plus: reference legal systems: Legislation.;

[2] Land Code of the Russian Federation” dated 25.10.2001 N 136-FZ (as amended 29.12.2025) (with amendments and additions, entry by virtue of the 01.01.2026) [Electronic Resource]//Consultant Plus: reference legal systems: Legislation.;

[3] “Town Planning Code of the Russian Federation” dated 29.12.2004 N 190-FZ (as amended by 29.12.2025) [Electronic Resource]//Consultant Plus: reference legal systems: Legislation.;

[4] “Housing Code of the Russian Federation” dated 29.12.2004 N 188-FZ (as amended by 29.12.2025) [Electronic Resource]//Consultant Plus: reference legal systems: Legislation.;

[5] Federal Law “On Amendments to Chapters 1, 2, 3 and 4 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation” dated 30.12.2012 N 302-FZ (latest edition) [Electronic resource]//Consultant Plus: reference legal systems: Legislation.;

[6] Federal Law “On State Registration of Real Estate” of 13.07.2015 N 218-FZ (latest edition) [Electronic resource]//Consultant Plus: reference legal systems: Legislation.;

[7] Federal Law “On Mortgage (Pledge of Real Estate)” of 16.07.1998 N 102-FZ (latest edition) [Electronic resource]//Consultant Plus: reference legal systems: Legislation.;

[8] Determination of the Investigative Committee for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of May 13, 2024 N 305-ES23-29621 in case N A41-83261/2022 The court canceled the previous judicial acts and sent for new consideration to the court of first instance the case on declaring illegal the decision to establish a public easement in relation to part of the land plot, whereas the courts have not verified the application justifying the possibility of continuing the use of the land plot in accordance with its permitted intended purpose for a certain time during the construction and operation of the gas pipeline, taking into account the requirements for security zones and access for its further maintenance [Electronic resource]//Consultant Plus: reference legal systems: Legislation;

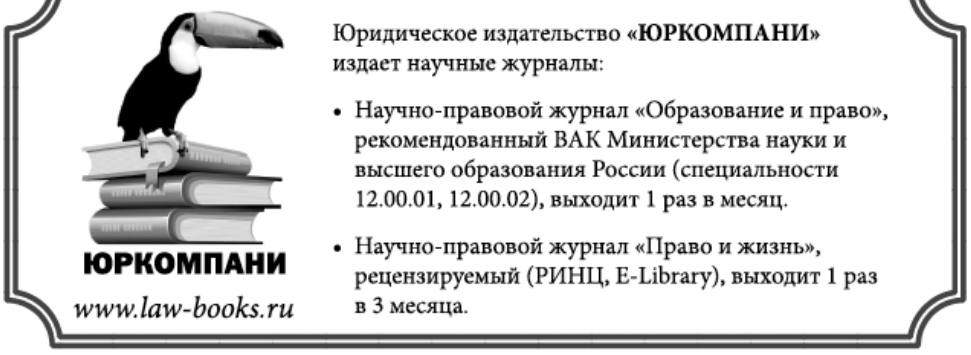
[9] Alekseev, V. A. Real Estate Law of the Russian Federation. Rights to immovable things: general problems: a textbook for universities/V. A. Alekseev. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. - 164 p. - (Higher education). — ISBN 978-5-534-13418-6. - Text: electronic//Educational platform Yurayt [site]. — URL: https://urait.ru/bcode/567162;

[10] Mikryukov V.A. Restrictions and Burdens of Civil Rights P.244-245;

[11] A.O. Rybalov. Problems of classification of civil legal relations. S. 177;

[12] Savelyev A.A. Restrictions and encumbrances of ownership: dis.... cand. jurid. sciences. Ufa, 2007. S. 77;

[13] Schwabauer A.V. On state registration of encumbrances on real estate rights//Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 14. 2012. No. 2. S. 63.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-72-76

БЕРМЕС Екатерина Александровна,
аспирантка Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тихоокеанский государственный университет»,
e-mail: ekaterina01101989@yandex.ru

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЧАСТНОПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *В статье исследуется сущность принципа добросовестности в контексте контрактной системы Российской Федерации и его роль в формировании правового регулирования публичных закупок. Автор анализирует дуальную природу российской системы закупок, регулируемую Федеральным законом № 44-ФЗ и Федеральным законом № 223-ФЗ, и выявляет специфику применения принципа добросовестности на различных этапах закупочного процесса. Особое внимание уделяется соотношению принципа добросовестности с другими основополагающими принципами контрактной системы, такими как открытость, прозрачность, обеспечение конкуренции и профессионализм. Рассматривается проблема отсутствия законодательного определения добросовестности и четких критериев добросовестного поведения участников закупок. Анализируется институт Реестра недобросовестных поставщиков как механизм юридической ответственности за нарушение принципа добросовестности. Автор обосновывает необходимость введения понятия «репутационного образа участника» и предлагает критерии его формирования, включающие положительный опыт работы, наличие лицензий и допусков, период осуществления предпринимательской деятельности. Делается вывод о частноправовой природе принципа добросовестности и его определяющем значении для эффективного функционирования контрактной системы.*

Ключевые слова: *принцип добросовестности, контрактная система, публичные закупки, деловая репутация, Реестр недобросовестных поставщиков, репутационный образ участника, частное право, обеспечение конкуренции, профессионализм заказчиков, гражданско-правовой договор.*

BERMES Ekaterina Alexandrovna,
graduate student at Pacific State University

THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH AS A MANIFESTATION OF THE PRIVATE LAW NATURE OF THE CONTRACT SYSTEM

Annotation. *The article examines the essence of the principle of good faith in the context of the contract system of the Russian Federation and its role in shaping the legal regulation of public procurement. The author analyzes the dual nature of the Russian procurement system, regulated by Federal Law No. 44-FZ and Federal Law No. 223-FZ, and identifies the specifics of applying the principle of good faith at various stages of the procurement process. Particular attention is paid to the correlation between the principle of good faith and other fundamental principles of the contract system, such as openness, transparency, ensuring competition, and professionalism. The problem of the absence of a legislative definition of good faith and clear criteria for good faith behavior of procurement participants is examined. The institution of the Register of Unscrupulous Suppliers is analyzed as a mechanism of legal liability for violating the principle of good faith. The author substantiates the necessity of introducing the concept of "reputational image of a participant" and proposes criteria for its formation, including positive work experience, availability of licenses and permits, and the period of entrepreneurial activity. The conclusion is drawn about the private law nature of the principle of good faith and its determining significance for the effective functioning of the contract system.*

Key words: *principle of good faith, contract system, public procurement, business reputation, Register of Unscrupulous Suppliers, reputational image of participant, private law, ensuring competition, professionalism of customers, civil law contract.*

Целью настоящей статьи является рассмотрение сущности принципа добросовестности, определение роли принципа в системе правового регулирования института контрактной системы, значение принципа в формировании «репутационного образа участника».

В российском правопорядке система закупок является дуальной и регулируется отдельными законодательными актами для государственных и коммерческих закупок. Регулирование государственных (муниципальных) закупок осуществляется Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе) [3], а закупок компаний с госучастием («корпоративных» закупок) – Федеральным законом от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Закон о закупках) [2].

Такое разделение, несомненно, усложняет правовую квалификацию самого процесса закупочного цикла, предопределяет различное правовое положение участников системы закупок, применение мер ответственности, и приводит к неопределенности в правовом регулировании института контрактной системы.

Публичные закупки, находясь на стыке частного и публичного права, регулируются принципами как первого, так и второго. В юридической литературе под принципами принято понимать – руководящие идеи, основополагающие начала, характеризующие содержание права, его сущность и назначение в обществе, на которых основывается система права или отдельные ее элементы.[12, с. 6]

Согласно статье 6 Закона о контрактной системе – контрактная система в сфере закупок основывается на принципах открытости, прозрачности информации о контрактной системе в сфере закупок, обеспечения конкуренции, профессионализма заказчиков, стимулирования инноваций, единства контрактной системы в сфере закупок, ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, эффективности осуществления закупок.

Закон о закупках, в отличие от Закона о контрактной системе, ссылается на четыре принципа осуществления закупочной деятельности: принцип информационной открытости закупки; равноправие, справедливость, отсутствие дискриминации и необоснованных ограничений конкуренции по отношению к участникам закупки; целевое и экономически эффективное расходование денежных средств на приобретение товаров, работ, услуг (с учетом при необходимости стоимости жизненного цикла закупаемой продукции) и реализация мер, направленных на сокращение издержек заказчика; отсутствие ограничения допуска к участию в закупке путем установления неизмеряемых требований к участникам закупки.

Если обратиться к указанным законодательным актам, то видно, что перечень принципов достаточно органичен, приведенные принципы направлены на регламентацию закупочного процесса, что определяет их ярко выраженный обязывающий характер. Преследуя цель эффективного осуществления закупочной деятельности, среди специальных принципов законодателем также закреплены и такие общеправовые принципы, как справедливость и равноправие.

Справедливость как общий принцип для всех гуманитарных наук, упоминается и в уголовном, и в гражданском праве. В гражданском праве справедливость нередко понимается как «некий компромисс интересов отдельных людей, социальных групп», соответственно, нахождение такого компромисса и есть «сущность управления обществом» [7, с. 24].

В законодательстве отсутствуют четкие научные критерии понятия справедливости.

Данное утверждение также касается и другого принципа права – принципа добросовестности. Не получив отдельного закрепления ни в нормах Закона о контрактной системе, ни в положениях Закона о закупках, проявление принципа добросовестности можно проследить на всех этапах процедуры закупки. Определяя влияние данного принципа на контрактные правоотношения необходимо обратиться к самому понятию «добросовестность». Р. Гуд заметил, что добросовестность есть «неопределенное понятие справедливости» [9, с. 13].

По мнению ряда авторов, категория «добросовестность» включает в себя и объективную и субъективную сторону понимания, при котором добрая совесть может выступать и в объективном, и в субъективном смысле

В.Н. Бабаев рассматривает «добросовестность» как обязательство, сочетающее в себе честность, тщательность и аккуратность его выполнения, добавляя старательность и исполнительность.

В гражданском праве, принцип добросовестности нашел отражение в статье 1 Граждан-

ского кодекса Российской Федерации, согласно которой участники гражданских правоотношений при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей должны действовать добросовестно [1].

Из системного анализа норм Закона о контрактной системе следует, что данный термин используется при установлении требований к предоставляемой участником информации, описании порядка подачи заявок на участие в открытом конкурсе, раскрытии принципа конкуренции.

О проявлении принципа добросовестности можно говорить и на стадии подачи заявок и заключении контракта, и после, при исполнении сторонами своих обязательств. Отсутствие четкого определения добросовестности как в праве в целом, так и применительно к сфере закупок приводит к «подмене принципа добросовестности специальными в рамках контрактной системы принципами. По мнению Степановой Е.Е. в практике публичных закупок принцип добросовестности неразрывно связан с принципами открытости, прозрачности и обеспечения конкуренции [11, с. 7].

Чаще всего на первоначальной стадии, принцип добросовестности пересекается с принципом конкуренции, когда потенциальный участник стремится «любым» путем заключить контракт.

Принцип обеспечения конкуренции заключается в предоставлении всем участникам закупок равных возможностей.

Так, отклонение заявки общества, содержащей предложение о поставке иных, чем требовалось заказчику в соответствии с закупочной документацией медицинских изделий, направлено на пресечение заказчиком недобросовестных действий участников, представивших недостоверные сведения и документы о предмете закупки, что является его обязанностью на стадии подачи заявок в силу Закона, тем самым обеспечивая соблюдение принципов равноправия, справедливости, отсутствия дискриминации и ограничений конкуренции для всех участников [4].

В другом деле, суд округа согласился с доводами общества о том, что в обоснование иска им были приведены факты возможного ограничения конкуренции, которые, по сути, могли создать предпринимателю, как участнику спорных торгов, преимущественные условия участия и победы в них (путем предоставления недостоверных сведений, мнимых, подложных документов) [5].

Наиболее яркое проявление принципа добросовестности можно увидеть при применении такой специфической меры юридической ответственности, как Реестр недобросовестных поставщиков (далее –Реестр).

В настоящий момент нет четких критериев определения добросовестного поведения поставщика, нарушив которые участник подлежал бы включению в реестр.

Основания включения в реестр для государственных и корпоративных закупок также различные. Под недобросовестными действиями, которые привели к включению в реестр по Закону о Закупках понимаются: уклонение участника закупки от заключения договора, расторжение договора по решению суда из-за существенных нарушений поставщиком (подрядчиком, исполнителем) его условий, односторонний отказ заказчика от исполнения договора из-за существенных нарушений поставщиком (исполнителем, подрядчиком) его условий.

Закон о контрактной системе, дополняя основания Закона о Закупках, в качестве оснований для включения в Реестр ссылается на расторжение поставщиком (подрядчиком, исполнителем) контракта в одностороннем порядке.

В отдельных случаях, заказчик при проведении закупки вправе в качестве требования установить наличие опыта работы, связанного с предметом контракта, и деловой репутации (подпункт 3 пункта 2 статьи 31 Закона о контрактной системе).

Надежность будущего контрагента в контрактных правоотношениях является своеобразной гарантией надлежащего исполнения обязательства.

Понятие «деловая репутация» в юридической литературе встречается часто, однако законодательство о контрактной системе практически не упоминает о деловой репутации исполнителей, и не содержит определения данного понятия, ограничиваясь требованиями, предъявляемыми который должен представлять добросовестный участник контрактных правоотношений.

Толковый словарь великого русского ученого трактует данное определение как «слава человека, добрая и дурная, как и чем кто слывёт» [8, с. 93].

Я.В. Склярова отмечает существование нескольких определений деловой репутации, среди которых она упоминает, в частности, следующие: «сложившееся общественное мнение о профессиональных достоинствах и недостатках лица», «сопровождающееся оценкой общества отражение деловых качеств лица в общественном сознании» [10, с. 368].

В отличие от обычной репутации, которая априори признается за каждым (а уже от личных

качеств и поведения человека зависит характеристика этой репутации как положительной или отрицательной), деловая репутация требует ее «зарабатывания», т.е. представляет собой неовеществленный (нематериальный) результат коммерческой деятельности, который сложно определить и оценить в денежном выражении [6, с. 115].

Положительная репутация участника должна соотноситься с формированием у заказчика образа «надежного поставщика», отвечающего в первую очередь принципу профессионализма. В качестве меры, позволяющей снизить злоупотребление принципом добросовестности в контрактных правоотношениях, предлагаем ввести в институт закупок понятие «репутационного образа участника». Весьма условно критериями, на основании которых можно было бы говорить о положительном репутационном образе можно считать положительный опыт работы по аналогичным контрактам, наличие лицензий и необходимых допусков к определенным видам работ, период работы с начала государственной регистрации в качестве юридического лица или индивидуального предпринимателя. В развитие сказанного необходимо отметить, что сам принцип добросовестности является принципом частного права. Не стоит забывать и цель осуществления закупок – удовлетворение госнужд, что достигается посредством заключения именно гражданско-правового договора.

Таким образом, являясь общим принципом частного права, применительно к контрактным правоотношениям, принцип добросовестности проявляется на всех стадиях процесса закупки и оказывает влияние на реализацию участниками своих прав и надлежащее осуществление обязанностей по удовлетворению потребностей государства в товарах, работах, услугах.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

[2] О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц : федер. закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 30 (ч. 1). – Ст. 4571.

[3] О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федер. закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.

[4] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25.08.2025 № Ф03-2082/2025 по делу № А51-14254/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18.03.2025 № Ф08-1150/2025 по делу № А53-47305/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

[6] Афанасьев, Д. В. Защита деловой репутации в случаях ее диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений) : науч.-практ. пособие / Д. В. Афанасьев, А. С. Ворожевич, М. Е. Глазкова [и др.] ; под общ. ред. М. А. Рожковой. – М. : Статут, 2015. – 270 с.

[7] Вайпан, В. А. Принцип справедливости в гражданском праве и судебное усмотрение / В. А. Вайпан // Гражданское право. – 2018. – № 1. – С. 22–28.

[8] Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – 2-е изд. – СПб. ; М. : Тип. М. О. Вольфа, 1880–1882. – Т. 4: Р–V. – 704 с.

[9] Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития : монография / [М. А. Рожкова и др.]. – М. : Статут, 2017. – 622 с.

[10] Склярова, Я. В. Возмещение убытков как способ защиты деловой репутации / Я. В. Склярова // Убытки и практика их возмещения : сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. – М. : Статут, 2006. – С. 359–390.

[11] Степанова, Е. Е. Роль принципов гражданского права в регулировании контрактных отношений в сфере публичных закупок / Е. Е. Степанова // Хозяйство и право. – 2022. – № 8. – С. 3–11.

[12] Тирских, М. Г. Место принципов права в системе российского права / М. Г. Тирских, Л. Ю. Черняк // Академический юридический журнал. – 2009. – № 2. – С. 6–12.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (rev. dated 29.12.2022) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. - Art. 3301.

[2] On the procurement of goods, works, services by certain types of legal entities: federation. Law of 18.07.2011 No. 223-FZ (as amended by 08.08.2024) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2011. - No. 30 (part 1). - Art. 4571.

[3] On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs: feder. Law of 05.04.2013 No. 44-FZ (as amended by 26.12.2024) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2013. – № 14. - Art. 1652.

[4] Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District of 25.08.2025 No. F03-2082/2025 in case No. A51-14254/2023//SPS "ConsultantPlus."

[5] Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District of 18.03.2025 No. F08-1150/2025 in case No. A53-47305/2023//SPS "ConsultantPlus."

[6] Afanasyev, D. V. Protection of business reputation in cases of its defamation or misuse (in the field of commercial relations): scientific practice. allowance/D.V. Afanasyev, A.S. Vorozhevich, M.E. Glazkova [and others]; under the general. ed. M. A. Rozhkova. - M.: Statute, 2015. - 270 s.

[7] Vaipan, V. A. The principle of justice in civil law and judicial discretion/V. A. Vaipan//Civil law. – 2018. – № 1. - S. 22-28.

[8] Dahl, V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes/V.I. Dahl. - 2nd ed. - St. Petersburg; M.: Type. M. O. Wolf, 1880-1882. - T. 4: P- V. - 704 s.

[9] Contract law of Russia: reform, problems and development trends: monograph/[M. A. Rozhkova et al.]. - M.: Statute, 2017. - 622 p.

[10] Sklyarova, Y. V. Compensation for losses as a way to protect business reputation/Y. V. Sklyarova//Losses and the practice of their compensation: Sat. Art ./hole ed. M. A. Rozhkova. - M.: Statute, 2006. - S. 359-390.

[11] Stepanova, E. E. The role of civil law principles in the regulation of contractual relations in the field of public procurement/E. E. Stepanova//Economy and law. – 2022. – № 8. - S. 3-11.

[12] Tirskikh, M. G. Place of the principles of law in the system of Russian law/M. G. Tirskikh, L. Yu. Chernyak//Academic Law Journal. – 2009. – № 2. - S. 6-12.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-77-81

БЕРМЕС Екатерина Александровна,
Аспирантка Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тихоокеанский государственный университет»,
e-mail: ekaterina01101989@yandex.ru

СООТНОШЕНИЕ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ И ЧАСТНОПРАВОВЫХ НАЧАЛ В ПРАВОВОМ РЕЖИМЕ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию правового режима контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд как особой категории, отражающей специфику регулирования отношений в данной сфере. Автор анализирует историческую эволюцию законодательства о публичных закупках в России, выявляя циклический характер изменения соотношения публично-правовых и частноправовых методов регулирования от дореволюционного периода до современности. В работе исследуется структура правового режима контрактной системы, включающая административные, гражданско-правовые и экономические методы воздействия, выявляется их соотношение на различных стадиях закупочного процесса: планирования, определения поставщика, заключения и исполнения контракта. Особое внимание уделяется динамике интенсивности публично-правового регулирования, которая достигает максимума на этапе определения поставщика и снижается при исполнении контракта. Автор обосновывает необходимость дифференциации правового регулирования в зависимости от стоимости и значимости закупки, предлагает концепцию ступенчатой системы закупок с различными уровнями требований. Формулируются рекомендации по оптимизации соотношения императивных и диспозитивных начал в контрактной системе.*

Ключевые слова: *контрактная система, правовой режим, публичные закупки, государственный контракт, императивное регулирование, диспозитивность, административные методы, гражданско-правовое регулирование.*

BERMES Ekaterina Alexandrovna,
graduate student at Pacific State University

THE RATIO OF PUBLIC AND PRIVATE LAW IN THE LEGAL REGIME OF THE CONTRACT SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article is devoted to the study of the legal regime of the contract system in the field of procurement of goods, works, and services for state and municipal needs as a special category reflecting the specifics of regulating relations in this area. The author analyzes the historical evolution of public procurement legislation in Russia, revealing the cyclical nature of changes in the ratio of public and private law regulatory methods from the pre-revolutionary period to the present. The paper examines the structure of the legal regime of the contract system, including administrative, civil and economic methods of influence, and reveals their relationship at various stages of the procurement process: planning, supplier identification, contract conclusion and execution. Particular attention is paid to the dynamics of the intensity of public law regulation, which reaches its maximum at the stage of determining the supplier and decreases during the execution of the contract. The author substantiates the need to differentiate legal regulation depending on the cost and significance of the purchase, and proposes the concept of a step-by-step procurement system with different levels of requirements. Recommendations on optimizing the ratio of imperative and dispositive principles in the contract system are formulated.*

Key words: *contract system, legal regime, public procurement, government contract, imperative regulation, dispositivity, administrative methods, civil law regulation.*

Современная контрактная система в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд представляет собой область права, где публичные и частные интересы переплетаются настолько тесно, что их разграничение становится задачей не только теоретической, но и практической значимости. Государство, выступая одновременно регулятором рыночных отношений и их участником, вынуждено балансировать между необходимостью контроля за расходованием бюджетных средств и созданием условий для свободной конкуренции хозяйствующих субъектов.

Историческое развитие института публичных закупок в России демонстрирует циклические колебания между усилением административного контроля и расширением договорной свободы. Уже в XVIII веке законодательство Российской империи содержало требования публичности торгов, запрет сговора участников, учет недобросовестных поставщиков – элементы, которые в модифицированном виде присутствуют в современном регулировании. Советский период с его плановой экономикой практически полностью вытеснил частноправовые начала из сферы государственного снабжения, превратив договор поставки в инструмент реализации административных предписаний [7, с. 15].

Переход к рыночной экономике в начале 1990-х годов потребовал радикального пересмотра подходов. Принятие Федерального закона от 13 декабря 1994 года № 60-ФЗ «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» ознаменовало возвращение к цивилистической модели, где государственный контракт рассматривался прежде всего как договор, подчиненный общим нормам гражданского права с минимальными публично-правовыми ограничениями.

Дальнейшая эволюция законодательства шла по пути постепенного усиления императивного регулирования процедур определения поставщика при сохранении диспозитивного характера отношений по исполнению контракта. Закон № 94-ФЗ 2005 года детально регламентировал порядок проведения торгов, ввел жесткие требования к участникам, установил административную ответственность за нарушения. Действующий Закон № 44-ФЗ 2013 года развил эту тенденцию, создав контрактную систему как совокупность не только правовых норм, но и организационных механизмов, информационной инфраструктуры, институтов контроля [3].

Анализ структуры Федерального закона № 44-ФЗ позволяет выявить нарастание интенсивности публично-правового регулирования от этапа планирования к этапу определения поставщика с последующим ее снижением на стадии исполнения контракта [3]. Планирование закупок подчинено императивным требованиям: обязательность составления планов-графиков, их соответствие доведенным лимитам бюджетных обязательств, публикация в единой информационной системе. Заказчик связан не только законом, но и собственным планом, отступление от которого допускается лишь в строго определенных случаях. Здесь диспозитивность практически отсутствует – административные методы доминируют абсолютно.

Определение поставщика представляет собой наиболее зарегулированный этап, где императивность достигает максимума. Способ определения поставщика в большинстве случаев предопределен законом в зависимости от объекта и стоимости закупки; процедура детально расписана вплоть до сроков размещения извещений и формата документов; критерии оценки заявок формализованы; основания отклонения заявок установлены исчерпывающим перечнем. Такая регламентация призвана обеспечить прозрачность, конкуренцию, равенство участников, предотвратить коррупцию и субъективизм заказчика.

Вместе с тем абсолютная императивность порождает проблемы. Заказчики вынуждены механически следовать процедурным предписаниям, не имея возможности учесть специфику конкретной закупки. Формализм вытесняет содержательную оценку: участник, формально соответствующий требованиям, но объективно неспособный качественно исполнить контракт, не может быть отстранен, если закон не предусматривает соответствующего основания для отклонения заявки.

На стадии исполнения контракта правовой режим меняется кардинально. Контракт приобретает черты классического гражданско-правового договора, к которому применяются общие положения об обязательствах, о поставке, подряде, возмездном оказании услуг. Стороны связаны условиями контракта, но в рамках этих условий обладают определенной свободой: согласовывают графики поставки, порядок приемки, решают текущие вопросы исполнения. Императивные требования сохраняются, однако носят точечный характер: обязательность экспертизы результатов, публикация информации об исполнении, запрет на произвольное изменение существенных условий [6, с. 133].

Такая динамика обусловлена функциональным различием этапов. При определении поставщика реализуется публичная функция государства по распоряжению бюджетными средствами, что требует максимальной прозрачности и контроля. При исполнении контракта складываются хозяйственные отношения, эффективность которых зависит от гибкости, оперативности реагиро-

вания на изменения, учета конкретных обстоятельств – качеств, несовместимых с жесткой регламентацией.

Методы правового воздействия в контрактной системе образуют сложную структуру, где административные, гражданско-правовые и экономические инструменты сосуществуют и взаимодействуют. Административные методы проявляются в императивных предписаниях о порядке планирования и осуществления закупок, в системе контроля, в применении административной ответственности. Гражданско-правовые методы обеспечивают регулирование договорных отношений по исполнению контракта, применение мер имущественной ответственности, защиту прав сторон. Экономические методы включают установление преференций для отдельных категорий поставщиков, нормирование закупок, антидемпинговые меры, ограничение допуска иностранных товаров [5, с. 85].

В *таблице 1* представлено соотношение указанных методов на различных этапах осуществления закупок.

Таблица 1. Соотношение методов правового воздействия на этапах закупочного процесса

Этап закупки	Административные методы	Гражданско-правовые методы	Экономические методы
Планирование	Императивность планирования, связь с бюджетом, контроль	Минимальны	Нормирование, приоритет отечественных товаров
Определение поставщика	Регламентация процедуры, требования к участникам, контроль	Минимальны (свобода оферты участника)	Преференции, антидемпинг, ограничение допуска иностранных товаров
Заключение контракта	Императивные требования к содержанию, обеспечение	Договорная природа контракта, применение норм ГК РФ	Размер обеспечения
Исполнение контракта	Точечные императивные требования (экспертиза, приемка)	Доминируют: свобода в рамках контракта, меры ответственности	Минимальны

Из таблицы видно, что интенсивность применения административных методов снижается от этапа планирования к этапу исполнения, тогда как роль гражданско-правовых методов, напротив, возрастает. Экономические методы присутствуют преимущественно на стадиях планирования и определения поставщика, где они используются для достижения не только экономических, но и социальных, политических целей – поддержки отечественного производства, малого бизнеса, социально ориентированных организаций.

Контроль в контрактной системе заслуживает отдельного внимания как институт, воплощающий публично-правовое начало. Множественность контролирующих органов – Федеральная антимонопольная служба, Федеральное казначейство, Счетная палата, органы внутреннего государственного финансового контроля, ведомственный контроль – отражает стремление государства к всеобъемлющему мониторингу закупочной деятельности. Каждый орган осуществляет контроль в пределах своей компетенции: ФАС проверяет соблюдение процедуры определения поставщика и законность действий заказчика, Казначейство – соответствие контрактов планам-графикам и наличие финансирования, Счетная палата – эффективность расходования средств и достижение целей закупок.

Однако такая множественность порождает проблему избыточности контроля. Заказчики подвергаются проверкам со стороны различных органов, дублирующих функции друг друга, что создает повышенную административную нагрузку и отвлекает ресурсы от основной деятельности. Требуется более четкое разграничение компетенции, устранение пересечений, координация действий контролирующих органов.

Перспективным направлением развития правового режима контрактной системы представляется дифференциация регулирования в зависимости от стоимости и значимости закупки. Применение единых императивных требований к закупкам канцелярских принадлежностей на несколько тысяч рублей и к закупкам сложного технологического оборудования на сотни милли-

онов нецелесообразно. Для незначительных по стоимости закупок оправдано упрощение процедур, расширение диспозитивности, снижение контроля. Для крупных и стратегически важных закупок, напротив, требуется усиление требований к участникам, детализация процедуры, расширенный контроль. Такой подход реализован в законодательстве через установление различных способов определения поставщика в зависимости от цены контракта: закупка у единственного поставщика для контрактов до определенной суммы, запрос котировок для средних сумм, конкурсы и аукционы для крупных закупок. Однако эта дифференциация недостаточна и требует развития путем создания ступенчатой системы закупок с различными уровнями требований к участникам, критериями оценки, интенсивностью контроля [4, с. 13].

Введение в правовой режим контрактной системы категории репутационного образа участника закупки могло бы стать механизмом, позволяющим учитывать добросовестность и надежность поставщиков при дифференциации правового регулирования. Участники с высоким репутационным рейтингом, подтвержденным опытом успешного исполнения контрактов, могли бы получать преимущества в виде упрощенных процедур участия, сниженного обеспечения, возможности освобождения от ответственности за незначительные нарушения. Для участников с низким рейтингом или негативной информацией о прошлых нарушениях устанавливались бы повышенные требования и усиленный контроль. Это создало бы экономический стимул к добросовестному поведению и позволило бы дифференцировать правовое регулирование на основе объективных критериев.

Вместе с тем необходимо избегать крайностей. Абсолютное доминирование публично-правовых начал превращает контрактную систему в административный механизм, подавляющий частную инициативу, рыночные отношения, инновации. Чрезмерная регламентация ведет к формализму, бюрократизации, неспособности достигать содержательных целей – эффективного обеспечения государственных нужд. С другой стороны, полная либерализация, устранение публичного контроля создает риски коррупции, нецелевого использования бюджетных средств, лоббирования интересов отдельных поставщиков в ущерб публичному интересу.

Оптимальное соотношение публично-правовых и частноправовых начал должно определяться исходя из функциональной необходимости. Императивное регулирование оправдано там, где оно обеспечивает защиту публичного интереса, который не может быть обеспечен диспозитивными методами: прозрачность процедур, конкуренция, предотвращение коррупции, законность расходования средств. В остальных аспектах целесообразно предоставление заказчикам и поставщикам свободы, позволяющей гибко учитывать специфику конкретной закупки, изменяющиеся обстоятельства, профессиональное суждение специалистов.

Правовой режим контрактной системы не является застывшей конструкцией. Он эволюционирует под влиянием экономических, политических, технологических факторов, развития правовой доктрины, накопления правоприменительной практики. Цифровизация закупочной деятельности, внедрение информационных технологий, создание единой информационной системы меняют традиционные подходы, позволяют автоматизировать контроль, повысить прозрачность, снизить транзакционные издержки. Интеграция в рамках Евразийского экономического союза требует гармонизации законодательства государств-членов, создания единых правил доступа к закупкам. Эти процессы будут влиять на соотношение публичных и частных начал в правовом регулировании публичных закупок.

Представляется, что будущее контрактной системы связано не с усилением либо ослаблением какого-то одного начала, а с их рациональным сочетанием, основанным на принципах целесообразности публично-правового вмешательства, этапности регулирования, пропорциональности ограничений, гармонизации методов. Законодатель должен четко определить пределы императивного регулирования, ограничив его сферами, где публичный интерес действительно требует жесткого контроля, и предоставить участникам свободу там, где она не создает рисков для публичного интереса и способствует повышению эффективности закупок.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

[2] О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц : федер. закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 30 (ч. 1). – Ст. 4571.

[3] О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федер. закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.

[4] Андреева, Л. В. О кодексе публичных закупок: аргументы против его принятия / Л. В.

Андреева // Предпринимательское право. – 2023. – № 1. – С. 8-13. – DOI 10.18572/1999-4788-2023-1-8-13. – EDN CNVZMO.

[5] Винницкий, А.В. Участие публичных образований в имущественных отношениях: проблемы сбалансированности административно-правового и гражданско-правового регулирования / А.В. Винницкий // Административное и муниципальное право. – 2010. – № 11. – С. 83-91.

[6] Кикавец, В. В. Принципы публичных закупок, как комплексного института финансового права / В. В. Кикавец // Принципы финансового права : Монография / Под редакцией И.А. Цинделиани. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2022. – С. 132-159. – EDN ZTRIDW.

[7] Шмелева М.В. Система государственных (муниципальных) закупок: методология и реализации: монография / М.В. Шмелева; под редакцией Е.В. Вавилина. – Москва: Юстицинформ, – 2021. – 904 с. – EDN: HQPPFV

[8] Тасалов Ф.А. Контрактные обязательства в сфере публичных закупок по праву Российской Федерации и Европейского Союза: сравнительно-правовое исследование: дис. д-ра .юрид.наук. – М., 2022.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (rev. dated 29.12.2022) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. - Art. 3301.

[2] On the procurement of goods, works, services by certain types of legal entities: federation. Law of 18.07.2011 No. 223-FZ (as amended by 08.08.2024) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2011. - No. 30 (part 1). - Art. 4571.

[3] On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs: feder. Law of 05.04.2013 No. 44-FZ (as amended by 26.12.2024) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2013. – № 14. - Art. 1652.

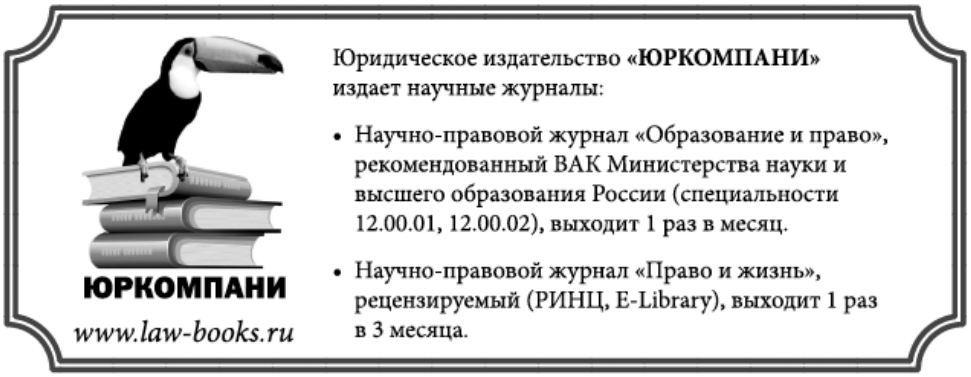
[4] Andreeva, L. V. On the public procurement code: arguments against its adoption/L. V. Andreeva// Entrepreneurial law. – 2023. – № 1. - S. 8-13. – DOI 10.18572/1999-4788-2023-1-8-13. – EDN CNVZMO.

[5] Vinnitsky, A.V. Participation of public entities in property relations: problems of balancing administrative-legal and civil-legal regulation/A.V. Vinnitsky// Administrative and municipal law. – 2010. – № 11. - S. 83-91.

[6] Kikavets, V.V. Principles of public procurement as an integrated institution of financial law/V.V. Kikavets//Principles of financial law: Monograph/ Edited by I.A. Cindeliani. - Moscow: Prospekt Limited Liability Company, 2022. - S. 132-159. – EDN ZTRIDW.

[7] M.V. Shmeleva. System of state (municipal) procurement: methodology and implementation: monograph/M.V. Shmeleva; edited by E.V. Vavilin. - Moscow: Justicinform, - 2021. – 904 c. – EDN: HQPPFV

[8] Tasalov F.A. Contractual obligations in the field of public procurement under the law of the Russian Federation and the European Union: comparative legal research: dis. Dr.yurid.nauk. - M., 2022.

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-82-84

ПОЛЯКОВА Янина Николаевна,
кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник
НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Ростовского института (филиал) ВГУЮ
(РПА Минюста России),
e-mail: ynpolyakova@yandex.ru

ТЕНДЕНЦИИ СТАБИЛЬНОСТИ И ОБНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВА: БАЛАНС МЕЖДУ ТРАДИЦИЯМИ И ИННОВАЦИЯМИ

Аннотация. *В статье рассматриваются тенденции стабильности и обновления российского права. Российское право, как и любая другая правовая система, находится в постоянном процессе развития.*

Ключевые слова: *тенденции, российское право, стабильность, подходы, принципы.*

POLYAKOVA Ya.N.,
leading researcher,
Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Psychological Sciences

TRENDS IN THE STABILITY AND RENEWAL OF RUSSIAN LAW: THE BALANCE BETWEEN TRADITION AND INNOVATION

Annotation. *The article examines the trends of stability and renewal of Russian law. Russian law, like any other legal system, is in a constant process of development.*

Key words: *trends, Russian law, stability, approaches, principles.*

Российское право, как и любая другая правовая система, находится в постоянном процессе развития. Оно стремится адаптироваться к изменениям в экономике, политике, социальной сфере и глобальных тенденциях, сохраняя при этом свою основополагающую стабильность. В условиях динамичного мира XXI века перед российским правом стоит задача найти оптимальный баланс между двумя противоположными тенденциями: сохранением устойчивых правовых принципов и внедрением необходимых новаций.

Стабильность права является одним из его ключевых качеств, обеспечивающих правовую определённость и предсказуемость для граждан и бизнеса. Российская правовая система, основанная на Конституции РФ 1993 года, во многом сохранила традиционные подходы, заложенные ещё в дореволюционной России и в советский период. Это проявляется в следующих аспектах:

Конституционная основа: Конституция РФ остается основополагающим документом, обеспечивающим единство правовой системы и защищающим основные права и свободы человека. Несмотря на поправки, внесенные в 2020 году, основные принципы конституционного строя остаются неизменными.

Прецедентное право: хотя формально Россия является страной континентальной правовой системы, прецедентное право играет все более важную роль. Постановления Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ становятся обязательными для применения нижестоящими судами, что способствует единообразию судебной практики.

Традиционные правовые институты: многие институты российского права, такие как право собственности, договорное право, семейное право, продолжают развиваться в рамках существующих правовых парадигм. Это создает ощущение преемственности и стабильности для участников правоотношений.

Однако стабильность права не должна превращаться в застой. Современные вызовы требуют гибкости и готовности к изменениям.

В условиях цифровизации, глобализации и социально-экономических изменений российское право активно обновляется. Этот процесс затрагивает различные отрасли права и направления регулирования.

Цифровизация и технологическое развитие.

Цифровая трансформация общества стала одной из главных тенденций последних лет. Российское законодательство активно адаптируется к новым реалиям.

Электронные правовые отношения: усиливается регулирование электронного документооборота, цифровой подписи, онлайн-торговли и других аспектов цифровой экономики.

Список литературы:

[1] Сухарева Е. В. Педагогические и оперативно-розыскные меры профилактики пенитенциарной преступности несовершеннолетних / А. В. Вилкова, Е. В. Сухарева // Вопросы педагогики. 2021. № 7. С. 47-51.

[2] Швырев Б. А. Порядок организации обучения пожарно-техническому минимуму сотрудников воспитательных колоний / Б. А. Швырев, А. В. Вилкова, В. МС. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2020. С. 165-173.

[3] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[4] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[5] Вилкова А. В. Психолого-педагогическое изучение и социально-психологическая характеристика личности несовершеннолетних осужденных. Москва.2018.

[6] Вилкова А. В. Приветственное слово профессора Алевтины Владимировны Вилковой / А. В. Вилкова // В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Тверь, 2025. С. 8.

[7] Вилкова А. В. О нравственных качествах молодых ученых / А. В. Вилкова, Я. Н. Полякова // Вестник Самарского юридического института. 2025. № 3(64). С. 107-112.

[8] Вилкова А. В., Ковтуненко Л. В., Полякова Я. Н. Подготовка научных кадров высшей квалификации для уголовно-исполнительной системы: проблемы и стратегии развития // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4(110). С. 189-195.

[9] Ковтуненко Л. В., Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта в профессиональном становлении молодого ученого // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2025. № 3. С. 62-65.

[10] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Самооценка личности несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практтика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимоноа. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 87-93.

[11] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-рефлексивный подход при повышении квалификации управленческого персонала УИС / В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 9-14.

[12] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[13] Вилкова А. В., Казберов П. Н. Психологическая проблема личности несовершеннолетних в уголовно-исполнительной системе/ В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 84-92.

[14] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Уголовно-исполнительная система: подготовка научных кадров высшей категории / В сборнике: VII Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». Сборник тезисов выступлений и докладов участников VII международного пенитенциарного форума, приуроченного к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне и Году защитника Отечества. В 5-ти томах. Рязань, 2025. С. 68-73.

[15] Вилкова А. В., Дмитриев Г. Г. Коллектив сотрудников в уголовно-исполнительной системе

/ В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. ежеквартальное научно-практическое издание. Москва, 2025. С. 67-71.

References:

[1] Sukhareva E.V. Pedagogical and operational-search measures for the prevention of juvenile penitentiary crime/A.V. Vilkova, E.V. Sukhareva// Questions of pedagogy. 2021. № 7. S. 47-51.

[2] Shvyrev B. A. The procedure for organizing training in the fire-technical minimum for employees of educational colonies/B. A. Shvyrev, A. V. Vilkova, V. MS. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2020. S. 165-173.

[3] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[4] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[5] A. V. Vilkova. Psycholor-pedagogical study and socio-psychological characteristics of the personality of juvenile convicts. Moskva.2018.

[6] Vilkova A.V. Welcome speech of Professor Alevtina Vladimirovna Vilkova/A.V. Vilkova//In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Tver, 2025. P. 8.

[7] Vilkova A.V. On the moral qualities of young scientists/A.V. Vilkova, Y. N. Polyakova//Bulletin of the Samara Law Institute. 2025. № 3(64). S. 107-112.

[8] Vilkova A. V., Kovtunenko L. V., Polyakova Y. N. Training of highly qualified scientific personnel for the penitentiary system: problems and development strategies//Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4(110). S. 189-195.

[9] Kovtunenko L.V., Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject in the professional development of a young scientist//Bulletin of Voronezh State University. Series: Higher Education Challenges. 2025. № 3. S. 62-65.

[10] Vilkova A. V., Lukashenko D. V. Self-assessment of the personality of juvenile convicts/In the collection: The penal system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonoa. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 87-93.

[11] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. A socially reflective approach to advanced training of management personnel of the penal system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 9-14.

[12] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[13] Vilkova A.V., Kazberov P.N. Psychological problem of the personality of minors in the penal system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 84-92.

[14] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Penal system: training of scientific personnel of the highest category/In the collection: VII International Penitentiary Forum “Crime, Punishment, Correction.” Collection of abstracts and reports of participants of the VII International Penitentiary Forum, dedicated to the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War and the Year of Defender of the Fatherland. In 5 volumes. Ryazan, 2025. S. 68-73.

[15] Vilkova A. V., Dmitriev G. G. Collective of employees in the penitentiary system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. quarterly scientific and practical publication. Moscow, 2025. S. 67-71.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-85-92

КОСАРЕВА Владислава Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданского права и процесса» частного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»,
e-mail: vvkosareva@yandex.ru

МАЛЫЙ Максим Владимирович,
старший преподаватель кафедры «Гражданского права и процесса» частного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»,
e-mail: kolmogorovmv@mail.ru

СТЕЦЕНКО Валентина Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Гражданского права и процесса» частного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»,
e-mail: vusteshenko@bk.ru

ДОСУДЕБНЫЙ МЕХАНИЗМ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Аннотация. *В настоящей статье рассматривается механизм досудебного урегулирования споров как неотъемлемый элемент системы защиты гражданских прав. Особое внимание уделяется эволюции претензионного порядка и альтернативных процедур в контексте гражданско-процессуального регулирования, их роли в урегулировании конфликтов вне судебных разбирательств, а также проблемам правового обеспечения, включая отсутствие унифицированных правил медиации, недостаточную интеграцию цифровых технологий и нечеткость ответственности сторон за уклонение от обязательных досудебных стадий. На основе анализа судебной практики и доктринальных подходов обосновываются рекомендации по совершенствованию нормативного поля, направленные на повышение эффективности указанных институтов, снижение нагрузки на судебную систему и укрепление принципов добросовестности в гражданском праве.*

Ключевые слова: *досудебное урегулирование споров, претензионный порядок, защита гражданских прав, альтернативные процедуры, гражданско-процессуальное регулирование, медиация.*

KOSAREVA Vladislava Vladimirovna,
PhD in Law, Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics, Private Educational Institution of Higher Education

MALYI Maksim Vladimirovich,
Senior Lecturer, Department of Civil Law and Procedure, Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics, Private Educational Institution of Higher Education

STETSENKO Valentina Yuryevna,
Doctor of Law, Professor, Professor,
Department of Civil Law and Procedure,
Saint Petersburg University of Management
Technologies and Economics,
Private Educational Institution of Higher Education

PRE-TRIAL DISPUTE SETTLEMENT MECHANISM AS AN ELEMENT OF THE SYSTEM OF PROTECTION OF CIVIL RIGHTS

Annotation. *This article considers the mechanism of pre-trial settlement of disputes as an integral element of the civil rights protection system. Particular attention is paid to the evolution of the claim procedure and alternative procedures in the context of civil procedure regulation, their role in resolving conflicts outside court proceedings, as well as legal support problems, including the lack of unified mediation rules, insufficient integration of digital technologies and unclear responsibility of the parties for evading mandatory pre-trial stages. Based on the analysis of judicial practice and doctrinal approaches, recommendations are substantiated to improve the regulatory field aimed at increasing the effectiveness of these institutions, reducing the burden on the judicial system and strengthening the principles of good faith in civil law.*

Key words: *pre-trial settlement of disputes, claim procedure, protection of civil rights, alternative procedures, civil procedure regulation, mediation.*

В теоретическом осмыслении системы защиты гражданских прав досудебное урегулирование споров занимает центральное место, поскольку отражает изначальную природу гражданско-правового конфликта – не как неизбежного столкновения противоположностей, а как возможность их преобразования через осознанный диалог субъектов. Здесь диспозитивность предстает не абстрактным принципом, а живым механизмом, позволяющим сторонам самостоятельно восстанавливать нарушенное положение вещей, не прибегая сразу к внешнему принуждению. Размышляя об этом, нельзя не заметить, как игнорирование досудебной стадии обедняет всю парадигму охраны, сводя ее к простому восстановлению прежнего положения и упуская шанс на более глубокую гармонизацию интересов. Досудебное урегулирование обогащает систему защиты гражданских прав, делая ее не просто реактивной, а предвосхищающей, где защита прав становится процессом непрерывного совершенствования правовых связей между индивидами.

Системный взгляд позволяет углубить эту идею, представляя досудебное урегулирование как замкнутый контур, в котором автономия воли сторон взаимодействует с установленными рамками права, постепенно снижая сложность спора. В обыденной практике конфликта переговоры или посредничество нередко порождают не просто компромисс, а новые формы поведения, устойчивые к будущим вызовам, что определяет теоретическую ценность данного института. Без такой прослойки система защиты рискует застыть в жесткой модели, где государство навязывает решения, вместо того чтобы стимулировать внутренние ресурсы общества. Таким образом, досудебные процедуры составляют не периферию, а сердцевину системы, обеспечивая динамику от конфронтации к кооперации и укрепляя фундамент гражданского права как сферы свободного взаимодействия.

Конституция Российской Федерации гарантирует всем субъектам, находящимся в ее правовом поле, защиту их прав и свобод (ст.ст. 45-46), выступая фундаментальной основой государственной политики в сфере правозащиты. В соответствии с частью 2 статьи 45 каждый вправе защищать свои права и свободы всеми не запрещенными законом способами, что отражает принцип диспозитивности и многоуровневости механизмов защиты – от внесудебных процедур до обращения в суды общей юрисдикции или арбитражные инстанции, – стимулируя тем самым баланс между автономией сторон и государственным принуждением в интересах восстановления нарушенного правопорядка.

На данный момент в обществе превалирует практика обращения в судебные инстанции за защитой своих прав и законных интересов. Это логично и объяснимо. По мнению С.С. Алексеева государство имеет все необходимые властные инструменты, которые имеют силу и влияние для сохранения некоего корпоративного союза [1, с. 8]. Специфической задачей данного союза является охранительный порядок принудительного характера. Теория государства и права рассматривает инструмент принуждения, как отличительный признак государства. Р.Н. Самойлюк отмечает, что влияние государства в урегулиро-

вании конфликта носит ключевой характер, инструменты принуждения используются, как при принудительном, так и при добровольном порядке исполнения обязательств [2, с. 13]. Таким образом, право является закрепленным в нормативном формате «общественным интересом», который охраняется в случае нарушения этих прав судебной защитой.

Ряд исследований и статистические данные говорят о неуклонном росте гражданских дел. Так, например, по статистическими данным с официального сайта Агентства правовой информации, в 2024 году было рассмотрено на 1 млн. больше исковых заявлений, чем в 2023, однако в первом полугодии 2025 года наблюдается снижение общего числа исковых заявлений в гражданском судопроизводстве в судах общей юрисдикции на 25 процентов по сравнению с аналогичным периодом прошлого 2024 года. Одной из причин может являться увеличение государственных пошлин. Несмотря на некоторый спад обращений, суды все так же перегружены, а исполнение судебных решений по гражданским делам происходит на недостаточном уровне, что снижает эффективность осуществления правосудия.

Между тем отмечается тенденция роста роли досудебного урегулирования и доверия к данному порядку урегулирования споров.

Переход от анализа эмпирических тенденций к теоретическому осмыслению системы защиты гражданских прав позволяет выявить ключевой парадокс современной правовой реальности: рост альтернативных механизмов урегулирования споров, включая досудебные процедуры, не устраняет фундаментальной зависимости от традиционной юрисдикционной модели, где государство сохраняет монополию на принудительное восстановление правопорядка. Статистически констатируемая перегрузка судов и формирующееся доверие к внесудебным формам разрешения конфликтов сигнализируют о необходимости концептуальной реинтеграции досудебного урегулирования в общую парадигму охраны, где оно выступает не как опциональный этап, а как предпосылка эффективности процессуальной защиты. В этом контексте теоретическое переосмысление самого понятия «защита нарушенного или оспоренного права» приобретает особую значимость, поскольку позволяет обосновать место досудебных механизмов в системе, ориентированной на достижение необходимого результата через компетентные субъекты.

В теории гражданского права нет четкого определения понятию «защита нарушенного или оспоренного права». Мы рассмотрим два подхода к определению данной дефиниции. Первое – в рамках процессуальной защиты нарушенного права при участии уполномоченных государством субъектов; второе – наличие правового результата процессуальной деятельности уполномоченных государством субъектов, а именно наличие судебного акта. Данные подходы имеют общую черту, защита права осуществляется компетентными субъектами. Перечень уполномоченных государством субъектов перечислен в ст. 11 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), а именно: суд общей юрисдикции, арбитражный суд и третейский суд. Таким образом, система защиты нарушенных и оспоренных прав – это совокупность процессуальных действий, осуществляемых уполномоченными на то государством субъектами от имени государственных и третейских судов, направленная на рассмотрение и разрешение отнесенных к их ведению дел.

Помимо обращения в государственные суды, субъекты правоотношений, защищая свои права, вправе обратиться в третейский суд. В современной российской правовой системе он функционирует как полноценная альтернатива государственной судебной защите и судопроизводству способ, поскольку его решение облекается в форму исполнительного листа, непосредственно обязывающего должника и кредитора к исполнению. Наличие такого документа по итогам третейского разбирательства, в свою очередь, становится безусловным основанием для отказа в принятии искового заявления как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных инстанциях, что подчеркивает полноценность данного механизма и предотвращает дублирование процедур. В этом контексте реформа третейского судопроизводства, сократившая число постоянных арбитражных учреждений, но повысившая требования к их прозрачности и независимости, усиливает привлекательность института для коммерческих споров, где оперативность и конфиденциальность играют решающую роль. Однако затяжной процесс формирования состава суда и рассмотрения дела по существу порождает новые вызовы, делая третейское разбирательство скорее гибким дополнением к государственной системе, чем ее полной заменой, и побуждая к дальнейшему совершенствованию норм ГПК РФ и АПК РФ в сторону цифровизации и унификации процедур.

Реформу института третейских судов необходимо продолжать, совершенствуя процедуры формирования состава суда и порядок разрешения дела по существу. Данный институт заслуживает дальнейшего развития: его гибкость позволяет учитывать специфику спора, способствуя

сохранению деловых отношений сторон, в то время как реформа открывает перспективы для цифровизации процедур, что могло бы минимизировать бюрократические барьеры и повысить оперативность. В долгосрочной перспективе усиление роли третейских судов способно разгрузить государственную судебную систему, особенно в сфере коммерческих споров, где оперативность и конфиденциальность имеют приоритетное значение. Таким образом, перспективным направлением развития отечественного законодательства может стать дальнейшее совершенствование данного порядка разрешения споров, который должен реализовываться осознанно, на основе взаимного согласия сторон, в рамках поиска и реализации компромиссных решений.

Одним из ключевых моментов является конфиденциальный характер третейского разбирательства. Однако в соответствии с федеральным законом от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» такие суды вправе рассматривать не все дела. Например, дела, связанные с коллективными исками, семейными и трудовыми спорами, публичными и административными спорами, наследственными делами суд не вправе рассматривать. Третейским судом могут быть рассмотрены дела, касающиеся взыскания убытков, возврата долга, возврата имущества, конфликты, связанные со спорами между партнерами, инвесторами, организациями, сделки, связанные с имуществом (купля-продажа, аренда, лизинг, подряд, перевозки, хранение, страхование, банковские гарантии и т.д.), интеллектуальной собственностью (авторские права, патенты, товарные знаки).

Отечественная история знает немало попыток создания альтернативных механизмов разрешения споров. Прежде всего отметим, что под претензионным порядком разрешения спора или досудебным порядком урегулирования спора понимается одна из форм защиты гражданских прав. Данная форма урегулирования спора предполагает непосредственное разрешение конфликта между сторонами. Предполагается урегулирование спора до передачи дела в арбитражный или иной государственный суд. Претензионный порядок предполагает инициацию согласительной процедуры по признанию должником требования кредитора. В данном порядке спор разрешается до обращения в суд. Так, например, в случае просрочки должника кредитор может потерять интерес к исполнению обязательства, тогда кредитор вправе требовать возмещения убытков.

Рассмотрим задачи, которые стоят перед претензионным порядком:

1. Защита законных прав и интересов субъектов гражданских правовых отношений.
2. Восстановление законных прав и интересов субъектов гражданских правовых отношений.
3. Определение причин, которые влекут невыполнение договорных обязательств.
4. Предупреждение нарушений договорных обязательств.
5. Упорядочивание и налаживание экономических показателей организаций.
6. Возмещение причиненного ущерба и т.д.

Отметим, что исполнение обязательств может осуществляться как в принудительном, так и в добровольном порядке. При этом случаи добровольного исполнения остаются относительно редкими, хотя в сфере малого и среднего бизнеса данный механизм последовательно набирает авторитет. Грамотно составленная претензия, правильно подобранные аргументы приводят субъектов к обоюдному согласию в решении спора. Претензионный порядок разрешения споров формируется из норм действующего законодательства РФ, а также условий договора, заключенного между сторонами. Данный правовой порядок закрепляет возможность защиты и урегулирования споров, а в случае неисполнения, несоблюдения приводит к применению установленных законом санкций. В случае, если факт несоблюдения претензионного порядка будет определен судом при решении вопроса о принятии дела к производству, исковое заявление будет оставлено без движения (ст. 128 Арбитражный процессуальный кодекс РФ, далее - АПК РФ). В случае, если в установленный срок нарушения не будут устранены, исковое заявление будет возвращено (ст. 129 АПК РФ).

Очевидно, игнорирование обязательного претензионного порядка существенно осложняет защиту нарушенных прав. Также для решения данной задачи был принят Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Данный нормативный акт вводит институт медиации как новый механизм урегулирования споров. Суть этого института состоит в том, что субъекты спора наделяются правом привлекать к разрешению конфликта третье лицо – медиатора, обладающего профессиональными навыками в области урегулирования конфликтов. Медиатор выступает в качестве беспристрастной стороны, не связанной интересами участников, и обязан приложить все усилия для содействия сторонам в достижении взаимоприемлемого решения. Закон об альтернативных процедурах урегулирования споров вносит прогрессивные новеллы, однако

содержит и определенные недостатки. Прежде всего, институт медиации лишен публично-правового регулирования, поскольку представляет собой частноправовую процедуру, дополняющую претензионный порядок и служащую альтернативой, в частности, прямым переговорам между сторонами. Закон четко квалифицирует медиативную деятельность как не подлежащую лицензированию.

На сегодня не существует государственной регистрации медиаторов, равно как объединений, которые могли бы организованно взаимодействовать с представителями власти по актуальным вопросам оказания посреднических услуг по урегулированию споров. Помимо прочего, медиатор может быть как профессиональным, так и непрофессиональным, т.е. высшее юридическое образование не обязательно для всех. Кроме того, медиатор не несет персональную ответственность за результат, так как не является участником соглашения, которое стороны заключили по окончании медиативной процедуры. Иными словами, соглашение подписывают непосредственно стороны конфликта, соответственно, субъекты несут гражданско-правовую ответственность. Данный институт лишен публично- правовых признаков. Медиативное соглашение представляет собой добровольное соглашение, которое невозможно привести в исполнение в принудительном порядке. Таким образом, институт медиации (посредничества) был ранее уже предусмотрен и принят, а Закон об альтернативной процедуре урегулирования споров лишь дополняет имеющиеся положения ГК РФ.

Стоит обратить внимание, что часть 2 ст. 182 ГК РФ трактует субъектов, ведущих переговоры, скорее, как посредников, нежели представителей: они стимулируют компромисс и подталкивают к заключению гражданско-правовой сделки, и именно к таким посредникам относятся лица, указанные в этой норме. Н.А. Новиков справедливо делит сделки на судебные и внесудебные [3, с. 46], а Е.В. Васьковский, приравнивая мировую сделку к постановлению третейского суда по юридической силе [4, с. 58], тем не менее выявляет существенное различие: арбитражное решение исполняется принудительно как судебный акт, тогда как мировая сделка порождает лишь новое договорное обязательство, зависящее от добросовестности сторон. То же касается медиативного соглашения, чьи последствия существенно слабее процессуального примирения: материально-правовая мировая сделка, поданная в суд, воспринимается им как рядовое письменное доказательство, способное обосновать возражение о прекращении спора, но не более того. В этом смысле внесудебное примирительное соглашение предстает типичным гражданско-правовым договором без публично-правовой подпорки, что, с одной стороны, обеспечивает гибкость и оперативность, с другой – несет риски неисполнения и требует от сторон повышенной договорной дисциплины, побуждая законодателя к уточнению механизмов его принудительного исполнения, дабы усилить доверие к альтернативным формам урегулирования и разгрузить судебную систему от тривиальных конфликтов.

Таким образом, медиация не является единственной формой досудебного урегулирования. Соглашение о примирении может быть заключено самими участниками конфликта с помощью прямых переговоров или переговоров с участием третьего лица, например, эксперта, специалиста в конкретном спорном вопросе, ученого или практика. Хотелось бы отметить, что в отношении медиативного соглашения действует возможность его нотариального удостоверения. Так, п. 5 ст. 12 Закона об альтернативной процедуре урегулирования спора дает сторонам возможность придания медиативному соглашению силы исполнительного листа. В соответствии со ст. 59.1 Основ законодательства РФ о нотариате, нотариус удостоверяет медиативное соглашение с обязательным участием медиатора, а медиативное соглашение должно содержать подписи спорящих сторон. Положения указанных нами норм ставят медиаторов в приоритетное положение относительно других посредников, участвующих в споре. Безусловно, большинство документов и соглашений можно удостоверить у нотариуса, однако только медиативное соглашение будет иметь силу исполнительного листа. Отсутствие у института медиации признаков публично-правового регулирования не позволяет включить данную правовую процедуру в систему защиты нарушенных или оспоренных гражданских прав.

Следующий способ правовой защиты связан с внесением изменений в сфере онлайн-торговли. В данный момент сложилась практика урегулирования споров с участием потребителей и поставщиков (производителей) посредством цифровых платформ последних. Сегодня все крупные онлайн-платформы предоставляют покупателю возможность направить претензию в рамках разрешения спора с помощью онлайн-форм обратной связи, зачастую через личный кабинет.

Хотелось бы отметить, что онлайн-урегулирование споров сформировало устойчивую практику, в которой стороны могут заключить соглашение без обращений в официальные органы. Хотелось бы отметить, что подобный порядок разрешения споров не имеет сущностных отли-

чий от разрешения спора с участием медиатора, так как регулирование осуществляется с применением гражданского права и результатом становится частноправовое соглашение. Единственное отличие заключается в том, что взаимодействие происходит с применением IT-средств, на площадках самих сервисов, торговых площадках с привлечением службы поддержки. Определяющим признаком будет являться досудебное урегулирование.

Внесудебная форма урегулирования касается посредничества и медиации в равной степени. Также нельзя не затронуть процессуальный институт судебной примирительной процедуры. В соответствии со ст. 153.2 ГК РФ, данный институт носит публичный характер с элементами процессуального права и судопроизводства. Возможность примирения сторон в процессе рассмотрения дела в суде (по инициативе судьи) существенно снижает нагрузку на судебную систему, так как дает возможность завершать дела составлением мирового соглашения. Ряд исследователей отмечает, что данная процедура не является вполне самостоятельной, так как инициатива исходит от судьи.

Таким образом, является целесообразным введение досудебного порядка урегулирования спора (например, в отношении индивидуальных предпринимателей, имущественных споров организаций, подведомственных арбитражному суду, с учетом сроков, которые определяет суд или договор).

Хотелось бы отметить, что досудебный порядок урегулирования споров также определен Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства».

Досудебное урегулирование споров осуществляется в гражданском и арбитражном судопроизводстве. Необходимо помнить, что отношения, возникающие из публично-правовой сферы, в том числе административной, не могут изменить сути нормативного правового акта. Процедура может быть применена только в конкретном деле по конкретному вопросу. Ряд исследователей считает, что право претензионного урегулирования спора должно быть законодательно закреплено, но не должно препятствовать обращению в суд. В случае, если требование о примирении предъявлено прокурором, то обязательное досудебное урегулирование является обязанностью истца.

В порядке статей 45 и 46 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) заявление о возбуждении гражданского дела может быть подано должностным лицом или иным уполномоченным субъектом органа публичной власти. Статья 46 ГПК РФ предполагает отсутствие возможности возврата дела на основании отказа сторон от досудебного порядка разрешения спора. В случае, если стороной спора является государство, а процедура урегулирования спора предусмотрена договором или законом, то досудебное урегулирование будет являться обязательным.

Е.В. Михайлова считает, что суду необходимо учитывать дела, по которым в гражданском процессуальном праве или арбитражном судопроизводстве досудебное урегулирование является обязательным, и учитывать данное обстоятельство при решении вопроса о принятии искового заявления к рассмотрению [5]. Согласимся с позицией Лисицына Ю.В., Трофимова М.С., которые отмечали, что досудебное урегулирование должно применяться тогда, когда это указано в нормативных правовых актах; расширительное толкование в данном случае не применяется [6, с. 97]. Часть 4 статьи 3 ГПК РФ рассматривает порядок принятия решения о рассмотрении судом общей юрисдикции искового заявления субъекта и невозможность отказа в рассмотрении дела ввиду исполнения субъектом стороны конфликта обязанности досудебного урегулирования, предусмотренного договором. Так, пункт 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» признает использование досудебного порядка урегулирования спора в том случае, если субъект конфликта предъявит доказательство использования данного порядка разрешения спора. Документами, подтверждающими факт проведения процедуры досудебного урегулирования, являются: протокол разногласий, соглашение сторон при использовании процедуры медиации без достижения согласия сторон конфликта, в том числе заявление или иные данные, подтверждающие отказ стороны конфликта в продолжении процедуры медиации (например, деловая переписка или протокол разногласий и т.д.).

В рамках развития высоких технологий возникает вопрос о реальном участии стороны конфликта, например, в онлайн-переписке, когда по фотографии можно создать иллюзию участия и стремления стороны конфликта к его урегулированию или же возникновение проблемы урегулирования конфликта, когда одна из сторон полностью отказывается реагировать на сигналы противоположной стороны (не отвечает на предложения о встрече, не отвечает в мессенджерах и

почте). Каким образом заинтересованная сторона может соблюсти требования законодателя? Каким образом обратная сторона конфликта может защитить себя от подобного рода ситуации? Каким образом можно доказать и подтвердить реальное стремление и сам факт проведения процедуры в рамках онлайн-урегулирования спора?

Часто информация, которая была указана в деловой переписке, может быть удалена одной из сторон, а функция копирования информации - запрещена. Даже если сторона не успела удалить информацию, и заинтересованная сторона смогла, например, заснять переписку с другого гаджета, насколько данный материал будет являться доказательством? Ведь такого рода запись тоже легко изменить в специальных программах.

В теории гражданского процесса принято строго разграничивать два ключевых понятия – защиту нарушенного субъективного права и урегулирование правового конфликта, – где первая опирается на привлечение уполномоченных публичных субъектов, в первую очередь государственных судов, для установления вины и пострадавшей стороны с целью реставрации правового равновесия, что неизбежно предполагает властный элемент принуждения. Досудебное урегулирование, напротив, выстраивается как обособленный институт частноправового характера: здесь консенсус сторон приводит к полному прекращению спорного материального правоотношения, минуя судебную стадию, и это отличает его от более жестких механизмов, хотя в практике часто возникают вопросы о доказательной силе таких соглашений в последующих процессах.

В нашем анализе гражданские правоотношения трактуются широко – как феномен, пронизывающий частноправовую и публично-правовую сферы, – что позволяет учесть гибридные формы вроде административных споров с элементами гражданского оборота. Публичная система защиты, полагайся она целиком на государственные суды, резко контрастирует с досудебной автономией, но в промежуточных сценариях подключаются третейские суды, где сохраняется видимость независимости при сохранении исполнительной силы решений. В итоге вырисовываются два полюса урегулирования конфликтов – судебный, с его примирительными процедурами в рамках процесса, и досудебный, опирающийся на переговоры, медиацию или даже онлайн-платформы, – и такой дуализм не только отражает фундаментальный конфликт автономии и суверенитета государства, но и побуждает к реформам, направленным на цифровизацию досудебных инструментов, чтобы они не уступали по эффективности судебным, особенно в эпоху активного развития искусственного интеллекта.

Скорее всего, судебная примирительная процедура не может рассматриваться в качестве основного способа защиты нарушенного права, так как она не решает одну из основных задач - разгрузить государственную судебную систему.

В контексте теории гражданского процессуального права досудебное урегулирование спора квалифицируется как автономный институт гражданско-правовой деятельности, функционально ориентированный на конструктивное разрешение правового конфликта посредством диспозитивных механизмов, без привлечения публичной властной юрисдикции государственной судебной системы. Несмотря на то что императивные предписания действующего законодательства – в частности, ст. 4 АПК РФ и ст. 132 ГПК РФ – устанавливают обязательность претензионного или иного досудебного порядка в ряде случаев, нормативная база остается фрагментарной, лишена системного детализирования процедурных стадий, сроков и форм фиксации договоренностей. Данное положение вещей свидетельствует о доктринальной и практической неразработанности внесудебного урегулирования споров, где, с одной стороны, обеспечивается парадигма автономии частноправовых субъектов (ст. 1 ГК РФ), с другой – возникают пробелы, чреватые процессуальными рисками и неопределенностью исполнения. В этой связи целесообразно законодательное кодифицирование общих стандартов досудебного порядка, интегрирующее принципы добросовестности и разумности (ст. 10 ГК РФ), что укрепило бы системную эффективность правозащиты и реализовало конституционный императив доступности правосудия (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ).

Список литературы:

[1] Архипов С.И. Идея правового прогресса в трудах С.С. Алексеева / С.И. Архипов // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2019. – № 6. – С. 5-10.

[2] Самойлюк Р.Н. Понятие, признаки и сущность государственной власти / Р.Н. Самойлюк // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2015. – Т. 5, № 4. – С. 11-26.

[3] Новиков Н.А. Судебное примирение в арбитражном судопроизводстве: теория и практика / Н.А. Новиков // Российское право: образование, практика, наука. – 2021. – № 5. – С. 46-53.

[4] Гаджиев Г.А. Е.В. Васьковский и современная цивилистическая методология / Г А. Гаджиев // Журнал российского права. – 2016. – № 8(236). – С. 57-64.

[5] Михайлова Е.В. Досудебный порядок урегулирования спора в системе защиты гражданских прав / Е.В. Михайлова // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – № 1. – С. 80-95.

[6] Лисицын Ю.В. О перспективах внедрения института судебного примирения в российское процессуальное законодательство / Ю.В. Лисицын, М. С. Трофимова // Beneficium. – 2020. – № 1(34). – С. 95-102.

References:

[1] Arkhipov S.I. The idea of legal progress in the works of S.S. Alekseeva/S.I. Arkhipov//Electronic Appendix to the Russian Law Journal. – 2019. – № 6. - S. 5-10.

[2] Samoilyuk R.N. Concept, signs and essence of state power/R.N. Samoilyuk//Science. Thought: Electronic periodical. – 2015. - T. 5, NO. 4. - S. 11-26.

[3] Novikov N.A. Judicial reconciliation in arbitration proceedings: theory and practice/N.A. Novikov//Russian law: education, practice, science. – 2021. – № 5. - S. 46-53.

[4] Gadzhiev G.A. E.V. Vaskovsky and modern civil methodology/G.A. Gadzhiev//Journal of Russian Law. – 2016. – № 8(236). - S. 57-64.

[5] E.V. Mikhailova. Pre-trial procedure for settling a dispute in the civil rights protection system/E.V. Mikhailova//Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2022. – № 1. - S. 80-95.

[6] Lisitsyn Yu.V. On the prospects for introducing the institution of judicial reconciliation into Russian procedural legislation/Yu.V. Lisitsyn, M.S. Trofimova//Beneficium. – 2020. – № 1(34). - S. 95-102.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-93-96

КОРОТАЕВА Юлия Алексеевна,
старший преподаватель кафедры основ российской государственности и цивилистики Восточно-Сибирского института МВД России,
e-mail: 123j89@mail.ru

ПРОБЛЕМА ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В РОССИЙСКОЕ ДОГОВОРНОЕ ПРАВО

Аннотация. *Настоящая статья посвящена исследованию эволюции принципа добросовестности в российском договорном праве. Анализируется значение данного принципа как фундаментальной основы стабильности и справедливости гражданского оборота. Основное внимание уделяется выявлению актуальных проблем правоприменительной практики, связанных с оценочным характером добросовестности, сложностями её доказывания и противодействия злоупотреблению правом. По итогам анализа предлагаются пути совершенствования законодательства для эффективной реализации принципа добросовестности и минимизации рисков злоупотребления правом в договорных отношениях.*

Ключевые слова: *добросовестность, договорное право, злоупотребление правом, гражданское право, принципы права, правоприменение, судебная практика.*

KOROTAEVA Yulia Alekseevna,
Senior Lecturer, Department of the Fundamentals of Russian Statehood and Civil Law East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

THE PROBLEM OF IMPLEMENTING THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN RUSSIAN CONTRACT LAW

Annotation. *This article examines the evolution of the principle of good faith in Russian contract law. The significance of this principle as a fundamental basis for the stability and fairness of civil transactions is analyzed. The main focus is on identifying current problems in law enforcement practice related to the evaluative nature of good faith, the difficulties of proving it, and counteracting the abuse of rights. Based on the analysis, the article proposes ways to improve legislation for the effective implementation of the principle of good faith and minimizing the risks of abuse of rights in contractual relations.*

Key words: *good faith, contract law, abuse of rights, civil law, legal principles, law enforcement, judicial practice.*

В настоящее время принцип добросовестности является одним из основополагающих в договорном праве, хотя его теоретический аспект прямо не закреплен в законодательных актах. Данный принцип способствует поддержанию стабильности и справедливости в договорных правоотношениях. В отечественной доктрине вопрос соотношения запрета злоупотребления принципом добросовестности возникал многократно. Неоднозначность толкования данного принципа создаёт ряд проблем при использовании его правоприменителями.

В связи с чем, для раскрытия содержания термина «принцип добросовестности» необходимо прежде всего исследовать само понятие «добросовестность»

Так, в однотомном толковом словаре С.И. Ожегова «добросовестность» как честное исполнение своих обязанностей [1, с. 82]. Схожей позицией обладает М.М. Агарков [2, с. 235]. По мнению В. А. Белова добросовестность можно связать с непричинением участниками гражданского оборота вреда [3, с. 43-52]. И. Б. Новицкий считал, что добросовестность состоит в доброжела-

тельстве [4, с. 64-65]. М. Г. Розенберг настаивал, что добросовестность – это достоверное информирование [5, с. 111-112]. В.П. Грибанов считает принцип добросовестности одним из важнейших элементов системы осуществления гражданских прав, предполагая, что участники имущественного оборота должны придерживаться моральных и иных социальных норм [6, с. 18-19]. Парадоксально, но указанный принцип формально не отражён в Гражданском кодексе Российской Федерации.

Изложенное позволяет отметить, что понятие добросовестности не имеет чёткой юридической формулировки, но несёт в себе значимую этическую нагрузку, являясь эффективным механизмом предотвращения несправедливых ситуаций, задающий общий вектор совершенствования гражданского законодательства.

Кроме того, добросовестность проявляется в таких качествах сторон договора, как честность, доверие, доброжелательность, правдивость и порядочность.

Принцип добросовестности как элемент правовой системы был известен еще в эпоху римского права, пройдя сложный путь развития. Его эволюция отражает переход от формализованного, строгого права к системе, учитывающей справедливость, разумность и этические аспекты поведения участников договорных отношений.

Как известно, на ранних этапах развития римского права преобладали так называемые контракты строгого права. Например, словесный контракт или заем. Основным принципом данного этапа была буквальная интерпретация воли сторон, выраженной в строгой форме. Соблюдение установленных формулировок и обрядов было обязательным условием действительности договора. В этот период добросовестность не являлась общим принципом договорного права. Суды и правоприменители исходили из формальной стороны сделки, а не из действительной воли или этических соображений. Задача судьи сводилась к проверке соблюдения формы и наличия строго оговоренных условий.

Значительный прорыв в развитии принципа добросовестности произошел с формированием преторского права. Преторы, стремясь адаптировать право к меняющимся социальным и экономическим реалиям, вводили новые средства правовой защиты, основанные на справедливости и добрых нравах. Претор обладал дискреционными полномочиями и мог выносить решение «по доброй совести».

В классический период (I в. до н.э. – III в. н.э.) римские юристы, такие как Ульпиан, Павел и Гай, активно развивали концепцию, рассматривая добросовестность как общее требование к поведению в гражданском обороте. Добросовестность стала восприниматься не только как критерий для судьи, но и как требование к самим участникам сделок, влияющее на их права и обязанности. Поведение, противоречащее принципу добросовестности, могло быть признано злоупотреблением правом и не подлежало защите. Кодификация римского права при императоре Юстиниане в VI веке н.э. закрепила принцип добросовестности как один из универсальных и фундаментальных принципов частного права.

Таким образом, развитие принципа добросовестности в римском праве демонстрирует его трансформацию от ограниченного инструмента судебного рассмотрения до всеобщего принципа, способствующего пронизывать всю систему частного права. Переход от строгого формализма к учету этических и справедливых начал.

В отечественном гражданском праве первое упоминание принципа добросовестности появилось лишь в Проекте Гражданского уложения Российской Империи 1905 г. Примечательно, что уже тогда данный акт гласил о недействительности договоров, в случае нарушения «добрых нравов». При этом подобные договоры могли быть оспорены. Одновременно документ устанавливал два главных критерия недействительности сделок: их кабальность и противоречие общественным устоям.

Несмотря на новаторские разработки гражданского права дореволюционного периода, Проект Гражданского уложения Российской Империи не был принят. Следовательно, надлежит отметить, что в дореволюционный период российский гражданский закон лишь начинал формировать принцип добросовестности. Впоследствии, в советскую эпоху, развитие гражданского права в этом аспекте перешло в стадию стагнации.

В гражданском праве советского периода дефиниция добросовестности находила применение исключительно в рамках института виндикации, касаясь защиты добросовестного приобретателя. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. закрепил важное положение: «приобретатель признается добросовестным, если он не знал и не должен был знать, что лицо, от которого он приобретает вещь, не имело право его отчуждать». Введение формулировки «не должен был знать» существенно расширило интерпретацию добросовестности приобретателя, способствуя большей прозрачности понимания. Это положение прочно вошло и в последующие кодификации гражданского законодательства.

После распада советского строя Россию коснулись новые преобразования во всех сферах жизни общества, что поспособствовало форми-

рованию нового фундамента для развития общественных отношений. В связи с этим принцип добросовестности вводится с целью укрепления нравственных начал гражданско-правового регулирования [7, с. 25-26].

Законодательное закрепление принципа добросовестности в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) находит своё отражение в ряде статей (ст.ст. 1, 10, 307) [8]. При этом роль судебной практики при толковании и применении принципа добросовестности обусловлена тем, что суд может применить принцип, когда, в частности, необходимо:

1. восполнить юридический пробел и определить права и обязанности сторон, когда нет подходящего правила – нормы закона, обычая или условия договора, которое регулирует конкретную ситуацию. Суды на практике применяют принцип добросовестности для определения прав и обязанностей, например, при выявлении смысла нормы, ее толковании;
2. предоставить защиту добросовестной стороне, отказав соответственно в защите недобросовестной, допустим признать сделку ничтожной, когда недобросовестность принимает свою крайнюю форму – злоупотребление правом [9];
3. применить норму, в которой прямо предусмотрены конкретные последствия добросовестного либо недобросовестного поведения (нормы об эстоппеле). Например, сторона, которая приняла исполнение, не может отказаться от договора либо требовать признать его незаключенным или недействительным (п. 5 ст. 450.1, п. 3 ст. 432, п. 2 ст. 431.1 ГК РФ).

Конкретные последствия есть и в правилах о добросовестном ведении переговоров, о добросовестном приобретателе имущества и добросовестном залогодержателе, о приобретательной давности (п. п. 2 – 4 ст. 434.1, ст. 302, п. 2 ст. 335, п. 1 ст. 234 ГК РФ).

Например, недобросовестное ведение переговоров, которые не привели к заключению договора, может повлечь необходимость возместить убытки, даже если планировалось заключить реальный договор, то есть договор, считающийся заключенным с момента передачи определенного им имущества (п. 3 ст. 434.1 ГК РФ, п. 4 Постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 [10]).

Таким образом, судебная практика показывает насколько важную и многогранную роль играет принцип добросовестности в регулировании договорных отношений. Суды активно используют этот принцип как инструмент для защиты добросовестных участников рынка от недобросовестных поступков, включая самое серьезное их проявление – злоупотребление правом.

Основными проблемами правоприменения принципа добросовестности следует считать:

1. Оценочный характер принципа;
2. Отсутствие четко определенных критериев добросовестности;
3. Сложность доказывания недобросовестного поведения контрагента или злоупотребления правом;
4. Неоднозначная судебная практика.

Изложенное позволяет сформулировать следующие способы решения данной проблемы:

1. Совершенствование и конкретизация принципа добросовестности в Российском договорном праве;
2. Формирование единообразной судебной практики по вопросам оценки недобросовестного поведения контрагентов;
3. Введение мер по профилактике и предупреждению недобросовестного поведения, злоупотребления правом.

Резюмируя, можно сделать вывод, что законодательство не всегда способно вовремя отреагировать на изменчивую динамичность в общественных отношениях. Развитие принципа добросовестности в Российском договорном праве способно защитить каждого участника гражданского оборота от злоупотребления правом контрагентами, что особенно актуально для регулирования и стабильности сделок в договорных отношениях.

Список литературы:

[1] Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – Москва: Русский язык, 1987. – 748 с.

[2] Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. М.: Центр ЮрИнфоР, – 2002. – Т. 2. 489 с.

[3] Белов В.А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права // Законодательство, 1998. – № 8. – С. 49-52.

[4] Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права //Вестник гражданского права, 2006. – № 6. – С. 64-65.

[5] Розенберг М.Г. Международная купля-продажа товаров. Комментарий к правовому регулированию и практике разрешения споров. – М.: Статут. – 2003. – 323 с.

[6] Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. Серия «Классика российской цивилистики». – М.: Статут. – 2000. – С. 226-227.

[7] Концепция развития гражданского законодательства // Вестник ВАС РФ. – № 11. –2009. – С. 26.

[8] О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 № 25 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[9] О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 № 49 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References:

[1] Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language/S.I. Ozhegov. - Moscow: Russian language, 1987. - 748 s.

[2] Agarkov M.M. The Problem of Abuse of Law in Soviet Civil Law//Selected Works on Civil Law: in 2 vols. M.: Center YurInfoR, - 2002. - VOL. 2. 489 pp.

[3] Belov V.A. Good faith, reasonableness, justice as principles of civil law//Legislation, 1998. – № 8. - S. 49-52.

[4] Novitsky I.B. The principle of good conscience in the draft of compulsory law//Bulletin of Civil Law, 2006. – № 6. - S. 64-65.

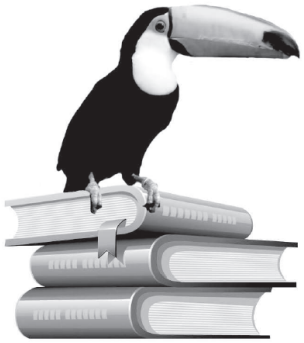
[5] Rosenberg M.G. International sale and purchase of goods. Commentary on legal regulation and dispute resolution practices. - M.: Statute. – 2003. - 323 s.

[6] Gribanov V.P. Exercise and protection of civil rights. Series “Classics of Russian Civil Studies.” - M.: Statute. – 2000. - S. 226-227.

[7] Concept of development of civil legislation// Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – № 11. –2009. - S. 26.

[8] On the application by the courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25//Access from the ConsultantPlus legal system.

[9] On some issues of application of the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the conclusion and interpretation of the contract: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018 No. 49//Access from the legal system “ConsultantPlus.”

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-97-106

АБДУЛЬМЯНОВА Татьяна Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры гражданских и уголовно-правовых дисциплин,
Саранский кооперативный институт (филиал),
Российский университет кооперации,
e-mail: t.v.abdulmyanova@ruc.su

КЕЧАЙКИНА Елена Михайловна,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры гражданских и уголовно-правовых дисциплин,
Саранский кооперативный институт (филиал),
Российский университет кооперации,
e-mail: ekechaykina@ruc.su

ПОНЯТИЕ И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФИНАНСОВ

Аннотация. *Коррупция или коррупционное проявление – это негативное явление, наносящее вред обществу и государству деяние, заключающееся в причинении ущерба общественным отношениям, складывающимся в сфере экономики, политики, социального обеспечения и государственного управления, за которое нормами действующего законодательства предусмотрена юридическая ответственность. Для того, чтобы более подробно изучить сущность такого явления как коррупция, а также раскрыть ее влияние на процессы, происходящие в обществе, рассмотреть механизмы противодействия ей, необходимо обратиться к видам и формам проявления коррупции.*

В данной статье авторами рассматриваются понятие, сущность и формы проявления коррупции в современном обществе. Также авторами рассматриваются особенности коррупционных проявлений в сфере государственных финансов; понятие и виды правовых инструментов противодействия коррупции в сфере государственных финансов.

Ключевые слова: *уголовное право, уголовный закон, уголовная ответственность, преступление, коррупция, коррупционные проявления, формы коррупции, корыстные действия, государственные финансы*.

ABDULMYANOVA Tatiana Vladimirovna,
candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law Disciplines,
Saransk Cooperative Institute (branch)

KECHAIKINA Elena Mikhailovna,
candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law Disciplines,
Saransk Cooperative Institute (branch)

THE CONCEPT AND FORMS OF CORRUPTION IN THE FIELD OF PUBLIC FINANCE

Annotation. *Corruption or a manifestation of corruption is a negative phenomenon that is harmful to society and the state, an act that involves causing damage to social relations in the sphere of economics, politics, social security and public administration, for which the norms of the current legislation provide for*

legal liability. In order to study in more detail, the essence of such a phenomenon as corruption, as well as to reveal its influence on the processes occurring in society, to consider mechanisms to counter it, it is necessary to turn to the types and forms of manifestation of corruption.

In this article, the authors examine the concept, essence and forms of manifestation of corruption in modern society. The authors also discuss the features of corruption in the field of public finance; concept and types of legal instruments to combat corruption in the field of public finance.

Key words: *criminal law, criminal law, criminal liability, crime, corruption, manifestations of corruption, forms of corruption, selfish actions, public finance.*

Под коррупцией понимается прямое использование должностными лицами и государственными служащими своих полномочий в целях обогащения, выражающееся в пренебрежении морально-этическими нормами путем корыстных и своекорыстных действий, направленных против интересов органов государственной власти и местного самоуправления, государственных и муниципальных услуг.

Среди ученых также можно встретить мнение, согласно которому коррупция – это совершение лицами, обладающими властью в государственной сфере, противоправных деяний с целью получения личной выгоды.

А. И. Долгова предлагает рассматривать коррупцию с точки зрения ее социального происхождения, которое связано в основном с моральными качествами государственных и иных служащих. В частности, названный автор указывает, что коррупция проявляется в злоупотреблении такими лицами своими полномочиями в корыстных целях [5].

Н. Ф. Кузнецова отмечает, что именно подкуп лиц, обладающих властными полномочиями, является коррупцией [8].

А. И. Кирпичников сравнивает коррупцию с процессом коррозии металла, указывая, что коррупция аналогичным образом разрушает целостность государства [6]. При этом отдельный акцент стоит сделать на том, что коррупция является своеобразным индикатором, отражающим состояние нравственности в обществе и способности государства выполнять своих функции не в интересах определенной группы лиц, а в интересах всего общества. Кроме того, чем больше нарастает усталость общества от коррупции, тем меньше оно ей сопротивляется.

Аналогичное по смыслу определение коррупции содержится и в законодательстве. Так, в частности, законодатель, раскрывая сущность коррупции, указывает, что она представляет собой:

– злоупотребление служебным положением, дачу взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;
– совершение указанных деяний, от имени или в интересах юридического лица [1].

Для того, чтобы более подробно изучить сущность такого явления как коррупция, а также раскрыть ее влияние на процессы, происходящие в обществе, рассмотреть механизмы противодействия ей, необходимо обратиться к видам и формам проявления коррупции.

Как считает Т.В. Филоненко, одним из главных оснований для классификации коррупции, выступает степень участия лица, обладающего властными полномочиями, в незаконном распределении государственных ресурсов. Здесь можно выделить прогрессивный вид коррупции, цивилизованный и политический [14].

Прогрессивная коррупция предполагает, что лица, обладающие властными полномочиями, не напрямую получают определенные блага за свои противоправные деяния, а опосредованно через лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью. Сущность такой коррупции заключается в том, что путем злоупотребления полномочиями предоставляются различные преференции конкретным лицам, в то время как иным субъектам экономической деятельности напротив создаются различные барьеры. Примером такой коррупции может служить сфера государственных закупок, где не редкость практика формирования требований к опыту участников закупки с учетом опыта, имеющегося только у конкретной организации.

Достаточно неоднозначным видом коррупции, который выделяет А. Р. Корнилов, является цивилизованная коррупция, при которой она официально признается органами государственной власти. Механизм ее реализации заключается в том, что хозяйствующие субъекты, планирующие осуществление деятельности за границей, вносят свои расходы на взятки в накладные расходы и в случае неудачи требуют компенсацию с власти.

Так же выделяют еще один вид коррупции – политическая коррупция, которая совершается лицами, имеющими известность в узких политических кругах и обладающих определенными властными полномочиями. В частности, такой вид коррупции совершается на стадии принятия каких-либо политических решений.

Коррупция зачастую может проявляться не просто в передаче денежных средств конкретному чиновнику, а, к примеру, в его содержании за счет средств, выделяемых определенными лицами, в чьих интересах происходит злоупотребление полномочиями со стороны такого чиновника, развитие бизнеса приближенных лиц за счет лоббирования определенных интересов, а также посредством создания условий конкретным лицам для победы при проведении государственных и муниципальных закупок и т.д.

Таким образом, коррупция имеет различные формы своего проявления, в связи с чем их анализ необходим для полного раскрытия сущности рассматриваемого явления.

Одной из наиболее распространенных форм коррупции в сфере государственных финансов является взяточничество. Оно проявляется в предложении передачи определенной денежной суммы должностному лицу с целью совершения им в обмен конкретных действий в интересах лица, дающего взятку.

Н. Д. Никондров отмечает, что как взяточничество можно рассматривать «предложение и принятие материального вознаграждения должностным лицом за нарушение его прямой служебной обязанности» [10].

Представляется, что данное определение нельзя назвать в достаточной степени отражающим сущность рассматриваемой формы проявления коррупции, поскольку для ее более точного раскрытия необходимо учитывать, что она имеет две составляющих: действия, заключающиеся в даче взятки, и действия, связанные с получением взятки. Указанное подтверждается и рядом авторов.

Если говорить о получении взятки, то А. М. Цирин отмечает, что «получение должностным лицом лично или через посредника взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества или выплат имущественного характера за действия (бездействия) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия (бездействия) входят в служебные полномочия должностного лица либо оно в силу должностного положения может способствовать таким действиям (бездействию)» [15].

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что в государствах, имеющих высокие барьеры во взаимоотношениях между государством и гражданами, у чиновников больше возможностей для получения взяток. При этом, чем жестче политика государства при установлении различного рода запрещающих норм, тем чаще у граждан и организаций возникают сложности, которые приходится решать через дачу взяток.

Представляется, что уменьшить количество случаев проявления коррупции в виде взяточничества можно только путем принятия мер, направленных на качественное преобразование характера административных отношений, складывающихся между государством и обществом.

К формам коррупции также можно отнести лоббизм. В широком смысле под лоббизмом понимается продвижение определенными субъектами своих интересов.

В научной литературе также можно встретить мнение, что лоббизм – это влияние лиц, имеющих какую-либо заинтересованность в принятии конкретного решения, на политическую деятельность государства. Фактически лоббизм появился как способ влияния на принятие законодателем определенных законов и встречается во всех государствах.

Стоит отметить, что зачастую лоббизмом занимаются посредники, то есть лица, которые представляют перед государством интересы других людей или организаций.

Лоббизм можно рассматривать как с положительной, так и с отрицательной стороны. Положительной чертой лоббизма является то, что через него определенные социальные группы, не имеющие своих представителей среди власти, могут принимать участие в решении различных социально значимых вопросов. Указанное позволяет донести до власти мнение граждан или представителей бизнеса, а также повлиять на содержание принимаемых законов.

Однако, при этом лоббизм имеет и ярко выраженные негативные последствия, которые заключаются в том, что именно при такой форме взаимодействия государства и общества больше всего возможностей для развития коррупции. Но в некоторых государствах лоббизм может быть разрешен на государственном уровне и, соответственно, в таком случае не будет являться формой коррупции.

Таким образом, лоббизм имеет неоднозначную правовую сущность, что связано с возможностью использования его как в положительном, так и отрицательном значении. То есть с одной стороны лоббизм позволяет доносить до государства наиболее актуальные потребности общества, проблемы, требующие первостепенного решения, но с другой стороны именно лоббизм является одним из средств реализации коррупционных схем в сфере государственных финансов.

Отдельные ученые высказывают предположения, что если узаконить лоббизм и урегулировать механизм его реализации, то это будет способствовать предотвращению негативных последствий, которые возникают при применении лоббизма как средства противоправного продвижения интересов отдельных лиц.

К числу форм проявления коррупции также можно отнести фаворитизм и непотизм.

Фаворитизм как форма коррупции в основном проявляется во взаимоотношениях между руководством и подчиненными и заключается в том, что подчиненные без наличия к тому оснований получают различные привилегии в виде продвижения по службе, получения поощрений и т.д.

Непотизм имеет схожую с фаворитизмом правовую природу. Его отличие заключается лишь в том, что оно основано на родственных связях. В основном непотизм проявляется в приеме на работу кандидатов, которые являются родственниками определённых должностных лиц.

Соответственно, можно сделать вывод, что сущность двух рассмотренных форм коррупции заключается в том, чтобы создать в служебном окружении максимальное количество «своих» людей, которые будут наделены определенными полномочиями и смогут оказывать друг другу поддержку, что фактически в своем проявлении и является коррупцией.

Как одну из форм коррупции можно выделить протекционизм. Протекционизм представляет собой разновидность покровительства, которое осуществляется определенным должностным лицом в своих корыстных целях. При этом протекционизм в зависимости от субъектного состава может быть служебным и коммерческим.

Служебный протекционизм схож с фаворитизмом и заключается, например, в том, что на службу могут приниматься либо продвигаться по карьерной лестнице определенные лица по знакомству, то есть без наличия к тому законных оснований.

Если же говорить о коммерческом протекционизме, то он состоит в том, что протекция предоставляется хозяйствующим субъектам в обмен на получение от них материальных благ. При такой форме коррупции нарушается законодательство о конкуренции, а также в зависимости от сферы совершения может нарушаться и законодательство, регламентирующее порядок проведения государственных и муниципальных закупок.

Стоит отметить, что рассмотренные выше формы проявления коррупции являются наиболее распространенными, но при этом их перечень не является исчерпывающим.

Таким образом, анализ теоретических подходов и законодательного определения коррупции позволяет сделать вывод, что она представляет собой наносящее вред государству и обществу деяние, заключающееся в причинении ущерба общественным отношениям, складывающимся в сфере экономики, политики, социального обеспечения и государственного управления, за которое нормами действующего законодательства предусмотрена юридическая ответственность.

Коррупция имеет многообразные формы своего проявления, наиболее распространенными из которых являются взяточничество, лоббизм, фаворитизм, непотизм и протекционизм.

Взяточничество, как самая часто встречающая форма коррупции в сфере государственных финансов, проявляется в предложении передачи определенной денежной суммы должностному лицу с целью совершения им в обмен конкретных действий в интересах лица, дающего взятку.

В государствах, имеющих высокие барьеры во взаимоотношениях между государством и гражданами, у чиновников больше возможностей для получения взяток. При этом, чем жестче политика государства при установлении различного рода запрещающих норм, тем чаще у граждан и организаций возникают сложности, которые приходится решать через дачу взяток.

Многие авторы отмечают, что любые запреты, установленные государством или иные обязательные и трудновыполнимые правила, можно обойти с помощью взятки, при этом, чем больше таких запретов и правил, тем большее распространение получает коррупция.

Представляется, что уменьшить количество случаев проявления коррупции в форме взяточничества можно только путем принятия мер, направленных на качественное преобразование характера административных отношений, складывающихся между государством и обществом.

К формам коррупции также можно отнести лоббизм. В широком смысле под лоббизмом понимается продвижение определенными субъектами своих интересов. Зачастую лоббизмом занимаются посредники, то есть лица, которые представляют перед государством интересы других людей или организаций.

Лоббизм имеет неоднозначную правовую сущность, что связано с возможностью использования его как в положительном, так и отрица-

тельном значении. То есть с одной стороны лоббизм позволяет доносить до государства наиболее актуальные потребности общества, проблемы, требующие первостепенного решения, но с другой стороны именно лоббизм является одним из средств реализации коррупционных схем в сфере государственных финансов.

Такие формы коррупции как фаворитизм и непотизм фактически представляют собой создание в служебном окружении максимального количества «своих» людей, которые будут наделены определенными полномочиями и смогут оказывать друг другу поддержку, что фактически в своем проявлении и является коррупцией.

Протекционизм как форма коррупции является разновидностью покровительства, которое осуществляется определенным должностным лицом в своих корыстных целях. Протекционизм может быть служебным, в этом случае он связан с предоставлением преимуществ определенным лицам при принятии их на работу либо при продвижении по службе, а также коммерческим, при котором преференции предоставляются хозяйствующим субъектам, что приводит к нарушению законодательства о конкуренции.

Коррупция в сфере государственных финансов затрагивает наиболее важные направления деятельности государства и наносит серьезный ущерб как экономике страны, так и социальной составляющей жизни общества. В связи с этим перед государством стоит первостепенная задача, связанная с разработкой эффективного механизма противодействия коррупции.

Современная наука имеет достаточно большое количество теоретических наработок, касающихся раскрытия сущности противодействия коррупции.

В. В. Варсеев является автором понятия, согласно которому противодействие коррупции включает в себя несколько направлений, а именно профилактику совершения коррупционных правонарушений [4].

В рамках каждого направления можно выделить определенные правовые инструменты, с помощью которых государство реализует свою функцию в области противодействия коррупции. Представляется необходимым более подробное рассмотрение каждого из них.

Профилактика коррупции является одним из важнейших направлений в борьбе с ней, которое призвано целенаправленно влиять на формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению.

В числе национальных приоритетов современной России создание целостной и эффективно действующей системы профилактики правонарушений занимает особое место. В условиях актуализации новых криминальных вызовов и угроз, усложнения оперативной обстановки, повышения общественной опасности преступности пристальное внимание руководства страны к этой проблеме закономерно и соответствует объективным требованиям построения социально-ориентированного государства, обеспечивающего безопасность своих граждан.

Одним из правовых инструментов противодействия коррупции, который применяется в рамках профилактики коррупции, является правовое антикоррупционное образование и просвещение.

Общественные отношения, складывающиеся в процессе правового антикоррупционного образования и просвещения, направлены на формирование нетерпимого отношения к коррупции среди населения Российской Федерации.

Антикоррупционным образованием можно считать целенаправленный процесс обучения и воспитания в интересах личности, общества и государства, основанный на общеобразовательных программах, разработанных в рамках государственных образовательных стандартов и реализуемых в образовательных учреждениях для решения задач формирования антикоррупционного мировоззрения, повышения уровня правосознания и правовой культуры населения.

Цель такого образования – формирование четкого представления о недопустимости коррупционного поведения.

Наибольшее значение антикоррупционное образование приобретает в ситуации увеличивающегося коррупционного поведения со стороны государственных служащих.

Законодательство о государственной гражданской службе устанавливает, что гражданские служащие обязаны проходить повышение квалификации не реже одного раза в три года. Отказ от прохождения обучения может быть основанием для отстранения государственного служащего от должности. Представляется, что такой нормативный порядок закрепления обязанности повышения квалификации является вполне оправданным и направлен на формирование необходимого уровня антикоррупционного правосознания государственных служащих.

В свою очередь антикоррупционное просвещение выражается в донесении до общества информации о том, что представляет собой коррупция, какие последствия она влечет и какое состоянии коррупции в государстве существует в текущий момент времени.

Важной составляющей антикоррупционного просвещения является наличие свободного

доступа к информации, в связи с чем к участию в реализации данного правового инструмента должны привлекаться средства массовой информации, а со стороны органов публичной власти совершаться действия по созданию им условий для выполнения задач, связанных с освещением фактов совершения коррупционных правонарушений.

Именно независимые средства массовой информации являются обязательным признаком демократического режима. Так, по данным за 2023 год Россия заняла 164 место в списке Всемирного индекса свободы из 180 участвующих в рейтинге стран. Подобное положение дел ставит под сомнение возможность эффективной реализации антикоррупционного просвещения.

К числу правовых инструментов противодействия коррупции относится создание системы эффективного антикоррупционного законодательства.

Понятие законодательства можно рассматривать в нескольких аспектах: как систему всех нормативных правовых актов, включающую законы и подзаконные акты, и как систему законодательных актов, принимаемых исключительно представительными органами государственной власти на федеральном и региональном уровнях. В связи с наличием разностороннего подхода к определению понятия законодательства, необходимо разграничить компетенцию органов государственной власти по вопросам формирования правовых норм антикоррупционной направленности.

В Российской Федерации законодательная инициатива на федеральном уровне принадлежит определенным органам государственной власти, перечень которых закреплен в статье 104 Конституции РФ. В частности, к ним относятся Президент, Правительство, Федеральное Собрание и региональные законодательные органы, а также Конституционный и Верховный Суд, но по ограниченному кругу вопросов. Это исчерпывающий перечень органов, непосредственно участвующих в процессе формирования антикоррупционных законодательных актов, к числу которых относятся федеральные конституционные законы и федеральные законы. Данные виды нормативных правовых актов имеют наибольшее значение в системе антикоррупционного законодательства, поскольку именно в них определяются основные направления и методы реализации антикоррупционной правовой политики.

Кроме того, именно на федеральном уровне формируется законодательство, устанавливающее конкретные виды наказаний для лиц, совершивших коррупционные правонарушения. В частности, такими правовыми актами являются Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовный кодекс Российской Федерации.

В целом, на сегодняшний день в Российской Федерации действует достаточно большое количество антикоррупционных правовых актов как на федеральном, так и на региональном уровне. Их положения отвечают мировым стандартам и требованиям. Тем не менее, актуальной остается проблема слабой муниципальной правовой базы, что в большей мере связано с наличием практики дублирования в муниципальных актах положений федерального и регионального законодательства.

Не меньшее значение имеет законодательство об антикоррупционной экспертизе, которым установлены правовые и организационные основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов в целях выявления в них коррупциогенных факторов и их последующего устранения.

Необходимость осуществления антикоррупционной экспертизы продиктована тем, что при разработке текстов правовых актов могут допускаться юридические ошибки, которые в последствии приведут к возможности создания коррупционных схем. Кроме того, в отдельных случаях авторы проектов нормативных правовых актов целенаправленно могут искажать смысл их содержания для того, чтобы скрыть коррупционные схемы.

Антикоррупционная экспертиза по своей сути является правовым инструментом противодействия коррупции, который призван предупредить включение в тексты проектов нормативных правовых актов коррупциогенных факторов, в связи с чем она имеет важное значение в профилактике коррупции [3].

Поскольку коррупция в сфере государственных финансов зачастую связана с осуществлением властных полномочий, к числу правовых инструментов противодействия коррупции можно отнести контроль за финансовым состоянием государственных служащих.

В настоящий момент в России принят закон, обязывающий государственных служащих и членов их семей отчитываться о всех доходах и расходах. В частности, в их обязанности входит предоставление информации о приобретении либо отчуждении движимого и недвижимого имущества, имущественных прав и т.д. При этом в случае приобретения вещей или имущественных прав они обязаны предоставить информацию об источниках денежных средств, за счет которых они были приобретены.

Немаловажное значение среди всех направлений противодействия коррупции отводится такому направлению как борьба с коррупцией. Сущность данного направления заключается в воспрепятствовании продолжению совершения обнаруженного коррупционного правонарушения и основным правовым инструментом здесь является юридическая ответственность.

За совершение коррупционных правонарушений граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства несут уголовную, административную и дисциплинарную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Преступления коррупционной направленности являются наиболее общественно опасными противоправными деяниями, ответственность за которые предусмотрена уголовным законодательством, что предопределяет применение особых мер принуждения к лицам, обвиняемым либо признанным виновными в совершении преступления.

Так, к примеру, в качестве одной из мер пресечения, применяемых к лицам, в отношении которых возбуждено уголовное дело по факту совершения коррупционного преступления, может назначено заключение под стражу. Данная мера пресечения является наиболее строгой, поскольку предусматривает не просто ограничение отдельных прав лица на время следствия, а нахождение его в следственном изоляторе. Как правило, суды наиболее часто применяют именно данную меру пресечения, поскольку она позволяет исключить влияние обвиняемого на свидетелей и пресечь его попытки к бегству.

Основными наказаниями, назначаемыми за коррупционные преступления, являются лишение либо ограничение свободы, штраф, принудительные, обязательные или исправительные работы, а также в качестве дополнительного вида наказания может применяться лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Предмет коррупционных правонарушений в основном носит материальный характер и имеет стоимостное выражение, в связи с чем возникает необходимость в возможности конфискации имущества лиц, виновных в коррупции. При этом конфискация имущества зачастую невозможна по причине вывода денег, являющихся предметом коррупционного правонарушения, за границу, где их движение невозможно отследить в связи с отсутствием у российских органов государственной власти необходимой юрисдикции. Во многих случаях эта проблема оказывается не решаемой.

Кроме того, с развитием информационных технологий появляются новые виды валют, такие как криптовалюта, для конфискации которых в России еще не разработан правовой механизм. При этом прецеденты вымогательства взяток, к примеру, в биткоинах уже имели место в правоохранительной практике [10]. Отмеченные недостатки существенно снижают эффективность мер пресечения коррупционных правонарушений.

Среди положительных мер уголовной ответственности стоит отметить практику назначения штрафов в размере кратном полученной либо переданной взятки, поскольку это с одной стороны позволяет возместить ущерб, причиненный общественным отношениям, а с другой предостеречь субъектов права от совершения подобных действий под страхом назначения наказания в разы превышающего размер полученной выгоды.

Одним из наиболее коррумпированных направлений в сфере государственных финансов являются закупки, осуществляемые за счет бюджетных средств. Так, уголовное законодательство предусматривает отдельные составы преступлений за злоупотребления, совершаемые при закупке товаров, работ и услуг для государственных нужд. Но как показывает судебная практика при квалификации таких преступлений возникают определенные сложности.

Достаточно часто можно встретить практику привлечения к уголовной ответственности должностных лиц, которые подписали приемочные документы, заведомо зная, что работы подрядчиком не выполнены. Как правило, подобные действия совершаются из личной заинтересованности соответствующего должностного лица и приводят к потерям бюджетных денежных средств.

Например, в одном из дел представитель государственного заказчика подписал акт выполненных работ, заведомо зная, что многоквартирные дома сдаются без надлежащим образом построенной системы газоснабжения и инициировал оплату невыполненных работ. В другом деле аналогично были подписаны приемочные документы на водонапорные башни, хотя они не отвечали качественным характеристикам, предусмотренным контрактом, что также повлекло необоснованное перечисление денежных средств на расчетный счет подрядчика [12]. Оба преступления были квалифицированы по ст. 286 Уголовного кодекса РФ, предусматривающей ответственность за превышение должностных полномочий.

Вместе с тем при рассмотрении аналогичного дела Президиум Верховного суда Респу-

блики Башкортостан отправил дело на пересмотр, указав, что подписание приемочного документа на невыполненные работы не является превышением должностных полномочий, поскольку такое подписание не является исполнением распорядительных функций.

То есть зачастую суды квалифицируя преступление как злоупотребление должностными полномочиями изучают лишь штатное расписание, из которого следует, что лицо действительно имело статус должностного. Но при этом не оценивают его полномочия как члена приемочной комиссии. Указанное в итоге приводит к отмене приговоров вышестоящими судами.

Так, например, в одном из дел было оправдано должностное лицо, которое за взятку указало в контракте и технической документации излишние требования, под которые подходила конкретная коммерческая организация, что фактически ограничило допуск к участию в конкурсе иных лиц. Суд указал, что фактически в обязанности лица не входили полномочия, которые наделяли бы его статусом должностного лица [2].

За коррупционные правонарушения, являющиеся менее опасными, чем преступления, предусмотрена административная ответственность. КоАП РФ предусматривает ответственность за довольно широкий спектр противоправных деяний. К ним можно отнести правонарушения в сфере избирательного права, охраны собственности, проведения закупок для государственных и муниципальных нужд, нарушения антимонопольного законодательства, нецелевого использования бюджетных средств и другие.

Еще одним видом юридической ответственности является дисциплинарная ответственность. В случае привлечения государственного служащего к дисциплинарной ответственности, сведения о нем вносятся в соответствующий реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия. Данные хранятся в течение пяти лет и находятся в общем доступе на портале госслужбы. Таким образом, меры юридической ответственности дополняются мерами организационного характера.

Такое направление противодействия коррупции, как минимизация и ликвидация последствий коррупционного поведения, не получило должного развития ни в практической деятельности, ни в законодательстве. В следствие указанного в настоящий момент выделить какие-то конкретные правовые инструменты, позволяющие раскрыть сущность указанного направления противодействия коррупции, не представляется возможным.

Между тем, можно сказать, что в какой-то степени минимизация последствий от совершения коррупционных правонарушений осуществляется в рамках такого направления противодействия коррупции как борьба с коррупцией. Например, при привлечении виновного лица к уголовной ответственности и назначении ему наказания в виде штрафа, размер которого назначается кратно размеру взятки или же рассчитывается иным способ. То есть в таком случае происходит поступление денежных средств в собственность государства, что в зависимости от обстоятельств и характера совершенного коррупционного преступления может частично минимизировать наступившие негативные последствия.

Кроме того, действующее законодательство предоставляет возможность взыскания ущерба в порядке гражданского судопроизводства.

Так, по данным Генеральной прокуратуры России по состоянию на 2023 год в суды было направлено исковых заявлений на возмещение ущерба, причиненного актами коррупции, на сумму свыше 300 млрд. рублей.

Таким образом, противодействие коррупции представляет собой совокупность мер, которые разрабатываются и реализуются государством с целью выявления и пресечения коррупционного поведения, а также предупреждения их дальнейшего совершения.

Исходя из указанного определения, можно сделать вывод, что на сегодняшний день в России существует несколько направлений противодействия коррупции: профилактика коррупции, борьба с коррупцией и минимизация и ликвидация последствий коррупции.

В рамках каждого направления можно выделить определенные правовые инструменты, с помощью которых государство реализует свою функцию в области противодействия коррупции.

Так, профилактика коррупции является одним из важнейших направлений в борьбе с ней, которое призвано целенаправленно влиять на формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению и стимулирование правомерного поведения со стороны лиц, имеющих властные полномочия в сфере государственных финансов, так и со стороны лиц, которые так или иначе имеют отношение к указанной сфере.

Указанное направление реализуется через такие правовые инструменты как правовое антикоррупционное образование и просвещение, создание системы эффективного антикоррупционного законодательства, антикоррупционная экспертиза проектов нормативных правовых актов и контроль за финансовым состоянием государственных служащих.

Немаловажное значение среди всех направлений противодействия коррупции отводится такому направлению как борьба с коррупцией. Сущность данного направления заключается в воспрепятствовании продолжению совершения обнаруженного коррупционного правонарушения и основным правовым инструментом здесь является юридическая ответственность.

За совершение коррупционных правонарушений граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства несут уголовную, административную и дисциплинарную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Такое направление противодействия коррупции, как минимизация и ликвидация последствий коррупционного поведения, не получило должного развития ни в практической деятельности, ни в законодательстве. В следствие указанного в настоящий момент выделить какие-то конкретные правовые инструменты, позволяющие раскрыть сущность указанного направления противодействия коррупции, не представляется возможным.

Вместе с тем, стоит указать, что решение проблемы распространения коррупции может быть достигнуто путем развития взаимодействия государства и институтов гражданского общества, что позволит вовлечь в процесс противодействия коррупции более крупные массы населения.

Список литературы:

[1] Абдульмянова Т. В. Должностная преступность: понятие и сущность проблемы // IX Юридические чтения: материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 28–29 ноября 2023 года. Саранск: Рузаевский печатник, 2023. С. 398-401.

[2] Апелляционное определение Верховного Суда Республики Коми от 02.06.2020 по делу № 22-1208/2020. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 27.11.2024).

[3] Бондаренко Ю. Г. Антикоррупционная политика в российской федерации: понятие, направления, профилактика // Актуальные вопросы развития современного российского публичного права: Материалы II всероссийской молодежной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2024. – С. 47-52.

[4] Варсеев В. В. К вопросу о путях снижения количества совершаемых финансовых преступлений в Российской Федерации // Закон и право. 2020. № 10. С. 92.

[5] Долгова А. И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. М., 2021. С. 117.

[6] Кирпичников А. И. Российская коррупция. СПб., 2021. С. 283.

[7] Корнилов А. Р. Современный экспертно-статистический анализ состояния противодействия преступности в сфере экономики и борьбы с коррупцией на территории России // Юридическая наука. 2021. № 1. С. 82.

[8] Кузнецова Н. Ф. К вопросу о коррупции // Российский следователь. 2020. № 3. С. 27.

[9] Кульянов В. Г. Некоторые особенности детерминации коррупции в России на современном этапе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 2. С. 57.

[10] Никондров Н. Д. Основы противодействия коррупции: учебник. М., 2022. С. 261.Однотомный толковый словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. М., 2020. С. 246.

[11] Приговор Володарского районного суда Астраханской области по делу № 1-65/2020. // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» (дата обращения 27.11.2024).

[12] Приговор Копейского городского суда Челябинской области по делу № 1-56/2019. // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» (дата обращения 27.11.2024).

[13] Сотрудника ФСБ арестовали по делу о вымогательстве 65 млн рублей: Право.ru-сайт. // URL: https://pravo.ru/ (дата обращения 27.11.2024).

[14] Филоненко Т. В. Антикоррупционная политика в системе мер правовой политики // Актуальные проблемы экономики и права. 2022. № 3. С. 109.

[15] Цирин А. М. Социальный контроль как ключевой фактор противодействия коррупции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. № 4. С. 82.

References:

[1] Abdulmyanova T.V. Official crime: the concept and essence of the problem//IX Legal readings: materials of the National Scientific and Practical Conference, Saransk, November 28-29, 2023. Saransk: Ruzaevsky printer, 2023. S. 398-401.

[2] Appellate ruling of the Supreme Court of the Komi Republic dated 02.06.2020 in case No. 22-1208/2020 .//ConsultantPlus Legal Reference System (date of appeal 27.11.2024).

[3] Bondarenko Yu. G. Anti-corruption policy in the Russian Federation: concept, directions, prevention//Topical issues of the development of modern

Russian public law: Materials of the II All-Russian Youth Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don, 2024. - S. 47-52.

[4] Varseev V.V. On the issue of ways to reduce the number of financial crimes committed in the Russian Federation//Law and Law. 2020. № 10. S. 92.

[5] Dolgova A. I. Criminological assessments of organized crime and corruption, legal battles and national security. M., 2021. S. 117.

[6] A.I. Kirpichnikov. Russian corruption. St. Petersburg, 2021. P. 283.

[7] Kornilov A. R. Modern expert and statistical analysis of the state of countering crime in the field of economics and the fight against corruption in Russia//Legal science. 2021. № 1. S. 82.

[8] Kuznetsova N.F. On the issue of corruption// Russian investigator. 2020. № 3. S. 27.

[9] Kulyanov V. G. Some features of the determination of corruption in Russia at the present stage// Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2023. № 2. S. 57.

[10] Nikondrov N.D. Fundamentals of anti-corruption: textbook. M., 2022. S. 261. One-volume explanatory dictionary of the Russian language/ed. S. I. Ozhegova, N. Yu. Shvedova. M., 2020. S. 246.

[11] The verdict of the Volodarsky District Court of the Astrakhan Region in case No. 1-65/2020 .// ConsultantPlus Reference and Legal System (date of appeal 27.11.2024).

[12] Verdict of the Kopeysky City Court of the Chelyabinsk Region in case No. 1-56/2019 .//ConsultantPlus Reference and Legal System (date of appeal 27.11.2024).

[13] An FSB officer was arrested in the case of extortion of 65 million rubles: Право.ru-сайт.//URL: https://pravo.ru/ (date of appeal 27.11.2024).

[14] Filonenko T.V. Anti-corruption policy in the system of legal policy measures//Actual problems of economics and law. 2022. № 3. S. 109.

[15] Tsirin A.M. Social control as a key factor in combating corruption//Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2023. № 4. S. 82.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-107-113

ХЛЫСТОВА Арина Валерьевна,
Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена,
магистрант,
e-mail: rhinakhlyst@gmail.com

Научный руководитель:
ФИЛЯСОВА Юлия Анатольевна,
Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена,
кандидат филологических наук, доцент,
e-mail: phill.yield@gmail.com

СТАРОСТА АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ УНИВЕРСИТЕТА: РЕЛЕВАНТНЫЕ ЛИЧНОСТНЫЕ И ЛИДЕРСКИЕ КАЧЕСТВА

Аннотация. *В статье представлены результаты анкетирования студентов РГПУ им. А.И. Герцена о роли старосты академической группы. В ходе опроса было выявлено восприятие старосты как лидера группы на основе полученных личностных качеств, релевантных с точки зрения студентов – уверенность в себе, организованность, независимость, ответственность, пунктуальность, тайм-менеджмент, дисциплинированность, ассертивность, стрессоустойчивость, решительность, многозадачность, терпение, исполнительность, личная мотивация к управлению группой, доброта. Одновременно, студенты высоко ценят социально-ориентированные качества лидера, такие как отзывчивость, коммуникабельность, дипломатичность, способность к предотвращению конфликтов, активное слушание, умение сплотить коллектив студентов, налаживать отношения с преподавателями, сотрудниками деканата и другими подразделениями университета в интересах академической группы. Выполнение функциональных обязанностей старосты считается успешным при достижении эффективности коммуникации.*

Ключевые слова: *воспитательная деятельность, развитие лидерских качеств, социальная активность, коммуникация, эмпатия, организованность, доверие.*

KHLYSTOVA Arina Valerievna,
A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia,
Master Degree Student

Scientific supervisor:
FILYASOVA Yulia Anatolyevna,
A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia,
PhD in Philology, Associate Professor

UNIVERSITY ACADEMIC GROUP LEADER: RELEVANT PERSONALITY AND LEADERSHIP QUALITIES

Annotation. *The article presents the results of a survey among students at the A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia about the role of the academic group leader. The survey revealed the perception of the group leader on the basis of the obtained personal qualities that are relevant from the students' point of view: self-confidence, organizational skills, objectivity, responsibility, punctuality, time management, discipline, assertiveness, stress resistance, determination, multitasking, patience, diligence, personal motivation for group management, kindness, among others. Simultaneously, students highly value socially oriented lead-*

ership qualities such as responsiveness, communication skills, diplomacy, the ability to prevent conflicts, active listening, the ability to unite a group of students, establish relationships with faculty, dean's office staff, and other university departments in the interests of the academic group. The fulfillment of the functional duties is considered successful when the effectiveness of communication is achieved.

Key words: *educational activities, leadership qualities development, social activity, communication, empathy, organization, trust.*

Введение

Высшее образование играет ключевую роль в развитии личностных качеств студентов, поскольку подготовка молодых специалистов носит полипарадигмальный характер [1, с. 147], т.к. включает изучение теоретических основ наряду с формированием практических навыков, необходимых для будущей профессиональной сферы и карьерного развития. Формирование профессиональной компетентности начинается в среде социального взаимодействия в контексте научно-исследовательской, творческой и практической деятельности в соответствии с профилем подготовки [2, с. 185]. Знакомство с профессиональной средой в сфере высшего образования предполагает погружение в университетскую культуру, а также адаптацию к внешним условиям с учетом личностного и профессионального компонентов [3, с. 137] с целью подготовки выпускников к реализации личного потенциала в различных областях общественной деятельности и благополучного карьерного развития [4].

Ценности процесса обучения в университете включают «совершенствование социального опыта, усвоение нравственных основ Российской Федерации, формирование гражданской ответственности посредством выполнения волонтерской деятельности, участие в социальных проектах, конкурсах, формирование навыков социализации для адаптации на рынке труда» [5, с. 70]. Ценными личностными качествами считаются общительность, уверенность в себе, организованность, социальная адаптация, социальная активность, независимость, нравственность [6, с. 27]. При подготовке педагогических кадров акцентируется важность «культурного общения, взаимопомощи, доброты, педагогической поддержки, любви к предмету и ученикам» [7, с. 74].

В качестве ценных личностных особенностей у потенциальных сотрудников работодатели рассматривают перфекционизм, определяемый с помощью ряда сопутствующих ассоциативных качеств: «амбициозность, профессионализм, скрупулезность, аналитическое мышление, исполнительность, инициативность, соответствующий внешний вид, открытое мировосприятие, внутренняя мотивация, тайм-менеджмент, эффективность, готовность к переработке, лояльность, результативность, тщательность, непредвзятость, критичность, позитивное отношение, аргументация, коммуникабельность» [8, с. 29]. Вместе с тем, перфекционизм – психологическое и социальное явление, рассматривается как синкретический термин, включающий одновременно положительные и отрицательные аспекты личности [9]. Перфекционизм в положительном смысле считается признаком лидеров в профессии, стремящихся к достижению высоких и качественных результатов деятельности [10]. Нездоровый перфекционизм является результатом личных идеализированных представлений, повышенного уровня мотивации, и проявляется в нерациональной трате времени на выполнение задач и чрезмерной их детализацией [11, с. 29], особенно в начале карьерного пути.

Существенную роль в системе высшего образования играет подготовка лидеров в профессии. Как отмечает М.В. Мельничук, «воспитательная работа должна вестись по двум направлениям: подготовка лидеров, которые станут реализовывать молодежную политику на муниципальном, региональном и федеральном уровнях, и воспитание гражданской ответственности у всех будущих специалистов» [12, с. 84]. Развитие лидерских качеств невозможно без внутренней мотивации и стремления к достижению социально-значимых целей – более высоких, чем удовлетворение базовых потребностей [13]. Лидерские качества студентов включают индивидуально-лидерские, управленческо-лидерские и коммуникативно-прагматические способности [14]. Формирование лидерских качеств у студентов предусматривает развитие таких личностных качеств как саморазвитие, самовоспитание, эмпатия, самостоятельность, инициативность, организованность [15], а также высоко нравственных качеств личности [16]. Исследования показывают, что социальный интеллект является одним из признаков лидерских качеств: «чем более развитыми являются лидерские качества (коммуникативные и организаторские склонности, лидерские способности, лидерский статус), тем выше уровень социального интеллекта студента колледжа» [17, с. 118]. Дополнительно, решение организационных и управленческих проблем невозможно без развития самостоятельного мышления, познавательных навыков и разработки инновационных методов и подходов [18, с. 48]. В университетской среде к активным методам обучения лидерским качествам отно-

сятся: анализ ситуаций, решение практических задач, проработка вариантов решений, публичная защита, оценка результатов деятельности, деловые игры [19, с. 175].

Материал и методы

Целью данного исследования является анализ восприятия студентами релевантных личностных и лидерских качеств старосты академической группы университета, необходимых для решения практико-ориентированных задач. Материалом исследования послужили результаты анкетирования 25 студентов РГПУ им. А.И. Герцена о деятельности старост групп. Методы исследования включали анкетирование с открытыми вопросами, категоризацию и семантический анализ полученных результатов.

Староста группы является важным исполнителем функции управления в университетской среде и выполняет незаменимую вспомогательную роль в воспитательной деятельности [20, с. 99]. Обязательным условием является созидательная деятельность в студенческой среде и понимание психологических особенностей студентов и коллектива в целом [21]. Ценность старосты группы заключается в передачи информации по неформальным каналам коммуникации и межличностном взаимодействии со студентами группы [22, с. 689]. Выполнение функций старосты приближает студентов к профессиональной деятельности, при этом «взаимодействие в рамках профессионального общения, включая как формальные, так и неформальные контакты с профессионально активными и творческими коллегами, оказывает значимое стимулирующее воздействие на формирование мотивации» будущих выпускников [23, с. 144]. Выполнение обязанностей старосты позволяет развивать коммуникативные компетенции [24], определять условия для конструктивного и эффективного взаимодействия с участниками образовательного процесса [25, с. 36], развивать ценные личностные качества и поведенческие модели [26, с. 124]. Дополнительно, старосты групп должны отличаться «стрессоустойчивостью, грамотным подходом к нестандартным ситуациям, правильностью действий, быстротой и отсутствием паники» [27, с. 169].

Результаты и обсуждение

По мнению респондентов, в сферу ответственности старосты группы входят следующие функции:

- своевременное донесение важной информации, распространение ее среди студентов в доступной форме;
- информирование об изменениях в расписании;
- оказание помощи студентам группы по любым вопросам без участия деканата;
- осуществление связи между деканатом и администрацией университета, с одной стороны, и студентами группы, с другой стороны;
- взаимодействие с преподавателями – регулярная передача домашнего задания студентам группы и сообщение актуальной информации о студентах преподавателям;
- выстраивание отношений между преподавателями и студентами группы;
- защита интересов своей группы;
- поддержание коммуникации внутри группы;
- разрешение спорных вопросов и конфликтов;
- мониторинг документации, связанной со сдачей зачетов и экзаменов;
- контролирование информационных потоков между разными участниками и сторонами образовательного процесса;
- обязательное присутствие на всех текущих и контрольных занятиях;
- общая организация группы, выполнение роли лидера и мотиватора.

Наиболее важными качествами старосты как лидера группы студенты считают следующие:

- личностно-ориентированные – ответственность, пунктуальность, тайм-менеджмент, дисциплинированность, организованность, стрессоустойчивость, решительность, многозадачность, терпеливость, исполнительность, лидерские качества, мотивация к управлению группой;
- социально-ориентированные – дружелюбие, доброта, внимательность, отзывчивость, коммуникабельность, общительность, открытость, социальная активность, желание помогать студентам, а не стремление получить поощрение преподавателей, умение налаживать контакты, дипломатичность.

Студенты отметили, что староста способна / способен создавать благоприятную и поддерживающую атмосферу в группе благодаря следующим методам и приемам:

- предвидение, прогнозирование развития ситуаций и предотвращение потенциальных конфликтов;
- оперативное быстрое решение возникших проблем и активное вовлечение в разрешении конфликтов;
- активное слушание, умение задавать открытые вопросы и понимание психологии собеседника;

– вселение уверенности, помощь при возникновении трудностей, страхами и переживаниями, поднятие духа и мотивация студентов;
– поиск общих интересов студентов группы;
– сплочение коллектива студентов;
– решение вопросов в деканате от имени студентов группы;
– демонстрация ассертивности и спокойствия – контроля над проявлением эмоций и мнения, когда это уместно;
– своевременная передача информации, исключающая путницу и конфликты;
– предупреждение межличностных споров между студентами группы;
– сохранение дружеских отношений;
– грамотный выбор приемов взаимодействия с участниками сторон (студенты – преподаватели – представители деканата – иные лица) с учетом ситуации;
– оказание помощи студентам, в том числе рекомендаций по улучшению академической успеваемости, при необходимости;
– создание и ведение общих чатов;
– активное проявление способности понимать, разделять и сопереживать чувствам, эмоциям и переживаниям другого человека;
– организация совместных мероприятий и встреч студентов группы в свободное время.

К эффективным способам коммуникации между старостой, группой и администрацией университета студенты относят чаты, беседы, звонки, электронную почту, социальные сети, сообщения, личное общение, собрания, деканат.

Согласно полученным данным респондентов, староста может помочь студентам группы в решении учебных и организационных вопросов посредством следующих способов:
– обращение к преподавателям и/или в деканат;
– активное выслушивание студентов и сопереживание;
– своевременная передача сообщений из деканата и по просьбе преподавателей;
– налаживание отношений с преподавателями;
– оповещение о проблемах и задолженностях студентов;
– обязательная коммуникация со всеми студентами, принятие роли друга, установление доверия;
– коммуникация с университетом через представительное лицо;
– активный поиск решений из затруднительных ситуаций для каждого студента группы;
– выступление в роли представителя группы;
– получение и анализ данных, полученных от студентов для принятия решений и удовлетворение интересов группы;
– передача документов и учебных материалов;
– установление достоверности источников информации;
– установление контактов с куратором и представителями деканата;
– предложение инициатив и урегулированию спорных ситуаций;
– повышение осведомленности о процессах внутри университета и зонах ответственности отдельных лиц;
– повышение эффективности коммуникации.

Староста академической группы университета выполняет заметную роль в общей организации группы и может способствовать повышению эффективности учебного процесса благодаря сплочению коллектива студентов, своевременному информированию, взаимодействию с преподавателями и другими представителями университета. Полипарадигмальный подход к подготовке кадров в высшей школе означает посвящение значительного внимания и времени воспитательной деятельности. Стимулирование социального взаимодействия создает благоприятную среду для подготовки лидеров и развития лидерских качеств студентов. Как административный помощник староста академической группы выполняет роль лидера и мотиватора.

Основная задача старосты – это эффективное информирование студентов о расписании, изменениях в учебном плане, мероприятиях, организуемых университетом, донесение в доступной форме иной важной информации. Для этого необходимо осуществление постоянного мониторинга информационных потоков и поддержание коммуникации посредством различных каналов связи, таких как чаты, социальные сети, электронная почта, а также личные встречи. Староста выступает посредником во взаимодействии с преподавателями, представителям деканата и другими структурами университета, налаживании отношений для повышения эффективности коммуникации.

Важным аспектом работы старосты является формирование практических навыков организации и управления. Староста принимает активное участие в создании позитивной атмосферы в академической среде, способствует сплочению коллектива студентов и сохранению дружеских отношений. Выполнение роли лидера и мотиватора требует от старосты не только организаторских способностей, но и умения вдохновлять и поддерживать одногруппников в процессе изучения теоретических дисциплин и тренировки профессионально-ориентированных навыков.

Эффективность работы старосты напрямую зависит от развития индивидуальных личностно-ориентированных и социально-ориентированных качеств. К числу ценных личностных качеств относятся уверенность в себе, организованность, независимость, ответственность, пунктуальность, тайм-менеджмент и дисциплинированность. Не менее важны ассертивность для защиты интересов группы, стрессоустойчивость для решения возникающих проблем, решительность в принятии решений и умение работать в режиме многозадачности. Одновременно, староста должен обладать терпением и исполнительностью.

Мотивация к координированию группой, как правило, является определяющим личностным и первичным фактором успеха. Тем не менее, без развитых социальных навыков, таких как доброта, отзывчивость, коммуникабельность, дипломатичность, и умение предупреждать конфликты, эффективное взаимодействие со студентами и иными лицами представляется затруднительным. Навыки активного слушания позволяют старосте осознавать потребности каждого члена группы и учитывать их при решении релевантных задач для социального контекста в университетской среде.

Таким образом, для выполнения ответственной роли старосты академической группы в университете студент должен развивать ряд личностных качеств и совершенствовать навыки общения и успешной коммуникации. Староста воспринимается студентами как инициативный, ответственный и социально активный студент, поддерживающий конструктивные отношения внутри учебной группы. Староста группы – это активный участник и лидер, формирующий благоприятный социально-психологический климат в академической среде, способствующий развитию лидерских качеств студентов, укреплению социального взаимодействия и продуктивной учебной деятельности.

Список литературы:

[1] Тореева, Т. А. О полипарадигмальном подходе к подготовке зарубежных педагогов-исследователей в магистратуре классического университета / Т. А. Тореева // Московский педагогический журнал. – 2025. – № 3. – С. 147-162. – DOI: 10.18384/2949-4974-2025-3-147-162. – EDN: YDTNZC.

[2] Латышева, С. Ю. Практико-ориентированная среда как фактор формирования компетентности социального взаимодействия студентов в высшей школе / С. Ю. Латышева, А. А. Червова // Hominum. – 2025. – № 3(19). – С. 185-201. – EDN: GZKCGH.

[3] Linaker, T. “guilty face” - middle managers of Russian origin in UK Universities and problematic cultural gendered leadership identity construction / T. Linaker // Issues of Applied Linguistics. – 2024. – No. 56. – P. 137-162. – DOI: 10.25076/vpl.56.06. – EDN: LNJMKP.

[4] Filyasova, Yu. A. English Career Terms Synonymy / Yu. A. Filyasova // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. – 2021. – Vol. 12, No. 3. – P. 669-683. – DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-669-683. – EDN: QHRRMZ.

[5] Педагогические эффекты для студентов поколения Z в условиях цифровизации высшего образования / С. А. Шевченко, И. А. Морозова, Е. В. Кузьмина, М. И. Кузьмина // Московский педагогический журнал. – 2025. – № 1. – С. 62-74. – DOI: 10.18384/2949-4974-2025-1-62-74. – EDN: BMRTLL.

[6] Грузина, Ю. М. Применение компетентностного подхода в воспитательной и образовательной деятельности / Ю. М. Грузина, Х. П. Харчилава // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2023. – Т. 13, № 6. – С. 22-29. – DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-6-22-29. – EDN: AYFWYP.

[7] Есикова, Т. В. Методологические подходы к исследованию профессиональных ценностей студентов современного педагогического вуза / Т. В. Есикова // Проблемы современного образования. – 2025. – № 3. – С. 68-75. – DOI: 10.31862/2218-8711-2025-3-68-75. – EDN: IEAGHU.

[8] Филясова, Ю. А. Перфекционизм как ожидаемое социальное качество соискателей при онлайн-рекрутинге персонала / Ю. А. Филясова // Цифровая социология. – 2022. – Т. 5, № 2. – С. 21-32. – DOI: 10.26425/2658-347X-2022-5-2-21-32. – EDN: QZFBEU.

[9] Filyasova, Yu. A. A Semantic Field of Perfectionism as a Social and Psychological Concept in Academic Discourse / Yu. A. Filyasova // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. – 2022. – Vol. 13, No. 2. – P. 382-395. – DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-382-395. – EDN: EBBYEC.

[10] Ковальчук, А. А. Семантическое поле немецкой лексемы «Karriere» в медийных заголовках / А. А. Ковальчук // Ломоносов – 2021 : материалы Международного молодежного научного форума, Москва, 12–23 апреля 2021 года. – Москва: ООО «МАКС Пресс», 2021. – EDN: BOAXRH.

[11] Филясова, Ю. А. Социально-мотивационная каузальность перфекционизма и лени в профессиональной деятельности / Ю. А. Филясова // Высшее образование сегодня. – 2023. – № 1. – С. 19-30. – DOI: 10.18137/RNU.HET.23.01.P.019. – EDN: RMBOHA.

[12] Мельничук, М. В. Воспитательная политика вуза как важнейшее средство реализации

концепции национального образования / М. В. Мельничук // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2022. – Т. 12, № S1. – С. 84-91. – DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-c-84-91. – EDN: KUYWHH.

[13] Филясова, Ю. А. Перфекционизм как тип социального поведения личности / Ю. А. Филясова // Социология. – 2021. – № 1. – С. 46-55. – EDN: DHUWLB.

[14] Долгополова, Л. В. Роль вожатской деятельности в развитии лидерских качеств у студентов педагогических специальностей / Л. В. Долгополова, Д. А. Щербакова // Оригинальные исследования. – 2025. – Т. 15, № 4. – С. 38-42. – EDN: OJJBMM.

[15] Андреева, С. В. Педагогические условия формирования лидерских качеств студентов / С. В. Андреева // Высшее образование сегодня. – 2014. – № 3. – С. 22-26. – EDN: SDJPOZ.

[16] Андреева, С. В. Формирование нравственно ориентированных лидерских качеств студентов средствами изучаемой дисциплины / С. В. Андреева // Высшее образование сегодня. – 2013. – № 7. – С. 53-57. – EDN: RCAYDD.

[17] Песков, В. П. Психолого-педагогическое сопровождение развития социального интеллекта у студентов колледжа / В. П. Песков, О. Г. Рыльщикова // Hominum. – 2023. – № 2(10). – С. 117-131. – EDN: ABNFTT.

[18] Гаранина, Р. М. Основные направления организации проектной деятельности как действенного механизма формирования профессиональных компетенций и повышения качества профессиональной подготовки / Р. М. Гаранина // Высшее образование сегодня. – 2023. – № 5. – С. 48-55. – DOI: 10.18137/RNU.HET.23.05.P.048. – EDN: BFTWPE.

[19] Кузнецова, В. И. Методы формирования личностных качеств и профессиональных навыков студентов-будущих менеджеров / В. И. Кузнецова, М. Г. Сергеева // Московский педагогический журнал. – 2025. – № 1. – С. 168-178. – DOI: 10.18384/2949-4974-2025-1-168-178. – EDN: HDYZPQ.

[20] Филясова, Ю. А. Перфекционизм преподавателя в контексте организационной и корпоративной культуры университета / Ю. А. Филясова // Социально-трудовые исследования. – 2021. – № 2(43). – С. 99-109. – DOI: 10.34022/2658-3712-2021-43-2-99-109. – EDN: ZDWBXI.

[21] Долинина, И. Г. Гражданское лидерство: психологопедагогическая характеристика студентов технического вуза / И. Г. Долинина, И. П. Миронов // Высшее образование сегодня. – 2013. – № 11. – С. 31-36. – EDN: RSXZZL.

[22] Огородникова, Т. В. Институт старосты академической группы как инструмент организации образовательного процесса: взгляд студентов современного российского вуза / Т. В. Огородникова, А. А. Соломеин // Baikal Research Journal. – 2025. – Т. 16, № 2. – С. 689-703. – DOI 10.17150/2411-6262.2025.16(2).689-703. – EDN FCINAC.

[23] Войцеховская, В. С. Профессиональные затруднения педагогов-организаторов в контексте реализации творческих задач и поиск путей их преодоления / В. С. Войцеховская // Проблемы современного образования. – 2025. – № 5. – С. 137-145. – DOI: 10.31862/2218-8711-2025-5-137-145. – EDN: WJUKUK.

[24] Филясова, Ю. А. О проблеме развития лидерских и личностных качеств старосты академической группы университета / Ю. А. Филясова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. – 2019. – № 4. – С. 140-153. – DOI: 10.18384/2310-7219-2019-4-140-153. – EDN: VNCPJD.

[25] Комкова, О. Г. Староста академической группы как субъект взаимодействия в образовательном процессе медицинского вуза / О. Г. Комкова, Н. П. Галиахметова, О. А. Жученко // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 1. – С. 36-45. – EDN NJSFRD.

[26] О роли старосты в академической группе вуза / П. С. Галушина, Я. С. Павлова, О. В. Горелик [и др.] // Право и управление. – 2024. – № 3. – С. 124-127. – DOI 10.24412/2224-9133-2024-3-124-127. – EDN KTDYJC.

[27] Тишков, Д. С. Прагмалингвистическая оценка лидерских качеств в обучении неотложной медицинской помощи студентов выпускного курса стоматологического факультета / Д. С. Тишков // Балтийский гуманитарный журнал. – 2021. – Т. 10, № 4(37). – С. 169-171. – DOI: 10.26140/bgz3-2021-1004-0039. – EDN: LLDSMM.

References:

[1] Toreeva T.A. On applying the multi-paradigmatic approach to the training of foreign teacher-researchers receiving master's degree in classical university // Moscow Pedagogical Journal. 2025. № 3. P. 147-162.

[2] Latysheva S.Yu., Chervova A.A. Practice-oriented environment as a factor in the formation of students' social interaction competency at higher education institutions // Hominum. 2025. № 3(19). P. 185-201.

[3] Linaker T. "guilty face" - middle managers of Russian origin in UK Universities and problematic cultural gendered leadership identity construction / T. Linaker // Issues of Applied Linguistics. 2024. No. 56. P. 137-162.

[4] Filyasova Yu. A. English Career Terms Synonymy / Yu. A. Filyasova // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2021. Vol. 12, No. 3. P. 669-683.

[5] Shevchenko S.A., Morozova I.A., Kuzmina E.V., Kuzmina M.I. Pedagogical Effects For Generation Z Students In The Context Of Digitalization Of Higher Education // Moscow Pedagogical Journal. 2025. № 1. P. 62-74.

[6] Grusina Yu.M., Kharchilava Kh.P. Application of competency-based approach in upbringing and educational activities // Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2023. V. 13, № 6. P. 22-29.

[7] Esikova T.V. Methodological basis for studying professional values of students of a modern pedagogical university // Problemy sovremennogo obrazovaniya. 2025. № 3. P. 68-75.

[8] Filyasova Yu.A. Perfectionism as an expected job seekers' social quality in online recruitment // Digital Sociology. 2022. V. 5, № 2. P. 21-32.

[9] Filyasova Yu. A. A Semantic Field of Perfectionism as a Social and Psychological Concept in Academic Discourse / Yu. A. Filyasova // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2022. Vol. 13, No. 2. P. 382-395.

[10] Kovalchuk A.A. The semantic field of the German lexeme "Karriere" in media headlines // Lomonosov – 2021: proceedings of an international scientific forum for young people, Moscow, 12-23 April, 2021.

[11] Filyasova Yu.A. Social and motivational causation of personal perfectionism and laziness in professional activity // Higher Education Today. 2023. № 1. P. 19-30.

[12] Melnichuk M.V. The educational university policy as the most important means of implementing the national education concept // Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2022. V. 12, № S1. P. 84-91.

[13] Filyasova Yu.A. Perfectionism as a personal type of social behavior // Sociology. 2021. № 1. P. 46-55.

[14] Dolgopolova L.V., Shcherbakova D.A. The role of counselor activities in the development of leadership qualities in students of pedagogical specialties // Original research. 2025. V. 15, № 4. P. 38-42.

[15] Andreeva S.V. Pedagogical conditions for developing student leadership qualities // Higher Education Today. 2014. № 3. P. 22-26.

[16] Andreeva S.V. Developing morally oriented student leadership qualities by means of the discipline under study // Higher Education Today. 2013. № 7. P. 53-57.

[17] Peskov V.P., Rylshchikova O.G. Psychological and pedagogical support of the development of social intelligence in college students // Hominum. 2023. № 2(10). P. 117-131.

[18] Garanina R.M. The Main directions of organizing project activities as an effective mechanism for developing professional competencies and improving the quality of professional training // Higher Education Today. 2023. № 5. P. 48-55.

[19] Kuznetsova V.I., Sergeeva M.G. The need to develop personal and professional skills of future managers // Moscow Pedagogical Journal. 2025. № 1. P. 168-178.

[20] Filyasova Yu.A. Academic perfectionism in the context of the organizational and corporate culture of the university // Social & Labor Research. 2021. № 2(43). P. 99-109.

[21] Dolinina I.G., Mironov I.P. Civic leadership: psychological and pedagogical characteristic of technical university students // Higher Education Today. 2013. № 11. P. 31-36.

[22] Ogorodnikova T.V., Solomein A.A. Institute of headman of an academic group as a tool for organizing the educational process: the students' view of a modern Russian university // Baikal Research Journal. 2025. V. 16, № 2. P. 689-703.

[23] Voitsekhovskaia V.S. Professional difficulties of facilitators in the context of the implementation of creative tasks and the prospects of overcoming them // Problemy sovremennogo obrazovaniya. 2025. № 5. P. 137-145.

[24] Filyasova Yu.A. On the problem of university academic group monitor's leadership and personal qualities development // Moscow Pedagogical Journal. 2019. № 4. P. 140-153.

[25] Komkova O.G., Galiakhmetova N.P., Zhuchenko O.A. Head of an academic group as a subject of interaction in the educational process of a medical university // Bulletin of Armavir State Pedagogical University. 2024. № 1. P. 36-45.

[26] Galushina P.S., Pavlova Ya.S., Gorelik O.V., Razhina E.V., Lopaeva N.L., Neverova O.P., Fsbei He Ural Gau. The role of the headman in the academic group of the university // Pravo i upravleniye. 2024. № 3. P. 124-127.

[27] Tishkov D.S. Pragmalinguistic assessment of leadership skills in teaching emergency medical care to graduate students of the faculty of dentistry // Baltic Humanitarian Journal. 2021. V. 10, № 4(37). P. 169-171.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-114-118

ЛАТТЕГАН Кирилл Олегович,
Аспирант 2 курса
Кафедра гражданского и предпринимательского права
Российская государственная академия
интеллектуальной собственности (РГАИС),
e-mail: Kirill.lattegan@yandex.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ КРЕАТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ И ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: АНАЛИЗ ПРАКТИКИ США

Аннотация. *В статье раскрывается взаимосвязь между коммерциализацией исключительных прав и развитием креативной экономики на примере США. Автор опирается на концепции Дж. Хоукинса (креативная экономика) и Р. Флориды (креативный класс), показывая, как творческие активы превращаются в источник экономической ценности. Основное внимание уделено правовым и экономическим механизмам, обеспечивающим коммерциализацию интеллектуальной собственности: конституционные основы, ключевые законы (Закон 1976 г., DMCA), судебная практика, закрепляющая принцип «эстетической нейтральности». Одними из мировых лидеров объемов креативной экономики являются Соединенные Штаты Америки (США). По данным Организации Объединенных Наций (ООН), США лидируют в рейтинге мировых экспортеров креативных услуг и в рейтинге мировых импортеров креативных товаров. На основе статистических данных (объём ВВП креативных индустрий, занятость, доля на арт рынке) демонстрируется успешность американской модели. Однако автор отмечает и её противоречия: малотиражные и некоммерческие произведения оказываются вне зоны эффективной защиты (как показано на примерах арт рынка и индустрии видеоигр); в делах о нарушении прав доказывание копирования затруднено для неуспешных проектов. Таким образом, механизм авторского права в США не соответствует критерию справедливости и предоставляет коммерчески успешным произведениям чрезмерную защиту, тогда как менее успешные произведения находятся в уязвимом положении, в то же время американская система демонстрирует высокую эффективность в коммерциализации, но требует корректировки для обеспечения баланса между рыночными интересами и защитой разнообразия творческого контента. Статья адресована исследователям в области экономики, права и культуры, а также практикам креативных индустрий.*

Ключевые слова: *креативная экономика, коммерциализация исключительных прав, креативные индустрии, интеллектуальная собственность, авторское право, судебная практика, проблемы судебной защиты, коммерческая ценность, эстетическая нейтральность.*

LATTEGAN Kirill Olegovich,
Postgraduate student
Departments of Civil and Business Law
Russian State Academy of Intellectual Property (RGAIS)

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CREATIVE ECONOMY AND INTELLECTUAL PROPERTY PROTECTION: AN ANALYSIS OF US PRACTICE

Annotation. *The article reveals the relationship between the commercialization of exclusive rights and the development of the creative economy using the example of the United States. The author draws on the concepts of J. Hawkins (creative economy) and R. Florida (creative class), showing how creative assets turn*

into a source of economic value. The main attention is paid to the legal and economic mechanisms that ensure the commercialization of intellectual property: constitutional foundations, key laws (the 1976 Law, the DMCA), judicial practice that enshrines the principle of "aesthetic neutrality." The United States of America (USA) is one of the world leaders in the creative economy. According to the United Nations (UN), the United States is the leader in the ranking of global exporters of creative services and in the ranking of global importers of creative goods. Based on statistical data (the volume of GDP of creative industries, employment, share in the art market), the success of the American model is demonstrated. However, the author also notes its contradictions: low-circulation and non-commercial works are outside the effective protection zone (as shown by the examples of the art market and the video game industry); in infringement cases, proving copying is difficult for unsuccessful projects. Thus, the copyright mechanism in the United States does not meet the criterion of fairness and provides commercially successful works with excessive protection, while less successful works are in a vulnerable position, at the same time, the American system demonstrates high efficiency in commercialization, but requires adjustments to ensure a balance between market interests and protecting the diversity of creative content. The article is addressed to researchers in the fields of economics, law and culture, as well as practitioners of the creative industries.

Key words: *creative economy, commercialization of exclusive rights, creative industries, intellectual property, copyright, judicial practice, problems of judicial protection, commercial value, aesthetic neutrality.*

Коммерциализация исключительного права является основой креативной экономики, которая предполагает экономическую ценность творческих качеств (креативности), а не только традиционных средств производства: земли, труда, капитала. Одними из важнейших составляющих креативной экономики являются креативный класс и креативные индустрии, которые совместно образуют функциональный компонент рассматриваемой концепции [1, с. 31]. Автором концепции креативной экономики считается британский исследователь Дж. Хоукинс, который применяет данный термин к деятельности, сосредоточенной на искусстве, медиа, научных исследованиях и инновациях, и иной творческой деятельности [2, с. 14].

Понятие «креативные индустрии» включает в себя «создание, производство и коммерциализацию творческого контента, имеющего нематериальную и культурную природу» [3, с. 744].

Автор теории креативного класса американский экономист Р. Флорида определяет «креативный класс» как лиц, занятых в отраслях, связанных с производством новых идей или творческим решением проблем [4, с. 197]. Исследователь называет данный показатель фактором, который оказывает влияние на заработную плату в том или ином регионе, что в свою очередь является ключевым элементом производительности [4, с. 199]. Данный вывод указывается в исследовании Э. Марокку и Р. Пачи, которые утверждают следующее: «высокообразованные люди, работающие в творческих профессиях, являются наиболее значимым компонентом в объяснении производственной эффективности» [5, с. 387].

Поскольку креативные индустрии являются тем сектором экономики, который основан на деятельности креативного класса и на коммерциализации исключительного права, прослеживается связь между развитием указанного сектора и эффективностью коммерциализации в той или иной стране.

Одними из мировых лидеров объемов креативной экономики являются Соединенные Штаты Америки (США). По данным Организации Объединенных Наций (ООН), США лидируют в рейтинге мировых экспортеров креативных услуг [6, с. 27] и в рейтинге мировых импортеров креативных товаров [6, с. 40]. Исследование ВШЭ показывает, что общий объем валовой добавленной стоимости креативных индустрий в США составляет 921,6 млрд долларов по паритету покупательной способности; по данному показателю США уступают лишь Китаю (988 млрд долларов). Следует также упомянуть, что 39 из 100 крупнейших компаний в сфере медиа (по показателю рыночной капитализации) расположены в Соединенных Штатах Америки [7]. Кроме того, США занимают наибольшую долю в мировом артрынке – 42% [6, с. 18]. Соединенные Штаты занимают первое место в мире по количеству занятых в креативных индустриях работников – согласно исследованию Высшей Школы Экономики (ВШЭ), США опережают по этому показателю Россию, которая занимает второе место, почти в два раза: 5,2 млн человек против 2,7 млн человек соответственно [8]. США лидируют по уровню привлекательности для звезд в таких сферах, как мода, кино, игры, реклама, искусство и культура, литература, звукозапись и исполнительские искусства [8]. Кроме того, Соединенным Штатам удалось установить привлекательные условия для звезд креативных индустрий, на которых приходится основной денежный поток в рассматриваемом секторе экономики, занимая первое место в мире по данному показателю [9]. Указанные выше

факторы свидетельствуют о благоприятной среде для эффективной коммерциализации исключительных прав.

Мнение о том, что надежная охрана интеллектуальной собственности имеет большое экономическое значение для страны распространилась в США в XX веке, когда США стали крупнейшим экспортером интеллектуальной собственности. В предыдущих столетиях США больше приобретали, чем создавали самостоятельно [10, с. 108].

Согласно разделу 8 Конституции США, Конгресс наделен правом «содействовать развитию науки и полезных ремесел, закрепляя на определенный срок за авторами и изобретателями исключительные права на их сочинения и открытия» [11]. Данная норма послужила плацдармом для разработки специального законодательства в сфере авторского права, поэтому её называют «Пунктом об авторском праве Конституции США».

Основными нормативными правовыми актами, обеспечивающими надлежащую охрану, защиту и коммерциализацию исключительных прав на произведения в США являются Закон об авторском праве в цифровую эпоху (DMCA) и Закон об авторском праве США 1976 г. Ввиду того, что право США относится к англосаксонской правовой семье, большим значением обладают судебные акты как источники права.

В 1903 году Верховный суд США постановил, что судьи не должны оценивать художественные качества произведений, и указал на опасность такого пути, когда судьи имели бы такое право: «для людей, сведущих только в юриспруденции, было бы опасным предприятием брать на себя роль окончательных судей в оценке художественных иллюстраций, выходящих за рамки самых узких и очевидных границ» [12]. Данное постановление стало началом применения принципа «эстетической нейтральности» авторского права в США, реализация которого наблюдается и в положениях российского законодательства (п. 1 ст. 1259 ГК РФ).

На практике это привело к тому, что американские суды вместо эстетической оценки произведений стали оценивать таковые с рыночной (коммерческой) точки зрения. В связи с этим, часть исследователей авторского права в США указывают на то, что в границы американской системы правовой охраны произведений де-факто не попадают те объекты, которые не стали коммерчески успешными. Так, Шиша Ш. констатирует: большинство произведений, издаваемых авторами, не имеют коммерческой ценности [13, с. 454]. Это подтверждается эмпирическими данными, которые приводит исследователь. Так, опрос, проведенный международной торговой арт-площадкой artnet, показывает, что 48,7% американских художников зарабатывают на своем творчестве менее 5000 долларов в год [14], тогда как средняя заработная плата в США по итогам 2024 года составила 59 428 долларов в год [15]. Другим примером является индустрия видеоигр: по данным исследователя Глинн С., 10% видеоигр удовлетворяют спрос 90%, следовательно, 90% дохода в этой сфере приходится на 10% наиболее популярных видеоигр [16, с. 44].

Приоритет коммерческой успешности и применение «эстетической нейтральности» подтверждаются устоявшейся судебной практикой. Так, в деле «Блейстайн против компании Donaldson Lithographing Co.» судья Холмс указывает следующее: «если [произведения] вызывают интерес у какой-либо публики, значит, они имеют коммерческую ценность — было бы смело утверждать, что они не имеют эстетической и образовательной ценности, — а к вкусам любой публики нельзя относиться пренебрежительно» [17]. Де-факто судья Холмс признал рынок «высшим арбитром» в вопросе оценки того или иного произведения на предмет возможности его охраны авторским правом. Из этого следует, что американское авторское право признает оригинальным (и, следовательно, охраняет) коммерчески ценное произведение. Установление таких стандартов оригинальности и, как следствие, критериев охраноспособности произведений способствовало расцвету массовой культуры в США [13, с. 453] и, как следствие, более эффективной коммерциализации исключительных прав на произведения.

Фактическое признание того, что коммерческий успех является важным фактором в делах о защите исключительного права, выражается в деле Рентмистер против Nike, Inc., рассмотренным Девятым окружным апелляционным судом, было зафиксировано следующее: «если у истца нет прямых доказательств копирования, он может попытаться доказать это косвенно, показав, что у ответчика был доступ к работе истца и что эти две работы имеют сходство, указывающее на копирование» [18]. Поскольку прямые доказательства копирования на практике предоставляются крайне редко [19], доказывание выстраивается на косвенных доказательствах: (1) наличии у нарушителя доступа к произведению; (2) наличии сходства между двумя работами, которое указало бы на копирование. В свою очередь, доказать доступ к малотиражному произведению не представляется возможным.

Из этого, по мнению исследователей, следует, что механизм авторского права в США не соответствует критерию справедливости и пре-

доставляет коммерчески успешным произведениям чрезмерную защиту, тогда как менее успешные произведения находятся в уязвимом положении. Следует отметить, что приведенные выше авторы верно фиксируют проблему: американские суды, анализируя коммерческий успех произведений, преуменьшают защиту тех произведений, которые такого успеха не достигли.

Таким образом, несмотря на то, что США достигли определенного успеха в коммерциализации произведений и способствовали развитию креативных индустрий, проявляются проблемы в обеспечении судебной защиты малых или коммерчески неуспешных произведений, что требует учета, дальнейшего изучения и совершествования законодательных актов, регулирующих авторское право.

Список литературы:

[1] Горда О.С. Креативная экономика: теоретические основы и особенности функционирования в условиях становления новой экономики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2023. №2. С. 24-37.

[2] Howkins J. The creative economy: how people make money from ideas / J. Howkins. London : Allen Lane. 2001. 263 p.

[3] I. Moore Cultural and Creative Industries concept – a historical perspective // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. № 110. Pp. 738-746.

[4] Florida R. The Creative Class and Economic Development // Economic Development Quarterly. 2014. Vol. 28(3). P. 196-205.

[5] Marrocu E., Paci R. Education or creativity: What matters most for economic performance // Economic Geography. 2012. № 88(4). P. 369-401.

[6] Creative Economy Outlook 2024: technical and statistical report // United Nations Publications. 2024. 136 p.

[7] Largest media and press companies by market cap // CompaniesMarketCap [Электронный ресурс]. URL: https://companiesmarketcap.com/media-press/largest-media-and-press-companies-by-market-cap/ (дата обращения: 19.01.2026).

[8] Картотека IQ: креативные индустрии в России // Институт статистических исследований и экономики знаний — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 06.08.2021. [Электронный ресурс]. URL: https://issek.hse.ru/news/493161047.html (дата обращения: 19.01.2026).

[9] Какие страны выбирают звезды креативных индустрий? // Институт статистических исследований и экономики знаний — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 06.07.2022. [Электронный ресурс]. URL: https://issek.hse.ru/news/679775451.html (дата обращения: 19.01.2026).

[10] Shisha S. The folklore of copyright procedure // Harvard Journal of Law & Technology. 2022. Vol. 36. №1. Pp. 62-125.

[11] The Constitution of the United States: A Transcription // National Archives [Электронный ресурс]. URL: https://www.archives.gov/founding-docs/constitution-transcript#1-8 (дата обращения: 19.01.2026).

[12] Bleistein v. Donaldson Lithographing Co., 188 U.S. 239 (1903) // Justia U.S. Supreme Court Center [Электронный ресурс]. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/188/239/ (дата обращения: 19.01.2026).

[13] Shisha S. Commercializing copyright // Boston College Law Review. Vol. 65(2). Pp. 443-510.

[14] Kinsella E. A new study shows that most artists make very little money, with women faring the worst // Artnet. 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://news.artnet.com/market/artists-make-less-10k-year-1162295 (дата обращения: 19.01.2026).

[15] Belle Wong J.D. Average salary by state // Forbes Advisor. 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://www.forbes.com/advisor/business/average-salary-by-state/#sources_section (дата обращения: 19.01.2026).

[16] Glynn S. Lunney Jr. Copyright and the 1% // Stanford Technology Law Review. 2020. Vol. 23(1). 70 p.

[17] Bleistein v. Donaldson Lithographing Co., 188 U.S. 239 (1903) // Justia U.S. Supreme Court Center [Электронный ресурс]. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/188/239/ (дата обращения: 19.01.2026).

[18] Rentmeester v. Nike, Inc., No. 15-35509 (9th Cir. 2018) // Justia U.S. Law [Электронный ресурс]. URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca9/15-35509/15-35509-2018-02-27.html (дата обращения: 19.01.2026).

[19] Johnson v. Gordon, 409 F.3d 12 (1st Cir. 2005) // Music Copyright Infringement Resource [Электронный ресурс]. URL: https://blogs.law.gwu.edu/mcir/case/johnson-v-gordon/#:~:text=This%20case%20involves%20a%20dispute,from%20the%20registered%20short%20version. (дата обращения: 19.01.2026).

References:

[1] Gorda O.S. Creative economy: theoretical foundations and features of functioning in the context of the formation of a new economy//Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Economics and management. 2023. №2. S. 24-37.

[2] Howkins J. The creative economy: how people make money from ideas / J. Howkins. London : Allen Lane. 2001. 263 p.

[3] I. Moore Cultural and Creative Industries concept – a historical perspective // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. № 110. Pp. 738-746.

[4] Florida R. The Creative Class and Economic Development // Economic Development Quarterly. 2014. Vol. 28(3). P. 196-205.

[5] Marrocu E., Paci R. Education or creativity: What matters most for economic performance // Economic Geography. 2012. № 88(4). P. 369-401.

[6] Creative Economy Outlook 2024: technical and statistical report // United Nations Publications. 2024. 136 p.

[7] Largest media and press companies by market cap // CompaniesMarketCap [Электронный ресурс]. URL: https://companiesmarketcap.com/media-press/largest-media-and-press-companies-by-market-cap/ (дата обращения: 19.01.2026).

[8] IQ card index: creative industries in Russia// Institute of Statistical Research and Economics of Knowledge - National Research University "Higher School of Economics." 06.08.2021. [Electronic resource]. URL: https://issek.hse.ru/news/493161047.html (access date: 19.01.2026).

[9] Which countries choose the stars of creative industries ?//Institute of Statistical Research and Economics of Knowledge - National Research University "Higher School of Economics." 06.07.2022. [Electronic resource]. URL: https://issek.hse.ru/news/679775451.html (access date: 19.01.2026).

[10] Shisha S. The folklore of copyright procedure // Harvard Journal of Law & Technology. 2022. Vol. 36. №1. Pp. 62-125.

[11] The Constitution of the United States: A Transcription // National Archives [Электронный ресурс]. URL: https://www.archives.gov/founding-docs/constitution-transcript#1-8 (дата обращения: 19.01.2026).

[12] Bleistein v. Donaldson Lithography Co., 188 U.S. 239 (1903)//Justia U.S. Supreme Court Center. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/188/239/ (access date: 19.01.2026).

[13] Shisha S. Commercializing copyright // Boston College Law Review. Vol. 65(2). Pp. 443-510.

[14] Kinsella E. A new study shows that most artists make very little money, with women faring the worst // Artnet. 2017 [Electronic resource]. URL: https://news.artnet.com/market/artists-make-less-10k-year-1162295 (access date: 19.01.2026).

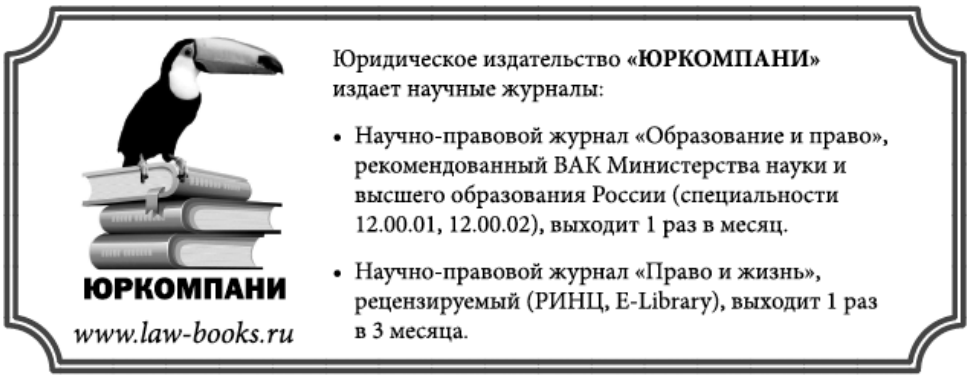
[15] Belle Wong J.D. Average salary by state // Forbes Advisor. 2024 [Electronic Resource]. URL: https://www.forbes.com/advisor/business/average-salary-by-state/#sources_section (дата обращения: 19.01.2026).

[16] Glynn S. Lunney Jr. Copyright and the 1% // Stanford Technology Law Review. 2020. Vol. 23(1). 70 p.

[17] Bleistein v. Donaldson Lithography Co., 188 U.S. 239 (1903)//Justia U.S. Supreme Court Center. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/188/239/ (access date: 19.01.2026).

[18] Rentmeester v. Nike, Inc. , No. 15-35509 (9th Cir. 2018)//Justia U.S. Law [Electronic Resource]. URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca9/15-35509/15-35509-2018-02-27.html (access date: 19.01.2026).

[19] Johnson v. Gordon, 409 F.3d 12 (1st Cir. 2005)//Music Copyright Infringement Resource. URL: https://blogs.law.gwu.edu/mcir/case/johnson-v-gordon/#:~:text=This%20case%20involves%20a%20dispute,from%20the%20registered%20short%20version. (accessed on: 19.01.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-119-124

ДЕМИДОВ Андрей Николаевич,
аспирант Российской государственная академии интеллектуальной собственности, Москва, Россия,
e-mail: andre2000andre@mail.ru

ОБЪЕКТИВНАЯ ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ: КРИТЕРИЙ ОХРАНОСПОСОБНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Аннотация. *Статья посвящена анализу объективной формы выражения произведения как самостоятельного критерия охраноспособности в российском авторском праве. Показано, что закрепление требования объективной формы в п. 3 ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации и разъяснения Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 от 23.04.2019 (п. 82) задают общий нормативный каркас, однако в цифровом обороте критерий приобретает дополнительное значение через необходимость идентифицируемости выражения и его доказуемости. На основе доктринальных подходов (включая исследования о цифровой форме как способе объективации результата интеллектуальной деятельности, а также дискуссию о соотношении объективной формы и фиксации) и правоприменительной логики обосновано, что объективная форма выполняет одновременно квалификационную и доказательственную функции: отделяет охраняемое выражение от неохраняемых идей и обеспечивает установление границ объекта при разрешении споров. Предлагается синтетическое понимание объективной формы как совокупности признаков внешнего выражения, доступности восприятию (в том числе посредством технических средств) и достаточной определённости для идентификации объекта. В целях практического применения сформулирован перечень контрольных вопросов для правовой квалификации спорного объекта и построения доказательственной позиции, особенно актуальный для «эфемерных» цифровых форм контента (стримов, эфиров, временных публикаций).*

Ключевые слова: *объективная форма выражения; охраноспособность произведения; идентифицируемость выражения; фиксация произведения; цифровой контент; доказательственная функция; части произведения.*

DEMIDOV Andrey Nikolaevich,
Graduate student, Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

THE OBJECTIVE FORM OF EXPRESSION OF A WORK: A CRITERION OF COPYRIGHTABILITY AND FEATURES OF ITS APPLICATION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Annotation. *The article examines the objective form of expression of a work as an independent criterion of copyrightability in Russian copyright law. It is shown that the requirement of an objective form, enshrined in Article 1259(3) of the Civil Code of the Russian Federation and clarified in Resolution No. 10 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23 April 2019 (para. 82), provides the general normative framework; however, in the digital environment the criterion gains additional significance due to the need for identifiability of the expression and its evidentiary verifiability. Drawing on doctrinal approaches (including studies treating digital form as a means of objectifying the results of intellectual activity, as well as the debate on the relationship between objective form and fixation) and the logic of law enforcement, the article substantiates that the objective form performs both qualifying and evidentiary functions: it separates protected expression from unprotected ideas and enables the determination of the object's boundaries in dispute resolution. A synthetic understanding of objective form is proposed as a set of features including external*

expression, accessibility to perception (including via technical means), and sufficient definiteness for identifying the object. For practical purposes, a set of control questions is formulated to support the legal qualification of the disputed subject matter and the construction of an evidentiary position, which is particularly relevant for "ephemeral" digital content formats (streams, live broadcasts, temporary posts).

Key words: *objective form of expression; copyrightability of a work; identifiability of expression; fixation of a work; digital content; evidentiary function; parts of a work.*

Критерий объективной формы выражения — один из базовых критериев охраноспособности произведения. Пока результат творческой деятельности не получил внешнего выражения, отделимого от личности автора и доступного восприятию, он не становится объектом авторского права. В действующем регулировании эта идея закреплена напрямую: произведение считается созданным и подлежащим охране с момента выражения в какой-либо объективной форме (п. 3 ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации), причём закон указывает и типовые способы такой объективации (письменная, устная в виде публичного произнесения/исполнения, изображение, звуко- или видеозапись, объемно-пространственная форма и др.) [3].

Практическая значимость критерия возрастает в цифровой среде, где произведения нередко существуют как «текучий» контент (эфирные форматы, стримы, временные публикации), а спор концентрируется вокруг вопроса: достаточно ли воспринимаемости через технические средства или требуется фиксация, позволяющая повторное воспроизведение и идентификацию. На уровне разъяснений высшей судебной инстанции критерий объективной формы используется как обязательное условие охраны не только произведения в целом, но и его частей: фрагмент охраняется при наличии творческого характера и при условии выражения во внешней форме [10].

В научной литературе подчёркивается, что цифровая форма не отменяет принцип охраны формы произведения, а, напротив, выступает одним из современных способов объективации результата интеллектуальной деятельности [8]. Это означает, что переход произведений в цифровой оборот не меняет исходного требования о наличии внешнего выражения, но смещает практический фокус на установление «цифрового выражения» как юридически распознаваемого объекта (файла, публикации, цифрового следа) при сохранении запрета на охрану идей и общих концепций.

Наряду с квалификационной функцией, требование объективной формы выполняет и доказательственную: именно «след» произведения во внешнем мире позволяет установить объект спора, соотнести его с заявляемым авторством и оценить факт использования. Показательно, что ещё в подходах арбитражной практики подчёркивалось: исключительное право не может возникнуть на «произведение будущего» (замысел без объективного выражения), поскольку правовая охрана привязана к уже воплощённому результату [4].

Цель настоящей статьи — уточнить содержание критерия объективной формы выражения, показать его пределы (в частности, на цифровых формах) и предложить компактный прикладной ориентир для правовой квалификации и доказывания в спорах об авторских правах.

В российском авторском праве требование объективной формы выражения выступает самостоятельным условием предоставления правовой охраны, где произведение получает правовую защиту с момента, когда результат творчества выражен вовне и может быть воспринят как определённый объект, а не как абстрактный замысел. Закон закрепляет этот подход прямо, указывая, что произведение охраняется независимо от достоинств и назначения, но при этом оно должно быть выражено в какой-либо объективной форме.

Нормативное содержание критерия раскрывается через перечисление типовых форм выражения: письменная (включая нотную запись), устная (публичное произнесение, публичное исполнение), изображение, звуко- и видеозапись, объёмно-пространственная форма и иные способы, позволяющие воспринимать результат. Это перечисление важно по двум причинам. Во-первых, оно фиксирует, что российская модель не сводит объективную форму только к «материальному носителю» в узком смысле: правовой смысл состоит в факте внешнего выражения, а не в виде носителя [11]. Во-вторых, оно задаёт границу между охраняемым результатом и неохраняемыми элементами: идеи, концепции, принципы, методы, процессы и т.п. не признаются объектами авторского права, поскольку не совпадают с формой выражения результата.

При анализе критериев охраноспособности в смежных сюжетах (в частности, на стыке авторского права и промышленного образца) обращается внимание на риск чрезмерного упрощения: в практике нередко фактически доминирует подход, при котором наличие внешнего выражения начинает восприниматься как достаточное условие для признания результата произведением. В доктрине подчёркивается, что сведение крите-

риев охраноспособности к одной лишь объективной форме методологически неверно и может приводить к размыванию границы между творческим результатом и техническим либо функциональным решением [9]. Тем самым ещё раз подтверждается необходимость рассматривать объективную форму в системной связи с творческим характером произведения, а не как заменяющий его признак.

Критерий объективной формы занимает системное место в связке с творческим характером произведения, даже при наличии творческого вклада охрана невозможна, если результат не «объективирован»; и наоборот, наличие фиксируемого/воспринимаемого результата не заменяет требования творчества. В разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации этот подход проявляется особенно на примере частей произведения: охраняемость фрагмента (части) допускается лишь при условии, что он обладает творческим характером и выражен в объективной форме, позволяющей идентифицировать охраняемый элемент как самостоятельный результат [10].

Таким образом, на нормативном уровне объективная форма выполняет две ключевые функции: (1) квалификационную — отделяет охраняемое «выражение» от неохраняемых идей и методов; (2) определительную — делает возможным установление границ объекта, что далее напрямую влияет на доказывание факта использования и объёма нарушений.

В доктрине авторского права критерий объективной формы традиционно объясняется через идею «объективации» результата творчества: произведение должно быть выражено вовне так, чтобы оно существовало как самостоятельный объект, отделимый от личности автора и доступный восприятию иных лиц [12]. При таком подходе объективная форма выступает не «технической деталью», а юридическим условием, позволяющим признать результат творчества именно произведением, а не внутренним замыслом.

Наиболее устойчивым является понимание объективной формы как внешнего выражения, доступного восприятию (непосредственно либо через технические средства). Это объясняет, почему законодатель прямо относит к формам выражения не только закреплённые на носителе результаты (текст, изображение, запись), но и устные формы, включая публичное произнесение и исполнение: в момент исполнения произведение уже выражено вовне и может быть воспринято аудиторией как определённый объект.

В то же время в литературе сохраняется дискуссия о соотношении объективной формы и фиксации. В частности, обосновывается подход, согласно которому для правовой охраны достаточно того, чтобы произведение было выражено вовне и стало доступным восприятию других лиц (в том числе однократно), поскольку закон прямо относит к объективной форме также устное выражение — публичное произнесение и публичное исполнение. При этом в доктрине подчёркивается, что любая внешне объективированная форма, делающая произведение доступным для публичного восприятия, уже предполагает возможность последующего воспроизведения в той же или иной форме; иллюстрацией служит пример музыкального исполнения без нотной записи, которое затем оказалось воспроизводимым и поддающимся восстановлению [6]. Дополнительно, на международно-правовом уровне фиксация рассматривается как факультативное требование: Бернская конвенция допускает установление такого условия национальным правом, но не делает его универсальной предпосылкой охраны [2].

Одновременно существует и другая линия аргументации, смещающая акцент с «самого факта восприятия» на юридическую определённость границ объекта: охрана предполагает возможность идентифицировать выражение так, чтобы оно могло быть распознано и сопоставлено при споре; в сравнительно-правовом плане эта идея формулируется как требование идентифицируемости выражения «достаточно точно и объективно», причём такая идентифицируемость не обязательно требует постоянной (материально закреплённой) формы.

Для целей настоящей статьи представляется продуктивным синтетический подход, где объективная форма выражения означает (1) внешнее выражение результата, (2) доступность восприятию (включая через технические средства), (3) достаточную определённость выражения для идентификации объекта и разграничения его от идеи и метода. Эта система позволяет объяснить и охрану устного исполнения, и необходимость представить объективированное выражение произведения в качестве доказательств, и возникающие сложности с «эфемерным» цифровым контентом, где восприятие возможно, но границы объекта и его повторная идентификация зависят от фиксации.

Прежде всего критерий объективной формы выражения позволяет провести базовую границу между охраняемым выражением и неохраняемым содержанием-замыслом. Закон прямо исключает из сферы авторско-правовой охраны идеи, методы, процессы, системы, концепции, принципы и т.п., поскольку они не тождественны форме выражения результата. Следовательно, для квалификации объекта важно показать не

«что хотел сказать автор», а как именно это выражено (в тексте, изображении, аудиовизуальном ряде, исполнении и т.д.).

Отдельный блок проблем возникает в отношении «эфемерных» форм цифрового контента: стримов, эфиров, временных публикаций, которые могут быть восприняты пользователями, но не всегда сохраняют устойчивый след. Доктринально здесь сталкиваются два подхода: (1) достаточно воспринимаемости через технические средства (поскольку закон допускает устную форму, включая публичное исполнение); (2) для правовой охраны и особенно для последующего спора требуется определённость и идентифицируемость выражения, иначе невозможно установить границы объекта и факт использования [7]. На практике это означает следующее: стрим (как исполнение/аудиовизуальный поток) потенциально способен удовлетворять критерию объективной формы уже в момент трансляции, но юридически значимым становится вопрос о том, существует ли доказуемое выражение — запись трансляции, сохранённый файл, протокол осмотра страницы/контента, скриншоты, иные средства фиксации.

Критерий объективной формы особенно проявляется в нетрадиционных объектах, где трудно описать форму выражения как достаточно определённую. Показательна дискуссия об охраноспособности «аромата» как произведения: проблема не столько в творческом замысле, сколько в том, что выражение оказывается трудно идентифицируемым и воспроизводимым как объект авторского права [1]. Смысл этого примера для нашей темы в том, что объективная форма — это не просто внешнее проявление, а внешнее проявление, которое допускает юридическую идентификацию объекта.

В этой дискуссии наглядно проявляются две конкурирующие трактовки объективной формы: с одной стороны, объективная форма связывается с возможностью воспроизведения произведения (как элемента, обеспечивающего повторное восприятие и сравнение), с другой — понимается как достаточность воспринимаемости выражения органами чувств. При этом подчёркивается, что перечень форм выражения в ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации носит открытый характер, однако даже при таком подходе ключевой проблемой остаётся юридическая идентифицируемость объекта (возможность описать и воспроизвести выражение так, чтобы оно было проверяемо в споре).

Наконец, отдельного внимания требует охрана частей произведения. Даже если фрагмент узнаваем, это само по себе не означает наличие объективной формы в юридически значимом смысле: фрагмент должен быть выражен так, чтобы его можно было выделить как самостоятельный объект и сопоставить с использованием, а также он должен обладать творческим характером. В противном случае охрана «части» превращается в охрану идеи/приёма, что прямо противоречит логике ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В прикладном плане критерий объективной формы имеет ключевое значение для квалификации спорного объекта: суду необходимо увидеть конкретный объект, а не описание замысла, чтобы определить границы произведения и сопоставить их с оспариваемым использованием. Поэтому в делах о нарушении авторских прав вопрос объективной формы почти всегда «переводится» в плоскость доказательств: есть ли у истца выраженный результат и можно ли его идентифицировать в том виде, в каком он был использован.

В цифровой среде объективная форма чаще всего подтверждается не «вещным носителем», а цифровым следом: файлом, записью, публикацией на странице, метаданными, техническими логами, иными данными, позволяющими установить содержание и форму выражения произведения на определённый момент времени. Именно поэтому, даже признавая, что закон не требует обязательной фиксации для всех произведений, правоприменение фактически ориентируется на критерий идентифицируемости выражения: без возможности воспроизвести и сравнить объект спор становится неквалифицируемым.

Ещё в работах, посвящённых обнародованию произведений в глобальной информационной сети, подчёркивалось, что объективная форма в цифровом обороте практически неизбежно проявляется через способность сохранять выражение в относительно неизменном виде и обеспечивать многократное использование без искажения, что напрямую связано с воспроизводимостью и доказуемостью [5]. В прикладных публикациях встречается и более «жёсткая» позиция, согласно которой для произведений науки акцентируется обязательность фиксации на информационном (материальном) носителе; этот тезис важен для статьи как показатель существования строгого подхода, хотя он и не устраняет общего правила о допустимости охраны при объективном выражении (включая устные формы [11]).

Особое значение это приобретает при защите частей произведения: фрагмент должен быть не только творчески значимым, но и выделяемым как выраженный объект, иначе под охрану может ошибочно попасть идея, приём или общий принцип, что противоречит логике ст. 1259

Гражданского кодекса Российской Федерации. В этом смысле критерий объективной формы выполняет и «антирасширительную» функцию: он ограничивает чрезмерно широкие притязания на охрану, когда заявляются слишком абстрактные элементы без чёткой фиксации их выражения.

В целях систематизации подхода к правовой квалификации спорного объекта и формированию доказательственной позиции представляется возможным предложить следующий перечень вопросов, позволяющий последовательно обосновать наличие объективной формы выражения:

1. Каков заявляемый объект охраны (текст, изображение, аудио- или видеозапись, исполнение, элемент интерфейса и т.п.)?
2. В какой форме выражен результат и относится ли такая форма к предусмотренным в ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации либо является сопоставимой по правовой природе?
3. Определимы ли границы выражения (объём, фрагменты, состав элементов) таким образом, чтобы исключить подмену охраняемого выражения идеей, методом или принципом?
4. Обеспечена ли доступность выражения для восприятия (в том числе посредством технических средств) и поддаётся ли данный факт подтверждению доказательствами?
5. Имеются ли материалы, фиксирующие выражение, позволяющие воспроизвести объект и провести проверяемое сопоставление при рассмотрении спора (файл, запись, публикация, материалы осмотра и др.)?
6. Если заявляется часть произведения, возможно ли выделить её как самостоятельный выраженный результат и обосновать творческий характер именно данной части?
7. Как соотносится заявляемый объект с оспариваемыми способами использования: что именно воспроизведено, доведено до всеобщего сведения либо исполнено?

Данный алгоритм не подменяет оценку творческого характера, но позволяет конкретизировать критерий объективной формы применительно к доказыванию, что особенно важно для цифрового контента и динамических форм распространения.

Критерий объективной формы выражения выступает в авторском праве квалифицирующим условием возникновения правовой охраны: правовая охрана возникает не на уровне замысла, а с момента, когда результат творческой деятельности получает внешнее выражение, позволяющее воспринимать и идентифицировать произведение как самостоятельный объект. При этом нормативная конструкция ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации показывает, что российская модель не сводит объективную форму к наличию материального носителя: закон признаёт объективной формой и устное выражение в виде публичного произнесения или исполнения, а значит, допускает охрану результатов, существующих как воспринимаемый процесс.

Вместе с тем в условиях цифрового оборота ключевое значение приобретает не наличие материального носителя как такового, а критерий идентифицируемости выражения, поскольку правоприменение нуждается в таком проявлении произведения, которое можно выделить по границам, сопоставить с использованием и подтвердить доказательствами. Именно поэтому объективная форма в цифровой среде фактически выступает критерием определённости и доказуемости объекта, особенно применительно к эфемерным формам цифрового контента (эфиры, стримы, временные публикации).

Пределы критерия проявляются в двух типовых ситуациях. Первая — риск подмены выражения идеей: охрана не распространяется на методы, принципы и концепции, поэтому правовая аргументация должна быть построена вокруг конкретного выражения результата, а не вокруг «общего замысла». Вторая — нетрадиционные и трудноидентифицируемые объекты, где проблема заключается именно в невозможности объективно определить и воспроизвести форму выражения как объект авторского права.

Отдельно следует подчеркнуть, что критерий объективной формы применим не только к произведению в целом, но и к его частям: фрагмент может охраняться лишь при условии творческого характера и выраженности в объективной форме, позволяющей выделить и идентифицировать его как самостоятельный результат. Это обеспечивает баланс интересов: защита предоставляется тому, что действительно воплощено в выражении, но не расширяется до охраны идей и приёмов.

С практической точки зрения наиболее продуктивным является подход, при котором объективная форма понимается через совокупность признаков: внешнее выражение, доступность восприятию (включая через технические средства) и достаточная определённость для идентификации. Использование предложенного в статье перечня контрольных вопросов позволяет упростить квалификацию спорного объекта и структурировать доказательственную позицию, не смешивая критерий объективной формы с критерием творческого характера.

Список литературы:

[1] Бахтиозина А.Т., Белозёрова Е.О. Объективная форма произведения: может ли аромат

быть объектом авторского права? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Июнь 2024. № 2 (44). С. 196–204.

[2] Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений: ст. 2(2).

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): ст. 1259, п. 3 (объективная форма выражения произведения).

[4] Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 28.09.1999 № 47.

[5] Кобыляцкий Д.А. Объективная форма произведения, обнародованного в глобальной информационной сети // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 4. С. 51–54.

[6] Копылов А.Ю. Персонаж произведения как объект авторских прав: дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2021. С. 33–34.

[7] Максимов В.А. Условия охраноспособности произведений в авторском праве // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 3(49). С. 85–90.

[8] Матвеев А.Г. Цифровое и аналоговое авторское право: различны ли принципы? // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2022. № 3(34). С. 31–37.

[9] Минакова А.И. Вопросы пересечения правовых режимов произведения дизайна и промышленного образца // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. Вып. 3 (41) (сентябрь). С. 25–38.

[10] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой ГК РФ»: п. 82.

[11] Рожкова М.А. 5 признаков (критериев охраноспособности) произведений науки, закрепленных действующим законодательством // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Июнь 2024. № 2 (44). С. 145–152.

[12] Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 42–44.

References:

[1] Bakhtiozina A.T., Belozerova E.O. Objective form of the work: can fragrance be the object of copyright ?//Journal of the Court for Intellectual Rights. June 2024. № 2 (44). S. 196-204.

[2] Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works: Art. 2 (2).

[3] Civil Code of the Russian Federation (part four): Art. 1259, paragraph 3 (objective form of expression of the work).

[4] Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 28.09.1999 No. 47.

[5] Kobylyatsky D.A. Objective form of the work published in the global information network//North Caucasian Legal Bulletin. 2009. № 4. S. 51-54.

[6] Kopylov A.Yu. The character of the work as an object of copyright: dis.... cand. jurid. sciences. Tomsk, 2021. S. 33-34.

[7] Maximov V.A. Conditions of protection of works in copyright//Leningrad Law Journal. 2017. № 3(49). S. 85-90.

[8] Matveev A.G. Digital and analog copyright: are the principles different ?//Bulletin of Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 2: Legal Sciences. 2022. № 3(34). S. 31-37.

[9] A.I. Minakova. Issues of intersection of legal regimes of design and industrial design//Journal of the Court for Intellectual Rights. 2023. No. 3 (41) (Sept. S. 25-38.

[10] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.04.2019 No. 10 “On the application of part four of the Civil Code of the Russian Federation”: clause 82.

[11] Rozhkova M.A. 5 signs (criteria for protection) of works of science enshrined in the current legislation//Journal of the Court for Intellectual Rights. June 2024. № 2 (44). S. 145-152.

[12] Serebrovsky V.I. Soviet copyright issues. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1956. S. 42-44.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-125-130

ЧЕШИН Андрей Владимирович,
кандидат экономических наук, доцент,
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Оренбургский государственный университет»,
Россия, г. Орск,
e-mail: cheshin@sirius56.ru

СОВМЕСТНОЕ БАНКРОТСТВО СУПРУГОВ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. *Настоящая статья посвящена комплексному анализу процессуальных и материально-правовых проблем, возникающих в процедуре совместного банкротства супругов в Российской Федерации. В статье рассматриваются особенности объединения дел, процессуальные аспекты и критерии для такого объединения. Особое внимание уделено анализу проблем, возникающих при определении и разделе общего имущества супругов, включая вопросы оценки имущества и включения его в конкурсную массу. Исследуется влияние солидарной ответственности супругов по обязательствам на порядок удовлетворения требований кредиторов и возможности оспаривания сделок, совершенных одним из супругов. В работе обозначены пробелы и коллизии в действующем законодательстве, представлены варианты их разрешения, направленные на обеспечение баланса интересов должников и кредиторов в процедуре банкротства.*

Ключевые слова: *банкротство супругов, совместное банкротство, единое производство, общее имущество, конкурсная масса, солидарная ответственность, раздел имущества, несостоятельность, финансовая несостоятельность, процедура банкротства.*

CHESHIN Andrey Vladimirovich,
PhD in Economics, Associate Professor
Orsk Humanitarian and Technological Institute (branch)
of the Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education “Orenburg State University”
Orsk, Russia

JOINT BANKRUPTCY OF SPOUSES: PROCEDURAL AND SUBSTANTIVE ISSUES

Annotation. *This article provides a comprehensive analysis of the procedural and substantive legal issues arising in joint marital bankruptcy proceedings in the Russian Federation. It examines the specifics of case consolidation, procedural aspects, and criteria for such consolidation. Particular attention is paid to the analysis of issues arising in determining and dividing the spouses’ joint property, including the valuation of property and its inclusion in the bankruptcy estate. The impact of joint and several liability of spouses for obligations on the procedure for satisfying creditors’ claims and the possibility of challenging transactions concluded by one of the spouses is examined. The article identifies gaps and conflicts in current legislation and presents options for resolving them, aimed at ensuring a balance of interests between debtors and creditors in bankruptcy proceedings*.

Key words: *bankruptcy of spouses, joint bankruptcy, single proceeding, common property, bankruptcy estate, joint and several liability, division of property, insolvency, financial insolvency, bankruptcy procedure.*

Введение

Институт банкротства физических лиц в Российской Федерации, регламентируемый Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в редакции Федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника», претерпел ряд существенных изменений и продолжает вызывать научный интерес и практические вопросы. Особую актуальность приобретают вопросы, связанные с банкротством супругов, обусловленные спецификой их финансово-правового статуса и наличием общего имущества. Увеличение числа семей, сталкивающихся с финансовыми трудностями, обуславливает необходимость дальнейшего изучения правовых аспектов совместного банкротства супругов, с целью выявления и разрешения проблем, возникающих в данной процедуре. Недостаточная разработанность законодательного регулирования и неоднозначность судебной практики в рассматриваемой области приводят к нарушению прав и законных интересов как должников, так и их кредиторов.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ процессуальных и материально-правовых проблем, возникающих в процедуре совместного банкротства супругов. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: выявить особенности объединения дел о банкротстве супругов в одно производство и проанализировать связанные с этим процессуальные аспекты; рассмотреть проблемы определения конкурсной массы при разделе общего имущества супругов в процедуре банкротства; исследовать влияние солидарной ответственности супругов по обязательствам на ход и результаты процедуры банкротства.

Научная новизна представленной работы заключается в комплексном рассмотрении актуальных проблем совместного банкротства супругов, с учетом последних изменений законодательства и тенденций судебной практики. В частности, исследованы процессуальные аспекты объединения дел о банкротстве супругов, проанализированы спорные вопросы, касающиеся раздела общего имущества и определения конкурсной массы, а также выявлены особенности применения норм о солидарной ответственности супругов в рамках банкротного процесса.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования использованы положения, Семейного кодекса Российской Федерации, Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», и иные нормативные правовые акты, регулирующие отношения банкротства и семейные отношения. Методологической основой исследования послужил анализ научных публикаций, посвященных проблемам банкротства физических лиц, особенностям банкротства супругов, а также вопросам определения и раздела общего имущества супругов. В работе использованы методы сравнительного анализа, систематизации и обобщения, а также формально-юридический метод.

Результаты и обсуждения

В российском законодательстве о несостоятельности (банкротстве) вопросы совместного банкротства супругов, хотя и не выделены в отдельную главу, занимают важное место в связи со спецификой правового статуса супругов и наличием у них общего имущества, подлежащего разделу в рамках банкротного процесса. Возможность объединения дел о банкротстве супругов в одно производство – сложный процессуальный вопрос, требующий тщательного анализа и взвешенного подхода, поскольку затрагивает не только имущественные интересы супругов, но и права их кредиторов.

Основным нормативным актом, регулирующим вопросы банкротства, является Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Однако прямого указания на возможность или необходимость объединения дел о банкротстве супругов в нем не содержится [3]. Данный вопрос решается на основании общих принципов процессуального права, а также с учетом разъяснений, данных в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан».

В пункте 28 Постановления Пленума № 45 указано, что, если ко времени рассмотрения обоснованности заявления о признании гражданина банкротом в производстве этого же суда находится дело о банкротстве его супруга (бывшего супруга), суду необходимо рассмотреть вопрос об объединении дел в одно производство для целей наиболее полного, справедливого и эффективного рассмотрения дел. Таким образом, вопрос об объединении дел решается судом в каждом конкретном случае с учетом определенных обстоятельств [1].

Однако, несмотря на наличие разъяснений Верховного Суда РФ, на практике возникает ряд спорных вопросов, связанных с объединением дел о банкротстве супругов. В частности, отсутствует четкое определение критериев, на основа-

нии которых суд принимает решение об объединении дел. Какие обстоятельства можно считать достаточными для объединения дел, а какие – нет? Является ли наличие общего имущества единственным основанием для объединения дел или существуют и другие факторы, которые суд должен учитывать [9, с. 126]?

Представляется, что при решении вопроса об объединении дел о банкротстве супругов суд должен учитывать следующие обстоятельства:

- Наличие у супругов общего имущества, подлежащего разделу в рамках банкротного процесса. Если у супругов отсутствует какое-либо общее имущество, то объединение дел, как правило, нецелесообразно, поскольку не приведет к повышению эффективности рассмотрения дел и не позволит более полно удовлетворить требования кредиторов.
- Наличие у супругов общих обязательств, по которым они несут солидарную ответственность. Если супруги являются солидарными должниками по каким-либо обязательствам, то объединение дел может быть оправдано, поскольку позволит более эффективно координировать действия кредиторов и избежать дублирования усилий по взысканию долга.
- Степень взаимосвязанности финансовых операций супругов. Если супруги осуществляли совместную предпринимательскую деятельность или имели тесные финансовые связи, то объединение дел может облегчить анализ их финансового состояния и выявление признаков преднамеренного или фиктивного банкротства [7, с. 29].
- Возможность злоупотребления правом со стороны супругов. Если есть основания полагать, что супруги намеренно подают заявления о банкротстве по отдельности с целью сокрытия имущества или уклонения от исполнения обязательств, то объединение дел может помочь предотвратить такие злоупотребления.

Помимо отсутствия четких критериев для объединения дел, на практике также возникают вопросы, связанные с процессуальными последствиями такого объединения. В частности, необходимо определить, кто будет являться должником в объединенном деле – супруги совместно или каждый из них по отдельности. Будет ли арбитражный управляющий назначаться один для обоих супругов или каждый из них будет иметь своего управляющего? Как будет осуществляться распределение расходов по делу о банкротстве между супругами?

Представляется, что в объединенном деле должниками должны являться оба супруга, каждый из которых несет ответственность по своим обязательствам, как личным, так и общим [5, с. 272]. Арбитражный управляющий должен быть назначен один для обоих супругов, поскольку это позволит более эффективно координировать его действия и избежать конфликтов интересов. Распределение расходов по делу следует осуществлять пропорционально размеру удовлетворенных требований кредиторов каждого из супругов.

Институт совместного банкротства супругов в российском праве нуждается в дальнейшем развитии и совершенствовании. Необходимо разработать более четкие критерии для объединения дел о банкротстве супругов, а также определить процессуальные последствия такого объединения. Это позволит повысить эффективность банкротного процесса, защитить права и законные интересы должников и кредиторов, а также предотвратить злоупотребления правом со стороны недобросовестных супругов.

Проблема определения конкурсной массы в делах о банкротстве супругов обусловлена, прежде всего, необходимостью разграничения личного имущества каждого из супругов и их общего имущества. К личному имуществу каждого из супругов, как правило, относятся вещи индивидуального пользования (одежда, обувь и др.), имущество, полученное одним из супругов в дар, в порядке наследования или по иным безвозмездным сделкам, а также имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак. Личное имущество не подлежит включению в конкурсную массу и не может быть использовано для удовлетворения требований кредиторов другого супруга.

Общее имущество супругов, напротив, подлежит разделу и включению в конкурсную массу. Однако, определение состава и объема общего имущества часто сопряжено с серьезными трудностями. Во-первых, на практике нередко возникают споры о том, является ли то или иное имущество общим или личным. Например, может возникнуть вопрос о статусе имущества, приобретенного в период брака, но зарегистрированного на одного из супругов, либо имущества, приобретенного на средства, частично принадлежавшие одному из супругов до брака. Во-вторых, сложность представляет оценка общего имущества, особенно в тех случаях, когда речь идет о недвижимости, ценных бумагах или долях в уставном капитале юридических лиц. Неверная оценка имущества может привести к нарушению прав кредиторов или должников.

В этой связи важную роль играет деятельность арбитражного управляющего, который обязан выявить и оценить все имущество должника, а также установить его правовой режим. Арбитражный управляющий должен тщательно

исследовать сделки, совершенные супругами в период брака, с целью выявления имущества, которое могло быть приобретено за счет общих средств. В случае возникновения споров о принадлежности имущества арбитражный управляющий вправе обратиться в суд с заявлением об истребовании доказательств или проведении экспертизы.

После определения состава и объема общего имущества супругов возникает вопрос о его разделе. Согласно статье 38 Семейного кодекса РФ, раздел общего имущества супругов производится по соглашению между супругами, а в случае спора – в судебном порядке. Однако, в процедуре банкротства раздел общего имущества имеет свои особенности [2].

Закон о банкротстве предусматривает возможность раздела общего имущества супругов в рамках дела о банкротстве. В соответствии с пунктом 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве, имущество, составляющее общую собственность супругов, подлежит реализации в процедуре банкротства гражданина. При этом из выручки, полученной от реализации общего имущества супругов, выплачивается супругу должника часть, соответствующая его доле в общем имуществе. Остальная часть выручки включается в конкурсную массу и используется для удовлетворения требований кредиторов [4, с. 134].

Следует отметить, что определение долей супругов в общем имуществе является одной из ключевых задач в процедуре банкротства. По общему правилу, доли супругов в общем имуществе признаются равными, если иное не предусмотрено брачным договором или соглашением о разделе имущества. Однако суд вправе отступить от принципа равенства долей, если установит, что один из супругов не получал доходов по неуважительным причинам или расходовал общее имущество супругов в ущерб интересам семьи.

Особого внимания заслуживает вопрос о последствиях раздела общего имущества супругов для кредиторов. В соответствии с пунктом 1 статьи 45 Семейного кодекса РФ, по обязательствам одного из супругов взыскание может быть обращено лишь на имущество этого супруга, а также на его долю в общем имуществе супругов, которая причиталась бы ему при разделе имущества. Это означает, что кредиторы одного из супругов не вправе требовать удовлетворения своих требований за счет личного имущества другого супруга, а также за счет его доли в общем имуществе, превышающей долю должника.

Однако, на практике возникают ситуации, когда кредиторы оспаривают сделки по разделу общего имущества, совершенные супругами в преддверии банкротства [10, с. 40]. В таких случаях суд должен установить, не была ли сделка совершена с целью уклонения от исполнения обязательств перед кредиторами. Если суд установит, что сделка по разделу имущества была совершена с целью причинения вреда кредиторам, она может быть признана недействительной.

Таким образом, раздел общего имущества супругов в процедуре банкротства является сложным и многогранным процессом, требующим тщательного анализа и взвешенного подхода. Успешное решение этой задачи возможно только при условии четкого разграничения личного и общего имущества супругов, справедливой оценки имущества и учета интересов всех заинтересованных сторон. Дальнейшее совершенствование законодательства и правоприменительной практики в этой области будет способствовать повышению эффективности банкротного процесса и укреплению гарантий защиты прав как должников, так и их кредиторов.

По общему правилу, установленному Семейным кодексом, доли супругов в общем имуществе признаются равными, если иное не предусмотрено брачным договором. Однако, при наличии солидарных обязательств, возникает вопрос о справедливости такого подхода. Представляется, что в данном случае, суд должен учитывать степень участия каждого из супругов в возникновении солидарного обязательства, а также степень фактического использования полученных средств на нужды семьи. В противном случае, один из супругов может оказаться в невыгодном положении, поскольку его доля в общем имуществе будет использована для погашения обязательств, в возникновении которых он фактически не принимал участия [8, с. 146].

Кроме того, важным вопросом является порядок удовлетворения требований кредиторов по солидарным обязательствам. В соответствии с гражданским законодательством, при солидарной обязанности должников кредитор вправе требовать исполнения как от всех должников совместно, так и от любого из них в отдельности, притом как полностью, так и в части долга. Однако, в процедуре банкротства, данный принцип претерпевает определенные изменения.

Закон о банкротстве предусматривает принцип пропорциональности удовлетворения требований кредиторов. Это означает, что требования кредиторов удовлетворяются за счет конкурсной массы пропорционально размеру их требований. В случае наличия солидарных обязательств у супругов, данный принцип может быть реализован по-разному [6, с. 101].

Возможны следующие варианты:

– Требования кредитора предъявляются к обоим супругам в полном объеме, и удовлетворяются пропорционально размеру

требований кредитора за счет общего имущества и личного имущества каждого из супругов.

– Требования кредитора разделяются между супругами пропорционально их долям в общем имуществе, и удовлетворяются за счет имущества каждого из супругов в пределах установленных долей.

Представляется, что первый вариант является более предпочтительным, поскольку он в большей степени соответствует принципу солидарной ответственности и позволяет кредитору получить максимально возможное удовлетворение своих требований. Однако, на практике, реализация данного варианта может быть сопряжена с определенными трудностями, в частности, с необходимостью определения размера общего имущества и долей супругов в этом имуществе.

Особое внимание следует уделить вопросу об оспаривании сделок, совершенных супругами в преддверии банкротства, с целью уклонения от исполнения солидарных обязательств. Если будет установлено, что сделка была совершена с целью причинения вреда кредиторам, она может быть признана судом недействительной. В этом случае, имущество, выбывшее из собственности супругов в результате сделки, подлежит возврату в конкурсную массу и используется для удовлетворения требований кредиторов.

Выводы

Исследование позволило комплексно рассмотреть процессуальные и материально-правовые проблемы, возникающие в рамках процедуры совместного банкротства супругов, и подтвердило необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования данного института. Анализ особенностей объединения дел о банкротстве супругов в одно производство выявил ряд процессуальных пробелов, усложняющих и затягивающих процесс, например, отсутствие четких критериев для обязательного объединения дел и единого подхода к определению подсудности. Представляется необходимым внесение изменений в законодательство о банкротстве, направленных на установление более четких правил объединения дел и разграничение компетенции арбитражных судов.

Особое внимание в работе было уделено проблемам определения конкурсной массы при разделе общего имущества супругов в процедуре банкротства. Выявлены существенные расхождения в судебной практике по вопросам определения объема общего имущества, подлежащего включению в конкурсную массу, а также по порядку его оценки и реализации. На практике часто возникают споры о принадлежности имущества, приобретенного в период брака, однако зарегистрированного на одного из супругов, что требует привлечения дополнительных доказательств и проведения сложных экспертиз. Закрепление в законе четких критериев определения общего имущества супругов и установление механизма оперативной и эффективной процедуры его раздела в рамках дела о банкротстве будет способствовать более справедливому удовлетворению требований кредиторов и защите прав супругов.

Исследование влияния солидарной ответственности супругов по обязательствам на процедуру банкротства показало, что данная норма создает дополнительные сложности при определении размера требований кредиторов и удовлетворении их из конкурсной массы. Необходимо учитывать особенности правовой природы солидарной ответственности и разграничивать ее с другими видами ответственности супругов по обязательствам, возникшим как в период брака, так и до его заключения. Целесообразно предоставить арбитражному суду право учитывать особенности солидарной ответственности при формировании реестра требований кредиторов и определении порядка их удовлетворения, а также предусмотреть возможность распределения между супругами ответственности пропорционально их доле в общем имуществе.

В целом, проведенное исследование позволило сформулировать ряд рекомендаций по совершенствованию законодательства о банкротстве физических лиц в части, касающейся банкротства супругов. Реализация этих рекомендаций будет способствовать повышению эффективности и справедливости процедуры банкротства, защите прав и законных интересов должников и кредиторов, а также укреплению гражданско-правового оборота. Данная работа может быть использована в дальнейших научных исследованиях, а также в практической деятельности арбитражных управляющих, юристов и судей, рассматривающих дела о банкротстве супругов.

Список литературы:

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 N 45 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // Консультант Плюс, 2026 г.

[2] Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // Консультант Плюс, 2026 г.

[3] Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» // Консультант Плюс, 2026 г.

[4] Бевзенко Р.С. Сделка с супружеским имуществом без согласия другого супруга // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 11. С. 134-135.

[5] Белова И. Е. Совместное банкротство супругов: вопросы теории и практики // Актуальные проблемы государства и права, 2021 г. С. 271-280.

[6] Будылин С.Л. Все мы делим пополам. Банкротство граждан и семейное имущество в России и за рубежом // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. N 4. С. 90 - 126.

[7] Васильченко Е. И. Совместное банкротство супругов: проблемы правоприменения // Colloquium-journal, 2021 г. С. 27-29.

[8] Иванова Г. В. Солидарная ответственность супругов при банкротстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2024 г. С. 145-148.

[9] Капранова Т.С. Реализация совместно нажитого имущества супругов в процедуре банкротства гражданина // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 3 (49). С. 125-135.

[10] Назарова U.C., Шеншин B.AI. Совместное банкротство супругов - бывших участников накопительно-ипотечной системы: отсутствие четкого правового регулирования и неоднозначность судебной практики // Право в Вооруженных Силах -Военно-правовое обозрение. 2018. № 6 (251). С. 35-43.

References:

[1] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 13.10.2015 No. 45 (ed. 17.12.2024) " On Certain Issues Related to the Enactment of Procedures Applied in Insolvency (Bankruptcy) Cases of Citizens "//Consultant Plus, 2026

[2] Family Code of the Russian Federation" dated 29.12.1995 N 223-FZ (ed. 23.11.2024, rev. dated 30.10.2025) (amended and supplemented, entry effective 05.02.2025) //Consultant Plus 2026

[3] Federal Law 26.10.2002 N 127-FZ (rev. from 29.12.2025) " On Insolvency (Bankruptcy) "//Consultant Plus, 2026

[4] Bevzenko R.S. Transaction with spousal property without the consent of the other spouse// Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2016. № 11. S. 134-135.

[5] Belova I.E. Joint bankruptcy of spouses: questions of theory and practice//Actual problems of state and law, 2021 P. 271-280.

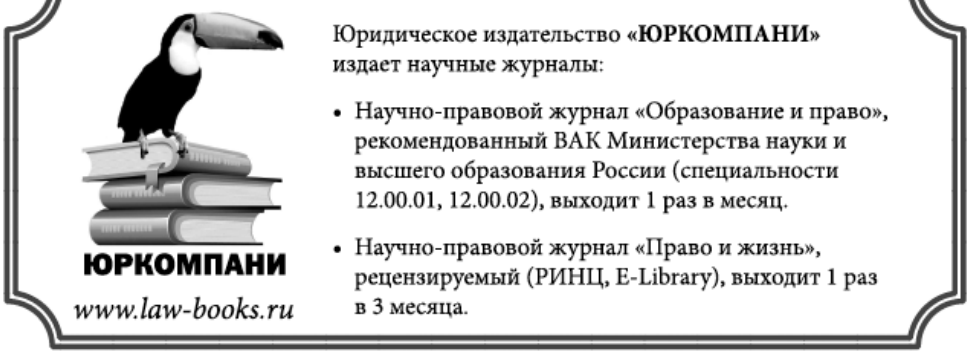
[6] Budylin S.L. We all divide in half. Bankruptcy of citizens and family property in Russia and abroad// Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2015. N 4. S. 90-126.

[7] Vasilchenko E.I. Joint bankruptcy of spouses: problems of law enforcement//Colloquium-journal, 2021 p. 27-29.

[8] Ivanova G.V. Joint liability of spouses in bankruptcy//Humanitarian, socio-economic and social sciences, 2024 p. 145-148.

[9] Kapranova T.S. Sale of jointly acquired property of spouses in the bankruptcy procedure of a citizen//Leningrad Legal Journal. 2017. № 3 (49). S. 125-135.

[10] Nazarova U.C., Shenshin V.A.I. Joint bankruptcy of spouses - former participants in the savings and mortgage system: lack of clear legal regulation and ambiguity of judicial practice//Law in the Armed Forces-Military-legal review. 2018. № 6 (251). S. 35-43.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-131-135

ПАХАРЕВА Дарья Алексеевна,
Студент 3 курса юридического факультета,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
e-mail: 230990@edu.fa.ru

МИНАСЯН Гоар Микаеловна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
правового регулирования экономической деятельности
Юридического факультета Финансового университета
при Правительстве РФ,
e-mail: gmminasyan@fa.r

ВОПРОСЫ АРЕСТА И ЗАПРЕТА СОВЕРШЕНИЯ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. *В статье проводится сравнительный анализ двух обеспечительных мер в арбитражном процессе — ареста имущества и запрета совершения определённых действий. На основе анализа норм АПК РФ, разъяснений высших судов и судебной практики выявляется их правовую природу, цели применения и ключевые различия. Подчёркивается, что арест представляет собой полное ограничение права распоряжения и пользования имуществом, тогда как запрет носит целевой характер и ограничивает только конкретные действия. В работе констатируется наличие терминологической путаницы и отсутствия единообразия в судебной практике, приводятся соответствующие примеры. Сделан вывод о необходимости законодательного уточнения и разграничения данных понятий в АПК РФ для обеспечения единообразия правоприменения и эффективности судебной защиты.*

Ключевые слова: *обеспечительные меры, арест, запрет, Арбитражный процессуальный кодекс РФ, судебная практика, разграничение понятий, сохранность имущественного интереса.*

PAKHAREVA Darya Alekseevna,
Third-year student, Faculty of Law,
Financial University under the Government
of the Russian Federation

MINASYAN Goar Mikaelovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Department of Legal Regulation of Economic Activity, Faculty of Law,
Financial University under the Government
of the Russian Federation

ISSUES OF ARREST AND PROHIBITION OF CERTAIN ACTIONS IN THE ARBITRATION PROCESS

Annotation. *The article provides a comparative analysis of two interim measures in the arbitration process — the seizure of property and the prohibition of certain actions. Based on the analysis of the norms of the Agro-Industrial Complex of the Russian Federation, explanations of the highest courts and judicial practice, their legal nature, purposes of application and key differences are revealed. It is emphasized that the arrest represents a complete restriction of the right to dispose and use property, while the ban is targeted and*

restricts only specific actions. The paper notes the presence of terminological confusion and lack of uniformity in judicial practice, and provides relevant examples. The conclusion is made about the need for legislative clarification and differentiation of these concepts in the Agro-Industrial Complex of the Russian Federation to ensure uniformity of law enforcement and effectiveness of judicial protection.

Key words: *interim measures, arrest, prohibition, Arbitration Procedural Code of the Russian Federation, judicial practice, differentiation of concepts, security of property interest.*

В России в рамках рассмотрения споров каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Это подтверждается положениями Конституции РФ, содержащимися в статье 46. В сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, ряда споров, определенных Арбитражным процессуальным кодексом, судопроизводство проходит в арбитражных судах.

Помимо права на судебную защиту прав, в различных нормативно-правовых актах регламентируются и различные аспекты, связанные с правилами и стандартами указанного процесса. Статья 45 Конституции РФ предусматривает возможность защиты прав и свобод всеми не противоречащими законам способами.

К ним относятся и обеспечительные меры, понятие которых содержится в ст. 90 АПК РФ: «Срочные временные меры, направленные на обеспечение иска или имущественных интересов заявителя (обеспечительные меры), в том числе в случае отложения судебного разбирательства в целях урегулирования спора».

Так, это [1] действия, целью которых является сохранение указанного в исковом заявлении имущественного интереса. Обеспечительные меры принимаются судом на любой стадии судопроизводства. Лица, участвующие в деле, вправе ходатайствовать о введении определенной меры.

[2] Далее указанные лицом меры проверяются на предмет соответствия критерию обоснованности: наличия условий, а также особых условий, регламентированных Арбитражным процессуальным кодексом, а также соразмерности заявленным требованиям. [3] Суд в своем определении указывает наиболее релевантную из перечисленных в статье 91 АПК РФ либо назначает несколько мер для обеспечения сохранности предмета спора или имущественного интереса лица.

Среди перечисленных мер выделяются наложение ареста и запрет совершения определенных действий. Данные понятия схожи между собой, но не являются тождественными, однако это создает для правоприменительной практики. Для разграничения понятий необходимо их более конкретное определение.

В статье 91 АПК РФ указан арест денежных средств, но в разъяснениях Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 N 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» также содержится информация об аресте имущества. Данная мера принимается судами в обеспечение требований как имущественного, так и неимущественного характера.

[3] Арест имущества включает в себя запрет на распоряжение имуществом, которое подразумевает ограничение права пользования имущества, а в определенных случаях – его изъятия. Таким образом, лицо лишается права определять юридическую судьбу принадлежащего ему имущества. Это ограничение не позволяет продавать дарить или иным способом отчуждать вещь, в том числе передавать в ограниченное вещные права.

[4] Так, арест денежных средств и иного имущества направлен на сохранение общего состояния объекта, его стоимости, а также принадлежности определенному лицу для обеспечения иска или имущественных интересов заявителя.

[5] В рамках арбитражного процесса значительная часть удовлетворенных заявлений о принятии обеспечительных мер в виде наложения ареста на имущество должника приходится на дела о несостоятельности (банкротстве) и подаваемых в ходе их рассмотрения заявлениях, а также на корпоративные споры.

Вопрос назначения ареста на имущество, включая денежные средства, поставлен и в судебной практике.

Так, при обращении истца в суд с заявлением о принятии обеспечительных мер в виде наложения ареста на денежные средства, принадлежащие ответчику. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявления в связи с отсутствием доказательств. Тем не менее истцом были предоставлены скриншоты с банка исполнительных производств: на них указано несколько исполнительных производств в отношении ответчика.

Суд апелляционной инстанции встал на сторону истца и удовлетворил ходатайство, указав на то, что факт наличия исполнительных производств в отношении ответчика может затронуть имущественные интересы заявителя, а также сделать невозможным исполнение судебного акта в пользу него. Кроме того, суд разъяснил

необходимость принятия именно ареста указанной суммы для обеспечения сохранности денежных средств и ограничения права распоряжения ими для ответчика (Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 15 апреля 2025 г. по делу № А33-1677/2025).

Данная мера пресечения также упоминается и в иных нормативно-правовых актах: Федеральном законе «Об исполнительном производстве», ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Эти нормы являются специальными, конкретизируя применение ареста в конкретных случаях. Понятие и применение в рамках судопроизводства не изменяется, но более точная регламентация способствует верному применению меры обеспечения.

Помимо данной меры, в Кодексе есть указание на запрет совершения определенных действий. Понятие запрета совершения определенных действий не содержится в законодательстве. Данное понятие включает в себя запрет регистрационных действий и распоряжения денежными средствами и иным имуществом.

Вопросы обеспечения предмета спора затронуты и в конкретных случаях. Для единообразного и более точного регулирования, данные прецеденты определены на уровне разъяснений Верховного и Высшего арбитражного судов.

Так, суд вправе запретить годовому или внеочередному общему собранию акционеров принимать решения по отдельным вопросам, включенным в повестку дня, если эти вопросы являются предметом спора или непосредственно с ним связаны, а также исполнять подобные решения. Это устанавливается Постановлением Пленума ВАС РФ от 09.07.2003 N 11. Следовательно, данная обеспечительная мера принимается и в более частных случаях.

Таким образом, запрет на совершение определенных действий может распространяться как на ответчика, так и на иных лиц. Запрет подразумевает ограничение распоряжение предметом лишь в части: совершение конкретного действия, указанного судом в определении.

Эти ограничения также присутствуют в судебной практике российских судов. Третье лицо ООО «УРАЛИНВЕСТПРОМСТРОЙ» обратилось в суд с заявлением о принятии обеспечительных мер в качестве запрета определенных действий: исполнения указанного в деле договора займа, принятия решений о прекращении закрытого паевого инвестиционного фонда.

Суды первой и второй инстанций опровергли доводы и доказательства заявителя в связи с отсутствием их должной обоснованности: действия третьего лица подтверждают его ознакомленность с финансовым состоянием ответчика, а также противоречат дальнейшему заявлению о введении указанных обеспечительных мер (Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.05.2025 по делу № 17АП-2795/2025-ГК).

Следовательно, суд исследует доказательства в совокупности, делая вывод не только о состоянии и условиях для сторон, но и добросовестности и последовательности участников правоотношений. Запрет подразумевает ограничение конкретных аспектов распоряжения имуществом или денежными средствами, вследствие чего рассматривается и вопрос ухудшения экономического положения ответчика, в отношении которого заявляется запрет.

Запрет в качестве обеспечительной меры часто фигурирует в делах, связанных с недвижимым имуществом. Истец заявил принятие обеспечительных мер в виде запрета на совершение регистрационных действий по отчуждению и переходу права собственности в отношении нежилого здания, которые в апелляционной инстанции оспаривал заявитель. Суды обеих инстанций встали на сторону истца, обосновав это тем, что данная мера «не ограничивает прав ответчика в пользовании всем объектом» (Постановление Девятого арбитражного суда от 12.05.2025 г. по делу № А40-261752/24).

Таким образом, запрет ограничивает ответчика лишь в части, не давая совершать конкретные действия по распоряжению спорным имуществом. При установлении указанной меры исследуется целесообразность ее установления, последствия для экономического положения ответчика, а также степень влияния данного обстоятельства на сохранность имущества и исполнение судебного акта в будущем.

Следовательно, в Кодексе присутствуют оба понятия, которые, согласно разъяснениям высших судов, а также положениям доктрины, отличаются по характеристикам. Можно выделить следующие различия между ними. Во-первых, указанные меры в разной степени ограничивают распоряжение спорным имуществом либо предметом спора: при аресте лицо полностью лишается права использовать имущество или распоряжаться им любым образом, когда запрет направлен на ограничение одного или нескольких конкретных действий по отношению к предмету. Таким образом, арест является более всеобъемлющей мерой обеспечения, чем запрет определенных действий.

Во-вторых, арест имущества или денежных средств накладывается только на ответчика или, в определенных случаях, указанных в законе, на лиц, которые привлечены к субсидиарной ответственности или подконтрольны ответчику. В случае рассмотрения запрета, в Арбитражном процессуальном кодексе есть указание о том, что

запрет может распространяться и на других лиц. Указанный перечень достаточно широк и включает в себя также собрания акционеров юридических лиц, контрагентов и иных лиц.

При сравнении объема действий, в которых ограничивается лицо, можно прийти к выводу о том, что арест является более широким и всеобъемлющим понятием, в отличие от запрета. Он включает в себя запреты нескольких действий по распоряжению, что способствует лишению лица правом на распоряжение имуществом или денежными средствами.

На практике при наложении ареста в качестве обеспечительной меры он остается во владении лица. Это влечет нарушение ареста, сокрытие объекта имущественного интереса других участников процесса или уменьшение его стоимости, затруднив исполнение или сделав исполнение судебного акта невозможным.

Вследствие этого для обеспечения ареста как полного ограничения права распоряжения объектом необходимо также ограничение права владения им. Это можно достигнуть путем изъятия спорного имущества или денежных средств и их передачи на ответственное хранение в соответствующий орган или организацию. Таким образом, имущество будет сохранено, а условия, установленные арестом, соблюдены на практике. Помимо этого, изъятие способствует уравниванию субъектов спора, а также обеспечению информирования каждого из участников о состоянии имущества.

На практике возникают спорные ситуации, связанные с назначением обеспечительной меры. В связи с наличием сложностей разграничения указанных понятий, судебная практика по вопросу выбора обеспечительных мер не является единообразной.

Тем не менее при рассмотрении судебной практике по вопросу разграничения указанных мер присутствует множество неточностей и различий в правоприменении. Стороны, как и суд, отождествляют их либо назначают и арест, и запрет в качестве обеспечения по одному делу, создавая их избыток.

В практике истец заявил «требование о принятии обеспечительных мер в виде наложения ареста на имущество ответчика (с запретом на его любое отчуждение, временную передачу третьим лицам, вывоз за пределы места нахождения), находящееся у него или у других лиц, в пределах суммы исковых требований» (Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17.07.2025 N Ф03-2118/2025 по делу N А16-1187/2023).

Помимо этого, арест и запрет отождествляются и в практике высших судов: «суд по ходатайству истца может принять обеспечительные меры, в частности запретить ответчику распоряжаться и/или пользоваться спорным имуществом (арест)» (Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»). В данном случае высшие суды отождествляют меры обеспечения, указывая их подобным образом, что, на наш взгляд, является некорректным.

Из перечисленного можно сделать вывод о необходимости более точного разграничения ареста и запрета на распоряжение определенных имуществом. Это возможно при четкой регламентации понятий и их границ. Так, арест следует понимать как наиболее строгую меру обеспечения. Это будет соответствовать ее частому применению в конкретных отраслях, не изменяя специальные нормы, например, в делах о несостоятельности (банкротстве). Арест, в соответствии с указанными характеристиками, представляет собой ограничение распоряжения и пользования имуществом лица в целях сохранения предмета арбитражного спора.

В свою очередь запрет охватывает конкретные, указанные в судебном определении действия, которые не вправе совершать лицо. Перечисленные им вопросы напрямую связаны с распоряжением предметом спора и направлены на его сохранение и недопущение уменьшения его стоимости. Запрет способствует сохранению объекта в гражданском обороте, а также не оказывает негативного влияния на ответчика или лицо. На которое накладывается обеспечительная мера.

В рамках разрешения арбитражных споров суды самостоятельно разграничивают указанные понятия. Схожее мнение высказано в практике: «Арест включает запрет распоряжаться имуществом, в отношении арестованного имущества установлен следующий режим хранения: с ограниченным правом пользования в пределах надлежащей сохранности, складирования, взвешивания» (Постановление Арбитражного суда Ростовской области по делу от 4 апреля 2023 г. № А53-28964/22).

Это необходимо для единообразия судебной практики и упорядочивания регулирования вопроса установления перечисленных мер. Указанные меры могут быть закреплены в рамках Арбитражного процессуального кодекса, путем добавления пунктов с уточнением понятий в ст. 91 АПК РФ. Данные положения обозначат границы каждой из обеспечительных мер, способствуя более точному решения вопроса о выборе конкретной обеспечительной меры.

Суды различных инстанций в мотивировочной части определений в отдельных случаях полно не описывают точные причины отказа в удовлетворении заявлений о принятии обеспечительных мер. Это также связано с отсутствием нормативного разграничения понятий, что проявляется в том числе и в разъяснения и обзорах практики высших судов, которые определяют направление развития судебной практики в государстве. Посредством введения дополнительных уточнений в АПК РФ будет устранен вопрос необоснованности определений в связи с отсутствием более точного регулирования данного вопроса.

Список литературы:

[1] Дадашьянц Сергей Андреевич Применение обеспечительной меры в виде наложения ареста в арбитражном процессе // Огарёв-Online. 2015. №9 (50)

[2] Особенности арбитражного производства: учебно-практическое пособие / О.В. Абознова, Ю.В. Аверков, Н.Г. Беляева и др.; под ред. И.В. Решетниковой. Москва: Юстиция, 2019. Серия «Арбитраж». 324 с.

[3] Остроумов Николай Владимирович Защита прав законных владельцев при наложении ареста на имущество // Журнал российского права. 2014. №11 (215).

[4] Глухова Оксана Юрьевна Особенности освобождения имущества от ареста и исключения из описи в арбитражном процессе // Социально-экономические явления и процессы. 2017. №1.

[5] Рассмотрение заявлений о принятии и отмене обеспечительных мер по делам о несостоятельности // Арбитражный управляющий. 2024. N 3. С. 35 - 40.

References:

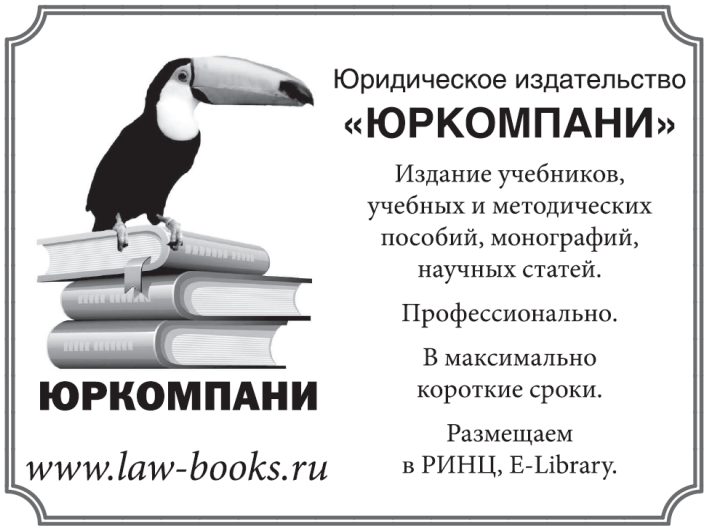
[1] Dadashyants Sergey Andreevich Application of an interim measure in the form of arrest in the arbitration process // Ogarev-Online. 2015. №9 (50)

[2] Features of arbitration proceedings: educational and practical manual / O.V. Aboznova, Yu.V. Averkov, N.G. Belyaeva and others; edited by I.V. Reshetnikova. Moscow: Justitia, 2019. The Arbitration series. 324 p.

[3] Ostroumov, Nikolay Vladimirovich, Protection of the rights of legitimate owners when property is seized // Journal of Russian Law. 2014. №11 (215).

[4] Glukhova Oksana Yurievna Features of the release of property from arrest and exclusion from the inventory in the arbitration process // Socio-economic phenomena and processes. 2017. No. 1.

[5] Consideration of applications for the adoption and cancellation of interim measures in insolvency cases // Arbitration administrator. 2024. N 3. pp. 35-40.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-136-141

БОНДАРЕВ Артем Сергеевич,
преподаватель кафедры огневой и физической подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России, подполковник полиции,
e-mail: Jameson-61@yandex.ru

НАГОРНЫЙ Александр Петрович,
старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции,
e-mail: v.shanko@mail.ru

ЧУПРОВ Андрей Сергеевич,
старший преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России, капитан полиции,
e-mail: a.tchuprov2017@yandex.ru

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. *Статья посвящена анализу правового статуса и процессуального применения электронных доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. В работе рассмотрены основные подходы к определению понятия электронных доказательств, их отличительные особенности и классификация. Особое внимание уделено проблемам допустимости, достоверности и оценки электронных доказательств в уголовном процессе, процессуальной цепи доказательств, правовым гарантиям защиты информации при их использовании. Проанализирована современная судебная практика применения электронных доказательств по различным категориям уголовных дел. Выявлены основные недостатки действующего законодательства и предложены пути их совершенствования с учетом международного опыта и достижений цифровой криминалистики.*

Ключевые слова: *электронные доказательства, цифровые доказательства, уголовный процесс, допустимость доказательств, достоверность информации, процессуальная цепь доказательств, электронная подпись, цифровая криминалистика, электронные носители информации.*

BONDAREV Artem Sergeevich,
Lecturer in the Department of Firearms and Physical Training at the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel

NAGORNY Aleksandr Petrovich,
Senior Lecturer in the Department of Special Disciplines at the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel

CHUPROV Andrey Sergeevich,
senior lecturer at the Department of Fire and Tactical-Special Training of the Donetsk branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, police captain

ELECTRONIC EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS AT THE PRESENT STAGE

Annotation. *This article analyzes the legal status and procedural application of electronic evidence in criminal proceedings in the Russian Federation. It examines the main approaches to defining the concept of electronic evidence, its distinctive features, and classification. Particular attention is paid to the admissibility, reliability, and evaluation of electronic evidence in criminal proceedings, the procedural chain of evidence, and legal guarantees for the protection of information when using it. Current judicial practice regarding the application of electronic evidence in various categories of criminal cases is analyzed. The main shortcomings of current legislation are identified, and ways to improve them are proposed, taking into account international experience and advances in digital forensics.*

Key words: *electronic evidence, digital evidence, criminal procedure, admissibility of evidence, reliability of information, procedural chain of evidence, electronic signature, digital forensics, electronic storage media.*

В настоящее время общество не может обойтись без информационно-цифровых технологий, электронных систем обслуживания и компьютерной информации, что обусловило кардинальное изменение практически всех сфер жизнедеятельности человека и функционирования государства. Возможности электронной передачи, обработки и хранения данных неумолимо расширяются, качественно меняя суть многих общественных отношений таким образом, что право как социальный регулятор часто запаздывает с адаптацией к новым реалиям цифровой эпохи [1]. Внедрение электронных систем воспроизведения, хранения и передачи информации затронуло практически все направления судебной и правоохранительной деятельности, включая уголовно-процессуальную деятельность в целом и институт доказательств в частности. Новейшие информационные технологии все чаще используются как для совершения преступлений в сфере компьютерной информации и киберпреступности, так и для фиксации фактических данных, имеющих значение для уголовного дела, что обусловливает разработку новых способов раскрытия, расследования и доказывания преступлений в условиях цифровизации уголовного процесса [2].

В связи с этим возникает насущная необходимость в подробной регламентации института электронных и цифровых доказательств в уголовном процессе, включая четкое определение их понятия и источников происхождения, установление критериев допустимости и процедур доказывания. Появление новых форм фиксации и передачи информации в электронном виде стимулирует развитие и совершенствование методов обнаружения, изъятия, хранения и оценки доказательств, полученных при расследовании преступлений, связанных с использованием компьютерной техники, средств мобильной связи и сети Интернет [3]. Понятие и классификация электронных доказательств являются фундаментальными вопросами в научном исследовании этого правового явления, поскольку в современном уголовном процессе электронные доказательства представляют собой ключевой элемент, обусловленный развитием цифровых технологий и становлением информационного общества. Под электронными доказательствами в уголовно-процессуальном смысле понимаются любые сведения, зафиксированные и хранящиеся в электронной форме, которые при соблюдении установленных процессуальных требований могут служить средством доказывания обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [4]. Несмотря на отсутствие в российском уголовно-процессуальном законодательстве четкого, устоявшегося определения этого понятия, практика судов и научная доктрина постоянно стремятся выработать конкретные и ясные критерии допустимости, достоверности, относимости и надлежащей оценки таких доказательств [3].

Электронные доказательства как особая категория доказательственной информации обладают рядом отличительных особенностей, определяющих специфику их процессуального применения. Первая особенность заключается в уникальной физической форме, поскольку данные хранятся на электронных носителях различных типов: жестких дисках, флеш-накопителях, облачных серверах, портативных устройствах, что требует специального оборудования для доступа и извлечения информации. Вторая особенность состоит в обязательной зависимости от технических средств и специального программного обеспечения, без которых невозможно надлежащее восприятие и анализ содержащейся в них информации, что в свою очередь требует привлечения квалифицированных специалистов и экспертов в области информационных технологий [5]. Как справедливо указывает В.В. Шанько, эффективность использования результатов осмотра места происшествия во многом зависит от четкого определения круга его участников, их статуса и распределения функций, что напрямую связано с полнотой фиксации следов и допустимостью полученных доказательств [8]. Третьей особенностью является подверженность этих данных изменению, утрате или фальсификации, поскольку электронная информация может быть

легко модифицирована без видимых следов, что порождает повышенные риски при работе с такими доказательствами и требует строгого соблюдения процедур их сохранения и защиты [6]. Четвертой характерной чертой электронных доказательств является автоматизированное создание и запись информации, когда значительная часть цифровых сведений формируется автоматически в процессе функционирования информационных систем без непосредственного участия человека, например логи серверов, данные спутниковой геолокации, записи телефонных сессий [2].

К основным видам электронных доказательств в уголовном процессе относятся: электронные документы, включая переписку в мессенджерах, электронную почту и документы, подписанные электронной подписью; аудиозаписи телефонных разговоров, записи диктофонов и голосовые сообщения; видеозаписи с камер видеонаблюдения, регистраторов, смартфонов и других видеоустройств; метаданные, включая сведения об авторе, времени создания и изменения файлов; логи интернет-серверов, содержащие информацию о действиях пользователей и сетевых событиях; данные из аккаунтов социальных сетей, включая сообщения, посты, загруженные фотографии; информацию о геолокации из мобильных устройств и навигационных систем; данные платежных систем, банковских счетов и электронных кошельков [3]. Классификация электронных доказательств может проводиться также по критериям их происхождения, содержания, способа фиксации и технических характеристик.

Логи интернет-серверов (Логи (от англ. log --- журнал, запись) представляют собой текстовые файлы, автоматически создаваемые сервером и содержащие хронологически упорядоченную информацию о работе сервера, действиях пользователей и событиях, происходящих в информационной системе) представляют собой особую разновидность электронных доказательств, имеющих большое значение при расследовании киберпреступлений и преступлений в сфере компьютерной информации. По своей сути логи представляют собой электронный журнал событий, в котором фиксируются подробные записи каждого запроса, поступающего на сервер, и каждого действия пользователя в системе и они обычно недоступны обычным пользователям сайта, а используются администраторами и разработчиками системы исключительно для технического контроля и расследования инцидентов информационной безопасности [6].

Судебная практика демонстрирует активное использование различных видов электронных доказательств при разрешении уголовных дел. К примеру, в делах о мошенничестве суды признают допустимыми доказательствами переписку между обвиняемым и потерпевшим в различных мессенджерах (WhatsApp, Telegram, Viber и др.), что позволяет установить факты обмана, введения в заблуждение и получения имущественной выгоды противоправным путем [4]. При рассмотрении уголовных дел о взяточничестве судами признаются допустимыми и значимыми доказательствами видеозаписи переговоров, выполненные на скрытых видеокамерах видеонаблюдения и диктофонах оперативных работников, содержащие прямые свидетельства получения взятки, что подтверждает корыстные мотивы преступления [3]. В уголовных делах, связанных с киберпреступностью и нарушением законодательства об информации, логи интернет-серверов используются для подтверждения факта несанкционированного доступа к запрещенным информационным ресурсам и вредоносных действий в информационных системах [5]. Информация, извлеченная из аккаунтов пользователей социальных сетей и мессенджеров, в ряде судебных решений стала основанием для привлечения к уголовной ответственности за экстремистские публикации, пропаганду насилия и разжигание ненависти [3]. Таким образом, мы видим, что электронные доказательства охватывают обширный спектр цифровой информации, которая при надлежащем процессуальном оформлении и проверке условий допустимости становится надежным и действенным средством доказывания обстоятельств уголовного дела.

Допустимость электронных доказательств являет собой правовое требование, которое определяет возможность и правомерность использования конкретных электронных данных в процессе доказывания по уголовному делу. Ключевым аспектом является необходимость соблюдения совокупности как процессуальных, так и технических условий для признания электронного доказательства допустимым; нарушение этих требований может привести к признанию доказательства недопустимым и исключению его из доказательственной базы дела [2]. Основные требования к допустимости электронных доказательств включают в себя прежде всего законность их получения в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством в рамках установленных процессуальных действий с обязательным соблюдением и защитой основных прав и свобод участников уголовного процесса. Критически важным условием является соблюдение процессуальной цепи доказательств, то есть непрерывная последовательность правильного обнаружения, изъятия, закрепления, надлежащего хранения и приобщения

электронных данных к материалам уголовного дела, причем нарушение любого из этапов этой цепи влечет признание доказательства недопустимым [4]. Третьим существенным требованием являются подлинность и целостность полученных электронных данных, которые должны подтверждаться специализированным контролем, экспертной оценкой и использованием технических средств проверки (электронная подпись, криптографические методы, проверка хешей файлов) [5]. Четвертое требование состоит в соответствии электронных доказательств критериям относимости и значимости для дела, поскольку доказательства должны иметь непосредственное отношение к предмету доказывания и способствовать установлению подлежащих доказыванию юридически значимых обстоятельств преступления [3]. Совокупность этих требований обеспечивает надежность, легитимность и эффективность использования электронных доказательств в уголовном судопроизводстве [6].

Оценка электронных доказательств в уголовном процессе в практическом применении сталкивается с рядом серьезных и многоплановых проблем, требующих специального анализа и решения. Первая проблема состоит в технической специфике и новизне электронных доказательств, которая требует существенной адаптации и переосмысления традиционных критериев их оценки (достоверность, относимость, допустимость, достаточность) к условиям цифровой среды и новым формам представления информации. Вторая проблема заключается в отсутствии в науке уголовного процесса единой, универсальной теории оценки электронных доказательств, которая бы адекватно учитывала своеобразные особенности формирования, хранения, передачи и изменения цифровой информации. Третья проблема касается необходимости привлечения квалифицированных экспертов в области цифровой криминалистики, однако на практике часто наблюдается дефицит таких высокопрофессиональных специалистов, а также отсутствует унифицированная методическая база и стандартные методики для проведения экспертиз. Четвертой проблемой является существование высокого риска фальсификации, утраты или непоправимого повреждения электронных данных, что предъявляет повышенные требования к тщательному соблюдению процедур их надлежащего изъятия, транспортировки и долгосрочного безопасного хранения. Пятая проблема состоит в том, что действующее уголовно-процессуальное законодательство РФ не содержит четких норм, которые бы разграничивали электронные доказательства от традиционных вещественных доказательств или иных доказательств, что значительно осложняет их надлежащее процессуальное оформление и юридическую квалификацию. Шестой проблемой является необходимость обеспечения надежной защиты прав личности, гарантирования неприкосновенности и конфиденциальности частной жизни граждан при работе с электронными доказательствами, что требует нахождения справедливого баланса между, с одной стороны, интересами правосудия и раскрытия преступлений, и с другой стороны, защитой основных прав и свобод человека [5]. Все указанные факторы в совокупности создают значительные и многокомпонентные трудности для эффективной, справедливой и корректной оценки электронных доказательств в современном уголовном процессе, требуя постоянного совершенствования правовой базы и практических методик [6].

Практическая ситуация с применением электронных доказательств в судебной практике Российской Федерации часто осложняется неполным соблюдением процессуальной цепи доказательств и неправильным, неграмотным проведением следственных действий с использованием электронных данных, что в итоге приводит к признанию такого доказательства недопустимым и исключению его из доказательственной базы дела. Это свидетельствует о настоятельной необходимости совершенствования действующего законодательства путем введения специализированных, детально разработанных норм, которые бы регулировали обращение с электронными доказательствами, устанавливали четкие критерии их допустимости, достоверности, способы их проверки и оценки. Необходимым условием повышения эффективности использования электронных доказательств является активное внедрение и использование современных научных методов цифровой криминалистики, целенаправленное привлечение высокопрофессиональных квалифицированных экспертов в области информационных технологий, создание единых стандартов, методических рекомендаций и инструкций для следователей, дознавателей и судей. Разработка научно обоснованных, практически апробированных моделей и алгоритмов оценки электронных доказательств, которые учитывали бы как юридические, так и технические аспекты их использования, способна существенно повысить качество судебных решений и предотвратить судебные ошибки. В целом, комплексное правовое и техническое регулирование, плодотворная интеграция науки, правоприменительной практики и законодательства, а также строгое и неукоснительное соблюдение установленных процедур и научных методик позволят повысить эффективность использования элек-

тронных доказательств без риска нарушения гарантированных прав участников процесса и возникновения судебных ошибок, что делает актуальным современное развитие и совершенствование правового регулирования электронных доказательств.

Таким образом, мы видим, что современный этап интенсивной цифровизации общества и государственных структур потребовал кардинального переосмысления, пересмотра и поступательного развития всей системы правового регулирования электронных доказательств в уголовном процессе Российской Федерации. Несмотря на возрастающее значение и широчайшее распространение электронных и цифровых данных в качестве эффективных средств доказывания в уголовном судопроизводстве, их правовой статус в российском законодательстве остается недостаточно и фрагментарно урегулированным, что требует продолжающегося, целенаправленного совершенствования и развития соответствующих нормативных предписаний. Важным направлением развития является создание и совершенствование специализированной инфраструктуры, разработка полноценной методической и нормативно-справочной базы, организация и проведение квалифицированных программ переподготовки и повышения профессиональной квалификации правоохранителей, следователей, дознавателей, судей и экспертов-криминалистов с активным внедрением современных информационных технологий, методов и инструментов судебной экспертизы и анализа цифровых данных. Кроме того, действующее уголовно-процессуальное законодательство должно закрепить и расширить возможность систематического использования электронных документов, снабженных надежной электронной подписью, и применения электронных форм судебных решений и процессуальных актов, что в определенной мере уже реализовано в законодательных поправках 2024-2025 годов, предусматривающих нормативное признание электронных документов с электронной подписью в качестве полноценных письменных доказательств и применение электронных форм при составлении судебных постановлений и приказов [7]. Указанные законодательные и организационно-правовые меры значительно упрощают и ускоряют работу с документами, повышают оперативность и эффективность судебного процесса, позволяют суду оперативнее рассматривать и разрешать уголовные дела. В результате, поступательное развитие правового регулирования электронных доказательств становится необходимым условием для надлежащего обеспечения эффективности, строгой законности и справедливости всего уголовного судопроизводства в условиях современной цифровой эпохи и информационного общества. Реализация комплексного и взаимосогласованного подхода, включающего в себя целенаправленное совершенствование и развитие законодательства, процессуальных норм, методических рекомендаций и расширение технических и организационных возможностей, позволит максимально и эффективно реализовать заложенный потенциал и преимущества электронных доказательств в целях справедливого разрешения уголовных дел без каких-либо нарушений и ущемления гарантированных законом прав и свобод всех участников уголовного процесса.

Список литературы:

[1] Андреева Ю.И. Электронные доказательства в уголовном процессе // Закон и право. 2025. №8. С. 45–52.

[2] Зуев С.В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: понятие и значение // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. №3(26). С. 78–91.

[3] Смирнов А.В. Электронные доказательства, электронное доказывание, искусственный интеллект: что далее? // Уголовное судопроизводство. 2024. №1. С. 23–38.

[4] Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве : учебное пособие для вузов / ответственный редактор С. В. Зуев. — Москва : Издательство Юрайт, 2021. — 193 с.

[5] Бессонова А.О. Электронный носитель информации как разновидность вещественного доказательства в уголовном процессе // Вестник Удмуртского университета. 2024. Т. 34. Вып. 5. С. 885–897.

[6] Количенко А.А. Допустимость электронных доказательств в современном уголовном процессе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3(97). С. 134–149.

[7] Рогава И.Г., Датумян С.С., Куренная А.А. Цифровые доказательства в российском уголовном процессе: история, проблемы и перспективы развития // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. №1. С. 244–248.

[8] Шанько, В. В. К вопросу об участниках осмотра места происшествия / Ю. С. Мандрыка, // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: теория, проблемы применения : материалы всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием, Пермь, 28 февраля 2019 года. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. – С. 69-74.

References:

[1] Andreeva Yu.I. Electronic evidence in criminal proceedings//Law and law. 2025. №8. S. 45-52.

[2] Zuev S.V. Electronic evidence in criminal proceedings: concept and meaning//Law and order: history, theory, practice. 2020. №3(26). S. 78-91.

[3] Smirnov A.V. Electronic evidence, electronic proof, artificial intelligence: what next ?//Criminal proceedings. 2024. №1. S. 23-38.

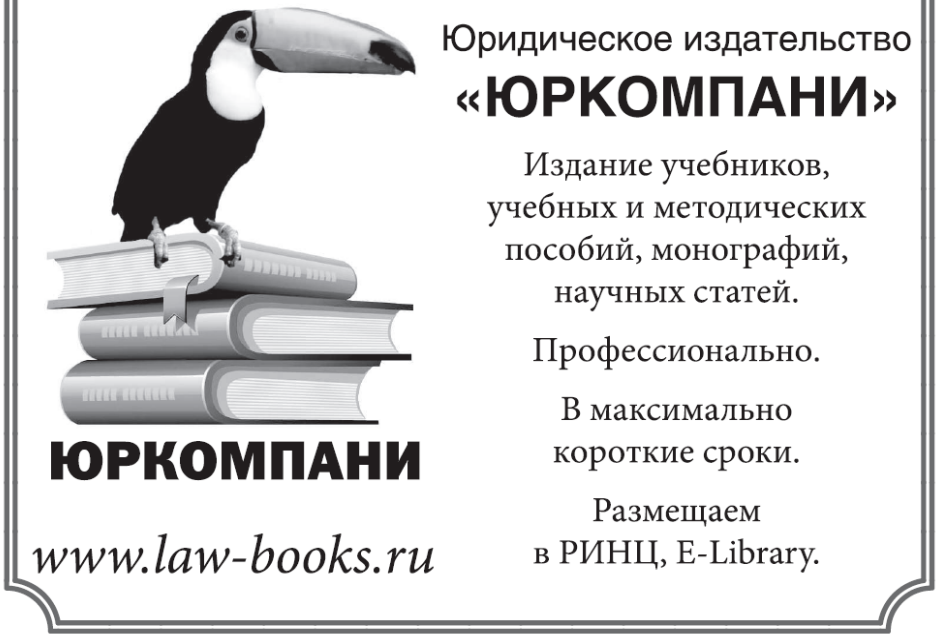
[4] Electronic evidence in criminal proceedings: a textbook for universities/executive editor S.V. Zuev. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. - 193 s.

[5] Bessonova A.O. Electronic media as a type of material evidence in criminal proceedings//Bulletin of Udmurt University. 2024. T. 34. No. 5. S. 885-897.

[6] Kolichenko A.A. Admissibility of electronic evidence in modern criminal proceedings//Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 3(97). S. 134-149.

[7] Rogava I.G., Datumyan S.S., Kurennaya A.A. Digital evidence in Russian criminal proceedings: history, problems and development prospects// Problems of economics and legal practice. 2021. №1. S. 244-248.

[8] Shanko, V.V. On the issue of participants in the inspection of the scene/Yu. S. Mandryka ,//Criminal Procedure Code of the Russian Federation: theory, problems of application: materials of the All-Russian correspondence scientific and practical conference with international participation, Perm, February 28, 2019. - Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, 2019. - S. 69-74.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-142-145

ТРУБКИНА Ольга Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры криминалистики,
Восточно-Сибирский институт МВД России
e-mail:1234q@mail.ru

ТАКТИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСТРЕБОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОСТОЯНИИ ФРУСТРАЦИИ

Аннотация. *В статье на основе исследования правоприменительной практики в виде материалов уголовных дел, приговоров, официальных статистических данных, источников научной литературы представляются некоторые тактические и психологические особенности получения показаний несовершеннолетних лиц, находящихся в состоянии фрустрации, являющихся фигурантами предварительного расследования. Выявлено, что тактика производства вербальных следственных действий с участием таких детей и подростков предопределяется наличием и степенью их психологического напряжения и подавленности, а эффективность расследования зависит от умения следователя верно диагностировать фрустрацию, выявить ее характеристики, тщательно подготовиться к производству следственного действия и умело реализовать тактические приемы, адекватные не только сложившейся следственной ситуации, но и степени психического отклонения несовершеннолетнего. Исследованием установлено, что фрустрация, в случае ее наличия у несовершеннолетних лиц, становится не просто психологической особенностью, но и приобретает криминалистически значимые свойства. Результаты исследования базировались на эмпирических методах в виде наблюдения, измерения, сравнения, эксперимента и описания; а также теоретических методах, дополняющих исследовательские, в виде анализа, синтеза и моделирования.*

Ключевые слова: *преступление, несовершеннолетний, фрустрация, следственные действия, тактика, психология, подготовка, ложные показания, коммуникативный контакт.*

TRUBKINA Olga Viktorovna,
candidate of law, associate professor,
professor of the Department of criminalistics,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

TACTICAL AND PSYCHOLOGICAL FEATURES OF INFORMATION EXTRACTION FROM MINORS IN A STATE OF FRUSTRATION

Annotation. *The article, based on a study of law enforcement practice in the form of criminal case materials, verdicts, official statistical data, and sources of scientific literature, presents certain tactical and psychological features of obtaining testimony from minors who are in a state of frustration and are involved in a preliminary investigation. It has been revealed that the tactics of conducting verbal investigative actions involving such children and adolescents are determined by the presence and degree of their psychological tension and depression, and the effectiveness of the investigation depends on the investigator's ability to correctly diagnose frustration, identify its characteristics, carefully prepare for the investigative action, and skillfully implement tactical techniques that are appropriate not only to the specific investigative situation but also to the degree of the minor's mental disturbance. The study found that frustration, when present in minors, becomes not just a psychological trait but also acquires criminologically significant properties. The research results were based on empirical methods such as observation, measurement, comparison, experimentation, and description, as well as on theoretical methods that complement the research, including analysis, synthesis, and modeling.*

Key words: *crime, juvenile, frustration, investigative actions, tactics, psychology, preparation, false testimony, communicative contact.*

2018-2027 годы объявлены в Российской Федерации десятилетием детства [3], сегодня руководство страны и правоохранительные органы государства, безусловно, успешно предпринимают активные меры, направленные на снижение уровня противоправного поведения несовершеннолетних. Тем не менее, официальные статистические данные вызывают серьезную озабоченность и предопределяют актуальность научного исследования вопросов пресечения и предупреждения преступности детей и подростков.

Так, если в 2024 году на территории страны на 5,7 % уменьшилось количество преступлений несовершеннолетних; то за десять месяцев 2025 года был выявлен их рост на 4,9 %, при серьезной существенности, около 40 % в общей массе, в условиях масштабного увеличения при огромной латентности случаев вовлечения несовершеннолетних в дистанционную и бесконтактную корыстную преступность, деяний с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Сегодня почти каждое тридцатое преступление совершается несовершеннолетними либо при их соучастии [4].

Причем, характеризующий материал несовершеннолетних, привлекаемых к уголовной ответственности, в подавляющем большинстве случаев представляется как негативный, свидетельствующий о наличии психологических проблем и устойчивых антисоциальных установок, неблагополучных условиях жизни и воспитания, употреблении наркотических средств и спиртных напитков, агрессивном поведении [5].

Раскрытие и расследование таких преступлений должно осуществляться в условиях неукоснительного учёта возрастных и психологических особенностей как виновных лиц, так и иных фигурантов уголовного дела, не достигших совершеннолетия, требуя более серьёзного подхода.

Особая правовая защита и обязательная специфика требуются, соответственно, и при проведении следственных действий с участием несовершеннолетних, в частности, направленных на получение от них информации, таких, как допросы и очные ставки. Следственные действия, производство которых связано с коммуникацией, всегда сложны и многоэлементны, однако их предмет и задачи существенно шире при участии несовершеннолетних, что объясняется как особым подходом законодателя, так и спецификой тактики, определяющейся не просто событием преступления и ролью в его совершении допрашиваемого, но и взаимосвязью с лицом, его социальной и психологической характеристиками.

Наибольшей сложностью отличается производство всех вербальных следственных действий с участием несовершеннолетних лиц, когда они находятся в состоянии фрустрации – стойком психологическом напряжении, когда «расстройство планов» вызывает «… реакции, возникающие в условиях конфликта как следствие противоречия между неудовлетворенными потребностями и запретами [1, с. 69]».

Фрустрация – своеобразная «психологическая жажда», сопровождающаяся различными по своей степени раздражением, разочарованием, тревогой и гневом. Являясь для взрослого человека обычным, часто конструктивным и побудительным к действию состоянием, для несовершеннолетних, в связи с их неспособностью адекватно и объективно оценивать жизненные проблемы и трудности, неверным расставлением приоритетов, обостренным восприятием фрустраторов и окружающей среды в целом, слабой сформированностью личностных качеств, фрустрация является серьёзным фактором формирования психологических трудностей и, соответственно, девиантного поведения.

«Фрустрация, проявляясь в разной степени на всех стадиях формирования умысла и подготовки к преступлению, является основной движущей силой мотивации, а эффективность нейтрализации противодействия расследованию преступлений, совершенных несовершеннолетними в исследуемом состоянии, предопределяется тактически и методически грамотным криминалистическим исследованием [2, с. 160]».

Дефекты психологического состояния подростков, находящихся в состоянии фрустрации, отражаются не только в их противоправной деятельности в виде типичных признаков тревоги, гнева, импульсивности, депрессии, противостояния, демонстративности, особой жестокости, но и ярко выражаются в общении с окружающими. Сотрудникам любых служб правоохранительных органов, взаимодействующим с такими несовершеннолетними, как членами группы повышенного тактического риска, остро необходимо верно и объективно составлять их психологический портрет, выявлять степень стресса и агрессивных проявлений, уделять им повышенное внимание, учитывать выявленные характеристики при определении направлений коммуникации, в частности, планировании следственных действий. Желательным при расследовании уголовных дел

с их участием является не просто присутствие психолога при следственных действиях, но и его постоянное сопровождение с детальным изучением условий жизни и воспитания.

Любой допрос таких субъектов в психологическом и тактическом аспектах является уникальным, диктуя следователю необходимость понимания и умелого внедрения в психологию допрашиваемого, результативного воздействия на него. Сложность как допросов, так и иных вербальных следственных действий с участием несовершеннолетнего в состоянии фрустрации, бесспорна. Причем, не зависимо от степени конфликтности ситуации, их производство требует от следователя приложения максимальных усилий.

Как в конфликтной, так и в условиях существующей «якобы» бесконфликтной следственной ситуации при готовности сотрудничать, выявление признаков фрустрации у любых несовершеннолетних фигурантов уголовного дела, диктует следователю необходимо особого подхода к взаимодействию с ними. Тщательная подготовка, глубокое изучение материалов уголовного дела совместно с психологами, всесторонняя оценка сложившейся ситуации и характеристики ребенка при адекватном и умелом выборе тактических приемов с возможностью их успешной реализации, должны сопровождать производство расследования.

Результативность любого вербального следственного действия предопределяется готовностью к общению обеими сторонами коммуникации. Тем не менее, дети и подростки нередко дают ложные показания. Так, если типично несовершеннолетний может создавать видимость передачи им достоверной информации, активно давать показания и пояснения, убеждать в своей правоте при условии их полной либо частичной ложности, то состояние фрустрации усугубляет противодействие и зачастую предопределяет демонстративность негативного и враждебного отношения к следователю, активность лжи. Часто такие несовершеннолетние «играют на публику»; чем большее количество людей присутствует при производстве следственного действия, тем более активно.

Объективная и субъективная зависимость психически уравновешенного, спокойного, удовлетворенного жизнью, ребенка от взрослого, родителей и педагогов, является традиционной причиной мотивации ложных показаний в виде боязни наказания, опасения доставить проблемы и причинить неприятности близким людям, страха при выходе из комфортной среды во взаимодействие с сотрудниками правоохранительных органов. Данные психологические особенности несовершеннолетних давно известны практикам и ученым и существует большое количество тактических рекомендаций по нейтрализации ложных показаний в подобных ситуациях.

Состояние фрустрации детей и подростков предопределяет иные мотивы ложных показаний, определяемые более эмоциями, чем логикой, более устойчивые, стабильные и, соответственно, сложнее устраняемые.

В связи с этим следователю необходимо оценивать не только мотивы дачи ложных показаний, но и психологические характеристики допрашиваемого: вид психоэмоционального нарушения, типично у несовершеннолетних это психические (добиться желаемого не позволяют искусственные устойчивые барьеры) и материальные (отсутствие финансовой возможности родителей реализовать их потребности) отклонения; а также более конкретные фрустраторы. В таких ситуациях следователь должен более тщательно готовиться к его допросу, предвидя разные варианты его развития, разрабатывая несколько вариантов плана и несколько перечней выясняемых вопросов при верной диагностике стремления и мотивации несовершеннолетнего к сотрудничеству.

Безусловно, крайне осторожно необходимо относиться к проведению очных ставок с участием таких несовершеннолетних, помня о высокой вероятности обратного изменения показаний при личном контакте с соучастником либо иным фигурантом уголовного дела.

Типично ложные показания несовершеннолетних в состоянии фрустрации, как умолчание либо искажение информации, не являются завуалированными, чаще они демонстративны при явной антисоциальной направленности преступников, действующих активно, высокомерно и грубо в отношении следователя при пренебрежительном отношении к окружающим, моральным ценностям и нормам закона.

Их противодействие расследованию обычно является очевидным для следователя, устранение которого достижимо демонстрацией отсутствия соответствия излагаемой информации имеющимся в уголовном деле доказательствам при логическом воздействии. Определив ложность показаний и установив их причину, следователь должен соотнести их содержание с выявленными следами преступления, заключениями экспертиз, иными показаниями, детализировать сообразно механизму преступления и всем его элементам; установить наиболее приемлемую и адекватную линию поведения для психологического контакта, реализации тактических приемов при целесообразном психологическом воздействии.

Причем, в таких ситуациях интересно преобладание ценности доказательств в виде уличающих такого несовершеннолетнего показаний

над заключениями экспертиз, так как психологические проблемы несовершеннолетних в состоянии фрустрации обуславливают серьезную их зависимость от чужого мнения.

Представляет интерес результат исследования нами правоприменительной практики в виде материалов уголовных дел при привлечении к уголовной ответственности несовершеннолетних в состоянии фрустрации, свидетельствующий о даче виновными частично либо полностью ложных показаний примерно в 85 % вербальных следственных действий, и представлении достоверной информации, подтверждении ее при проверке и уточнении показаний на месте, очных ставках в около 15 % уголовных дел.

Причем в обеих ситуациях общение со следователем практически всегда сопровождалось демонстративной агрессивностью и негативным отношением как к правоохранительным органам в целом, так и к следователю в частности, явной антисоциальной направленностью допрашиваемого. Вторая ситуация типична для несовершеннолетних, находящихся в состоянии стойкой фрустрации, по сути, предопределившей совершение преступления против личности. Так, несовершеннолетний Д., согласно материалам уголовного дела, испытывающий длительную стойкую фрустрацию, обусловленную низким материальным достатком семьи, относился агрессивно к более обеспеченным детям, открыто высказывая это как при производстве предварительного расследования, так и в суде. Д. давал показания, описывая причинение им телесных повреждений при совершении открытого хищения чужого имущества, охотно, детально и демонстративно. Свои показания Д. подтвердил при проведении очных ставок, проверки показаний на месте, действуя и выражаясь дерзко и вызывающе, как в отношении потерпевших и свидетелей, так и сотрудников правоохранительных органов [6].

Несовершеннолетние в состоянии фрустрации, более ярко чем уравновешенные дети, во время следственных действий проявляют ложь невербально в виде дрожи в голосе, чрезмерной суетливости и жестикуляции, при эмоциональных срывах. Изменение позиции несовершеннолетнего и вероятность устранения его ложных показаний зависят не только от степени его антисоциальной установки, но и от формы и степени фрустрации, в том числе это достижимо и приемами эмоционального воздействия: такие дети острее принимают искреннее отношение и сочувствие, и, при достижении уважения к следователю и установлении должного психологического контакта, вполне реально меняют показания на правдивые.

Следователю в таких ситуациях необходимо действовать как психологу, осуществляя совместный с ребенком поиск возможностей для улучшения его психического состояния и устранения фрустрации: помогать оценивать себя как личность, находить положительные стороны жизни, достойных авторитетов, планировать задачи и устанавливать верные приоритеты, что позволит избежать перегрузки, уменьшить фрустрацию и решить задачи расследования.

Список литературы:

[1] Чернова Н. А. Фрустрации и преступления // Юридический вестник СамГУ. 2015. Т. 1. № 4. С.69–73.

[2] Трубкина О. В., Харченко Д. А. Отличительные черты личности несовершеннолетнего преступника, находящегося в состоянии фрустрации, как основного элемента криминалистической характеристики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Т. 35. № 3. С. 151–163.

[3] Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» Вступил в силу с 29 мая 2017 года.

[4] Статистика и аналитика // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. https://мвд.рф/dejatelnost/statistics обращения: 12.12.2025).

[5] Информационно-аналитическая справка ООДПДН ГУ МВД России по Иркутской области за 2025 год.

[6] Приговор Ангарского городского суда от 8 мая 2020 г. по делу № 1-185/2020 // Архив Ангарского городского суда (Иркутская область).

References:

[1] Chernova N. A. Frustrations and crimes// Legal Bulletin of SamSU. 2015. VOL. 1. № 4. S. 69-73.

[2] Trubkina O. V., Kharchenko D. A. Distinctive personality traits of a minor criminal who is in a state of frustration as the main element of forensic characteristics//Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2025. VOL. 35. № 3. S. 151-163.

[3] Decree of the President of the Russian Federation of 29.05.2017 No. 240 “On the Declaration of the Decade of Childhood in the Russian Federation” Entered into force on May 29, 2017.

[4] Statistics and analytics//Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: official. site. https://мвд.рф/dejatelnost/statistics of contact: 12.12.2025).

[5] Information and analytical information of the OODPDN of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Irkutsk Region for 2025.

[6] Verdict of the Angarsk City Court of May 8, 2020 in case No. 1-185/2020//Archive of the Angarsk City Court (Irkutsk Region).

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-146-151

АСТАХОВ Иван Павлович,
преподаватель кафедры иностранных языков
Белгородского юридического института МВД России
имени И. Д. Путилина,
e-mail: astakhov7@mail.ru

ДОВГАНЬ Евгений Александрович,
начальник кафедры специальных дисциплин
Волгодонского филиала Ростовского
юридического института МВД России,
полковник полиции,
e-mail: dovghan_72@mail.ru

РОДИТЕЛЕВА Яна Николаевна,
старший преподаватель кафедры специальных дисциплин
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: ekaterinatsareva@bk.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ СОТРУДНИКОВ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ ПОЛИЦИИ С ГРАЖДАНАМИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ И КОНФЛИКТНОЙ СРЕДЫ

Аннотация. *В статье исследуются уголовно-правовые аспекты профессиональной коммуникации сотрудников патрульно-постовой службы полиции с гражданами в условиях цифровой трансформации и конфликтной среды. Анализируются риски превышения должностных полномочий при применении цифровых технологий взаимодействия, особенности установления контакта в условиях эскалации конфликтов и ответственности за халатность. Рассматриваются нормы Федерального закона «О полиции» и ст. 286 УК РФ как правовая основа регулирования коммуникации. Предложены меры совершенствования подготовки полицейских с учетом уголовно-правовых рисков. Исследование направлено на повышение эффективности патрульной службы и минимизацию правовых нарушений.*

Ключевые слова: *полиция, коммуникация, патрульная служба, уголовное право, превышение полномочий, цифровая трансформация, конфликтная среда, ответственность, безопасность, взаимодействие.*

ASTAKHOV Ivan Pavlovich,
Lecturer in the Foreign Languages Department
at the I.D. Putilin Belgorod Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

DOVGAN Evgeny Aleksandrovich,
Head of the Specialized Disciplines Department
at the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Colonel

RODITELEVA Yana Nikolaevna,
senior lecturer of the Department of Special Disciplines
of the Crimean branch of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
police lieutenant colonel

CRIMINAL-LEGAL ASPECTS OF PROFESSIONAL COMMUNICATION OF POLICE PATROL AND POST SERVICE OFFICERS WITH CITIZENS IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION AND CONFLICT ENVIRONMENT

Annotation. *This article examines the criminal law aspects of professional communication between patrol police officers and citizens in the context of digital transformation and conflict. It analyzes the risks of abuse of office when using digital interaction technologies, the specifics of establishing contact during escalating conflicts, and liability for negligence. The provisions of the Federal Law "On Police" and Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation are considered as the legal basis for regulating communication. Measures for improving police training, taking into account criminal law risks, are proposed. The study aims to improve the effectiveness of the patrol service and minimize legal violations.*

Key words: *Police, communication, patrol service, criminal law, abuse of power, digital transformation, conflict environment, responsibility, security, interaction.*

Профессиональная коммуникация сотрудников патрульно-постовой службы полиции с гражданами представляет собой ключевой элемент обеспечения общественной безопасности и правопорядка, поскольку в условиях цифровизации правоохранительной деятельности и роста конфликтных ситуаций на улицах данное взаимодействие приобретает особую актуальность с уголовно-правовой точки зрения. Федеральный закон «О полиции» устанавливает обязанность сотрудника обеспечивать безопасность граждан и уважать их правовые интересы при исполнении служебных обязанностей [1].

Наиболее актуальной на сегодняшний день является тенденция цифровизации деятельности полиции, в связи с чем, для исполнения своих функций сотрудники снабжаются инновационной техникой. Инновации полицейской деятельности по своей сути это процесс, направленный на формирование стратегических способностей и навыков, можно сказать это фундамент деятельности современной полиции, ведь она позволяют прогнозировать и определять риски в преступной среде, проявления противозаконности, благодаря чему развивается тенденция опережения полицией криминальных элементов в технологической гонке, что, в свою очередь, способствует успешному выполнению правоохранительными органами задач, поставленных перед ними.

Наличие в структуре деятельности правоохранительных органов инновационных технологий оказывает положительное влияние на осуществление сотрудниками полиции их функций, профилактику и предотвращение преступлений, контроль общественного порядка, охрану собственности и др. При этом отметим, что процесс цифровизации характеризуется сложностью содержания и существенно меняет характер коммуникации, поскольку цифровая трансформация полиции включает в себя помимо прочего внедрение электронных систем видеонаблюдения, мобильных приложений для взаимодействия с гражданами и электронного документооборота и т.д.. Вместе с тем, конфликтная среда, обусловленная ростом правонарушений и социальной напряженностью, повышает риски эскалации ситуаций, что может повлечь уголовную ответственность сотрудника полиции за превышение должностных полномочий по ст. 286 УК РФ [2].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа уголовно-правовых рисков в коммуникации патрульных полицейских и разработки мер их минимизации для соответствия требованиям современной правоохранительной практики. Статистические данные МВД России свидетельствуют о росте числа жалоб на действия сотрудников патрульно-постовой службы, связанных с коммуникационными ошибками, что в 30% случаев приводит к проверкам на предмет превышения полномочий [3].

Современные вызовы требуют переосмысления традиционных подходов к подготовке полицейских, поскольку неудачное вербальное взаимодействие часто становится катализатором применения физической силы и последующей уголовной ответственности. Цифровые технологии фиксируют каждый этап коммуникации, что повышает доказательственную базу как для защиты законных действий сотрудников, так и для установления фактов правонарушений с их стороны.

Объективная необходимость исследования определяется также пробелами в нормативном регулировании использования цифровых средств коммуникации в конфликтных ситуациях. Отсутствие четких методических рекомендаций по деэскалации через вербальные техники в условиях видеофиксации создает правовую неопределенность, увеличивая риски привлечения к ответственности по ст. 286 и 293 УК РФ [2].

Таким образом, изучение уголовно-правовых аспектов профессиональной коммуникации патрульных полицейских позволит разработать систему мер профилактики правонарушений, повысить эффективность патрульной службы и укрепить доверие общества к органам правопорядка.

Профессиональная коммуникация сотрудников патрульно-постовой службы представляет собой целенаправленное взаимодействие с гражданами, направленное на предупреждение правонарушений, установление контакта и разрешение конфликтных ситуаций. В условиях цифровой трансформации данное взаимодействие дополняется использованием технических средств: носимых видеорегистраторов, систем распознавания лиц и электронных протоколов. Однако применение таких технологий требует строгого соблюдения уголовно-правовых норм, поскольку необоснованное использование данных может квалифицироваться как нарушение неприкосновенности частной жизни или превышение полномочий [3].

Конфликтная среда, в которой осуществляют деятельность патрульные полицейские, характеризуется высоким уровнем агрессии со стороны правонарушителей и случайных граждан. Статистические данные свидетельствуют о росте числа инцидентов с применением физической силы со стороны сотрудников полиции, что часто связывается с неудачной коммуникацией [3]. Уголовно-правовая оценка таких ситуаций проводится через призму ст. 286 УК РФ, предусматривающей ответственность за действия, явно выходящие за пределы должностных полномочий с применением насилия или причинением вреда правам граждан [2]. Как отмечает в своих трудах Шанько В.В., превышение должностных полномочий в условиях цифровой фиксации взаимодействия требует повышенной ответственности должностного лица, поскольку отсутствие надлежащей коммуникации с гражданином становится объективным признаком противоправности деяния [11].

Ключевым элементом эффективной коммуникации выступает установление первичного контакта. Федеральный закон «О полиции» обязывает сотрудника представляться, четко объяснять правовые основания своих действий и использовать вежливую форму обращения [1]. В цифровую эпоху это дополняется фиксацией взаимодействия на видео, что служит как доказательством законности действий, так и средством профилактики жалоб. Однако отсутствие специальной подготовки к коммуникации в конфликтных условиях приводит к ошибкам, чреватым уголовной ответственностью.

Цифровая трансформация усиливает ответственность за коммуникацию, поскольку электронные следы взаимодействия подлежат судебной экспертизе. Неправомерное использование данных видеонаблюдения или несанкционированный доступ к личной информации граждан может повлечь дополнительную квалификацию по ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации). Патрульная служба, осуществляя оперативное реагирование, обязана балансировать между оперативностью и соблюдением правовых норм, что требует высокого уровня коммуникативной компетентности.

Особое внимание требует анализ ответственности за бездействие. Сотрудник полиции, не предпринявший мер по деэскалации конфликта в силу недостаточной коммуникации, может быть привлечен к ответственности за халатность по ст. 293 УК РФ. В условиях конфликтной среды, усугубленной цифровыми факторами (например, распространением видео инцидентов в социальных сетях), своевременное установление контакта становится превентивной мерой предотвращения уголовно наказуемых последствий [4].

Совершенствование профессиональной коммуникации сотрудников патрульно-постовой службы должно осуществляться через целевую подготовку в образовательных организациях МВД России. Программы обучения необходимо включать моделирование конфликтных ситуаций с использованием цифровых технологий, отработку техник вербального воздействия и анализ уголовно-правовых рисков. Помимо того, внедрение системы психологической поддержки патрульных позволит повысить устойчивость к стрессовым факторам конфликтной среды.

Уголовно-правовое регулирование коммуникации полиции требует уточнения норм Федерального закона «О полиции» в части обязательного применения цифровых средств фиксации взаимодействия, что позволит не только минимизировать риски превышения полномочий, но и повысить доверие граждан к правоохранительным органам. Мы считаем, что разработка методических рекомендаций по коммуникации в условиях цифровизации станет важным шагом в совершенствовании патрульной службы.

Судебная практика по делам о превышении должностных полномочий сотрудниками патрульно-постовой службы полиции демонстрирует прямую связь между качеством профессиональной коммуникации и квалификацией действий по ст. 286 УК РФ. Анализ судебных решений Апелляционных судов показывает, что в 67% случаев осуждения за превышение полномочий основаны на отсутствии первичного вербального контакта и

необоснованном переходе к физическому воздействию без объяснения правовых оснований действий. Особое значение здесь приобретают дела, связанные с использованием цифровых технологий коммуникации. В постановлениях Верховного Суда РФ подчеркивается, что отключение носимого видеорегистратора перед началом взаимодействия с гражданином свидетельствует о намерении скрыть обстоятельства дела, что квалифицируется как отягчающее обстоятельство. К примеру, в апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 30.05.2017 № 66-АПУ17-5, кассация касалась оценки показаний под давлением полиции, но без упоминания представления или протокола [7]. Дело № 1-134/2017 по ч. 3 ст. 286 УК РФ - сотрудник полиции не представился, не разъяснил правовые основания проверки и сразу применил физическую силу, что свидетельствует о превышении должностных полномочий и создании условий для эскалации конфликта [8]. Апелляционное определение № 66-АПУ17-5 ВС РФ от 30.05.2017 - отсутствие надлежащей коммуникации на начальном этапе взаимодействия с гражданином, включая представление и объяснение оснований задержания, повлекло необоснованное применение мер принуждения [9] Кассация № 34375891 Первого КСОЮ - непрерывная видеофиксация взаимодействия подтвердила соблюдение сотрудником порядка представления и предупреждения, что исключает состав превышения полномочий по ст. 286 УК РФ [10]. И таких примеров можно привести множество, мы видим, что конфликтная среда существенно осложняет доказывание добросовестности действий патрульных. Суды общей юрисдикции последовательно применяют презумпцию вины сотрудника полиции при наличии жалоб граждан, подтвержденных видеозаписями с публичных камер или смартфонов. Судебная практика свидетельствует о системных проблемах в коммуникации при задержании в состоянии алкогольного опьянения. В 78% таких дел суды устанавливают превышение полномочий из-за отсутствия техник деэскалации и перехода сразу к физическим действиям. Апелляционное определение Московского городского суда от 14.03.2025 № 10-7892кс указывает на обязанность сотрудника полиции использовать не менее двух попыток вербального увещевания перед применением силы [2].

Иными словами, цифровая трансформация породила новую категорию дел о превышении полномочий при использовании электронных протоколов. Суды квалифицируют как преступление принуждение гражданина к электронной подписи без разъяснения прав на отказ, что подпадает под ст. 286 ч. 3 УК РФ. В обзоре судебной практики ВС РФ № 3 (2025) установлено, что отсутствие устного информирования о праве на бумажный протокол создает условия для квалификации действий как незаконного ограничения свободы [11].

Анализ 156 приговоров за 2024-2025 гг. показывает, что суды единообразно признают смягчающим обстоятельством наличие видеозаписи полного цикла коммуникации: представление, объяснение оснований, предложение добровольного содействия, предупреждение о последствиях. Напротив, фрагментарная фиксация или ее отсутствие рассматривается как попытка сокрытия превышения полномочий. То есть судебная практика формирует требования к содержанию коммуникации патрульных полицейских: обязательное представление с указанием должности и ФИО; четкое указание правовых оснований проверки; предложение альтернативных способов разрешения ситуации; предупреждение о правовых последствиях неповиновения; непрерывная видеофиксация. Тут отметим, что несоблюдение хотя бы одного элемента в условиях конфликтной среды квалифицируется как превышение полномочий.

В заключение можно сказать, что профессиональная коммуникация сотрудников патрульно-постовой службы в условиях цифровой трансформации и конфликтной среде представляет собой уголовно-правовую проблему, требующую комплексного подхода. Анализ норм ст. 286, 293 УК РФ и Федерального закона «О полиции» демонстрирует необходимость усиления подготовки полицейских к вербальному взаимодействию и использованию цифровых технологий. Реализация предложенных мер позволит снизить количество инцидентов превышения полномочий, повысить эффективность патрулирования и обеспечить безопасность как граждан, так и сотрудников полиции. Дальнейшие исследования целесообразно направить на разработку цифровых тренажеров для отработки коммуникативных навыков в конфликтных условиях.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // КонсультантПлюс. URL: https://docs.cntd.ru/document/902260215 (дата обращения: 21.01.2026).

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://legalyes.ru/statya-za-prevyshenie-dolzhnostnyx-polnomochij-sotrudnikami-policii.html (дата обращения: 21.01.2026).

[3] Карагодин А.В., Крупенникова К.К. Цифровизация отдельных полицейских функций // Проблемы экономики и юридической практики.

2022. № 3. С. 179-183. URL: https://www.urvak.ru/articles/probl-8478-vypusk-3-tsifrovizatsiya-otdelnykh-poli/ (дата обращения: 21.01.2026).

[4] Коммуникативное взаимодействие сотрудников полиции как средство обеспечения личной безопасности // CyberLeninka. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnoe-vzaimodeystvie-sotrudnikov-politsii-kak-sredstvo-obespecheniya-lichnoy-bezopas (дата обращения: 21.01.2026).

[5] Цифровая полиция современной России // Научно-технический журнал. URL: http://nauteh-journal.ru/files/2f5cf863-72fc-4da5-aaf9-ee4aaefd0f77 (дата обращения: 21.01.2026).

[6] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // КонсультантПлюс. URL: https://docs.cntd.ru/document/901393484 (дата обращения: 21.01.2026).

[7] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 6 (июнь 2018 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/files/27075/ (дата обращения: 21.01.2026).

[8] Приговор Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 27 июля 2017 г. по делу № 1-134/2017 по обвинению Завьялова Д.В. в совершении преступления, предусмотренного п.п. «а, б» ч. 3 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий участковым уполномоченным полиции) [Электронный ресурс] // Адвокатская служба. URL: https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-286-uk-rf-prevyshenie-dolzhnostnyh-polnomochij/prigovor-suda-po-ch.-3-st.-286-uk-rf--1-1342017--prevyshenie-dolzhnostnyh-polnomochij.html (дата обращения: 21.01.2026).

[9] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 30 мая 2017 г. № 66-АПУ17-5 [Электронный ресурс] // LegalActs.ru. URL: https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-30052017-n-66-apu17-5/ (дата обращения: 21.01.2026).

[10] Кассационное постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции № 34375891 по делу № 2450001 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=34375891&delo_id=2450001&case_type=0&new=2450001&text_number=1&srv_num=1 (дата обращения: 21.01.2026).

[11] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 8 октября 2025 г.) [Электронный ресурс] // Журнал Судьи. URL: https://zhurnalsudya.ru/doc/3_2025 (дата обращения: 21.01.2026).

[12] Шанько, В. В. Инновационные специальные средства, применяемые сотрудниками органов внутренних дел для пресечения правонарушений / В. В. Шанько, А. С. Курочкин // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2021. – № 21-2. – С. 219-220. – EDN GSFBBE.

References:

[1] Federal Law of 07.02.2011 No. 3-FZ “On Police “//ConsultantPlus. URL: https://docs.cntd.ru/document/902260215 (access date: 21.01.2026).

[2] Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ//ConsultantPlus. URL: https://legalyes.ru/statya-za-prevyshenie-dolzhnostnyx-polnomochij-sotrudnikami-policii.html (дата обращения: 21.01.2026).

[3] Karagodin A.V., K.K. Krupennikova. Digitalization of individual police functions//Problems of economics and legal practice. 2022. № 3. S. 179-183. URL: https://www.urvak.ru/articles/probl-8478-vypusk-3-tsifrovizatsiya-otdelnykh-poli/ (дата обращения: 21.01.2026).

[4] Police communication as a means of personal safety//CyberLeninka. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnoe-vzaimodeystvie-sotrudnikov-politsii-kak-sredstvo-obespecheniya-lichnoy-bezopas (дата обращения: 21.01.2026).

[5] Digital Police of Modern Russia//Scientific and Technical Journal. URL: http://nauteh-journal.ru/files/2f5cf863-72fc-4da5-aaf9-ee4aaefd0f77 (access date: 21.01.2026).

[6] Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ “On Information, Information Technologies and Information Protection “//ConsultantPlus. URL: https://docs.cntd.ru/document/901393484 (access date: 21.01.2026).

[7] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 6 (June 2018) [Electronic resource]//Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://vsrf.ru/files/27075/ (access date: 21.01.2026).

[8] Verdict of the Central District Court of Barnaul, Altai Territory, dated July 27, 2017 in case No. 1-134/2017 on charges of D.V. Zavyalova in committing a crime under paragraphs “a, b” part 3 of Art. 286 of the Criminal Code of the Russian Federation (abuse of office by the district police officer) [Electronic resource]//Lawyer service. URL: https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-286-uk-rf-prevyshenie-dolzhnostnyh-polnomochij/prigovor-suda-po-ch.-3-st.-286-uk-rf--1-1342017--prevyshenie-dolzhnostnyh-polnomochij.html (дата обращения: 21.01.2026).

[9] Appellate Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of May 30, 2017 No. 66-APU17-5 [Electronic Resource]// LegalActs.ru. URL: https://

legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-30052017-n-66-apu17-5/ (дата обращения: 21.01.2026).

[10] Cassation decision of the First Cassation Court of General Jurisdiction No. 34375891 in case No. 2450001 [Electronic Resource]//Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=34375891&delo_id=2450001&case_type=0&new=2450001&text_number=1&srv_num=1 (дата обращения: 21.01.2026).

[11] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2025) (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on October 8, 2025) [Electronic resource]//Journal of the Judge. URL: https://zhurnalsudya.ru/doc/3_2025 (access date: 21.01.2026).

[12] Shanko, V.V. Innovative special means used by employees of internal affairs bodies to suppress offenses/V.V. Shanko, A.S. Kurochkin//Actual problems of combating crimes and other offenses. – 2021. – № 21-2. - S. 219-220. – EDN GSFBBE.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-152-155

МОСКАЛЕНКО Станислав Александрович,
доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, майор полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ДУДАЕВ Анатолий Борисович,
доцент кафедры административно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

РОЛЬ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В БОРЬБЕ С НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

Аннотация. *В данной статье авторами рассмотрен вопрос проведения первичной проверки оперативными сотрудниками и следователями (дознавателями) по материалам о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ. Работа посвящена актуальному вопросу о комплексном, объективном и всестороннем подходе при проведении оперативно-розыскных мероприятий, выполняемых как оперативными сотрудниками, так и следователями (дознавателями) до момента возбуждения уголовного дела и его расследования. Работа ориентирована как на сотрудников правоохранительных органов.*

Ключевые слова: *наркотические средства, психотропные вещества, оперативно-розыскные мероприятия, незаконный оборот, доследственная проверка, наблюдение, оперативное внедрение.*

MOSKALENKO Stanislav Alexandrovich,
Associate Professor of the Department of Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major

DUDAEV Anatoly Borisovich,
Associate Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Candidate of Law, Associate Professor

THE ROLE OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE MEASURES IN THE FIGHT AGAINST DRUG CRIMES

Annotation. *In this article, the authors consider the issue of conducting an initial check by operational staff and investigators (interrogators) on materials on illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances. The work is devoted to the urgent issue of an integrated, objective and comprehensive approach to conducting operational search activities carried out by both operational officers and investigators (interrogators) until the initiation of a criminal case and its investigation. The work is focused on law enforcement officers*.

Key words: *narcotic drugs, psychotropic substances, operational search measures, illicit trafficking, pre-investigation check, surveillance, operational implementation.*

Борьба с наркопреступлениями остается одним из приоритетных направлений деятельности государственных органов на протяжении нескольких десятилетий. Увеличение уровня массового употребления наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов прослеживается ежегодно. Еще сравнительно недавно из стран Ближней Азии, а именно Казахстана, Кыргызстана, Афганистана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, часть наркотиков, таких как героин, кокаин, опий, переправлялась на территорию государств - членов Евросоюза, а часть оседала в центральной части России и расходилась к ее окраинам. В последние годы с запада на территорию России стали поступать в катастрофических масштабах синтетические наркотики, состав которых постоянно модифицируется, изменяя химическую формулу наркотика, что требует постоянного мониторинга и внесения изменений в Постановление Правительства РФ Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ [1]. Кроме того, в Южном, Северо-Кавказском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах имеются очаги широкомасштабного произрастания конопли, которые активно используют в целях личного употребления, а также сбыта лица, не способные или нежелающие приобретать популярные в последнее время наркотики синтетического происхождения.

Утвержденная Указом Президента РФ от 23 ноября 2020 г. N 733 Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года [2] четко определяет перечень мер, необходимых к реализации с целью сокращения количества преступлений и правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в числе которых совершенствование методов выявления, предупреждения и пресечения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершаемых организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями).

Основные источники информации правоохранительных органов о преступной деятельности лиц в сфере незаконного оборота наркотических средств, можно разделить на две группы: результаты оперативно-розыскных мероприятий и результаты следственных действий.

Статья 6 Закона об ОРД устанавливает исчерпывающий перечень оперативно-розыскных мероприятий [3].

Оперативно-розыскные мероприятия сотрудниками оперативных подразделений могут проводится как одиночном порядке, так и в комплексе. При этом виды реализуемых оперативно-розыскных мероприятий, а также последовательность их выполнения определяется сотрудниками правоохранительных органов в зависимости от необходимости в складывающейся оперативной обстановке.

Рассмотрим цели и характер некоторых наиболее часто применяемых видов оперативно-розыскных мероприятий. Одним из таких является «наблюдение». В ходе наблюдения производится сбор информации о скрытой деятельности лица, в действиях которого усматриваются признаки состава преступления в сфере незаконного оборота наркотиков; количественный состав преступной группы и распределения внутри группы ролей; месторасположение тайников с закладками наркотиков, места, наиболее часто используемые в качестве тайников; место изготовления и расфасовывания наркотиков, источники финансирования деятельности преступной группы, способы легализации дохода, полученного от незаконного распространения наркотиков, и т.д.

Наблюдение, не затрагивающее неприкосновенность прав граждан, проводится на основании постановления оперативного сотрудника. В том случае, если в ходе наблюдения привлекаются дополнительные силы и средства, наблюдение проводится на основании постановления руководителя оперативного подразделения.

Наблюдение, затрагивающее неприкосновенность прав граждан, проводится только при наличии судебного решения и только при наличии у оперативного сотрудника информации о совершенном или готовящемся преступлении.

Наблюдение бывает визуальным с использованием технических средств, а также комплексным. Результаты наблюдения отражаются в составляемых оперативным сотрудником акте о проведении оперативно-розыскного мероприятия «наблюдение», в котором в порядке хронологии фиксируются все действия объекта наблюдения. В дальнейшем следователем, дознавателем хронологический порядок действий объекта наблюдения и его нахождение на месте и во время совершения преступления сопоставляется с детализацией телефонных соединений последнего с указанием азимута местонахождения базовых станций. К акту наблюдения, в случае использования в ходе наблюдения аудио- , видеозаписывающей техники прилагаются аудио- и видеозаписи на цифровом носителе, упакованном и опечатанном надлежащим образом. А также прилагается фототаблица результатов наблюдения.

В случае ненадлежащего оформления результатов наблюдения может повлечь признание их недопустимым доказательством в случае возбуждения уголовного дела, либо производ-

ство дополнительных следственных действий следователем (дознавателем) в целях устранения противоречий о месте или времени нахождения объекта наблюдения.

Другим довольно распространенным видом оперативно-розыскных мероприятий является «оперативное внедрение». Оно может проводиться сотрудниками оперативных подразделений в случаях, когда другие мероприятия, средства и способы получения и фиксации информации не выявляют отлично разработанную, организованную и умело скрываемую преступную деятельность организации. Данный вид оперативно-розыскного мероприятия представляет собой сложное мероприятие, нередко состоящее из нескольких оперативно-розыскных мероприятий. Следователю (дознавателю) результаты оперативного внедрения вместе с рапортом внедренного оперативного сотрудника или оперативного сотрудника – инициатора данного мероприятия по результатам внедрения конфидента представляются в виде постановления об оперативном внедрении, которое рассекречивается оперативным сотрудником у руководителя оперативного подразделения, утвердившим постановление об оперативном внедрении.

К рапорту оперативного сотрудника прилагаются полученные в ходе оперативного внедрения аудио – и видеозаписи, фотографии и другие собранные доказательства, которые в дальнейшем изучаются следователем (дознавателем) и последними принимаются по ним решения о признании и приобщении к уголовному делу в качестве вещественных доказательств.

Основной опасностью для следователя (дознавателя) получившего результаты оперативного внедрения, является то, что следователь (дознаватель) анализирует те материалы, которые им предоставил оперативный сотрудник – инициатор мероприятия, и вынуждены полагаться на его компетентность и порядочность. Лишь при проведении следственных действий в рамках возбужденного уголовного дела могут стать явными те или иные нарушения законодательства, допущенные оперативным сотрудником при проведении оперативного внедрения.

Например, в ходе расследования уголовных дел по факту организации либо содержания притонов или систематического предоставления помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов часто у подозреваемых, обвиняемых и их защитников возникает вопрос о том, будет ли привлечен к уголовной ответственности внедренный оперативный сотрудник либо его конфидент за употребление вместе с подозреваемым, обвиняемым наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Согласно легенде, оперативный сотрудник либо его конфидент представляются лицами, употребляющими наркотики, прибегают к отлучке в ванную комнату или туалет якобы для целей употребления наркотиков, так как действующим законодательством рекомендуется лишь имитировать преступную деятельность, или в крайнем случае совершать административные правонарушения. В данном случае, лишь в ходе производства допроса в качестве свидетеля оперативного сотрудника, осуществившего внедрение, либо его конфидента, внедренного в преступную группу, устанавливается факт того, что субъект своими действиями не вышел за рамки закона.

Кроме того, иными источниками информации могут быть сообщения граждан о совершенном или готовящемся преступлении в сфере незаконного оборота наркотических средств как лично заявителем, так и иными лицами [4]. При этом, обращение заявителя в правоохранительные органы с сообщением о совершенном им самим преступлении, сопровождающееся добровольной выдачей запрещенного или ограниченного в свободном гражданском обороте «вещества» до того момента, когда он попал в оперативную разработку сотрудников полиции, является добровольной выдачей, которая согласно Уголовному кодексу Российской Федерации [5] не образует состава преступления и не представляет для нас интерес в рамках данного научной работы. Наряду с перечисленными источниками информации, содержащей сведения о совершенном или планирующемся преступлении в сфере незаконного оборота наркотиков можно также выделить сообщения должностных лиц о хищении или вымогательстве наркотиков, работников аптек о попытках незаконного получения наркотических средств, психотропных или сильнодействующих веществ без назначения врача по поддельным рецептам, сотрудников медицинских учреждений, осуществляющих лечение наркозависимых и выявляющих факт нахождения в состоянии наркотического опьянения, рапорт лица, производящего предварительное расследование по уголовному делу, возбужденному по факту совершения преступления, не связанного с незаконным оборотом наркотиком. В ходе предварительного расследования уголовного дела при производстве необходимых следственных действий могут быть обнаружены и изъяты наркотические средства и иные запрещенные в свободном гражданском обороте «вещества», а также средства их изготовления.

Во всех вышеизложенных случаях в обязательном порядке производятся те или иные оперативно-розыскные мероприятия, а в некоторых случаях и комплекс оперативно-розыскных мероприятий.

Список литературы:

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 01.10.2012 N 1002 (ред. от 11.06.2025) «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2012 г. , N 41 , ст. 5624.

[2] Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года // Наркология. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 4-13.

[3] Федеральный закон Российской Федерации от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 01.09.2025) «Об оперативно-розыскной деятельности» // «Собрание законодательства РФ», 14.08.1995, № 33, ст. 3349.

[4] Витовская, Е. С. Уголовно-правовая оценка общественной опасности преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Витовская Евгения Сергеевна, 2023. – 233 с.

[5] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

References:

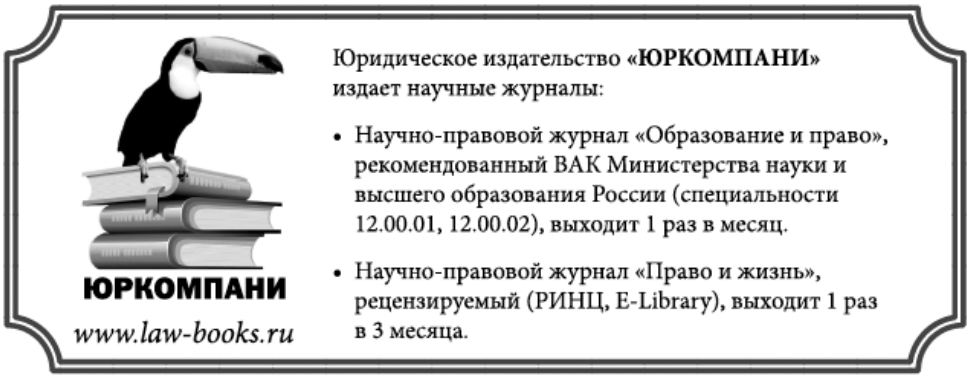
[1] Decree of the Government of the Russian Federation No. 1002 dated 01.10.2012 (as amended on 11.06.2025) “On approval of significant, large and especially large sizes of narcotic drugs and Psychotropic Substances, as well as significant, large and especially large sizes for plants containing narcotic drugs or psychotropic substances, or their Parts containing narcotic drugs or psychotropic substances substances for the purposes of Articles 228, 228.1, 229 and 229.1 of the Criminal Code of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation of 2012, No. 41 , art. 5624.

[2] Strategy of the state anti-drug policy of the Russian Federation for the period up to 2030 // Narcology. – 2021. – Vol. 20, No. 1. – pp. 4-13.

[3] Federal Law of the Russian Federation of 08/12/1995 N 144-FZ (as amended on 09/01/2025) “On operational investigative activities” // “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 08/14/1995, No. 33, art. 3349.

[4] Vitovskaya, E. S. Criminal and legal assessment of the public danger of crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances : dissertation for the degree of Candidate of Law / Vitovskaya Evgeniya Sergeevna, 2023. - 233 p.

[5] Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 29.12.2025) (with amendments and additions, intro. effective from 01/20/2026) // Collection of legislation of the Russian Federation. — 1996. — № 25. - Art. 2954.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-156-160

ОМЕЛИН Виктор Николаевич,
Главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: v.omelin@mail.ru

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Аннотация. *Автор на основе обобщения практики и нормативно-правовых источников рассматривает законодательные ограничения проведения оперативно-розыскных мероприятий, формулирует предложения по внесению изменений в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»*

Ключевые слова: *Оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, правовые ограничения, перечень оперативно-розыскных мероприятий, информационные системы, технические средства, оперативный эксперимент.*

OMELIN Victor Nikolaevich,
Chief research scientist of the Scientific research institute
of the Federal service for execution of punishment of Russia,
Doctor of low, Professor

LEGISLATIVE RESTRICTIONS ON OPERATIONAL AND SEARCH ACTIVITIES

Annotation. *Based on the generalization of practice and legal sources, the author examines the legislative restrictions on conducting operational investigative activities and formulates proposals for amendments to the Federal Law "On Operational Investigative Activities".*

Key words: *Operational investigative activities, operational investigative measures, legal restrictions, list of operational investigative measures, information systems, technical means, and operational experiments.*

Определяясь с терминологическим содержанием рассматриваемого вопроса, следует установить категории, которые будут главенствующими в данной статье. Прежде всего, это категории «оперативно-розыскные мероприятия» и «правовые ограничения».

Следует отметить, что законодатель не раскрывает понятие оперативно-розыскного мероприятия (-тий). Среди ученых также нет однозначного определения этого понятия. Не вступая в дискуссию по данному вопросу, полагаем, что под оперативно-розыскным мероприятием можно понимать предусмотренное законом и подзаконными нормативными правовыми актами разведывательно-поисковое действие, проводимое уполномоченным на то субъектом преимущественно негласными средствами и методами при наличии определенных оснований и в соответствии с установленным порядком, направленное на получение, фиксацию и проверку фактических данных, имеющих значение для решения задач оперативно-розыскной деятельности.

В литературе приводится несколько определений правовых ограничений. Так, А.В. Малько определяет правовое ограничение как «установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц» [1, С.91]. Непосредственно с исключениями связывает правовые ограничения С.Ю. Суменков, по мнению которого «ограничения подразумевают сужение прав, позволяет считать их в какой-то степени исключениями из правил регулирования общественных отношений» [2, С. 42].

Анализ оперативно-розыскного законодательства позволяет сделать вывод, что основные положения, устанавливающие законодательные ограничения проведения оперативно-розыскных мероприятий, содержатся в Федеральном законе от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 04.01.2025) «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД). Так, например, можно отметить следующие ограничения:

в ч. 7 ст. 5 Закон об ОРД устанавливает временные ограничения на хранение результатов

проведения оперативно-розыскных мероприятий. Полученные материалы в отношении лиц, виновность которых в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке, хранятся один год, а затем уничтожаются, если служебные интересы или правосудие не требуют иного. Фонограммы и другие материалы, полученные в результате прослушивания телефонных и иных переговоров лиц, в отношении которых не было возбуждено уголовное дело, уничтожаются в течение шести месяцев с момента прекращения прослушивания;

ввиду особой сложности в ч. 4 ст. 6 Закон об ОРД ограничивает проведение оперативно-розыскных мероприятий, связанных с контролем почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушиванием телефонных переговоров с подключением к станционной аппаратуре предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности, физических и юридических лиц, предоставляющих услуги и средства связи, со снятием информации с технических каналов связи, с получением компьютерной информации. Такие мероприятия проводятся только с использованием оперативно-технических сил и средств органов федеральной службы безопасности и органов внутренних. Поэтому поводу следует согласиться с мнением авторов, которые анализируя данную норму, полагают, что иные оперативно-розыскные органы не просто не имеют право на проведение указанных оперативно-розыскных мероприятий, но и ограничены в праве приобретения и использования соответствующих технических средств разведывательного назначения [3, С. 135];

в ч. 1 ст. 8 Закон об ОРД допускает исключение из общего правила проведения оперативно-розыскных мероприятий (равенство перед законом лиц, вовлекаемых в орбиту оперативно-розыскной деятельности). Это исключение вытекает из предписания «если иное не предусмотрено федеральным законом». Данная норма носит бланкетный характер. Для проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, обладающих гарантиями неприкосновенности (иммунитетом) (сотрудники Счетной палаты, депутаты федерального уровня, судьи, прокуроры, адвокаты и др.) следует руководствоваться положениями иных законодательных актов, определяющих их правовой статус. Например, согласно ч. 3 ст. 8 Федерального закона от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024). «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения;

Помимо вышеизложенного, Закон об ОРД устанавливает еще ряд законодательных ограничений проведения оперативно-розыскных мероприятий, которые вызывают дискуссии среди специалистов в области оперативно-розыскной деятельности. Остановимся подробнее на некоторых таких ограничений.

Так, ч. 2 ст. 6 Закона об ОРД устанавливает, что приведенный в ч. 1 ст. 6 этого Закона перечень оперативно-розыскных мероприятий может быть изменен или дополнен только законом. Это позволяет сделать вывод, что перечень оперативно-розыскных мероприятий является исчерпывающим и оперативные сотрудники и иные уполномоченные лица вправе проводить только эти предусмотренные законодателем оперативно-розыскные мероприятия.

По мнению В.М. Атмажитова и В.Г. Боброва, попытка законодателя определить в ст. 6 Закона об ОРД исчерпывающий перечень оперативно-розыскных мероприятий малосостоятельна и неперспективна. Поясняя свою позицию, указанные авторы отмечают, что в каком-либо нормативном правовом акте невозможно предусмотреть безграничное многообразие оперативно-розыскных мероприятий, выработанных и апробированных практикой. В этом случае Закон становится своеобразным «тормозом» на пути поиска новых, нетрадиционных форм и методов борьбы с преступностью.

Данная проблема, по мнению указанных авторов, может быть решена следующим образом. В Законе (равно как и в ведомственных нормативных актах) нужно дать перечень наиболее сложных оперативно-розыскных мероприятий (в первую очередь ограничивающих конституционные права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, на неприкосновенность жилища и т.д.), полно и четко (в рамках возможного) урегулировать их проведение и одновременно предусмотреть норму, согласно которой разрешалось бы осуществление также иных мероприятий, не указанных в данном перечне. При этом необходимо сформулировать положения запретительного характера, указать, что нельзя допускать при проведении таких (и не только их, но и иных) мероприятий [4, С. 11, 12].

Изложенная точка зрения вызывает неоднозначные оценки. Во-первых, данная позиция представляется уязвимой в плане соблюдения законности, а также обеспечения прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности. Так, трудно представить, каким образом можно обеспечить судебный контроль,

прокурорский надзор или ведомственный контроль за проведением оперативно-розыскных мероприятий при отсутствии четкого перечня допустимых и разрешенных мероприятий. Следует обратить внимание, что в целях организации надлежащего прокурорского надзора за исполнением Законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности уполномоченным прокурорам при проведении проверок предписано проверять соблюдение определенного Законом об ОРД перечня оперативно-розыскных мероприятий [5].

Во-вторых, реализация данного предложения, по нашему мнению, делает проблематичным использование результатов оперативно-розыскных мероприятий в уголовном процессе, так как будет неясным, при проведении каких конкретно допустимых мероприятий были получены фактические данные, которые согласно межведомственной Инструкции от 27 сентября 2013 года могут использоваться в доказывании по уголовным делам. Согласно п. 20 данной Инструкции результаты оперативно-розыскной деятельности, представляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны содержать указания на оперативно-розыскные мероприятия, при проведении которых получены предполагаемые доказательства [6].

В-третьих, принципиально важно указание ч. 2 ст. 6 Закона об ОРД, что упомянутый перечень оперативно-розыскных мероприятий может быть изменен и дополнен. Следовательно, законодатель допускает их расширение, что уже и подтверждено. Так, по сравнению с первой редакцией Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» (1992 г.) Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (1995 г.) расширил этот перечень, добавив такие оперативно-розыскные мероприятия, как оперативный эксперимент, оперативное внедрение, контролируемая поставка, получение компьютерной информации. Необходимость законодательного закрепления названных оперативно-розыскных мероприятий неоднократно являлась предметом научных дискуссий. В литературе уже высказаны различные точки зрения о целесообразности уточнения и расширения перечня оперативно-розыскных мероприятий [7, С. 97-102].

В части 3 ст. 6 Закон об ОРД устанавливает ограничения, на использование в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий информационных систем и иных технических средств. Так, одним из важных ограничений использования указанных средств является безопасность. Последние согласно данной норме не должны наносить ущерба жизни и здоровью людей и не причинять вред окружающей среде.

Анализируя ч. 3 ст. 6 Закона об ОРД, нельзя не заметить, что использованные в ней формулировки являются не вполне точными. На этот счет можно высказать следующие аргументы.

Во-первых, в данной норме говорится о применении в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий видео- и звукозаписи, кино- и фотосъемки, то есть речь идет о технических приемах получения и фиксации визуальной, звуковой и иной информации. Однако далее следует выражение: «а также другие технические и иные средства», что должно предполагать наличие предшествующего этому перечню ряда технических средств, а не технических приемов, связанных с применением видео- и звукозаписи, кино- и фотосъемки. На наш взгляд, данное обстоятельство с точки зрения юридической техники выглядит не вполне логичным.

Во-вторых, используемое в анализируемой норме словосочетание «ущерб жизни и здоровью людей», по нашему мнению, не подходит. Аргументом в пользу нашей позиции служат термины и понятия в уголовном праве. Отметим, что касательно преступлений против жизни и здоровья в УК РФ используются следующие признаки объективной стороны: причинение вреда здоровью различной степени тяжести (ст. 111-115, 118 УК РФ и др.), угроза убийством (ст. 119 УК РФ). Термин «ущерб» в УК РФ используется в качестве признака преступлений против собственности (например, ст. 165 «Причинение ущерба путем обмана или злоупотребления доверием»); ч.1 ст. 167 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, если эти деяния повлекли причинение значительного ущерба.

С учетом сказанного наиболее приемлемой представляется следующая редакция ч. 3 ст. 6 Закона об ОРД: «В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий используются информационные системы, технические средства видео- и аудиозаписи, кино- и фотосъемки, а также иные средства, предназначенные (разработанные, приспособленные, запрограммированные) для получения оперативно значимой информации, не причиняющие вреда жизни и здоровью граждан, а также окружающей среде (курсивом выделены предлагаемые изменения).

Другая правовая проблема касается проведения оперативного эксперимента и заключается в том, что законодатель ограничивает его проведение только в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в целях выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших (ч. 8 ст. 8 Закона об ОРД).

Ряд авторов считают оправданным названное ограничение проведения оперативного эксперимента, указывая, что данную оговорку закон делает, учитывая сложность и потенциальную опасность для охраняемых ценностей воспроизводства объективной стороны преступления (полностью или частично) и необходимость соблюсти баланс интересов охраны прав граждан, общества и государства. Поэтому по делам о преступлениях небольшой тяжести эта методика применяться не должна. Однако далее утверждается, что если оперативный эксперимент все-таки был проведен и результаты получены, то вряд ли целесообразно не признавать за ними доказательственного значения [8, С. 15].

Доля истины в подобных суждениях есть, так как оперативный эксперимент - это очень сложное оперативно-розыскное мероприятие, которое в любую минуту может закончиться причинением вреда объекту оперативной заинтересованности и (или) трансформироваться в провокацию. Успешность его проведения зависит от правильной оценки имеющейся информации и применения множества факторов, касающихся профессиональной подготовки оперативных сотрудников, организационной и технической оснащенности оперативного подразделения и т.д. Все это объясняет позицию законодателя и ряда авторов о допустимости проведения оперативного эксперимента только в ситуациях, связанных с преступлениями средней тяжести, тяжкими и особо тяжкими преступлениями.

Рассматривая данную дискуссионную проблему, можно согласиться мнением исследователей о возможности расширения границ применения оперативного эксперимента [9, С. 52]. Заметим, что законодательное ограничение применения оперативного эксперимента по указанной категории преступлений не позволяет эффективно бороться с другими не менее распространенными посягательствами, например, с незаконным осуществлением медицинской и фармацевтической деятельности (ч. 1 ст. 235 УК РФ), коммерческим подкупом (ч. 1 ст. 204 УК РФ), мелким коммерческим подкупом (ст. 204.2 УК РФ), получением взятки (ч. 1 ст. 290 УК РФ), мелким взяточничеством (ст. 291.2 УК РФ). В соответствии со ст. 15 УК РФ указанные преступления относятся к категории небольшой тяжести. По нашему мнению, целесообразно снять указанное ограничение.

Следует также отметить, что при проведении оперативного эксперимента не всегда есть возможность заранее оценить характер и степень его общественной опасности преступления. В УК РФ имеется много статей, в которых основной состав содержит признаки преступления небольшой или средней тяжести, а квалифицированный и особо квалифицированный - тяжкого или даже особо тяжкого преступления. Грань между ними очень подвижна, а предугадать действия злоумышленников не всегда представляется возможным.

Нельзя не учитывать и того, что при проведении оперативного эксперимента могут быть установлены лица, совершившие преступление небольшой или средней тяжести. Безусловно, к таким лицам должны быть приняты предусмотренные законом меры. Наконец, оперативный эксперимент нельзя однозначно считать более «острым» оперативно-розыскным мероприятием, требующим особого режима осуществления, чем, например, оперативное внедрение оперативных сотрудников, а равно лиц, оказывающих содействие оперативно-розыскным органам. По поводу оперативного внедрения Закон об ОРД не предусматривает указанного ограничения. Полагаем, что достаточной гарантией законности оперативного эксперимента можно считать постановление уполномоченного руководителя оперативно-розыскного органа на его проведение.

Таким образом, оперативный эксперимент, на наш взгляд, можно проводить с целью выявления и пресечения любых преступлений (небольшой и средней тяжести, тяжких и особо тяжких), учитывая при этом наличие оснований, предусмотренных ст. 7 Закона об ОРД.

Список литературы:

[1] Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве / А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2003. С. 91.

[2] Суменков С.Ю. Исключения из правил как юридические ограничения и правовые запреты / С.Ю. Суменков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2024. - № 3 (31). С. 42.

[3] Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека / Вступ. ст. В.Д. Зорькина. – М., 2006. С. 135.

[4] Атмажитов В.М., Бобров В.Г. Современное состояние и основные направления развития теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Научный доклад.- М., 2001. С.11,12.

[5] Приказ Генеральной прокуратуры № 170 от 23032022 г. «Об организации надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» (пункт 6).

[6] Приказ ФТС РФ, МВД РФ, Минобороны РФ, ФСБ РФ, ФСО РФ, СВР РФ, ФСИН РФ, ФСКН РФ, СК РФ от 27 сентября 2013 года N 776/703/50

9/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд»

[7] Шахматов А.В., Карл А.М. К вопросу о законодательном регулировании перечня оперативно-розыскных мероприятий в Российской Федерации и Республике Казахстан // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 2 (35). С.97-102.

[8] Атмажитов В. М., Бобров В. Г. Оперативно-розыскные мероприятия: актуальные вопросы теории и практики // Оперативно-розыскные мероприятия: актуальные вопросы теории и практики. Материалы научно-практического семинара. - М., 2013. С. 15.

[9] Бондарь Т.И. О разграничении оперативного эксперимента и оперативной комбинации // Оперативный эксперимент: вопросы теории и практики: Сборник научный трудов. – М.: Академия управления МВД России. 2005. С. 52.

References:

[1] Malko A.V. Incentives and Limitations in Law/A.V. Malko. - 2nd ed., Revised. and add. - M., 2003. S. 91.

[2] Sumenkov S.Yu. Exceptions to the rules as legal restrictions and legal prohibitions/S.Yu. Sumenkov//News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences. – 2024. - № 3 (31). S. 42.

[3] Commentary to the Federal Law “On Operational-Search Activities.” With the attachment of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights/ Entry. Art. V.D. Zorkin. - M., 2006. S. 135.

[4] Atmazhitov V.M., Bobrov V.G. The current state and main directions of development of the theory of operational-search activities of internal affairs bodies. Scientific report. - M., 2001. C.11,12.

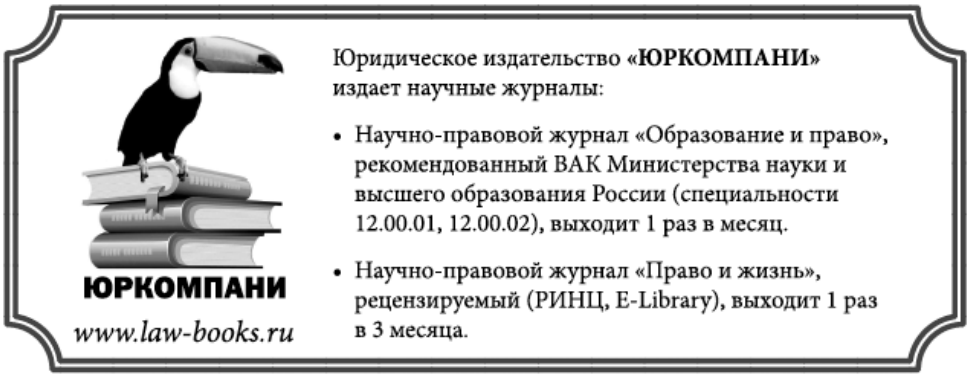
[5] Order of the Prosecutor General’s Office No. 170 of 23032022 “On the organization of supervision over the implementation of laws in the implementation of operational-search activities” (paragraph 6).

[6] Order of the Federal Customs Service of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the Ministry of Defense of the Russian Federation, the Federal Security Service of the Russian Federation, the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Federal Security Service of the Russian Federation of September 27, 2013 No. 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 “On Approval of the Instructions on the Procedure submission of the results of operational-search activities to the inquiry body, investigator or court”

[7] Chess A.V., Karl A.M. On the issue of legislative regulation of the list of operational-search measures in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan//Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2 (35). S.97-102.

[8] Atmazhitov V. M., Bobrov V. G. Operational-search measures: current issues of theory and practice//Operational-search measures: current issues of theory and practice. Materials of the scientific and practical seminar. - M., 2013. S. 15.

[9] Bondar T.I. On the distinction between an operational experiment and an operational combination//Operational experiment: questions of theory and practice: Collection of scientific works. - M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2005. S. 52.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-161-164

ВАГАЙЦЕВ Вячеслав Михайлович,
преподаватель кафедры
конституционного и административного права
Барнаульского юридического института МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: bacha1972@mail.ru

МАРЬИНА Надежда Николаевна,
заместитель начальника кафедры специальных дисциплин,
кандидат юридических наук, полковник полиции,
Краснодарского университета МВД России,
e-mail: nadezhda.marina.2016@mail.ru

МАНАХОВ Андрей Викторович,
заместитель начальника кафедры специальных дисциплин,
подполковник полиции,
Краснодарского университета МВД России,
e-mail: manack.manakhov@yandex.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СЛУЖБЫ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВЫЗОВЫ 2026 ГОДА

Аннотация. *В статье анализируется влияние цифровизации на эффективность службы участковых уполномоченных полиции в России. Рассматриваются ключевые аспекты внедрения цифровых технологий, такие как электронный документооборот, базы данных и системы мониторинга, в повседневную деятельность УУП. Выявлены вызовы 2026 года: дефицит цифровой компетентности, риски киберугроз и необходимость оптимизации административных процедур. На основе анализа Концепции развития службы УУП на 2020–2023 годы и современных тенденций предлагаются меры по повышению эффективности, включая обучение и интеграцию ИИ. Исследование подчеркивает роль цифровизации в укреплении взаимодействия с населением и профилактике правонарушений.*

Ключевые слова: *цифровизация, УУП, полиция, эффективность, цифровая компетентность, правоохранительная деятельность, киберугрозы, электронный документооборот, профилактика, МВД.*

VAGAYTSEV Vyacheslav Mikhailovich,
Lecturer at the Department of Constitutional and Administrative Law
of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Lieutenant Colonel

MARINA Nadezhda Nikolaevna,
Deputy Head of the Department of Special Disciplines,
PhD in Law, Police Colonel, Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

MANAKHOV Andrey Viktorovich,
Deputy Head of the Department of Special Disciplines,
Police Lieutenant Colonel, Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

THE EFFECTIVENESS OF THE SERVICE OF DISTRICT POLICE OFFICERS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES: CHALLENGES OF 2026

Annotation. *The article analyzes the impact of digitalization on the effectiveness of the service of district police officers in Russia. The key aspects of the introduction of digital technologies, such as electronic document management, databases and monitoring systems, into the daily activities of the management system are considered. The challenges of 2026 have been identified: the lack of digital competence, the risks of cyber threats, and the need to optimize administrative procedures. Based on the analysis of the Concept of the development of the management system for 2020-2023 and current trends, measures are proposed to improve efficiency, including training and integration of AI. The study highlights the role of digitalization in strengthening community engagement and crime prevention.*

Key words: *digitalization, Management department, police, efficiency, digital competence, law enforcement, cyber threats, electronic document management, prevention, Ministry of Internal Affairs.*

Служба участковых уполномоченных полиции (Далее-УУП) исторически является одним из важнейших элементов территориальных органов о внутренних дел Российской Федерации, обеспечивая поддержание общественного порядка и безопасности на высоком уровне – от бытовых конфликтов до профилактики административных правонарушений. Учрежденная в 1923 году, служба УУП эволюционировала от простых участковых надзирателей к многофункциональным специалистам, выполняющим полномочия по административно-юрисдикционной, оперативно-розыскной деятельности и непосредственному взаимодействию с населением на закрепленном административном участке. В условиях ускоренной цифровизации правоохранительных органов, инициированной национальными проектами «Цифровая экономика», стратегией развития МВД России и иными нормативными документами, эффективность деятельности УУП определяется не только традиционными профессиональными компетенциями, но и способностью оперативно адаптироваться к современным технологическим реалиям.

Актуальность темы исследования обусловлена глобальными изменениями в криминальной среде в 2025 и начале 2026 года, ознаменовавшимися прогрессивным ростом киберпреступности, включающем фишинг (способ мошенничества в интернете, при котором злоумышленники пытаются украсть личные данные: пароли, номера банковских карт, логины) через госуслуги и мошенничество под видом представителей правоохранительных органов. Сложившаяся ситуация радикально меняет систему работы УУП. По данным Министерства внутренних дел, доля онлайн-правонарушений на закрепленных административных участках возрасла на 35% за 2025 год. Мы уверены, что ситуация продолжит усложняться и в 2026 году. В связи с этим участковым требуется переходить от преимущественно уличных патрулирований к гибридной модели несения службы с использованием цифровых платформ мониторинга и электронного документооборота. Также дефицит квалифицированных кадров, круглогодичный призыв и демографический кризис усугубляют сложившуюся проблему. Следует отметить, что средний возраст УУП превышает 45 лет, а уровень цифровой грамотности остается по-прежнему низкий (60% в ряде регионов).

Цель нашего исследования – комплексная оценка влияния цифровизации на ключевые функции службы УУП: профилактиктическую работу, административный надзор и взаимодействие с гражданами. Выявление барьеров и разработка рекомендаций по их преодолению.

Методологической основой исследования являются анализ нормативных документов и статистических данных МВД России, эмпирические исследования цифровой трансформации полиции за 2020–2026 годы.

Структура научной работы включает обзор теоретических основ цифровизации службы УУП, анализ современной практики и выработку предложений по оптимизации деятельности УУП в условиях технологического прогресса.

Цифровизация органов внутренних дел в целом и службы УУП в частности является комплексным процессом внедрения в служебную деятельность информационно-коммуникационных технологий, позволяющих оптимизировать служебные процессы, соответствуя выполнению стратегических целей национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации». Концепция развития службы УУП на 2020–2023 годы, утвержденная приказом МВД России № 191 от 30 марта 2020 г., обозначает приоритетные направления развития службы УУП: повышение профессиональной подготовки; использование цифровых инструментов для профилактики правонарушений, административного надзора и оперативно-розыскной деятельности[1]. В своей службе УУП активно применяют такие системы электронного документооборота как комплекс «Ситуация – Центр» и автоматизированные базы данных МВД (ИСОД), которые позволяют сократить время на оформление протоколов административных правонарушений в среднем на 40%, повысить точность учета и минимизировать бумажный документооборот[2]. Например, элек-

тронные протоколы через портал Госуслуг значительно ускоряют уведомление граждан, что ведет к снижению нагрузки на канцелярии отделов.

Практика показывает, что цифровизация вызвала ряд проблем, влияющих на эффективность службы. Во-первых, недостаточная компетентность в цифровой сфере сотрудников полиции (по результатам опросов, проведенных в 2024 году, лишь 45–55% УУП в региональных подразделениях уверенно владеют навыками работы с защищенными базами данных, электронной цифровой подписью и аналитическими модулями ИСОД), приводит к систематическим ошибкам в отчетности и задержкам в передаче информации. Ситуация усугубляется возрастом кадров и ограниченностью учебных программ повышения квалификации, в которых цифровые модули составляют менее 20% от общего объема подготовки.

Во-вторых, экспоненциальный рост киберугроз требует от УУП освоения новых методов верификации информации, мониторинга социальных сетей и отработки взаимодействия с гражданами в цифровой среде. В результате проведенного анализа мы можем ожидать в 2026 году рост онлайн-правонарушений на закрепленных участках на 35–50%, где традиционные методы несения службы УУП уступают место цифровому мониторингу видеокамер и геоаналитике[3].

Эффективность деятельности УУП в цифровой среде подтверждается эмпирическими данными. Повсеместное внедрение ИСОД и мобильных приложений для участковых полицейских позволило сократить сроки реагирования на обращения граждан на 20–30%, повысило раскрываемость бытовых конфликтов за счет анализа рисков и оптимизировало график патрулирования на основе данных о криминогенной обстановке. Несмотря на это, по-прежнему актуальны такие проблемы как некомплект штатов, отсутствие унифицированных платформ для межведомственного обмена данными с ФНС, ФССП и органами местного самоуправления, а также отсутствие в доступе к высокоскоростному интернету. Для решения вышеуказанных проблем целесообразно внедрить обязательные модули цифровой грамотности в программы повышения квалификации УУП, внедрение элементов искусственного интеллекта для автоматизированного анализа рисков на административных участках (например, прогнозирование hotspots правонарушений), запуск пилотных проектов по мобильным приложениям для гражданского контроля, позволяющим оперативно сообщать о нарушениях с геолокацией.

Пристального внимания в контексте цифровизации заслуживает административно-юрисдикционная деятельность УУП, которая регулируется Кодексом об административных правонарушениях РФ и иными правовыми актами. Переход на электронные протоколы и уведомления через сервисы Госуслуг с одной стороны снижают бюрократию и ускоряет исполнение, с другой стороны значительно повышают риски утечек персональных данных и несанкционированного доступа к базам МВД, требуя усиления мер информационной безопасности. С учетом обновленной стратегии национальной безопасности, расширения функций УУП по противодействию экстремизму в социальной сети, служба участковых должна эволюционировать в модель «цифрового участкового», гармонично сочетающего уличную профилактику с онлайн-мониторингом и виртуальным приемом граждан. Для этого необходима не только техническая переоснащенность, но и изменение правовой базы, связанной с использованием искусственного интеллекта в профилактической работе и межведомственном взаимодействии. Перспективность данных реформаций подтверждается данными пилотных проектов, реализуемых в мегаполисах (Москва и Санкт-Петербург), которые демонстрируют рост эффективности на 25%[4].

В настоящее время цифровизация правоохранительной деятельности позволит радикально трансформировать службу участковых уполномоченных полиции, существенно повысит ее эффективность за счет оптимизации деятельности. Однако в 2026 году она столкнётся с комплексом проблем (дефицит цифровой компетентности, рост киберугроз, некомплект кадров и фрагментированных информационных систем), которые необходимо преодолеть в кратчайшие сроки. Данные нашего исследования подтверждают гипотезу о двойственном характере цифровизации. С одной стороны, она обеспечивает явные преимущества в виде сокращения сроков реагирования на 20–40% и повышения точности аналитических данных, с другой стороны – усиливает уязвимости, требующие системного подхода к их минимизации[5].

Реализация предлагаемых мер позволит не только преодолеть выявленные проблемы в служебной деятельности УУП, но и укрепит стратегические позиции данного подразделения как фундаментального элемента российской правоохранительной системы. С этой целью важной является необходимость корректировки Концепции развития службы УУП с горизонтом до 2030 года, в рамках которой цифровизация должна стать не вспомогательным, а интегральным фактором профессиональной деятельности. Успешная цифровизация деятельности УУП станет катали-

затором для формирования «цифровой экосистемы» органов внутренних дел, обеспечивающей устойчивое развитие правоохранительной сферы в долгосрочной перспективе.

Список литературы:

[1] Приказ МВД России от 30.03.2020 № 191 «Об утверждении Концепции развития службы участковых уполномоченных полиции на 2020–2023 годы» // Юридическая библиотека для полицейских. – 2020. – URL: https://yurlibrary.ru/prikazyi-mvd-rf/prikazy-mvd-2020-goda/konczepcziya-razvitiya-sluzhby-uchastkovyh-upolnomochennyh-policzii (дата обращения: 20.01.2026).

[2] Цифровизация отдельных полицейских функций // Юр-ВАК. – 2020. – URL: https://urvak.ru/articles/probl-8478-vypusk-3-tsifrovizatsiya-otdelnykh-poli/ (дата обращения: 22.01.2026).

[3] Цифровая компетентность сотрудников органов внутренних дел как условие эффективности // Naukaru.ru. – 2020. – URL: https://naukaru.ru/ru/nauka/article/38678/view (дата обращения: 24.01.2026).

[4] Служба участковых уполномоченных полиции как ведущее звено территориального звена органов внутренних дел // Молодой ученый. – 2023. – № 493. – URL: https://moluch.ru/archive/493/107775 (дата обращения: 25.01.2026).

[5] Формирование цифровой компетентности у сотрудников полиции // Петровка 38. – 2024. – URL: https://petrovka-38.com/arkhiv/item/formirovanie-tsifrovoj-kompetentnosti-u-sotrudnikov-politsii (дата обращения: 26.01.2026).

References:

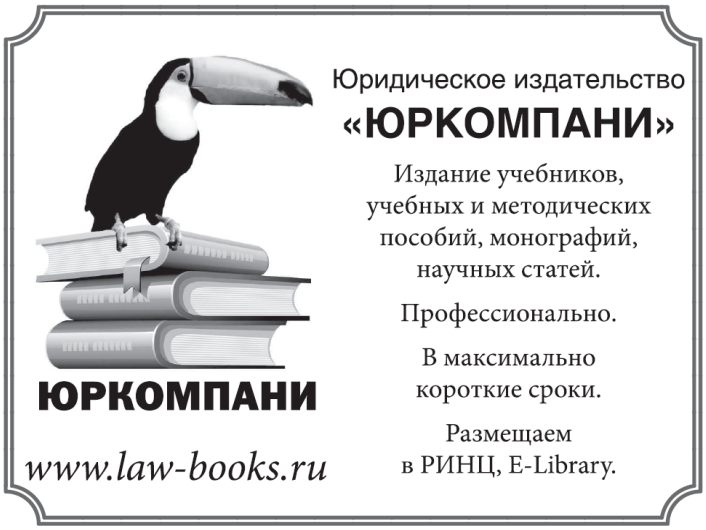
[1] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 30.03.2020 No. 191 “On approval of the Concept of development of the service of district police officers for 2020-2023” // Law Library for Police Officers. – 2020. – URL: https://yurlibrary.ru/prikazyi-mvd-rf/prikazy-mvd-2020-goda/konczepcziya-razvitiya-sluzhby-uchastkovyh-upolnomochennyh-policzii (date of access: 01/20/2026).

[2] Digitalization of individual police functions // Law-VAK. – 2020. – URL: https://urvak.ru/articles/probl-8478-vypusk-3-tsifrovizatsiya-otdelnykh-poli / (date of access: 01/22/2026).

[3] Digital competence of employees of internal affairs bodies as a condition of efficiency // Naukaru.ru . – 2020. – URL: https://naukaru.ru/ru/nauka/article/38678/view (date of application: 24.01.2026).

[4] The Service of district police officers as the leading link of the territorial level of the internal affairs bodies // Young Scientist. – 2023. – No. 493. – URL: https://moluch.ru/archive/493/107775 (date of request: 01/25/2026).

[5] Formation of digital competence among police officers // Petrovka 38. – 2024. – URL: https://petrovka-38.com/arkhiv/item/formirovanie-tsifrovoj-kompetentnosti-u-sotrudnikov-politsii (date of request: 01/26/2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-165-168

ИСАЕВА Елена Дмитриевна,
доцент кафедры криминалистики и уголовно-правовых дисциплин
Брянского филиала Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
e-mail: isaevaeltna1903732 @yandex.ru

ОСМАНОВ Мухамед Мартинович,
старший преподаватель кафедры
организации правоохранительной деятельности
Северо-Кавказского института повышения квалификации
сотрудников МВД (филиал) Краснодарского университета МВД России,
кандидат педагогических наук, подполковник полиции,
e-mail: muhamedosmanov8@gmail.com

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Аннотация. *Статья посвящена анализу деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в области борьбы с противопрравными действиями в информационном пространстве.*

Автор фокусируется на выявлении существующих трудностей в правоприменительной практике и формулирует предложения по совершенствованию профессиональной подготовки сотрудников для повышения результативности борьбы с киберпреступностью.

Ключевые слова: *киберпреступность, борьба с преступностью, органы внутренних дел, информационные технологии, правоприменительная практика, совершенствование подготовки, правоохранительные органы, цифровая безопасность.*

ISAEVA Elena Dmitrievna,
Associate Professor of the Department
of Criminology and Criminal Law Disciplines,
Bryansk Branch Oryol Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov

OSMANOV Mukhamed Martinovich
Senior Lecturer at the Department of Organization
of Law Enforcement Activities of the North Caucasus Institute
for Advanced Training of Ministry of Internal Affairs Officers (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Pedagogical Sciences, Police Lieutenant Colonel

ON THE ISSUE OF IMPROVING THE PROFESSIONAL TRAINING OF EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN COUNTERING CYBERCRIME

Annotation. *The article is devoted to the analysis of the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation in the field of combating illegal actions in the information space.*

The author focuses on identifying existing difficulties in law enforcement practice and formulates proposals for improving the professional training of employees to increase the effectiveness of the fight against cybercrime.

Key words: *cybercrime, crime control, law enforcement agencies, information technology, law enforcement practice, training improvement, law enforcement agencies, digital security.*

Органы внутренних дел являются основным субъектом обеспечения охраны общественного порядка и общественной безопасности государства.

Наряду с обеспечением правопорядка и соблюдения законности гражданами в общественных местах в своей повседневной деятельности структурными подразделениями органов внутренних дел, отдельными специализированными структурными подразделениями выполняются задачи по противодействию преступлениям совершаемым и в сети Интернет.

В месте с тем, необходимо отметить, что для обеспечения эффективной борьбы с киберпреступлениями компетентные должностные лица правоохранительных органов должны быть не только профессионально грамотными в осуществлении своих юрисдикционных полномочий, но и обладать достаточными познаниями в сфере информационных технологий.

В виду чего, усовершенствование их способностей и знаний в данной сфере является необходимым в обеспечении противодействия киберпреступности и является безусловным приоритетом.

Это означает необходимость пересмотра учебных программ, внедрения инновационных методов обучения и предоставления возможности для практического освоения новейших программных и аппаратных средств.

Для эффективного противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, первостепенное значение имеет развитие цифровой грамотности. Эта компетенция необходима как сотрудникам правоохранительных органов, так и широкой общественности.

Не исключено, что сотрудники органов внутренних дел, используя возможности и услуги интернет-ресурсов, также могут стать целью киберпреступников и завладеть их скрытой информацией, используемой в оперативно-служебной деятельности и личными сведениями граждан или получить доступ к ведомственным сайтам.

Цифровая грамотность – это не только умение пользоваться современными технологиями и адаптироваться к новым форматам общения, но и способность действовать этично и ответственно в цифровом пространстве.

Она включает в себя комплекс практических навыков, методов защиты и мер предосторожности, обеспечивающих безопасность пользователей и их данных в онлайн-среде.

Актуальность повышения цифровой грамотности обусловлена необходимостью свободно ориентироваться в постоянно развивающихся цифровых технологиях, приобретения навыков эффективного использования цифровой среды и критического восприятия информации, полученной из Интернет-пространства.

Важно обозначить, что в свою очередь законодатель в качестве составляющей научно-технического и кадрового обеспечения создания и функционирования государственной системы противодействия IT-преступлениям акцентирует внимание на необходимость систематического повышения квалификации, подготовку и переподготовку сотрудников, компетентных в противодействии противоправным деяниям, совершаемым с использованием сети Интернет.

Особая значимость в необходимости формирования профессиональной компетенции сотрудников полиции в сфере противодействия цифровым преступлениям определяется социальным заказом на подготовку специалистов, способных оперативно и профессионально грамотно выполнять профессиональные задачи с использованием новейших программных и инновационных технических средств, а также находить не типичные решения.

На данный момент в вопросах связанных с обучением сотрудников, которые могли бы оказать противодействие злоумышленникам в сети Интернет, имеются некоторые сложности и подвержена дискуссии в научной среде, причиной которого являются следующие дилеммные моменты:

1) Общество остро нуждается в более эффективном противодействии постоянно растущему числу информационных преступлений. Система образования, в свою очередь, демонстрирует недостаточную оперативность и гибкость в подготовке юридических специалистов, способных противостоять киберпреступности, что приводит к дефициту соответствующей компетентности.
2) Существует явная потребность в формировании у юристов компетенций для борьбы с преступлениями в сфере информационных технологий, однако существующая система педагогического обеспечения данного процесса оказывается неполноценной.
3) Для успешной деятельности по противодействию киберпреступлениям юристам необходимо повысить уровень своей информационно-технической подготовки. При этом существующий методический инструментарий для формирования у обучающихся соответствующей компетентности является недостаточным.

Главной задачей повышения эффективности кадрового потенциала в борьбе с преступле-

ниями, совершаемыми в сети Интернет, является обеспечение кадровой и методической готовности органов внутренних дел выявлять, расследовать и предотвращать подобного рода правонарушения и преступления с соблюдением правовых и этических норм и правил.

Компетентность сотрудника ОВД в сфере информационных ресурсов и технологий представлено глубокими познаниями и навыками работы в сети Интернет, способствующее в выполнению своей оперативно-служебной деятельности специализированным сотрудником на должном уровне, в соответствии с современными реалиями и помогающей в выявлении и раскрытии преступлений в информационном пространстве с использованием информационных технологий, удовлетворяющие требованиям населения и государства в целом.

Кроме того, важными аспектами компетентности в области информационной сфере являются определенные личностные качества и способности, которые позволяют сотрудникам адаптироваться к постоянно меняющимся условиям работы, быстро реагировать на новые вызовы и угрозы, а также принимать обоснованные и взвешенные решения в рамках своей профессиональной деятельности.

В этой связи особое внимание при подготовке сотрудников ОВД должно уделяться формированию у них системного мышления и навыков работы в команде для эффективного противодействия киберугрозам и обеспечения информационной безопасности.

Не менее значимой является способность к самообразованию и самосовершенствованию, ведь технологии не стоят на месте, и регулярно появляются новые инструменты и методы защиты информации.

Нельзя отрицать, что компетенции в области противодействия IT-преступлениям не могут быть выработаны исключительно на основе правовых знаний и норм. Необходимо, чтобы эти компетенции основывались на уверенном владении современными информационными технологиями, что, в свою очередь, предполагает наличие у сотрудников ОВД не только теоретических, но и практических навыков работы с ними.

В этой связи при подготовке сотрудников ОВД следует уделять внимание не только теоретической подготовке, но и практическим занятиям, в том числе проведению тренингов и симуляции кибератак, что будет способствовать не только усвоению необходимых знаний, но и оперативному применению их в реальных ситуациях.

В современных условиях традиционные образовательные подходы, такие как лекции и инструктажи, продолжают играть свою роль в передаче фундаментальных знаний, однако их эффективность при формировании и закреплении практических навыков, как правило, ограничена.

В этой связи больший потенциал имеют интерактивные методы обучения, которые открывают перед слушателями широкие возможности для активного вовлечения в процесс обучения.

Среди методов, которые заслуживают особого внимания, можно обозначит необходимость владения богатым практическим опытом в борьбе с киберпреступлениями, совершаемые посредством применения вредоносных программных обеспечений, такими как:

1) Кибердженкинг;
2) Кибершатаж;
3) Фишинг;
4) Вымогательство;
5) Компьютерный саботаж

Эффективная программа обучения для сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в выявлений и борьбы с выше обозначенными киберпреступлениями, будет способствовать эффективному расследований преступлений соответствующими должностными лицами ОВД.

Также стоит отметить, что не мало важно обеспечение необходимой качественной обратной связи и предоставление дополнительных обучающих источников, которые помогут закрепить полученные знания и навыки, что позволит не только повысить уровень понимания материала, но и обеспечить его практическое применение в реальных условиях.

Кроме того, необходимо постоянно обновлять базы данных о новых видах IT-преступлений и методах их предотвращения, что позволит оперативно реагировать на изменения в киберугрозах и поддерживать высокий уровень защиты информационных ресурсов.

Данный подход не только укрепит защиту от потенциальных атак, но и повысит общую осведомленность сотрудников ОВД о последних тенденциях в области кибербезопасности.

В контексте совершенствования деятельности по противодействию IT-преступлениям особое внимание уделяется разработке специализированных программ обучения, которые позволяют оперативно адаптировать специалистов к постоянно меняющимся условиям и угрозам в сфере информационной безопасности.

К примеру, проводятся курсы повышения квалификации, семинары и тренинги, направленные на обмен опытом и изучение новых методик и технологий в сфере противодействия преступлениям совершаемым в сети Интернет.

Вместе с тем актуально отметить, что в практике деятельности образовательных организаций МВД России в настоящее время отсут-

ствует единая программа, которая бы учитывала все аспекты и специфику работы в области информационной безопасности, а также обеспечивала бы высокую степень совместимости и актуальности получаемых знаний.

С учетом специфики рассматриваемых вопросов и постоянной модернизации информационных технологий содержательная составляющая программы подготовки сотрудников ОВД по противодействию IT-преступлениям должна регулярно актуализироваться, что позволит поддерживать высокий уровень готовности к возможным угрозам и обеспечит эффективное реагирование на любые инциденты в сфере информационной безопасности.

Подводя итоги исследования совершенно объективно можно отметить, что, одним из основных аспектов в деятельности образовательных организаций системы МВД России является систематическое совершенствование и увеличение образовательных программ, ориентированных на углубление знаний и развитие профессиональных умений и навыков сотрудников органов внутренних дел.

В виду вышеизложенного целесообразно выделить, что в последствие данные предложения будут способствовать повышению эффективности их деятельности в сфере противодействия противоправным деяниям, связанным с использованием современных информационных технологий.

Список литературы:

[1] Сорокун Н.С. Особенности квалификации, выявления, устранения причин и условий совершения киберпреступлений на современном этапе / Н.С. Сорокун, О.В. Ермакова // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3 (43). С. 134-135.

[2] Винкерт В.В. Понятие и особенности киберпреступлений / В.В. Винкерт, А.Л. Клочкова // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего. 2021. № 5. С. 172-173.

[3] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. 2). Ст. 5351.

[4] Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности, принята резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеей от 24.12.2024

[5] Козырева А.А. Определение термина «кибергигиена» и возможность его применения в правовом поле // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 7. С. 92-94; Крюкова Е.С., Малофеев В.А., Паращук И.Б. Вопросы кибергигиены пользователей и операторов автоматизированной системы управления электронной библиотекой // Наукоемкие технологии в космических исследованиях Земли. 2021. Т. 13. № 2. С. 66-73.

[6] Лахтиков Д.Н. Инновационные подходы в подготовке специалистов в сфере противодействия киберпреступности // Современные цифровые технологии в деятельности образовательных организаций силовых ведомств: концепция, практика, инновации: сб. мат. II Межд. науч.-практ. конф. Уфа, 2020. С. 65.

[7] Петров К.Н. Проблемы совершенствования тактико-специальной подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2022. № 3. С. 149.

References:

[1] Sorokun N.S. Features of qualification, identification, elimination of the causes and conditions for committing cybercrimes at the present stage/N.S. Sorokun, O.V. Ermakova//Altai Legal Bulletin. 2023. № 3 (43). S. 134-135.

[2] Winkert V.V. The concept and features of cybercrime/V.V. Winkert, A.L. Klochkova//Interdisciplinary research: past experience, present possibilities, future strategies. 2021. № 5. S. 172-173.

[3] On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400//of the RF NW. 2021. No. 27 (part 2). Art. 5351.

[4] United Nations Convention against Cybercrime, adopted by the General Assembly in its resolution 79/243 of 24.12.2024

[5] Kozyreva A.A. Definition of the term “cyber hygiene” and the possibility of its application in the legal field//Gaps in Russian legislation. 2018. № 7. S. 92-94; Kryukova E.S., Malofeev V.A., Paraschuk I.B. Issues of cyber hygiene of users and operators of the automated electronic library management system// High-tech technologies in space research of the Earth. 2021. T. 13. № 2. S. 66-73.

[6] Lakhtikov D.N. Innovative approaches in training specialists in the field of countering cybercrime//Modern digital technologies in the activities of educational organizations of law enforcement agencies: concept, practice, innovation: Sat. mat. II Intl. scientific-practical. conf. Ufa, 2020. S. 65.

[7] Petrov K.N. Problems of improving tactical and special training of cadets and students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia//Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Pedagogy. 2022. № 3. S. 149.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-169-172

ОМЕЛИН Виктор Николаевич,
Главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: v.omelin@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ОТНОШЕНИИ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *Автор на основе обобщения практики и нормативно-правовых источников рассматривает организационно-правовые аспекты проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении подозреваемых и обвиняемых в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы.*

Ключевые слова: *Оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, подозреваемые и обвиняемые, следственные изоляторы, уголовно-исполнительная система.*

OMELIN Victor Nikolaevich,
Chief research scientist of the Scientific research institute
of the Federal service for execution of punishment of Russia,
Doctor of low, Professor

ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS OF OPERATIONAL AND SEARCH ACTIVITIES AGAINST SUSPECTS AND ACCUSED PERSONS IN INVESTIGATIVE ISOLATORS OF THE CRIMINAL-EXECUTIVE SYSTEM

Annotation. *Based on the generalization of practice and legal sources, the author examines the organizational and legal aspects of conducting operational and investigative activities in relation to suspects and accused persons in pre-trial detention centers of the penal system.*

Key words: *Operational and investigative activities, operational and investigative measures, suspects and accused persons, pre-trial detention centers, penal system.*

В системе учреждений уголовно-исполнительной системы особое место занимают следственные изоляторы (далее – СИЗО), которые одновременно являются местом содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, а также выполняют функции исправительного учреждения в отношении осужденных, оставленных с их согласия для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию на срок не свыше шести месяцев (ст. 77 УИК РФ). Кроме того, в СИЗО могут временно содержаться осужденные, привлекаемые к участию в следственных действиях или судебном разбирательстве по делам о преступлениях, совершенных другими лицами (ст. 77.1 УИК РФ), а также осужденные к лишению свободы, привлекаемые к уголовной ответственности по другому делу, если в отношении их избрана мера пресечения в виде заключения под стражу (ст. 77.2 УИК РФ).

В современных условиях борьбы с преступностью СИЗО выполняют важные самостоятельные задачи. Согласно ст. 34 Федерального закона от 15.07.1995 года № 103-ФЗ (ред. от 07.04.2025) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений) (далее - ФЗ о содержании под стражей) и ведомственными нормативными правовыми актами ФСИН России в СИЗО проводятся оперативно-розыскные мероприятия для решения следующих социально значимых задач, которые условно можно разделить на три группы:

1. Задачи, обеспечивающие производство предварительного расследования:

– создание условий, исключающих возможности подозреваемым и обвиняемым скрыться от органов дознания, следствия или суда;
– осуществление мер, препятствующих попыткам подозреваемых и обвиняемых

помешать установлению истины по уголовному делу и продолжить преступную деятельность;
– пресечение противодействия предварительному расследованию преступлений со стороны подозреваемых и обвиняемых (последние могут угрожать свидетелям, потерпевшим иным участникам уголовного судопроизводства и др.);
– установление предметов и документов, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела;
– розыск и задержание подозреваемых, обвиняемых и осужденных, совершивших побег из СИЗО.

2. Задачи, обеспечивающие содействие иным органам, осуществляющим ОРД:
– выявление и раскрытие преступлений, совершенных подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными до помещения в СИЗО;
– добывание информации о местонахождении денег, ценностей и иного имущества, полученного в результате совершения преступления, и доходов от этого имущества;
– выявление намерений подозреваемых, обвиняемых и осужденных на дальнейшее совершение ими преступлений после освобождения из СИЗО.

3. Задачи, обеспечивающие безопасное функционирование СИЗО (Обеспечение собственной безопасности СИЗО - это организация и реализация системы мер различного характера с целью нейтрализации или локализации потенциальных или реальных угроз нормальному функционированию СИЗО, возникающих в деятельности самого учреждения и идущих извне):
– выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений и нарушений установленного режима содержания под стражей, выявление и установление подозреваемых, обвиняемых и осужденных, их подготавливающих, совершающих и совершивших во время содержания в СИЗО;
– обеспечение личной безопасности сотрудников и работников СИЗО и членов их семей, подозреваемых, обвиняемых и осужденных, лиц, оказывающих содействие оперативным подразделениям, а также иных лиц, находящихся на территории учреждения;
– выявление и пресечение совместно с иными правоохранительными органами противоправной деятельности лиц, находящихся вне СИЗО и негативно влияющих на оперативную обстановку в данных учреждениях;
– выявление противоправных намерений подозреваемых, обвиняемых и осужденных, активно противодействовать законным требованиям администрации СИЗО и иных исправительных учреждений;

Перечисленные задачи тесно взаимосвязаны между собой, но в большинстве случаев они являются вполне самостоятельными. Важно учитывать, что каждая из этих задач может обусловливать специфические оперативно-розыскные способы ее решения.

Оперативно-розыскные мероприятий в СИЗО имеют особенности, связанные правовым регулированием и порядком их проведения. Эти особенности также связаны с задачами оперативных подразделений СИЗО, о которых говорилось выше:
– оперативные подразделения СИЗО проводят гласные и негласные оперативно-розыскные мероприятия в целях добывания первичной оперативной информации о лицах, представляющих оперативный интерес, и фактах, имеющих значение для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия указанной категории преступлений;
– оперативно-розыскные мероприятия в отношении подозреваемых и обвиняемых проводятся в условиях замкнутого пространства камерных помещений, что влечет за собой возникновение определенных трудностей, связанных с подготовкой указанных мероприятий и обеспечением конспирации при их проведении;
– осведомленность многих подозреваемых и обвиняемых о методах работы оперативно-розыскных органов, в том числе оперативных подразделений СИЗО, что обусловливает необходимость защиты сведений о лицах, участвующих в подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий, сохранения в тайне сведений, составляющих государственную тайну в области оперативно-розыскной деятельности, зашифровки негласных сотрудников, осуществляющих разработку лиц, представляющих оперативный интерес;
– возможность использования для решения стоящих перед оперативными подразделениями СИЗО задач не только оперативно-розыскных, но и режимных (личного обыска, досмотра вещей подозреваемых, обвиняемых, осужденных, обыска и технического осмотра камер) [1] и иных предусмотренных законом мероприятий;
– проведение оперативно-розыскных мероприятий в СИЗО ограничено сроками содержания под стражей, установленными (ст. 162, 223 УПК РФ). Как следствие, это приво-

дит к частой смене арестованных, которые содержатся в СИЗО. По этой же причине затруднена процедура подбора и привлечения к конфиденциальному содействию лиц оперативным подразделениям СИЗО;

– наличие нелегальных каналов связи подозреваемых и обвиняемых с соучастниками и другими заинтересованными лицами (факты передачи или получения нелегальной корреспонденции, межкамерной связи с лицами, содержащимися под стражей (осужденными). При проведении оперативно-розыскных мероприятий и проверок в СИЗО нередко изымаются мобильные телефоны, используя которые подозреваемые и обвиняемые, заключенные под стражу, общаются с соучастниками преступления или с лицами, находящимися вне СИЗО, дают им указания о действиях по «развалу» уголовного дела, передаче запрещенных предметов, консультируются относительно линии своего поведения, информируют заинтересованных лиц о состоянии, ходе, результатах расследования и др.;
– оперативно-розыскные мероприятия в основном проводятся в пределах СИЗО, в отдельных случаях – на прилегающей территории. Это вытекает из других полномочий оперативных подразделений СИЗО, в частности по обеспечению ими собственной безопасности, осуществлению розыскной работы в отношении лиц, совершивших побег из СИЗО, и др.

Из содержания ст. 13 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 04.01.2025) «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) следует, что проведение оперативно-розыскных мероприятий в СИЗО уголовно-исполнительной системы относится к совместной компетенции оперативных подразделений ФСИН, а также оперативных подразделений иных оперативно-розыскных органов.

Сказанное можно объяснить тем, что в силу ряда объективных причин оперативные подразделения, не входящие в уголовно-исполнительную систему (инициаторы оперативно-розыскных мероприятий), не могут самостоятельно и в полном объеме осуществлять оперативно-розыскные мероприятия в СИЗО уголовно-исполнительной системы. С другой стороны, оперативные подразделения СИЗО, не располагая всем объемом следственной и оперативно-розыскной информации о совершенной преступной деятельности подозреваемых и обвиняемых до ареста, не могут обеспечить их эффективную разработку. Поэтому социальная обусловленность взаимодействия указанных субъектов оперативно-розыскной деятельности при оперативной проверке и разработке лиц, арестованных за совершение указанных преступлений, нашла свое правовое закрепление в упомянутой статье закона.

Оперативные подразделения СИЗО не только выполняют письменные запросы других оперативно-розыскных органов по оперативной проверке и разработке лиц, содержащихся под стражей (п. 4 ч. 1 ст. 7 Закона ОРД), но и выявляют инициативным путем лиц, которых можно подозревать в совершении нераскрытых и латентных преступлений с последующим информированием о ставших им известных фактах противоправной деятельности указанных лиц, относящихся к компетенции этих органов (п. 4 ст. 14 Закона ОРД),).

Согласно правовому статусу подозреваемый и обвиняемый имеют право пользоваться помощью защитника и иметь свидание с ним наедине и конфиденциально (подп. 3 п. 4 ст. 46; подп. 8 и 9, п. 4 ст. 47 УПК РФ). Реализация этого права предполагает сохранение в тайне сведений доверительного характера, а также данных, характеризующих позицию и тактику защиты при проведении предварительного следствия, оценку доказательств. В рассматриваемом случае конфиденциальность обусловлена необходимостью сохранения адвокатской тайны, которая определяется как любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю (ст. 8 Федерального закона от 31.05.2002 года № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Это означает, что другие лица, даже по желанию или с согласия подозреваемого или обвиняемого и защитника, не могут присутствовать на свиданиях указанных лиц. Соответственно, недопустимо проведение отдельных негласных оперативно-розыскных мероприятий, нарушающих право защитника на встречу его с подзащитным наедине. Так, свидания подозреваемого или обвиняемого с защитником могут иметь место без ограничения их числа и продолжительности, за исключением случаев, предусмотренных УПК РФ в условиях, позволяющих сотруднику места содержания под стражей видеть их, но не слышать (ст. 18 ФЗ о содержании под стражей). Из этого вытекает допустимость проведения такого оперативно-розыскного мероприятия, как наблюдение, не связанного, однако, со слуховым контролем и фиксацией звуковой информации.

В качестве одного из процессуальных условий проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении подозреваемых, содержащихся под стражей, выступает положение ч. 2 ст. 95 УПК РФ, согласно которому в случае необходимости проведения оперативно-розыскных

мероприятий допускаются встречи сотрудника органа дознания, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, с подозреваемым с письменного разрешения дознавателя, следователя или суда, в производстве которых находится уголовное дело.

Прежде всего, следует признать возможность применения данной нормы не только в отношении подозреваемого, но и обвиняемого, содержащегося под стражей. Кроме того, положения данной нормы не могут распространяться на сотрудников оперативных подразделений СИЗО, выполняющих функции по обеспечении установленного режима содержания арестованных по уголовному делу и предупреждения и пресечения с их стороны преступлений, не связывая это с необходимостью получения разрешения следователя на проведение оперативно-розыскных мероприятий (ст. 34 Закона о содержании под стражей) [2, С. 43, 44].

Из содержания ч. 2 ст. 95 УПК РФ следует, что для получения письменного разрешения указанных субъектов о встречи с подозреваемым (обвиняемым), находящимся по стражей, оперативный сотрудник должен подготовить ходатайство или рапорт, который подлежит согласованию с руководителем оперативно-розыскного органа. В письменном разрешении следователя следует конкретизировать период, на который выдается разрешение, а также указать данные должностных лиц оперативно-розыскного органа, которым такое право предоставляется.

При получении разрешения следователя на встречу оперативный сотрудник, как правило, может проводить такое оперативно-розыскное мероприятие как гласный опрос, который проводится. только при добровольном согласии лица, находящего под стражей. Если арестованный откажется от такой встречи, то у сотрудников подразделений охраны СИЗО не будет оснований для его принудительного доставления к оперативному сотруднику.

Следует также обратить внимание, что подозреваемый (обвиняемый), находящейся под стражей, может согласиться на встречу при условии присутствия при этом адвоката. Однако, как известно, Закон об ОРД участие адвокатов при проведении оперативно-розыскных мероприятий не допускает. В такой ситуации следует руководствоваться правовой позицией Конституционного Суда РФ о том, что лицу, в отношении которого проводятся оперативно-розыскные мероприятия в связи с подозрением в причастности к подготовке и совершению преступления, должна предоставляться возможность воспользоваться помощью адвоката (защитника), если таковая не исключается необходимостью обеспечения режима секретности, соблюдения требований оперативности и конспирации [3].

Таким образом, реализация предписаний ч. 2 ст. 95 УПК РФ о возможности проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении лица, находящегося под стражей, предполагает разъяснение ему права пользоваться помощью защитника (подп. 3 п. 4 ст. 46 УПК), либо удовлетворение просьбы о допуске адвоката к участию в проводимом оперативно-розыскном мероприятии.

Список литературы:

[1] Приказ Минюста России от 14 октября 2005 г. № 189 (ред. 30052025) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы».

[2] Чечетин А.Е. Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий : Учебное пособие. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России , 2023. С. 43, 44.

[3] Определения Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 г № 415-); от 27 июня 2017 г № 1419-0; от 18 июля 2019 г № 1872-0 и др.

References:

[1] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 189 of October 14, 2005 (rev. 30052025) “On approval of the Internal Regulations of Pre-Trial Detention Facilities of the Penitentiary System, Internal Regulations of Correctional Institutions and Internal Regulations of Correctional Centers of the Penitentiary System.”

[2] A.E. Chechetin. Conditions for conducting operational-search measures: Training manual. - Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. S. 43, 44.

[3] Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 17, 2015 No. 415-); No. 1419-0 dated 27 June 2017; No. 1872-0 dated July 18, 2019, etc.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-173-176

ШУМАКОВА Елена Витальевна,
кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры административного
права и административной деятельности ОВД,
Ставропольского филиала Краснодарского университета
МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБЕННОСТИ ЛИЦЕНЗИОННО-РАЗРЕШИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОСГВАРДИИ В ОБЛАСТИ ОБОРОТА ГРАЖДАНСКОГО ОРУЖИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные аспекты организационной деятельности территориальных органов войск национальной гвардии, а также их полномочия в сфере контроля за оборотом оружия.*

Ключевые слова: *оборот оружия, национальная гвардия, гражданское оружие, территориальные органы Росгвардии*.

SHUMAKOVA Elena Vitalievna,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Senior Lecturer at the Department of Administrative
Law and Administrative Activities,
Stavropol Branch of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

FEATURES OF LICENSE AND PERMITTING ACTIVITIES OF THE RUSSIAN GUARD IN THE FIELD OF CIVIL WEAPONS TRAFFIC IN THE NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT

Annotation. *The article discusses the current aspects of the organizational activities of the territorial bodies of the National Guard troops, as well as their powers in the field of arms control.*

Key words: *arms trafficking, the National Guard, civilian weapons, and the territorial bodies of the Russian National Guard.*

В соответствии с требованиями Федерального закона от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» на Росгвардию возложены обязанности осуществлять федеральный государственный контроль (надзор) за оборотом гражданского, служебного, нагрудного оружия и боеприпасов к нему, за деятельностью частных охранных организаций и частных детективов, деятельностью юридических лиц с особыми уставными задачами, подразделений ведомственной охраны и обеспечением безопасности объектов топливно-энергетического комплекса.

На территории Северо-Кавказского федерального округа осуществляют деятельность 7 Центра лицензионно-разрешительной работы (Далее – ЦЛРР или ПЛЛР) территориальных Управлений Росгвардии, в состав которых входят 2 отдела (1 межрайонный) и 47 отделений (26 межрайонных), из них:

Ставропольский край – 1 отдел, 19 отделений (10 межрайонных);

Карачаево-Черкесская Республика 1 межрайонный отдел, 2 межрайонных отделения;

Республика Северная Осетия-Алания – 9 отделений (2 межрайонных);

Чеченская Республика – 4 межрайонных отделения;

Республика Дагестан – 8 межрайонных отделений;

Кабардино-Балкарская Республика – 3 отделения;

Республика Ингушетия – 2 отделения.

Работа подразделений ЛРР осуществляется в соответствии с требования Федеральных Законов Российской Федерации от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [1], от 13.11.1996 № 150-ФЗ «об оружии», приказом Росгвардии от 14.01.2020 № 8 [2], а также другими нормативными правовыми актами, регламентирующими оборот оружия, частную детективную и охранную деятельность и предоставление государственных услуг в указанных сферах.

Одной из приоритетных задач перед ПЛРР является реализация Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», требований административных регламентов Росгвардии, направленных на обеспечение доступности и повышение уровня удовлетворенности граждан качеством предоставления государственных услуг. В 2024 году в территориальных ПЛРР поступила 176 123 заявления от физических и юридических лиц о предоставлении государственных услуг, из которых 171 194 в электронном виде, что составило 97,2% от общего числа заявлений.

Высокий процент оказания государственных услуг в электронном виде отмечен в Республике Северная Осетия-Алания – 98,9 %, ниже процент в Карачаево-Черкесской Республике – 92,2 %.

В приемные дни на интерактивных стендах транслируются видеоролики о преимуществе подачи заявлений на оказание государственных услуг в электронном виде. Разработаны и распечатаны информационные буклеты о порядке подачи заявлений в электронном виде.

Государственные услуги, оказываемые юридическим лицам, максимально переведены на электронный вид предоставления.

В ПЛРР на учёте состоит 298 602 физических лица, получивших разрешения на хранение и ношение оружия, во владении которых находится 484 900 единиц оружия, из них более 84 тысяч гражданского огнестрельного оружия с нарезным стволом.

Наибольшее количество владельцев оружия проживает в Республике Дагестан (992 654 лица, имеющих 137 884 единицы оружия), в Ставропольском крае (70 670 лиц, имеющих 127 864 единиц оружия) и в Чеченской Республике (44 951 лицо, имеющее 61 108 единиц оружия).

Сотрудниками ПЛРР ведется активная работа в части нарушений среди владельцев оружия, а также юридических лиц, имеющих лицензию на торговлю гражданским оружием и патронами к нему, с последующим аннулированием лицензий и разрешений. Так, по различным основаниям аннулировано 3 263 выданных разрешительных документов, в том числе у осужденных владельцев оружия – 93, у умерших владельцев оружия – 187, у владельцев оружия, повторно в течение года привлеченных к административной ответственности по 19, 20 главам КоАП РФ, административного правонарушения, связанного с нарушением правил охоты, либо административного правонарушения в области наркотических средств, психотропных веществ – 352.

В ходе ежедневных мероприятий за нарушения правил оборота гражданского оружия на территории Северо-Кавказского федерального округа изымается от 20 до 30 единиц оружия с последующим составлением материалов и привлечением виновных лиц к установленной законом ответственности.

Ежедневно сотрудниками ЛРР проводятся проверки владельцев оружия по месту жительства, юридических лиц, имеющихся лицензию на торговлю гражданским оружием и патронами к нему, проверяются условия хранения оружия, разъясняется порядок хранения и ответственности за допущенные нарушения.

В 2024 году по месту жительства на предмет обеспечения условий сохранности оружия проверено 111 280 граждан (37,3 %). За нарушения правил оборота оружия к административной ответственности привлечены 11 857 владельцев. У указанных лиц изъято 8 596 единиц охотничьего оружия и 9 947 штук патронов.

Общее количество владельцев оружия, просрочивших разрешительные документы, по округу составляет 254 человека, в процентном соотношении данный критерий составляет 0,08 % от общего количества зарегистрированных на территории округа владельцев оружия.

В настоящее время общее количество вышеуказанного оружия, находящегося на хранении в Росгвардии и МВД России составляет 1 689 единиц (Росгвардия – 14 единиц, МВД России – 1675 единиц). Количество огнестрельного гладкоствольного длинноствольного (многозарядного) оружия составляет 878 единиц. Количество огнестрельного гладкоствольного длинноствольного с нарезным стволом составляет 320 единиц, из которых калибра 7.62 мм – 246 единиц, иного калибра – 74 единицы. В подразделениях войск национальной гвардии т государственные военизированные организации выдана 61 единица, из которых в Росгвардию передано 39 единиц, в Министерство обороны 21 единицы.

Недобросовестное выполнение должностными лицами своих обязанностей, в том числе игнорирование использования функционала

СЦУО Росгвардии, зачастую приводит к росту утрат и хищения оружия, а несвоевременное реагирование на правонарушения и низкая эффективность приводимых контрольных и профилактических мероприятий, в том числе по проверке условий сохранности оружия, способствует совершению преступлений и происшествий с применением гражданского оружия.

В 2024 году владельцами утрачено 146 единиц оружия. Наибольшее количество утрат зарегистрировано в Республике Дагестан – 51 факт и Ставропольском крае – 45 фактов. Количество хищений гражданского оружия составило 23 факта, из которых 16 совершены на территории Республики Северная Осетия-Алания, 6 на территории Ставропольского края и 1 на территории Республики Ингушетия.

Хранение оружия и его утрата стали возможными, в связи с нарушением гражданами правил его хранения и ношения, в частности: хранение оружия вне сейфа, в том числе в автомобиле, а также при несоблюдении требований по обеспечению сохранности оружия при нахождении на водоемах, горно-лесистой местности.

В 2024 году на территории субъектов Северо-Кавказского федерального округа зарегистрировано 75 преступлений и 89 происшествий с зарегистрированным в Росгвардии оружием. В результате 48 человек погибло, а 109 человек получили ранения различной степени тяжести.

Значительное число зарегистрировано в Управлениях Росгвардии по Республике Дагестан (33 преступления и 35 происшествия), Ставропольскому краю 922 преступления и 37 происшествий), Республике Северная Осетия-Алания (12 преступлений и 6 происшествий).

Это результат ненадлежащего контроля должностными лицами ПЛРР в области оружия и слабой профилактической работы с гражданами-владельцами.

Например, в октябре текущего года в Республике Ингушетии в больницу был доставлен гражданин со сквозным огнестрельным ранением нижней челюсти слева. Так гражданин, находясь на пассажирском сиденье автомобиля своего приятеля, в результате неосторожного обращения с травматическим оружием произвел выстрел себе в лицо.

Установлено, что один из граждан является владельцем двух единиц оружия с просроченными разрешительными документами с августа текущего года. А второй гражданин, по выданной ЦЛРР в апреле 2022 года лицензией, приобрел и не поставил на учет травматический пистолет. Таким образом, следует, что должностными лицами ЦЛРР абсолютно не осуществлялся контроль за выданными гражданам лицензиями на приобретение оружия, а также не проводится работа по изъятию оружия у граждан, с истекшими сроками разрешений.

В нарушении требований федерального закона «Об оружии» продолжается практика ненадлежащего учета газового оружия самообороны в качестве огнестрельного оружия ограниченного поражения, не сертифицированного в качестве такового. Данное оружие учитывается в разрешениях серии РОХа вместо лицензии на право его приобретения и хранения серии ЛОа. В отношении 593 единиц газового оружия (не являющихся ООООП) в Республике Дагестан выданы разрешения серии РОХа, вместо лицензий серии ЛОа.

Неправомерная выдача разрешений серии РОХа представляет владельцам газового оружия право на приобретение патронов травматического действия, и влечет тяжкие последствия при его использовании.

Например, в Республике Дагестан в июле текущего года, гражданин из газового пистолета произвел выстрелы в сторону другого гражданина, причинив ему огнестрельные ранения, При этом отмечается, что в отношении указанного оружия в 2023 году выдано разрешение серии РОХа и в нарушении требований законодательства Российской Федерации до факта применения оружия разрешительный документ не приведен в соответствии.

Проведенный анализ основных результатов и показателей деятельности территориальных органов СКО войск национальной гвардии позволяет сделать вывод, что ПЛРР в целом на должном уровне обеспечивают государственный контроль за законным оборотом гражданского оружия.

Проведенный анализ основных результатов и показателей деятельности территориальных органов СКО войск национальной гвардии позволяет сделать вывод о том, что подразделения ЛРР в целом на должном уровне обеспечивают государственный контроль за законным оборотом оружия. Также, подразделения ЛРР предоставляют целый комплекс государственных услуг населению по выдаче разрешительных документов.

Необходимо обратить внимание на недопущение роста фактов утрат и хищений гражданского оружия, состоящего на учете в Росгвардии, и его неправомерного применения владельцами, провести комплекс мероприятий, направленных на недопущение данных фактов, а также организацию работы в отношении владельцев, которыми нарушены установленные законом сроки продления разрешительных документов, обеспе-

чение подразделениями качественного предоставления государственных услуг, повышения уровня и процента удовлетворенности граждан их оказанием, обеспечить качественный подбор кандидатов на вакантные должности в подразделениях ЛРР.

Список литературы:

[1] О войсках национальной гвардии Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 03.07.2016 № 226-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru. - (Дата обращения: 02.12.2025).

[2] Об утверждении Административного регламента Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства Российской Федерации в области оборота оружия: Приказ Росгвардии от 14.01.2020 № 8 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru. - (Дата обращения: 02.12.2025).

References:

[1] On the troops of the National Guard of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of 03.07.2016 No. 226-FZ//Consultant Plus: comp. ref. Legal System [Electronic Resource] URL: http://www.consultant.ru. - (Accessed: 02.12.2025).

[2] On approval of the Administrative Regulations of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation for the implementation of federal state control (supervision) over compliance with the legislation of the Russian Federation in the field of arms trafficking: Order of the Russian Guard of 14.01.2020 No. 8//Consultant Plus: comp. ref. Legal System [Electronic Resource] URL: http://www.consultant.ru. - (Accessed: 02.12.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-177-187

СОБЯНИН Антон Андреевич,
Аспирант 4 курса
кафедры гражданского процесса
УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева,
адвокат коллегии адвокатов
Свердловской области «Лойс»,
e-mail: a.sobyanin@loys.law

ПРИРОДООХРАННЫЕ ИСКИ ПРОКУРОРА

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы реализации прокурором права на обращение в суд с иском в государственных или общественных интересах в сфере экологии. Описываются сложности подготовки и подачи природоохранных исков прокурором, процедура сбора доказательств по делу, а также сложности рассмотрения данных споров судом. В статье автором делается вывод о том, что в целях повышения эффективности работы органов прокуратуры Российской Федерации в сфере охраны окружающей среды требуется как дальнейшее совершенствование соответствующего правового механизма (в частности изменение структуры механизма финансирования проведения экологических экспертиз в судебном процессе по ходатайству прокурора, организация межведомственных проверок экологического законодательства совместно с прокуратурой, регулирование порядка заключения договоров аренды и выдачи лицензий на добычу полезных ископаемых в сфере природопользования (осуществление порядка контроля и надзора за деятельностью арендаторов земельных участков, водных объектов. участков недр), ограничения сроков исполнения решения суда по превентивным природоохранным искам), так и пересмотр подходов к организации и осуществлению надзорной деятельности территориальных и специализированных прокуроров.*

Ключевые слова: *прокурор, виды судопроизводства, гражданский процесс, исковое производство, охрана природы, охрана окружающей среды.*

SOBYANIN Anton Andreevich,
4th year graduate student
of the Department of Civil Procedure,
Ural State University named after V.F. Yakovlev,
lawyer of the Bar Association of the Sverdlovsk Region "Lois"

ENVIRONMENTAL PROTECTION CLAIMS OF THE PROSECUTOR

Annotation. *This article examines the challenges of prosecutors exercising their right to file lawsuits in the state or public interest in the environmental field. It describes the complexities of preparing and filing environmental claims by prosecutors, the procedure for collecting evidence in the case, and the challenges of considering these disputes in court. The author concludes that, in order to improve the effectiveness of the Russian Federation prosecutor's office in environmental protection, it is necessary to further improve the relevant legal mechanism (in particular, restructuring the mechanism for financing environmental assessments in court proceedings at the prosecutor's request, organizing interdepartmental audits of environmental legislation jointly with the prosecutor's office, regulating the procedure for concluding lease agreements and issuing licenses for the extraction of minerals in the field of natural resource management (implementing the procedure for monitoring and supervising the activities of lessees of land plots, water bodies, subsoil plots), and limiting the time limits for enforcing court decisions on preventive environmental claims), as well as revising approaches to the organization and implementation of supervisory activities of territorial and specialized prosecutors.*

Key words: *public prosecutor, types of judicial proceeding, civil judicial proceeding, action proceeding, nature conservation, environmental protection*.

В настоящее время вопросам состояния законности в сфере охраны окружающей среды уделяется особое внимание. Так, на заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации по итогам 2024 года Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что указанная сфера остается чувствительной для общества, в связи с чем специализированным природоохранным прокуратурам необходимо обеспечить решение комплексных экологических проблем [9].

Результаты надзорной деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 2021-2022 годы свидетельствуют о наличии многочисленных нарушений экологического законодательства, допускаемых органами государственной власти всех уровней, органами местного самоуправления, а также самими природопользователями, преследующими целью обогащение за счет использования природных ресурсов. Например, согласно информации, размещенной на сайте Прокуратуры Свердловской области [10] за 2022 год Прокуратурой области выявлено 1496 случаев нарушения закона, 149 исков направлено в суд, 124 иска удовлетворено или прекращено дел в виду добровольного удовлетворения требований прокурора, 82 случая привлечения к дисциплинарной ответственности, 74 случая привлечения виновных лиц к административной ответственности, возбуждено 2 уголовных дела; за 2023 год выявлено 1374 случаев нарушения закона, 85 исков направлено в суд, 80 исков удовлетворено или прекращено дел в виду добровольного удовлетворения требований прокурора, 58 случаев привлечения к дисциплинарной ответственности, 58 случая привлечения виновных лиц к административной ответственности, возбуждено 3 уголовных дела.

Нарушения природопользователей, посягающие на публичные интересы в сфере надлежащего использования природных ресурсов и сохранения благоприятной окружающей природной среды влекут необходимость защиты прокурором публичных интересов государства, а также принятия оперативных мер реагирования, в том числе в судебном порядке [5].

Исчерпывающий перечень мер прокурорского реагирования на выявленные нарушения перечислен в ст. 23 - 25 Федерального закона № 2202-1 от 17.01.1992г. «О прокуратуре Российской Федерации» [11]. При этом выбор и использование конкретных средств прокурорского надзора при осуществлении надзора за исполнением экологического законодательства напрямую связан с особенностями объектов окружающей природной среды.

В данной статье мы подробно поговорим о природоохранных исках прокурора, целью которых является защита экологических прав в граждан, публичных интересов государства, а также о сложностях, возникающих у прокуроров при рассмотрении данных требований судом.

Прокурор обращается в суд с целью защиты публичных интересов, поскольку именно прокуратура как государственная структура, не имеющая своего ведомственного интереса в защите какой-либо социальной, экономической или иной отрасли, призвана обеспечить соблюдение закона и баланса частных и публичных интересов участниками природоохранных и природоресурсных отношений [5].

Исходя из анализа положений ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» можно выделить следующие основные направления природоохранной деятельности прокуратуры:

- надзор за исполнением нормативно-правовых актов, регулирующих отношения в сфере природопользования и охраны окружающей среды;
- уголовное преследование за совершение экологических преступлений в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации;
- координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, в том числе и с экологической преступностью согласно Положению о координации деятельности по борьбе с преступностью, утвержденным Указом Президента РФ от 18.04.1996 № 567;
- возбуждение дел об административных правонарушениях и проведение административного расследования в соответствии с полномочиями, установленными КоАП РФ (статья 25.11 КоАП РФ) и другими федеральными законами;
- участие в соответствии с процессуальным законодательством в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве, опротестовывание противоречащих закону решений, приговоров, определений и постановлений судов;

Возникновение у прокурора права на предъявление иска связано с наличием определенных предпосылок. К ним относятся:

1) наличие у прокурора процессуальной правоспособности, прокурор наделяется процессуальной правоспособностью в силу наличия компетенции в определенной сфере общественных отношений.
2) подведомственность дела суду, т.е. исковое заявление/административное исковое заявление, подаваемое прокурором, должно подлежать рассмотрению и разрешению в порядке гражданского или адми-

нистративного судопроизводства. Подведомственность определяется на основании ст. 22 ГПК РФ, 17 КАС РФ;

3) отсутствие по данному делу вступившего в законную силу решения суда по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям или определения суда о прекращении производства по делу в связи с отказом истца от иска или утверждением мирового соглашения между сторонами;
4) отсутствие принятого по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям решения третейского суда, за исключением случаев отказа суда в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда;
5) юридическая заинтересованность.

Прокурор является профессиональным участником судебного процесса, имеющим самостоятельные полномочия по сбору доказательств на стадии подготовки искового заявления [12], зачастую им используются материалы проверок как по уголовным, так и по административным делам, протоколы и результаты лабораторных исследований, экспертиз, различного рода техническая документация и т.п.

Экологические споры по своей природе представляют собой разновидность судебных споров, вызванных причинением вреда или угрозой причинения вреда непосредственно самой окружающей среде или же здоровью, жизни и (или) имуществу лиц в результате негативного воздействия на окружающую среду.

Российское экологическое законодательство дифференцирует три вида исков прокурора по экологическим спорам: 1) иски из причинения вреда самой окружающей среде (предусмотренные ст. 78 Закона об охране окружающей среды); 2) иски из причинения вреда здоровью и имуществу граждан в результате нарушения законодательства в области охраны окружающей среды (ст. 79 Закона об охране окружающей среды); 3) превентивные иски, целью которых является пресечение осуществления деятельности, причиняющей вред окружающей среде, устранение факта угрозы причинения вреда окружающей среде и здоровью граждан (ст.80 Закона об охране окружающей среды). Прокурором, заявляющим превентивные исковые требования в защиту неопределенного круга лиц фактически должно быть заявлено требование о понуждении ответчика к выполнению действующего законодательства в области охраны окружающей среды, которое должно является способом, обеспечивающим восстановление заявленного к защите в качестве нарушенного права неопределенного круга лиц на благоприятную окружающую среду, при том, что соблюдение закона является обязанностью всех граждан и организаций Российской Федерации. Требования должны соответствовать статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации и обеспечивать восстановление нарушенного права, с учетом разъяснений постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде».

Все три вида исков прокуроров по экологическим делам требуют доказывания в судебном процессе юридического состава возникновения экологического деликта, при этом факт совершения экологического деликта не может быть доказан только юридическим фактом привлечения лица к административной ответственности в ходе проведения прокурорской или ведомственной проверки по формальным признакам состава правонарушения, а причинение вреда здоровью и имуществу граждан должен быть доказан необходимыми доказательствами по делу (медицинская документация, заключения специалистов, экспертов, протоколы лабораторных исследований и т.п.).

Возложение деликтной ответственности за вред окружающей среде осуществляется в особом порядке, предписанном природоресурсным и природоохранительным правоотношениям, и не подлежит замене институтом административной ответственности. К ответственности привлекаются титульные владельцы земельных участков, а также органы местного самоуправления, хозяйствующие субъекты осуществляющие промышленную деятельность с нарушениями действующего природоохранного законодательства, целью которого является сохранение природы.

Предметами вышеуказанных видов исковых заявлений помимо взыскания причиненного ущерба чаще всего является возложение каких-либо обязанностей на природопользователя, возложение обязанности на орган местного самоуправления принять меры по ликвидации несанкционированного размещения отходов на территории района, приостановление деятельности предприятия до получения им необходимой разрешительной документации, возложение на предприятие обязанности по разработке проектов организации и благоустройству санитарно-защитных зон, обязание провести работы по рекультивации земельного участка согласно утвержденному проекту, обязание инвентаризировать объекты негативного воздействия на окружающую среду, привести в соответствие программы экологического и производственного контроля организации и т.д. В этой связи при подготовке иска и направлении его в суд прокурор,

исходя из нормативно закрепленных положений, а в их отсутствие - руководствуясь принципами законности и исполнимости судебных актов, должен указать в силу ст. ст. 206 ГПК РФ, 187 КАС РФ срок исполнения заявленных им требований, иначе решение суда будет исполняться «бесконечно». Так в частности в определении Верховного суда от 31.01.2023 № 308-ЭС22-20037 суд указал на обязанность контролирующего органа установить круг лиц, хозяйственная деятельность которых причинила вред окружающей среде, несмотря на то, что у земельного участка был собственник. Сам титул не может быть основанием для привлечения к ответственности. В данном случае судом установлена презумпция невиновности собственника, не осуществляющего деятельность на земельном участке или не допускающего бездействие по его сохранению.

Отметим , что при рассмотрении аналогичных споров чаще применяется опровержимая презумпция виновности природопользователя, чья деятельность является потенциально опасной для природы (см. определения Верховного суда РФ от 03.07.2023 г. № 305-ЭС22-27963 по делу № А40-70161/2021 и от 10.10.2023 г. № 304-ЭС23-8238 по делу № А81-7479/2021).

Применение указанной презумпции также обусловливает возложение на природопользователя повышенного стандарта доказывания его непричастности к причинению вреда окружающей среде. Он должен доказать отсутствие причинно-следственной связи его природопользования с зафиксированным вредом. По данной категории споров не исключается солидарная ответственность совместно с иными причинителями вреда.

В основе таких дел, передаваемых для разрешения в порядке искового производства (административного искового производства), лежат публичные правоотношения, а предъявляемые прокурором требования преследуют цель выполнения обязанными субъектами административно-правовых предписаний, содержащихся в нормах публичного права [1] и приведение своей деятельности в соответствии с законом.

Если у прокурора отсутствует право на предъявление иска, суд выносит мотивированное определение об отказе в принятии искового заявления, что препятствует повторному обращению в суд с иском к тому же ответчику о том же предмете по тем же основаниям. Если данный факт будет выявлен при рассмотрении гражданского/административного дела, то судья прекращает производство по делу.

Возможность предъявления прокурорами исков в защиту государственных или общественных интересов зависит от характера спора. Если спор носит частноправовой характер, право на предъявление иска у прокурора есть. Если требование основано на отношениях власти и подчинения, оно должно рассматриваться в рамках иного судебного порядка (в порядке административного судопроизводства). Наличие иного судебного порядка рассмотрения дела исключает возможность принятия искового заявления к производству (п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК), а если гражданское дело все-таки было возбуждено, служит основанием для прекращения производства по нему (ст. 220 ГПК).

Сегодня судебная практика выработала противоположные правовые позиции относительно подведомственности споров, возникающих из экологических правоотношений, обоснована целесообразность распространения общих критериев судебной подведомственности на споры, возникающие из экологических правоотношений. В случаях, когда экологический спор возник между юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями при осуществлении ими видов предпринимательской или иной экономической деятельности, дела подлежат рассмотрению в арбитражном суде. Если экологический спор между перечисленными субъектами возник не в связи с осуществлением ими хозяйственной деятельности, то дела подлежат рассмотрению в судах общей юрисдикции. Требования прокурора о компенсации вреда, причиненного окружающей среде юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, приостановлении деятельности предприятий в связи с несоблюдением норм экологического законодательства всегда рассматриваются в судах общей юрисдикции, даже в случаях причинения вреда при осуществлении ими предпринимательской деятельности.

Специфика субъектного состава при рассмотрении в судах споров, возникающих из экологических правоотношений, выражена в приоритетной процессуально-правовой роли суда, а также в частом и необходимом участии прокурора и органов власти, осуществляющих государственный экологический надзор.

Следует отметить, что прокурор, обратившийся в суд с исковым заявлением/административным иском, пользуется процессуальными правами и несет процессуальные обязанности истца/административного истца (за исключением права на заключение соглашения о примирении и обязанности по уплате судебных расходов), а также обязанность по уведомлению гражданина или его законного представителя о своем отказе от поданного им в интересах гражданина иска.

Если при предъявлении иска в суд возникает необходимость в обеспечении исковых требований (например, по имущественному спору), то прокурор в исковом заявлении, как и иные

участники процесса, должен поставить вопрос о том, чтобы судья принял меры к обеспечению иска. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 14.02.2002 № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 140 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л. Б. Фишер» указал, что с ходатайством об обеспечении иска может обратиться и прокурор. Однако при этом следует учитывать, что в силу принципов диспозитивности, состязательности и процессуального равноправия сторон прокурор не может действовать вопреки воле лица, в чьих интересах подан иск. соответствии с ч. 3 ст. 140 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации меры обеспечения иска должны быть соразмерны заявленному исковому требованию. Обеспечение иска - это совокупность мер, гарантирующих реализацию решения суда в случае удовлетворения исковых требований.

Суд правомочен удовлетворить заявление об обеспечении иска лишь при совокупном установлении двух юридически значимых обстоятельств:1) реальной угрозы будущей невозможности или существенного затруднения исполнения судебного акта в случае его вынесения в пользу истца и 2) принципа соразмерности запрашиваемых обеспечительных мер характеру и объёму заявленных имущественных требований.

При разрешении вопроса о принятии обеспечительных мер суд учитывает разумность и обоснованность требования прокурора о применении обеспечительных мер; вероятность причинения заявителю значительного ущерба в случае непринятия обеспечительных мер; обеспечение баланса интересов заинтересованных сторон; предотвращение нарушения при принятии обеспечительных мер публичных интересов, интересов третьих лиц. Рассматривая заявление о применении обеспечительных мер по экологическим спорам, суд оценивает, насколько истребуемая заявителем конкретная обеспечительная мера связана с предметом заявленного требования, соразмерна ему и каким образом она обеспечивает фактическую реализацию целей обеспечительных мер. Обеспечительные меры по природоохранным искам прокурора должны накладываться максимально оперативно, иначе возможны существенные экологические последствия непринятия данных мер.

К видам негативного воздействия на окружающую среду законодатель относит выбросы (сбросы) в атмосферный воздух, водные объекты и на водосборные площади загрязняющих и иных веществ, а также загрязнение недр, почв, размещение отходов производства и потребления, в том числе загрязнение окружающей среды шумом, теплом, электромагнитными, ионизирующими и другими видами физических воздействий, невыполнение органами публичной власти мероприятий, предписанных законодательством (непринятие мер по организации деятельности в сфере обращения с отходами, ликвидации несанкционированных свалок, накопленного экологического вреда и др.), незаконное использование организациями, предприятиями природных ресурсов (объектов животного мира, земельных участков, водных объектов и др.).

Вред, причиненный окружающей среде, должен быть возмещен его причинителем в полном объеме, при этом к лицу применяются общие правила Гражданского кодекса РФ о деликтной ответственности [8]. Деликтная ответственность причинителя вреда в ряде случаев может быть затрахована. Коль скоро деликтная ответственность за причинение экологического вреда должна быть узаконена в гл. 59 ГК РФ, естественно, это следует сделать и в гл. 48 (п. 3 ст. 927, п. 2 ст. 929, п. 1 ст. 931), распространив тем самым институт страхования на случаи, когда вред причинен окружающей среде.

Законодательство и практика оперируют различными видами страховых рисков, экологический риск - один из них. Закон Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» деятельность хозяйствующего субъекта-предпринимателя связана также с экологическими рисками и является потенциальной угрозой причинения вреда здоровью граждан и имуществу (собственности) физических и юридических лиц, публично-правовых образований, а также окружающей среде. Поэтому необходимы финансовые гарантии, что и в этих случаях причиненный вред будет возмещен за счет хозяйствующего субъекта-предпринимателя. Правовой инструмент решения этой задачи - страхование. Необходимость использования правового института «страхование» вытекает из принципа «презумпции экологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности», закрепленного в ст. 3 Федерального закона № 7-ФЗ. Действующее нормативное регулирование в данной сфере определяет страховой риск как «предполагаемое событие, на случай наступления которого проводится страхование. Событие, рассматриваемое в качестве страхового риска, должно обладать признаками вероятности и случайности его наступления». Страхование осуществляется в форме добровольного и обязательного страхования. Поэтому прокурору необходимо ходатайствовать о привлечении в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных исковых требований страховые компании, застраховавшие ответственность лиц, причинивших экологический вред.

В связи с вышеизложенным полагаем, что следовало бы дополнить ст. 927 Гражданского кодекса РФ пунктом: «Обязательному страхованию подлежит ответственность юридических и физических лиц, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих, за причинение вреда окружающей среде».

Защищая права неопределенного круга лиц, прокурор тем самым способствует удовлетворению общего (публичного) интереса в поддержании законности и правопорядка в обществе. Именно поэтому участие прокурора в гражданском и арбитражном судопроизводстве в рассмотрении данной категории дел должно получить более детальную законодательную регламентацию в соответствующих кодексах и быть должным образом регламентировано в ведомственных актах Генеральной прокуратуры, поскольку прокурор существенно ограничен в финансировании проведения сложных судебных экспертиз, использования в качестве доказательств специальных лабораторных исследований, не является специалистов в области экологии, лишен возможности постоянно присутствовать в месте совершения экологического правонарушения.

Прокурор вправе подавать иски о возложении обязанности на орган местного самоуправления принять меры по ликвидации несанкционированного размещения отходов на территории района; о приостановлении деятельности предприятия до получения им необходимой разрешительной документации; о возложении на предприятие обязанности по разработке проектов организации и благоустройству санитарно-защитных зон, о возмещении экологического вреда и т.д., в своем большинстве требования прокурора касаются возложения обязанности на ответчика совершить определенные действия, формулировки которых в исковых заявлениях порой имеют принципиальное значения для всестороннего и полного рассмотрения спора и принятого судом по делу судебного акта [13].

Прокурор обязан уделить особое внимание подготовке доказательств по делу и в целях предотвращения возможного экологического вреда ходатайствовать о применении к ответчикам обеспечительных мер, привлекать к рассмотрению спора специалистов для проведения необходимых комплексных исследований и измерений.

В настоящий момент при определении степени причиненного вреда объектам окружающей природной среды применению подлежат различные таксы и методики исчисления размера вреда, причиненного различным экологическим объектам [14].

Факт совершения ответчиком деяния, повлекшего причинение вреда, может подтверждаться вступившим в законную силу приговором, постановлением о привлечении к административной ответственности за совершение правонарушения в сфере экологии, актом прокурорской проверки, актом (документами) уполномоченных органов, заключениями экспертов, объяснениями лиц, иными документами.

Акт прокурорской проверки должен содержать дату, время, место, основания и участников проверки, обстоятельства нарушения действующего законодательства в сфере охраны природы, характеристики технических средств, которыми производится фотофиксация (видеофиксация), перечень прилагаемых к акту фотографий (видеозаписей). К фотографиям следует сделать поясняющие надписи; листы акта проверки и фототаблицы пронумеровать, подписать участниками проверки. В случае отбора проб, необходимо руководствоваться методиками их отбора для каждого вида объектов природы, фиксировать процедуру отбора проб.

При проведении фотосъемки следует применять технику криминалистической фотографии, при оформлении документов - сложившиеся в криминалистике требования к оформлению документов; при получении объяснений - тактические приемы допроса при получении объяснений, технику криминалистической фотографии.

Для правильного разрешения вопросов, требующих специальных знаний, в том числе в области определения источника происхождения вреда, механизма его причинения, его размера, объема необходимых восстановительных работ, возможности и сроков их проведения, по делу могут проводиться соответствующие экспертизы (п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 49).

В каждом случае требуется выяснить, в чем выразился вред, и представить доказательства обоснованности его размера, выявить источник возникновения вреда, причины его возникновения, тщательно зафиксировать произошедшие события путем фото- и видеосъемки (желательно в различные периоды времени).Прокурору при подготовке иска надлежит убедиться, что расчет размера вреда произведен уполномоченным органом в соответствии с подлежащими применению таксами и методиками, проверить их редакцию и результаты расчета.

Практика показывает, что при предъявлении требований о возложении на ответчика обязанности по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды следует выяснять, в том числе с привлечением экспертов в сфере экологии и технического регулирования, не приведет ли исполнение ответчиком таких действий к повторному причинению ущерба окружающей среде.

С момента вступления решения суда в силу до наступления указанных в решении суда сроков, которые в силу специфики экологических правоотношений иногда исчисляются годами, - никто контроль за надлежащим исполнением решения суда не осуществляет, поэтому некоторые недобросовестные предприниматели-должники никаких мероприятий по исполнению судебного акта чаще всего не проводят. В последующем с целью затягивания сроков исполнения судебного акта данные обращаются в суд для получения отсрочки исполнения решения суда, мотивируя ее отсутствием финансов, необходимостью подготовки дополнительных документов, привлечением компетентных специалистов и т.п.

Суд в большинстве случаев данную отсрочку предоставляет, что опять-таки сводит всю работу прокурора к нулевому результату и дает должникам по исполнительному производству период длительной паузы для последующего бездействия. Указанная ситуация продолжается до тех пор, пока суд не поймет, что должник просто уклоняется под разными предлогами от обязанности по исполнению решения суда. Но до этого «прояснения» проходит достаточно большой период времени, в течение которого продолжают нарушаться конституционные права неопределенного круга лиц, причиняется вред природе, который зачастую по прошествию длительного периода времени очень сложно зафиксировать и в последующем рассчитать размер необходимой компенсации.

Для устранения этой негативной тенденции необходимо, чтобы решения суда «в жизни» обладали законодательно закрепленными признаками обязательности и исполнимости, для чего судьи не должны умалять авторитет своей власти и выносимых постановлений, применять институт отсрочки исполнения решения суда (ст. 203 ГПК РФ) только в исключительных случаях, при наличии серьезных препятствий к совершению исполнительных действий, и не более одного раза по каждому делу и тем самым не нарушать право граждан на судебную защиту, так как «отсрочка исполнения решения суда отдаляет реальную защиту нарушенных прав или охраняемых законом интересов взыскателя, часто - на неопределенный срок» [15].

Кроме того, должен четко и отлаженно работать механизм привлечения к уголовной ответственности за неисполнение решения суда (ст. 315 УК РФ), что требует комплексных оперативных изменений смежных отраслей законодательства, актуализации методик определения размера причиненного экологического вреда.

Стоит отметить, что, осуществляя надзор в сфере соблюдения требований природоохранного законодательства, принимая меры реагирования по выявленным нарушениям к различным предприятиям, прокуратура не ставит задачу прекратить деятельность действующих предприятий, а, напротив, выбирает судебную форму защиты с требованием о возложении на предприятия обязанности по получению необходимых разрешительных документов, устранению допущенных нарушений природоохранного законодательства, поскольку важно добиться реального устранения нарушения закона, а не закрыть те или иные предприятия.

Вместе с тем особую сложность на практике представляют вопросы доказывания прокурорами в судебном порядке факта наличия угрозы причинения значительного ущерба окружающей среде, загрязнением объектов природы, поскольку выявление данных объектов в определенной местности и соответствие их определенным физическим и химическим характеристикам выступает отдельным предметом исследования специалистов, экспертов и суда; сложно также порой доказывать наличие причинно-следственной связи между деянием правонарушителя и последствиями в виде вреда природе при прошествии длительного периода времени, поскольку ситуацию могут изменить различный факторы (например, выпадение осадков в виде снега и дождя, природные пожары, увеличение очага загрязнения посредством выброса гражданами ТБО и др.)

Нередко по результатам судебного разбирательства суды приходят к выводу о том, что прокурорами не представлены достаточные доказательства, подтверждающие наличие соответствующей угрозы, которая может служить основанием для принятия решения о возложении обязанности по устранению несанкционированных свалок, проведению рекультивации земельного участка, обязании возместить имущественный вред.

Помимо вышеизложенного, целесообразно определение перечня документов и требований к их содержанию, а также круга уполномоченных на их выдачу органов власти и должностных лиц, которые могут выступать в качестве надлежащих доказательств в суде для возложения на соответствующие администрации или иных ответчиков обязанности по устранении экологического вреда, осуществления измерений его устранения на местности.

Приходится констатировать, что, обращаясь в суд, сотрудники прокуратуры не всегда правильно определяют ответчика, на которого требуют возложить соответствующие обязанности по возмещению экологического вреда, порой ходатайствуют о привлечении группы лиц к соли-

дарной ответственности, не установив степень вины каждого лица в причинении имущественного вреда, не обладают должным уровнем специальных экологических и технических знаний, не владеют экологическими терминами, такими как «отходы», «почва», «участок недр», вскрышная порода и др. Также прокуроры по природоохранным искам имеют имущественные ограничения связанные с финансированием дорогостоящих экологических экспертиз, оплатой услуг необходимых специалистов, а также необходимых приборов для осуществления точных измерений.

Изложенные в данной статье доводы и тезисы позволяют сделать обоснованный вывод о необходимости обеспечения в процессе осуществления надзорной деятельности тесного взаимодействия между прокурорами, сотрудниками органов муниципального земельного контроля, лесничеств, сотрудниками Росприроднадзора в том числе расширения практики проведения ими совместных проверок и скоординированного принятия мер, направленных на устранение нарушений закона, с учетом их компетенции.

Преодоление негативных тенденций в сфере противодействия массовым экологическим правонарушениям и росту экологической преступности в целом и отдельным ее видам возможно только путем объединения усилий государственных, в том числе правоохранительных, органов добросовестных природопользователей, а также различных институтов гражданского общества. Особое внимание на наш взгляд должно быть также обращено на пресечение фактов незаконной застройки и отчуждения земель особо охраняемых природных территорий (ООПТ), изменения режима ООПТ в отсутствие согласования с Минприроды России, отнесения лесов на ООПТ к категории защитных. Знаковым для определения судьбы лесных участков, в том числе и находящихся на границах муниципальных образований и ООПТ является Определение Верховного суда РФ по делу № 64-КАД25-7-К9 [16], в котором разъяснены особенности согласования генплана городского округа, если он предусматривает изменение территории населенного пункта путем включения в нее земель лесного фонда.

Включение земель лесного фонда в границы населенных пунктов существенно меняет правовое положение соответствующих земель и лесных участков как в части охраны лесов, так и в части соответствующих имущественных отношений, непосредственно затрагивая интересы России. Таким образом, как счел ВС, предполагаемое изменение территории населенного пункта путем включения в нее земель лесного фонда должно быть согласовано с уполномоченным федеральным органом исполнительной власти. В связи с этим муниципалитет не вправе приступить к утверждению проекта генплана без положительного заключения на него. Лесные участки из земель лесного фонда в силу прямого указания закона находятся исключительно в федеральной собственности, что обусловливает необходимость обязательного согласования проекта генплана городского округа с Рослесхозом.

В Постановлении Конституционного суда РФ от 22 сентября 2023 № 45-П,отражена правая позиция, защищающая лесной фонд как национальное достояние и федеральную собственность, суть позиции - генплан, включающий леса в границы населенного пункта, является незаконным, если на это нет прямого письменного согласия от Рослесхоза. Все прежние уловки, например принятие генплана муниципального образования «с условием» последующего урегулирования или ссылки на молчание ведомства, в настоящий момент больше не действуют. Расширение городов за счет лесов отныне проходит исключительно под федеральным контролем, что существенно влияет на практику территориального планирования по всей России, требуя от органов власти строгого соблюдения федерального законодательства в сфере лесных и экологических правоотношений. Суд подтвердил императивный характер требований о согласовании с Рослесхозом проектов генпланов, предусматривающих включение земель лесного фонда в границы населенных пунктов. Таких знаковых для правоприменения судебных актов Верховного и Конституционного судов РФ в экологическом законодательстве достаточно много и не все природопользователи им следуют и соблюдаю. Задача прокуратуры - пресекать столь серьезные и значимые для общества и государства правонарушения в экологической сфере.

Отметим, что в силу ст. ст. 21 и 26 Закона о прокуратуре органы прокуратуры при осуществлении надзора за исполнением законов не подменяют иные уполномоченные органы. Однако практика прокурорского надзора свидетельствует о том, что часто лишь после вмешательства органов прокуратуры контролирующие органы принимают реальные меры по устранению нарушений природоохранного законодательства, взысканию ущерба, причиненного окружающей среде. В этой связи при выявлении фактов бездействия прокурорам в каждом конкретном случае необходимо также решать вопрос и о привлечении должностных лиц органов контроля к ответственности.

Представляется, что назрела необходимость на уровне Генеральной прокуратуры РФ

разработать методические рекомендации по организации и осуществлению надзора в сфере лесных (берем шире - экологических) правоотношений, в которых следует обозначить тактические приемы комплексной или последовательной реализации в практической деятельности прокурорами разных уровней использования функций прокуратуры, внести изменения или переиздать организационно-распорядительные документы в рассматриваемой сфере деятельности с учетом развития и использования информационных технологий. Каждой прокуратуре субъекта РФ через Рослесхоз необходимо обеспечить доступ к Единой государственной автоматизированной системе учета древесины и сделок с ней.

Представляется, что в настоящее время должностным лицам органов прокуратуры в случае фактического неисполнения виновными в допущенных нарушениях прав граждан должностными лицами обязательных требований целесообразно понуждать указанных должностных лиц к совершению действий, направленных на восстановление нарушенных прав и свобод личности, в судебном порядке.

Вместе с тем видится необходимым обеспечить нормативное закрепление подобной процедуры. С учетом характера общественных отношений, затрагивающих права и свободы человека и гражданина, надзор за соблюдением которых осуществляют органы прокуратуры, соответствующий механизм понуждения нарушителя к восстановлению прав и свобод может быть закреплен путем внесения соответствующих изменений в ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации либо включения соответствующих норм в гл. 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Кроме того, учитывая, что предъявляемые в данном случае требования прокурора затрагивают вопросы соблюдения прав и свобод личности и, как следствие этого, реализации положений Конституции Российской Федерации, представляется необходимым установить сокращенный срок рассмотрения судами дел указанной категории.

Очевидно, что четкое определение последовательности действий должностных лиц органов прокуратуры в случае уклонения виновных лиц от устранения выявленных в ходе надзорной деятельности нарушений прав и свобод личности позволит добиться неукоснительного соблюдения конституционных норм о статусе личности.

Органы прокуратуры выполняют особую роль в защите прав и свобод человека и гражданина. Во многом данная роль обусловлена статусом органов прокуратуры в системе государственных органов Российской Федерации, связанным с неподконтрольностью иным государственным структурам. Реализация данных полномочий призвана обеспечивать режим законности в Российской Федерации, одним из важнейших принципов которого является гарантированность прав и свобод человека и гражданина. Высокий уровень контроля и надзора за реализацией законности, направленного на своевременное выявление, пресечение и предупреждение правонарушений, относится к числу юридических гарантий законности.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать обоснованный вывод о том, что в целях повышения эффективности работы органов прокуратуры Российской Федерации в сфере охраны окружающей среды требуется как дальнейшее совершенствование соответствующего правового механизма (в частности изменение структуры механизма финансирования проведения экологических экспертиз в судебном процессе по ходатайству прокурора, организация межведомственных проверок экологического законодательства совместно с прокуратурой, регулирование порядка заключения договоров аренды и выдачи лицензий на добычу полезных ископаемых в сфере природопользования (осуществление порядка контроля и надзора за деятельностью арендаторов земельных участков, водных объектов. участков недр), ограничения сроков исполнения решения суда по превентивным природоохранным искам), так и пересмотр подходов к организации и осуществлению надзорной деятельности территориальных и специализированных прокуроров.

Отметим, что в силу ст. ст. 21 и 26 Закона о прокуратуре органы прокуратуры при осуществлении надзора за исполнением законов не подменяют иные уполномоченные органы. Однако практика прокурорского надзора свидетельствует о том, что часто лишь после вмешательства органов прокуратуры по обращениям граждан о нарушении их экологических прав контролирующие органы принимают реальные меры по устранению нарушений природоохранного законодательства, взысканию ущерба, причиненного окружающей среде. В этой связи при выявлении фактов бездействия прокурорам в каждом конкретном случае необходимо также решать вопрос и о привлечении должностных лиц органов контроля к ответственности.

Наряду с внесением изменений в федеральное законодательство по вопросу регулирования процедуры финансирования проведения судебных экологических экспертиз по ходатайству прокурора, ускорения процедуры рассмотрения экологических споров, особое значение будет

иметь подготовка Генеральной прокуратурой Российской Федерации соответствующих методических рекомендаций, касающихся работы прокуроров в сфере защиты экологических прав граждан и публичных интересов государства, которые позволили бы привести к единообразию практику прокурорского надзора в рассматриваемой сфере, а также избежать фактов совершения вышеперечисленных просчетов при реализации предоставленных законом полномочий на подачу исковых требований в защиту публичных интересов в судебном порядке.

Следует отметить, что для того, чтобы эффективно предупреждать и расследовать правонарушения, связанные с экологическим законодательством, сотрудники прокуратуры должны оперативно реагировать на сообщения о правонарушениях, а также активно сотрудничать с обществом, СМИ, экологическими организациями и местными жителями

С учетом повышенного внимания депутатского корпуса, представителей Народного фронта и ответственных лиц Правительства Российской Федерации к проблеме охраны природных объектов, на ближайшую перспективу актуализируется постоянный прокурорский надзор за исполнением законов при проектировании, строительстве и вводе в эксплуатацию промышленных предприятий, при расчистке русел рек, строительстве и реконструкции цехов заводов, строительстве мусороперерабатывающих заводов, полигонов, очистных сооружений.

Список литературы:

[1] Андрианов Н.А. О праве прокурора на предъявление иска и видах судопроизводства // Адвокатская практика. 2011. № 6.

[2] Бахарева О. А., Ерохина Т. П. Участие прокурора в гражданском судопроизводстве : курс лекций / под ред. О. В. Исаенковой. С. 31.

[3] Бердинских С.В. О типичных нарушениях законодательства в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 5 (126). Май.

[4] Бердинских С.В. Применение достижений криминалистики при фиксации доказательственной информации о нарушениях режима особо охраняемых природных территорий // Законность. 2020. № 11.

[5] Кряжков А.В. Роль прокурора в защите публичных интересов в арбитражном суде: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

[6] Паламарчук А.В. Прокурорский надзор за исполнением природоохранного законодательства в Арктической зоне // Законность. 2016. № 8.

[7] Прокурорский надзор за исполнением экологического законодательства: Пособие / Под ред. А.В. Паламарчука. М., 2014.

[8] Пономарев М.В. Проблемы применения норм экологического права при разрешении судами споров в области обращения с отходами // Судья. 2019. № 6.

[9] Заседание коллегии Генпрокуратуры России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts /statements/60100 (дата обращения 20.01.2026).

[10] Основные показатели работы прокуроров: URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_66/activity/statistics/office/result?item=88452162 (дата обращения 23.01.2026).

[11] Российская газета, № 39, 18.02.1992.

[12] См.: Апелляционное определение Свердловского областного суда по делу № 33-5097/2022 от 20.04.2022.

[13] См. например: Апелляционное определение Свердловского областного суда по делу № 33-2090/2023 от 03.02.2023г., Апелляционное определение Свердловского областного суда по делу № 33-19997/2024 от 18.12.2024г.

[14] Методики для исчисления размера вреда, причиненного окружающей среде, применяются тогда, когда речь идет о загрязнении (уничтожении) объектов окружающей среды, которые посчитать «поштучно» нельзя, например, водные объекты, почва. При расчете размера ущерба по методикам используются формулы. В экологической сфере применяются следующие методики: Приказ Минприроды России от 13.04.2009 № 87 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства», Методика определения ущерба окружающей природной среде при авариях на магистральных нефтепроводах (утв. Минтопэнерго РФ 01.11.1995), Методикой исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды (утв. приказом Минприроды России от 08.08.2010 № 238) и т.д.

[15] Определение Конституционного Суда РФ от 18.04.2006 г. № 104-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хакимова Рустема Райшитовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 203 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[16] Сайт Верховного суда РФ URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2501936 (дата обращения 23.01.2026г.).

References:

[1] Andrianov N.A. On the right of the prosecutor to bring a claim and types of legal proceedings// Legal practice. 2011. № 6.

[2] Bakhareva O. A., Erokhina T. P. Participation of the prosecutor in civil proceedings: a course of lectures/ed. O. V. Isaenkova. S. 31.

[3] S.V. Berdinskikh. On Typical Violations of Legislation in the Field of Use and Protection of Specially Protected Natural Areas//Actual Problems of Russian Law. 2021. T. 16. № 5 (126). May.

[4] S.V. Berdinskikh. Application of forensic achievements in recording evidence information on violations of the regime of specially protected natural areas//Legality. 2020. № 11.

[5] Kryazhkov A.V. The role of the prosecutor in protecting public interests in the arbitration court: Dis.... cand. jurid. sciences. M., 2000.

[6] A.V. Palamarchuk. Prosecutor's supervision of the implementation of environmental legislation in the Arctic zone//Legality. 2016. № 8.

[7] Prosecutor's supervision of the implementation of environmental legislation: Manual/Ed. A.V. Palamarchuk. M., 2014.

[8] M.V. Ponomarev. Problems of Applying Environmental Law Norms in Resolving Waste Management Disputes by Courts//Judge. 2019. № 6.

[9] Meeting of the Board of the Prosecutor General's Office of Russia. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts /statements/60100 (дата обращения 20.01.2026).

[10] Key performance indicators of prosecutors: URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_66/activity/statistics/office/result?item=88452162 (date of appeal 23.01.2026).

[11] Rossiyskaya Gazeta, No. 39, 18.02.1992.

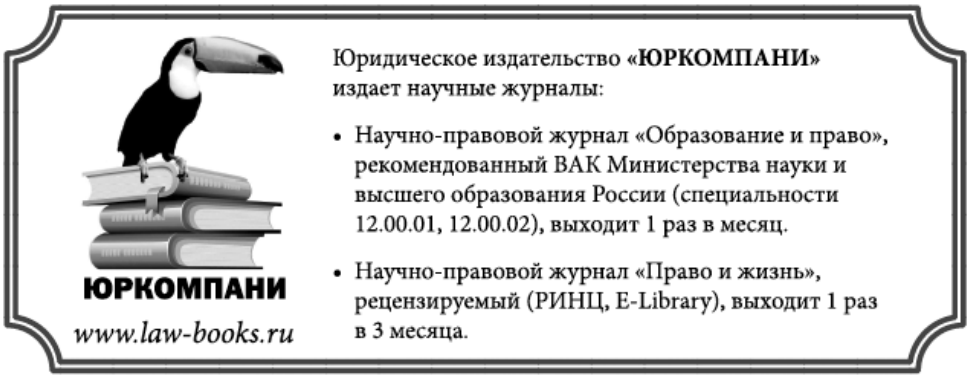
[12] See: Appeal ruling of the Sverdlovsk Regional Court in case No. 33-5097/2022 of 20.04.2022.

[13] See for example: Appeal ruling of the Sverdlovsk Regional Court in case No. 33-2090/2023 dated 03.02.2023, Appeal ruling of the Sverdlovsk Regional Court in case No. 33-19997/2024 dated 18.12.2024.

[14] Methods for calculating the amount of damage caused to the environment are used when it comes to pollution (destruction) of environmental objects that cannot be counted "individually," for example, water bodies, soil. When calculating the amount of damage according to the methods, formulas are used. In the environmental sphere, the following methods are used: Order of the Ministry of Natural Resources of Russia of 13.04.2009 No. 87 "On Approval of the Methodology for Calculating the Amount of Damage Caused to Water Bodies as a Result of Violation of Water Legislation," Methodology for Determining Environmental Damage from Accidents on Oil Trunk Pipelines (approved by The Ministry of Fuel and Energy of the Russian Federation 01.11.1995) the Methodology for Calculating the Amount of Damage Caused to Soils as an Object of Environmental Protection (approved by Order of the Ministry of Natural Resources of Russia dated 08.08.2010 No. 238), etc.

[15] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 18.04.2006 No. 104-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Khakimov Rustem Raishitovich about violation of his constitutional rights by part one of Article 203 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation "//SPS" ConsultantPlus. "

[16] Website of the Supreme Court of the Russian Federation URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2501936 (date of appeal, 23.01.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.12.2025 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-188-193
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.

ДМИТРИЕВ Григорий Геннадьевич,
доктор педагогических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник аппарата ученого секретаря,
адъюнктуры, докторантуры ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: vifk-nic@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ АГРЕССИИ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВИДОВ И ФОРМ АГРЕССИВНОСТИ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос агрессивного поведения, описаны его особенности и выяснены причины появления данного поведения, проанализирована структура агрессивности, ее форм и видов.*

Ключевые слова: *агрессия, активная агрессия, пассивная агрессия, жертва, психические свойства.*

DMITRIEV Grigoriy Gennadievich,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Leading Researcher of the Office of the Academic Secretary,
Adjuncts, and Doctoral Students Federal
State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation

THE CONTENT OF THE CONCEPT OF AGGRESSION, PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF TYPES AND FORMS OF AGGRESSION

Annotation. *The article examines the issue of aggressive behavior, describes its features and explains the causes of this behavior, analyzes the structure of aggressiveness, its forms and types.*

Key words: *aggression, active aggression, passive aggression, victim, mental properties.*

Для того чтобы раскрыть содержание агрессивного поведения, описать его особенности и выяснить причины появления данного поведения, необходимо обратиться к анализу структуры агрессивности, ее форм и видов.

А. Басс в основу классификации положил три параметра, по которым характеризуют формы агрессивного поведения: 1) физическая – вербальная агрессия; 2) активная – пассивная агрессия; 3) прямая косвенная [21]. Комбинирование этих параметров позволило ему выделить 8 форм агрессивного поведения:

– активная агрессия: физическая прямая (нанесение телесных повреждений); физическая косвенная (нанесение телесных повреждений заместителю жертвы); вербальная прямая (нанесение оскорблений); вербальная косвенная (злословия).
– пассивная агрессия: физическая прямая (противодействие); физическая косвенная (негативизм); вербальная прямая (отказ говорить); вербальная косвенная (несоглашательство).

Структуру агрессивности, которую предложили в своих работах Осинский А.К., Левитов Н.Д. [22] представляет основу классификации форм агрессии:

1. По направленности: агрессия, направленная вовне и аутоагрессия, направленная на себя.
2. По цели: интеллектуальная и враждебная агрессия.
3. По методу выражения: физическая и вербальная агрессия.
4. По степени выраженности: прямая и косвенная агрессия.

5. По наличию инициативы: инициативная и оборонительная агрессия.

Д. Зильман в основу своей классификации положил критерий позиции агрессора по отношению к жертве и их взаимоотношения по схеме «стимул – реакция». В результате чего он выделил восемь типов агрессивного поведения: наступательная, защитная, ответная, спровоцированная, неспровоцированная, побудительная, санкционированная агрессия и агрессия, вызванная раздражением [23].

С. Фешбах использовал при разработке своей классификации агрессивного поведения переменную, связанную с мотивированным поведением. На основе данного критерия он выделил три типа агрессивного поведения: враждебная, инструментальная, экспрессивная агрессия [24].

Агрессивность может быть как позитивной, служащей жизненным интересам и выживанию, так и негативной. Под агрессивностью понимается сильная активность, стремление к самоутверждению, акты враждебности, атаки, разрушения, т.е. действия, которые вредят другому лицу или объекту. Агрессия как процесс, имеет специфическую функцию и организацию; агрессивность рассматривается нами как некоторая структура, являющаяся компонентом более сложной структуры психических свойств человека.

Представим различные разграничения форм и видов агрессии, сложившиеся в науке в настоящее время.

В понятии «агрессия» объединяются различные по форме и результатам акты поведения – от злых шуток, сплетен, враждебных фантазий, до бандитизма и убийств. В жизни нередко встречаются формы насильственного поведения, определяемого в терминах «задиристость», «драчливость», «озлобленность», «жестокость». К агрессивности близко подходит состояние враждебности.

По форме агрессия подразделяется на физическую (избиение, ранение, изнасилование) и вербальную (оскорбление, распространение клеветы, отказ общаться); прямую и косвенную. Среди форм агрессивных реакций, встречающихся в различных источниках, необходимо выделить следующие:

1. Физическая агрессия (нападение) – использование физической силы против другого лица.
2. Косвенная агрессия – действия, как окольными путями направленные на другое лицо (сплетни, злобные шутки), так и ни на кого ненаправленные взрывы ярости (крик, топанье ногами, битье кулаками по столу, хлопанье дверьми и др.).
3. Вербальная агрессия – выражение негативных чувств как через форму (крик, визг, ссора), так и через содержание словесных ответов (угрозы, проклятия, ругань).
4. Склонность к раздражению – готовность к проявлению при малейшем возбуждении вспыльчивости, резкости, грубости.
5. Негативизм – оппозиционная манера поведения, обычно направленная против авторитета или руководства. Может нарастать от пассивного сопротивления до активной борьбы против установившихся законов и обычаев.

Из форм враждебных реакций отмечаются:

1. Обида – зависть и ненависть к окружающим, обусловленные чувством горечи, гнева на весь мир за действительные или мнимые страдания.
2. Подозрительность – недоверие и осторожность по отношению к людям, основанные на убеждении, что окружающие намерены причинить вред.

А. Адлер вводит такое понятие, как «агрессивное сознание», которое, по его мнению, порождает различные формы агрессивного поведения – от открытого до символичного. Агрессивность, вплетаясь в контекст культуры, приобретает символические формы, связанные с причинением боли и унижением. Одним из видов отклоняющегося поведения является агрессивное поведение, нередко принимающее враждебную форму (драки, оскорбления).

Додж и Койе выделили реактивную и проактивную агрессию. Реактивная агрессия является ответом на кажущуюся или реальную атаку, угрозу. Проактивная агрессия (запугивание, принуждение) инициируется зачинщиком для удовлетворения собственных потребностей. Проактивная агрессия может быть враждебной (месть за неудачи случайно встретившемуся человеку) и инструментальной (преследование для достижения власти в группе; наемное убийство).

Э. Фромм разграничил злокачественную и доброкачественную агрессию [25]. Так, доброкачественная агрессия способствует поддержанию жизни и является адаптивной. К доброкачественной агрессии относится самооборона, а также псевдоагрессия, при которой ущерб наносится ненамеренно. Псевдоагрессия включает в себя несчастные случаи, игровую агрессию (фехтование, борьба) и агрессию как социально приемлемое самоутверждение в условиях конкуренции. Оборонительная агрессия проявляется как нарцистическая агрессия, конформистская агрессия, агрессия – сопротивление, инструментальная агрессия. Злокачественная агрессия свойственна исключительно человеку и проявляется в виде садизма и некрофилии.

Петрова А.Б. на основе исследования основных теоретических взглядов на природу агрессивного поведения предложила классифицировать агрессивные формы поведения несовершеннолетних правонарушителей, исходя из предложения о том, что любое поведение имеет две формы проявления: ассертивное (взаимодействие человека с социальной средой, сопровождаемое рациональным восприятием действительности и позитивным отношением к другим, в основе которого лежит мотивация достижения успеха) и агрессивное (индивидуальное или коллективное поведение, прямо или косвенно направленное на причинение вреда кому либо, в ходе которого реализуется врожденная психофизиологическая активность организма, обусловленная социальными детерминантами) [26].

Отдельно следует упомянуть о патологической агрессивности, которая может быть следствием психотического состояния и требует медицинского вмешательства. Иррациональные убеждения, внутренние голоса, параноидальная подозрительность, идеи о божественных посланиях, мания величия – все это может выступать как патологический стимул к агрессивности. Она может выступать как субъективно воспринимаемое средство самозащиты, воплощение идей мессианства, проявления героизма и т.д.

Агрессивность как психическая реальность имеет конкретные характеристики: направленность, формы проявления, интенсивность. Целью агрессивности может быть как собственно причинение страдания (вреда) жертве (враждебная агрессия), так и использование агрессии как способа достижения иной цели (инструментальная агрессия). Агрессия бывает направлена на внешние объекты или на себя.

Особую опасность для общества представляет агрессия, направленная на других людей. А. Бандура и Р. Уолтерс называют ее асоциальной агрессией и связывают с действиями социально-деструктивного характера, в результате которых может быть нанесен ущерб другой личности или имуществу, причем эти акты необязательно должны быть доказуемы по закону. Агрессия принимает самые разнообразные формы – явные или латентные [27].

Наиболее же привычными проявлениями агрессивности считаются конфликтность, злословие, давление, принуждение, негативное оценивание, угрозы или применение физической силы. Скрытые формы агрессивности выражаются в уходе от контактов, бездействии с целью навредить кому-то, причинение вреда себе и самоубийстве. Внутренними репрезентациями агрессивности могут быть идеи, фантазии и аффекты.

Агрессивное влечение может проявляться через различные агрессивные аффекты. Интенсивность агрессивных аффектов коррелирует с их психологической функцией. Агрессивность может выполнять такие важные для индивида функции, как отстаивание автономии, устранение источника угрозы или страдания, удаление препятствий на пути к удовлетворению потребностей, разрешение внутреннего конфликта, повышения самооценки. Агрессивность можно охарактеризовать, как склонность конкретного человека проявлять эту тенденцию в форме конкретных внутренних и внешних действий. Агрессивность является индивидуальной особенностью человека. Данную индивидуальную особенность довольно трудно измерить, в связи, с чем основным способом оценки агрессивной тенденции является оценка ее поведенческих проявлений.

По формальным характеристикам в психологии выделяют следующие формы агрессивных действий:

- негативные – позитивные (деструктивные – конструктивные);
- явные и латентные (внешне наблюдаемая агрессия – скрытая агрессия);
- вербальные – физические (словесное нападение – физическое);
- прямые – косвенные (непосредственно направленные на объект – смещенные на другие объекты);
- враждебные – инструментальные (с целью причинения вреда/боли другому человеку – с иными целями);
- эго-синтонные (принимаемые личностью) – эго-дистонные (чуждые для «Я», осуждаемые самой личностью).

Агрессия может быть направлена:

- на окружающих людей вне семьи (на врачей, педагогов или сверстников);
- только на близких людей (на бабушку или на сибсов);
- на животных (птиц, кошек, насекомых);
- на себя (свое тело или личность, выдергивание волос, сдирание кожи, кусание ногтей, отказ от еды);
- на внешние физические объекты (поедание несъедобного, разрушение предметов, порча имущества и т.д.);
- на символические и фантазийные объекты (серийные агрессивные рисунки, коллекционирование оружия, увлечение компьютерными играми агрессивного содержания).

Для работы с агрессивным поведением наиболее важным является дифференциация всех форм агрессивного поведения на две группы:

1. Несоциализированные формы агрессивного поведения (не носят враждебного

характера и не имеют своей целью причинение ущерба другому человеку).

2. Социализированные формы агрессивного поведения (характеризуются враждебностью, имеют своей целью причинение ущерба или боли другому человеку).

В последние годы было проведено исследование взаимосвязей агрессивности с иными свойствами личности и особенностей их в зависимости от пола [28]. Цель исследования – изучение гендерных особенностей связи таких свойств личности, как агрессивность, тревожность и ответственность. Были сделаны выводы о том, что агрессивность мужчин имеет более непосредственный характер и связана с контролирующей функцией Супер-Эго. У женщин агрессивность является некоторым защитным механизмом, более связанным с «силой-слабостью Эго». На основе качественного анализа были выявлены дополнительные детерминанты (неадекватная самооценка, уровень аффилиативных тенденций и др.), которые обусловливают различия уровня агрессивности мужчин и женщин и проясняют природу связей агрессивности с исследуемыми свойствами личности.

Природа гендерных различий агрессивности объяснялась также исходя из понимания агрессивности как свойства, противоположного терпимости, понимаемой как сенсуальная и диспозиционная [29].

Таким образом, мы видим, что агрессия принимает самые разнообразные формы. Ведущая задача специалиста – определить индивидуальную направленность агрессивного поведения – его доминирующие мотивы, причины появления агрессивного поведения.

Мотивы могут осознаваться молодым человеком, но чаще агрессивное поведение побуждается и поддерживается бессознательными тенденциями. Индивидуальную мотивацию агрессивного поведения можно сформулировать как психологическую цель или функцию.

В психологии нет единого мнению по поводу того, является ли агрессивное поведение злом или же является естественным поведением человека. Однако в данной работе мы склонны к тому, чтобы рассмотреть агрессивное поведение с точки зрения юридической психологии и выяснить, являются ли различные формы агрессивного поведения благом для человека и общества или же они представляют собой то социальное зло, с которым должна бороться пенитенциарная система.

По нашему мнению, все формы проявления агрессивного поведения являются биологически, социально и психологически детерминированы и важны для человека. Другой вопрос, который ставит перед нами юридическая психология – это вопрос о размере ущерба, который данный вид или же форма агрессии оказала и каковы последствия агрессивного поведения.

Раскрытие содержания форм и видов агрессивного поведения помогает понять истоки ее возникновения, определить те средства и методы, с помощью которых необходимо осуществлять коррекцию.

Список литературы:

[1] Buss A.H. The psychologu of aggression - NY, Willy, 1961.

[2] Левитов Н.Д. Психология характера, - М.: Просвещение, 1969.

[3] Zillman D. Hostility and aggression, Hillsdale, NJ, Lawrence Erebaum Assocates, 1978.

[4] Feshbash S. The function of aggression and the regulation of aggressive draiv // Psychol. Rev. 1964-71.

[5] Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М., 1994.

[6] Петрова А.Б. Психологические аспекты агрессивного поведения несовершеннолетних правонарушителей в условиях изоляции. Диссер. На соиск. учен. степени канд. псих. наук. по специал. 19.00.06. Рязань, 2003. 165 С. С. 38.

[7] Бандура А. Подростковая агрессия. Изучение влияния и семейных отношений. – М., 1999.

[8] Копейко Я.Ю. Гендерные аспекты агрессивности. – М., 2000.

[9] Вилкова А. В. Гендерная концепция и методология формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола: дис. ... док-ра пед. наук: 13.00.01 / Вилкова Алевтина Владимировна. – Великий Новгород, 2016. – 444 с.

[10] Вилкова А. В., Ковтуненко Л. В., Полякова Я. Н. Подготовка научных кадров высшей квалификации для уголовно-исполнительной системы: проблемы и стратегии развития / Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4(110). С. 189-195.

[11] Вилкова А. В., Мешкова Л. В. К вопросу о развитии социальной активности будущих сотрудников ФСИН в процессе социально-психологического тренинга // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 3(25). С. 212-218.

[12] Ковтуненко Л. В., Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта в профессиональном становлении молодого ученого // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2025. № 3. С. 62-65.

[13] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Социально-педагогическая запущенность и делинквент-

ность несовершеннолетних // В сборнике: Уголовно-исполнительная система: история и современность. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Псков. 2025. С. 65-68.

[14] Вилкова А. В., Фадеева С. А., Полякова Я. Н. Дополнительное профессиональное образование сотрудников уголовно-исполнительной системы // В сборнике: Пенитенциарная и постпенитенциарная ресоциализация осужденных: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Владимир. 2025. С. 38-44.

[15] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Пути ранней психодиагностики и профилактики отклоняющегося поведения несовершеннолетних // В сборнике: Пенитенциарная и постпенитенциарная ресоциализация осужденных: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Владимир. 2025. С. 29-37.

[16] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. База данных тестовых заданий к курсу лекций «Воспитательная работа с осужденными для образовательных организаций ФСИН России. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623480. 22.08. 2025. Заявка № 2025623025 от 14.08.2025.

[17] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Подготовка научной смены – важнейшая составляющая науки / Международный научный вестник, № 8. 2025 С. 188-191.

[18] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Педагог и конфликтная семья / Российский научный вестник. 2025. № 8. С. 152-155.

[19] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Воспитательно-коррекционная работа с несовершеннолетними / Российский научный вестник. 2025. № 8. С. 190-193.

[20] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Психологическая тенденция к правонарушениям у несовершеннолетних осужденных / Международный научный вестник, № 9. 2025 С.

[21] Buss A.H. The psychologu of aggression - NY, Willy, 1961.

[22] Левитов Н.Д. Психология характера, - М.: Просвещение, 1969.

[23] Zillman D. Hostility and aggression, Hillsdale, NJ, Lawrence Erebaum Assocates, 1978.

[24] Feshbash S. The function of aggression and the regulation of aggressive draiv // Psychol. Rev. 1964-71.

[25] Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М., 1994.

[26] Петрова А.Б. Психологические аспекты агрессивного поведения несовершеннолетних правонарушителей в условиях изоляции. Диссер. На соиск. учен. степени канд. псих. наук. по специал. 19.00.06. Рязань, 2003. 165 С. С. 38.

[27] Бандура А. Подростковая агрессия. Изучение влияния и семейных отношений. – М., 1999.

[28] Копейко Я.Ю. Гендерные аспекты агрессивности. – М., 2000.

[29] Реан А. А., Бордовская Н. В., Розум С. И. Психология и педагогика. — СПб.: Питер, 2002.

References:

[1] Buss A.H. The psychologu of aggression - NY, Willy, 1961.

[2] Levitov N.D. Psychology of character, - M.: Enlightenment, 1969.

[3] Zillman D. Hostility and aggression, Hillsdale, NJ, Lawrence Erebaum Assocates, 1978.

[4] Feshbash S. The function of aggression and the regulation of aggressive draiv // Psychol. Rev. 1964-71.

[5] Fromm E. Anatomy of human destructiveness. - M., 1994.

[6] A.B. Petrova. Psychological aspects of aggressive behavior of juvenile offenders in isolation. Disser. At the nipple. learned. degree cand. psycho. sciences. on special. 19.00.06. Ryazan, 2003. 165 S. S. 38.

[7] Bandura A. Teenage aggression. Exploring influence and family relationships. - M., 1999.

[8] Kopeiko Y.Yu. Gender aspects of aggressiveness. - M., 2000.

[9] A. V. Vilkova. Gender concept and methodology for the formation of spiritual and moral values of female juvenile convicts: dis.... dock ped. Sciences: 13.00.01/Vilkova Alevtina Vladimirovna. - Veliky Novgorod, 2016. - 444 s.

[10] Vilkova A. V., Kovtunenko L. V., Polyakova Y. N. Training of highly qualified scientific personnel for the penal system: problems and development strategies/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4(110). S. 189-195.

[11] Vilkova A.V., Meshkova L.V. On the development of social activity of future employees of the Federal Penitentiary Service in the process of social and psychological training//Military legal and humanitarian sciences of Siberia. 2025. № 3(25). S. 212-218.

[12] Kovtunenko L.V., Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject in the professional development of a young scientist//Bulletin of Voronezh State University. Series: Higher Education Challenges. 2025. № 3. S. 62-65.

[13] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Socio-pedagogical neglect and delinquency of minors//In the collection: The penal system: history and modernity. Collection of materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference with international participation. Pskov. 2025. S. 65-68.

[14] Vilkova A. V., Fadeeva S. A., Polyakova Y. N. Additional professional education of employees of the penitentiary system//In the collection: Penitentiary and post-penitentiary resocialization of convicts: problems and prospects. Collection of scientific works of the international scientific-practical conference. Vladimir. 2025. S. 38-44.

[15] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Ways of early psychodiagnosis and prevention of deviant behavior of minors//In the collection: Penitentiary and post-penitential resocialization of convicts: problems and prospects. Collection of scientific works of the international scientific-practical conference. Vladimir. 2025. S. 29-37.

[16] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Database of test assignments for the course of lectures "Educational work with convicts for educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Certificate of registration of the RU 2025623480 database. 22.08. 2025. Request No. 2025623025 dated 14.08.2025.

[17] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Preparation of a scientific shift is the most important component of science/International Scientific Bulletin, No. 8. 2025 S. 188-191.

[18] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Teacher and conflict family/Russian Scientific Bulletin. 2025. № 8. S. 152-155.

[19] Vilkova A. V., Lukashenko D. V. Educational and correctional work with minors/Russian Scientific Bulletin. 2025. № 8. S. 190-193.

[20] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Psychological tendency to offenses in juvenile convicts/ International Scientific Bulletin, No. 9. 2025 PP.

[21] Buss A.H. The psychologu of aggression - NY, Willy, 1961.

[22] Levitov N.D. Psychology of character, - M.: Enlightenment, 1969.

[23] Zillman D. Hostility and aggression, Hillsdale, NJ, Lawrence Erebaum Assocates, 1978.

[24] Feshbash S. The function of aggression and the regulation of aggressive draiv // Psychol. Rev. 1964-71.

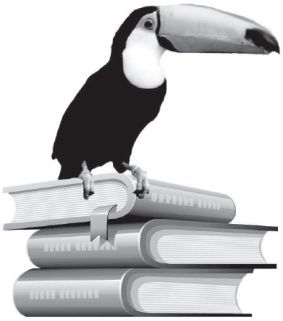
[25] Fromm E. Anatomy of human destructiveness. - M., 1994.

[26] A.B. Petrova. Psychological aspects of aggressive behavior of juvenile offenders in isolation. Disser. At the nipple. learned. degree cand. psycho. sciences. on special. 19.00.06. Ryazan, 2003. 165 S. S. 38.

[27] Bandura A. Teenage aggression. Exploring influence and family relationships. - M., 1999.

[28] Kopeiko Y.Yu. Gender aspects of aggressiveness. - M., 2000.

[29] Rean A.A., Bordovskaya N.V., Rozum S.I. Psychology and pedagogy. - St. Petersburg: Peter, 2002.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-194-201

ТАЛЬВИК Екатерина Викторовна,
Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, магистрант,
e-mail: evlasukova@yandex.ru

Научный руководитель:
ФИЛЯСОВА Юлия Анатольевна,
Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена,
кандидат филологических наук, доцент,
e-mail: phill.yield@gmail.com

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ЦЕННОСТЬ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. *В современных условиях полномасштабной цифровизации операционной деятельности множества организаций и предприятий создание культуры информационной безопасности является критически важным для защиты внутренних процессов и данных от киберугроз. В первую очередь, речь идет о культуре повышения осведомленности сотрудников об информационной безопасности, регулярном обучении распознаванию и избежанию фишинговых атак, а также созданию надежных паролей. Во-вторых, необходим непрерывный мониторинг сетевой активности и сегментация сетей для ограничения потенциального ущерба от нарушений безопасности. Получение сертификатов в области информационной безопасности обеспечивает защиту организации в соответствии с лучшими отраслевыми практиками. Легитимизация информационной безопасности во внутриорганизационной среде, подразумевающая признание ее необходимости на всех иерархических уровнях, способствует формированию ответственного отношения сотрудников к данным и повышает общую устойчивость организации к киберпреступлеииям. Внедрение культуры информационной безопасности является стратегически важным шагом для достижения стабильности, устойчивого развития и защиты репутации организации.*

Ключевые слова: *управление паролями, киберпреступность, мониторинг безопасности, шифрование, конфиденциальность, цифровая гигиена, поведенческие паттерны, легитимность.*

TALVIK Ekaterina Viktorovna,
A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia,
Master Degree Student

Scientific supervisor:
FILYASOVA Yulia Anatolyevna,
A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia,
PhD in Philology, Associate Professor

INFORMATION SECURITY AS A VALUE OF ORGANIZATIONAL CULTURE

Annotation. *Under the current conditions of full-scale digitalization in all operational areas of many organizations and enterprises, the creation of a culture aimed at information security is critical to protecting internal processes and data from cyber threats. First, it involves a culture of raising employee awareness of information security, regular training in recognizing and avoiding phishing attacks, and creating strong passwords. Second, continuous monitoring of network activity and network segmentation are necessary for restricting the potential damage from security breaches. Obtaining information security certifications ensures*

that your organization is protected in accordance with industry best practices. Information security legitimization within an organization, which implies recognition of its necessity at all hierarchical levels, promotes the development of a responsible employee attitude towards data and increases the overall resilience of the organization to cybercrime. The implementation of an information security culture is a strategically important step to achieving stability, sustainable development, and protecting an organization's reputation.

Key words: *password management, cybercrime, security monitoring, encryption, privacy, digital hygiene, behavioral patterns, legitimacy.*

Введение

Организационная культура как совокупность общих ценностей, моделей поведения, убеждений, правил, традиций, формирующих уникальную рабочую среду, определяет стиль управления, лидерство, коммуникацию, сотрудничество и межличностное взаимодействие внутри коллектива. Организационная культура оказывает влияние на мотивацию и вовлеченность персонала, эффективность деятельности, прозрачность коммуникации, наличие коллективных практик, применение инновационных подходов [1]. В современных условиях цифровизации статичные ценности организации претерпевают значительное воздействие со стороны динамичных инноваций, включая новые цифровые технологии. Как следствие, «ценности и инновации оказываются ключевыми факторами влияния на происходящие глубокие изменения, при этом оказывая значимое взаимное влияние друг на друга» [2, с. 6]. Ценности и инновации являются факторами поддержания равновесия организационной системы на основе принципа самосохранения – за счет кадровых ресурсов и резервов, связанных с созданием и поддержанием ценностей, и принципа развития – посредством внедрения инноваций, помогающих адаптироваться к изменяющимся условиям внешней среды и достигать организационные цели. Зачастую организационные ценности и инновации вступают в открытый конфликт друг с другом: «сопротивление изменениям со стороны сотрудников организаций сектора биотехнологий в процессе цифровой трансформации связано с неопределённостью и страхом перед будущими изменениями, а также изменением формата работы» [3, с. 126-127]. В период трансформаций для снижения повышенной тревожности необходимо введение системы оценивания труда на основе критериев эффективности для повышения прозрачности управления и оценки результативности сотрудников [4]. Дополнительно, под влиянием инноваций возникает необходимость получения вспомогательных навыков и квалификаций [5]. Повышение квалификации и профессиональная переподготовка могут рассматриваться не только как возможность профессионального саморазвития (положительное отношение), но и дополнительные затраты личных временных и финансовых ресурсов (негативное отношение). Организационная среда, ориентированная на инновации, безусловно, подчеркивает важность многозадачности, непрерывного обучения во избежание эмоционального выгорания. Принцип инновационного развития в особенности актуален для организаций, обладающих большими объемами информационных ресурсов – ИТ-компании, поставщики данных и услуг связи, государственные и научные учреждения, специализированные коммерческие фирмы и отраслевые организации.

Управление персоналом на основе ценностей предполагает эмоциональную вовлеченность сотрудников: «включение эмоциональной энергии в коммуникационные механизмы изменяет медийный фон и порождает конструктивную сопричастность в процессе преодоления кризиса» [6]. Положительный эмоциональный фон способствует повышению вовлеченности сотрудников и улучшению эффективности при выполнении текущих задач [7]. В долгосрочной перспективе организация может опираться на эмоциональный капитал как ценный нематериальный актив. К особенностям управления карьерным развитием представителей поколения Зуммеров относится возможность творческой самореализации и креативного подхода к решению организационных задач в условиях удаленного формата трудовой деятельности и снижения уровня регламентированности трудового процесса [8]. Исследователи отмечают, что «цифровые кочевники относятся к работе не как к необходимости, а как к досугу, приносящему моральное удовлетворение» [9, с. 175].

Негативный эмоциональный фон не только снижает эффективность деятельности, но и порождает социально-психологические проблемы, такие как цифровая тревожность и интернет-зависимость [10]. Актуальность изучения культуры информационной безопасности является необходимостью в контексте организации, поскольку затрагивает многие социальные аспекты, начиная от личного тайм-менеджмента, соблюдения баланса между трудовой и личной жизнью, заканчивая составлением графиком рабочего времени и формированием повседневных практик. Необходимость включения инфор-

мационной безопасности в организационную культуру обусловлена как социальной, так и цифровой средой организации.

Материал и методы

Материалом исследования послужили данные об информационной безопасности (ИБ), собранные методом сплошной выборки на сайте Elsevier [23]. Методы исследования включали семантический анализ, категоризацию и классификацию. Актуальность включения ИБ в состав организационных ценностей подтверждается многочисленными исследованиями. Проблема существенных объемов киберпреступности напрямую связана со сбоями в соблюдении политик и процедур ИБ на корпоративном уровне. Невыполнение требований ИБ, таких как слабое управление паролями (использование простых паролей, их повторное использование на разных платформах), отсутствие многофакторной аутентификации, отсутствие шифрования или несвоевременное обновление программного обеспечения усугубляют риски и тяжесть последствий для репутации компании. Игнорирование нарушений в течение длительного времени приводит к увеличению затрат на ИБ в долгосрочной перспективе. Отсутствие мониторинга безопасности, надлежащего ведения журналов и процедур реагирования на инциденты увеличивает подобные риски (*рис. 1*).

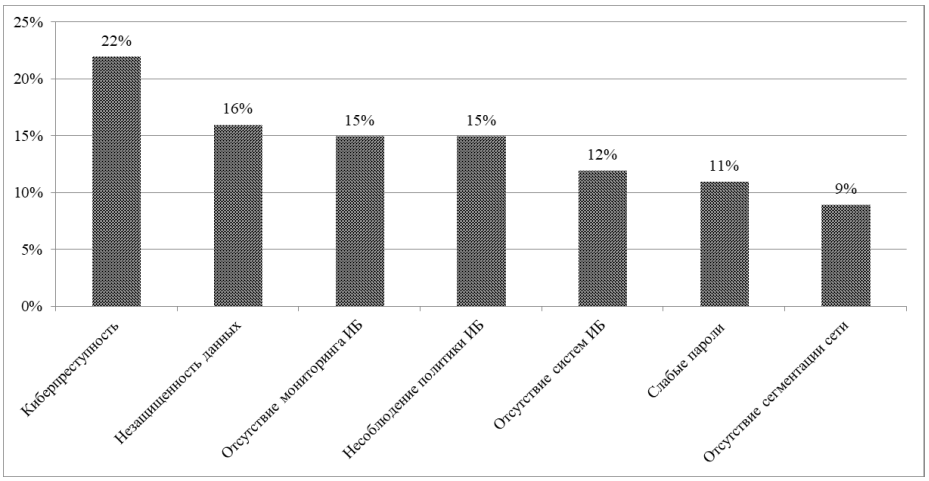

Рис. 1. Причины возникновения рисков для информационной безопасности.
Источник: составлено автором.

Сотрудники организаций становятся легкой мишенью для злоумышленников, если они не обучены распознаванию фишинговых атак, соблюдению политики безопасности и необходимости сообщения о подозрительной активности при посещении тех или иных сайтов. При отсутствии сегментации сети злоумышленники, получившие доступ к одной ее части, могут перемещаться по всей сети и получать доступ к конфиденциальным данным.

Результаты и обсуждение

Информационная безопасность как актуальная задача современных организаций

Цифровые технологии предоставляют значительные возможности для развития бизнеса с точки зрения маркетинговых коммуникаций [11], автоматизации бизнес-процессов, снижения затрат и повышения эффективности деятельности предприятий. С точки зрения управления, цифровые технологии являются основным инструментом управления и способствуют развитию управленческой деятельности в целом [12], поскольку являются фактором развития систем для учета, отчетности, анализа и планирования всех бизнес-процессов. Одновременно, они порождают социальное неравенство [13], являются причиной безработицы из-за отсутствия цифровых компетенций вследствие автоматизации ряда рабочих процедур, ранее выполняемых людьми, ограничения доступа к информации и услугам или появления новых форм контроля.

Цифровая безопасность становится ключевым фактором риска для организаций, т.к. информация является ключевым активом большинства современных компаний. От работников требуется развитие определенных мыслительных конструктов и поведенческих паттернов, позволяющих им активно использовать новые технологии и сохранять внутреннюю информацию организации [14], например, анализ преимуществ и недостатков программных средств для определения наиболее безопасного способа связи и передачи данных [15], обоснование практического значения и целе-

сообразности их использования. Ядерным элементом ИБ является цифровая гигиена [16], или комплекс мер, включающий использование сложных паролей, неразглашение личных сведений онлайн, осторожность со ссылками и незнакомыми пользователями, а также применение антивирусов. Безопасное поведение сотрудников в цифровой среде от имени компании достигается через обучение, формирование устойчивых навыков, и когнитивный подход – осознанное поведение по ограничению информации в сети и использование различных каналов связи.

Одним из наиболее ярких и сложных примеров необходимости ИБ является добыча полезных ископаемых, требующая комплексной защиты данных – конфиденциальности, целостности и доступности – от внешних и внутренних угроз [17]. Применение цифровых технологий необходимо на всех стадиях добычи полезных ископаемых для повышения эффективности производственных процессов [18], начиная от геолого-разведывательных работ и заканчивая стадией завершения, облагораживания территории и восстановления местного эко-климата. ИБ является источником производственной безопасности на подобных предприятиях. Глубокие исследования производственных процессов свидетельствуют о психологической природе безопасности [19], поскольку именно психологические модели составляют основу эффективных систем управления и повышения безопасности работников при угледобыче.

Информационная безопасность как компонент организационной культуры

Поведение сотрудников, методы принятия решений, взаимоотношения и способы выполнения задач составляют культуру организации и с течением времени формируют стереотипы о ее культуре. Общая модель ценностей, ментальных конструктов и поведенческих паттернов, типичных для сотрудников организаций, которые проявляются на протяжении длительного времени и непосредственно связаны с ИБ, определяет культуру информационной безопасности (КИБ). КИБ потенциально может быть сформирована посредством совместного обучения поведенческим навыкам в области информационных и компьютерных технологий – как менеджеров, так и сотрудников.

На практике сотрудникам необходимо в полном объеме выполнять требования менеджеров по соблюдению мер, направленных на повышение ИБ. Поведение, связанное с ИБ может быть отнесено к следующим видам: (1) поведение, направленное на обеспечение ИБ; (2) поведение, соответствующее требованиям ИБ; (3) поведение, связанное с риском для ИБ; (4) поведение, наносящее ущерб ИБ. Данные типы поведения являются индикаторами организационной культуры в отношении ИБ.

Угрозы для ИБ возникают в тех случаях, когда сотрудники открывают фишинговые электронные письма через почтовые сервисы организации, посещают вредоносные веб-сайты, подключают зараженные USB-накопители или загружают непроверенные документы на рабочие компьютеры. Опросы сотрудников, направленные на самоанализ поведения, как правило, не являются эффективными, поскольку сотрудники могут не замечать входа на фишинговые сайты, не способны распознавать их, заботясь исключительно о поиске информации. Утечка внутренней информации чревата серьезными последствиями вплоть до закрытия бизнеса.

Публичные сообщения об утечках данных часто приводят к кратковременной негативной реакции общественности. Однако гораздо более отрицательным является отсутствие легитимности – неспособности пройти проверки на безопасность, штрафы со стороны регулирующих органов и потеря бизнеса. Последствия подобных утечек поднимают вопросы о необходимости постоянного улучшения организационной кибербезопасности. Легитимность ИБ – это доверие к действиям компании в области безопасности со стороны заинтересованных сторон [20]. Исследования показывают, что организации с более высоким уровнем легитимизации в области ИБ подвержены значительно меньшим рискам в долгосрочной перспективе. Кроме того, незамедлительные публичные объявления об утечках снижают риски распространения негативной информации о компании. Постоянное улучшение ИБ повышает эффективность управления рисками. Положительными последствиями своевременным и проактивным управлением ИБ являются наем экспертов в области безопасности, внедрение новейших технологий и получение признанных в отрасли сертификатов безопасности. Следует отметить, что необходимость соответствия правилам безопасности требует существенных инвестиций со стороны руководства на соответствие нормам и стандартам [3].

Создание единой концепции в сфере ИБ направлено на разработку профилактических действий, которые, в совокупности с упреждающими внешними коммуникациями, такими как своевременные заявления в прессе, снижают долгосрочные финансовые риски и убытки для компании. Менеджерам необходимо разрабатывать практические рекомендации по соблюдению общеорганизационной безопасности, принимать оперативные меры быстрого реагирования, обе-

спечивать стратегическую легитимность, а также способствовать укреплению культуры кибербезопасности на всех уровнях управления.

Система управления ИБ – это систематический подход к контролю конфиденциальной информации, обеспечению ее секретности, целостности и доступности посредством минимизации рисков и принятию мер по обеспечению безопасности [21]. С точки зрения целостности и доступности информации, ИБ может гарантировать непрерывность бизнеса, принимая во внимание, что кибератаки способны нанести ущерб операционной деятельности организаций (*рис. 2*).

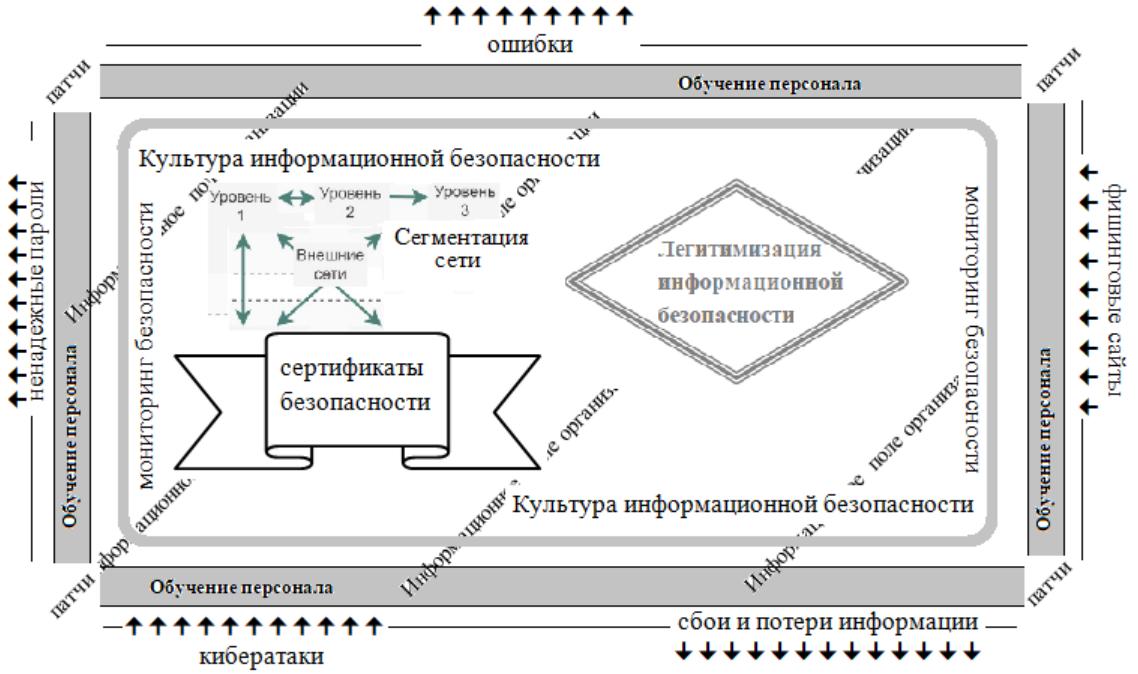

Рис. 2. Информационная безопасность как ценность организационной культуры.
Источник: составлено автором

Внедрение программ для обучения сотрудников основам ИБ, обучения менеджеров навыкам коррекции поведения сотрудников оказывает положительное влияние на профилактику киберзнарушений. Программы преследуют цели улучшения корпоративной культуры, КИБ, а также влияния на поведение сотрудников для повышения ИБ в организационной среде [22]. Подобные обучающие программы выполняют анализ поведения сотрудников и предоставляют отчеты менеджерам о рисках и негативных последствиях для организации.

Изменение поведения сотрудников при работе с информацией в интернете требует времени на распространение новых организационных ценностей и норм, формирование подходов к получению и обработке информации, внедрение новых программ и обучение сотрудников работе с соответствующими программами. Однако, прежде всего, необходимы: принятие новых инициатив на уровне руководства, имплементация стратегий работы с информацией как основополагающих принципов поведения во всех подразделениях, издание приказов и директив с назначением ответственных за контроль их исполнения во всех структурах и подразделениях.

Заключение

В современной цифровой среде ИБ перестает быть исключительно технической проблемой и переходит в разряд комплексных задач, требующих глубокой интеграции в текущую деятельность и организационную культуру учреждений и предприятий. Обеспечение конфиденциальности, целостности и доступности информации становится невозможным без активной вовлеченности персонала и формирования у сотрудников устойчивых ментальных конструктов и поведенческих паттернов, направленных на соблюдение принципов цифровой гигиены.

Непрерывное обучение распознаванию кибератак, например, фишинговых сайтов, является ключевой задачей организаций. Большинство киберпреступлений начинается с человеческой ошибки, когда сотрудник, не способный распознать приемы социальной инженерии, рас-

крывает учетные данные или запускает вредоносное программное обеспечение. Обучение, выходящее за рамки формальных инструктажей и опирающееся на интерактивные, персонализированные и регулярно проводимые занятия, способствуют аккумулированию практических навыков, противодействующих киберпреступности. Наряду с получением знаний, сотрудники организаций должны формировать критическое мышление, позволяющее им самостоятельно оценивать риски и принимать осознанные решения при возникновении киберугроз.

В дополнение к тренингам необходимы профессиональный мониторинг безопасности, установка программ, предотвращающих доступ к конфиденциальным данным и интеграция ИБ в организационную культуру предприятия:

- мониторинг безопасности – постоянный анализ лог-файлов, сетевого трафика и активности пользователей, оперативное выявление аномалий и реагирование на потенциальные угрозы;
- предотвращение доступа к конфиденциальным данным – четкое разграничение прав доступа и использование средств защиты данных;
- производственная безопасность – интеграция принципов ИБ в производственные процессы для минимизации рисков, связанных с потерей данных или несанкционированным доступом к критически важным системам.

Усилия по обеспечению ИБ должны быть легитимными и прозрачными. Сотрудники должны понимать цели и задачи политики безопасности, а также влияние их действий на общий уровень ИБ организации. Получение сертификатов безопасности служит свидетельством надежности системы управления ИБ и повышения доверия к организации со стороны клиентов и партнеров.

Эффективная система ИБ – это не только борьба с инцидентами, но и готовность к их профилактике и предупреждению. Быстрое раскрытие информации об инцидентах кибератак, грамотное управление критическими ситуациями и оперативное восстановление систем после попыток взлома позволяют минимизировать ущерб операционной деятельности организаций и предотвратить негативные реакции общественности.

Информационная безопасность – это непрерывный процесс, требующий постоянного комплексного совершенствования. Интеграция ценности ИБ в систему организационной культуры, активная вовлеченность персонала, их непрерывное обучение, использование эффективных технических средств и готовность к реагированию на инциденты являются ключевыми факторами успеха в противодействии киберпреступности и обеспечении конфиденциальности, целостности и доступности информации. Правильно выстроенная стратегия ИБ не только защищает активы организации, но и способствует повышению доверия и укреплению ее репутации.

Список литературы:

[1] Абера, Т.Б. Влияние организационной культуры на формирование поведения персонала учреждений высшего образования (на примере университета Гондэра, Эфиопия) / Т.Б. Абера, Ж.А. Мингалева // Управление. – 2024. – Т. 12, № 4. – С. 60–69. – DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-4-60-69. – EDN: KBFTEY.

[2] Ворожихин, В.В. Система ценностей в инновационном развитии стран / В.В. Ворожихин, Е.И. Ларионова, А.А. Юрьева // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2025. – № 4(15). – С. 6–22. – DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-6-22. – EDN: NOBUUR.

[3] Штанский, А.Д. Цифровая трансформация организаций сектора биотехнологий как фактор инновационного развития / А.Д. Штанский, А.В. Желтенков // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Экономика. – 2025. – № 2. – С. 122–131. – DOI: 10.18384/2949-5024-2025-2-122-131. – EDN: ULKEEI.

[4] Филясова, Ю.А. Перфекционизм и рационально-эмотивное поведение как мотивационная политика управления персоналом // Управление. – 2022. – Т. 10. – № 1. – С. 16–27. – DOI: 10.26425/2309-3633-2022-10-1-16-27. – EDN: WWRVYP.

[5] Митрофанова, Е.А. Концептуальный подход к формированию и развитию человеческого капитала образовательных организаций высшего образования / Е.А. Митрофанова, О.С. Сувалов // Управление. – 2025. № 2 (13). – С. 25–41. – DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-2-25-41. – EDN: QAWNIO.

[6] Василенко, Л.А. Эмоции в коммуникационных механизмах управления / Л.А. Василенко, Е.А. Скачилова // Информационное общество. – 2025. – № 2. – С. 64–74. – DOI: 10.52605/16059921_2025_02_64. – EDN: GPJQAT.

[7] Filyasova, Yu.A. A semantic field of perfectionism as a social and psychological concept in academic discourse // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. – 2022. – Vol. 13, No. 2. – P. 382–395. – DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-382-395. – EDN: EBBYEC.

[8] Литвинюк, А.А. Особенности мотивации карьерного развития поколения Z и их влияние на HR-менеджмент / А.А. Литвинюк, В.В. Сологуб // Лидерство и менеджмент. – 2025. № 9(12). – С. 1945–1960. – DOI: 10.18334/lim.12.9.123726. – EDN: AIDNZA.

[9] Шорникова, Н.Ю. Формирование профессиональных качеств работников в цифровой экономике // Социально-трудовые исследования. – 2025. – № 1(58). – С. 169–177. – DOI: 10.34022/2658-3712-2025-58-1-169-177. – EDN: IHRHMQ.

[10] Гасанова, З.Б. Влияние цифровой среды, интернет-зависимости и цифровой тревожности на культуру информационной безопасности у менеджеров поколения Z / З.Б. Гасанова, М.И. Гасанов // Цифровая социология. – 2025. – № 3(8). – С. 34–43. – DOI: 10.26425/2658-347X-2025-8-3-34-43. – EDN: LZQGUM.

[11] Завражных, О.В. Инструменты цифрового маркетинга на рынке автозапчастей // Наукосфера. – 2025. – No. 10-1. – P. 188–194. – DOI: 10.5281/zenodo.17358104. – EDN: FJNZRY.

[12] Мкртумова, И.В. Влияние цифровизации на международную информационную безопасность и социальные риски управленческих процессов / И.В. Мкртумова, С.С. Прокопьева // Цифровая социология. – 2025. – № 2(8). – С. 77–86. – DOI: 10.26425/2658-347X-2025-8-2-77-86. – EDN: MOTLAC.

[13] Нагайник, А.А. Цифровизация институтов потребления как ответ на социальные ограничения // Социология. – 2025. – № 8. – С. 126–132. – EDN: LHUHGF.

[14] Золин, И.Е. Цифровизация как фактор динамики рынка труда / И.Е. Золин, М.К. Кобыляцкий // Социальные и гуманитарные знания. – 2024. – № 3(10). – С. 314–325. – DOI: 10.18255/2412-6519-2024-3-314-325. – EDN: KVFCNG.

[15] Matrokhina, K.V. Ensuring information security in corporate communication systems / K.V. Matrokhina, A.B. Makhovikov, E.N. Trofimets // E3S Web of Conferences. 2021. Vol. 266. – P. 09001. – DOI: 10.1051/e3sconf/202126609001. – EDN: NYFDTT.

[16] Милушев, Э.Х. Методы и технологии цифровой гигиены для защиты персональных данных пользователей / Э.Х. Милушев, В.С. Киселева, С.С. Багиева // Гуманитарный научный вестник. – 2025. – № 10. – С. 104–109. – DOI: 10.5281/zenodo.17647946. – EDN: MQWTNN.

[17] Маховиков, А.Б. Цифровые технологии при добыче твёрдых полезных ископаемых в Арктике / А.Б. Маховиков, Ю.А. Филясова // Устойчивое развитие горных территорий. – 2024. – Т. 16, № 3(61). – С. 1110–1117. – DOI: 10.21177/1998-4502-2024-16-3-1110-1117. – EDN: JGVYBO.

[18] Filyasova, Yu.A. Effectiveness vs. efficiency: an analysis of valency and collocability in a technical context // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. – 2019. – Vol. 10, No. 1. – P. 187–196. – DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-187-196. – EDN: FOKJKB.

[19] Невская, Е.Е. Информационные технологии для систематизации способов повышения безопасности в угольных шахтах / Е.Е. Невская, Д.А. Медведев, А.Б. Маховиков, Ю.А. Филясова // Устойчивое развитие горных территорий. – 2025. – Т. 17. № 2(64). – С. 627–635. – DOI 10.21177/1998-4502-2025-17-2-627-635. – EDN IDIBIZ.

[20] Shaikh, F.A. Reassessing information security perceptions following a data breach announcement: The role of post-breach management in firm-specific risk / F.A. Shaikh, D. Joseph, E. Kang // Computers & Security. – 2026. – №161. – 104752. – DOI: 10.1016/j.cose.2025.104752.

[21] Mirtsch, M. Certification as a compensation mechanism for weak regulation? Exploring the diffusion of the international standard ISO/IEC 27001 for information security management / J. Pohlisch, K. Blind // Computers & Security. – 2026. – №162. – 104774. – DOI: 10.1016/j.cose.2025.104774.

[22] Grill, M. Training for improved information security culture: a longitudinal randomized controlled trial / M. Grill, T. Sommestad, H. Karlzén, A. Pousette // Information and Computer Security. – 2025. – №5(33). – P. 690–718. – DOI: 10.1108/ICS-08-2024-0189.

[23] Information security [Electronic resource]. URL: sciencedirect.com (дата обращения: 12.09.2025)

References:

[1] Abera T.B., Mingaleva Zh.A. Impact of organisational culture on the formation of behaviour of personnel in higher education institutions (case study of the university of Gondar, Ethiopia) // Upravlenie. 2024. no. 4(12). pp. 60–69. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-4-60-69.

[2] Vorozhikhin V.V., Larionova E., Yuryeva A.A. The system of values in the innovative development of countries // Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2025. no. 4(15). pp. 6–22. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-6-22.

[3] Shtansky A.D., Zheltenkov A.V. Digital transformation of biotechnology sector organizations as a factor of innovative development // Bulletin of State University of Education. Series: Economics. 2025. no. 2. pp. 122–131. DOI: 10.18384/2949-5024-2025-2-122-131.

[4] Filyasova Yu.A. Perfectionism and rational-emotive behaviour as a motivational policy for human resource management // Upravlenie. 2022. no. 1(10). pp. 16–27. DOI: 10.26425/2309-3633-2022-10-1-16-27.

[5] Mitrofanova E.A., Suvalov O.S. A Conceptual Approach To Forming And Developing Human Capital In Higher Education Institutions // Upravlenie. 2025. no. 2 (13). pp. 25–41. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-2-25-41.

[6] Vasilenko L.A., Scachilova E.A. Emotions in communication mechanisms of management // Information Society. 2025. no. 2. pp. 64–74. DOI: 10.52605/16059921_2025_02_64.

[7] Filyasova Yu.A. A semantic field of perfectionism as a social and psychological concept in academic discourse // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2022. no. 2(13). pp. 382–395. – DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-382-395.

[8] Litvinyuk A.A., Sologub V.V. Particularities of career development motivation of generation Z and their impact on HR management // Leadership and Management. 2025. no. 9(12). pp. 1945–1960. DOI: 10.18334/lim.12.9.123726.

[9] Shornikova N.Yu. Formation of professional qualities of employees in the digital economy // Social & Labor Research. 2025. no. 1(58). pp. 169–177. DOI: 10.34022/2658-3712-2025-58-1-169-177.

[10] Gasanova Z.B., Gasanov M.I. The impact of digital environment, internet addiction, and digital anxiety on information security culture among generation Z managers // Digital Sociology. 2025. no. 3(8). pp. 34–43. DOI: 10.26425/2658-347X-2025-8-3-34-43.

[11] Zavrazhnykh O. V. Digital marketing techniques for the autoparts market // Naukosfera. 2025. no. 10-1. pp. 188–194. DOI: 10.5281/zenodo.17358104.

[12] Mkrtumova I.V., Prokopyeva S.S. Impact of digitalisation on international information security and social risks of management processes // Digital Sociology. 2025. no. 2(8). pp. 77–86. DOI: 10.26425/2658-347X-2025-8-2-77-86.

[13] Nagaynik A.A. Digitalization of consumer institutions as a response to social restrictions // Sociology. 2025. no. 8. pp. 126–132.

[14] Zolin I.E., Kobylyatskiy M.K. Digitalization as a factor of labor market dynamics // Social'nye I Gumanitarnye Znania. 2024. no. 3(10). pp. 314–325. DOI: 10.18255/2412-6519-2024-3-314-325.

[15] Matrokhina K.V., Makhovikov A.B., Trofimets E.N. Ensuring information security in corporate communication systems // E3S Web of Conferences. 2021. Vol. 266. P. 09001. DOI: 10.1051/e3sconf/202126609001.

[16] Milushev E.Kh., Kiseleva V.S., Bagieva S.S. Digital Hygiene methods and technologies to protect users' personal data // Humanitarian Scientific Bulletin. 2025. no. 10. pp. 104–109. DOI: 10.5281/zenodo.17647946.

[17] Makhovikov A.B., Filyasova Yu.A. Information technologies for solid mineral extraction in the arctic // Sustainable Development of Mountain Territories. 2024. vol. 16. no. 3(61). pp. 1110–1117. DOI: 10.21177/1998-4502-2024-16-3-1110-1117.

[18] Filyasova Yu.A. Effectiveness vs. efficiency: an analysis of valency and collocability in a technical context // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2019. no. 1(10). pp. 187–196. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-187-196.

[19] Nevskaia E.E., Medvedev D.A., Makhovikov A.B., Filyasova Yu.A. Information technologies for systematization of methods improving safety in coal mines // Sustainable Development of Mountain Territories. 2025. vol. 17. no. 2(64). pp. 627–635. DOI: 10.21177/1998-4502-2025-17-2-627-635.

[20] Shaikh F.A., Joseph D., Kang E. Reassessing information security perceptions following a data breach announcement: The role of post-breach management in firm-specific risk // Computers & Security. 2026. no. 161. 104752. DOI: 10.1016/j.cose.2025.104752.

[21] Mirtsch M., Pohlisch J., Blind K. Certification as a compensation mechanism for weak regulation? Exploring the diffusion of the international standard ISO/IEC 27001 for information security management // Computers & Security. 2026. no. 162. 104774. DOI: 10.1016/j.cose.2025.104774.

[22] Grill M., Sommestad T., Karlzén H., Pousette A. Training for improved information security culture: a longitudinal randomized controlled trial // Information and Computer Security. 2025. no. 5(33). pp. 690–718. DOI: 10.1108/ICS-08-2024-0189.

[23] Information security [Electronic resource]. URL: sciencedirect.com (дата обращения: 12.09.2025)

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-202-205

КУНЦ Елена Владимировна,
главный научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, e-mail: 73kuntc@mail.ru

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация. *В криминологической литературе при анализе проблемы преступности традиционно выделяют ее различные виды. За основу такого деления берут прошлую преступную деятельность, характер совершенного деяния и другие основания. В настоящее время не утихают споры среди ученых относительно понятия рецидивной преступности. Установлено, что нет единообразного понимания и среди практиков, что подтверждается статистическими данными, используемые различными правоохранительными органами.*

Ключевые слова: *лишение свободы, осужденный, правовая статистика, судимость, рецидивная преступность, эмпирические данные*

KUNTS Elena Vladimirovna,
Chief Researcher, Department for the Development of Methodologies for the Execution of Sentences Involving Deprivation of Liberty and the Study of Penitentiary Crime, Center for the Study of Security Issues in Penitentiary Institutions, Federal State Budgetary Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor

APPROACHES TO THE STUDY OF RECIPIENT CRIME

Annotation. *Criminological literature traditionally distinguishes between various types of crime when analyzing the problem of crime. This classification is based on past criminal activity, the nature of the offense, and other factors. Currently, scholars continue to debate the concept of recidivism. It has been established that there is no uniform understanding among practitioners, which is confirmed by statistical data used by various law enforcement agencies.*

Key words: *imprisonment, convicted person, legal statistics, criminal record, recidivism, empirical data*

Рецидивное преступление понимается в широком смысле как любое преступление, последовавшее за осуждением к уголовному наказанию либо применением уголовно-правовой меры в виде условного осуждения или отсрочки исполнения приговора.

Осужденный может совершить повторное преступление как в период отбывания наказания или иной уголовно-правовой меры, так и после его истечения. В связи с этим целесообразно и разновидности преступности, соответствующие этим деяниям, разделять в терминологическом плане так же, как это делается применительно к лишению свободы, где принято различать преступность лиц, отбывающих лишение свободы, и собственно рецидивную преступность [1, с. 22].

В уголовном законодательстве советского периода рецидивная преступность закреплялась с помощью таких понятий, как совершение преступления лицом, которое имеет судимость, рецидив, совершение преступления лицом, которое отбыло наказание [2, с. 110].

В настоящее время уголовно-правовые науки находятся на этапе активного развития.

Речь идет о криминологической проблеме рецидивной преступности. Введение в научный оборот различных научных подходов относительно понятия и мер предупреждения рецидивной преступности, открытость научных публикаций положительно отражается на развитии учения о рецидивной преступности. Исследования опираются на статистические и эмпирические данные, которые берутся в основу для формулирования научных выводов, определения перспективных направлений развития данной проблемы. Следует отметить, что в отечественной криминологии накоплен достаточно солидный опыт изучения рецидивной преступности, учет которого позволяет правильно использовать информацию, получаемую в результате эмпирических исследований, оценить ее достоверность, репрезентативность и иные необходимые параметры.

Основным постулатом правовой статистики является положение о том, что количественные показатели социальных явлений предназначены для раскрытия их сущности, описания качественного своеобразия [3, с. 9].

В сфере противодействия рецидивной преступности в последние десятилетия наметились социально-положительные тенденции. Следует отметить серьезные положительные сдвиги, в том числе при уголовно-правовой оценке поведения лиц, ранее совершивших преступления.

Отечественная уголовно-исполнительная система стала более открытой, гуманной. В целях совершенствования навыков работы, связанной с профилактикой повторных преступлений среди осужденных, освобождающихся от отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы, подготовкой их к освобождению и реинтеграции в общество, проводятся учебно-методические сборы, групповые психокоррекционные мероприятия (тренинги).

Активно освещаются в средствах массовой информации мероприятия, проводимые по профилактике повторной преступности и подготовке осужденных к лишению свободы к освобождению от отбывания наказания, в федеральных, региональных средствах массовой информации.

Вместе с тем, следует отметить, что рецидивная преступность исследуется не только как чисто юридическая проблема, но и как социальная, что подтверждается гуманным отношением к лицу, повторно вставшему на преступный путь. Рецидив рассматривается как общественно-опасное, социально вредно, противоправное явление, что обязывает к повышению правовой защите человека и гражданина от рецидивной преступности.

Структуру рецидивной преступности составляют: преступления небольшой тяжести – 55%; преступления средней тяжести – 26%; тяжкие преступления – 15%; особо тяжкие – 4% [4, с. 111].

Вне поля зрения соответствующих органов государственной власти и управления, правоохранительных органов, остается часть некоторых негативных социальных процессов, которые являются катализаторами рецидивной преступности и как следствие приводит к ошибкам в законотворческой деятельности, в принятии управленческих решений, к недооценке воздействия на негативные процессы, способствующие рецидиву преступлений. В этой связи необходимо актуализировать проблему информационного обеспечение социального предупреждения рецидивной преступности. Отчетность о рецидиве преступлений со стороны лиц, отбывших различные виды наказаний, позволяет в определенной мере оценивать результативность судебной и исправительной практики.

Для прогнозирования рецидивной преступности, выработки мер ее социальной профилактики недостаточно еще иметь уголовно-правовую и криминологическую информацию. Меры социальной профилактики рецидива преступлений должны быть обращены не только на рецидивистов, отбывших наказание, но и на весь контингент этих лиц.

Статистическая информация постпенитенциарного содержания имеет определяющее значение для разработки комплекса социально-профилактических мероприятий, направленных на предупреждение рецидивной преступности. Эти мероприятия позволят более четко строить систему оказания социальной помощи различным группам освобожденных с учетом наиболее уязвимых с точки зрения криминогенпости их типовых признаков.

Лицам, у которых установлен рецидив, как правило, назначается наказание в виде лишения свободы, что создает сложности для надлежащей реабилитационной работы, ресоциализации и адаптации людей, отбывших уголовное наказание в виде изоляции от общества, которое является одной из причин их повторного преступного поведения, а также незавершенность и реформирования отечественной уголовно-исполнительной. Справедливо отмечают некоторые ученые, что значительный размер срока наказания, с одной стороны, показывает повышенную общественную опасность совершенного преступления, с другой стороны, в сроке наказания отражается мнение суда о справедливости [5, с. 31].

Причины рецидивной преступности рассматриваются с учетом конкретного социального статуса личности, процесса социализации личности и степени социальной организованности

общества. К числу основных криминогенных факторов рецидивной преступности следует отнести неэффективность наказания в виде лишения свободы и негативные последствия пребывания длительное время в учреждениях уголовно-исполнительной системы, а также вопросы постпенитенциарного характера.

Показатели рецидивной преступности в известной степени отражают степень тех отрицательных последствий, которые несет применение уголовного наказания. В них как бы аккумулируется и своеобразная характеристика криминальной зараженности изучаемого контингента осужденных, на них влияет и степень отчуждения этого контингента от общества, вызывающая сложности их ресоциализации, и консолидирующее воздействие того социального окружения, в котором находился человек в период отбывания наказания.

Социальные процессы и явления, происходящие в обществе, сами по себе не оказывают прямого как позитивного, так и негативного влияния на состояние рецидивной преступности. Механизм их воздействия более сложен, особенно если это касается негативных социальных процессов. Их проявление имеет опосредованный характер. В тоже время, удовлетворение материальных потребностей является существенной составляющей не только физической, но и социальной жизни осужденных [6, с. 401].

В решении большой и сложной задачи борьбы с преступностью немаловажную роль играет предупреждение рецидива [7, с. 136]. Необходимо отметить, что в настоящее время ведется активная работа по совершенствованию отечественного уголовного законодательства, регулирующего борьбы с рецидивной преступностью.

Сокращение рецидивной преступности зависит не только от работы сотрудников исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы, но и от межведомственного взаимодействия указанных учреждений с органами внутренних дел, особенно это касается применительно к предупреждению преступлений со стороны лиц, освобожденных из мест лишения свободы [8, с. 32]. В профилактике, которую ведет не один человек, достигается преемственность [9, с.112].

Необходим системный подход, который включает образовательные, социальные, психологические, медицинские и иные меры, которые направлены на коррекцию поведения, устранение причин и условий, способствующих рецидиву, а также на восстановление социальной справедливости и предотвращение повторных правонарушений.

Список литературы

[1] Комарицкий С.И. Рецидивная преступность осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы (вопросы методики): Учебное пособие. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1990. – 72 с.

[2] Голубовский В.Ю. Теоретико-правовые аспекты рецидивной преступности // Криминологическая политика и практика противодействия преступности (памяти профессора кафедры В.А. Уткина) : Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 27 марта 2025 года. – Москва: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2025. – С. 108-111.

[3] Остроумов С.С. Советская судебная статистика. М., 1976. – 416 с.

[4] Голубовский В. Ю. Пределы уголовной ответственности при рецидиве преступлений // Проблемы права. – 2022. – № 4(87). – С. 110-113.

[5] Характеристика осужденных, повторно отбывающих наказание в виде лишения свободы (по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 года). Под ред. В.И. Селиверстова - М.: Проспект, 2024. - 70 с.

[6] Юсупова А.Н. О месте материально-бытового обеспечения в исправительном процессе осужденных // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29. – №3. – С. 400-403.

[7] Кунц Е. В. Исправление осужденных как условие предупреждения рецидива // Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации : Сборник материалов международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Вологда, 05–06 декабря 2024 года. – Вологда: Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 2025. – С. 135-139.

[8] Голубовский В.Ю. Повышение эффективности взаимодействия исправительного учреждения и органов внутренних дел // Актуальные проблемы организации деятельности органов и учреждений УИС : Межвузовская научно-практическая конференция, посвященная памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора А.И. Зубкова и Дню российской науки, Рязань, 07 февраля 2025 года. – Рязань: Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2025. – С. 32-36.

[9] Кунц Е.В. Особенности профилактической работы с подростками по предупреждению совершения ими повторных преступлений // Актуальные проблемы организации деятельности

органов и учреждений УИС : Межвузовская научно-практическая конференция, посвященная памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора А.И. Зубкова и Дню российской науки, Рязань, 07 февраля 2025 года. – Рязань: Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2025. – С. 111-115.

References:

[1] Komaritsky S.I. Recidivism of Persons Sentenced to Punishments Not Involving Deprivation of Liberty (Methodological Issues): Textbook. – Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1990. – 72 p.

[2] Golubovsky V.Yu. Theoretical and Legal Aspects of Recidivism // Criminological Policy and Practice of Combating Crime (in memory of Professor V.A. Utkin): Collection of Scientific Papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, March 27, 2025. – Moscow: Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2025. – pp. 108-111.

[3] Ostroumov S.S. Soviet Judicial Statistics. Moscow, 1976. – 416 p.

[4] Golubovsky V.Yu. Limits of Criminal Liability for Recidivism // Problems of Law. – 2022. – No. 4(87). – P. 110-113.

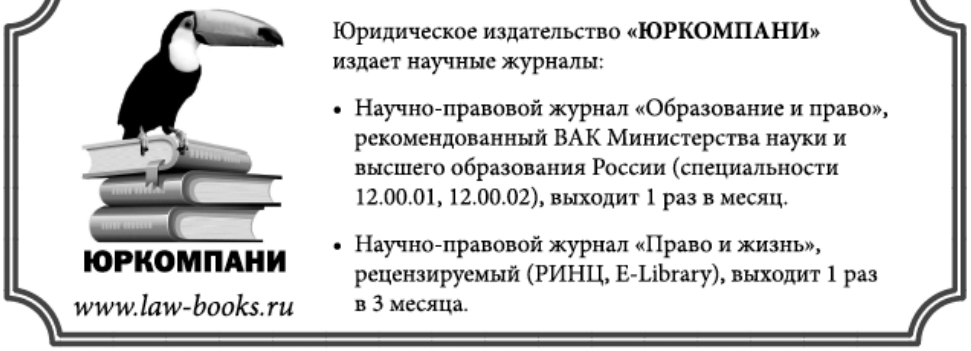
[5] Characteristics of convicts serving a sentence of imprisonment for a second time (based on the materials of a special census of convicts and persons in custody, December 2022). Ed. V.I. Seliverstov - M.: Prospect, 2024. - 70 p.

[6] Yusupova A.N. On the place of material and household support in the correctional process of convicts // Man: crime and punishment. – 2021. – Vol. 29. – No. 3. – P. 400-403.

[7] Kunts E.V. Correction of convicts as a condition for preventing recidivism // The penitentiary system of Russia in the modern conditions of social development: from the paradigm of punishment to correction and resocialization: Collection of materials from the international scientific and practical conference. In 2 parts, Vologda, December 5–6, 2024. – Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2025. – pp. 135–139.

[8] Golubovsky V. Yu. Improving the Efficiency of Interaction between Correctional Institutions and Internal Affairs Bodies // Current Issues in Organizing the Activities of Penal System Bodies and Institutions: Interuniversity Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of Honored Scientist of the RSFSR, Doctor of Law, Professor A. I. Zubkov and to Russian Science Day, Ryazan, February 7, 2025. – Ryazan: Federal State Educational Institution of Higher Education Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2025. – pp. 32–36.

[9] Kunts E. V. Features of preventive work with adolescents to prevent them from committing repeated crimes // Actual problems of organizing the activities of bodies and institutions of the penal system: Interuniversity scientific and practical conference dedicated to the memory of the Honored Scientist of the RSFSR, Doctor of Law, Professor A.I. Zubkov and the Day of Russian Science, Ryazan, February 7, 2025. - Ryazan: Federal State Educational Institution of Higher Education Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2025. - P. 111-115.

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-206-209

БЫСТРОВА Юлия Викторовна,
доктор юридических наук, доцент.
Заведующий кафедрой уголовного права и процесса
Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева;
профессор кафедры уголовного права, процесса и
национальной безопасности ФГБОУ ВО
«Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова»,
e-mail: mail@law-books.ru

ПЕНИТЕНЦИАРНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ, КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Аннотация. *В статье рассмотрены основные научные подходы к понятию «пенитенциарное преступление» с позиций различных наук уголовно-правового цикла. Сделаны выводы о необходимости сформулировать рассматриваемое понятие на стыке уголовного права, криминологии и криминалистике. В данном случае будет раскрыта многогранная природа изучаемой дефиниции.*

Ключевые слова: *пенитенциарное преступление, пенитенциарный преступник, субъект пенитенциарного преступления.*

BYSTROVA Yulia Viktorovna,
Doctor of Law, Associate Professor. Head of the Department
of Criminal Law and Procedure
of the Oryol State University named after I. S. Turgenev;
Professor, Department of Criminal Law,
Process and National Security,
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education “Chechen State University
named after A. A. Kadyrov”

PENITENTIARY CRIME: CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGICAL AND FORENSIC APPROACHES

Annotation. *The article considers the main scientific approaches to the concept of “penitentiary crime” from the standpoint of various sciences of the criminal law cycle. Conclusions were drawn about the need to formulate the concept under consideration at the intersection of criminal law, criminology and forensics. In this case, the multifaceted nature of the studied definition will be revealed.*

Key words: *penitentiary crime, penitentiary criminal, subject of penitentiary crime.*

В современной юридической науке термин «пенитенциарное преступление» получил широкое распространение и стал общеупотребительным. Тем не менее, единого подхода к трактовке этого термина среди специалистов до сих пор не выработано. Законодательное закрепление данного понятия могло бы внести определённость, но ни один действующий нормативно-правовой акт не содержит этого термина, хотя в научных кругах неоднократно звучали и звучат предложения о его официальном закреплении путем внесения изменений в Особенную часть УК РФ.

Изучение юридической литературы, посвящённой вопросам преступности в исправительных учреждениях, продемонстрировало, что термин «пенитенциарное преступление» длительное время рассматривался главным образом через призму криминологической науки.

При формировании категориального аппарата, находящегося в стадии становления и развития, в научных кругах встречаются различные интерпретации и подходы к вновь вводимым понятиям. Содержательное наполнение термина трансформируется в зависимости от выбранного исследовательского подхода. Порой при сопо-

ставлении различных концепций обнаруживаются настолько значительные расхождения в трактовке, что это создаёт препятствия для корректного использования понятия в научном дискурсе и его восприятии.

На сегодняшний день среди криминологов отсутствует единое понимание термина «пенитенциарное преступление». Существует четыре разнообразных научных позиций относительно данного термина.

Первая концепция базируется на том, что ключевым критерием выступает область общественных отношений, связанная с реализацией уголовно-исполнительных санкций. Представители данной позиции считают пенитенциарными лишь те противоправные деяния, которые направлены против социальных отношений в уголовно-исполнительной системе. Остальные подходы опираются на иные основания: второй - на замкнутое пространство как определяющий фактор, третий - на специфику правонарушителя (лицо, находящееся в местах изоляции от общества), четвертый - на совокупность характерных особенностей.

Анализ действующего уголовного законодательства и соответствующие теоретические выводы позволяют утверждать, что перечень подобных противоправных деяний крайне ограничен. По сути, речь идёт лишь о трёх составах преступлений: статья 313 УК РФ предусматривает ответственность за побег из учреждений пенитенциарной системы или из-под стражи; статья 314 УК РФ касается уклонения от исполнения наказаний в виде ограничения или лишения свободы, а также от принудительного медицинского лечения; статья 321 УК РФ регулирует дезорганизацию функционирования учреждений изоляции. Однако, на наш взгляд, столь узкая трактовка пенитенциарной преступности не отражает реального положения дел и противоречит фактической криминогенной обстановке в исправительных учреждениях.

Подразделения ФСИН России официально фиксируют широкий спектр криминальных деяний, при этом упомянутая триада правонарушений составляет приблизительно треть от общего массива. Оставшаяся значительная часть – около двух третей зарегистрированных случаев – включает разнообразные противоправные действия: телесные повреждения различной степени тяжести, мошеннические схемы, нарушения законодательства о наркотических средствах, публичные оскорбительные действия, применение силы против должностных лиц и другие подобные деяния, совершаемые заключёнными в колониях и СИЗО. Совершенно очевидно, что подобные преступления обладают выраженной спецификой пенитенциарной среды, и игнорировать эту особенность, классифицируя их как обычную общеуголовную преступность, было бы неправильным подходом.

Территориальный подход к определению пенитенциарных преступлений пользуется наибольшей популярностью среди исследователей. Ключевым критерием здесь выступает географическая привязка – место расположения учреждения, где было совершено противоправное деяние. Исследователи по-разному трактуют границы такой территории. Некоторые авторы связывают её с изоляторами временного содержания и другими объектами, обеспечивающими изоляцию граждан от социума в расширенной трактовке. Другие специалисты ограничивают понятие следственными изоляторами и исправительными учреждениями. Третья группа учёных рассматривает в качестве территориальных рамок всю систему учреждений уголовно-исполнительного характера. Ещё один вариант интерпретации сводится к местам отбывания наказания в виде лишения свободы.

Таким образом, при территориальном принципе именно локализация места совершения преступления становится определяющим фактором при классификации деяния как пенитенциарного.

Следующая концепция раскрытия сущности пенитенциарных правонарушений базируется на характеристике субъекта, совершающего противоправное деяние. Объединяющей чертой выступает отсутствие специального выделения категории лиц, которых следует относить к пенитенциарным правонарушителям. Тем не менее, детальное изучение научных взглядов исследователей демонстрирует, что статус пенитенциарных правонарушителей присваивается не всем без исключения гражданам, пребывающим на объектах указанных учреждений, а исключительно тем индивидам, чье нахождение в данных заведениях носит недобровольный характер в режиме изолированного содержания.

Исследователи этого направления концентрируются исключительно на незаконных действиях, которые имеют отношение к правовым взаимосвязям, возникающим при выполнении учреждениями исполнения наказаний своих обязанностей по применению санкций и превентивных мер. Основная идея заключается в детальной классификации групп правонарушителей, действующих в пенитенциарной сфере. При этом относительно трактовки самих участников таких противоправных деяний в научной литературе существует значительное разнообразие точек зрения.

Существуют две ключевые позиции в данном вопросе. Первая - к субъектам пенитенциарной преступности относятся две группы лиц:

во-первых, работники руководящего звена исправительных учреждений и структур уголовно-исполнительной системы, включая производственно-технических специалистов, медработников, педагогов и прочих граждан, находящихся на территории объектов, обеспечивающих изоляцию от общества; во-вторых, лица, осуждённые к лишению свободы и отбывающие наказание в соответствующих учреждениях. Вторая концепция трактует пенитенциарные преступления более узко – как противоправные действия, совершаемые исключительно осуждёнными лицами.

Среди криминологических концепций особого внимания заслуживает подход В.С. Ишигеева, который, несмотря на разграничение им специальной категории правонарушений пенитенциарного характера, не отрицает особенностей общеуголовной преступности в условиях изоляции [1,с.21]. Данная позиция представляется наиболее обоснованной в контексте нашего исследования.

Недостаточно глубоко изучалось понятие «пенитенциарное преступление» с точки зрения криминалистики, несмотря на его широкое применение в специализированных научных работах данной области. Исследователи-криминалисты не уделяли необходимого внимания формированию и разработки данного понятия, считая возможным опираться на наработки, полученные в рамках уголовно-правовых и криминологических исследований этой проблематики. Между тем, существует мнение, согласно которому определение «пенитенциарные преступления» наиболее точно характеризует противоправные деяния, которые совершают лица, отбывающие наказание в исправительных учреждениях, а также подследственные, содержащиеся в изоляторах временного содержания.

Изучение специализированной литературы криминалистического направления выявило отсутствие термина «пенитенциарные преступления» и, следовательно, его толкования в научных трудах. Становится очевидным, что согласованного подхода к использованию данной терминологии до настоящего времени не сформировано. Стоит отметить труд Н.Г. Шурухнова, содержащий раздел о специфике следственных действий в отношении правонарушений, совершённых осуждёнными в пенитенциарных учреждениях, но даже там рассматриваемое определение не фигурирует [3].

В научной работе В.В. Николайченко впервые в криминалистике вводится термин «пенитенциарные преступления» [2,с.69]. Данная категория трактуется им как специфическая совокупность умышленных противоправных деяний, характеризующихся высокой степенью организованности и профессионализма, а также уникальным механизмом криминальной активности заключённых, находящихся в местах лишения свободы. Этот же исследователь применяет термин «пенитенциарный преступник», определяя его как субъекта, который осуществляет противоправные действия во время нахождения в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Изучая вопросы досудебного расследования противоправных деяний, происходящих в учреждениях исполнения наказаний, А.В. Страхов сформулировал определение пенитенциарного преступления. Согласно его трактовке, это противоправное, общественно опасное и наказуемое по уголовному законодательству действие, осуществлённое заключённым во время нахождения в исправительном учреждении любого типа будь то тюрьма, колония-поселение, воспитательная или исправительная колония, медицинское пенитенциарное учреждение, следственный изолятор, а также преступления, совершённые в период испытательного срока при условном осуждении.

Таким образом, сопоставление различных научных позиций относительно термина «преступления в пенитенциарной системе» выявило значительные расхождения как между специалистами в области криминологии, так и между криминалистами. Криминологическая наука ставит перед собой ключевые цели: определение закономерностей, раскрывающих факторы и обстоятельства совершения противоправных действий, а также формирование всестороннего набора мер превентивного характера. Учитывая данный контекст, считаем обоснованным утверждение о том, что реализация указанных целей применительно к различным уровням анализа (индивидуальному, коллективному, общественному) может служить аргументом в пользу многозначности трактовки понятия «преступления пенитенциарного характера».

В пенитенциарных учреждениях противоправные деяния заключённых нередко провоцируются поведением персонала колоний либо других граждан, взаимодействующих с отбывающими срок. Отсюда вытекает обоснованность научного подхода, предполагающего криминологический анализ не исключительно контингента заключённых, но также работников тюремной системы и прочих субъектов, находящихся в пространстве пенитенциарных объектов.

Криминалистическая наука фокусируется на принципиально иной проблематике: она исследует принципы функционирования преступного

события, процессы формирования улик, методологию их выявления, процедуры изъятия и экспертизы, использование специализированного технического инструментария криминалистики, тактические схемы осуществления процессуальных мероприятий следствия, а кроме того — определение типовых характеристик, присущих конкретным категориям криминальных происшествий, и формирование практических указаний для их раскрытия.

Список литературы:

[1] Ишигеев В.С. Пенитенциарные преступления: характеристика, предупреждение, ответственность: дис. …д-ра юрид. наук. Иркутск, 2004. С. 21.

[2] Николайченко В.В. Пенитенциарные и постпенитенциарные преступления: криминалистическая теория и практика: дис. …д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. С. 69.

[3] Шурухнов Н.Г. Криминалистика. М.: Юрист, 2005. - 639 с.

References:

[1] Ishigeev V.S. Penitentiary crimes: characteristics, warning, responsibility: dis.... Dr. Jurid. sciences. Irkutsk, 2004. S. 21.

[2] Nikolaychenko V.V. Penitentiary and post-penitentiary crimes: forensic theory and practice: dis.... Dr. Jurid. sciences. Saratov, 2006. S. 69.

[3] Shurukhnov N.G. Forensics. M.: Lawyer, 2005. - 639 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-210-215

СТЕПАНЧИКОВ Александр Максимович,
магистрант 2 курса Юридического факультета
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Государственный университет просвещения»,
e-mail: mail@law-books.ru

ПОНЯТИЕ ЭКСТРЕМИЗМА И ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

Аннотация. *Эффективность уголовно-правового противодействия любым общественно опасным явлениям напрямую зависит от того, насколько точно закон определяет их сущностные характеристики. Когда же ключевые понятия носят оценочный и размытый характер, сама правоприменительная деятельность рискует столкнуться с последствиями юридической неопределенности. Эта проблема в полной мере проявляется в сфере уголовно-правового регулирования отношений, связанных с экстремизмом. Действительно, для достижения единообразия в правоприменительной практике и доктринальном толковании уголовно-правовых норм ключевое значение имеет унификация смысловой нагрузки используемых в них понятий.*

Ключевые слова: *правоприменительная деятельность, экстремизм, преступление, экстремистская деятельность, Уголовный кодекс, закон.*

STEPANCHIKOV Alexander Maksimovich,
2nd year master's student of the Faculty of Law
of the Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "State University of Education"

CONCEPT OF EXTREMISM AND GENERAL PROVISIONS OF LEGAL REGULATION OF COUNTERING EXTREMISM

Annotation. *The effectiveness of criminal law counteraction to any socially dangerous phenomena directly depends on how accurately the law determines their essential characteristics. When key concepts are evaluative and vague, law enforcement itself risks facing the consequences of legal uncertainty. This problem is fully manifested in the field of criminal law regulation of relations related to extremism. Indeed, in order to achieve uniformity in law enforcement practice and the doctrinal interpretation of criminal law, the unification of the semantic load of the concepts used in them is key.*

Key words: *law enforcement, extremism, crime, extremist activity, Criminal Code, law.*

Особую актуальность эта проблема приобретает в сфере законодательства о противодействии экстремизму, где такие фундаментальные категории, как «экстремизм», «экстремистская деятельность» и «преступления экстремистской направленности», ввиду своей структурной сложности и многогранности, требуют детализированного легального определения. Термин «экстремизм» имеет смешанное латинско-французское происхождение (лат. «extremus» – крайний, фр. «extremisme»). Словарные определения сводят его лингвистическую суть к обозначению приверженности крайним идеологическим позициям и методам действий [1], преимущественно в политической сфере. В научной литературе устоялось понимание экстремизма не только как идеологии, базирующейся на крайних взглядах, но и как практики использования насильственных и противоправных методов для достижения поставленных целей. Современное содержание этой деструктивной практики, ее методы и формы являются прямым следствием ее исторического развития. Поэтому, определившись с понятийным аппаратом, необходимо обратиться к истокам данного преступного явления.

Понимание генезиса любого социально-опасного феномена позволяет прогнозировать траектории его дальнейшей эволюции. В этой связи представляется необходимым исследовать ключевые исторические этапы становления экстремизма в России. В политической практике

Российской империи экстремизм функционировал как инструмент радикального давления, одна из форм борьбы за сохранение или изменение государственного строя. Социальной базой этого явления выступала, прежде всего, радикально настроенная дворянская молодежь, объединявшаяся в нелегальные политические кружки и организации. Доминирующей формой экстремистской активности в тот период являлся терроризм, хотя его цели, масштабы и методы принципиально отличались от современных аналогов. Отсутствие системного понимания этой новой угрозы привело к тому, что в дореволюционной России так и не сложилась целостная государственная стратегия противодействия экстремизму. Наиболее типичным его проявлением были насильственные акты, совершаемые в отношении ключевых фигур государственного аппарата и правящей элиты [2]. Террор XIX века носил ярко выраженный политический характер и был сфокусирован на покушениях на жизнь представителей высшей государственной власти. Следует отметить, что, несмотря на индивидуальный способ реализации, цели этих преступлений выходили далеко за рамки покушения на жизнь и здоровье конкретного высокопоставленного лица и были подчинены задаче дестабилизации государственной системы. В этом контексте экстремизм XIX столетия можно считать исторической предпосылкой экстремизма последующих этапах развития общества и государства.

Вместе с тем, законодательное закрепление борьбы с национальным экстремизмом было инициировано уже в Конституции РСФСР 1918 года [3]. Впервые на уровне основного закона провозглашалось равенство прав граждан независимо от их национальной принадлежности, упразднялись любые национальные привилегии и признавалось недопустимым угнетение или ограничение прав национальных меньшинств. В Уголовном кодексе РСФСР 1922 года [4] такая форма этнополитического противостояния, как возбуждение национальной вражды, была криминализирована исключительно в контексте антигосударственной пропаганды и агитации. Понятие контрреволюционного преступления трактовалось предельно широко: под него подпадали любые действия, нацеленные на свержение, подрыв или ослабление власти Советов, а также оказание помощи международной буржуазии. В советском уголовном праве возбуждение национальной розни подлежало криминализации не само по себе, а лишь тогда, когда оно выступало средством для достижения конкретной политической цели — свержения советской власти. Следовательно, центральным и обязательным элементом состава данного преступления становилась его субъективная сторона. Для привлечения к ответственности необходимо было доказать наличие у виновного прямого умысла, направленного именно на ликвидацию существующего государственного строя. Принятый в 1926 году Уголовный кодекс РСФСР [5] в целом сохранил систему государственных преступлений, установленную предыдущим уголовным кодексом. Качественно новый этап в криминализации противодействия национальной политике государства связан с принятием ЦИК СССР «Положения о государственных преступлениях» 25 февраля 1927 года [6] (далее - Положение). Конкретизация состава контрреволюционного преступления была осуществлена через прямое указание на ответственность за деяния, подрывающие ключевые национальные завоевания революции. В их число законодатель включил гарантированное равенство граждан, независимо от национальности и расы, а также укрепленный советской властью межнациональный мир. Статья 21 соответствующего Положения криминализировала пропаганду и агитацию, направленные на возбуждение розни по национальному или религиозному признаку, а также связанные с этой литературой действия (распространение, изготовление, хранение). Впоследствии эта норма была инкорпорирована в Уголовный кодекс РСФСР как статья 59.7 в разделе об особо опасных для СССР преступлениях против порядка управления. Существенное развитие правового регулирования в сфере противодействия экстремизму связано с принятием в 1958 году Закона об уголовной ответственности за государственные преступления [7]. Этот акт расширил состав, установив ответственность не только за разжигание розни, но и за любое прямое или косвенное ограничение прав либо установление преимуществ в зависимости от расовой или национальной принадлежности граждан.

Новый Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. [8] воспринял действующую правовую модель. Часть 1 статьи 74 предусматривала ответственность за умышленные деяния, целью которых выступало разжигание национальной, расовой или религиозной вражды, унижение достоинства, а также пропаганда исключительности или неполноценности по этим признакам. Кроме того, отдельно запрещалось введение любых привилегий или ограничений прав граждан в зависимости от их национальности, расы или отношения к религии.

Корректировка данной нормы была осуществлена лишь Законом Российской Федерации от 20 октября 1992 года [9], который дополнил частью 2 статью 74 УК РСФСР 1960 года. Уголовная ответственность ужесточалась, если действия, перечисленные в части первой, были сопряжены с применением насилия, обмана или угроз, либо совершались с использованием служебного положения.

Качественно новым этапом в сфере противодействия экстремизму стало введение в действие Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года [10]. В его рамках была установлена уголовная ответственность за действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, унижение национального достоинства, а также пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по указанным признакам. Ключевым квалифицирующим признаком, обусловившим криминализацию подобных деяний, являлся публичный характер их совершения или использование средств массовой информации, что законодатель напрямую связывал с повышенной опасностью широкого распространения деструктивных идеологий. Дальнейшее развитие диспозиции части первой статьи 282 УК РФ связано с принятием Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ [11], который прямо указал на использование информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») в качестве нового способа совершения данного преступления. Важно подчеркнуть, что само определение понятия «экстремизм» изначально отсутствовало в тексте уголовного закона, что порождало доктринальные и правоприменительные дискуссии. Его легальное закрепление произошло на подзаконном уровне – в Указе Президента Российской Федерации от 23 марта 1995 г. № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлением фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации» [12]. В указанном документе констатировалось, что в стране участились случаи разжигания социальной, расовой, национальной и религиозной розни, а также распространения идей фашизма. Акцентировалось, что антиконституционная деятельность экстремистски настроенных лиц и объединений приобретает все более широкие масштабы и дерзкий характер, отмечалось создание незаконных вооруженных формирований и угроза их сращивания с коммерческими и криминальными структурами. Эти опасные тенденции характеризовались как прямая угроза основам конституционного строя, ведущая к нарушениям прав и свобод граждан, подрыву общественной безопасности и целостности государства. Несмотря на использование термина, анализируемый Указ не содержал его легальной дефиниции.

В современный период феномен экстремизма пережил качественную трансформацию. Он не только сохранил свойство массовости, но и обрел признаки глобальной угрозы, преодолевающей государственные границы. Существенно расширился и спектр его субъектов: если изначально к ним относились преимущественно радикальные индивиды и неформальные группы, то в дальнейшем в качестве факторов экстремистской деятельности в определенных условиях стали выступать национальные государства и межгосударственные объединения. В Российской Федерации сформирована разветвленная система правового регулирования, направленная на противодействие экстремизму. Фундаментальные начала этой деятельности заложены в статье 19 Конституции Российской Федерации [13], гарантирующей равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от любых обстоятельств, включая расу, национальность, язык и отношение к религии. Принцип конституционного запрета любых ограничений прав по указанным признакам формирует фундамент государственной политики. Однако данный принцип не является абсолютным. В соответствии с Конституцией, в исключительных случаях — для защиты основ конституционного строя, обеспечения государственной безопасности и охраны прав и свобод других граждан — свобода совести и вероисповедания могут быть подвергнуты законодательным ограничениям, что корреспондирует норме части 2 статьи 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» [14]. Ключевым законодательным актом, формирующими государственную политику противодействия экстремизму, выступают Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [15], определяющий основные понятия, направления и субъекты этой деятельности.

Важнейшим элементом государственной политики в рассматриваемой сфере выступают не только законы, но и ключевые стратегические документы, определяющие долгосрочные цели и конкретные меры. К ним относятся Указ Президента РФ от 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» [16], новая Стратегия противодействия экстремизму, утвержденная Указом Президента № 1124 от 28 декабря 2024 года [17], а также действующий Комплексный план противодействия идеологии терроризма на 2024-2028 годы [18].

Экстремизм, будучи характерным феноменом современного социума, представляет собой прямую угрозу фундаментальным правам и свободам личности, а также подрывает основы национальной безопасности. Деятельность экстремистских формирований, отличающаяся возрастающей жестокостью, характеризуется активным вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений, мотивированных ксенофобией, расовой, этнической или конфессиональной нетерпимостью. Подобные противоправные акты создают непосредственную опасность для жизни и конституционных прав граждан, препятствуют

устойчивому развитию государственности и ставят под угрозу территориальную целостность страны.

На основании изложенного, представляется обоснованным следующее определение экстремизма — это деструктивный социальный феномен, выражающийся в приверженности к радикальным методам в политической, религиозной и национально-культурной сферах, которые противоречат консолидированным интересам государства. Данное явление обладает свойством агрессивной экспансии и наносит значительный ущерб национальной безопасности. Фактически, экстремизм выступает в роли эффективного инструментария для противоправного захвата власти и целенаправленной дестабилизации обстановки как на национальном, так и на глобальном уровне.

Проведенный анализ научных источников позволяет идентифицировать следующий комплекс специфических характеристик, присущих экстремистским организациям: наличие жестко регламентированной иерархической структуры, системы строгой дисциплины и безусловного подчинения лидеру; распространение среди адептов психических расстройств, индуцированных практиками длительного поста, голодания и систематического недосыпания; высокий уровень конспирации, осуществление взаимного контроля и функционирование внутренних служб безопасности; целенаправленное воздействие на сознание членов, вплоть до ментальной трансформации части из них в так называемых «биороботов»; демонстрация повышенной мобильности и оперативной гибкости; специальная подготовка участников к конфронтации с правоохранительными структурами, включая изучение правовых норм; снижение индивидуального болевого порога у членов организации, достигаемое через введение в трансовые состояния; обладание значительными финансовыми ресурсами, создающее возможность коррупционного влияния; применение специализированных психоактивных и наркотических веществ; формирование в сознании членов установки на нивелирование ценности земной жизни и акцентирование посмертного существования; практика сокрытия информации или прямого обмана в процессе рекрутирования новых членов; систематическая эксплуатация участников группировки; произвольная подмена этических норм, когда моральным признается исключительно то, что соответствует интересам организации (принцип «цель оправдывает средства»); использование специализированных психотехник для трансформации мышления и установления тотального контроля над сознанием.

В контексте глобальной проблемы противодействия экстремизму центральное место занимает вопрос оперативного получения правоохранительными структурами релевантной информации. Сложность заключается в обеспечении превентивных мер, направленных на недопущение вовлечения новых лиц в деятельность экстремистских формирований.

Сущность экстремизма раскрывается через агрессивное поведение одной из сторон социального или общественного конфликта, которая демонстрирует нетерпимость к оппонентам и избирает методы насильственного навязывания собственных взглядов государству и обществу, игнорируя цивилизованные механизмы разрешения противоречий [19], – отмечает В. А. Гаужаева. Следует отметить, что системообразующим признаком экстремизма выступает совокупность крайне радикальных идей и воззрений. Данная идеология часто существует в латентной форме, когда её приверженцы ведут внешне правопослушный образ жизни, но при этом внутренне разделяют экстремистские установки и при определённых обстоятельствах готовы реализовать их на практике.

С.С. Царегородцева отмечает, что экстремизм по своей природе представляет собой отрицание какой-либо меры [20]. Он базируется на искажённом и деформированном восприятии действительности, что в практической плоскости неизбежно приводит к применению насильственных методов. На территории России экстремистские группировки регулярно формируются на почве социальных, политических, национальных и религиозных противоречий, создавая серьёзные угрозы общественной и государственной безопасности.

В. В. Маркин подчёркивает, что в современных условиях идеология экстремизма становится востребованным инструментом для различных деструктивных субъектов [21]. Соглашаясь с этим, следует отметить, что она находит благоприятную почву для распространения, поскольку, с одной стороны, предлагает категоричное осуждение реальных или мнимых виновников социальных проблем, а с другой – пропагандирует упрощённые и, по сути, жёсткие пути восстановления справедливости.

Список литературы:

[1] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка : около 100000 слов и фразеологических выражений : 12+ / С. И. Ожегов ; под редакцией Л. И. Скворцова. - 27-е изд., испр. - Москва : АСТ, Li№gua : Мир и Образование, 2024. - 73

[2] Шарихин, А. Е. Опыт борьбы с политическим экстремизмом в царской России и перспективыего использования сегодня / А. Е. Шарихин // Вестник Владимирского юридического института. – 2022. – № 2(63). – С. 136.

[3] Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: Постановление 5-го Всероссийского Съезда Советов, принятое в заседании 10 июля 1918 года. - Красноярск, 1918. - 23 с

[4] Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: [Приказ Революционного Военного Совета Республики 1922 г. № 1551]. — [Москва] : Издание Военной коллегии Верховного трибунала ВЦИК, 1922. — 15, 26 с. : 27 см.

[5] Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года с постатейно-систематизированными материалами [Текст] / составили и отредактировали коллективно: С. С. Аскарханов, Т. П. Зайцев, А. Н. Иодковский, В. В. Соколов и В. П. Усков. — Москва: Юридич. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. — 553 с.

[6] Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР, принятое на 3-й сессии 3-го созыва. Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления). 25 февраля 1927 г. // Распубликовано в № 48 Известий ЦИК Союза ССР и ВЦИК от 27 февраля 1927 г.

[7] Закон СССР от 25 декабря 1958 года Об уголовной ответственности за государственные преступления // Ведомости Верховного Совета СССР, № 1, 1959, ст. 8

[8] Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 27 октября 1960 // Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1960, № 40, ст.591.

[9] Закон Российской Федерации от 20 октября 1992 г. № 3692-I внесении изменений в Уголовный кодекс РСФСР, связанных с порядком перерасчета штрафов // Ведомости Съезда НД РФ и ВС РФ, № 47, 26.11.1992, ст.2664

[10] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. (с последующими изменениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

[11] Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 года № 179 – ФЗ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации, № 26 (ч.I), 30.06.2014, ст.3385

[12] Указ Президента Российской Федерации от 23 марта 1995 № 310 О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации № 13, 27.03.95

[13] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с учетом поправок, внесенных Законом Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 4 октября 2022 г. № 8- ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 8, ст. 1416.

[14] Федеральный закон Российской Федерации от 26 сентября 1997 № 125 – ФЗ О свободе совести и о религиозных объединениях // Собрание законодательства Российской Федерации, № 39, 29.09.1997, ст.4465

[15] Федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 № 114 – ФЗ О противодействии экстремистской деятельности // Собрание законодательства Российской Федерации, № 30, 29.07.2002, ст.3031

[16] Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 № 602 Об обеспечении межнационального согласия // Собрание законодательства Российской Федерации, № 19, 07.05.2012, ст.2339

[17] Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 № 1124 Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации, № 53 (ч.I), 30.12.2024, ст.8669

[18] Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024-2028 годы утв. Президентом Российской Федерации № Пр-2610 от 30 декабря 2023

[19] Гаужаева, В. А. Понятие идеологии экстремизма / В. А. Гаужаева // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 2. – С. 54.

[20] Царегородцева, С. С. Политические мемы как средство отражения экстремизма / С. С. Царегородцева, И. Г. Коршунова // Противодействие экстремизму и терроризму в крымском федеральном округе: проблемы теории и практики. – Крым : Краснодарский университет МВД России (Крымский филиал), 2015. – С. 90.

[21] Маркин В.В. Власть: Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде : 1 - я часть. №. 11 Ноябрь 2012 – С. 34.

References:

[1] Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language: about 100,000 words and phraseological expressions: 12 +/S.I. Ozhegov; edited by L. I. Skvortsov. - 27th ed., Isp. - Moscow: AST, Li No. Gua: Peace and Education, 2024. - 73

[2] Sharikhin, A.E. Experience in combating political extremism in tsarist Russia and the prospects for its use today/A.E. Sharikhin//Bulletin of the Vladimir Law Institute. – 2022. – № 2(63). - S. 136.

[3] Constitution of the Russian Socialist Federative Soviet Republic: Resolution of the 5th All-Russian Congress of Soviets, adopted at a meeting on July 10, 1918. - Krasnoyarsk, 1918. - 23 s

[4] Criminal Code of the Russian Socialist Federative Soviet Republic: [Order of the Revolutionary Military Council of the Republic of 1922 No. 1551]. - [Moscow]: Publication of the Military Collegium of the Supreme Tribunal of the All-Russian Central Executive Committee, 1922. - 15, 26 p.: 27 cm.

[5] The Criminal Code of the RSFSR edition of 1926 with article-by-article systematized materials [Text]/was compiled and edited collectively: S. S. Askarkhanov, T. P. Zaitsev, A. N. Iodkovsky, V. V. Sokolov and V. P. Uskov. - Moscow: Juridich. Publishing House of the NKYU RSFSR, 1927. - 553 s.

[6] Resolution of the Central Executive Committee of the USSR adopted at the 3rd session of the 3rd convocation. Provision on state crimes (counter-revolutionary and especially for the USSR dangerous crimes against the management order). February 25, 1927//Published in No. 48 Izvestia of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee of February 27, 1927

[7] USSR Law of December 25, 1958 On Criminal Liability for State Crimes//Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR, No. 1, 1959, Art. 8

[8] Criminal Code of the Russian Socialist Federative Soviet Republic of October 27, 1960//Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR, 1960, No. 40, Article 591.

[9] Law of the Russian Federation of October 20, 1992 No. 3692-I Amending the Criminal Code of the RSFSR Related to the Procedure for Recalculating Fines//Vedomosti of the Congress of the ND of the Russian Federation and the Armed Forces of the Russian Federation, No. 47, 26.11.1992, Article 2664

[10] Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 (with subsequent amendments)//Collection of legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 25. - Art. 2954.

[11] Federal Law of the Russian Federation No. 179-FZ dated June 28, 2014 On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation// Collection of Legislation of the Russian Federation, No. 26 (Part I), 30.06.2014, Article 3385

[12] Decree of the President of the Russian Federation of March 23, 1995 No. 310 On measures to ensure coordinated actions of state authorities in the fight against manifestations of fascism and other forms of political extremism in the Russian Federation//Collection of legislation of the Russian Federation No. 13, 27.03.95

[13] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993, taking into account the amendments made by Law Ros. Federation on amendments to the Constitution of Ros. Federation of October 4, 2022 No. 8-FKZ//Sobr. legislation Ros. Federations. – 2022. - No. 8, Art. 1416.

[14] Federal Law of the Russian Federation of September 26, 1997 No. 125-FZ “On Freedom of Conscience and on Religious Associations “//Collection of Legislation of the Russian Federation, No. 39, 29.09.1997, Article 4465

[15] Federal Law of the Russian Federation of July 25, 2002 No. 114-FZ “On Countering Extremist Activities “//Collection of Legislation of the Russian Federation, No. 30, 29.07.2002, article 3031

[16] Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2012 No. 602 On ensuring interethnic harmony//Collection of legislation of the Russian Federation, No. 19, 07.05.2012, Article 2339

[17] Decree of the President of the Russian Federation of December 28, 2024 No. 1124 On approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation//Collection of Legislation of the Russian Federation, No. 53 (part I), 30.12.2024, article 8669

[18] A comprehensive plan to counter the ideology of terrorism in the Russian Federation for 2024-2028 approved by President of the Russian Federation No. Pr-2610 dated December 30, 2023

[19] Gauzhaeva, V. A. The concept of ideology of extremism/V. A. Gauzhaeva//Gaps in Russian legislation. – 2016. – № 2. - S. 54.

[20] Tsaregorodtseva, S. S. Political memes as a means of reflecting extremism/S. S. Tsaregorodtseva, I. G. Korshunova//Countering extremism and terrorism in the Crimean Federal District: problems of theory and practice. - Crimea: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Crimean branch), 2015. - S. 90.

[21] Markin V.V. Power: Countering the spread of the ideology of extremism and terrorism among young people: 1st part. №. 11 November 2012 - S. 34.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-216-219

АСТАХОВА Екатерина Алексеевна,
старший научный сотрудник Саратовского филиала
Института государства и права Российской академии наук,
кандидат юридических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ О ВЫЯВЛЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. *В статье рассмотрены сформировавшиеся на данный момент научные предпосылки криминалистического учения о выявлении преступлений. Цель — проанализировать текущее состояние научных основ криминалистического учения о выявлении преступлений и выявить перспективы его формирования, определив наиболее существенные элементы учения. Методологическая основа: общенаучные методы: синтез, анализ, индукция и дедукция, а также историко-правовой метод. В результате исследования выявлены сформировавшиеся на данном этапе развития криминалистики предпосылки криминалистического учения о выявлении преступлений, а также сложности, возникающие в процессе его формирования, которые предлагается решить в ближайшей перспективе.*

Ключевые слова: *выявление преступлений, криминалистическое учение о выявлении преступлений, борьба с преступностью, противодействие преступности, правовое регулирование.*

ASTAKHOVA Ekaterina Alekseevna,
Senior Researcher, Saratov Branch of the Institute
of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of Law

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF CRIMINALISTIC TEACHING ON CRIME DETECTION

Annotation. *The article examines the currently established scientific prerequisites for the criminalistic doctrine of crime detection. Objective — to analyze the current state of the scientific foundations of the criminalistic doctrine of crime detection and identify the prospects for its formation, identifying the most essential elements of the doctrine. Methodology: general scientific methods: synthesis, analysis, induction and deduction, as well as the historical and legal method. Results: The prerequisites of the criminalistic doctrine of crime detection formed at this stage of the development of criminalistics, as well as the difficulties arising in the process of its formation, which are proposed to be solved in the near future, are revealed. Conclusions: Proposals have been formulated to determine the content and structure of the criminalistic doctrine of crime detection*.

Key words: *crime detection, forensic science on crime detection, fight against crime, combating crime, legal regulation.*

Эффективность борьбы с преступностью определяется уровнем раскрываемости и последующим снижением количества совершаемых преступлений, как в целом, так и отдельных их видов. Своевременное выявление признаков преступлений (в том числе находящихся в стадии совершения) – залог успешной деятельности следственных органов, которое определяет дальнейший ход расследования на всех его этапах.

Выявление преступлений – одно из самых слабых мест в борьбе с преступностью [1]. В целях обеспечения следственных органов научно-практическими рекомендациями по эффективному выявлению преступлений в криминалистике было предложено создать теоретическую основу – учение о криминалистических методах обнаружения преступлений [2]. Создание такого учения должно способствовать усилению борьбы с преступностью. Сама идея формирования отдельного криминалистического учения уходит своими корнями в начало 70-х гг., когда В.В. Степанов опубликовал монографию «Предваритель-

ная проверка первичных материалов о преступлениях» [3], в которой были рассмотрены процессуальные и криминалистические вопросы проверки заявлений и сообщений о совершенных или подготовляемых преступлениях. Среди других работ, в которых были сформированы теоретические положения отдельных элементов учения, можно назвать, например, методическое пособие для прокуроров и следователей «Рассмотрение сообщений о совершенных преступлениях» А.Н. Васильева [4], монографии Н.Г. Шурухнова «Предварительная проверка заявлений и сообщений преступлениях» [5] и С.В. Бородина «Разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела» [6] и другие.

С развитием криминалистики менялось и представление об учении о криминалистических методах обнаружения преступлений. В своей работе 1986 г. В.В. Степанов впервые представил структуру учения. На тот момент предлагалась двухзвенная структура, в которую входили разделы «Обнаружение подготовляемых и совершённых преступлений» и «Предварительная проверка фактов о преступных проявлениях». Содержание разделов было весьма объемным. В раздел «Обнаружение подготовляемых и совершённых преступлений» автор предлагал включить следующие вопросы: 1) понятие и виды обнаружения преступлений; 2) способы обнаружения преступлений; 3) методы обнаружения преступлений прокурором; 4) методы обнаружения преступлений следователем; 5) особенности обнаружения преступлений оперативными работниками милиции; 6) особенности обнаружения преступления в суде; 7) использование помощи общественности в обнаружении преступлений. В раздел «Предварительная проверка фактов о преступных проявлениях» предлагалось включить: 1) понятие и предмет предварительной проверки; 2) способы проведения проверки; 3) организационные мероприятия; 4) использование специалистов в ходе проверки; 5) планирование проверки; 6) взаимодействие следователя с оперативно-розыскными и другими работниками милиции в ходе проверки; 8) привлечение общественности к проведению предварительных проверок [2, с. 13].

В 1988 г. система предлагаемого В.В. Степановым учения претерпела изменения. В частности, в его структуре были выделены две части – общая и особенная. В содержание общей части были включены: 1) теоретические основы; 2) основы деятельности по выявлению преступлений; 3) предварительная проверка сигналов о преступлениях. Особенная часть, по суждению автора должна реализоваться в конкретных методиках расследования отдельных категорий преступлений. Однако никаких уточнений по этому поводу сделано не было. Тем не менее, В.В. Степанов определил место предполагаемого учения в системе криминалистики. Он предложил рассматривать его как элемент структуры общих положений частной криминалистической методики [7, с. 107-108].

Кроме самого криминалистического учения (основы теории) В.В. Степанов также считал, что в Уголовно-процессуальном кодексе должен функционировать самостоятельный институт «Выявление преступлений», который бы включал совокупность норм, регламентирующих вопросы выявления преступлений. А частные вопросы, которые не могут быть урегулированы в законодательных актах, должны получить детальную регламентацию в подзаконных актах [8, с. 20].

К сожалению, это была последняя работа В.В. Степанова, в которой он рассматривает вопрос становления криминалистического учения о выявлении преступлений. В последующем он лишь дважды касался общих вопросов, связанных с выявлением преступлений. Так, в работе 1994 г. В.В. Степанов предложил переименовать главу УПК «Возбуждение уголовного дела» на «Выявление преступлений. Рассмотрение информации о преступлении» [9, с. 53].

В статье 2011 г., посвященной юбилею профессора В.А. Познанского, автор анализирует его предложения, представленные в научной статье 1951 г., отмечая, что даже в свете УПК РФ, вступившего в силу в 2002 г. они не потеряли актуальности [10]. Однако, говоря о предварительной проверке информации о преступлении, В.В. Степанов не затрагивал вопрос структуры криминалистического учения о выявлении преступлений.

В связи с этим, следует сопоставить высказанные в период 1970-х–1990-х гг. предложения ученого с научными основами современной криминалистики и нормами действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Тем самым, определить направления формирования криминалистического учения о выявлении преступлений в современных условиях.

В криминалистике нет единого подхода к построению частных учений. Тем не менее, заслуживает внимания предложение Р.С. Белкина, касающееся содержания криминалистического учения. В частности, в структуре учения он выделял три основных компонента: понятийный, классификационный и функциональный [11, с. 56, 180]. Таким образом, в содержание криминалистического учения должны включаться как теоретические, так и практические элементы.

Формирование теоретической части (понятийного компонента) криминалистического учения, следовало бы начинать с исторического ана-

лиза предпосылок, определивших необходимость объединения отдельных научных положений и практических рекомендаций в целостное логично завершенное, структурированное учение.

После этого, необходимо определить понятие самого учения, его объект, предмет, цель, задачи, его методологические основы и место в системе науки криминалистики. Криминалистическое учение о выявлении преступлений можно определить как комплекс научных положений, методов, средств и научно-практических рекомендаций, обеспечивающий деятельность «направленную на установление существования фактов криминального характера» [7, с. 106]. Объектом криминалистического учения о выявлении преступлений является вышеуказанная деятельность, которая служит материальной и правовой предпосылкой раскрытия преступлений. Предметом – закономерности поисково-познавательной деятельности субъектов выявления преступлений, исследованию их признаков и их дальнейшем использовании на стадии возбуждения уголовного дела.

Цель криминалистического учения о выявлении преступлений – познание содержания и проявления закономерностей деятельности субъектов выявления преступлений, разработка на их основе теоретических положений и научно-методических рекомендаций, обеспечивающих оптимально эффективную работу по выявлению совершенных преступлений.

Методология криминалистического учения о выявлении преступлений – это совокупность тех методов научного познания, которые направлены на изучения объекта учения (деятельности, направленной на установление существования фактов криминального характера). Безусловно, к ним относится диалектический метод познания, общенаучные, частнонаучные и специальные методы криминалистики.

Классификационный компонент криминалистического учения направлен на деление понятий, путем которого получаются новые знания.

Функциональный компонент криминалистического учения определяет его структуру, так как представляет собой практическую деятельность с уже определенной структурой, сформировавшейся под влиянием объективных факторов.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о содержательной стороне криминалистического учения о выявлении преступлений и его структуре. Исходя из научного знания, полученного в ходе исследований В.В. Степановым, а также сформировавшимися в криминалистике взглядами на структуру частных криминалистических учений, структура криминалистического учения о выявлении преступлений должна содержать в себе следующие научные положения.

I. Теоретические основы криминалистического учения о выявлении преступлений:
– исторический анализ предпосылок формирования криминалистического учения;
– понятие криминалистического учения о выявлении преступлений (объект, предмет, цель, задачи, принципы и т.д.);
– методологическая основа (совокупность используемых для выявления преступлений методов и их классификация; методология деятельности субъектов выявления преступлений);
– понятийный аппарат учения (словарь терминов);
II. Научные основы практической деятельности по выявлению преступлений:
– процессуальные основы деятельности по выявлению преступлений;
– общие криминалистические методы практической деятельности по выявлению преступлений;
– формы, значение и возможности использование помощи общественности в обнаружении преступлений;
– формы, значение и возможности использования средств массовой информации;
III. Научные и практические методы выявления конкретных видов и групп преступлений.

Раскрывать все методы, применительно ко всем существующим в криминалистике классификациям преступлений не имеет смысла. Тем не менее, отметим, что группировка методов должна осуществляться в зависимости от вида криминалистических методик. В частности, это методики базовые, частные и узкоспециализированные.

В таком виде криминалистическое учение о выявлении преступлений представляет собой целостную систему знания. Однако сформировать ее – это перспективная задача криминалистики.

Необходимость формирования данного криминалистического учения обусловлена рядом сложностей.

Во-первых, это проблема обобщения, анализа и систематизации знания об этапах развития и современном состоянии криминалистического учения о выявлении преступлений. Решение данного частного вопроса, несомненно, положительно отразилось бы на развитии истории и философии криминалистики, внесло существенный вклад в определение структуры криминалистики как науки.

Во-вторых, решение классификационных задач в рамках учения о выявлении привело бы не только к получению нового и более конкретного знания о классифицируемых объектах, но и обогатило бы терминологическую основу (язык) криминалистики, усовершенствовало бы методо-

логию практической деятельности следователя и позволило бы выявить методологические ошибки, допускаемые субъектами выявления преступлений. Классификация (деление понятий) может дать положительный результат и при совершенствовании алгоритмов практической деятельности, и для создания программ деятельности.

В-третьих, в рамках второго и третьего разделов учения будут определены источники получения криминалистической информации, как общие, так и частные – в зависимости от вида, группы и характера преступления. Они будут систематизированы, а между ними будут установлены взаимосвязи. Этот вопрос является наиболее важным для формирования практической методологии выявления преступлений и самого криминалистического учения.

В зависимости от системы источников должны быть определены и методы работы с ними.

Список литературы:

[1] Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции : монография. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М: Волтерс Клувер, 2005. – 912 с.

[2] Степанов В.В. Вопросы обнаружения и раскрытия преступлений // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. Вып. 5. Совершенствование тактики и методики расследования преступлений. – Изд-во Сарат. ун-та, 1986. – С. 9–19.

[3] Степанов В.В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлениях / под ред. В.Г. Власенко. – Саратов, 1972. – 144 с.

[4] Васильев А.Н. Рассмотрение сообщений о совершенных преступлениях. – М., 1954. – 56 с.

[5] Шурухнов Н.Г. Предварительная проверка заявлений и сообщений о преступлениях. – М., 1985. – 175 с.

[6] Бородин С.В. Разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела / С. В. Бородин. – М., 1970. – 135 с.

[7] Степанов В.В. Своевременность выявления – важнейшее условие раскрытия преступлений // Проблемы социальной справедливости в отраслевых юридических науках. – Саратов, 1988. – С. 105–108.

[8] Степанов В.В. О выявлении преступлений как самостоятельном этапе борьбы с преступностью // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. Проблемы следственной тактики: межвуз. научн. сб. Вып. 7. – Саратов, 1989. – С. 14–21.

[9] Степанов В.В. Теоретические проблемы проверки предварительной информации о преступлении // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. Современные проблемы криминалистики. Вып. 9. – Саратов, 1994. – С. 53–57.

[10] Степанов В.В. Предварительная проверка информации о преступлении: к 100-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора В.А. Познанского // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2011. – № 5. – С. 184–189.

[11] Белкин Р.С. Курс криминалистики. – В 3 т. – Т. 2: Частные криминалистические теории. – М., 1997. – 463 с.

References:

[1] Luneev V.V. Crime of the twentieth century: world, regional and Russian trends: monograph. - Ed. 2nd, revised. and add. - M: Wolters Kluver, 2005. - 912 s.

[2] Stepanov V.V. Issues of detection and disclosure of crimes//Theory and practice of forensic science and forensic examination. No. 5. Improvement of tactics and methods of investigating crimes. - Sarat Publishing House. University, 1986. - S. 9-19.

[3] Stepanov V.V. Preliminary verification of primary materials on crimes/ed. V.G. Vlasenko. - Saratov, 1972. - 144 s.

[4] Vasiliev A.N. Consideration of reports of crimes committed. - M., 1954. - 56 s.

[5] Shurukhnov N.G. Preliminary verification of statements and reports of crimes. - M., 1985. - 175 s.

[6] Borodin S.V. Resolution of the issue of initiating a criminal case/S.V. Borodin. - M., 1970. - 135 s.

[7] Stepanov V.V. Timely detection is the most important condition for solving crimes//Problems of social justice in the sectoral legal sciences. - Saratov, 1988. - S. 105-108.

[8] Stepanov V.V. On the identification of crimes as an independent stage in the fight against crime// Theory and practice of forensic science and forensic examination. Problems of investigative tactics: inter-universities. scientific Sat No. 7. - Saratov, 1989. - S. 14-21.

[9] Stepanov V.V. Theoretical problems of checking preliminary information about a crime// Theory and practice of forensic science and forensic examination. Contemporary forensic problems. No. 9. - Saratov, 1994. - S. 53-57.

[10] Stepanov V.V. Preliminary verification of information about the crime: on the 100th anniversary of the birth of Doctor of Law, Professor V.A. Poznansky//Bulletin of the Saratov State Academy of Law. – 2011. – № 5. - S. 184-189.

[11] Belkin R.S. Forensics course. - In 3 vols. - Vol. 2: Private forensic theories. - M., 1997. - 463 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-220-225

КАШКИНА Екатерина Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
доцент кафедры уголовного права, уголовного
процесса и правоохранительной деятельности
Юридического института РУТ (МИИТ),
e-mail: 000049@bk.ru

ГУМАНИЗАЦИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ КАК УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Аннотация. *В статье речь идет о проявлении гуманизма в отношении осужденных в связи с исполнением такого вида наказания как исправительные работы, а также отмечается, что гуманизм исправительных работ является комплексом социально-правовых мер.*

Ключевые слова: *гуманизм, исправительные работы, осужденный, взыскания, основное место работы, труд.*

KASHKINA Ekaterina Valeryevna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor Leading researcher
of the Federal Scientific Research Institute of the Federal Penal Correction
Service of Russia Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Criminal Procedure, and Law Enforcement at the Law Institute of RUT (MIIT)

HUMANISM OF THE PENAL SYSTEM ON THE EXAMPLE OF CORRECTIONAL LABOR AS THE MAIN TYPE OF CRIMINAL PUNISHMENT

Annotation. *The article deals with the manifestation of humanism against convicts in connection with the execution of such a type of punishment as correctional labor, and it is also noted that the humanism of correctional labor is a complex of social and legal measures.*

Key words: *humanism, correctional labor, convict, penalties, main place of work, labor.*

Подводя итоги работы Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года,следует отметить о разработке и принятии законодательных актов, направленных на гуманизацию законодательства Российской Федерации. Необходимость гуманизации системы исполнения наказаний не раз поднималась в посланиях Президента Российской Федерации, в его выступлениях на встречах различного уровня. Так, в 2019 году на встрече с высшими офицерами и прокурорами по случаю их назначения на вышестоящие должности и присвоения им званий президент Российской Федерации Владимир Путин обратил внимание на «важность качественного исполнения альтернативных наказаний, не связанных с изоляцией человека от общества».

Краткий анализ статистики уголовных наказаний свидетельствует о сокращении количества лиц, осужденных к лишению свободы, в то время как отмечен рост избрания такого альтернативного наказания как исправительные работы. Так, по состоянию на 1 января 2021 года в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 482,9 тыс. человек, что по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 381,1 тыс. человек меньше [10]. Тем не менее, на 1 июня 2022 года в указанных выше учреждениях содержалось 466957 человек, что на 1061 человека больше по сравнению с аналогичным периодом 2021 года. При этом в 2021 году состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях осужденных к исправительным работам зафиксировано 40651 человек, тогда как в 2020 году – 40152 человека[15]. Данные статистики варьируются с каждым годом и поэтому сложно однозначно сказать какие показатели пошли на спад, а какие увеличились. Можно сказать, что в сред-

нем по стране ежегодно уголовно-исполнительные инспекции осуществляют наказание в отношении почти одного миллиона осужденных к наказаниям, не связанных с лишением свободы [489825 человек на конец 2021 года]. При этом количество таких осужденных превышает число лиц, содержащихся в исправительных учреждениях и отбывающих наказание в виде лишения свободы[8, с. 129].

Увеличение количества применяемого рассматриваемого нами вида наказания бесспорно говорит о гуманизации уголовного законодательства, что позволяет применять исправительные работы как альтернативу лишения свободы. О гуманизме исправительных работ в своих работах упоминали Лущикова А.М., Васильев А.М., Новиков и ряд других. Более того

С.В. Алимов, предлагает рассматривать исправительные работы «как меру поощрения»[1, с. 83].

Стоит не согласиться с К.И. Голубцовой, полагающей что исправительные работы, как вид наказания, менее гуманный, чем лишение свободы [5, с. 22].Ведь как справедливо заметил Анатолий Николаевич Павлухин «нельзя допускать такой ситуации, когда условия жизни осужденных в местах лишения свободы могут оказаться лучше, чем у основной части населения на свободе» [12, с. 145]. Несмотря на то, что приговоренный к исправительным работам имеет судимость, а следовательно, и ограничения, в любом случае, он находится не в местах лишения свободы, соответственно социально не изолирован, а это уже своего рода акт гуманизма, так как несмотря на развитие законодательства, стремление добиться эффективности наказания за счет минимизации негативных последствий для осужденного, на сегодняшний день отмечается отсутствие адаптации к жизни в социуме лиц, освобожденных из мест лишения свободы [10]. Как раз не гуманным является потеря социальных связей, отсутствие востребованных профессиональных навыков, социально-экономического обеспечения, что представляет собой дезориентирующий фактор для жизни в социальном обществе лиц, освобожденных из учреждений исполнения наказаний, возврату их к криминальному прошлому и поиске преступных путей возврата в места лишения свободы.

Гуманизм исправительных работ, в нашем понимании, представляет собой совокупность мер, направленных на поддержание социальных связей, перевоспитании осужденного без изоляции от общества, соблюдение правового статуса лица как гражданина (В данном случае гражданина Российской Федерации, иностранного гражданина и лица без гражданства). Линию гуманизации исследуемого вида уголовного наказания мы будем выстраивать исходя из ранее упомянутых ограничений, которые возложены на осужденного к исправительным работам, а именно:

1) обязанность работать (сюда следует отнести невозможность отказа от предложенной работы, а также увольнения по собственному желанию);
2) сроки данного обязательства (от 2 месяцев до 2 лет (ч. 2 ст. 50 УК РФ);
3) финансовые взыскания (удержание из заработанной платы осужденного от 5% до 20% (ч. 3 ст. 50 УК РФ);
4) сокращенный ежегодный основной отпуск (18 дней ч. 6 ст. 40 УК РФ);
5) применение мер юридической ответственности, в случае уклонения от исполнения уголовного наказания (ч. 4 ст. 50 УК РФ).

При рассмотрении гуманизации реализации исправительных работ как уголовного наказания следует, на наш взгляд, разделить категории осужденных на две группы:

1) лица, которые до вынесения приговора (осуждения) имел основное место работы;
2) лица, у которых основное место работы отсутствовало.

Ключевым критерием при избрании данной меры уголовной ответственности является факт того, что основное место работы является основным местом отбытия наказания.

Итак, первая группа лиц.

Именно в первом ограничении, при отбывании наказания по основному месту работы, когда законодатель позволяет сохранить место трудовой деятельности (в том случае если осужденный до вынесения приговора ранее имел основное место работы), мы усматриваем гуманизм. Это объясняется тем, что осужденный остается в прежнем коллективе, отсутствует потребность последующей адаптации в отношениях с новыми коллегами, что в свою очередь говорит об эффективности данной меры наказания, позволяющей достичь поставленную цель.

Более того, о проявлении гуманизма со стороны государства и общества говорит тот факт, что в случае самостоятельного трудоустройства осужденного, не имевшего основное место работы, до постановки на учет уголовно-исполнительной инспекции в организацию, не определенную органом местного самоуправления, в законодательстве не указана необходимость увольнения такого лица, в следствии несоответствия данного факта нормам уголовного и уголовно-исполнительного права, как считает А.А. Пимонова[13, с. 300-302]. Наоборот, инспекция согла-

совывает с органом местного самоуправления данную организацию-работодателя, с целью предоставить осужденному возможность для отбывания исправительных работ[9].

В данную группу включим вопрос увольнения с места работы по собственному желанию, о недопустимости которого категорично заявляет В.И. Якименко [17, с. 1048]. Исходя из закрепленной в уголовно-исполнительном законодательстве нормы (ч. 3 ст. 40 УИК РФ), увольнение по собственному желанию допускается после проверки обоснованности причин увольнения (п.77 Инструкции[9]). К сожалению, Трудовой кодекс Российской Федерации не определяет точный перечень уважительных причин для расторжения трудового договора по инициативе работника, отнеся к их числу всего лишь нарушение работодателем трудового законодательства и иных правовых норм,а также зачисление в образовательную организацию, выход на пенсию и другие случаи (ст. 80 ТК РФ). Тем не менее, каждый случай индивидуальный, в следствии чего решение данного вопроса вошло в компетенцию уголовно-исполнительной инспекции, при этом осужденный не лишен права обжаловать решение, принятое уголовно-исполнительной инспекцией в установленном порядке.

Анализируя вторую группу осужденных, не имеющих основное место работы, укажем на некоторые негативные моменты. Например, как полагает М.В. Арзамасцев, подобная категория лиц «плохо социализирована, не владеет трудовым навыкам»[3, с. 32]. Аналогичного мнения и В.И. Аммосова, полагающая, что безработные осужденные – это лица, давно утратившие трудовые навыки, часто без определенного места жительства [2, с. 137], и как следствие органы местного самоуправления, при определении места работы для осужденного, зачастую предлагают непрестижные, малооплачиваемые рабочие места[5, с. 22].

Попытаемся на примере Пермского края развеять этот миф. Так, Постановлением администрации горнозаводского муниципального района от 3 мая 2018 года № 534 был утвержден Перечень предприятий, организаций с установленными квотированными рабочими местами для осужденных к исправительным работам, в число которых входили: МУП Горнозаводской «Комбинат благоустройства», ООО «Горнозаводск-Микро ТЭК», МУП «Водоканал», ООО «Управляющая компания «Оптима»[11]. Исходя из сайта ГородРабот.ру на 4 июля 2022 года отмечено 76 вакансий на водоканале Пермского края, где, мастеру авторемонтной мастерской предлагается заработанная плата 34 тыс. рублей, слесарю по ремонту автомобилей – 25 тыс. рублей, электрогазосварщику – 35 тыс. рублей[4]. При том, что минимальный прожиточный минимум трудоспособного населения в Пермском крае с 1 июня по 31 декабря 2022 года составляет 13959 рублей [6]. Следовательно, 5% удержания из заработанной платы 35 тыс. рублей с оставит – 1750 рублей, 20% - 7000 рублей соответственно. Таким образом, при желании осужденного исправиться, а также при умеренных амбициях, можно, благодаря усилиям государства, обрести постоянное место работы и заработанную плату.

Еще одним положительным моментом, отмеченным в работах М.В. Арзамасцева и А.А. Пуминовой, является перспектива дальнейшего перезаключения трудового контракта с лицом, в случае его положительной характеристики и соответствия требованиям работодателя.

Предлагая осужденному ту или иную работу некоторые ученые полагают, что предоставляемое Конституцией Российской Федерации рассматриваемой категорий лиц право на труд, ущемлено, частью 4 ст. 40 УИК РФ, когда осужденный не вправе отказаться от предложенной ему работы, и лишен права на выбор места работы. Тем не менее, учитывая, что исправительные работы – это уголовное наказание, обладающее принудительным характером и не допускающее привилегию выбора той или иной меры государственного принуждения, а также с учетом ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации подобное ограничение допускается. Следовательно, о возможности выбора по желанию места работы не может быть и речи. Так же, недопустимо настаивать на том, что исправительные работы – это принудительный труд, в понятие которого не входит работа, выполняемая в следствии вступления в законную силу приговора суда под надзором государственных органов, ответственных за соблюдение законодательства при исполнении судебных приговоров. Гарантированное статьей 37 Конституции Российской Федерации право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, соблюдается уголовно-исполнительными инспекциями при решении вопроса о трудоустройстве осужденных. Так, согласно ч. 1 ст. 50 УК РФ, место работы осужденного определяется органом местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительной инспекцией, которая руководствуется п. 70 Инструкции, проводя первоначальную беседу с осужденным, с учетом имеющихся данных о месте жительства, состоянии здоровья приходит к обоснованному решению, касаемого места работы.

При рассмотрении дальнейших ограничений существенных отличий между двумя груп-

пами категорий осужденных не наблюдается. Так, переходя ко второй группе ограничений о факте гуманизации свидетельствует сложение сроков исправительных работ при назначении наказания по совокупности преступлений, которое не может превышать предельные сроки, установленные ч. 2 ст. 50 УК РФ, а именно 2 года. Также, при назначении наказания по совокупности преступлений проценты удержаний не складываются. Перейдя к третьей группе ограничений, отметим наиболее значимое изменение законодательства в пользу гуманизации исполнения такого наказания не связанного с лишением свободы как исправительные работы.

Мы подошли к четвертому ограничению. Согласно ст. 115 Трудового кодекса Российской Федерации работникам предоставляется ежегодный основной оплачиваемый отпуск продолжительностью 28 календарных дней, тогда как ч. 6 ст. 40 УИК РФ закрепила 18 рабочих дней. При этом, предоставление основного оплачиваемого отпуска согласовывается уголовно-исполнительной инспекцией с администрацией организации, в которой осужденный отбывает исправительные работы (п. 76 Инструкции). Несмотря на то, что критерии согласования не прописаны в ведомственных нормативных актах, осмелимся предположить, что сам факт согласования свидетельствует о заинтересованности должностных лиц в реализации конституционного права осужденного на отдых, тем более что в Конституции Российской Федерации не установлено количество дней положенного оплачиваемого отпуска, а исправительные работы, как уголовное наказание, характеризуются карательным характером. Тем более, следует обратить внимание на формулировку дней, отнесенных к основному оплачиваемому отпуску. В трудовом законодательстве – это календарные дни, в уголовно-исполнительном – это рабочие. Проведем краткий подсчет: при шестидневной рабочей неделе, согласно ст. 111 ТК РФ работнику предоставляется один выходной, соответственно, при переводе рабочих дней отпуска в календарные дни воскресенье не включается в дни отпуска, следовательно к 18 дням прибавляется 3 дня выходных (воскресенье), в итоге мы имеем 21 календарный день отпуска. Полагаем, факт гуманизм налицо, несмотря на ограничения, связанные с судимостью, у осужденного имеется 21 день основного оплачиваемого отпуска. При этом другие виды отпусков, предусмотренные законодательством Российской Федерации о труде, предоставляются осужденным на общих основаниях (ч. 6 ст. 40 УИК РФ).

Гуманизм пятого ограничения проявляется в том, что рассматриваемая категория исключает вседозволенность и всепрощение. Тем более, принимая во внимание несовершенство законодательства, при вынесении постановления об отказе замены исправительных работ на лишение свободы, суд мотивирует свое решение тем, что замена наказания – это право, а не обязанность суда. Поэтому, несмотря на то, что осужденный злостно уклонялся от отбывания исправительных работ, на момент рассмотрения дела лицо либо начало работать либо вновь трудоустроилось самостоятельно, суд предоставляет осужденному еще один шанс исправиться [14, с. 50].

Соответственно, главная составляющая исправительных работ – это труд, который нами видится как «дело чести, дело доблести…, а заработок мыслиться как форма социалистической справедливости»[7, с. 221]. Перефразируем цитату А.С. Макаренко, отнесенную к педагогическому воздействию на несовершеннолетних правонарушителей, труд должен рассматриваться как моральная категория. Как справедливо отмечают

А.В. Новиков и Д.Н. Слабкая, исправительные работы успешно сочетают в себе как карательное, так и воспитательное воздействие на осужденных[8, с. 129].

На сегодняшний день, согласно Концепции развития уголовно-исправительной системы до 2030 года, совершенствование уголовно-исполнительной политики в целях ее гуманизации остается приоритетной задачей государства. Несмотря на то, что ст. 8 УИК РФ включила в систему принципов, на которых базируется уголовно-исполнительное законодательство принцип гуманизма, его содержание в правовых нормах не до конца раскрыто. Мы предприняли попытку, на примере реализации такого вида уголовного наказания как исправительные работы, представить свое видение данного понятия, которое возможно в последствии внесет вклад в исследование понятия гуманизма как принципа уголовно-исполнительной системы. Таким образом, гуманизм исправительных работ – комплекс социально-правовых мер, обладающих карательно-воспитательным воздействием на осужденного с соблюдением его правового статуса.

Список литературы:

[1] Алимов С.В. Исправительные работы как альтернатива при назначении более мягкого наказания/Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2008. № 4 (17) С.82-84.

[2] Аммосова В.И. К вопросу совершенствования правового регулирования отбывания осужденными наказания в виде исправительных работ / Человек: преступление и наказание. 2014. № 3 (86). С.136-141.

[3] Арзамасцев М.В. Исправительные работы: необходимость современной оценки / Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2013. № 5. С. 31-36.

[4] Вакансии и работа на водоканале в Пермском крае//https://permski-krai.gorodrabot.ru/[дата обращения: 12 июля 2022 г.]

[5] Голубцова К.И. Наказание в виде исправительных работ: особенности и проблемы применения/ Вестник Самарского юридического института. 2018. № 4 (30) С. 20-24.

[6] Катаева А. В Пермском крае значительно увеличили размер прожиточного минимума// https://perm.rbc.ru/perm/freenews/[2 июня 2022 г.]

[7] Макаренко А.С. Воспитание гражданина/ Сост. Р.М. Бескина, М.Д. Виноградова. – М.: Просвещение, 1988. 304 с.

[8] Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Альтернативные лишению свободы наказания. Исправительные и обязательные работы / Вопросы российского и международного права. 2021. № 6-11. Том 11. С.127-132.

[9] Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества: приказ ФСИН № 142 Приказ Минюста России от 20.05.2009 N 142 (ред. от 22.08.2014) \КонсультантПлюс

[10] Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2021 года № 1138-р/ КонсультантПлюс

[11] Об утверждении Перечня предприятий, организаций с установленными квотированными рабочими местами для осужденных к исправительным работам и Порядка квотирования рабочих мест для осужденных к исправительным работам на территории Горнозаводского городского поселения: постановление Администрации Горнозаводского муниципального района Пермского края от 3 мая 2018 г. № 534 / https:// gornozavodskii.ru/files2/files/2018/ Postanovleniya/56649.pdf

[12] Павлухин А.Н. О гуманизации наказания в уголовном и уголовно-исполнительном праве России / Вестник Московского университета МВД России. № 10. 2015. С.142-145.

[13] Пимонова А.А. Исправительные работы: значение, проблемы применения / Молодой ученый. 207. № 15 (149). С. 300-302

[14] Смирнова И.Н. Актуальные проблемы организации деятельности уголовно-исполнительных инспекций по исполнению исправительных работ. 2015. № 4 (91) С. 48-52.

[15] Статистическая информация. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы// https: //fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika [Дата последнего обновления: 02.03.2022]

[16] Танага И.В., Подройкина И.А. Исправительные работы в уголовном праве: некоторые спорные аспекты /Общество и право. 2018. № 3 (65) С. 44-49.

[17] Якименко В.И. Исправительные работы: проблемы регламентации и эффективность применения/Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. С. 1045-1051.

References:

[1] Alimov S.V. Correctional labor as an alternative when imposing a lighter sentence/Bulletin of the North Caucasus State Technical University. 2008. No. 4 (17) S.82-84.

[2] Ammosova V.I. On the issue of improving the legal regulation of serving sentences by convicts in the form of correctional labor/Man: crime and punishment. 2014. № 3 (86). P.136-141.

[3] M.V. Arzamastsev. Correctional work: the need for a modern assessment/Electronic appendix to the Russian Legal Journal. 2013. № 5. S. 31-36.

[4] Vacancies and work at the water utility in the Perm Territory//https ://permski-krai.gorodrabot.ru/[circulation date: July 12, 2022]

[5] Golubtsova K.I. Punishment in the form of correctional labor: features and problems of application/Bulletin of the Samara Law Institute. 2018. NO. 4 (30) S. 20-24.

[6] Kataeva A. In the Perm Territory significantly increased the size of the subsistence minimum// https://perm.rbc.ru/perm/freenews/ [June 2, 2022]

[7] Makarenko A.S. Education of a citizen/ Comp. R.M. Beskina, M.D. Vinogradova. - M.: Enlightenment, 1988. 304 pp.

[8] Novikov A.V., Slabkaya D.N. Alternative to imprisonment. Correctional and compulsory work/ Issues of Russian and international law. 2021. № 6-11. Volume 11. P.127-132.

[9] On approval of the Instructions for the organization of the execution of punishments and measures of a criminal nature without isolation from society: order of the Federal Penitentiary Service No. 142 Order of the Ministry of Justice of Russia dated 20.05.2009 No. 142 (ed. 22.08.2014) \ConsultantPlus

[10] On approval of the Concept for the Development of the Penitentiary System of the Russian Federation until 2030: Order of the Government of the Russian Federation of April 2, 2021 No. 1138-r/ ConsularPlus

[11] On approval of the List of enterprises, organizations with established quota workplaces for those sentenced to correctional labor and the Procedure for quoting workplaces for those sentenced to

correctional labor on the territory of the Gornozavodsky urban settlement: Resolution of the Administration of the Gornozavodsky municipal district of the Perm Territory dated May 3, 2018 No. 534/ https://gornozavodskii.ru/files2/files/2018/Postanovleniya/56649.pdf

[12] Pavlukhin A.N. On the humanization of punishment in the criminal and penal law of Russia/ Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. № 10. 2015. P.142-145.

[13] Pimonova A.A. Correctional work: significance, problems of application/Young scientist. 207. № 15 (149). C. 300-302

[14] Smirnova I.N. Actual problems of organizing the activities of penitentiary inspections for the execution of correctional labor. 2015. NO. 4 (91) S. 48-52.

[15] Statistical information. Summary of the penitentiary system// https: //fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika [Last updated: 02.03.2022]

[16] Tanaga I.V., Rogykina I.A. Correctional Labor in Criminal Law: Some Controversial Aspects/ Society and Law. 2018. NO. 3 (65) S. 44-49.

[17] Yakimenko V.I. Correctional work: problems of regulation and effectiveness of application/ Issues of Russian justice. 2020. № 9. S. 1045-1051.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-226-230

ДМИТРИЕВ Григорий Геннадьевич,
доктор педагогических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник аппарата ученого секретаря,
адъюнктуры, докторантуры ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: vifk-nic@yandex.ru

О СОДЕРЖАНИИ ТЕРМИНА «РАСКРЫТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ» В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. *В статье речь идет о содержании термина «раскрытие преступлений». Единое понимание сущности и содержания деятельности по раскрытию преступлений имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Во многом это связано с четким определением круга субъектов, на которые возлагается названная задача, и установлением их компетенции, а также с совершенствованием системы учета и оценки деятельности соответствующих правоохранительных органов.*

Ключевые слова: *раскрытие преступлений, государство, уголовно-процессуальный закон, досудебное производство.*

DMITRIEV Grigoriy Gennadievich,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Leading Researcher of the Office of the Academic Secretary,
Adjuncts, and Doctoral Students Federal State Institution
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation

ON THE CONTENT OF THE TERM “CRIME DETECTION” IN THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Annotation. *The article deals with the content of the term “crime detection”. A unified understanding of the essence and content of crime detection activities is not only theoretical, but also of great practical importance. This is largely due to the clear definition of the range of entities responsible for this task and the establishment of their competence, as well as the improvement of the system for recording and evaluating the activities of relevant law enforcement agencies.*

Key words: *crime detection, state, criminal procedure law, pre-trial proceedings.*

Названная в заголовке статьи проблема привлекала к себе внимание ученых и практиков с незапамятных времен. Различные аспекты раскрытия преступлений рассматривались в рамках многих отраслей права (уголовное, уголовно-процессуальное право, криминалистика, криминология и др.). Основные положения указанной проблемы нашли отражение в работах В.М. Атмажитова, Р.С. Белкина, В.Г. Боброва, Э.И. Бордиловского, И.И. Карпеца, В.П. Лаврова, А.Г. Лекаря, В.А. Лукашова, А.Ф. Майдыкова, В.А. Михайлова и других авторов [1]. Несмотря на значительный объем работ в данном направлении, по некоторым вопросам позиции ученых различаются. Так, в частности, не выработано единого понимания термина «раскрытие преступлений», его сущности и содержания. Не рассматривая суждения названных и иных авторов по данной проблеме, отметим, что необходимость приведения всех точек зрения к «общему знаменателю» вызвана рядом причин, в числе которых определяющими являются причины правового характера.

1. Раскрытие преступлений является одной из важнейших задач правоохранительных органов государства. Статистические данные свидетельствуют о том, что ведущая роль в выполнении названной задачи принадлежит органам внутренних дел. Задача «раскрытие преступлений» сформулирована в ряде нормативных правовых актов законодательного уровня, регламентирующих деятельность указанных органов, однако ни в одном из них не раскрывается его содержание.

Одним из основных направлений (считай задачей) деятельности полиции является, в том

числе раскрытие преступлений (п. 3 ч. 1 ст. 2 Федерального закона «О полиции»). В соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (ст. 2) раскрытие преступлений также является одной из задач органов, уполномоченных государством на осуществление оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Задача «раскрытие преступлений» была также закреплена в Законе РФ «О милиции» (ст. 2). Такая задача включала в себя установление, обнаружение лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших [2, с. 14]. Вместе с тем раскрытие преступлений представляет собой многоплановую задачу, которую в структуре органов внутренних дел призваны решать не только оперативно-розыскные подразделения, но и другие органы и должностные лица, осуществляющие досудебное производство по уголовным делам. Так, не случайно в ранее действовавшем уголовно-процессуальном законе (ст. 3 УПК РСФСР) обязанность раскрытия преступлений была возложена наравне с органами дознания (в систему которых входят и органы, уполномоченные на осуществление ОРД) на прокурора и следователя. В упомянутой статье было указано, что суд, прокурор, следователь и орган дознания обязаны в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления, принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию (курсив наш. – Г.Р.).

В связи с этим существовавшее среди отдельных практических работников из числа прокуроров и следователей мнение о том, что раскрытие преступлений – есть обязанность только оперативных работников, является несостоятельным. В равной мере эта задача решалась и другими должностными лицами правоохранительных органов [3, с. 13].

Также в ст. 2 УПК РСФСР было закреплено крайне важное, на наш взгляд, для теории и практики положение, касающееся задач уголовного судопроизводства. Такими задачами в числе других являлись «быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден» (курсив наш. – Г.Р.).

В действующем УПК РФ формулировка задач уголовного судопроизводства видоизменена. Обращает на себя внимание тот факт, что сам термин «быстрое и полное раскрытие преступлений» в УПК РФ отсутствует вообще. На наш взгляд, такая позиция законодателя не обеспечивает потребность совершенствования правового обеспечения борьбы с преступностью и не определяет важнейшую функцию органов внутренних дел. В связи с этим заслуживает одобрение предложение некоторых авторов о необходимости дополнения УПК РФ статьей, определяющей содержание понятия «раскрытия преступлений» [4, с. 24].

Поскольку раскрытие преступлений имеет в своей основе не только оперативно-розыскной, но и процессуальный характер, определенный интерес в этом плане представляет содержание ст. 21 УПК РФ. В ч. 1 названной статьи указано, что уголовное преследование от имени государства осуществляют прокурор, а также следователь и дознаватель. В ч. 2 ст. 21 УПК РФ закреплено положение, в соответствии с которым прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления (курсив наш. – Г.Р.). Сравнение изложенных предписаний позволяет заключить, что в число субъектов, осуществляющих уголовное преследование (ч. 2), помимо перечисленных в ч. 1, включены органы дознания [5].

Однако по смыслу УПК РФ (пп. 8, 24 ст. 5) дознание - форма предварительного расследования, осуществляемого дознавателем; органы дознания - государственные органы и должностные лица, уполномоченные осуществлять дознание и другие процессуальные полномочия. Вместе с тем в соответствии со ст. 40 УПК РФ органы внутренних дел, как органы дознания, наделены полномочиями по осуществлению ОРД. Следовательно, можно сделать вывод о том, что в ст. 21 УПК РФ:

– в числе субъектов, реализующих функцию уголовного преследования, не значатся органы, осуществляющие ОРД;
– отсутствует важнейшие функциональные обязанности должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, по обнаружению самих признаков преступления и установлению лиц, их совершивших, что, по нашему мнению, является основным содержательным элементом в деятельности по раскрытию преступления.

2. Изучение ведомственных нормативных правовых актов МВД России в разрезе обозначенной проблемы показывает, что ни в одном из них, даже в названии которых используется термин «раскрытие» [6], а также регулирующих вопросы учета, в том числе раскрытых преступлений [7], и оценки деятельности органов внутренних дел [8], нет определения понятия «раскрытие преступления». Справедливости ради отметим,

что в одном из них (приказ МВД России от 29 декабря 2005 г. № 1070) есть понятие нераскрытого преступления, под которым понимается преступление, производство по уголовному делу, о котором приостановлено по пп. 1, 2, 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Однако такая формулировка не вносит ясности в содержание рассматриваемого термина.

Такое положение существовало не всегда. В этом контексте уместно обратиться к опыту прошлых лет и упомянуть «самый продвинутый», по мнению опытных оперативных сотрудников, нормативный документ по вопросам раскрытия преступлений – Положение об основах организации раскрытия преступлений органами внутренних дел [9], в котором давалось определение понятию «раскрытие преступления». Под этим понималась деятельность, направленная на выявление и изобличение преступников, установления всех обстоятельств совершенных преступлений, выявления свидетелей, обнаружение и закрепление доказательств, обеспечение возмещения материального ущерба, выявления обстоятельств, способствующих совершению преступления, в максимально короткий срок с момента обнаружения общественно опасных деяний. Многие положения упомянутого документа не потеряли своей актуальности и в настоящее время. Представляется, что с учетом положительного опыта, в части определения деятельности по раскрытию преступлений, названное определение необходимо взять за основу для разработки современной формулировки рассматриваемого в статье понятия.

В заключении отметим, что вопрос о едином понимании сущности и содержания деятельности по раскрытию преступлений имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Во многом это связано с четким определением круга субъектов, на которые возлагается названная задача, и установлением их компетенции, а также с совершенствованием системы учета и оценки деятельности соответствующих правоохранительных органов.

Список литературы:

[1] Атмажитов В.М. Проблемы взаимодействия аппаратов уголовного розыска с другими службами горрайорганов внутренних дел при раскрытии преступлений: Учеб. пособие. - М.: Академия МВД СССР, 1981; Бордиловский Э.И. Теоретическая основа и организационно-тактические проблемы деятельности органов внутренних дел по выявлению и раскрытию преступлений: Моногр. – М.: Академия управления МВД России, 2008; Лекарь А.Г. Основы организации и тактики раскрытия преступлений аппарата уголовного розыска: Учеб. пособие – Киев, КВШ МВД СССР, 1981; Лукашов В.А. Организация первоначальных оперативно-розыскных мер раскрытия преступлений: Учеб. пособие. - Киев, КВШ МВД СССР, 1981; Лавров В.П., Сидоров В.Е. Расследование преступлений по горячим следам: Учеб. пособие. – М., 1989; Майдыков А.Ф. Организация начальником горрайоргана внутренних дел работы по предупреждению и раскрытию преступлений: Лекция. - М.: Академия МВД СССР, 1987; Михайлов В.А. Организация раскрытия и расследования преступлений // Труды Академии МВД России, 1995. С. 5-19 и др.

[2] Кондрашов Б.П., Соловей Ю.П., Черников В.В. Комментарий к Закону Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-I «О милиции». - 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009.

[3] Научно-практический комментарий к УПК РСФСР / Под ред. В.М. Лебедева, В.П. Божьева. Изд. 2-е – М.: «Спарк», 1997.

[4] Сидоров А.С. К вопросу о понятии и содержании «раскрытия» преступлений // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып.2. - М.: Издательство «Спарк», 2011.

[5] О соотношении оперативно-розыскных и процессуальных аспектов дознания см. подробнее: Морева О.С. Дознание как форма предварительного расследования в современном уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М.: Академия управления МВД России, 2008.

[6] Напр.: приказ Генпрокуратуры РФ, МВД России, ФСБ России и ГТК РФ от 4 ноября 1997 г. № 69/777/425/700 «Об утверждении Инструкции по взаимодействию правоохранительных органов Российской Федерации при расследовании и раскрытии преступлений, связанных с посягательствами на культурные ценности России», приказ МЧС России и МВД России от 31 марта 2003 г. № 163/208 «О порядке взаимодействия органов управления и подразделений Государственной противопожарной службы МЧС России с органами внутренних дел РФ при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с пожарами», приказ МВД России от 29 апреля 2015 г. № 495 «Об утверждении Инструкции по организации совместной оперативно- служебной деятельности подразделений органов внутренних дел Российской Федерации при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел» и др.

[7] Напр.: приказ Генпрокуратуры РФ, МВД РФ, МЧС РФ, Минюста РФ, ФСБ РФ, Минэкономики РФ, ФСКН РФ от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений».

[8] В качестве одного из показателей в системе оценки деятельности органов внутренних дел выступает «выявление и раскрытие пре-

ступлений» (см. приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов внутренних дел РФ»).

[9] Утверждено приказом МВД СССР от 13 февраля 1979 г. «О мерах по дальнейшему улучшению организации работы органов внутренних дел по раскрытию преступлений».

[10] Сухарева Е. В. Педагогические и оперативно-розыскные меры профилактики пенитенциарной преступности несовершеннолетних / А. В. Вилкова, Е. В. Сухарева // Вопросы педагогики. 2021. № 7. С. 47-51.

[11] Швырев Б. А. Порядок организации обучения пожарно-техническому минимуму сотрудников воспитательных колоний / Б. А. Швырев, А. В. Вилкова, В. МС. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2020. С. 165-173.

[12] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[13] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[14] Вилкова А. В. Психолого-педагогическое изучение и социально-психологическая характеристика личности несовершеннолетних осужденных. Москва.2018.

[15] Вилкова А. В. Приветственное слово профессора Алевтины Владимировны Вилковой / А. В. Вилкова // В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Тверь, 2025. С. 8.

[16] Вилкова А. В. О нравственных качествах молодых ученых / А. В. Вилкова, Я. Н. Полякова // Вестник Самарского юридического института. 2025. № 3(64). С. 107-112.

References:

[1] Atmazhitov V.M. Problems of interaction of the criminal investigation apparatus with other services of the city authorities of internal affairs when solving crimes: Tutorial. - M.: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1981; Bordilovsky E.I. Theoretical basis and organizational and tactical problems of the activities of the internal affairs bodies to identify and solve crimes: Monogr. - M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008; Doctor A.G. Fundamentals of the organization and tactics of solving crimes of the criminal investigation apparatus: Study. Manual - Kyiv, KVSH Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1981; Lukashov V.A. Organization of initial operational-search measures for solving crimes: Study. manual. - Kyiv, KVSH Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1981; Lavrov V.P., Sidorov V.E. Investigation of crimes in hot pursuit: Study. manual. - M., 1989; Maidykov A.F. Organization of work on the prevention and disclosure of crimes by the head of the city administration of internal affairs: Lecture. - M.: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1987; Mikhailov V.A. Organization of disclosure and investigation of crimes//Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1995. S. 5-19, etc.

[2] Kondrashov B.P., Solovey Yu.P., Chernikov V.V. Commentary on the Law of the Russian Federation of April 18, 1991 No. 1026-I “On the Police.” - 6th ed., Revised. and add. - M.: Prospect, 2009.

[3] Scientific and practical commentary on the Code of Criminal Procedure of the RSFSR/Ed. V.M. Lebedeva, V.P. Bozhieva. Ed. 2nd - M.: Spark, 1997.

[4] Sidorov A.S. To the question of the concept and content of “disclosure” of crimes//Bulletin of Criminalistics/Rev. ed. A.G. Filippov. Issue 2. - M.: Spark Publishing House, 2011.

[5] On the correlation of operational-search and procedural aspects of the inquiry, see more details: Moreva O.S. Inquiry as a form of preliminary investigation in modern criminal proceedings: Author. dis.... cand. jurid. sciences. - M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008.

[6] For example: Order of the Prosecutor General’s Office of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of Russia, the FSB of Russia and the State Customs Committee of the Russian Federation of November 4, 1997 No. 69/777/425/700 “On approval of the Instructions for the interaction of law enforcement agencies of the Russian Federation in the investigation and disclosure of crimes, related to encroachments on the cultural values of Russia,” Order of the Ministry of Emergency Situations of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia dated March 31, 2003 No. 163/208 “On the procedure for interaction of management bodies and units of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia with the internal affairs bodies of the Russian Federation in the disclosure and investigation of crimes, related to fires,” order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated April 29, 2015 No. 495 “On approval of the Instructions for organizing joint operational and official activities of units of the internal affairs bodies of the Russian Federation in solving crimes and investigating criminal cases,” etc.

[7] For example: Order of the Prosecutor General’s Office of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the Min-

istry of Emergency Situations of the Russian Federation, the Ministry of Justice of the Russian Federation, the Ministry of Economy of the Russian Federation, dated December 29, 2005 No. 39/1070/1021/253/780/353/399 “On Unified Accounting of Crimes.”

[8] One of the indicators in the system for assessing the activities of internal affairs bodies is “detection and disclosure of crimes” (see order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated December 31, 2013 No. 1040 “Issues of assessing the activities of territorial internal affairs bodies of the Russian Federation”).

[9] Approved by order of the USSR Ministry of Internal Affairs of February 13, 1979 “On measures to further improve the organization of the work of the internal affairs bodies to solve crimes.”

[10] Sukhareva E.V. Pedagogical and operational-search measures for the prevention of juvenile penitentiary crime/A.V. Vilkova, E.V. Sukhareva// Questions of pedagogy. 2021. № 7. S. 47-51.

[11] Shvyrev B. A. Procedure for Organizing Fire-Technical Minimum Training for Employees of Educational Colonies/B. A. Shvyrev, A. V. Vilkova, V. MS. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2020. S. 165-173.

[12] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[13] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[14] A. V. Vilkova. Psycholor-pedagogical study and socio-psychological characteristics of the personality of juvenile convicts. Moskva.2018.

[15] Vilkova A.V. Welcome speech of Professor Alevtina Vladimirovna Vilkova/A.V. Vilkova//In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Tver, 2025. P. 8.

[16] Vilkova A.V. On the moral qualities of young scientists/A.V. Vilkova, Y. N. Polyakova//Bulletin of the Samara Law Institute. 2025. № 3(64). S. 107-112.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-231-237

ШАРНИН Андрей Андреевич,
аспирант кафедры Уголовного права и процесса
Уральского института управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, г. Екатеринбург,
e-mail: mail@law-books.ru

ПОНЯТИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ В ТЕОРИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Аннотация. *В статье раскрыто содержание понятия «общественная опасность» в теории российского уголовного права. Доказано что, объективный характер общественной опасности в том, что она свойственна также и тем деяниям, которые не являются преступлениями, ввиду отсутствия всех обязательных признаков состава преступления. Важно отличать общественную опасность от социальной вредности, это позволит разграничивать преступления и административные правонарушения. В результате совершения преступления общественная опасность как признак понятия преступления никоим образом не исчерпывает себя, а наоборот имеет решающее влияние в сфере правоприменения. Сделан вывод о том, что в каждом уголовном производстве следует определять наличие общественной опасности, исключая, тем самым, малозначительность деяния.*

Ключевые слова: *общественная опасность, уголовное преступление, административный проступок, квалификация, правоприменение.*

SHARNIN Andrey Andreevich,
Postgraduate Student,
Department of Criminal Law and Procedure,
Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg

THE CONCEPT OF PUBLIC DANGER IN CRIMINAL LAW THEORY

Annotation. *This article explores the concept of "public danger" in Russian criminal law theory. It is demonstrated that the objective nature of public danger lies in its inherent nature, even in acts that are not crimes due to the absence of all the necessary elements of a crime. It is important to distinguish public danger from social harm; this will allow us to distinguish between crimes and administrative offenses. Once a crime is committed, public danger as a characteristic of the concept of crime is by no means exhausted; on the contrary, it has a decisive influence on law enforcement. It is concluded that in every criminal proceeding, the presence of public danger should be determined, thereby excluding the possibility of an act of insignificance.*

Key words: *public danger, criminal offense, administrative offense, qualification, law enforcement.*

Наука только тогда может выполнить свое предназначение, когда пытается так уточнить понятия, чтобы они соответствовали действительности. Понятие же – это форма мышления, отражающая предметы и явления объективного мира в их существенных и специфических признаках, а также связи и отношения между предметами и явлениями; логическая характеристика объекта познания [4].

Очевидно, что начинать определение содержания понятия следует с выяснения этимологического значения таких слов, как «общественная» и «опасность». Общественная - которая выражает социальные отношения, положение людей в обществе; накопленный обществом в процессе производства; относится к обществу. Поскольку преступные посягательства направлены на отношения, в сохранении и укреплении которых заинтересовано все общество, преступление опасно для всего общества в полном значении этого слова; наличие вреда (реального или потенциального) оценивается с позиций всего общества, а не конкретного пострадавшего. А опасность - возможность какого-то бедствия, несчастья,

какой-то катастрофы, вреда и т.п.; состояние, когда кому -, чему-либо что-то угрожает; подвергаться опасности [9].

Для исследования понятия «общественной опасности» важное значение имеет анализ позиций относительно его понимания в уголовно-правовой литературе. Прежде всего, важно не путать поступки людей с понятиями о них, придавать понятиям свойства реальности. В частности, общественно опасное поведение-это поступки людей, а общественная опасность как категория – понятие о них.

Под понятием «общественная опасность» А.А. Пионтковский рассматривает деяния, которое «или непосредственно причиняет вред общественным отношениям, или охватывает возможность причинения соответствующего вреда» [2].

По мнению А. А. Дудорова, общественная опасность рассматривается как объективно-субъективная категория, представление о которой имеет исторически изменчивый характер и определяемая рядом факторов, в частности значимостью объекта уголовно-правовой охраны, тяжестью последствий, способом действия, стадией совершение деяния, формой вины [7].

Понимание сути общественной опасности путем сочетания его объективных и субъективных свойств поддерживает также и П.П. Андрушко, замечая, что «недопустимо преувеличивать значение и отдавать предпочтение какому-то одному из этих признаков в определении общественной опасности деяния» [9].

Итак, словосочетание «общественная опасность» в теории уголовного права главным образом используют как материальную характеристику преступления.

В процессе исследования общественной опасности как признака понятия преступления важно также решить вопрос о соотношении терминов «общественная опасность» и «общественно опасные последствия». Неоправданно использование разных терминов для обозначения одного и того же явления. В частности, в уголовно-правовой литературе их или отождествляют или используют параллельно [5].

Непосредственное выяснение понятия «общественная опасность как признак понятия преступления» следует начать с выбора методологии определения понятия. Выделяют такие основные виды определения понятий:

1) через род и видовое различие;
2) через отношение, включая противоположность;
3) генетическое;
4) операционное;
5) индуктивное;
6) дескриптивное;
7) рекурсивное;
8) номинальное;
9) контекстуальное;
10) семантическое;
11) синтаксическое;
12) комбинированное [8].

Одни ученые признают только такие определения, которые строятся путем подведения определяемого понятия под родовое и указание на видовые различия. Другие считают, что любую форму разъяснения понятий следует относить к их определению [10].

Определение через род и видовое различие можно рассматривать как основное, или ведущее, среди других видов дефиниций потому, что все другие виды могут быть или сведены к определению через род и видовое различие, либо преобразованы в них, либо эквивалентно заменены ими. Учитывая это, наиболее удачным будет определение понятия «общественная опасность как признак понятия преступления» через род и видовое отличие. Суть этого способа определения понятия заключается в подборе для определяемого понятия его ближайшего рода и отличительных признаков вида, признаков, которые принадлежат только определенному классу предметов и отсутствуют у других классов.

Кроме того, при определении понятия нужно пользоваться правилами, соблюдение которых позволяет делать правильные определения и предотвратить логические ошибки в раскрытии содержания понятия: 1) определение должно быть соразмерным, то есть определяемое (дефиниендум) и определяющее (дефиниенс) понятия должны быть эквивалентными по своим объемам; 2) определение не должно образовывать круги, то есть понятия не должны определяться через самих себя (правило запрета «позорного круга»); 3) нельзя определять понятия из-за таких понятий, признаки которых неизвестны и поэтому они сами нуждаются в определении; 4) нельзя давать отрицательных определений, поскольку такие определения не раскрывают природу исследуемого предмета; 5) определение должно быть точным, четким, однозначным [1].

Предпосылкой дальнейшего выяснения содержания понятия «общественная опасность» как признака понятия преступления является поиск понятия, более широкого по содержанию, которое является родовым, и выделение его существенных признаков, что имеет важное значение, поскольку позволит сформулировать дефиницию изучаемого понятия.

Справедливо будет отнести понятие «общественная опасность» как признак понятия преступления к разряду категорий, потому что оно отражает действительность социальной жизни и является одним из самых широких в уголовно-правовой науке.

Стоит определить существенные признаки категории «общественная опасность» как признака понятия преступления. Признаком называют все то, в чем предметы схожи друг с другом или чем различаются. Каждый предмет и явление материального мира имеют многочисленные признаки. Одни из них существенные, другие – несущественные. Существенные признаки - это те, каждый из которых является необходимым, а их совокупность – достаточным условием для того, чтобы отличить определенный предмет от других. Без существенных признаков явление, которое они определяют, не может существовать [5].

Понятие общественной опасности как сложное и многогранное характеризуется многими признаками, которые в совокупности позволяют сформулировать дефиницию понятия «общественная опасность» как признаки понятия преступления. В соответствии с изложенным, учитывая анализ методологии определения анализируемого понятия и его признаки, целесообразно перейти к формулировке определения исследуемого понятия. В частности, определение - это логическая операция, которая позволяет раскрыть содержание понятия, отличить одно понятие от другого, уточнить смысл (значение) термина [6].

Целесообразно более детально рассмотреть виды общественной опасности.

Наиболее распространенной является классификация общественной опасности в зависимости от признания законодателем (по характеру оценки) на объективную и субъективную.

Объективный характер общественной опасности в том, что она свойственна также и тем деяниям, которые не являются преступлениями, ввиду отсутствия всех обязательных признаков состава преступления.

При посягательстве с непригодными орудиями или на непригодный объект, например, обычно, не несет никакого объективного вреда, тем не менее, такие деяния субъекта преступления представляют реальную общественную опасность, поэтому виновные лица несут за это ответственность. Здесь речь идет о субъективной общественной опасности.

Субъективной общественной опасности придается ярко выраженный оценочный характер: общественно опасным является лишь то, что законодательно оценено таким и юридически закреплено в виде противоправности. Все остальные вредные последствия, ввиду отсутствия оценочно-правового характера, лишены этого социального свойства. Общественная опасность в уголовно-правовом понимании не существует вне законодательной и судебной оценки. В идеале объективная и субъективная общественная опасность должны совпадать по содержанию.

В соответствии с этим общественная опасность существует объективно (объективная общественная опасность), а общественная опасность как признак понятия преступления (субъективная общественная опасность) - только в результате оценки законодателем.

Важно разграничить общественную опасность с такими смежными понятиями как «опасность», «социальная вредность», «малозначительное деяние», «общественно опасное деяние, что подпадает под признаки деяния, предусмотренного особой частью УК РФ», «деяния, совершенные при обстоятельствах, исключающих преступность деяния», «общественная опасность деяния как признак объективной стороны состава преступления».

Анализируя уголовное право, можно обнаружить, что законодатель употребляет в одних случаях термин «общественная опасность» (например, характеризуя институт необходимой обороны) и «опасность» в других (например, во время характеристики института крайней необходимости). Для раскрытия сущности общественной опасности, прежде всего, необходимо различать эти понятия. Понятие «общественная опасность» характеризует причинение вреда объектам уголовно-правовой охраны виновными деяниями субъекта преступления, а «опасность» описывает ущерб, причиненный без вины, лицами, не являющимися субъектами преступления, или вследствие действия сил природы.

Важно отличать общественную опасность от социальной вредности, это позволит разграничивать преступления и административные правонарушение. Ведь, в соответствии с ст. 2.2 КоАП РФ, административное правонарушение признается совершенным умышленно, когда лицо, его совершившее, осознавала противоправный характер своего действия или бездействия, предвидела ее вредные последствия и желала их или сознательно допускало наступление этих последствий. То есть степень вредности административных правонарушений не достигает степени и характера, достаточных для признания деяния общественно опасным.

Социально вредными являются все посягательства на общественные отношения, однако деяния, которые причиняют существенный вред физическому или юридическому лицу, обществу или государству и признаны законодателем уголовно противоправными, по своему характеру и степени достигают наивысшей степени социальной вредности - общественной опасности. А общественная опасность деяния - объективно-субъективная категория.

Представляется, что при решении данного вопроса следует исходить из того, что опасность является угрозой наступления негативных последствий. Угроза не может отождествлять себя с последствиями, так же, как и желаемое или предполагаемое с действительным. Из этого следует, что общественная опасность и социальная вредность – принципиальные свойства одного и того же явления, характеризующие его под двумя разными углами зрения. Они соотносятся как возможное и действительное. В этом случае общественная вредность – понятие более конкретное, которое свидетельствует о вреде, который уже наступил, а общественная опасность предполагает возможность наступления вреда в будущем.

Термин «общественная опасность» является далеко не безупречным, если его применять к конкретному преступлению. Очевидно, что правильнее было бы вести речь не о его общественной опасности, поскольку общественная опасность уже реализовалась, и, соответственно, исчерпала себя, а о степени тяжести преступления, о глубине повреждения правоохраняемого блага, его социально-экономической ценности. На уровне нормативных понятий, как и научных абстракций, термин «общественная опасность», напротив, является достаточно удачным, точным и наиболее полно отражает суть антисоциальных явлений, которые признаны преступлениями. Итак, в факте совершения преступления опасность как возможность причинения вреда полностью исчерпала себя и приобрела, по сути, новое состояние - реального нарушения системы общественных отношений.

Следовательно, в результате совершения преступления общественная опасность как признак понятия преступления никоим образом не исчерпывает себя, а наоборот имеет решающее влияние в сфере правоприменения. Об этом писал еще Чезаре Беккариа. В частности, что тяжесть ответственности зависит от основополагающего критерия -объективного вреда (его характера и степени), который преступление причиняет обществу [1].

Соответственно, общественная опасность личности виновного также продолжается во времени, поскольку она возникает до момента совершения общественно опасного деяния, реализуется в момент его совершения и может и в дальнейшем продолжать существовать как потенциальная угроза совершения нового деяния. Ведь при наличии такого квалифицирующего признака состава преступления, как повторность, санкция статьи или части статьи особой части УК РФ предусматривает более строгий вид и размер наказание (по сравнению с основным составом преступления). Очевидно, что это состояние вещей связано с учетом в санкции общественной опасности лица, а не деяния.

Представляется, что постоянный процесс декриминализации и криминализации различных деяний не является аргументом в пользу того, что административные правонарушения наделены признаком общественной опасности. Это просто еще раз подтверждает динамичный характер общественной опасности. В связи с развитием общественных отношений, то или иное деяние может отражаться в общественном правосознании сначала как преступление, а впоследствии, по причине утраты им общественной опасности, потребует декриминализации: может вообще перестать быть противоправным тогда возникнет необходимость его перевода в категорию административных правонарушений.

И. Колиушко, И. Голосниченко, исследуя вопрос о введении уголовного проступка, пришли к выводу, что по степени вредности преступления характеризуются общественной опасностью, подсудимые проступки - значительной степенью общественной вредности, а административные проступки - высоким уровнем общественной вредности [6]. Авторы используют следующие оценочные понятия, как «значительная степень», «высокий уровень», содержание которых не определяется ни нормами уголовного законодательства, ни нормами других отраслей права, не разработаны доктриной уголовного права. Кажется, что их применение бесполезно в решении проблемы отграничения преступлений от административных правонарушений, а в перспективе - и от уголовных проступков, а также не вносит ясности в решение этого вопроса.

Малозначительность деяния обозначает незначительный объем посягательства на важный объект или посягательства на незначительный, малоценный объект. Норма о малозначительности деяния является объективным ограничением уголовной ответственности по признаку общественной опасности деяния в уголовном законе. В положениях ч. 2 ст. 14 УК РФ нашел отражение принцип «de minimis non curat praetor» (мелочи не должны беспокоить претора-судью), который известен еще римскому праву [3].

Для понимания общественной опасности как признака понятия преступления важно значение имеет исследование того, как на практике используют норму о малозначительности деяния. Неправильное применение нормы приводит к неодинаковому применение положений закона, выражающегося в том, что нарушаются основополагающие принципы права.

Понятно, что нет двух абсолютно одинаковых преступлений, даже если их квалифицируют

по одной и той же статье закона об уголовной ответственности, потому что они совершаются при разных обстоятельствах. Учитывая это логично отметить, что решения судов могут разниться между собой, но они не воспринимаются как неправосудные лишь при условии, что такое отличие не является кардинальным. Однако в некоторых случаях, вследствие злоупотреблений со стороны судей, норму о малозначительном деянии применяют необоснованно, что позволяет правонарушителям избежать уголовной ответственности. Например, когда одни судьи, по подобным делам, выносят обвинительный приговор, а другие – оправдательный, применяя норму о малозначительном деянии.

Посткриминальное поведение осужденного может быть лишь правовым основанием для смягчения наказания, а не для выяснения наличия или отсутствия малозначительного деяния. Как верно отмечал Чезаре Беккариа, каждая человек имеет свое собственное мнение, которое меняется со временем [7]. А решение вопрос о границах причиненного вреда не должно зависеть от субъективной позиции правоприменителя. Кроме этого, решение данного вопроса на законодательном уровне обеспечит одинаковую судебную практику (в этой части) на всей территории Российской Федерации.

Кроме того, на практике есть случаи неправильного понимания судами того, что к критерию малозначительности деяния нельзя отнести случаи отсутствия в действиях лица состава преступления. «Выпадение» хотя бы одного элемента состава (объекта, объективной стороны, субъекта или субъективной стороны) предопределяет возможность применение уголовного закона по другому основанию - за отсутствием состава преступления, а не по малозначительности деяния.

Из анализа судебной практики можно сделать вывод о том, что судьи не всегда правильно применяют норму о малозначительности деяния. Социально предопределенным является тот закон, который является эффективным, то есть выполняет охранные и предупреждающие задачи, а также достигает цели наказания - исправление виновного в преступлении и предупреждении совершения преступлений другими гражданами. Не эффективен тот закон, который при наличии конструктивных недостатков не применяют или редко применяют к преступности, которая реально существует. Поэтому, если не сориентировать правоприменителя, ограничив его усмотрение, то он и в дальнейшем будет брать на себя прерогативу законодателя, осуществляя так называемую судебно-следственную декриминализацию преступных деяний [2].

Не могут признаваться малозначительными преступления с материальным составом, в которых определен минимальный размер ущерба. Поскольку, когда совершенное деяние фактически причинило или могло причинить существенный вред, предусмотренный в диспозиции статьи особой части УК РФ, то лицо подлежит уголовной ответственности. Если же в преступлениях с материальным составом вред причинен в меньшем размере, чем предусмотрено диспозицией статьи, то о признании деяния малозначительным не может идти. В таком случае уголовное производство закрывают (на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) ввиду отсутствия в деянии состава уголовного правонарушения.

Норма о малозначимости является необходимой для уголовного законодательства Российской Федерации ввиду того, что сегодня нет четкой границы между административным правонарушением и преступлением, а также ввиду того, что в отдельных составах преступлений не определен нижний предел вреда.

Учитывая вышеизложенное, ни при каких обстоятельствах не могут признаваться малозначительными такие деяния:

1) в которых отсутствуют все обязательные признаки состава преступления;
2) предусмотрены квалифицированными (особо квалифицированными) составами преступлений;
3) в которых определен минимальный размер ущерба;
4) предусмотренные составами преступлений, конститутивным признаком которых являются причинение существенного вреда.

Можно сделать вывод о том, что положения, предусмотренные ч. 2 ст. 14 УК РФ, можно применять только во время совершения деяния, признаки которого подпадают под признаки состава преступления с формальным составом или же с материальным составом, но лишь в том случае, когда отсутствует четко определенный минимальный размер ущерба.

Несмотря на то, что общественная опасность как признак понятия преступления является категорией объективно-субъективной, в отдельных случаях законодатель признает общественно опасными деяния, в которых отсутствует такой обязательный элемент состава преступления, как субъект.

Кажется, что это является не совсем правильным, ведь несовершеннолетние, совершившие общественно опасные деяния до достижения возраста, с которого может наступать уголовная ответственность, как и невменяемые лица, вообще находятся за пределами сферы действия уголовного права. Нарушается принцип справедливости, когда законодатель применяет единичные меры уголовно правового характера как к несовершеннолетним, являющимся субъектами

соответствующего состава преступления, так и к несовершеннолетним, не достигшим возраста, с которого может наступать уголовная ответственность. В таком случае, возникает вопрос о целесообразности закрепления в уголовном законе признаков субъекта состава преступления.

Является ли общественная опасность признаком обстоятельств, исключающих преступность деяния? По этому поводу в уголовно-правовой литературе ведутся дискуссии. Одни ученые убеждены в том, что такое сходство заключается лишь в их внешних признаках - признаках объективной стороны. Прежде всего, в причинении ущерба, который одновременно является следствием соответствующих преступлений. В частности, по мнению А. Строган, во время совершения анализируемых деяний не нарушается объект уголовно-правовой охраны (потому что причиненный вред не является общественно опасными последствиями; общественные отношения не нарушаются) [4].

По мнению А.А. Кваши , необоснованной является позиция, что жизнь и здоровье нападающего в случае применения необходимой обороны продолжают находиться под охраной права, а причинение им вреда является общественно опасным. Лицо, которое нарушает уголовно-правовой запрет, сознательно подвергает себя опасности и выводит свои блага (жизнь и здоровье) из-под защиты этого закона, преступая правила, разрешенные обществом и государством. Реализация конституционного права на защиту не может ни при каких условиях признаваться общественно опасной [3].

Зато противоположную позицию занимает О. С. Лашкет, которая, ведя речь о необходимой обороне, вследствие применения которой причиняется тяжкий вред здоровью нападающего или смерть, утверждает, что если, например, защищая собственную жизнь, человек лишает другого человека жизни, используя право на необходимую оборону, то факт лишения жизни человека не будет «нейтральным» поступком. Этот поступок будет общественно опасным, хотя и допустимым. Ведь вряд ли можно согласиться с тем, что необходимая оборона исключает общественную опасность деяния, поскольку общественная опасность-это объективная категория, не являющаяся результатом оценки ситуации законодателем или судом, а существует или не существует в реальности. Оценивается в этом случае не сам факт необходимой обороны, а ее последствия. Необходимая защита социально допустима, а не общественно полезна. Нельзя считать общественно полезным лишение человека жизни или причинение ему телесных повреждений во время необходимой обороны [8]. Представляется, что автор отождествляет объективную общественную опасность и общественную опасность как признак понятия преступления. Очевидно, что в результате совершения деяния при обстоятельствах, исключающих его преступность, причиняется существенный вред объекту уголовно-правовой охраны.

Таким образом, на практике наличие общественной опасности презюмируется. При таком подходе признак общественной опасности подменяется уголовной противоправностью. В соответствии с подходами, которыми руководствуется российский законодатель, в каждом уголовном производстве нужно определять наличие общественной опасности, исключая, тем самым, малозначительность деяния.

Список литературы:

[1] Антонов, А. Г. К вопросу о содержании и видах общественной опасности преступления [Текст] / А. Г. Антонов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2013. — № 1 (21). — С. 9-11.

[2] Гребенкин, Ф. Б. Общественная опасность преступления и ее характеристики [Текст] / Ф. Б. Гребенкин // Уголовное право. — 2006. — № 1. — С. 22-26.

[3] Егорова, Н. А. Общественная опасность преступления: теория, законодательство, судебная практика [Текст] / Н. А. Егорова // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2019. — № 1(48). — С. 8-18.

[4] Епифанов, Б. В. Общественная опасность преступления как фундаментальная и интегративная категория уголовного права подходы к законодательной дефиниции [Текст] / Б. В. Епифанов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2017. — № 4 (76). — С. 90-94.

[5] Жалинский, А. Э. Общественная опасность преступления в структуре уголовно-правовой оценки деяния [Текст] / А. Э. Жалинский // Юридический мир. — 2003. — № 7. — С. 20-26.

[6] Землюков, С. В. Виды и способы измерения общественной опасности преступления [Текст] / С. В. Землюков // Известия Алтайского государственного университета. — 1999. — № 2(12). — С. 61-70.

[7] Измалков, В. А. Учет характера и степени общественной опасности преступления при назначении уголовного наказания [Текст] / В. А. Измалков // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. — 2014. — № 1 (22). — С. 79-81.

[8] Кобзева, Е. В. Критерии общественной опасности деяния, учитываемые при дифференциации уголовной и иных видов юридической

ответственности [Текст] / Е. В. Кобзева // Вестник Саратовской государственной юрид. академии.— 2020. — № 6(137). — С. 207-215.

[9] Лопашенко, Н. А. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации [Текст] / Н. А. Лопашенко, А. В. Голикова, Е. В. Кобзева // Правоприменение. — 2020. — Т. 4. — № 4. — С. 124-140.

[10] Пудовочкин, Ю. Е. Оценка судом общественной опасности преступления [Текст]: научно-практическое пособие / Ю. Е. Пудовочкин. — М.: РГУП, 2019. — 224 с.

References:

[1] Antonov, A. G. On the content and types of social danger of the crime [Text]/A. G. Antonov//Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. — 2013. — № 1 (21). - S. 9-11.

[2] Grebenkin, F. B. Public danger of crime and its characteristics [Text]/F. B. Grebenkin//Criminal law. — 2006. — № 1. - S. 22-26.

[3] Egorova, N. A. Public danger of crime: theory, legislation, judicial practice [Text]/N. A. Egorova//Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2019. — № 1(48). - S. 8-18.

[4] Epifanov, B.V. Public danger of crime as a fundamental and integrative category of criminal law approaches to legislative definition [Text]/B.V. Epifanov//Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2017. — № 4 (76). - S. 90-94.

[5] Zhalinsky, A.E. Public danger of crime in the structure of the criminal law assessment of the act [Text]/A.E. Zhalinsky//Legal world. — 2003. — № 7. - S. 20-26.

[6] Zemlyukov, S.V. Types and methods of measuring the social danger of a crime [Text]/S.V. Zemlyukov//Izvestia of Altai State University. — 1999. — № 2(12). - S. 61-70.

[7] Izmalkov, V. A. Taking into account the nature and degree of public danger of a crime when imposing criminal punishment [Text]/V. A. Izmalkov// Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. — 2014. — № 1 (22). - S. 79-81.

[8] Kobzeva, E. V. Criteria for the public danger of an act, taken into account when differentiating between criminal and other types of legal liability [Text]/E. V. Kobzeva//Bulletin of the Saratov State Lawyer. Academy. - 2020. — № 6(137). - S. 207-215.

[9] Lopashenko, N. A. Public danger of crime: concept and verification criteria [Text]/N. A. Lopashenko, A. V. Golikova, E. V. Kobzeva//Law enforcement. — 2020. - VOL. 4. — № 4. - S. 124-140.

[10] Pudovochkin, Yu. E. Court assessment of the public danger of a crime [Text]: scientific and practical manual/Yu. E. Pudovochkin. - M.: RGUP, 2019. - 224 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-238-243

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук,
профессор, главный научный сотрудник ФКУ
научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ЗЛОСТНОЕ НАРУШЕНИЕ УСТАНОВЛЕННОГО ПОРЯДКА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ ОСУЖДЕННЫМИ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ВЗЫСКАНИЯ

Аннотация. *Целью исследования стало правовое содержание злостного нарушения установленного порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы, в отношении которых применяются меры взыскания. Для ее осуществления применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные публикации, материалы дисциплинарной практики исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы по применению мер взыскания к осужденным к лишению свободы. Центральным элементом правового института применения мер взыскания к осужденным к лишению свободы является злостное нарушение ими установленного порядка отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы. Данный элемент определяет направления и тактику применения мер взыскания к осужденным к лишению свободы, формулирует конкретные нарушения, за совершения которых осужденные в установленном законом порядке признаются злостными нарушителями. Поэтому весьма интенсивно анализируется исследователями в области уголовно-исполнительного права, оперативно-розыскной деятельности, прокурорского надзора. Уголовно-исполнительный закон (статья 116 УИК РФ) содержит исчерпывающий перечень нарушений установленного порядка отбывания лишения свободы, за которые осужденные могут признаваться злостными нарушителями. Следует отметить, что указанные нарушения негативно влияют на реализацию средств исправления. Представляют вызовы для проведения: оперативных и режимных мероприятий, проводимых в ИУ УИС; воспитательной работы с осужденными, оказания на них психолого-педагогического и воспитательно-профилактического воздействия; привлечения осужденных к общественно-полезному труду; общего образования и профессионального обучения осужденных, отбывающих лишение свободы в ИУ УИС. Уголовно-исполнительный закон определил порядок признания осужденного к лишению свободы злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания. Он ориентирован как на неотвратимость наказания за совершенное нарушение, обеспечение пенитенциарной безопасности, так и соблюдение прав осужденных, отбывающих наказание в ИУ УИС. Порядок признания осужденного к лишению свободы злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, а также досрочного снятия наложенного взыскания является предметом постоянного системного контроля служб и подразделений УФСИН, ГУФСИН субъектов федерации, ФСИН России при осуществлении ведомственного контроля. Надзора, осуществляемого органами прокуратуры за законностью исполнения уголовных наказаний, соблюдения прав осужденных к лишению свободы.*

Ключевые слова: *порядок отбывания лишения свободы, злостное нарушение, осужденные, исправительные учреждения, уголовно-исполнительная система, сотрудники.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law,
Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific
Research Institute Federal Penitentiary Service of Russia

MALICIOUS VIOLATION OF THE ESTABLISHED PROCEDURE FOR SERVING SENTENCES BY PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT AS AN ELEMENT OF THE LEGAL INSTITUTION OF THE APPLICATION OF PENALTIES

Annotation. *The purpose of the study was the legal content of the malicious violation of the established procedure for serving sentences by persons sentenced to imprisonment, in respect of whom penalties are applied. To implement it, the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation were applied. The legislative and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, scientific publications, and materials of the disciplinary practice of correctional institutions of the penal system on the application of penalties to those sentenced to imprisonment were analyzed. The central element of the legal institution of the application of punitive measures to persons sentenced to imprisonment is their malicious violation of the established procedure for serving sentences in correctional institutions of the penal system. This element defines the directions and tactics of applying punitive measures to those sentenced to imprisonment, formulates specific violations for which convicted persons are recognized as malicious violators in accordance with the procedure established by law. Therefore, it is very intensively analyzed by researchers in the field of penal enforcement law, operational investigative activities, and prosecutorial supervision. The Penal Enforcement Law (Article 116 of the Criminal Code of the Russian Federation) contains an exhaustive list of violations of the established procedure for serving imprisonment, for which convicts can be recognized as malicious violators. It should be noted that these violations negatively affect the implementation of remedies. They present challenges for the implementation of: operational and routine events held in the IU UIS; educational work with convicts, providing psychological, pedagogical and educational-preventive effects on them; involvement of convicts in socially useful work; general education and vocational training of convicts serving their sentences in the Penitentiary Institution. The Penal Enforcement Law defines the procedure for recognizing a person sentenced to imprisonment as a malicious violator of the established procedure for serving a sentence. It focuses both on the inevitability of punishment for a committed violation, ensuring prison security, and respecting the rights of convicts serving sentences in the Penitentiary Institution. The procedure for recognizing a person sentenced to imprisonment as a malicious violator of the established procedure for serving a sentence, as well as the early lifting of the imposed penalty, is the subject of constant systematic monitoring by the services and departments of the Federal Penitentiary Service, the Federal Penitentiary Service of the subjects of the Federation, and the Federal Penitentiary Service of Russia in the implementation of departmental control. Supervision carried out by the prosecutor's office over the legality of the execution of criminal penalties and the observance of the rights of persons sentenced to imprisonment.*

Key words: *the order of serving imprisonment, malicious violation, convicts, correctional institutions, penal enforcement system, employees.*

Введение. Центральным элементом правового института применения мер взыскания к осужденным к лишению свободы является злостное нарушение ими установленного порядка отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее ИУ УИС).

Данный элемент определяет направления и тактику применения мер взыскания к осужденным к лишению свободы, формулирует конкретные нарушения, за совершения которых осужденные в установленном законом порядке признаются злостными нарушителями. Поэтому весьма интенсивно анализируется исследователями в области уголовно-исполнительного права, рассматривающими его правовые аспекты и особенности применения [1, с. 256-260]. Вопросы профилактики злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в местах лишения свободы [2, с. 455-457]. Представителями оперативно-розыскной деятельности изучаются злостные нарушители установленного порядка отбывания лишения свободы при проведении в отношении них оперативно-розыскных мероприятий (далее ОРМ) [3]. В контексте реализации современной оперативно-розыскной политики в ИУ УИС исследуются проблемы оперативно-розыскной профилактики противоправного поведения злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания в ИУ УИС [4, с. 82-89].

Таким образом, в современных условиях существует теоретическая и прикладная потребность дальнейшего междисциплинарного изучения правового содержания рассматриваемой проблематики.

Методы и принципы исследования. Для изучения правового содержания злостного нарушения установленного порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы, в отношении которых применяются меры взыскания применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные публикации, материалы дисциплинарной практики исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы по применению мер взыскания к осужденным к лишению свободы.

Основные результаты. В Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации отдельная 116 статья посвящена злостному нарушению установленного порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы. В части первой указанной правовой норме законодателем сформулирован перечень конкретных нарушений, отнесенных к злостным. К ним относятся:

- употребление спиртных напитков либо наркотических средств или психотропных веществ;
- мелкое хулиганство;
- угроза, неповиновение представителям администрации ИУ УИС или их оскорбление при отсутствии признаков преступления;
- изготовление, хранение или передача запрещенных предметов;
- уклонение от исполнения принудительных мер медицинского характера или от обязательного лечения, назначенного судом или решением медицинской комиссии;
- организация забастовок или иных групповых неповиновений, а равно активное участи в них;
- мужеложство, лесбиянство;
- организация группировок осужденных, направленных на совершение указанных правонарушений и активное участие в них;
- отказ от работы или ее прекращение без уважительных причин [5].

Таким образом, уголовно-исполнительный закон содержит исчерпывающий перечень нарушений установленного порядка отбывания лишения свободы, за которые осужденные могут признаваться злостными нарушителями. Следует отметить, что указанные нарушения негативно влияют на реализацию средств исправления. Представляют вызовы для проведения:

- оперативных и режимных мероприятий, проводимых в ИУ УИС [6, с.41-44];
- воспитательной работы с осужденными, оказания на них психолого-педагогического и воспитательно-профилактического воздействия [7, с.160-167];
- привлечения осужденных к общественно-полезному труду;
- общего образования и профессионального обучения осужденных, отбывающих лишение свободы в ИУ УИС [8, с. 79-84].

Также, в соответствии с частью второй стать 116 УИК РФ признается злостным совершение в течение одного года повторного нарушения установленного порядка отбывания наказания, если за каждое из этих нарушений осужденный был подвергнут взысканию в виде водворения в штрафной изолятор (далее ШИЗО) [9]. Таким образом, законодатель выделил повторность совершения нарушений как признак, позволяющий признавать осужденных злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, проводить в отношении них предупредительные мероприятиями, ставить осужденных на профилактический учет [10, с. 130-132].

Уголовно-исполнительный закон определил порядок признания осужденного к лишению свободы злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания. Он ориентирован как на неотвратимость наказания за совершенное нарушение, обеспечение пенитенциарной безопасности, так и соблюдение прав осужденных, отбывающих наказание в ИУ УИС [11, с. 518-523].

Правовым документом признания осужденного злостным нарушителем является постановление начальника ИУ УИС, которое выносится на основании решения дисциплинарной комиссии, создаваемой на основании Типового положения ИУ УИС, утверждаемого ФСИН России [12]. Деятельность администрации ИУ и указанной комиссии конкретизирована в Правилах внутреннего распорядка ИУ УИС, утвержденных Приказом Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» [13, с. 126-128].

УИК РФ в части 6 статьи 116 указал, что осужденный перестает являться злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания одновременно с досрочным снятием ранее наложенного взыскания, в связи с которым он был признан злостным нарушителем если в течение года со дня отбытия дисциплинарного взыскания он не будет подвергнут новому взысканию [14].

Порядок признания осужденного к лишению свободы злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, а также досрочного снятия наложенного взыскания явля-

ется предметом постоянного системного контроля служб и подразделений УФСИН, ГУФСИН субъектов федерации, ФСИН России при осуществлении ведомственного контроля. Надзора, осуществляемого органами прокуратуры за законностью исполнения уголовных наказаний, соблюдения прав осужденных к лишению свободы [15].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

- VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний»;
- XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», 18 -19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;
- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;
- Межрегиональном научно-практическом семинаре «Правовые основы и практика реализации законодательства о пробации», состоявшемся в Санкт-Петербургском университете ФСИН России 7 февраля 2024 года. Доклад на тему: «Особенности прокурорского надзора за исполнением Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»;
- Всероссийской научно-практической конференции «Пенитенциарная и постпенитенциарная ресоциализация осужденных: проблемы и перспективы», посвященной 145-летию создания уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся в ВЮИ ФСИН России 28 февраля 2024 года. Доклад на тему «Значение прокурорского надзора в реализации законодательства о пенитенциарной и постпенитенциарной ресоциализации»;
- Всероссийской научно-практической конференции «Советская и российская криминалистика: традиции и современные векторы», которая состоится в Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева 29.02. 2024 г. Доклад на тему «К вопросу взаимодействия правоохранительных органов в противодействии пенитенциарной преступности».

Заключение. Центральным элементом правового института применения мер взыскания к осужденным к лишению свободы является злостное нарушение ими установленного порядка отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы. Данный элемент определяет направления и тактику применения мер взыскания к осужденным к лишению свободы, формулирует конкретные нарушения, за совершения которых осужденные в установленном законом порядке признаются злостными нарушителями. Поэтому весьма интенсивно анализируется исследователями в области уголовно-исполнительного права, оперативно-розыскной деятельности, прокурорского надзора.

Уголовно-исполнительный закон (статья 116 УИК РФ) содержит исчерпывающий перечень нарушений установленного порядка отбывания лишения свободы, за которые осужденные могут признаваться злостными нарушителями. Следует отметить, что указанные нарушения негативно влияют на реализацию средств исправления. Представляют вызовы для проведения: оперативных и режимных мероприятий, проводимых в ИУ УИС; воспитательной работы с осужденными, оказания на них психолого-педагогического и воспитательно-профилактического воздействия; привлечения осужденных к общественно-полезному труду; общего образования и профессионального обучения осужденных, отбывающих лишение свободы в ИУ УИС.

Уголовно-исполнительный закон определил порядок признания осужденного к лишению свободы злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания. Он ориентирован как на неотвратимость наказания за совершенное нарушение, обеспечение пенитенциарной безопасности, так и соблюдение прав осужденных, отбывающих наказание в ИУ УИС.

Порядок признания осужденного к лишению свободы злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, а также досрочного снятия наложенного взыскания является предметом постоянного системного контроля служб и подразделений УФСИН, ГУФСИН субъектов федерации, ФСИН России при осуществлении ведомственного контроля. Надзора,

осуществляемого органами прокуратуры за законностью исполнения уголовных наказаний, соблюдения прав осужденных к лишению свободы.

Список литературы:

[1] Шабаль В.С. Злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы // В сборнике: Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации. Сборник материалов международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Вологда, 2025. С. 256-260.

[2] Олейник И.А. К вопросу о профилактике злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в местах лишения свободы // В сборнике: Право, общество, государство: системные основы взаимодействия и развития. Сборник статей научно-представительских мероприятий. Москва, 2024. С. 455-457.

[3] Теория оперативно-розыскной деятельности / Горяинов К.К., Земскова А.В., Исиченко А.П., Климов И.А., Ковалев О.Г., Конов А.И., Нетреба В.А., Федоров А.В., Овчинский В.С., Синилов Г.К., Черников В.В. Краткий учебный курс / Сер. Краткие учебные курсы юридических наук. (2-е издание, переработанное). Москва, 2006. 385 с.

[4] Ковалев О.Г. Оперативно-розыскная деятельность в уголовно-исполнительной системе в условиях реализации современной оперативно-розыскной политики // Международный научный вестник. 2025. № 4. С. 82-89.

[5] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А. Москва, 2006. 148 с.

[6] Ковалев О.Г., Орлов А.В. Оперативно-розыскная деятельность как средство обеспечения режима в исправительных учреждениях // Вестник Владимирского юридического института. 2024. № 2 (71). С. 41-44.

[7] Ковалев О.Г., Иконников Д.С., Семенова Н.В. Проблемы организации воспитательной работы в исправительных учреждениях в процессе профилактики противоправного поведения осужденных // Перспективы науки. 2024. № 3 (174). С. 160-167.

[8] Ковалев О.Г., Ковтуненко Л.В. Учебная деятельность и профессиональная подготовка в исправлении осужденных // В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Тверь, 2025. С. 79-84.

[9] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[10] Ковалев О.Г, Васильева А.Ю. Теоретические основы организации профилактического учета в исправительных колониях // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 96-5. С. 130-132.

[11] Ковалев О.Г. Соблюдение прав осужденных как условие обеспечения пенитенциарной безопасности // Образование и право. 2025 № 2. С. 518-523.

[12] Приказ Минюста России от 29.11.2023 № 354 «Об утверждении типового положения о дисциплинарной комиссии исправительного учреждения // Consultant.ru (дата обращения 13.01.2026).

[13] Ковалев О.Г., Александрова А.Ю. Современные факторы, влияющие на организацию режима в исправительных учреждениях (на примере правил внутреннего распорядка ИУ и ИЦ) // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 96-5. С. 126-128.

[14] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[15] Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1. Капинус О.С., Винокуров А.Ю., Кехлеров С.Г., Аберхаев Э.Р., Александрова Л.И., Андреев Б.В., Андреев Г.В., Андрианов М.С., Аристархов А.Л., Артемов В.В., Ашиткова Т.В., Беллевич А.Ю., Бессарабов В.Г., Борисов С.В., Бриллиантов А.В., Будай С.Н., Буланова Н.В., Бут Н.Д., Викторов И.С., Городков Ю.А. и др. Практическое пособие / Сер. 9 Профессиональная практика, (5-е изд., пер. и доп.) Москва 2018. 481 с.

References:

[1] Shabal V.S. Malicious violation of the established procedure for serving sentences by persons sentenced to imprisonment // In the collection: The Russian penitentiary system in modern conditions of social development: from the paradigm of punishment to correction and re-socialization. Collection of materials of the international scientific and practical conference. In 2 parts. Vologda, 2025. pp. 256-260.

[2] Oleinik I.A. On the issue of the prevention of malicious violations of the established procedure for serving sentences in places of deprivation of liberty // In the collection: Law, society, State: the system foundations of interaction and development. Collection of articles on scientific and representative events. Moscow, 2024. pp. 455-457.

[3] Goryainov K.K., Zemskova A.V., Isichenko A.P., Klimov I.A., Kovalev O.G., Konov A.I., Netreba V.A., Fedorov A.V., Ovchinsky V.S., Sinilov G.K., Chernikov V.V. A short training course / Ser. Short training courses in law. (2nd edition, revised). Moscow, 2006. 385 p.

[4] Kovalev O.G. Operational investigative activities in the penal system in the context of the implementation of modern operational investigative policy // International Scientific Bulletin. 2025. No. 4. pp. 82-89.

[5] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A. Moscow, 2006. 148 p.

[6] Kovalev O.G., Orlov A.V. Operational investigative activities as a means of ensuring regime in correctional institutions // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2024. No. 2 (71). pp. 41-44.

[7] Kovalev O.G., Ikonnikov D.S., Semenova N.V. Problems of organizing educational work in correctional institutions in the process of preventing illegal behavior of convicts. Perspektivy nauki. 2024. No. 3 (174). pp. 160-167.

[8] Kovalev O.G., Kovtunenko L.V. Educational activity and professional training in the correction of convicts // In the collection: Spiritual and moral education of the individual in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Tver, 2025. pp. 79-84.

[9] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

[10] Kovalev O.G., Vasilyeva A.Yu. Theoretical foundations of the organization of preventive accounting in correctional colonies // Trends in the development of science and education. 2023. No. 96-5. pp. 130-132.

[11] Kovalev O.G. Observance of the rights of convicts as a condition for ensuring prison security // Education and law. 2025 No. 2. pp. 518-523.

[12] Order of the Ministry of Justice of Russia dated 11/29/2023 No. 354 “On approval of the Model Regulation on the Disciplinary Commission of a correctional institution // Consultant.ru (date of application: 01/13/2026).

[13] Kovalev O.G., Alexandrova A.Yu. Modern factors influencing the organization of the regime in correctional institutions (on the example of the internal regulations of the IU and IC) // Trends in the development of science and education. 2023. No. 96-5. pp. 126-128.

[14] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[15] The prosecutor’s desk book in 2 parts Part 1. Kapinus O.S., Vinokurov A.Yu., Kekhlerov S.G., Aberkhaev E.R., Alexandrova L.I., Andreev B.V., Andreev G.V., Andrianov M.S., Aristarkhov A.L., Artemov V.V., Ashitkova T.V., Bellevich A.Yu., Bessarabov V.G., Borisov S.V., Brilliantov A.V., Budai S.N., Bulanova N.V., Booth N.D., Viktorov I.S., Gorodkov Yu.A. and others. Practical guide / Ser. 9 Professional practice, (5th ed., trans. and add.) Moscow, 2018. 481 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-244-247

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: СООТНОШЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ ЭКСПЕРТИЗ

Аннотация. *В статье анализируются теоретические и практические проблемы использования юридической и правовой экспертиз в механизме уголовно-правового регулирования. Обосновывается необходимость расширения экспертного сопровождения уголовного законодательства на стадии его реализации и оценки эффективности. Особое внимание уделяется роли правовой экспертизы при применении норм с бланкетными диспозициями и ее значению для обеспечения законности уголовной ответственности.*

Ключевые слова: *уголовно-правовое регулирование, юридическая экспертиза, правовая экспертиза, эффективность уголовного закона, бланкетные диспозиции, правоприменение, законность*

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Researcher, Department for Improving the Legal Regulation of the Activities of the Criminal Executive System of the Center for the Study of Management Problems and the Organization of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System Federal Government Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

CORRELATION BETWEEN LEGAL AND JURIDICAL EXPERTISE

Annotation. *The article examines theoretical and practical issues related to the use of juridical and legal expertise within the mechanism of criminal law regulation. The necessity of expanding expert support of criminal legislation to the stages of its implementation and effectiveness assessment is substantiated. Particular attention is paid to the role of legal expertise in the application of criminal law provisions with blanket dispositions and its significance for ensuring the legality of criminal liability*.

Key words: *criminal law regulation, juridical expertise, legal expertise, effectiveness of criminal law, blanket dispositions, law enforcement, legality.*

Современное развитие уголовного законодательства и правоприменительной практики объективно обусловливает необходимость формирования комплексного механизма экспертной оценки уголовно-правового регулирования. В условиях усложнения общественных отношений, роста числа уголовно-правовых запретов и активного обновления нормативной базы особую актуальность приобретает не только предварительная экспертиза проектов уголовных законов, но и анализ результатов их практического применения. Такая оценка должна охватывать как отдельные стадии уголовно-правового регулирования, так и его итоговое воздействие на охраняемые общественные отношения.

Юридическая экспертиза в настоящее время прочно интегрирована в нормотворческую деятельность органов государственной власти.

Она направлена на выявление соответствия нормативных правовых актов и их проектов Конституции Российской Федерации, федеральным законам и иным актам более высокой юридической силы, а также на обеспечение соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Экспертные заключения готовятся профильными комитетами Государственной Думы, ее Правовым управлением, Правительством Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, что закреплено в соответствующих нормативных актах. При этом юридическая экспертиза традиционно ориентирована на формально-юридический анализ текста законопроекта и его системных связей с действующим законодательством. [1]

Нормативное регулирование юридической экспертизы определяет не только перечень вопросов, подлежащих разрешению, но и ее задачи, которые сводятся преимущественно к проверке законности, согласованности и формальной корректности нормативных предписаний. Вместе с тем подобное понимание экспертной деятельности не в полной мере отвечает потребностям современного уголовно-правового регулирования. Динамичность уголовного законодательства и расширение сферы уголовно-правовой охраны требуют привлечения специальных юридических знаний не только на стадии правотворчества, но и в процессе реализации и последующей оценки эффективности уголовно-правовых норм.

Механизм уголовно-правового регулирования представляет собой сложную систему взаимосвязанных стадий правового воздействия, направленного на упорядочение и охрану общественных отношений от общественно опасных посягательств. Он включает формирование концепции уголовно-правовых новелл, их нормативное закрепление, реализацию уголовно-правовых предписаний в правоприменительной практике и мониторинг эффективности действия уголовного закона. Каждая из указанных стадий потенциально нуждается в экспертном сопровождении, позволяющем выявлять как достоинства, так и недостатки правового регулирования.

Если вопросы экспертной оценки на этапах разработки и принятия уголовно-правовых норм в общих чертах урегулированы законодательством, то стадия реализации и последующего анализа эффективности уголовного закона остается в значительной мере вне нормативного регулирования. Более того, в правоприменительной практике до настоящего времени сохраняется подход, основанный на запрете постановки перед экспертом правовых вопросов. Данная позиция восходит к разъяснениям Пленума Верховного Суда СССР, в которых подчеркивалось, что эксперт не вправе выходить за пределы специальных познаний и давать ответы на вопросы правового характера. Несмотря на то что эти разъяснения касались судебной экспертизы, они фактически сформировали устойчивое представление о невозможности признания юридических знаний в качестве самостоятельного объекта экспертного исследования.

Подобный подход вызывает обоснованные сомнения с точки зрения современных реалий юридической практики. Анализ научных взглядов, в частности позиции П.С. Яни, показывает, что преобладает точка зрения, отрицающая возможность признания заключения эксперта-правоведа актом судебной экспертизы и источником доказательств по уголовному делу. В то же время допускается использование подобных заключений в качестве формы доктринального толкования закона, способствующего принятию правоприменительных решений [2]. Это позволяет говорить о фактическом существовании экспертной правовой деятельности, не имеющей надлежащего нормативного оформления.

Практика расследования уголовных дел подтверждает востребованность специальных юридических знаний, особенно при расследовании преступлений, связанных с нарушением финансового, налогового, банковского и хозяйственного законодательства. Значительная часть норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации имеет бланкетный характер и отсылает правоприменителя к положениям иных отраслей права, включая подзаконные нормативные акты, отличающиеся высокой степенью изменчивости и отраслевой спецификой. В таких условиях даже опытный следователь не всегда способен своевременно и корректно учесть все особенности регулятивного законодательства, что нередко приводит к ошибкам в квалификации деяний и нарушению принципа законности.

Особую проблему представляет разграничение уголовно-правовых и гражданско-правовых отношений. Анализ материалов уголовных дел и отказных материалов свидетельствует о распространенности ситуаций, при которых уголовное преследование инициируется при наличии исключительно гражданско-правового спора либо, напротив, в возбуждении уголовного дела отказывается при наличии признаков преступления. Подобные ошибки подрывают доверие к уголовному праву и способствуют формированию правового нигилизма. В этой связи правовая экспертиза может рассматриваться как инструмент обеспечения законности и обоснованности привлечения лица к уголовной ответственности.

По своему содержанию данная экспертиза направлена на анализ регулятивных норм, охраняемых уголовным законом, выявление коллизий и пробелов правового регулирования, определение содержания соответствующих правоотношений и практики их реализации. Она не подменяет деятельность следователя или суда и не затрагивает вопросы виновности, квалификации или процессуальной судьбы уголовного дела. С учетом этого более точным представляется использование термина «правовая экспертиза», позволяющего отграничить данное исследование от традиционной юридической экспертизы нормативных правовых актов.

Наряду с правовой экспертизой в правоприменительной сфере особое значение имеет экспертная оценка целесообразности принятия уголовно-правовых норм и эффективности их действия. Такие исследования не могут претендовать на статус судебных, однако они необходимы для обеспечения качества уголовного законодательства. Эффективность правового регулирования в теории права традиционно определяется как соотношение между целью правового воздействия и достигнутым результатом [3]. В уголовно-правовой сфере данное соотношение проявляется через способность нормы обеспечивать охрану общественных отношений без избыточного вмешательства в сферу прав и свобод личности.

Оценка эффективности уголовного закона предполагает учет совокупности объективных и субъективных факторов. К объективным относятся социально-экономические и политические условия развития общества, уровень преступности и ценностные ориентиры конкретного исторического периода. Уголовный закон может быть эффективным лишь в том случае, если он отражает реальные потребности общества и воспринимается им как справедливый и необходимый. Субъективные факторы связаны с качеством законодательной техники, ясностью и определенностью уголовно-правовых предписаний, а также готовностью правоохранительных органов к их реализации [4].

В научной литературе обоснованно подчеркивается необходимость оценки эффективности уголовно-правового регулирования с использованием как внешних, так и внутренних критериев. К внешним критериям относится соответствие уголовного законодательства современному уровню общественного развития и наличие демократических механизмов его совершенствования. Внутренние критерии связаны с системностью и логической согласованностью уголовного закона, соразмерностью санкций характеру и степени общественной опасности преступлений, а также с единообразием правоприменительной практики [5].

Особое значение имеет субъективная составляющая эффективности, выражающаяся в правильном и единообразном понимании уголовно-правовых норм правоприменителем. В этом аспекте справедливым представляется подход Д.А. Керимова, рассматривающего правовое регулирование как совокупное воздействие всех юридических средств, включая правовую пропаганду и оценку целесообразности действия правовых норм [6]. Реализация подобных подходов возможна лишь при системном экспертном сопровождении уголовно-правового регулирования.

Таким образом, в механизме уголовно-правового регулирования целесообразно разграничивать юридическую и правовую экспертизы. Юридическая экспертиза ориентирована на обеспечение законности и обоснованности уголовно-правовых норм в процессе правотворчества и не нуждается в процессуальном статусе. Правовая экспертиза, напротив, направлена на анализ регулятивных норм, охраняемых уголовным законом, и при ее использовании в уголовном судопроизводстве должна обладать процессуальной формой и доказательственным значением. Нормативное закрепление правовой экспертизы способствовало бы повышению качества правоприменения и укреплению принципа законности в сфере уголовной ответственности.

Список литературы:

[1] Жариков Ю.С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации: монография. - 2-е изд. - Москва: КНОРУС, 2021. - 234 с.

[2] Яни, П. «Правовая» экспертиза в уголовном деле // Законность. — 2001. — №9.-С. 21-24.

[3] Матузов, Н. И. Теория государства и права: учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. — Москва: Юристъ, 2004. — С. 249.

[4] Анализ подобных концепций, влияющих на эффективность уголовно-правовой нормы, провела Т.А. Плаксина (Плаксина, Т. А. Укрепление законности и борьба с преступностью основания уголовно-правовых норм, уголовно правового запрета, криминализации: понятие и соотношение // Государство и право. — 2006. — № 3. — С. 41-47.)

[5] Векленко, С. Зависимость эффективности уголовно-правового регулирования от структуры нормативных предписаний / С. Векленко, М. Тугилович // Уголовное право. — 2006. — № 2. — С. 12.

[6] Керимов, Д. А. Философские проблемы права. — Москва, 1972. — С. 177, 178.

References:

[1] Zharikov Yu.S. Criminal law regulation and its implementation mechanism: monograph. - 2nd ed. - Moscow: KNORUS, 2021. - 234 s.

[2] Jani, P. “Legal” examination in a criminal case//Legality. — 2001. - NO. 9.-S. 21-24.

[3] Matuzov, N.I. Theory of state and law: textbook/N.I. Matuzov, A.V. Malko. - Moscow: Lawyer, 2004. - S. 249.

[4] Analysis of such concepts affecting the effectiveness of the criminal law was carried out by T.A. Plaksina (Plaksina, T.A. Strengthening the rule of law and the fight against crime of the basis of criminal law, criminal law prohibition, criminalization: concept and relationship//State and law. — 2006. — № 3. - S. 41-47.)

[5] Veklenko, S. Dependence of the effectiveness of criminal law regulation on the structure of regulatory prescriptions/S. Veklenko, M. Tugilovich// Criminal Law. — 2006. — № 2. - S. 12.

[6] Kerimov, D. A. Philosophical problems of law. - Moscow, 1972. - S. 177, 178.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-248-252

АБДУЛХАННЯНОВА Яна Максимовна,
адъюнкт адъюнктуры
Нижегородской академии МВД России,
e-mail: ykhalezova@bk.ru

Научный руководитель:
КУЗНЕЦОВ Александр Павлович,
д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ,
заслуженный деятель науки РФ,
e-mail: mail@law-books.ru

ОЦЕНОЧНЫЕ ПОНЯТИЯ «ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ» В ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Аннотация. *В представленной статье актуализируется значимость толкования оценочных понятий в соответствии с «духом» уголовного закона, обращается внимание на историческую обусловленность и преемственность некоторых из них и роль исторической интерпретации оценочных понятий для современного уголовного права. На примере оценочных категорий «общественный и государственный деятель» прослеживается эволюция их содержания в советском уголовном законодательстве, делается вывод о необходимости разработки научно-обоснованных критериев толкования оценочных понятий.*

Ключевые слова: *советское уголовное законодательство, оценочное понятие, конкретизация, представитель советской власти, государственный деятель, общественный деятель, представитель иностранного государства.*

ABDULKHANNYANOVA Yana Maksimovna,
Associate Professor Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Scientific supervisor:
KUZNETSOV Alexander Pavlovich,
Dr. Jurid. Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Honored Scientist of the Russian Federation

EVALUATIVE CONCEPTS OF "PUBLIC AND STATESMAN" IN THE HISTORY OF SOVIET CRIMINAL LAW

Annotation. *The presented article highlights the importance of interpreting evaluative concepts in accordance with the "spirit" of criminal law, draws attention to the historical conditionality and continuity of some of them and the role of historical interpretation of evaluative concepts for modern criminal law. Using the example of the evaluative categories "public and statesman", the evolution of their content in Soviet criminal legislation is traced, and it is concluded that it is necessary to develop scientifically based criteria for the interpretation of evaluative concepts*.

Key words: *Soviet criminal legislation, evaluative concept, specification, representative of the Soviet government, statesman, public figure, representative of a foreign state.*

Проводимая Российской Федерацией специальная военная операция обусловила повышенное внимание к совершенствованию практики толкования и применения уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления против основ кон-

ституционного строя и безопасности государства. Материалы судебной практики и данные из открытых источников свидетельствуют о том, что положения главы 29 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) активно реализуются в отношении лиц, нацеленных на подрыв российской государственности. Отличительной особенностью названной главы УК РФ является то, что содержащиеся в ней составы преступлений изобилуют оценочными понятиями. Под ними в доктрине уголовного права понимаются не определенные законодателем и конкретизируемые непосредственно при применении уголовного закона положения [1, с. 63]; нормы, содержание которых определяется правосознанием лица, толкующего и применяющего их с учетом конкретных обстоятельств дела [2, с. 97].

Интерпретация оценочных понятий, в том числе в составах преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, вызывает в доктрине и практике оживленные дискуссии. Специалисты пытаются сформулировать универсальные правила и критерии, на которых должно базироваться их толкование и предлагают алгоритмы конкретизации таких понятий. Мы полагаем, что большое значение для правильного уяснения сущности оценочного понятия является рассмотрение истории его становления и толкования в разные годы существования. Понимание того, как то или иное оценочное понятие применялось в ранее действовавшем законодательстве, является ключом к «расшифровке» политической воли нормотворческих органов в гармонии с «духом» уголовного закона и способствует его более рациональной интерпретации в современный период. К числу таких оценочных понятий, имеющих длительную историю своего существования и повлиявших на содержание современного УК РФ, относится категория «общественный деятель» и «государственный деятель».

В советском кодифицированном уголовном законодательстве в норме о террористическом акте предусматривалась ответственность за посягательство на жизнь лица, которое обладало государственным и общественным авторитетом. В разное время фигура потерпевшего в этой норме обозначалась по-разному, но всегда носила оценочный характер.

В ст. 64 УК РСФСР 1922 года говорилось о представителе Советской власти и деятеле революционных рабоче-крестьянских организаций, впоследствии они нашли свое отражение в ст. 588 УК РСФСР 1926 года. В обозначенное время многие положения уголовного законодательства носили декларативно-идеологический характер и трактовались крайне широко, включая и рассматриваемые категории. В связи с этим, со временем стали появляться конкретизирующие документы, вносящие большую ясность в понимание круга потерпевших. Так, Верховный Суд РСФСР в одном из своих решений указал на то, что убийство корреспондентов рабочей и крестьянской печати (рабкоров, селькоров, военкоров и др.), совершенное в связи с их профессиональной деятельностью должно квалифицироваться по ст. 588 как убийство деятеля революционной рабоче-крестьянской организации. Это объяснялось на страницах Советской печати той большой ролью, которую играет их деятельность в деле сохранения революционной законности и искоренения всяких видов преступности своей изобличающей и просветительской активностью.

В Циркуляре НКЮ № 193 от 11 ноября 1924 года говорилось о том, что если корреспондент принадлежит, например, к Коминтерну, Компартии, профсоюзу, к членам совета, к крестьянскому комитету взаимопомощи и т.п., то он может признаваться членом рабоче-крестьянской организации. В более позднем Циркуляре НКЮ от 1929 года к ним также были причислены учителя-общественники, если их убийство (или покушение на него) были предопределены желанием кулацких элементов противодействовать культурной и общественно-политической деятельности учительства [3, с. 58-59]. Постановлениями Пленума Верховного Суда РСФСР и Циркулярами НКЮ к потерпевшим по ст. 588 УК РСФСР 1926 года впоследствии были отнесены члены комиссий содействия проведению хлебозаготовок, ударники труда и стахановцы, участники легкой кавалерии и пионеры, осуществляющие общественную работу. В научной литературе тех лет высказывалась мысль о применении аналогии и признании потерпевшим по рассматриваемой норме также и дипломатических представителей буржуазных государств, аккредитованных при советском правительстве, а также членов их семей и близких лиц [3, с. 59].

Нельзя согласиться с мнением, что потерпевшим могли выступать все революционные деятели – сторонники Советской власти, как на то указывали отдельные авторы [4, с. 128]. Такой подход необоснованно расширяет пределы действия этой нормы, делая ее содержание «каучуковой».

Толкование обозначенных оценочных понятий основывалось на общем понятии контрреволюционного преступления, в основании которого лежала субъективная сторона, в частности контрреволюционная цель совершаемого деяния. Если она устанавливалась, то действия лица могли квалифицироваться по определенной статье о контрреволюционном преступлении и для того, чтобы минимизировать возможности подозреваемого (или шире – стороны защиты) затя-

нуть процесс привлечения к ответственности или вовсе ее избежать, зацепившись за точные казуистичные формулировки и применялись оценочные понятия.

Одновременно с этим следует заметить, что, начиная с середины 1920-х годов появляются отдельные разъяснения и рекомендации Верховного Суда РСФСР и НКЮ по толкованию заявленных оценочных понятий в целях их единообразного применения. Это демонстрирует желание государства обеспечить принцип законности [11, с. 16] и предотвратить факты необоснованного применения аналогии в уголовно-правовом регулировании.

В позднее принятом УК РСФСР 1960 года содержание круга потерпевших в террористическом акте, как-то государственный или общественный деятель и представитель власти оставалось не вполне определенным. Под государственным деятелем, по смыслу ст. 66 рассматриваемого уголовного закона понимались лица, занимающие руководящие посты в советском государственном аппарате в административной, хозяйственной, культурной или иной области (министры Союза ССР, союзных и автономных республик, председатели государственных комитетов) [5, с. 44]. С.В. Дьяков, А.А. Игнатьев и М.П. Карпушин считают, что государственный деятель не обязательно должен занимать высокое положение, главный критерий отнесения – осуществление активной деятельности на своем посту [6, с. 48]. П.С. Матышевский в своих размышлениях отождествляет государственных и общественных деятелей, давая их синтетическое определение [7, с. 39].

Обобщая вышеизложенное, можно заметить, что в научной литературе тех лет в числе государственных деятелей называли как рядовых инициативных работников, так и руководителей целых государственных органов и их подразделений. Глубоко прав в этом вопросе Е.А. Смирнов, предложивший условные критерии, на которые должен опираться правоприменитель при решении вопроса о том, является ли потерпевший государственным деятелем. Во-первых, замечает он, государственный деятель – это всегда должностное лицо; во-вторых, он осуществляет свою деятельность в масштабе всего государства или союзной / автономной республики; в-третьих, он играет значительную, лидерскую социальную роль [8, с. 112].

Фигура общественного деятеля напрямую связывалась с участием лица в деятельности коммунистической партии и подведомственных ей организаций. Кроме того, к ним относили тех, кто ведет борьбу за мир и активно содействует проведению политики партии и правительства (руководитель профсоюзной организации) [5, с. 44]. Отдельные авторы относили к ним и лиц, добровольно осуществляющих охрану общественного порядка – народных дружинников, членов товарищеских судов и бригад содействия милиции [9, с. 111].

При описании потерпевшего в виде представителя власти обращалось внимание на осуществление им функций органов государственной власти. В числе таковых назывались депутаты и судьи различного уровня, прокуроры, работники милиции и т.д. (отдельными авторами, по непонятной причине, к правоохранительному блоку представителей власти относились только оперативные работники МВД и КГБ [5, с. 44]). Помимо этого, высказывались мнения (актуальные и сегодня) о том, что представителем власти является любое лицо, способное легитимно применять меры принудительного воздействия в отношении неподчиненных лиц [9, с. 111].

Ст. 67 УК РСФСР 1960 года наказывала за аналогичные действия, совершенные в отношении представителя иностранного государства с целью провокации войны или международных осложнений. Закономерные сложности вызывало установление содержательных границ оценочного понятия «представитель иностранного государства». Ученые существенно расходились в понимании этой категории. Например, указывалось, что представитель иностранного государства – это иностранный политический или общественный деятель (их руководители, члены правительства или парламента, постоянно или временно находящиеся на территории СССР аккредитованные дипломатические работники, главы и члены делегаций, прибывших с официальным визитом), а также любое другое лицо, находящееся в СССР по поручению иностранного правительства (работник культуры, науки, искусства и т.п.) [10, с. 163; 11, с. 50]. Р.Р. Галиакбаров специально оговаривал, что приверженцы деловых кругов, корреспонденты, ученые и писатели иностранных государств не являются потерпевшими по ст. 67 УК РСФСР 1960 года [12, с. 41]. В.Д. Меньшагин и Б.А. Куринов относили к таковым любого иностранного гражданина [13, с. 122], с чем категорически не соглашался Г.З. Анашкин [14, с. 125]. М.В. Турецкий, напротив, называл представителем иностранного государства только лиц, реализующих государственные (в частности, дипломатические) функции [15, с. 56], исключая из перечня потерпевших иностранных общественных деятелей.

Отдельными авторами высказывалась позиция о том, что к ним нельзя относить представителей иностранного социалистического государства [5, с. 49]. По их мнению, посягательство на жизнь последних должно расцениваться как тер-

рористический акт против советского государственного или общественного деятеля, то есть по ранее рассмотренной статье 66 УК РСФСР 1960 года [5, с. 49; 9, с. 102], с чем тяжело согласиться. Более импонирует в этом аспекте позиция, согласно которой потерпевшим по ст. 67 могли выступать представители любого (как капиталистического враждебного, так и социалистического дружественного) государства.

Таким образом, можно заметить, что круг потерпевших, предусмотренных ст. 277 УК РФ исторически обусловлен и в советском уголовном законодательстве всегда носил оценочный, исчерпывающе неопределенный характер. Это детерминировало принятие Верховным Судом и НКЮ конкретизирующих документов, более подробно описывающих фигуру общественного и государственного деятеля, что, однако, не устраняло всех дискуссий по поводу их толкования. На наш взгляд, ключевым фактором унифицированного понимания обозначенных оценочных понятий в современный период должна стать праворазъяснительная деятельность Пленума Верховного Суда РФ и теоретико-доктринальная разработка критериев, на которые должны опираться лица, интерпретирующие их [оценочные понятия].

Список литературы:

[1] Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. М.: Юрид. лит., 1967. 240 с.

[2] Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм: (По материалам следств. и прокурорско-судебной практики) : учеб. пособие / Высш. следств. школа МВД СССР. Волгоград, 1973. 176 с.

[3] Государственные преступления / А.А. Герцензон, В.Д. Меньшагин, Б.С. Ошерович, А.А. Пионтковский. Москва: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. 160 с.

[4] Уголовный кодекс редакции 1926 г. / Комментарий под общ. ред. Е.Г. Ширвиндта; А.Б. Вроблевский, Б.С. Утевский. Москва: Нар. ком. внутр. дел., 1927. 431 с.

[5] Государственные преступления: учебное пособие по советскому уголовному праву / под ред. М.И. Якубовича, В.А. Владимирова. Москва: Гос. изд-во «Высшая школа», 1961. 228 с.

[6] Дьяков С.В., Игнатьев А.А., Карпушин М.П. Ответственность за государственные преступления / общ ред. и введение Л.И. Баркова. М.: Юрид. лит., 1988. 222 с.

[7] Советское уголовное право. Часть Особенная. Вып. 1. Харьков, 1962. 135 с.

[8] Смирнов Е.А. Особо опасные государственные преступления: вопросы квалификации в связи с применением уголовно-правовой нормы / М-во внутр. дел СССР. Киев: Киев. высш. школа, 1974. 180 с.

[9] Курс советского уголовного права. Т. IV: Государственные преступления и преступления против социалистической собственности. Часть особенная / авт. заслуж. деят. науки РСФСР, чл.-кор. АН СССР А.А. Пионтковский и засл. деят. науки РСФСР В.Д. Меньшагин, 1970. 432 с.

[10] Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер предупреждения преступности. М.: Юридическая литература, 1971. 559 с.

[11] Самигуллин, В. К. Современное состояние служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел (опыт общетеоретического осмысления) // Право и государственность. 2025. № 4(9). С. 14-21.

[12] Советское уголовное право. Часть Особенная: учебник для юрид. ин-тов и фак. / под ред. заслуж. деятеля науки РСФСР проф. В.Д. Меньшагина. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1964. 448 с.

[13] Советское уголовное право: часть Особенная: учебник / под ред. М.И. Ковалева. М.: Юрид. лит., 1983. 479 с.

[14] Научно-практический комментарий к Закону об уголовной ответственности за государственные преступления. М.: Госюриздат, 1960. 71 с.

[15] Анашкин Г.З. Об ответственности за преступное посягательство на представителя иностранного государства // Советское государство и право. 1962. № 4. С. 121-126.

[16] Турецкий М.В. Особо опасные государственные преступления. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1965. 89 с.

References:

[1] Brainin Y.M. Criminal Law and its application. M.: Jurid. lit., 1967. 240 s.

[2] A.V. Naumov. Application of criminal law norms: (Based on the materials of the investigation. and prosecutorial and judicial practice): study. allowance/Higher. consequences. school of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. Volgograd, 1973. 176 s.

[3] State crimes/A.A. Herzenson, V.D. Menshagin, B.S. Osherovich, A.A. Piontkovsky. Moscow: Legal publishing house of the NKYU of the USSR, 1938. 160 s.

[4] Criminal Code of 1926 edition/Commentary under the general. ed. E.G. Shirvindt; A.B. Wroblevsky, B.S. Utevsky. Moscow: Nar. com. int. affairs., 1927. 431 pp.

[5] State crimes: a textbook on Soviet criminal law/ed. M.I. Yakubovich, V.A. Vladimirova. Moscow: State. Publishing House “Higher School,” 1961. 228 pp.

[6] Dyakov S.V., Ignatiev A.A., Karpushin M.P. Responsibility for state crimes/general ed. And the introduction of L.I. Barkov. M.: Jurid. lit., 1988. 222 pp.

[7] Soviet criminal law. Part Special. No. 1. Kharkov, 1962. 135 pp.

[8] Smirnov E.A. Particularly dangerous state crimes: qualification issues in connection with the application of the criminal law/Internal affairs of the USSR. Kyiv: Kyiv. high. school, 1974. 180 s.

[9] Course of Soviet criminal law. T. IV: State crimes and crimes against socialist property. Part special/aut. †. deyat. Sciences of the RSFSR, Corresponding Member Academy of Sciences of the USSR A.A. Piontkovsky and Merit. deyat. Sciences of the RSFSR V.D. Menshagin, 1970. 432 p.

[10] Commentary on the Criminal Code of the RSFSR/All-Union. Institute for the Study of Causes and Development. crime prevention measures. M.: Legal literature, 1971. 559 pp.

[11] Samigullin, V. K. The current state of official discipline and legality in the internal affairs bodies (experience of general theoretical understanding)// Law and statehood. 2025. № 4(9). S. 14-21.

[12] Soviet criminal law. Part Special: a textbook for jurids. Institute and Fak ./Ed. │. scientist of the RSFSR prof. V.D. Menshagina. Moscow: Publishing House Mosk. University, 1964. 448 p.

[13] Soviet criminal law: part Special: textbook/ ed. M.I. Kovalev. M.: Jurid. lit., 1983. 479 p.

[14] Scientific and practical commentary on the Law on Criminal Liability for State Crimes. M.: Gosyurizdat, 1960. 71 pp.

[15] Anashkin G.Z. On responsibility for criminal encroachment on a representative of a foreign state//Soviet state and law. 1962. № 4. S. 121-126.

[16] Turkish M.V. Especially dangerous state crimes. Moscow: Publishing House Mosk. University, 1965. 89 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-253-255

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация;
кандидат юридических наук,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

СИСТЕМЫ КЛАССИФИКАЦИЙ ПРИЗНАКОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация. *В статье речь идет о преступности как международной проблеме, значение которой возрастает по мере расширения межнациональных контактов. Авторы отмечают стремительный рост организованной преступности в мире.*

Ключевые слова: *организованная преступность, уголовное право, международное право, наказание, преступление, криминалистика, уголовно-исполнительная система.*

BAZHANOV Sergey Andreevich,
leading researcher, Federal State Institution
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Legal Sciences

CLASSIFICATION SYSTEMS FOR SIGNS OF INTERNATIONAL ORGANIZED CRIME

Annotation. *The article deals with crime as an international problem, the importance of which increases with the expansion of interethnic contacts. The authors note the rapid growth of organized crime in the world.*

Key words: *organized crime, criminal law, international law, punishment, crime, criminalistics, penal enforcement system.*

Преступность как международная проблема возникла по меньшей мере с появлением государства. Ее значение возрастало по мере расширения межнациональных контактов. В последние десятилетия наблюдается стремительный рост организованной преступности в мире. Эта угрожающая тенденция обусловлена значительными достижениями в развитии технологий и средств связи и беспрецедентным расширением международной коммерческой и экономической деятельности, перевозок, туризма. Транснациональные преступные организации эффективно используют сложившуюся международную обстановку. В результате преступность не только расширяется, но и становится более доходной.

Интернационализация организованной преступности отражается в расширении рынков сбыта наркотических средств, краденых вещей, оружия и других незаконных товаров и услуг, которые поставляются и обрабатываются через сеть преступных коммерческих организаций, охватывающую весь мир. Имеются данные о том, что объем этих сделок составляет сотни миллиардов долларов, что превышает бюджеты многих государств. «Интернационализация преступности, – отмечают И. И. Лукашук и А. В. Наумов, – необходимость объединения усилий государств в борьбе против нее породили тенденцию к интернационализации уголовного права. Это одна из центральных проблем в борьбе с преступностью, особенно организованной. Интернационализация означает наращивание числа общих элементов в уголовно-правовых и процессуальных системах государств, увеличение их способности взаимодействовать друг с другом, а также с международным правом» [1].

В большинстве стран выделяется два основных пути развития организованной преступности. Во-первых, это запрещенные виды деятельности (отмывание денег, незаконный оборот наркотиков, нарушение правил валютных операций, запугивание, проституция, азартные игры, торговля оружием и антиквариатом) и, во-вторых, участие в сфере экономики (прямое или с использованием таких средств, как вымогательство). Такое участие в законной экономической деятельности всегда тяготеет к использованию противоправ-

ных методов конкуренции и может иметь большее экономическое воздействие, нежели вовлеченность в целиком и полностью незаконные виды деятельности. В обоих случаях используются преступные методы и поэтому костяк организованных преступных формирований составляют уголовно-преступные элементы [2].

«Унифицированного определения организованной преступности до настоящего времени не выработано, вместе с тем под организованной преступностью обычно понимается относительно массовая группа устойчивых и управляемых сообществ преступников, занимающихся преступлениями как промыслом и создающих систему защиты от социального контроля с использованием таких противозаконных средств, как насилие, запугивание, коррупция и крупномасштабные хищения». Данное определение может пониматься и в более широком смысле: «любая группа или отдельные лица, организованные на постоянной основе для получения прибыли незаконным способом» [3].

Многими ведущими криминалистами, теоретиками и практиками, создавались системы классификаций признаков международной организованной преступности, которые, однако, во многом схожи и взаимно дополняют друг друга. Среди подобных признаков можно выделить: устойчивость и обширность организации, наличие четкой иерархической системы, стремление к получению сверхприбылей, связи с государственными служащими и работниками правоохранительных органов, порождающие коррупцию в высших сферах власти того или иного государства, деятельность в основном в сфере экономики.

Организованной преступности свойственно быстрое приспособление, адаптация форм ее деятельности к национальной политике, уголовному правосудию и к защитным механизмам различных государств. Ее лидеры зачастую являются индивидуумами с высокими интеллектуальными способностями, настоящими профессионалами в сфере преступности, что делает их чрезвычайно опасными для общества.

Вопросы борьбы с преступностью занимают существенное место в деятельности ООН, неоднократно принимавшей резолюции о борьбе с преступными деяниями международного характера. Важность этой проблемы подчеркивает функционирование Комитета по предупреждению и контролю над преступностью при Экономическом и Социальном Совете ООН, Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, созданной в 1992 году [4].

Согласно классификации ООН все транснациональные преступления подразделяются на 17 групп: отмывание денег; терроризм; кражи произведений искусства и предметов культуры; кража интеллектуальной собственности; незаконная торговля оружием; угон самолетов; морское пиратство; захват наземного транспорта; мошенничество со страховкой; компьютерная преступность; экологическая преступность; торговля людьми; торговля человеческими органами; незаконная торговля наркотиками; ложное банкротство; проникновение в легальный бизнес; коррупция и подкуп общественных и партийных деятелей, выборных лиц.

Масштабы, интенсивность и изощренность преступности усиливаются. Она угрожает безопасности граждан во всем мире и препятствует социально-экономическому развитию стран. Глобализация открыла новые формы транснациональной преступности [6]. Многонациональные криминальные синдикаты расширили диапазон своих операций – от контрабанды наркотиков и оружия до отмывания денег. Контрабандисты каждый год перевозят 4 млн. нелегальных мигрантов, зарабатывая на этом в среднем до 7 млрд. долларов США. Страны, пораженные коррупцией, привлекают инвестиций на 5 процентов меньше, чем относительно не коррумпированные страны, и теряют в экономическом росте до 1% в год [5].

Такую информацию важно знать сотрудникам уголовно-исполнительной системы с целью профессионального роста и самосовершенствования.

Список литературы:

[1] Лукашук И. И., Наумов А. В. Международное уголовное право: Учебник. – М., 1999. – С. 5.

[2] Трикоз Е. Н. Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты. – М, 2007. – С. 12.

[3] Лунеев В. В. VIII Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями / В. В. Лунев // Советское государство и право. – 1991. – № 2. – С. 53.

[4] Горяинов К. К., Исиченко А. П., Кондратюк Л. В. Транснациональная преступность: проблемы и пути их решения: Монография. – М., 1997. – С. 23.

[5] Цепелев В. Ф. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью. – М., 2018.

[6] Вилкова А. В. Информационная безопасность в УИС как социальная инженерия / А. В. Вилкова // В сборнике: Обеспечение безопасности в учреждениях УИС. Сборник статей круглого стола. Москва, 2024. С. 30-33.

[7] Гузеев М. С. Социальная система как предмет междисциплинарных исследований / А. В. Вилкова, М. С. Гузеев // Вопросы современной науки и практики. 2024. № 1(10). С. 70-74.

[8] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Том Выпуск 4. Москва. 2021.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Коллективность и комплексность в науке / Международный научный вестник. № 10. С. 325-328.

[10] Вилкова А. В. Хайрутдинова И. В., Якупов Ф. А. Русский жестовый язык – средство коммуникации или лингвистическая система? // Современное педагогическое образование. 2025. № 5. С. 60-64.

[11] Лукашенко Д. В. Содержание и структура плана внеурочной деятельности для воспитанников воспитательных колоний / А. В. Вилкова, Д. В. Лукашенко // Антропогогика. 2024. № 3(15). С.5-16.

[12] Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073. 17.08. 2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

References:

[1] Lukashuk I. I., Naumov A. V. International Criminal Law: Textbook. - M., 1999. - S. 5.

[2] Trikoz E.N. Crimes against the peace and security of mankind: comparative and international legal aspects. - M, 2007. - S. 12.

[3] Luneev V.V. VIII UN Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders/V.V. Lunev//Soviet State and Law. – 1991. – № 2. - S. 53.

[4] Goryainov K.K., Isichenko A.P., Kondratyuk L.V. Transnational crime: problems and ways to solve them: Monograph. - M., 1997. - S. 23.

[5] Tsepelev V.F. International cooperation in the fight against crime. - M., 2018.

[6] Vilkova A.V. Information security in the penal system as social engineering/A.V. Vilkova//In the collection: Ensuring security in penal institutions. Collection of roundtable articles. Moscow, 2024. S. 30-33.

[7] Guzeev M.S. Social system as a subject of interdisciplinary research/A.V. Vilkova, M.S. Guzeev// Issues of modern science and practice. 2024. № 1(10). S. 70-74.

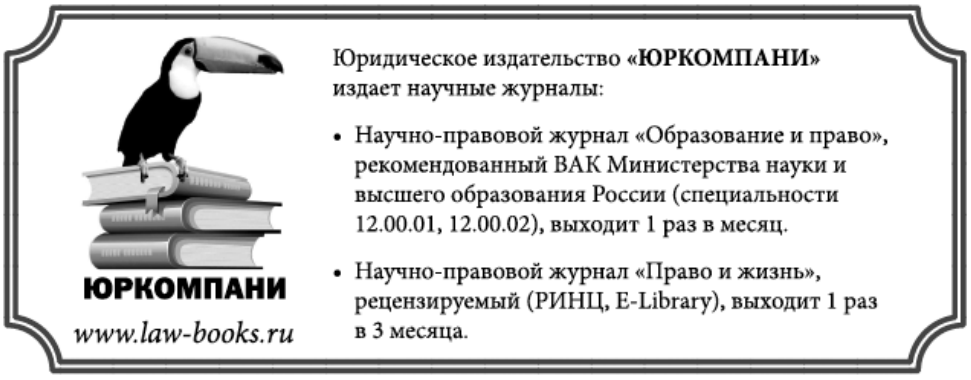
[8] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Volume Issue 4. Moscow. 2021.

[9] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Collectivity and comprehensiveness in science/International Scientific Bulletin. № 10. S. 325-328.

[10] Vilkova A.V. Khairutdinova I.V., Yakupov F.A. Russian sign language - a means of communication or a linguistic system ?//Modern pedagogical education. 2025. № 5. S. 60-64.

[11] Lukashenko D.V. Content and structure of the plan of extracurricular activities for pupils of educational colonies/A.V. Vilkov, D.V. Lukashenko// Anthropology. 2024. № 3(15). S.5-16.

[12] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author's course of lectures "The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of the RU 2022622073 database. 17.08. 2022. Request No. 2022621591 dated 01.07.2022.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-256-261

ШАЙХУЛЛИН Марат Селирович,
профессор ФГКОУ ВО УЮИ МВД России,
доктор юридических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ В СРЕДЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. *В статье на основе анализа научных позиций, связанных с проблематикой распространения алкоголя среди несовершеннолетних, количественных показателей совершения преступлений в состоянии алкогольного опьянения показаны основные проблемы противодействия распространению алкоголя среди несовершеннолетних. Рассмотрены проблемные аспекты эффективности государственных мер по реализации основных направлений борьбы с распространением алкогольной продукции среди несовершеннолетних.*

Ключевые слова: *уголовно-правовые нормы, уголовное противодействие, распространение алкоголя, незаконная продажа алкоголя, интересы несовершеннолетних, иные меры противодействия.*

SHAIKHULLIN Marat Selyrovich,
Professor of Ufa Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Doctor of Law, Associate Professor

CRIMINAL LAW ASPECTS OF COUNTERING THE SPREAD OF ALCOHOLIC BEVERAGES AMONG MINORS

Annotation. *The article, based on an analysis of scientific positions related to the problem of the spread of alcohol among minors, quantitative indicators of the commission of crimes while intoxicated, shows the main problems of countering the spread of alcohol among minors. The problematic aspects of the effectiveness of state measures to implement the main directions of combating the spread of alcoholic beverages among minors are considered.*

Key words: *criminal law, criminal counteraction, distribution of alcohol, illegal sale of alcohol, interests of minors, other countermeasures*.

Проблемы, связанные с продажей несовершеннолетним алкогольной продукции и применением ответственности в этой области общественных отношений всегда были в центре внимания общественности и органов публичной власти, с разной степенью интенсивности. На современном этапе развития общества и государства степень актуальности данной темы не снижается, а наоборот возрастает.

Уполномоченные органы власти и судебные учреждения демонстрируют весьма оптимистические и обнадеживающие показатели преступлений, совершенных несовершеннолетними, которые на момент противоправного деяния, находились в состоянии алкогольного опьянения.

По данным аппарата Уполномоченного по правам детей в 2023 году на 34,6% снизилось количество преступлений, совершенных несовершеннолетними в состоянии алкогольного опьянения. Исходя из показателей, представленных Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, за 2024 год к уголовной ответственности было привлечено 1000 несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения. 33 несовершеннолетних на момент задержания

находились в стоянии наркотического опьянения. Действительно, употребление несовершеннолетними алкоголя и как следствие, состояние опьянения – факторы совершения правонарушений и преступлений. По мнению ученых, «подавляющее большинство правонарушений непреступного характера и аморальных поступков связано с пьянством и алкоголизмом» [1, с. 150]. Анализ личностных особенностей несовершеннолетних преступников показывает, что у 2/3 лиц, совершивших преступления наличествовали явно выраженные потребности и интересы к употреблению алкоголя [1, с. 187].

В этом плане официальные показатели совершения преступлений в состоянии алкогольного опьянения, применительно к такой категории лиц, весьма объемно расходятся с данными, полученными в процессе криминологических исследований. А.И. Бадретдинов справедливо отмечает, что история показывает многочисленные попытки государственного регулирования данной проблемы [2, с. 48]. Состояние алкогольного опьянения, а особенно потребности и интересы к употреблению алкогольных напитков являются асоциальными факторами совершения противоправных деяний. Причем состояние алкогольного опьянения, в котором может находиться любой несовершеннолетний существенно может отличаться от антисоциального интереса, который присутствует не у всех категорий несовершеннолетних. Такой интерес порождает негативные поступки и влечет неокрепшее сознание к совершению правонарушений и преступлений. Эти различия могут служить теоретической основной для подтверждения разницы между официальными показателями «нахождения» несовершеннолетних в состоянии алкогольного опьянения в момент совершения преступления и данными о состоянии употребления алкогольных напитков в молодежной среде.

Проще говоря, большинство несовершеннолетних имеют доступ к алкогольным напиткам, что не означает формирование потребностей и уж тем более асоциальных интересов, становящихся факторными условиями совершения противоправных деяний. Все же проблема распространения в подростковой среде алкогольных напитков имеет негативные тенденции и она, такая проблема не во всех случаях влечет правовые последствия, выраженные в виде привлечения к административной или уголовной ответственности. Ее последствия объемны по содержанию, ибо распространение алкоголя в среде несовершеннолетних позволяет: развиваться конфликтогенам, не переходящим в преступное поведение; формировать отношение к употреблению алкоголя таким образом, чтобы подчеркнуть индивидуальные приспособления к социальной группе несовершеннолетних, не включенной в криминообразующие процессы; формировать мотивационные установки, направленные на индивидуальное утверждение в социальной группе. Распространение алкоголя в среде несовершеннолетних далеко не во всех случаях связано с правовыми последствиями. При этом проблема распространения алкоголя в этой среде является результатом социальных факторов, связанных с ухудшением качества образования, низким уровнем трудовой занятости, неблагополучным состоянием семейных отношений и др.

Необходимо отметить, что после распада СССР молодежью практически никто не занимался. А это не могло не сказаться на правопонимании, формировании такого свободного образа жизни при котором раскрепощаются и воплощаются в действительность самые скрытые флуктуации в сознании несовершеннолетних. Помимо уголовно-правовых последствий, которые возникают в связи с распространением алкогольных напитков в среде несовершеннолетних, у такого распространения имеются ярко выраженные последствия, связанные с отрицанием права, моральных и нравственных принципов, имеющих огромное значение в деле укрепления социального благополучия. Между тем, какие бы меры не предпринимались на различных уровнях публичного властвования, доступ к алкоголю облегчается за счет противоправного, аморального и безнравственного поведения взрослых людей.

Следует выделить основные проблемы уголовно-правового и иного противодействия распространению алкогольной продукции в среде лиц, не достигших совершеннолетнего возраста.

Во-первых, современный рынок алкогольной продукции имеет и легальную и теневую стороны, в которых легальная сторона оборота алкогольной продукции занимает ведущее положение в плане проблемы распространения алкоголя среди лиц, не достигших совершеннолетнего возраста. Вместе с тем проблема распространения алкоголя в среде таких лиц состоит не в том, что существуют те или иные рынки сбыта алкоголя или спиртных изделий, произведенных кустарным способом, а в том, что такую продукцию на законных основаниях покупают лица, которым уже исполнилось 18 лет и передают ее (совместно распивают) своим друзьям, их знакомым и др., которые в силу возраста не могут приобрести алкогольные напитки самостоятельно, легальным путем. Привлечь взрослых людей к уголовной или административной ответственности за то, что они после покупки передали несовершеннолетнему алкогольный напиток практически невозможно. Это повышает значение видов

контроля в сфере правоохранительной деятельности за рынком легальной продажи алкогольной продукции. Если не обеспечить синергетические элементы взаимодействия правоохранительных органов с институтами гражданского общества в области профилактики и предупреждения распространения алкогольной продукции в среде несовершеннолетних, то алкогольные напитки, приобретаемые лицами, достигшими совершеннолетнего возраста и дальше будут свободно распространяться в среде несовершеннолетних несмотря на наличие в административном и уголовном законодательстве запретов на продажу несовершеннолетним такой продукции. К сожалению, работа общественности по советскому сценарию, которая велась в реальном режиме «растаяла как снег», а кадровая недостаточность сотрудников органов внутренних дел сказывается негативно на эффективности пресечения правонарушений и преступлений в этой области общественных отношений.

Во-вторых, установление административных и уголовных запретов на продажу алкогольной продукции кардинально не решают анализируемой проблемы в части массового распространения алкоголя среди несовершеннолетних, поскольку для вменения статьи 151 УК РФ требуется установить признак систематического употребления (распития) алкогольной и спиртосодержащей продукции. К тому же употребление (распитие) не имеет ничего общего с распространением алкоголя, ибо употребление есть следствие такого распространения. Под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий следует понимать действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия [3]. Действия взрослого лица не оправданы ни с точки зрения закона, ни с позиции морально-нравственного состояния и поведения. Между тем, в обозначенной выше проблеме, когда 18-летний молодой человек приобретает алкогольные напитки с тем, чтобы угостить своего товарища, которому еще не исполнилось восемнадцать лет сложно обнаружить признаки вовлечения в том его понимании, которое придает законодатель в диспозиции части 1 ст. 151 УК РФ и в конечном итоге все будет сведено к санкциям административного характера, что мягко говоря, не совсем останавливает несовершеннолетних правонарушителей, ибо административные штрафы не оказывают того эффекта, который был бы ощутимым при наиболее строгих уровнях денежного взыскания. Вместе с тем следует учитывать, что молодые люди не всегда думают о физическом здоровье и психическом состоянии своих родителей, не заботятся о нем.

Минимизацией распространения алкогольной продукции, снижается и степень ее употребления (распития). Здесь важны более точные, предметные и углубленные научные исследования. Что касается ст. 151.1 УК РФ, то она тоже не решает проблемы распространения алкоголя среди несовершеннолетних, поскольку количество привлеченных к уголовной ответственности по этой статье минимально, и основной массив правонарушителей приходится на применение административных наказаний. Имея формальный состав преступления, статья 151.1. УК РФ позволяет привлекать к уголовной ответственности только лиц уже имеющих административное наказание за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым такому наказанию. Преступление может быть совершенно только с прямым умыслом, что означает позитивную поправку на «ошибку продавца» при совершении розничной продажи алкоголя лицу, не достигшему возраста 18 лет. В этом плане презумпция добросовестного заблуждения продавца в части «существенности вопроса», в чем продавец заблуждается, а именно такой вопрос имеет юридическое значение при ошибке с возрастом покупателя, сводит на нет прямой умысел при совершении розничной продаже алкоголя несовершеннолетнему, не позволяя привлекать к уголовной ответственности продавца, иначе как при условии признания вины (следует принять во внимание, что продавцы розничных магазинов в большинстве случаев не имеют малейшего представления о последствиях признания вины в совершении правонарушения или преступления).

По этому поводу мы провели специальные исследования, по результатам которых установили, что 87,4 % продавцов не знали, что за розничную продажу несовершеннолетним алкогольных напитков предусмотрена уголовная ответственность при условии, что такая продажа была совершена повторно. Ничего удивительного здесь нет, поскольку основной массив продавцов не привлекался к административной ответственности по части 2.1. ст. 14.16. КоАП РФ. По мнению ученых, субъект преступления по ст. 151.1. УК РФ – специальный, поскольку согласно п. 2 ст. 16 Федерального закона № 171-ФЗ им является физическое лицо, непосредственно осуществляющее отпуск алкогольной продукции несовершеннолетнему, - продавец [4, с. 405]. При этом следует отметить, что согласно ст. 16 ФЗ № 171, продавец – это не тот, чья фамилия указана в контрольно-кассовом чеке, а любой работник магазина, имеющий доступ к «кассе» и непосредственно произведший отпуск алкогольной продукции [5]. Это означает, что субъектом преступления является лицо, продавшее

несовершеннолетнему алкогольную продукцию. Таким лицом может быть не только продавец который, что называется «стоит за кассой», а любое другое лицо, работающее в магазине, - менеджер, продавец, кассир торгового зала, контролер-кассир, директор магазина и т.п. Необходимо отметить, что у понятия «продавец» достаточно широкая юридическая классификация. Согласно нормативным положениям Закона о защите прав потребителей, продавец – это организация независимо от ее организационно-правовой формы, а также индивидуальный предприниматель, реализующие товары потребителям по договору купли-продажи. С обывательской же точки зрения, продавец – это физическое лицо, которое произвело отпуск продукции в результате совершения публичной сделки купли-продажи. Именно такое лицо становится субъектом административного правонарушения по ст. 14.16. КоАП РФ или совершения преступления по ст. 151.1. УК РФ.

В-третьих, продажа несовершеннолетним алкогольной продукции является общесоциальной проблемой и для ее решения положениями текущего федерального и регионального законодательства обеспечиваются различные меры. Наиболее распространенными мерами является установление запретов на продажу алкогольной продукции в праздничные дни, в определенное время суток и в определенных местах. В свое время отношение государства к установлению таких запретов было несколько иным. Так, в соответствии с Постановлением ЦК КПСС от 2 августа 1979 г. «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями» указывалось на необходимость принятия действенных мер по борьбе с пьянством. В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР № 410, было запрещено продавать спиртные напитки лицам, не достигшим 21-летнего возраста. Также продажа винно-водочных изделий в рабочие дни производить только с 14 часов [6, ст. 82]. По исследованиям Н.А. Бабий, обращение внимания исполнительных органов власти и общественности на решение проблем, связанных с пьянством и алкоголизмом было обусловлено существующими в то время основными факторами, - сохранение и распространение алкоголя связано с передачей негативных традиций от старших подрастающему поколению. При этом желание следовать этим традициям, было выявлено у 70 % несовершеннолетних [7, с. 9]. С позиции соотношения периодов борьбы с правонарушениями и преступлениями в данной области общественных отношений сущностное содержание исследуемой проблемы распространения алкогольной продукции среди несовершеннолетних практически не поменялось. Изменились лишь статистические показатели. Если в 1965 году употребление алкоголя несовершеннолетними было выявлено у 68% мальчиков и 49% девочек, то уже в начале 70-х годов оно составило соответственно 95 и 90% [7, с. 9]. В наши дни специалисты демонстрируют следующие показатели. По некоторым данным, однако требующим проверки, уровень распространённости алкоголизации: среди мальчиков – 37, среди девочек – 49 из каждых 100 подростков. 6,7 % мальчиков, а девочек 7,83% из 100 употребляли алкоголь от 2 раз в месяц и чаще [8, с. 9]. Между тем если в советский период общественность активно привлекалась к обсуждению вопросов, связанных с распространением алкоголя среди несовершеннолетних, мероприятиям по противодействию таким явлениям, то в наши дни диалоговые площадки на местном уровне по этим вопросам канули в лето. А те формы работы, которые существуют, сегодня не решают обозначенных проблем. Следовательно, требуются новые концептуальные подходы на основе синергии общественности, специалистов и органов публичной власти, способные определить корень проблем в данной области и предложить реальные меры противодействия правонарушениям и преступлениям, совершаемым против семьи и несовершеннолетних.

Ученые правильно отмечают, что уголовно-правовая политика государства по противодействию преступности должна рассматриваться как системная деятельность органов публичной власти и институтов гражданского общества, общественности, направленная на ликвидацию объективных причин уголовных правонарушений [9, с. 23]. Вместе с тем для активной полномасштабной работы в направлении противодействия распространению алкогольной и спиртосодержащей продукции необходима внутренняя мотивация субъектов права, формировать которую не реально вне диалога между заинтересованными лицами. Неправильно решать проблемы, имеющие общесоциальных характер в отрыве одних заинтересованных субъектов от других. Для обсуждения этих важных для общества и государства проблем необходимо активно привлекать общественность, специалистов [10, с. 83], ученых в области уголовного права, криминологии, медицинских наук, экономики и др.

Представляется, что уголовная ответственность за продажу несовершеннолетним алкогольных напитков является крайней мерой, хотя и не слишком суровой, поскольку не предусматривает лишения свободы за совершение такого преступления. В аспекте поиска баланса между гуманизацией законодательства и усилением

ответственности за совершение преступлений против семьи и несовершеннолетних следует констатировать, что объем санкций применяемых в рамках ст. 151.1 УК РФ является вполне оправданным той степенью общественной опасности, которая представляет собой данное преступление. В плане применения административной и уголовной ответственности за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной, табачной продукции и т.п., еще остается много вопросов [11, с. 64], обусловленных различными факторами социально-культурного развития населения, специально-юридического характера и особенностей уголовного правоприменения учет которых необходим для положительного решения проблем в данной сфере.

Список литературы:

[1] Криминология: Учебник / Под ред. акад. В.Н. Кудрявцева, проф. В.Е. Эминова. – М.: Юристъ, 1997. – 512 с.

[2] Бадретдинов, А. И. Исторический аспект уголовно-правового регулирования незаконного оборота алкогольной продукции в Советский период / А. И. Бадретдинов // Право и государственность. – 2025. – № 1(6). – С. 47-50. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.6.1.008. – EDN XANYIB.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». Консультант Плюс.

[4] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Текст]: (постатейный): [в 2 т.] / [А. В. Бриллиантов и др.]; под редакцией заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора А. В. Бриллиантова; Российская академия правосудия. Т. 1. – Москва: Проспект, 2017, 2017. – 792 с.

[5] Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 48. Ст.4553.

[6] Постановление Совмина СССР от 07.05.1985 № 410 «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения» // Собрание постановлений Правительства СССР. 1985. № 17. Ст.82.

[7] Бабий Н.А. Уголовная ответственность за спаивание несовершеннолетних: автореф. дисс… канд. юрид. наук. – Минск, 1984. – 19 с.

[8] Скворцова, Е. С. Употребление алкоголя среди современных городских подростков-школьников / Е. С. Скворцова, Е. И. Бабушкина // Социальные аспекты здоровья населения. – 2023. – Т. 69, № 3. – DOI 10.21045/2071-5021-2023-69-3-10. – EDN LBTZIB.

[9] Авдеев В.А., Авдеева О.А. Концепция уголовно-правовой политики российской федерации: основные направления совершенствования уголовного закона и оптимизации мер противодействия преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1. С. 12-24.

[10] Бадретдинов, А. И. К вопросу об использовании искусственного интеллекта в борьбе с нелегальным оборотом алкогольной продукции / А. И. Бадретдинов // Право и государственность. – 2024. – № 4(5). – С. 80-83. – DOI 10.70569/2949-5725.2024.5.4.013. – EDN HYNGYT.

[11] Бадретдинов, А. И. К вопросу о соотношении административной и уголовной ответственности за розничную продажу несовершеннолетним табачной и никотинсодержащей продукции / А. И. Бадретдинов // Право и государственность. – 2025. – № 2 (7). – С. 60-64. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.7.2.009. – EDN AASKJE.

References:

[1] Criminology: Textbook/Ed. Academician V.N. Kudryavtseva, prof. V.E. Eminova. - M.: Lawyer, 1997. - 512 s.

[2] Badretdinov, A. I. The historical aspect of the criminal law regulation of illegal circulation of alcoholic beverages in the Soviet period/A. I. Badretdinov//Law and statehood. – 2025. – № 1(6). - S. 47-50. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.6.1.008. – EDN XANYIB.

[3] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.02.2011 No. 1 (ed. 28.10.2021) " On the judicial practice of applying legislation regulating the specifics of criminal liability and punishment of minors." Consultant Plus.

[4] Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation [Text]: (itemized): [in 2 volumes]/ [A. V. Brilliantov et al.]; edited by Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor A. V. Brilliantov; Russian Academy of Justice. VOL. 1. - Moscow: Prospect, 2017, 2017. - 792 s.

[5] Federal Law of 22.11.1995 No. 171-FZ (as amended by 31.07.2025) " On State Regulation of the Production and Circulation of Ethyl Alcohol, Alcoholic and Alcohol-Containing Products and on Limiting the Consumption (Drinking) of Alcoholic Products "//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. № 48. Article 4553.

[6] Decree of the Council of Ministers of the USSR of 07.05.1985 No. 410 "On measures to over-

come drunkenness and alcoholism, to eradicate moonshine "//Collection of resolutions of the Government of the USSR. 1985. № 17. Article 82.

[7] Babiy N.A. Criminal liability for soldering minors: abstract. diss... cand. jurid. sciences. - Minsk, 1984. - 19 s.

[8] Skvortsova, E. S. Alcohol consumption among modern urban teenage schoolchildren/E. S. Skvortsova, E. I. Babushkina//Social aspects of population health. – 2023. - T. 69, NO. 3. – DOI 10.21045/2071-5021-2023-69-3-10. – EDN LBTZIB.

[9] Avdeev V.A., Avdeeva O.A. The concept of criminal law policy of the Russian Federation: the main directions for improving the criminal law and optimizing measures to counter crime//Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2014. № 1. S. 12-24.

[10] Badretdinov, A.I. On the use of artificial intelligence in the fight against illegal circulation of alcoholic beverages/A.I. Badretdinov//Law and statehood. – 2024. – № 4(5). - S. 80-83. – DOI 10.70569/2949-5725.2024.5.4.013. – EDN HYNGYT.

[11] Badretdinov, A.I. On the question of the ratio of administrative and criminal liability for the retail sale of tobacco and nicotine-containing products to minors/A.I. Badretdinov//Law and statehood. – 2025. – № 2 (7). - S. 60-64. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.7.2.009. – EDN AASKJE.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-262-265

ЧУРСИН Роман Сергеевич,
аспирант 3 курса очной формы обучения,
направление «40.06.01 Юриспруденция»,
5.1.4. – уголовно-правовые науки,
кафедра уголовного права и процесса,
ВУЗ - Государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования ленинградской области
Ленинградский государственный университет
имени А.С. Пушкина,
e-mail: vzorvo@gmail.com

ОФФЛАЙН-СКЛОНЕНИЕ К СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. *Статья посвящена уголовно-правовому и криминологическому анализу доведения до самоубийства, совершаемого без использования сети Интернет (офлайн-склонение). Цель исследования – систематизировать способы и формы такого воздействия, выявить проблемные вопросы квалификации, доказывания и отграничения от смежных составов, а также разработать предложения по совершенствованию правоприменительной практики. Методологическую основу составляют догматический, сравнительно-правовой и криминологический методы, анализ судебной практики и научной литературы. Результаты: установлено, что офлайн-склонение к суициду, вопреки распространённому мнению, не утратило актуальности, а видоизменилось, приняв более изощрённые и латентные формы. Основными способами остаются угрозы, жестокое обращение и систематическое унижение человеческого достоинства, однако их реализация усложняется за счёт психологического манипулирования. Для эффективного противодействия необходимо уточнение диспозиций норм гл. 16 УК РФ, внедрение специализированных криминалистических методик расследования, а также усиление межведомственного взаимодействия при выявлении и профилактике данных деяний.*

Ключевые слова: *доведение до самоубийства, склонение к суициду, угрозы, жестокое обращение, унижение достоинства, латентность, квалификация преступлений, уголовно-правовая защита.*

CHURSIN Roman Sergeevich,
PhD student of the 3rd year of full-time education,
direction “40.06.01 Jurisprudence,” 5.1.4. - Criminal Law,
Department of Criminal Law and Process,
University - State Autonomous Educational Institution
of Higher Education of the Leningrad Region
A.S. Pushkin Leningrad State University

OFFLINE INCLINATION TO COMMIT SUICIDE: CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS

Annotation. *The article is devoted to the criminal law and criminological analysis of driving to suicide committed without using the Internet (offline declination). The purpose of the study is to systematize the methods and forms of such impact, identify problematic issues of qualification, evidence and separation from related compositions, as well as develop proposals for improving law enforcement practice. The methodological basis is made up of dogmatic, comparative legal and criminological methods, an analysis of judicial practice and scientific literature. Results: it has been established that offline suicide, contrary to popular belief, has not lost its relevance, but has changed, taking more sophisticated and latent forms. The main ways remain threats, ill-treatment and systematic humiliation of human dignity, but their implementation is complicated by psychological manipulation. For effective counteraction, it is necessary to clarify the dispositions of the norms*

of Ch. 16 of the Criminal Code of the Russian Federation, the introduction of specialized forensic investigation methods, as well as the strengthening of interdepartmental interaction in the identification and prevention of these acts.

Key words: *driving to suicide, inclination to suicide, threats, ill-treatment, humiliation of dignity, latency, qualification of crimes, criminal law protection.*

Введение. Введение в Уголовный кодекс РФ криминализирующих статей, устанавливающих ответственность за склонение и содействие самоубийству с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, стало закономерной реакцией на новые цифровые угрозы [1]. Однако это не отменяет актуальности «традиционных», традиционных офлайн-форм доведения лица до суицида, предусмотренных ст. 110 УК РФ [7]. Более того, смещение внимания правоохранительных органов и исследователей в цифровую сферу может создавать иллюзию снижения значимости непосредственного, межличностного деструктивного воздействия, что ведёт к росту его латентности. В настоящее время представляется важным провести комплексный анализ состава преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, в его классическом понимании, выявление современных форм реализации, проблем квалификации и путей совершенствования механизма уголовно-правовой защиты.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, выражается в доведении лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путём угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего. Законодатель предлагает исчерпывающий, «закрытый» перечень способов, что, с одной стороны, обеспечивает определённость нормы, а с другой – создаёт трудности при квалификации сложных, комплексных форм психологического насилия [2].

Угроза в контексте ст. 110 УК РФ представляет собой психическое насилие, выражающееся в обещании причинить потерпевшему или его близким физический, имущественный или иной существенный вред. Ключевым признаком является реальность её восприятия потерпевшим, которая оценивается с учётом его индивидуальных особенностей (возраст, психическое состояние, жизненные обстоятельства). Для несовершеннолетних порог восприятия угрозы как неотвратимой и безысходной значительно ниже, что активно используется виновными [3]. Угрозы могут носить как прямой, так и завуалированный характер, формируя у жертвы устойчивое чувство страха и неизбежности расплаты.

Жестокое обращение: физический и психический компоненты. Данный способ включает как прямое физическое насилие (побои, истязания, лишение пищи, сна), так и систематическое психическое насилие, выражающееся в издевательствах, травле (буллинг), шантаже. Особую опасность представляет жестокое обращение в условиях зависимых или закрытых отношений (семья, учебный или трудовой коллектив, места лишения свободы), где жертва лишена возможности легко разорвать контакт с агрессором. Криминологические исследования отмечают, что в подобных условиях формируется «замкнутая система» насилия, выход из которой потерпевший часто видит только в суициде [4].

Систематическое унижение человеческого достоинства. Этот способ наиболее субъективен и сложен для доказывания. Он предполагает не разовые оскорбления, а пролонгированную, целенаправленную деятельность, направленную на разрушение личности потерпевшего, его самооценки и социальных связей. Сюда относятся унижения на работе, буллинг (вне контекста ст. 110.1 УК РФ), публичное осмеяние, распространение порочащих сведений. Систематичность является оценочным признаком и устанавливается судом с учётом частоты, продолжительности и интенсивности унизительных действий [5].

Субъективная сторона и проблема доказывания умысла. Преступление совершается с прямым или косвенным умыслом. Виновный осознаёт, что своими действиями создаёт для потерпевшего невыносимые условия жизни, предвидит возможность или неизбежность суицида и желает либо сознательно допускает его наступление. Основная сложность в доказывании заключается в установлении причинно-следственной связи между действиями виновного и решением потерпевшего покончить с собой, особенно когда последний страдал от психического расстройства или находился в сложной жизненной ситуации. Как отмечают исследователи, «главная сложность заключается в доказывании прямой причинно-следственной связи между действиями виновного и самоубийством потерпевшего» [3]. Требуется тонкая работа с доказательствами, часто с привлечением комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз.

Криминологический портрет и латентность. В отличие от анонимных кураторов «групп смерти», офлайн-преступник, как правило, хорошо знаком с жертвой (родственник, партнёр, коллега, сослуживец). Это обуславливает высокую степень латентности, поскольку отношения часто носят частный, доверительный или зависи-

мый характер, а факты насилия скрываются обеими сторонами. Потерпевшие, особенно несовершеннолетние, могут не сообщать о происходящем из-за страха, стыда или чувства вины [6]. Виновные часто обладают манипулятивными склонностями, нарциссическими чертами и стремятся к тотальному контролю над жертвой [4].

Доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ) и Склонение к самоубийству (ст. 110.1 УК РФ). Ключевое отличие лежит в характере действий виновного. Доведение по ст. 110 УК РФ создаёт среду, условия, толкающие жертву к суициду как к «выходу». Склонение же по ст. 110.1 УК РФ – это прямое, адресное внушение, предложение, подстрекательство к конкретному действию – лишению себя жизни. Способами склонения могут быть уговоры, подкуп, обман, которые не подпадают под «закрытый» перечень ст. 110 УК РФ. На практике часто наблюдается сочетание этих методов.

Отграничение от убийства (ст. 105 УК РФ) и доведения до смерти по неосторожности (109 УК РФ). Если виновный, желая смерти потерпевшего, использует его как «орудие» в своих руках, манипулируя им для совершения суицида, при наличии доказательств прямого умысла на лишение жизни, действия могут быть переквалифицированы на убийство. Сложности возникают при разграничении с причинением смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ), когда виновный, применяя насилие или угрозы, не предвидел суицидального исхода, хотя должен был и мог это предвидеть.

Совершенствование законодательной техники. Представляется целесообразным уточнить в Постановлении Пленума ВС РФ разъяснения относительно содержания понятий «жестокое обращение» и «систематическое унижение человеческого достоинства», приведя примеры из современной судебной практики, в том числе с учётом особенностей восприятия несовершеннолетних.

Необходима разработка и внедрение специализированных методических рекомендаций по расследованию дел по ст. 110 УК РФ, уделяющих особое внимание: работе с психологическим состоянием потерпевшего (посмертно), сбору свидетельских показаний о характере отношений; использованию возможностей судебных экспертиз (психологических, комплексных психолого-психиатрических, лингвистических) для анализа характера воздействия виновного; активному привлечению специалистов (психологов, психиатров) уже на этапе проверки.

Важным представляется и профилактика, которая должна быть нацелена на раннее выявление ситуаций систематического психологического насилия в семье, учебных заведениях, трудовых коллективах. Ключевую роль здесь играют не правоохранительные органы, а учреждения образования, социальной защиты, здравоохранения, которые должны быть объединены эффективными механизмами межведомственного взаимодействия для оперативного реагирования на признаки доведения до суицидального состояния.

Заключение. Доведение до самоубийства без использования интернета остается опасным и сложным для раскрытия преступлением, основанным на глубоком психологическом насилии и манипуляции в рамках доверительных или зависимых отношений. Несмотря на цифровизацию общества, арсенал способов такого воздействия (угрозы, жестокое обращение, унижение) не устарел, а лишь адаптировался к современным социальным реалиям. Преодоление высокой латентности и эффективная квалификация данных деяний требуют не только совершенствования законодательных дефиниций, но и существенного повышения криминалистической грамотности следователей, развития специализированных экспертных методик и построения действенной системы ранней профилактики на межведомственной основе. Только комплексный подход, рассматривающий офлайн-склонение к суициду как многогранную социально-правовую проблему, а не как архаичный пережиток, позволит обеспечить действенную защиту права человека на жизнь и достоинство.

Список литературы:

[1] Озеров И.Н., Сааков Т.А. Некоторые тактические особенности первоначального этапа раскрытия и расследования преступлений, связанных с доведением до самоубийства посредством сети «Интернет» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 4 (56). С. 94–98.

[2] Путилова Е.О., Примак А.А. Характеристика способов совершения доведения и склонения до самоубийства // Сборник научных трудов. 2023. С. 1–7.

[3] Апкаев Д.М., Семенов С.А. Доведение до самоубийства несовершеннолетних // StudNet. 2021. № 9. С. 1–12.

[4] Лукки Е.В., Фоменко Е.Д. Причины и условия совершения преступлений, связанных со склонением к самоубийству и содействию совершения самоубийства, криминологическая характеристика // Научный журнал. 2025. Т. 134. С. 134–138.

[5] Цыркалюк А.А. О природе доведения до самоубийства // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 1–3.

[6] Мальцева О.А., Чаплыгина А.Д. Особенности предотвращения доведения до самоубий-

ства и склонения к совершению самоубийства несовершеннолетних в сети интернет // Современная наука. 2021. № 1. С. 21–23.

[6] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

References:

[1] Ozerov I.N., Saakov T.A. Some tactical features of the initial stage of disclosure and investigation of crimes related to suicide through the Internet// Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4 (56). S. 94-98.

[2] Putilova E.O., Primak A.A. Characteristics of methods of bringing and inducement to suicide//Collection of scientific works. 2023. S. 1-7.

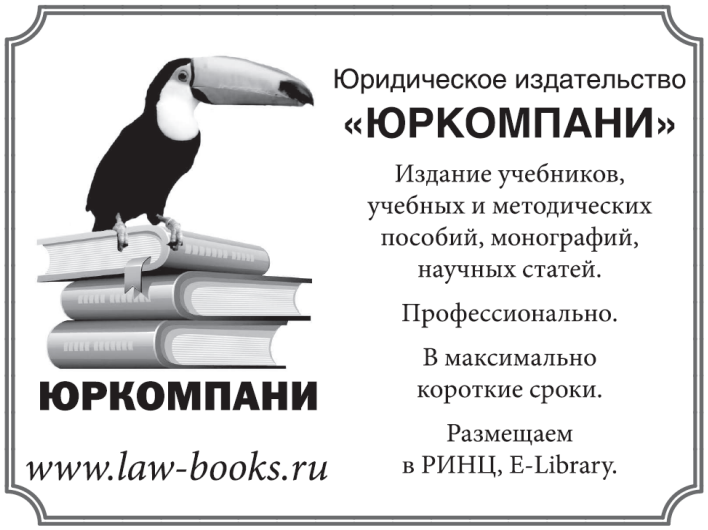
[3] Apkaev D.M., Semenov S.A. Driving minors to suicide//StudNet. 2021. № 9. S. 1-12.

[4] Lucca E.V., Fomenko E.D. Reasons and conditions for committing crimes related to incitement to suicide and assistance in committing suicide, criminological characteristics//Scientific journal. 2025. T. 134. S. 134-138.

[5] Tsyrkalyuk A.A. On the nature of driving to suicide//Bulletin of the University of Tambov. Series: Humanities. 2011. № 1. S. 1-3.

[6] Maltseva O.A., Chaplygina A.D. Features of preventing suicide and inducement to commit suicide of minors on the Internet//Modern science. 2021. № 1. S. 21-23.

[6] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 04.08.2023) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-266-269

БОРОВКОВА Инесса Степановна,
заместитель начальника кафедры
правовой и гуманитарной подготовки
Тверского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ИСАИЧЕВА Мария Михайловна,
старший преподаватель кафедры административного права и
административной деятельности в органах внутренних дел
Омской академии МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

БЕЛОВ Владимир Анатольевич,
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки,
Волгодонский филиал ФГКОУ ВО РЮИ МВД России,
майор полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Аннотация. *Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с совершением злоупотреблений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. В статье рассмотрен вопрос открытости проблемы роста преступности в указанной сфере, рассмотрение теоретические и практические аспекты применения норм, устанавливающих уголовную и административную ответственность за злоупотребления в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, а также приведено обоснование формирования системы мер уголовно-правовой охраны контрактных отношений.*

Ключевые слова: *коррупция, государственные закупки, контракт, хищение, уголовная ответственность, государственная власть.*

BOROVKOVA Inessa Stepanovna,
Deputy Head of the Department of Legal and Humanitarian Training
of the Tver Branch of the Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot,
Candidate of Law, Police Colonel

ISAICHEVA Maria Mikhailovna,
Senior Lecturer at the Department of Administrative
Law and Administrative Activities in the Internal Affairs Bodies
of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

BELOV Vladimir Anatolyevich,
lecturer at the Department of Tactical and Special Training,
Volgodonsk branch of the Federal State Educational Institution
of Higher Education of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Major

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CRIMES IN THE FIELD OF PROCUREMENT FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS

Annotation. *The object of research is public relations arising in connection with the commission of abuses in the field of procurement of goods, works, and services to meet state or municipal needs. The article considers the issue of openness to the problem of crime growth in this area, examines the theoretical and practical aspects of the application of norms establishing criminal and administrative liability for abuses in the field of procurement for state and municipal needs, and provides a justification for the formation of a system of measures for the criminal protection of contractual relations.*

Key words: *corruption, public procurement, contract, embezzlement, criminal liability, state power.*

Роль государства в экономическом обороте нашей страны весьма велика. Закупая товары, работы и услуги для государственных нужд, государство принимает активное участие в развитии экономических отношений. Указанный их вид является средством обеспечения основных направлений деятельности государства, которые определяют его роль и значение для общества. При этом конечной целью указанного процесса является обеспечение развития страны и благополучие ее граждан. Ввиду этого нарушения законодательства в сфере государственных закупок, как посягающие на интересы отдельных граждан и общества в целом, должны подлежать отдельному учету и тщательному анализу в разрезе причин и условий, способствующих их совершению и выработки стратегии борьбы с указанными видами противоправных посягательств.

Преступления в сфере государственных закупок образуют специальную категорию уголовно наказуемых деяний, введенную в Уголовный кодекс Российской Федерации [1] (далее – УК РФ) относительно недавно, в 2018 году, с целью усиления антикоррупционного контроля в контрактной системе и обеспечения прозрачности использования бюджетных средств, регулируемых Федеральными законами № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». Объектом этих преступлений выступают общественные отношения, направленные на поддержание добросовестной конкуренции, рациональное расходование государственных ресурсов и предотвращение злоупотреблений в процессе формирования начальной (максимальной) цены контракта (далее – НМЦК), проведения аукционов, оценки заявок и приемки результатов. Специфика таких составов заключается в их ориентации на ключевые этапы закупочного цикла, где коррупционные риски максимальны, а классификация позволяет разделить их на деяния, совершаемые представителями заказчика (злоупотребления властью в контрактной службе или комиссии) и участниками рынка (подкуп для получения преимуществ или провокация для устранения конкурентов). Граница между уголовной ответственностью и административной, установленной Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях [2] (далее – КоАП РФ) проходит по размеру причиненного ущерба: если он не достигает крупного (свыше 2,25 млн рублей), срабатывают нормы об административных правонарушениях, такие как нарушение порядка определения НМЦК или включения в реестр недобросовестных поставщиков, что подчеркивает ступенчатый подход к ответственности в сфере государственных закупок.

УК РФ содержит статьи, которые напрямую предусматривают уголовную ответственность за совершение преступных деяний при осуществлении закупок для государственных нужд. Несмотря на коррупционную направленность рассматриваемых видов противоправных деяний, величину ущерба, причиняемого государству, преступления в сфере государственных закупок не выделяются как из общего массива статистических данных, размещенных на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, не позволяя определить количество уголовных дел по статьям 200.4, 200.5, 304 УК РФ, так и из статистики, подготовленной Генеральной прокуратурой Российской Федерации и размещенной в виде ежемесячных сборников о состоянии преступности в России. Указанные официальные источники о состоянии преступности в целом, а также отдельных его видов, какими и являются преступления в сфере государственных закупок, не дают широкому кругу их читателей доступа к интересующей информации. Таким образом отсутствует прозрачность в области состояния преступности в сфере государственных закупок, что что становится поводом для растущего недоверия государственной власти со стороны граждан.

По размещенным в официальных источниках отдельным докладам руководителей правоохранительных органов, возможно сделать вывод о том, что за последние пять лет количество преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд выросло почти в два раза. Если в 2017–2018 годах фиксировалось 500–600 преступлений, то в 2022 году их число превысило 1100, из которых 738 были коррупционными. Ущерб от таких преступлений в 2022 году составил более 6 млрд рублей. По информации Счётной палаты РФ, объём нарушений в сфере государственных и корпоративных закупок также демонстрировал рост: с 53,05 млрд рублей в 2016 году до 362 млрд рублей в 2020 году. В 2024 году ФАС России выявила 17 637 нарушений законодательства в области государственного заказа. За первое полугодие 2024 года более 200 компаний были отстранены от государственных закупок за попытки подкупа чиновников, на них были наложены штрафы на общую сумму почти 400 млн рублей. Из приведенных сведений можно сделать вывод о беспомощности государственных органов, в том числе органов правопорядка и серьезной их недоработке в сфере борьбы с коррупцией.

С целью стабилизации сложившейся обстановки в исследуемой области, следует выработать стратегию борьбы с преступностью в сфере государственных закупок, для чего провести детальный анализ основных видов преступлений, в числе которых находятся:

1. Злоупотребления в сфере закупок (ст. 200.4 УК РФ).

Злоупотребления в сфере закупок, предусмотренные статьей 200.4 УК РФ, направлены на пресечение коррупционных действий внутри системы государственных и муниципальных закупок, где субъект преступления — специальный: работник контрактной службы, контрактный управляющий, член комиссии по осуществлению закупок или лицо, ответственное за приемку товаров, работ, услуг в соответствии с Федеральным законом № 44-ФЗ. Объективная сторона состава включает нарушение требований законодательства о контрактной системе, совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности, такое как необоснованное завышение НМЦК, искусственное ограничение конкуренции путем установления дискриминационных условий в документации, допуск к участию в аукционе заведомо неподходящих поставщиков или приемка некачественных результатов исполнения контракта без фиксации нарушений. Квалифицирующим признаком выступает причинение крупного ущерба (свыше 2,25 млн рублей), без которого деяние квалифицируется как административное правонарушение по КоАП РФ (например, по ст. ст. 7.29–7.32), а при особо крупном ущербе (свыше 9 млн рублей) или совершении в группе лиц ответственность усиливается; примечательно, что состав не требует доказательства получения выгоды, достаточно личной заинтересованности, что делает его инструментом борьбы с скрытыми схемами в реестре недобросовестных поставщиков или при формировании технического задания.

2. Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок (ст. 200.5 УК РФ).

Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок, закрепленный в статье 200.5 УК РФ, является адаптированной формой коммерческого подкупа, ориентированной на коррупцию в сфере государственных и муниципальных закупок по Федеральному закону № 44-ФЗ, где состав охватывает как дачу, так и получение незаконного вознаграждения в виде денег, ценных бумаг, имущества или услуг имущественного характера за совершение действий (или бездействие) в интересах дающего в рамках закупочного процесса. Субъектом получения подкупа выступает представитель заказчика — работник контрактной службы, контрактный управляющий или член комиссии, а дачи — любой участник рынка, стремящийся к преимуществам, таким как лоббирование победы в аукционе, игнорирование нарушений при оценке заявок или сокрытие недостатков при приемке; цель подкупа обычно связана с манипуляцией НМЦК, включением в реестр недобросовестных поставщиков конкурентов или необоснованным продлением контракта. Ответственность дифференцирована: за дачу подкупа — штраф до трехкратной суммы или лишение свободы до трех лет, за получение — до семи лет с крупным штрафом; примечание к статье позволяет освободить от ответственности дающего подкуп, если он активно способствовал раскрытию преступления или стал жертвой вымогательства, что стимулирует сотрудничество с правоохранителями и отличает этот состав от административных нарушений в КоАП РФ, где ущерб меньше порога уголовной ответственности.

3. Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок (ст. 304 УК РФ).

Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок, предусмотренная статьей 304 УК РФ, относится к преступлениям против правосудия и представляет собой умышленную попытку передачи должностному лицу

или представителю контрактной службы денег, ценных бумаг, имущества или услуг без его согласия либо подбрасывание таких ценностей с целью искусственного создания доказательств совершения коррупционного преступления или последующего шантажа. В контексте государственных закупок по Федеральному закону № 44-ФЗ это часто используется как инструмент недобросовестной конкуренции для дискредитации принципиальных контрактных управляющих, членов комиссии или конкурентов, например, путем подбрасывания взятки во время оценки заявок или приемки товаров, чтобы инициировать уголовное преследование и исключить «неудобного» участника из реестра поставщиков или сорвать аукцион. Объективная сторона состава подразумевает отсутствие реального согласия получателя и отсутствие фактического совершения коррупционного деяния, что отличает провокацию от легитимного оперативно-розыскного эксперимента, проводимого правоохранительными органами с соблюдением закона; субъект — общий, а наказание — до пяти лет лишения свободы с возможным штрафом. В отличие от административных нарушений в КоАП РФ, связанных с процедурными ошибками в закупках, эта статья фокусируется на манипуляции доказательствами, подчеркивая защиту добросовестных участников от искусственно созданных обвинений в коррупции.

Данный перечень статей является далеко не исчерпывающим. Преступления исследуемого вида в зависимости от обстоятельств их совершения, могут быть квалифицированы также по признакам иных составов преступлений, в том числе по статьям 159, 294, 285, 286, 290 УК РФ.

Список литературы:

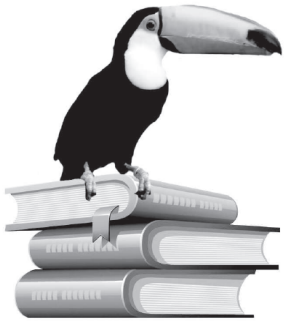
[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.12.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996 - № 25. - Ст. 2954.

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2026) // Собрание законодательства РФ. - 2002 - № 1 (ч. 1). ст.1.

References:

[1] The Criminal Code of the Russian Federation of 12/13/1996 N 63-FZ (as amended on 12/29/2025) (as amended and supplemented, intro. effective from 01/20/2026) // Collection of legislation of the Russian Federation. - 1996 - No. 25. - Art. 2954.

[2] The Code of Administrative Offences of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on December 29, 2025) (as amended and supplemented, intro. effective from 09.01.2026) // Collection of legislation of the Russian Federation. - 2002 - No. 1 (part 1). art. 1.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.01.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-270-274
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, кандидат психологических наук,
профессор, главный научный сотрудник ФКУ
научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ПРАВОВЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ К ТРУДУ

Аннотация. *Целью исследования явились правовые и психологические вопросы привлечения подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся под стражей в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы к труду. Для ее осуществления использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение, с помощью которых изучались особенности привлечения подозреваемых и подозреваемых к труду, содержащиеся в национальном уголовно-исполнительном и трудовом законодательстве, ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России. Привлечение подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в СИЗО УИС, является реализацией их права на труд, гарантированного Конституций РФ, трудовым и уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации. Труд подозреваемых и обвиняемых осуществляет следующие общественно-полезные функции: обеспечивает содержащихся под стражей средствами к существованию; способствует развитию их личности, формированию положительных психологических характеристик и купированию негативных; совершенствует волевые качества подозреваемых и обвиняемых (дисциплинированности, исполнительности, организованности); создает материальные блага, имеющие общественно-полезное значение. Привлечение к труду подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в СИЗО УИС, существенно отличается от организации труда осужденных, оставленных в СИЗО для отбывания наказания по обеспечению хозяйственного обслуживания учреждения, а также осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Закон гарантирует, что условия труда подозреваемых и обвиняемых должны отвечать требованиям безопасности, санитарии и гигиены, а сами лица вправе получать за свой труд соответствующее вознаграждение. Их заработная плата, после предусмотренных трудовым законодательством Российской Федерации удержаний, перечисляется на лицевые счета. Привлечение подозреваемых и обвиняемых к общественно полезному труду играет важное психологическое значение, поскольку позволяет развивать позитивные свойства и качества личности, преодолевать и купировать негативные психические состояния, обостряющиеся у подозреваемых и обвиняемых при их содержании в СИЗО. Повышать их социальную адаптацию к условиям содержания под стражей. Способствует эффективной реализации принципов содержания под стражей, закрепленных в ФЗ № 103 1995 г., успешному осуществлению различных видов профессиональной деятельности сотрудников служб и подразделений СИЗО (надзорной, контрольной, воспитательной, психологической).*

Ключевые слова: *подозреваемые, обвиняемые, содержание под стражей, привлечение к труду, условия труда, следственные изоляторы, уголовно-исполнительная система.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific
Research Institute Federal Penitentiary Service of Russia

LEGAL AND PSYCHOLOGICAL ISSUES OF BRINGING SUSPECTS AND ACCUSED TO WORK

Annotation. *The purpose of the study was the legal and psychological issues of attracting suspects and accused of committing crimes detained in pre-trial detention facilities of the penal system to work. For its*

implementation, the dialectical method of cognition and other well-known methods of logical cognition (general scientific and private scientific) were used: analysis, synthesis, comparison, analogy, generalization, sociological survey, observation, with the help of which the peculiarities of attracting suspects and suspects to work contained in the national penal and labor legislation, departmental legal acts of the Ministry of Justice were studied. and the Federal Penitentiary Service of Russia. The involvement of suspects and accused persons in the commission of crimes held in the pre-trial detention center is the realization of their right to work, guaranteed by the Constitutions of the Russian Federation, labor and penal enforcement legislation of the Russian Federation. The work of suspects and accused persons performs the following socially useful functions: provides detainees with means of livelihood; promotes the development of their personality, the formation of positive psychological characteristics and the relief of negative ones; improves the volitional qualities of suspects and accused (discipline, efficiency, organization); creates material goods of socially useful importance. The involvement of suspects and accused persons in the commission of crimes held in the pre-trial detention center differs significantly from the organization of labor of convicts left in the pre-trial detention center to serve their sentences to provide economic services to the institution, as well as convicts serving sentences in the form of imprisonment. The law guarantees that the working conditions of suspects and accused persons must meet the requirements of safety, sanitation and hygiene, and the persons themselves have the right to receive appropriate remuneration for their work. Their wages, after deductions provided for by the labor legislation of the Russian Federation, are transferred to personal accounts. The involvement of suspects and accused persons in socially useful work plays an important psychological role, since it allows them to develop positive personality traits and qualities, overcome and stop negative mental states that worsen in suspects and accused persons during their detention in a pre-trial detention center. To increase their social adaptation to the conditions of detention. It promotes the effective implementation of the principles of detention enshrined in Federal Law No. 103 of 1995, and the successful implementation of various types of professional activities of employees of SIZO services and units (supervision, control, educational, psychological).

Key words: *suspects, accused, detention, employment, working conditions, pre-trial detention centers, penal enforcement system.*

Введение. Труд подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся под стражей в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы (далее СИЗО УИС) можно рассматривать как целенаправленную сознательную деятельность в процессе которой прилагаются физические и умственные усилия для создания материальных и духовных ценностей, удовлетворяющих их индивидуальные, а также общественные потребности. Он должен в полной мере соответствовать положениям части третьей статьи 37 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда [1]. Государственным гарантиям трудовых прав и свобод граждан, созданию благоприятных условий труда, защите прав и интересов работников и работодателей в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации (статьей первой Трудового кодекса РФ) [2].

Труд подозреваемых и обвиняемых осуществляет следующие общественно-полезные функции:

– обеспечивает содержащихся под стражей средствами к существованию;
– способствует развитию их личности, формированию положительных психологических характеристик и купированию негативных [3, с. 390-395];
– совершенствует волевые качества подозреваемых и обвиняемых (дисциплинированности, исполнительности, организованности);
– создает материальные блага, имеющие общественно-полезное значение.

Таким образом, образом организация труда подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в СИЗО УИС, является реализацией их права на труд, гарантированного Конституций РФ, трудовым и уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации [4]. Нуждается в комплексном междисциплинарном анализе.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых и психологических вопросов привлечения подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся под стражей в СИЗО УИС к труду. Для ее осуществления использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение, с помощью которых изучались особенности привлечения подозреваемых и подозреваемых к

труду, содержащиеся в национальном уголовно-исполнительном и трудовом законодательстве, ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России.

Основные результаты. Теоретико-правовое исследование показало, что правовые и психологические вопросы привлечения подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в СИЗО УИС регламентированы Федеральным законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ, а также Правилами внутреннего распорядка СИЗО УИС, утвержденными Приказом Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» [5, с. 229-235].

Привлечение к труду подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в СИЗО УИС, существенно отличается от организации труда осужденных, оставленных в СИЗО для отбывания наказания по обеспечению хозяйственного обслуживания учреждения, а также осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы [6]. Первостепенными требованиями привлечения к труду подозреваемых и обвиняемых, согласно статье 27 ФЗ № 103 1995 года выступают:

- наличие соответствующих труду условий на территории СИЗО УИС (в первую очередь материально-технической и производственной базы);
- желание подозреваемых и обвиняемых трудиться, находясь под стражей в указанных учреждениях.

При этом закон гарантирует, что условия труда подозреваемых и обвиняемых должны отвечать требованиям безопасности [7, с. 234-239]. Санитарии и гигиены, а сами лица вправе получать за свой труд соответствующее вознаграждение [8]. Их заработная плата, после предусмотренных трудовым законодательством Российской Федерации удержаний, перечисляется на лицевые счета [9].

СИЗО УИС наделяются ФЗ № 103 1995 г. правом осуществления производственной деятельности для привлечения подозреваемых и обвиняемых к труду. Доходы от ее осуществления, после уплаты обязательных платежей в соответствующие бюджеты используются для улучшения условий содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых, а также на развитие социальной сферы СИЗО [10].

Таким образом, привлечение подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в СИЗО УИС к общественно полезному труду, не имеет не только ярко выраженное правовое содержание, регулируется законодательством Российской Федерации и ведомственными правовыми актами Минюста России, но играет важное психологическое значение для рассматриваемой категории лиц. Позволяет развивать позитивные свойства и качества личности. Преодолевать и купировать такие негативные психические состояния, обостряющиеся у подозреваемых и обвиняемых при их содержании в СИЗО как стресса, депрессии и фрустрации, суицидальных наклонностей [11, с. 20-23]. Повышать их социальную адаптацию к условиям содержания под стражей [12, с. 81-83]. В ситуации значительного ограничения прав и свобод (на свободное передвижение, контактов с социальным окружением, пользование различными материальными благами и др.).

Общественно-полезный труд подозреваемых и обвиняемых способствует эффективной реализации принципов содержания под стражей, закрепленных в ФЗ № 103 1995 года [13, с. 198-204]. Успешному осуществлению различных видов профессиональной деятельности сотрудников служб и подразделений СИЗО (надзорной, контрольной, воспитательной, психологической) [14, с. 243-248].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами:

- VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний»;
- V Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» (приуроченном к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий)., состоявшемся 17-19.10.2021 г. в Академии ФСИН России. Доклад на тему «Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправительных колониях уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования»;
- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уго-

ловно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;

– 6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития».

Заключение. Привлечение подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в СИЗО УИС, является реализацией их права на труд, гарантированного Конституций РФ, трудовым и уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации.

Труд подозреваемых и обвиняемых осуществляет следующие общественно-полезные функции: обеспечивает содержащихся под стражей средствами к существованию; способствует развитию их личности, формированию положительных психологических характеристик и купированию негативных; совершенствует волевые качества подозреваемых и обвиняемых (дисциплинированности, исполнительности, организованности); создает материальные блага, имеющие общественно-полезное значение.

Привлечение к труду подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в СИЗО УИС, существенно отличается от организации труда осужденных, оставленных в СИЗО для отбывания наказания по обеспечению хозяйственного обслуживания учреждения, а также осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Закон гарантирует, что условия труда подозреваемых и обвиняемых должны отвечать требованиям безопасности, санитарии и гигиены, а сами лица вправе получать за свой труд соответствующее вознаграждение. Их заработная плата, после предусмотренных трудовым законодательством Российской Федерации удержаний, перечисляется на лицевые счета.

Привлечение подозреваемых и обвиняемых к общественно полезному труду играет важное психологическое значение, поскольку позволяет развивать позитивные свойства и качества личности, преодолевать и купировать негативные психические состояния, обостряющиеся у подозреваемых и обвиняемых при их содержании в СИЗО. Повышать их социальную адаптацию к условиям содержания под стражей. Способствует эффективной реализации принципов содержания под стражей, закрепленных в ФЗ № 103 1995 г., успешному осуществлению различных видов профессиональной деятельности сотрудников служб и подразделений СИЗО (надзорной, контрольной, воспитательной, психологической). Нуждается в дальнейшем комплексном изучении, междисциплинарном анализе с позиций уголовно-исполнительного права, пенитенциарной педагогики и пенитенциарной психологии [15, с. 94-97].

Список литературы:

[1] «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Consultant.ru (дата обращения 03.01.2026).

[2] «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025) // Consultant.ru (дата обращения 03.01.2026).

[3] Ковалев О.Г. Воспитательно-профилактическое воздействие на осужденных к лишению свободы, оставленных в следственном изоляторе для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию // Международный научный вестник. 2025. № 11. С. 390-395.

[4] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[5] Ковалев О.Г. Роль правил внутреннего распорядка следственных изоляторов в правоохранительной и правозащитной деятельности, реализуемой в местах содержания под стражей // Международный научный вестник. 2025. № 11. С. 229-235.

[6] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[7] Ковалев О.Г. Реализация права подозреваемых и обвиняемых на личную безопасность в местах содержания под стражей // Российский научный вестник. 2025. № 2. С. 234-239.

[8] Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ // Consultant.ru (дата обращения 03.01.2026).

[9] Комментарий к трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) / Шевченко О.А., Сулейманова Ф.О, Шония Г.В., Кудряшова С.Н. (Издание шестое) Москва, 2024.

[10] Комментарий к Федеральному закону от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (2-е издание переработанное и дополненное) / Бельянинова Ю.В., Кузьмин В.А. Саратов, 2015.

[11] Баламут А.Н., Ковалев О.Г., Дикопольцев Д.Е. Теоретический анализ комплексных психокоррекционных программ, направленных на суицидальную превенцию подозреваемых, обвиняемых и осужденных (организационный, социальный и психологический аспекты) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 1. С. 20-23.

[12] Ковалев О.Г. Педагогические и правовые проблемы социальной адаптации осужденных // Перспективы науки. 2024. № 9 (180). С. 81-83.

[13] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Принципы содержания под стражей и их влияние на обеспечение прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых (сравнительно-правовой анализ) // Международный научный вестник. 2025. № 11. С. 198-204.

[14] Иконников Д.С., Ковалев О.Г. Современные подходы обеспечения надзора в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы: организационно-правовой и психологический анализ // Право и управление. 2024. № 8. С. 243-248.

[15] Ковалев О.Г. Пенитенциарная педагогика и уголовно-исполнительное право // В сборнике: Актуальные проблемы исправления осужденных: криминологические, психологические и педагогические аспекты. Сборник статей круа глого стола. Тверь, 2025. С. 94-97.

References:

[1] “The Constitution of the Russian Federation” (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // Consultant.ru (date of application 03.01.2026).

[2] “Labor Code of the Russian Federation” dated 30.12.2001 No. 197-FZ (as amended on 29.09.2025) // Consultant.ru (accessed 03.01.2026).

[3] Kovalev O.G. Educational and preventive impact on persons sentenced to imprisonment who were left in a pre-trial detention facility to perform household maintenance work // International Scientific Bulletin. 2025. No. 11. pp. 390-395.

[4] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[5] Kovalev O.G. The role of the internal regulations of pre-trial detention facilities in law enforcement and human rights activities carried out in places of detention // International Scientific Bulletin. 2025. No. 11. pp. 229-235.

[6] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

[7] Kovalev O.G. Realization of the right of suspects and accused persons to personal safety in places of detention // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 2. pp. 234-239.

[8] Federal Law No. 103-FZ dated July 15, 1995 “On the detention of suspects and accused of committing crimes” // Consultant.ru (accessed 03.01.2026).

[9] Commentary to the Labor Code of the Russian Federation (article-by-article) / Shevchenko O.A., Suleymanova F.Oh, Shonia G.V., Kudryashova S.N. (Sixth edition) Moscow, 2024.

[10] Commentary to Federal Law No. 103-FZ dated 07/15/1995 “On the detention of suspects and accused of committing crimes” (2nd edition revised and supplemented) / Belyaninova Yu.V., Kuzmin V.A. Saratov, 2015.

[11] Balamut A.N., Kovalev O.G., Dikopoltsev D.E. Theoretical analysis of complex psychocorrective programs aimed at suicidal prevention of suspects, accused and convicted (organizational, social and psychological aspects) // Penal enforcement system: law, economics, management. 2023. No. 1. pp. 20-23.

[12] Kovalev O.G. Pedagogical and legal problems of social adaptation of convicts // Perspectives of science. 2024. No. 9 (180). pp. 81-83.

[13] Kovalev O.G., Semenova N.V. Principles of detention and their impact on ensuring the rights and legitimate interests of suspects and accused (comparative legal analysis) // International Scientific Bulletin. 2025. No. 11. pp. 198-204.

[14] Ikonnikov D.S., Kovalev O.G. Modern approaches to supervision in pre-trial detention facilities of the penal system: organizational, legal and psychological analysis // Law and Management. 2024. No. 8. pp. 243-248.

[15] Kovalev O.G. Penitentiary pedagogy and penal enforcement law // In the collection: Current problems of convict correction: criminological, psychological and pedagogical aspects. Collection of articles of the round table. Tver, 2025. pp. 94-97.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-275-279

КУЛБУЖЕВА Зара Ибрагимовна,
Кандидат юридических наук,
доцент кафедрыд «Уголовное право и процесс»
Ингушского государственного университета,
e-mail: mail@law-books.ru

МОШЕННИЧЕСТВО: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. *Отправным пунктом для написания данной статьи послужила актуальная статистика по вопросам распространенности такого вида преступного деяния как мошенничество. Согласно статистическим данным, приводимым пресс-службой Генеральной прокуратуры, за пять лет (2019-2024 гг.) удельный вес мошенничества в структуре преступности вырос почти в два раза и достиг 23,3 %. Более того, только за 2023 г. произошел особенно резкий скачок – на 27,6 % к уровню предыдущего года. В связи с этим естественным является интерес автора к тому, как именно решаются правовые аспекты квалификации мошенничества в современном уголовном праве, что составило цель работы. Автор останавливает свое внимание на некоторых, особенно актуальных в настоящее время, предпосылках роста преступлений по типу мошенничества, упоминая, в частности феномен «работающих бедных», что значительно увеличивает статистику экономических преступлений. Также в статье рассмотрены вопросы терминологии и квалификации мошенничества в современном уголовном праве. Изложены тенденции, вектором которых является включение новых видов мошенничества в законодательную базу. Кроме того, автор вносит свои предложения по вопросам рационального подхода к учету реалий цифрового общества и создания не только теоретической, но и методической базы по вопросам правоприменения положений Уголовного кодекса сотрудниками правоохранительных органов.*

Ключевые слова: *хищение; мошенничество; кибермошенничество; злоупотребление доверием; признаки квалификации мошенничества; дифференциация состава преступления при разных видах мошенничества*.

KULBUZHEVA Zara Ibragimovna,
PhD in Law, Associate Professor,
Department of Criminal Law and Procedure,
Ingush State University

FRAUD: LEGAL ASPECTS AND MODERN TRENDS IN CRIMINAL PROSECUTION

Annotation. *The starting point for this article was current statistics on the prevalence of fraud, a criminal offense. According to statistics provided by the press service of the Prosecutor General's Office, over the five years (2019-2024), the share of fraud in the crime structure nearly doubled, reaching 23.3%. Moreover, in 2023 alone, there was a particularly sharp increase – 27.6% compared to the previous year. Therefore, the author's interest in how the legal aspects of fraud classification are addressed in modern criminal law is natural, which constitutes the purpose of this work. The author focuses on certain particularly relevant factors driving the rise in fraud-type crimes, mentioning in particular the phenomenon of the "working poor," which significantly increases the statistics of economic crimes. The article also examines the terminology and classification of fraud in modern criminal law. Trends leading to the inclusion of new types of fraud in the legislative framework are outlined. In addition, the author makes his proposals on issues of a rational approach to taking into account the realities of the digital society and the creation of not only a theoretical but also a methodological basis for the enforcement of the provisions of the Criminal Code by law enforcement officials.*

Key words: *theft; fraud; cyber fraud; breach of trust; signs of fraud qualification; differentiation of the elements of the crime for different types of fraud.*

Как известно, человеческая деятельность отличается значительным разнообразием, которое прослеживается и в правовой сфере, имеющей непосредственное отношение к тому или иному виду деятельности. Логично, что многие виды деятельности тесным образом связаны с институтом собственности, на протяжении многих веков прошедшей трансформацию от родовой к частной и приобретшей широкое разнообразие форм. Очевидно и то, что фактически вокруг любого явления общественной жизни формируется и своего рода криминальная сфера. Не является исключением и экономическая сфера, большинство преступлений в которой представляют собой тот или иной способ посягательства на собственность. К таким преступлениям можно отнести кражу, мошенничество, а в современных условиях и кибермошенничество, разбой, грабеж, взяточничество. Экономическая преступность находится в процессе постоянной трансформации, чтобы «соответствовать веяниям времени» и фактически проникать во все сферы жизни людей, поскольку они неизбежно являются постоянными участниками той или иной формы экономической деятельности. Более того, статистика такова, что порядка 80 % совершаемых на территории нашей страны преступлений относится к категории экономических [1, с. 563]. Что касается распространенности мошенничества, то достаточно открыть любой новостной сайт и прочитать заголовки: «В ОП рассказали о пике мошенничества в новогодние праздники» («РБК» от 7 января 2026 г.); «МВД сообщило о схемах мошенников с поддельными приложениями для банков» («Известия» от 8 января 2026 г.); «Почти 30 россиян застряли во Вьетнаме из-за мошенничества турагента» («Аргументы и факты» от 9 января 2026 г.) и это даже не верхушка айсберга, а случайным образом появившиеся заголовки в ответ на запрос по теме «мошенничество». В связи с этим цель данной статьи заключается в изучении феномена мошенничества как одного из противоправных деяний в русле правовых аспектов и современных тенденций уголовного преследования.

Следует отметить, что мошенничество, будучи многоплановым явлением, подробно изучалось и изучается специалистами разных отраслей науки и практики: психологами, социологами, экономистами, правоведами, специалистами в сфере компьютерной безопасности, что вполне закономерно. Так, с психологической точки зрения интересным является изучение с одной стороны побудительных мотивов и психологии самих мошенников, а с другой – своего рода предрасположенность к тому, чтобы быть обманутыми, со стороны жертв. С позиции экономики и кибербезопасности на современном этапе особенно важным становится выявление новых мошеннических схем и их предотвращение для минимизации экономических и финансовых последствий, поскольку мошенничество охватывает не только реальную, но и виртуальную среду. Что касается изучения различных правовых аспектов мошенничества, то здесь следует отметить работы таких специалистов как А.С. Андреев (посткриминальная деятельность); И.О. Автандилова (проблемы отграничения мошенничества от смежных преступлений); А.И. Бойцов (виды преступлений против собственности); А.В. Варданян (цифровые технологии в мошеннических схемах, систематизация цифровых методов борьбы с дистанционными хищениями); М.И. Третьяк (взгляды на мошенничество в современном уголовном праве); А.К. Щербаченко (борьба с мошенничеством и ее криминалистическое обеспечение, методики расследования мошенничества) и других.

Начиная рассматривать непосредственно правовые аспекты мошенничества, в первую очередь следует определиться с самим термином. Приведем любопытный факт: слово «мошенничество» используется в русском языке с XVI в. и имеет исконно славянские корни, поскольку происходит от слова «мошьна», т.е. кошелек [2]. Первоначальное слово имело прямое значение, поскольку мошенниками именовали карманников, похищавших кошельки. На правовом уровне в нашей стране термин «мошенничество» впервые получил свое закрепление еще в уголовном кодексе РСФСР 1922 г., «переходя» в дальнейшем в новые редакции уголовного кодекса на протяжении советской истории и позже – в современный Уголовный кодекс, принятый в июне 1996 г. и действующий в настоящее время в его последней редакции. В данном документе мошенничество определяется как «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием» и регулируется положениями ст. 159. И вот здесь необходимо четко видеть грань между утилитарным пониманием мошенничества, поскольку на обиходном уровне этим словом часто обозначают практически любой обман. С юридической точки зрения разница принципиальная. Опираясь на представленное ранее определение мошенничества по ст. 159 Уголовного кодекса, приходим к пониманию, что ключевым является факт, что мошенничество – это в первую очередь хищение. Говоря простым языком, при отсутствии хищения или приобретения прав на чужое имущество факт мошенничества также отсутствует, даже если присутствовал обман или же злоупотребление доверием.

В.И. Саркисов обращает внимание на то, что обман или злоупотребление доверием при отсутствии факта хищения квалифицируется по

другим статьям Уголовного кодекса. Например, по ст. 165 – если обман или злоупотребление привели к причинению имущественного ущерба; по ст. 167 – когда обман или злоупотребление доверием стали причиной умышленного уничтожения имущества; по ст. 176 – в случае обмана для незаконного получения кредита [3]. Таким образом, с правовой позиции для квалификации действия в качестве мошенничества требуется выполнение ряда условий:

- наличие факта перехода имущества или права на владение им от законного собственника к виновному;
- противоправный характер такого перехода имущества или прав на него;
- безвозмездность перехода имущества или прав на имущество (например, при похищении имущества с последующей оплатой его стоимости потерпевшему факт мошенничества отсутствует, поскольку речь не идет о хищении);
- хищением должен быть причинен ущерб его собственнику; это несет смысловую нагрузку в том плане, что если, например, похищенное имущество не представляло собой ценности (его ветхость или ненужность собственнику), говорить о хищении, а значит и мошенничестве, некорректно;
- наличие корыстной цели у похищения имущества (например, для дальнейшего получения прибыли от его использования).

Еще одним важным правовым аспектом является расширение понимания мошенничества с момента принятия постсоветского Уголовного кодекса (в его первоначальной редакции 1996 года). Очевидно, что за тридцать лет, прошедшие с этого момента, во всех сферах общественной жизни произошли существенные изменения, что вызвало в свою очередь расширение законодательного поля в отношении мошенничества. В частности, следует отметить изменения, которые вносились в разные годы в Уголовный кодекс Российской Федерации.

Так, 29 ноября 2012 г. в соответствии с федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» редакция ст. 159, регулирующей вопросы мошенничества, была значительно расширена. Во-первых, изменения были внесены непосредственно в некоторые части самой статьи 159, а именно в ч. 4 ст. 159 было включено положение о мошенничестве, повлекшем «лишение гражданина прав на жилое помещение». Во-вторых, статья 159 была расширена путем включения в нее специальных разделов 159.1-159.6, согласно которым налагается ответственность за совершение мошеннических действий различного характера и направленности. Далее эти статьи претерпели еще ряд дополнений (2016, 2018 гг.). На основании анализа текста Уголовного кодекса видно следующее (без учета размера финансовой составляющей наказания):

Согласно ст. 159.1 в отдельное направление выделено законодательное регулирование мошенничества в сфере кредитования, которое возникает в том случае, когда заемщик совершает хищение денежных средств за счет сообщения банку (или другому кредитору) недостоверных или заведомо ложных сведений. Эта статья в свою очередь содержит четыре части, обращающих ответственность против разных групп лиц: отдельного индивидуума (ч. 1); группы лиц, совершившей мошенничество в сфере кредитования по предварительному сговору (ч. 2); то же, что в ч. 1-2, но при совершении лицом с использованием собственного служебного положения и (или) в особо крупном размере (ч. 3); аналогично ч. 1 или 3, но совершенные организованной группой или в особо крупном размере.

Статья 159.2 регулирует ответственность за совершение мошенничества при получении выплат, к которым, согласно тексту статьи, относятся пособия, компенсации, субсидии, различные социальные выплаты, положенные гражданину по закону. Мошенническими действиями в данном случае является либо умолчание о возникновении фактов, приводящих к прекращению таких выплат, либо изначальное представление недостоверных или заведомо ложных сведений. Логика построения статьи аналогична ст. 159.1 в том плане, что в каждой из четырех частей ответственность накладывается на отдельное лицо, группу лиц по предварительному сговору, лицо при использовании им служебного положения или в особо крупном размере, аналогично – группу лиц и в особо крупном размере.

В статье 159.3 уже отчетливо прослеживается цифровизация всех сфер жизни общества, поскольку положения данной статьи (выстроенные в уже знакомой логике в четырех частях статьи) регулируют вопросы наказания за мошенничество, совершенное с использованием электронных средств платежа.

Статья 159.4, касающаяся уголовного преследования мошенничества в сфере предпринимательской деятельности и включенная в Уголовный кодекс на основании указанного ранее федерального закона, утратила силу в июле 2016 г. в соответствии с федеральным законом № 325.

В статье 159.5 изложены положения, связанные с мошенничеством в сфере страхования. Это вопросы наступления страхового случая, размера страхового возмещения, которые

нередко пытаются решить обманным путем. Статья содержит четыре части, в каждой из которых указаны субъекты ответственности, размеры штрафа, период обязательных или исправительных работ, сроки ареста или ограничения свободы.

Статья 159.6 очерчивает круг ответственности, возникающей в случае мошенничества в сфере компьютерной информации. Здесь необходимо привести формулировку законодателя для лучшего понимания того, что в данном случае считается мошенничеством. Хищение чужого имущества или приобретение на него прав реализуется за счет «ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей». Очевидно, что поскольку речь идет о мошенничестве, связанном с компьютерной информацией, учитываются не только аспекты совершения деяния группой лиц или в особо крупном размере, но и в отношении банковского счета или электронных денежных средств.

Г.Л. Минаков и Л.А. Абашина, высказывая свои соображения по поводу перечисленных изменений, отмечают, что такая дифференциация состава преступления и ответственности за разные виды мошенничества должна способствовать повышению эффективности борьбы с мошенничеством как одним из видов хищения. С другой стороны, они придерживаются той точки зрения, что такой подход будет служить гуманизации уголовного законодательства нашей страны в отношении ответственности, налагаемой за мошеннические действия [4, с. 126].

И вот здесь, поскольку речь зашла о гуманизации уголовного законодательства, имеет смысл рассмотреть современные тенденции уголовного преследования в связи с делами о мошенничестве. Актуальность изучения этого аспекта не вызывает сомнений хотя бы в силу все возрастающей статистики различных форм мошенничества. Так, А.К. Щербаченко приводит следующие статистические данные: в общем количестве хищений чужого имущества (которые составляют 51,6 % от общего количества преступлений) на фоне заметного снижения доли краж, грабежей и разбоя, доля мошенничества резко возросла (+27,3 %). Анализируя причины такого роста, он высказывает соображения о том, что немногим менее трети зарегистрированных случаев мошенничества выполняется либо с использованием средств информационно-коммуникационных технологий, либо касается непосредственно сферы компьютерной информации [5, с. 215].

На проблемы, связанные с «цифровизацией» мошенничества, указывает и В.И. Саркисов, отмечая, что при колоссальном количестве фактов мошенничества, раскрывается лишь порядка трети таких преступлений, а до суда доходит менее 15 % всех возбужденных по факту мошенничества уголовных дел. В качестве основных причин он называет, во-первых, проблемы установления виновных по целому ряду видов мошенничества (фактически это те виды, которые можно совершить удаленно – использование электронных средств платежа, оформление ряда документов), а во-вторых, некорректное использование ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве инструмента для решения гражданских споров и конфликтов в сфере предпринимательства [3].

В связи с вышеизложенным логичным кажется стремление законодателя к введению «трендовых» видов мошенничества в Уголовный кодекс. Однако А.И. Ситникова отмечает, что такой подход не всегда является бесспорным плюсом. В частности, в своем теоретическом исследовании альтернативных составов мошенничества она указывает, что расширение статьи 159 за счет включения разделов 159.1-159.6, которые были рассмотрены ранее, не дало значимых положительных результатов. Она указывает на следующие минусы такого подхода:

- возникновение трудностей в вопросах квалификации мошеннических действий, регулированию которых посвящены указанные статьи;
- отсутствие единого взгляда на предмет, объект, субъект и способ совершения мошеннических действий у судей;
- недостаточная обеспеченность теоретической базой по вопросам применения норм вышеназванных статей в своей деятельности сотрудниками правоохранительных органов [6, с. 68].

Фактически, современная доктрина уголовного права оставляет нерешенными многие практические вопросы уголовного преследования мошенничества. Таким образом, требуется не только расширение числа предметов мошенничества и введения новых статей в Уголовный кодекс, но создание адекватной в использовании теоретической базы, разработка конкретных рекомендаций для сотрудников правоохранительных органов по вопросам применения норм о различных видах мошенничества на практике. В то же время это должно гармонично сочетаться с внесением в Уголовный кодекс следующих аспектов:

- во-первых, актуальных дополнений по вопросам того, что следует понимать под чужим имуществом, на которое осуществляется мошенническое посягательство,

поскольку такой перечень значительно расширился в цифровом обществе (достаточно указать криптовалюту, биткоины, программное обеспечение);
– во-вторых, норм, касающихся современных «полей» мошенничества, которые охватывают виртуальную среду за счет применения социальных сетей, фейковых маркетплейсов, фишинговых сайтов;
– в-третьих, квалифицированного решения (в том числе и на международном уровне) вопросов о привлечении к уголовной ответственности иностранцев, которые совершают кибермошенничество, находясь на территории других государств.

Список литературы:

[1] Ашмаров И.А. «Работающие бедные» в современной России // Историко-экономические исследования. 2018. Т. 19. № 4. С. 556-570.

[2] Этимологический словарь русского языка / Сост. А. Ситников // Словари онлайн [Электронный ресурс]. URL: https://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/etymological/index.htm (дата обращения 11.01.2026). [3] Саркисов В.И. Мошенничество // Адвокат Саркисов [Электронный ресурс]. URL: https://www.advokat-sarkisov.ru/glossariy/moshennichestvo/ (дата обращения 11.01.2026).

[4] Минаков Г.Л., Абашина Л.А. Новые составы мошенничества: проблемы применения // Политика и право. 2014. № 1. С. 126-130.

[5] Щербаченко А.К. Криминалистическое обеспечение борьбы с мошенничеством как потребность правоприменения // Юристъ-Правоведъ. 2024. № 1(108). С. 214-220.

[6] Ситникова А.И. Новые составы мошенничества: проблемы и решения // Юридический вестник Самарского университета. 2025. Т. 11. № 1. С. 67-72.

References:

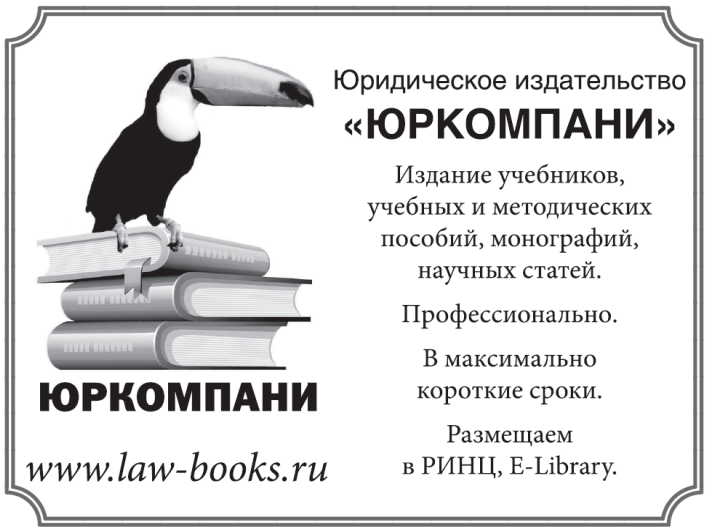
[1] Ashmarov I.A. “Working poor” in modern Russia//Historical and economic research. 2018. VOL. 19. № 4. S. 556-570.

[2] Etymological Dictionary of the Russian Language/Comp. A. Sitnikov//Online dictionaries [Electronic resource]. URL: https://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/etymological/index.htm (дата обращения 11.01.2026). [3] Sarkisov V.I. Fraud//Lawyer Sarkisov [Electronic resource]. URL: https://www.advokat-sarkisov.ru/glossariy/moshennichestvo/ (дата обращения 11.01.2026).

[4] Minakov G.L., Abashina L.A. New compositions of fraud: problems of application//Politics and law. 2014. № 1. S. 126-130.

[5] A.K. Shcherbachenko. Forensic support of the fight against fraud as a need for law enforcement//Lawyer-Pravoveda. 2024. № 1(108). S. 214-220.

[6] Sitnikova A.I. New compositions of fraud: problems and solutions//Legal Bulletin of Samara University. 2025. T. 11. № 1. S. 67-72.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-280-283

ГАВРИЛОВ Сергей Тихонович,
Канд.пед.наук, доцент,
профессор Воронежского экономико-правового института,
г. Воронеж,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
СДАШНИКОВ Владислав Эдуардович,
Аспирант 1 курса Воронежского экономико-правового института,
г. Воронеж,
e-mail: mail@law-books.ru

РЕКОНСТРУКЦИЯ СОСТАВА ХУЛИГАНСТВА И УТОЧНЕНИЕ ПРАВИЛ КВАЛИФИКАЦИИ: НЕОБХОДИМОСТЬ ОБРАЩЕНИЯ К СОВЕТСКОМУ ОПЫТУ

Аннотация. *В статье рассматриваются последние изменения статьи 213 УК РФ и Постановления Пленума Верхового Суда РФ от 15.11.2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», проводится сравнение конструкций составов хулиганства в действующей УК РФ 1996 г. и УК РСФСР 1960 г., анализируется их соотношение с составом административно-правового хулиганства. Предлагается новая редакция части 1 статьи 213 УК РФ.*

Ключевые слова: *хулиганство; мелкое хулиганство; преступление; разграничение; изменения; реконструкция; возраст уголовной ответственности; преюдиция; история.*

GAVRILOV Sergey Tikhonovich,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Voronezh Institute of Economics and Law, Voronezh

Scientific adviser:
SDASHNIKOV Vladislav Eduardovich,
1st year postgraduate student
of the Voronezh Institute of Economics and Law, Voronezh

RECONSTRUCTION OF THE HOOLIGANISM AND EXPLANATION OF THE QUALIFICATION RULES: THE NEED TO REFER TO SOVIET EXPERIENCE

Annotation. *This article examines the latest amendments to Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation and Resolution No. 45 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 15, 2007, "On judicial practice in criminal cases involving hooliganism and other crimes committed with hooligan motives." It also compares the constructions of the elements of hooliganism in the current 1996 Criminal Code of the Russian Federation and the 1960 Criminal Code of the RSFSR, and analyzes their relationship with the elements of administrative-legal hooliganism. A new version of Part 1 of Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation is proposed.*

Key words: *hooliganism; petty hooliganism; crime; delineation; changes; reconstruction; age of criminal responsibility; prejudice, history.*

В течение последних 3 лет сохраняется устойчивая тенденция к увеличению зарегистрированных случаев совершения хулиганства: в 2022 году - 1460 , в 2023 году - 1617, в 2024 г. - 2395, а за январь – октябрь 2025 г. уже 2392 [3,4,5,6]. В основе этого лежит целый ряд причин, одной из которых, по нашему мнению, являются внесенные в 2020 г. изменения в статью

213 Уголовного кодекса (далее – УК РФ, Кодекса), которыми составу был возвращен его «классический» вид, утраченный им в начале 2000-х гг.

Следует отметить, что за время своего существования статья 213 УК РФ претерпела несколько редакций, существенно менявших конструкцию преступления. Первыми серьезными изменениями в УК РФ от 08.12.2003 г. состав радикально был перестроен: основным конструктивным признаком «простого» хулиганства стало «применение оружия и угроза его применения», затем в 2017 г. были добавлены альтернативные: так называемый «экстремистский мотив» и совершение преступления на транспорте общего пользования. При этом никаких разъяснений применения состава со стороны Пленума Верховного Суда на протяжении более 20 лет не последовало. За это время на практике были выработаны подходы к квалификации деяний, но в 2020 г. была реконструирована часть 1 статьи 213 УК РФ, а затем 11 ноября 2024 г. впервые в своей истории претерпели изменения и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, данные им в Постановлении от 15.11.2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» (далее – Постановление Пленума ВС РФ от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве., Пленум Верховного суда»).

Внесение изменений в статью 213 УК РФ в 2020 г. мы называем именно реконструкцией, так как признак «применение насилия или угроза его применения» был возвращен в состав в качестве конструктивного, как это было и в первоначальной редакции, в основе которой лежали положения УК РСФСР.

Оценивания изменения статьи 213 УК РФ до 2020 г., мы видим их непоследовательность и нелогичность: сначала состав сужается (тенденция 1996 – 2003 гг.), утрачивая ранее присущие конструктивные и квалифицированные признаки, затем начинает расширяться и обрастать совершенно новыми (тенденция 2011-2017 гг.), в том числе и прямо противоречащими смыслу хулиганства – речь о включении в часть 1 «экстремистского» мотива [2]. Все эти нововведения лишь добавляли сложностей правоприменителям, в связи с этим возвращение состава к его первоначальным признакам было вполне оправданным решением.

Отметим также, что обращения к уголовному законодательству советского периода необходимо и для разрешения ряда других вопросов.

В 1996 году авторы УК РФ не стали придумывать что-то принципиально новое, конструируя статью 213 УК РФ, а обратились к проверенной временем статье 206 УК РСФСР и незначительно ее переработали: признаки поменялись местами, «насильственное» хулиганство сделали простым. Но, перенимая советский опыт в части формулирования данного состава, российские законодатели не придерживались логики УК РСФСР.

Прежде всего, это проявилось в изменении подхода к возрасту привлечения к уголовной ответственности. В действующей редакции по части 1 статьи 213 УК РФ ей подлежат лица, достигшие 16 лет. При этом, грубое нарушение общественного порядка, совершенное с применением насилия или угрозой его применения, может быть сопряжено с причинением вреда здоровью потерпевшего, что также подлежит квалификации по вышеупомянутой части рассматриваемой нами статьи. Лица же, достигшие 14-летнего возраста, вполне осознают опасность совершения таких действий и возможных последствий.

Иная ситуация была в статье 10 УК РСФСР от 27.10.1960 г.: за «злостное» хулиганство, которым охватывалось применение насилия, ответственность наступала с 14 лет, что было обусловлено его общественной опасностью и ее пониманием малолетними преступниками.

В 2020 г. этот аспект был упущен из вида при подготовке новых изменений и, на наш взгляд, подлежит доработке. Необходимо внести изменения в часть 2 статьи 20 УК РФ и дополнить перечень составов хулиганством с применением насилия или угрозой его применения (часть 1 статьи 213 УК РФ).

Была утрачена и логика соотношения и разграничения составов мелкого (административно-правового) и уголовно наказуемого хулиганства.

В изменениях, внесенных 26.11.2024 г. в Постановление Пленума ВС РФ от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве..», этот вопрос впервые был обозначен с момента отмены Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.1991 г. № 5 «О судебной практике по делам о хулиганстве».

В пункте 5(1) своих разъяснений Пленум Верховного Суда указал на возможность изменения квалификации со статьи 20.1 КоАП РФ на часть 1 статьи 213 УК РФ. Суть данного положения следующая: в случае, если при совершении мелкого хулиганства группой лиц кто-либо из правонарушителей без предварительного сговора применил насилие/угрожал его применением, или продолжил нарушать общественный порядок по «экстремистскими» мотивам или на транспорте общего пользования, то такие действия лица подлежат квалификации по часть 1 статьи 213 УК РФ (при наличии в них грубого нарушения общественного порядка).

При этом, в действующей редакции составы мелкого и уголовно-правового хулиганства, по сути, все же не соотносятся друг с другом и являются разными нарушениями общественного порядка.

Анализируя советское законодательство, мы можем увидеть определенную логику соотношения составов административно-правового статья 158 КоАП РСФСР) и уголовно-правового хулиганства (статья 206 УК РСФСР), она основана на возрастании общественной опасности деяний.

Составы можно было расположить в следующей последовательности: Мелкое хулиганство (статья 158 КоАП РСФСР) – «простое» хулиганство (часть 1 статьи 206 УК РСФСР) – «злостное» хулиганство, включающее применение насилия (часть 2 статьи 206 УК РСФСР) – «особо злостное» хулиганство (часть 3 статьи 206 УК РФ).

Определение мелкого хулиганства в статье 158 КоАП РСФСР не сильно отличалось от закрепленного в статье 20.1 действующего КоАП РФ. Оно также включало нецензурную брань, оскорбительные приставания к гражданам, разве что имело оговорку «иные подобные действия», не ограничивающую список возможных действий, нарушающих общественный порядок. Иная ситуация с конструкцией «простого» хулиганства в УК РСФСР 1960 г. и УК РФ 1996 г. В отличие от действующей реакции формулировка советского кодекса была более оценочной, под хулиганством в соответствии с частью 1 статьи 206 УК РСФСР понималось «грубое нарушение общественного порядка» при отсутствии обязательных конструктивных признаков.

Такой конструкцией составов, на наш взгляд, обуславливалась необходимость отграничения уголовно-правового хулиганства от административно-правового в зависимости от обстоятельств дела (места, способа совершения, интенсивности, продолжительности), что указывалось в пункте 6 Постановления Пленума ВС РФ от 24.12.1991 г. № 5 «О судебной практике по делам о хулиганстве».

На основании данного разъяснения возможным было изменение квалификации деяния со статьи 158 КоАП РСФСР на часть 1 статьи 206 УК РФ при длительности совершения мелкого хулиганства, например, в форме продолжительных оскорбительных приставаний к гражданам, последствиями которых могли быть, например, нарушение нормального функционирования общественного транспорта, срыв мероприятия и т.д.

В действующей редакции такое изменение правовой оценки было невозможно. С принятием в 1996 г. нового УК РФ состав «простого» хулиганства фактически был декриминализирован, часть 1 статьи 213 УК РФ на данный момент представлена «злостным» хулиганством (так хулиганство с применением насилия называлось в части 2 статьи 206 УК РСФСР), которое не сопоставимо по объективной стороне с составом, предусмотренным статьей 20.1 КоАП РФ.

При этом, как было упомянуто ранее, в последних разъяснениях Пленум Верховного Суда предусмотрел возможность изменения квалификации со статьи 20.1 КоАП РФ на часть 1 статьи 213 УК РФ при наличии в действиях лица одного из конструктивных признаков уголовно наказуемого хулиганства.

Но, на наш взгляд, этого недостаточно. Как и в советский период, мелкое хулиганство при его продолжительности и иных обстоятельствах дела может стать общественно опасным, даже при отсутствии в них признаков, закрепленных в части 1 статьи 213 УК РФ. Отсутствие «переходного» состава от административно-правового к уголовно-правовому хулиганству, как это было в статье 206 УК РСФСР, не позволяет в полной мере осуществить превентивную функцию в отношении лиц, неоднократно и длительно нарушающих общественный порядок, оскорбляющих честь и достоинство граждан, и в действиях которых отсутствуют конструктивные признаки уголовно наказуемого деяния. В большинстве случаев лица ограничиваются штрафом до 1000 рублей или административным арестом на 15 суток, что зачастую не соответствует принципам назначения наказания.

На основании вышеизложенного, считаем необходимым внести следующие изменения в УК РФ и Постановление

1. В связи с этим считаем, что по аналогии с советской редакцией УК РСФСР от 1960 г., а также действующими статьями 116.1, 158.1 УК РФ в статью о хулиганстве необходимо внести изменения и изложить состав «простого» хулиганства (часть 1 статьи 213 УК РФ) в следующем виде:

«1. Хулиганство, то есть длительное, упорное, непрекращающееся нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, а также мелкое хулиганство, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хулиганство, предусмотренное частью 1 статьи 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

При этом конкретизировать данное положение в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ в части круга охватываемых действий:

«С учетом обстоятельств дела по части 1 статьи 213 Уголовного кодекса Российской Феде-

рации (далее также - УК РФ) могут быть квалифицированы действия лица, длительность и интенсивность которых повлекла наступление общественно опасных последствий: срыв мероприятий, нарушение нормального функционирования учреждений, организаций и т.п., а также мелкое хулиганство, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хулиганство, предусмотренное частью 1 статьи 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Существующие конструктивные признаки перенести в часть 2 и сделать их квалифицированными, предусматривающими более строгое наказание.

Список литературы:

[1] Векленко В. В. Уголовно-правовое противодействие хулиганству с учетом изменений в законодательстве / В. В. Векленко, В. Ф. Щепельков // Всероссийский криминологический журнал. – 2023. – Т. 17, № 2. – С. 156-163.

[2] Кибальник А., Соломоненко И. «Экстремистское» хулиганство - нонсенс уголовного закона // Законность. - М., 2008, № 4. - С. 21-23

[3] Состояние преступности в России за январь – декабрь 2022 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. - URL: https://мвд.рф/reports/item/35396677/ (дата обращения: 21.07.2025).

[4] Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – URL: https://мвд.рф/reports/item/47055751/ (дата обращения: 21.07.2025).

[5] Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (дата обращения: 21.07.2025).

[6] Состояние преступности в России за январь – октябрь 2025 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (дата обращения: 21.07.2025).

References:

[1] Veklenko V.V. Criminal law counteraction to hooliganism, taking into account changes in legislation/V.V. Veklenko, V.F. Shchepelkov//All-Russian Criminological Journal. – 2023. - T. 17, NO. 2. - S. 156-163.

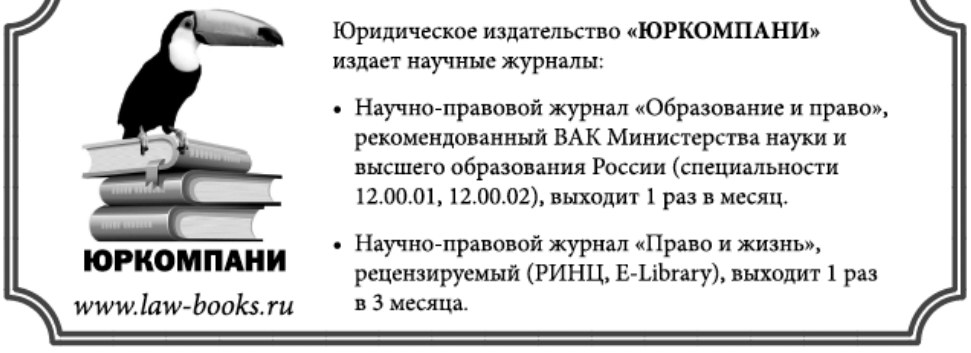
[2] Kibalnik A., Solomonenko I. “Extremist” hooliganism - nonsense of the criminal law//Legality. - M., 2008, NO. 4. - S. 21-23

[3] The state of crime in Russia in January - December 2022 [Electronic resource]//Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - URL: https://мвд.рф/reports/item/35396677/ (access date: 21.07.2025).

[4] The state of crime in Russia in January - December 2023 [Electronic resource]//Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - URL: https://мвд.рф/reports/item/47055751/ (access date: 21.07.2025).

[5] The state of crime in Russia in January - December 2024 [Electronic resource]//Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (access date: 21.07.2025).

[6] The state of crime in Russia in January - October 2025 [Electronic resource]//Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (access date: 21.07.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-284-291

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник отдела
по совершенствованию нормативно-правового регулирования
деятельности уголовно-исполнительной системы центра
изучения проблем управления и организации исполнения наказаний
в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru;

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ОСУЖДЁННЫХ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УСЛОВИЯХ ЧЕРЕЗ ТРУДОВУЮ ЗАНЯТОСТЬ И ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ПОДГОТОВКУ

Аннотация. *В статье рассматривается ресоциализация осуждённых к лишению свободы через труд и профессиональное обучение как взаимосвязанный комплекс правовых, организационных и педагогических воздействий, обеспечивающих формирование у осуждённых социально одобряемых трудовых установок, профессиональной идентичности, компетенций и навыков законопослушного поведения. Обосновано, что труд в местах лишения свободы обладает не только экономической, но и выраженной воспитательной (педагогической) функцией, однако при определённых условиях может утрачивать ресоциализационный потенциал и превращаться в формальную занятость либо фактор вторичной маргинализации. Профессиональное обучение анализируется как ключевой механизм повышения конкурентоспособности осуждённых на рынке труда после освобождения и как средство реконструкции жизненных стратегий, снижая влияние криминогенной среды и повышая субъективный контроль над будущим. На основе сопоставления российских нормативных требований и международных стандартов раскрыты принципы «нормализации», непрерывности помощи («continuum of care»), индивидуализации программ и ориентации на результаты. Использованы данные зарубежных метаанализов и систематических обзоров эффективности тюремного образования и профессиональной подготовки в контексте снижения рецидива и роста занятости после освобождения; показана зависимость эффекта от качества дизайна программ, отбора участников, «дозы» обучения, признания квалификаций и связей с работодателями. Предложены конкретные направления повышения результативности трудовой и образовательной политики в УИС: интеграция оценки рисков и потребностей в индивидуальные планы, модульные программы с отраслевой сертификацией, развитие наставничества, расширение партнёрств с бизнесом и службами занятости, обеспечение достойных условий труда и справедливой мотивации.*

Ключевые слова: *ресоциализация; уголовно-исполнительная система; труд осуждённых; профессиональное обучение; трудовая адаптация; рецидив; постпенитенциарное сопровождение; занятость после освобождения.*

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Researcher, Department for Improving the Legal Regulation
of the Activities of the Criminal Executive System of the Center
for the Study of Management Problems and the Organization
of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System
Federal Government Research Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia

RESOCIALIZATION OF CONVICTED PERSONS IN PENITENTIARY SETTINGS THROUGH WORK ENGAGEMENT AND VOCATIONAL TRAINING

Annotation. *The article examines resocialization of incarcerated persons through prison work and vocational education as an integrated set of legal, organizational and pedagogical interventions aimed at*

developing prosocial work attitudes, professional identity, competencies and lawful behavior. It is argued that prison labor has not only economic but also educational value; however, under certain conditions it may lose its resocializing potential and become mere formal employment or even a driver of secondary marginalization. Vocational education is analyzed as a key mechanism for increasing post-release employability and for reconstructing life strategies by reducing the influence of the criminogenic environment and strengthening personal agency. By comparing Russian regulatory requirements with international standards, the paper highlights the principles of normalization, continuity of care, individualization and outcomes orientation. Evidence from major meta-analyses and systematic reviews is used to discuss the impact of correctional education and vocational training on recidivism and employment outcomes, while emphasizing the role of program quality, selection bias, dosage, credential recognition and employer engagement. The paper offers practical directions for improving labor and educational policy in prisons: embedding risk/needs assessment into individualized plans, implementing modular industry-recognized training, expanding mentoring, strengthening partnerships with employers and employment services, and ensuring decent and ethically compliant working conditions.

Key words: *resocialization; penitentiary system; prison labor; vocational education; work adaptation; recidivism; reentry support; post-release employment*.

В современной уголовно-исполнительной политике ресоциализация осуждённых рассматривается не как декларативная цель, а как измеримый результат исполнения наказания, выражающийся в снижении повторной преступности, восстановлении социальных связей и устойчивой легальной занятости после освобождения. В российской модели исполнения наказаний труд и профессиональное обучение закреплены как значимые средства исправления и подготовки к жизни на свободе, при этом их реализация должна соответствовать не только внутренним задачам режима, но и критериям социальной эффективности. Нормативный каркас в России задаётся положениями Уголовно-исполнительного кодекса РФ, предусматривающими обязанность привлечения осуждённых к труду и возможности профессиональной подготовки с учётом потребностей производства и личности осуждённого, а также требованиями к условиям и организации труда в исправительных учреждениях [1]. Однако юридическое закрепление само по себе не гарантирует ресоциализационного эффекта: труд может стать как каналом включения осуждённого в социально одобряемые роли, так и источником фрустрации при отсутствии справедливой мотивации, реального профессионального роста и перспектив трудоустройства.

Сопоставление российских практик с международными стандартами важно по двум причинам. Во-первых, современные международные документы фиксируют целеполагание лишения свободы как сокращение рецидива через подготовку к освобождению и реинтеграцию; во-вторых, они задают минимальные рамки допустимости труда заключённых (недопущение эксплуатации, обеспечение безопасности, разумная мотивация, доступ к обучению и занятости как к «осмысленной деятельности»). Европейские тюремные правила прямо указывают, что управление местами лишения свободы должно быть организовано так, чтобы облегчать реинтеграцию в свободное общество, а жизнь в тюрьме - насколько возможно приближаться к позитивным сторонам жизни в обществе, включая трудовую занятость и программы подготовки к освобождению [2]. В «Правилах Нельсона Манделы» подчёркивается, что цели лишения свободы - защита общества и сокращение рецидива - достигаются лишь при использовании срока заключения для реинтеграции осуждённого, позволяющей ему вести законопослушный и самостоятельный образ жизни после освобождения [3]. УНП ООН в «Дорожной карте» по тюремным программам реабилитации систематизирует аргументы в пользу инвестиций в образование, профессиональную подготовку и работу в местах лишения свободы, связывая их с общественной безопасностью и снижением повторной преступности, а также фиксируя управленческие условия результативности - стратегию, диагностику потребностей, качество программ и мониторинг [4]. Эти ориентиры применимы и в российской действительности, поскольку позволяют перейти от «учёта занятости» к управлению результатами ресоциализации.

Ресоциализация через труд предполагает формирование у осуждённого устойчивого комплекса: (а) трудовых компетенций (профессиональных и общетрудовых), (б) ценностно-нормативных установок (ответственность, дисциплина, соблюдение правил, ориентация на легальный доход), (в) социально-коммуникативных навыков (кооперация, подчинение и распределение ролей, разрешение конфликтов), (г) саморегуляции и планирования (постановка целей, контроль импульсов, отсроченное вознаграждение). В педагогическом смысле трудовая деятельность в местах лишения свободы - это не «натуральная» занятость, а организованная образовательная

среда: она должна проектироваться как пространство контролируемого освоения социальных ролей и профессиональных практик. Отсюда ключевое требование - педагогизация труда: включение в трудовую занятость элементов обучения, наставничества, оценивания прогресса, поощрения, формирование рефлексии результатов, а также связка с профессиональным обучением и последующим трудоустройством.

Правовой статус труда осуждённых в России содержит внутреннее напряжение между обязанностью трудиться и обязанностью администрации обеспечить возможность труда, достойные условия и соответствие требованиям охраны труда. В научной литературе по организации труда в УИС подчёркивается, что продуктивная занятость является трудной управленческой задачей: экономические циклы, слабая диверсификация производственного сектора, ограниченность заказов и конкуренция на рынках приводят к рискам «пенитенциарной безработицы» и формализации трудовой функции [7]. При этом формальная занятость снижает воспитательный эффект: если труд не даёт осуждённому опыта достижений, признания, профессионального роста и справедливого вознаграждения, то он перестаёт выступать механизмом «переобучения» жизненных сценариев и может закреплять цинизм по отношению к легальному труду.

В этой связи профессиональное обучение приобретает роль «усилителя» ресоциализационного потенциала труда. Принципиально важно, что профессиональная подготовка в местах лишения свободы должна быть ориентирована не на внутренние потребности учреждения как закрытой системы, а на требования внешнего рынка труда и признание квалификаций после освобождения. С точки зрения криминологической профилактики именно легальная занятость и стабильный доход являются одним из наиболее воспроизводимых факторов десистенции, однако выход на рынок труда для бывших осуждённых осложнён дефицитом образования, отсутствием стажа, стигматизацией и практическими барьерами (документы, жильё, здоровье, долги). Следовательно, профессиональное обучение в пенитенциарных условиях должно решать минимум три задачи: компенсаторную (ликвидация дефицитов базовой грамотности и общих навыков), квалификационную (получение профессии/разряда/сертификата) и адаптационную (подготовка к реальному трудоустройству, включая навыки поиска работы и удержания рабочего места).

Российская научная традиция, анализируя образование осуждённых, подчёркивает необходимость правового и организационного обеспечения доступности обучения и его согласования с режимными требованиями, а также связь обучения с исправлением и подготовкой к освобождению [5]. В педагогическом измерении образование осуждённых является механизмом «пересборки» жизненной траектории: оно повышает субъективную самоэффективность, расширяет горизонт планирования и создаёт альтернативу криминальной идентичности. Однако для реализации этого потенциала обучение должно быть включено в систему индивидуального планирования отбывания наказания и постпенитенциарного сопровождения, что соответствует международному принципу непрерывности помощи («continuum of care») [4].

Организационно связка «труд - профессиональное обучение - трудоустройство» требует управленческого цикла, включающего диагностику, планирование, реализацию, оценивание и коррекцию. Диагностика должна охватывать не только формальные признаки (образование, опыт работы, наличие профессии), но и дефициты, влияющие на трудовую устойчивость: навыки саморегуляции, способность к длительной концентрации, коммуникативные проблемы, зависимое поведение, когнитивные и мотивационные барьеры. На практике это означает, что назначение осуждённого на работу и направление на обучение должны опираться на индивидуальную оценку потребностей и рисков, а не только на «вакансии» внутри учреждения. Международные исследования эффективности коррекционных вмешательств подчёркивают, что программы оказываются результативнее, когда соответствуют принципам риск–потребности–восприимчивости (risk–need–responsivity), то есть ориентируются на уровень риска, адресуют криминогенные потребности и учитывают особенности обучаемости и мотивации [12]. Для трудовых и образовательных программ в УИС это означает необходимость различать как минимум три группы: (1) осуждённые с базовым дефицитом образования и низкой трудовой дисциплиной; (2) осуждённые с наличием профессии, но низкой легальной включённостью и слабой «карьерной» мотивацией; (3) осуждённые с устойчивыми профессиональными навыками, для которых критичны барьеры стигмы и постпенитенциарного сопровождения. Унифицированная «средняя» программа не способна дать одинаковый эффект для этих групп.

Содержательно пенитенциарное профессиональное обучение должно строиться по принципам андрагогики: учёт взрослой мотивации, опора на жизненный опыт (в том числе отрицательный), практикоориентированность, модульность и видимость результата. В условиях лишения свободы особенно важны короткие образовательные циклы с промежуточной аттестацией и

выдачей документов, поскольку сроки наказания и перевод между учреждениями могут разрушать длинные траектории обучения. Модульные программы позволяют создавать «накопительную» квалификацию: осуждённый может завершить один модуль (например, базовая безопасность труда и первичные навыки), затем следующий (операторское мастерство), далее - специализацию. Такой подход повышает вероятность завершения обучения и снижает потери от организационных разрывов.

Критическим вопросом является признание результатов обучения и их «конвертация» в трудоустройство после освобождения. Если полученная в местах лишения свободы квалификация не признаётся работодателями, либо не соответствует актуальным отраслевым стандартам, то образовательный эффект остаётся внутренним и не превращается в социальный результат. Поэтому необходима привязка программ к отраслевым стандартам, внешняя сертификация (по возможности - независимая), а также практики взаимодействия с работодателями ещё до освобождения. Международные рекомендации подчёркивают значимость вовлечения внешних партнёров и гражданского общества в тюремную жизнь и подготовку к освобождению [2], а «Дорожная карта» УНП ООН предлагает рассматривать образование, профессиональную подготовку и работу как единый блок тюремных программ, требующий партнёрства с внешними институтами [4].

Эмпирическая база зарубежных исследований даёт важные ориентиры, но требует аккуратной интерпретации с учётом различий в системах наказаний и рынках труда. Классический метаанализ, включивший коррекционно-образовательные, профессиональные и трудовые программы, показал статистически значимое снижение рецидива у участников по сравнению с неучастниками, а также улучшение показателей занятости после освобождения [8]. Более поздний и масштабный метаанализ RAND, выполненный по заказу Министерства юстиции США, пришёл к выводу о снижении вероятности рецидива у участников коррекционного образования: оценка выражалась в существенно меньших «шансах» рецидива, а также в повышении вероятности трудоустройства после освобождения; одновременно авторы указали на зависимость эффекта от качества исследований и дизайна программ [9]. В отчёте WSIPP, обобщающем доказательства по взрослым коррекционным программам, образование и профессиональная подготовка рассматриваются как потенциально результативные направления при условии внедрения «доказательных» практик и отказа от неэффективных подходов [10].

В то же время современная литература фиксирует и ограничения «оптимистической» интерпретации: часть эффектов может объясняться селекцией (в программы чаще попадают более мотивированные и дисциплинированные осуждённые). Исследование, анализировавшее результаты профессионального обучения с использованием методов, снижающих наблюдаемую селекцию (propensity score matching), показало отсутствие различий по ряду показателей рецидива и занятости между получившими профессиональные сертификаты и сопоставимой контрольной группой; автор подчёркивает важность контроля селекции и рекомендует интеграцию карьерно-ориентированных программ с принципами RNR и непрерывности поддержки [11]. Этот результат принципиален: он означает, что сам по себе факт обучения не является «универсальным лекарством», а эффект зависит от того, какой именно компонент программы влияет на поведение - повышение компетенций, изменение установок, социальные связи с наставниками и работодателями, либо структурирование времени и дисциплина. Следовательно, для повышения эффективности в УИС необходима декомпозиция программ на активные компоненты и настройка «механизмов действия», а не только расширение охвата.

С учётом приведённых данных можно выделить условия, при которых труд и профессиональное обучение действительно работают как инструменты ресоциализации.

Во-первых, трудовая занятость должна быть «осмысленной» и развивающей. Под осмысленностью следует понимать наличие понятного результата, требований к качеству, обратной связи и возможности роста. Если труд сводится к примитивным операциям без перспективы освоения навыков, то он не формирует профессиональной идентичности и не повышает конкурентоспособность после освобождения. Внутренне тюремное производство часто структурировано под краткосрочные заказы и режимные ограничения, что затрудняет обучение современным профессиям. Выходом может быть диверсификация: сочетание производственных участков (где осваиваются базовые навыки дисциплины и безопасности) с учебно-производственными мастерскими (где реализуется модульное обучение и квалификационная аттестация). При этом важно обеспечить связку с реальными отраслями региона, иначе выпускники оказываются «переобученными» под внутренний рынок учреждения.

Профессиональное обучение должно включать не только «жёсткие» профессиональные навыки, но и общие навыки трудовой устойчивости: пунктуальность, коммуникация, разрешение

конфликтов, соблюдение инструкций, элементарная финансовая грамотность, навыки поиска работы, прохождения собеседований и взаимодействия с государственными сервисами. Эти компоненты напрямую связаны с постпенитенциарной адаптацией, а их дефицит часто становится причиной срыва трудоустройства даже при наличии профессии. Здесь педагогическая задача состоит в формировании «метакомпетенций» - способности учиться и переучиваться, что особенно важно при нестабильном рынке труда.

В-третьих, мотивация к труду и обучению должна строиться на сочетании внешних и внутренних стимулов. Внешние стимулы включают справедливую и понятную систему оплаты, поощрения за квалификационный рост, возможность накоплений для периода после освобождения, а также прозрачные правила распределения работ и обучения. Внутренние стимулы формируются через опыт успеха, признание достижений (сертификаты, разряды, публичное поощрение), ощущение контроля над жизненной траекторией. На уровне педагогического дизайна это предполагает индивидуальные цели, фиксацию прогресса и регулярную обратную связь.

В-четвёртых, соблюдение правовых и этических стандартов является не внешним «ограничителем», а условием эффективности. Эксплуатационные практики и небезопасные условия труда подрывают доверие к легальному труду как социальной ценности и могут усиливать отчуждение. Международные стандарты требуют, чтобы режим исполнения наказания не усугублял страдания, присущие лишению свободы, и обеспечивал подготовку к реинтеграции [2], а «Правила Нельсона Манделы» связывают сокращение рецидива с реинтеграцией и самостоятельной жизнью после освобождения [3]. Из этого следует, что «дешёвый труд» как самоцель противоречит ресоциализационной функции: экономическая эффективность тюремного производства должна быть сбалансирована с образовательной и социальной эффективностью.

В-пятых, необходимо обеспечивать преемственность между тюремными программами и постпенитенциарными сервисами. Без сопровождения после освобождения даже качественное обучение может не привести к трудоустройству из-за барьеров документов, жилья, здоровья, долгов и стигмы. «Дорожная карта» УНП ООН предлагает рассматривать реабилитацию как процесс, выходящий за пределы тюрьмы, и включает мониторинг и оценку программ, а также взаимодействие с внешними структурами [4]. Для российской практики это означает необходимость устойчивых каналов взаимодействия с центрами занятости, НКО, социальными службами и работодателями, а также механизмов «тёплой передачи» (например, предварительное согласование вакансий, стажировок, наставников до даты освобождения).

Предложенные условия могут быть конкретизированы в виде управленческих и педагогических решений, ориентированных на результат.

Одним из базовых решений является внедрение индивидуальных планов ресоциализации, где труд и обучение выступают центральными блоками, а не «дополнительной активностью». План должен включать: диагностический профиль (образование, опыт, риски, барьеры), краткосрочные цели (получение базовой квалификации, завершение модуля, освоение трудовой дисциплины), среднесрочные цели (отраслевой сертификат, производственная практика), а также постпенитенциарные шаги (подготовка документов, контакты с работодателями, привязка к месту проживания). Встраивание такой логики требует междисциплинарной команды: сотрудники воспитательной службы, специалисты по обучению, производственный сектор, психолог, социальный работник. Именно междисциплинарность позволяет избежать ситуации, когда производство преследует только план выпуска продукции, а образовательный блок - только формальный «выпуск» без трудоустройства.

Второе решение - переход от «закрытых» профессий к рыночно релевантным компетенциям. Практически это означает: (а) регулярный анализ вакансий регионального рынка труда; (б) выбор профессий с низким порогом входа и возможностью роста (строительные, ремонтные, логистические, сервисные специальности, базовые ИТ-навыки, производственные рабочие профессии); (в) внедрение коротких курсов, дающих быстрое трудоустройство, с последующей возможностью повышения квалификации; (г) развитие цифровой грамотности как универсального навыка. При этом важно учитывать правовые ограничения на доступ бывших осуждённых к отдельным видам деятельности, чтобы не инвестировать ресурсы в заведомо закрытые для них сферы.

Третье решение - использование модели наставничества, сочетающей профессиональное обучение и воспитательное влияние. Наставник в тюремном производстве - не только «мастер», но и педагогический агент, транслирующий нормы профессиональной культуры: ответственность за результат, соблюдение стандартов, уважение к коллегам, безопасность труда. Наставничество снижает влияние криминальной субкультуры на производственной площадке и формирует альтернативные референтные связи. Для институционализации наставничества необходимы крите-

рии отбора наставников, обучение педагогическим навыкам и система поощрения за результаты обучающихся.

Четвёртое решение - развитие партнёрств с работодателями, включая элементы государственно-частного взаимодействия в производственном секторе. Научные публикации по проблемам организации труда в УИС подчёркивают перспективность модернизации производственного сектора и преодоления рисков занятости через управленческие меры, в том числе связанные с повышением эффективности трудоустройства с учётом квалификации и образования осуждённых [7]. В практике это может включать: создание совместных производственных участков, участие работодателей в разработке программ обучения, предоставление оборудования, проведение аттестации и собеседований до освобождения, а также «гарантированные интервью» для выпускников программ. Партнёрства повышают вероятность того, что навыки будут востребованы, а сертификаты - признаны.

Пятое решение - обеспечение справедливой и стимулирующей модели оплаты и накоплений, не сводимой к символическим выплатам. С педагогической точки зрения вознаграждение является элементом обучения: оно формирует связь «легальный труд - легальный доход - легальные жизненные цели». Если эта связь не формируется, то криминальная экономическая рациональность может сохраняться. При этом материальная мотивация не должна подменять воспитательную функцию: важны также нематериальные стимулы - статус квалифицированного работника, доступ к более сложным видам труда, доверие, расширение самостоятельности в пределах режима, признание достижений.

Шестое решение - встраивание мониторинга и оценки эффективности программ в управленческий контур. Международные источники подчёркивают необходимость оценки не только охвата, но и результатов (рецидив, занятость, устойчивость трудоустройства, участие в легальных доходах) и качества реализации программ [4]. При этом, учитывая выводы о селекционных эффектах, оценка должна по возможности использовать квазиэкспериментальные дизайны, сопоставимые группы, анализ различий по профилям риска и потребностей. Даже если полноценные научные исследования затруднены, минимальный стандарт - это сбор данных о завершении программ, получении документов, трудоустройстве после освобождения (в том числе через взаимодействие со службами занятости) и причинах неуспеха.

Особого внимания требует педагогический риск «двойного разрыва»: разрыва между обучением и работой внутри учреждения и разрыва между тюремными навыками и требованиями внешней среды. Первый разрыв возникает, когда обучение существует автономно от производственной практики: осуждённый «учится» формально, но не закрепляет навыки в реальном труде. Второй разрыв возникает, когда работа и обучение ориентированы на внутренние процессы учреждения, а на свободе эти навыки не востребованы. Преодоление обоих разрывов требует проектирования образовательных траекторий как «переходов»: от учебной мастерской - к производственной практике, от практики - к внешнему стажированию/контактам, от контактов - к трудоустройству.

Также необходимо учитывать, что труд и обучение могут иметь разные эффекты для разных категорий осуждённых. Для осуждённых с дефицитом базового образования первичным становится устранение барьеров грамотности и базовой трудовой дисциплины; для них профессиональная подготовка должна начинаться с «предпрофильного» уровня, иначе высок риск неуспеха и демотивации. Для осуждённых с устойчивой криминальной идентичностью важным становится компонент изменения установок и окружения: трудовая и образовательная среда должна создавать альтернативные референтные группы и опыт легального успеха. Для осуждённых, близких к освобождению, особую роль играет подготовка к трудоустройству и постпенитенциарная логистика: документы, связь с работодателем, транспорт, жильё. Именно дифференциация программ повышает вероятность эффекта, что согласуется с принципами риск–потребности–восприимчивости [12].

Наконец, следует подчеркнуть, что ресоциализация через труд и профессиональное обучение - это не узко ведомственная задача, а межсекторальная политика. Тюремная система может обеспечить обучение и первичную трудовую социализацию, но устойчивое снижение рецидива требует включения муниципальных и региональных институтов, рынка труда и социальной инфраструктуры. Международные стандарты прямо ориентируют на сотрудничество с внешними социальными службами и вовлечение гражданского общества [2]. В российских условиях это означает необходимость институционально закреплённых механизмов взаимодействия: соглашения с работодателями, участие региональных служб занятости в подготовке к освобождению, программы социального сопровождения и поддержка документов. Чем короче «путь» от выпуска из программы в колонии до первого легального рабочего дня на свободе, тем выше вероятность закрепления результата обучения и труда в десистентной траектории.

Заключение. Труд и профессиональное обучение в местах лишения свободы обладают значительным потенциалом ресоциализации, однако этот потенциал реализуется только при переходе от формального учёта занятости и «выпуска по программам» к управлению социальными результатами: снижением рецидива, устойчивой легальной занятостью и восстановлением социальной субъектности осуждённых. Российский нормативный каркас закрепляет труд и профессиональную подготовку как важные инструменты исправления, но практическая эффективность зависит от наличия рабочих мест, качества производственной базы, справедливой мотивации и внешней релевантности получаемых квалификаций [1; 7]. Международные стандарты и рекомендации задают принципиальные ориентиры: тюремный режим должен облегчать реинтеграцию, предоставляя осмысленные виды деятельности и программы подготовки к освобождению [2; 3], а образование, профессиональная подготовка и работа должны рассматриваться как единый блок реабилитационных мер, опирающийся на диагностику, стратегию, партнёрства и оценку результатов [4]. Данные зарубежных метаанализов свидетельствуют о вероятном снижении рецидива и росте занятости среди участников программ, но одновременно указывают на методологические ограничения и роль селекции; отдельные исследования, контролирующие наблюдаемую селекцию, демонстрируют отсутствие эффекта, что требует акцента на качестве дизайна программ и активных механизмах воздействия [8–11]. В качестве ключевых направлений повышения результативности обоснованы: индивидуализация трудовых и образовательных траекторий на основе оценки рисков и потребностей; модульные программы с внешне признаваемой сертификацией; педагогизация труда через наставничество и оценку прогресса; развитие партнёрств с работодателями и службами занятости; обеспечение этически и правово корректных условий труда; создание непрерывной цепочки «обучение - практика - трудоустройство - сопровождение». Реализация указанных мер позволяет рассматривать труд и профессиональное обучение не как вспомогательные элементы режима, а как центральные инструменты достижения цели наказания - подготовки осуждённого к законопослушной и самостоятельной жизни после освобождения.

Список литературы:

[1] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ : принят Гос. Думой 18.12.1996 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.01.2026).

[2] Recommendation Rec(2006)2-rev of the Committee of Ministers to member States on the European Prison Rules (Adopted 11 January 2006; revised and amended 1 July 2020). Strasbourg : Council of Europe, 2020. 26 p.

[3] United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (the Nelson Mandela Rules) : UN General Assembly Resolution A/RES/70/175 (17 December 2015). New York : United Nations, 2015.

[4] Дорожная карта для разработки программ реабилитации в условиях тюрьмы : Серия справочников по вопросам уголовного правосудия / Управление ООН по наркотикам и преступности ; консультант Р. Аллен. Вена : Организация Объединенных Наций, 2018. 80 с.

[5] Бутенко Т. П. Образование осужденных к лишению свободы: уголовно-исполнительный аспект : монография. Благовещенск : Амурский государственный университет, 2011. 163 с.

[6] Попова В. И. Организация трудовой адаптации осужденных : учебное пособие. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2018. 83 с. ISBN 978-5-94991-451-9.

[7] Родионов А. В. Актуальные проблемы реализации уголовно-исполнительной политики в сфере организации труда осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2021. № 1. С. 27–33. DOI: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).1.027-033.

[8] Wilson D. B., Gallagher C. A., MacKenzie D. L. A Meta-Analysis of Corrections-Based Education, Vocation, and Work Programs for Adult Offenders // Journal of Research in Crime and Delinquency. 2000. Vol. 37, No. 4. P. 347–368. DOI: 10.1177/0022427800037004001.

[9] Davis L. M., Bozick R., Steele J. L., Saunders J., Miles J. N. V. Evaluating the Effectiveness of Correctional Education: A Meta-Analysis of Programs That Provide Education to Incarcerated Adults. Santa Monica, CA : RAND Corporation, 2013. 113 p. (RR-266-BJA). DOI: 10.7249/RR266.

[10] Aos S., Miller M., Drake E. Evidence-Based Adult Corrections Programs: What Works and What Does Not (Preliminary Report). Olympia, WA : Washington State Institute for Public Policy, 2006. No. 06-01-1201. 20 p.

[11] McNeeley S. The Effects of Vocational Education on Recidivism and Employment Among Individuals Released Before and During the COVID-19 Pandemic // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2023. Mar 14. DOI: 10.1177/0306624X231159886.

[12] Andrews D. A., Bonta J., Wormith J. S. The Risk-Need-Responsivity (RNR) Model: Does Adding the Good Lives Model Contribute to Effective Crime Prevention? // Criminal Justice and Behavior. 2011. Vol. 38, No. 7. P. 735–755. DOI: 10.1177/0093854811406356.

References:

[1] The Penal Code of the Russian Federation: feder. Law of 08.01.1997 No. 1-FZ: adopted by the State. Duma 18.12.1996 //SPS "ConsultantPlus" (date of appeal: 02.01.2026).

[2] Recommendation Rec(2006)2-rev of the Committee of Ministers to member States on the European Prison Rules (Adopted 11 January 2006; revised and amended 1 July 2020). Strasbourg : Council of Europe, 2020. 26 p.

[3] United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (the Nelson Mandela Rules) : UN General Assembly Resolution A/RES/70/175 (17 December 2015). New York : United Nations, 2015.

[4] Road map for developing rehabilitation programmes in prison: Criminal Justice Handbook Series/United Nations Office on Drugs and Crime; consultant R. Allen. Vienna: United Nations, 2018. 80 s.

[5] Butenko T.P. Education of those sentenced to imprisonment: criminal-executive aspect: monograph. Blagoveshchensk: Amur State University, 2011. 163 pp.

[6] Popova V.I. Organization of labor adaptation of convicts: a textbook. Vologda: VIP FSIN of Russia, 2018. 83 pp. ISBN 978-5-94991-451-9.

[7] Rodionov A. V. Actual problems of the implementation of the penal policy in the field of organization of labor of convicts//Penal law. 2021. № 1. S. 27-33. DOI: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).1.027-033.

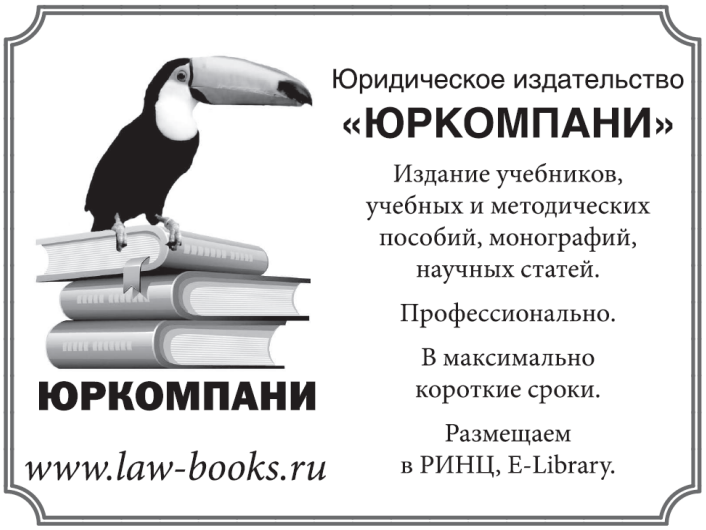
[8] Wilson D. B., Gallagher C. A., MacKenzie D. L. A Meta-Analysis of Corrections-Based Education, Vocation, and Work Programs for Adult Offenders // Journal of Research in Crime and Delinquency. 2000. Vol. 37, No. 4. P. 347–368. DOI: 10.1177/0022427800037004001.

[9] Davis L. M., Bozick R., Steele J. L., Saunders J., Miles J. N. V. Evaluating the Effectiveness of Correctional Education: A Meta-Analysis of Programs That Provide Education to Incarcerated Adults. Santa Monica, CA : RAND Corporation, 2013. 113 p. (RR-266-BJA). DOI: 10.7249/RR266.

[10] Aos S., Miller M., Drake E. Evidence-Based Adult Corrections Programs: What Works and What Does Not (Preliminary Report). Olympia, WA : Washington State Institute for Public Policy, 2006. No. 06-01-1201. 20 p.

[11] McNeeley S. The Effects of Vocational Education on Recidivism and Employment Among Individuals Released Before and During the COVID-19 Pandemic // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2023. Mar 14. DOI: 10.1177/0306624X231159886.

[12] Andrews D. A., Bonta J., Wormith J. S. The Risk-Need-Responsivity (RNR) Model: Does Adding the Good Lives Model Contribute to Effective Crime Prevention? // Criminal Justice and Behavior. 2011. Vol. 38, No. 7. P. 735–755. DOI: 10.1177/0093854811406356.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-292-297

ИВАНЬШИНА А.Э.,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России,к.ю.н.
e-mail: 19nastja94@mail.ru

ТИМОШКИНА В.А.,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России, к.ю.н.,
e-mail: viktory.tim@mail.ru

БАЛАК П.А.,
курсант ФПСРЭП Нижегородской академии МВД России,
рядовой полиции,
e-mail: pavel.balak6@mail.ru

КОНКРЕТИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ ПРАВА КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. *В статье приводится характеристика и анализ конкретизации принципов уголовного судопроизводства. Проведенное исследование основано на доктринальных трудах, нормативных правовых актах, актах официального толкования, материалам судебных данных 2020–2025 годов. В результате проведенного исследования был сформулирован ряд умозаключений о значимости конкретизации руководящих начал уголовного судопроизводства в механизме совершенствования законодательства.*

Ключевые слова: *конкретизация, принципы уголовного судопроизводства, юридическая техника, правотворчество, правоприменение, интерпретация, уголовно-процессуальное законодательство.*

IVANSHINA A.E.,
Senior lecturer at the Department of Criminal Procedure
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Law

TIMOSHKINA V.A.,
Lecturer of the Department of Criminal Procedure
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Law

BALAK P.A.,
cadet of the FSREP Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
an ordinary police officer

SPECIFICATION OF CRIMINAL PROCEDURAL PRINCIPLES OF LAW AS A WAY TO IMPROVE LEGISLATION

Annotation. *The article provides a description and analysis of the specification of the principles of criminal proceedings. The study is based on doctrinal works, regulatory legal acts, acts of official interpretation, and materials of judicial data from 2020–2025. As a result of the study, a number of conclusions were formulated about the importance of specifying the guiding principles of criminal proceedings in the mechanism for improving legislation.*

Key words: *specification, principles of criminal proceedings, legal technique, law-making, law enforcement, interpretation, criminal procedure legislation*.

Введение. Совершенствование законодательства – один из важнейших процессов, пронизывающий все виды юридической практики: правотворческую, правоприменительную и интерпретационную. Расширение системы знаний о приемах улучшения закона положительно влияет на перечисленные формы правовой деятельности. В связи с вышеизложенным, видится целесообразным посвятить настоящее исследование одному из таких, а именно, конкретизации.

Понимание сущности названного явления носит структурный и многогранный характер, что обусловлено разнообразием контекста его употребления. Подтверждая вышеизложенные положения, хочется кратко описать подходы к пониманию конкретизации в разных сферах. В контексте вышеизложенного стоит отметить, что взгляды на рассматриваемое явление рознятся даже при характеристике этимологической [1, с. 163], филологической [2], философской [3, с. 100] и общеправовой [4, с. 16] сущности конкретизации.

Не останавливаясь на детерминантах и последствиях отсутствия единообразия в понимании исследуемого правового явления, задекларируем, что его более глубокое изучение осуществляется не только в контексте общеправовой парадигмы, но и в рамках, например: 1) материального права – частных [5] и публичных [6] отраслях; 2) процессуального права – уголовно-процессуальной [7] и гражданско-процессуальной [8] отраслях права. В рамках настоящего исследования фокус внимания находится на уголовно-процессуальном аспекте рассматриваемого явления. Однако, соглашаясь с позицией, изложенной профессором В. М. Барановым, отметим, что эффективное рассмотрение конкретизации возможно только в условиях предметной обусловленности [9, с. 10].

Основная часть. В качестве предмета конкретизации нами были определены принципы уголовного судопроизводства, что обусловлено рядом следующих взаимосвязанных факторов:

1) фундаментальность положений, содержащихся в принципах;
2) имманентность отражения принципов в уголовно-процессуальных нормах;
3) высокий уровень абстрактности выбранных единиц.

Определившись с предметной принадлежностью исследуемого феномена, необходимо обусловить ракурс, с которого он подлежит рассмотрению. Так, принимая во внимание многочисленные дискуссии представителей научного сообщества насчет подходов к классификации, в зависимости от вида юридической практики нами выделено три вида конкретизации принципов уголовного судопроизводства: 1) правотворческая (законодательная) конкретизация;2) правоприменительная конкретизация;3) интерпретационная конкретизация.

Несмотря на то, что в юридической доктрине до сих пор дискуссируют насчет наличия, места и значения конкретизации в указанных видах юридической практики, в настоящей статье предпринята попытка проанализировать конкретизацию принципов в каждой из них и кратко изложить ее роль в процессе совершенствования законодательства.

Правотворческая (законодательная) конкретизация принципов уголовного судопроизводства. Играя важную роль в процессе совершенствования законодательства, отдельные приемы правотворчества становятся предметом многочисленных исследований в общеправовых и отраслевых областях правовых знаний. Законодательная конкретизация руководящих идей уголовного судопроизводства выступает ключевым этапом их развития законодателем.

В рамках данного подраздела видится целесообразным провести параллели между принципами уголовного судопроизводства и примерами их возможной законодательной конкретизации при внедрении новых или развитии действующих норм уголовно-процессуального права. Регламент настоящей статьи не позволяет всеобъемлюще рассмотреть каждый принцип уголовного процесса, ввиду чего нами описаны лишь наиболее значимые.

На наш взгляд, законодательная конкретизация может состоять в следующем: 1) разумный срок уголовного судопроизводства – в увеличении/сокращении сроков процессуальных действий, в расширении/сужении перечня оснований превышения сроков; 2) неприкосновенность личности – во внедрении механизмов законного ограничения принципа, в усилении контроля за субъектами уголовного судопроизводства, наделенными правом законного ограничения соответствующих лиц; 3) состязательность сторон – в предоставлении сторонам соответствующих (равных с точки зрения закона) возможностей, в устранении законодательных препятствий реализации прав каждой из сторон.

Примером такой конкретизации служат изменения, внесенные в статью 108 УПК РФ Федеральным законом от 28.02.2025 N 13-ФЗ [10], состоящие в детализировании категорий лиц, в отношении которых применяется мера законного ограничения неотъемлемых прав человека и гражданина, что, на наш взгляд, наглядно иллюстрирует пример законодательной конкретизации принципа неприкосновенности личности (ст. 10 УПК РФ).

Правоприменительная конкретизация принципов уголовного судопроизводства. Правоприменение выступает своего рода индикатором качества уголовно-процессуального закона, позволяя выявлять коллизии и пробелы законодательства, препятствующие осуществлению правосудия должным образом.

Широкий подход к пониманию сущности рассматриваемого вида конкретизации позволяет говорить о «двусторонней» конкретизации принципов. Под «двусторонним» подразумевается интеграция и адаптация положений высшего по иерархии юридической силы нормативного правового акта в фундаментальных началах применяемого закона.

В качестве примера описанного процесса считаем целесообразным привести статью 15 Конституции Российской Федерации, согласно которой: законы не должны противоречить ей (ч. 1 ст. 15), а определенный круг субъектов (органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица и др.) обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы (ч. 2 ст. 15). В свою очередь часть 1 статьи 7 УПК РФ декларирует, что ряд уполномоченных субъектов (суд, прокурор, следователь, орган дознания и т.д.) не вправе применять федеральный закон, противоречащий УПК.

Представленное положение конкретизирует положения Конституции в следующем: 1) сужение круга лиц; 2) трансформация обязывающего характера нормы в запрещающий; 3) ограничение пределов действия федеральным законодательством. Однако, реализация рассматриваемого положения УПК невозможна (неправомерна) без учета представленной ранее нормы Конституции РФ, что вытекает из статьи 1 УПК РФ. Из этого следует, что в случае противоречия нормы УПК РФ положениям Конституции РФ правоприменитель не вправе реализовать соответствующее предписание УПК РФ, а будет должен руководствоваться иным федеральным законом, противоречащим кодексу. По этому поводу Конституционный Суд РФ изложил свою позицию в части 1 Постановления Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 N 13-П [11].

Интерпретационная конкретизация принципов уголовного судопроизводства. Разъяснение уголовно-процессуального закона является имманентным условием правильного применения законодательно закрепленных предписаний. Об этом в доктрине упоминали представители научного сообщества [12].

Так, примеры актов толкования сущности принципов уголовного судопроизводства, Конституционным Судом РФ упоминались ранее, что подразумевало признание отдельных положений УПК РФ соответствующими Конституции РФ. Опуская размышления о фундаментальной значимости соответствия положений уголовно-процессуального закона Конституции РФ, отметим, что интерпретационная конкретизация заключается в объединении практики правоприменительной конкретизации в условиях, созданных в результате законодательной конкретизации. Таким образом, упорядочивается систематическая практика применения отдельных норм, в последствии унифицируя таковую.

О конкретизации принципов уголовного судопроизводства говорится и в интерпретационных актах Пленума Верховного Суда. Так, например, обобщая практику применения судами норм УПК РФ, регламентирующих подсудность дела, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 22 описывается следующая цепочка конкретизации: принцип Конституции РФ (ч. 1 ст. 47) – принцип уголовного судопроизводства (ч. 3 ст. 8 УПК РФ) – норма уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 32 УПК РФ) [13]. Особенностью вышеизложенной цепочки конкретизации руководящих начал является необходимость учета и комплексного понимания каждого из элементов. Имеется в виду, что понимание соответствующего принципа Конституции РФ необходимо для правильного применения конкретизирующего его принципа уголовного судопроизводства. Аналогичная закономерность выражается и в реализации вышеупомянутой статьи УПК РФ.

Представленный подход к пониманию интерпретационной конкретизации в уголовном судопроизводстве является не единственным. Примерами таковой служат, например, отсутствие императивного указания в ч. 1 ст. 45 УПК РФ на исключительное представительство потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя адвокатом. Тем самым законодатель совершенно справедливо отразил положения, содержащиеся в Определении Конституционного Суда РФ от 5 декабря 2003 года № 446–О [14]. Несмотря на то, что при вынесении названного акта КС РФ руководствовался конституционным принципом, изложенным в ст. 52 Конституции, считаем допустимым говорить о прямом влиянии положений, выработанных в результате интерпретации уголовно-процессуального закона на его реализацию.

Завершить рассмотрение видов конкретизации уголовного судопроизводства считаем уместным обоснованием внесения изменений в конструирование ряда норм уголовно-процессуального закона. Резюмируя сочетаемость выделенных видов конкретизации принципов уголовного судопроизводства друг с другом в качестве эффективного способа совершенствования

закона и практики его применения, считаем целесообразным внедрить ряд изменений в УПК РФ. Границы настоящей статьи предопределили ограничение предложений Главой 2 УПК РФ «Принципы уголовного судопроизводства». Так, считаем целесообразным добавить в ряд статей упомянутой главы такое юридико-техническое средство как примечание, по мнению профессора В. М. Баранова, являющуюся формой конкретизации [15, с. 335]. Предвкушая дискуссию о целесообразности применения указанного элемента юридической техники в УПК РФ, отметим, что считаем возможным его использование исключительно в рамках рассматриваемой главы, что связано с ее «цементирующим» характером в отношении конструирования других положений. Поэтому от их понимания зависит правильность применения [16, с. 82] остальных норм уголовно-процессуального права. В контексте вышеизложенного полагаем, что внедрение примечаний, отражающих конкретизирующие положения, подразумевающиеся законодателем при применении и интерпретации уголовно-процессуального закона, является эффективным способом повышения качества и понятности УПК РФ. По мнению ученых, в практике уголовного правоприменения все еще сохраняются усеченные формы толкования прав, обязанностей и ответственности субъектам права [17, с. 238].

Так, изучив существующие конкретизирующие положения, видим целесообразным дополнить конкретизирующими примечаниями следующие нормы, содержащие принципы уголовного судопроизводства: ст. 6.1 УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства»; ст. 10 УПК РФ «Неприкосновенность личности»; ст. 11 УПК РФ «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве» ст. 12 УПК РФ; «Неприкосновенность жилища»; ст. 15 УПК РФ «Состязательность сторон»; ст. 16 УПК РФ «Обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту»; ст. 17 УПК РФ «Свобода оценки доказательств».

Заключение. Таким образом, небезосновательно полагаем, что грамотно конкретизированные принципы уголовного судопроизводства становятся залогом качественной практики применения уголовно-процессуального законодательства. Резюмируя вышеизложенные положения, видится целесообразным сформулировать ряд умозаключений, кратко описывающих основные результаты исследования конкретизации принципов уголовного судопроизводства в контексте совершенствования законодательства.

Первое. Несмотря на широкую распространенность и часто используемость, как в правовых, так и внеправовых аспектах жизнедеятельности, конкретизация не достигла единообразия понимания ни в этимологическом, ни в филологическом, ни в философском, ни в правовом аспекте.

Второе. Выступая одним из значимых элементов правовой системы, конкретизация рассматривается, как в рамках общеправовых исследований, так и отраслевых, что доказывает необходимость предметной обусловленности исследуемой категории.

Третье. В связи с тем, что реализация принципов уголовного судопроизводства пронизывает все виды юридической практики, видится целесообразным классифицировать их конкретизацию на: правотворческую (законодательную), правоприменительную и интерпретационную.

Четвертое. Примеры конкретизации каждого выделяемого вида встречаются, как в трудах представителей научного сообщества, так и судебной (правоприменительной и интерпретационной) практике, что говорит о значимости каждого из них в процессе реализации принципов уголовного судопроизводства.

Пятое. Процесс совершенствования уголовно-процессуального законодательства в соответствующей области представляется наиболее эффективным в синтезе правотворческой, правоприменительной и интерпретационной конкретизации фундаментальных начал, позволяя соответственно: развивать, применять, критически оценивать и толковать принципы уголовного судопроизводства.

Шестое. Определяя одним из способов повышения качества уголовно-процессуального закона комплексное применение описанных в статье приемов, считаем разумным внедрить примечания, конкретизирующие положения принципов уголовного судопроизводства в ст. ст. 6.1, 10, 11, 12, 15, 16, 17 УПК РФ.

Список литературы:

[1] Свиридова М. Н. Этимологический словарь современного русского языка / М. Н. Свиридова. – Москва: Аделант, – 2014. – 512 с.

[2] Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4–е изд., дополненное. М.: «А ТЕМП». – 2004. – 944 с.

[3] Философский энциклопедический словарь / под ред. Аверинцев С. С. и др. М.: «Советская энциклопедия». – 1989. – 840 с.

[4] Шмелева Г. Г. Конкретизация юридических норм в правовом регулировании: Монография. Львов: Выща шк.: Изд-во при Львов. гос. ун-те, – 1988. – 106 с.

[5] Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: общее и особенное // Государство и право. – 2007. – № 8. – С. 39–47.

[6] Наумов А. В. О конкретизации тяжких последствий // Советская юстиция. – 1972. – № 11. – С. 11–13.

[7] Круглов И. В. Конкретизация уголовно-процессуального законодательства о назначении уголовного судопроизводства // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27–28 сентября 2007 года) / Под ред. профессора В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2008. – С. 1099–1103.

[8] Потапенко Е. Г. Специализация и унификация цивилистического процессуального права: дисс. … докт. юрид. наук. – Саратов. – 2023. – 576 с.

[9] Баранов В. М. Правотворческая конкретизация: негативный ракурс // Вестник Нижегородской академии МВД России, – 2014. – № 2 (26). – С. 9–22.

[10] Федеральный закон от 28.02.2025 № 13–ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 03.03.2025, № 9, ст. 842.

[11] Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 N 13–П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. 2004, № 27, ст. 2804.

[12] Сидоренко М. В. Конкретизация закона посредством актов конституционного правосудия как средство преодоления неопределенности уголовно-процессуального права России // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал, 2015. – № 5. – С. 39–41.

[13] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 22 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих подсудность уголовного дела» // Российская газета. 2023. № 149.

[14] Определение Конституционного Суда РФ № 446–О от 5 декабря 2003 года по жалобам граждан Л. Д. Вальдмана, С. М. Григорьева и региональной общественной организации «объединение вкладчиков «МММ» на нарушение конституционных прав и свобод рядом положений Уголовно-процессуального кодекса РФ, Арбитражного процессуального кодекса РФ и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре РФ» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 3. С. 62.

[15] Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. ¬– Москва: Проспект, – 2021. – 648 с.

[16] Сысоев, А. В. Анализ правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу соответствия части 2 статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации Конституции Российской Федерации / А. В. Сысоев // Право и государственность. – 2023. – № 1(1). – С. 78-82. – EDN DMXKOZ.

[17] Диваева, И. Р. О некоторых проблемных аспектах толкования уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм / И. Р. Диваева, М. С. Шайхуллин // Право и управление. – 2024. – № 11. – С. 238-242. – DOI 10.24412/2224-9133-2024-11-238-242. – EDN NQNTKE.

References:

[1] Sviridova M.N. Etymological Dictionary of the Modern Russian Language/M.N. Sviridov. - Moscow: Adelant, - 2014. - 512 s.

[2] Ozhegov S.I., Shvedova N. Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions/Russian Academy of Sciences. Russian Language Institute named after V.V. Vinogradov. 4th ed., Supplemented. M.: “A TEMP.” – 2004. - 944 s.

[3] Philosophical encyclopedic dictionary/ed. Averintsev S. S. et al. M.: “Soviet Encyclopedia.” – 1989. - 840 s.

[4] Shmeleva G. G. Concretization of legal norms in legal regulation: Monograph. Lviv: Vyshchka shk.: Publishing house at Lviv. state. un-te, - 1988. - 106 s.

[5] Lukyanenko M.F. Evaluative concepts of civil law: general and special//State and law. – 2007. – № 8. - S. 39-47.

[6] Naumov A.V. On the concretization of grave consequences//Soviet justice. – 1972. – № 11. - S. 11-13.

[7] Kruglov I.V. Concretization of criminal procedure legislation on the appointment of criminal proceedings//Concretization of legislation as a technical and legal technique of normative, interpretative, law enforcement practice: Materials of the International Symposium (Gelendzhik, September 27-28, 2007)/Ed. Professors V. M. Baranov. - N. Novgorod, 2008. - S. 1099-1103.

[8] Potapenko E. G. Specialization and unification of civil procedural law: diss... doc. jurid. sciences. - Saratov. – 2023. - 576 p.

[9] Baranov V. M. Law-making concretization: negative angle//Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, - 2014. – № 2 (26). - S. 9-22.

[10] Federal Law of 28.02.2025 No. 13-FZ “On Amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation “//Collection of Legislation of the Russian Federation, 03.03.2025, No. 9, Art. 842.

[11] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 29.06.2004 N 13-P “In the case of checking the constitutionality of certain provisions of Articles 7, 15, 107, 234 and 450 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of a group of deputies of the State Duma “//Collection of legislation of the Russian Federation. 2004, No. 27, Art. 2804.

[12] Sidorenko M.V. Concretization of the law through acts of constitutional justice as a means of overcoming the uncertainty of the criminal procedure law of Russia//Business in law. Journal of Economics and Law, 2015. – № 5. - S. 39-41.

[13] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.06.2023 No. 22 “On the application by the courts of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation governing the jurisdiction of a criminal case “// Rossiyskaya Gazeta. 2023. № 149.

[14] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 446-O dated December 5, 2003 on the complaints of citizens L. D. Waldman, S. M. Grigoriev and the regional public organization “association of MMM depositors” for violation of constitutional rights and freedoms by a number of provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation and the Federal Law “On Advocacy and Advocacy of the Russian Federation “//Bulletin of the Constitutional Court RF. 2004. № 3. S. 62.

[15] Legal technique: textbook/edited by V. M. Baranova. ¬ - Moscow: Prospect, - 2021. - 648 s.

[16] Sysoev, A. V. Analysis of the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation on the issue of compliance of part 2 of Article 325 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with the Constitution of the Russian Federation/A. V. Sysoev//Law and statehood. – 2023. – № 1(1). - S. 78-82. – EDN DMXKOZ.

[17] Divaeva, I. R. On some problematic aspects of the interpretation of criminal law and criminal procedure norms/I. R. Divaeva, M. S. Shaikhullin//Law and management. – 2024. – № 11. - S. 238-242. – DOI 10.24412/2224-9133-2024-11-238-242. – EDN NQNTKE.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-298-302

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилевич,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский
институт Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru

АДАПТИВНАЯ ПАРАНОЙЯ В УСЛОВИЯХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: БРЕДОВАЯ НАСТРОЕННОСТЬ ИЛИ ЭВОЛЮЦИОННОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО?

Аннотация. *В статье представлен теоретический анализ параноидных психических черт не как патологического симптома, а как потенциально высокоадаптивной стратегии выживания в среде, где доверие сопряжено с экзистенциальным риском. На основе эволюционно-психологического подхода рассматривается гипотеза о том, что склонность к сверхбдительности, подозрительности и интерпретации действий других как враждебных могла развиться как механизм детекции социальных угроз в конкурентных групповых условиях. Особый фокус сделан на пенитенциарной среде, где подобная стратегия демонстрирует свою функциональность, способствуя физическому выживанию индивида. Однако далее анализируется обратная сторона этой адаптации: закрепляясь в структуре личности, «адаптивная паранойя» ведет к ригидности, социальной изоляции и неспособности к функционированию в безопасном обществе, создавая феномен «институционализированной личности». Статья интегрирует данные клинической психиатрии, эволюционной психологии и пенитенциарных исследований, предлагая комплексный взгляд на паранойю как на явление, находящееся на пересечении нормы и патологии.*

Ключевые слова: *паранойя, эволюционная психология, адаптация, пенитенциарная среда, параноидное расстройство личности, институционализация, социальная угроза, доверие.*

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
Federal State Institution «Research Institute
of the Federal Penitentiary Service»

ADAPTIVE PARANOIA IN PRISON: DELUSIONAL TYPE OR EVOLUTIONARY ADVANTAGE?

Annotation. *The article provides a theoretical analysis of paranoid mental traits not as a pathological symptom, but as a potentially highly adaptive survival strategy in an environment where trust is associated with existential risk. Based on an evolutionary psychological approach, the hypothesis is considered that the tendency to hypervigilance, suspicion, and interpretation of others' actions as hostile could have evolved as a mechanism for detecting social threats in competitive group conditions. Special focus is placed on the penitentiary environment, where such a strategy demonstrates its functionality, contributing to the individual's physical survival. However, the reverse side of this adaptation is further analyzed: becoming entrenched in the personality structure, «adaptive paranoia» leads to rigidity, social isolation, and an inability to function in a safe society, creating the phenomenon of an «institutionalized personality». The article integrates data from clinical psychiatry, evolutionary psychology, and penitentiary research, offering a comprehensive view of paranoia as a phenomenon at the intersection of normality and pathology.*

Key words: *paranoia, evolutionary psychology, adaptation, penitentiary environment, paranoid personality disorder, institutionalization, social threat, trust.*

Введение. В классической психиатрии паранойя рассматривается прежде всего как симптом психоза или стержневое расстройство параноидной личности, характеризующееся необоснованным недоверием, подозрительностью и интерпретацией нейтральных событий как угрожающих. Этот взгляд, безусловно, верен в клиническом контексте, где подобные черты причи-

няют значительные страдания и нарушают социальное функционирование. Однако если отойти от исключительно патологической парадигмы и взглянуть на феномен через призму эволюционной психологии и экологии специфических сред, возникает провокационный вопрос: может ли параноидная настроенность быть не ошибкой восприятия, а адаптивной стратегией, «калиброванной» для выживания в условиях хронической и реальной опасности? Особую остроту этот вопрос приобретает в контексте пенитенциарных учреждений – среды, где угроза насилия, эксплуатации и предательства не является продуктом больного воображения, а составляет повседневную реальность. Высокая распространенность параноидных черт среди заключенных, достигающая, по некоторым данным, 23%, заставляет задуматься не только об импорте психических расстройств в тюрьму, но и о возможном формировании или усилении этих черт как функционального ответа на среду [1]. Данная статья предлагает концептуальный разбор паранойи как потенциального эволюционного преимущества, которое, однако, платит за свою эффективность тотальной трансформацией личности, делая ее неспособной к жизни за пределами «экологической ниши», для которой она была оптимальна. Подобный анализ позволяет переосмыслить не только природу параноидных явлений, но и саму цель пенитенциарной системы, балансирующей между карательной функцией и задачей ресоциализации.

Эволюционные корни параноидного мышления: от детекции угроз к социальной настороженности. Современные эволюционные теории предполагают, что параноидное мышление, в его мягких, субклинических формах, является частью нормального спектра человеческого социального познания, сформированного под давлением естественного отбора [2]. В условиях жизни небольшими, внутренне конкурентными группами, где коалиции могли формироваться и распадаться, а ресурсы были ограничены, способность быстро обнаруживать потенциальных врагов, улавливать скрытые намерения и предвидеть заговоры давала прямое преимущество в выживании и репродукции. С эволюционной точки зрения, цена ложноположительной ошибки (заподозрить угрозу там, где ее нет) была значительно ниже, чем цена ложноотрицательной (не распознать реальную опасность). Таким образом, когнитивная предрасположенность к гипертрофированной оценке враждебности окружающих могла закрепиться как адаптивный механизм. Этот «предубеждающий» модуль мышления, вероятно, тесно связан с такими фундаментальными системами, как распознавание лиц и эмоций, особенно гнева и отвращения, а также с нейронными сетями, ответственными за теорию психического (mentalizing), которая в данном случае работает в «реверсивном» режиме – не для понимания, а для выявления скрытого злого умысла.

Этот механизм не является сугубо человеческим. Способность различать членов своей и чужой группы, отслеживать социальные альянсы и реагировать на потенциальные угрозы наблюдается у многих социальных животных. У человека он достиг высокой сложности, включив в себя способность к абстрактному мышлению и построению нарративов, что, в свою очередь, создало почву для формирования развернутых картин преследования и конспиративных объяснений. Исследования показывают, что параноидные идеи существуют в популяции непрерывно, образуя спектр от легкой социальной настороженности до бредовых убеждений [3]. Это континуальное распределение поддерживает идею об их глубинном эволюционном базисе, а не исключительно о патологическом процессе. Интересно, что нейровизуализационные исследования указывают на повышенную активность миндалины (амигдалы) и островковой доли у лиц с параноидными чертами при просмотре социально неоднозначных стимулов, что коррелирует с эволюционно древними системами обнаружения угрозы и обработки сигналов, связанных с доверием и риском [4].

Пенитенциарная среда как «естественный эксперимент»: где паранойя становится адаптивной. Тюремная система представляет собой уникальную, почти лабораторную модель среды, в которой гипотеза об адаптивности паранойи может быть проверена. Это мир, где базовое доверие, необходимое для нормальных социальных взаимодействий, не только не является нормой, но и может быть смертельно опасным. Угроза физического насилия, психологического манипулирования, воровства и формирования иерархий через агрессию – постоянный фон жизни заключенного. В таких условиях сверхбдительность, скрытность, интерпретация любых неоднозначных действий как потенциально враждебных и отказ от доверительных отношений перестают быть симптомами расстройства и превращаются в рациональные, жизненно важные поведенческие стратегии. Эта среда искусственно воспроизводит и усиливает те самые эволюционно значимые параметры (высокая конкуренция, ограниченные ресурсы, непредсказуемость намерений других), которые, вероятно, и способствовали формированию протопараноидных механизмов в филогенезе.

Эмпирические исследования подтверждают эту логику. Лица с высоким уровнем параноидных

черт демонстрируют в экспериментальных играх снижение кооперации и повышенную склонность к наказанию партнеров, что в контексте тюрьмы может интерпретироваться как предотвращение эксплуатации [5]. Более того, распространенность расстройств кластера А (к которому относится параноидное расстройство личности) среди заключенных многократно превышает популяционные показатели [6]. Хотя часть этих случаев может быть «импортирована», нельзя исключать и процесс «депривации», формирования или усиления данных черт под прямым влиянием тюремной среды. Постоянная необходимость сканирования окружения на предмет угроз, выявления скрытых мотивов и поддержания эмоциональной дистанции создает устойчивый паттерн мышления и поведения, который в рамках данной системы является функциональным. Это яркий пример того, как контекст определяет границу между адаптацией и психопатологией. Показательно, что новички в тюрьме, не обладающие изначально выраженными параноидными чертами, быстро усваивают «правила игры», и их восприятие социального мира претерпевает сдвиг в сторону большей подозрительности, что можно рассматривать как быструю, ситуативную адаптацию. Однако при длительном воздействии эта ситуативная стратегия кристаллизуется в устойчивую личностную черту [7].

Цена адаптации: «институционализация» личности и крах ресоциализации. Парадокс «адаптивной паранойи» заключается в том, что ее эффективность в одной среде оборачивается катастрофической дезадаптацией в другой. Психологические защиты и когнитивные схемы, отточенные годами выживания в условиях тюрьмы, срастаются с личностью, формируя то, что можно назвать «институционализированной параноидной личностью». Ригидность мышления, неспособность к гибкой оценке социальных ситуаций, генерализованное недоверие, подозрительность и отстраненность становятся не стратегиями, а чертами характера. Нейропластичность мозга, изначально позволившая адаптироваться к опасной среде, теперь работает против индивида, закрепляя дезадаптивные для свободы нейронные пути. Развивается специфический когнитивный стиль, для которого характерны сверхобобщение (единичный негативный опыт распространяется на всех людей), персонализация (нейтральные события интерпретируются как имеющие к себе прямое, обычно негативное отношение) и дихотомическое мышление («либо друг, либо враг», «либо доверять полностью, либо не доверять вообще») [8].

Когда такой человек оказывается на свободе, его психический аппарат, настроенный на постоянный анализ угроз, продолжает работать в том же режиме. Однако среда радикально изменилась: большинство социальных сигналов теперь нейтральны или дружелюбны, кооперация и доверие являются необходимыми условиями для трудоустройства, создания семьи, интеграции в общество. Когнитивная система, оптимизированная для мира тюрьмы, дает сбой. Нейтральные взгляды прохожих воспринимаются как оценивающие или угрожающие, предложения помощи воспринимаются как попытки манипуляции, требования социального взаимодействия расцениваются как вторжение и опасность. Это приводит к глубокой социальной изоляции, конфликтам, тревоге и часто к рецидиву правонарушений как к единственной знакомой и предсказуемой среде. Возникает порочный круг: дезадаптивное поведение, порожденное параноидной установкой, вызывает реальное отвержение со стороны общества, что, в свою очередь, подтверждает и усиливает исходное убеждение в его враждебности. Таким образом, «адаптивная паранойя» оказывается ловушкой. Она обеспечивает выживание в краткосрочной, экстремальной перспективе, но ценой необратимых изменений личности, которые блокируют возможность успешной жизни в нормальном обществе. Эволюционное преимущество оборачивается эволюционным тупиком в масштабе жизни одного индивида, а тюрьма, по иронии, создает идеальных «обитателей» для самой себя [9].

Клинические и организационные импликации. Понимание паранойи через призму контекстуальной адаптации имеет глубокие практические последствия для пенитенциарной психиатрии и системы ресоциализации. Во-первых, оно требует пересмотра диагностического подхода: выраженные параноидные черты у длительно отбывающих наказание должны оцениваться не только как симптом расстройства, но и как возможный результат функциональной адаптации к среде [6; 10]. Это не отменяет необходимости лечения в случаях выраженного дистресса, но добавляет важный компонент к пониманию случая. Дифференциальная диагностика между «первичным» параноидным расстройством личности и «вторичной», ситуативно-индуцированной параноидной адаптацией становится критически важной для прогноза и выбора методов терапии.

Во-вторых, становятся очевидными ограничения традиционной психотерапии, направленной исключительно на коррекцию «иррациональных убеждений». Для личности, чьи убеждения сформированы и многократно подкреплены реальным опытом выживания в опасной среде, такие интервенции могут восприниматься как

наивные и неуместные. Более эффективным может быть подход, который признает адаптивную ценность этих паттернов в прошлом контексте и фокусируется на постепенном обучении дифференциации сред: помощи в разработке новых, более гибких схем поведения для условий безопасности, без требования мгновенного отказа от старых, жизненно важных когда-то стратегий. Методы, основанные на принципах диалектико-поведенческой терапии (DBT) и терапии принятия и ответственности (ACT), которые учат осознанности, толерантности к дистрессу и ценностно-направленному поведению в различных контекстах, могут оказаться более уместными. Также перспективным представляется тренинг социального познания, направленный на точное распознавание эмоций и намерений других людей в безопасных условиях [10].

В-третьих, это ставит серьезные вопросы перед пенитенциарной системой в целом. Если сама среда учреждения активно формирует личностные черты, несовместимые с жизнью на свободе, то ее ресоциализирующая функция терпит крах. Необходимы структурные изменения, направленные на создание внутри учреждений элементов просоциального взаимодействия, безопасного доверия и ответственности, которые могли бы служить «тренировочным полигоном» для будущей жизни в обществе. Это может включать в себя программы наставничества, восстановительное правосудие, проекты, требующие сотрудничества между заключенными и внешними волонтерами, а также изменение самой организационной культуры учреждений в сторону большей транспарентности и справедливости, что снижает почву для формирования общих установок на скрытность и недоверие [7; 11]. Ключевым принципом должно стать создание «мостов» между тюремной и внешней социальной реальностью, а не усугубление разрыва между ними.

Заключение. Паранойя, рассматриваемая исключительно как бредовая настроенность, представляет собой лишь часть сложного феномена. Эволюционно-психологический анализ и наблюдения за пенитенциарной средой позволяют увидеть в ней потенциально адаптивную стратегию сверхбдительности, сформированную для выживания в условиях, где социальный мир полон реальных угроз. В контексте тотальной институционализации эта стратегия демонстрирует свою функциональность, способствуя физической безопасности индивида. Однако ее оборотной стороной является глубинная трансформация личности, ее «окаменение» в ригидных, недоверчивых паттернах. Освободившись, человек оказывается в положении эволюционного анахронизма: его психический аппарат, идеально приспособленный для мира тюрьмы, оказывается глубоко дезадаптивным в мире, требующем кооперации и доверия [12; 13].

Таким образом, «адаптивная паранойя» является трагическим парадоксом, в котором инструмент выживания в экстремальных условиях превращается в пожизненную психологическую тюрьму. Преодоление последствий такой адаптации требует не только индивидуальной терапевтической работы, но и фундаментального переосмысления того, как пенитенциарные системы, предназначенные для исправления, не должны становиться машинами по производству личностей, неспособных к жизни на свободе. Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение нейробиологических основ такой контекстозависимой адаптации (например, долгосрочных изменений в работе миндалины и префронтальной коры) и на разработку средовых и терапевтических интервенций, способных предотвратить или смягчить процесс институционализации личности. Понимание паранойи как адаптации, вышедшей из-под контроля, открывает новые пути для более гуманной и эффективной пенитенциарной практики, где безопасность и ресоциализация перестают быть взаимоисключающими целями.

Список литературы:

[1] Yousefi F., Mohammadi M. R., Rahimi C., Farahzadi M. H. Predictors of personality disorders in prisoners // Journal of Medical and Life. – 2022. – Vol. 15, no. 4. – P. 454–461. – DOI: 10.25122/jml-2021-0317.

[2] Raihani N. J., Bell V. An evolutionary perspective on paranoia // Nature Human Behaviour. – 2019. – Vol. 3, no. 2. – P. 114–121. – DOI: 10.1038/s41562-018-0495-0.

[3] Freeman D., Loe B. S. Explaining paranoia: cognitive and social processes in the occurrence of extreme mistrust // BMJ Mental Health. – 2023. – Vol. 26, no. 1. – Art. e300880. – DOI: 10.1136/bmjment-2023-300880.

[4] Green M. J., Phillips M. L. Social threat perception and the evolution of paranoia // Neuroscience and Biobehavioral Reviews. – 2004. – Vol. 28, no. 3. – P. 333–342. – DOI: 10.1016/j.neubiorev.2004.03.006.

[5] Raihani N. J., Bell V. Conflict and cooperation in paranoia: a large-scale behavioural experiment // Psychological Medicine. – 2018. – Vol. 48, no. 9. – P. 1523–1531. – DOI: 10.1017/S0033291717003075.

[6] Cunha O., Rodrigues A. C., Caridade S., das Neves Almeida T. The impact of imprisonment on individuals' mental health and society reintegration:

study protocol // BMC Psychology. – 2023. – Vol. 11, no. 1. – Art. 215. – DOI: 10.1186/s40359-023-01252-w.

[7] Toch H. Living in Prison: The Ecology of Survival. – New York: Free Press, 1992. – 344 p.

[8] Jain L., Torrico T. J. Paranoid Personality Disorder // StatPearls [Electronic resource] / Treasure Island (FL): StatPearls Publishing, 2024.

[9] Cohen S., Taylor L. Psychological Survival: The Experience of Long-Term Imprisonment. – Harmondsworth: Pelican Books, 1972. – 217 p.

[10] Carvalho C. B., Pereira V., Sousa M., Motta C., Gouveia J. P., Caldeira S. N., Peixoto E. B., Fenigstein A. Paranoia in the general population: a revised version of the general paranoia scale for adolescents // European Scientific Journal. – 2014. – Vol. 10, no. 23. – P. 211–222. – DOI: 10.19044/esj.2014.v10n23p211.

[11] Kennair L. E. O., Kleppestø T. H., Jørgensen B. E. G., Larsen S. M. Evolutionary Clinical Psychology // Encyclopedia of Evolutionary Psychological Science / ed. by T. K. Shackelford, V. A. Weekes-Shackelford. – Cham: Springer International Publishing, 2018. – P. 1–8. – DOI: 10.1007/978-3-319-16999-6_688-1.

[12] Игумнов С. А., Искандаров Р. Р. Пробация в отношении лиц с психическими расстройствами: организационно-правовые и клинико-социальные особенности реализации в Российской Федерации // Психическое здоровье. – 2025. – Т. 20, № 11. – С. 13–19. – DOI: 10.25557/2074-014X.2025.11.13-19. – EDN VXUBQR.

[13] Искандаров Р. Р. Влияние ограничения свободы на автономию и самоидентификацию лиц с психическими расстройствами в пенитенциарных условиях // Право и управление. – 2025. – № 6. – С. 49–52. – DOI: 10.24412/2224-9133-2025-6-49-52. – EDN TKWEFB.

References:

[1] Yousefi F., Mohammadi M. R., Rahimi C., Farahzadi M. H. Predictors of personality disorders in prisoners // Journal of Medical and Life. – 2022. – Vol. 15, no. 4. – P. 454–461. – DOI: 10.25122/jml-2021-0317.

[2] Raihani N. J., Bell V. An evolutionary perspective on paranoia // Nature Human Behaviour. – 2019. – Vol. 3, no. 2. – P. 114–121. – DOI: 10.1038/s41562-018-0495-0.

[3] Freeman D., Loe B. S. Explaining paranoia: cognitive and social processes in the occurrence of extreme mistrust // BMJ Mental Health. – 2023. – Vol. 26, no. 1. – Art. e300880. – DOI: 10.1136/bmjment-2023-300880.

[4] Green M. J., Phillips M. L. Social threat perception and the evolution of paranoia // Neuroscience and Biobehavioral Reviews. – 2004. – Vol. 28, no. 3. – P. 333–342. – DOI: 10.1016/j.neubiorev.2004.03.006.

[5] Raihani N. J., Bell V. Conflict and cooperation in paranoia: a large-scale behavioural experiment // Psychological Medicine. – 2018. – Vol. 48, no. 9. – P. 1523–1531. – DOI: 10.1017/S0033291717003075.

[6] Cunha O., Rodrigues A. C., Caridade S., das Neves Almeida T. The impact of imprisonment on individuals' mental health and society reintegration: study protocol // BMC Psychology. – 2023. – Vol. 11, no. 1. – Art. 215. – DOI: 10.1186/s40359-023-01252-w.

[7] Toch H. Living in Prison: The Ecology of Survival. – New York: Free Press, 1992. – 344 p.

[8] Jain L., Torrico T. J. Paranoid Personality Disorder // StatPearls [Electronic resource] / Treasure Island (FL): StatPearls Publishing, 2024.

[9] Cohen S., Taylor L. Psychological Survival: The Experience of Long-Term Imprisonment. – Harmondsworth: Pelican Books, 1972. – 217 p.

[10] Carvalho C. B., Pereira V., Sousa M., Motta C., Gouveia J. P., Caldeira S. N., Peixoto E. B., Fenigstein A. Paranoia in the general population: a revised version of the general paranoia scale for adolescents // European Scientific Journal. – 2014. – Vol. 10, no. 23. – P. 211–222. – DOI: 10.19044/esj.2014.v10n23p211.

[11] Kennair L. E. O., Kleppestø T. H., Jørgensen B. E. G., Larsen S. M. Evolutionary Clinical Psychology // Encyclopedia of Evolutionary Psychological Science / ed. by T. K. Shackelford, V. A. Weekes-Shackelford. – Cham: Springer International Publishing, 2018. – P. 1–8. – DOI: 10.1007/978-3-319-16999-6_688-1.

[12] Igumnov S. A., Iskandarov R. R. Probation in relation to persons with mental disorders: organizational and legal and clinical and social features of implementation in the Russian Federation//Mental health. – 2025. - T. 20, NO. 11. - S. 13-19. – DOI: 10.25557/2074-014X.2025.11.13-19. – EDN VXUBQR.

[13] Iskandarov R. R. Effect of restriction of freedom on autonomy and self-identification of persons with mental disorders in prison settings//Law and administration. – 2025. – № 6. - S. 49-52. – DOI: 10.24412/2224-9133-2025-6-49-52. – EDN TKWEFB.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-303-305

БУРНЯШЕВА Валерия Владимировна,
аспирант кафедры правосуди я и правоохранительной деятельности,
Тульский государственный университет,
e-mail: burnyasheva@yandex.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ В КАЧЕСТВЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ПОСРЕДСТВОМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. *Данная статья посвящена изучению роли цифровых следов в расследованиях преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и психотропных веществ. Автором рассматривается сущность и классификация цифровых следов, их отличие от обычных вещественных доказательств. Отмечается рост киберпреступности благодаря технологическому прогрессу. Внимание акцентируется на проблемах идентификации и фиксации цифровых следов, включая анонимность коммуникаций и использование криптовалют. Также в статье подчёркивается необходимость своевременного изъятия и сохранения цифровых данных, а также важности разработки четких правовых норм и методик для их полноценного использования в суде. Предлагаются инновационные технологии и методики, направленные на повышение эффективности борьбы с наркопреступностью.*

Ключевые слова: *цифровые следы; криминалистика; преступления; незаконный оборот наркотиков; психотропные вещества; информационно-коммуникационные технологии.*

BURNYASHEVA Valeria Vladimirovna,
Postgraduate Student of the Department of Justice and Law Enforcement,
Tula State University

THE USE OF DIGITAL FOOTPRINTS AS CRIMINALISTICALLY SIGNIFICANT INFORMATION IN THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO ILLICIT TRAFFICKING IN DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES THROUGH INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

Annotation. *This article is devoted to the study of the role of digital footprints in the investigation of crimes related to drug trafficking and psychotropic substances. The author examines the essence and classification of digital footprints, their difference from ordinary physical evidence. Cybercrime is on the rise due to technological progress. Attention is focused on the problems of identifying and fixing digital footprints, including the anonymity of communications and the use of cryptocurrencies. The article also highlights the need for timely seizure and preservation of digital data, as well as the importance of developing clear legal norms and methods for their full use in court. Innovative technologies and techniques aimed at improving the effectiveness of the fight against drug crime are offered.*

Key words: *digital footprints; criminalistics; crimes; drug trafficking; psychotropic substances; information and communication technologies.*

Введение

В настоящее время развитие цифровых технологий усилило преступную деятельность, позволив наркобизнесу воспользоваться преимуществами электронных платежей и создать новые способы сокрытия незаконных сделок.

Необходимость изучения цифровых следов важна для эффективной борьбы с подобными преступлениями.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей сбора, анализа и оценки цифровой информации, полученной в результате совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ с применением современных телекоммуникационных технологий.

Методология исследования состоит из анализа нормативных документов, судебной практики, интервью сотрудников правоохранительных органов и обобщения исследовательских данных.

Результаты исследований

Развитие цифровых технологий позитивно влияет на повседневную жизнь большинства людей, однако существует и негативная сторона прогресса. К сожалению, современные средства связи активно используются злоумышленниками для достижения корыстных целей, особенно в области торговли наркотическими средствами. К примеру, согласно официальной статистике Государственного антинаркотического комитета, в 2024 году количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и совершенных с использованием информационных технологий, выросло на 38%. Эта тенденция продолжилась и в 2025 году: был зафиксирован рекордный прирост числа киберпреступлений, связанный с общей популяризацией дистанционной занятости и увеличением доли взаимодействий через интернет-каналы вследствие продолжающейся цифровизации общества. Таким образом, уровень таких преступлений увеличился на 85%, продемонстрировав существенный всплеск активности правонарушителей в сфере высоких технологий.

Распространение бесконтактных методов продажи наркотиков через интернет объясняется несколькими ключевыми факторами. Во-первых, доступность глобального интернета сделала возможным участие практически каждого гражданина в электронной среде. Во-вторых, широкое распространение анонимайзеров и сервисов шифрования позволяет легко скрывать свою личность и действия в сети, затрудняя работу правоохранительных органов. Третье обстоятельство – простота подготовки и исполнения сделки без прямого физического контакта с конечным потребителем, что уменьшает объем следов, оставшихся после преступления [1, с. 143].

Особенную сложность представляют случаи, когда преступники прибегают к особо защищенным средствам связи, таким как Telegram, ICQ, Viber, WhatsApp и другим популярным мессенджерам. Эти программы обеспечивают высокий уровень защиты коммуникаций благодаря современным алгоритмам шифрования, делая процесс отслеживания и дешифровки крайне трудоемким и порой невозможным даже для опытных специалистов.

При изучении преступлений, связанных с торговлей наркотиками через интернет, особое внимание привлекает понятие «цифрового следа». Это понятие появилось сравнительно недавно и стало предметом дискуссий среди криминалистов.

Некоторые специалисты подчеркивают сходство цифровых следов с традиционными материальными следами. Они утверждают, что цифровые следы имеют физическую основу, так как сохраняются на реальных носителях информации и требуют специальных технических средств для их обнаружения и изучения. Примером подобного подхода служит позиция В.А. Мещерякова, который утверждал, что «виртуальные следы» подобны физическим объектам, хотя восприятие их требует специального оборудования [3, с. 181].

Другие эксперты считают такую точку зрения ограниченной. Например, В.Б. Вехов, развивает идею материальной основы цифровых следов, относя их к разряду невидимых материальных следов, возникающих вследствие электромагнитных процессов, происходящих при взаимодействии компьютеризированных устройств. Его взгляд представляется более глубоким и обоснованным, так как учитывает особенности формирования и проявления цифровых следов [5, с. 31].

Также, не малый вклад в разработку концепции внесли такие ученые как В.О. Давыдов и А.Ю. Головин. Авторы предложили рассматривать «виртуальные следы» как изменения состояний информационных потоков, фиксируемые в памяти электронных устройств в форме цифрового отображения и обусловленные действиями алгоритмов установленных программных продуктов. Такое определение подчеркивает важную роль программного обеспечения и специализированных технологий в создании и сохранении цифровых свидетельств преступления [2, с. 257].

Только комплексная работа позволит создать надежную систему доказывания, основанную на надежных цифровых свидетельствах, соответствующих строгим требованиям закона и судебного разбирательства.

Проблематика, связанная с исследованием цифровых следов в контексте преступлений, касающихся незаконного оборота наркотических средств, вызывает особый интерес ввиду возрастающей распространенности таких преступлений

и значительных трудностей в их раскрытии. Для доставки наркотических веществ преступники используют посредников, шифрование коммуникаций и анонимные платежные системы (QIWI, Yandex-Money, WebMoney, криптовалюты) для сокрытия своей личности и усложнения расследования.

Популярность криптовалютных бирж (LocalBitcoins, WEX, EXMO) создает трудности для финансового мониторинга, так как при помощи данных инструментов возможно осуществлять международные переводы, обеспечивая анонимность сторон и существенно затрудняя контроль и мониторинг финансовых операций. Зачастую закладчиками являются несовершеннолетние, обладающие ограниченной информацией о руководителях. Цифровые следы преимущественно остаются на мобильных устройствах (переписка в мессенджерах и денежные переводы) из-за необходимости постоянной мобильности исполнителей и заказчиков. Однако применение криптовалют значительно затрудняет процесс отслеживания [4, с. 9].

Расследование осложняется удалением цифровых доказательств с мобильных устройств, что требует оперативного привлечения экспертов и специального программного обеспечения для их восстановления. Такие специализированные программы как «Мобильный Криминалист», UFED помогают восстанавливать удалённые данные, повышая шансы на раскрытие преступлений.

Своевременное изъятие мобильных устройств у задержанных крайне важно, так как цифровые следы могут быть уничтожены в короткие сроки и впоследствии восстановить их бывает затруднительно.

Также важны запросы к интернет-провайдерам для установления IP-адресов организаторов и наблюдения за передвижениями закладчиков, что способствует установлению цепочки связей. Современные программные решения становятся незаменимым инструментом в борьбе с преступностью, позволяя своевременно находить и фиксировать важные доказательства.

Тем не менее существующие методики нуждаются в дальнейшем усовершенствовании, учитывая стремительное развитие цифровых технологий и стремление преступников скрыть улики. Эффективная борьба с этими преступлениями возможна только при активном внедрении новейших научных разработок и программного обеспечения.

Выводы

Таким образом, следует заключить, что цифровой след важен для борьбы с наркопреступностью, но требуются меры по сохранению данных, унификации подходов и улучшению правовых норм. Исследования помогут разработать эффективные методы выявления и оценки цифровых доказательств.

Список литературы:

[1] Алтухов, С.А. Противодействие незаконному обороту наркотиков: Анализ практики и пути повышения эффективности / С.А. Алтухов, А.С. Ширяев // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 2. С. 141–146.

[2] Давыдов, В.О. Значение виртуальных следов в расследовании преступлений экстремистского характера / В.О. Давыдов, А.Ю. Головин // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3. С. 254–259.

[3] Колодин, Е.В. Криминалистическое обеспечение выявления, раскрытия и расследования сбыта наркотических средств и психотропных веществ с использованием информационно-телекоммуникационных систем / Е.В. Колодин // Молодой ученый. 2023. № 41 (488). С. 179–181.

[4] Лушин, Е.А. Проблемы расследования сбыта наркотических средств с использованием сети интернет / Е.А. Лушин // Актуальные исследования. 2021. № 6 (33). С. 9-14.

[5] Меняйло Д.В., Малыхина Е.А. Цифроые следы в сфере незаконного оборота наркотических средств / Д.В. Меняйло, Е.А. Малыхина // Проблемы правоохранительной деятельности. 2022. № 4. С. 29–32.

References:

[1] Altukhov, S.A. Countering drug trafficking: Analysis of practices and ways to improve efficiency/S.A. Altukhov, A.S. Shiryaev//North Caucasian Legal Bulletin. 2020. № 2. S. 141-146.

[2] Davydov, V.O. The importance of virtual traces in the investigation of crimes of an extremist nature/V.O. Davydov, A.Yu. Golovin//Izvestia of Tula State University. Economic and legal sciences. 2016. № 3. S. 254-259.

[3] Kolodin, E.V. Forensic support for the identification, disclosure and investigation of the sale of narcotic drugs and psychotropic substances using information and telecommunication systems/ E.V. Kolodin//Young scientist. 2023. № 41 (488). S. 179-181.

[4] Lushin, E.A. Problems of investigating the sale of narcotic drugs using the Internet/E.A. Lushin// Actual research. 2021. № 6 (33). S. 9-14.

[5] Menyailo D.V., Malykhina E.A. Digital traces in the field of drug trafficking/D.V. Menyailo, E.A. Malykhina//Problems of law enforcement. 2022. № 4. S. 29-32.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-306-310

ГАВРИЛОВА Татьяна Валерьевна,
преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Волгодонского филиала Ростовского юридического
института МВД России,
майор полиции,
e-mail: gavrilova.tatjyana.77@gmail.com.

СПИСИВЦЕВ Степан Александрович,
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Краснодарского университета МВД России,
майор полиции,
e-mail: oos128@mail.ru.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу уголовно-правовых механизмов противодействия экстремизму и терроризму в Российской Федерации. Автор исследует законодательную базу уголовной ответственности за экстремистские и террористические преступления, рассматривает принципы и направления предупреждения и пресечения деяний данной категории. Особое внимание уделяется проблемам квалификации, современным вызовам в сфере цифровизации противодействия и уязвимости молодежной среды перед радикализацией. В работе раскрываются практические аспекты применения норм уголовного кодекса, анализируются тенденции правоприменительной практики и предлагаются направления совершенствования механизма противодействия.*

Ключевые слова: *экстремизм, терроризм, ответственность, предупреждение, пресечение, радикализация, квалификация, правоприменение, интернет, молодежь.*

GAVRILOVA Tatiana Valerievna,
lecturer in the Department of General Legal Disciplines
of the Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
police major

SPISIVTSEV Stepan Aleksandrovich,
lecturer at the Department of Tactical and Special Training
of the Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
police major

CRIMINAL LAW ASPECTS OF PREVENTION AND SUPPRESSION OF EXTREMISM AND TERRORISM

Annotation. *This article provides a comprehensive analysis of criminal law mechanisms for countering extremism and terrorism in the Russian Federation. The author examines the legislative framework for criminal liability for extremist and terrorist crimes and examines the principles and approaches to preventing and combating these acts. Particular attention is paid to the issues of qualification, contemporary challenges in the digitalization of counteraction, and the vulnerability of young people to radicalization. The paper explores the practical aspects of applying criminal code provisions, analyzes trends in law enforcement practice, and proposes areas for improving counteraction mechanisms.*

Key words: *extremism, terrorism, responsibility, prevention, suppression, radicalization, qualification, law enforcement, Internet, youth.*

Экстремизм и терроризм в современную эпоху представляют одну из наиболее серьезных угроз национальной и международной безопасности, поскольку динамика развития этих явлений требует постоянного совершенствования правовых механизмов их преодоления. Уголовное законодательство Российской Федерации занимает центральное место в системе мер противодействия указанным явлениям, предусматривая как карательные, так и профилактические средства. Актуальность исследования определяется необходимостью адекватного реагирования на новые формы экстремистской и террористической деятельности, в частности, при использовании информационных технологий и социальных сетей. Целью настоящей статьи является анализ уголовно-правовых аспектов предупреждения и пресечения экстремизма и терроризма, выявление проблем правоприменения и определение направлений совершенствования уголовной политики в этой сфере.

Правовое определение экстремизма в российском законодательстве дается в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ, где под экстремистской деятельностью (экстремизмом) понимается деятельность физических лиц и юридических лиц, иных организаций, направленная на насильственное изменение основ конституционного строя и свержение органов государственной власти, нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, а также деятельность, направленная на разжигание социальной, расовой, национальной или религиозной розни, на унижение человеческого достоинства либо иная деятельность, связанная с посягательством на права и свободы граждан независимо от мотивов [1, с. 44-51]. Терроризм, в свою очередь, регламентируется Федеральным законом «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ и определяется как идеология насилия и практика воздействия на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [1, с. 44-51].

Уголовный кодекс Российской Федерации (Далее УК РФ) содержит специальную главу 34 «Преступления против общественной безопасности», в которой предусмотрена уголовная ответственность за преступления экстремистской и террористической направленности. Основной состав террористического акта определен в статье 205 УК РФ, которая предусматривает ответственность за совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях [1, с. 44-51]. Наказание варьируется от лишения свободы на срок от 8 до 20 лет до пожизненного лишения свободы.

Статья 205.1 УК РФ устанавливает ответственность за содействие террористической деятельности, включая склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение преступлений террористического характера, вооружение или подготовку лица в целях совершения указанных преступлений, а также финансирование терроризма. Статья 205.2 УК РФ регламентирует ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганду терроризма, с наказанием от 2 до 7 лет лишения свободы. Отягчающим обстоятельством признается совершение данного преступления с использованием средств массовой информации или электронных и информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет. Дополнительные составы предусмотрены в статьях 205.3 (прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности), 205.4 (оказание материальной поддержки терроризму), 205.5 (организация террористического сообщества и участие в нем), 205.6 (организация террористической организации и участие в ней).

Преступления же экстремистской направленности, не являясь одновременно террористическими, кодифицированы в различных главах УК РФ [2]. К ним относятся такие как возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства по признакам социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности либо принадлежности к какой-либо социальной группе (статья 282 УК РФ); организация экстремистского сообщества (статья 282.1 УК РФ); организация деятельности экстремистской организации (статья 282.2 УК РФ). Важное значение имеет и решение Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», которое содержит практические рекомендации по применению норм уголовного законодательства в этой сфере [4].

Хотим отметить, что проблема разграничения экстремистских и террористических преступлений является одной из наиболее актуальных в современной правоприменительной практике. Как отмечает в своих исследованиях П.А. Бажин, ключевое различие между этими категориями

преступлений заключается в субъективной стороне деяния: терроризм характеризуется специальной целью (устрашение населения, оказание воздействия на власть), в то время как экстремистские преступления могут совершаться из различных мотивов – национальной, религиозной, социальной ненависти, групповой идентификации и иных. Правильная квалификация имеет принципиальное значение для применения надлежащего наказания и для определения направлений профилактической работы [5].

Современное состояние противодействия экстремизму и терроризму требует учета специфики новых форм их проявления. Как подчеркивает В.А. Зиявудинова, цифровизация общества привела к появлению новых механизмов пропаганды и вербовки, особенно эффективно действующих в молодежной среде. Социальные сети, мессенджеры, видеохостинги и иные платформы стали инструментами радикализации и вовлечения в экстремистские организации. Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием телекоммуникационных сетей и компьютерной информации, представляют собой растущую проблему для правоохранительных органов, поскольку интернет позволяет распространять экстремистский контент в глобальном масштабе, скрывать личность участников, создавать закрытые сообщества с целью организации преступной деятельности [7, с. 105-112].

Предупреждение преступлений экстремистской и террористической направленности включает комплекс мер, которые целесообразно разделить на общие (адресованные всему населению) и специальные (адресованные лицам, подверженным риску радикализации). К общим мерам относятся: формирование правовой культуры, гражданской идентичности и неприятия идеологии экстремизма; развитие деятельности государственных структур и общественных организаций, направленной на противодействию распространению идеологии экстремизма; укрепление роли традиционных конфессий в противодействии радикальным течениям [1, с. 44-51]. Специальные меры включают работу с несовершеннолетними и молодежью, находящимися в зоне риска; взаимодействие с семьями потенциальных жертв вовлечения; сотрудничество правоохранительных органов с общественными организациями и лидерами местных сообществ.

Молодежь как целевая аудитория вербовки требует особого внимания в системе предупредительных мер. Психологическая готовность молодых людей к восприятию радикальных идей определяется комплексом факторов: идентификационные кризисы, поиск принадлежности к группе, неудовлетворенность социально-экономическим положением, недостаток позитивных социальных ролей и перспектив. Экстремистские организации используют эти уязвимости, предлагая молодежи ясную идеологию, чувство общности и возможность активного действия. Согласно исследованиям И.В. Карлова, необходим системный подход к профилактике молодежного экстремизма, включающий совершенствование работы образовательных учреждений, социальную поддержку, духовно-нравственное воспитание и реабилитацию лиц, подвергшихся воздействию экстремистской пропаганды [8].

Пресечение преступной деятельности экстремистского и террористического характера осуществляется через систему оперативно-разыскной деятельности, досудебного расследования и судебного преследования. Оперативно-разыскная деятельность по предотвращению и выявлению преступлений данной категории требует использования современных технологических средств и методов, в том числе мониторинга информационных сетей. Расследование указанных преступлений характеризуется особой сложностью в связи с латентностью многих деяний, сложностью выявления финансовых потоков и организационных структур экстремистских групп.

Уголовная политика в сфере противодействия экстремизму и терроризму должна быть дифференцирована в зависимости от степени опасности деяния и личности преступника. Ю. Чернышева в своем исследовании исторических этапов формирования уголовной политики в этой сфере справедливо указывает на необходимость учета как карательных, так и ресоциализационных целей наказания, особенно в отношении лиц, совершивших преступления экстремистской направленности впервые [9]. Вместе с тем неотвратимость наказания за участие в террористической деятельности должна быть абсолютной приоритетностью.

Проблемные аспекты правоприменения в сфере противодействия экстремизму и терроризму многочисленны. Во-первых, отсутствие четких критериев разграничения между экстремизмом как идеологией и уголовно наказуемыми проявлениями экстремистской деятельности создает риск переширокого применения уголовного законодательства. Во-вторых, недостаточная материально-техническая оснащенность правоохранительных органов затрудняет проведение расследований преступлений в цифровой среде. В-третьих, существует проблема изменения стратегий вовлечения лиц в экстремистские организации, что требует постоянного совершен-

ствования методов выявления и противодействия. В-четвертых, эффективность профилактических мер зависит от координации действий государственных структур, образовательных учреждений, семьи и общественных организаций, что на практике реализуется неравномерно.

Международное сотрудничество в сфере противодействия терроризму и экстремизму является неотъемлемой частью успешного противостояния этим явлениям. Российская Федерация участвует в различных международных организациях и соглашениях, направленных на борьбу с терроризмом, включая Конвенцию о предупреждении терроризма (Варшавская конвенция) и Конвенцию о борьбе с финансированием терроризма. Обмен информацией между правоохранительными органами различных государств, совместное расследование преступлений и экстрадиция преступников являются важными инструментами противодействия.

Перспективы развития уголовной политики в сфере противодействия экстремизму и терроризму связаны с несколькими направлениями. Первое направление – совершенствование законодательства, включая уточнение формулировок составов преступлений, расширение возможностей конфискации имущества, используемого в целях экстремистской и террористической деятельности, и ужесточение ответственности за финансирование терроризма. Второе направление – укрепление материально-технической базы правоохранительных органов и подготовка специалистов для работы в области цифровой криминалистики и мониторинга интернета. Третье направление – развитие программ реабилитации и ресоциализации лиц, участвовавших в экстремистской деятельности, с целью предотвращения рецидива и воздействия на потенциальных сторонников радикальных идей. Четвертое направление – укрепление социальных программ, направленных на профилактику экстремизма в молодежной среде, развитие системы позитивной социализации и предоставления альтернативных перспектив для уязвимых групп населения.

Таким образом, в заключение, можем сказать, что уголовно-правовые механизмы противодействия экстремизму и терроризму в Российской Федерации представляют собой развитую и многоаспектную систему, включающую как спецсоставы преступлений, так и комплекс предупредительных и пресекающих мер. Однако динамика развития экстремистской и террористической деятельности, адаптация этих явлений к новым технологическим реалиям требуют постоянного совершенствования правовых и организационных механизмов противодействия. Ключевой вызов заключается в необходимости балансировать между защитой прав и свобод граждан и обеспечением общественной безопасности. Указанный баланс достигается через четкое определение составов преступлений, справедливое применение уголовного законодательства и комплексный подход, объединяющий карательные, профилактические и реабилитационные меры.

Актуальной остается проблема выработки единого подхода к разграничению экстремизма как идеологии и уголовно наказуемой экстремистской деятельности. Совершенствование методов выявления и противодействия экстремистской пропаганде в цифровой среде, укрепление работы по профилактике молодежного экстремизма и развитие международного сотрудничества должны стать приоритетными направлениями дальнейшего развития уголовной политики в этой сфере. Только через системное и скоординированное применение всех имеющихся в арсенале государства правовых, организационных и социальных средств возможно обеспечить эффективную защиту российского общества от угроз экстремизма и терроризма.

Список литературы:

[1] Климова Ю. Н., Гачава М. Л. Противодействие терроризму и экстремизму: учебное пособие / Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир: ВлГУ, 2023. – 76 с.

[2] Карлов И. В. Криминологические и правовые средства противодействия экстремистской деятельности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2020. – № 196. – С. 44–51

[3] Петрянин А. В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: очередной взгляд на проблему // Юридическая техника. – 2023. – № 17. – С. 252–260.

[4] О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (в ред. от 28.10.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 8. – С. 2–5.

[5] Бажин П. А. Вопросы разграничения составов террористических и экстремистских преступлений по признакам субъективной стороны // Universum: экономика и юриспруденция. 2024. №10 (120).

[6] Зиявудинова В. А. Уголовное противодействие терроризму на современном этапе развития общества и государства // Уголовное право и криминология. – 2024. – № 2. – С. 15–23.

[7] Иванцов С. В., Идельбаева Г. И. Вопросы квалификации преступлений экстремистской

направленности, совершенных с использованием сети «интернет» // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 8. – С. 105–112.

[8] Карлов И. В. Предупреждение преступлений, совершаемых курсантами образовательных организаций ФСИН России: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Москва, 2019. – 274 с.

[9] Чернышева Ю. Н. Уголовная политика в сфере противодействия преступлениям экстремистской направленности на современном этапе // Вопросы государства и права. – 2023. – № 4. – С. 41–52.

[10] Теппеев А. А. Правовые аспекты противодействия экстремизму и терроризму // Научные труды. – 2024. – № 1. – С. 34–42.

References:

[1] Klimova Yu. N., Gachava M. L. Countering terrorism and extremism: a textbook/Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs. - Vladimir: VlSU, 2023. - 76 s.

[2] Karlov I.V. Criminological and legal means of countering extremist activities//Izvestia of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. – 2020. – № 196. - S. 44-51

[3] A. Petryanin. Conceptual Foundations of Countering Extremist Crimes: Another Look at the Problem//Legal Technique. – 2023. – № 17. - S. 252-260.

[4] On judicial practice in criminal cases of extremist crimes: decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.06.2011 No. 11 (as amended by 28.10.2021) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2011. – № 8. - S. 2-5.

[5] Bazhin P.A. Issues of distinguishing the composition of terrorist and extremist crimes on the grounds of the subjective side//Universum: economics and jurisprudence. 2024. №10 (120).

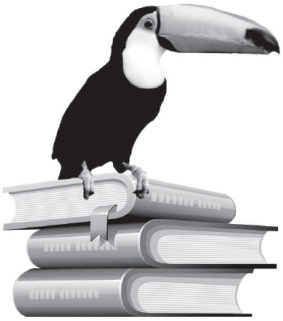
[6] Ziyavudinova V. A. Criminal counteraction to terrorism at the present stage of development of society and the state//Criminal law and criminology. – 2024. – № 2. - S. 15-23.

[7] Ivantsov S.V., Idelbaeva G.I. Issues of qualification of extremist crimes committed using the Internet//Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 8. - S. 105-112.

[8] Karlov I.V. Prevention of crimes committed by cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia: dissertation for the degree of candidate of legal sciences. - Moscow, 2019. - 274 p.

[9] Chernysheva Yu. N. Criminal policy in the field of countering extremist crimes at the present stage//Issues of state and law. – 2023. – № 4. - S. 41-52.

[10] Teppeev A. A. Legal aspects of countering extremism and terrorism//Scientific works. – 2024. – № 1. - S. 34-42.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-311-315

ДВОРЖИЦКАЯ Марина Андреевна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Северо-западного филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»,
e-mail: dvorzhickaya91@mail.ru

ОТЛИЧИЕ УКРЫВАТЕЛЬСТВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ОТ НЕСООБЩЕНИЯ О НЕМ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. *В данной статье исследуется проблема разграничения несообщения о преступлении и заранее не обещанного укрывательства преступлений. Автор анализирует критерии, позволяющие провести различие между этими преступлениями, а также их соотношение друг с другом. Проведенная уголовно-правовая характеристика заранее не обещанного укрывательства преступления и несообщения о нем, позволила сделать вывод о том, что эти составы имеют, как схожие, так и отличительные характеристики. Ключевые отличия выражаются в том, что укрывательство – это действие, несообщение – это бездействие, когда у лица имеется обязанность и возможность сообщить о преступлении. На основе исторического опыта и мнений учёных формулируется правило квалификации преступлений, которое заключается в том, что если несообщение о преступлении и заранее не обещанное укрывательство преступления имеют место одновременно и касаются особо тяжкого преступления, входящего в перечень деяний, описанных в диспозиции статьи 205.6 УК РФ, то такие действия должны быть квалифицированы по статье 316 УК РФ. Данное правило квалификации автором предлагается закрепить на уровне Верховного Суда Российской Федерации с целью обеспечения единообразия правоприменительной практики.*

Ключевые слова: *прикосновенность к преступлению, несообщение, укрывательство, заранее не обещанный характер, попустительство, соучастие, квалификация, конкуренция.*

DVORZHITSKAYA Marina Andreevna,
PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of Criminal Law
of the Northwestern Branch of the Lebedev Russian State
University of Justice

THE DIFFERENCE BETWEEN CONCEALING A CRIME AND NOT REPORTING IT: ISSUES OF THEORY AND LAW ENFORCEMENT

Annotation. *This article explores the problem of distinguishing between non-reporting of a crime and previously not promised concealment of crimes. The author analyzes the criteria that make it possible to distinguish between these crimes, as well as their relationship to each other. The conducted criminal legal characterization of the no promise of secrecy regarding a crime and failure to report a crime it allowed us to conclude that these compounds have both similar and distinctive characteristics. The key differences are expressed in the fact that concealment is an action, non–communication is inaction, when a person has the duty and opportunity to report a crime. Based on historical precedent and the views of legal experts, a principle for the classification of crimes has been established, which states that if a failure to report a crime and a promise to conceal a crime occur simultaneously and relate to a particularly serious offense included in the enumeration of acts set out in the provision of Article 205.6 of the Criminal Code of the Russian Federation, such actions should be classified under Article 316 of the same code. The author proposes to consolidate this qualification rule at the level of the Supreme Court of the Russian Federation in order to ensure uniformity of law enforcement practice*.

Key words: *involvement in a crime, non-communication, concealment, not promised in advance, connivance, complicity, qualification, competition.*

В российском уголовном законодательстве существует особый институт, который называется «прикосновенностью к преступлению». Этот институт получил более подробное освещение в теории уголовного права, чем в уголовном законодательстве, где он представлен лишь отдельными нормами Особенной части УК РФ [10], при этом в Общей части УК РФ упоминания о нём отсутствуют.

Необходимо установить, что прикосновенность к преступлению – это деяния виновных лиц, которые не принимали непосредственного участия в совершении основного преступного посягательства, но внешне связаны с ним, например, путем несообщения о нем, попустительства или укрывательства. Теория уголовного права определяет, что в этих трех видах околокриминальной деятельности и проявляется преступная прикосновенность. Однако уголовному закону известны только две из них: заранее не обещанное укрывательство (ст. 316 УК РФ) и несообщение (ст. 205.6 УК РФ).

При этом необходимо уделить особое внимание критериям разграничения данных видов противоправных деяний, которые, с одной стороны, имеют ряд схожих характеристик, а с другой стороны, отличаются по объективным и субъективным признакам, поскольку на практике возникают ситуации, когда происходит смешение этих видов противоправных деяний из-за отсутствия чёткого понимания их различий.

Родовым объектом противоправного деяния, запрещенного статьей 316 УК РФ, названы общественные отношения в сфере обеспечения интересов государственной власти. В качестве видового объекта определены интересы правосудия, как деятельность правоохранительных и судебных органов, направленная на восстановление и обеспечение социальной справедливости. При этом непосредственным объектом данного деяния являются отношения по обеспечению надлежащего и своевременного функционирования судебной системы и правоохранительных органов, направленные на оперативное обнаружение, раскрытие преступлений и проведение расследования уголовных дел. В силу того, что объектом данного преступления являются интересы государства, выраженные в лице уполномоченных органов, физические лица не могут быть признаны потерпевшими по уголовным делам, возбуждённым по статье 316 УК РФ.

В отношении несообщения о преступлении законодатель предусмотрел иной подход оценки общественной опасности, определив в качестве родового объекта интересы общественной безопасности, а в качестве видового объекта – защищенность социума от террористических и диверсионных проявлений. Однако дополнительным непосредственным объектом данного посягательства являются интересы правосудия, что также сближает его с укрывательством.

Объективная сторона заранее не обещанного укрывательства представляет собой действие, которое может быть как физическим, так и интеллектуальным. Вопрос о том, возможно ли укрывательство совершаться путём бездействия, является дискуссионным. В теории уголовного права существуют два подхода по отношению к этому вопросу. В советский период многие юристы рассматривали укрывательство как деяние, совершаемое лишь путём действий [3, с. 14], что нашло отражение и в современной юридической доктрине [6, с. 26; 7, с. 31]. Однако некоторые авторы считают, что подобное сокрытие может выражаться и в пассивном поведении, в том числе в несообщении [5, с. 9-11]. Подытоживая данную дискуссию, отметим, что укрывательство криминального посягательства, в отличие от пассивного несообщения, представляет собой исключительно активную форму поведения, направленную, как на сокрытие преступника, так и его противоправных деяний. В статье 316 УК РФ не предусматривается ответственность за несообщение о преступлении. Ответственность, согласно данной норме, наступает только за действия, которые позволяют скрыть преступника, орудия и средства совершения преступления, следы преступления или предметы, добытые преступным путём. Несообщение о преступлении выражается в общественно опасном деянии в виде бездействия, для которого обязательно должна быть установлена обязанность и возможность действовать определённым образом. Такая обязанность закреплена в УК РФ, который запрещает бездействие в случае несообщения об определенном преступлении. Возможность действовать проверяется и оценивается в каждом конкретном случае индивидуально. Например, в приговоре по уголовному делу, возбужденному в отношении А. по статье 205.6 УК РФ, было указано, что А., имея реальную возможность сообщить о преступлении, не выполнил свою обязанность, не сообщив о преступлении в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлениях, предусмотренных данной статьей. А. не был ограничен в передвижении и имел средства связи. Место его фактического пребывания находилось на территории, где были расположены подразделения всех видов правоохранительных органов, включая суды, полицию, прокуратуру, следственный комитет и Федеральную службу безопасности Российской Федерации [11].

Необходимо отметить, что перечень преступлений, о которых следует сообщать или которые запрещается укрывать, также различается в

зависимости от характера деяния. В случае укрывательства речь идёт об особо тяжких преступлениях и тяжких преступлениях, совершённых в отношении несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста. В случае несообщения – о преступлениях, связанных с террористической и диверсионной деятельностью (полный перечень закреплён в статье 205.6 УК РФ).

Ещё одним значимым критерием разграничения является то, что, согласно статье 316 УК РФ ответственность наступает только за укрывательство, которое не было заранее обещанным. В соответствии с частью 4 статьи 33 УК РФ, обещание скрыть преступника трансформирует укрывательство в соучастие в преступлении в форме пособничества. В то же время статья 205.6 УК РФ не содержит ограничений подобного рода.

Учитывая изложенное, возникает логичный вопрос о том, на какой стадии основного преступления подобное обещание не будет рассматриваться как заранее данное. Во-первых, укрывательство не считается заранее обещанным, если оно не было оговорено на этапе приготовления к основному преступлению (до его совершения). Во-вторых, оно не будет заранее обещанным, если оно не было согласовано во время совершения преступления или на стадии неоконченного покушения. В-третьих, если укрыватель согласился скрыть основное преступление на стадии оконченного покушения, когда все действия, составляющие преступление, были выполнены, но последствия ещё не наступили, и процессы развития причинно-следственной связи были запущены основным преступником. В-четвёртых, если укрыватель действовал параллельно с основным преступником, не оказывая ему содействия, например, если укрыватель скрывает основное преступление на стадии приготовления или покушения, но не сообщает об этом основному преступнику. В-пятых, если укрыватель начинает совершать преступление после того, как основное преступление фактически завершено или после того, как наступило общественно опасное последствие преступления. В противном случае, если обещание было дано основному преступнику на стадии приготовления или неоконченного покушения, и основной преступник был об этом осведомлён, то подобное деяние следует квалифицировать как заранее обещанное укрывательство, а именно соучастие в форме пособничества.

Однако, в контексте несообщения о преступлении, вопрос о том, имеет ли заранее данное обещание не сообщать о преступлении значение для привлечения несообщающего к уголовной ответственности, исходя из буквального толкования уголовного закона, имеет однозначное решение. Законодатель не случайно не включил в диспозицию статьи 205.6 УК РФ упоминание о данном обстоятельстве, на что указывают и современные ученые [6, с. 23; 2. с. 56]. В данном случае не имеет значения, на каком этапе преступной деятельности другого лица присоединяется прикосновенный, а также даёт ли он обещание о неразглашении известной информации.

В рассматриваемых составах преступлений различаются субъекты преступного деяния. Субъектом несообщения о преступлении является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 14 лет (по статье 316 УК РФ возраст повышенный – 16 лет) и являющееся очевидцем преступления. Однако субъективная сторона рассматриваемых преступлений схожа и выражается в форме прямого умысла. Также составы указанных деяний по конструкции объективной стороны являются формальными и считаются оконченными вне зависимости от того, затруднили ли действия прикосновенных лиц выявление, раскрытие или расследование преступлений.

Интересно отметить, что характеристики лиц, совершающих указанные преступления, различаются. Исследования показывают, что более половины укрывателей ранее имели судимость. В отличие от них, у несообщающих лиц, как правило, отсутствует антиобщественная установка личности. Кроме того, они в большинстве случаев имеют работу. Несообщающие лица отличаются более выраженной социальной направленностью личности и не имеют ярко выраженных и устойчивых негативных признаков, характерных для лиц, укрывающих преступления [8, с. 87].

Как показала уголовно-правовая характеристика заранее не обещанного укрывательства преступления и несообщения о нем, эти составы имеют, как схожие, так и отличительные характеристики. Ключевые отличия выражаются в том, что укрывательство – это действие, несообщение – это бездействие, когда у лица имеется обязанность и возможность сообщить о преступлении. Когда лицо укрывает преступление, то можно сказать, что оно и автоматически не сообщает о преступлении. Однако, нельзя считать лицо, которое укрыло преступление, не предусмотренное диспозицией статьи 205.6 УК РФ, ответственным за несообщение о данном преступлении, поскольку в данном случае отсутствует обязанность сообщать о преступлении. В контексте сказанного, считаем совершенно оправданным исключение судом из обвинения лица в совершении преступления, предусмотренного статьей 316 УК РФ, несообщения о преступлении, включенного в обвинение органом предварительного следствия, наряду с укрывательством, в связи с тем, что данное деяние не образует состава преступления, предусмотренного статьей 316 УК РФ [12].

Однако возникает вопрос об оценке действий лица, которые выражаются не только в несообщении об особо тяжком преступлении, перечисленном диспозицией статьи 205.6 УК РФ, но и выраженных в сокрытии, как самого преступления, так и лица, его совершившего. Некоторые авторы полагают, что в подобной ситуации надлежит вменять совокупность преступлений, предусмотренных ст. ст. 205.6 и 316 УК РФ [4, с. 168; 6, с. 26], другие убеждены в том, что применяться в данном случае должна только норма об укрывательстве, как норма целое [1, с. 169; 9, с. 78].

Полагаем, что в рассматриваемой выше ситуации действия подпадают под действие статьи 316 УК РФ и не требует дополнительной оценки по статье о несообщении о преступлении. Аналогичное толкование было дано Пленумом Верховного Суда СССР в ранее действовавшем постановлении [13]. Основанием для такого решения послужило то, что несообщение о преступлении в данной ситуации является частью более тяжкого преступления.

Таким образом, в настоящей статье рассмотрена проблема, которая связана с разграничением несообщения о преступлении и заранее не обещанного укрывательства преступлений. Как показала уголовно-правовая характеристика заранее не обещанного укрывательства преступления и несообщения о нем, эти составы имеют, как схожие, так и отличительные характеристики. Ключевые отличия выражаются в том, что укрывательство – это действие, несообщение – это бездействие, когда у лица имеется обязанность и возможность сообщить о преступлении. При оценке действий лица, которые выражаются не только в несообщении об особо тяжком преступлении, перечисленном диспозицией статьи 205.6 УК РФ, но и в совершении действий, направленных на его укрывательство, надлежит применять статью 316 УК РФ.

Список литературы:

[1] Баймурзин Г.И. Ответственность за прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву: Дис. канд. юрид. наук. – М., 1966. – 279 с.

[2] Басханов А. М. Заранее обещанное несообщение о преступлении: доктринальный подход // Евразийская адвокатура. – 2024. – № 3. – С. 56-58.

[3] Виттенберг Г.Б., Панченко П.Н. Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву: учебное пособие. – Иркутск: ИрГУ, 1976. – 98 с.

[4] Клименко, Ю.А. Несообщение о преступлении (статья 205.6 УК РФ): юридическая природа, соотношение с укрывательством и соучастием в терроризме // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 9 (82). – С. 163–171.

[5] Ковалев М.И. Уголовная ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1952. – 20 с.

[6] Москалев Г. Л. Проблемы уголовно-правовой регламентации несообщении о преступлении (ст. 205.6 УК РФ) // Академический юридический журнал. – 2017. – № 3. – С. 21–29.

[7] Трифонов В.Г. Укрывательство преступлений. Проблемы отграничения от смежных деяний и соучастия в преступлении в виде пособничества // Научный портал МВД. – 2016. – № 4 (36). – С. 30-38.

[8] Дворжицкая М. А. Ответственность за прикосновенность к преступлению в уголовном праве : дис. … канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2019. 199 с.

[9] Очередько В.А. Уголовно-правове значение прикосвноеннсоти к преступлению : дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2020. 234 с.

[10] Уголовный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 06 апреля 2024 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[11] Приговор Черемушкинского районного суда г. Москвы по уголовному делу 1-188/2019 // Официальный портал Судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/ (дата обращения: 12.01.2025).

[12] Приговор Дзержинского районного суда Калужской области № 1-26/2014 // Судебные и нормативные решения РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 12.01.2025); приговор Приморского краевого суда по уголовному делу № 2-25/2017 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные решения РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 12.01.2025).

[13] Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 31.07.1962 № 11 «О судебной практике по делам о заранее не обещанном укрывательстве преступлений, приобретении и сбыте заведомо похищенного имущества» (Утратило силу) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107352/ (дата обращения: 12.01.2025).

References:

[1] Baimurzin G.I. Responsibility for touching a crime under Soviet criminal law: Dis. cand. jurid. sciences. - M., 1966. - 279 p.

[2] Baskhanov A.M. Promised failure to report a crime in advance: a doctrinal approach//Eurasian advocacy. – 2024. – № 3. - S. 56-58.

[3] Wittenberg GB, Panchenko P.N. Touching a crime under Soviet criminal law: a textbook. - Irkutsk: IrSU, 1976. - 98 s.

[4] Klimenko, Yu.A. Failure to report a crime (Article 205.6 of the Criminal Code of the Russian Federation): legal nature, relationship with concealment and complicity in terrorism//Actual problems of Russian law. – 2017. – № 9 (82). - S. 163-171.

[5] Kovalev M.I. Criminal liability for harboring crimes under Soviet criminal law: abstract. dis.... cand. jurid. sciences. M., 1952. - 20 s.

[6] Moskalev G. L. Problems of criminal law regulation of failure to report a crime (Article 205.6 of the Criminal Code of the Russian Federation)//Academic Legal Journal. – 2017. – № 3. - S. 21-29.

[7] Trifonov V.G. Concealment of crimes. Problems of delimitation from related acts and complicity in a crime in the form of complicity//Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs. – 2016. – № 4 (36). - S. 30-38.

[8] Dvorzhitskaya M.A. Responsibility for touching a crime in criminal law: dis.... cand. jurid. sciences. - St. Petersburg, 2019. 199 pp.

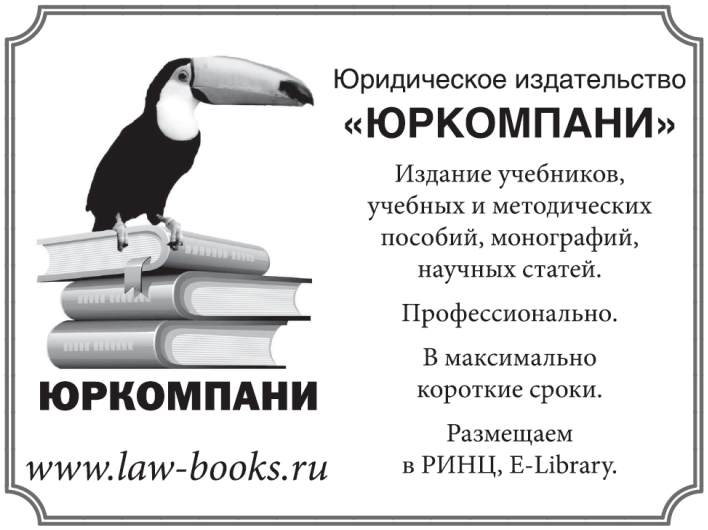
[9] V.A. Zvetko. Criminal law significance of the crime: dis.... cand. jurid. sciences. Krasnodar, 2020. 234 pp.

[10] Criminal Code of the Russian Federation. Federal Law No. 13 dated June 1996, 63-FZ (as amended on April 06, 2024)//NW RF. 1996. № 25. Art. 2954.

[11] Verdict of the Cheryomushkinsky District Court of Moscow in a criminal case 1-188/2019// Official portal of the Courts of General Jurisdiction of the city of Moscow. URL: https://mos-gorsud.ru/ (access date: 12.01.2025).

[12] Verdict of the Dzerzhinsky District Court of the Kaluga Region No. 1-26/2014//Judicial and regulatory decisions of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/ (access date: 12.01.2025); verdict of the Primorsky Regional Court in criminal case No. 2-25/2017 [Electronic resource]//Judicial and regulatory decisions of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/ (access date: 12.01.2025).

[13] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR of 31.07.1962 No. 11 “On judicial practice in cases of previously not promised concealment of crimes, acquisition and sale of knowingly stolen property” (Expired)//Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107352/ (access date: 12.01.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-316-320

ТЮХТИН Дмитрий Анатольевич,
эксперт Экспертно-криминалистического центра
УВД по САО ГУ МВД России по г. Москве,
майор полиции, аспирант 2 курса кафедры криминалистики,
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: dtyuchtin@yandex.ru.

Научный руководитель:
ГАЛЯШИНА Елена Игоревна,
доктор юридических наук, доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой криминалистики
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
почетный работник сферы образования,
e-mail: mail@law-books.ru

КЛАССИФИКАЦИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ В СФЕРЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. *Настоящая статья рассматривает понятие классификации криминалистически значимой информации в сфере инновационных технологий, а также предлагает классификацию в этой сфере, исходя из мнений ученых-криминалистов. Проведен анализ понятия классификаций криминалистически значимой информации. Рассмотрен процесс получения криминалистически значимой информации исходя из процесса доказывания.*

Ключевые слова: *Классификация, подразделение, основания классификации, классификационные ряды, форма получения информации.*

TYUKHTIN Dmitry Anatolyevich,
expert at the Forensic Center of the Department of Internal
Affairs of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow,
police major, 3-d year postgraduate student of the Department
of Criminalistic at the O.E. Kutafin
Moscow State Law University (MSAL)

Scientific supervisor:
GALYASHINA Elena Igorevna,
Doctor of Law, Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Criminalistic at the Kutafin
Moscow State Law University (MSAL),
Honorary Worker of Education

CLASSIFICATION OF CRIMINALLY SIGNIFICANT INFORMATION IN THE FIELD OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES

Annotation. *This article examines the concept of classification of forensic significant information in the field of innovative technologies, and also proposes a classification in this field based on the opinions of forensic scientists. The article analyzes the concept of classification of forensic significant information. It also examines the process of obtaining forensic significant information based on the process of proof.*

Key words: *Classification, division, classification bases, classification series, and information acquisition form.*

Классификация, как прием систематизации объектов исследования, позволяет проникнуть в сущность познаваемых явлений и предметов.

Подразделение составляющих криминалистически значимой информации (далее по тексту КЗИ) данных на фактические, тактические, ориентирующие и справочные осуществляется по основанию отношения к устанавливаемому в процессе расследования событию преступления и предмету доказывания. В рамках этого основания возникает потребность четко обосновать, почему нельзя данные подразделять на доказательственного и иного характера, и разграничить понятия фактических данных, составляющих часть КЗИ, и доказательств.

Данные фактического характера, а не всю КЗИ или КИ (как считают отдельные авторы), профессор В.Я. Колдин называет фактологической информацией, под которой понимает любые релевантные фактические данные, полученные в процессе расследования для установления структуры события и всех связанных с ним существенных в правовом отношении обстоятельств [3 с. 310]. Ученый подчеркивает, что в этом определении речь идет о любой значимой для раскрытия и расследования информации о преступном событии, получаемой на любой стадии и в любой форме. Он справедливо отмечает, что процессуальная форма, в которой может быть получена информация еще не делает всю процессуально закрепленную информацию доказательственной, а соответственно и доказательством. Как и в ходе не процессуальной (оперативно-розыскной или доследственной) деятельности, так и в процессуальной деятельности к правоприменителю поступает значительный объем данных, и его задача отсеять из этого объема не относящуюся к преступному событию и не нужную ему информацию, а в отношении оставшегося объема принять верное решение о направлениях использования. Безотносительно форм получения информации, ее получатель должен посредством логических операций установить такие свойства как относимость не просто к событию преступления, а всему предмету доказывания, как прямую, позволяющую по своему содержанию иметь отношение к определенному доказательственному факту (например, к факту принадлежности обнаруженного на месте преступления следа конкретному лицу), так и опосредованную, позволяющую определить направления и возможности получения иных сведений, отражающих искомый доказательственный факт (какие лица могут посещать место преступления и в связи с чем). В том случае, когда такая относимость имеет место и в процессе криминалистического познания установлена, ей возможно придание процессуальной формы. Уголовно-процессуальный закон предусматривает возможности введения значимой и относимой информации в процесс расследования, тем самым реализуя процедуру возникновения критерия допустимости для информации. Это еще раз подчеркивает, что в определении КЗИ целесообразно оперировать характеристиками, не привязанными к форме получения и закрепления этой информации.

Как верно отмечено В.Я. Колдиным, любая организационно-правовая форма получения информации (агентурная, оперативно-розыскная, консультация, беседа, ревизия, доказательства и пр.) может как содержать, так и не содержать релевантные фактические данные, но в суде будет использована не любая фактологическая информация, а только та, которая соответствует требованию допустимости, т.е. в предусмотренной законом форме [3 с. 312].

Несоблюдение, а точнее, нарушение этой формы ведет к исключению доказательств, признанию их ничтожными. Объем доказательств, содержащих фактическую информацию, при этом уменьшается, но объем самой фактической информации, отражающей расследуемое событие в сознании получателей этой информации, не становится меньше. И если средства и способы получения значимой информации процессуальным путем не исчерпаны, то объем полученной КЗИ, даже при ее процессуальной утрате, позволяет достичь разрешения поставленных криминалистических и уголовно-процессуальных задач.

Например, в рамках доследственной проверки сообщения о преступной деятельности группы лиц, осуществлявшей незаконное производство и сбыт сигарет, в процессе оперативного сопровождения в момент фактического задержания большинство соучастников было опрошено оперативным сотрудником с применением видеозаписи. Под воздействием фактора внезапности и в состоянии неведения о пределах осведомленности правоохранительных органов задержанные лица давали подробные пояснения, в том числе о неизвестных оперативным сотрудникам эпизодах, местах, орудиях и соучастниках преступной деятельности. В последующем на предварительном следствии практически все соучастники отказались от дачи показаний, а их адвокаты заявили ходатайства о признании недопустимыми показаний, полученных до возбуждения уголовного дела. Судом их ходатайства были удовлетворены, и указанные пояснения задержанных были исключены из объема доказательств, т.к., во-первых, были даны в отсутствие защитников, во-вторых, были оформлены и введены в уголовное дело как результат ОРМ «наблюдение», что не соответствовало сущности проводимого с задер-

жанными действия. Однако, такое исключение показаний, которым была придана форма доказательств через процедуру введения в процесс результатов ОРД, не исключила информационную осведомленность следователей, позволяющую придать этой информации иную процессуальную форму, а также получить последовательно иные доказательства, подтверждающие ранее полученную КЗИ [5].

Тем самым очевидно, что рассуждать о соотношении понятий КЗИ и доказательств в одном смысловом ряду недопустимо. Они не могут соотноситься как целое и часть, как это считают отдельные ученые, поскольку как часть и целое соотносятся фактологические данные (данные фактического характера) и КЗИ, а доказательство выступает только формой представления той части КЗИ, называемой фактическими данными, которые не все могут такую форму приобрести.

Так, В.Я. Колдин фактологическую информацию делит на пять уровней процесса использования:

- ««мертвая» – объективное отображение обстоятельств события в окружающей среде;
- латентная – обнаружение, индивидуализация, фиксация источника информации;
- потенциальная – выявлено (декодировано) содержание фактических данных;
- актуальная – использована для установления обстоятельств дела в системе других фактических данных;
- доказательства – базовый уровень процессуального доказывания (процессуальная форма установления доказательственных фактов) [3 с. 313]».

Тем самым только пятый из всех уровней фактических данных выступает в качестве доказательств, т.к. выделен и процессуально закреплен по источнику, а также включен в доказательственную систему конкретного уголовного дела.

Таким образом процесс получения КЗИ не просто значительно шире процесса доказывания, а выступает первичным и базисным по отношению к доказыванию, к которому, естественно, неизменно стремиться, поскольку процесс познания КЗИ реализуется от поиска всех ее возможных источников в направлении снижения степени энтропии искомых фактов. И через критерии относимости и допустимости позволяет выделить ту КЗИ, которой будет придана форма доказательства.

К сожалению, в практической деятельности сейчас наблюдается обратная тенденция. В первую очередь акцент делается на процессуальной форме закрепления любой, даже не всегда относящейся и проверенной другими источниками информации. А в последующем в обвинительном заключении процесс доказывания именно иллюстрируется, а не обосновывается, количеством перечисляемых доказательств, содержание которых не всегда согласуется между собой и не позволяет сделать однозначный вывод о виновности конкретного лица. К еще большему сожалению, негативная сторона информационных технологий позволяет затем прокуратуре и суду копировать набор облеченных в процессуальную форму бессвязных сведений в материалы государственного обвинения и приговор.

Например, сложившаяся практика составления обвинительного заключения по групповым преступлениям демонстрирует, что обвинительный тезис практически одинаково излагается в отношении каждого обвиняемого, и затем в отношении каждого же обвиняемого перечисляются одни и те же доказательства. И никто из следователей и надзирающих прокуроров даже не обращает внимание, что про действия отдельных соучастников в определенных источниках доказательств нет никакой информации, но эти источники упорно указываются в числе доказательств вины каждого соучастника.

В связи с изложенным, мы не можем согласиться в вопросе классификации КЗИ с Р.С. Белкиным, подразделяющим по процессуальному статусу эту информацию на доказательственную и ориентирующую, с А.С. Железняком, также делящим ее по форме получения на ориентирующую (оперативную) и процессуальную (доказательственную) [2 с. 310]; В.А. Образцовым, у которого информация первого типа связана с отражаемым событием и подразделяется на доказательственную и ориентирующую [4 с. 78]; и другими авторами.

Достаточно подробное исследование точек зрения ученых-криминалистов на классификацию КЗИ представлено в работе В.О. Давыдова. На основе анализа большинства научных взглядов на эту проблему ученый предлагает свою классификацию, подразделяя структуру системы классификации КЗИ на видовые ряды общего (классификация информации по основаниям, применимым для любой отрасли научного знания) и специального (классификация информации по основаниям, значимым для сферы уголовного судопроизводства) порядка.

Классификационные ряды КЗИ общего порядка им строятся по основаниям: физической природы (визуальная, аудиальная, вкусовая, обонятельная, тактильная, кинестетическая); характера структуры (натуральная, нормализованная, декомпонированная, комплексированная, дискретная, сгенерированная, квантованная, кодированная); формы отображения (идеальная (пси-

хическая), материально-фиксированная); формы выражения (вербальная, невербальная, иная); формы представления (вербальная, буквенно-знаковая, графическая, комбинированная (в том числе мультимедийная), иная); типа источников (информация первоисточников, информация производных источников); объема (полная (исчерпывающая), избыточная, неполная); содержания (достоверная, дезинформация (ложная либо заведомо ложная); назначения (управленческая, поисково-познавательная); доступности (общедоступная, ограниченно доступная (конфиденциальная); общественного значения (массовая, специальная, личная).

Классификационные ряды КЗИ специального порядка ученый выделяет следующие:

- по юридической значимости: правовая (официальная правовая информация, информация индивидуально-правового характера, неофициальная правовая информация) и неправовая. Такое основание, на наш взгляд, имеет значение больше для уголовно-процессуальной деятельности, чем для криминалистической;
- по степени значимости для расследования преступления: уголовно-релевантная - информация, связанная с событием преступления и представляющая значимость для расследования, и иная - информация, не связанная с преступным событием и процессом расследования. Возникает резонный вопрос, если она (информация) никак не связана и с событием преступления, и с процессом его расследования, почему она является криминалистически значимой?
- по процессуальному статусу: доказательственная - любые фактические данные, полученные в предусмотренной уголовно-процессуальным законом форме и используемые для установления события преступления и всех связанных с ним существенных в правовом отношении обстоятельств, и иная - любая значимая для достижения целей расследования информация, не являющаяся доказательственной, получаемая как из процессуальных, так и из непроцессуальных источников, которая подразделяется В.О. Давыдовым на ориентирующую и вспомогательную. По указанным выше основаниям мы также не можем согласиться с таким подразделением КЗИ на указанные виды;
- по значению для реализации целевой функции раскрытия и расследования преступления: имеющая потенциальное криминалистическое значение и имеющая актуальное криминалистическое значение. По сути речь идет о той информации, которую еще не нашли, и той, которую нашли и дали ей соответствующую криминалистическую оценку;
- по видам познаваемых событий: информация о преступном событии и информация о других познаваемых событиях, связанных с процессом расследования (например, о противодействии осуществляемому расследованию, подготовке иных преступлений и пр.).
- по структурным элементам состава преступления: субъектная - информация, связанная с особенностями субъекта (преступник, потерпевший, очевидец и др.), объектная - информация об особенностях внешнего строения материальных объектов, находящихся в причинно-следственной связи с событием преступления, и модальная - информация, характеризующая особенности поведения субъекта на всех этапах преступной деятельности и ее механизма. По содержанию указанного основания такая информация полностью относится к событию преступления, т.е. выступает фактическими данными, в связи с чем из этого основания классификации выпадают другие, выделенные нами в определении КЗИ виды данных;
- по объектовому признаку: гомологическая - информация, состоящая из сведений о лицах, ставших объектом криминалистического учета (преступники, потерпевшие); предметная - информация, представленная сведениями о материальных объектах неживой природы; иная - различного рода данные об обстановке события преступления, условиях его протекания и о способе совершения. К этому основанию возможно применить то же критическое замечание, которое мы указали относительно предыдущего основания;
- по характеру содержания: первичная (функциональная) и учетная (регистрационная);
- по признаку территориальности: информация, полученная во внутрироссийском пространстве (внутренняя); информация, полученная из других государств и международных организаций (внешняя, например, по линии Интерпола);
- в зависимости от процессуальной регламентации процесса получения: процессуальная — информация, полученная в ходе следственных и иных процессуальных действий на стадии предварительного расследования, и непроцессуальная: информация, полученная в результате ОРД; иных непроцессуальных действий; с нарушениями требований уголовно-процессуального закона

(но при этом действие, в рамках которого были допущены уголовно-процессуальные нарушения, не перестало быть процессуальным, т.к. проводилось по основаниям, предусмотренным УПК РФ, что вызывает вопрос о причинах нахождения этого вида КЗИ в данной группе, а не в антагонистичной – Д.Т.); в результате осуществления действий, не предусмотренных УПК; которой располагают граждане, организации, СМИ т.п.; в ходе реализации административных и административно-процессуальных полномочий;

– по видам поисково-познавательной деятельности: информация, собираемая и используемая в следственной, оперативно-розыскной, экспертной деятельности, и т.д.;
– по участникам уголовного судопроизводства: информация, собираемая следователем, сотрудником органа дознания, экспертом, специалистом, прокурором, судьей, потерпевшим, защитником, обвиняемым;
– по функциям поисково-познавательной деятельности: информация, способствующая достижению целей в рамках поисковой, познавательной функций, функций уголовного преследования, пресечения, профилактики преступлений [1 с. 54-59].

Примечательно, что большинство из приведенных оснований классификации КЗИ коррелируют с выделенными нами основаниями классификации направленных на получение КЗИ инновационных технологий. С этой стороны можно выделить в качестве основания подразделение КЗИ на виды по ядру применяемой для ее получения технологии:

– отыскиваемая в процессе определения источников КЗИ;
– обнаруживаемая при оптимизации алгоритмов обработки источников КЗИ;
– получаемая при проверке ее доброкачественности;
– получаемая в процессе восстановления утраченной информации;
– получаемая при обработке всего собранного массива и анализе посредством применения инновационных аналитических технологий.

На основании проведенного анализа, можем полагать, что предложенная нами классификация будет способствовать более эффективному раскрытию и расследованию преступлений.

Список литературы:

[1] Давыдов В.О. Информация в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений: теория, практика, инновации: монография. М.: Юрлитинформ, 2021.

[2] Железняк А.С. Теоретические основы и практика использования материальных следов в раскрытии и расследовании преступлений: дис. … канд. юрид. наук. М., 1976.

[3] Колдин В.Я. Криминалистический анализ. М.: Юрлитинформ, 2016.

[4] Образцов В.А. Криминалистика: модели средств и технологий раскрытия преступлений: курс лекций. М., 2004.

[5] Уголовное дело № 1-6/2025 (1-113/2024). Приговор Брянского районного суда Брянской области от 20.10.2025 г. (в законную силу не вступил).

References:

[1] Davydov V.O. Information in the activities of solving and investigating crimes: theory, practice, innovation: monograph. M.: Yurlitinform, 2021.

[2] Zheleznyak A.S. Theoretical foundations and practice of using material traces in solving and investigating crimes: dis.... cand. jurid. sciences. M., 1976.

[3] Koldin V.Ya. Forensic analysis. M.: Yurlitinform, 2016.

[4] Obraztsov V.A. Forensics: models of means and technologies for solving crimes: a course of lectures. M., 2004.

[5] Criminal case No. 1-6/2025 (1-113/2024). The verdict of the Bryansk District Court of the Bryansk Region of 20.10.2025 (did not enter into legal force).

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-321-324

ЧУРСИН Роман Сергеевич,
аспирант 3 курса очной формы обучения,
направление «40.06.01 Юриспруденция»,
5.1.4. – уголовно-правовые науки,
кафедра уголовного права и процесса,
ВУЗ - Государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования ленинградской области
Ленинградский государственный университет
имени А.С. Пушкина,
e-mail: vzorvo@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ СКЛОНЕНИЯ К СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА ЛАТЕНТНОСТИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу системных препятствий в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, связанных со склонением к самоубийству (ст. 110.1 УК РФ) и организацией соответствующей деятельности (ст. 110.2 УК РФ). Цель исследования – выявить ключевые детерминанты экстремально высокой латентности данных деяний и разработать комплекс межведомственных и законодательных мер по созданию эффективного механизма проактивного противодействия. Методологическую основу составляют сравнительно-правовой и формально-логический методы, а также анализ следственной и судебной практики. Научная новизна заключается в комплексном рассмотрении латентности как следствия конвергенции юридико-технических, организационных и психологических факторов, а также в формулировании концепции «преодоления цифровой анонимности» в оперативно-розыскной деятельности. Результаты: установлено, что латентность носит институциональный характер и обусловлена несовершенством диспозиций уголовно-правовых норм, сложностью доказывания умысла в анонимной среде, отсутствием специализированного учёта и недостаточной цифровой компетенцией правоохранителей. Для преодоления кризиса необходима реализация «дорожной карты», включающей совершенствование уголовного законодательства, введение специализированного статистического учёта, формирование единой межведомственной платформы кибермониторинга и создание процессуального механизма оперативного пресечения распространения опасного контента.*

Ключевые слова: *склонение к самоубийству, латентность преступности, расследование киберпреступлений, цифровые следы, искусственный интеллект, оперативно-розыскная деятельность, уголовно-процессуальное доказывание.*

CHURSIN Roman Sergeevich,
PhD student of the 3rd year of full-time education,
direction “40.06.01 Jurisprudence,” 5.1.4. - Criminal Law,
Department of Criminal Law and Process,
University - State Autonomous Educational Institution
of Higher Education of the Leningrad Region
A.S. Pushkin Leningrad State University

PROBLEMS OF DETECTING AND INVESTIGATING INCLINATION TO COMMIT SUICIDE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: WAYS TO OVERCOME THE LATENCY CRISIS

Annotation. *The article is devoted to the analysis of systemic obstacles in the identification, disclosure and investigation of crimes related to suicide (Article 110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) and the organization of relevant activities (Article 110.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). The*

purpose of the study is to identify the key determinants of the extremely high latency of these acts and to develop a set of interdepartmental and legislative measures to create an effective mechanism for proactive counteraction. The methodological basis is made up of comparative legal and formal logical methods, as well as an analysis of investigative and judicial practice. Scientific novelty lies in a comprehensive consideration of latency as a consequence of the convergence of legal, technical, organizational and psychological factors, as well as in the formulation of the concept of "overcoming digital anonymity" in operational-search activities. Results: it has been established that latency is institutional in nature and is due to the imperfection of the dispositions of criminal law, the difficulty of proving intent in an anonymous environment, the lack of specialized accounting and insufficient digital competence of law enforcement officers. To overcome the crisis, it is necessary to implement a "roadmap," including the improvement of criminal legislation, the introduction of specialized statistical accounting, the formation of a single interdepartmental cyber monitoring platform and the creation of a procedural mechanism for promptly suppressing the spread of dangerous content.

Key words: *inclination to suicide, latency of crime, investigation of cybercrimes, digital traces, artificial intelligence, operational-search activities, criminal procedural evidence.*

Введение. Введение в 2017 году статей 110.1 и 110.2 УК РФ стало законодательным ответом на вызовы цифровой эпохи, связанные с появлением «групп смерти» и дистанционным киберсклонением к суициду [1]. Однако, спустя семь лет, правоприменительная эффективность этих норм остаётся низкой, о чём свидетельствуют единичные обвинительные приговоры. Парадокс заключается в том, что при сохраняющейся высокой социальной опасности явления и трагической статистике суицидов, уголовная статистика фиксирует мизерное количество раскрытых преступлений [2, с. 137]. Это свидетельствует не об отсутствии преступности, а о её глубокой, институционализированной латентности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью перехода от констатации проблем к выработке конкретных, технологически обеспеченных решений.

Латентность преступлений, связанных со склонением к самоубийству, носит многоуровневый характер и начинается уже на стадии их выявления.

Первичной причиной является недостаточная конкретизация диспозиций ст. 110.1 и 110.2 УК РФ [3, с. 346]. Статья 110 УК РФ криминализирует не сам факт самоубийства, а активные, целенаправленные и систематические действия, которые доводят потерпевшего до состояния безысходности и невозможности противостоять суицидальным намерениям. Анализ этих способов выявляет их оценочный характер и сложность доказывания их прямого воздействия на волю потерпевшего, что требует глубокого понимания их юридического содержания и психологического механизма [3, с. 346].

Отсутствие легальных дефиниций ключевых понятий («склонение», «организация деятельности», «побуждение») приводит к правовой неопределённости. Следователь, сталкиваясь с контентом, содержащим латентную пропаганду суицида (эстетизацию смерти, культ одиночества), не находит в нём прямых призывов, а потому зачастую отказывает в возбуждении дела. Как справедливо отмечается в литературе, «отдельной проблемой является невозможность или сложность получения экстерриториальных данных, информации, хранящейся на серверах иностранных государств и находящейся вне юрисдикции следственных органов» [4, с. 95], что усугубляет сложность квалификации.

Доказывание прямого умысла виновного на склонение именно к лишению себя жизни является крайне сложной процессуальной задачей. В условиях анонимного общения в мессенджерах и закрытых чатах, где преступник маскирует свои намерения под «игру» или «психологическую помощь», установить его конечную цель практически невозможно без специальных познаний. Исследования показывают, что жертвами чаще всего становятся несовершеннолетние с повышенной внушаемостью и низкой самооценкой [5], что активно используется злоумышленниками.

Отсутствие в системе МВД и СКР специализированного учёта таких преступлений приводит к их «растворению» в массе общей статистики. Это лишает руководство правоохранительных органов объективной картины угрозы. По данным анализа, даже выявленные случаи часто остаются латентными из-за недостаточной активности правоохранительных органов [6].

Даже при регистрации материала проверки, расследование сталкивается с рядом практически непреодолимых препятствий.

Основным доказательством является цифровая переписка, которую целенаправленно уничтожают как преступники, так иногда и сами потерпевшие-подростки, опасаясь реакции родителей [5, с. 617]. Использование мессенджеров с функцией самоуничтожения сообщений (Telegram, WhatsApp либо иных анонимных мессенджеров, в том числе с использованием VPN) делает эту проблему критической, при этом, «в ходе расследования... особенностью применения специаль-

ных знаний обусловлена необходимостью получения полного доступа к переписке между жертвой и злоумышленником в социальных сетях и мессенджерах» [5, с. 617]. Получение же полной переписки у зарубежных интернет-компаний в рамках международной правовой помощи – процесс, длящийся месяцы, что неприемлемо для оперативного расследования.

Многие «группы смерти» действуют транснационально, что создаёт непреодолимый барьер для раскрытия. Их деятельность приобретает характер устойчивой киберпреступной сети. Криминологические исследования подтверждают, что современные методы склонения к самоубийству, основанные на использовании цифровых технологий, существенно усложняют процесс выявления и предупреждения подобных деяний.

Рядовой следователь, не обладающий компетенциями в области IT-криминалистики, не способен самостоятельно провести грамотный осмотр электронного носителя или заказать корректную экспертизу. Авторы тактических рекомендаций подчёркивают, что «в следственно-оперативную группу представляется целесообразным также привлекать специалиста из области компьютерных технологий (IT), так как может возникнуть потребность в оперативном обнаружении, фиксации и изъятии цифровых данных» [1]. Отсутствие таких специалистов в штатах – системная проблема, поскольку из-за кадрового голода чаще всего таким специалистом является дежурный оперуполномоченный СОГ, который, как правило, может не иметь специальных познаний.

Преодоление латентности требует коренной перестройки парадигмы противодействия.

Представляется необходимым: дать легальные определения ключевым понятиям в примечаниях к ст. 110.1 и 110.2 УК РФ; криминализировать создание и использование «вредоносного ИИ» (чатов-ботов, нейросетей), предназначенных для склонения к суициду, путём внесения новой статьи в главу 28 УК РФ; рассмотреть возможность введения формального состава для ст. 110.2 УК РФ, где деяние будет считаться оконченным с момента создания инфраструктуры для распространения суицидального контента.

Отдельно следует отметить, что требуется разработка государственной системы на базе искусственного интеллекта для автоматического мониторинга открытых источников на предмет выявления нарративных паттернов латентной пропаганды. Подобные технологические решения уже рассматриваются как перспективные для предотвращения преступлений [6].

Необходимо законодательно закрепить возможность для следственных органов с санкции суда инициировать немедленную блокировку интернет-ресурса, распространяющего суицидальный контент, на период расследования, по аналогии с мерами по противодействию экстремизму.

В структуре СКР и МВД должны быть созданы специализированные подразделения, укомплектованные следователями, IT-криминалистами и психологами, прошедшими специальную подготовку. Это согласуется с выводами исследователей о необходимости комплексного подхода, объединяющего усилия правоохранительных органов, психологов и педагогов [3].

Заключение. Проблема латентности склонения к самоубийству в интернете является отражением системного кризиса адаптации уголовного права и процесса к цифровой эпохе. Борьба с высокотехнологичной, транснациональной и анонимной угрозой устаревшими методами неэффективна. Предложенный комплекс мер: от совершенствования законодательства до создания новых технологических и организационных инструментов – представляет собой дорожную карту по преодолению латентности. Её реализация требует консолидации усилий законодательной и исполнительной власти, существенных инвестиций в технологии и подготовку кадров. Альтернативой является дальнейшая безнаказанность цифровых преступников и демонстрация правовой беспомощности государства в защите жизни и здоровья граждан, особенно несовершеннолетних.

Список литературы:

[1] Озеров И. Н., Сааков Т. А. Некоторые тактические особенности первоначального этапа раскрытия и расследования преступлений, связанных с доведением до самоубийства посредством сети «Интернет» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 4 (56). С. 94–98.

[2] Лукки Е. В., Фоменко Е. Д. Причины и условия совершения преступлений, связанных со склонением к самоубийству и содействию совершения самоубийства, криминологическая характеристика // Научный журнал. 2025. Т. 134. С. 134–138.

[3] Путилова Е. О., Примак А. А. Характеристика способов совершения доведения и склонения до самоубийства // Сборник научных трудов. 2023. С. 1–7.

[4] Харисова З. И. Актуальные проблемы деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности в глобальной сети Интернет // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 3 (85). С. 92–98.

[5] Ермошкин Д. А. Использование специальных знаний в области исследования компью-

терной информации при расследовании преступлений, связанных со склонением к самоубийству или содействием совершению самоубийства // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2025. Т. 9. № 4. С. 615–623.

[6] Мальцева О. А., Чаплыгина А. Д. Особенности предотвращения доведения до самоубийства и склонения к совершению самоубийства несовершеннолетних в сети интернет // Современная наука. 2021. № 1. С. 21–23.

[7] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

References:

[1] Ozerov I. N., Saakov T. A. Some tactical features of the initial stage of disclosure and investigation of crimes related to suicide through the Internet// Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4 (56). S. 94-98.

[2] Lucca E.V., Fomenko E.D. Reasons and conditions for committing crimes related to incitement to suicide and assistance in committing suicide, criminological characteristics//Scientific journal. 2025. T. 134. S. 134-138.

[3] Putilova E.O., Primak A.A. Characteristics of methods of bringing and persuading to suicide//Collection of scientific works. 2023. S. 1-7.

[4] Harisova Z. I. Actual problems of law enforcement agencies in combating crime in the global Internet//Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3 (85). S. 92-98.

[5] Ermoshkin D.A. Use of special knowledge in the field of computer information research in the investigation of crimes related to inducement to suicide or assistance in committing suicide//Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2025. VOL. 9. № 4. PP. 615-623.

[6] Maltseva O. A., Chaplygina A. D. Features of preventing suicide and inducement to commit suicide of minors on the Internet//Modern science. 2021. № 1. S. 21-23.

[7] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 04.08.2023) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-325-330

КАМЫШАНОВА София Сергеевна,
аспирант 2 курса,
кафедра уголовного права и процесса
Институт государства и права
Сургутский государственный университет
e-mail: sophia.kamysh@mail.ru

Научный руководитель:
ДЯДЬКИН Дмитрий Сергеевич,
д.ю.н, профессор,
преподаватель кафедры
уголовного права и процесса,
Институт государства и права,
Сургутский государственный университет,
e-mail: mail@law-books.ru

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. *В данной статье автором рассматриваются и анализируются подходы в определении сущности общественной опасности преступных деяний, совершаемых в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Автор статьи в своем исследовании указывает на важность криминологических характеристик преступных субъектов при установлении обстоятельств уголовного дела и определении уровня общественной опасности. Ключевое внимание в данной статье уделено проблеме определения общественной опасности экономических преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства. По результатам исследования обобщающей характеристикой изученных автором подходов относительно общественной опасности является оценка причиненного вреда. Автор в своем исследовании указывает на необходимость учета пробелов действующего жилищного законодательства и особенностей личности преступных субъектов при оценке преступных деяний. Автор анализирует существующие подходы относительно определения правовой природы категории общественной опасности. Учитывая положения современной научной литературы относительно рассматриваемого вопроса, была выявлена важная взаимосвязь между возможностью нанесения вреда охраняемым законом объектам и наличием существенных негативных последствий. Последовательно автор излагает влияние криминологических факторов на состояние преступности в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Особенностью данных преступных деяний является сложность их своевременного обнаружения правоохранительными органами и предупреждения. Автор приходит к выводу о невозможности отказа современного уголовного права от категории общественной опасности. Выступая важным критерием криминализации преступного деяния, общественная опасность также служит важным элементом при определении мер уголовно-правового воздействия в отношении виновного лица. По результатам исследования автором было предложено рассматривать общественную опасность через призму уголовного права и криминологии.*

Ключевые слова: *коммунальные услуги; экономические преступления; жилищно-коммунальное хозяйство; латентная преступность; личность преступника; криминология; общественная опасность ;управляющие организации.*

KAMYSHANOVA Sophia Sergeevna,
Second-year postgraduate student,
Department of Criminal Law and Procedure
Institute of State and Law Surgut State University

Scientific supervisor:
DYADKIN Dmitry Sergeevich,
Doctor of Law, Professor Lecturer,
Department of Criminal Law and Procedure Institute
of State and Law Surgut State University

PUBLIC DANGER OF ECONOMIC CRIMES IN THE SPHERE OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES: CRIMINOLOGICAL ASPECT

Annotation. *In this article, the author examines and analyzes approaches to determining the nature of the public danger of criminal acts committed in the field of housing and communal services. The author of the article in his research points out the importance of criminological characteristics of criminal subjects in establishing the circumstances of a criminal case and determining the level of public danger. The key attention in this article is paid to the problem of determining the social danger of economic crimes in the field of housing and communal services. According to the results of the study, a generalizing characteristic of the approaches studied by the author regarding public danger is the assessment of the harm caused. In his research, the author points out the need to take into account the gaps in the current housing legislation and the personality characteristics of criminal actors when assessing criminal acts. The author analyzes the existing approaches regarding the definition of the legal nature of the category of public danger. Taking into account the provisions of modern scientific literature on the issue under consideration, an important relationship has been identified between the possibility of harm to legally protected objects and the presence of significant negative consequences. The author consistently describes the influence of criminological factors on the state of crime in the housing and communal services sector. A feature of these criminal acts is the difficulty of their timely detection and prevention by law enforcement agencies. The author comes to the conclusion that it is impossible for modern criminal law to abandon the category of public danger. As an important criterion for criminalizing a criminal act, public danger also serves as an important element in determining criminal law measures against the perpetrator. According to the results of the study, the author proposed to consider public danger through the prism of criminal law and criminology.*

Key words: *public utilities; economic crimes; housing and communal services; latent crime; criminal identity; criminology; public danger; management organizations.*

Актуальность исследования.

Общественная опасность преступления является важным фактором, определяющим криминализацию и дальнейшую квалификацию преступных деяний. Существование данной категории в уголовном праве обусловлено наличием общественных отношений, на которые посягают преступные деяния и вследствие совершения которых, может быть причинен вред охраняемым уголовным законом благам и интересам. Ввиду того, что сфера жилищно-коммунального хозяйства обеспечивает население необходимыми социально-значимыми ресурсами и согласно статистическим данным более подвержена преступным посягательствам со стороны заинтересованных субъектов, то необходимость изучения категории общественной опасности указанных деяний является на сегодняшний день весьма актуальной.

Постановка проблемы исследования.

В основе проблемы исследования лежит неэффективное проведение очной ставки из-за особенностей поведения допрашиваемых и сложностях в получении правдивых показаний и возможных нарушений, особенно в случае применения неправомерных методов допроса. Предмет исследования — общественная опасность экономических преступлений в сфере ЖКХ.

Обзор научной литературы.

Вопрос изучения общественной опасности преступлений нашел свое отражение в работах многих ученых и авторов, таких как Пудовочкин Ю.Е [9], Кельм С.И [5], Хилюта В.В [10], Ондар А.-Б.С[8].

Отдельным криминологическим аспектам изучения общественной опасности в сфере жилищно-коммунального хозяйства, посвящены исследования таких авторов, как Богомолова К.И [3], Корнеев С.А [6], Гузеева О.С [8], и др. Существуют разные точки зрения относительно понимания общественной опасности как категории уголовного права. Первая часть исследователей связывает сущность общественной опасности преступного деяния с ее основным свойством причинять или создавать угрозу причинения вреда. Вторая группа исследователей

рассматривает общественную опасность как некий искусственный конструкт, признавая изначальное отсутствие данного признака в любом деянии субъекта права.

Анализ научных трудов показывает, что, хоть категория общественной опасности в уголовном праве изучена достаточно широко, ряд аспектов её практического применения требует более глубокого изучения.

Описание и обоснование методологии исследования.

В рамках данного исследования были применены методы анализа и обобщения, которые был использованы для всестороннего изучения категории общественной опасности преступных деяний в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Применение системного и формально-логического метода, в свою очередь, позволило рассмотреть криминологические аспекты экономических преступлений в рассматриваемой нами сфере.

Результаты исследования.

Следствием совершения большинства преступных деяний является причинение вреда общественным отношениям и тем объектам на которые были направлены преступные посягательства. Категория общественной опасности, по мнению большинства юристов-исследователей, является важным критерием криминализации преступных деяний.

В рамках данного исследования полагаем необходимым обозначить две крайности, которым подвержены исследователи при определении общественной опасности в предложенном контексте.

Согласно первому подходу, общественная опасность представляет собой категорию возможности, где наличие риска причинения вреда охраняемым уголовным законом объектам и интересам, предполагает реализацию заложенной в данную категорию угрозы.

Изучив специальную юридическую литературу, мы пришли к выводу, что обобщающей характеристикой второго подхода при определении понятия общественной опасности служит наличие причиненного вреда. Данная категория, на наш взгляд, весьма оценочна и объективна. Поскольку указанное понимание общественной опасности позволяет определить пострадавшие от преступных посягательств объекты и оценить причиненный им вред, мы считаем указанный подход логичным и обладающим практической значимостью.

Рассматривая общественную опасность через призму ее непосредственного функционального предназначения, мы приходим к выводу о возможности данной категории права разграничить и обособить уголовно наказуемые деяния от иных правонарушений. В связи с использованием категории общественной опасности как важного фактора при оценке преступного деяния, нам представляется содержательной и вполне практически целесообразной позиция Н.Э Мартыненко [7,с.104], согласно которой реальный или потенциальный вред от преступления должен быть существенным.

Мы также полагаем необходимым обозначить одну из важных функций общественной опасности – возможность оценить фактический вред совершенного деяния. В своих исследованиях Е.Ю Пудовочкин [9,с.160] обозначает, что : «общественную опасность необходимо рассматривать как категорию оценочную. Общественная опасность содержит в себе не только объективные характеристики, но прежде всего является результатом оценки различных свойств и признаков преступного деяния».

Нами также была изучена проблема отсутствия согласованности представлений об общественной опасности в части вредоносности преступных деяний и наступления реальных последствий вследствие их совершения.

Причинение реального вреда охраняемым объектам и возможность наступления угрозы как таковой в свое время составили основу более ранней концепции об общественной опасности.

По мнению О. С Гузеевой : «основная опасность преступного действия (бездействия) состоит именно в возможности причинения вреда охраняемым законом общественным отношениям»[4,с.100]. Поскольку опасность не обладает материальным или физическим характером, и не может быть измерима, то мы полагаем необходимым относить данную категорию к природе права. Данное понимание органично вписывается в онтологию бытия человека, и в более полной мере раскрывает сущность общественной опасности как признака преступления.

Проблему соотношения общественной опасности и фактически причиненного вреда в своих исследованиях рассматривает С.А Корнеев[6,с.994]. По мнению исследователя, вред выражает состояние вещей, их пригодность. Опасность указывает на возможность нанесения вреда охраняемым законом объектам, что в свою очередь способно повлиять на их состояние. В данном случае общественная опасность выступает статичным элементом, вред представлен как показатель переменный, изменчивый. Однако, из указанного противопоставления следует, что вред является элементом производным от общественной опасности.

Ряд исследователей определяет категорию вреда более значимой в сравнении с обществен-

ной опасностью . Так В. В. Хилюта обозначает что: «вред практический базис, всегда объективен и вытекает из человеческого опыта» [10,с.211]. На наш взгляд, исследователь верно указывает на практическую значимость категории вреда в рамках указанной концепции поскольку назначая наказание, суд руководствуется не общественной опасностью самого деяния, а фактически тем вредом, который был причинен в результате совершения преступления.

Мы полагаем, что определение степени фактически нанесенного вреда позволяет объективно оценивать уровень общественной опасности преступного деяния и обуславливает в дальнейшем возможность применения мер уголовно-правового воздействия в отношении конкретных лиц.

Несмотря на представление общественной опасности в данном понимании как более абстрактного критерия в сравнении с уголовно-правовой оценкой вреда, считаем отказ от указанной категории невозможным поскольку состав преступления может быть установлен только в конкретных опасных действиях конкретного лица.

В остальном вышеуказанный подход применительно оценке вреда может быть эффективно использован при исследовании и квалификации преступлений, совершаемых в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

Предоставление качественных жилищно-коммунальных услуг является одной из самых важных задач современного государства. Потребность в обеспечении благоприятных и комфортных условий проживания граждан в рамках современного жилищного фонда требует соответствующего уровня финансирования и вливания денежных средств, направленных на его содержание и развитие. В связи с этим обстоятельством, безусловно необходимо более детальное изучение общественной опасности преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

Основным объектом преступных посягательств в рассматриваемой нами сфере являются денежные средства. Однако, мы полагаем, что в первую очередь объектом, претерпевающим негативные последствия являются общественные отношения, возникающие в процессе функционирования и обслуживания жилищного фонда.

Общественная опасность рассматриваемых нами явлений обусловлена высоким уровнем теневой экономики, что в свою очередь позволяет совершать хищения в крупном и особо крупном размере. Немаловажным фактором, способствующим совершению указанных деяний, служит высокоорганизованный характер преступности, имеющий выраженную социальную окраску.

Так С.И Кельм в своем исследовании указывает на аспект публичной важности сферы жилищно-коммунального хозяйства: « все организации, как государственные, так и частные, должны действовать в интересах всего населения» [5,с.85]. Сосредоточенность жизнеобеспечительных интересов общества в данной сфере обуславливает вовлеченность в нее широкого круга хозяйствующих субъектов, в том числе органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Данное обстоятельство осложняет эффективное противодействие и воспрепятствование осуществлению намерений и действий преступных субъектов.

Общественная опасность рассматриваемых экономических преступлений достигает высокого уровня вследствие наличия противоречий и пробелов в правовом регулировании общественных отношений, а именно в области жилищного законодательства. Преступные субъекты учитывают несогласованность и противоречивость правовых норм действующего законодательства для более успешной реализации преступного умысла и достижения соответствующей цели.

Для более успешного совершения незаконных операций преступные субъекты нередко применяют методики коррупции и экономического взяточничества. Структуру преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства отличает наличие определенных особенностей, выражающихся в качественных и количественных характеристиках. Одной из таких характеристик служит причиненный вред.

Одной из особенностей категории данных деяний является сложность в установлении потерпевших лиц. Поскольку основным объектом преступных посягательств являются денежные средства, направленные на содержание жилищного фонда, то вред причиняется довольно большому количеству собственников и потребителей жилищно-коммунальных услуг.

В свою очередь мы хотели бы отметить существование других немаловажных криминологических факторов, препятствующих снижению числа рассматриваемых преступных деяний. Высокий уровень латентности экономических преступлений и сложная организация преступных схем осложняют возможность установить местонахождение денежных средств и размер причиненного ущерба.

Лица совершающие данные преступления отличает наличие опыта и стажа работы в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Знание особенностей функционирования данной отрасли

позволяет им эффективно использовать возможности противозаконного обогащения, что на наш взгляд, является маркером высокого уровня общественной опасности данных преступных деяний.

Необходимо понимать, что именно лица занимающие руководящие должности в организациях, функционирующих в сфере ЖКХ совершают большинство преступных деяний. Данный фактор осложняется тем, что преступные субъекты обладают определенным авторитетом, и имеют связи в сфере государственной власти и бизнеса.

Исследователи – криминологи К.И. Богомолова и А.Н. Варыгин на основе проведенного анализа уголовных дел, определили отличительные признаки субъектов : «самоуверенность; демонстрация своего превосходства над подчиненными, сотрудниками контролирующих органов; ярко выраженный прагматизм; ориентация на достижение успеха; наличие коррупционных связей в различных сферах, в том числе и в правоохранительных органах; склонность к стяжательству» [3,с.360].

На наш взгляд, категория общественной опасности находится в тесной взаимосвязи с личностью преступника. Выступая центральным звеном механизма преступного поведения, криминологическая характеристика личности преступника в совокупности с другими обстоятельствами совершения преступления позволяет произвести более детальную оценку деяния и в случае необходимости определить меры уголовно-правового воздействия в отношении виновного лица.

Обсуждение результатов исследования и выводы.

Основываясь на проведенном нами исследовании, мы можем с уверенностью сказать, что общественная опасность является важной категорией при оценке преступных деяний, в том числе преступлений, совершаемых в сфере жилищно-коммунального хозяйства. В своей позиции мы исходим из невозможности сомнения относительно опасности криминализированных деяний. При наличии совокупности признаков состава преступления, деяние должно признаваться общественно опасным, но только при детальном изучении обстоятельств его совершения.

В свою очередь криминологическая характеристика лиц, совершающих преступления в сфере жилищно-коммунального хозяйства, находится в тесной взаимосвязи с такой категорией как общественная опасность, и напрямую влияет не только на квалификацию указанных деяний, но и на определение мер уголовно-правового воздействия.

Высокий уровень общественной опасности преступности в рассматриваемой сфере обусловлен латентностью и обладанием специальных познаний в области законодательства преступными субъектами. Полагаем правильным рассматривать общественную опасность преступных деяний в сфере жилищно-коммунального хозяйства как критерий оценки деяний через призму уголовного права и криминологии.

Список литературы:

[1] Бекман О. А., Пилюгина Ю. Г. Критерии наличия общественной опасности/ Бекман О. А., Пилюгина Ю. Г. // МНИЖ. 2025. №3.С.153-156. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-nalichiya-obschestvennoy-opasnosti (дата обращения: 25.12.2025).

[2] Бессалова Т.Н. Инструментарий общественной опасности и ее измерение // Юридическая наука. 2023. №2.С.91-95. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/instrumentariy-obschestvennoy-opasnosti-i-ee-izmerenie (дата обращения: 25.12.2025).

[3] Богомолова К.И., Варыгин А.Н. Особенности личности преступника, совершающего преступления в сфере жилищно-коммунального хозяйства/ Богомолова К.И., Варыгин А.Н.// Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. №3.С.359-364. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-lichnosti-prestupnika-sovershayuschego-prestupleniya-v-sfere-zhilischno-kommunalnogo-hozyaystva (дата обращения: 25.12.2025).

[4] Гузеева О. С. Общественная опасность преступления: конституционно-правовой и уголовно-правовой анализ // Lex Russica. 2021. №3.С.95-106 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-opasnost-prestupleniya-konstitutsionno-pravovoy-i-ugolovno-pravovoy-analiz

[5] Кельм С.И. Состояние, структура и динамика преступности в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. №2.С.84-90 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-struktura-i-dinamika-prestupnosti-v-sfere-zhilischno-kommunalnogo-hozyaystva (дата обращения: 25.12.2025).

[6] Корнеев С.А., Головастова Ю.А. Общественная опасность в современной доктрине уголовного права: инверсионные тенденции развития/ Корнеев С.А., Головастова Ю.А. // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2024. №4.С.993-1011. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-opasnost-v-sovremennoy-doktrine-ugolovnogo-prava-inversionnye-tendentsii-razvitiya

[7] Мартыненко Н. Э. Понятия «Вред» и «Ущерб» и их уголовно-правовая оценка // Труды Академии управления МВД России. 2020.

№2.С.103-109 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiya-vred-i-uscherb-i-ih-ugolovno-pravovaya-otsenka

[8] Ондар А. -Б С. Общественная опасность: проблемы определения // Актуальные проблемы российского права. 2023. №6. С.85-94. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-opasnost-problemy-opredeleniya (дата обращения: 25.12.2025).

[9] Пудовочкин Ю.Е. Общественная опасность преступления и ее отражение в составе преступления // Lex Russica. 2025. №5.С.159-168 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-opasnost-prestupleniya-i-ee-otrazhenie-v-sostave-prestupleniya (дата обращения: 25.12.2025).

[10] Хилюта В.В. Онтологические аспекты понимания общественной опасности как признака преступления // Lex Russica. 2024. №2.С.210-215 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ontologicheskie-aspekty-ponimaniya-obschestvennoy-opasnosti-kak-priznaka-prestupleniya

References:

[1] Bekman O. A., Pilyugina Yu. G. Criteria for the presence of public danger/Bekman O. A., Pilyugina Yu. G.//MNIZH. 2025. NO. 3.C.153-156. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-nalichiya-obschestvennoy-opasnosti (дата обращения: 25.12.2025).

[2] Bessalova T.N. Tools of public danger and its measurement//Legal science. 2023. NO. 2.S.91-95. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/instrumentariy-obschestvennoy-opasnosti-i-ee-izmerenie (дата обращения: 25.12.2025).

[3] Bogomolova K.I., Varygin A.N. Personality features of a criminal committing crimes in the field of housing and communal services/Bogomolova K.I., Varygin A.N.//Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. NO. 3.S.359-364. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-lichnosti-prestupnika-sovershayuschego-prestupleniya-v-sfere-zhilischno-kommunalnogo-hozyaystva (дата обращения: 25.12.2025).

[4] Guzeeva O.S. Public danger of crime: constitutional-legal and criminal-legal analysis//Lex Russica. 2021. №3.С.95-106 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-opasnost-prestupleniya-konstitutsionno-pravovoy-i-ugolovno-pravovoy-analiz

[5] Kelm S.I. State, structure and dynamics of crime in the field of housing and communal services// Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. №2.С.84-90 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-struktura-i-dinamika-prestupnosti-v-sfere-zhilischno-kommunalnogo-hozyaystva (дата обращения: 25.12.2025).

[6] Korneev S.A., Golovastova Yu.A. Public danger in the modern doctrine of criminal law: inversion development trends/Korneev S.A., Golovastova Yu.A.//Bulletin of St. Petersburg State University. Series 14. Right. 2024. №4.С.993-1011. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-opasnost-v-sovremennoy-doktrine-ugolovnogo-prava-inversionnye-tendentsii-razvitiya

[7] Martynenko N.E. Concepts “Harm” and “Damage” and their criminal legal assessment//Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. №2.С.103-109 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiya-vred-i-uscherb-i-ih-ugolovno-pravovaya-otsenka

[8] Ondar A. -B S. Public danger: problems of definition//Actual problems of Russian law. 2023. №6. S.85-94. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-opasnost-problemy-opredeleniya (дата обращения: 25.12.2025).

[9] Pudovochkin Y.E. Public danger of crime and its reflection in the composition of the crime//Lex Russica. 2025. №5.С.159-168 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-opasnost-prestupleniya-i-ee-otrazhenie-v-sostave-prestupleniya (дата обращения: 25.12.2025).

[10] Hilyuta V.V. Ontological aspects of understanding public danger as a sign of crime//Lex Russica. 2024. №2.С.210-215 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ontologicheskie-aspekty-ponimaniya-obschestvennoy-opasnosti-kak-priznaka-prestupleniya

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-331-335

КАРАВАЕВ Евгений Сергеевич,
заместитель начальника кафедры специальных дисциплин
Волгодонского филиала Ростовского юридического
института МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: evgkaravaev@yandex.ru.

ЧЕНЧИКОВСКИЙ Александр Дмитриевич,
старший преподаватель кафедры физической подготовки
Волгоградской академии МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: alzmche@yandex.ru.

ЮЗЬВАК Сергей Анатольевич,
преподаватель кафедры специальных дисциплин
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
майор полиции,
e-mail: v.shanko@mail.ru.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И РАЗРЕШЕНИЕ КОНФЛИКТОВ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *В статье исследуется роль профессиональной коммуникации в деятельности сотрудников правоохранительных органов в рамках уголовно-правовых отношений. Анализируются правовые основы взаимодействия правоохранителей с гражданами при разрешении конфликтов, возникающих в процессе уголовного преследования. Рассматриваются механизмы предотвращения конфликтов путем совершенствования коммуникативных навыков сотрудников полиции, следователей и прокуроров. Особое внимание уделено влиянию эффективной коммуникации на качество уголовно-правового процесса, снижение социальной напряженности и обеспечение законности. Предложены рекомендации по внедрению программ обучения коммуникативным компетенциям в правоохранительную практику.*

Ключевые слова: *коммуникация, конфликт, правоохранители, уголовное право, полиция, следствие, законность, взаимодействие, компетенции, преследование.*

KARAVAEV Evgeny Sergeevich,
Deputy Head of the Department of Specialized Disciplines
at the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Lieutenant Colonel

CHENCHIKOVSKY Alexander Dmitrievich,
senior lecturer of the Department of Physical Training
of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Lieutenant Colonel

YUZVAK Sergey Anatolyevich,
Lecturer in the Specialized Disciplines Department
at the Crimean Branch of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Major

PROFESSIONAL COMMUNICATION AND CONFLICT RESOLUTION IN CRIMINAL LAW

Annotation. *This article examines the role of professional communication in the work of law enforcement officers within the context of criminal law. It analyzes the legal framework for interactions between law enforcement officers and citizens in resolving conflicts arising during criminal prosecutions. It examines mechanisms for conflict prevention by improving the communication skills of police officers, investigators, and prosecutors. Particular attention is paid to the impact of effective communication on the quality of criminal proceedings, reducing social tension, and ensuring the rule of law. Recommendations for the implementation of communication skills training programs in law enforcement are offered.*

Key words: *communication, conflict, law enforcement, criminal law, police, investigation, legality, interaction, competence, prosecution.*

Особенностью служебной деятельности сотрудников внутренних дел является то, что они ежедневно несут трудную, опасную службу, охраняя честь, достоинство, жизнь и здоровье людей. Призванные защищать интересы, общества и государства, конституционные права и свободы граждан от преступных или иных посягательств, они продолжают выполнять важные и ответственные задачи в Российской Федерации. Современная действительность характеризуется частыми изменениями и нестабильностью в различных сферах жизнедеятельности. В связи с эти особенно актуальным становится глубокое осмысление оптимизации профессиональной подготовки руководителей и сотрудников полиции, и в большей части это касается коммуникативной компетенции [5].

Под профессиональным общением сотрудников органов внутренних дел исследователи понимают процесс установления и развития непосредственного либо косвенного контакта с использованием различных средств, обусловленный профессиональными задачами и предполагающий ответственность за их достижение и, несмотря на значительное количество работ по данной проблематике, сотрудники ОВД продолжают испытывать трудности как во внутриколлективном диалоге, так и при взаимодействии со специальным контингентом. Решение этих задач требует глубокого анализа специфики коммуникативных характеристик руководящего состава и рядовых сотрудников, а также их влияния на качество профессиональной деятельности [10].

Вопросы повышения коммуникативной культуры руководителей и сотрудников ОВД остаются среди приоритетных направлений служебной работы. От уровня владения конструктивными навыками общения зависит формирование специалиста, способного эффективно выполнять поставленные задачи в соответствии с современными стандартами и на должном профессиональном уровне. Кроме того, это определяет создание благоприятного имиджа органов внутренних дел и формирование позитивного отношения общества.

Недостаточная компетентность руководителей ОВД в области построения коммуникации способна привести к управленческим просчетам и ошибкам в организации работы подчиненных. А это чревато ухудшением морально-психологической атмосферы в коллективе, падением трудовой эффективности и возникновением межличностных конфликтов.

Профессиональная коммуникация в уголовно-правовой сфере представляет собой комплекс коммуникативных действий сотрудников правоохранительных органов, направленных на реализацию полномочий по охране общественного порядка и борьбе с преступностью. В условиях роста социальной напряженности и усложнения криминальной обстановки эффективность уголовно-правового процесса во многом определяется качеством взаимодействия правоохранителей с гражданами. Конфликты, возникающие в процессе оперативно-розыскной деятельности, дознания и предварительного следствия, зачастую обусловлены недостатками профессиональной коммуникации.

Актуальность исследования обусловлена противоречием между возросшими требованиями к коммуникативной компетентности сотрудников правоохранительных органов и недостаточной разработанностью уголовно-правовых механизмов формирования таких компетенций. Федеральный закон «О полиции» закрепляет обязанность сотрудника полиции осуществлять открытое и доброжелательное информирование граждан о своих действиях [1]. Однако практика свидетельствует о системных проблемах в коммуникации, приводящих к эскалации конфликтов и подрыву авторитета правоохранительных органов. Статистика обращений граждан в органы надзора и суды показывает, что значительная часть претензий относится к нарушениям процедурных норм взаимодействия, которые можно было бы предотвратить через совершенствование профессиональной коммуникации.

Коммуникативная деятельность сотрудников правоохранительных органов в уголовно-правовом процессе носит многоуровневый характер и включает взаимодействие с различными субъектами: гражданами, подозреваемыми, потерпевшими, свидетелями, а также коллегами по службе, поскольку каждая из этих форм комму-

никации имеет свою специфику и правовую основу [3]. Так, при осуществлении публичной оперативно-розыскной деятельности закон требует от сотрудника полиции четкого доведения информации о целях и основаниях проверки, нарушение принципа открытости коммуникации нередко становится причиной правомерного неповиновения гражданам, квалифицируемого по ст. 19.3 КоАП РФ. Судебная практика демонстрирует, что граждане, надлежащим образом уведомленные о целях и процедурах действий правоохранителей, проявляют большую готовность к сотрудничеству, нежели те, кто был подвергнут процессуальным действиям без надлежащего информирования.

Конфликтогенность уголовно-правовых отношений обусловлена асимметрией власти и информационным неравенством между правоохранителем и гражданином, поскольку сотрудник полиции обладает монополией на применение принудительных мер, что само по себе создает потенциал конфликтного взаимодействия [5]. Такая асимметрия проявляется в способности правоохранителя инициировать различные процессуальные действия, применять меры принуждения, ограничивать свободу передвижения и выбора граждан. Эффективная профессиональная коммуникация выступает сдерживающим фактором, позволяющим минимизировать применение физической силы и обеспечить добровольное сотрудничество граждан. Правоохранитель, демонстрирующий уважение к личности, четко объясняющий правовые основания своих действий и способный выслушать позицию гражданина, существенно снижает вероятность возникновения конфликта.

В этой связи важное значение приобретает невербальная коммуникация – мимика, жесты, интонация, которые зачастую воспринимаются гражданами как более достоверные, чем словесные сообщения. Нарушения принципов невербального общения, такие как агрессивная интонация, презрительные жесты или демонстрация превосходства, могут провоцировать конфликтное поведение даже при правомерности действий самого сотрудника. Психологические исследования показывают, что конфликты возникают не столько из-за самого факта необходимого процессуального действия, сколько из-за способа его реализации, поэтому осознание этого факта должно стать основой переподготовки кадров в системе правоохраны.

Особую актуальность проблема коммуникации приобретает в условиях цифровизации правоохранительной деятельности. Внедрение электронного документооборота и видеофиксации процессуальных действий требует от сотрудников новых коммуникативных компетенций. Видеозапись допросов, обысков и задержаний становится важным доказательством в уголовном процессе, однако качество коммуникации при таких действиях определяет их процессуальную состоятельность [8]. Судебная практика показывает, что неадекватное поведение сотрудников при общении с участниками процесса часто становится основанием для исключения доказательств [9]. Суды используют видеозаписи для оценки соблюдения процедурных норм, и любые проявления грубости, оскорбления или давления на участников уголовного процесса влекут признание доказательств недопустимыми в соответствии с ч. 1 ст. 75 УПК РФ [6].

Разрешение конфликтов в уголовно-правовой сфере требует системного подхода к обучению коммуникативным навыкам, поскольку традиционные методы профессиональной подготовки, ориентированные преимущественно на правовые знания и физическую подготовку, недостаточны для формирования навыков конфликт-компетентного поведения [4]. Необходимы специализированные программы, включающие тренинги активного слушания, технику аргументации, навыки медиации и эмпатического общения. Такие программы должны интегрироваться в систему аттестации и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов. Опыт западных стран демонстрирует эффективность обязательного обучения коммуникативным компетенциям в рамках базовой подготовки полицейских кадров [7]. В России этому направлению уделяется недостаточное внимание, хотя количество жалоб на превышение полномочий и ненадлежащее поведение сотрудников полиции неуклонно возрастает.

Коммуникативные компетенции включают не только умение четко передавать информацию, но и способность воспринимать позицию другого человека, адаптировать свои высказывания к уровню понимания собеседника, управлять своими эмоциями в сложных ситуациях. Для сотрудников полиции, следователей и дознавателей критически важны навыки деэскалации конфликтов – умение распознать признаки нарастающей агрессии и применить техники, снижающие напряженность взаимодействия. Практика показывает, что большинство инцидентов с применением физической силы можно было бы предотвратить через грамотное коммуникативное воздействие на конфликтующие стороны. Как отмечает в своей работе Шанько В.В. умелая организация, непрерывное поддержание тесного взаимодействия подразделений в ходе выполнения служебных задач и быстрое восстановление управления в случае его нарушения являются

важнейшими показателями искусства руководителя и штаба в управлении подразделениями, а также условиями успешного выполнения последними поставленной задачи [2].

Уголовно-правовые риски, связанные с неэффективной коммуникацией, проявляются в различных формах: от необоснованных жалоб граждан на превышение полномочий до дисциплинарных и уголовных преследований самих сотрудников. Анализ судебной практики Верховного Суда РФ свидетельствует о том, что значительная часть дел о превышении должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) связана именно с коммуникативными просчетами при взаимодействии с гражданами. Правоохранители часто привлекаются к ответственности не за самое действие, а за форму его реализации, которая была негативно воспринята гражданином, что подчеркивает необходимость уголовно-правового регулирования стандартов профессиональной коммуникации в правоохранительной деятельности [9].

Законодательство Российской Федерации уже содержит отдельные нормы, касающиеся коммуникации правоохранителей с гражданами. Статья 11 ФЗ «О полиции» обязывает сотрудников соблюдать вежливость и уважение к личности. Однако эти предписания часто остаются декларативными и не подкреплены четкими стандартами, методикой оценки и системой ответственности. Необходимо расширение правовой базы с целью закрепления конкретных требований к коммуникативному поведению, установления санкций за нарушения этих требований и создания системы контроля за их соблюдением.

Мы считаем, что внедрение подобных мер обеспечит переход коммуникативных умений с уровня рекомендованных требований к разряду обязательных профессиональных стандартов для сотрудников правоохранительных структур, поскольку мировой опыт подтверждает результативность комплексных подходов к развитию коммуникационных навыков в полиции. К примеру, в ряде государств Европы действует система обязательной периодической аттестации по коммуникативной подготовке, включая оценку качества общения с населением через опросы граждан. Анализ видеозаписей процессуальных мероприятий дополняется экспертизой коммуникативного поведения сотрудников, что способствует раннему выявлению недостатков и организации адресного обучения. В связи с чем считаем, что перенос этих практик в российскую правоохранительную среду способен заметно усилить результативность уголовного процесса и укрепить доверие общества к органам правопорядка.

Помимо прочего, профессиональное общение предопределит эффективность уголовно-правовых институтов через качество контактов полиции с гражданами, поскольку развитие данных компетенций требует признания их приоритетным направлением государственной политики в сфере обеспечения безопасности. Именно поэтому мы считаем, что следует законодательно закрепить стандарты коммуникации, ввести обязательное обучение и систему контроля коммуникативной готовности при приеме на службу и переаттестации.

Комплексное выполнение этих задач минимизирует конфликтный потенциал уголовно-правовых отношений, повысит уровень общественного доверия к правоохранителям и гарантирует высокий стандарт уголовного преследования. Коммуникативная квалификация превращается из вспомогательного умения в правовую предпосылку законности и стабильности общественного порядка.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (в ред. от 30.12.2021). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110819/ (дата обращения: 21.01.2026).

[2] Шанько, В. В. Особенности организации действий сотрудников органов внутренних дел при массовых беспорядках / В. В. Шанько, А. С. Курочкин, В. В. Шабаев. – Ростов-на-Дону : Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – 48 с. – ISBN 978-5-89288-429-7. – EDN ARBDVX. – Дата обращения: 21.01.2026.

[3] Федеральный закон от 29 декабря 2020 г. № 680-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012290101 (дата обращения: 21.01.2026).

[4] Постановление Правительства РФ от 01.12.2020 № 1929 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400000000/ (дата обращения: 21.01.2026).

[5] Мальцева Т. В. Влияние особенностей коммуникативных качеств руководителей и сотрудников органов внутренних дел на профессиональную деятельность Журнал: Прикладная психология и педагогика Том 7 № 3 , 2022.

[6] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ст. 25.1, ст. 75). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 21.01.2026).

[7] Валов С. Ресурсное обеспечение цифровой трансформации следственной деятельности // Российский следователь. – 2023. – № 3.

[8] Русу И.И. Совершенствование процессуальной деятельности следователя в условиях цифровизации // [журнал]. – 2023.

[9] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2023-2024). URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/50010/ (дата обращения: 21.01.2026).

[10] Григорьев А. А. Информационно-технологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2023. – № 1. – С. 45-56.

References:

[1] Federal Law of February 7, 2011 No. 3-FZ "On the Police" (as amended by 30.12.2021). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110819/ (access date: 21.01.2026).

[2] Shanko, V.V. Peculiarities of organizing the actions of employees of the internal affairs bodies during riots/V.V. Shanko, A.S. Kurochkin, V.V. Shabaev. - Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. - 48 p. - ISBN 978-5-89288-429-7. – EDN ARBDVX. - Accessed 21.01.2026.

[3] Federal Law of December 29, 2020 No. 680-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation." URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012290101 (access date: 21.01.2026).

[4] Decree of the Government of the Russian Federation of 01.12.2020 No. 1929 "On approval of the Regulation on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation." URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400000000/ (access date: 21.01.2026).

[5] Maltseva T.V. Influence of peculiarities of communicative qualities of managers and employees of internal affairs bodies on professional activity Journal: Applied Psychology and Pedagogy Vol. 7 No. 3, 2022.

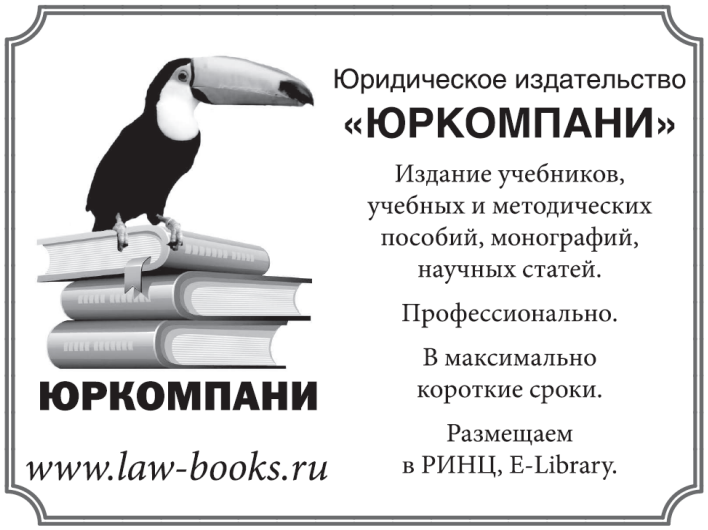
[6] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 174-FZ dated December 18, 2001 (Art. 25.1, Art. 75). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (access date: 21.01.2026).

[7] Valov S. Resource support for the digital transformation of investigative activities//Russian investigator. – 2023. – № 3.

[8] Rusu I.I. Improvement of the procedural activities of the investigator in the context of digitalization//[journal]. – 2023.

[9] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2023-2024). URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/50010/ (access date: 21.01.2026).

[10] Grigoriev A. A. Information technology support of the activities of the internal affairs bodies//Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1. - S. 45-56.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-336-340

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилевич,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ
«Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru

СИНДРОМ «ОСТАНОВЛЕННОГО ВРЕМЕНИ»: ПСИХОПАТОЛОГИЯ БУДУЩЕГО У ПОЖИЗНЕННО ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. *В статье рассматривается уникальное психопатологическое состояние, условно обозначаемое как синдром «остановленного времени», формирующееся у лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы. Его сущность заключается в экзистенциальном коллапсе восприятия временной перспективы, при котором категория будущего субъективно исчезает, а настоящее превращается в статичную, бесконечно протяженную линию. Проводится анализ глубинных механизмов этого феномена, включая когнитивно-эмоциональную блокаду проективной функции сознания и редукцию временной рефлексии. Особое внимание уделяется компенсаторным стратегиям психики, таким как патологическая ностальгия, конструирование фантазийных миров и сложные формы диссоциации, которые выполняют адаптивную, хотя и патологическую, функцию поддержания минимального психологического гомеостаза. Рассматриваются клинические проявления синдрома в структуре депрессивных, тревожных и личностных расстройств, а также его влияние на поведенческие паттерны и терапевтический прогноз. Статья носит концептуальный характер, интегрируя клинико-психопатологический, экзистенциально-феноменологический и пенитенциарный подходы.*

Ключевые слова: *пожизненное лишение свободы; восприятие времени; экзистенциальная психопатология; психологическая адаптация; ностальгия; диссоциация; пенитенциарная психиатрия.*

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
Federal State Institution «Research Institute
of the Federal Penitentiary Service»

SYNDROME OF «STOPPED TIME»: THE PSYCHOPATHOLOGY OF THE FUTURE IN LIFERS

Annotation. *The article examines a unique psychopathological condition, conditionally referred to as the «stopped time» syndrome, which develops in individuals serving life imprisonment. Its essence lies in the existential collapse of the perception of time perspective, in which the category of the future subjectively disappears, and the present turns into a static, infinitely extended line. An analysis is made of the deep mechanisms of this phenomenon, including the cognitive-emotional blockade of the projective function of consciousness and the reduction of temporal reflection. Special attention is paid to compensatory strategies of the psyche, such as pathological nostalgia, the construction of fantasy worlds and complex forms of dissociation, which perform an adaptive, albeit pathological, function of maintaining minimal psychological homeostasis. The clinical manifestations of the syndrome in the structure of depressive, anxiety and personality disorders, as well as its influence on behavioral patterns and therapeutic prognosis, are considered. The article is conceptual in nature, integrating clinical-psychopathological, existential-phenomenological and penitentiary approaches*.

Key words: *life imprisonment; time perception; existential psychopathology; psychological adaptation; nostalgia; dissociation; penitentiary psychiatry*.

Введение. Пожизненное лишение свободы представляет собой не только исключительную правовую меру, но и уникальный психогенный фактор, порождающий специфические формы психического реагирования, не имеющие прямых аналогов в общей популяции. В отличие от осужденных на определенные сроки, у которых, несмотря на тяжесть наказания, сохраняется, пусть и отдаленная, временная перспектива освобождения, у пожизненно осужденных эта перспектива радикально элиминирована. Это приводит к фундаментальной трансформации структуры субъективного переживания времени, формированию психологического феномена, который можно обозначить как синдром «остановленного времени» или психопатологию отсутствующего будущего.

Актуальность исследования данного феномена обусловлена его центральной ролью в психической адаптации и дезадаптации лиц, отбывающих пожизненное заключение. Клинический опыт свидетельствует, что именно коллапс будущего, а не сами по себе условия строгой изоляции, часто становится ключевым травматическим элементом, запускающим каскад психопатологических процессов [1]. Понимание механизмов этого синдрома критически важно для разработки адекватных подходов к психологической и психиатрической помощи данной категории осужденных, чьи потребности остаются малоизученными в рамках традиционной пенитенциарной психиатрии, сфокусированной на более распространенных расстройствах, таких как депрессия или посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР).

Концептуальные основы синдрома «остановленного времени». Человеческое сознание по своей природе темпорально. Нормальное психическое функционирование предполагает постоянное динамическое взаимодействие трех модусов времени: ретенции (удержания прошлого), протенции (устремленности к будущему) и презенции (переживания настоящего) в феноменологической традиции [2]. Будущее как психологическая категория выполняет ряд ключевых функций: оно является источником целеполагания, смыслообразования, надежды и мотивации. Его исчезновение из субъективного поля приводит к тотальному дефициту этих функций, к экзистенциальному параличу.

У пожизненно осужденных формальное знание о неизбежности смерти в заключении трансформируется в глубинное, аффективно насыщенное переживание «конца времени». Календарное время продолжает свой ход, но психологическое время, время как последовательность значимых жизненных событий и изменений, останавливается. Настоящее, лишенное вектора движения, «расплющивается», теряет свою процессуальность и превращается в гомогенную, монотонную протяженность. Это состояние отличается от классического депрессивного восприятия времени, где оно «тянется» медленно. Здесь оно не течет вовсе; оно статично, подобно замерзшему озеру [3]. Пространственные метафоры времени («впереди», «путь») теряют смысл, порождая ощущение пребывания в бесконечной, лишенной ориентиров точке.

Нейробиологические корреляты этого феномена могут быть связаны с дисфункцией систем проспекции (мысленного моделирования будущего), которые задействуют сеть пассивного режима работы мозга (default mode network), гиппокамп и префронтальную кору [4; 5]. Хронический, неразрешимый стресс и депривация, характерные для пожизненного заключения, могут ингибировать нейрогенез в гиппокампе и нарушать консолидацию эпизодических воспоминаний, что вносит вклад в смазывание границ между прошлым, настоящим и будущим. Эмпирические исследования указывают на то, что длительная социальная изоляция и отсутствие новизны приводят к структурным изменениям в мозге, аналогичным наблюдаемым при синдроме дереализации-деперсонализации [6], что напрямую сопряжено с искажением темпорального восприятия.

Клинико-психопатологические проявления. Синдром «остановленного времени» редко выступает в качестве изолированного расстройства. Он вплетается в сложный симптомокомплекс, окрашивая и модифицируя течение коморбидных состояний, что существенно затрудняет дифференциальную диагностику и требует от специалиста тонкого феноменологического анализа.

В рамках депрессивных расстройств феномен отсутствия будущего проявляется не столько чувством печали, сколько апатическим вакуумом, ангедонией, охватывающей не только настоящее, но и память о прошлом, которое обесцвечивается. Мысли о будущем либо полностью блокируются, либо приобретают катастрофический, но при этом лишенный эмоциональной окраски характер. Попытки персонала стимулировать целеполагание (например, через участие в образовательных программах) могут наталкиваться на глухое сопротивление или формальное согласие без внутренней вовлеченности, поскольку любая цель предполагает точку достижения в будущем, которое для пациента не существует. С точки зрения психопатологии, здесь наблюдается не просто снижение настроения, а распад самой временной матрицы, на которой зиждется личность.

Тревожные расстройства в этом контексте приобретают особый оттенок. Если в обычных условиях тревога часто связана с неопределенностью будущего, здесь ее источником может

стать сама определенность и неизменность этого будущего. Возникает парадоксальная «тревога предопределенности», чувство удушающей ловушки, из которой нет выхода во времени. Это может сопровождаться паническими атаками, соматизацией, особенно в форме ощущения физического давления, стеснения в груди, что является телесным воплощением невозможности «движения вперед». Гипервигилантность (состояние повышенной, хронической бдительности, при котором нервная система находится в постоянном режиме «ожидания угрозы»), характерная для ПТСР, здесь направлена не на внешнюю угрозу, а на внутреннюю стагнацию, что изнуряет психику.

На уровне личностных изменений происходит прогрессирующая регрессия и аутизация. Социальные взаимодействия теряют смысл, так как они не встроены в долгосрочную перспективу отношений. Мир сужается до пределов камеры и распорядка дня. Могут наблюдаться явления дереализации и деперсонализации, когда собственное тело и окружающая обстановка воспринимаются как чуждые, застывшие, нереальные. Эмоциональная уплощенность и сужение интересов достигают степени, при которой личность как динамическая система перестает эволюционировать, фиксируясь в одной точке [7].

Компенсаторные механизмы психики. Пытаясь спастись от экзистенциального вакуума остановленного времени, психика запускает сложные, часто патологические, компенсаторные процессы. Эти механизмы можно рассматривать как отчаянные попытки реинтегрировать временной континуум или создать альтернативную реальность, где время обретает свойства течения, развития и смысла.

Патологическая ностальгия становится одним из наиболее распространенных механизмов. Это не просто тоска по прошлому, а активное, навязчивое погружение в него, реконструкция деталей, создание идеализированного мира, который становится единственной реальной средой обитания сознания. Прошлое перестает быть пройденным этапом; оно колонизирует настоящее, становится его заменой. В тяжелых случаях граница между воспоминанием и галлюцинаторным переживанием стирается, что сближает этот феномен с синдромом Котара, при котором человек убежден, что он мертв, не существует или у него отсутствуют внутренние органы. Также называют «синдромом живого мертвеца», поскольку пациенты часто отказываются от еды, гигиены и социальных контактов, считая себя уже покойниками [8]. Ностальгия выполняет функцию психологического укрытия, но ценой отказа от адаптации к актуальным условиям и прогрессирующего отрыва от реальности. Это своеобразная «темпоральная регрессия», попытка вернуться в то время, когда будущее еще было возможно.

Конструирование фантазийных миров представляет собой более сложный и активный процесс. Пациент создает развернутую, часто детализированную альтернативную реальность, в которой он существует параллельно с тюремной жизнью. Это могут быть фантазии о другой биографии, альтернативных сценариях прошлого, жизни в вымышленных мирах (фэнтези, космос). В отличие от бредовых построений, пациент, как правило, сохраняет критические способности и осознает иллюзорность этого мира, однако он уходит в него как в единственное пространство, где возможно развитие, изменение, движение сюжета. Этот процесс является формой диссоциации, позволяющей разделить переживание застывшего тюремного «я» и активного фантазийного «я». По сути, это создание субъективного времени там, где объективное время остановлено.

Творчество, если оно доступно, может стать адаптивной формой работы со временем. Написание мемуаров, стихов, рисование – это попытки не только выразить переживания, но и структурировать время, придать ему форму и направление через процесс созидания. Готовый продукт становится артефактом, преодолевающим статику, «отпечатком времени» в мире, где время остановилось. В этом акте творчества осужденный на краткий миг становится творцом собственного временного потока, что может оказывать терапевтический эффект.

Религиозность и мистицизм также часто выступают в роли компенсаторных систем. Эсхатологические или, наоборот, сотериологические концепции, обещающие качественно иное, вневременное будущее (спасение, перерождение), могут заполнить образовавшийся вакуум. Однако они же могут провоцировать тяжелые экзистенциальные кризисы в случае утраты веры, обнажая вновь пугающую статику бытия.

Терапевтические импликации и организационные выводы. Работа с синдромом «остановленного времени» представляет собой чрезвычайно сложную терапевтическую задачу, бросающую вызов классическим парадигмам пенитенциарной психотерапии. Традиционные методы, направленные на коррекцию искаженного восприятия будущего (например, в когнитивно-поведенческой терапии), могут оказаться неэффективными или даже травмирующими, так как сталкиваются с базовым экзистенциальным запретом, который для пациента является непреложной реальностью, а не когнитивным искажением.

Подход должен быть прежде всего экзистенциально-феноменологическим. Важно не

пытаться искусственно «вернуть будущее», а помочь пациенту осмыслить и интегрировать свой уникальный опыт проживания остановившегося времени, признать его как часть своей экзистенциальной ситуации. Терапия может быть направлена на работу с настоящим как на единственную доступную реальность, углубление и обогащение переживания «здесь и сейчас» через развитие осознанности (mindfulness), сенсорной чувствительности, способности к рефлексии текущих эмоций и телесных ощущений. Это попытка найти глубину и полноту в точке, которая воспринимается как плоская и бесконечная.

Ностальгию и фантазийные миры не следует патологизировать априори. Их необходимо исследовать как важные психологические ресурсы, как язык, на котором говорит травмированная психика. Задача терапевта помочь пациенту установить более здоровые отношения с этими мирами, предотвратить полную в них погруженность, найти мосты между фантазией и реальностью, например, через творческое воплощение. Групповая терапия, объединяющая лиц с похожим опытом, может снизить стигматизацию этих переживаний и создать пространство для их вербализации и разделения.

Крайне важна организация жизненной среды. Даже в условиях пожизненного заключения необходимо создавать элементы непредопределенности, выбора, возможности влиять на свою среду, пусть в микроскопических масштабах. Это могут быть варианты занятий, возможность обустройства камеры, участие в принятии решений, касающихся быта. Любой, даже минимальный, элемент непредсказуемости и контроля нарушает тотальную предопределенность и вносит крошечный вектор в статичное время, создавая зачатки темпорального разнообразия.

Подготовка сотрудников к распознаванию и пониманию этого синдрома является обязательной. Поведение, интерпретируемое как пассивное сопротивление, отсутствие мотивации или нарушение режима, может быть внешним проявлением глубокой психопатологии времени. Это требует замены дисциплинарных реакций на попытки установления контакта и понимания, что является сложной, но необходимой задачей для пенитенциарной системы.

Заключение. Синдром «остановленного времени» у пожизненно осужденных представляет собой тяжелое психопатологическое образование, возникающее на стыке экзистенциального кризиса, хронической психотравмы и условий тотальной институционализации. Исчезновение будущего как психологической категории приводит к коллапсу смысла, мотивации и идентичности. В ответ психика порождает такие сложные компенсаторные структуры как патологическая ностальгия, фантазийные миры, диссоциативные состояния, которые являются одновременно и симптомом дезадаптации, и отчаянной попыткой адаптации к невыносимым условиям существования. Эти миры становятся убежищем, где время, пусть и иллюзорно, продолжает течь.

Понимание этого феномена выходит за рамки сугубо пенитенциарной психиатрии, затрагивая фундаментальные вопросы о связи сознания, времени и свободы. Он демонстрирует, что лишение будущего может быть психологически более разрушительным, чем лишение физической свободы. Помощь таким пациентам требует отказа от шаблонных реабилитационных схем и разработки тонких, деликатных подходов, признающих право на инаковость психологического опыта и направленных не на искусственное конструирование иллюзорной перспективы, а на поиск форм осмысленного существования в границах остановившегося времени, на обнаружение возможности движения внутри неподвижности.

Дальнейшие исследования должны быть сфокусированы на нейрокогнитивных основах этого синдрома и оценке эффективности различных психотерапевтических интервенций, основанных на принципах экзистенциальной, феноменологической и нарративной психологии. Особого внимания заслуживает изучение долгосрочной динамики синдрома и факторов, способных смягчить его течение, таких как поддерживающая переписка, доступ к образовательным ресурсам или долгосрочные терапевтические альянсы [9]. Только комплексное, междисциплинарное понимание этой проблемы может привести к созданию гуманных и эффективных моделей сопровождения лиц, приговоренных к пожизненному заключению, чье наказание заключается не только в изоляции от общества, но и в изгнании из потока времени.

Список литературы:

[1] Brocas I., Carrillo J.D. A Neuroeconomic Theory of Mental Time Travel // Frontiers in Neuroscience. – 2018. – Vol. 12. – Art. 658. – DOI: 10.3389/fnins.2018.00658.

[2] Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. – Москва: Ad Marginem, 1994. – 480 с.

[3] Искандаров Р.Р. Социальные связи в изоляции: ресурс и риск для лиц с зависимостями и психическими расстройствами в пенитенциарной системе // Право и управление. XXI век. – 2025. – № 6. – С. 359–363. – DOI: 10.24412/2224-9133-2025-6-359-363. – EDN FVPPJF.

[4] Toch H. Living in Prison: The Ecology of Survival. – Rev. ed. – Washington, D.C.: American Psychological Association, 1992. – 344 p.

[5] Lanciano T., de Leonardis L., Curci A. The Psychological Effects of Imprisonment: The Role of Cognitive, Psychopathic and Affective Traits // European Journal of Psychology. – 2022. – Vol. 18, No. 3. – P. 262–278. – DOI: 10.5964/ejop.3995. – PMID: 36348818; PMCID: PMC9632560.

[6] Cohen S., Taylor L. Psychological Survival: The Experience of Long-Term Imprisonment. – Harmondsworth: Pelican Books, 1972. – 217 p.

[7] O'Donnell I. Prisoners, Solitude, and Time. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 256 p. – (Clarendon Studies in Criminology).

[8] Leigey M.E., Ryder M.A. The Pains of Permanent Imprisonment: Examining Perceptions of Confinement Among Older Life Without Parole Inmates // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. – 2015. – Vol. 59, No. 7. – P. 726–742. – DOI: 10.1177/0306624X13517868.

[9] Искандаров Р.Р. Пенитенциарная психиатрия в философском аспекте: онтология, антропология, эпистемология, аксиология // Образование и право. – 2025. – № 9. – С. 296–299. – DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-296-299. – EDN SGGGZE.

References:

[1] Brocas I., Carrillo J.D. A Neuroeconomic Theory of Mental Time Travel // Frontiers in Neuroscience. – 2018. – Vol. 12. – Art. 658. – DOI: 10.3389/fnins.2018.00658.

[2] Foucault M. Supervise and punish. The birth of a prison/per. From Fr. V. Naumova. - Moscow: Ad Marginem, 1994. - 480 s.

[3] Iskandarov R.R. Social connections in isolation: resource and risk for persons with addictions and mental disorders in the penitentiary system//Law and management. XXI century. – 2025. – № 6. - S. 359-363. – DOI: 10.24412/2224-9133-2025-6-359-363. – EDN FVPPJF.

[4] Toch H. Living in Prison: The Ecology of Survival. – Rev. ed. – Washington, D.C. : American Psychological Association, 1992. – 344 p.

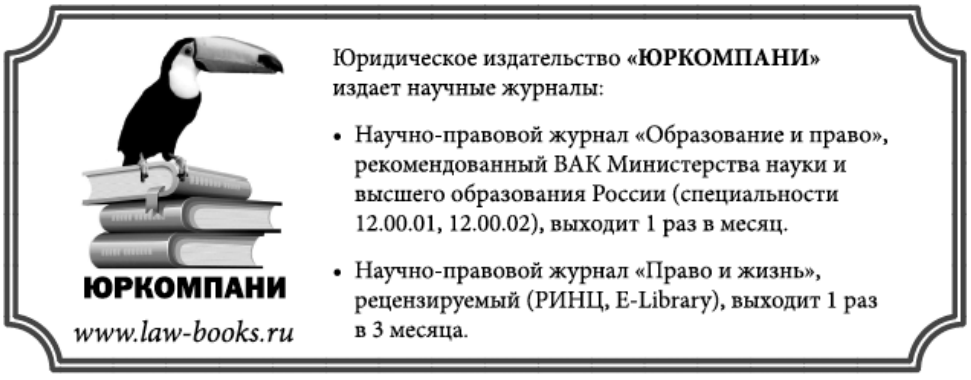
[5] Lanciano T., de Leonardis L., Curci A. The Psychological Effects of Imprisonment: The Role of Cognitive, Psychopathic and Affective Traits // European Journal of Psychology. – 2022. – Vol. 18, No. 3. – P. 262–278. – DOI: 10.5964/ejop.3995. – PMID: 36348818; PMCID: PMC9632560.

[6] Cohen S., Taylor L. Psychological Survival: The Experience of Long-Term Imprisonment. – Harmondsworth: Pelican Books, 1972. – 217 p.

[7] O'Donnell I. Prisoners, Solitude, and Time. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 256 p. – (Clarendon Studies in Criminology).

[8] Leigey M.E., Ryder M.A. The Pains of Permanent Imprisonment: Examining Perceptions of Confinement Among Older Life Without Parole Inmates // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. – 2015. – Vol. 59, No. 7. – P. 726–742. – DOI: 10.1177/0306624X13517868.

[9] Iskandarov R.R. Penitentiary psychiatry in the philosophical aspect: ontology, anthropology, epistemology, axiology//Education and law. – 2025. – № 9. - S. 296-299. – DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-296-299. – EDN SGGGZE.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-341-344

КУЗНЕЦОВ Александр Геннадьевич,
аспирант Юридического института,
Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
e-mail: aleksandrkuznetsovtsk@mail.ru

Научный руководитель:
ШЕСЛЕР Александр Викторович,
доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного права ЮИ ТГУ,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО СТАТЬЕ 177 УК РФ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРАКТИКИ СУДОВ КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ)

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемные вопросы квалификации ст. 177 УК РФ. На основе изучения кассационной практики формулируются выводы, имеющие практическое значение для правоприменителя. Сформулированные правовые позиции направлены на обеспечение единообразия судебной практики и могут быть использованы для правильной юридической оценки деяний по статье 177 УК РФ.*

Ключевые слова: *злостность, уклонение, квалификация, задолженность, крупный размер, ущерб.*

KUZNETSOV Aleksandr Gennad'evich,
postgraduate student of Law Institute,
National Research Tomsk State University

Scientific supervisor:
SHESLER Aleksandr Viktorovich,
Doctor of Law,
Professor of the Department of Criminal Law,
Law Institute of Tomsk State University

PROBLEMATIC ASPECTS OF QUALIFYING A CRIME UNDER ARTICLE 177 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION (BASED ON THE PRACTICE OF CASSATION COURTS)

Annotation. *The article addresses challenging issues related to the qualification of offenses under Article 177 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on an analysis of cassation practice, the author formulates conclusions of practical significance for law enforcement. The articulated legal positions are aimed at ensuring the uniformity of judicial practice and can be used for the correct legal assessment of acts falling under Article 177 of the Criminal Code.*

Key words: *malice, evasion, qualification, indebtedness, large amount, damage.*

Статьей 177 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за злостное уклонение руководителя организации или гражданина от погашения кредиторской задолженности в крупном размере или от оплаты ценных бумаг после вступления в законную силу соответствующего судебного акта.

Исследованию базовых понятий в рамках рассматриваемого уголовного-правового состава (признак злостности при уклонении от погашения

задолженности, характеристика кредиторской задолженности, крупный размер) посвящена обширная специальная литература. В настоящей работе не ставится задача теоретического анализа указанных признаков отдельных элементов состава преступления по ст. 177 УК РФ, поскольку автором предпринята попытка анализа правоприменительной практики судов кассационной инстанции с целью формирования правовых позиций в процессе правоприменении данной уголовно-правовой нормы.

Полученные выводы и рекомендации могут быть использованы для правильной квалификации действий лица по ст. 177 УК РФ и, соответственно, достижению единообразия правоприменительной практики по данной категории дел.

В условиях отсутствия официальной опубликованных статистических данных о числе лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступления по ст. 177 УК РФ, предлагается обратиться к данным, опубликованным на открытом портале «Судебная статистика РФ». Так, в 2020 году к уголовной ответственности по данной статье было привлечено 57 лиц, в 2012 году – 81 лицо, в 2022 году – 62 лица, в 2023 году – 89 лиц, в 2024 году – 59 лиц. В целом, учитывая, что за пять лет по ст. 177 УК РФ было привлечено лишь 348 лиц, можно утверждать, что анализируемое преступление является достаточно нераспространенным по сравнению с иными составами в сфере экономической деятельности по главе 22 УК РФ.

Основным признаком объективной стороны по ст. 177 УК РФ является злостность уклонения от погашения кредиторской задолженности. Злостность предполагает установление факта неисполнения судебного акта и осведомленности должника о применении к нему мер государственного принуждения, игнорировании требований должностного лица органа принудительного исполнения [1, с. 335]. В совокупности это предполагает наличие минимум двух документально подтвержденных и доведенных до сведения должника предупреждений судебного пристава-исполнителя об уголовной ответственности и необходимости исполнения решения суда. Факт получения почтовой корреспонденции по исполнительному производству является недостаточным для квалификации действий лица по ст. 177 УК РФ, поскольку необходимо доказать ознакомление должника с материалами исполнительного производства.

Наличие у лица реальной возможности погасить задолженность является материальным условием признака злостности [2, с. 234]. Его оценка не может быть предположительной, поскольку суд обязан проверить все доводы защиты об отсутствии реальной возможности погасить задолженность.

Так, ФИО1, являясь генеральным директором организации, была осуждена судом первой инстанции по ст. 177 УК РФ и по двенадцати эпизодам ч. 2 ст. 315 УК РФ. Ей было назначено наказание в виде штрафа. Суд апелляционной инстанции оставил приговор в силе, уточнив описательную часть. Четвертый кассационный суд общей юрисдикции в определении 09.10.2025 № 77-2570/2025 с таким решением не согласился. Кассационная инстанция установила, что материалы дела не содержат доказательств фактического получения ФИО1 постановлений о возбуждении исполнительных производств и предупреждений об уголовной ответственности, отправка документов по материалам исполнительного производства не может свидетельствовать об ознакомлении должника с ними. По ряду исполнительных производств ФИО1 была предупреждена судебным приставом однократно. Суды первой и апелляционной инстанций не дали этому обстоятельству никакой правовой оценки, несмотря на то, что оно исключает признак злостности.

Кроме того, нижестоящие суды не выполнили требований закона о всесторонней, полной и объективной проверке всех доказательств, поскольку были проигнорированы существенные доводы защиты, касающиеся показаний ФИО1 и свидетеля о тяжелом финансовом положении организации, заблокированных счетах и отсутствии у нее доступа к денежным средствам, вырученным от продажи имущества организации (по обстоятельствам дела денежные средства остались у другого руководителя организации). Доказательства того, что арендные платежи, которые суд вменял ей в вину как свидетельство наличия средств, вносились третьими лицами – субарендаторами. Для проверки данных обстоятельств не назначалась финансово-аналитическая экспертиза, финансовое состояние организации не было исследовано иными способами, вследствие чего вывод о наличии у ФИО1 возможности погасить долг и, как следствие, о наличии у нее умысла на совершение преступления, был сделан предположительно.

Выявленные нарушения применения норм уголовного законодательства повлекли отмену решения суда апелляционной инстанции и направление его в тот же суд на новое рассмотрение.

Заметим, что злостность уклонения помимо бездействия также предполагает совершение действий по уменьшению (сокрытию, отчуждению) имущества, направленных на воспрепят-

ствование обращению на него взыскания. Для верной квалификации необходимо установление причинно-следственной связи между осведомленностью лица о наличии вступившего в законную силу решения суда и действиями по уменьшению имущества.

Нередко на практике возникают вопросы относительно соотношения норм ст. 177 и 315 УК РФ. Предполагается, что ст. 177 УК РФ является специальной по отношению к ст. 315 УК РФ. Предупреждение по общей норме также охватывает последствия неисполнения по специальной норме. Соответственно, для доказывания факта осведомленности лица об уголовной ответственности достаточно его предупреждения о ст. 315 УК РФ.

Для квалификации действий как злостного уклонения от погашения задолженности дальнейшая судьба отчужденного имущества не имеет значения. Уголовно-правовая оценка дается на момент совершения деяния, то есть совершение должником в период принудительного исполнения сделок, объективно приводящих к уменьшению имущественной массы, на которую может быть обращено взыскание, образует состав преступления даже в том случае, если такие сделки впоследствии признаются недействительными в гражданском процессе.

Проиллюстрируем данные выводы примером из правоприменительной практики. В. был осужден по ст. 177 УК РФ. Согласно материалам дела, он, зная о вступившем в законную силу решении суда о взыскании с него в пользу потерпевшего ФИО5 более 10 миллионов рублей, отчуждал принадлежавшее ему недвижимое имущество, не направляя вырученные средства на погашение долга. Суд апелляционной инстанции отменил обвинительный приговор и прекратил уголовное дело в связи с декриминализацией деяния новым законом.

Первый кассационный суд общей юрисдикции в определении от 29.04.2025 № 77-1305/2025 оставил в силе решение суда апелляционной инстанции. Кассационная инстанция согласилась с тем, что у В. имелся прямой умысел на совершение преступления, и его действия характеризовались злостным характером, что подтверждалось осведомленностью о вступившем в силу решении суда и возбужденном исполнительном производстве, фактом предупреждения об уголовной ответственности по смежной ст. 315 УК РФ, наличием реальной финансовой возможности погасить часть долга за счет средств от продажи имущества и действиями по отчуждению активов, что лишило пристава-исполнителя возможности обратить на них взыскание.

Федеральный закон от 06.04.2024 № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» повысил порог крупного размера задолженности по ст. 177 УК РФ с 2 250 000 руб. до 3 500 000 руб. Сумма задолженности с В. составляла порядка 2 780 000 руб., и новый закон, улучшающий положение лица, имеет обратную силу, соответственно действия В. на момент апелляционного рассмотрения перестали образовывать состав преступления. Суд апелляционной инстанции правомерно применил п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ и прекратил дело за отсутствием состава преступления.

При квалификации действий лица по ст. 177 УК РФ необходимо установить размер причиненного ущерба. В силу прямого указания уголовного закона крупный размер должен превышать 3 500 000 руб.

В этой связи целесообразно заметить, что неверная оценка ведет к ошибочному установлению размера ущерба и, как следствие, к неправильной юридической оценке степени общественной опасности деяния. Оценка должна быть актуальной на момент совершения преступления, то есть учитывая, что преступление, предусмотренное ст. 177 УК РФ, является длящимся, стоимость имущества подлежит установлению на момент совершения действий по его сокрытию или отчуждению.

Так, К. был осужден за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности в крупном размере – он, имея вступившее в законную силу решение суда о взыскании с него долга, в период с 2020 по 2022 год уклонялся от его погашения путем сокрытия и отчуждения автомобилей, прицепов, оружия и денежных средств. Апелляционная инстанция оставила приговор без изменения.

Седьмой кассационный суд общей юрисдикции определением от 04.10.2024 № 77-3213/2024 отменил судебные решения и направил дело на новое рассмотрение, указав на существенные нарушения уголовного закона, которые исказили суть правосудия и повлияли на исход дела.

Для правильной квалификации действий по ст. 177 УК РФ необходимо установить стоимость имущества, которое лицо укрывало от обращения взыскания. Кассация указала на две ошибки: оценка укрываемых от взыскания объектов была произведена экспертами не на момент совершения действий по уклонению, а на момент возбуждения уголовного дела. Кроме того, в отношении автомобиля суд произвольно установил его стоимость в 2 524 000 руб., тогда как в материалах дела имелась оценка, определившая его рыночную стоимость в 1 959 000 руб. Существенное расхождение в стоимости никак не было мотивировано в приговоре.

Наконец, суд кассационной инстанции констатировал, что суд первой инстанции допустил произвол при формулировании обвинения – без какой-либо оценки доказательств из обвинения было исключено указание на сокрытие 325 000 руб., в то же время вывод о сокрытии 127 000 руб. не был подкреплен исследованными доказательствами. Не устранил выявленные нарушения и суд апелляционной инстанции.

На основании вышеизложенного можно заключить, что правильная квалификация по ст. 177 УК РФ возможна лишь при установлении признака злостности и крупного размера причиненного ущерба с учетом сформулированных правовых позиций.

Список литературы:

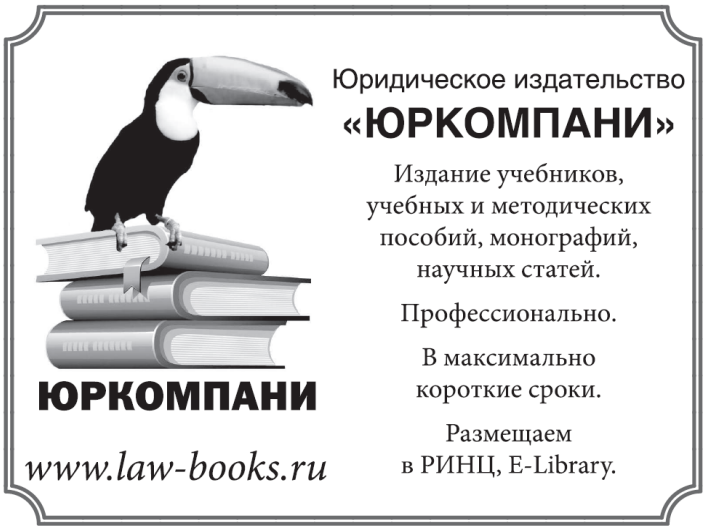
[1] Карташов С.В. Объективные признаки состава преступления, сопряженного со злостным уклонением от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ) // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 15. С. 327-347.

[2] Ермилова А.В. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности: совокупность обстоятельств, существенных для события преступления (анализ судебной практики) // iPolytech Journal. 2011. № 5(52). С. 230-235.

References:

[1] Kartashov S.V. Objective signs of corpus delicti associated with malicious evasion of repayment of accounts payable (Article 177 of the Criminal Code of the Russian Federation)//Actual problems of the state and law. 2020. VOL. 4. № 15. S. 327-347.

[2] Ermilova A.V. Malicious evasion of repayment of accounts payable: a set of circumstances significant for the crime event (analysis of judicial practice)//iPolytech Journal. 2011. № 5(52). S. 230-235.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-345-351

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФКУ
научно-исследовательский институт
ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ПРИНЦИПЫ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ КАК ПОСТУЛАТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Аннотация. *Целью исследования явились правовые, организационные и психологические аспекты реализации в практической деятельности следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы принципов содержания под стражей как постулатов соблюдения, прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Для ее достижения применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные публикации, материалы деятельности следственных изоляторов уголовно-исполнительной в контексте реализации принципов содержания под стражей для соблюдения прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Установлено, что принципы, как постулаты национального уголовно-исполнительного законодательства, отечественной уголовно-исполнительной практики оказывают влияние на соблюдение прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы. Принципы уголовно-исполнительного законодательства и содержания под стражей закреплены в статье восьмой УИК РФ и статье четвертой Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ. При этом, осуществленный в процессе теоретического изучения проблемы сравнительно-правовой анализ указанных норм показал некоторое принципиальное отличие рассматриваемых принципов. Базовыми принципами содержания под стражей являются принципы законности; справедливости; презумпции невиновности; равенства всех граждан перед законом; гуманизма; уважения человеческого достоинства. В результате исследования дана правовая характеристика указанных принципов. Установлено их влияние на соблюдение прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащимися под стражей в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы. Успешная реализация этого принципа влияет на эффективность исправления, ресоциализации и социальной адаптации подозреваемых и обвиняемых, формирование позитивного психологического фона содержания в СИЗО. Профилактику и купирование негативных эмоциональных состояний стресса, депрессии и фрустрации, предупреждение суицидального поведения подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в СИЗО, которые испытывают существенные ограничения прав, и, в первую очередь, в свободном передвижении.*

Ключевые слова: *принципы содержания под стражей, следственные изоляторы, уголовно-исполнительная система, подозреваемые, обвиняемые, законность, права и законные интересы.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research Institute
Federal Penitentiary Service of Russia

PRINCIPLES OF DETENTION AS POSTULATES OF RESPECT FOR THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF SUSPECTS AND THOSE ACCUSED OF COMMITTING CRIMES

Annotation. *The purpose of the study was the legal, organizational and psychological aspects of the practical implementation of the principles of detention in pre-trial detention centers of the penal correction system as postulates of respect for the rights and legitimate interests of suspects and accused of committing crimes. To achieve this goal, the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation were applied. The article analyzed legislative and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, scientific publications, and materials on the activities of pre-trial detention centers in the context of implementing the principles of detention in order to respect the rights and legitimate interests of suspects and those accused of committing crimes. It is established that the principles, as postulates of national penal enforcement legislation, domestic penal enforcement practice have an impact on the observance of the rights and legitimate interests of suspects and accused persons held in pre-trial detention facilities of the penal system. The principles of penal enforcement legislation and detention are fixed in Article eight of the Criminal Code of the Russian Federation and Article four of the Federal Law "On the Detention of Suspects and Accused of Committing Crimes" dated July 15, 1995 No. 103-FZ. At the same time, the comparative legal analysis of these norms carried out in the process of theoretical study of the problem showed some fundamental difference between the principles under consideration. The basic principles of detention are the principles of legality; justice; presumption of innocence; equality of all citizens before the law; humanism; respect for human dignity. As a result of the research, a legal description of these principles is given. Their influence on the observance of the rights and legitimate interests of suspects and those accused of committing crimes detained in pre-trial detention facilities of the penal system has been established. The successful implementation of this principle affects the effectiveness of correction, re-socialization and social adaptation of suspects and accused, the formation of a positive psychological background of detention in a pre-trial detention center. Prevention and relief of negative emotional states of stress, depression and frustration, prevention of suicidal behavior of suspects and defendants held in pre-trial detention who are experiencing significant restrictions on their rights, and, first of all, in free movement.*

Key words: *principles of detention, pre-trial detention facilities, penal enforcement system, suspects, accused, legality, rights and legitimate interests*.

Введение. Принципы, как постулаты национального уголовно-исполнительного законодательства, отечественной уголовно-исполнительной практики оказывают влияние на соблюдение прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы (далее СИЗО УИС).

Теоретико-правовой анализ темы показал, что законодатель весьма продуктивно и творчески подошел к интерпретации принципов уголовно-исполнительного законодательства и содержания под стражей [1, с.152-158]. В первом случае в статье восьмой Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее УИК РФ) закреплены 7 базовых принципов:

- законности;
- гуманизма;
- демократизма;
- равенства осужденных перед законом;
- дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний;
- рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения;
- соединения наказания с исправительным воздействием [2].

В статье четвертой Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ законодатель выделил 6 основных принципов содержания под стражей, отнеся к ним:

- законность;
- справедливость;
- презумпцию невиновности;
- равенства всех граждан перед законом;
- гуманизм;
- уважение человеческого достоинства [3].

Таким образом, законодательное регулирование принципов уголовно-исполнительного законодательства и содержания под стражей отличаются в определенной степени по своему содержанию. Данное отличие, на наш взгляд, обусловлено тем, что СИЗО в полной мере не являются исправительными учреждениями (далее ИУ). Более 90 % содержащихся в них лиц обладают статусом подозреваемого (обвиняемого), в отношении которых осуществляются закрепленные в уголовно-исполнительном законе следственные действия, они ожидают решения суда. Лишь для незначительной части осужденных (оставленных в соответствии с законом в СИЗО для осуществления работы по хозяйственному обслуживанию учреждения) изолятор можно рас-

сматривать в качестве ИУ. Поэтому СИЗО не входят в определенный уголовно-исполнительным законом перечень ИУ [4, с. 53-58]. Эти учреждения предназначены для содержания подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых обвинительный (оправдательный) приговор суда не вступил в законную силу.

С учетом изложенного, теоретической актуальности и практического значения реализации принципов содержания под стражей, было проведено комплексное междисциплинарное исследование.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых, организационных и психологических аспектов реализации в практической деятельности следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы принципов содержания под стражей как постулатов соблюдения прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные публикации, материалы деятельности следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы в контексте реализации принципов содержания под стражей для соблюдения прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

Основные результаты. Правовое регулирование реализации принципов содержания под стражей нашло свое отражение в одноименной четвертой статье Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ. В данной правовой норме законодатель, перечислив 6 основных принципов содержания под стражей, справедливо и обоснованно указал на то, что они применяются в соответствии с Конституцией Российской Федерации, принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации. При этом важное значение приобретает имплементация принципов, закрепленных в международных пенитенциарных стандартах обращения с заключенными в национальном уголовно-исполнительном законодательстве. Определение целесообразности, перспектив и границ подобной имплементации [5, с. 42-44].

Их реализация должна обеспечивать соблюдение прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых [6]. Не допускать пыток и иных действий, причиняющих физические или нравственные страдания подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений, содержащихся под стражей в СИЗО.

Первостепенным принципом содержания под стражей является принцип законности. Следует отметить что данный основополагающий постулат обеспечения прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых закреплен не только в четвертой статье Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ, но и в уголовно-исполнительном законе (восьмой статье УИК РФ) [7]. В национальном уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве [8]. Рассматриваемый принцип является предметом профессиональной деятельности органов прокуратуры Российской Федерации, осуществляющими надзор за соблюдением законов, прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых, заключенных под стражу и содержащихся в СИЗО [9, с.6-8]. В рассматриваемом контексте целесообразно выделить не только правовую характеристику реализации принципа законности содержания под стражей, но и ее психологическую составляющую [10, с. 136-139]. Обеспечивающую оптимальные психологические состояния подозреваемых и обвиняемых, снижение уровня конфликтности при камерном их содержании, создании устойчивых предпосылок будущего исправления и ресоциализации лиц, содержащихся в СИЗО, их социальной адаптации к месту принудительного содержания. Позволяющую обеспечивать правопорядок в СИЗО, управляемость оперативной обстановки, реализацию должностными лицами изолятора контрольных и надзорных функций, проведения досмотровых и оперативно-розыскных мероприятий (далее ОРМ) [11].

Важным принципом содержания под стражей является принцип справедливости, заключающийся в выявлении форм вины подозреваемых и обвиняемых, размещении их в местах принудительного содержания (СИЗО) в камерах, а также в карцерах учреждения в случае нарушения установленного порядка и условий содержания под стражей, совершении пенитенциарных преступлений. Соразмерном применении к подозреваемым и обвиняемым дисциплинарной практики, мер поощрения и взыскания.

Другим принципом содержания под стражей выступает презумпция невиновности подозреваемых и обвиняемых, весьма подробно закрепленная в национальном уголовно-исполнительном законе (статье 14 УПК РФ). Она предполагает, что обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном УПК РФ порядке. При этом бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения. Все сомнения в виновно-

сти обвиняемого, которые не могут быть устранены УПК РФ, толкуются в пользу обвиняемого [12].

Принцип равенства всех граждан перед законом отчетливо прослеживается в статье четвертой Уголовного кодекса Российской Федерации, в статье 224 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также в национальном уголовно-исполнительном законодательстве [13, с.189-191]. Данный принцип состоит в том, что подозреваемые и обвиняемые, заключенные под стражу и содержащиеся в СИЗО равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. В судебном заседании стороны обвинения и защиты пользуются равными правами на заявление отводов и ходатайств, участие в их исследовании, выступление в судебных прениях, предоставление суду письменных формулировок.

Принцип гуманизма содержания под стражей заключается в недопущении причинения физических страданий или унижения человеческого достоинства при обеспечении личной безопасности подозреваемых и обвиняемых в СИЗО. Указанный принцип является обязательным атрибутом современной уголовной и уголовной политики, соблюдения прав и законных интересов подозреваемых, обвиняемых и осужденных [14, с. 62-67].

Важным принципом содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в контексте соблюдения их прав и законных интересов является уважение человеческого достоинства, основанное на демократическом подходе к таким их психологическим характеристикам как честь, цели, жизненные планы, система отношений, нравственно-этические характеристики. Успешная реализация этого принципа влияет на эффективность исправления, ресоциализации и социальной адаптации подозреваемых и обвиняемых, формирование позитивного психологического фона содержания в СИЗО. Профилактику и купирование негативных эмоциональных состояний стресса, депрессии и фрустрации, предупреждение суицидального поведения подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в СИЗО, которые испытывают существенные ограничения прав, и, в первую очередь, в свободном передвижении [15, с. 20-23].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

- VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний»;
- V Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» (приуроченном к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий)., состоявшемся 17-19.10.2021 г. в Академии ФСИН России. Доклад на тему «Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправительных колониях уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования»;
- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации», состоявшейся в Вологодском институте права и экономики ФСИН России 09-11.12.2022. Доклад на тему «Организационно-правовые особенности и методика проведения прокурорских проверок в СИЗО ФСИН России»;
- 10 Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия» в Пермском институте ФСИН России 15.04.2023. Доклад на тему: «Современная оперативно-розыскная политика в УИС и ее влияние на комплексное обеспечение безопасности пенитенциарных учреждений»;
- XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», 18 -19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;
- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;
- 6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия

Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития»;

– XI Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 05.04. 2024 г., на секции «Правовое регулирование деятельности подразделений УИС по обеспечению режима, охраны и конвоирования». Доклад на тему: «Особенности деятельности оперативных подразделений по обеспечению режима исправительных учреждений»;
– Межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Уголовно-исполнительная система: история и современность», состоявшейся 16-17.10. 2024 г. в Псковском филиале Санкт-Петербургского университета ФСИН России. Доклад на тему «Современные подходы обеспечения безопасности следственных изоляторов».

Заключение. Принципы, как постулаты национального уголовно-исполнительного законодательства, отечественной уголовно-исполнительной практики оказывают влияние на соблюдение прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в СИЗО УИС.

Принципы уголовно-исполнительного законодательства и содержания под стражей закреплены в статье восьмой УИК РФ и статье четвертой Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ. При этом, осуществленный в процессе теоретического изучения проблемы сравнительно-правовой анализ указанных норм показал некоторое принципиальное отличие рассматриваемых принципов.

Базовыми принципами содержания под стражей являются принципы законности; справедливости; презумпции невиновности; равенства всех граждан перед законом; гуманизма; уважения человеческого достоинства. В результате исследования дана правовая характеристика указанных принципов. Установлено их влияние на соблюдение прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащимися под стражей в СИЗО УИС.

Успешная реализация этого принципа влияет на эффективность исправления, ресоциализации и социальной адаптации подозреваемых и обвиняемых, формирование позитивного психологического фона содержания в СИЗО. Профилактику и купирование негативных эмоциональных состояний стресса, депрессии и фрустрации, предупреждение суицидального поведения подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в СИЗО, которые испытывают существенные ограничения прав, и, в первую очередь, в свободном передвижении.

Список литературы:

[1] Ковалев О.Г. Современные особенности реализации принципов уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации в деятельности исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы // Международный научный вестник. 2025. № 7. С. 152-158.

[2] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А.Москва, 2006. 148 с.

[3] Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ // Consultant.ru (дата обращения 29.12.2025).

[4] Ковалев О.Г. Учреждения и органы, исполняющие наказания: правовая классификация и особенности функционирования в современных условиях развития отечественной уголовно-исполнительной системы // Российский научный вестник. 2025. № 7. С. 53-58.

[5] Ковалев О.Г. Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России // В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы 23 Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2023. С. 42-44.

[6] Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1. Капинус О.С., Винокуров А.Ю., Кехлеров С.Г., Аберхаев Э.Р., Александрова Л.И., Андреев Б.В., Андреев Г.В., Андрианов М.С., Аристархов А.Л., Артемов В.В., Ашиткова Т.В., Беллевич А.Ю., Бессарабов В.Г., Борисов С.В., Бриллиантов А.В., Будай С.Н., Буланова Н.В., Бут Н.Д., Викторов И.С., Городков Ю.А. и др. Практическое пособие / Сер. 9 Профессиональная практика, (5-е изд., пер. и доп.) Москва 2018. 481 с.

[7] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[8] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник // Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007. 374 с.

[9] Ковалев О.Г., Карпов А.А., Зайцева С.И. Современные проблемы реализации и совершенствования прокурорского надзора за законностью исполнения уголовных наказаний, соблюдения прав и законных интересов лиц, заключенных под стражу // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 3. С. 6-8.

[10] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Правовые и психологические вопросы соблюдения законности при содержании лиц, заключенных под стражу // Журнал прикладных исследований. 2024. № 7. С. 136-139.

[11] Теория оперативно-розыскной деятельности / Горяинов К.К., Земскова А.В., Исиченко А.П., Климов И.А., Ковалев О.Г., Конов А.И., Нетреба В.А., Федоров А.В., Овчинский В.С., Синилов Г.К., Черников В.В. Краткий учебный курс / Сер. Краткие учебные курсы юридических наук. (2-е издание, переработанное). Москва, 2006. 385 с.

[12] Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. Дашков и К. 2005. 21 с.

[13] Ковалев О.Г. Вопросы соблюдения прав осужденных в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы // Российский научный вестник. 2024. № 12. С. 189-191.

[14] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Гуманистический подход в реализации права осужденных к лишению свободы на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости // Российский научный вестник. 2025. № 10. С. 62-67.

[15] Баламут А.Н., Ковалев О.Г., Дикопольцев Д.Е. Теоретический анализ комплексных психокоррекционных программ, направленных на суицидальную превенцию подозреваемых, обвиняемых и осужденных (организационный, социальный и психологический аспекты) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 1. С. 20-23.

References:

[1] Kovalev O.G. Modern features of the implementation of the principles of the penal enforcement legislation of the Russian Federation in the activities of correctional institutions of the penal system // International Scientific Bulletin. 2025. No. 7. pp. 152-158.

[2] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A.Moscow, 2006. 148 p.

[3] Federal Law “On the detention of suspects and accused of committing crimes” dated July 15, 1995 No. 103-FZ // Consultant.ru (date of application: 12/29/2025).

[4] Kovalev O.G. Institutions and bodies executing punishments: legal classification and features of functioning in modern conditions of development of the domestic penal system // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 7. pp. 53-58.

[5] Kovalev O.G. Modern problems of the legal implementation of penitentiary standards in the activities of the Russian penal system // In the collection: The penal enforcement system today: the interaction of science and practice. Materials of the 23rd All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2023. pp. 42-44.

[6] The prosecutor’s desk book in 2 parts Part 1. Kapinus O.S., Vinokurov A.Yu., Kekhlerov S.G., Aberkhaev E.R., Alexandrova L.I., Andreev B.V., Andreev G.V., Andrianov M.S., Aristarkhov A.L., Artemov V.V., Ashitkova T.V., Bellevich A.Yu., Bessarabov V.G., Borisov S.V., Brilliantov A.V., Budai S.N., Bulanova N.V., Booth N.D., Viktorov I.S., Gorodkov Yu.A. and others. Practical guide / Ser. 9 Professional practice, (5th ed., trans. and add.) Moscow, 2018. 481 p.

[7] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[8] Russian criminal law. Special part: Textbook // Kovalev O.G., Baev O.Ya. Moscow, 2007. 374 p.

[9] Kovalev O.G., Karpov A.A., Zaitseva S.I. Modern problems of the implementation and improvement of prosecutorial supervision over the legality of the execution of criminal penalties, respect for the rights and legitimate interests of persons in custody // Penal enforcement system: law, economics, management. 2023. No. 3. pp. 6-8.

[10] Kovalev O.G., Semenova N.V. Legal and psychological issues of legality in the detention of persons in custody // Journal of Applied Research. 2024. No. 7. pp. 136-139.

[11] Goryainov K.K., Zemskova A.V., Isichenko A.P., Klimov I.A., Kovalev O.G., Konov A.I., Netreba V.A., Fedorov A.V., Ovchinsky V.S., Sinilov G.K., Chernikov V.V. A short training course / Ser. Short training courses in law. (2nd edition, revised). Moscow, 2006. 385 p.

[12] Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article). M. Dashkov and K. 2005. 21 p.

[13] Kovalev O.G. Issues of observance of the rights of convicts in correctional institutions of the penal system // Russian Scientific Bulletin. 2024. No. 12. pp. 189-191.

[14] Kovalev O.G., Semenova N.V. A humanistic approach to the realization of the right of persons sentenced to imprisonment to purchase food and basic necessities. // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 10. pp. 62-67.

[15] Balamut A.N., Kovalev O.G., Dikopoltsev D.E. Theoretical analysis of complex psychocorrective programs aimed at suicidal prevention of suspects, accused and convicted (organizational, social and psychological aspects) // Penal enforcement system: law, economics, management. 2023. No. 1. pp. 20-23.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-352-354

МАКАРОВА Валентина Владимировна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры философии и
истории юридического факультета,
Академия ФСИН России,
e-mail: semina_vv@mail.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПЕРЕД СОТРУДНИКАМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ НА СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

Аннотация. *В статье предпринята попытка анализа норм действующего законодательства с учетом сложившейся практики работы уголовно-исполнительных инспекций. Особое внимание в статье автор обращает на решение вопросов, возникающих при исполнении приговора к исправительным работам, а также на вопросы, связанные с осуществлением контроля за поведением осужденных к наказанию условно. Исследование построено на следующих методах: диалектическом, формально-логическом, сравнительно-правовом. Анализ нормативных правовых актов в сфере исполнения наказаний без изоляции от общества позволил автору сформулировать дополнения законодательства, а также предложить ряд практических рекомендаций.*

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, уголовно-исполнительная инспекция, приговор, исправительные работы, условное осуждение.*

MAKAROVA Valentina Vladimirovna,
Candidate of low, Senior Lecturer of the Department
of Philosophy and History of the Faculty of Law,
the Academy of the FPS of Russia

SOME ISSUES FACED BY EMPLOYEES OF PENAL INSPECTIONS AT THE STAGE OF VERDICT EXECUTION

Annotation. *The article attempts to analyze the norms of the current legislation, taking into account the established practice of the criminal-executive inspections.*

In this article, the author pays special attention to addressing issues that arise during the execution of sentences for correctional labor, as well as issues related to monitoring the behavior of those sentenced to probation. The study is based on the following methods: dialectical, analysis, formal-logical, and comparative legal. The analysis of legal acts in the field of punishment execution allowed the author to formulate amendments to the legislation and propose a number of practical recommendations.

Key words: *penal system, penal inspection, sentence, correctional labor, conditional sentence.*

Введение.

На протяжении ряда лет в отечественной пенитенциарной практике сохраняется устойчивая тенденция по гуманизации системы исполнения наказаний, что в настоящее время имеет закрепление в распоряжении Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года». Груз ответственности по контролю за поведением осужденных к наказаниям без изоляции от общества, а также за поведением лиц, в отношении которых избраны меры пресечения в виде домашнего ареста, залога, запрета совершения определенных действий, а также лиц, нуждающихся в оказании помощи в рамках исполнительной и постпенитенциарной пробации и другие категории лиц, возложен на уголовно-исполнительные инспекции (далее – УИИ). Даже при наличии богатого опыта, данные учреждения регулярно сталкиваются с практическими трудностями в процессе исполнения приговоров.

На стадии исполнения приговора суда в отношении осужденных, которым назначено наказание без изоляции от общества, перед сотрудником УИИ возникают различные вопросы, связанные с исполнением наказания и исполнением сотрудником процессуальной функции.

Отдельные вопросы, связанные с исполнением приговоров к исправительным работам.

Согласно официальным статистическим данным, представленным на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за 2024 год по всем статьям Уголовного кодекса Российской Федерации к исправительным работам было вынесено 44 521 приговора. За первое полугодие 2025 года аналогичный показатель составил – 18 633.

Одним из преимуществ исправительных работ является возможность сохранения осужденным прежнего места трудоустройства [1, С.85]. Однако на практике нередки трудности при трудоустройстве осужденных к исправительным работам. Для упрощения анализа норм действующего законодательства предлагаем данные трудности условно разделить на две большие группы: 1) связанные с исполнением приговора в отношении осужденных к исправительным работам, имеющим статус индивидуального предпринимателя (далее – ИП); 2) связанные с трудоустройством осужденных к исправительным работам к работодателям, имеющим статус ИП.

Существует ошибочное представление среди физических лиц, приговоренных к исправительным работам, что их статус «индивидуального предпринимателя» позволяет им самостоятельно выполнять требования по удержаниям в бюджет.

Что является заблуждением. Отбывание наказания в виде исправительных работ подразумевает под собой официальное трудоустройство, а именно – заключение трудового договора и оформление в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации.

Статья 15 Трудового кодекса Российской Федерации разъясняет понятие «трудовые отношения», определяя их как договорные отношения между лицом, который работает (работник), и тем, кто его нанимает (работодатель). Работник обязуется лично выполнять определенную работу за вознаграждение, действуя в интересах и под руководством работодателя, соблюдая его внутренние правила. В свою очередь, работодатель обязан создать безопасные и соответствующие законодательству условия труда, а также выполнять обязательства, прописанные в различных нормативных правовых актах, включая трудовой договор.

Согласно части 1 статьи 43 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, администрация, несет ответственность за ряд важных обязанностей, в числе которых: точное и своевременное списание денежных средств из заработной платы осужденного и перечисление этих сумм в соответствии с установленным порядком; постоянный контроль за поведением осужденного во время трудовой деятельности и оказание помощи уголовно-исполнительной инспекции в реализации воспитательных мероприятий; обеспечение соблюдения условий отбывания наказания; информирование уголовно-исполнительной инспекции о применении к осужденному поощрений и взысканий, а также о его уклонении от отбывания наказания. Работодатель, у которого трудится лицо, осужденное к исправительным работам, несет ответственность за предварительное уведомление уголовно-исполнительной инспекции о любых переводах осужденного на иную должность или его увольнении. Обязанность организации, где трудится осужденный к исправительным работам в части оказания содействия УИИ в проведении воспитательной работы с осужденным к исправительным работам подразумевает под собой обязательное физическое наличие иного лица, кроме самого ИП, способного проводить комплекс профилактических мер. Следовательно, отбывание наказания в виде исправительных работ индивидуальным предпринимателем у самого себя противоречит нормам уголовно-исполнительного законодательства.

При этом индивидуальный предприниматель имеет право выполнять функции работодателя, в том числе предоставлять рабочие места для лиц, отбывающих наказание в виде исправительных работ. Однако, на наш взгляд, вариант отбытия исправительных работ у родственников либо у супруга/супруги также идет вразрез с реализацией одного из главных средств исправления осужденных – воспитательной работой.

Таким образом, с целью соблюдения норм уголовно-исполнительного законодательства сотрудники УИИ обязаны проверять статус лица, в отношении которого в УИИ поступил приговор к исправительным работам на исполнение, разъяснять осужденным, имеющим статус ИП, о невозможности отбывания наказания к исправительным работам в собственном «деле». На наш взгляд, подобную информацию необходимо отражать в памятке, выдаваемой осужденному в день постановки на учет и проведения первоначальной беседы в стенах УИИ.

Отдельно следует рассмотреть вопросы, возникающие при назначении наказания в виде исправительных работ осужденным, являющимися иностранными гражданам. Подобные вопросы стоят на стыке уголовно-исполнительного законодательства и норм в права в сфере миграции. Поскольку в соответствии с частью 4

статьи 13 Федерального закона от 25.07.2002 г. №115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» иностранный гражданин имеет право осуществлять трудовую деятельность при наличии разрешения на работу или патента, то при их отсутствии исполнение приговора к исправительным работам становится невозможным на практике. При этом прямые обязанности по проверке разрешения на работу или патента у сотрудников УИИ отсутствуют. Данный вопрос решается организацией при трудоустройстве соответствующего лица. Полагаем, что данный вопрос требует особого внимания и дальнейшей детальной проработки.

Отдельные вопросы, связанные с исполнением приговоров к наказанию условно.

В соответствии с требованиями Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № 18 «О судебной практике отмены условного осуждения или продления испытательного срока» совершение условно осужденным административного правонарушения, посягающего на общественный порядок и общественную безопасность, выступает основанием для продления испытательного срока.

В свою очередь, Глава 20 «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность» Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) содержит состав правонарушения в виде неуплаты административного штрафа в соответствующий срок. В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2025 № 38 «Об отдельных вопросах, возникающих у судов при рассмотрении дел об административных правонарушениях, выражающихся в уклонении от исполнения наказания в виде административного штрафа» суть правонарушения, описанного в части 1 статьи 20.25 КоАП РФ, заключается в факте неисполнения обязанности по уплате административного штрафа. Это означает, что штраф не был внесен в полном объеме к установленному сроку, независимо от того, какое именно правонарушение послужило основанием для назначения данного наказания. По смыслу законодателя неуплата условно осужденным административного штрафа (при наложении соответствующего административного наказания за данное правонарушение) в соответствующий срок является основанием направления материалов в суд для решения вопроса о продлении испытательного срока, а при наличии системы (двух и более) нарушений по вышеотмеченному основанию – причиной отмены условного осуждения и исполнения наказания, назначенного приговором суда.

На наш взгляд, правонарушения, предусмотренные ч.1 ст.20.25 КоАП РФ – неуплата административного штрафа, фактически не нарушают общественный порядок. При этом необходимо следовать принципу индивидуализации наказания, учитывая трудоустроенность условно осужденного лица и наличие факта просрочки оплаты штрафа, на момент направления сотрудниками УИИ соответствующих материалов в суд. Поскольку нередки случаи, когда у осужденного лица не было возможности оплатить штраф в виду отсутствия постоянного источника к существованию. Полагаем целесообразным дополнить часть 1 статьи 74 Уголовного кодекса Российской Федерации следующим содержанием: «Решение вопроса о направлении материалов в суд при совершении административного правонарушения по ч.1 ст.2025 КоАП РФ принимает с учетом трудовой занятости лица и иных характеризующих материалов».

Заключение.

Нельзя не согласиться с позицией Перлова И.Д., который в своих трудах высказывал позицию о сложности стадии исполнения приговора ввиду наличия большего разнообразия участников процесса, наделенных определенными правами и обязанностями [2]. Полагаем, что кроме многообразия участников данный процессуальный этап отличается колоссальной нагрузкой, возлагаемой на сотрудников УИИ в части решения ряда задач. До сих пор открытыми остаются вопросы в части изменения условий отбывания наказания в виде условного осуждения, вплоть до его отмены и исполнения наказания, назначенного приговором суда, в случае неуплаты осужденным административного штрафа в соответствующий срок, также открытыми и требующими детальной проработки остаются вопросы, связанные с исполнением приговоров к наказанию в виде исправительных работ.

Список литературы:

[1] Соловьева Д.В. Исполнение наказаний в виде исправительных работ и обязательных работ: проблемы и пути решения // в сборнике Вестник молодого ученого Кузбасского института. Сборник научных статей. Новокузнецк, 2023. С. 85-87.

[2] Перлов И. Д. Предание суду в советском уголовном процессе. М., 1948.

References:

[1] Solovyova D.V. Execution of punishments in the form of correctional labor and compulsory labor: problems and solutions//in the collection Bulletin of a young scientist of the Kuzbass Institute. Collection of scientific articles. Novokuznetsk, 2023. S. 85-87.

[2] Perlov I. D. Trial in a Soviet criminal trial. M., 1948.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-355-360

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФКУ
научно-исследовательский институт
ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

К ВОПРОСУ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ ОБЩЕГО РЕЖИМА

Аннотация. *Целью исследования выбраны правовые и психологические основы соблюдения прав осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы в исправительных колониях общего режима. В процессе ее осуществления использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение, с помощью которых рассматривались правовые и психологические механизмы соблюдения прав осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительных колониях общего режима в контексте анализа условий отбывания наказания, реализуемых в указанном виде исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы. Содержание и особенности соблюдения прав осужденных детерминируются их правовым статусом (положением), во многом определенным приговором суда видом отбываемого уголовного наказания, а также режимом, порядком и условием его отбывания, реализуемыми в конкретном ИУ. Одним из видов ИУ УИС, в котором осужденные отбывают лишение свободы, являются исправительные колонии общего режима . В них, в соответствии со статьей 120 УИК РФ, отбывают наказание осужденные к лишению свободы, поступившие в данное ИУ, а также переведенные из облегченных и строгих условий отбывания наказания. Права осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительных колониях общего режима органически взаимосвязаны и определяются условиями отбывания наказания в указанных учреждениях. Условия определяют перечень и объем реализуемых прав осужденных. Стимулируют последних к исполнению установленного порядка отбывания наказания, формированию позитивной мотивации, системы установок и отношений, в том числе добросовестного отношения к труду, позволяющими получить перевод в облегченные условия по отбытии не менее шести месяцев срока наказания в обычных условиях. Подобный перевод имеет для осужденных важное значение, поскольку означает увеличение их прав. Расширение и ограничение прав осужденных в зависимости от условий, в которых они содержатся отбывая лишение свободы, имеет важное психолого-педагогическое содержание в плане формирования и развития позитивных психологических свойств и качеств личности и купирования, преодоления деформации негативных психологических характеристик. В данном контексте принципиально значение приобретает воспитательная работа с осужденными, направленная на профилактику противоправного поведения, нарушений установленного порядка отбывания наказания, совершение пенитенциарных преступлений.*

Ключевые слова: *права осужденных, лишение свободы, исправительные учреждения, исправительные колонии общего режима, уголовно-исполнительная система, сотрудники.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service of Russia

ON THE ISSUE OF OBSERVING THE RIGHTS OF CONVICTS SERVING THEIR SENTENCES IN CORRECTIONAL COLONIES OF GENERAL REGIME

Annotation. *The purpose of the study is to select the legal and psychological foundations of the observance of the rights of convicts serving criminal sentences in the form of imprisonment in correctional colonies of the general regime. In the process of its implementation, the dialectical method of cognition and other well-known methods of logical cognition (general scientific and private scientific) were used: analysis, synthesis, comparison, analogy, generalization, sociological survey, observation, which examined the legal and psychological mechanisms for observing the rights of convicts serving imprisonment in correctional colonies of the general regime in the context of the analysis of conditions of service punishments carried out in the specified form of correctional institutions of the penal system. The content and features of the observance of the rights of convicts are determined by their legal status (position), largely determined by the verdict of the court, the type of criminal punishment served, as well as the regime, procedure and condition of its serving, implemented in a particular penal institution. Correctional colonies of general regime are one of the types of penal institutions in which convicts serve their sentences. In accordance with Article 120 of the Criminal Code of the Russian Federation, those sentenced to imprisonment who have been admitted to this penal institution, as well as those transferred from light and strict conditions of serving their sentences, serve their sentences there. The rights of convicts serving their sentences in correctional colonies of general regime are organically interrelated and are determined by the conditions of serving their sentences in these institutions. The conditions determine the list and scope of the rights of convicts to be exercised. They encourage the latter to comply with the established procedure for serving sentences, to form positive motivation, a system of attitudes and attitudes, including a conscientious attitude to work, allowing them to be transferred to facilitated conditions after serving at least six months of the sentence under normal conditions. Such a transfer is important for convicts, as it means an increase in their rights. The expansion and restriction of the rights of convicts, depending on the conditions in which they are held while serving their imprisonment, has important psychological and pedagogical content in terms of the formation and development of positive psychological properties and personality traits and relief, overcoming the deformation of negative psychological characteristics. In this context, educational work with convicts is of fundamental importance, aimed at preventing illegal behavior, violations of the established procedure for serving sentences, and the commission of penitentiary crimes.*

Key words: *the rights of convicts, deprivation of liberty, correctional institutions, correctional colonies of general regime, penal enforcement system, staff.*

Введение. Соблюдение прав осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, является одной из приоритетных задач, стоящих перед исправительными учреждениями уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее ИУ УИС), отраженных в Концепции ее развития на период до 2030 года [1].

Содержание и особенности соблюдения прав осужденных детерминируются их правовым статусом (положением), во многом определенным приговором суда видом отбываемого уголовного наказания, а также режимом, порядком и условием его отбывания, реализуемыми в конкретном ИУ [2, с. 81-83]. В большей степени среди других видов уголовных наказаний, регламентированных национальным уголовным законом (статей 44 УК РФ), это относится к лишению свободы, исполняемому администрациями ИУ УИС [3].

Одним из видов ИУ УИС, в котором осужденные отбывают лишение свободы, являются исправительные колонии общего режима [4, с. 53-58]. В них, в соответствии со статьей 120 УИК РФ, отбывают наказание осужденные к лишению свободы, поступившие в данное ИУ, а также переведенные из облегченных и строгих условий отбывания наказания.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых и психологических основ соблюдения прав осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы в исправительных колониях общего режима использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение, с помощью которых рассматривались правовые и психологические механизмы соблюдения прав осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительных колониях общего режима в контексте анализа условий отбывания наказания, реализуемых в указанном виде исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы.

Основные результаты. Теоретико-правовой анализ рассматриваемой проблематики выявил наличие устойчивой преемственности в обеспечении прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей в следственных изоляторах (далее СИЗО) УИС.

Теоретико-методологической базой здесь выступают принципы содержания под стражей и построения отечественного уголовно-исполнительного законодательства, нашедшие свое отражение в статье четвертой Федерального закона 1995 г. № 103-ФЗ и статье восьмой Уголовно-исполнительного кодекса РФ [5, с. 198-204]. Так, если осужденный в период пребывания в СИЗО не допустил нарушений установленного порядка содержания под стражей, за которые к нему применялась мера взыскания в виде водворения в карцер, срок его нахождения в обычных условиях исправительных колоний общего режима исчисляется со дня заключения под стражу [6].

Таким образом, права осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительных колониях общего режима органически взаимосвязаны и определяются условиями отбывания наказания в указанных учреждениях [7, с. 134-138]. Условия определяют перечень и объем реализуемых прав осужденных. Стимулируют последних к исполнению установленного порядка отбывания наказания, формированию позитивной мотивации, системы установок и отношений, в том числе добросовестного отношения к труду, позволяющими получить перевод в облегченные условия по отбытии не менее шести месяцев срока наказания в обычных условиях. Подобный перевод имеет для осужденных важное значение, поскольку означает увеличение их прав на получение посылок и бандеролей, краткосрочные и длительные свидания, телефонные переговоры, приобретение продуктов и предметов первой необходимости, другие материальные льготы, гарантированные им уголовно-исполнительным законом [8, с. 62-67].

Наоборот, перевод осужденных к лишению свободы в строгие условия, существенно снижает количество и объем их прав на получение указанных выше льгот и преференций, например, содержащихся в обычных условиях и признанных по решению дисциплинарной комиссии ИК постановлением начальника учреждения злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания. Аналогично, осужденные, отбывающие наказание в облегченных условиях, признанные злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, переводятся в обычные или строгие условия отбывания наказания [9].

Перевод из строгих условий отбывания наказаний в обычные производится не ранее чем через шесть месяцев при отсутствии взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания [10]. Подобному подходу законодателя есть научное психолого-педагогическое объяснение, состоящее в том, что осужденный должен закрепить своим поведением и практическими действиями позитивное отношение к порядку исполнения наказания, продемонстрировать устойчивое стремление к исправлению, ресоциализации, социальной адаптации и реабилитации. В его сознании должна произойти существенная перестройка мотивационно-волевой сферы, направленная на социализацию личности, построение жизненных целей и планов, преодоление негативных психических состояний стресса, фрустрации и депрессии.

Также значительно ограничиваются в правах осужденные, признанные злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, водворенные в штрафной изолятор (далее ШИЗО) ИК. Они не только ограничиваются в свободе передвижения по режимной территории учреждения, но и лишаются свиданий, телефонных переговоров, права приобретения продуктов и предметов первой необходимости на время их содержания в ШИЗО [11, с. 257-261]. Вместе с тем, законодатель даже при водворении осужденных в ШИЗО гарантирует им соблюдение права на медицинское обеспечение и прохождение медицинского осмотра на предмет возможности находиться в изоляторе по состоянию здоровья в соответствии с утвержденным Приказом Минюста РФ от 09.08.2011 № 282 «Об утверждении порядка проведения медицинского осмотра перед переводом осужденных в помещения камерного типа, единые помещения камерного типа, одиночные камеры, а также водворением в штрафные и дисциплинарные изоляторы и выдачи медицинского заключения о возможности нахождения в указанных помещениях по состоянию здоровья» [12].

Безусловно, указанные расширение и ограничение прав осужденных в зависимости от условий, в которых они содержатся отбывая лишение свободы, имеет важное психолого-педагогическое содержание в плане формирования и развития позитивных психологических свойств и качеств личности и купирования, преодоления деформации негативных психологических характеристик. В данном контексте принципиально значение приобретает воспитательная работа с осужденными, направленная на профилактику противоправного поведения, нарушений установленного порядка отбывания наказания, совершение пенитенциарных преступлений [13, с. 160-167].

Учитывая значение условий отбывания наказания в ИК общего режима для соблюдения прав осужденных к лишению свободы, важное значение имеют ведомственный контроль за их исполнением со стороны ФСИН России, ГУФСИН (УФСИН) субъектов федерации. Надзор органов

прокуратуры Российской Федерации в лице специализированных прокуроров по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний [14].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами:

- VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний»;
- V Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» (приуроченном к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий)., состоявшемся 17-19.10.2021 г. в Академии ФСИН России. Доклад на тему «Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправительных колониях уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования»;
- 10 Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия» в Пермском институте ФСИН России 15.04.2023. Доклад на тему: «Современная оперативно-розыскная политика в УИС и ее влияние на комплексное обеспечение безопасности пенитенциарных учреждений»;
- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;
- 6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития»;
- XI Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 05.04. 2024 г., на секции «Правовое регулирование деятельности подразделений УИС по обеспечению режима, охраны и конвоирования». Доклад на тему: «Особенности деятельности оперативных подразделений по обеспечению режима исправительных учреждений».

Заключение. Содержание и особенности соблюдения прав осужденных детерминируются их правовым статусом (положением), во многом определенным приговором суда видом отбываемого уголовного наказания, а также режимом, порядком и условием его отбывания, реализуемыми в конкретном ИУ. В большей степени среди других видов уголовных наказаний, регламентированных национальным уголовным законом (статей 44 УК РФ), это относится к лишению свободы, исполняемому администрациями ИУ УИС.

Одним из видов ИУ УИС, в котором осужденные отбывают лишение свободы, являются исправительные колонии общего режима [4, с. 53-58]. В них, в соответствии со статьей 120 УИК РФ, отбывают наказание осужденные к лишению свободы, поступившие в данное ИУ, а также переведенные из облегченных и строгих условий отбывания наказания.

Права осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительных колониях общего режима органически взаимосвязаны и определяются условиями отбывания наказания в указанных учреждениях. Условия определяют перечень и объем реализуемых прав осужденных. Стимулируют последних к исполнению установленного порядка отбывания наказания, формированию позитивной мотивации, системы установок и отношений, в том числе добросовестного отношения к труду, позволяющими получить перевод в облегченные условия по отбытии не менее шести месяцев срока наказания в обычных условиях. Подобный перевод имеет для осужденных важное значение, поскольку означает увеличение их прав на получение посылок и бандеролей, краткосрочные и длительные свидания, телефонные переговоры, приобретение продуктов и предметов первой необходимости, другие материальные льготы, гарантированные им уголовно-исполнительным законом.

Расширение и ограничение прав осужденных в зависимости от условий, в которых они содержатся отбывая лишение свободы, имеет важное психолого-педагогическое содержание в

плане формирования и развития позитивных психологических свойств и качеств личности и купирования, преодоления деформации негативных психологических характеристик. В данном контексте принципиально значение приобретает воспитательная работа с осужденными, направленная на профилактику противоправного поведения, нарушений установленного порядка отбывания наказания, совершение пенитенциарных преступлений.

Учитывая значение условий отбывания наказания в ИК общего режима для соблюдения прав осужденных к лишению свободы, важное значение имеют ведомственный контроль за их исполнением со стороны ФСИН России, ГУФСИН (УФСИН) субъектов федерации. Надзор органов прокуратуры Российской Федерации в лице специализированных прокуроров по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний.

Список литературы:

[1] Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // Consultant.ru (дата обращения 05.01.2026).

[2] Ковалев О.Г., Зайцева С.И. Правовой статус осужденных и его влияние на организацию оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях УИС // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 94-4. С. 81-83.

[3] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник // Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007. 374 с.

[4] Ковалев О.Г. Учреждения и органы, исполняющие наказания: правовая классификация и особенности функционирования в современных условиях развития отечественной уголовно-исполнительной системы // Российский научный вестник. 2025. № 7. С. 53-58

[5] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Принципы содержания под стражей и их влияние на обеспечение прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых (сравнительно-правовой анализ) // Международный научный вестник. 2025. № 11. С. 198-204.

[6] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А.Москва, 2006. 148 с.

[7] Ковалев О.Г. Условия отбывания наказания осужденными к лишению свободы как элемент режима исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы // Международный научный вестник. 2025. № 11. С. 134-138.

[8] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Гуманистический подход в реализации права осужденных к лишению свободы на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости // Российский научный вестник. 2025. № 10. С. 62-67.

[9] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[10] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[11] Ковалев О.Г. К вопросу соблюдения законности содержания осужденных в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа, единых помещений камерного типа и одиночных камерах исправительных учреждений // Право и управление. 2024. № 7. С. 257-261.

[12] Приказ Минюста РФ от 09.08.2011 № 282 «Об утверждении порядка проведения медицинского осмотра перед переводом осужденных в помещения камерного типа, единые помещения камерного типа, одиночные камеры, а также водворением в штрафные и дисциплинарные изоляторы и выдачи медицинского заключения о возможности нахождения в указанных помещениях по состоянию здоровья // Consultant.ru (дата обращения 05.01.2026).

[13] Ковалев О.Г., Иконников Д.С., Семенова Н.В. Проблемы организации воспитательной работы в исправительных учреждениях в процессе профилактики противоправного поведения осужденных // Перспективы науки. 2024. № 3 (174). С. 160-167.

[14] Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1. Капинус О.С., Винокуров А.Ю., Кехлеров С.Г., Аберхаев Э.Р., Александрова Л.И., Андреев Б.В., Андреев Г.В., Андрианов М.С., Аристархов А.Л., Артемов В.В., Ашиткова Т.В., Беллевич А.Ю., Бессарабов В.Г., Борисов С.В., Бриллиантов А.В., Будай С.Н., Буланова Н.В., Бут Н.Д., Викторов И.С., Городков Ю.А. и др. Практическое пособие / Сер. 9 Профессиональная практика, (5-е изд., пер. и доп.) Москва 2018. 481 с.

References:

[1] Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/29/2021 No. 1138-r “On approval of the Concept of development of the penal

enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030" // Consultant.ru (date of application 05.01.2026).

[2] Kovalev O.G., Zaitseva S.I. The legal status of convicts and its impact on the organization of operational investigative activities in correctional institutions of the penitentiary system // Trends in the development of science and education. 2023. No. 94-4. pp. 81-83.

[3] Russian criminal law. Special part: Textbook // Kovalev O.G., Baev O.Ya. Moscow, 2007. 374 p.

[4] Kovalev O.G. Institutions and bodies executing punishments: legal classification and features of functioning in modern conditions of development of the domestic penal system // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 7. pp. 53-58.

[5] Kovalev O.G., Semenova N.V. Principles of detention and their impact on ensuring the rights and legitimate interests of suspects and accused (comparative legal analysis) // International Scientific Bulletin. 2025. No. 11. pp. 198-204.

[6] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A.Moscow, 2006. 148 p.

[7] Kovalev O.G. Conditions of serving sentences by persons sentenced to imprisonment as an element of the regime of correctional institutions of the penal system // International Scientific Bulletin. 2025. No. 11. pp. 134-138.

[8] Kovalev O.G., Semenova N.V. A humanistic approach to the realization of the right of persons sentenced to imprisonment to purchase food and basic necessities. // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 10. pp. 62-67.

[9] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

[10] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[11] Kovalev O.G. On the issue of observing the legality of the detention of convicts in penal isolation cells, cell-type rooms, single cell-type rooms and single cells of correctional institutions // Law and Management. 2024. No. 7. pp. 257-261.

[12] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 08/09/2011 No. 282 "On approval of the procedure for conducting a medical examination before transferring convicts to cell-type rooms, single rooms, single Cells, as well as placement in penal and disciplinary isolation cells and issuing a medical opinion on the possibility of staying in these rooms for health reasons // Consultant.ru (date of request 05.01.2026).

[13] Kovalev O.G., Ikonnikov D.S., Semenova N.V. Problems of organizing educational work in correctional institutions in the process of preventing illegal behavior of convicts. Perspektivy nauki. 2024. No. 3 (174). pp. 160-167.

[14] The prosecutor's desk book in 2 parts Part 1. Kapinus O.S., Vinokurov A.Yu., Kekhlerov S.G., Aberkhaev E.R., Alexandrova L.I., Andreev B.V., Andreev G.V., Andrianov M.S., Aristarkhov A.L., Artemov V.V., Ashitkova T.V., Bellevich A.Yu., Bessarabov V.G., Borisov S.V., Brilliantov A.V., Budai S.N., Bulanova N.V., Booth N.D., Viktorov I.S., Gorodkov Yu.A. and others. Practical guide / Ser. 9 Professional practice, (5th ed., trans. and add.) Moscow, 2018. 481 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-361-365

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилевич,
кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru

МЕТАФОРЫ ЗАТОЧЕНИЯ: НАРРАТИВНАЯ ПРАКТИКА В РАБОТЕ С ОСУЖДЕННЫМИ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕКОНСТРУКЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. *В статье рассматривается нарративная психотерапия как метод работы с осужденными, основанный на концепции метафор заточения, преодоления, вины и наказания. Теоретически обосновывается, что конструирование и переконструирование личной истории позволяет осужденному не только переосмыслить криминальный эпизод, но и интегрировать травматический опыт в целостную автобиографию, совершив переход от роли «преступника» к роли «гражданина». Анализируются механизмы работы с аппетитивной агрессией и травмой, теоретические основы метафоры как инструмента познания и изменения, а также приводятся клинические иллюстрации. Статья предназначена для психиатров, психологов и специалистов пенитенциарной системы.*

Ключевые слова: *нарративная терапия, осужденные, метафора, травма, аппетитивная агрессия, идентичность, реабилитация, автобиографическая память.*

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher, Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

METAPHORS OF IMPRISONMENT: NARRATIVE PRACTICE IN WORKING WITH CONVICTS AS A TOOL FOR IDENTITY RECONSTRUCTION

Annotation. *The article considers narrative psychotherapy as a method of working with convicts, based on the concept of metaphors of imprisonment, overcoming, guilt and punishment. Theoretically, it is substantiated that the construction and redesign of personal history allows the convict not only to rethink the criminal episode, but also to integrate the traumatic experience into a holistic autobiography, making the transition from the role of a "criminal" to the role of a "citizen." Mechanisms of work with appetitive aggression and trauma, theoretical foundations of metaphor as a tool of cognition and change are analyzed, as well as clinical illustrations are provided. The article is intended for psychiatrists, psychologists and specialists in the penitentiary system.*

Key words: *narrative therapy, convicts, metaphor, trauma, appetitive aggression, identity, rehabilitation, autobiographical memory.*

Введение: Заточение как физическое и нарративное состояние. Пенитенциарная система по своей сути является пространством принудительной наррации. Человек, попадающий в нее, вынужден постоянно рассказывать и пересказывать историю своего преступления следователю, суду, психологу, комиссии по условно-досрочному освобождению. Однако эта официальная, «протокольная» история часто сводится к голым фактам правонарушения, вырванным из контекста жизненного пути. В результате осужденный оказывается в двойном заточении: как физическом в пределах камеры, так и нарративном в пределах истории, в которой он фигурирует исключительно как «преступник». Его подлинная, многогранная идентичность, его биография, полная не только падений, но и возможных точек роста, оказываются вытеснены и забыты.

Преодоление этого двойного заточения требует особого терапевтического подхода, который работал бы не с симптомами, а с личной историей. Таким подходом является нарративная практика, в частности, ее специализированная форма для работы с травмированными правонарушителями – нарративная экспозиционная терапия для реабилитации осужденных (NET for FORNET) [1]. В ее основе лежит идея, что реконструкция хронологической автобиографии, включающей как опыт жертвы, так и опыт совершения насилия, позволяет переработать травму, снизить уровень агрессии и способствовать изменению роли. Данная статья призвана углубить теоретическое осмысление этого процесса, введя концепцию «метафор заточения» как ключевого нарративного инструмента. Мы полагаем, что сознательная работа с метафорами тюрьмы, освобождения, вины и искупления позволяет осужденному заново осмыслить не только преступление, но и весь свой жизненный путь, восстанавливая связь времен и контекстов.

Теоретико-методологические основания: Метафора как инструмент познания и изменения. Чтобы понять терапевтическую силу метафоры в работе с осужденными, необходимо выйти за рамки ее литературоведческого понимания как простого украшения речи. Согласно современной когнитивной лингвистике, метафора представляет собой фундаментальный инструмент человеческого мышления, позволяющий осмысливать абстрактные и сложные понятия через более конкретные и телесные образы [2]. Как отмечают исследователи, метафора – это не просто стилистическая деталь, а способ структурирования нашего восприятия мира [3]. В научном познании метафоры выступают в качестве «метафорообразов», которые репрезентируют абстрактное знание через ассоциацию с общеизвестным прототипом, выполняя незаменимую эвристическую функцию.

В контексте психотерапии и, в частности, работы с осужденными, этот когнитивный механизм приобретает особую значимость. Жизненный путь человека, совершившего преступление, часто характеризуется ощущением «разрыва» с обществом, с моральными нормами, с собственным «допреступным» «я». Описать этот опыт и связанные с ним переживания вины, стыда, изоляции или, напротив, агрессивного возбуждения прямым языком чрезвычайно трудно. Здесь на помощь приходят метафоры. «Тюрьма» перестает быть только зданием с решетками, но становится метафорой состояния души, отношений, зависимостей или травмирующих воспоминаний, из которых, как кажется, нет выхода. «Освобождение» становится не только выходом за ворота колонии, но и внутренним процессом избавления от навязанной роли, от власти прошлого, от деструктивных паттернов мышления.

Работая с подобными метафорами, терапевт помогает осужденному экстернализировать проблему что является ключевым приемом нарративной терапии [4]. Преступление, агрессия, зависимость или травма отделяются от идентичности человека, представая не как сущностные черты его характера («я – монстр»), а как внешние силы, которые вторглись в его жизнь («меня захватила волна насилия»). Этот сдвиг критически важен, так как он создает психологическое пространство для сопротивления проблеме и восстановления личного агентства. Человек больше не является проблемой; у него есть проблема, которую можно исследовать, оспаривать и, в конечном счете, преодолевать, переписывая свою историю.

Психобиографический контекст: на стыке травмы и агрессии. Эффективная нарративная работа с осужденными невозможна без понимания специфической психобиографии, характерной для многих из них. Эмпирические исследования демонстрируют высокую распространенность посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) среди заключенных: текущая распространенность достигает 27%, а более 75% пережили хотя бы одно травматическое событие в жизни [5]. Однако травма у этой группы часто носит не только «пассивный» характер (быть жертвой), но и «активный», связанный с совершением насилия.

Здесь необходимо ввести понятие аппетитивной агрессии, формы инструментальной агрессии, при которой совершение насилия воспринимается как увлекательное, волнующее и приносящее положительное возбуждение, своего рода «адреналиновая зависимость». Как описывают ветераны и правонарушители, со временем насилие может трансформироваться из пугающего в нормализованное, а затем и в желанное переживание, подобное тяге к наркотику [1]. В автобиографической памяти такие эпизоды могут кодироваться не только со страхом или стыдом, но и с ощущением собственного всемогущества, кайфа и братской сплоченности. Традиционные подходы, фокусирующиеся только на травме как опыте страдания, игнорируют эту двойственность, что снижает их эффективность.

Нарративная экспозиционная терапия предлагает принципиально иной путь. Она ставит целью создание последовательного, хронологического нарратива жизни, в который интегрируются все значимые переживания – и травмы, и акты насилия. В процессе терапии человек заново проживает эти воспоминания, но в безо-

пасном терапевтическом контексте («здесь и сейчас»), что позволяет разделить эмоции прошлого и настоящего. Ключевым моментом является вербализация как негативных (страх, боль, вина), так и позитивных (азарт, возбуждение) эмоций, связанных с актами насилия. Их контрастирование с текущими чувствами в кабинете терапевта помогает «привязать» эти переживания к конкретному прошлому контексту, лишив их разрушительной силы в настоящем. Таким образом, разрозненные, болезненные или, наоборот, соблазнительные фрагменты опыта собираются в единую историю, которую можно осмыслить, принять и, что самое важное, завершить. Метафоры здесь выступают как связующая ткань, позволяющая соединить несовместимое: «моя жизнь была как минное поле», «я был в плену у своей ярости», «тот поступок стал тяжким камнем на моей шее».

Методология и практика: этапы нарративной реконструкции. Работа с метафорами заточения в рамках нарративной практики представляет собой последовательный процесс, который можно представить в виде нескольких взаимосвязанных этапов. Этот процесс начинается не с осуждения, а с совместного исследования.

Первый этап: картографирование жизненного ландшафта. Вместе с терапевтом осужденный создает «линию жизни», хронологическую ось, на которую наносятся все значимые события: не только преступления и насилие, но и моменты безопасности, привязанности, достижений и потерь. Уже на этом этапе возникают спонтанные метафоры: «детство – это солнечный остров», «после той драки началась долгая зима». Задача терапевта внимательно фиксировать этот образный язык, который является прямым выходом в эмоциональный и ценностный мир клиента.

Второй этап: экстернализация и наименование «проблемы-в-истории». Опираясь на язык самого клиента, терапевт помогает выделить доминирующие деструктивные сюжеты. Это может быть не просто «агрессия», а «Дракон гнева», пожирающий все на своем пути; не «зависимость», а «Золотая клетка», которая манила блеском, но лишила свободы; не «преступление», а «Тень», которая навсегда легла между ним и его семьей [4]. Этот прием, заимствованный из общей нарративной терапии, в пенитенциарном контексте приобретает особую мощь, так как позволяет отделить сущность человека от совершенного им деяния.

Третий, центральный этап: нарративная экспозиция и реконструкция. Это кропотливая работа по подробному, сенсорно-насыщенному рассказу о ключевых травматических и насильственных эпизодах в их хронологической последовательности. Терапевт мягко направляет клиента, помогая ему оставаться в контакте с болезненными воспоминаниями, но одновременно удерживая связь с безопасным настоящим. В процессе этого рассказа старые, ригидные метафоры («я – отброс общества») начинают давать трещины, уступая место более сложным и динамичным образам. Человек может осознать, что был не «монстром», а «заблудившимся в тумане солдатом, который сам стал мишенью». История перестает быть плоской и однотонной, наполняясь оттенками, контекстами и, что критически важно, выбором. Даже в условиях жестокой детской травмы или давления криминальной среды клиент обнаруживает эпизоды, где он проявлял осторожность, жалость или попытку сопротивления. Эти «уникальные эпизоды», по терминологии Майкла Уайта, становятся краеугольными камнями для новой, предпочитаемой истории [6].

Наконец, четвертый этап: ритуализация и проецирование в будущее. Созданная в терапии новая история нуждается в закреплении. Этому может служить написание писем (которым не обязательно отправляться) значимым людям из прошлого, создание документа (автобиографической повести, графического романа) или символический ритуал прощания с «проблемой-в-истории». Важнейшей частью является развитие «видения будущего», нарратива о жизни после освобождения, где человек видит себя не рецидивистом, а гражданином, родителем, работником. Здесь метафора заточения окончательно трансформируется: если раньше вся жизнь воспринималась как тюрьма, то теперь прошлое преступление может быть осмыслено как «трудный, но пройденный тоннель», ведущий к иному пониманию свободы и ответственности.

Клиническая иллюстрация: от «солдата войны» к «ветерану жизни». Для иллюстрации вышеизложенных принципов рассмотрим абстрагированный случай из практики пенитенциарного учреждения. Пациент С., 32 года, отбывает срок за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в составе группировки. В анамнезе жестокое обращение в детстве, ранняя уличная социализация, опыт как жертвы, так и инициатора насилия. На первой сессии его самопрезентация укладывается в жесткую метафору: «Я брошенный танк на поле боя. Ни своих, ни чужих. Только ржавею». Эта метафора выражала его восприятие себя как обесчеловеченного, бесполезного объекта, застрявшего в прошлом конфликте.

В процессе картографирования и экспозиции выяснилось, что ключевым травматическим эпизодом, предшествовавшим его первому

серьезному правонарушению, была неспособность защитить младшую сестру от насилия со стороны отчима. Стыд и ярость от этой беспомощности он позднее компенсировал демонстративной жестокостью в уличных «разборках», где испытывал то самое «боевое опьянение» со смесью страха, власти и братской эйфории. В терапии он научился разделять эти переживания: «Тогда, в подворотне, я чувствовал себя богом. Сейчас, рассказывая, я чувствую только тяжесть и горечь».

Постепенно метафора стала трансформироваться. С. начал говорить о себе не как о «танке», а как о «солдате, который забыл, за какую сторону воюет». Работа с «уникальными эпизодами» выявила факты, не вписывавшиеся в его криминальную идентичность: он тайно покупал продукты одинокой соседке-старушке, а однажды отказался «разобраться» с человеком, увидев в нем испуг, похожий на испуг его сестры. Эти эпизоды стали основой для альтернативного сюжета, но не о «воине», а о «защитнике». К концу терапии его ключевая метафора изменилась: «Моя жизнь была как крепость. Я долго думал, что сижу в ней в осаде, а оказалось в плену. Пора открывать ворота». Эта новая метафора отразила обретенное понимание своей роли в создании барьеров и появившуюся готовность к изменению. Его «видение будущего» включило в себя образ работы плотником («собирать, а не ломать») и восстановления отношений с сестрой.

Заключение и перспективы. Нарративная практика, осмысленная через призму работы с метафорами заточения, предлагает глубокий и уважительный подход к реабилитации осужденных. Она не стремится минимизировать тяжесть содеянного или найти ему простые оправдания. Ее цель сложнее: помочь человеку восстановить целостность своего жизненного нарратива, интегрировав в него темные и светлые главы, опыт страдания и причинения боли, чувство вины и потенциал для искупления. Метафоры служат здесь не украшением, а основным инструментом смыслопорождения, позволяющим перевести невыразимый внутренний опыт на язык истории, которую можно пересмотреть, пережить заново и, в конечном счете, переписать.

Теоретическая и практическая ценность этого подхода заключается в преодолении редукционизма [7]. Он позволяет увидеть в осужденном не «носителя антисоциального расстройства» или «злую волю», а автора запутанной, часто трагической жизненной повести, который утратил контроль над своим сюжетом. Возвращая ему авторство, терапевт создает условия для подлинного изменения идентичности от заточенного в роли преступника к свободному автору собственного будущего. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на изучение специфики метафорических языков разных категорий осужденных, разработку стандартизированных протоколов интеграции нарративных методов в пенитенциарные программы и измерение долгосрочного эффекта такой работы на рецидив и социальную реинтеграцию.

Список литературы:

[1] Hecker T., Hermenau K., Crombach A., Elbert T. Treating traumatized offenders and veterans by means of narrative exposure therapy // Frontiers in Psychiatry. 2015. Vol. 6. P. 80. DOI: 10.3389/fpsyt.2015.00080.

[2] Жуков Д. С., Лямин С. К., Барабаш Н. С. Гносеологические и онтологические метафоры в истории науки // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 10-3 (19). С. 55–57. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gnoseologicheskie-i-ontologicheskie-metafory-v-istorii-nauki (дата обращения: 27.01.2026).

[3] Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём / пер. с англ. под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

[4] Gong Y., Gong N., Zhang Z., He Y., Tang H. Effect of Narrative Therapy-Based Group Psychological Counseling on Internet Addiction among Adolescents // Iranian Journal of Public Health. 2022. Vol. 51, no. 6. P. 1331–1338. DOI: 10.18502/ijph.v51i6.9678.

[5] Искандаров Р. Р. Посттравматическое стрессовое расстройство у комбатантов в местах лишения свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2025. № 4. С. 29–31. EDN ZNXVSA.

[6] White M., Epston D. Narrative Means to Therapeutic Ends. New York: W. W. Norton & Company, 1990. 229 p.

[7] Искандаров Р. Р. Пенитенциарная психиатрия в философском аспекте: онтология, антропология, эпистемология, аксиология // Образование и право. 2025. № 9. С. 296–299. EDN SGGGZE.

References:

[1] Hecker T., Hermenau K., Crombach A., Elbert T. Treating traumatized offenders and veterans by means of narrative exposure therapy // Frontiers in Psychiatry. 2015. Vol. 6. P. 80. DOI: 10.3389/fpsyt.2015.00080.

[2] Zhukov D.S., Lyamin S.K., Barabash N.S. Epistemological and ontological metaphors in the history of science//Eurasian Union of Scientists. 2015. № 10-3 (19). S. 55-57. URL: https://cyberlen-

inka.ru/article/n/gnoseologicheskie-i-ontologicheskie-metafory-v-istorii-nauki (дата обращения: 27.01.2026).

[3] Lakoff J., Johnson M. Metaphors that we live with/trans. Ed. And with a foreword. A.N. Baranova. M.: URSS Editorial, 2004. 256 s.

[4] Gong Y., Gong N., Zhang Z., He Y., Tang H. Effect of Narrative Therapy-Based Group Psychological Counseling on Internet Addiction among Adolescents // Iranian Journal of Public Health. 2022. Vol. 51, no. 6. P. 1331–1338. DOI: 10.18502/ijph.v51i6.9678.

[5] Iskandarov R.R. Post-traumatic stress disorder in combatants in prisons//Penal system: law, economics, management. 2025. № 4. S. 29-31. EDN ZNXVSA.

[6] White M., Epston D. Narrative Means to Therapeutic Ends. New York: W. W. Norton & Company, 1990. 229 p.

[7] Iskandarov R. R. Penitentiary psychiatry in the philosophical aspect: ontology, anthropology, epistemology, axiology//Education and law. 2025. № 9. S. 296-299. EDN SGGGZE.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-366-373

РАДЧЕНКО Елена Павловна,
доктор экономических наук, главный научный сотрудник НИЦ-1 федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт» Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации» (ФКУ НИИ ФСИН России), e-mail: helenr2003@mail.ru

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России. e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

НАЛОГОВАЯ РЕФОРМА И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ СЕКТОР УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ОЖИДАЕМЫЕ ЭФФЕКТЫ, РИСКИ И ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматривается как проводимые в Российской Федерации налоговые реформы могут повлиять на производственный сектор учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: с учетом их правового статуса казенных учреждений, специфики приносящей доход деятельности и приоритета целей ресоциализации осужденных через трудовую занятость. На основе анализа действующих налоговых конструкций и фактических параметров производственной деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации выявляются ключевые точки налоговой чувствительности: налогообложение операций, подпадающих под НДС при реализации продукции «на сторону», вопросы применения налоговых льгот по имущественным и земельным налогам при смешанном использовании активов, а также отсутствие специальных режимов и ограниченность инструментов инвестиционного стимулирования. Показано, что потенциальные изменения в налоговой политике способны повлиять на себестоимость и конкурентоспособность продукции, инвестиционные возможности модернизации, устойчивость кооперации с внешними партнерами и, как следствие, на масштабы занятости осужденных и выполнение ими имущественных обязательств. Обосновано, что фискальные решения в отношении производственного сектора уголовно-исполнительной системы Российской Федерации должны быть выстроены как «целевые» и условные, ориентированные на создание рабочих мест и обновление производственной базы, а не на максимизацию бюджетных поступлений. Авторы в работе предлагают вектор правовой настройки налоговых инструментов: уточнение границ освобождения от НДС для внутрисистемных и социально значимых операций, развитие механизма инвестиционных вычетов и ускоренной амортизации по проектам модернизации, а также нормативная стабилизация применения льгот по имущественным налогам при реализации проектов государственно-частного партнерства.*

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, казенные учреждения, производственный сектор, приносящая доход деятельность, НДС, налоговые льготы, инвестиции, государственно-частное партнерство, трудовая адаптация осужденных.*

RADCHENKO Elena Pavlovna,
Leading Researcher, Federal State Institution «Research Institute» of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation» (Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Researcher, Department for Improving the Legal Regulation of the Activities of the Criminal Executive System of the Center for the Study of Management Problems and the Organization of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System Federal Government Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

TAX REFORM AND THE PRODUCTION SECTOR OF PENAL INSTITUTIONS IN RUSSIA: EXPECTED EFFECTS, RISKS, AND LEGAL ADAPTATION MECHANISMS

Annotation. *The paper examines how tax reform may affect the production sector of Russia's penal institutions, taking into account their legal status as "treasury institutions", the specific nature of income-generating activities, and the primacy of rehabilitation goals achieved through inmate employment. By combining an analysis of the current tax framework with actual production indicators, the study identifies key "tax-sensitive" areas: VAT on external sales, the applicability of property and land tax exemptions when assets are used in mixed-purpose projects, the limited availability of special tax regimes, and the constrained set of investment incentives. The paper argues that changes in tax policy may influence production costs and market competitiveness, investment capacity for modernization, and the stability of cooperation with private partners—ultimately affecting the scale of inmate employment and the ability to satisfy compensation and enforcement obligations. The study substantiates that fiscal solutions for the penal production sector should be "targeted" and conditional upon job creation and technological upgrades rather than oriented toward maximizing budget revenues. Policy and legal recommendations include clarifying VAT relief boundaries for internal and socially significant operations, expanding investment deductions and accelerated depreciation instruments for modernization projects, and providing stable legal criteria for applying property-related tax relief in public-private partnership arrangements.*

Key words: *penal system, treasury institutions, production sector, income-generating activities, VAT, tax incentives, investments, public-private partnership, inmate labor adaptation.*

Производственный сектор учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС) в современных условиях выполняет двойственную функцию. С одной стороны, он обеспечивает трудовую занятость осужденных как важнейший инструмент исправительного воздействия и подготовки к освобождению, что последовательно подчеркивается в работах о труде осужденных и эффективности производственной базы УИС такими исследователями как Антонян Е.А., Долинин А. Ю., Огородников В. И. [1; 2]. С другой стороны, производственная деятельность выступает экономическим контуром, позволяющим частично закрывать потребности самой системы, а также взаимодействовать с внешним рынком через реализацию продукции и услуг. Именно на стыке «социально-правовой» и «хозяйственно-финансовой» логики возникает ключевая проблема налоговой реформы применительно к УИС: налоговое право по своей природе нейтрально к воспитательным целям наказания и склонно рассматривать такую деятельность как обычную экономическую активность, тогда как уголовно-исполнительная политика требует, чтобы трудовая занятость в учреждениях не превращалась в самоцель извлечения прибыли и не деформировала цели ресоциализации [2]. В этом контексте налоговая реформа, изменяющая правила налогообложения операций, активов и результатов деятельности, влияет не только на финансовый результат, но и на возможность учреждения выполнять возложенные законом задачи через расширение рабочих мест, обучение, обновление оборудования и обеспечение устойчивых заказов.

Фактическая база функционирования производственного сектора характеризуется одновременно значительным масштабом и высокой чувствительностью к административным и финансовым ограничениям. В представленных ведомственных данных фиксируется высокая доля занятых осужденных (в отдельные периоды — более четырех пятых от подлежащих обязательному привлечению к труду), рост производительности и увеличение объемов выпуска товарной продукции, при одновременной зависимости ряда учреждений от внешних заказов, структуры рынка и доступности оборотных средств. Эти параметры принципиальны: любые изменения налоговой нагрузки меняют «пространство управляемости» — от фонда оплаты труда и себе-

стоимости до инвестиционных возможностей создания новых рабочих мест, что напрямую влияет на достижение целей УИС, обозначенных как в уголовно-исполнительном законодательстве [9], так и в стратегических документах развития системы до 2030 года [10].

Правовой статус учреждений УИС как казенных учреждений задает особую финансово-правовую архитектуру. Казенное учреждение вправе вести приносящую доход деятельность только при закреплении такого права в учредительных документах, а доходы от нее подлежат зачислению в соответствующий бюджет. Это означает, что даже при росте производства и продаж учреждение не получает «классического» корпоративного эффекта накопления прибыли для свободного реинвестирования. На практике используются механизмы нормативного распределения превышения доходов над расходами по установленным ведомственным правилам, однако в целом конструкция казенного учреждения ограничивает финансовую автономию и усложняет инвестиционный цикл модернизации. В экономическом измерении это порождает разрыв между задачей расширять занятость и необходимость обновлять производственные фонды, с одной стороны, и невозможностью удерживать значимую долю результата хозяйственной деятельности для капитальных вложений – с другой. Научные исследования, посвященные налоговым льготам в производственном секторе УИС, прямо связывают снижение налоговой нагрузки с возможностью оснащать дополнительные рабочие места и поддерживать трудовую адаптацию осужденных [3].

В налоговой плоскости учреждения УИС имеют комплекс разнородных режимов и льгот, которые, однако, не устраняют главных точек налогового давления. Наиболее чувствительным элементом является НДС при реализации продукции и услуг вне внутрисистемного контура. При этом следует различать операции по государственному (муниципальному) заданию и приносящую доход деятельность. В отношении казенных учреждений существуют положения, согласно которым отдельные операции по выполнению работ (оказанию услуг) в рамках задания не признаются объектом обложения НДС, что подтверждается и разъяснениями финансовых органов. Однако реализация товарной продукции «на сторону» в большинстве случаев подпадает под общие правила главы 21 НК РФ и приводит к росту налоговой составляющей цены. В исследованиях о налоговых льготах в производственном секторе УИС показано, что по мере увеличения внешних поставок возрастает и сумма НДС, уплачиваемого в федеральный бюджет, что снижает конкурентоспособность продукции при сопоставимом качестве и увеличивает потребность в оборотном капитале [3]. Это особенно критично для продукции с низкой маржинальностью и высокой ценовой конкуренцией, где добавление 20 % НДС к цене реализации при отсутствии эквивалентного ценового маневра может вытеснять учреждение с рынка либо вынуждать его сокращать фонд оплаты труда и объемы производства.

Налоговая реформа, ориентированная на «оптимизацию НДС», способна проявиться для УИС в нескольких вариантах, различающихся по эффектам и рискам. Во-первых, реформа может расширить перечень операций, освобождаемых от НДС, либо уточнить границы освобождения для внутрисистемных передач и «социально ориентированных» поставок. Уже действующая логика освобождения внутрисистемной реализации отражает понимание того, что значительная часть производства обслуживает нужды самой системы и не должна облагаться как рыночная реализация [3]. Развитие этой конструкции, если оно будет направлено на поставки продукции учреждениями УИС для государственных и муниципальных нужд (например, для обеспечения форменным обмундированием, мебелью, элементами благоустройства, простыми изделиями металлообработки), может снизить цену контракта и повысить стабильность заказов. Однако здесь возникает риск нарушения принципов конкурентности закупок и обвинений в предоставлении необоснованных преимуществ. Следовательно, налоговая льгота должна быть «целевой» и условной: предоставляться не по факту принадлежности к системе УИС, а при выполнении измеримых показателей социальной полезности, в первую очередь связанных с созданием и сохранением рабочих мест осужденных и повышением доли трудовой занятости.

Во-вторых, возможна реформа через упрощение налоговых вычетов по НДС и снижение транзакционных издержек администрирования. Для производственного сектора УИС это имеет самостоятельную ценность, поскольку учреждение несет повышенные затраты на раздельный учет операций по разным основаниям (внутрисистемные операции, реализация «на сторону», операции в мастерских при лечебных учреждениях и др.), а также сталкивается с ограничениями закупочных процедур и длительностью контрактного цикла. Сокращение сроков возмещения, упрощение документального подтверждения вычетов и снижение риск-ориентированного давления в «низкорисковых» сегментах (типовая продукция, внутрисистемные поставки) высвобождают оборотные средства и позволяют устойчивее планировать занятость и загрузку мощностей.

На уровне имущественных и земельных налогов у учреждений и органов УИС предусмотрены льготы, имеющие фундаментальное значение для сохранения производственной инфраструктуры. НК РФ прямо освобождает организации и учреждения УИС от налога на имущество организаций в отношении имущества, используемого для выполнения возложенных функций, а также предусматривает освобождение по земельному налогу в отношении участков, предоставленных для непосредственного выполнения таких функций. В условиях налоговой реформы здесь возможны два разнонаправленных эффекта. Позитивный сценарий связан с расширением перечня имущества, однозначно подпадающего под льготу, и с устранением правовой неопределенности в случаях смешанного использования активов. Отрицательный сценарий связан с «сужением» льготной базы или с ужесточением критериев функционального использования, что способно привести к росту налоговой нагрузки на производственные объекты, особенно при реализации совместных проектов с внешними партнерами (аренда, кооперация, размещение участков производства на территории учреждения).

В практическом плане проблема состоит не столько в наличии льготы, сколько в доказуемости и устойчивости правового режима. Производственная база УИС включает значительное число центров трудовой адаптации и мастерских, разнообразные виды деятельности (деревообработка, швейное производство, металлообработка, сельское хозяйство и др.), а также объекты инженерной инфраструктуры, иногда расположенные на территории учреждения и используемые одновременно для обеспечения жизнедеятельности и производственного процесса [3; 4]. В таких условиях разграничение «используется для функций» и «используется для хозяйственной деятельности» может становиться предметом налогового спора, особенно если реформа усилит контроль за льготами. Для УИС это означает риск перерасчета налогов и возникновения недофинансирования производственных программ, что в конечном счете отражается на занятости осужденных и стабильности производственного заказа.

С точки зрения налога на прибыль ситуация также имеет специфику. В научной литературе неоднократно отмечалось, что самоокупаемость исправительных учреждений не должна становиться доминирующей экономической целью, а производственная деятельность не должна рассматриваться как источник бюджетных поступлений в ущерб целям ресоциализации [2]. Вместе с тем налоговая реформа может затронуть режим учета доходов и расходов, правила признания расходов на модернизацию, возможность применения инвестиционных стимулов. Даже если доходы казенного учреждения от приносящей доход деятельности по бюджетному правилу поступают в бюджет, фактическая модель управления производством требует «инвестиционного окна», иначе наращивание объемов выпуска будет сопровождаться износом оборудования и деградацией производственных мощностей. В этом аспекте налоговая реформа становится инструментом не только фискальной, но и организационной политики: через налоговые вычеты, ускоренную амортизацию, инвестиционный налоговый кредит и иные механизмы она может компенсировать институциональные ограничения казенного статуса.

В работах, посвященных налоговым послаблениям в УИС, акцентируется значимость привлечения инвестиций и предлагается рассматривать снижение налогового бремени как средство для создания благоприятных условий труда для осужденных и обеспечения новых рабочих мест [3]. Исследования в области экономической деятельности, приносящей доход деятельности в учреждениях УИС, показывают, что устойчивость достигается при сочетании рыночной конъюнктуры, государственной поддержки (включая целевые программы), качества управленческого учета и возможности направлять ресурсы на развитие производственной базы [4]. Следовательно, налоговая реформа, если она будет включать расширение инвестиционных вычетов или ускоренной амортизации для проектов модернизации производственных мощностей УИС, может дать прямой эффект: снижение фактической «цены капитала» и увеличение доли обновления основных средств без необходимости немедленного расширения бюджетных ассигнований.

Однако такой эффект не является автоматическим. Он требует правовой привязки стимулов к целям УИС. В противном случае инвестиционные льготы могут быть использованы точечно и не привести к росту занятости осужденных, а лишь перераспределить налоговую нагрузку без социального результата. Поэтому в качестве методологически корректного подхода следует рассматривать «условные» налоговые меры, где предоставление льготы зависит от выполнения показателей занятости, объема созданных рабочих мест, программ профессионального обучения и соблюдения требований охраны труда. Вопрос охраны труда в пенитенциарном производстве — самостоятельная зона риска и затрат, требующая организационных и финансовых ресурсов; соответствующие исследования подчеркивают сложность обеспечения охраны труда в условиях исправительных учреждений и важность межслужбовой координации [6]. Налоговая

реформа, увеличивающая финансовую нагрузку на производство, объективно может ухудшать способность учреждения инвестировать в безопасность, что влечет системные негативные последствия. Соответственно, любые изменения налоговой конструкции должны оцениваться не только по бюджетному эффекту, но и по влиянию на устойчивость безопасной занятости.

Значимым элементом налоговой реформы в контуре УИС является водный налог и иные ресурсные платежи, которые проявляются в учреждениях при наличии собственных источников водозабора, включая использование воды для жизнедеятельности и нужд производства. Научные исследования свидетельствуют о том, что прямых специальных привилегий для исправительных учреждений в отношении водного налога может не существовать, однако существует возможность снижения нагрузки через изменение режимов налогообложения и уточнение условий водопользования. Кроме того, возникает вопрос о предоставлении дополнительных льгот для УИС [3]. В случае реформы ресурсных платежей риск для УИС состоит в том, что повышение ставок или расширение базы платежа увеличит себестоимость производственного процесса в учреждениях, расположенных в районах со сложной инфраструктурой водоснабжения. Поскольку география учреждений часто связана с удаленными территориями, дефицит инфраструктуры означает более высокую зависимость от автономных систем водоснабжения и, следовательно, более высокую налоговую чувствительность. При отсутствии возможности переложить рост издержек на цену (особенно при фиксированных государственных заказах) это приведет к сжатию маржи и к необходимости сокращать объемы производства либо ограничивать фонд оплаты труда, что напрямую бьет по целям трудовой адаптации.

Вопрос участия внешних организаций и предпринимателей в производственной деятельности учреждений УИС является ключевым каналом роста производственного сектора, но одновременно — каналом передачи налоговых рисков. Исследования, посвященные государственно-частному партнерству (далее – ГЧП) в сфере исполнения наказаний, показывают, что сотрудничество с представителями бизнес-сообщества может стать эффективным инструментом для достижения целей уголовно-исполнительного законодательства. В частности, это может способствовать созданию рабочих мест в исправительных учреждениях. [5]. При этом авторы подчеркивают необходимость правовой предсказуемости и учета интересов всех сторон, включая негосударственных субъектов и самих осужденных [5]. Налоговая реформа может стать либо стимулом для такого партнерства, либо барьером. Если реформой будут предложены специальные условия налогообложения для партнеров, создающих рабочие места для осужденных, размещающих производство на территории учреждений и инвестирующих в оборудование, то это способно уменьшить «входной порог» для бизнеса. Но если реформа приведет к усложнению НДС-администрирования, усилению контрольной нагрузки и неопределенности в применении имущественных льгот при размещении активов на территории учреждения, партнерство станет менее привлекательным.

Отдельно следует учитывать институциональные ограничения закупочной и контрактной модели государственных учреждений. Даже при наличии спроса на продукцию учреждений УИС, закупочные процедуры и требования к планированию, а также особенности заключения контрактов могут удлинять производственный цикл и увеличивать расходы на сопровождение сделок. Налоговая реформа, влияющая на порядок выставления счетов-фактур, применения ставок и вычетов, усиливает роль административной компетенции бухгалтерских и финансовых служб, а также повышает издержки соответствия. Для УИС это означает необходимость развития управленческого учета и цифровых инструментов контроля производственных процессов, что отмечается в экономических исследованиях приносящей доход деятельности УИС [4]. В противном случае формально «льготная» реформа может не дать эффекта из-за неспособности учреждения быстро и корректно воспользоваться новыми инструментами.

Чтобы оценить влияние налоговой реформы на производственный сектор УИС, целесообразно рассматривать как минимум три уровня эффектов: ценовой (через себестоимость и конкурентоспособность), инвестиционный (через возможности обновления основных фондов) и социально-правовой (через занятость и ресоциализацию). На ценовом уровне НДС является наиболее прямым фактором. При увеличении доли продаж «на сторону» налоговая составляющая цены растет, что либо снижает спрос, либо требует сокращения внутренних издержек. В условиях, когда часть издержек жестко задана режимными и организационными требованиями, «компрессия» затрат часто происходит за счет фонда оплаты труда и масштабов занятости. Это противоречит самой идее труда осужденных как инструмента исправления и адаптации, о чем прямо говорится в пенитенциарной научной традиции и современных исследованиях [1; 2]. Следовательно, налоговая реформа в части НДС должна быть оценена именно по тому, сохраняет ли она способность учреждения расширять заня-

тость, а не только по сумме фискальных поступлений. На инвестиционном уровне критичны инструменты, позволяющие учреждению или партнеру ускорять окупаемость вложений. Исторически производственная база УИС сталкивается с проблемой морального и физического износа оборудования, несоответствия номенклатуры выпуска текущему спросу и ограниченности профессиональной подготовки под реальные потребности рынка [1]. Государственная поддержка через федеральные целевые программы рассматривается как важный фактор модернизации; соответствующая программа развития УИС, утвержденная постановлением Правительства РФ от 6 апреля 2018 г. № 420 «О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018 - 2035 годы)», как следует из официальной информации, предусматривает мероприятия по развитию инфраструктуры и модернизации, затрагивая и производственный сектор [11]. Налоговая реформа, дополняющая программу инвестиционными налоговыми стимулами, может повысить эффективность бюджетных вложений: каждый рубль бюджетного финансирования будет «усиливаться» снижением налоговой нагрузки на модернизацию. Но при отсутствии синхронизации с бюджетным режимом казенных учреждений эффект будет ограничен. Поэтому реформирование налоговой части должно идти в связке с финансово-правовыми правилами использования результатов приносящей доход деятельности и с целевыми программами развития.

На социально-правовом уровне налоговая реформа влияет на трудовую адаптацию через занятость и оплату труда. Рост налоговой нагрузки способен снижать «чистую» экономику рабочего места, что подталкивает учреждение концентрироваться на узкой линейке продукции и снижать долю трудоустроенных, особенно если производство становится убыточным. При этом уголовно-исполнительное законодательство рассматривает труд как важное средство исправительного воздействия [9], а стратегические документы развития УИС закрепляют повышение уровня занятости как одно из направлений совершенствования производственно-хозяйственной деятельности. В результате налоговая реформа, не учитывающая специфику УИС, создает нормативный конфликт: цели отраслевой политики требуют расширять занятость, а налоговая логика побуждает оптимизировать производство под прибыльность и фискальную эффективность. Разрешение конфликта возможно только через целевое проектирование налоговых решений.

Практически значимым представляется подход, при котором налоговые изменения в отношении УИС формируют не «привилегию по ведомственной принадлежности», а «компенсаторный режим» за выполнение социально значимой функции. Такой режим может включать: закрепление устойчивых критериев применения льгот по налогу на имущество и земельному налогу при использовании активов в проектах ГЧП; уточнение освобождения от НДС по операциям, непосредственно связанным с трудовой адаптацией и внутрисистемным обеспечением; создание «инвестиционного контура» через ускоренную амортизацию и налоговые вычеты для оборудования, используемого для создания рабочих мест осужденных; а также снижение ресурсных платежей (в частности, водного налога) для учреждений, где автономное водоснабжение является вынужденным условием обеспечения жизнедеятельности и производства. Важно, чтобы все эти меры были привязаны к измеримым показателям: числу рабочих мест, доле занятых, объему профессионального обучения, уровню производственного травматизма и выполнению обязательств осужденных по исполнительным документам.

Риск-ориентированная сторона налоговой реформы для УИС связана не только с возможным ростом налогов, но и с неопределенностью. Непредсказуемость критериев льгот приводит к осторожности учреждений и партнеров, сокращению долгосрочных проектов и, как следствие, к снижению устойчивости занятости. Для минимизации этого риска целесообразно нормативно стабилизировать трактовку «использования имущества и земли для выполнения возложенных функций» в части производственной инфраструктуры, поскольку для УИС трудовая занятость является именно функцией исправительного воздействия, а не факультативной коммерческой активностью. Данный тезис согласуется с подходом, согласно которому производственная деятельность исправительных учреждений не должна превращаться в источник бюджетных поступлений и не должна противоречить целям ресоциализации [2]. Если законодатель и правоприменитель будут рассматривать производство в УИС как функционально обусловленное, то имущественные и земельные льготы приобретут более устойчивый характер и перестанут восприниматься как «исключение из правил» ради экономической выгоды.

Налоговая реформа также способна перераспределить стимулы внутри самой системы УИС. При сохранении правила зачисления доходов в бюджет усиление налоговой нагрузки на внешние продажи может объективно мотивировать учреждения переориентироваться на внутрисистемные заказы и на выполнение государ-

ственных потребностей, где существует более высокая предсказуемость спроса и меньше рыночных рисков. С одной стороны, это может повысить устойчивость производства и снизить коммерческие риски. С другой стороны, чрезмерная «замкнутость» на внутрисистемном контуре может ограничить развитие компетенций, необходимых осужденным для трудоустройства после освобождения, поскольку рынок труда требует навыков работы в конкурентной среде, соблюдения стандартов качества, логистики, клиентского сервиса и т.п. Следовательно, налоговая реформа должна сохранять баланс: поддерживать внутрисистемные поставки как опору занятости, но не закрывать учреждения от внешнего рынка, который обеспечивает реалистичность профессиональной подготовки.

В этой логике особое значение приобретает развитие ГЧП и иных форм кооперации с бизнес-сообществом. Исследования показывают, что в пенитенциарной сфере ГЧП рассматривается как одно из приоритетных направлений, позволяющее создавать производственные объекты и рабочие места, а также развивать экономическую составляющую при сохранении целей исправления [5]. Налоговая реформа может усилить интерес бизнеса к таким проектам, если предоставит предсказуемые налоговые условия для инвестора: возможность ускоренного учета инвестиций, стабильность имущественных льгот на период проекта, понятные правила НДС по операциям на территории учреждения. При отсутствии таких условий бизнес будет воспринимать проекты как высокорисковые, особенно с учетом режимных требований, специфики персонала и ограничений доступа на территорию учреждений.

В заключение следует подчеркнуть, что влияние налоговой реформы на производственный сектор учреждений УИС носит системный характер и не сводится к изменению суммы уплачиваемых налогов. Оно проявляется через конкурентоспособность продукции (в первую очередь из-за НДС при внешней реализации), через инвестиционные возможности модернизации (в условиях казенного статуса и ограниченной автономии), а также через способность обеспечивать устойчивую трудовую занятость осужденных как ключевой элемент ресоциализации. При реформировании налоговой конструкции в отношении УИС целесообразно исходить из принципа функциональной обусловленности пенитенциарного производства: налоговые меры должны быть целевыми, условными и измеримыми, стимулировать создание рабочих мест, обновление производственной базы и повышение качества профессиональной подготовки. Оптимальным является пакетный подход: (1) нормативное уточнение и стабилизация применения льгот по имущественным и земельным налогам для производственной инфраструктуры, функционально связанной с задачами исправления; (2) «умная» настройка НДС — расширение освобождений для внутрисистемных и социально значимых поставок при одновременном упрощении вычетов и снижении транзакционных издержек администрирования; (3) развитие инвестиционных стимулов (ускоренная амортизация, инвестиционные вычеты) по проектам модернизации, сопряженным с ростом занятости; (4) снижение ресурсной нагрузки по водному налогу и иным платежам для учреждений, где автономное водоснабжение является объективной инфраструктурной необходимостью. Реализация этих направлений позволит налоговой реформе стать инструментом повышения эффективности и социальной результативности пенитенциарного производства, а не фактором, сжимающим занятость и ухудшающим потенциал трудовой адаптации осужденных.

Список литературы:

[1] Антонян Е. А. Состояние и перспективы развития производственной базы уголовно-исполнительной системы // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10 (71). С. 177–180. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.71.10.177-180.

[2] Долинин А. Ю., Огородников В. И. Повышение эффективности правового регулирования труда и трудового использования осужденных к лишению свободы // Уголовно-исполнительное право. 2021. Т. 16, № 1. С. 63–73. DOI: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4) 1.063-073.

[3] Неустроева Н. Н. Налоговые льготы и преференции в производственном секторе уголовно-исполнительной системы // Вопросы современной науки и практики. 2020. № 2 (3). С. 72–78.

[4] Загарских В. В. Вопросы развития приносящей доход деятельности уголовно-исполнительной системы // Вопросы современной науки и практики. 2022. № 2 (7). С. 66–72.

[5] Родионов А. В., Скиба А. П., Воронин М. Ю. Государственно-частное партнерство в пенитенциарной сфере: некоторые направления развития // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18(1–4), № 1. С. 10–23. DOI: 10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).1.010-023

[6] Корякин Е. А. Охрана труда в производственной деятельности исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы России (применительно к осужденным): монография. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2019. 383 с.

[7] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // СПС Консультант Плюс.

[8] Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. по сост. на дату обращения).

[9] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 23.07.2025, с изм. от 17.12.2025) // СПС Консультант Плюс.

[10] Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р (ред. от 27.05.2023) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС Консультант Плюс.

[11] Постановление Правительства РФ от 6.04. 2018 г. № 420 «О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018 - 2035 годы)»» (с изменениями и дополнениями) // СПС Консультант Плюс.

[12] Письмо Минфина России от 19.03.2014 № 03-07-15/11928 (о применении положений пп. 4.1 п. 2 ст. 146 НК РФ при выполнении работ/оказании услуг казенными учреждениями) (по материалам ФНС России).

References:

[1] Antonyan E. A. State and prospects for the development of the production base of the penitentiary system//Actual problems of Russian law. 2016. № 10 (71). S. 177-180. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.71.10.177-180.

[2] Dolinin A. Yu., Ogorodnikov V. I. Increasing the effectiveness of legal regulation of labor and labor use of those sentenced to imprisonment//Criminal enforcement law. 2021. VOL. 16, NO. 1. S. 63-73. DOI: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4) 1.063-073.

[3] Neustroeva N. N. Tax benefits and preferences in the production sector of the penal system// Issues of modern science and practice. 2020. № 2 (3). S. 72-78.

[4] Zagarsky V.V. Issues of the development of income-generating activities of the penal system// Issues of modern science and practice. 2022. № 2 (7). S. 66-72.

[5] Rodionov A. V., Skiba A. P., Voronin M. Yu. Public-Private Partnership in the Penitentiary Sphere: Some Areas of Development//Criminal Executive Law. 2023. T. 18 (1-4), NO. 1. S. 10-23. DOI: 10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).1.010-023

[6] Koryakin E. A. Labor protection in the production activities of correctional institutions of the penitentiary system of Russia (in relation to convicts): monograph. Nizhny Novgorod: Research and Publishing Center “Open Knowledge,” 2019. 383 pp.

[7] Tax Code of the Russian Federation (Part Two): Federal Law No. 05.08.2000 dated 117-FZ (as amended by 28.11.2025) //SPS Consultant Plus.

[8] Budget Code of the Russian Federation: Federal Law of 31.07.1998 No. 145-FZ (as amended on comp. as of the date of circulation).

[9] The Criminal Executive Code of the Russian Federation of 08.01.1997 No. 1-FZ (as amended on 23.07.2025, as amended on 17.12.2025) //SPS Consultant Plus.

[10] Order of the Government of the Russian Federation of 29.04.2021 No. 1138-r (as amended by 27.05.2023) “ On the Concept for the Development of the Penitentiary System of the Russian Federation for the Period up to 2030 “//SPS Consultant Plus.

[11] Decree of the Government of the Russian Federation of 6.04. 2018 No. 420 “On the federal target program “Development of the penal system (2018 - 2035) “” (as amended)//SPS Consultant - Plus.

[12] Letter of the Ministry of Finance of Russia dated 19.03.2014 No. 03-07-15/11928 (on the application of the provisions of clauses 4.1, paragraph 2, article 146 of the Tax Code of the Russian Federation when performing work/providing services by state institutions) (based on materials from the Federal Tax Service of Russia).

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-374-377

ФЕДОРЕНКО Яна Александровна,
адъюнкт кафедры конституционного,
административного и гражданского права
Краснодарского университета МВД России,
г. Краснодар,
e-mail: eleskhanova.yana@yandex.ru

Научный руководитель:
ЗАТОЛОКИН Александр Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного,
административного и гражданского права
Краснодарского университета МВД России,
г. Краснодар,
e-mail: zatolokin09@rambler.ru

СИСТЕМА МИГРАЦИОННО-ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ: СУЩНОСТЬ, ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ И ТИПОЛОГИИ

Аннотация. *В данной статье исследуется анализ миграционно-правовых режимов. Раскрывается сущность этого понятия как структурного каркаса миграционного регулирования. Определяются основные признаки, позволяющие идентифицировать и разграничивать отдельные режимы. На основе данных признаков автором строится типология миграционно-правовых режимов. Делается вывод о том, что эффективная миграционная политика предполагает сбалансированное сочетание различных миграционно-правовых режимов.*

Ключевые слова: *миграционно-правовой режим, признаки, классификация, регулирование.*

FEDORENKO Yana Aleksandrovna,
Adjunct of the Department of Constitutional,
Administrative and Civil Law
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Krasnodar

Scientific supervisor:
ZATOLOKIN Alexander Aleksandrovich,
Candidate of Law, Associate Professor Associate Professor,
Department of Constitutional, Administrative and Civil Law
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Krasnodar

SYSTEM OF MIGRATION AND LEGAL REGIMES: ESSENCE, MAIN FEATURES AND TYPOLOGIES

Annotation. *This article examines the analysis of migration legal regimes. The essence of this concept as a structural framework of migration regulation is disclosed. The main features that allow identifying and*

delimiting individual regimes are determined. Based on these features, the author builds a typology of migration legal regimes. It is concluded that an effective migration policy presupposes a balanced combination of various migration and legal regimes.

Key words: *migration and legal regime, signs, classification, regulation*.

В условиях глобализации и усиления мобильности населения миграционные процессы приобретают все более масштабный и структурно сложный характер. Государства, стремясь регулировать потоки людей, защищать свой суверенитет, национальную безопасность и экономические интересы, формируют комплекс правовых инструментов. Центральное место среди них занимает институт миграционно-правового режима, который выступает основным регулятором въезда, пребывания и осуществления деятельности иностранных граждан и лиц без гражданства на территории страны.

Актуальность исследования миграционно-правовых режимов обусловлена их прямым воздействием на ключевые сферы общественной жизни: от демографии и рынка труда до международных отношений и обеспечения прав человека. Разнообразие целей, которые преследуют мигранты (трудовая деятельность, воссоединение семьи, обучение, получение убежища), и интересов принимающих государств закономерно приводит к дифференциации правового регулирования. Таким образом, возникает не единый набор правил для всех иностранцев, а система специальных правовых режимов, каждый из которых обладает уникальным набором условий, требований и предоставляемых возможностей.

Правовые средства при помощи, которых государство осуществляет реализацию миграционной политики носят функциональный характер. Данных характер позволяет создавать комплекс правовых средств, объединяемых единой целью действия, которые образуют миграционно-правовой режим. В административном законодательстве существует множество понятий данного определения. Так, Жеребцов А.Н. определяет миграционно-правовой режим как «совокупность взаимосвязанных правовых средств, представляющих собой систему инструментов и действий, как сформулированные правила применения (реализации) указанных правовых средств, направленных на достижение четко определенных управленческих целей в сфере территориального перемещения населения» [1].

А.В. Юсупов отмечает, что правовой режим это – официально-установленный особый порядок правового регулирования, отражающий совокупность юридических и организационных средств, используемых для закрепления социально-правового состояния объектов воздействия, и направленный на обеспечение их устойчивого функционирования [2].

Для того, чтобы дать авторское определение миграционно-правового режима необходимо выделить признаки данного понятия:

- регулирование миграционных процессов осуществляется целым комплексом юридических инструментов, к которым относятся законы, подзаконные акты, международные договоры и соглашения, административные процедуры и судебная практика. Государство использует данные инструменты во взаимодействии друг с другом для достижения целей в сфере миграционной политики;
- миграционно-правовой режим имеет конкретную цель. То есть, государство, определяя правила и порядок в сфере миграции, преследует определенные цели, например, такие как: борьба с нелегальной миграцией, регулирование демографической ситуации; обеспечение национальной безопасности; привлечение квалифицированных специалистов; интеграция мигрантов в общество и другие;
- миграционно-правовой режим имеет конкретный объект, то есть ту сферу, которую миграционно-правовой должен регулировать. Объектом могут быть: правовое положение иностранных граждан; порядок въезда, пребывания и выезд из страны; трудовая деятельность мигрантов и другое;
- миграционно-правовой режим представляет собой использование государством своей власти для управления процессами в сфере миграции. Это означает, что государство, обладая суверенитетом, принудительно регулирует миграцию. Все нормы, установленные государством, обязательны для исполнения, как иностранными гражданами, так и принимающей стороной. В данном случае государство выступает как субъект управления, а мигранты и другие участники процесса, как объект управления. Государство не просто наблюдает за миграцией, а активно регулирует ее с помощью специально разработанных правовых инструментов, которые обязательны для всех;
- правовые средства – это система управляющих действий, осуществляемых определенными людьми и организациями для реализации целей государственной миграционной политики. Субъектами в данном случае

могут быть государственные органы (МВД, МИД и другие), должностные лица (судьи, сотрудники консульств и другие), а также общественные организации и объединения, занимающиеся защитой прав мигрантов.

Данные признаки позволяют дать определение миграционно-правового режима - это развивающаяся, взаимосвязанная система правовых средств, включающая законы, подзаконные акты, международные договоры, соглашения, административные процедуры и судебную практику, целенаправленно используемые государством через систему уполномоченных субъектов для определения правового статуса мигрантов, обеспечения прав и обязанностей всех участников миграционных отношений, обеспечение национальной безопасности и достижение стратегических целей государства в демографической, экономической и социальной сферах.

Говоря о миграционном режиме, интерес также вызывает классификация видов миграционно-правового режима. Виды миграционно-правового режима могут быть классифицированы по разным основаниям:

1) По степени гуманности:

– Либеральный, представляющий собой минимальные ограничения на въезд, пребывание и осуществление трудовой деятельности иностранных граждан, а также имеющий широкие полномочия для интеграции в общество.
– Умеренный, характеризуется определенными ограничениями на въезд и пребывание (например, визовый режим), предоставлением квот на трудовую деятельность, при этом обеспечивает соблюдение основных прав мигрантов и предоставляет возможность для их легализации.
– Ограничительный, предусматривает строгие правила въезда и пребывания, высокие требования к документам, ограниченными возможностями для получения вида на жительство и гражданства, а также усиленный контроль за соблюдением миграционного законодательства.
– Запретительный - полностью закрывает въезд для большинства категорий иностранных граждан, за исключением отдельных случаев (например, дипломатических работников).

2) По субъективному составу:

– Общий режим – для большинства иностранных граждан.
– Преференциальный – устанавливается для граждан отдельных государств на основе взаимности или исторических связей (например, для граждан Беларуси, Казахстана, Армении).
– Специальный режим – устанавливается для дипломатов, консулов, сотрудников международных организаций.

3) По целям и правовому положению мигрантов:

– Режим временного пребывания:

1. Краткосрочный (туризм, деловая поездка, частный визит).
2. Долгосрочный, имеющий особые целяли (учеба, работа, лечение). Требует специального разрешения и имеет подрежимы:
3. Трудовой режим – регулирует въезд, пребывание и трудовую деятельность иностранных граждан.
4. Учебный режим – регулирует въезд и пребывание иностранных студентов.

– Режим временного проживания – подразумевает получение разрешения на временное проживание.
– Режим постоянного проживания – предполагает получение вида на жительство.
– Режим для особых категорий: беженцы и лица, ищущие убежища, вынужденные переселенцы, лица без гражданства, репатрианты.

4) По территориальному масштабу действия:

– Национальный режим – регулируется исключительно внутренним законодательством одной страны.
– Международно-правовой режим – формируется на основе двусторонних или многосторонних соглашений.
– Смешанный режим – регулируется как внутренним законодательством, так и международными договорами.

[5] По степени свободы передвижения и въезда:

– Безвизовый - въезд по действительному заграничному паспорту.
– Визовый – обязательное предварительное получение разрешения (визы).
– Режим свободного передвижения предполагает, что граждане государств – членов имеют право на проживание и работу.

Классификация миграционных режимов говорит об их влиянии на широкий комплекс общественных отношений в сфере миграционной политики. Важно не только структурировать научные знания о видах миграционно-правовых режимах, но и оценить эффективность действующего регулирования, что имеет практическое значение для дальнейшего совершенствования миграционной политики государства.

Таким образом, качество миграционно-правовых режимов определяется четкостью процедур, согласованностью действий различных ведомств и доступностью правовой информации для самих мигрантов. Для его оптимизации необ-

ходимы: гармонизация законодательства с реалиями рынка труда, развитие цифровых сервисов для упрощения легализации, усиление международного сотрудничества для борьбы с криминальными схемами, а так же создание эффективных программ социокультурной адаптации.

Список литературы:

[1] Жеребцов А.Н. Миграционно-правовые режимы: понятие и виды//Современное право. 2008. №1. С. 79-81.

[2] Юсупов А.В. Российское административное право: Курс лекций.-Волгоград. 2006. С. 172-173.

References:

[1] Zherebtsov A.N. Migration and legal regimes: concept and types//Modern law. 2008. №1. S. 79-81.

[2] Yusupov A.V. Russian administrative law: Course of lectures. - Volgograd 2006. S. 172-173.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-378-384

ПАНОВ Иван Ильич,
Студент 1-го курса магистратуры,
Юридический факультет Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: panov.ii@mail.ru

Научный руководитель:
БЕЛОУСОВ Андрей Леонидович,
К.э.н., доцент, Кафедры правового регулирования
экономической деятельности Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: albelousov@fa.ru

НЕСОВЕРШЕНСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА ОСАГО

Аннотация. *Статья посвящена актуальным проблемам правового регулирования и правоприменительной практики в сфере обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО) в Российской Федерации. Несмотря на длительную историю существования, институт ОСАГО продолжает сталкиваться с многочисленными трудностями. На основе анализа статистических данных Финансового уполномоченного и Российского союза автостраховщиков (РСА) выявляются ключевые проблемные зоны: высокий процент судебных споров, связанных с размерами и сроками страховых выплат; деятельность «автоюристов», распространенность управления ТС без полиса ОСАГО и недостаточная эффективность противодействия страховому мошенничеству. В настоящей работе уделяется внимание критике существующего механизма возмещения вреда, при котором потерпевший, получивший материальный ущерб от виновника без полиса, вынужден взыскивать компенсацию самостоятельно. Автор предлагает комплекс законодательных мер для решения этих проблем, включая расширение механизма прямых выплат от РСА на случаи материального ущерба, ужесточение ответственности за отсутствие полиса, ограничение объема прав, передаваемых по цессии, и делегирование страховщикам и полиции полномочий по предварительному определению степени вины участников ДТП. Цифровизация рассматривается как перспективный, но еще не в полной мере реализованный инструмент для повышения эффективности системы.*

Ключевые слова: *ОСАГО, страховое возмещение, финансовый уполномоченный, Российский союз автостраховщиков (РСА), страховое мошенничество, автоюристы, цессия, прямой возмещение вреда, административная ответственность, цифровизация страхования.*

PANOV Ivan Ilyich,
1st year master's student, Faculty of Law,
Financial University under the Government
of the Russian Federation

Scientific supervisor:
BELOUSOV Andrey Leonidovich,
Ph.D., Associate Professor,
Department of Legal Regulation
of Economic Activity, Financial University
under the Government of the Russian Federation

IMPERFECTIONS AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION OF THE COMPULSORY THIRD PARTY INSURANCE (CTP INSURANCE) CONTRACT

Annotation. *The article examines current issues in the legal regulation and enforcement practices of compulsory third-party liability insurance for vehicle owners (OSAGO) in the Russian Federation. Despite its long history, the OSAGO system continues to face numerous challenges. Based on the analysis of statistical data from the Financial Ombudsman and the Russian Union of Auto Insurers (RUA), key problem areas are identified: a high percentage of legal disputes related to the amount and timing of insurance payments; the activities of "auto lawyers" who abuse the assignment of claims; the prevalence of driving without an OSAGO policy; and insufficient effectiveness in combating insurance fraud. Particular attention is paid to criticizing the existing compensation mechanism, where a victim who suffers property damage from an uninsured at-fault party is forced to seek compensation on their own. The author proposes a set of legislative measures to address these issues, including expanding the RUA's direct compensation mechanism to cover property damage cases, strengthening liability for the absence of a policy, limiting the scope of rights transferable via assignment, and delegating to insurers and the police the authority to preliminarily determine the degree of fault of accident participants. Digitalization is considered a promising but not yet fully realized tool for improving the system's efficiency.*

Key words: *OSAGO, insurance compensation, Financial Ombudsman, Russian Union of Auto Insurers (RUA), insurance fraud, auto lawyers, cession, direct compensation, administrative liability, insurance digitalization.*

Договор обязательного страхования автогражданской ответственности (Далее ОСАГО, договор ОСАГО) не может не быть актуальной темой, поскольку его заключение обязательно для всех автовладельцев. Несмотря на то, что основной нормативно-правовой акт - Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» в области данного вида страхования существует более 20 лет, при его правоприменении продолжают возникать проблемы.

Между тем, на взгляд автора, нельзя сказать о высокой степень научной разработанности данной темы. Несмотря на то, что существует достаточное число учебных пособий по страховому праву, как правило, отдельные вопросы не так популярны в качестве темы для написания научных статей, диссертаций или монографий. Большинство авторов научных публикаций по тематике ОСАГО, имеют специфичный круг научных интересов, и, соответственно другие их работы также посвящены страхованию и (или) дорожному движению. Тема изменений в регулировании ОСАГО представляет интерес в первую очередь для узкого круга специалистов страхового рынка. Эти вопросы носят скорее прикладной, нежели фундаментальный научный характер, и их обсуждение редко выходит за рамки профессионального сообщества. В то время как для широкой научной общественности подобные нормативные изменения обычно остаются на периферии внимания, они имеют существенное значение для большого круга лиц, так или иначе связанных с участием в дорожном движении.

В подтверждение тезиса о наличии недостатков в правовом регулировании договора ОСАГО можно привести статистические данные.

В качестве источника таких данных автором был взят отчет о деятельности уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг (Далее – финансовый уполномоченный). Так, согласно отчету за 2024 год [1], обращений к финансовому омбудсмену по вопросам, связанным со страхованием, составило почти 87 % из числа всех обращений, среди которых на ОСАГО приходилось 74 %. Основными категориями, по которым обращаются заявители, является - несогласие с размером страхового возмещения; нарушение срока осуществления страхового возмещения, возврата страховой премии и (или) компенсации иных расходов; отказ в осуществлении страхового возмещения и (или) компенсации иных расходов. В части показателя по проценту обращений данные из года в год остаются приблизительно на одном уровне, что свидетельствует о том, что такое положение дел стабильно и не связано с какими-либо изменениями.

В качестве второго источника, подтверждающего вышеуказанный тезис можно привести отчет Российского союза автостраховщиков за 2024 год (Далее – РСА) [2], являющегося профессиональным объединением организаций, занимающихся автострахованием. Согласно отчету, доля выплат, которые были назначены судом, составляет 5% от общего числа выплат. С одной стороны, это может показаться большим число, по сути, каждая 20-я выплата происходит с участием суда, особенно учитывая наличие в современной системе финансового уполномоченного. С другой стороны, данный показатель снижается – еще в 2017–2019 годах данный показатель был около 18%, то есть почти каждая 6-я выплата происходила только после обращения в суд.

По мнению Российского союза автостраховщиков, такое положение дел обусловлено не

столько некачественным урегулированием страховщиками страховых случаев, сколько деятельностью лиц, которые покупают права требования к страховщику и, минуя страховую организацию, обращаются за возмещением в суд. При этом иные расходы, не относящиеся к выплате по договору ОСАГО, которые возмещает страховая организация в случае проигрыша в суде вдвое больше.

Общая сумма произведенных страховых выплат в 2024 году составила 202 миллиарда рублей, тогда как сумма собранных страховых премий – 333 миллиарда рублей. Исходя из чего, можно сделать вывод о том, что страховые организации не уходят в убыток от оказываемых ими услуг по договору ОСАГО. При этом средняя сумма выплаты составляет 99 тысяч рублей.

На наш взгляд, одной из основополагающих проблем, фиксируемой РСА является наличие статистического показателя, согласно которому 8% случаев дорожно-транспортных происшествий (Далее – ДТП) происходили с участием водителей, не имеющих полиса ОСАГО. В некоторых регионах число таких лиц, по статистике предоставляемой РСА составляет 75%.

Такое положение дел нельзя назвать благоприятным, ведь в случае отсутствия у причинителя вреда страхового полиса, вред потерпевшему придется взыскивать с причинителя вреда самостоятельно. При этом, если в случае причинения вреда жизни и здоровью предусмотрен механизм возмещения ущерба РСА, который впоследствии взыскивает сумму ущерба с причинителя вреда, то в случае с материальным ущербом, потерпевшему придется взыскивать возмещение ущерба с виновника ДТП самостоятельно. На наш взгляд, такое положение дел противоречит всем принципам, закрепленным в ст. 3 ФЗ «Об ОСАГО», а особенно принципу гарантированности возмещения вреда. В то же время законодательство других государств предполагает, что при заключении договора обязательного страхования страховщик в любом случае выплатит компенсацию потерпевшему, а потом взыщет в порядке регресса с причинителя вреда.

Получается, что в текущем законодательстве, посвященному договору ОСАГО отсутствуют эффективные механизмы защиты лица, которое действовало добросовестно, застраховав свою гражданскую ответственность.

В целях решения данной проблемы можно принять следующие меры:

1. Распространить механизм, по которому страховщик выплачивает страховое возмещение лицу, жизни и здоровью которого причинен вред, на страховые возмещения и для лиц, которым причинен только материальный ущерб. В Государственную Думу РФ уже вносился подобный законопроект № 831298–8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [3], но был отклонен профильным комитетом без указания причин;
2. Ужесточить ответственность за управление транспортным средством без полиса ОСАГО. В настоящий момент отечественное административное законодательство уже имеет подобный механизм, закрепленный в ст. 12.37 КоАП РФ и предусматривающий ответственность от 800 рублей за первое нарушение и от 3000 до 5000 рублей – за повторное. Согласно годовому отчету РСА за 2024 год средняя страховая премия, уплачиваемая страхователями по договору ОСАГО составляет 7 616 рублей. Соответственно, на наш взгляд, было бы логичным привести размер штрафа в соответствие со средним размером страховой премии, дабы у лиц, управляющих транспортным средством, не возникало желания определенным образом сэкономить на приобретении полиса ОСАГО.

Так, пожалуй, самой очевидной тенденцией последних лет не только в страховании, но и в других отраслях рынка финансовых услуг является массовая цифровизация. Соответственно, не обошел данный тренд стороной и страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

Появилась возможность заключения договора ОСАГО в электронном формате согласно п. 1.1. Положения ЦБ РФ №431-П. Более того цифровые процессы проявляются и в иных аспектах страхования ОСАГО, например при урегулировании убытков возможно взаимодействие страховщика со страхователем или потерпевшим посредством электронного обмена информацией. Составление европротокола также возможно с помощью портала «Госуслуг», что не только упрощает взаимодействие лиц в рамках правоотношений по поводу ДТП, но и помогает выявить ошибки на этапе оформления.

Также в Закон РФ от 27.11.1992 № 4015–1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» были внесены поправки о введение специальной базы, где содержится информация о страхователе, объекте страхования, страховых выплатах и т. д., - Автоматизированная информационная система (Далее – АИС).

На основе данной системы можно было бы внедрить механизм привлечения к административной ответственности по ст. 12.37 КоАП РФ посредством фиксации правонарушения комплексами -фото и -видео фиксации. Вопрос вве-

дения такого механизма неоднократно упоминается в научной литературе [4], а также рассматривается государством, но внедрение в действие постоянно переносится.

Другой проблемой, которая могла бы быть минимизирована с помощью АИС, является страховое мошенничество. Для данного вида преступления в УК РФ предусмотрена специальная статья – 159.5. РСА, было выявлено около 5 000 убытков, в которых усматриваются признаки мошенничества. Было возбуждено 9 уголовных дела, по 5 из которых расследование завершено. В сравнении с отчетом за 2023 число выявленных РСА случае с признаками мошенничества кратко выросло. При этом показатели раскрываемости остались те же. Данный показатель выглядит крайне низким. Такое положение можно объяснить тем, что одной из черт характерных, по мнению В.Ф. Бадюкова и М.Ю. Дендиберя, [5] для данного вида преступления является наличие в составе преступной группы участников, которые являются сотрудниками ГИБДД, страховых и оценочных организаций, автосервисов и т. д. В качестве примера такого преступления можно привести Приговор от 16 августа 2024 г. по делу № 1–45/2020 [6], в котором преступники инсценировали около 50 ДТП, а в их структуру входили юристы, эксперты, аварийные комиссары и сотрудники по приему и первоначальной обработке документации, осуществляющие ежедневную законную коммерческую деятельность по оказанию услуг в сфере автострахования для граждан и юридических лиц.

Так, по данным, указанным в научной работе В.Д. Ларичева и Д.А. Панина [7] основными способами, которыми пользуются мошенники, являются: инсценирование ДТП, как правило, происходящее с участием в сговоре с сотрудниками полиции или сотрудниками сервисных центров; завышение стоимости ремонта и деталей, как правило, подобные преступления совершаются в сговоре с сотрудниками экспертных организаций или автосервисов; страхование автомобиля в нескольких страховых организациях, чтобы в дальнейшем получить выплату из нескольких организаций; фишинговые сайты.

И, хотя, в списке сведений, вносимых в АИС и закрепленных в ч. 1 ст. 33.11 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» есть сведения о страховых случаях и объекте страхования, тем не менее их содержание не указано конкретно. Поскольку, если бы можно было проследить историю страховых выплат конкретным лицам или по конкретному автомобилю, то мошенничество было бы практически невозможно. Однако, если исходить из количества фиксируемых РСА страховых выплат с признаками мошенничества, то наиболее вероятно, что такие данные в АИС отсутствуют. На наш взгляд, АИС следует расширить перечень включаемых в нее данных путем добавления полной страховой истории конкретного автомобиля и страхователей.

Также страховое мошенничество можно было бы минимизировать с помощью применения технологии блокчейна в страховании. Данная технология представляет из себя некоторую защищённую базу данных, где информация хранится в виде цепочки блоков, каждый из которых надёжно связан с предыдущим, обеспечивая прозрачность, неизменность записей и работу без центрального управляющего органа. При ее использовании полисы будут находиться в электронном виде, а страхователь сможет узнавать статус оформленного полиса, благодаря прозрачности и неизменяемости данных, используемых в блокчейне [8].

Еще одной проблемой для гражданского оборота в сфере автострахования является деятельность так называемых автоюристов. Деятельность, которых будучи пограничной между законной и уголовно наказуемой, заключается в покупке у пострадавших права требования возмещения ущерба в результате ДТП. Для этого данные лица прибегают к методам внушения пострадавшему, что самостоятельно он не получит никаких выплат, а иногда такие лица даже маскируются под сотрудников гос. органов или страховой организации, тем самым, вводя в заблуждение и вынуждая заключить договор цессии пострадавшее лицо.

Такому положению дел можно найти подтверждения в большом количестве научных статей. Так, Рейзер И. [9] характеризует деятельность автоюристов следующим образом: «Одно из наиболее распространенных направлений деятельности автоюристов - выкуп у попавшего в дорожно-транспортное происшествие собственника транспортного средства права требования по страховке. После выкупа автоюристы обращаются в суд и получают компенсации».

Впоследствии данные лица различными методами пытаются взыскать как можно больше денежных средств со страховщика, включая необоснованно завышенные расходы на ремонт и экспертизу, неустойку и штрафы.

Между тем передача права требования по договору ОСАГО законодательством не запрещена. В соответствии с ч. 15 - 16.1, 21 ст. 12, ч. 3 ст. 16.1 ФЗ «Об ОСАГО»; п. 6 ст. 13 Закона «О защите прав потребителей»; п. п. 67, 68 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 31 [10] допускается передача права требования по следующим основаниям:

– право на получение страхового возмещения или компенсационной выплаты в счет воз-

мещения вреда, причиненного имуществу потерпевшего (в частности, на возмещение стоимости восстановительного ремонта транспортного средства и возмещение утраты товарной стоимости);
- право на получение направления на ремонт транспортного средства с указанием станции технического обслуживания, на которой будет отремонтировано транспортного средства потерпевшего и которой страховщик оплатит восстановительный ремонт;
- получение неустойки и финансовой санкции от страховщика при несоблюдении срока осуществления страхового возмещения или срока направления потерпевшему мотивированного отказа в страховом возмещении;
- присужденные судом суммы компенсации морального вреда;
- присужденные судом суммы штрафа за неисполнение в добровольном порядке требований потерпевшего - в размере 50% от суммы, присужденной судом в пользу потерпевшего.

И хотя законодательство содержит ограничения на передачу прав по требованиям о моральном вреде, причинении вреда жизни и здоровью, право требования штрафа в размере 50% от суммы, причитающейся лицу, чье право было нарушено это не отменяет возможности продолжения функционирования организаций, занимающихся подобной деятельностью.

На наш взгляд, передачу права требования по данному основанию следует ограничить и оставить возможным передачу права требования только в части получения суммы страхового возмещения. На взгляд автора, это поможет снизить активность лиц, занимающихся подобной деятельностью.

Отдельную роль при формировании позиции правоприменительных органов играет практика ВС РФ. В Постановлениях Пленума ВС РФ зачастую фигурирует позиция, которую во многом можно назвать «пропотребительской».

К такому подходу можно отнести следующие позиции, упоминаемые в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ (Далее – ППВС):
- реальный ущерб при ДТП включает в том числе и утрату товарной стоимости, то есть снижение рыночной стоимости поврежденного транспортного средства (ППВС от 08.11.2022 N 31);
- для выплаты потребителю, чьи права были нарушены страховой организацией, компенсации морального вреда достаточно факта, подтверждающего, что имели место быть такие нарушения (ППВС от 28.06.2012 N 17 [11]);
- суды должны взыскивать в пользу потребителя штраф при неудовлетворении законных претензионных требований потребителя даже если сам потребитель не предъявлял таких требований. (ППВС от 28.06.2012 N 17);
- если в претензионной порядке страховщиком было выплачено страховое возмещение или доплата к страховому возмещению, то это не освобождает страховую организацию от законной неустойки ответственности за нарушение установленных законом сроков выплаты страхового возмещения и не исключает применения гражданско-правовой санкции в виде законной неустойки (п. 9 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 (2020), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.07.2020) [12];

В качестве другой интересной позиции суда, в которой страховщика ставят в обременительное положение, можно привести определение, в котором суд в ситуации, когда у страховой организации были украдены бланки страховых полисов, все равно обязал страховую организацию выплатить страховое возмещение. Единственное исключение из такой ситуации Московский городской суд видит в том, что страховщик, страховой брокер или страховой агент обратился в уполномоченные органы с заявлением о хищении бланков [13]. Безусловно любая организация должна вести документооборот и отслеживать подобные риски, но тем не менее такие ситуации возможны, и в страховой компании могут не быть осведомлены о подобном происшествии ввиду крупного оборота.

Зачастую, если страхователь или потерпевший предоставил неполный пакет документов, то суды не считают это «безусловным основанием для отказа в страховом возмещении».

На наш взгляд, такие позиции судебных инстанций нельзя назвать в полной мере отвечающими принципу справедливости. По сути, суды толкуют норму права, закрепленную в ч. 2 ст. 11.1 ФЗ «Об ОСАГО» в пользу потребителя, который действительно нарушил требования закона о порядке получения возмещения при оформлении ДТП без сотрудников полиции. Безусловно предполагается, что потребитель – слабая сторона спора, а договор ОСАГО является обязательным для заключения, соответственно защита потребителя в приоритете. Но в ранее описанном случае, на наш взгляд, это является излишним.

С другой стороны, трудно отрицать доводы, неоднократно приводимые Верховным судом о том, что ненаправление или ненадлежащее направление документов, которые оформляются по итогам ДТП без сопровождения сотрудниками полиции, в некоторых ситуациях не нарушают права страховщика. Как правило, такие решения характерны только для Верховного суда, который

разобравшись в ситуации и учев все предоставленные доказательства приходит к выводу, что страховой случай имел место быть.

Схожая ситуация содержится и в Определении N 71-КГ22-2-К3 или N 5-КГ21-115-К2 [14,15], где суды встали на сторону страхователя, аргументировав это тем, что страховщик не доказал нарушения своих интересов.

Применяя подобную позицию, суды также могут склоняться к тому, что бланк европротокола направил другой участник ДТП и не представил полноценных доказательств, подтверждающих, что такое ненаправление повлекло для него ущерб, соответственно страховой организации может быть достаточно и одного бланка. Также суды обращают внимание на то, что участники ДТП могут быть застрахованы в одной и той же страховой организации, что также, по мнению судов, подтверждает их позицию. Подобная позиция содержится, например в Определении Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25.02.2020 г. № 88-4155/2020 или по делу N 88–11094/2020 [16,17].

Подобные решения судов имеют место быть из года в год. Такое положение дел повышает нагрузку на судебную систему. В связи с чем, на наш взгляд, необходимо внесение изменений в ст. 12 ФЗ «Об ОСАГО», посвященную получению страхового возмещения.

Иная проблема, которая также является причиной для повышения нагрузки на суды, состоит в том, что согласно ч. 22 ст. 12 ФЗ «Об ОСАГО» в случае, если в ДТП несколько лиц, чьи действия послужили причиной для возникновения ДТП, то страховая организация возмещает вред в процентном соотношении вины, установленной судом. На наш взгляд, отнесение такого вопроса к исключительно судебной компетенции неправильно. Соответственно, можно было бы возложить полномочие на страховые организации и (или) сотрудников полиции определять степень вины. Соответственно, если участники ДТП были бы не согласны с таким распределением, то могли бы обратиться за защитой своих прав в суд. В иной ситуации получается, что любое подобное ДТП автоматически становится причиной для обращения в суд и несения дополнительных расходов на привлечение экспертных организаций, поскольку при разрешении подобных дел нужны специальные познания.

Таким образом, несмотря на более чем двадцатилетнюю историю существования института ОСАГО в Российской Федерации, его правовое регулирование остается несовершенным и порождает практические проблемы.

Основными из них являются: отсутствие эффективных механизмов защиты потерпевших в случае причинения вреда лицом без полиса ОСАГО; большое количество судебных споров, которые имеют схожие исковые требования; деятельность автоюристов, злоупотребляющих своими правами; а также сохраняющиеся пробелы в противодействии страховому мошенничеству.

В этой связи назрела объективная необходимость в законодательном решении указанных проблем. Наиболее перспективными представляются следующие меры: распространение механизма прямого возмещения вреда со стороны РСА на случаи материального ущерба от виновника ДТП без полиса ОСАГО; ужесточение административной ответственности за управление транспортным средством без ОСАГО; расширение применения цифровых механизмов в страховании; ограничение объема прав, подлежащих передаче по цессии; а также делегирование страховым организациям и полиции полномочий по предварительному определению степени вины участников ДТП. Реализация этих предложений будет способствовать повышению сбалансированности и эффективности всей системы обязательного страхования автогражданской ответственности.

Список литературы:

[1] Отчет о деятельности финансового уполномоченного за 2024 год // Официальный сайт финансового уполномоченного. URL: https://finombudsman.ru/ (дата обращения: 10.12.2025).

[2] Годовой отчет РСА за 2024 г. // Российский союз автостраховщиков. URL: https://autoins.ru/ (дата обращения: 13.12.2025).

[3] Законопроект № 831298–8 «О внесении изменений в Федеральный закон ‘Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств’»* // Официальный сайт Государственной Думы РФ. Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/ (дата обращения: 01.05.2025).

[4] Ковалевский С. М., Тимофеева Н. Н., Плотников А. В., Шманцарь А.А. Актуальные вопросы страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО) // Закон. 2024. №1.

[5] Бадюков В.Ф., Дендиберя М.Ю. О проблемах противодействия страховому мошенничеству // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2017. Т.5, №3.

[6] Приговор Центрального районного суда г. Волгограда от 16.08.2024 по делу №1–45/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 01.12.2025).

[7] Ларичев В. Д., Панин Д. А. Способы совершения отдельных видов преступлений, совершаемых в сфере обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО), и некоторые проблемы при их выявлении // Транспортное право. 2020. №4.

[8] Белоусов А. Л., Шустров А. А. Возможности применения технологии блокчейн в сфере страхования // Финансы и кредит. 2019. №1 (781).

[9] Рейзер И. Натуральное возмещение ОСАГО. Проблемы и риски нового Закона // ЭЖ-Юрист. 2017. №15.

[10] О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 N 31 // «Российская газета». 2022. № 261.

[11] О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 // Российская газета. – 2012. – № 156. – 11 июля.

[12] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации №2 (2020) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.12.2025).

[13] Апелляционное определение Московского городского суда от 12.08.2024 №33–36158/2024 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.12.2025).

[14] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15.03.2022 №71-КГ22-2-К3 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.12.2025).

[15] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.11.2021 №5-КГ21-115-К2 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.12.2025).

[16] Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 15.05.2020 по делу №88–11094/2020 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.12.2025).

[17] Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25.02.2020 №88–4155/2020 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.12.2025).

References:

[1] Report on the activities of the financial commissioner for 2024//Official website of the financial commissioner. URL: https://finombudsman.ru/ (access date: 10.12.2025).

[2] PCA Annual Report 2024//Russian Union of Auto Insurers. URL: https://autoins.ru/ (access date: 13.12.2025).

[3] Bill No. 831298-8 “On Amendments to the Federal Law ‘On Compulsory Insurance of Civil Liability of Vehicle Owners’” *//Official website of the State Duma of the Russian Federation. Legislative support system. URL: https://sozd.duma.gov.ru/ (access date: 01.05.2025).

[4] Kovalevsky S.M., Timofeeva N.N., Plotnikov A.V., Shmantsar A.A. Actual issues of civil liability insurance of vehicle owners (OSAGO)//Law. 2024. №1.

[5] Badyukov V.F., Dendiberya M.Yu. On the problems of countering insurance fraud//Electronic scientific journal “Science. Society. State.” 2017. T.5, No. 3.

[6] Verdict of the Central District Court of Volgograd of 16.08.2024 in case No. 1-45/2020//Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/ (access date: 01.12.2025).

[7] Larichev V. D., Panin D. A. Methods of committing certain types of crimes committed in the field of compulsory civil liability insurance of vehicle owners (OSAGO), and some problems in identifying them//Transport law. 2020. №4.

[8] Belousov A. L., Shustrov A. A. Opportunities for the use of blockchain technology in the field of insurance//Finance and credit. 2019. №1 (781).

[9] Reiser I. In-kind compensation of OSAGO. Problems and risks of the new Law//EZh-Lawyer. 2017. №15.

[10] On the application by the courts of legislation on compulsory insurance of civil liability of vehicle owners: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 08.11.2022 No. 31//” Rossiyskaya Gazeta. “ 2022. № 261.

[11] On the consideration by the courts of civil cases on consumer protection disputes: Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.06.2012 No. 17//Rossiyskaya Gazeta. – 2012. – № 156. - July 11.

[12] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2020)//SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/ (access date: 01.12.2025).

[13] Appellate ruling of the Moscow City Court of 12.08.2024 No. 33-36158/2024//SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/ (access date: 01.12.2025).

[14] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.03.2022 No. 71-KG22-2-K3//SPS Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/ (access date: 01.12.2025).

[15] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.11.2021 No. 5-KG21-115-K2//SPS Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/ (access date: 01.12.2025).

[16] Determination of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction by the 15.05.2020 in case No. 88-11094/2020//SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/ (access date: 01.12.2025).

[17] Determination of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction dated 25.02.2020 No. 88-4155/2020//SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/ (access date: 01.12.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-385-388

ТВЕРДОВА Татьяна Викторовна,
доцент кафедры гражданского права и процесса
АНОВО «Московский международный университет»,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса,
руководитель правового комитета Ассоциации
«Российский Союз аудиторов»,
e-mail: mail@law-books.ru

О ПРОБЛЕМАХ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЦ ПРИ ЗАТРУДНЕНИИ ВОЗВРАТА ИМИ МИКРОЗАЙМОВ

Аннотация. *В статье анализируется процессуальный порядок рассмотрения судебных дел в порядке приказного производства при взыскании невозвращенных микрозаймов, действия микрофинансовых организаций и коллекторских организаций, негативное воздействие на заемщиков.*

Ключевые слова: *права, защита, возврат, микрофинансовые организации, взыскатель, судебный приказ.*

TVERDOVA Tatiana Viktorovna,
Associate Professor, Department of Civil Law and Process,
ANOVO Moscow International University,
Candidate of Law, Associate Professor,
Department of Civil and Criminal Law and Process,
Head of the Legal Committee of the Association
“Russian Union of Auditors”

ON THE PROBLEMS OF PROTECTING THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF PERSONS WHEN THEY FIND IT DIFFICULT TO RETURN MICROLOANS

Annotation. *The article analyzes the procedural procedure for considering court cases in the order of order proceedings when collecting uncollected microloans, the actions of microfinance organizations and collection organizations, and the negative impact on borrowers.*

Key words: *rights, protection, return, microfinance organizations, recoverer, court order.*

Действующим гражданским процессуальным законодательством предусмотрена возможность ускоренного судебного производства посредством получения судебного приказа, который одновременно является и исполнительным документом. Согласно абзацу третьему статьи 122 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [1] любой взыскатель вправе при сумме долга не более 500 000 рублей на основании простой письменной сделки подать заявление о выдаче судебного приказа. Основная особенность порядка рассмотрения спора по таким сделкам заключается в том, что рассмотрение дела осуществляется судом без вызова сторон. Соответственно, ответчик узнает о наличии исполнительного документа в отношении него уже на стадии исполнительного производства, то есть принудительного взыскания. Верховный Суд РФ обратил внимание на то, что требования, заявляемые в приказном производстве, должны быть бесспорными, подтвержденные письменными доказательствами, достоверность которых не вызывает сомнений, а также признаваемые должником. [2] Несогласие должника должно свидетельствовать из его позиции, направленной суду в письменном виде вместе с обосновывающими документами, в срок до выдачи судебного приказа взыскателю. При этом взыскатель не обязан заблаговременно направлять должнику копию заявления о выдаче приказа, поэтому должнику неизвестны доводы и обосновывающие доказательства. Казалось бы, должник должен иметь информацию о начале приказного производства, исходя из принципа равенства всех перед законом и судом, закрепленную в статье 6 Гражданского процессуаль-

ного кодекса РФ. Однако статьей 128 Кодекса по приказному производству установлен иной порядок извещения – не о поступлении заявления в суд о выдаче судебного приказа и начале приказного производства. Суд направляет должнику копию уже выданного взыскателю судебного приказа, то есть ставит его перед фактом. У должника есть только 10 дней с момента получения копии предоставить суду свои возражения относительно его исполнения. Надлежащее вручение копии приказа определяется по правилам статьи 165.1 Гражданского кодекса РФ [3], согласно которой юридически значимое сообщение, к которым следует отнести и судебный приказ, считается доставленным адресату даже в том случае, если оно фактически не было вручено лицу либо он с ним не ознакомился по обстоятельствам, зависящим от него.

Существуют ли для должника риски с учетом названного процессуального порядка приказного производства? Бесспорно, да! Прежде всего, неполучение копии судебного приказа ввиду длительного отсутствия гражданина-должника по месту его жительства (нахождение в отъезде в связи с отпуском, болезнь, недобросовестность сотрудников почтового отделения и др.) повлечет за собой пропуск 10-дневного процессуального срока для направления суду возражения. Даже при получении приказа должнику надо в течение 10 дней подготовить юридически обоснованные возражения и сформировать подтверждающие их документы, которые могут находиться у третьих лиц, но с которыми оперативный контакт затруднен. Если указанный срок пропущен, то по приказному производству его восстановление в связи с наличием уважительных причин, законом не предусмотрено.

Следует отметить, что такой вид производства, как приказное, возникло гораздо позднее, чем наиболее востребованное исковое. В российском процессуальном законодательстве институт приказного производства появился в 1995 году с внесением изменений в действовавший на тот период Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1964 года[4], Впоследствии эти нормы были воспроизведены в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации 2002 года. [5] Можно предположить, что вводя приказное производство в судебный процесс, законодатель действовал, главным образом, в интересах судов с целью их «разгрузки». Возможно, инициаторы добросовестно предполагали, что такое производство будет полезно и для сторон невыполненного обязательства. Однако вряд ли можно полагать, что в процессе тогдашнего законотворчества были тщательно проанилизированы возможные негативные последствия для должников, не умышленно уклоняющихся от исполнения обязательства, а в силу независящих от них причин, главным образом, в связи с тяжелым семейным, личным, финансовым и иным положением. Если иметь ввиду микрозаемные обязательства, то нельзя игнорировать, прежде всего, особенность их субъектного состава. Заемщики, как правило, - это граждане либо субъекты малого бизнеса, у которых появилась потребность в небольших денежных суммах и уверенных, что смогут их вернуть вовремя. Займодавцы – это юридические лица, представляющие собой специальный вид небанковских финансовых организаций, обладающих правом выдачи займов физическим и юридическим лицам. Их деятельность регулируется Федеральным законом «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» от 02.07.2010 N 151-ФЗ [6] В Закон включены некоторые условия, которые, думается, не очень понятны заемщику, не пользующимся услугами юриста. В частности, по смыслу статьи 12.2 микрофинансовая организация вправе изменять процентную ставку по договору в период его действия не только в сторону уменьшения, но и в сторону увеличения и обновлять график платежей по возврату займа. Если заемщик, получив соответствующее уведомление от займодавца, не согласен не с изменением срока возврата, то он вправе направить займодавцу в течение 3х месяцев требование об изменении условий договора, но только в том случае, если это предусмотрено договором. Скорее всего, такого условия в договоре не будет, следовательно, заемщик бессилен перед займодавцем при повышении процентов по займу и сокращении срока возврата.

При просрочке возврата заемных средств микрофинансовая организация, как любой субъект гражданского права, может прибегнуть к цессии в порядке статьи 382 Гражданского кодекса РФ, то есть передать свое право требования другому субъекту, что активно и применяется путем привлечения коллекторских организаций путем уступки им требования. Понятие и правовой статус коллекторской организации определяется Федеральном законе от 03.07.2016 N 230-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» как юридическое лицо, осуществляющее деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности, включенное в государственный реестр. Статья 4 Закона содержит весьма обширный перечень сособов по взаимодействию коллекторов с должниками, по сути, предоставляя им неограниченные возможности

любого воздействия на них, конечно, не прибегая к уголовно наказуеым действиям. [7] Действуя, как бы законно, сотрудники коллекторов завладевают контактной информацией должника для предъявления требований уплатить не только основной долг, но и проценты за просрочку его уплаты. Как правило, стиль их общения отнюдь не свидетельствует о намерении долго ждать. Требования уплаты формулируются с намеком на неблагоприятные последствия для должника при дальнейшем уклонении, что нередко способствует появлению у человека отрицательных эмоций, а проще говоря, страха. И Закон, и процессуальные нормы, по сути, узаконили то, что в 90-е годы в народе определялось как «выбивание долгов».

Нельзя не признать то, что в настоящее время применительно к затронутой проблеме сложилось несоответствие правового регулирования существующим общественным отношениям, что требует скорейшего правового переосмысления. Положительным началом этого явилось то, что вопрос возврата микрозаймов стал предметом внимания Комитета Государственной Думы с внесением на ее рассмотрение законопроекта, запрещающего микрофинасовым и коллекторским организациям взыскивать задолженности в порядке приказного производства, с учетом того, что коллекторы, как профессиональные взыскатели, практически стали постоянными «партнерами» микрофинасовых организаций и охотно осуществляют принудительное взыскание, не отличаясь добросовестностью в своем поведении, на что обращено внимание в Пояснительной записке к проекту федерального закона № 924218-8 «О внесении изменения в статью 122 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации», ссылаясь на открытые интернет-ресурсы (например, Банки.ру) [8]

Представляется, что приказное производство и в гражданском, и в арбитражном процессе нуждается в коренном изменении. Глава 11 Гражданского процессуального кодекса РФ и глава 29.1 Арбитражного процессуального кодекса РФ должны содержать обновленный перечень дел. К делам приказного производства следует отнести такие, которые одновременно отвечают следующим условиям:

1) подтверждение бесспорности требования письменным соглашением или иным документом, подписанным совместно взыскателем и должником;
2) письменной позиции должника, поясняющей наличие объективных препятствий для удовлетворения им требования взыскателя;
3) предоставление суду документов, соответствующих первым двум условиям, на момент вынесения судом определения об осуществлении приказного производства;
4) доказательства вручения взыскателю и должнику судебного извещения о начале приказного производства.

По мнению автора, нельзя оставлять без изменения и правовой статус коллекторских организаций и сохранять в действующей редакции статью 4 Закона № 230-ФЗ. Следует исключить из нормы личные встречи и телефонные переговоры, непосредственное взаимодействие через автоматизированного интеллектуального агента, поскольку это основные способы негативного воздействия на должника.

Таким образом, есть основание полагать, что правовой механизм приказного производства в части обеспечения судебной защиты названных субъектов нуждается в совершенствование исходя из сложившихся реалий.

Список литературы:

[1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации по состоянию на 2025 год https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

[2] Постановление Пленума Российской Федерации от 27 декабря 2016 года № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» (с изменениями, внесенными Постановлением Пленума от 5 апреля 2022 года № 2 https://www.vsrf.ru/documents/own/8535/?ysclid=mda63cikss142871561

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации по состоянию на 2025 год https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

[4] Гражданский процессуальный кодекс РСФСР https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/16_grazhd_proc_kodeks?ysclid=mda8bkv83f73331897

[5] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации 2022 года http://www.kremlin.ru/acts/bank/18837

[6] Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» от 02.07.2010 N 151-ФЗ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102112/

[7] Федеральный закон от 03.07.2016 N 230-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» https://bankrotconsult.ru/fz-o-kollektorah/

[8] Сайт: https://sozd.duma.gov.ru/search

References:

[1] Civil Procedure Code of the Russian Federation as of 2025 https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

[2] Resolution of the Plenum of the Russian Federation of December 27, 2016 No. 62 “On certain issues of the application by the courts of the provisions of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation on order proceedings” (as amended by Resolution of the Plenum of April 5, 2022 No. 2 https://www.vsrf.ru/documents/own/8535/?ysclid=mda63cikss142871561

[3] Civil Code of the Russian Federation as of 2025 https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

[4] Civil Procedure Code of the RSFSR https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/16_grazhd_proc_kodeks?ysclid=mda8bkv83f73331897

[5] Civil Procedure Code of the Russian Federation 2022 http://www.kremlin.ru/acts/bank/18837

[6] Federal Law “On Microfinance Activities and Microfinance Organizations” of 02.07.2010 N 151-FZ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102112/

[7] Federal Law of 03.07.2016 N 230-FZ (rev. of 13.12.2024) “ On the Protection of the Rights and Legitimate Interests of Individuals in the Implementation of Activities for the Return of Overdue Debts and on Amendments to the Federal Law “On Microfinance Activities and Microfinance Organizations” https://bankrotconsult.ru/fz-o-kollektorah/

[8] Сайт: https://sozd.duma.gov.ru/search

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-389-396

ГОРБУНОВА Ксения Анатольевна,
Магистр 2 курса Юридического факультета
Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации,
e-mail: gorbynya.rambler.ru@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА В ИНТЕРЕСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СИНХРОНИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. *Работа представляет собой результаты сравнительно-правового исследования теоретических основ и практики применения конфискации имущества в Российской Федерации и Республике Беларусь в контексте необходимости синхронизации уголовной политики Союзного государства.*

На основе изучения законодательства и судебной практики двух государств установлены как общие черты, так и различия в основаниях, объёме и процессуальных гарантиях применения конфискации, препятствующие формированию согласованной уголовной политики.

Ключевые слова: *конфискация имущества, специальная конфискация, союзное государство, сближение двух государств.*

GORBUNOVA Ksenia Anatolyevna,
2nd year Master's Degree from the Faculty of Law
University of Financial University under the Government
of the Russian Federation

COMPARATIVE LEGAL STUDY OF THE THEORY AND PRACTICE OF PROPERTY CONFISCATION IN THE INTERESTS OF ENSURING THE SYNCHRONIZATION OF THE CRIMINAL POLICY OF THE UNION STATE

Annotation. *The work presents the results of a comparative legal study of the theoretical foundations and practice of property confiscation in the Russian Federation and the Republic of Belarus in the context of the need to synchronize the criminal policy of the Union State.*

Based on the study of the legislation and judicial practice of the two States, both common features and differences in the grounds, scope and procedural guarantees of the use of confiscation have been identified, which hinder the formation of a coordinated criminal policy.

Key words: *confiscation of property, special confiscation, union state, rapprochement of two states.*

Вот уже более двух десятилетий идет строительство Союзного государства – Российской Федерации и Республики Беларусь. Вне всякого сомнения, «Россия и Беларусь стали первыми странами, которые на основе исторической общности, близости культурных традиций и стремлении народов вместе продвигаться к эффективному и социальному развитию стран, стали первопроходцами интеграционных процессов» [1, с. 20]. Одним из ключевых факторов сближения двух государств является процесс гармонизации законодательства, позволяющий выработать единую практику применения правовых норм на территории Союзного государства.

В настоящее время одним из основных аспектов развития уголовной политики Союзного государства, вызывающих интерес как теоретиков, так и практиков права, является конфискация имущества. Конфискация имущества представляется важным инструментом уголовной

политики, направленным на изъятие незаконно полученных средств и имущества (движимого и недвижимого), и на пресечение преступной деятельности, а также служит инструментом не только борьбы с преступностью, но и восстановления социальной справедливости.

В условиях глобализации и усиления транснациональной преступности вопросы эффективного функционирования правового механизма реализации конфискации имущества становятся особенно актуальными. Союзное государство, объединяющее Россию и Беларусь, стремится к унификации правовых систем, что требует научного обоснования и системного анализа подходов к пониманию конфискации имущества и её места в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь. Различия механизма правового регулирования в России и Белоруссии приводят к необходимости проведения сравнительно-правового анализа, что усиливает и обуславливает актуальность настоящего исследования.

Компаративистское исследование теории и практики применения конфискации имущества в российском и в белорусском законодательстве позволяет выявить как общие черты, так и различия, что, в свою очередь, может служить основой для выработки единых подходов в сфере уголовной политики Союзного государства. Сближение законодательства является на данный момент приоритетным направлением правовой политики союзного строительства, в котором важны слаженная и продуманная работа всех заинтересованных лиц и государственных структур.

Целью настоящего исследования является выработка научно обоснованных предложений по реализации положений Договора о создании Союзного государства на основе проведения сравнительного анализа теории и практики применения конфискации имущества в России и Белоруссии с акцентом на выявление общих и отличительных черт, а также формулировка рекомендаций для повышения синхронизации уголовной политики Союзного государства.

Конфискация имущества как уголовно-правовая мера относится к числу наиболее дискуссионных институтов современного права и традиционно рассматривается в аспекте соотношения целей наказания, принципа справедливости и защиты конституционных прав собственности. В России в Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) в первоначальной редакции конфискация представляла собой «уголовное наказание и определялась как принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного (ст. 52 УК РФ в редакции до 21.11.2003 г.)» [2, с. 120]. С конца 2003 г. данный вид наказания был исключен из УК РФ. Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» [3] пп. 6 ст. 4 конфискация имущества была возвращена в Уголовный кодекс РФ в качестве иной меры уголовно-правового характера.

В настоящее время в Уголовном кодексе РФ конфискация имущества определяется как мера уголовно-правового воздействия, заключающаяся в принудительном безвозмездном изъятии и обращении в собственность государства имущества на основании обвинительного приговора [4]. Основным её назначением является лишение преступника выгоды от совершённого деяния, что усиливает роль этой меры в предупреждении повторного правонарушения. Конфискация нередко применяется в качестве дополнительного наказания, сопровождающего основное и является обязательной для определённых категорий преступлений, таких как коррупционные преступления и правонарушения в сфере экономической деятельности.

По поводу роли конфискации имущества как вида наказания российские ученые высказывают следующие позиции. Как отмечала О.В. Бибикова, «влияние конфискации на общество носит двоякий характер. С одной стороны, общество приветствует конфискацию имущества, полученного преступным путем, как меру борьбы с коррупцией и преступностью. С другой стороны, массовые конфискации могут вызывать социальную напряженность и недовольство, особенно если они затрагивают интересы широких слоев населения» [5, с. 211]. Похожей позиции придерживается И.С. Кузнецова, указывая следующее: «Роль конфискации имущества в вопросе борьбы с коррупцией значительная, ведь в большей части она заключается в наказание виновного за совершение общественно опасных деяниях в коррупционной сфере. Данное наказание лишает коррупционера того, ради чего он пошел на преступление…» [6, с. 398]. Можем на основе данных мнений сделать заключение о том, что роль конфискации в современной уголовно-правовой политике и в целом в уголовном праве очень весомая. Конфискация позволяет вернуть незаконно полученные доходы и имущество от лиц, завладевших ими преступным путём.

В отличие от России в Республике Беларусь конфискация имущества по-прежнему рассма-

тривают как вид наказания, которая может автоматически применяться за более широкий круг преступлений. Важным отличием белорусской модели от российской является институт специальной конфискации, который применяется к имуществу, находящемуся у третьих лиц, если установлено, что они знали о его преступном происхождении.

Законом от 9 января 2019 г. № 171-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» (далее – Закон № 171-З) [7] внесены кардинальные изменения в правовое регулирование конфискации имущества. Со дня вступления в силу этого закона – 19 июля 2019 г. конфискация имущества как вид дополнительного наказания перестала применяться в связи с исключением ее из системы наказаний. Как отмечают исследователи: «Вместо конфискации имущества, предусматривавшийся ранее в десятках статей Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ), будет применяться в качестве обязательного или назначаемого по усмотрению суда дополнительное наказание в виде штрафа, которое включено в санкции подавляющего большинства статей Особенной части УК РБ, содержавших ранее указание на конфискацию имущества» [8, с. 74].

На практике применение конфискации имущества в России и Беларуси в значительной степени зависит от конкретных уголовных дел и обстоятельств, имеющих место в каждом отдельном случае. Проанализируем судебные дела, связанные с конфискацией имущества по российскому законодательству.

В Великолукском городском суде (Псковская область) был вынесен «приговор № 1-322/2024 1-46/2025 от 29 января 2025 г. по делу № 1-322/2024 в отношении обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 264.1 УК РФ. Обвиняемый признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч.3 ст.12.8 КоАП РФ, и ему назначено административное наказание в виде административного ареста на срок 10 (десять) суток. Административное наказание исполнено 08 октября 2024 года. Водительское удостоверение госавтоинспекцией МВД РФ не выдавалось.

В судебном заседании подсудимый свою вину в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264.1 УК РФ признал полностью, в содеянном раскаялся, показал, что 28 сентября 2024 постановлением мирового судьи судебного участка № 33 г. Великие Луки, Псковской области, он был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 12.8 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде административного ареста сроком на 10 суток. Наказание отбыл.

В соответствии с п. «д» ч.1 ст.104.1 УК РФ конфискации, то есть принудительному безвозмездному изъятию и обращению в собственность государства, на основании обвинительного приговора подлежит транспортное средство, принадлежащее обвиняемому и использованное им при совершении преступления, предусмотренного ст.264.1 УК РФ.

Суд приговорил обвиняемого виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 264.1 УК РФ и назначить ему наказание в виде обязательных работ на срок 160 (сто шестьдесят) часов с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, сроком на 2 года. Конфисковать транспортное средство – автомобиль марки «SAAB 9000», использованное обвиняемым при совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.264.1 УК РФ, в доход государства» [9]. В данном деле был конфискован автомобиль, поскольку обвиняемый уже ранее привлекался за вождение в нетрезвом виде, что создавало высокую степень общественной опасности.

В Октябрьском районном суде г. Тамбова Тамбовской области был вынесен «приговор №1-224/2025 от 28 января 2025 г. по делу № 1-224/2025 в отношении обвиняемого в совершении преступления против здоровья населения и общественной нравственности, при следующих обстоятельствах: используя принадлежащий ему мобильный телефон при помощи сети Интернет в мессенджере «Te1egram» связался с неустановленным лицом для приобретения наркотического средства без цели сбыта. Подсудимый в судебном заседании вину признал полностью, от дачи показаний отказался, воспользовавшись ст. 51 Конституции Российской Федерации.

Суд приговорил обвиняемого виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.2 ст.228 УК РФ, назначить ему наказание в виде лишения свободы на срок 3 года. Конфисковать сотовый телефон марки «Redmi», в корпусе черного цвета – хранящийся в камере хранения вещественных доказательств в доход государства на основании п. «г» ч.1 ст.104.1 УК РФ» [10]. В этом деле конфискация мобильного телефона была произведена с целью устранения орудия преступления. Сотовый телефон использовался обвиняемым для связи с целью приобретения наркотических средств, даже без намерения их сбыта. Согласно п. «г» ч. 1 статьи 104.1 УК РФ, имущество, использованное для совершения преступления, подлежит конфискации. Это также служит наказанием и представляет собой меру

противодействия будущим правонарушениям, так как помогает предотвратить дальнейшее использование подобного оборудования для противоправной деятельности. Таким образом, конфискация телефона не только наказывает подсудимого, но и защищает общество от возможного повторения подобных действий.

Проанализируем судебные дела, связанные с конфискацией имущества по белорусскому законодательству (если быть точнее, то со специальной конфискацией).

7 июля 2025 года судом Советского района г. Минска рассмотрено «уголовное дело в отношении ранее судимого С., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч.4 и ч.5 ст.328 УК.

Обвиняемый С., являясь лицом, ранее совершившим преступления против собственности, из корыстных побуждений, действуя в составе организованной группы, осуществляющей незаконную деятельность посредством Интернет-магазина, в период с февраля по июль 2024 года, выполняя принятые на себя обязанности трафаретчика, закладчика и курьера, используя различные средства совершения преступления, в том числе мобильный телефон, нанес на объекты недвижимости, иные строения, расположенные на территории Республики Беларусь, в том числе на территории города Гомеля граффити, осуществив тем самым рекламирование Интернет-магазина и ассортимента реализуемых посредством его наркотических средств и психотропных веществ, причинив своими преступными действиями Гомельскому республиканскому унитарному предприятию электроэнергетики материальный вред.

Кроме того, он незаконно с целью сбыта получил, перевозил, хранил при себе и в тайниках на территории Республики Беларусь, а также осуществил подготовку к употреблению и сбыту приобретателям.

В судебном заседании государственный обвинитель отказался от обвинения С. по ч.5 ст.328 УК, в связи с чем производство по уголовному делу в данной части прекращено в соответствии с п.2 ч.1 ст.29 УПК за отсутствием в деянии состава преступления.

Суд приговорил обвиняемый С. виновным в незаконных с целью сбыта приобретении, хранении, перевозке особо опасных наркотических средств и психотропных веществ в крупном размере, совершенных организованной группой, и на основании ч.4 ст.328 УК ему назначено наказание в виде лишения свободы на срок 12 лет со штрафом в размере 300 базовых величин на сумму 12 600 рублей. В соответствии с ч.1 ст.46.1 УК мобильный телефон, принадлежащий обвиняемому изъят в собственность государства в счет специальной конфискации имущества. С обвиняемого С. взыскан доход, полученный преступным путем, в размере 106 822,82 рубля.» [11].

В данном деле телефон был конфискован с целью специальной конфискации имущества. Это означает, что мобильный телефон, принадлежавший обвиняемому, был изъят в качестве средства, использованного для совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и психотропных веществ. Суд счел, что телефон был инструментом в реализации преступной деятельности, в том числе в организации и координации действий группы преступников, рекламировании запрещённых веществ через граффити и осуществлении контактов с покупателями. Конфискация телефона также направлена на устранение факторов, способствующих продолжению преступной деятельности. Этот случай конфискации схож с российской практикой по цели применения конфискации.

25 июня 2025 года судом Московского района г. Бреста в «выездном судебном заседании в ГУ «Брестский зональный центр гигиены и эпидемиологии» рассмотрено уголовное дело в отношении Н., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 281 УК.

Обвиняемый Н. в мае 2025 года в период нерестового запрета на вылов рыбы и раков, находясь на озере Вычулки в г. Бресте, зайдя в воду, четырьмя ловушками-раколовками незаконно добыл 50 особей раков длиннопалых (узкопалых) и 1 карася серебряного, тем самым причинив вред окружающей среде в крупном размере на общую сумму 9 576 рублей.

Обвиняемый Н. в судебном заседании вину признал полностью, чистосердечно раскаялся, добровольно возместил причиненный ущерб.

Суд приговорил обвиняемого Н. виновным в совершении добычи рыбы и других водных животных в запретные сроки, запрещенными орудиями и запрещенным способом (незаконной добычи рыбы и других водных животных), повлекшую причинение ущерба в крупном размере, и на основании ч. 2 ст. 281 УК ему назначено наказание в виде штрафа в размере 70 базовых величин на сумму 2940 рублей. В соответствии с ч. 1 ст. 46.1 УК применена специальная конфискация в отношении 4 раколовок как орудия совершения преступления» [12]. В данном деле конфискация орудия совершения преступления также вполне логична и не вызывает вопросов.

17 июня 2025 года судом Ошмянского района постановлен приговор «по уголовному делу в отношении З., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 328, ч. 1 ст. 328.1 УК.

Обвиняемый З., являясь гражданином Республики Беларусь и находясь за ее пределами, приобрел для личного потребления вещества растительного происхождения общей массой 0,2894 грамма, содержащие в своем составе марихуану и гашиш.

Продолжая свои преступные действия, обвиняемый 19 марта 2025 года, следуя из Литовской Республики в Республику Беларусь в качестве водителя на принадлежащем ему легковом автомобиле марки «Mersedes-Benz GLK 220», незаконно, храня в кармане своей куртки и сокрыв от таможенного контроля опасные наркотические вещества, переместил их из Литовской Республики в Республику Беларусь через таможенную границу ЕЭС, где в последующем в ходе таможенного контроля указанные вещества были обнаружены и изъяты.

В совершении вышеуказанных действий обвиняемый вину признал в полном объеме.

Суд приговорил обвиняемого З. виновным в незаконном без цели сбыта хранении и перевозке наркотических средств и на основании ч.1 ст.328 УК ему назначено наказание в виде ограничения свободы на срок 3 года. Он же признан виновным в незаконном перемещении через таможенную границу Евразийского экономического союза наркотических средств и на основании ч.1 ст.328.1 УК ему назначено наказание в виде ограничения свободы на срок 4 года без штрафа.

В соответствии с ч.ч.1,2 ст.72 УК по совокупности преступлений путем поглощения менее строгого наказания более строгим окончательно З. назначено наказание в виде ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа на срок 4 года без штрафа.

В соответствии со ст.9 Закона Республики Беларусь «Об амнистии в связи с 80-летием Победы в Великой Отечественной войне» от 06.05.2025 № 70-З обвиняемый частично освобожден от назначенного наказания в виде ограничения свободы сроком на 1 год.

В соответствии со ст.46.1 УК судом применена специальная конфискация и легковой автомобиль марки «Mercedes-Benz GLK 220» конфискован в доход государства как средство совершения преступления». [13]

Цель конфискации автомобиля в данном деле заключалась в реализации меры – специальной конфискации имущества, используемого для совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Автомобиль марки «Mercedes-Benz GLK 220» был использован обвиняемым для перемещения наркотических веществ через таможенную границу, что является нарушением законодательства. Конфискация в данном случае по замыслу белорусских законодателей автомобиля служит нескольким целям: устранение средства, которое использовалось для осуществления преступной деятельности; пресечение возможности дальнейшего совершения аналогичных преступлений в будущем; общая профилактика нарушений закона, подчеркивающая ответственность за участие в незаконном обороте наркотиков.

Изъятие автомобиля направлено на снижение рисков, связанных с преступной деятельностью, и укрепление правопорядка. Тем не менее, эффективность подобной конфискации вызывает некоторые вопросы. В случае, если автомобиль принадлежит третьим лицам, могут возникнуть юридические споры и сложности с возвратом, если его уже успели конфисковать в пользу государства. Обвиняемый может понести значительные убытки, поскольку конфискация имущества лишает его возможности использовать или продавать автомобиль. К примеру, после выхода на свободу, данный гражданин может устроиться на работу в такси или курьерскую службу, заниматься законной деятельностью, используя вой автомобиль как средство заработка. Помимо этого, специальная конфискация может не предотвратить возможное совершение преступления, если злоумышленник найдет другие способы или средства для реализации аналогичных действий в будущем. В этой связи считаем применение подобной меры достаточно спорным.

Анализируя приведенные случаи конфискации имущества в России и Беларуси, можно выделить ряд принципиальных отличий, касающихся как юридических оснований, так и практических подходов.

В российских примерах конфискация направлена на предотвращение дальнейшего использования данного имущества для незаконной деятельности. Судебная практика в России требует четкого связывания имущества с преступлением и также учитывает права третьих лиц.

В противовес этому, белорусское законодательство, демонстрирует более строгие меры по специальной конфискации. В соответствии с ч.1 ст.46.1 УК Беларуси, конфискация имущества происходит независимо от конкретного связывания определенного имущества с преступлением, что представляет собой более широкую практику конфискации. Также в Беларуси применяется специальная конфискация, в результате которой имущество изымается в качестве меры, направленной на восстановление справедливости и наказание за преступления.

Степень конфискации в Беларуси более расплывчатая, поскольку суд имеет право изы-

мать имущество на основании принципов социальных и уголовных последствий без необходимости строгого доказательства связи с преступлением. Это можно видеть на примере изъятия мобильного телефона, который использовался для совершения преступления, но сам факт использования его в рамках организованной группы расширяет основания для конфискации. Более резонансным можно назвать дело с конфискацией автомобиля, который использовался для перевозки запрещённых веществ через границу страны.

В Беларуси сейчас ведётся активная работа по усилению позиций такой меры, как конфискации имущества в системе уголовного права. Практика показывает, что белорусские суды в значительной степени ориентированы на возвращение имущества в государственный бюджет, что может подчеркивать определенную институциональную целесообразность. Тем не менее, следует учитывать, что чрезмерно жёсткое применение конфискации имущества как в обозначенных ранее примерах может привести к негативным последствиям, связанным как с правами собственников, так и с общественным мнением по вопросам уголовной политики в целом.

Соответственно, в российской правовой системе конфискация требует доказательства конкретной связи между преступлением и имуществом, обеспечивая права сторон, тогда как в Беларуси конфискация приобретает более репрессивный характер с акцентом на восстановление социальной справедливости и защиту общественного порядка. Эти различия важны как для правоприменительной практики, так и для обеспечения прав граждан, а также требует от законодателей тщательной проработки законодательных инициатив, направленных на создание более уравновешенной системы применения конфискации в рамках дальнейшего развития законодательства Союзного государства.

Опираясь на анализ судебной практики Российской Федерации и Республики Беларусь, можно сформулировать некоторые предложения, направленных на гармонизацию законодательства Союзного государства в сфере конфискации имущества.

1. Считаю необходимым внести дополнения в ст. 46.1 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З (ред. от 17 февраля 2025 г. № 61-З), представив новый пункт в следующей редакции:

«3. Не подлежит специальной конфискации имущество, если лицо, принявшее имущество или использовавшее его добросовестно, не знало или не могло знать, что оно получено в результате преступных действий.».

Внесение изменений в данную статью позволит защитить интересы тех граждан, которые могут не знать о незаконном происхождении имущества. Одновременно с этим указанная норма будет способствовать формированию у граждан осознания необходимости проверять происхождение имущества. Реализация данной законодательной инициативы позволит справедливо распределить меры ответственности и исключить наказание лиц, не участвовавших в преступной деятельности.

Список литературы:

[1] Куксин И.Н., Мичулис Э.Ф. Развитие уголовной ответственности юридических лиц в условиях формирования союзного государства как сильного государства // Многообразие аспектов социально-экономической и правовой политики. – Тверь : ООО «СФК-офис», 2021. – С. 19-37.

[2] Пропостин А.А. Конфискация имущества: прошлое, настоящее, будущее: монография. – М.: Юрлитинформ, 2011. с.120.

[3] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» (ред. от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ) // Парламентская газета. 2006. № 126-127.

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. ст. 2954.

[5] Бибикова О. В. Исторический аспект обеспечения исполнения приговора в части конфискации имущества в России // Будущее науки - 2025 : сборник научных статей 12-й Международной молодежной научной конференции : в 5 т., Курск, 17–18 апреля 2025 года. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2025. – С. 211.

[6] Кузнецова И. С. Роль конфискации имущества в борьбе с коррупцией // Суверенное государство и его право: актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики в современной России» (к 370-летию со времени принятия Соборного Уложения (1649 года) : сборник трудов XVI Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме. Всероссийская научно- практическая конференция, Кострома, 12–13 декабря 2019 года. Том 2. – Кострома: Костромской государственный университет, 2020. – С. 398.

[7] Закон от 9 января 2019 г. № 171-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» (ред. от 6 января 2021 г. № 93-З) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2021. 2/2813. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=h11900171&ysclid=mdq0a95tv0180375657 (дата обращения: 15.07.2025).

[8] Лукашов А. И., Шевелева С. В., Яковлева Е. О. Правовая регламентация в России и Республике Беларусь конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. №4 (51). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-reglamentatsiya-v-rossii-i-respublike-belarus-konfiskatsii-imuschestva-kak-inoy-mery-ugolovno-pravovogo-haraktera (дата обращения: 15.07.2025).

[9] Приговор Великолукского городского суда Псковской области по делу № 1-322/2024 1-46/2025 от 29 января 2025 г. по делу № 1-322/2024 // Сайт Судебный и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/OQKuzikukkJv/?ysclid=mdq0i1e9nf530845085 (дата обращения: 15.07.2025).

[10] Приговор Октябрьского районного суда г. Тамбова Тамбовской области №1-224/2025 от 28 января 2025 г. по делу № 1-224/2025 // Сайт Судебный и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/NT0LWwfIsbZY/?ysclid=mdq0rb41xx535380701 (дата обращения: 15.07.2025).

[11] Приговор Советского района г. Минска по уголовному делу о незаконном обороте особо опасных наркотических средств и психотропных веществ в крупном размере, совершенных организованной группой // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. URL: https://court.gov.by/ru/minskij/gorodskoj/sud/press_sluzhba/soobscheniya/press_sluzhbi/9166475fe2c24a14.html (дата обращения: 15.07.2025).

[12] Приговор Суда Московского района г. Бреста по уголовному делу о незаконной добыче раков и рыбы, повлекшей причинение ущерба в крупном размере // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. URL: https://court.gov.by/ru/brestskij/oblastnoj/sud/press_sluzhba/soobscheniya/press_sluzhbi/70f8fc531e09437c.html (дата обращения: 15.07.2025).

[13] Приговор Суда Ошмянского района по уголовному делу о незаконном хранении и перемещении через таможенную границу ЕЭС наркотических средств без цели сбыта // Интернет-портал судов общей юрисдикции РБ. URL: https://court.gov.by/ru/grodnenskij/oblastnoj/sud/press_sluzhba/soobscheniya/press_sluzhbi/1ecd35145a5c4fb3.html (дата обращения: 15.07.2025).

References:

[1] Kuksin I.N., Michulis E.F. Development of criminal liability of legal entities in the context of the formation of a union state as a strong state//Diversity of aspects of socio-economic and legal policy. - Tver: LLC “SFK-office,” 2021. - S. 19-37.

[2] Propostin A.A. Confiscation of property: past, present, future: monograph. - M.: Yurlitinform, 2011. c.120.

[3] Federal Law No. 153-FZ of July 27, 2006 “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law “On Ratification of the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism” and the Federal Law “On Countering Terrorism” (ed. December 21, 2021 No. 414-FZ)//Parliamentary newspaper. 2006. № 126-127.

[4] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 24.06.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

[5] Bibikova O. V. The historical aspect of ensuring the execution of a sentence in terms of confiscation of property in Russia//The Future of Science - 2025: collection of scientific articles of the 12th International Youth Scientific Conference: in 5 volumes, Kursk, April 17-18, 2025. - Kursk: University Book CJSC, 2025. - S. 211.

[6] Kuznetsova I. S. The role of property confiscation in the fight against corruption//Sovereign state and its law: current problems of legal science and law enforcement practice in modern Russia” (to the 370th anniversary of the adoption of the Cathedral Code (1649): collection of works of the XVI All-Russian December legal readings in Kostroma. All-Russian Scientific and Practical Conference, Kostroma, December 12-13, 2019. Volume 2. - Kostroma: Kostroma State University, 2020. - S. 398.

[7] Law of January 9, 2019 No. 171-Z “On Amendments and Additions to Certain Codes of the Republic of Belarus” (as amended on January 6, 2021 No. 93-Z)//National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. 2021. 2/2813.URL: https://etalonline.by/document/?regnum=h11900171&ysclid=mdq0a95tv0180375657 (Accessed on: 15.07.2025).

[8] Lukashov A.I., Sheveleva S.V., Yakovleva E.O. Legal regulation in Russia and the Republic of Belarus of confiscation of property as another measure of a criminal law nature//Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. №4 (51). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-reglamentatsiya-v-rossii-i-respublike-be-

larus-konfiskatsii-imuschestva-kak-inoy-mery-ugolovno-pravovogo-haraktera (дата обращения: 15.07.2025).

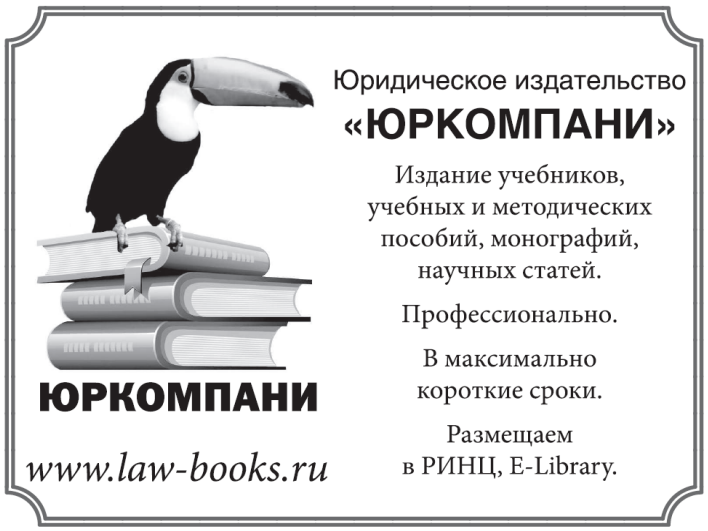
[9] Verdict of the Velikoluksky City Court of the Pskov Region in case No. 1-322/2024 1-46/2025 of January 29, 2025 in case No. 1-322/2024//Website Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/OQKuzikukkJv/?ysclid=mdq0i1e9nf530845085 (access date: 15.07.2025).

[10] Verdict of the Oktyabrsky District Court of Tambov, Tambov Region No. 1-224/2025 of January 28, 2025 in case No. 1-224/2025//Website Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/NT0LWwfIsbZY/?ysclid=mdq0rb41xx535380701 (access date: 15.07.2025).

[11] Sentence of the Sovetsky district of Minsk in a criminal case on the illicit trafficking of especially dangerous narcotic drugs and psychotropic substances on a large scale committed by an organized group//Internet portal of courts of general jurisdiction of the Republic of Belarus. URL: https://court.gov.by/ru/minskij/gorodskoj/sud/press_sluzhba/soobscheniya/press_sluzhbi/9166475fe2c24a14.html (дата обращения: 15.07.2025).

[12] Verdict of the Court of the Moskovsky District of Brest in a criminal case on illegal extraction of crayfish and fish, resulting in large-scale damage// Internet portal of courts of general jurisdiction of the Republic of Belarus. URL: https://court.gov.by/ru/brestskij/oblastnoj/sud/press_sluzhba/soobscheniya/press_sluzhbi/70f8fc531e09437c.html (дата обращения: 15.07.2025).

[13] Verdict of the Oshmyansky District Court in a criminal case on illegal possession and movement of narcotic drugs across the customs border of the EEC without the purpose of marketing//Internet portal of courts of general jurisdiction of the Republic of Belarus. URL: https://court.gov.by/ru/grodnenskij/oblastnoj/sud/press_sluzhba/soobscheniya/press_sluzhbi/1ecd35145a5c4fb3.html (дата обращения: 15.07.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-397-400

ВАГАЙЦЕВ Вячеслав Михайлович,
преподаватель кафедры
конституционного и административного права
Барнаульского юридического института МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: bacha1972@mail.ru

ГАВРИЛОВА Татьяна Валерьевна,
преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Волгодонского филиала Федерального государственного
казенного образовательного учреждения высшего образования
«Ростовский юридический институт МВД России»;
майор полиции,
e-mail: mentoss77.77@mail.ru

РОЛЬ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. *Патрульно-постовая служба полиции (ППСП) занимает центральное место в системе обеспечения общественной безопасности, выполняя функции предупреждения и пресечения административных правонарушений на улицах и в общественных местах. В административно-правовом аспекте деятельность ППСП регулируется Федеральным законом «О полиции» № 3-ФЗ от 07.02.2011, Кодексом об административных правонарушениях РФ (КоАП РФ) и приказами МВД России. Статья анализирует полномочия ППСП по ст. 27.2–27.5 КоАП РФ, включая задержание нарушителей, составление протоколов и обеспечение общественного порядка. Особое внимание уделяется роли службы в профилактике правонарушений, взаимодействию с другими органами и проблемам правоприменения в условиях урбанизации. Исследование подчеркивает необходимость совершенствования нормативной базы для повышения эффективности ППСП.*

Ключевые слова: *патрульно-постовая служба полиции, безопасность, правопорядок, административное правонарушение, полномочия, пресечение*.

VAGAYTSEV Vyacheslav Mikhailovich,
Lecturer at the Department of Constitutional and
Administrative Law of the Barnaul Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Lieutenant Colonel

GAVRILOVA Tatiana Valeryevna,
Lecturer at the Department of General Legal Disciplines
of the Volgodonsk Branch of the Federal State-Funded Educational
Institution of Higher Education "Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia";
Police Major

THE ROLE OF THE PATROL AND GUARD SERVICE IN ENSURING PUBLIC SAFETY: ADMINISTRATIVE AND LEGAL ASPECT

Annotation. *The Police Patrol and Patrol Service (PPSP) occupies a central place in the public safety system, performing the functions of preventing and suppressing administrative offenses on the streets and in public places. In the administrative and legal aspect, the activities of the PSP are regulated by the Federal Law "On Police" No. 3-FZ dated 02/07/2011, the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (Code of Administrative Offenses of the Russian Federation) and orders of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The article analyzes the powers of the CPSP under Articles 27.2–27.5 of the Administrative Code of the Russian Federation, including the detention of violators, the preparation of protocols and ensuring public order. Special attention is paid to the role of the service in crime prevention, interaction with other authorities and law enforcement issues in the context of urbanization. The study highlights the need to improve the regulatory framework to increase the effectiveness of PPMS.*

Key words: *police patrol service, security, law and order, administrative offense, authority, suppression.*

Обеспечение общественной безопасности в условиях современной урбанизации и роста мобильности населения представляет собой одну из ключевых функций правового государства, в котором патрульно-постовая служба полиции (далее – ППСП) играет роль первичного звена территориальной системы охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. ППСП, как институт уличного контроля, эволюционировала от досоветских патрулей до высокомобильных подразделений, оснащенных средствами технической фиксации и средствами принуждения, о чем указано в Федеральном законе от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (ст. 12, 13). В административно-правовом аспекте роль службы определяется нормами главы 27 кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), предоставляющими сотрудникам полиции полномочия по применению мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях,

Актуальность исследования обусловлена динамикой правонарушений в публичных пространствах, что подтверждается данными Министерства внутренних дел Российской Федерации (с 2023–2025 гг., свыше 40% административных правонарушений совершены по статьям 20.1–20.21 КоАП РФ). Данные правонарушения регистрируется на улицах населенных пунктов нашей страны, где ППСП осуществляет важную работу по пресечению и раскрытию мелкого хулиганства, распития алкоголя и нарушения миграционного режима. Следует отметить, что рост урбанистических вызовов – уличные беспорядки, вандализм, угрозы терроризма – усиливает нагрузку на патрульную службу, требуя анализа правовых основ ее деятельности в контексте цифровизации (внедрение электронных протоколов по ФЗ № 236-ФЗ от 29.07.2020) и межведомственного взаимодействия.

Целью нашей статьи является комплексный анализ роли ППСП в обеспечении общественной безопасности через призму административного права с учетом норм КоАП РФ и подзаконных актов МВД России. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: дать характеристику правовых основ деятельности службы; оценить полномочия ППСП по пресечению административных правонарушений; выявить проблемы правоприменения в этой сфере деятельности и внести предложения по совершенствованию нормативной базы, регламентирующей деятельность данной службы полиции. Методологическая основа исследования включает формально-юридический, сравнительно-правовой методы, а также анализ судебной практики. Таким образом, исследование способствует углублению представлений о превентивной функции полиции в системе административного правоприменения.

Правовая основа деятельности ППСП, как специализированного подразделения органов внутренних дел, закреплена в Федеральном законе Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», в котором данная служба наделяется задачами по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, а также непосредственному обеспечению безопасности граждан на улицах, в парках, скверах и иных публичных местах[1]. В свою очередь административно-правовое регулирование деятельности ППСП строится на нормах главы 27 КоАП РФ, которые определяют порядок применения таких мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях как доставление нарушителей в дежурные части (ст. 27.2), административное задержание на срок до 48 часов (ст. 27.3), личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, осмотр принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, досмотр транспортного средства (ст. 27.7–27.9), медицинское освидетельствование на состояние опьянения (ст.и27.12.1)[2]. Указанные полномочия позволяют сотрудникам ППСП оперативно реагировать на типичные уличные нарушения – мелкое хулиганство (ст. 20.1), распитие алкоголя в запрещенных местах (ст. 20.20), появление в пьяном виде (ст. 20.21), составляя превентивное воздействие на общественную безопасность. Также,

организация несения службы строевых подразделений регулируется Приказом МВД России от 28 июня 2021 года № 495 «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России»[3]. В соответствии с приказом МВД РФ от 5 мая 2012 г. № 403 «О полномочиях должностных лиц системы МВД России по составлению протоколов об административных правонарушениях и административному задержанию» сотрудники ППСП правомочны составлять протоколы по статьям 8.42, 10.5.1, части 1-5 статьи 11.1, статьи 11.9, 11.15, 11.17, 13.24, части 2.1, 3 статьи 14.16, статьи 17.7, 17.9, 17.11, 17.12, 18.8, 18.9, 19.3, 19.6, 19.7, 19.15-19.17, 19.24, 20.1-20.3, часть 8 статьи 20.4, статьи 20.5, 20.8, 20.10, 20.12, 20.13, 20.17, 20.18, 20.19-20.22, часть 1 статьи 20.25, статья 20.29. Необходимо отметить эффективность работы ППСП в данном направлении, которая подтверждается официальной статистикой МВД за 2023 год, показывающей, что наряды полиции за отчетный период пресекли более 1,2 млн. административных правонарушений, выявили свыше 60 тыс. преступлений в момент совершения, что свидетельствует о высокой продуктивности работы данного подразделения.

Профилактическая деятельность ППСП включает в себя плановые мероприятия: рейды по выявлению нетрезвых водителей и пешеходов, контроль за мигрантами, охрана объектов массовых скоплений людей во время праздников и спортивных событий, взаимодействие с иными субъектами обеспечения правопорядка (подразделениями Росгвардии, народными дружинами, частными охранными структурами)[4]. Данная профилактическая работа координируется ст. 13 Федерального закона «О полиции», усиливая превентивный эффект и минимизируя дублирование функций. Например, совместные патрулирования в мегаполисах позволяют оперативно реагировать и предупреждать угрозы терроризма, массовых беспорядков и иных противоправных проявлений, нарушающих общественный порядок и безопасность.

Однако правоприменительная практика говорит о ряде проблем административно-правового характера.

Во-первых, недостаточная укомплектованность штатов и высокая текучесть кадров снижают патрульное покрытие территорий, особенно в ночное время.

Во-вторых, пробки на улицах городов ограничивают мобильность автопатрулей ППСП. Данная проблема могла бы быть решена путем внедрения беспилотных средств (дроны, камеры видеонаблюдения).

В-третьих, судебная практика фиксирует случаи превышения должностных полномочий при задержании правонарушителей. Так, по данным Верховного Суда РФ за 2022–2024 гг., около 15% жалоб на ППСП касаются необоснованного применения физической силы и специальных средств или несоблюдения сроков доставления и задержания.

В-четвертых, возникает юридическая неопределенность при квалификации действий по ст. 19.3 КоАП РФ (неповиновение законному распоряжению), где грань между административным и уголовным правонарушением размывается[5].

Хотим отметить необходимость совершенствования административно-правовой базы, регламентирующей деятельность ППСП с целью улучшения качества и оперативности деятельности подразделения. Следует осуществлять цифровизацию служебных процессов, направленную на интеграцию носимых видеорегистраторов с системами «Безопасный город», введрять в практику составление электронных протоколов, позволяющих удаленную передачу административных материалов в суд, осуществлять назначение административного наказания без составления протокола[6]. Важным аспектом совершенствования деятельности ППСП является своевременное повышение квалификации сотрудников строевых подразделений через специализированные курсы по процессуальным аспектам административного права с учетом анализа зарубежного опыта (патрульная полиция США, Великобритании), который показывает эффективность дифференциации полномочий по зонам риска, что может быть адаптировано для России с учетом федеративного устройства. Особая роль возложена на ППСП при чрезвычайных ситуациях (введение локдаунов во время пандемий (2020–2022 гг.), контроль за соблюдением санитарных норм, координация эвакуации при техногенных авариях). Таким образом, административно-правовой статус ППСП эволюционирует, адаптируясь к вызовам урбанизации и цифровизации, обеспечивая баланс между превенцией и защитой прав граждан.

Патрульно-постовая служба полиции представляет собой фундаментальное звено системы обеспечения общественной безопасности, реализуя административно-правовые полномочия по пресечению правонарушений в реальном времени, формируя превентивный барьер против угроз правопорядка[7]. Проведенный анализ показал, что нормы российского законодательства обеспечивают службу необходимым арсеналом мер, позволяющих эффективно противодействовать уличным правонарушениям, составляющим значительную долю административной прак-

тики. Полученные выводы подчеркивают центральную роль ППСП в поддержании безопасности публичных пространств, где оперативность действий напрямую коррелирует с уровнем общественной защищенности. Однако выявленные проблемы правоприменения требуют системных мер совершенствования.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (с изм. на 2024 г.) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112703/ (дата обращения: 17.01.2026).

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с изм. на 2024 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 17.01.2026).

[3] Приказ МВД России от 31.08.2017 № 985 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности патрульно-постовой службы полиции». URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=449140 (дата обращения: 17.01.2026).

[4] Патрульно-постовая служба в системе органов внутренних дел России. 2023. URL: https://www.kcgumvdspb.ru/2023/09/02/patrulno-postovoj-sluzhbe-v-sisteme-organov-vnutrennih-del-rossii-ispolnilos-100-let/ (дата обращения: 17.01.2026).

[5] Вопросы предупреждения правонарушений ППС. 2022. URL: https://s.vaael.ru/pdf/2022/7-1/2315.pdf (дата обращения: 17.01.2026).

[6] Совершенствование деятельности патрульно-постовой службы полиции. 2022. URL: https://vestnik-muiv.ru/upload/iblock/04d/04db414de58dc5f1c66cd4482ddb039f.pdf (дата обращения: 17.01.2026).

[7] Норкина Е. В. Роль патрульно-постовой службы полиции в обеспечении общественной безопасности. 2022. URL: https://c2320.c.3072.ru/pluginfile.php/35296/mod_page/content/2/Норкина.pdf (дата обращения: 17.01.2026).

References:

[1] Federal Law No. 3-FZ dated 07.02.2011 “On the Police” (as amended in 2024) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112703 / (date of application: 17.01.2026).

[2] Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended in 2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661 / (date of access: 17.01.2026).

[3] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 08/31/2017 No. 985 “On approval of the Instructions for organizing the activities of the patrol and patrol police service”. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=449140 (date of application: 17.01.2026).

[4] Patrol and guard service in the system of internal affairs bodies of Russia. 2023. URL: https://www.kcgumvdspb.ru/2023/09/02/patrulno-postovoj-sluzhbe-v-sisteme-organov-vnutrennih-del-rossii-ispolnilos-100-let / (date of access: 17.01.2026).

[5] Issues of prevention of offenses by the Teaching Staff. 2022. URL: https://s.vaael.ru/pdf/2022/7-1/2315.pdf (date of application: 17.01.2026).

[6] Improving the activities of the patrol and patrol police service. 2022. URL: https://vestnik-muiv.ru/upload/iblock/04d/04db414de58dc5f1c66cd4482ddb039f.pdf (date of request: 17.01.2026).

[7] Norkina E. V. The role of the patrol and post police service in ensuring public safety. 2022. URL: https://c2320.c.3072.ru/pluginfile.php/35296/mod_page/content/2/Норкина.pdf (date of request: 17.01.2026).

www.law-books.ru

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-401-406

МЕРКАЗОВА Валентина Анатольевна,
преподаватель кафедры специальных дисциплин
Крымского филиала Краснодарского
университета МВД России,
майор полиции,
e-mail: v.shanko@mail.ru.

ТУРЧИН Владислав Сергеевич,
преподаватель кафедры огневой и
тактико-специальной подготовки
Донецкого филиала Волгоградской
академии МВД России,
старший лейтенант полиции,
e-mail: vladusey.ua@mail.ru.

ЯБЛОНСКИЙ Константин Анатольевич,
старший преподаватель кафедры
огневой и физической подготовки Волгодонского филиала
Ростовского юридического института МВД России,
e-mail: cool.kostya1984@gmail.com.

ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ КОАП РФ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ ПОЛИЦИИ

Аннотация. *В контексте деятельности патрульно-постовой службы полиции особенно острыми становятся проблемы применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, поскольку эта служба ежедневно сталкивается с наиболее типичными административными правонарушениями. Исследуются существующие коллизии правовых норм, явления дублирования и противоречивости в административном законодательстве, а также практические трудности, возникающие при применении многоуровневой системы административно-правовых актов. Особое внимание уделяется вопросам определения приоритета нормативных актов, разграничению компетенций между федеральными и региональными источниками права, и необходимости систематизации административного законодательства.*

Ключевые слова: *КоАП, коллизии, нормы, ППСП, дорожное движение, общественный порядок, правоприменение, органы полиции.*

MERKAZOVA Valentina Anatolyevna,
Lecturer in the Department of Specialized Disciplines
at the Crimean Branch of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Major

TURCHIN Vladislav Sergeevich,
Lecturer in the Department of Firearms and Tactical-Special
Training at the Donetsk Branch of the Volgograd Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Senior Lieutenant

YABLONSKY Konstantin Anatolyevich,
Senior Lecturer in the Department
of Firearms and Physical Training
at the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

LEGAL CONFLICTS IN THE APPLICATION OF THE CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENSES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE ACTIVITIES OF THE POLICE PATROL AND POST SERVICE

Annotation. *In the context of the activities of the patrol police, the application of the Russian Federation Code of Administrative Offenses is particularly pressing, as this service encounters the most common administrative offenses on a daily basis. This article examines existing conflicts of legal norms, overlaps and inconsistencies in administrative legislation, and the practical difficulties arising in applying the multi-level system of administrative legal acts. Particular attention is paid to determining the priority of regulations, the delineation of jurisdiction between federal and regional sources of law, and the need to systematize administrative legislation.*

Key words: *Code of Administrative Offenses, conflicts, regulations, Patrol and Administrative Offenses Regulations, road traffic, public order, law enforcement, police agencies.*

Современная правовая система Российской Федерации характеризуется многослойностью и разнородностью нормативных актов, регулирующих административные правоотношения. КоАП РФ занимает центральное место в системе источников административного права, устанавливая основные принципы, виды и размеры административных наказаний [1]. Вместе с тем на федеральном уровне действует значительное количество специализированных законов, каждый из которых содержит нормы, дополняющие, уточняющие или параллельно регулирующие административные отношения в соответствующих сферах общественной жизни [2]. Такая многоуровневая структура законодательства порождает серьёзные проблемы координации норм, приводит к возникновению коллизий, дублированию правовых установлений и создаёт трудности в правоприменительной практике.

Актуальность исследования определяется необходимостью выявления, анализа и устранения нормативных противоречий, систематизации административного законодательства и обеспечения единообразного применения норм на всей территории Российской Федерации в целях обеспечения общественного порядка, безопасности дорожного движения и эффективной деятельности патрульно-постовой службы полиции.

Феномен многоуровневого и разнородного административного законодательства в России имеет глубокие исторические и организационно-правовые корни. Кодекс об административных правонарушениях, принятый в 2001 году, был призван создать единый федеральный каркас для регулирования ответственности за нарушения администрирования [1]. Однако уже в момент его принятия на территории Российской Федерации действовали десятки специализированных законов, содержащих собственные нормы об административной ответственности: законы о защите прав потребителей, об охране окружающей среды, о безопасности дорожного движения, о таможенном регулировании и многие другие [2].

С течением времени количество таких нормативных актов не снижалось, а напротив, постоянно увеличивалось. Такой процесс обусловлен естественной дифференциацией общественных отношений, развитием новых сфер государственного регулирования и необходимостью оперативного реагирования законодателя на возникающие в обществе проблемы [3].

Анализ современного состояния административного законодательства выявляет несколько типов взаимодействия норм КоАП РФ с федеральными законами. Первый тип характеризуется дополнительным регулированием: специализированный федеральный закон содержит нормы, которые конкретизируют общие положения КоАП РФ, устанавливая специфическую ответственность за нарушения в данной сфере [1]. Второй тип представляет собой параллельное регулирование, при котором и КоАП РФ, и специальный закон содержат сходные или идентичные нормы об ответственности за одно и то же правонарушение, что создаёт возможность двойственного толкования и применения [2]. Третий тип обнаруживается в ситуациях иерархических коллизий, когда нормы специального закона противоречат общим положениям КоАП РФ или устанавливают иные, чем в Кодексе, виды или размеры наказаний [3].

Каждый из этих типов взаимодействия создаёт собственные проблемы для правоприменителя и требует разработки специальных механизмов разрешения. Более того, как справедливо отмечает Шанько В.В., концептуальное осмысление правопонимания, имеющееся на данный момент, не способно оказывать значимое влияние на реальную правовую ситуацию [11]. В этой связи правоведению следует обратить большее внимание на реальную человеческую жизнь, то есть больше ориентироваться на социальные аспекты правопонимания, проводить соответствующие исследования, конечной целью кото-

рых будет являться формирование у правоприменителей и граждан чёткого и адекватного правопонимания [11].

Проблема коллизий норм между КоАП РФ и специализированными федеральными законами приобретает особую остроту в условиях реформирования административного законодательства. Федеральный закон от 3 февраля 2025 года № 1-ФЗ внёс значительные изменения в КоАП РФ, уточнив перечень административных правонарушений, скорректировав размеры штрафов и введя новые составы. Однако эти изменения не были сопровождены всесторонней ревизией специализированного законодательства, что привело к появлению новых несоответствий между общей и специальной частями административного права [4].

Критическому анализу подлежит само качество законотворческого процесса. Стремительное возрастание числа нормативно-правовых актов обусловливает слабую их проработанность. Ситуация ежемесячного (в среднем) внесения поправок в принимаемые правовые акты сегодня весьма привычна. Многочисленные изменения и дополнения, так называемые «усовершенствования», похожи на действия «вслепую», наугад, без использования многовекового правового опыта и огромного багажа теоретических знаний [11]. Законодатель, зачастую, работает только исходя из юридической практики, почти без теоретического осмысления и понимания права.

Кроме того, продолжающееся развитие законодательства в различных сферах (экологическое право, право интеллектуальной собственности, антимонопольное право) приводит к постоянному возникновению новых коллизий, которые не удаётся разрешить на нормативном уровне [5].

Судебная практика Верховного Суда Российской Федерации сыграла ключевую роль в выработке подходов к разрешению коллизий между нормами КоАП РФ и иными федеральными законами. Верховный Суд неоднократно указывал на необходимость применения принципов lex specialis (специальный закон имеет приоритет) и lex posterior (более поздний закон имеет приоритет) при разрешении противоречий [6]. Вместе с тем практика показывает, что даже применение этих принципов не всегда приводит к однозначному результату, особенно когда специальный закон не полностью замещает регулирование в данной сфере, а лишь дополняет общие нормы КоАП РФ. В этих случаях возникает необходимость комплексного толкования норм с учётом их внутренней системной связи, целей и принципов правового регулирования [7].

Вопрос соотношения административного и уголовного права приобретает особое значение в контексте развития современного законодательства. Согласно одному из ключевых принципов, содержащихся в ряде судебных решений, административное право должно быть чётко отграничено от уголовного, и случаи, когда одно и то же деяние может быть квалифицировано и как административное правонарушение, и как преступление, требуют особого внимания со стороны правоприменителей [7].

Федеральный закон от 31 июля 2025 года № 281-ФЗ вновь подтвердил необходимость проведения чёткой границы между этими областями ответственности, внеся уточнения в составы административных правонарушений в сфере экономики. Однако на практике такое разграничение часто вызывает затруднения, особенно в сфере налогового права, где коллизия между КоАП РФ и Налоговым кодексом создаёт неопределённость при определении надлежащего органа, ответственного за рассмотрение дела.

Систематизация административного законодательства как целенаправленный процесс упорядочения нормативной базы становится одной из наиболее актуальных задач современной правовой политики России. Различные научные исследования и законодательные инициативы указывают на необходимость создания единой концепции реформирования административно-деликтного законодательства, которая должна базироваться на научно-практических выводах и учитывать динамику изменений законодательства [8].

Предлагаемые подходы к систематизации включают полную кодификацию административной ответственности в едином нормативном правовом акте с соблюдением принципов полноты и системности, а также установление единой формы кодификации норм в законодательстве субъектов Российской Федерации. Такая кодификация позволила бы устранить многие источники коллизий, обеспечить единообразие правоприменения и значительно упростить процесс обучения правоприменителей и граждан.

Необходимо вновь подчеркнуть, что к достижению этой цели следует стремиться путём стабилизации законодательства и законотворчества, которая может быть достигнута только за счет скрупулёзного, глубокого, детализированного правопонимания именно на концептуальном уровне [11]. Только такой подход обеспечит переход от фрагментарного реформирования к целостной системе правового регулирования. Заметим, что одним из важных шагов на этом пути стал проект новой редакции КоАП РФ, в которой предлагается выделить из действующего Кодекса нормы, регламентирующие производство по делам об административных правонарушениях, объединив их в рамках самостоятельного процессуального кодекса [9].

Разграничение компетенций между нормами общего характера (содержащимися в КоАП РФ) и отраслевыми нормами является ещё одним критически важным аспектом проблемы. В доктрине административного права устоялось понимание того, что нормы КоАП РФ устанавливают общие принципы ответственности, общие правила определения наказания и процессуальные гарантии, применимые ко всем видам административных правонарушений. Специализированные же законы конкретизируют эти принципы применительно к определённым сферам регулирования, дополняя их отраслевыми особенностями и специфическими требованиями [2]. Однако практика показывает, что эта грань между общим и специальным часто размывается, что приводит к избыточному воспроизведению норм в региональных и ведомственных нормативных актах без должного учёта их системного взаимодействия.

Развитие электронного документооборота и внедрение цифровых технологий в административный процесс открывает новые возможности для решения проблемы коллизий норм. С 1 июля 2025 года в КоАП РФ введены изменения, предусматривающие возможность подачи процессуальных документов в электронном виде, использование электронных подписей и проведение дистанционных видеоконференций при рассмотрении дел об административных правонарушениях [9].

Такие инновации не только повышают доступность и оперативность производства, но и создают условия для более систематического сбора и анализа практики правоприменения, что, в свою очередь, способствует выявлению проблемных норм и противоречий в законодательстве. Кроме того, информационные системы позволяют централизованно отслеживать применение различных норм и выявлять случаи противоречивой судебной практики.

Проанализированные выше проблемы соотношения норм КоАП РФ с иными федеральными законами требуют комплексного обсуждения возможных путей их разрешения. Прежде всего, необходимо признать, что полное устранение коллизий в административном праве невозможно без проведения масштабной систематизации законодательства на федеральном уровне с участием всех заинтересованных органов власти, научных учреждений и практикующих юристов [8]. Такая систематизация должна быть направлена на создание согласованной системы нормативных актов, в которой каждый акт занимает чёткое место в иерархии, а его взаимодействие с другими актами регламентируется прозрачными и однозначными правилами. Роль Верховного Суда Российской Федерации в этом процессе остаётся чрезвычайно важной, так как судебная практика служит инструментом выявления проблем и формулирования принципов разрешения коллизий [10].

Во-вторых, необходимо повысить уровень профессиональной подготовки правоприменителей, обучив их методам выявления и разрешения коллизий норм на основе установленных судебной практикой принципов. Развитие цифровых технологий и информационных систем в органах администрации и правоохраны создаёт предпосылки для создания единых баз данных по применению норм, которые позволили бы выявлять противоречия в практике и оперативно реагировать на них [9]. Такие базы данных могли бы стать основой для подготовки ежегодных обзоров судебной практики по всем видам административных правонарушений, что способствовало бы выявлению и анализу проблемных норм.

В-третьих, при принятии новых нормативных актов, особенно в сфере специализированного законодательства, необходимо предусмотреть обязательную проведение их правовой экспертизы на предмет соответствия КоАП РФ и выявления потенциальных коллизий с действующим законодательством. Такая экспертиза должна проводиться не только на уровне профильных министерств, но и с привлечением Верховного Суда, Прокуратуры и академических учреждений. Только такой комплексный подход может обеспечить качество нормотворчества и предотвратить появление новых противоречий в законодательстве.

В-четвёртых, следует расширить практику проведения судами анализа судебной практики с целью выявления наиболее актуальных проблем в применении норм [10]. Результаты такого анализа должны регулярно направляться в законодательные органы в форме научных докладов и рекомендаций, содержащих предложения по совершенствованию законодательства. Такой диалог между судебной системой и органами власти способствует адаптации законодательства к изменяющимся социально-экономическим условиям и обеспечивает формирование эффективной и справедливой системы административной юстиции.

Проведённое исследование показало, что проблема соотношения норм КоАП с нормами иных федеральных законов является одной из наиболее острых и актуальных в современном российском административном праве. Многоуровневость и разнородность законодательства, накопившиеся за несколько десятилетий различия в подходах к регулированию однотипных отношений в разных сферах экономики и социальной жизни, а также исторические причины возникновения параллельных норм создали сложную ситуацию, требующую целенаправлен-

ного и комплексного разрешения. Судебная практика Верховного Суда Российской Федерации сыграла существенную роль в разработке принципов и методов разрешения конфликтов между нормами, что способствовало формированию более единообразной правоприменительной практики [10].

Современные законодательные реформы, включая внесённые в 2025 году изменения в КоАП РФ, демонстрируют осознание законодателем необходимости совершенствования административного законодательства. Вместе с тем эти изменения показывают, что фрагментарного подхода к реформированию недостаточно, и требуется проведение масштабной, скоординированной систематизации всей системы административно-правовых норм [8].

Введение современных технологий электронного документооборота и дистанционного участия в административном процессе создаёт объективные предпосылки для более эффективного выявления проблем и контроля над единообразием применения норм [9]. Такие инновации должны быть использованы для создания интегрированной информационной системы, которая позволила бы отслеживать применение норм по всей стране и выявлять коллизии на ранних стадиях.

Решение выявленных проблем для органов полиции, в том числе ППС, требует создания методического обеспечения, обучения кадров и формирования единообразной ведомственной практики применения норм. МВД России должно активнее взаимодействовать с судебной системой и органами прокуратуры для выявления и устранения коллизий, возникающих в ежедневной деятельности патрульно-постовых нарядов.

В итоге, концептуальный и законотворческий аспекты правопонимания должны быть увязаны воедино с субъективным правопониманием, обусловливая и влияя друг на друга, способствуя совершенствованию осмысления, осознания и понимания права и российской государственности в целом [11]. Только при реализации такого комплексного подхода, основанного на единстве нормативного регулирования, судебного контроля, использования современных технологий и глубокого теоретического осмысления, возможно создание действительно эффективной, справедливой и доступной системы административной ответственности, отвечающей интересам государства и граждан Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в редакции от 3 февраля 2025 года № 1-ФЗ).

[2] Федеральный закон от 31 декабря 1998 г. № 193-ФЗ «О защите прав потребителей»; Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»; Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»; Таможенный кодекс Российской Федерации от 28 мая 2003 г. № 61-ФЗ.

[3] Малумов А.Г. Дифференциация административной ответственности в специальном законодательстве Российской Федерации // Административное право и процесс. 2023. № 8. С. 45-52.

[4] Федеральный закон от 3 февраля 2025 года № 1-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. 2025. № 25.

[5] Федеральный закон от 31 июля 2025 года № 281-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в сфере экономики».

[6] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих при применении судами Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2024 года (по делам об административных правонарушениях).

[7] Напёв А.А., Куракин А.В. Административная ответственность в области экономики: соотношение с уголовной ответственностью // Журнал административного судопроизводства. 2024. № 2. С. 78-89.

[8] Административное право России: концепция развития / отв. ред. О.Е. Кутафин. М.: Проспект, 2023. 356 с.; Чаннов С.Е. Систематизация административно-деликтного законодательства: проблемы и перспективы // Государство и право. 2024. № 1. С. 23-31.

[9] Проект новой редакции Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (размещён на сайте Минюста России). 2024; Федеральный закон от 1 июля 2025 года о внедрении электронного документооборота в административный процесс.

[10] Витрук Н.В. Судебная практика как источник развития административного права // Администратор суда. 2024. № 1. С. 5-12; Чечелев В.П. Роль Верховного Суда в унификации правоприменительной практики по административным делам // Российское правосудие. 2023. № 12. С. 34-45.

[11] Шанько В.В. Понятийные и методологические подходы к проблемам современного правопонимания // Философия права. 2021. № 3 (98). С. 64-72.

References:

[1] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation No. 195-FZ dated December 30, 2001 (as amended on February 3, 2025 No. 1-FZ).

[2] Federal Law No. 193-FZ of December 31, 1998 “On Consumer Protection”; Federal Law No. 7-FZ of January 10, 2002 “On Environmental Protection”; Federal Law of December 10, 1995 No. 196-FZ “On Road Safety”; Customs Code of the Russian Federation No. 61-FZ dated May 28, 2003.

[3] Malumov A.G. Differentiation of administrative responsibility in special legislation of the Russian Federation//Administrative law and process. 2023. № 8. S. 45-52.

[4] Federal Law of February 3, 2025 No. 1-FZ “On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation “//Rossiyskaya Gazeta. 2025. № 25.

[5] Federal Law of July 31, 2025 No. 281-FZ “On Amendments to the Code of Administrative Offenses in the Field of Economics of the Russian Federation.”

[6] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 24, 2005 No. 5 “On certain issues arising when the courts apply the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation”; Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the second quarter of 2024 (in cases of administrative offenses).

[7] Napev A.A., Kurakin A.V. Administrative responsibility in the field of economics: correlation with criminal liability//Journal of Administrative Proceedings. 2024. № 2. S. 78-89.

[8] Administrative Law of Russia: Development Concept/Rev. ed. O.E. Kutafin. M.: Prospect, 2023. 356 p.; Channov S.E. Systematization of administrative and tort legislation: problems and prospects// State and law. 2024. № 1. S. 23-31.

[9] Draft of the new version of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (posted on the website of the Ministry of Justice of Russia). 2024; Federal Law of July 1, 2025 on the introduction of electronic document management into the administrative process.

[10] Vitruk N.V. Judicial practice as a source of development of administrative law//Administrator of the court. 2024. № 1. S. 5-12; Chechelev V.P. The role of the Supreme Court in unifying law enforcement practice in administrative cases//Russian justice. 2023. № 12. S. 34-45.

[11] Shanko V.V. Conceptual and methodological approaches to the problems of modern legal understanding//Philosophy of law. 2021. № 3 (98). S. 64-72.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-407-410

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат юридических наук,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПРИ ХУЛИГАНСКИХ ДЕЙСТВИЯХ

Аннотация. *В статье рассматривается уголовно-правовая ответственность за правонарушения при хулиганских действиях. В материалах темы автором проведен анализ законодательной базы по вопросам мелкого хулиганства влекущее административное наказание и грубого нарушения общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу за которое наступает уголовная ответственность. Основное внимание автором в данной статье уделено раскрытию уголовной ответственности за покушение на убийство и убийство, совершенное из хулиганских побуждений на основе анализа правовых норм уголовного кодекса РФ и кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.*

Ключевые слова: *законодательство, мелкое хулиганство, убийство, покушение на убийство, ответственность, наказание, кодекс, правовая норма.*

MAISTRENKO Grigoriy Aleksandrovich,
senior researcher of the PKU RESEARCH INSTITUTE
of the Federal Penal Correction Service, PhD

CRIMINAL LIABILITY FOR OFFENSES IN HOOLIGAN ACTIONS

Annotation. *The article discusses the legal liability for offenses in hooligan actions. In the materials of the topic, the author analyzes the legislative framework on minor hooliganism, which entails administrative punishment, and gross violations of public order, which express a clear disrespect for society and are subject to criminal liability. In this article, the author focuses on the criticism of criminal liability for attempted murder and murder committed out of hooligan motives, based on an analysis of the legal norms of the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.*

Key words: *legislation, petty hooliganism, murder, attempted murder, responsibility, punishment, code, legal norm.*

Проведя анализ исторического контекста формирования норм уголовно-правовой ответственности за действия хулиганского характера, мы видим, что они определяются в административном и уголовном праве. При совершении деяний хулиганского характера в юридической науке предусматривается два виде таких деяний:

- проступки, совершаемые в виде мелкого хулиганства, ответственность за которые определяется Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях в ст. 20[9.с. 39].
- преступления, совершаемые в виде хулиганских проявлений ответственность, за которые определяется нормами уголовного кодекса РФ. В данной статье мы проведем анализ норм уголовного права, регулирующих ответственность за убийство и покушение на убийство из хулиганских побуждений. В анализе истории отечественной правовой нормы, позволяет сделать вывод о том, что государство с древнейших времен осуществляет преследование лиц, посягающих на жизнь других людей. С развитием уголовного права, начиная с самых старых источников внутригосударственного права, а также правовой базы, на основе научного обоснования позволяет совершенствовать правовое регулирование ответственности за убийство из хулиганских действий. Обеспечение безопасности государства в современных условиях требует не просто реакции на совершенные правонарушения, а выстраивания целостной стратегии сдерживания негативных социальных процессов[10.с.33].

УК Российской Федерации предусматривает целый ряд норм, разграничивающий виды убийств, что позволяет максимально дифференцировать ответственность виновных с учетом соответствующих смягчающих и отягчающих признаков совершения, а также индивидуализировать наказание лиц, нарушивших уголовный закон.

Огромное количество проблем толкования и разграничения с другими элементами преступлений связано с квалификацией противоправного преступления при наличии признаков, инкриминирующих ответственность, которые отражены в ч. 2 п. И ст. 105 УК РФ[2.с.45].

Из анализа преступлений в виде убийства и покушения на убийство из хулиганских побуждений следует, что преступления против жизни относятся к особо тяжким преступлениям, посягающим на важнейшее благо человека – жизнь. Отсюда столь отрицательная реакция общества на такой вид преступления и жесткий подход в уголовном законодательстве к определению наказаний.

Характер виновных действий, специфика причин покушения на убийство из хулиганских побуждений, отношения с потерпевшим и иное, доказывают хулиганскую основу преступления. Как правило, при убийстве из хулиганских побуждений преступник и жертва лично не знакомы и между ними нет враждебных отношений-[8.с. 47].

При квалификации непредумышленного убийства жертвы по мотивам хулиганства, могут возникнуть значительные трудности в отличии такого действия как убийство в ссоре или драке, что составляет примерно 30% всех деяний, квалифицируемых по ст. 105 УК РФ. Правильное разграничение требует внимательного изучения всех обстоятельств дела.

Человеческая жизнь - самая важная, по своей природе, фундаментальная социальная ценность[1.с.6]. Когда совершаются преступления против жизни, наступают последствия, которые невозможно восстановить, компенсировать, восполнить, так как гибель людей необратима. Жизнь любого человека, независимо от возраста, физических характеристик и моральных качеств, в равной степени подлежит уголовно-правовой защите в соответствии с российским уголовным законодательством. Ошибка в личности потерпевшего не влияет на наступление ответственности за убийство и покушение на убийство из хулиганских побуждений[5. с. 40].

Представление об убийстве, исторически сложившееся в правовой культуре человека, как понятие противоправных действий на жизнь другого человека, совершенных отдельным лицом или группой лиц. Результатом, необходимым для квалификации деяния как убийства, является смерть жертвы.

Покушение на убийство из хулиганских побуждений, как и любое другое преступное деяние, можно рассматривать в разных плоскостях. Поскольку покушение на убийство - это акт человеческого поведения, его психологический анализ, является очень сложным по своему понятию – поэтому рассматривать преступление как проявление данной личности, раскрывая мотивы и цели преступника. При этом исследуется внутренняя, субъективная сторона преступного поведения и выявляются его непосредственные причины. Отдавая должное изучению этих вопросов, следует отметить, что наиболее важным, а иногда и главным является еще один аспект исследования покушения на убийство из хулиганских побуждений, в котором основное внимание уделяется его внешней, объективной стороне[7.с. 39].

Из всех последствий посягательства на жизнь человека только одно, а именно наступление смерти человека, является элементом объективной стороны убийства. Это последствие материального характера, предельно точное и окончательное: смерть жертвы. Не наступление такого следствия исключает признание убийства свершившимся и может быть расценено, только как неоконченное преступление.[4.с.103]

Основанием для уголовной ответственности за предварительную преступную деятельность - приготовление и покушение - является наличие в действиях правонарушителя неоконченного преступления. В решении об уголовной ответственности учитываются положения ст. 29 и 30 УК РФ[2. с.15].

Проблема справедливого наказания, отраженная в приговоре, напрямую связана с другой проблемой. Несомненно, необходимо учитывать проблему квалификации преступлений. Однако, квалифицировать такие преступления крайне сложно и имеются ряд трудностей при ее определении.

Верховный Суд Российской Федерации в своем Пленуме № 1 от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийствах (ст. 105 УК РФ)» конкретно предложил руководящие принципы по ряду квалифицированных убийств [3, с.2].

Как показывает проведенный анализ ряда статей УК РФ, в отечественном законодательстве применяется дифференцированный подход к определению наказания за убийство или покушение на убийство из хулиганских побуждений. Однако любое посягательство на чужую жизнь влечет ответственность перед законом и моральное осуждение общества.

Следственным органам и судам необходимо признать, что не отсутствие очевидных причин убийства квалифицирует убийство как хулиганский мотив, а доказательства хулиганского мотива.

Ключевые выводы для квалификации убийства и покушения на убийство из хулиганских побуждений включают:

- убийства из хулиганских побуждений напрямую связаны и преимущественно обусловлены низким уровнем общей культуры преступника, а также специфики его нервной системы, здоровья и психики;
- раннее выявление фактов хулиганского поведения может в конечном итоге привести к профилактическому эффекту. Одной из правовых мер , как справедливо указывали многие ученые в последние годы, является введение суровых уголовных мер в отношении преступников, совершивших особо тяжкие преступления, и прежде всего против лиц совершивших убийства;
- общественная опасность убийств из хулиганских побуждений оценивается вдвойне и речь идет о невинных жертвах, часто вообще незнакомые с преступниками;
- определяющей характеристикой убийств из хулиганских побуждений является их ситуативный характер, с внезапным и неопределенным намерением, а для преступника преимущественно характерно ситуативное мышление;
- в основе предотвращения насильственных преступлений лежит решение глобальных экономических, социальных, политических, моральных, правовых и других проблем, повышение экономического благосостояния людей, повышение их нравственного воспитания, а значит, и решение проблем повседневной жизни, проблем быта огромное значение имеет борьба со злом преступного насилия;
- на ранней стадии профилактики также необходимо применять меры принуждения, пресекающие нарушения (привлечение к административной ответственности, помещение человека в специальное или медицинское учебное заведение) и, по возможности, нейтрализация криминогенных правонарушений и связанных с ними ситуаций, которые могут привести к совершению преступления и т. д.
- выявление лиц, способных совершить преступление, в первую очередь основывается на осведомленности о таких лицах и, в свою очередь, на тесном сотрудничестве граждан с представителями правоохранительных органов, доверии к ним.[6, с.102]

Целый ряд статей Уголовного кодекса РФ, квалифицирующих убийство и покушение на убийство из хулиганских побуждений, еще раз показывает, что закон - это формализованная моральная норма, обязательная для каждого члена общества.

Представляется необходимым усовершенствовать нормы, регулирующие ответственность за преступления против жизни, с учетом выявления многочисленных проблем толкования и применения закона. Без этого вряд ли правомерно говорить об эффективном противодействии этим преступлениям с помощью уголовного права. Таким образом, рассмотрение рекомендаций экспертов в области уголовного права в научных публикациях может позволить законодателю создать необходимые условия для осуществления правоохранительной деятельности и правоприменительной практики.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – ст. 4398; 2020. – № 27. – ст. 4196;

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2021, № 1 (часть I). – ст. 64;

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) // Российская газета. – № 24. – 1999.

[4] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) // А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: Юрайт. – 2017. – Т. 2: Особенная часть. Разделы VII - VIII. – 371 с.

[5] Бородин С.В., Малинин В.Б. Убийство - общая характеристика: монография. – СПб.: МИЭП при МПА ЕврАзЭС. – 2013. – 196 с.

[6] Джинджолия Р. С. – Преступления против личности с оценочными признаками: вопросы квалификации: монография // Р. С. Джинджолия. – Рос. новый ун-т. – Москва. – РУСАЙНС. – 2016. – 211 с.

[7] Максименко А.В., Михайлова И.А. Особенности квалификации хулиганства и других преступлений, совершенных из хулиганских побуждений // Российский следователь. – 2020. – № 12. – С. 39 - 42.

[8] Савельева В.С. Основы квалификации преступлений. Учебное пособие - 2-е изд., перераб. и доп. – М. – Проспект. – 2020. – С.80

[9] «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2026).

[10] Небогатикова Е.И. Понятие и принципы планирования борьбы с преступностью // Научные исследования преступлений и наказаний. – 2025. – № 4. – 32 – 38.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) //Collection of legislation of the Russian Federation. – 2014. – № 31. - Art. 4398; 2020. – № 27. - Art. 4196;

[2] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended 30.12.2020) (with amendments and additions, entry by virtue of 01.03.2021) //Collection of legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 25. - Art. 2954; 2021, No. 1 (Part I). - Art. 64;

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.01.1999 No. 1 (ed. 03.03.2015) On judicial practice in murder cases (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)//Rossiyskaya Gazeta. – № 24. – 1999.

[4] Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation: in 4 volumes (itemized)//A.V. Brilliantov, A.V. Galakhova, V.A. Davydov et al.; resp. ed. V.M. Lebedev. - M.: Yurayt. – 2017. - T. 2: Special part. Sections VII - VIII. - 371 p.

[5] Borodin S.V., Malinin V.B. Murder - general characteristic: monograph. - St. Petersburg: MIEP at the EurAsEC IPA. – 2013. - 196 s.

[6] Ginjolia R.S. - Crimes against the person with evaluative signs: qualification issues: monograph//R.S. Ginjolia. - Growing up. new un-t. - Moscow. - RUSINES. – 2016. - 211 s.

[7] Maksimenko A.V., Mikhailova I.A. Features of qualification of hooliganism and other crimes committed out of hooligan motives//Russian investigator. – 2020. – № 12. - S. 39-42.

[8] V.S. Savelyeva. Fundamentals of crime qualification. Tutorial - 2nd ed., Revised. and add. - M. - Prospect. – 2020. - S.80

[9] “Code of Administrative Offenses of the Russian Federation” dated 30.12.2001 N 195-FZ (as amended 29.12.2025) (with amendments and additions, entry by virtue of 09.01.2026).

[10] Nebogatikova E.I. Concept and principles of planning the fight against crime//Scientific research of crimes and punishments. – 2025. – № 4. – 32 – 38.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-411-415

ПРИМАКОВА Светлана Валерьевна,
старший преподаватель кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: prim-sveta@mail.ru

РОССОШИК Сергей Леонидович,
старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Волгодонского филиала Ростовского юридического
института МВД России,
e-mail: rossoschik@yandex.ru

ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ И МЕТОДЫ РАБОТЫ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ ПОЛИЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу правовых основ, форм и методов профилактики правонарушений в общественных местах, осуществляемых патрульно-постовой службой полиции Российской Федерации. В условиях современных вызовов и необходимости повышения эффективности деятельности органов внутренних дел авторские исследования раскрывают специфику административно-правового регулирования профилактической деятельности ППС, взаимосвязь уголовно-правовых и административно-правовых начал в работе по предупреждению и пресечению правонарушений. Особое внимание уделяется анализу действующего законодательства, судебной практике и рекомендациям практических работников по совершенствованию административно-правовых форм профилактического воздействия ППС на потенциальных правонарушителей.*

Ключевые слова: *патрульно-постовая служба, профилактика правонарушений, административное право, общественный порядок, формы и методы профилактики, административное принуждение, общественная безопасность, превентивная деятельность.*

PRIMAKOVA Svetlana Valerievna,
Senior Lecturer, Department of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
police lieutenant colonel

ROSSOSHIK Sergey Leonidovich,
senior lecturer in the Department of General Legal Disciplines
of the Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

CRIME PREVENTION IN PUBLIC PLACES: ADMINISTRATIVE AND LEGAL FORMS AND METHODS OF WORK OF THE PATROL AND POST POLICE SERVICE

Annotation. *This article provides a comprehensive analysis of the legal framework, forms, and methods of crime prevention in public places carried out by the patrol and post service of the Russian Federation police. In the face of modern challenges and the need to improve the effectiveness of law enforcement agencies, the author's research reveals the specifics of the administrative and legal regulation of the patrol and post service's preventive activities and the interrelationship between criminal and administrative law principles in the prevention and suppression of offenses. Particular attention is given to the analysis of current legislation, judicial practice, and recommendations from practitioners for improving the administrative and legal forms of the patrol and post service's preventive intervention against potential offenders.*

Key words: *patrol and post service, crime prevention, administrative law, public order, forms and methods of prevention, administrative coercion, public safety, preventive activities.*

Профилактика правонарушений и преступлений в Российской Федерации остаётся одной из наиболее актуальных проблем правоохранительной деятельности, требующей постоянного совершенствования нормативной базы, организационных и тактических подходов. Ключевую роль в реализации профилактических функций несомненно играет патрульно-постовая служба полиции (Далее ППС), которая, согласно Федеральному закону от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», несёт ответственность за охрану общественного порядка, обеспечение общественной безопасности, предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений на улицах, в транспорте и иных общественных местах [1, с. 2-3]. Деятельность ППС в сфере профилактики имеет выраженный административно-правовой характер, однако органически связана и с уголовно-правовой наукой, поскольку предполагает не только предупреждение преступлений, но и раскрытие и пресечение уже совершённых общественно опасных деяний [2, с. 5-7]. Настоящая работа ставит своей целью проанализировать административно-правовые формы и методы профилактики правонарушений, применяемые патрульно-постовой службой, выявить проблемы их правового регулирования и предложить пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Правовая основа деятельности ППС по профилактике правонарушений представляет собой многоуровневую систему нормативных актов, включающую федеральные конституционные и федеральные законы, подзаконные нормативные акты, прежде всего приказы Министерства внутренних дел Российской Федерации [3, с. 14]. Ключевым документом, регламентирующим деятельность ППС, является Приказ МВД России от 28 июня 2021 г. № 495 «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России», действующий со 2 октября 2021 г., в котором закреплены основные задачи, функции, права и обязанности сотрудников ППС [9, с. 7]. Согласно этому Наставлению, основными задачами подразделений ППС являются: обеспечение правопорядка на улицах, объектах транспорта и в других общественных местах; обеспечение безопасности личности, предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений на постах и маршрутах патрулирования; выявление и задержание лиц, совершивших преступления. То есть, очевидно, что специфика профилактической деятельности ППС заключается в её комплексном характере: органы патрульной службы одновременно осуществляют предупреждение (профилактику) как административных правонарушений, так и преступлений, что подчёркивает взаимосвязь административного и уголовного права в данной сфере.

Административно-правовые формы профилактики правонарушений, применяемые ППС, определяются прежде всего Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». В соответствии со статьёй 17 этого закона, профилактическое воздействие может осуществляться в следующих формах: правовое просвещение; профилактическая беседа; объявление официального предостережения; профилактический учёт; надзор; социальная адаптация и ресоциализация [4, с. 3]. Каждая из этих форм имеет специфические характеристики и применяется в зависимости от характера выявленного противоправного поведения, личности правонарушителя и целей, преследуемых органами ППС. Правовое просвещение включает информирование граждан об их правах, обязанностях и ответственности, а также о последствиях совершения правонарушений. При этом такая форма профилактики реализуется путём проведения лекций, бесед, распространения информационных материалов в местах скопления людей, в учреждениях образования и культуры [2, с. 15]. Профилактическая беседа представляет собой индивидуальное воздействие на конкретное лицо, проявившее признаки противоправного поведения, целью которого является внушение необходимости соблюдения закона и предупреждение повторного нарушения, в ходе которой сотрудник ППС объясняет гражданину неправомерность его поведения, указывает на возможные негативные последствия совершённого действия, а также предлагает конструктивные способы разрешения возникшей ситуации [3, с. 26]

Помимо этого, стоит отметить, что важной формой административно-правового воздействия ППС является объявление официального предостережения. Такая мера применяется в случаях, когда проведённые профилактические беседы не дали результата и существует реальный риск совершения гражданином более серьёзного правонарушения [4, с. 8]. Предостережение оформляется в письменном виде, ознакомляет лицо с законодательством, предупреждает о возможных уголовно-правовых или административно-правовых последствиях и должно быть зафиксировано в документах профилактического учёта. Где профилактический учёт является одной из наиболее действенных форм контроля за лицами, склонными к совершению правонарушений. Согласно рассматриваемому ФЗ,

такой учёт ведётся уполномоченными органами в отношении лиц, намеревающихся совершить правонарушение, а также лиц, в отношении которых применены меры индивидуальной профилактики [4, с. 9]. Таким образом сотрудники ППС участвуют в формировании информации о таких лицах, осуществляют регулярное контактирование с ними, проверку соблюдения ими установленных требований и условий профилактического надзора [1, с. 10].

Методологической основой осуществления ППС профилактических мер служат общепринятые в криминологии и теории административного права методы профилактического воздействия. В научной литературе традиционно выделяют два подхода: общую (первичную) профилактику и индивидуальную (вторичную и третичную) профилактику [2, с. 22-25]. Общая профилактика направлена на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, на повышение уровня правовой грамотности граждан, укрепление общественного правопорядка в целом. Сотрудники же ППС реализуют общепрофилактические функции посредством патрулирования улиц и общественных мест, обеспечения видимого присутствия полиции в районах с повышенной криминальной активностью, проведения профилактических акций, участия в совместных рейдах с иными подразделениями [3, с. 32]. Индивидуальная профилактика, в свою очередь, направлена на оказание воспитательного воздействия на конкретных лиц, выявление и устранение факторов, отрицательно влияющих на их поведение [4, с. 10-12]. Такая деятельность включает в себя беседы с потенциальными правонарушителями, координацию с семьями и опекунами, взаимодействие с учреждениями здравоохранения, образования и социальной защиты [1, с. 11].

Нельзя обойти вниманием и организационно-тактические методы работы ППС по профилактике правонарушений, которые имеют особое значение. К ним относятся: патрулирование пешком и на транспорте в определённых районах и маршрутах, несение постовой службы в местах высокого скопления людей (площади, вокзалы, аэропорты, метро, торговые центры), проведение оперативно-профилактических мероприятий и рейдов, взаимодействие с подразделениями уголовного розыска и криминальной полиции при выявлении лиц, скрывающихся от следствия и суда [3, с. 35-40]. Патрулирование как основной метод работы ППС позволяет осуществлять постоянный визуальный контроль за состоянием общественного порядка, своевременно выявлять признаки преступной деятельности, пресекать зарождающиеся правонарушения на ранних стадиях. Научные исследования показывают, что наличие видимых нарядов патрульно-постовой службы оказывает мощное сдерживающее воздействие на потенциальных правонарушителей [2, с. 28-29].

Применение административного принуждения как метода профилактической деятельности ППС требует особого внимания к соблюдению законности и уважению к правам граждан. Сотрудники патрульно-постовой службы имеют право применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие в соответствии с Федеральным законом «О полиции» исключительно в случаях, когда ненасильственные способы не обеспечивают выполнения возложенных на них обязанностей [1, с. 23]. Однако подавляющее большинство профилактических мер носит непринудительный характер и основано на убеждении и воспитании. К числу мер административного принуждения, применяемых в рамках профилактики, относятся административное задержание (сроком до 3 часов согласно ст. 27.5 Кодекса об административных правонарушениях), личный досмотр и досмотр вещей, личный и транспортный досмотры [1, с. 12-13]. Эти меры применяются только при наличии оснований, указанных в законодательстве, и в соответствии с установленной процедурой. Необходимо отметить, что применение административного принуждения, особенно в отношении несовершеннолетних, должно быть особенно щадящим и направленным на воспитание, а не на наказание [4, с. 15].

Значительное место в профилактической деятельности ППС занимает работа с несовершеннолетними и семьями группы риска. Согласно данным органов внутренних дел, за последние годы наблюдается тенденция к снижению преступности среди лиц, не достигших 18-летнего возраста [5, с. 3]. Что является результатом комплексной работы по профилактике, в которой активная роль принадлежит именно патрульно-постовой службе. Сотрудники ППС участвуют в выявлении безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних, в проведении с ними профилактических бесед, в их доставлении в подразделения по делам несовершеннолетних для оформления необходимых документов [3, с. 45]. Помимо изложенного много внимания уделяется профилактике вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность, экстремизм и иные формы антиобщественного поведения [5, с. 5-7].

В современных условиях всё большее значение приобретают новые формы и методы профилактической работы ППС, связанные с развитием информационных технологий. Применение видеоаналитики, систем интеллектуального виде-

онаблюдения, мобильных рабочих мест сотрудника полиции позволяет значительно повысить эффективность работы по выявлению и пресечению правонарушений. Внедрение таких технологий требует чёткого правового регулирования с целью обеспечения защиты персональных данных и предотвращения необоснованного вмешательства в частную жизнь граждан. Взаимодействие ППС с иными подразделениями полиции, органами прокуратуры, судами и общественными организациями представляет собой необходимое условие эффективной профилактики правонарушений, поскольку координация деятельности позволяет обеспечивать комплексное воздействие на криминогенные факторы, своевременно реагировать на угрозы общественной безопасности, оказывать помощь лицам, нуждающимся в социальной поддержке [2, с. 35-38].

И все же, несмотря на достигнутые успехи в профилактической деятельности, остаются актуальные проблемы, требующие решения. Одна из них – несовершенство нормативной базы, регулирующей полномочия ППС в сфере профилактики. Действующее законодательство не в полной мере определяет границы применения отдельных мер профилактического воздействия, что может привести к злоупотреблениям или, напротив, к чрезмерной осторожности сотрудников [3, с. 48-50]. Другая проблема – недостаточная подготовка личного состава ППС в области правовых основ профилактической деятельности, психологии общения с различными категориями граждан, деэскалации конфликтов. Кроме того, низкая правовая культура населения и недостаточное понимание значения профилактики часто затрудняют работу сотрудников ППС [4, с. 18-19].

Для повышения эффективности профилактической деятельности ППС необходимо дальнейшее совершенствование законодательства в части расширения полномочий сотрудников в области составления процессуальных документов о выявленных правонарушениях, уточнения процедур применения мер профилактического воздействия, особенно в отношении несовершеннолетних и социально уязвимых категорий граждан [2, с. 40-42]. Требуется повышение уровня специальной подготовки сотрудников ППС, внедрение инновационных методов профилактики, основанных на анализе данных и прогнозировании преступности [3, с. 52-54]. Необходимо развивать взаимодействие с общественными организациями, волонтёрскими движениями, образовательными учреждениями для создания системы коллективной профилактики на уровне местного сообщества [5, с. 8-10].

Таким образом, в заключение, мы можем сказать, что профилактика правонарушений в общественных местах представляет собой одну из ключевых функций ППС, которая реализуется посредством применения разнообразных административно-правовых форм и методов воздействия. Действующее законодательство предусматривает достаточно развёрнутую систему профилактических мер, начиная с правового просвещения и профилактических бесед и заканчивая профилактическим учётом и надзором над лицами, склонными к совершению правонарушений. Организационно-тактические методы работы ППС, основанные на принципах постоянного патрулирования, видимого присутствия в местах скопления людей и своевременного реагирования на угрозы общественной безопасности, доказали свою эффективность и должны сохраняться и развиваться. Вместе с тем, совершенствование правовой базы, повышение уровня подготовки кадров, применение современных информационных технологий, расширение межведомственного взаимодействия остаются необходимыми условиями для повышения результативности профилактической деятельности. Только при условии комплексного подхода, сочетающего административно-правовые инструменты с воспитательными и социальными мерами, можно достичь целей системы профилактики правонарушений в Российской Федерации – обеспечения безопасности личности, общества и государства, снижения уровня преступности и укрепления социального порядка в обществе.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СПС КонсультантПлюс. – 2025. – Дата обращения: 15.01.2026. – URL: http://www.consultant.ru/

[2] Клеймёнов М.П. Криминологическое законодательство и криминологическое право: методологические основы и перспективы развития // Лекс Руссика. – 2018. – № 4. – С. 5–42.

[3] Османов М. М., Комаревцева И. В. К вопросу об истории становления патрульно-постовой службы полиции в России // Образование и право. 2022. №9.

[4] Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. – 2025. – Дата обращения: 15.01.2026. – URL: http://www.consultant.ru/

[5] Профилактика преступности несовершеннолетних: результаты 2023–2025 годов // МВД России. Официальный сайт. – 2025. – Дата обращения: 15.01.2026. – URL: https://mvdmedia.ru/publications/

[6] Емельянов В.М. Административно-правовые особенности профилактики правонаруше-

ний подразделениями милиции общественной безопасности: диссертация кандидата юридических наук. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. – 229 с.

[7] Равнюшкин А.В. О совершенствовании отдельных правовых норм, определяющих процессуальные полномочия патрульно-постовой службы полиции // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 7. – С. 5–12.

[8] Яковлева М.А. Характеристика направлений профилактики преступности в деятельности органов внутренних дел // Вестник экономической и социальной информации и исследований. – 2024. – № 2. – С. 25–48.

[9] Приказ МВД России от 28 июня 2021 г. № 495 «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России» (действует с 2 октября 2021 г.) // СПС КонсультантПлюс. – 2025. – Дата обращения: 15.01.2026. – URL: http://www.consultant.ru/

[10] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. – 2025. – Дата обращения: 15.01.2026. – URL: http://www.consultant.ru/

References:

[1] Federal Law of February 7, 2011 No. 3-FZ “On the Police “//SPS ConsultantPlus. – 2025. - Accessed on: 15.01.2026. - URL: http://www.consultant.ru/

[2] Kleimenov M.P. Criminological legislation and criminological law: methodological foundations and development prospects//Lex Russica. – 2018. – № 4. - S. 5-42.

[3] Osmanov M.M., Komarevtseva I.V. On the question of the history of the formation of the patrol and guard service of the police in Russia//Education and law. 2022. №9.

[4] Federal Law of June 23, 2016 No. 182-FZ “On the Basics of the Crime Prevention System in the Russian Federation “//SPS ConsultantPlus. – 2025. - Accessed on: 15.01.2026. - URL: http://www.consultant.ru/

[5] Prevention of juvenile crime: results 2023-2025//Ministry of Internal Affairs of Russia. Official website. – 2025. - Accessed on: 15.01.2026. - URL: https://mvdmedia.ru/publications/

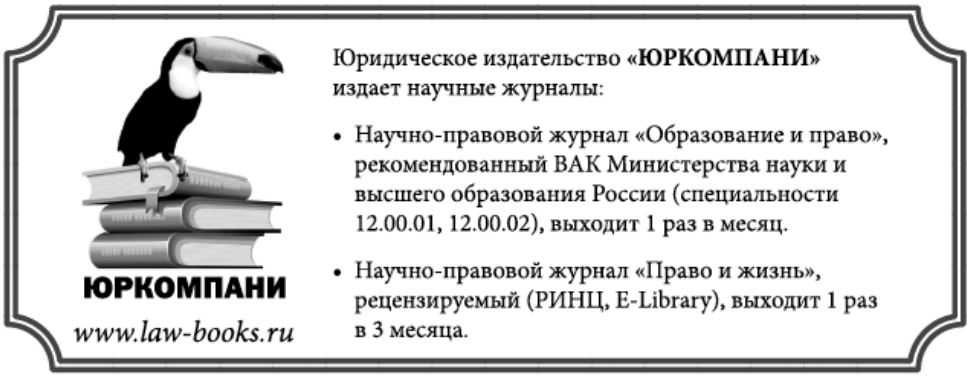
[6] V.M. Emelyanov. Administrative and legal features of crime prevention by public security police units: dissertation of a candidate of legal sciences. - St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006. - 229 s.

[7] Ravnyushkin A.V. On improving certain legal norms that determine the procedural powers of the police patrol service//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – № 7. - S. 5-12.

[8] Yakovleva M.A. Description of crime prevention areas in the activities of internal affairs bodies//Bulletin of economic and social information and research. – 2024. – № 2. - S. 25-48.

[9] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 28, 2021 No. 495 “On approval of the Instruction on the organization of official activities of combat units of the patrol and guard service of the police of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia” (valid from October 2, 2021)//SPS ConsultantPlus. – 2025. - Accessed on: 15.01.2026. - URL: http://www.consultant.ru/

[10] Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ//SPS ConsultantPlus dated December 30, 2001. – 2025. - Accessed on: 15.01.2026. - URL: http://www.consultant.ru/

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-416-418

ЧУКАНОВА Евгения Сергеевна,
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Московского областного филиала МосУ МВД России имени В.Я.Кикотя,
доцент, полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ВОЛОШИНА Олеся Павловна,
преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Брянского филиала Орловского юридического
института МВД России имени В.В. Лукьянова,
e-mail: mail@law-books.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДДЕРЖАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И БЕЗОПАСНОСТИ ГРАЖДАН ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Аннотация. *Автором в настоящей научной статье осуществляется анализ организационных и практических вопросов, связанных с проведением различных массовых и публичных мероприятий, в том числе посредствам комплексного взаимодействия сил и средств территориальных органов внутренних дел и иных ведомств по обеспечению общественного порядка и безопасности на территории обслуживания.*

Ключевые слова: *публичное мероприятие, правопорядок, безопасность, органы внутренних дел, органы государственной власти, гражданское общество, координация, организатор мероприятия, местное самоуправление, муниципальный орган, полиция.*

CHUKANOVA Evgeniya Sergeevna,
Head of the Department of Criminal Law and Criminology Moscow Regional
Branch of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya.Kikot
Associate Professor, Police Colonel

VOLOSHINA Olesya Pavlovna,
Lecturer at the Department of Social and Humanitarian Disciplines
Bryansk branch of the Oryol Law Institute
The Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.V. Lukyanov

ORGANIZATIONAL AND PRACTICAL ASPECTS OF MAINTAINING PUBLIC ORDER AND SAFETY OF CITIZENS BY THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION DURING PUBLIC EVENTS

Annotation. *In this scientific article, the author analyzes organizational and practical issues related to holding various mass and public events, including through the integrated interaction of forces and means of territorial internal affairs bodies and other departments to ensure public order and security in the service area.*

Key words: *public event, law and order, security, internal affairs bodies, public authorities, civil society, coordination, event organizer, local government, municipal authority, police.*

Свобода выражения мнений в демократическом обществе неразрывно связана с правом граждан на проведение мирных публичных мероприятий, что подтверждается междуна-

родными правовыми актами, включая Всеобщую декларацию прав человека и Международный пакт о гражданских и политических правах.

Успешная реализация обозначенных целей органами внутренних дел по охране общественного порядка достигается, также посредствам взаимодействия с общественными объединениями правоохранительной направленности.

Учет особенностей мероприятий и влияющих на безопасность факторов позволяет повысить эффективность работы и гарантировать реализацию конституционных прав и свобод. Координация усилий всех вовлеченных сторон является ключевым элементом государственной политики в данной сфере.

Органы местного самоуправления, действуя в рамках своих региональных полномочий, наделены правом осуществлять отдельные государственные функции, переданные им федеральным законодательством и нормативными актами субъектов РФ.

Претворение в практическую деятельность органов внутренних дел обозначенных функций реализуется в индивидуальном порядке, то есть за счет сил и средств конкретного территориального органа внутренних дел путем координации и маневрирования силами средствами в рамках внутриведомственного взаимодействия служб и подразделений согласно утвержденного плана начальником ОВД по обеспечению правопорядка и безопасности при проведении публичных мероприятиях, также посредством внешнего ведомственного и межведомственного взаимодействия с иными службами и структурными подразделениями соседних территориальных органов внутренних дел Российской Федерации и ведомствами, а также представителями общественных объединений правоохранительной направленности и другими частными и охранными предприятиями в пределах их компетенции по вопросам обеспечения правопорядка на различных массовых и публичных мероприятиях.

В соответствии с обозначенными выше функциями, данного рода взаимодействий со службами и подразделениями осуществляется и при проведении мероприятий носящих массовый характер в целях обеспечения общественного порядка и безопасности граждан и не допущении преступлений криминального и террористического характера, также при проведении мероприятий по поддержанию правопорядке при устранении последствии чрезвычайных ситуации природного и техногенного характера.

Вместе с тем, значительный вклад в обеспечении правопорядка и безопасности граждан, способствуя обеспечению на должном уровне необходимых условий для работы общественных формирований правоохранительной направленности, вносят и органы местного самоуправления на территории обслуживания конкретного территориального органа внутренних дел.

Ключевые задачи полиции в рамках взаимодействия с органами власти и организаторами публичных мероприятий включают:

1) обмен актуальной информацией о предстоящих событиях, и принятие эффективных управленческих решений по итогам согласования;
2) составление и издание плана комплексного использования сил и средств, по обеспечению установленного порядка при проведении публичных мероприятий.

Все эти действия направлены на формирование компромиссных предложений для всех участников, координацию их деятельности, предоставление консультаций и принятие совместных управленческих решений по взаимодействию сил и средств в соответствии с планом по обеспечению правопорядка на мероприятиях.

На этапах организации и реализации публичных мероприятий должностные лица органов внутренних дел привлекают к совместному сотрудничеству граждан, добровольных народных дружин, казачьих войск, которые способны по своим профессиональным навыкам оказать в установленном законом порядке содействие.

Эффективность охраны общественного порядка и обеспечения безопасности при проведении массовых мероприятий достигается благодаря слаженным действиям полиции с государственными и местными органами власти, организаторами и гражданами.

Согласованные действия на всех этапах – от подготовки до подведения итогов – позволяют найти оптимальный баланс между требованиями безопасности и соблюдением демократических принципов.

Такое взаимодействие всех сторон, от государственных органов до граждан, позволяет эффективно охранять общественный порядок, балансируя между обеспечением безопасности и уважением прав и свобод человека.

Право на проведение мирных публичных мероприятий является краеугольным камнем свободного демократического общества, обеспечивая возможность свободного выражения мнений.

Это фундаментальное право закреплено в ключевых международных документах, таких как Всеобщая декларация прав человека и Международный пакт о гражданских и политических правах. Российская Федерация интегрировала эти международные стандарты в свое законодательство, что находит отражение, например, в Федеральном законе «О полиции».

Законодательная база, регулирующая общественный порядок и безопасность при проведении публичных мероприятий, включает в себя основополагающие документы, такие как:

1) Конституция Российской Федерации;
2) Федеральный закон «О безопасности»;
3) Стратегия национальной безопасности.

Важную роль в поддержании этих норм играют:

1) Кодекс об административных правонарушениях РФ;
2) Уголовный кодекс РФ.

Выше обозначенные нормативно-правовые акты определяют меры ответственности за их нарушение, в том числе в контексте организации и проведения массовых мероприятий.

Также на уровне субъектов Российской Федерации также разрабатываются и принимаются иные нормативные правовые акты, определяющие условия практической реализации публичных мероприятий.

В демократическом обществе, где люди могут свободно высказывать свое мнение, очень важно иметь право собираться мирно.

Это право признано во всем мире и записано в важных документах, таких как Всеобщая декларация прав человека. В России это право тоже защищено законом, например, законом «О полиции».

Чтобы на публичных мероприятиях был порядок и безопасность, существуют специальные правила.

Эти правила прописаны в Конституции, законе «О безопасности» и других важных документах.

Если кто-то нарушит порядок или безопасность на таких мероприятиях, его могут наказать по административному или уголовному закону.

Современные тенденции в области безопасности предполагают как ужесточение мер ответственности за нарушения, так и формализацию процедур сотрудничества всех участников.

Одновременно с этим, активно развивается направление цифровизации и автоматизации систем управления, что открывает новые горизонты для повышения результативности мер безопасности.

В заключении отметим, что благодаря современным информационно-коммуникационным технологиям, становится возможным создание автоматизированных систем для сбора и анализа данных, прогнозирования инцидентов и оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации.

В дальнейшем планируется расширить применение искусственного интеллекта для анализа людских потоков, выявления аномального поведения и автоматического оповещения соответствующих служб.

Такой подход призван снизить влияние человеческого фактора и повысить скорость реагирования, что имеет первостепенное значение в условиях массовых мероприятий.

Список литературы:

[1] Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // ИПО «Гарант». URL: https://base.garant.ru/10135532/ (дата обращения 24.01.2025г.)

[2] Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966г.) // ИПО «Гарант». URL: https://base.garant.ru/2540295/ (дата обращения 24.01.2025г.)

[3] О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // ИПО «Гарант». – URL: http://study.garant.ru/#/document/12182530 (дата обращения 26.01.2025г).

[4] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 15 декабря 1980г. № 35/171 « Доклад шестого Конгресса Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями» // ИПО «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/12123823/ 53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/ (дата обращения 23.01.2025г.)

[5] Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 1979 года. A/RES/34/169 «Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка» - URL: https://www.un.org/ru/docume nts/decl_conv/conventions/code_of_conduct.shtml (дата обращения 25.04.2025г.)

References:

[1] Universal Declaration of Human Rights (adopted at the third session of the UN General Assembly by resolution 217 A (III) of December 10, 1948)//IPO “Guarantor.” URL: https://base.garant.ru/10135532/ (accessed 24.01.2025)

[2] International Covenant on Civil and Political Rights (New York, December 16, 1966)//IPO “Guarantor.” URL: https://base.garant.ru/2540295/ (accessed 24.01.2025)

[3] About the police: feder. Law of 07.02.2011 No. 3-FZ//IPO “Garant.” - URL: http://study.garant.ru/ #/document/12182530 (accessed 26.01.2025).

[4] UN General Assembly Resolution of December 15, 1980 No. 35/171 “Report of the Sixth United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders “//IPO” Guarantor. “ - URL: https://base.garant.ru/12123823/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/(accessed 23.01.2025)

[5] Resolution adopted by the UN General Assembly on December 17, 1979. A/RES/34/169 “Code of Conduct for Law Enforcement Officials” - URL: https://www.un.org/ru/docume nts/decl _ conv/conventions/code _ of _ conduct.shtml (accessed 25.04.2025)

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-419-424

МАРЬИНА Надежда Николаевна,
заместитель начальника кафедры специальных дисциплин,
кандидат юридических наук, полковник полиции,
Краснодарского университета МВД России,
e-mail: nadezhda.marina.2016@mail.ru

МАНАХОВ Андрей Викторович,
заместитель начальника кафедры специальных дисциплин,
подполковник полиции,
Краснодарского университета МВД России,
e-mail: manack.manakhov@yandex.ru

РОССОШИК Сергей Леонидович,
старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Волгодонского филиала Федерального государственного
казенного образовательного учреждения высшего образования
«Ростовский юридический институт МВД России»,
e-mail: rossoschik@yandex.ru

РОЛЬ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ ПОЛИЦИИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ УЛИЧНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация. *В статье осуществляется комплексный анализ понятия «улица». Выделяются признаки улицы как общественного места. На основе нормативно-правовых актов описывается роль патрульно-постовой службы полиции в выявлении и пресечении уличной преступности. Отмечаются условия отнесения преступления к совершенному на улице. Даётся характеристика наиболее распространенных видов уличных преступлений в зависимости от способа совершения и конкретного состава. Делается вывод о роли патрульно-постовой службы полиции в противодействии преступности.*

Ключевые слова: *улица, общественное место, патрульно-постовая служба полиции, уличная преступность.*

MARINA Nadezhda Nikolaevna,
Deputy Head of the Department of Special Disciplines,
PhD in Law, Police Colonel,
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

MANAKHOV Andrey Viktorovich,
Deputy Head of the Department of Special Disciplines,
Police Lieutenant Colonel, Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ROSSOSHIK Sergey Leonidovich,
Senior Lecturer at the Department of General Legal Disciplines
of the Volgodonsk Branch of the Federal State-Funded
Educational Institution of Higher Education
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

THE ROLE OF THE POLICE PATROL SERVICE IN COMBATING STREET CRIME

Annotation. *The article provides a comprehensive analysis of the concept of "street". The signs of a street as a public place stand out. The role of the police patrol service in detecting and suppressing street crime is described on the basis of regulatory legal acts. The conditions for classifying a crime as committed*

on the street are noted. The characteristics of the most common types of street crimes are given, depending on the method of commission and the specific composition. The conclusion is made about the role of the police patrol service in combating crime.

Key words: *street, public place, police patrol service, street crime*.

Приказ МВД России от 28 июня 2021 года N 495 «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России» возлагает прямую и непосредственную обязанность проведения превентивных и первичных мер противодействия уличной преступности на патрульно-постовую службу полиции (Далее - ППСП).

Уличную преступность можно рассматривать как условную совокупность деяний, обособленных от иных преступлений особенностями места и времени совершения преступления. Легального определения понятия «улица» не существует в отечественной правовой науке. К улице с точки зрения места совершения общественно опасного деяния можно отнести:

1) рынки, стадионы, танцплощадки в период их работы (за исключением крытых торговых и спортивных комплексов, залов, танцевальных веранд, закрывающихся на определенные сроки);
2) парки, скверы, переулки, тупики, дворы (за исключением частных владений);
3) лесопарковые зоны, берега открытых водоемов, непосредственно водоемы, а также прилегающие к ним зоны отдыха и зеленые насаждения в черте городов и других населенных пунктов.

Об этом говорит и совместное Положение МВД России № 1070 от 29.12.2005 г. «О едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений» в реквизите 21.1., исходя из которого, можно сформулировать понятие улицы. Улица – это все места, к которым имеется свободный доступ в любое время года и суток и где необходимо выставление патрульно-постовых нарядов. При данном подходе, однако, не учитывается такой качественный признак «улицы» как открытость пространства, относя к уличным пространствам фактически крытые помещения, например, внутренние помещения стадионов, где также осуществляется массовый проход и нахождение людей. Исходя из этого, можно сделать вывод, что в данном контексте существенным признаком улицы будет отсутствие постоянного автономного контроля на данных территориях, чем и обуславливается необходимость выставления патрульно-постовой службы в таких общественных местах. Кроме того, исходя из текста и смысла вышеназванного Положения не могут относится к территории улицы такие места как:

1) закрытые общежития, гостиницы и т.д., не функционирующие в определенные временные периоды;
2) различные места отдыха в период их закрытия, например, театры, музеи, библиотеки и т.д.;
3) закрытые в определенное время места общепита и торговли.

Определив территории, относящиеся к категории «улица» становится очевидным, что ключевым элементом поддержания общественного порядка и безопасности на них является ППСП, которые в своей деятельности максимально тесно взаимодействуют с социальной средой на общественных территориях и обладают полномочиями по контролю за ситуацией.

Роль ППСП заключается в выявлении и пресечении уличной преступности. Важным условием отнесения преступления к совершенному на улице, является факт начала преступной деятельности на общественной территории, если даже дальнейшее развитие такой деятельности происходило в закрытых или ограниченных помещениях на данной территории, а проникновение происходило извне. Как пример данного тезиса можно привести реквизит 21 Положения, исходя из текста, которого вытекает, что совершенными на улице преступлениями считаются различные виды хищений из киосков, ларьков, павильонов, а также припаркованных транспортных средств, не осуществляющих самостоятельное движение в данный момент.

Данное положение подчеркивает тот факт, что в основу выделения уличных преступлений в отдельную категорию ложится не сам факт нахождения на территории, определяемой как улица, а взаимосвязь между деянием и имеющим общественное назначение местом. В случае дорожно-транспортных происшествий причиной исключения их из категории уличных является отнесение их к собственной категории деяний, которые имеют свои особенности и зачастую не подразумевают определенное место как необходимый элемент. Подобным же образом исключены из перечня и длящиеся и продолжаемые преступления, по причине того, что для них также не является принципиально значимым место нахождения лица, осуществляющего незаконные действия в течение определенного времени. Если

некие действия в рамках продолжаемых преступлений имели место на улице, то это будет основанием отнесения к категории уличных, лишь данного конкретного эпизода, что не позволит считать в полной мере преступление совершенным на улице.

По той же логике не включаются в перечень уличных иные деяния, которые, по самой своей природе, совершаются исключительно на открытых пространствах. Например, экологические преступления, диспозиция которых описывает различные способы загрязнений, уничтожений и порчи природных ресурсов, нарушая тем самым права граждан.

Исходя из всего вышесказанного можно сформулировать более лаконичное понятие «улицы» как свободное для доступа пространство в пределах населенных пунктов, имеющее транзитное либо досуговое назначение с преобладающей анонимностью общения индивидов.

Среди качественных особенностей улицы можно выделить следующие:

1) покрывает большую часть открытого городского пространства;
2) преобладание анонимности межличностного общения и латентность поведения;
3) социальный контроль слабый и неравномерный;
4) необеспеченность специализированными видами социального контроля;
5) высокая плотность городского населения, разрозненность взаимодействующих социальных и возрастных групп, и связанные с этим потенциальные возможности негативных контактов [1].

Таким образом, непосредственно можно выделить признаки улицы, к которым относятся:

1) свобода доступа;
2) транзитно-досуговое назначение;
3) неопределенный набор участников и преобладание анонимности общения;
4) неравномерность социального контроля;
5) ограниченность уличного пространства рамками населенного пункта[2].

Исходя из понимания термина «улица» и ее сущностных и качественных атрибутов, можно вывести понятие определения «уличная преступность».

Важным для понимания сущности уличной преступности является разграничение понятий «улица» и «общественное место», которые соотносятся друг с другом как частное и общее соответственно[3]. Аналогичным образом можно сделать вывод об отнесении уличной преступности к разновидности преступности в общественных местах. Стоит также отметить, что исходя из регулярной статистики зарегистрированные уличные преступления занимают от 50% до 65% всех преступлений, совершаемых в общественных местах[4].

Противоправные деяния против собственности являются наиболее распространенным видом уличных преступлений. Примерно каждое седьмое преступление, предусмотренное главой 21 УК РФ, совершается на территории уличного пространства.

Наиболее часто встречающимися предметами данной группы деяний являются мобильные телефоны и прочие персональные гаджеты, иные личные вещи граждан, денежные средства и платежные карты.

К числу уличных преступлений, относящихся к главе 21 УК РФ можно отнести две категории:

1) Хищения: Кража (ст. 158 УК РФ), Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 158.1 УК РФ), Грабеж (ст. 161 УК РФ), Разбой (ст. 162 УК РФ);
2) Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ).

Для уличных хищений характерными являются следующие характерные черты:

– отсутствие социального контроля (малолюдные улицы);
– внезапность совершаемого преступления;
– невозможность определения личных особенностей лиц, причастных к совершению преступления ввиду того, что свидетели, потерпевшие и преступник ранее не были знакомы[5].

Обычно места, соответствующие вышеназванным критериям известны сотрудникам ППСП, работающих в соответствующих районах.

Так согласно Инструкции о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений, утв. Приказом МВД России от 17.01.2006 N 19 сотрудники ППСП проверяют самостоятельно либо с участием сотрудников других подразделений органов внутренних дел на маршрутах патрулирования места наиболее вероятного совершения преступлений, укрытия лиц, склонных к совершению преступлений, с целью предупреждения совершения с их стороны общественно опасных деяний, а также места концентрации криминогенного элемента несовершеннолетних. В большей степени данные действия направлены среди уличных преступлений на пресечение именно преступлений против собственности.

В зависимости от способа совершения и конкретного состава различные виды хищений в

рамках рассматриваемой категории уличных преступлений имеют различные особенности их совершения.

Так для кражи в силу тайного способа совершения характерным является:

1) Темное время суток;
2) Плотное скопление людей;
3) Подвижность потока людей;
4) Отвлекающие факторы.

Темное время и безлюдность характерны в большей степени для краж из припаркованных автомобилей, так как скрытное проникновение в транспортное средство требует дополнительных времени и усилий со стороны преступника. Также в случае срабатывания систем охраны автомобиля, виновный должен учитывать необходимость быстрого и незаметного побега с места преступления. Таким образом, наиболее вероятными целями для данных типов краж становятся незапертые автомобили, автомобили, внутри салонов, которых просматривается наличие ценных вещей, автомобили, оставленные в неосвещенных глухих местах.

Плотное скопление людей и подвижность потока людей как необходимый фактор характерен уже при совершении карманных краж, краж из ручной клади и т.п. В данной ситуации постоянный тесный контакт людей между собой не позволяет своевременно обнаружить вторжение в личное пространство с целью изъятия имущества, либо предпринять какие-либо меры для пресечения или идентификации виновного. Подобное имеет место в местах массового скопления народа: в зонах массовой уличной торговли, торговых центрах, на площадях, иных местах во время проведения культурно-массовых мероприятий, на остановках общественного транспорта, станциях метро, непосредственно в самом транспорте и т.д.

Под отвлекающими факторами понимаются различные ситуации, при которых тайное хищение совершается практически открыто. К числу таких относятся хищения ценных вещей со столиков в открытых заведениях общественного питания, с лавочек в парках, подбор упавших, забытых, оставленных вещей и т.д. Ключевым элементом в совершении данных преступлений выступает невнимательность потерпевших, которой и пользуются преступники. Зачастую противоправное поведение лица маскируется под правомерное, тем самым, не создавая у окружающих наблюдателей восприятия ситуации как преступной. Преступник может через небольшой промежуток времени подойти к столику и забрать оставленный телефон, либо кошелек, делая вид, что это его вещи, таким образом не вызывая подозрений.

Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию, с точки зрения качественных характеристик как уличного преступления ничем не отличается от кражи, за исключением признаков, необходимых для отграничения деяний – малозначительность и административная преюдиция.

Лица, совершающие кражи на улицах стараются выглядеть максимально неприметно, двигаются быстро, но незаметно, стараются не пересекаться взглядом с окружающими, при этом изучая окружающую обстановку, могут делать вид, что внимательно заняты чем-то на экране телефона, разговаривают с кем-то или иным способом создают видимость занятости, чем еще больше «растворяются» в толпе.

Грабежи и разбои занимают второе и третье место по распространенности среди уличных преступлений против собственности. Оба вида деяний по своей сути схожи, разница на практике заключается лишь в способе изъятия имущества. В обоих случаях все происходит открыто, однако грабеж не подразумевает насилие как таковое, либо лишь не опасное для жизни и здоровья как отягчающий признак квалифицированного состава, а разбой изначально подразумевает насилие, либо угрозу насилия именно опасного для жизни и здоровья. С точки зрения непосредственно механизма формирования преступной деятельности в рамках уличных преступлений оба деяния характеризуются следующими отличительными чертами:

1) Внезапность;
2) Малолюдность;
3) Подвижность потока людей;
4) Устрашение.

Внезапность нападения как при грабеже, так и при разбое подразумевает стремительность действий со стороны преступника, позволяющая застать потерпевшего врасплох, уменьшая его шансы на оборонительные действия. При грабежах это может быть выхватывание телефона, кошелька при встречном движении пешеходов, срывание цепочек и других носимых ценностей, наушников и т.д. Происходит скоротечный контакт с потерпевшим и стремительная попытка скрыться. Возможен вариант, при котором преступник ведет себя более нагло, не пытаясь скрыться, если ощущает превосходство над жертвой в данный момент (физическая сила, психическое подавление, незнакомая обстановка, присутствие близких по тем или иным основанием для виновного лиц и т.п.). Разбой может происходить по различным сценариям. Основными можно выделить два в зависимости от момента применения насилия, либо угрозы насилия, опасного для жизни и здоровья. В первом случае

виновный изначально имел намерение причинить физический вред, атаковал сразу, либо подавил волю потерпевшего угрозами и присвоил чужое имущество уже после, не встречая ответного сопротивления. Второй вариант подразумевает, что виновный изначально либо не имел умысла на причинение вреда здоровью, либо сознательно допускал такую возможность как альтернативный вариант действий. Подобное имеет место, когда потерпевший оказал сопротивление, либо начал привлекать к себе внимание окружающих, либо иным способом мешать совершению противоправного деяния. В таком случае угроза или непосредственно насилие становятся необходимым средством доведения преступного умысла до конца. В случае совершения преступления группой лиц возможен эксцесс исполнителя.

С точки зрения способов применения насилия и квалифицированный грабеж, и разбой ограничены в случае уличных преступлений – такие способы как запирание в помещениях, представляющих угрозу для жизни, приковывание, связывания и т.п. крайне сложны для реализации на территории улиц, либо автоматически переносят деяние в иную условную категорию.

Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, или просто угон, представляет собой довольно распространенное противоправное деяние в силу большого числа транспортных средств, принадлежащих гражданам. Угоны чаще всего совершаются в городах, где транспортные средства чаще всего остаются на территории уличного пространства без надлежащих мер охраны. Для угона характерны такие свойства как:

1) Темное время суток;
2) Малолюдность;
3) Применение технических средств.

Чаще всего угон совершается именно в ночное время, с чем логически связан и свойство малолюдности – вскрытие замка дверей, обход системы охраны, запуск двигателя и сокрытие с места преступления требуют времени и являются довольно приметными действиями. Угон с помощью иного транспорта (буксировка, эвакуация и т.д.) в случае отсутствия умысла на хищение крайне маловероятен, также как и угон в светлое время суток с помощью сложных технических средств (подавление сигнала «метки», отключение реле на двигателе, глушение сигнала симкарты и т.д.), так являются не целесообразными и несоразмерными целям деяния, предусмотренного ст. 166 УК РФ.

Угон может быть сопряжен с хищениями, не связанными непосредственно с транспортными средствами. Лицо может не иметь умысла на присвоение транспортного средства с корыстным мотивом, однако, таковой может иметься в отношении иного имущества потерпевшего, находящегося непосредственно в транспортном средстве, либо при самом потерпевшем, если речь идет об открытых формах хищения, а угон в свою очередь сопровождается применением насилия опасного, либо не опасного для жизни и здоровья. К таким вещам могут относиться деньги, документы, мобильные телефоны, иные гаджеты, очки, комплектующие для транспортного средства и т.д. Данные виды хищений, как отмечалось ранее, также самостоятельно входят в категорию уличных преступлений. Угон транспортного средства может также самостоятельно перейти в хищение, если у виновного уже после начала движения транспортного средства, то есть, когда преступление считается оконченным, возник умысел на присвоение транспортного средства. С точки зрения уголовного закона подобное следует квалифицировать как идеальную совокупность, однако, практика показывает, что крайне редко удается установить факт отсутствия корыстных целей у виновного до непосредственно завладения транспортным средством, и квалификация по совокупности со ст. 166 УК РФ становится затруднительной.

Таким образом, проанализировав уличную преступность и роль ППСП в её пресечении, можно сделать вывод, что ППСП играет ключевую роль в противодействии уличной преступности путём оперативного присутствия на улицах, в общественных местах и на объектах транспорта. Предупреждая, пресекая и раскрывая противоправные деяния, её деятельность напрямую снижает уровень уличной преступности за счет визуального сдерживания потенциальных нарушителей и быстрого реагирования на инциденты. Наряды активно выявляют условия, способствующие правонарушениям, ликвидируют их, а также взаимодействуют с населением для профилактики.

Список литературы:

[1] Белая, Надежда Михайловна. Уличная преступность: криминологическая характеристика и предупреждение : по материалам Иркутской области, Забайкальского края, Республики Бурятия : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Белая Надежда Михайловна; [Место защиты: Нац. исслед. Том. гос. ун-т]. - Томск, 2013. - 177 с.

[2] Назарова, А. А. Уличная преступность и ее характеристика / А. А. Назарова // Союз криминалистов и криминологов. – 2019. – № 3. – С. 132-136.

[3] Ефремова, В. А. Актуальные теоретические вопросы, связанные с уличной преступностью / В. А. Ефремова // Экономика и социум. – 2016. – № 8(27). – С. 134-139.

[4] Киселев, С. В. Правовая статистика : Курс лекций / С. В. Киселев. – Петрозаводск : Северный филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, 2014. – 141 с.

[5] Сотникова, О. В. Уголовная ответственность за кражи и совершенствование мер борьбы с ними / О. В. Сотникова // Синергия Наук. – 2020. – № 54. – С. 220-243.

References:

[1] Belaya, Nadezhda Mikhailovna. Street crime: criminological characteristics and warning: based on materials from the Irkutsk region, Trans-Baikal Territory, Republic of Buryatia: dissertation... Candidate of Law: 12.00.08/Belaya Nadezhda Mikhailovna; [Place of protection: Nats. †. Volume. state university]. - Tomsk, 2013. - 177 s.

[2] Nazarova, A. A. Street crime and its characteristics/A. A. Nazarova//Union of Criminologists and Criminologists. – 2019. – № 3. - S. 132-136.

[3] Efremova, V. A. Topical theoretical issues related to street crime/V. A. Efremova//Economics and Society. – 2016. – № 8(27). - S. 134-139.

[4] Kiselev, S.V. Legal statistics: Course of lectures/S.V. Kiselev. - Petrozavodsk: Northern Branch of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, 2014. - 141 s.

[5] Sotnikova, O. V. Criminal liability for theft and improvement of measures to combat them/O. V. Sotnikova//Synergy of Sciences. – 2020. – № 54. - S. 220-243.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-425-428

МЕЛЬНИКОВА Алина Сергеевна,
старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Волгодонского филиала Ростовского юридического
института МВД России,
e-mail: alya.melnikova79@mail.ru.

ПЕТРОВА Елена Анатольевна,
старший преподаватель кафедры
административного права и административной деятельности ОВД
Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России,
кандидат политических наук, майор полиции,
e-mail: elena_kleshchar@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ В АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Аннотация. *Статья посвящена анализу проблем реализации принципов законности и правовой определённости в системе административных правоотношений. Выявлены основные препятствия на пути эффективного применения указанных принципов органами исполнительной власти, рассмотрены причины несоответствия административных актов требованиям правовой определённости и ясности. Исследованы взаимосвязь принципов законности и правовой определённости, их роль в обеспечении верховенства права и защиты прав граждан. Предложены направления совершенствования нормативной базы для повышения эффективности реализации данных принципов в административно-правовой практике. Рассмотрено влияние судебного контроля на укрепление режима законности при осуществлении публичной администрацией своих полномочий и функций.*

Ключевые слова: *законность, определённость, администрация, полномочия, правоотношения, публичный, нормотворчество, применение, стабильность, гарантия.*

MELNIKOVA Alina Sergeevna,
senior lecturer of the department of general legal disciplines
of the Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

PETROVA Elena Anatolyevna,
senior lecturer at the Department of Administrative
Law and Administrative Activities of the Internal Affairs Directorate
of the Stavropol branch of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of political sciences, police major

PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE PRINCIPLES OF LEGALITY AND LEGAL CERTAINTY IN ADMINISTRATIVE LEGAL RELATIONS

Annotation. *This article analyzes the challenges of implementing the principles of legality and legal certainty in the system of administrative legal relations. It identifies the main obstacles to the effective application of these principles by executive authorities and examines the reasons why administrative acts fail to meet the requirements of legal certainty and clarity. It examines the relationship between the principles of legality and legal certainty and their role in ensuring the rule of law and protecting citizens' rights. It also suggests areas for improving the regulatory framework to enhance the effectiveness of these principles in administrative practice. The influence of judicial review on strengthening the rule of law in the exercise of public administration's powers and functions is also examined.*

Key words: *legality, certainty, administration, powers, legal relations, public, rule-making, application, stability, guarantee.*

Административное право как комплексная отрасль законодательства регулирует систему управленческих отношений, которые возникают между государством и его институтами, с одной стороны, и физическими и юридическими лицами — с другой. Принципы, положенные в основу административно-правового регулирования, определяют характер и направленность всей системы публичного управления. Среди этих принципов особое место занимают принципы законности и правовой определённости, которые составляют основу режима легальности осуществления государственно-властных функций. При этом, принцип законности в административных правоотношениях выражает требование того, что все органы исполнительной власти, их должностные лица, а также иные субъекты, наделённые государственно-властными полномочиями, должны осуществлять свою деятельность исключительно на основе, во исполнение и в порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Однако реальная практика применения административно-правовых норм показывает, что реализация этого принципа сталкивается с различными препятствиями и вызовами, требующими серьёзного научного анализа и практического решения.

Правовая же определённость как самостоятельный принцип неразрывно связана с законностью, однако имеет собственное содержание. То есть требование ясности, недвусмысленности и внутренней согласованности правовых норм, позволяет адресатам административно-правовых норм предвидеть последствия своих действий и поступков. Зачастую административные акты и действия органов власти отличаются нечёткостью формулировок, противоречивостью применяемых норм, непредсказуемостью административной практики, что создаёт благоприятные условия для произвола и нарушения прав граждан.

Актуальность исследуемой проблемы определяется тем, что эффективная реализация принципов законности и правовой определённости имеет решающее значение для установления доверия граждан и организаций к государственным институтам, обеспечения стабильности правового регулирования и защиты законных ожиданий участников административных правоотношений. Недостаточная реализация этих принципов приводит к увеличению количества административных споров, к неправомерным действиям должностных лиц, к подрыву авторитета государственной власти. Поэтому комплексный анализ проблем и путей совершенствования реализации данных принципов представляет собой вопрос, имеющий не только теоретическое, но и исключительно практическое значение для развития российского административного права и административно-правовой практики.

Административные правоотношения представляют собой урегулированные нормами административного права общественные отношения, складывающиеся в сфере государственного управления и характеризующиеся особым положением одной из сторон — субъекта государственной администрации, наделённого полномочиями принимать властные решения и совершать властные действия [1]. Специфика этих правоотношений заключается в том, что они часто возникают вопреки воле другой стороны и связаны с осуществлением публичных интересов, а не с личными интересами участников. Принцип законности при этом означает, что все без исключения действия органов исполнительной власти должны соответствовать нормам действующего законодательства и не могут выходить за пределы установленной компетенции.

Конституция Российской Федерации в качестве одного из основных конституционных принципов провозглашает верховенство Конституции и федеральных законов на всей территории страны [2]. Такой конституционный принцип конкретизируется и развивается в многочисленных федеральных законах, регулирующих деятельность органов государственной власти и местного самоуправления. Федеральный закон от 31 июля 1995 года № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации», а также Федеральный закон от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» устанавливают, что государственная служба основана на принципе верховенства Конституции Российской Федерации и федеральных законов над иными нормативными правовыми актами, должностными инструкциями и распоряжениями при исполнении служащими должностных обязанностей [3]. Однако на практике реализация этого принципа встречает серьёзные препятствия.

Первая группа проблем на наш взгляд связана с состоянием нормативной базы административного права, поскольку современное административное законодательство Российской Федерации характеризуется определённой фрагментарностью, множественностью источников регулирования и недостаточной согласованностью между различными нормативными правовыми актами [4]. Нередко одни и те же общественные отношения регулируются несколькими нормативными актами, содержащими противоречивые предписания, что, несомненно, создаёт ситуацию неопределённости для правоприменителя и граждан, затрудняет единообразное применение норм административного права. Помимо

этого, многие нормативные акты, регулирующие деятельность органов исполнительной власти, характеризуются излишней сложностью, использованием неопределённых терминов и оценочных понятий, интерпретация которых может существенно варьировать в зависимости от субъекта применения.

Вторая группа проблем относится к практике правоприменения органами исполнительной власти, поскольку даже при наличии чётких и определённых норм законодательства органы власти иногда допускают их неправильное применение, выходят за пределы установленной компетенции, принимают необоснованные административные акты, отличающиеся противоречивостью и расплывчатостью формулировок [5]. Такие ситуации могут происходить как в результате некомпетентности или небрежности должностных лиц, так и в результате сознательного использования возможностей, предоставляемых оценочными нормами, для достижения целей, не соответствующих публичному интересу.

Принцип правовой определённости требует, чтобы правовые нормы и акты, издаваемые органами государственной власти, отличались ясностью, логичностью, понятностью как для самих правоприменителей, так и для иных лиц, к которым эти нормы и акты обращены. Правовая определённость способствует предсказуемости поведения органов государственной власти, позволяет гражданам и организациям разумно планировать свою деятельность, зная, какие правовые последствия будут вытекать из их действий. Напротив, неопределённость, двусмысленность и противоречивость правовых норм порождают ситуацию, при которой участники правоотношений не могут с достаточной степенью уверенности предсказать, какое решение примет административный орган в том или ином случае.

Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях неоднократно подчёркивал, что общеправовой критерий определённости, ясности и недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом, поскольку такое равенство может быть обеспечено только при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями и всеми адресатами нормы [6]. Содержание принципа правовой определённости раскрывается через требования стабильности правового регулирования, ясности и согласованности правовых норм, единообразного применения закона, включая единство судебной практики, и устойчивости правоприменительной практики.

Третья группа проблем затрагивает вопрос защиты законных ожиданий участников административных правоотношений. Принцип защиты законных ожиданий тесно связан с принципом правовой определённости и требует, чтобы административные органы соблюдали сложившуюся практику применения норм закона и не изменяли своё поведение, если только это не вызвано серьёзными публичными интересами и не сопровождается надлежащей мотивировкой [7]. Однако в административной практике часто встречаются случаи, когда органы власти внезапно резко меняют свою линию поведения без каких-либо видимых причин, что приводит к нарушению законных ожиданий граждан и организаций, к возникновению убытков и морального ущерба.

Четвёртая группа проблем связана с недостаточной эффективностью судебного контроля за деятельностью органов исполнительной власти. Хотя Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации предусматривает развёрнутую систему мер судебной защиты от неправомерных действий и решений органов власти, судебная практика показывает, что не все нарушения принципов законности и правовой определённости выявляются и пресекаются судами. Некоторые судьи проявляют излишнюю лояльность к органам власти, неохотно признают их действия неправомерными, нередко применяют формальный подход к рассмотрению административных дел, не анализируя существо нарушений.

Проблемы реализации принципов законности и правовой определённости проявляются также в сфере административного нормотворчества. Многие подзаконные нормативные акты органов исполнительной власти не соответствуют требованиям чёткости и определённости, поскольку содержат размытые формулировки, используют оценочные понятия без необходимого их толкования, допускают внутренние противоречия. Более того, некоторые органы власти издают нормативные акты, которые не опубликованы должным образом и поэтому становятся неизвестны адресатам этих норм, что явно противоречит принципам законности и правовой определённости.

Таким образом, наше исследование показало, что современная российская административно-правовая практика сталкивается с серьёзными проблемами при реализации принципов законности и правовой определённости. Такие проблемы имеют как объективные причины, связанные с состоянием законодательства и сложностью административного регулирования, так и субъективные причины, обусловленные недостаточной компетентностью некоторых должностных лиц, их небрежностью или даже сознательным нарушением правовых норм.

Преодоление выявленных проблем является необходимым условием развития правового

государства в России и повышения эффективности государственного управления. Требуется системный пересмотр подходов к нормотворчеству в сфере административного права, обеспечение большей согласованности и определённости нормативных актов, совершенствование механизмов контроля за деятельностью органов власти. Особое внимание должно быть уделено укреплению судебной защиты прав граждан и организаций от неправомерных административных действий, расширению прав институтов гражданского контроля, развитию административной процедуры. Практическая реализация предложенных направлений совершенствования позволит укрепить режим законности, повысить предсказуемость и стабильность административно-правового регулирования, защитить права и законные интересы граждан и организаций в их взаимоотношениях с государственными органами.

Список литературы:

[1] Лютягина, Е. А. Административное право : учебник для вузов / Е. А. Лютягина, А. М. Волков. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 423 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-20517-6. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/588338 (дата обращения: 20.01.2026).

[2] Конституция Российской Федерации (с изменениями от 14 марта 2020 года). Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. // СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. Дата обращения: 20.01.2026.

[3] Федеральный закон от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации» (утратил силу). // СПС «Гарант». https://base.garant.ru/10103884/. Дата обращения: 20.01.2026.

[4] Макарейко Н. В. Проблемы правовой определенности административной ответственности // Государственно-правовые исследования. 2021. №4.

[5] Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). // СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_49481/. Дата обращения: 20.01.2026.

[6] Конституционный Суд РФ. Постановление от 28 декабря 2022 г. № 59-П по делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 224 Бюджетного кодекса Российской Федерации. // СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru. Дата обращения: 20.01.2026.

[7] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (с изменениями и дополнениями). // СПС «Гарант». https://base.garant.ru/70885220/ Дата обращения: 20.01.2026.

References:

[1] Lyutyagina, E. A. Administrative law: a textbook for universities/E. A. Lyutyagina, A. M. Volkov. - 3rd ed., Revised and add. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2026. - 423 p. - (Higher education). — ISBN 978-5-534-20517-6. - Text: electronic//Educational platform Yurayt [site]. - URL: https://urait.ru/bcode/588338 (access date: 20.01.2026).

[2] Constitution of the Russian Federation (as amended on March 14, 2020). Adopted by popular vote on December 12, 1993 .//SPS “ConsultantPlus.” https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. Accessed 20.01.2026.

[3] Federal Law of July 31, 1995 No. 119-FZ “On the Fundamentals of the Civil Service of the Russian Federation” (expired) .//SPS “Garant.” https://base.garant.ru/10103884/. Accessed 20.01.2026.

[4] Makareiko N.V. Problems of legal certainty of administrative responsibility//State legal research. 2021. №4.

[5] Federal Law of July 27, 2004 No. 79-FZ “On the State Civil Service of the Russian Federation” (as amended) .//SPS “ConsultantPlus.” https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_49481/. Accessed 20.01.2026.

[6] Constitutional Court of the Russian Federation. Resolution of December 28, 2022 No. 59-P in the case of checking the constitutionality of paragraph 4 of Article 224 of the Budget Code of the Russian Federation .//SPS “ConsultantPlus.” https://www.consultant.ru. Accessed 20.01.2026.

[7] Code of Administrative Procedure of the Russian Federation No. 21-FZ dated March 8, 2015 (as amended) .//SPS “Garant.” https://base.garant.ru/70885220/ Accessed on: 20.01.2026.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-429-433

ОСМАНОВ Мухамед Мартинович,
старший преподаватель кафедры
организации правоохранительной деятельности
Северо-Кавказского института повышения
квалификации сотрудников МВД (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
кандидат педагогических наук, подполковник полиции,
e-mail: muhamedosmanov8@gmail.com

ПАРЬЕВ Андрей Генрихович,
преподаватель кафедры административного
права и административной деятельности
Брянского филиала Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
e-mail: mail@law-books.ru

АЛГОРИТМЫ ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКОВ ДОРОЖНО-ПАТРУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ПОЛИЦИИ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВО ВРЕМЯ ДОСМОТРА АВТОТРАНСПОРТА И ПРОВЕРКЕ ДОКУМЕНТОВ

Аннотация. *Автор в своей научной статье рассматривает алгоритм и порядок проведения досмотровых мероприятий транспортных средств и проверки документов с соблюдением мер личной и коллективной безопасности служащей залогом защиты и эффективных мер обеспечения успешного выполнения служебных обязанностей при осуществлении служебной деятельности.*

Ключевые слова: *дорожно-патрульная служба, безопасность, досмотр транспортного средства, профессиональная подготовка, проверка документов, тактика досмотра, личная безопасность, полиция.*

OSMANOV Mukhamed Martinovich,
Senior Lecturer at the Department of Organization
of Law Enforcement Activities of the North Caucasus Institute
for Advanced Training of Ministry of Internal Affairs Officers
(branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Pedagogical Sciences, Police Lieutenant Colonel.

PARYEV Andrey Genrikhovich,
is a lecturer at the Department of Administrative
Law and Administrative Activities
Bryansk branch of the Oryol Law Institute
The Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.V. Lukyanov

ALGORITHMS OF ACTIONS OF EMPLOYEES OF THE HIGHWAY PATROL POLICE SERVICE IN ENSURING PERSONAL SAFETY DURING VEHICLE INSPECTION AND DOCUMENT VERIFICATION

Annotation. *In his scientific article, the author examines the algorithm and procedure for conducting vehicle inspections and document verification in compliance with personal and collective security measures, which serve as a guarantee of protection and effective measures to ensure the successful performance of official duties in the performance of official activities*.

Key words: *traffic patrol service, security, vehicle inspection, professional training, document verification, inspection tactics, personal security, police*.

Профессиональная подготовка сотрудников ОВД направлена на решение многих задач профессионального и образовательного характера.

Обучение сотрудников ОВД приемам, методам обеспечения личной безопасности в процессе противодействия вооруженным преступникам в различных условиях является одной из важнейших задача в системе профессиональной подготовки.

Реализация обозначенной задачи осуществляется посредством огневой и тактической подготовки.

При остановке транспорта сотрудники ОВД также подвергаются опасности, известны случаи, когда остановка транспорта приводила к гибели сотрудников ОВД и получению ими вреда здоровью.

Такие действия сотрудника ОВД как остановка транспортных средств, осуществление проверки документов и осмотра транспортного средства также имеют риски и являются прямой угрозой личной безопасности сотрудника ОВД.

Решение данной проблемы должно носить комплексный характер и требует незамедлительного применения определенных мер, к которым следует отнести совершенствование системы отбора и повышение уровня профессиональной подготовки сотрудников ОВД, проведение мероприятий по улучшение материально-технической базы.

Соблюдение мер личной безопасности сотрудниками ОВД является их важнейшей функций, поскольку способствует снижению риска для здоровья и жизни сотрудников, а также является важнейшим фактором, способствующим снижению травматизма.

Но иногда сотрудники ОВД не видят явной угрозы их жизни, здоровья, а следствием такого восприятия является частичное использования тактических приемов и методов обеспечения личной безопасности.

Тактические приемы и методы обеспечения личной безопасности постоянно отрабатываются и изучаются сотрудниками ОВД, но в некоторых ситуациях они ими пренебрегают.

При остановке транспортного средства возникают некоторые типичные ситуации, которые представляют наибольшую угрозу для здоровья и жизни сотрудников ОВД.

Необходимо рассмотреть данные ситуации в целях понимания какие правила следует соблюдать сотрудникам ОВД, чтобы обеспечить как безопасность граждан, так и личную безопасность.

Несение службы сотрудниками дорожно-патрульной службы (ДПС) осуществляется двумя способами: подвижный патруль (минимальная численность-2 человека) и стационарный пост (минимальная численность-3 человека).

Исходя из возможных сценариев предусмотрено, что один сотрудник выполняет задачи страхующего, поскольку развиваться события могут непредсказуемо вследствие остановки транспортного средства. Если речь о стационарном посте, то сотрудник, выполняющий функции страховщика имеет автомат.

Сотрудник должен остановить транспортное средство так, чтобы не создать другим участникам дорожного движения неудобства, чтобы им не пришлось менять направление своего движения, а также в результате таких действий возможно возникновение потенциально опасных ситуаций и для самих сотрудников.

Если сотрудник ДПС производит остановку транспортного средства в темное время суток, то он должен выбрать участок дороги, который хорошо освещен, однако, если такая возможность отсутствует, то он должен использовать свет фар патрульного транспорта.

При остановке транспортного средства следует внимательно наблюдать за поведением других участников дорожного движения, а именно, следует обратить особое внимание на траекторию движения, перемещаться по проезжей части следует с особой уверенностью и соблюдать соответствующие меры безопасности.

Сотрудник ДПС должен соблюдать правило обхода транспортного средства, так по возможности следует избегать обхода транспортного средства спереди или сзади, если расстояние слишком короткое.

Объясняется это тем, что водитель может проигнорировать требования сотрудника ДПС и начать движение, желая подъехать ближе или же вперед.

Водитель может неверно понять требования сотрудника ДПС.

Следует обратить внимание на расстояние между автомобилем, который сотрудник остановил и рядом стоящими автомобилями, оно должно быть максимально безопасным для прохода, если такие условия отсутствуют, то наиболее разумным будет обойти по обочине данные транспортные средства.

Когда сотрудник приближается к двери водителя, то ему следует увеличить расстояние до транспортного средства, так как если этого не сделать, то велика вероятность получения травмы в результате открытия двери водителем.

Сотруднику рекомендуется не приближать близко к дверям кузовов грузовых автомобилей.

Переоценить готовность к проблемной ситуации крайне сложно.

Число нападений на сотрудников при остановке транспортного средства увеличивается в связи с чем является актуальным развитие у сотрудников ДПС навыков по выявлению возможного агрессивного поведения лица и в таком случает сотрудник будет готов к неожиданному течению ситуации.

Наиболее важным аспектом является умение определить, имеется ли оружия у лица или пассажиров остановленного транспортного средства.

Если сотрудник вовремя сможет выявить наличие оружие, то это во многом определяет эффективность его противодействия возможному нападению.

В связи с чем является целесообразным рассмотрение признаков, указывающих на наличие у участников дорожного движения оружия.

1. Асимметричность походки.

Оружие в значительной степени стесняет движение ноги, в результате шаги человека становятся более короткими, что заметно со стороны, на которой находится оружие. Кроме того оружие можно заметить и при движении человека, так как оно раскачивается. Человек может прятать нож или пистолет в кармане, некоторые могут разместить его за пояс как с левой, так и с правой сторон.

2. Взмах руки значительно стеснён.

С той стороны, где находится оружие, взмах руки может быть стеснённым.

Инстинктивно рука близко располагается к телу, чтобы как бы сохранить оружие.

3. Движение руки по круг. Если человек совершает подъем по лестнице или в гору, а оружие при этом находится за поясом или в кармане, то естественным является то, что оно может изменить положение.

И чтобы вернуть его в исходное положение человек осуществляет круговые движения, чтобы вернуть его в изначальное положение.

4. Человек старается рукой придерживать карман.

Оружие может выпасть из кармана и чтобы этого не произошло, человек придерживает карман рукой.

Также оружие в кармане создает дискомфорт при передвижении и в этой ситуации он также рукой придерживает карман, особенно если он быстро ходит или бежит.

5. Предпринимает попытки оружие скрыть. Человек может использовать различные способы, чтобы скрыть оружие, так он может скрыть его в сумке, дипломате, портфеле, руке, прикрыть какой-либо одеждой, прикрыть за счет более длинного рукава.

Сотрудник ДПС должен обратить внимание, если в руке водителя или пассажира находятся предметы, которые представлены в перечне.

На основе все обозначенного выше можно определить следующие правила по обеспечению личной безопасности сотрудника, когда он производит остановку транспортного средства.

Вне зависимости от ситуации сотрудник при остановке транспортного средства должен соблюдать следующие правила, которые позволят в значительной степени повысить уровень его личной безопасности:

1. Запрещается размещаться между двумя транспортными средствами.
2. Сотрудник должен находиться от автомобиля на расстоянии не менее 1-го метра и обязательно сбоку от него. Данная позиция позволит избежать получения ушибов, травм, если водитель неожиданно начнет движение.
3. Не следует плотно подходить к автомобилю. Запрещается вставать у багажника и капота транспортного средства. Иначе сотрудник подвергает себя высокому риску быть сбитым транспортным средством.
4. Не следует сотруднику подходить спереди к транспортному средству, которое он остановил. Особенно следует проявить осторожность в темное время суток, поскольку правонарушитель может начать движение и при этом светом фар ослепить сотрудника. Сотрудник должен подходит исключительно с той стороны, которая не освещена.
5. К левой передней двери автомобиля также не рекомендуется подходить слишком близко, так как высока вероятность того, что правонарушитель может нанести ушибы, ранения, когда будет открывать дверь.
6. На близкое расстояние не стоит подпускать к себе никого.
7. Быть максимально внимательным и сконцентрированным, особое внимание проявлять к действиям водителя.
8. Осуществлять наблюдение за пассажирами, поскольку у них может быть оружие.
9. В обязательном порядке следует представиться водителю и обозначить причину, по которой он оставлен. Следует быть вежливым и изложить причину остановки в краткой и доступной форме. Данный порядок действий успокаивает водитель и позволяет минимизировать вероятность возникновения конфликтной ситуации.
10. Сотрудник также должен озвучить предложение водителю о выключении двигателя.

11. Если остановка транспортного средства производится в темное время суток, то обратиться к водителю с просьбой включить в салоне освещение.
12. Если сотрудник проводит досмотр, то не следует сообщать, что конкретно его интересует.
13. Сотрудник не должен заглядывать и тем более садится в оставленный автомобиль как бы не складывались условия. Это представляет опасность для сотрудника, так как может неожиданно начаться нападение и он останется без защиты.
14. Сотрудник может пригласить подозреваемого к патрульному автомобилю, но в обязательном порядке соблюдать меры безопасности, а именно по отношению к подозреваемому держать лицом и на определенном расстоянии, что позволит в случае возникновение опасной ситуации применить оружие.
15. Запрещается просовывать руку внутрь салона в целях получения документов.
16. Документы, которые подает водитель, брать исключительной той рукой, которая не понадобится в случае возникновения необходимости применить оружие.
17. Документы сотрудник должен брать исключительно отдельно, т.е. не папке, портмоне. Это делается для того, чтобы не ослабить внимание и не ограничить себя в движении.
18. Если сотрудник уронил предметы или документы, то не следует их поднимать в ситуации, когда водитель находится на близком расстоянии. Возможно два варианта действий при возникновении такой ситуации: сотрудник отходит и предлагает водителю поднять документы; отдает команду водителю, чтобы он отошел и самостоятельно поднимает документы.
19. Не стоит облокачиваться на транспортное средство правонарушителя, особенно использовать плоские площади автомобиля как подставку при составлении протокола.
20. Ни при каких обстоятельствах не допускается, чтобы сотрудник стоял между страхующим сотрудником и правонарушителем, так как это лишает возможности оказания ему своевременной помощи в случае, если такого рола необходимость возникнет.
21. Сотрудник может отвлечь внимание водителя, если он имеет положительный настрой в отношении него, но при этом следует быть внимательным и собранным.
22. Нельзя сотруднику расслабляться, когда он отошел от транспортного средства. Внимательным следует быть как во время первого, так и во время второго подхода.

Соблюдение представленных выше правил в значительной степени повышает уровень личной безопасности сотрудника при остановке транспортного средства.

Если проверка документов производится у водителя, который находит внутри транспортного средства, то следует выполнять определенные правила.

Сотрудник при любой проверке должен осознавать, что лицо, которое он проверяет, может оказаться противником и очень опасным.

Проверяемое лицо может оказать сопротивления, также может совершить нападение и сотрудник должен об этом помнить.

В процессе наблюдения сотруднику рекомендуется провести оценку его физической подготовки, определить обладает ли он какими-то навыками борьбы.

Однако, если человек внешне спокоен и слаб физически, то это не аргументы для того, чтобы при общении сотрудник мог расслабиться.

Сотрудники довольно часто проявляют нежелание контролировать движение руки гражданина, которую он опускает в карман с целью предъявить документы.

Это является существенным недостатком при остановке транспортного средства.

Сотрудник в обязательном порядке должен следить именно за движением рук лица, в отношении которого проводится проверка.

Именно в руках может быть предмет, который представляет опасность для сотрудника.

В случае, когда водитель опускает руки в карман, сотрудник должен находиться именно со стороны этой руки и внимательно следить за ее движением.

Это позволит ему быть готовым к перехвату, блокирования в случае если проверяемое лицо будет вынимать оружие или другое средство для нападения.

Сотрудник в данной ситуации имеет определенный выигрыш по времени, так проверяемый, если собирается совершить нападение должен совершить поворот корпуса или руки.

Принятие документов от водителя следует осуществляет только в позиции стоя и на максимально возможном безопасном расстоянии, разместившись при этом в позиции вполоборота и исключительно рукой, которая не применяется для того, чтобы извлечь оружие в случает возникновения такой ситуации.

Для того, чтобы извлечь оружие, нанести удар свободной должна быть правая рука, а для того, чтобы блокировать удар свободной должна быть левая рука.

Если необходимо составить протокол, то следует его составлять в патрульном автомобиле, правонарушителя следует посадить только на переднее сиденье.

При наличии у сотрудника оснований, что в транспортном средстве могут находиться лица, которые имеют причастность к преступному действию, то приближаться к транспортному средству следует исключительно со стороны двери переднего пассажира.

Данное действие в значительной степени затрудни совершение неожиданного нападения, поскольку правонарушителю потребуется больше времени, чтобы извлечь оружие и, кроме того, совершение этих действий будет заметным для сотрудника.

Сотрудник должен быть готовым к тому, что и водитель, и пассажиры транспортного средства могут применить оружие и иные средства.

Таким образом, при остановке транспорта сотрудник обязан соблюдать основные правила обеспечения личной безопасности, так как остановка транспортного средства имеет риски для здоровья и жизни сотрудника. Сотрудник должен понимать, что возможны различные сценарии развития событий при остановке транспортного средства.

Список литературы:

[1] Григорьева, О. В. Специальная подготовка, эффективные аспекты профессионального обучения сотрудников ОВД / О. В. Григорьева, С. А. Горелов // Совершенствование огневой и тактико-специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, 2022. – С. 72-75.

[2] Жабкин, А. С. Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел при несении службы по охране общественного порядка / А. С. Жабкин, Н. Н. Зинченко, Т. В. Ковалев. – Ростлова-на-Дону : Ростовский юридический институт МВД России, 2024. – 48 с.

[3] Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел при выполнении служебных обязанностей / А. В. Дмитриев, М. А. Фомина, Г. Н. Жогов, Г. Д. Косоруков // Актуальные вопросы совершенствования профессиональной подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации : материалы Всероссийского круглого стола, Москва, 29 марта 2019 года / Академия управления МВД России. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – С. 147-152.

[4] Огородников, М. А. Меры личной безопасности сотрудников ДПС ГИБДД при остановке транспортного средства: Учебно-практическое пособие / М. А. Огородников, О. Б. Михайлов. – Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – 56 с.

[5] Тарасенко, А. А. Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел / А. А. Тарасенко, Ю. Н. Кириченко. – Белгород : Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина, 2024. – 182

References:

[1] Grigorieva, O. V. Special training, effective aspects of professional training of police officers/O. V. Grigorieva, S. A. Gorelov//Improvement of fire and tactical special training of law enforcement officers: Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.V. Lukyanova, 2022. - S. 72-75.

[2] Zhabkin, A. S. Personal safety of employees of the internal affairs bodies when carrying out public order protection service/A. S. Zhabkin, N. N. Zinchenko, T. V. Kovalev. - Rostlov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. - 48 s.

[3] Personal safety of employees of the internal affairs bodies in the performance of official duties/A. V. Dmitriev, M. A. Fomina, G. N. Zhogov, G. D. Kosorukov//Topical issues of improving professional training in the internal affairs bodies of the Russian Federation: materials of the All-Russian round table, Moscow, March 29, 2019/Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2019. - S. 147-152.

[4] Ogorodnikov, M. A. Personal safety measures for traffic police officers when stopping a vehicle: Educational and practical manual/M. A. Ogorodnikov, O. B. Mikhailov. - Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2020. - 56 s.

[5] Tarasenko, A. A. Personal safety of employees of the internal affairs bodies/A. A. Tarasenko, Yu. N. Kirichenko. - Belgorod: Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.D. Putilin, 2024. – 182

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-434-439

ЛЕМИНОВ Михаил Валерьевич,
старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки
Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
e-mail: Leminov.mv@mail.ru

СЕМАГИН Андрей Владимирович,
Начальник кафедры специальной подготовки
Нижегородской академии Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
e-mail: Ansemagin@gmail.com

ИВАШИН Виктор Николаевич,
старший преподаватель кафедры специальной подготовки
Нижегородской академии Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
e-mail: vivashin15081926@gmail.ru

ТЕРЕХИН Андрей Владимирович,
старший преподаватель кафедры специальной подготовки
Нижегородской академии Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
e-mail: terekhin_andrey@bk.ru

СТОЛЯРОВ Андрей Владимирович,
доцент, кафедры специальной подготовки
Нижегородской академии Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
e-mail: milo78@list.ru

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОДГОТОВКИ ОПЕРАТОРОВ БВС В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ: ВЫЗОВЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Аннотация. *Внедрение беспилотных авиационных систем кардинально меняет парадигму служебной авиации в правоохранительной сфере. Подготовка квалифицированных операторов БВС становится для МВД России стратегической задачей. Однако эффективность этого процесса напрямую упирается в гибкость и адекватность правового регулирования. В статье анализируются современные нормативные основы, ключевые проблемы и предложения по совершенствованию правового поля для подготовки специалистов, способных решать оперативно-служебные задачи с применением новейших авиационных технологий. Особое внимание уделяется коллизиям между традиционными нормами авиационного права и динамично развивающейся практикой применения беспилотных технологий в ведомственных условиях.*

Ключевые слова: *UAV, UAV operator, Russian Ministry of Internal Affairs, legal regulation, flight training, aviation legislation, educational standards, unmanned aviation, official activities, and digital transformation.*

LEMINOV Mikhail Valerevich,
Senior lecturer Department of Professional Training
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

SEMAGIN Andrey Vladimirovich,
Chief Department of special training
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

IVASHIN Victor Nikolaevich,
Senior Lecturer Department of special training
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation.

TEREKHIN Andrey Vladimirovich,
Senior Lecturer Department of special training
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

STOLIYAROV Andrey Vladimirovich,
Associate Professor, Department of special training
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

LEGAL SUPPORT FOR TRAINING AIRCRAFT OPERATORS IN THE RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS: CHALLENGES OF THE TECHNOLOGICAL ERA

Annotation. *The introduction of unmanned aerial systems (UAS) is radically changing the paradigm of service aviation in the law enforcement sector. The training of qualified UAS operators has become a strategic task for the Russian Ministry of Internal Affairs. However, the effectiveness of this process depends directly on the flexibility and adequacy of legal regulation. This article analyzes the current regulatory framework, key challenges, and proposals for improving the legal environment for training specialists capable of solving operational and service tasks using the latest aviation technologies. Special attention is paid to the conflicts between the traditional norms of aviation law and the dynamically developing practice of using unmanned technologies in departmental settings*.

Key words: *UAV, UAV operator, Russian Ministry of Internal Affairs, legal regulation, flight training, aviation legislation, educational standards, unmanned aviation, official activities, digital transformation.*

Глубинная трансформация технологической базы МВД России, неразрывно связанная с активным внедрением беспилотных летательных аппаратов в повседневную служебную практику, выдвигает на первый план вопрос кадрового обеспечения этого процесса. Беспилотники прочно вошли в арсенал средств, используемых для патрулирования, поиска лиц, мониторинга чрезвычайных ситуаций, документирования правонарушений и обеспечения безопасности массовых мероприятий [1, с. 45]. Данная тенденция закономерно требует адекватной трансформации всей системы подготовки соответствующих специалистов. Если традиционная подготовка пилотов пилотируемых воздушных судов имеет устоявшиеся десятилетиями четкие правовые и методические основы, регламентированные федеральными авиационными правилами и ведомственными инструкциями, то сфера подготовки операторов БВС в правоохранительных органах находится в стадии активного, но неравномерного формирования [2, с. 112]. Правовое обеспечение этого процесса характеризуется фрагментарностью, множественностью регулирующих актов разного уровня и зачастую внутренними противоречиями, что создает системные «узкие места» и препятствует созданию единого, эффективного и стандартизированного учебного контура. Актуальность исследования обусловлена необходимостью преодоления разрыва между быстро растущими оперативными потребностями в квалифицированных кадрах и медленно эволюционирующей нормативно-правовой базой.

1. Современная нормативная база: многослойность и системные коллизии.

Правовое поле, в котором осуществляется подготовка операторов БВС для нужд МВД России, представляет собой сложную мозаику, складывающуюся из нескольких взаимопересекающихся и не всегда согласованных уровней регулирования. Эта многослойность является источником как правовой определенности в одних аспектах, так и значительных сложностей в других.

Во-первых, это общегосударственное авиационное законодательство. Его краеугольными камнями являются Воздушный кодекс Российской Федерации и издаваемые в его развитие Федеральные авиационные правила (ФАП). Ключевая историческая проблема заключается в том,

что долгое время вся нормативная система ФАП была заточена исключительно под пилотируемую авиацию. Введение в 2023 году новых Федеральных авиационных правил полетов беспилотных воздушных судов (Приказ Минтранса России № 841) стало важным шагом вперед, установив общие для всех операторов правила игры [3]. Однако эти правила носят максимально общий характер и слабо учитывают специфику ведомственного применения, особенно в учебных целях. Они регламентируют, как можно летать, но практически не затрагивают вопросов, кого и как нужно готовить для таких полетов в рамках государственных органов.

Во-вторых, это отраслевое, или ведомственное, регулирование МВД России. Оно представлено внутренними приказами, наставлениями, руководствами и инструкциями, которые регламентируют применение авиации (как пилотируемой, так и беспилотной) в служебной деятельности. Основная характеристика этого пласта – его реактивность. Нормативные акты зачастую «догоняют» технологические реалии, принимаясь как ответ на возникшие практические потребности, а не как проактивная система [4, с. 23]. Критическим пробелом является отсутствие единого, систематизированного и концептуального нормативного акта, который бы четко определял статус оператора БВС как отдельной штатной единицы или специальной служебной позиции. Отсутствуют внятные формулировки его прав, обязанностей, служебной ответственности и, что наиболее важно, детализированных требований к уровню и содержанию профессиональной подготовки.

В-третьих, это сфера образовательного права, включающая Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) и профессиональные стандарты (Профстандарты). Профстандарт «Специалист по эксплуатации беспилотных авиационных систем» был утвержден и формально задает рамки квалификации [5]. Однако его практическая интеграция в ведомственные образовательные программы, реализуемые в вузах МВД и на курсах повышения квалификации, происходит медленно, фрагментарно и неравномерно. Возникает существенный разрыв между формальными квалификационными требованиями, прописанными в стандарте, и реальным содержанием учебного процесса, его материально-техническим и методическим обеспечением. Этот разрыв ставит под вопрос унификацию и признание квалификации выпускников разных учебных заведений системы.

2. Ключевые проблемы в правовом обеспечении подготовки.

На стыке указанных правовых слоев возникают системные, взаимосвязанные проблемы, которые тормозят развитие эффективной системы подготовки операторов БВС в МВД.

Первая и фундаментальная проблема – это неопределенность статуса «оператор БВС МВД». Является ли он в первую очередь авиационным специалистом, по аналогии с пилотом, что влечет за собой применение к нему строгих норм авиационного законодательства, включая особый порядок медицинского освидетельствования (ВЛЭК) и материальной ответственности за воздушное судно? Или он является техническим специалистом, инженером-оператором? А может быть, это сотрудник оперативного подразделения (ППС, уголовного розыска, ГИБДД), который просто получил дополнительную функцию и навык работы с техникой? От ответа на этот вопрос в правовом поле зависит выбор базового нормативного акта для регулирования всей цепи: от профотбора и обучения до допуска к полетам и определения границ ответственности. Сегодня этот вопрос зачастую решается на местном уровне, порождая правовой хаос [2, с. 115].

Вторая проблема напрямую вытекает из первой – это отсутствие типовых, унифицированных ведомственных программ подготовки. В пилотируемой авиации программы летной подготовки выстроены вокруг жестких требований ФАП-147 (подготовка авиационного персонала) и ФАП-128 (сертификация организаций, осуществляющих подготовку). Для БВС подобной детализированной сквозной системы нет. Подготовка операторов часто носит локальный, адаптивный, а иногда и «кустарный» характер. Каждое территориальное подразделение, учебный центр или вуз вынуждены самостоятельно, с нуля, создавать учебные программы. Это приводит к колоссальному разнобою в качестве, объеме и содержании обучения. Нет единых, закрепленных в нормативном акте, требований к минимальному количеству учебных часов, обязательному соотношению теории и практики, перечню отрабатываемых в ходе обучения типовых оперативно-тактических задач [6, с. 78].

Правовые и административные барьеры для организации полноценной практической подготовки. Ключевым элементом обучения является реальный налет. Однако организация учебных полетов БВС, особенно за пределами специально отведенных и оборудованных зон (а такие зоны есть далеко не везде), упирается в сложную и длительную процедуру получения разрешений на использование воздушного пространства (РИВП). Для курсантов и инструкторов это создает искусственный, но значительный дефицит реальной летной практики, подменяя ее сухой теорией. Нормативная база не предусматривает устойчи-

вых упрощенных или ускоренных процедур для регулярных учебных полетов, особенно на малых и средних БВС, в пределах закрытых ведомственных полигонов, на территориях аэродромов МВД или в специально выделенных для нужд Министерства районах [3].

Усложненная, «двойная» ответственность инструкторского состава. Инструктор, готовящий операторов БВС, несет повышенную ответственность не только за усвоение курсантами навыков пилотирования и применения полезной нагрузки, но и за их безупречное знание и неукоснительное соблюдение целого спектра законодательства. Речь идет о воздушном законодательстве (во избежание авиационных происшествий), об административном праве (например, при съемке в общественных местах), о законодательстве о персональных данных (при обработке изображений граждан), об авторском праве и т.д [6, с. 82]. Единых методических и правовых руководств (guidelines) для инструкторов, которые бы структурировали этот объем знаний и помогали донести его до обучаемых, на сегодняшний день не разработано [4, с. 30].

Правовое обеспечение подготовки операторов БВС в МВД России заметно отстает от стремительного развития технологических возможностей и насущных оперативных потребностей. Сложившаяся ситуация с фрагментарным и противоречивым регулированием создает риски недостаточной квалификации персонала, нарушения законодательства в процессе обучения и, как следствие, снижения эффективности применения беспилотных технологий в служебной деятельности.

Для преодоления этого системного разрыва необходим комплекс последовательных и взаимосвязанных мер, направленных на формирование целостного правового поля.

Первоочередной мерой должна стать разработка и принятие специального Ведомственного приказа МВД России «Об утверждении Порядка подготовки и допуска к самостоятельной работе операторов БВС в системе МВД России». Этот акт должен стать стержневым документом, который установит сквозную процедуру: от единых критериев профессионального отбора и четких требований к состоянию здоровья (возможно, в виде адаптированного перечня требований ВЛЭК) до стандартизированной структуры учебных программ, унифицированного порядка итоговой аттестации и периодичности обязательного повышения квалификации. Именно в этом акте должен быть окончательно прописан статус оператора.

Второй ключевой шаг, обеспечивающий содержательное наполнение нормативных требований, — это разработка и утверждение единой Типовой основной программы профессиональной подготовки и переподготовки операторов БВС для нужд МВД России. Данный документ должен являться концептуальным ядром ведомственного образовательного стандарта, производным от общего Порядка и детализирующим его требования. Разработка программы должна осуществляться в рамках обязательного межведомственного согласования. Согласование с Министерством транспорта России (Росавиацией) необходимо для обеспечения полного соответствия программы требованиям воздушного законодательства, федеральных авиационных правил, в том числе новым ФАП полетов БВС, а также для учета процедур организации воздушного движения. Согласование с Министерством науки и высшего образования РФ обеспечивает легитимность программы в рамках национальной системы образования, ее соответствие требованиям к структуре и объему дополнительных профессиональных программ, а также возможность последующего признания документов об образовании.

Вторая рекомендация - для адекватного отражения всего спектра оперативно-служебных задач и технологического разнообразия парка БВС, программа должна обладать четкой модульной архитектурой. В её основе должен лежать базовый (общепрофессиональный) модуль, формирующий универсальные компетенции: знание воздушного и административного законодательства, основ аэродинамики и конструкции БВС, правил эксплуатации и безопасности полетов, авиационной метеорологии. Последующее обучение должно строиться по принципу специализированных модулей, дифференцированных по двум ключевым признакам. Первый признак — классовая принадлежность БВС (малые, средние, тяжелые), определяющая различия в процедурах допуска к полетам, использовании воздушного пространства, материальной ответственности и применяемых технических регламентах. Второй признак — целевая специализация оператора, обусловленная характером решаемых задач. В этой связи необходимо выделить модули для подготовки, например, оператора-наблюдателя (патрулирование, розыск, сопровождение), оператора-картографа или оператора мониторинга (съемка местности, построение ортофотопланов, работа с ГИС в условиях ЧС), а также оператора-техника (эксплуатационное обслуживание, предполетная и послеполетная подготовка, диагностика). Каждый модуль должен содержать детализированный учебно-тематический план, перечень необходимых практических навыков, критерии оценки и требования к материально-техническому оснащению учебного процесса. Лишь такая структурированная и гибкая программа позволит осуществлять адресную и

качественную подготовку кадров, отвечающих конкретным служебным потребностям подразделений МВД [5].

Третья рекомендация касается устранения административных барьеров. Необходима работа на межведомственном уровне по упрощению процедур получения разрешений на использование воздушного пространства для учебных полетов. Это может быть достигнуто через заключение долгосрочных соглашений между МВД и Росавиацией о выделении постоянных учебных зон в воздушном пространстве на базе подведомственных МВД аэродромов, полигонов и иных территорий, с установлением для них упрощенного порядка запроса и получения РИВП [3].

Четвертое направление – легализация и стандартизация симуляционной подготовки. Требуется внесение соответствующих дополнений и изменений в ведомственные нормативные акты, которые бы признали время, отработанное на сертифицированных и аттестованных тренажерах и симуляторах, в качестве полноценной учебной нагрузки, засчитываемой в общий налет или в часы отработки навыков [6, с. 85].

Наконец, фундаментальным элементом модернизации образовательного контура является легитимация и формализация ключевой роли инструкторского состава. Для системного обеспечения качества подготовки требуется не просто выделение функций, а целенаправленное введение в штатные расписания авиационных подразделений и учебных центров МВД отдельной, самостоятельной штатной единицы «инструктор-оператор беспилотных воздушных судов». Создание данной должности должно стать правовой основой для формирования профессионального инструкторского корпуса, что повлечет за собой каскад необходимых регуляторных действий. В первую очередь, для этой позиции в установленном порядке должен быть разработан и утвержден отдельный, ведомственно-согласованный профессиональный стандарт. Данный стандарт должен содержать квалификационные требования, существенно превышающие базовые для линейного оператора БВС, включая обязательный опыт эксплуатационной деятельности, подтвержденный летной книжкой оператора БВС с определенным минимальным налетом (в часах или количестве выполненных заданий), а также сертифицированные педагогические компетенции. Профстандарт должен детально регламентировать трудовые функции, такие как проведение вводного, текущего и контрольного инструктажа, методическое обеспечение тренажерной и летной подготовки, разработка частных методик по отработке сложных элементов полета и оперативно-тактических сценариев, оценка действий обучаемых и ведение учетно-отчетной документации. Параллельно требуется разработка и аккредитация специальной дополнительной профессиональной программы (программы профессиональной переподготовки) «Инструктор-методист летной подготовки на БВС». Эта программа должна быть направлена на формирование у будущих инструкторов углубленных знаний в области авиационной психологии, педагогики высшей школы, методики летного обучения, основ криминалистики и оперативно-розыскной деятельности (применительно к специфике применения БВС), а также навыков разбора и анализа летных происшествий (инцидентов) с БВС. Только такой комплексный подход – институционализация должности, стандартизация требований и специализированная подготовка – позволит создать правовые и кадровые условия для передачи знаний и навыков на качественно новом уровне, обеспечивающем преемственность, безопасность и высокую оперативную эффективность подготовки операторского состава. [4, с. 34].

Только такой системный и комплексный подход к формированию целостного, непротиворечивого и технологически ориентированного правового поля позволит превратить подготовку операторов БВС из текущей экспериментальной инициативы в потоковый, высококачественный и прогнозируемый процесс. Это станет надежным фундаментом для обеспечения МВД России компетентными кадрами, способными в полной мере использовать потенциал беспилотной авиации для эффективного выполнения служебных задач в условиях цифровой трансформации правоохранительной деятельности.

Список литературы:

[1] Петров, А. В. Тактика применения беспилотных авиационных систем в служебной деятельности органов внутренних дел : монография / А. В. Петров, С. И. Васильев. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 156 с.

[2] К вопросу о правовом статусе оператора беспилотного воздушного судна в системе МВД России / Е. Д. Семенов, М. П. Игнатьев // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 5. – С. 110–118.

[3] Об утверждении Федеральных авиационных правил полетов беспилотных воздушных судов : Приказ Минтранса России от 15.11.2023 № 841 (ред. от 12.01.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 24.01.2026).

[4] Нормативно-правовое и организационное обеспечение служебной подготовки в орга-

нах внутренних дел Российской Федерации : учебное пособие / под ред. В. А. Сидорова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. – 189 с.

[5] Специалист по эксплуатации беспилотных авиационных систем : профессиональный стандарт № 2589, утв. Приказом Минтруда России от 10.11.2020 № 773н // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 24.01.2026).

[6] Современные технологии в профессиональном обучении авиационного персонала : сборник научных трудов / отв. ред. К. Н. Фролов. – Краснодар : КВВАУЛ, 2023. – 204 с.

References:

[1] Petrov, A. V. Tactics of using unmanned aerial systems in the official activities of the internal affairs bodies: monograph/A. V. Petrov, S. I. Vasiliev. - Moscow: Yurlitinform, 2021. - 156 s.

[2] On the question of the legal status of the operator of an unmanned aircraft in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia/E. D. Semenov, M. P. Ignatiev//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 5. - S. 110-118.

[3] On approval of the Federal Aviation Rules for Unmanned Aircraft Flights: Order of the Ministry of Transport of Russia of 15.11.2023 No. 841 (ed. 12.01.2024) //Official Internet portal of legal information. - URL: http://publication.pravo.gov.ru (access date: 24.01.2026).

[4] Regulatory and organizational support of official training in the internal affairs bodies of the Russian Federation: training manual/ed. V. A. Sidorov. - St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. - 189 s.

[5] Specialist in the operation of unmanned aircraft systems: professional standard No. 2589, approved by By order of the Ministry of Labor of Russia dated 10.11.2020 No. 773n//ConsultantPlus. - URL: http://www.consultant.ru (access date: 24.01.2026).

[6] Modern technologies in professional training of aviation personnel: collection of scientific papers/rev. ed. K. N. Frolov. - Krasnodar: KVVAUL, 2023. - 204 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-440-446

ЖЕЛЕЗНАЯ Валерия Геннадьевна,
Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена,
магистрант,
e-mail: geleznavalencia@gmail.com

Научный руководитель:
ФИЛЯСОВА Юлия Анатольевна,
Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена,
кандидат филологических наук, доцент,
e-mail: phill.yield@gmail.com

ЛИЧНОСТНО-СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ КАРЬЕРЫ

Аннотация. *В статье представлены данные ассоциативного опроса студентов РГПУ им. А.И. Герцена о карьере – многокомпонентного понятия, включающего временные, социальные, профессиональные и личностные компоненты значения. В результате категоризации и семантического анализа полученных ответов были выделены индивидуально-личностные и социально-личностные аспекты карьерного развития, а также подготовительный этап профессионального становления. В представлениях студентов карьера воспринимается как смыслообразующее понятие и ассоциируется с выбором профессии, получением высшего образования, возможностями, перспективами, ожиданиями, высоким социальным статусом, формированием необходимых навыков и умений, погружением в трудовую деятельность. На начальной стадии развития карьеры молодежь определяет для себя ценности и смысл, расширяет кругозор, развивает ответственность, организованность, трудолюбие, навыки планирования и тайм-менеджмента. Ассоциации связаны, преимущественно, с личными стремлениями и усилиями по достижению целей. Причиной тому, по-видимому, является фокус внимания со стороны окружения (семьи, школы, вуза и работодателей) на личности молодежи и формировании необходимых навыков.*

Ключевые слова: *трудолюбие, критическое мышление, тайм-менеджмент, карьерные ожидания, трудоустройство, социальный статус, повышение квалификации, социальное окружение.*

ZHELEZNAYA Valeria Gennadievna,
A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia,
Master Degree Student

Scientific supervisor:
FILYASOVA Yulia Anatolyevna,
A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia,
PhD in Philology, Associate Professor

PERSONAL AND SOCIAL ASPECTS OF CAREER DEVELOPMENT

Annotation. *The article considers data from an associative student survey at the A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia about career – a multi-component concept that includes temporal, social, professional, and personal components of meaning. As a result of categorization and semantic analysis of the received responses, individual-personal and social-personal aspects of career development, as well as the preparatory stage of professional development, were identified. In students' minds, a career is perceived as a*

meaning-forming concept and is associated with the choice of a profession, obtaining higher education, opportunities, prospects, expectations, high social status, the development of necessary skills and abilities, and immersion in work activity. At the initial stage of career development, young people define their values and meaning, expand their horizons, and develop responsibility, organization, hard work, planning, and time management skills. The associations are primarily related to personal aspirations and efforts to achieve goals. This is apparently due to the focus of the environment (family, school, university, and employers) on the individuality of young people and the development of necessary skills.

Key words: *hard work, critical thinking, time management, career expectations, employment, social status, advanced training, social environment.*

Введение

Карьера является комплексным многогранным понятием, определяемым целым комплексом факторов, характеризующих сложную природу человека: социально-демографические, психофизиологические, интеллектуальные, профессиональные, творческие, коммуникативные, эмоциональные, культурно-нравственные [1, с. 38-39]. Анализ понятия в медийной среде выявил, что карьера включает такие аспекты как профессионализм, известность, управление карьерой и поддержание баланса между семьей и карьерой [2]. Исследования показывают, что для профессиональной сферы поколение Z осознает востребованность soft skills – коммуникации, публичных выступлений, самопрезентации, тайм-менеджмента, эмоционального интеллекта, стрессоустойчивости, лидерства, работы в команде, адаптивности [3, с. 74]. Обучение в высших учебных заведениях также акцентировано на необходимости повышения эффективности командной работы и коммуникации [4].

Вместе с тем, карьерное развитие зависит не только от личных амбициозных целей, но и от социального окружения, организационной политики и культуры [5], экономической ситуации и состояния рынка труда [6]. В профессиональной среде карьерное развитие рассматривается как организационное явление и включает в качестве интегральных аспектов виды карьеры, политику, принципы и методы управления карьерой [7]. Работники организации рассматриваются как человеческий капитал, представляющий собой ценный актив; для превращения его в реальную экономическую силу необходима система мотивации и стимулирования [8, с. 84]. Большое внимание уделяется адаптации новых сотрудников, выявлению психотипов персонала [9] и подбору индивидуальных методов мотивации для повышения производительности труда [10]. Выбор стиля управления соответствует выявленным психотипам; исходя из установок персонала, определяется вид мотивации – на основе страха (авторитарный стиль), на инициативной основе (демократический стиль) или путем предоставления абсолютной свободы (либеральный стиль) [11]. Система внутреннего контроля направлена на выявление и снижение рисков искажения финансово-экономических показателей, таких как начисление заработной платы [12, с. 102]. Работодатели создают благоприятные условия для труда [13], обеспечивают сбалансированное соотношение, по возможности, между разными видами деятельности благодаря ротации, например, между умственным и физическим трудом [14, с. 198].

Исследователи отмечают «тенденцию «человекоцентричности», направленную на удержание наиболее квалифицированного персонала в организации, на рассмотрение всех его требований к организации-работодателю» [15, с. 22]. По словам Г.Н. Рязановой, «потребности компаний меняются под воздействием внешних угроз, и работодатель выдвигает все новые требования к работникам организации» [16, с. 51]. Перфекционизм рассматривается как ожидаемое личностное качество соискателей и будущих работников, нацеленных на достижение высоких результатов трудовой деятельности [17]. Следовательно, современной молодежи необходимо изучение широкого спектра вопросов и формирование практических навыков для успешного вхождения в профессию, поэтому многие молодые люди стремятся получить первоначальный опыт работы, будучи студентами, например, на условиях почасовой оплаты труда, частичной занятости, дистанционной работы.

Материал и методы

Целью исследования является анализ восприятия студентами личностных и социальных аспектов карьерного развития. Материалом исследования послужили данные опроса студентов РГПУ им. А.И. Герцена (18-24 года) с помощью ассоциативного эксперимента по ключевому слову «карьера». Методы исследования включали категоризацию и семантический анализ полученных результатов.

Карьера определяется следующим образом:

«1. работа, которой человек занимаетесь на протяжении всей жизни и которая дает возмож-

ность продвинуться на более высокую должность и зарабатывать больше денег; 2. время, затрачиваемое на выполнение определенной работы» ;

«1. продвижение в служебной или другой деятельности, достижение известности, славы и т.п.; 2. деятельность на каком-либо поприще. Устаревшее: вообще род занятий, профессия» ;

«1. род занятий, деятельности; 2. путь к успехам, видному положению в обществе, на служебном поприще, а также само достижение такого положения» .

Определения содержат достаточно много компонентов, которые свидетельствуют о сложности данного понятия. Синонимичный ряд терминов английского языка – career development, career advancement, career growth, career progression, career progress, career enhancement – свидетельствует о многогранности данного понятия и различных оттенках значения [18]. Студенты 18-24 лет находятся в самом начале своей карьеры. Практическая значимость данного исследования заключается в выявлении представлений молодежи о карьере как комплексном явлении, реализующемся во временном континууме, личностном, социальном и профессиональном аспектах.

Ассоциативный эксперимент является ключевым методом изучения содержания понятия посредством выявления ментальных структур и семантических связей с помощью его языковых репрезентаций [19, с. 134]. Концептуальные представления «формируются в результате длительного непрерывного процесса восприятия информации человеком об окружающей действительности различными органами чувств путём рефлексии прошлых событий и прогнозирования развития ситуаций в будущем» [20, с. 173]. Восприятие картины мира и элементов бытия складывается на протяжении всей жизни человека и меняется при переходе от одной возрастной стадии к другой [21, с. 104] и во многом определяется социокультурным окружением. Восприятие карьеры меняется с возрастом, с появлением новых социальных задач и качественных преобразований личности, например, в более зрелом возрасте обязательным личным компонентом карьеры является моральное удовлетворение [7, с. 110; 22; 23]. Кроме того, для каждого этапа жизненного цикла существуют отдельные инструменты управления карьерой [24, с. 66]. Актуальность данного исследования определяется тем, что в начале жизненного пути закладываются основы мировосприятия, и формируется сценарий всей будущей жизни, поэтому важно понимать, каким образом молодежь относится к своей будущей карьере.

Результаты и обсуждение

Данные опроса о карьере были разделены на три категории – подготовительный этап, индивидуально-личностные и социально-личностные аспекты карьерного развития. Рассмотрим их более подробно.

Ассоциации подготовительного этапа: высшее образование, вечерняя / заочная форма обучения, знания, тренировочные задания, формирование критического мышления, профессиональные навыки, специальные навыки, специализация, стажировка, социальное окружение, выбор профессии, подготовка резюме, карьерные ожидания.

Подготовка к профессиональной деятельности, включающая комплекс мероприятий, направленных на приобретение необходимых знаний, профессиональных навыков и формирование устойчивых карьерных ожиданий, является критически важным периодом в жизни индивида, определяющим его будущую профессиональную траекторию и конкурентоспособность на рынке труда. Ключевым элементом данного этапа выступает высшее образование, обеспечивающее теоретическую базу и возможности для развития необходимых компетенций.

Процесс обучения в высшем учебном заведении не ограничивается лишь освоением учебной программы. Важную роль играют тренировочные задания, направленные на применение полученных знаний на практике, а также развитие критического мышления, необходимого для решения сложных профессиональных задач. Возможность выбора вечерней или заочной формы обучения позволяет приобретать практический опыт и одновременно формировать собственное представление о выбранной специализации.

Важную роль на подготовительном этапе играет социальное окружение. Общение с преподавателями, однокурсниками, экспертами в выбранной области способствует обмену опытом, расширению профессиональных контактов и формированию адекватной самооценки. Критический анализ приобретенных знаний и профессиональных навыков, умение грамотно представить свои достижения и соответствовать требованиям работодателей помогают подготовить успешное резюме.

Индивидуально-личностные ассоциации: баланс между работой и домом, дисбаланс в отношении семьи, отсутствие семьи, недостаток свободного времени, хобби, призвание, амбиции, самореализация, ценности и смысл, дисциплина, финансовая грамотность, тайм-менеджмент, умение планировать дела и время, расширение кругозора, ответственность, организованность, тру-

долюбие, трудоголизм, утомленность, усталость, стресс, творческий кризис, формирование будущего, усердие, упертость, настойчивость, сильный характер, успех, самореализация, карьера – это цель жизни, карьера – это смысл жизни, карьера – это жизнь.

Согласно полученным данным, карьера считается значимым компонентом самоидентификации личности. Направленность на карьеру часто обусловлена личными амбициями и стремлением к самореализации. Для некоторых респондентов, обладающих сильным характером, карьера – это цель или даже смысл жизни. Работа представляется главным приоритетом, требующим высокой степени самодисциплины, организованности и трудолюбия. Развитые способности планирования деятельности и времени, эффективный тайм-менеджмент, а также усердие и настойчивость способствуют продвижению по карьерной лестнице. Неотъемлемой частью успешной карьеры является постоянное расширение кругозора, освоение новых навыков и принятие ответственности за свои действия.

Негативными последствиями чрезмерной концентрации на задачах трудовой деятельности могут стать недостаток личного времени, дисбаланс между работой и семейной жизнью, иногда полное отсутствие семьи или хобби. Недостаток свободного времени повышает уровень стресса [6], приводит к утомленности и усталости. В долгосрочной перспективе подобный дисбаланс может спровоцировать творческий кризис и снижение удовлетворенности трудом.

Важнейшим фактором, влияющим на выбор карьерного пути, является осознание собственных ценностей и смысла профессии [25]. Человек испытывает большое удовлетворение и мотивацию к достижению высоких результатов при условии их соответствии внутренним убеждениям и ощущению призвания. Материальным коррелятом успеха в карьере является доход. Благодаря финансовой грамотности – умению планировать личные доходы и расходы человек может рационально распоряжаться своими ресурсами и инвестировать в личное и профессиональное развитие.

Социально-личностные ассоциации: трудоустройство, трудности вхождения в профессию, профессионализм, деньги, этапы карьерного роста, повышение квалификации, длительная профессиональная траектория до старости, профессиональное развитие, перерывы в карьере, стремление добиваться поставленных целей, возможности, перспективы, стабильность, сложности, труд, работа, обязанности, трудовой стаж, опыт работы, карьерное продвижение, карьерный рост, повышение в должности, социальный статус.

Карьера является социально-значимым процессом, предполагающим взаимодействие личности с социумом на протяжении длительной профессиональной траектории. Успех и удовлетворенность в профессиональной сфере детерминированы не только личными качествами, но и социальными факторами, формирующими контекст трудоустройства, карьерного продвижения и развития. Трудоустройство и начальный этап вхождения в профессию часто сопряжен с трудностями. Молодые специалисты сталкиваются с необходимостью адаптации к новым условиям, освоения требований работодателя и взаимодействия с коллегами. Недостаток опыта работы и навыков может создавать сложности в процессе практического применения полученных знаний. От успешности данного этапа – обучения, адаптации и формирования деловых связей – во многом зависит траектория профессионального развития.

Дальнейшие стадии карьерного пути характеризуются стремлением к продвижению и повышению в должности, требующих постоянного профессионального развития, повышения квалификации, освоения новых технологий и компетенций. Перерывы в карьере, связанные с воспитанием детей, уходом за родными и близкими или личными обстоятельствами, могут замедлить карьерный рост, однако не обязательно приводят к негативным последствиям. Стремление к профессионализму диктует необходимость непрерывного обучения и совершенствования, что, в свою очередь, открывает новые возможности и перспективы. Важным фактором, влияющим на скорость и успешность карьерного роста, является стремление добиваться поставленных целей, инициативность и умение эффективно выполнять свои трудовые обязанности.

Материальное стимулирование является фактором риска для мотивации, поскольку может привести к снижению удовлетворенности трудом и конфликту личных ценностей с должностными требованиями. Социальное признание и уважение, в дополнение к денежному стимулированию, создает смысл трудовой деятельности и накопленному опыту. Успешная карьера повышает социальный статус, расширяет круг общения и обеспечивает доступ к новым ресурсам.

Выводы

Результаты опроса показывают, что карьера в представлениях студентов ассоциируется с возможностями, перспективами, трудолюбием, высоким социальным статусом. Отдельные респонденты полностью отождествляют карьеру с жизнью и ее смыслом. Даже индивидуально-личностные аспекты, аналогичным образом, охватывают качества, подходящие для трудовой

деятельности. Такое представление, вероятно, связано с возрастными особенностями восприятия карьеры. В начале профессионального пути молодежь должна посвящать много усилий и времени для вхождения в профессию, устанавливать новые контакты и связи, максимально погружаться в деловую среду. По данной причине среди полученных ассоциаций отдельную категорию составили семантические связи с подготовительной стадией на пути к профессиональной жизни.

Подготовительный этап карьеры, по мнению респондентов, представляет собой комплексный и многосторонний процесс, включающий в себя получение высшего образования, развитие профессиональных навыков, прохождение стажировки, формирование карьерных ожиданий и построение профессиональных контактов. Инвестиции в собственное развитие являются определяющими для достижения успеха в дальнейшей профессиональной деятельности.

Согласно полученным данным, ассоциации студентов связаны преимущественно с личными стремлениями и усилиями по достижению целей. Причиной тому, по-видимому, является фокус внимания окружения (семьи, школы, вуза и работодателей) на личности молодежи и формировании у них необходимых навыков. Работодатели также стремятся максимально вовлечь молодых специалистов в деятельность организации для повышения их деловой активности [26].

Таким образом, карьера в представлениях студентов – это осознанный выбор направлений карьерного продвижения, умение адаптироваться к меняющимся условиям рынка труда, установление эффективных профессиональных связей и непрерывное профессиональное развитие. Учет социально-личностных аспектов позволяет не только достичь карьерного роста, социального признания и уважения, но и обеспечить стабильность, высокую удовлетворенность трудом и поддержание достойного социального статуса на протяжении всей жизни.

Список литературы:

[1] Митрофанова, Е. А. Концептуальный подход к формированию и развитию человеческого капитала образовательных организаций высшего образования / Е. А. Митрофанова, О. С. Сувалов // Управление. – 2025. – Т. 13, № 2. – С. 25-41. – DOI 10.26425/2309-3633-2025-13-2-25-41. – EDN QAWNIO.

[2] Ковальчук, А. А. Семантическое поле немецкой лексемы «Karriere» в медийных заголовках / А. А. Ковальчук // Ломоносов - 2021 : материалы Международного молодежного научного форума, Москва, 12–23 апреля 2021 года. – Москва: ООО «МАКС Пресс», 2021. – EDN BOAXRH.

[3] Данилова, Е. А. Исследование востребованности soft skills на рынке труда / Е. А. Данилова, К. Р. Юскаева // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2025. – Т. 14, № 4. – С. 74-79. – DOI 10.12737/2305-7807-2025-14-4-74-79. – EDN AWFXYS.

[4] Щегулина, О. В. Управление знаниями как фактор повышения эффективности командной работы студентов в условиях проектного обучения / О. В. Щегулина, Р. А. Ашурбеков, О. В. Журавлева // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2025. – Т. 14, № 3. – С. 5-11. – DOI 10.12737/2305-7807-2025-14-3-5-11. – EDN UZOHRJ.

[5] Абера, Т. Б. Влияние организационной культуры на формирование поведения персонала учреждений высшего образования (на примере университета Гондэра, Эфиопия) / Т. Б. Абера, Ж. А. Мингалева // Управление. – 2024. – Т. 12, № 4. – С. 60-69. – DOI 10.26425/2309-3633-2024-12-4-60-69. – EDN KBFTEY.

[6] Филясова, Ю. А. Проблема эмоционального выгорания и управление эмоциональным состоянием педагогического персонала / Ю. А. Филясова // Проблемы современной экономики. – 2020. – № 1(73). – С. 201-205. – EDN EJLPYY.

[7] Белько, И. В. Исследование понятия «карьера» и особенностей управление карьерой / И. В. Белько, О. В. Карабанова // Вестник МГПУ. Серия: Экономика. – 2023. – № 2(36). – С. 107-118. – DOI 10.25688/2312-6647.2023.36.2.09. – EDN EINCWY.

[8] Бонйани, А. Д. Систематизация научных подходов в современной системе мотивации и стимулирования персонала / А. Д. Бонйани // Управление. – 2022. – Т. 10, № 4. – С. 84-95. – DOI 10.26425/2309-3633-2022-10-4-84-95. – EDN FLOGOL.

[9] Филясова, Ю. А. Перфекционизм личности в социально-трудовых отношениях / Ю. А. Филясова // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2021. – № 1. – С. 23-28. – DOI 10.51692/1994-3776_2021_1_23. – EDN SFDFRA.

[10] Каштанова, Е. В. Адаптация персонала: путь к успеху начинается здесь / Е. В. Каштанова, А. С. Лобачева, Р. А. Ашурбеков // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2025. – Т. 14, № 5. – С. 34-40. – DOI 10.12737/2305-7807-2025-14-5-34-40. – EDN RVEHEZ.

[11] Филясова, Ю. А. Включенность перфекционистов в социально-трудовые отношения при

разных стилях управления персоналом / Ю. А. Филясова // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2021. – Т. 10, № 1. – С. 30-36. – DOI 10.12737/2305-7807-2021-10-1-30-36. – EDN VZUBTK.

[12] Система внутреннего контроля расчетов по оплате труда: основные элементы и методы повышения ее эффективности / А. Л. Пименова, О. С. Артамонова, Д. Д. Пименов, А. Б. Янковский // Проблемы современной экономики. – 2025. – № 2(94). – С. 102-106. – EDN QNSUBA.

[13] Злобин, К. В. Повышение производительности труда как инструмент выживаемости производственных предприятий в условиях кадрового дефицита / К. В. Злобин, Е. О. Гаспарович // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2025. – Т. 14, № 5. – С. 54-59. – DOI 10.12737/2305-7807-2025-14-5-54-59. – EDN EXXXYM.

[14] Гулямов, С. С. Оценка эффективности творческого и физического труда / С. С. Гулямов, М. А. Икрамов, Н. А. Абдурашидова // Проблемы современной экономики. – 2025. – № 2(94). – С. 198-201. – EDN HLQFNI.

[15] Захаров, Д. К. Тенденции управления персоналом в современных условиях экономики России / Д. К. Захаров, Е. В. Каштанова, А. С. Лобачева // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2025. – Т. 14, № 5. – С. 22-26. – DOI 10.12737/2305-7807-2025-14-5-22-26. – EDN OFMWLR.

[16] Рязанова, Г. Н. Взаимосвязь бизнеса и высшего образования для подготовки продуктивных человеческих ресурсов / Г. Н. Рязанова // Управление. – 2025. – Т. 13, № 1. – С. 51-62. – DOI 10.26425/2309-3633-2025-13-1-51-62. – EDN DSTVZE.

[17] Филясова, Ю. А. Перфекционизм как ожидаемое социальное качество соискателей при онлайн-рекрутинге персонала / Ю. А. Филясова // Цифровая социология. – 2022. – Т. 5, № 2. – С. 21-32. – DOI 10.26425/2658-347X-2022-5-2-21-32. – EDN QZFBEU.

[18] Filyasova, Yu. A. English Career Terms Synonymy / Yu. A. Filyasova // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. – 2021. – Vol. 12, No. 3. – P. 669-683. – DOI 10.22363/2313-2299-2021-12-3-669-683. – EDN QHRRMZ.

[19] Крюкова, Г. А. Концепт. Определение объема содержания понятия / Г. А. Крюкова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 59. – С. 128-135. – EDN JWBWLJ.

[20] Филясова, Ю. А. Концептуализация и категория концепта в когнитивной теории Р. Лангакера и Л. Талми: интеграция когнитивных и языковых структур / Ю. А. Филясова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2024. – Т. 10, № 2. – С. 173-190. – EDN TXEYMT.

[21] Блох, М. Я. Проблема понятий концепта и картины мира в философии языка / М. Я. Блох // Преподаватель XXI век. – 2007. – № 1. – С. 101-105. – EDN LLSKDB.

[22] Исследование взаимосвязей между удовлетворенностью карьерой, карьерными ориентациями и профессиональной самооценкой персонала на этапе Продвижения карьеры / Е. М. Кот, А. В. Ручкин, Н. А. Юрченко [и др.] // Право и управление. – 2023. – № 11. – С. 383-388. – DOI 10.24412/2224-9133-2023-11-383-388. – EDN ZMVAIE.

[23] Исследование удовлетворенности карьерой, карьерных ориентаций и профессиональной самооценки на начальных этапах развития карьеры сотрудников / О. Г. Лоретц, Н. А. Юрченко, Е. М. Кот [и др.] // Право и управление. – 2023. – № 11. – С. 400-405. – DOI 10.24412/2224-9133-2023-11-400-405. – EDN JZTMEX.

[24] Нагибина, Н. И. Повышаем эффективность управления персоналом: карьерное развитие как фактор удержания сотрудников в компании - современные инструменты управления карьерой / Н. И. Нагибина, Д. С. Брагина // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2025. – Т. 14, № 1. – С. 66-73. – DOI 10.12737/2305-7807-2025-14-1-66-73. – EDN KASMKB.

[25] Лаас, Н. И. Карьерное развитие студентов или как повысить конкурентоспособность выпускнику вуза / Н. И. Лаас // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2025. – Т. 14, № 1. – С. 28-32. – DOI 10.12737/2305-7807-2025-14-1-28-32. – EDN CYEYKN.

[26] Филясова, Ю. А. Перфекционизм и рационально-эмотивное поведение как мотивационная политика управления персоналом / Ю. А. Филясова // Управление. – 2022. – Т. 10, № 1. – С. 16-27. – DOI 10.26425/2309-3633-2022-10-1-16-27. – EDN WWRVYP.

References:

[1] Mitrofanova E.A., Suvalov O.S. A conceptual approach to forming and developing human capital in higher education institutions // Upravlenie. 2025. №2(13). P. 25-41.

[2] Kovalchuk A.A. A semantic field of the German lexeme “Karriere” in media headlines // Lomonosov – 2021: proceedings of the International scientific forum for young people. Moscow, 12-23, April, 2021.

[3] Danilova E., Yuskaeva K. Research on the relevance of soft skills in the labor market // HR and Intellectual Resource Management in Russia. 2025. №4(14). P. 74-79.

[4] Shchegulina O., Ashurbekov R., Zhuravleva O. Knowledge management as a factor in improving the effectiveness of students' teamwork in project-based learning // HR and Intellectual Resource Management in Russia. 2025. №3(14). P. 5-11.

[5] Abera T.B., Mingaleva Zh.A. Impact of organisational culture on the formation of behaviour of personnel in higher education institutions (case study of the University of Gondar, Ethiopia) // Upravlenie. 2024. №4(12). P. 60-69.

[6] Filiasova Yu.A. The problem of emotional burnout and managing the emotional state of the pedagogical personnel (Russia, St. Petersburg) // Problems of Modern Economy. 2020. №1(73). P. 201-205.

[7] Belko I.V., Karabanova O.V. Study of the concept of "Career" and features of career management // MCU Journal of Economic Studies. 2023. №2(36). P. 107-118.

[8] Bonyani A.J. Systematization of scientific approaches in the contemporary motivation system and staff incentives // Upravlenie. 2022. №4(10). P. 84-95.

[9] Filyasova Y. Perfectionism in social and labour relations // Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research. 2021. №1. P. 23-28.

[10] Kashtanova Y., Lobacheva A., Ashurbekov R. Staff adaptation: the path to success begins here // HR and Intellectual Resource Management in Russia. 2025. №5(14). P. 34-40.

[11] Filyasova Yu. Perfectionist involvement in social and labour relations depending on personnel management style // HR and Intellectual Resource Management in Russia. 2021. №1(10). P. 30-36.

[12] Pimenova A.L., Artamonova O.S., Pimenov D.D., Yankovsky A.B. System of internal control over calculations of wages: major elements and methods of increasing its effectiveness // Problems of Modern Economy. 2025. №2(94). P. 102-106.

[13] Zlobin K., Gasparovich E. Improving labor productivity as a tool for survival of industrial enterprises in the face of human resources scarcity // HR and Intellectual Resource Management in Russia. 2025. №5(14). P. 54-59.

[14] Guliamov S.S., Ikramov M.A., Abdurashidova N.A. Assessment of the effectiveness of creative and physical labor // Problems of Modern Economy. 2025. №2(94). P. 198-201.

[15] Zaharov D., Kashtanova Y., Lobacheva A. HR management trends in the modern Russian economy // HR and Intellectual Resource Management in Russia. 2025. №5(14). P. 22-26.

[16] Ryazanova G.N. Interrelationship of business and higher education for productive human resources training // Upravlenie. 2025. №1(13). P. 51-62.

[17] Filyasova Yu.A. Perfectionism as an expected job seekers' social quality in online recruitment // Digital Sociology. 2022. №2(5). P. 21-32.

[18] Filyasova Yu. A. English Career Terms Synonymy // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2021. №3(12). P. 669-683.

[19] Kryukova G. A. Concept. Determining the scope of the concept's content // Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. 2008. №59. P. 128-135.

[20] Filyasova Yu.A. Conceptualization and the category of concept in R. Langacker's and L. Talmy's cognitive theory: Integration of cognitive and linguistic structures // Theoretical and Applied Linguistics. 2024. №2(10). P. 173-190.

[21] Bloh M.Y. The problem of concept and worldview in the philosophy of language // Prepodavatel XXI vek. 2007. №1. P. 101-105.

[22] Kot E.M., Ruchkin A.V., Yurchenko N.A., Smirnova I.Yu., Kukhar V.S. Research of the relationship between career satisfaction, career orientations and professional self-esteem of staff at the career promotion stage // Pravo i Upravleniye. 2023. №11. P. 383-388.

[23] Loretts O.G., Yurchenko N.A., Kot E.M., Ruchkin A.V., Smirnova I.Yu. Research of career satisfaction, career orientations and professional self-esteem at the early stages of employees' career development // Pravo i Upravleniye. 2023. №11. P. 400-405.

[24] Nagibina N., Bragina D. We increase the efficiency of personnel management: career development as a factor in employee retention in the company - modern career management tools // HR and Intellectual Resource Management in Russia. 2025. №1(14). P. 66-73.

[25] Laas N. Career development of students or how to increase the competitiveness of a university graduate // HR and Intellectual Resource Management in Russia. 2025. №1(14). P. 28-32.

[26] Filyasova Yu.A. Perfectionism and rational-emotive behaviour as a motivational policy for human resource management // Upravlenie. 2022. №1(10). P. 16-27.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-447-452

БЕРМЕС Екатерина Александровна,
аспирантка Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тихоокеанский государственный университет»,
e-mail: ekaterina01101989@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РАМКАХ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы юридической ответственности участников контрактной системы в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Анализируется место института контрактной системы в российском праве, обосновывается его принадлежность к гражданско-правовой сфере регулирования. Особое внимание уделяется исследованию принципа ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, закрепленного в Федеральном законе № 44-ФЗ. Автор подробно рассматривает два основных вида ответственности: гражданско-правовую и административную. Выявляются специфические особенности гражданско-правовой ответственности в контрактной системе, включая договорный характер, компенсационную функцию и возможность применения преддоговорной ответственности. Анализируются формы гражданско-правовой ответственности (неустойка, убытки) и оперативные меры воздействия (односторонний отказ от контракта, отклонение заявок, включение в реестр недобросовестных поставщиков). Рассматриваются составы административных правонарушений в сфере закупок и особенности применения административных санкций. Обосновывается необходимость законодательной конкретизации видов ответственности в зависимости от совершенного правонарушения для повышения эффективности правоприменения.*

Ключевые слова: *контрактная система, гражданско-правовая ответственность, административная ответственность, государственный контракт, закупки, принципы права, санкции, оперативные меры, неустойка, убытки.*

BERMES Ekaterina Alexandrovna,
graduate student at Pacific State University

ON RESPONSIBILITY UNDER THE CONTRACT SYSTEM

Annotation. *The article examines the issues of legal liability of participants in the contract system in the field of procurement of goods, works and services to meet state and municipal needs. The place of the contract system institution in Russian law is analyzed, and its belonging to the civil law sphere of regulation is substantiated. Particular attention is paid to the study of the principle of responsibility for the effectiveness of ensuring state and municipal needs, enshrined in Federal Law No. 44-FZ. The author examines in detail two main types of liability: civil and administrative. Specific features of civil liability in the contract system are identified, including contractual nature, compensatory function and the possibility of applying pre-contractual liability. Forms of civil liability (penalty, damages) and operational measures (unilateral termination of contract, rejection of applications, inclusion in the register of unscrupulous suppliers) are analyzed. The compositions of administrative offenses in the field of procurement and the specifics of applying administrative sanctions are considered. The necessity of legislative specification of types of liability depending on the committed offense is substantiated to improve the effectiveness of law enforcement.*

Key words: *contract system, civil liability, administrative liability, state contract, procurement, principles of law, sanctions, operational measures, penalty, damages.*

Положения об ответственности за совершенные деяния либо уклонения от них, содержатся во всех отраслях права. В целом, юридическая ответственность — это реализация правовой санкции в случае правонарушения, применение к правонарушителю наказания,

поскольку оно есть и в выговоре за нарушение трудовой дисциплины, и в административном штрафе, и в лишении свободы, и в гражданско-правовой неустойке [12, с. 25].

В настоящее время место института контрактной системы в российском праве не определено, в научных кругах ведутся дискуссии к какой отрасли права отнести данный институт. Высказываются мнения о включении контрактной системы в гражданскую, административную отрасль права.

Так, Я.Б. Гребенщикова считает, что поскольку муниципальный контракт представляет собой некую общую форм договора, в которую могут облекаться любые виды предпринимательско-правовых договоров, последний подлежит регулированию нормами ГК РФ [8, с. 17].

Сторонники обособления предпринимательского права бы отметили, что институт государственного контракта характерен и для предпринимательского права [14, с. 125].

По нашему мнению, ключевым в этом вопросе, является юридическая форма заключаемого участниками закупки соглашения, именуемого государственным контрактом, содержащего все элементы юридической конструкции договора.

Согласно легальному определению гражданско - правовой договор – это соглашение двух или более лиц, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

При определении места контрактной системы в общей системе права, автор статьи «Контрактная система закупок как институт гражданского права» обращает внимание на имущественный характер возникающих правоотношений. В осуществляемых закупках, в рамках контрактной системы, в первую очередь мы должны говорить об отношениях имущественного характера, так как данные правоотношения возникают в процессе удовлетворения участниками контрактной системы своих имущественных интересов. Как известно, участниками договорных отношений, в том числе и контрактной системы, являются его стороны. В связи с чем можно говорить, что государственный контракт является особым видом гражданского договора [10, с. 110].

Кроме того, рассматривая вопросы контрактной системы, мы практически все время оперируем именно гражданско-правовыми категориями [14, с. 162].

Вступая в различные договорные правоотношения, его субъекты помимо прав, принимают на себя также обязанности по выполнению того или иного обязательства. Ненадлежащее исполнение или неисполнение которого, влечет за собой негативные последствия в виде привлечения к ответственности. Указанные положения прописаны и закреплены как основные принципы гражданского права. Применительно к контрактной системе, действия ее участников детально прописаны в Федеральном законе от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее - Закон № 44-ФЗ, Закон о контрактной системе), предусматривающем также и применение мер ответственности к нарушителям [1].

В соответствии со статьей 107 Закона о контрактной системе лица, виновные в нарушении законодательства РФ и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок, несут дисциплинарную, гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность соответствии с российским законодательством [1].

В тексте нормативного правового акта законодатель неоднократно делает ссылки то к одному, то к другому виду ответственности, в некоторых случаях, ограничиваясь только указанием на привлечение к ней. Статьей 6 вышеназванного закона одним из принципов контрактной системы указывается принцип ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд. Содержание данного принципа не раскрывается по тексту закона.

По смыслу части 1 статьи 12 Закона о контрактной системе заказчики, реализуя принцип ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, эффективность осуществления закупок, при планировании и осуществлении закупок должны исходить из необходимости достижения заданных результатов обеспечения государственных и муниципальных нужд [4].

Отожествление понятия ответственности с эффективностью и результативностью представляется не совсем верным, поскольку исходя из анализа содержания понятий следует, что сама ответственность представляет меру принуждения, имеет целью восстановления нарушенных прав, в то время как эффективность и результативность направлены на качественный процесс осуществляемых закупок и соответствующий результат.

Если обратиться к теории права, то одним из основополагающих принципов является принцип индивидуализации и целесообразности ответственности. Данный принцип предусматривает несение ответственности непосредственно самим виновным. Сущность его заключается в необходимости строгого учета всех обстоя-

тельств правонарушения и личности правонарушителя с целью достижения наиболее оптимального эффекта воздействия юридической ответственности.

Рассматривая принципы контрактной системы Е.В. Вавилин указывает, что принцип ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, эффективность осуществления закупок и принцип обеспечения конкуренции заменили собой универсальный принцип недопустимости злоупотребления правом [7, с. 101].

Белов В.Е., в свою очередь, полагает необходимым, в целях анализа понятий результативности обеспечения государственных и муниципальных нужд и эффективности осуществления закупок обратиться к содержанию принципа эффективности использования бюджетных средств [5, с. 34].

Таким образом, более целесообразно было бы выделить ответственность как самостоятельный принцип контрактной системы. Как было изложено выше, положениями закона о контрактной системе предусмотрено четыре вида ответственности. Далее более детально будет рассмотрено только два вида ответственности участников контрактных правоотношений: гражданско-правовая и административная.

Как правило, под гражданско-правовой ответственностью субъектов гражданского права, носящей договорный характер, понимают те неблагоприятные последствия, которые должны претерпевать нарушители договорных обязательств, что может выражаться, например, в возмещении убытков, уплате неустойки, процентов за незаконное пользование чужими денежными средствами [15, с. 28].

Непосредственно в Законе № 44-ФЗ о данном виде ответственности говорится в части 6 статьи 30 и в 107 статье Закона. В соответствии с частью 6 статьи 30 Закона № 44-ФЗ в контракты должно быть включено обязательное условие о гражданско-правовой ответственности поставщиков (подрядчиков, исполнителей) за неисполнение условия о привлечении к исполнению контрактов субподрядчиков, соисполнителей из числа субъектов малого предпринимательства, социально ориентированных некоммерческих организаций).

Останавливаясь на формах ответственности, которую могут понести участники контрактной системы, следует обратиться к статье 34. Контракт, статье 45. Условия независимой гарантии. Реестры независимых гарантий, статье 95. Изменение, расторжение контракта. В приведенных положениях закона, речь идет об уплате виновной стороной неустойки в форме пени и штрафа.

Следующая санкция, упомянутая в законе за нарушение законодательства в сфере госзакупок, предусматривает взыскание убытков. В соответствии с частью 8 статьи 51 Закона № 44-ФЗ заказчик вправе обратиться в суд с иском о возмещении убытков, причиненных уклонением участника закупки от заключения контракта, в части, не покрытой суммой обеспечения заявки на участие в закупке. Возмещение убытков производится в случае неправомерных действий (бездействий) лиц, выраженных в разглашении информации, полученной в ходе проведения электронных процедур (статья 107 Закона № 44-ФЗ) [1].

Этими мерами ограничиваются формы гражданско-правовой ответственности в изучаемой сфере. Между тем, в статье 94 Закона № 44-ФЗ указано о совершении наряду с применением мер ответственности и иных действий в случае нарушения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) или заказчиком условий контракта [1].

Среди мер воздействия по гражданскому праву можно выделить отдельную группу – оперативные меры. По определению В.П. Грибанова, они представляют собой такие юридические средства правоохранительного характера, которые применяются к нарушителю гражданских прав и обязанностей непосредственно самим управомоченным лицом как стороной гражданского правоотношения без обращения к компетентным государственным органам [9, с. 116].

То есть по определению, указанные в статье 94 иные действия, подпадают под категорию оперативных мер. Вероятно, к таким мерам можно отнести, предусмотренное для Заказчика статьей 95 Закона № 44-ФЗ право принять решение об одностороннем отказе от исполнения контракта по основаниям.

Еще одна мера, предусмотренная для заказчиков и направленная на защиту интересов последних, право отклонения заявок участников, в случае нарушения отдельных положений. Как следует из Закона № 44-ФЗ, чаще всего нарушение выражается в предоставлении недостоверной информация или ее неполноте [1].

Представляется, что данная мера будет являться оперативной, поскольку представляет собой также юридическое средство, применяемое к нарушителю.

В качестве обособленной санкции в сфере государственных закупок, Корякин В.М. и Чекмарев Г.Ф. выделяют включение виновных юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в реестр недобросовестных поставщиков [11, с. 71].

Данная мера применяется во внесудебном порядке специальным юрисдикционным органом,

ФАС России, и влечет неблагоприятные последствия для правонарушителя в виде правомерного умаления его нематериального блага – деловой репутации, а также косвенно сказывается на его имущественной сфере путем ограничения его свободы участия в гражданском обороте. Таким образом, учитывая специфику контрактных правоотношений, гражданско-правовая ответственность изучаемой сферы имеет ряд особенностей. Как правило, это ответственность договорная - предусмотренная условиями контракта и прямо вытекающая из специального законодательства.

Еще одна особенность вытекает из специфики самой гражданско-правовой ответственности – имеющей компенсационный характер, в отличии от реализуемой административной ответственностью штрафной функции. Корякин В.М. и Чекмарев Г.Ф. также обращают внимание на возможность применения мер ответственности еще до заключения контракта (так называемая «преддоговорная ответственность»). [11, с. 92].

Следующим видом ответственности за правонарушения в сфере контрактных правоотношений является административная.

Административная ответственность – это реализация административно-правовых санкций, применение уполномоченным органом или должностным лицом административных наказаний к гражданам и юридическим лицам, совершившим правонарушение [6, с. 117].

Согласно положениям Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее - КоАП РФ) ответственность в контрактной сфере устанавливается статьями 7.30.1 - за нарушение порядка планирования закупок и определения поставщика (подрядчика, исполнителя), требований к порядку, сроку размещения информации и документов или направления их для размещения в реестрах, предусмотренных законодательством и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе; 7.30.2 - за нарушение порядка заключения, исполнения, изменения и расторжения контракта; 7.30.3 - за нарушение порядка формирования, размещения и выполнения гособоронзаказа; 7.30.4 - за нарушение порядка закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц; 7.30.5 - за нарушение процедуры обязательных торгов, продажи государственного или муниципального имущества; 7.30.6 - за нарушение оператором электронной площадки, оператором специализированной электронной площадки установленных порядков проведения госзакупок, закупок юридических лиц и обязательных торгов в электронной форме, нарушение кредитной организацией установленного порядка блокирования и прекращения блокирования денежных средств на банковском счете участника таких закупок или обязательных торгов [2].

Из приведенных положений видно, что содержание административных составов КоАП РФ за нарушения в сфере закупок разделено законодателем на группы. Стоит отметить, что отдельные административные составы относятся исключительно к конкурентным закупкам, участниками которых могут быть только субъекты малого и среднего предпринимательства (части 5, 6 статьи 7.30.4 КоАП РФ).

Сергеева Н.В., Храмцова В.Е. выделяют четыре основных правонарушения контрактной системы, за которые участники подлежат привлечения к административной ответственности. На первом месте, по мнению автора, стоит нарушение порядка планирования закупок, после чего - нарушение при выборе способа определения поставщика, третье - нарушение сроков размещения документов и информации по закупкам, и последнее - нарушения, связанные с порядком заключения контракта и внесения в него изменений [13, с. 77].

Из анализа приведенных норм можно сделать вывод о преобладании штрафа как вида административной ответственности за нарушения в сфере закупок. Размер штрафа зависит от того, кто подвергается ответственности.

При этом, как отмечают авторы статьи «Контрактная система: обзор применяемых мер ответственности участников» нарушения заказчиками требований закона о контрактной системе влечет за собой достаточно крупные штрафы как для должностных, так и для юридических лиц, что отчасти определяет его как самый эффективный инструмент привлечения участников закупок к ответственности. В качестве примера рассмотрения вопроса о привлечении заказчика к ответственности на основании положений части 7 статьи 7.30.1 КоАП РФ можно привести решение Вологодского УФАС России, вынесенное по жалобе на нарушение в ходе подведения итогов определения поставщика (подрядчика, исполнителя) при подсчете баллов участника по критерию «Цена контракта, сумма единиц товара, работы, услуги», выразившееся в их неверном подсчете. По результатам рассмотрения жалобы контрольный орган признал действия комиссии по осуществлению закупки противоречащими части 15 статьи 48 Закона № 44-ФЗ и установил основания для выдачи предписания и передачи материалов дела для рассмотрения вопроса о возбуждении административного производства [3].

Подводя итоги, можно сказать, что регулирующие сферу закупок содержат большое количество ссылок к отдельным видам ответственно-

сти, чем создается путаница в понимании возможных последствий и сложность правоприменения. Полагаем, что конкретизация в законе видов ответственности, в зависимости от совершенного правонарушения, их закрепление на законодательном уровне, устранило бы сложность понимания вопроса ответственности участников контрактных правоотношений.

Список литературы:

[1] О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ : [принят Государственной Думой 22 марта 2013 года : одобрен Советом Федерации 27 марта 2013 года]. // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 26.01.2026).

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ : [принят Государственной Думой 20 декабря 2001 года : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года]. // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 26.01.2026).

[3] Решение Вологодского УФАС России от 30.12.2025 по делу № 035/10/99-1133/2025. // Официальный сайт ФАС России. – URL: https://fas.gov.ru (дата обращения: 26.01.2026).

[4] Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : [утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017]. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2017. – № 12. – С. 25–68.

[5] Белов, В. Е. Принцип ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, эффективность осуществления закупок: содержание и реализация / В. Е. Белов. – Текст : непосредственный // Публичные закупки: проблемы правоприменения : материалы Всероссийской научно-практической конференции (6 июня 2014 г., МГУ им. М. В. Ломоносова). – Москва : Юстицинформ, 2014. – С. 32–45.

[6] Братановский, С. Н. Административное право : учебник / С. Н. Братановский. – Москва : Директ-Медиа, 2013. – 921 с. – ISBN 978-5-4458-3581-9.

[7] Витрянский, В. В. Гражданское право социального государства : сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020) / В. В. Витрянский, Е. А. Суханов ; ответственный редактор В. С. Ем. – Москва : Статут, 2020. – 302 с. – ISBN 978-5-8354-1678-4.

[8] Гребенщикова, Я. Б. Правовой механизм закупки товаров, работ, услуг для муниципальных нужд : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.03 / Гребенщикова Яна Борисовна ; Московская государственная юридическая академия имени О. Е. Кутафина. – Москва, 2008. – 22 с. – Текст : непосредственный.

[9] Грибанов, В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав / В. П. Грибанов. – Москва : Российское право, 1992. – 207 с. – ISBN 5-7260-0362-2.

[10] Гусейнли Имади Али Вугар оглы. Контрактная система закупок как институт гражданского права / Гусейнли Имади Али Вугар оглы. – Текст : непосредственный // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 108–112. – ISSN 2223-8883.

[11] Корякин, В. М. Гражданско-правовая ответственность сторон государственного контракта / В. М. Корякин, Г. Ф. Чекмарев. – Москва : МИЭП, 2017. – 164 с. – ISBN 978-5-8461-0234-5.

[12] Проблемы общей теории государства и права : учебник / под редакцией В. С. Нерсесянца. – Москва : Норма, 2002. – 832 с. – ISBN 5-89123-619-3.

[13] Сергеева, Н. В. Контрактная система: обзор применяемых мер ответственности участников / Н. В. Сергеева, В. Е. Храмцова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2019. – № 4 (31). – С. 76–82. – ISSN 2587-554X.

[14] Степанова, Е. В. Контрактная система в сфере закупок: опыт цивилистического исследования / Е. В. Степанова. – Санкт-Петербург : Гамма, 2018. – 228 с. – ISBN 978-5-9909876-4-2.

[15] Степанова, Е. Е. Особенности гражданско-правовой ответственности по государственным (муниципальным) контрактам / Е. Е. Степанова. – Текст : непосредственный // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2018. – № 3. – С. 27–31. – ISSN 2072-9839.

References:

[1] On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs: Federal Law of 05.04.2013 No. 44-FZ: [adopted by the State Duma on March 22, 2013: approved by the Federation Council on March 27, 2013] .//ConsultantPlus: reference legal system. - URL: http://www.consultant.ru (access date: 26.01.2026).

[2] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 195-FZ: [adopted by the State Duma on December 20, 2001: approved by the Federation Council on December 26, 2001] .//

ConsultantPlus: reference legal system. - URL: http://www.consultant.ru (access date: 26.01.2026).

[3] Decision of the Vologda OFAS of Russia dated 30.12.2025 in case No. 035/ 10/99-1133/2025 .//Official website of the FAS of Russia. - URL: https://fas.gov.ru (access date: 26.01.2026).

[4] Review of judicial practice of applying the legislation of the Russian Federation on the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs: [approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 28.06.2017] .//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2017. – № 12. - S. 25-68.

[5] Belov, V. E. The principle of responsibility for the effectiveness of ensuring state and municipal needs, the effectiveness of procurement: content and implementation/V. E. Belov. - Text: direct//Public procurement: problems of law enforcement: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (June 6, 2014, Lomonosov Moscow State University). - Moscow: Justicinform, 2014. - S. 32-45.

[6] Bratanovsky, S. N. Administrative law: textbook/S. N. Bratanovsky. - Moscow: Direct Media, 2013. - 921 p. - ISBN 978-5-4458-3581-9.

[7] Vitryansky, V.V. Civil law of the social state: a collection of articles dedicated to the 90th anniversary of the birth of Professor A. L. Makovsky (1930-2020)/V.V. Vitryansky, E. A. Sukhanov; executive editor V. S. Em. - Moscow: Statute, 2020. - 302 p. - ISBN 978-5-8354-1678-4.

[8] Grebenshchikova, Ya. B. Legal mechanism for the purchase of goods, works, services for municipal needs: abstract of the dissertation for the degree of candidate of legal sciences: 12.00.03/Grebenshchikova Yana Borisovna; Kutafin Moscow State Law Academy. - Moscow, 2008. - 22 p. - Text: immediate.

[9] Gribanov, V.P. The limits of the exercise and protection of civil rights/V.P. Gribanov. - Moscow: Russian law, 1992. - 207 p. - ISBN 5-7260-0362-2.

[10] Huseynli Imadi Ali Vugar oglu. Contract procurement system as an institution of civil law/ Huseynli Imadi Ali Vugar oglu. - Text: immediate// Legal Concept = Legal Paradigm. – 2018. - T. 17, NO. 3. - S. 108-112. – ISSN 2223-8883.

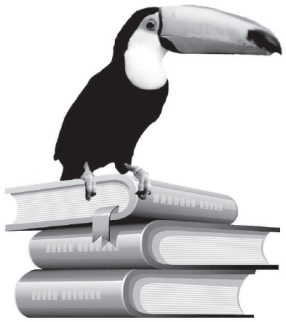
[11] Koryakin, V. M. Civil Liability of the Parties to the State Contract/V. M. Koryakin, G. F. Chekmarev. - Moscow: MIEP, 2017. - 164 p. - ISBN 978-5-8461-0234-5.

[12] Problems of the general theory of state and law: textbook/edited by V. S. Nersesyants. - Moscow: Norma, 2002. - 832 p. - ISBN 5-89123-619-3.

[13] Sergeeva, N.V. Contract system: an overview of the applied liability measures of the participants/N.V. Sergeeva, V.E. Khramtsova. - Text: direct// Bulletin of the Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 1: Economics and Management. – 2019. – № 4 (31). - S. 76-82. – ISSN 2587-554X.

[14] Stepanova, E. V. Contract system in the field of procurement: experience in civil research/E. V. Stepanova. - St. Petersburg: Gamma, 2018. - 228 p. - ISBN 978-5-9909876-4-2.

[15] Stepanova, E. E. Features of civil liability under state (municipal) contracts/E. E. Stepanova. - Text: direct//Municipal service: legal issues. – 2018. – № 3. - S. 27-31. – ISSN 2072-9839.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-453-456

КАЧУРОВА Е.С.,
Кандидат юридических наук, доцент,
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева,
Иркутск, Россия,
e-mail: Kachurova_ls@mail.ru.

РЕПИНА В.В.,
Студентка 3 курса,
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева,
Иркутск, Россия,
e-mail: lera.repina.05@list.ru.

ОСОБО ОХРАНЯЕМЫЕ ПРИРОДНЫЕ ТЕРРИТОРИИ КАК КАРКАС ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. *В статье рассматривается роль особо охраняемых природных территорий как основы экологической устойчивости Иркутской области. Целью данной работы является анализ правовой базы, функционального назначения и пространственной структуры системы особо охраняемых природных территорий с целью оценки их вклада в поддержание устойчивости природных комплексов, находящихся под антропогенным воздействием. На примере Иркутской области показано, как заповедники, национальные парки, заповедники, памятники природы образуют иерархическую сеть (ядра, коридоры, буферные зоны), служащую экологическим каркасом. В своей работе мы отмечаем, что имеются перспективы развития системы ООПТ, связанные с совершенствованием законодательства и расширением сети ООПТ, и мы предлагаем конкретные меры по укреплению их роли в качестве основы для обеспечения экологической устойчивости, в том числе за счет создания морских резервов и укрепления межрегионального сотрудничества.*

Ключевые слова: *особо охраняемые природные территории, окружающий мир, экосистема, каркас экологической устойчивости, регион, Иркутская область.*

KACHUROVA E.S.,
Candidate of Law, Associate Professor,
East Siberian Branch of the Russian State University
of Justice named after V.M. Lebedev, Irkutsk, Russia.

REPINA V.V.,
Third-Year Student,
East Siberian Branch of the Russian State University
of Justice named after V.M. Lebedev, Irkutsk, Russia.

SPECIALLY PROTECTED NATURAL AREAS AS A FRAMEWORK FOR THE REGION'S ENVIRONMENTAL SUSTAINABILITY (BASED ON THE IRKUTSK REGION)

Annotation. *The article examines the role of specially protected natural areas as a framework for the environmental sustainability of the Irkutsk Region. The purpose of this work is to analyze the legal basis, functional purpose, and spatial structure of the system of specially protected natural areas in order to assess their contribution to maintaining the sustainability of natural complexes under anthropogenic influence. Using the example of the Irkutsk Region, the article demonstrates how nature reserves, national parks, nature reserves, and natural monuments form a hierarchical network (cores, corridors, and buffer zones) that serves*

as an ecological framework. In our work, we note that there are prospects for the development of the protected areas system related to the improvement of legislation and the expansion of the network of protected areas, and we propose specific measures to strengthen their role as a framework for environmental sustainability, including through the creation of marine reserves and the strengthening of interregional cooperation.

Key words: *specially protected natural areas, environment, ecosystem, ecological sustainability framework, region, Irkutsk Region*.

В условиях современности из-за нарастающей антропогенной нагрузки на природную среду особую важность приобретает задача формирования устойчивого экологического каркаса территорий. Ключевым его элементом являются особо охраняемые природные территории (далее – ООПТ) – участки суши, водной поверхности, а также воздушного пространства над ними [7]. Основной задачей ООПТ является сохранение биологического разнообразия, ландшафтов, уникальных и редких видов флоры и фауны. ООПТ имеют научное, культурное, рекреационное, оздоровительное значение для всего окружающего мира. Для того, чтобы раскрыть важность и значимость данной темы, а также разобраться в терминологии, необходимо обратиться к действующему законодательству Российской Федерации.

Так, в соответствии с Федеральным законом от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (далее – ФЗ №33) ООПТ относятся к объектам национального достояния. Согласно статье 2 ФЗ №33 к основным категориям ООПТ относят такие территории как: государственные природные заповедники, включая биосферные заповедники, национальные парки, природные парки, государственные природные заказники, памятники природы, дендрологические парки и ботанические сады.

У каждой из этих категорий есть свой режим охраны. К примеру, согласно статье 9 ФЗ №33 на территориях природных заповедниках запрещено строительство объектов капитального строительства, некапитальных строений, сооружений в целях, не связанных с выполнением задач, возложенных на государственные природные заповедники, а в природных парках рекреационное использование ограничено из-за природоохранных задач территорий (статья 21 ФЗ №33) [7].

Также у ООПТ есть множество важных взаимосвязанных функций, которые обеспечивают устойчивость экосистем. К примеру, сохранение биоразнообразия. Такая функция поддерживает популяции редких и эндемичных видов и сохраняет генетический фонд растений и животных; поддержание экосистемных услуг. Например, стабилизация климата, сохранение водного баланса, противоэрозионная функция сохраняет и защищает природные комплексы и объекты от вредоносных антропогенных воздействий, включая эрозию; мониторинговая и научно-исследовательская. Благодаря мониторингу и научным исследованиям ООПТ устраняются серьезные проблемы, которые могут нанести существенный вред уникальным видам флоры и фауны и даже самому человечеству. К примеру, проводится оценка влияния климатических изменений, разработка методов устойчивого природопользования [1].

В нашей научной работе мы используем термин «каркас экологической устойчивости». Представления о нем основываются на системе ООПТ как пространственное взаимосвязанной совокупности участков многообразного назначения и использования. Колбовский Е.Ю. говорил, что «Основополагающей идеей ландшафтного планирования является идея экологического каркаса территории как средостабилизирующего природно-антропогенного образования…» [3]. Авторы в своих научных работах используют разные термины для обозначения экологического каркаса, однако в нашем понимании, экологический каркас – это комплексная, организованная сеть природных территорий, которая поддерживает экологическое равновесие конкретного региона. ООПТ выступает основой экологического каркаса и выполняет некоторые задачи: связующая. Через экологические коридоры ООПТ объединяются в единую систему, что позволяют видам поддерживать генетическое разнообразие, буферная функция. Около ООПТ создаются охранные территории с ограниченным режимом пользования, которые снижают антропогенную нагрузку, регулятор гидрологического режима. Охрана водосборных площадей предотвращает засухи и загрязнение водных объектов [7].

И так, существуют два направления принципов планирования экологического каркаса: географический и биографический. Эти два направления также подразделяются на принципы [4]. Географический выделяет такие принципы как: принцип иерархии. Суть принципа заключается в том, что местные системы должны быть связаны вместе в региональные системы, которые также соединяются в межрегиональные коридоры; принцип открытости. Данный принцип означает возможность постепенного формирования и постоянного улучшения усложнения и разветвле-

ния структуры экологического каркаса региона; принцип территориальной целостности заключается в неразрывности элементов экологического каркаса [2]. К Биогеографическим принципам относятся: принцип жизнеспособности заключается в поддержании жизнеспособности различных популяций в естественной среде; принцип ландшафтного разнообразия заключается в необходимости предоставления в пространстве каркаса всего разнообразия экосистем; принцип устойчивости заключается в необходимости планирования таких экосистем, которые спокойно переносили бы кратковременные и долговременные изменения условий окружающей среды [5].

Теперь рассмотрим особо охраняемые природные территории как каркас экологической устойчивости региона на примере Иркутской области.

В соответствии с Законом Иркутской области от 19.06.2008 № 27-оз «Об особо охраняемых природных территориях и иных особо охраняемых территориях в Иркутской области» (далее - Закон Иркутской области №27) «особо охраняемая природная территория регионального значения - участки земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, которые изъяты решениями Правительства Иркутской области полностью или частично из хозяйственного использования и для которых установлен режим особой охраны» [8].

По состоянию на 2024 год в Иркутской области насчитываются 80 ООПТ, из них 5 ООПТ федерального значения, 72 – регионального, 3 – местного. Общая площадь всех ООПТ Иркутской области составляет 2784481.0 га (данные Министерства природных ресурсов и экологии Иркутской области). Структура системы в себя включает: 2 государственных природных заповедника: Байкало-Ленский (сохраняет популяции соболя, кабарги, байкальской нерпы, а также охраняет байкальскую рифовую зону) и Витимский (сохраняет горные таежные ландшафты, популяции черношапочного сурка, снежного барана), 1 национальный парк: Прибайкальский. Он охватывает прибрежную зону Байкала, 13 государственных заказников регионального значения. К примеру, Иркутный, Озерный, Лебединые озера, Бойские болота и другие, памятники природы. К ним относятся: Шаман-камень, Родники горы Веселой, Иркутский ландыш, Сухое озеро [9].

Большая часть ООПТ сосредоточена в прибрежной зоне Байкала, что свидетельствует о том, что приоритет в основном отдается охране байкальской экосистемы [8].

У ООПТ Иркутской области есть значимые экологические функции такие как: сохранение биоразнообразия: поддержание популяций редких видов, защита миграционных коридоров водоплавающих птиц, охрана эндемичных сообществ; регуляция гидрологического режима: водоохранные леса ООПТ снижают эрозию почв, стабилизируют сток рек; климаторегулирующая роль: горные ландшафты Витимского заповедника регулируют локальный климат, формируя осадки, таежные массивы накапливают углерод; буферная защита от антропогенных угроз. ООПТ снижают риски загрязнения Байкала от разных объектов, в основном от промышленных, научно-исследовательская и мониторинговая. Например, в Байкало-Ленинском заповеднике ведется мониторинг отдельных видов популяций, рекреационно-просветительская. Визит-центры ООПТ (п. Листвянка) проводят образовательные программы для школьников и волонтеров [8].

Экологический каркас в Иркутской области строится по принципу иерархии, то есть Ядра – крупные ООПТ с режимом строгой охраны. К ним относятся национальные парки и заповедники, затем коридоры – долины рек, лесные массивы, обеспечивающие миграцию видов, буферные зоны – охранные территории с ограниченным режимом использования и локальные узлы – памятники природы. Приведем два примера связности: Витимский заповедник и Тофаларский заказник – связывают горные экосистемы Восточного Саяна, обеспечивающие миграцию снежного барана. Байкало-Ленинский заповедник, Прибайкальский национальный парк, заказник Бойский – образуют единый коридор вдоль Западного побережья Байкала [3].

Перспективы развития ООПТ в Иркутской области связаны, в первую очередь, с улучшением законодательного регулирования, а также с охраной экосистемы и проведением научно-исследовательских работ. К примеру, Закон Иркутской области от 27.05.2024 № 44-ОЗ

«О внесении изменений в Закон Иркутской области «Об особо охраняемых природных территориях и иных особо охраняемых территориях в Иркутской области» (далее – Закон Иркутской области №44) внес изменения в статьи 1,2 Закона Иркутской области №27. Закон Иркутской области №44 определил цели создания ООПТ: «сохранения уникальных и типичных природных комплексов и объектов, объектов растительного и животного мира, естественных экологических систем» [10].

Однако, несмотря на важные и значимые законопроеты, необходимо учитывать, что роль ООПТ как каркас устойчивости несовершенен в Иркутской области, а значит, что нужно усилить. Мы предлагаем для усиления роли ООПТ как кар-

каса устойчивости расширить сеть за счет создания морских заказников в мелководьях Байкала. Это нужно для защиты нерестилищ омуля, а также усилить межрегиональную связь и согласованность с Республикой Бурятией и Забайкальским краем для трансграничных коридоров.

Таким образом, проведенное нами исследование демонстрирует, что ООПТ Иркутской области выступают функциональным каркасом экологической устойчивости региона. Структура и целостность каркаса обеспечена сочетанием разномасштабных ООТП: от национальных парков и заповедников до памятников природы. Их соединение формирует определенную иерархию – с ядрами охраны, буферными зонами, экологическими коридорами.

ООПТ Иркутской области не только сохраняет уникальные природные комплексы Байкальского региона, но и обеспечивает устойчивость всей экосистемы в целом.

Список литературы:

[1] Абдуганиев О.И., Косимов Д.Б. Роль и значение системы охраняемых природных территорий в формировании экологического каркаса // экономика и социум / О.И. Абдуганиев. – Ферган, 2024.

[2] Егоренков Л. И. Эклогический каркас территории: учебное пособие / Л.И. Егоренков. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 73 с.

[3] Елизаров А.В. Экологический каркас – стратегия степного природопользования // Степной бюллетень. 1998. Вып. 2–4

[4] Колбовский Е.Ю. Ланлшафтное планирование // Академия. / Е.Ю. Колбовский. – М., 2008.

[5] Новиков Д.В., Исаев А.С. Формирование экологического каркаса территории при землеустройстве // мелиорация и рекультивация, экология / Д.В. Новиков. – М., 2012.

[6] Чибилев А.А. Ландшафтно-экологический каркас как территориальная основа устойчивого развития земледельческих регионов России // Юг России: экология, развитие. 2022.

[7] Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» от 14.03.1995 N 33-ФЗ (последняя редакция)

[8] Закон Иркутской области от 19.06.2008 №27-ОЗ «Об особо охраняемых природных территориях и иных особо охраняемых территориях в Иркутской области»

[9] Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Иркутской области от 25 декабря 2024 года №66-82-мпр «Об утверждении перечня особо охраняемых природных территорий регионального и местного значения Иркутской области».

[10] Закон Иркутской области от 27.05.2024 № 44-ОЗ «О внесении изменений в Закон Иркутской области «Об особо охраняемых природных территориях и иных особо охраняемых территориях в Иркутской области»

References:

[1] Abduganiev O.I., Kosimov D.B. The role and significance of the system of protected natural areas in the formation of the ecological framework//economy and society/O.I. Abduganiev. - Fergan, 2024.

[2] Egorenkov L.I. Ecological framework of the territory: a textbook/L.I. Egorenkov. - M.: INFRA-M, 2023. - 73 s.

[3] Elizarov A.V. Ecological framework - strategy of steppe nature management//Steppe Bulletin. 1998. No. 2–4

[4] Kolbovsky E.Yu. Lanlshaft planning//Academy ./E.Yu. Kolbovsky. - M., 2008.

[5] Novikov D.V., Isaev A.S. Formation of the ecological framework of the territory during land management//land reclamation and reclamation, ecology/D.V. Novikov. - M., 2012.

[6] A.A. Chibilev. Landscape and ecological framework as a territorial basis for sustainable development of agricultural regions of Russia//South of Russia: ecology, development. 2022.

[7] Federal Law “On Specially Protected Natural Areas” dated 14.03.1995 N 33-FZ (latest edition)

[8] Law of the Irkutsk Region dated 19.06.2008 No. 27-OZ “On Specially Protected Natural Areas and Other Specially Protected Areas in the Irkutsk Region”

[9] Order of the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Irkutsk Region dated December 25, 2024 No. 66-82-mpr “On approval of the list of specially protected natural areas of regional and local importance of the Irkutsk Region.”

[10] Law of the Irkutsk Region dated 27.05.2024 No. 44-OZ “On Amendments to the Law of the Irkutsk Region “On Specially Protected Natural Areas and Other Specially Protected Areas in the Irkutsk Region”

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-457-460

КУДРЯВЦЕВ Алексей Вадимович,
доктор юридических наук,
доцент, декан юридического факультета
Владимирского филиала РАНХиГС,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Владимирского государственного университета,
профессор кафедры криминологии и организации
профилактики преступлений Академии ФСИН России,
e-mail: kudriavcev.ru@mail.ru

БОНДАРЕНКО Юлия Владимировна,
адвокат Адвокатской палаты
Владимирской области, аспирант
Владимирского государственного университета,
e-mail: advokat_bondarenko@mail.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация. *В статье рассматриваются современные аспекты противодействия преступлениям террористической направленности в контексте обеспечения безопасности государства. Отмечаются современные тенденции развития преступлений данного вида на территории России. Выделяются отдельные детерминанты, оказывающие влияние на преступность террористической направленности. На основе анализа делается ряд выводов относительно мер, направленных на повышение эффективности противодействия преступлениям террористической направленности.*

Ключевые слова: *преступления террористической направленности, противодействие, преступность.*

KUDRYAVTSEV Aleksey Vadimovich,
doctor of law, associate professor,
dean of the Faculty of Law of the Vladimir branch of RANEPA,
professor of the department of criminal law disciplines,
Vladimir state university, professor of the department
of criminology and organization of crime prevention
of the academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

BONDARENKO Yulia Vladimirovna,
attorney at the Vladimir region bar association,
postgraduate student at Vladimir state university

SOME MODERN ASPECTS OF COUNTERING TERRORIST CRIMES

Annotation. *This article examines contemporary aspects of countering terrorist crimes in the context of national security. Current trends in the development of this type of crime in Russia are outlined. Individual determinants influencing terrorist crime are highlighted. Based on the analysis, several conclusions are drawn regarding measures aimed at increasing the effectiveness of countering terrorist crimes.*

Key words: *terrorist crimes, counteraction, crime*.

Противодействие преступности является одним из важнейших направлений деятельности любого государства. Современные тенденции развития преступности в России существенно актуализируют данную деятельность. В свою очередь одним из наиболее важных направлений противодействия преступности является противодействие преступлениям террористической направленности.

Это подтверждается негативными показателями динамики преступности данного вида.

Так, анализ статистических данных МВД Российской Федерации свидетельствует об увеличении в период с января по октябрь 2025 года преступлений террористического характера на 65,6% в сравнении с аналогичным периодом предыдущего года и, соответственно, увеличением преступлений экстремистской направленности на 20,1% [1]. Данный существенный рост происходит на фоне общей тенденции роста преступлений данного вида за последние годы. В дальнейшей среднесрочной перспективе, на наш взгляд, данные тенденции будут в целом сохраняться.

Следует учитывать тот факт, что терроризм как общественно-опасный феномен в России имеет давнюю историю, свидетельствующую о высокой степени адаптации преступности данного вида к различным общественным и политическим изменениям, происходящим в государстве. Однако, следует согласиться с мнениями [2], согласно которым в современных условиях терроризм проявляет активные трансформации адаптивных форм, что обусловливает увеличение общественной опасности преступлений террористической направленности и их влияния на властные институты на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Это позволяет рассматривать терроризм в качестве существенной угрозы, оказывающей влияние на политическую ситуацию в государстве и безопасность в нём в целом.

Не случайно, предупреждение и пресечение террористической и экстремистской деятельности организаций и физических лиц провозглашается в качестве одной из задач, на решение которой направлена государственная политика, реализация которой позволяет обеспечить достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности [3].

На современном этапе развития государства и общества на формирование негативных тенденций преступности террористической направленности оказывают влияние ряд факторов, требующих научного анализа в целях разработки системы эффективных мер противодействия преступности данного вида.

Следует отметить, что данные факторы оказывают существенное влияние на тенденции, структуру, особенности преступности террористической направленности. В качестве таковых, на наш взгляд следует назвать следующие.

Во-первых, при совершении преступлений террористической направленности преступники на современном этапе активно используют электронные и информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сеть Интернет. Это является следствием как развития данных технологий на современном этапе в целом, так и активным их использованием преступниками при совершении различных преступлений.

Преступления террористической направленности не являются исключением. Следует согласиться с тем, что несмотря на очевидную пользу от развития информационных технологий имеются и явные негативные последствий развития информационного общества и цифрового мира, что в значительной степени проявляется в возникновении новых форм и увеличении количества преступлений террористической и экстремистской направленности, использовании информационных технологий в продвижении и распространении идеологии терроризма и экстремизма в целях вовлечения в совершение указанных преступлений большего числа участников [4].

В текущем году фиксируется некоторое снижение количества зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (за девять месяцев 2025 года это снижение в сравнении с аналогичным периодом 2024 года зафиксировано на уровне 9,5%) [1]. Однако, следует учитывать, что на протяжении ряда последних лет количество данных преступлений демонстрировало устойчивый рост. Поэтому в настоящее время их количество в общем объёме зарегистрированной преступности продолжает оставаться высоким. При этом так же необходимо учитывать, что более половины данных преступлений относятся к категориям тяжких и особо тяжких.

Преступники, совершающие преступления террористической направленности, активно используют информационно-телекоммуникационные сети, прежде всего сеть Интернет, для распространения идей терроризма и экстремизма, а также информационно-методического сопровождения действий лиц, подготавливающих совершение данных преступлений. Для этого преступниками активно используются социальные сети, в которых имеются возможности размещать, копировать, пересылать неограниченному количеству пользователей любую информацию, в том числе криминального характера, создавать группы и сообщества. При этом сами преступники могут находиться на территории иностранного государства, что усложняет возможности осуществления оперативно-розыскной и следственной деятельности, направленной на документирование фактов их преступной деятельности и задержания.

Во-вторых, на современном этапе существенным фактором, оказывающим влияние на тенденции развития преступности террористической направленности, следует назвать проведе-

ние Россией Специальной военной операции на территории Украины (далее – СВО). Её проведение вызвало значительную активизацию агрессивной деятельности украинских и западных спецслужб, перешедших с начала СВО на террористические действия, которые совершаются на территории России. Эти преступные действия сопровождаются информационной кампанией, целью которой является дестабилизация социально-политической обстановки в нашем государстве. Так же указанная деятельность сопровождается активным вовлечением населения в совершение террористической деятельности путём параллельного совершения по заданию украинских спецслужб в отношении них дистанционных мошенничеств в целях обмана и склонения к совершению рассматриваемых преступлений [5].

В-третьих, одной их современных тенденций является активное вовлечение преступниками в совершение преступлений террористической направленности несовершеннолетних лиц.

Как правило, для осуществления данной деятельности активно используется сеть Интернет, способствующая формированию мотивации несовершеннолетних на участие в совершении преступлений террористической направленности путём воздействия на их неокрепшую психику и используя запрещённый контент, в том числе религиозного содержания, якобы оправдывающий совершение деяний данного вида. Молодёжь агитируется к вступлению в создаваемые в сети различные группы религиозной или политической направленности, преступники заинтересовывают подростков возможностью принимать участие в якобы важном общественном движении. Дальнейшее участие в данных интернет-сообществах постепенно перетекает в деятельность по оправданию терроризма и экстремизма, призывам к участию в противоправных акциях, основанных на национальной, расовой, религиозной и иной ненависти или вражде, а впоследствии и в совершении преступлений террористической направленности [6].

В-четвёртых, одной из современных особенностей преступности террористической направленности является участие в совершении преступлений представителей иностранных государств. За подготовкой и совершением преступлений рассматриваемого вида на территории нашего государства всё чаще стоят представители международных преступных формирований. Кроме того, в совершении преступлений террористической направленности вовлекаются иностранные граждане, находящиеся на территории Российской Федерации.

В частности, на это обратил внимание председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин в своём выступлении на Петербургском международном юридическом форуме отметив, что в первом квартале 2025 года мигранты совершили в 2,7 раза больше преступлений террористической направленности в сравнении с аналогичным периодом 2024 года. Так же в выступлении было отмечено то, что въезд на территорию нашего государства приверженцев радикальных течений ислама для распространения террористических идей среди соотечественников, их вербовка, подготовка к совершению терактов нарастает [7].

Таким образом, можно отметить, что преступность террористической направленности в настоящее время имеет определённые особенности, которые должны учитываться при разработке системы мер противодействия указанным преступлениям. На основании проведённого анализа можно сделать ряд выводов.

1. С учётом существенного повышения криминогенности цифровой среды и использования преступниками электронных и информационно-телекоммуникационных сетей требуется повышение качества контроля в данной сфере в целях своевременного выявления и пресечения действий преступников. Действенной мерой в данном аспекте, на наш взгляд, может быть расширение возможностей использования технологий искусственного интеллекта.
2. С учётом высокой законспирированности деятельности преступников, совершающих преступления террористической направленности, целесообразно шире использовать возможности осуществления оперативно-розыскной деятельности для их эффективного выявления, предупреждения и раскрытия. В частности, повышению эффективности в данной сфере может способствовать совершенствование взаимодействия субъектов осуществления оперативно-розыскной деятельности, поиск на основе научного анализа наиболее результативных форм совместной деятельности.
3. Увеличение количества преступлений террористической направленности с участием иностранных граждан требует разработки мер, направленных на повышение эффективности миграционной политики и контроля в данной сфере, а также позволяющих повысить качество раскрытия и расследования совершаемых ими преступлений. В частности, существенное значение для повышения эффективности раскрытия преступлений иностранных граждан, в том числе и террористической направленности, на наш взгляд, будет иметь предложенная Следственным комитетом Российской

Федерации инициатива об обязательной биометрической регистрации всех приезжающих иностранцев.

Список литературы:

[1] Состояние преступности в Российской Федерации за январь - октябрь 2025 года // МВД РФ, ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», М., 2025. (https://мвд.рф/reports/item/73314953/).

[2] Муратов А.Х. Противодействие терроризму в системе политического управления Российской Федерации (федеральный и региональный аспекты). Дис. …канд. полит. наук. Казань, 2022. С. 3.

[3] Пп.7, п. 47 Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

[4] Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры / В. С. Овчинский. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. С. 9.

[5] Кудрявцев А.В., Михайлов А.Е. Влияние специальной военной операции на украине на преступность в россии: криминалистический аспект // Санкт-Петербургский международный криминалистический форум. Санкт-Петербургский университет МВД России, 10–11 июня 2024 года. С. 329-330.

[6] Бадамшин С.К. Преступления террористической направленности, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика. Дис. …канд. юрид. наук. М., 2018. С. 139.

[7] «Во всех тяжких: число совершённых иностранцами преступлений выросло на 15%» // Известия, 21.05.2025. (https://sledcom.ru/press/smi/item/1984509/).

References:

[1] The state of crime in the Russian Federation for january - october 2025 // Ministry of internal affairs of the Russian Federation, Federal state institution “Main information and analytical center”, Moscow, 2025. (https://мвд.рф/reports/item/73314953/).

[2] Muratov A.Kh. Counteracting terrorism in the system of political governance of the Russian Federation (federal and regional aspects). Diss. ... cand. sci. polit.). Kazan, 2022. P. 3.

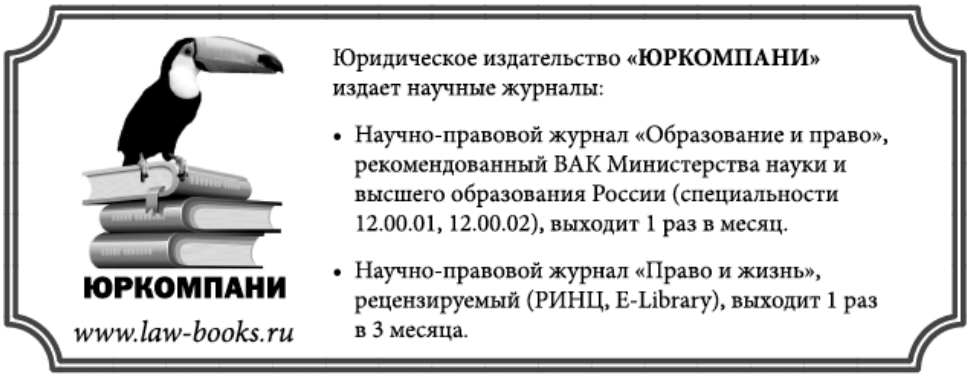
[3] Subparagraph 7, paragraph 47 of the Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021, No. 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”.

[4] Criminology of the digital world: a textbook for master’s students / V.S. Ovchinsky. - M.: Norma: INFRA-M, 2018. P. 9.

[5] Kudryavtsev A.V., Mikhailov A.E. The Impact of the special military operation in Ukraine on crime in Russia: forensic aspect // St. Petersburg international forensic forum. St. Petersburg University of the Ministry of internal affairs of Russia, june 10–11, 2024. Pp. 329–330.

[6] Badamshin S.K. Terrorist crimes committed using electronic or information and telecommunication networks: criminal-law and criminological characteristics. Diss. … cand. of law. M., 2018. P. 139.

[7] “In all bad: the number of crimes committed by foreigners Increased by 15%” // Izvestia, may 21, 2025. (https://sledcom.ru/press/smi/item/1984509/).

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-461-465

ПРОНИЧЕВА Екатерина Владимировна,
студент 4 курса бакалавриата
Юридического факультета Финансового университета
при Правительстве РФ,
e-mail: 220743@edu.fa.ru

Научный руководитель:
БЕЛОУСОВ Андрей Леонидович,
к.э.н., доцент Юридического факультета
Финансового университета при Правительстве РФ,
e-mail: mail@law-books.ru

ВЛИЯНИЕ САНКЦИЙ НА РЫНОК СИНДИЦИРОВАННОГО КРЕДИТОВАНИЯ РФ

Аннотация. *Статья посвящена анализу комплексного влияния международных санкций на рынок синдицированного кредитования в Российской Федерации. Автор исследует ключевые последствия санкционного давления, включая уход с рынка иностранных банков, снижение объемов операций, рост кредитных рисков и стоимости заимствований, а также смещение валютной структуры сделок в сторону рубля. Особое внимание уделяется адаптационным механизмам, разработанным регулятором и участниками рынка для противодействия вызовам. К ним относятся новые регуляторные стимулы (например, учет «простых синдикатов» в ликвидных активах), развитие инструментов вторичного рынка, таких как Соглашения о финансировании участия в кредите (СФУК), и формирование соответствующей судебной практики, отдающей приоритет российскому праву. Отмечается, что санкции, с одной стороны, спровоцировали структурный кризис, а с другой - стали катализатором трансформации рынка, стимулировав развитие национального регулирования и переориентацию на внутренние источники капитала. Дальнейшая устойчивость рынка связывается с последовательной реализацией принятых новаций.*

Ключевые слова: *Синдицированное кредитование, санкции, финансовые рынки, Банк России, кредитные риски, СФУК, вторичный рынок, адаптация регулирования.*

PRONICHEVA Ekaterina Vladimirovna,
4th year undergraduate student Faculty of Law,
Financial University under the Government
of the Russian Federation

Scientific supervisor:
BELOUSOV Andrey Leonidovich,
PhD in Economics, Associate Professor at the Faculty
of Law Financial University under the Government
of the Russian Federation

THE IMPACT OF SANCTIONS ON THE SYNDICATED LENDING MARKET OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article is devoted to the analysis of the complex impact of international sanctions on the syndicated lending market in the Russian Federation. The author examines the key consequences of sanctions pressure, including the withdrawal of foreign banks from the market, a decrease in transaction volumes, an increase in credit risks and borrowing costs, as well as a shift in the currency structure of transactions towards the ruble. Special attention is paid to the adaptation mechanisms developed by the regulator and market participants to counter challenges. These include new regulatory incentives (for example,*

accounting for «simple syndicates» in liquid assets), the development of secondary market instruments such as Loan Financing Agreements (CFCs), and the formation of appropriate judicial practice that gives priority to Russian law. It is noted that the sanctions, on the one hand, provoked a structural crisis, and on the other, they became a catalyst for market transformation, stimulating the development of national regulation and a reorientation to domestic sources of capital. Further market stability is associated with the consistent implementation of accepted innovations.

Key words: *Syndicated lending, sanctions, financial markets, Bank of Russia, credit risks, SFUK, secondary market, regulatory adaptation.*

Влияние санкций на рынок синдицированного кредитования в Российской Федерации представляет собой сложное и многогранное явление, вызванное глубокими структурными и регуляторными изменениями. Санкционное давление, направленное в том числе на ограничение экспорта сырьевых товаров и изоляцию финансовой системы, является негативным внешним фактором, последствия которого во многом зависят от скорости адаптации всех участников рынка. Синдицированное кредитование как механизм, предусматривающий объединение нескольких кредиторов для финансирования крупных проектов, в новых условиях столкнулось с фундаментальными вызовами, потребовавшими пересмотра сложившейся практики.

Синдицированные кредиты остаются важным инструментом для финансирования крупных проектов в России. Однако участие иностранных банков в российских синдикатах стало менее активным из-за санкционной политики и политической нестабильности [7].

В соответствии с анализом, проведенным исследовательской группой Cbonds, статистические данные указывают на снижение объемов операций, связанных с предоставлением синдицированных кредитов, что является результатом проводимой санкционной политики в отношении Российской Федерации с 2014 года [8].

Рис.1. Источник: составлено автором по материалам группы компаний Cbonds.

Начальным и наиболее ощутимым последствием санкций стал уход с рынка значительного числа иностранных банков, которые ранее играли ключевую роль в синдикатах. Это привело к резкому снижению объема доступного финансирования для крупных проектов и создало дефицит квалифицированных участников, что негативно сказалось на качестве организации и администрирования сделок. Российские банки столкнулись с необходимостью брать на себя повышенные кредитные риски, аллоцируя значительные объемы средств на крупнейших заемщиков, что повысило концентрацию рисков в банковской системе и создало угрозу для финансовой ста-

бильности, а также участники синдикатов стали сталкиваться с необходимостью пересмотра договорных условий и увеличением регуляторного контроля со стороны Банка России, который активно внедрял новые требования для поддержания устойчивости рынка [6].

Практические последствия санкций выразились в смещении валютного баланса кредитных сделок в сторону рубля, изменениях в стоимости и доступности синдицированных кредитов, а также усложнении процедур для заемщиков, что особенно стало ощутимым в стратегически важных секторах экономики.

Наконец, уход иностранных участников заставил искать сложные схемы выкупа долгов и переуступки прав требований по синдицированным кредитам, что усилило необходимость в государственном вмешательстве для поддержания устойчивости и ликвидности рынка синдицированных кредитов.

Переход к российской стандартизации, усиление роли локальных банков и регуляторных институтов, а также внедрение инновационных финансовых схем позволяют рынку адаптироваться в условиях санкционного давления. Тем не менее, рынок синдицированного кредитования в России продолжает испытывать неопределенности, связанные с международной политической ситуацией и экономическими ограничениями.

Ответом на эти вызовы стала активная работа регулятора и банковского сообщества по разработке адаптационных механизмов. Ключевой задачей, по словам представителя Ассоциации банков России, стало использование потенциала рынка синдицированного кредитования как механизма для более равномерного распределения кредитного риска по банковской системе. Одним из стимулирующих регуляторных шагов стало включение синдицированных кредитов, отвечающих критериям «простого синдиката», в категорию высоколиквидных активов при расчете норматива краткосрочной ликвидности. Это сделало такие операции более привлекательными для банков, так как позволило оптимизировать их нормативную нагрузку [5].

Важнейшим инструментом адаптации, получившим развитие в условиях санкций, стали Соглашения о финансировании участия в кредите (СФУК). Принятые в 2025 году поправки в Закон о синдицированном кредите законодательно закрепили две формы СФУК: фондируемое участие и участие в риске (нефондируемое участие). Данные механизмы позволяют привлекать на вторичный рынок синдицированных кредитов новых инвесторов, в том числе из дружественных юрисдикций, при этом первоначальный кредитор остается единственным контрагентом для заемщика. Это выполняет не только экономическую, но и защитную функцию, поскольку «позволяет удалить со сцены санкционный банк, если должник не заинтересован во взаимодействии с таковым». Механизм субучастия позволяет нарастить объемы кредитования, необходимые в том числе для реализации новых инвестиционных проектов и поддержки российской экономики в сложившихся условиях, когда хозяйствующим субъектам стало сложнее привлекать банковское финансирование. Таким образом, СФУК стали эффективным механизмом реструктуризации кредитных рисков и обеспечения непрерывности финансирования стратегических проектов [5].

Санкции также оказали существенное влияние на отраслевую структуру заемщиков. Наиболее пострадали капиталоемкие и импортозависимые отрасли, такие как авиаперевозки, черная металлургия, автомобилестроение и телекоммуникации, которые исторически активно использовали синдицированные кредиты. Для них ограничение доступа к международному финансированию и комплектующим совпало с сокращением возможностей по привлечению крупных кредитов внутри страны. В то же время отрасли, ориентированные на внутренний рынок или пользующиеся государственной поддержкой, такие как пищевая промышленность, сельское хозяйство и частично нефтегазовый сектор, оказались более устойчивыми.

Что касается перспектив развития, то текущие усилия регулятора и участников рынка направлены на создание полноценного вторичного рынка синдицированных кредитов, который в России практически не развивался. Обновленное регулирование, стимулирующее создание «простых синдикатов» с возможностью свободной уступки прав требований определенного круга кредитных организаций, призвано заложить основу для повышения ликвидности этого инструмента и привлечения средних и небольших банков. Как отмечают эксперты, развитие вторичного рынка не только распределяет риски, но и обеспечивает снижение стоимости заимствований для конечных заемщиков.

Важно подчеркнуть, что в условиях санкционных ограничений, введенных в 2022 году, особую актуальность приобрели механизмы расчетов с иностранными кредиторами. Как указал Банк России в официальном разъяснении от 5 сентября 2022 г. №9-ОР «О применении отдельных положений Указа Президента Российской Федерации от 28 февраля 2022 года №79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» и Указа Президента Российской Федерации от 5 июля 2022 года №430 «О репатриации резиден-

тами - участниками внешнеэкономической деятельности иностранной валюты и валюты Российской Федерации», российские организации вправе исполнять обязательства через платежных агентов, что позволяет избежать прямых транзакций с контрагентами из недружественных государств. Данная норма, вступившая в силу сразу после публикации, стала ответом на требования Указа Президента от 05.07.2022 №430 «О репатриации резидентами - участниками внешнеэкономической деятельности иностранной валюты и валюты Российской Федерации», обеспечив юридическую безопасность для резидентов. Однако, несмотря на это, практика показывает, что неисполнение обязательств по синдицированному кредиту нередко приводит к судебным разбирательствам [1,2].

Современные реалии, включая введение санкций против иностранных банков, существенно повлияли на исполнение синдицированных кредитов. Ярким примером является дело №А40-71521/23–156–569, рассмотренное Арбитражным судом Москвы. В данном споре Акционерное общество «Газпромбанк» оспаривал право BNPP Paribas Bank (банка иностранного государства) выступать кредитором по договору синдицированного кредита, заключенного в 2010 году. Суд, руководствуясь Указом Президента №430 и разъяснением Банка России №9-ОР, обязал заемщика - Публичное акционерное общество «Челябинский металлургический комбинат», исполнять обязательства напрямую российскому банку, признав BNP Paribas лишь «платежным агентом [3].

В рассматриваем решении суд установил важный прецедент для исполнения обязательств по договору синдицированного кредита, Арбитражный суд пересмотрел срок исковой давности, указав, что он начал течь не с момента заключения договора синдицированного кредита, а с 5 июля 2022 года, а именно, с даты принятия Указа Президента №430. Это решение демонстрирует, как новые нормативные акты формируют юридические факты, влияющие на исполнение обязательств. Более того, суд проигнорировал условие договора о подчинении английскому праву, применив российское законодательство, что подчеркивает приоритет национальных норм в условиях санкционного давления.

Таким образом, воздействие санкций на рынок синдицированного кредитования России носит комплексный характер, затрагивая юридические, экономические и политические аспекты его функционирования. С одной стороны, санкции спровоцировали кризис, вызвав уход ключевых игроков и рост рисков. С другой – они стали катализатором глубоких трансформаций, стимулировав развитие национального регулирования, создание новых финансовых инструментов и переориентацию на внутренние источники капитала. Дальнейшая устойчивость рынка будет зависеть от последовательности реализации уже принятых регуляторных новаций и способности финансовой системы генерировать адекватные ответы на новые вызовы.

Список литературы:

[1] Указ Президента РФ от 05.07.2022 №430 «О репатриации резидентами - участниками внешнеэкономической деятельности иностранной валюты и валюты Российской Федерации» // Российская газета», №145, 07.07.2022

[2] Официальное разъяснение Банка России от 05.09.2022 №9-ОР «О применении отдельных положений Указа Президента Российской Федерации от 28 февраля 2022 года №79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» и Указа Президента Российской Федерации от 5 июля 2022 года №430 «О репатриации резидентами - участниками внешнеэкономической деятельности иностранной валюты и валюты Российской Федерации» // Сайт Банка России. URL: https://cbr.ru.

[3] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 25 июля 2023 г. по делу №А40-71521/2023 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/V7OABzt6xTHi/

[4] Белоусов А.Л. Синдицированное кредитование: вопросы правоприменения и направления совершенствования законодательства // Финансы и кредит. — 2021. — Т. 27, № 2. — С. 370–384.

[5] Иванов О.М. О секьюритизации, синдицированном кредите и регулировании банковских вкладов [Электронный ресурс] / О. М. Иванов // Ассоциация банков России (АБР): сайт. – 2025. – 12 августа. – URL: https://asros.ru/news/opinions/o-sekyuritizatsii-sinditsirovannom-kredite-i-regulirovanii-bankovskikh-vkladov/

[6] Ушанов А.Е. Синдицированное кредитование: новые вызовы / А. Е. Ушанов // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Т. 13, № 11. – С. 4823–4834. – DOI 10.18334/epp.13.11.119681.

[7] Чеканов П.Е. Синдицированное кредитование: тенденции развития в Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2023. № 61. С. 96–112. doi: 10.17223/19988648/61/7

[8] Группа компаний Cbonds [Электронный ресурс]. – URL: http://cbonds.ru/

References:

[1] Decree of the President of the Russian Federation dated 07/05/2022 № 430 «On the repatriation of Foreign Currency and the Currency of the Russian Federation by Residents Participating in Foreign Economic Activity» // Rossiyskaya Gazeta, № 145, 07/07/2022

[2] Official Explanation of the Bank of Russia dated 09/05/2022 № 9-OP «On the Application of Certain Provisions of Decree of the President of the Russian Federation dated February 28, 2022 № 79 «On the Application of Special Economic Measures in connection with the Unfriendly Actions of the United States of America and Foreign States and International Organizations Affiliated with Them» and Decree of the President of the Russian Federation dated July 5 2022 № 430 «On the Repatriation of Foreign Currency and the Currency of the Russian Federation by Residents participating in Foreign Economic Activity» // Website of the Bank of Russia. URL: https://cbr.ru.

[3] The decision of the Moscow Arbitration Court of July 25, 2023 in case no.A40-71521/2023 [Electronic resource] // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/V7OABzt6xTHi/

[4] Belousov A.L. Syndicated lending: issues of law enforcement and directions for improving legislation // Finance and Credit, 2021, vol. 27, № 2, pp. 370-384.

[5] Ivanov O.M. On securitization, syndicated credit and regulation of bank deposits [Electronic resource] / O. M. Ivanov // Association of Banks of Russia (ADB): website. – 2025. – August 12. – URL: https://asros.ru/news/opinions/o-sekyuritizatsii-sinditsirovannom-kredite-i-regulirovanii-bankovskikh-vkladov/

[6] Ushanov A.E. Syndicated lending: new challenges / A. E. Ushanov // Economics, entrepreneurship and Law. – 2023. – Vol. 13, № 11. – pp. 4823-4834. – DOI 10.18334/epp.13.11.119681.

[7] Chekanov P.E. Syndicated lending: development trends in the Russian Federation // Bulletin of Tomsk State University. Economy. 2023. № 61. pp. 96-112. doi: 10.17223/19988648/61/7

[8] Cbonds Group of Companies [Electronic resource]. – URL: http://cbonds.ru/

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-466-469

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилевич,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ
«Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru

НАКАЗАНИЕ КАК КАРА И НАКАЗАНИЕ КАК ИСЦЕЛЕНИЕ: ФИЛОСОФСКИЙ ДУАЛИЗМ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *Статья представляет собой теоретико-философский анализ фундаментального дуализма, лежащего в основе современных пенитенциарных систем. Исследуется противостояние двух парадигм понимания наказания: карательной (ретрибутивной), ориентированной на воздаяние и изоляцию, и восстановительной (реабилитационной), направленной на исцеление, исправление и реинтеграцию. Проводится концептуальный анализ институциональных, политико-экономических и социально-психологических причин устойчивого доминирования карательной модели, несмотря на декларируемые цели исправления и убедительную этическую аргументацию восстановительного подхода. В работе рассматривается, как такие факторы, как неолиберальная политическая экономия, циклы «моральной паники», бюрократическая рациональность и глубокие коллективные аффекты формируют систему, в которой логика возмездия перманентно преобладает над логикой восстановления. Делается вывод о том, что разрешение этого дуализма требует не простой реформы, но диалектического преодоления в новой парадигме, где социальная безопасность переосмысливается через призму восстановления связей и социальной справедливости.*

Ключевые слова: *Пенитенциарная система, философия наказания, карательная парадигма, восстановительное правосудие, ретрибуция, реабилитация, реинтеграция, институциональный анализ, неолиберализм, социальная справедливость.*

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
Federal State Institution «Research Institute
of the Federal Penitentiary Service»

PUNISHMENT AS PUNISHMENT AND PUNISHMENT AS HEALING: THE PHILOSOPHICAL DUALISM OF THE PENAL SYSTEM

Annotation. *The article is a theoretical and philosophical analysis of the fundamental dualism underlying modern penitentiary systems. The confrontation between two paradigms of understanding punishment is examined: punitive (retributive), focused on retribution and isolation, and restorative (rehabilitative), aimed at healing, correction and reintegration. A conceptual analysis of the institutional, political-economic and socio-psychological reasons for the sustained dominance of the punitive model is carried out, despite the declared goals of correction and a convincing ethical argument for a restorative approach. The work examines how factors such as neoliberal political economy, cycles of "moral panic," bureaucratic rationality and deep collective affects form a system in which the logic of retribution permanently prevails over the logic of restoration. It is concluded that resolving this dualism requires not simple reform but dialectical overcoming in a new paradigm where social security is reframed through the lens of reconnection and social justice.*

Key words: *Penal system, punishment philosophy, punitive paradigm, restorative justice, retribution, rehabilitation, reintegration, institutional analysis, neoliberalism, social justice.*

Введение: извечный дуализм целей наказания. Пенитенциарная система, как сложный социальный организм, с момента своего институционального оформления пребывает в состоянии перманентного внутреннего конфликта. Этот конфликт проистекает из фундаментального философско-правового дуализма, определяющего саму природу уголовного наказания. С одной сто-

роны, существует парадигма кары (ретрибуции), укорененная в архаичном принципе талиона и концепции справедливости как воздаяния. Ее цель состоит в осуждении, страдании и изоляции нарушителя, восстановление нарушенного морального порядка через акт социального отторжения. С другой стороны, противостоит парадигма исцеления (реабилитации и реинтеграции), рассматривающая преступление как симптом социальной или личностной дисфункции, а наказание как процесс исправления, восстановления нарушенных связей и возвращения оступившегося в лоно общества. Этот дуализм не является сугубо теоретическим; он материализуется в архитектуре тюрем, в ежедневных практиках персонала, в законодательных нормах и, в конечном счете, в судьбах миллионов заключенных. Анализ причин устойчивого доминирования карательной логики над восстановительной представляет собой ключ к пониманию не только эволюции пенитенциарных институтов, но и фундаментальных вопросов о природе справедливости, социального контроля и человеческой солидарности в современных обществах.

Теоретические основания парадигм: от ретрибутивизма к ресторативной справедливости. Карательная парадигма, или ретрибутивизм, черпает свою силу в глубоких пластах коллективного бессознательного и моральной философии. Как отмечается в Стэнфордской энциклопедии философии, ядро ретрибутивной теории составляют три принципа: лицо, совершившее противоправное деяние, морально заслуживает пропорциональное страдание; по сути, морально хорошо, если законный наказывающий субъект предоставляет ему это заслуженное наказание; морально недопустимо намеренно наказывать невиновных или применять непропорционально суровые кары [1]. Эта модель апеллирует к интуитивному чувству справедливости как возмездия, которое часто сохраняет силу даже в гипотетических ситуациях, когда утилитарные цели наказания (удержание, сдерживание) уже достигнуты. Пенитенциарная система, построенная на этих основаниях, превращает тюрьму в материальный символ заслуженного социального отвержения, где акцент делается на изоляции и причинении «тягот».

Восстановительная парадигма предлагает радикально иную онтологию преступления. Она отказывается видеть в нем исключительно злую волю индивида, противостоящую абстрактному закону государства. Вместо этого преступление интерпретируется как конфликт между людьми, наносящий вред конкретным жертвам, сообществам и социальным связям [2]. Соответственно, цель правосудия смещается с воздаяния на исцеление. Восстановительное правосудие сосредоточено на нуждах жертв, на активной ответственности правонарушителя за заглаживание вреда и на вовлечении сообщества в процесс восстановления. Криминолог Нильс Кристи в своей знаменитой работе 1977 года «Конфликты как собственность» указывал, что традиционная система фактически «отнимает» конфликт у его непосредственных участников, передавая его в руки профессиональных юристов и чиновников, тем самым лишая общество возможности для морального роста и примирения [3].

Институциональные барьеры для восстановительной парадигмы: политическая экономия наказания. Несмотря на убедительную этическую аргументацию и эмпирические свидетельства об эффективности отдельных восстановительных практик, карательная парадигма демонстрирует удивительную живучесть. Одной из ключевых причин является ее глубокая институциональная и политико-экономическая укорененность. В эпоху неолиберализма пенитенциарная система часто перестает быть лишь инструментом борьбы с преступностью, превращаясь в механизм управления социальными рисками и маргинализированными группами населения. Как отмечается в анализе неолиберального институционального развития, наблюдается отсутствие прямой связи между уровнем преступности и карательными аппетитами государства, выражающимися в коэффициенте лиц, содержащихся в исправительных учреждениях [4]. Вместо этого рост тюремного населения коррелирует со снижением социальной защищенности, выполняя функцию сдерживания социальных напряжений, порожденных экономической нестабильностью.

Этот процесс ведет к «коммодификации» карцеральных институтов – превращению их в подобие потребительского товара, чье воспроизводство требует постоянного «сырья» в виде заключенных. В таких условиях реабилитационные программы, если они и существуют, часто носят формальный характер или подчиняются логике экономической эффективности и контроля, а не подлинного исправления. Карательный аппарат, будучи разветвленной бюрократической системой с собственным бюджетом, кадрами и инфраструктурой, обладает огромной инерцией и заинтересованностью в самосохранении. Восстановительная же парадигма, делающая ставку на децентрализованные, диалогические и неиерархические практики, с трудом встраивается в эту жесткую административную машину, часто маргинализируясь в статусе факультативного «приложения» к основному карательному процессу.

Политическая инструментализация карательной парадигмы и феномен моральной паники. Карательная логика получает мощнейшую подпитку из сферы публичной политики. Уголовное правосудие, особенно в периоды избира-

тельных циклов, регулярно становится полем для символической политики, где демонстрация «жесткости» служит инструментом консолидации электората и легитимации власти. Политический дискурс, сводящий сложные социальные проблемы к простой оппозиции «законопослушного большинства» и «опасного меньшинства», делает ставку на эмоции страха и потребность в порядке. В таких условиях инвестиции в масштабные реабилитационные программы, отдачу от которых сложно измерить в краткосрочной перспективе и представить в виде яркого политического лозунга, проигрывают в конкуренции за ресурсы и внимание строительству новых тюремных мест или ужесточению режима содержания. Этот политический цикл, в котором риторика безопасности напрямую конвертируется в карательную политику, был детально описан Луи Вакканом, показавшим, как неолиберальное государство, отказываясь от социальных функций, гипертрофирует функции полицейские и пенитенциарные [5].

Периодически возникающие в обществе волны «моральной паники» вокруг отдельных резонансных преступлений приводят к стремительному ужесточению законодательства и правоприменительной практики. Эти волны, активно подогреваемые медиа, создают атмосферу, в которой любые гуманистические соображения или данные об эффективности реабилитации воспринимаются как предательство интересов жертв. Законодательные инициативы, принятые в такой атмосфере, носят часто иррациональный и чисто символический характер, но их последствия оказываются долгосрочными и материальными. Они на годы вперед закрепляют карательный уклон системы, создавая новые структурные барьеры для реабилитации. Тюремная администрация, вынужденная работать в рамках постоянно ужесточающихся правил, естественным образом концентрируется на приоритете безопасности и изоляции, отодвигая исправительные задачи на периферию своей деятельности.

Социально-психологические и бюрократические корни доминирования кары. Победа карательной модели обусловлена также мощными социально-психологическими факторами. Она эксплуатирует и одновременно воспроизводит определенные коллективные аффекты. Во-первых, это архаическое чувство стыда, которое в карательной системе приобретает деструктивный, стигматизирующий характер. В отличие от реинтегративного стыда, который направлен на осуждение поступка, а не личности, стигматизирующий стыд навешивает на человека клеймо «преступника», отчуждая его от общества и повышая вероятность рецидива [2]. Во-вторых, карательная парадигма эффективно манипулирует коллективным страхом и потребностью в безопасности, предлагая простой ответ на сложные социальные проблемы: изолировать источник опасности. Этот ответ психологически комфортнее, чем признание системных причин преступности. Наконец, как отмечают исследователи, в основе ретрибутивных интуиций может лежать сложный клубок аффектов, который Фридрих Ницше называл Ressentiment – смесь обиды, страха, агрессии, жестокости и лицемерия [1].

Восстановительная парадигма сталкивается с фундаментальным противоречием при имплементации в рамки государственной бюрократической машины. Последняя для своего функционирования требует стандартизации, формальных показателей и подотчетности. В результате даже самые прогрессивные восстановительные программы рискуют выхолащиваться, превращаясь в бюрократические процедуры. Этическая сложность работы с травмой, виной и прощением плохо укладывается в логику квартальных отчетов. Более того, тюремный персонал, набранный и обученный прежде всего как охранник и контролер, часто не обладает ни компетенциями, ни внутренней мотивацией для выполнения роли фасилитатора восстановления. Институциональная культура тюрьмы, основанная на подозрении, иерархии и подавлении, является прямой антитезой культуре диалога и эмпатии, необходимой для исцеления.

Проблема эффективности, экономики и избирательного гуманизма. Еще одним аргументом в пользу карательной парадигмы является перманентный кризис доверия к реабилитационному идеалу. Периодические разочарования в результатах исправительных программ, особенно на фоне громких рецидивов, используются как доказательство утопичности и наивности подхода, ориентированного на исцеление. При этом упускается из виду, что реабилитация в рамках системы, чьей основной функцией остается изоляция и причинение страдания, обречена быть лицемерной и фрагментарной. Более того, элементы восстановительного правосудия часто применяются избирательно, обслуживая интересы системы, а не идеалы справедливости. Они могут использоваться для разгрузки судов по мелким делам, для создания видимости реформ, не заменяя собой карательное ядро системы. Такая инструментализация дискредитирует саму философию восстановления.

Одним из мощных аргументов противников реабилитационного подхода является утверждение о его дороговизне и экономической неэффективности. Однако этот тезис требует критического рассмотрения. Во-первых, содержание огромной массы заключенных в условиях изоляции является чрезвычайно затратным для общества, но эти расходы носят скрытый, децентрализованный характер. Во-вторых, экономический

расчет, как правило, игнорирует долгосрочные издержки карательной системы: стоимость рецидивной преступности, потерю человеческого капитала, межпоколенческую передачу социального неблагополучия. Восстановительные программы, особенно на этапе реинтеграции, действительно требуют индивидуальных вложений, но их потенциальная отдача состоит в превращении человека из пассива в налогоплательщика и полноценного члена общества в макроэкономической перспективе может быть значительно выше [6; 7]. Однако политические циклы не рассчитаны на долгосрочную отдачу, что снова создает системное преимущество для карательной модели.

Заключение: тупик или диалектическая возможность синтеза? Таким образом, устойчивое доминирование карательной парадигмы над восстановительной не является случайностью. Оно детерминировано комплексом взаимосвязанных причин: глубокими интуициями о воздающей справедливости, институциональной инерцией и политико-экономической полезностью системы массового заключения, социальной психологией страха и стигмы, политической инструментализацией вопроса безопасности и бюрократическим сопротивлением гуманитарной этике. Пенитенциарная система оказалась идеальным инструментом для неолиберального государства, которое, отступая от социальных обязательств, усиливает аппарат контроля.

Означает ли это, что восстановительная парадигма обречена на маргинальное существование? Ее будущее лежит не в утопической надежде на полное замещение карательной машины, но в стратегическом продвижении идеи о том, что подлинная безопасность рождается не из страха и изоляции, а из восстановленных связей, признанной ответственности и социальной справедливости. Конкретным путем может стать не механическое соединение двух моделей, а их диалектическое преодоление в новой парадигме, где карательный инструментарий (там, где его применение социально необходимо) будет последовательно подчинен высшей цели реинтеграции. Это требует мужества для пересмотра самих основ того, что общество понимает под наказанием и справедливостью. Только тогда пенитенциарная система сможет преодолеть свой изначальный дуализм и стать не просто местом отбытия срока, но пространством для трудной, но необходимой работы по восстановлению человеческого в человеке и восстановлению распавшейся социальной ткани.

Список литературы:

[1] Stanford Encyclopedia of Philosophy. Retributive Justice [Электронный ресурс]. 2020. URL: https://plato.stanford.edu/entries/justice-retributive/ (дата обращения: 30.01.2026).

[2] Медведева С. В., Дементьев О. М. Восстановительное правосудие: краткий экскурс // Science Time. 2014. № 7 (7). С. 171-176. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vosstanovitelnoe-pravosudie-kratkiy-ekskurs (дата обращения: 30.01.2026).

[3] Christie N. Conflicts as Property // The British Journal of Criminology. 1977. Vol. 17, No. 1. P. 1–15.

[4] Тепляшин П. Неолиберальное институциональное развитие пенитенциарных систем: компаративистский аспект // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14, № 1-4 (3). С. 244-249. DOI: https://doi.org/10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.244-249

[5] Wacquant L. Punishing the Poor: The Neoliberal Government of Social Insecurity. Durham: Duke University Press, 2009. 384 p.

[6] Искандаров Р. Р. Юридическая и клиническая несвобода у осужденных с зависимостью от психоактивных веществ // Наркология. 2025. Т. 24, № 10. С. 36-43. EDN: PJJTKC.

[7] Искандаров Р. Р., Вэтра А. В. Когнитивно-поведенческая терапия в реабилитации осужденных с расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ // Наркология. 2025. Т. 24, № 5. С. 56-63. EDN: UWLPRK.

References:

[1] Stanford Encyclopedia of Philosophy. Retributive Justice. 2020. URL: https://plato.stanford.edu/entries/justice-retributive/ (дата обращения: 30.01.2026).

[2] Medvedeva S.V., Dementiev O.M. Restorative justice: a short excursion//Science Time. 2014. № 7 (7). S. 171-176. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vosstanovitelnoe-pravosudie-kratkiy-ekskurs (дата обращения: 30.01.2026).

[3] Christie N. Conflicts as Property // The British Journal of Criminology. 1977. Vol. 17, No. 1. P. 1–15.

[4] Teplyashin P. Neoliberal institutional development of penitentiary systems: comparative aspect//Penal law. 2019. T. 14, NO. 1-4 (3). S. 244-249. DOI: https://doi.org/10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.244-249

[5] Wacquant L. Punishing the Poor: The Neoliberal Government of Social Insecurity. Durham: Duke University Press, 2009. 384 p.

[6] Iskandarov R.R. Legal and clinical lack of freedom in convicts with addiction to psychoactive substances//Narcology. 2025. T. 24, NO. 10. S. 36-43. EDN: PJJTKC.

[7] Iskandarov R. R., Vatra A. V. Cognitive Behavioral Therapy in Rehabilitation of Convicts with Substance Use Disorders//Narcology. 2025. T. 24, NO. 5. S. 56-63. EDN: UWLPRK.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-470-472

ЗОРИНА Наталья Сергеевна,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: Natalya.natka2010@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЗАПУЩЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ

Аннотация. *В статье проанализирована структура, генезис и специфика проявления педагогической запущенности у несовершеннолетних осужденных. Особое внимание уделено специфике проявления данных деформаций в закрытой среде воспитательной колонии, где они осложняются режимными требованиями и субкультурой. Рассмотрена целостная система психолого-педагогической коррекции, которая направлена на их ресоциализацию.*

Ключевые слова: *педагогическая запущенность, несовершеннолетние осужденные, воспитательная колония, социальная дезадаптация, психолого-педагогическая коррекция, ресоциализация, уголовно-исполнительная система.*

ZORINA Natalya Sergeevna,
Researcher of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

ON THE ISSUE OF PEDAGOGICAL NEGLECT OF JUVENILE CONVICTS IN EDUCATIONAL COLONIES

Annotation. *The article analyzes the structure, genesis and specifics of the manifestation of pedagogical neglect in juvenile convicts. Special attention is paid to the specifics of the manifestation of these deformities in the closed environment of the educational colony, where they are complicated by regime requirements and subculture. An integral system of psychological and pedagogical correction is considered, which is aimed at their resocialization.*

Key words: *pedagogical neglect, juvenile convicts, educational colony, social maladaptation, psychological and pedagogical correction, re-socialization, penal enforcement system.*

Проблема преступности несовершеннолетних остается острой социально-педагогической и криминологической проблемой. В условиях отбывания наказания в виде лишения свободы последствия педагогической запущенности не только не нивелируются, но зачастую усугубляются, создавая дополнительные риски для ресоциализации и повышая вероятность рецидива. В этой связи возникает насущная научная и практическая потребность в углубленном междисциплинарном анализе природы, структуры и механизмов педагогической запущенности у данной категории лиц, а также в проектировании адекватной системы психолого-педагогического воздействия в специфических условиях учреждений уголовно- исполнительной системы.

Несмотря на то, что в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве несовершеннолетние являются привилегированной категорией осужденных, мы все же не можем говорить о том, что исправительное учреждение не оказывает давления на психику подростков. Отметим, что давление оказывается не незаконными действиями их воздействием на них сотрудников учреждения, а самой обстановкой, в которой находятся осужденные [1].

Структурно педагогическая запущенность у несовершеннолетних осужденных представляет собой иерархическую систему взаимосвязанных дефицитов:

– Когнитивно-образовательный компонент. Проявляется в глубоких пробелах в знаниях, низком уровне развития понятийного мышления, критичности, слабой познавательной активности. Часто сопровождается дидактогенными нарушениями – стойким негативным отношением к учебе, сформированным предыдущим опытом школьных неудач и отвержения.

– Эмоционально-регулятивный компонент. Характеризуется эмоциональной неустойчивостью, ригидностью аффектов, низким уровнем эмпатии и рефлексии. Наблюдается несформированность навыков саморегуляции, преобладание защитных механизмов по типу проекции, вытеснения или агрессии.
– Мотивационно-ценностный компонент. Отличается деформацией системы ценностей, где доминируют утилитарно-гедонистические ориентации, ценности силы, власти и принадлежности к криминальной субкультуре. Отсутствуют четкие жизненные перспективы, профессиональные ориентиры, выражена внешняя локус контроля.
– Поведенческо-коммуникативный компонент. Включает ограниченный репертуар социальных навыков, склонность к конфликтным и манипулятивным формам взаимодействия, несформированность правосознания. Поведение часто регулируется не внутренними убеждениями, а страхом наказания или примитивными желаниями [2].

Формирование запущенности носит кумулятивный характер и обусловлено действием концентрических кругов десоциализирующих факторов:

1. Ядро – семейная дисфункция. Анализ данных показывает преобладание таких факторов, как: хронический алкоголизм/наркомания родителей, жестокое обращение (физическое, эмоциональное, сексуальное), гипоопека или безнадзорность, прямое вовлечение в асоциальную деятельность. Семья, вместо функции первичной социализации, становится агентом десоциализации [3, с. 56].
2. Второй круг – институциональные неудачи. Школа, как правило, не смогла выполнить компенсаторную функцию. К типичным дефектам относятся: педагогическая некомпетентность в работе с «трудными» учащимися, стигматизация, формализм, отсутствие индивидуального подхода и действенных механизмов профилактики.
3. Третий круг – асоциальное окружение. Компенсируя дефицит принятия в семье и школе, подросток инкорпорируется в неформальные группы криминальной или девиантной направленности, где происходит кристаллизация делинквентной идентичности и усвоение соответствующих норм и навыков.

В условиях ВК педагогическая запущенность проявляется специфически: обостряются защитные механизмы (агрессия, замкнутость, показное безразличие), усугубляется недоверие к взрослым, включая сотрудников и педагогов. Формируется специфическая субкультура, которая может как нивелировать, так и усиливать дефекты социализации. Сложность заключается в необходимости коррекции на фоне действия режимных ограничений и стрессогенной атмосферы изоляции.

Коррекционная работа должна носить комплексный, поэтапный и индивидуализированный характер, охватывая все компоненты запущенности. В приказе Министерства юстиции Российской Федерации от 12.12.2005 г. № 238 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы» дается описание личностных свойств, которые должны учитываться в процессе исполнения наказания и подготовки к освобождению: «принимать во внимание индивидуальные потребности заключенного, его социальное прошлое, историю его преступления, его физические и умственные способности и возможности, его темперамент, продолжительность срока его заключения и его возможности после освобождения». Подчеркивается, что на основе изучения характера, осужденного «в кратчайший срок после приема, каждого заключенного следует разрабатывать программу работы с ним, исходя при этом из его индивидуальных потребностей, способностей и склонностей» [4].

В свою очередь, стоит учитывать, что несовершеннолетние осужденные, не могут измениться полностью и забыть свои незаконные действия. И психолого-педагогическая задача, состоит в том, чтобы несовершеннолетнего осужденного направить на формирование социальных норм и ценностей.

Однозначно воспитателям следует соблюдать определенные рекомендации, которые в дальнейшем помогут организовать процесс воспитательных работ:

– стараться не акцентировать внимание на замечаниях и нотациях по отношению несовершеннолетних, а больше использовать методов, стимулирующих к повышению самооценке;
– ни при каких обстоятельствах не унижать и не оскорблять воспитанников, а стремиться проявлять обеспокоенность за них и сосредоточиться на проблемах несовершеннолетних;
– своевременно хвалить воспитанника и верить в его будущие успехи [5].

Педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных выступает не как сопутствующий фактор, а как стержневая деформация их личности, лежащая в основе криминального

поведения. Ее преодоление в условиях лишения свободы – сложная, но необходимая задача, требующая перехода от карательной парадигмы к реабилитационной. Успех возможен только при условии реализации целостной модели коррекции, синтезирующей усилия всех служб колонии (воспитательной, психологической, оперативной, учебно-производственной) на основе индивидуального подхода, использования доказательных практик и построения «неразрывной цепи» ресоциализации, продолжающейся после освобождения. Дальнейшие исследования должны быть сосредоточены на оценке эффективности конкретных коррекционных методик и разработке технологий пострелизного сопровождения, гарантирующего закрепление достигнутых позитивных результатов.

Список литературы:

[1] Зорина Н.С. Педагогические рекомендации по профилактике агрессивного поведения несовершеннолетних осужденных // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 3 (190). – С. 469-470.

[2] Психолого-педагогическое сопровождение несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях: монография / под ред. В.И. Горобцова. – Рязань: Академия ФСИН России, 2019. – 210 с.

[3] Степанов В.Г. Психология трудных школьников: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Академия, 2001. – 336 с.

[4] Об утверждении Инструкции по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс]: [приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 12.12.2005 г. № 238]. – http: КонсультантПлюс.

[5] Зорина Н.С. О некоторых особенностях процесса исправления несовершеннолетних осужденных к лишению свободы / Н. С. Зорина // Право и управление. – 2025. – № 3. – С. 203-205.

References:

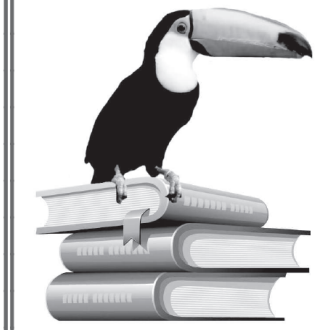
[1] Zorina N.S. Pedagogical recommendations for the prevention of aggressive behavior of juvenile convicts//Eurasian Law Journal. – 2024. – № 3 (190). - S. 469-470.

[2] Psychological and pedagogical support of juvenile convicts in educational colonies: monograph/ed. V.I. Gorobtsova. - Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2019. - 210 s.

[3] Stepanov V.G. Psychology of difficult schoolchildren: students. manual for students. higher ped. educational institutions. - 3rd ed., Revised and add. - M.: Academy, 2001. - 336 p.

[4] On approval of the Instructions for organizing the activities of the psychological service of the penitentiary system [Electronic resource]: [Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of 12.12.2005 No. 238]. - http: ConsultantPlus.

[5] Zorina N.S. On some features of the process of correction of juvenile convicts to imprisonment/N. S. Zorina//Law and management. – 2025. – № 3. - S. 203-205.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-473-476

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация;
кандидат юридических наук,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

БОДЯКОВ Владимир Николаевич,
доцент кафедры уголовно-процессуального
права и криминалистики юридического факультета
Владимирского юридического института ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: krim33@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СТРЕССА У СОТРУДНИКОВ УИС В ТРУДАХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПСИХОЛОГОВ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос деятельности пенитенциарных психологов и особенностей у них стресса, а также выделены исследования социально-психологических особенностей стрессовых нарушений у сотрудников уголовно-исполнительной системы.*

Ключевые слова: *пенитенциарный психолог, уголовно-исполнительная система, стресс, безопасность, сотрудник, исправительное учреждение.*

BAZHANOV Sergey Andreevich,
leading researcher,
Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Legal Sciences

BODYAKOV Vladimir Nikolaevich,
Associate Professor of the Department of Criminal
Procedure Law and Criminalistics of the Faculty of Law
of the Vladimir Law Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia

FEATURES OF STRESS IN THE WORKS OF PENITENTIARY PSYCHOLOGISTS

Annotation. *The article discusses the activities of penitentiary psychologists and the features of their stress, as well as highlights the research on the socio-psychological features of stress disorders in employees of the penal system.*

Key words: *Penitentiary psychologist, penal system, stress, security, employee, correctional facility.*

Отдельным направлением в изучении стресса следует выделить исследования социально-психологических особенностей стрессовых нарушений у сотрудников уголовно-исполнительной системы, которые рассматривались в работах А.И. Ушатикова, Б.Б. Казака, О.Г. Ковалева, Н.В. Тарабриной, В.Н. Смирнова, И.И. Пацакулы, В.М. Мельникова, Ю.Ю. Красиковой и других.

Специалисты, работающие в уголовно-исполнительной системе, отвечают насущной потребности общества в защите от преступников. По мнению ряда авторов, эта категория людей – сотрудников отдела безопасности и охраны, оперативных работников, воспитателей, психологов, социальных работников сама остро нуждается в психологической помощи и сопровождении [1].

А.И. Ушатиков и О.Г. Ковалев писали, что жизнь сотрудников УИС протекает в постоянном стрессе. Они испытывают депривацию от экстремальных условий свое деятельности. Выходящих за рамки обычных условий профессиональной

деятельности сотрудников УИС считают условия, отягощенные захватом заложников, массовыми беспорядками, групповыми эксцессами и т.д.

Следует отметить, что специфической особенность деятельности сотрудников пенитенциарных учреждений является напряженность и стрессогенность. По мнению американского ученого Р. Калимо, обобщившего результаты ряда исследований по источникам стресса у тюремного персонала они имеют широкий спектр [2].

Следует отметить, что в силу своего должностного положения сотрудники могут находиться в позиционном или деловом конфликте друг с другом. Например, такой позиционный конфликт по отношении к подчиненным возможен у руководителя, между руководителем и вышестоящими начальниками - представителями вышестоящего уровня управления, поскольку один сотрудник по отношению другому обладает полномочиями контроля, дачи поручений, распоряжений в силу служебных и властных полномочий. Сотрудниками-подчиненным такое обстоятельство может не нравиться, они могут быть недовольны. Если такое отношение вовремя не заметить, не разъяснить сущность построения организации, то деловой конфликт может углубиться, перерасти в межличностный и создать психическую напряженность в коллективной деятельности [3].

А.И. Ушатиков выделяет четыре основные группы факторов, вызывающих стресс у сотрудников: организационные (канцелярщина, бюрократизм, архаичная система продвижения по службе); факторы, обусловленные самой работой (риск, опасность); факторы личного и семейного окружения (конфликты, разводы, болезни); факторы специфики профессии (сотрудники воспринимают свою профессию как источник их изоляции и отрицательного к ним отношения) [4].

Н.Е. Салтрукович, аккумулируя исследования служебно-боевой деятельности в особых условиях внутренних войск, приводит шесть основных факторов, оказывающих влияние на психическое состояние сотрудников: фактор безопасности; фактор внезапности; фактор неопределенности; фактор новизны средств и способов реализации деятельности в экстремальных условиях; фактор дефицита времени [5].

Обычные условия работы в исправительном учреждении характеризуются тем, что сотрудники уголовно-исполнительной системы находятся в непосредственном контакте с преступниками, а их деятельность протекает в напряженных конфликтных ситуациях, опасных для жизни обстоятельствах. Подобные условия относятся к экстремальным условиям жизнедеятельности, создают сложности в решении профессиональных задач, сказываются на успешности деятельности, требуют от персонала исправительных учреждений психологической устойчивости, особой подготовленности, умения действовать в экстремальных условиях, являющихся, однако, повседневными обязанностями служебной деятельности сотрудников пенитенциарной системы [6].

Л.И. Беляева (1997) к стрессовым факторам, влияющим на сотрудников исправительных учреждений, относит:

1) жесткую правовую регламентацию деятельности в ИУ;
2) наличие властных полномочий;
3) психические и физические перегрузки, связанные с длительным пребыванием в криминально зараженной среде, отрицательным эмоциональным напряжением, дефицитом позитивных впечатлений, ожиданием опасности, нестабильным графиком работы, сложными отношениями в коллективе и др.;
4) условия экстремальности, приводящие к потере физических сил, эмоциональному и психическому истощению, риск, социально неодобряемое и неодобряемое профессиональное предназначение, вызывающие ощущение профессионального бессилия и др.;
5) авторитарность внутри системы;
6) недостаточную профессиональную подготовку и личностные особенности сотрудника [7].

По данным Ф. Куллена, Б. Линка, Н. Вольфа и Д. Франка (1985), сотрудники исправительных учреждений ежедневно непосредственно имеют дело с асоциальными слоями общества, имеющими неприемлемые установки, ценности, склонными к насилию. Кроме того, длительное время они проводят в изоляции, решая проблемы осужденных, наблюдая за их жизнью, субкультурой, отвечая за поддержание порядка и дисциплины в тюрьме [8].

П. Голдберг, М.Ф. Ландре, С. Девид, М. Голдберг, М.Ж. Дасса Марне (1996) установили, что сотрудники исправительных учреждений чаще страдают психическими расстройствами, чем люди, работающие в других сферах.

– Монотонная рабочая среда, плохие условия труда, отсутствие досуга, недостаточность спортивной деятельности, десятилетний стаж в исправительном учреждении, чрезмерно длительный рабочий день, несоответствующие организационные условия труда коррелируют с легкими психическими расстройствами у мужчин, у женщин ?недостаточная социально-правовая защищенность личного состава, исполняющего уголовное наказание.

– низкий социальный статус служащих исправительных учреждений, не соответствующий должности социальной значимости решаемых задач. Рядом авторов, в том числе и зарубежных, данная проблема считается одной из главных, так как с ней во многих случаях связана мотивация лиц, избирающих карьеру сотрудника данной сферы, их самоуважение, удовлетворенность работой и жизнью.
– жесткая нормативная регламентация профессионального общения.
– отрицательное влияние микросреды.
– высокий уровень постоянных эмоциональных нагрузок, в том числе стрессовых ситуаций, связанных с высоким риском развития психологической дезадаптации. Сотрудники, проходящие службу в исправительных учреждениях подвержены длительному «дистрессу», который характеризуется постепенной мобилизацией и расходованием адаптационных резервов.
– высокая степень закрытости исправительных учреждений. Специфика закрытости учреждения прослеживается в относительности и постоянстве окружающей обстановки, а также объективном ограничении двигательной активности, монотонии, относительного постоянства и медленной сменяемости осужденных.
– функциональное обособление отдельных работников и служб ИУ.
– депривация общения, дефицит позитивных впечатлений, повышенная эмоционально-психологическая напряженность в латентной форме, необходимость преодоления явного и скрытого сопротивления со стороны осужденных, преимущественно конфликтный характер общения с правонарушителями.
– специфический режим работы и связанные с этим затруднения в решении ряда вопросов личного плана [13].

Так. П.В. Симонов в работе «Эмоциональный мозг отмечает, что «низкая вероятность удовлетворения потребности ведет к возникновению отрицательных эмоций. Неудовлетворенность потребностей и прагматическая неопределенность способны привести к застою, к остановке процесса самодвижения и саморазвития». Ненормированный рабочий день, невозможность распланировать собственное личное время создает дополнительные сложности в решении ряда вопросов, связанных с устройством быта, семейными проблемами, проведением досуга [14].

В силу вышеназванных условий вновь принятые сотрудники оказываются практически не готовыми к выполнению служебных обязанностей, незащищенными от влияния отдельных заинтересованных криминальных структур, от использования неэффективных приемов работы. Следствием этого является разочарование, потеря интереса к работе, низкая результативность труда, формирование отрицательных качеств, быстрая утомляемость, как правило, эмоциональное выгорание и собственно стресс [15].

Однако в большинстве исследований профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы отмечаются сложности совершенно другого рода. Прежде всего, сама повседневная служба сотрудников представляется как крайне напряженная. К основным факторам напряженной профессиональной службы в УИС можно отнести: вероятность конкретных экстремальных ситуаций (массовые беспорядки, побеги, голодовки, захват заложников и др.), контингент, с которым приходится работать, а также условия труда в целом. «Кто бы что ни говорил, но в тюремной жизни нет никакой романтики – только жестокость, страдания, грязь, и к ним вольно или невольно вырабатывается привычка» [16].

Список литературы:

[1] Сальникова, О.Ю. Психологические особенности возникновения посттравматических стрессовых состояний у сотрудников уголовно-исполнительной системы в различных условиях служебной деятельности: Дис. … канд. псих. наук 19.00.06 / Сальникова О.Ю. Рязань, 2010 - 180 с.

[2] Ушатиков А.И., Казак Б.Б. Психология деятельности личности и коллектива сотрудников пенитенциарных учреждений Учебное пособие. Рязань, 1999. - 198 с., с.76

[3] Папкин А.И.Личная безопасность сотрудников органов внутрен¬них дел. Тактика и психология безопасной деятельности: практ. рук-во. М.,1996. С. 12-15.

[4] Казак Б.Б., Ушатиков А.И. Профессионально-психологическая подготовка персонала исправительных учреждений: учеб пособие. Рязань, 2006. С. 35-38.

[5] Салтрукович НЕ. Психологическая подготовка курсантов военно-учебных заведений внутренних войск МВД России к служебно-боевой деятельности в особых условиях: учеб. пособие. Пермь, 2001.

[6] Сочивко Д.В. Расколотый мир. Опыт анализа психодинамики личности человека в экстремальных условиях деятельности. М., 2002.

[7] Каляева Л.И. Профессионально-психологическая усталость пер¬сонала исправитель-

ных учреждений [Электронный ресурс]. URL: http://rudocs.exdat.com/docs/index-171323.html?page=7 (дата обращения 20.11.2015).

[8] The social dimensions of correctional officer stress / F.T. C ullen, B.G. Link, N.T. Wolfe |and etc.] // Juistice Quarterly. 1985. Vol. 2.

[9] Прикладная юридическая психология: Учеб. пособие для вузов / Под ред. А.М. Столяренко. М., ЮНИТИ, 2001. – с. 62

[10] Жаданюк, А.С. Психологические особенности динамики формирования личностных качеств в условиях профессионального стресса: на материале деятельности работников спецподразделений на Северном Кавказе: дис. канд. психол. наук: Ярославль, 2005. - 195 с.

[11] Аминов, И.И. Юридическая психология: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «юриспруденция». - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – с.131

[12] Смирнов, В.Н. Особенности профессионально-психологической подготовки сотрудников специальных подразделений органов внутренних дел к действиям в экстремальных условиях: монография. – М.: Академия управления МВД России, 2002

[13] Баранаускене И., Валайкене А. Влияние стресса на удовлетворен¬ность работой сотрудников исправительных учреждений // Национальный психологический журнал. 2011.№ 1 (15). С. 66-69.

[14] Антипов, В.В. Психологическая адаптация к экстремальным условиям. Киев.: Довгань, 2005. – с.173.

[15] Прикладная юридическая психология: Учеб. пособие для вузов / Под ред. А.М. Столяренко. М., ЮНИТИ, 2001. – с. 441

[16] Ильина, Е.С. Экстремальная профессия сотрудник УИС // Развитие личности. - 2002.

[17] Вилкова А. В., Полякова Я. Н., Мешкова Л. В. Проблемные вопросы воспитания научных кадров в России / Образование и право, № 9. 2025. С. 477-481.

References:

[1] Salnikova, O.Yu. Psychological features of the occurrence of post-traumatic stress states in employees of the penitentiary system in various conditions of official activity: Dis.... cand. psycho. Sciences 19.00.06/Salnikova O.Yu. Ryazan, 2010 - 180 p.

[2] Ushatikov A.I., Kazak B.B. Psychology of the activity of the personality and collective of employees of penitentiary institutions Textbook. Ryazan, 1999. - 198 p., p. 76

[3] Papkin A.I. Personal safety of employees of internal affairs bodies ¬ them. Tactics and psychology of safe activity: prakt. hands. M., 1996. S. 12-15.

[4] Kazak B.B., Ushatikov A.I. Vocational and psychological training of correctional personnel: study allowance. Ryazan, 2006. S. 35-38.

[5] Saltrukovich NOT. Psychological training of cadets of military schools of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia for service and combat activities in special conditions: students. manual. Perm, 2001.

[6] Sochivko D.V. Shattered world. The experience of analyzing the psychodynamics of a person's personality in extreme conditions of activity. M., 2002.

[7] L.I. Kalyaeva. Professional and psychological fatigue ¬ the prison staff [Electronic resource]. URL: http://rudocs.exdat.com/docs/index-171323.html?page=7 (date of contact 20.11.2015).

[8] The social dimensions of correctional officer stress / F.T. C ullen, B.G. Link, N.T. Wolfe |and etc.] //Juistice Quarterly. 1985. Vol. 2.

[9] Applied legal psychology: Study aid for universities/Ed. A.M. Stolyarenko. M., UNITI, 2001. - p. 62

[10] Zhadanyuk, A.S. Psychological features of the dynamics of the formation of personal qualities in conditions of professional stress: on the material of the activities of special forces in the North Caucasus: dis. cand. psychol. sciences: Yaroslavl, 2005. - 195 s.

[11] Aminov, I.I. Legal psychology: Study allowance for university students studying in the specialty "jurisprudence." - M.: UNITY-DANA, 2007. - p.131

[12] Smirnov, V.N. Features of professional and psychological training of employees of special units of internal affairs bodies to actions in extreme conditions: monograph. - M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2002

[13] Baranauskene I., Valaikene A. The impact of stress on ¬ satisfaction with the work of correctional officers//National Psychological Journal. 2011.№ 1 (15). S. 66-69.

[14] Antipov, V.V. Psychological adaptation to extreme conditions. Kyiv.: Dovgan, 2005. - p.173.

[15] Applied legal psychology: Study aid for universities/Ed. A.M. Stolyarenko. M., UNITI, 2001. - p. 441

[16] Ilyina, E.S. Extreme profession employee of the penal system//Personality development. - 2002.

[17] Vilkova A. V., Polyakova Y. N., Meshkova L. V. Problematic issues in the education of scientific personnel in Russia/Education and Law, No. 9. 2025. S. 477-481.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-477-482

КРИВОШЕЯ Дмитрий Григорьевич,
преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России, подполковник полиции, e-mail: tsp-kafedra@bk.ru

КУЗНЕЦОВ Александр Владимирович,
преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, майор полиции, e-mail: v.shanko@mail.ru

ЛАЗАРЕВ Алексей Владимирович,
преподаватель кафедры огневой и физической подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России, e-mail: cool.kostya1984@gmail.com

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБОЙ ПОЛИЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях как неотъемлемого элемента российской административно-правовой системы. В работе анализируются правовые основания, цели и задачи применения данных мер, закрепленные в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, а также рассматривается их практическое применение в контексте современной судебной практики. Особое внимание уделяется применению мер обеспечения производства патрульно-постовой службой полиции при выявлении правонарушений на месте, в условиях ограниченного времени и необходимости оперативного реагирования, включая специфику их применения при несении патрульно-постовой службы в различных условиях, в том числе на дорогах, в общественных местах, с соблюдением гарантий защиты прав нарушителей.*

Ключевые слова: *меры обеспечения, патрульно-постовая служба полиции, административное производство, дорожное движение, общественный порядок, административное задержание, правовые гарантии, судебный контроль.*

KRIVOSHEYA Dmitry Grigorievich,
Lecturer in the Department of Firearms and Tactical-Special Training at the Donetsk branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel

KUZNETSOV Aleksandr Vladimirovich,
Lecturer in the Department of Special Disciplines at the Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major

LAZAREV Aleksey Vladimirovich,
Lecturer, Department of Firearms and Physical Training, Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

LEGAL ASPECTS OF THE APPLICATION OF MEASURES TO SECURITY PROCEEDINGS IN ADMINISTRATIVE CASES BY THE POLICE PATROL AND POST SERVICE

Annotation. *This article examines measures to ensure the proper conduct of administrative offenses as an integral element of the Russian administrative-legal system. The paper analyzes the legal basis, goals, and objectives of these measures, as enshrined in the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, and examines their practical application in the context of modern judicial practice. Particular attention is paid to the application of measures to ensure the proper conduct of administrative offenses by patrol police when detecting offenses on the spot, under time constraints and the need for a rapid response, including the specifics of their application when performing patrol duties in various settings, including on roads and in public places, while maintaining safeguards for the protection of offenders' rights.*

Key words: *security measures, police patrol service, administrative proceedings, road traffic, public order, administrative detention, legal guarantees, judicial review.*

В современной правовой системе Российской Федерации меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях особенно значимы для патрульно-постовой службы полиции, которая ежедневно применяет эти меры при выявлении правонарушений в местах общего пользования, на дорогах и в иных общественных местах [1]. Значимость этих мер определяется необходимостью создания надлежащих условий для бесперебойного и правомерного осуществления административного процесса, а также защиты общественных интересов от потенциальных негативных последствий административных правонарушений. Актуальность проводимого исследования обусловлена динамичным развитием законодательства в области административного права, как справедливо отмечает Шанько В.В., концептуальное осмысление правопонимания, имеющееся на данный момент, не способно оказывать значимое влияние на реальную правовую ситуацию, в связи с чем совершенствование практики применения данных мер правоохранительными и судебными органами должно быть непрерывным [2]. Для ППС актуальность определяется также необходимостью обеспечения оперативности и правильности применения мер обеспечения в условиях полевой деятельности, когда требуется быстрое принятие решений в условиях, часто сложных для документирования и обеспечения надлежащих процедур. Научная разработка данной проблематики позволит выявить существующие противоречия в нормативном регулировании, пробелы в законодательстве и недостатки в правоприменительной практике, и способствует формированию обоснованных предложений по совершенствованию административного законодательства.

Правовая основа применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях закреплена в статье 27.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (Далее КоАП), которая определяет исчерпывающий перечень допустимых мер [4]. Согласно данной норме, меры обеспечения производства применяются в целях пресечения административного правонарушения, установления личности нарушителя, составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления правонарушения, обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении, а также исполнения принятого по делу постановления. Такие цели отражают многоаспектный характер мер обеспечения и определяют их роль в различных стадиях административного производства, поэтому законодатель предусмотрел широкий их спектр, включающий доставление лица, административное задержание, личный досмотр, досмотр вещей и транспортных средств, осмотр помещений и территорий, изъятие вещей и документов, отстранение от управления транспортным средством, медицинское освидетельствование на состояние опьянения, задержание транспортного средства, арест товаров и иных вещей, привод, временный запрет деятельности и другие меры [5]. При этом, каждая из указанных мер обладает специфическими характеристиками и применяется в зависимости от конкретных обстоятельств дела и целей административного производства.

Доставление как мера обеспечения производства представляет собой принудительное препровождение физического лица для составления протокола об административном правонарушении и последующего разбирательства. Данная мера не предполагает длительного ограничения свободы передвижения и должна осуществляться в разумный срок, достаточный для проведения необходимых процессуальных действий. Административное задержание, в отличие

от доставления, связано с более серьезным ограничением прав личности и может применяться только в случаях, предусмотренных законом, на срок не более трех часов, а в отдельных случаях до суток [3].

Следует отметить, что административное задержание и доставление лица занимают центральное место в спектре мер обеспечения, применяемых патрульно-постовой службой полиции при несении повседневной службы. Административное задержание, как уже отмечалось, применяется в целях пресечения правонарушения и составления протокола об административном правонарушении и может осуществляться на срок до трёх часов, а в отдельных случаях до суток. Для сотрудников ППС применение административного задержания требует особого внимания к надлежащему оформлению постановления о задержании, в котором должны быть указаны основания, причины и время начала задержания, а также права задержанного лица. На практике суды при рассмотрении жалоб граждан на незаконное задержание нередко отменяют постановления о привлечении к административной ответственности, если обнаруживают, что постановление о задержании не было надлежащим образом оформлено или что истекли установленные законом сроки задержания.

Доставление как более мягкая мера должно применяться ППС в случаях, когда для составления протокола об административном правонарушении недостаточно времени, предоставляемого условиями места выявления нарушения, или когда необходимо установить личность нарушителя. Важным требованием является своевременное уведомление доставленного лица о причинах доставления, его правах, в том числе праве на защиту и возможности получить консультацию адвоката. Практика показывает, что многие граждане впоследствии обжалуют действия ППС в части незаконного доставления, ссылаясь на то, что не были надлежащим образом уведомлены о правах, что подтверждает необходимость повышения правовой подготовки сотрудников ППС в этой области.

Изъятие вещей и документов является одной из наиболее часто применяемых мер обеспечения и направлено на закрепление вещественных доказательств [7]. Данная мера должна применяться на основании письменного постановления, которое вручается лицу, у которого производится изъятие, с указанием оснований и причин изъятия, а также перечня изъятых предметов. Практика показывает, что необоснованное или незаконное изъятие может являться основанием для привлечения должностного лица к ответственности и возмещения причиненного вреда. Отстранение от управления транспортным средством применяется в целях пресечения правонарушений в сфере дорожного движения и связано с приостановлением прав на управление транспортом [6]. Задержание транспортного средства используется как мера обеспечения исполнения постановлений об административном наказании, наложении штрафов или иных денежных взысканий. Такая мера предполагает удержание средства передвижения до момента надлежащего исполнения постановления или внесения денежного обеспечения.

Арест товаров и имущества применяется в целях обеспечения исполнения решений об административном наказании и может охватывать различные виды имущества в зависимости от конкретных обстоятельств дела [4]. Необходимо отметить, что в последние годы законодатель расширил систему мер обеспечения производства, введя новую меру в виде ареста имущества в целях обеспечения исполнения постановления о назначении административного наказания за совершение отдельных категорий правонарушений, что отражает стремление к повышению эффективности взыскания штрафов и иных взысканий [8].

Медицинское освидетельствование на состояние опьянения проводится в случаях, когда существуют основания предполагать, что лицо находится в состоянии алкогольного или наркотического опьянения [5]. Данная процедура должна осуществляться в соответствии с установленными стандартами и может проводиться только квалифицированными специалистами в специализированных учреждениях. Привод как мера обеспечения применяется в целях принудительного доставления лица для рассмотрения дела об административном правонарушении в случае его неявки без уважительных причин [7]. Временный запрет деятельности представляет собой меру, применяемую в сфере предпринимательской деятельности при выявлении нарушений, создающих непосредственную угрозу жизни и здоровью людей.

Анализ судебной практики показывает, что применение мер обеспечения производства часто становится объектом судебного контроля, поскольку эти меры, хотя и направлены на достижение важных целей административного судопроизводства, в то же время ограничивают конституционные права и свободы граждан [6]. Суды при рассмотрении жалоб на незаконное или необоснованное применение мер обеспечения обращают особое внимание на соблюдение требований законности, необходимости, адекватности и пропорциональности применяемых мер конкретным обстоятельствам дела. Судебная практика

свидетельствует о том, что вышестоящие суды нередко отменяют или изменяют решения нижестоящих судов в части применения мер обеспечения, если установлено, что они были применены без надлежащих оснований или с нарушением установленного процессуального порядка, что указывает на важность надлежащей подготовки и обучения должностных лиц правоохранительных органов, призванных применять данные меры [4].

Судебный контроль над применением мер обеспечения производства сотрудниками патрульно-постовой службы полиции является критически важным механизмом обеспечения законности и защиты прав граждан. Практика рассмотрения судами жалоб на действия ППС выявляет устойчивые закономерности в характере ошибок, допускаемых при применении мер обеспечения. Во-первых, суды нередко отменяют постановления о привлечении к административной ответственности в случаях, когда установлено, что административное задержание было применено без надлежащих оснований или сроки задержания были превышены. Во-вторых, судебная практика свидетельствует о частых нарушениях процедуры личного досмотра и досмотра вещей, когда эти меры применяются без надлежащего документирования, без присутствия понятых, или когда нарушаются требования о соблюдении достоинства личности. В-третьих, встречаются случаи незаконного изъятия вещей и документов без составления надлежащего постановления или с нарушением процедуры, что впоследствии служит основанием для возмещения вреда гражданином в соответствии с гражданским законодательством.

Судебная практика также показывает, что вышестоящие суды при пересмотре решений нижестоящих судов во многих случаях принимают решение в пользу граждан, ссылаясь на нарушения, допущенные ППС при применении мер обеспечения, что указывает на необходимость более тщательного соблюдения требований законодательства сотрудниками ППС при исполнении своих обязанностей. Судебная практика также вырабатывает принцип необходимого соответствия применяемой меры характеру и тяжести предполагаемого правонарушения, что требует от ППС осознанного выбора именно той меры обеспечения, которая в конкретной ситуации является необходимой и пропорциональной.

Одной из ключевых проблем, выявленных в результате анализа правоприменительной практики, является недостаточное соблюдение требований процессуального порядка при применении мер обеспечения [7]. Часто встречаются случаи, когда меры применяются без надлежащего письменного оформления, без уведомления лица о его правах и возможности обжаловать применяемые действия, без соблюдения требований о наличии понятых при проведении досмотров. Вторая проблема связана с вопросом о соответствии применяемых мер принципу пропорциональности, то есть когда применяемая мера явно не соответствует тяжести предполагаемого правонарушения или имеет целью достижение результатов, не предусмотренных законом [8]. Третья проблема состоит в недостаточной практике судебного контроля на этапе применения мер обеспечения, в частности, в случаях, когда необходимо получить судебное разрешение на применение определенных мер, связанных с ограничением конституционных прав граждан.

Важное значение имеет развитие практики возмещения вреда, причиненного незаконным применением мер обеспечения производства. Согласно части 2 статьи 27.1 КоАП РФ, вред, причиненный незаконным применением мер обеспечения производства, подлежит возмещению в порядке, предусмотренном гражданским законодательством, на основе принципа объективной ответственности государства независимо от вины должностных лиц [5]. Однако практика показывает, что граждане не всегда своевременно информируются о наличии такого права и о порядке его реализации, что требует улучшения просветительской деятельности и обеспечения доступности правовой информации [6].

Необходимо также отметить, что в 2024-2025 годах произошли значительные изменения в административном законодательстве, которые затрагивают и систему мер обеспечения производства [9]. В частности, законодатель продолжает работу над новым текстом КоАП РФ, совершенствуя процессуальные процедуры и вводя новые гарантии защиты прав участников производства. Такие изменения свидетельствуют о том, что вопрос применения мер обеспечения производства остается предметом постоянного внимания со стороны законодателя и практиков, что предполагает необходимость следования актуальным тенденциям в развитии административного законодательства [8].

Проведенное комплексное исследование позволяет заключить, что меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях выступают критически важным инструментом в системе средств административного принуждения и выполняют значительную роль в обеспечении эффективности и справедливости административного судопроизводства [7]. Законодательное закрепление широкого перечня мер обеспечения в статье 27.1 КоАП РФ обеспечивает гибкий и комплексный подход к решению

задач, стоящих перед органами, уполномоченными рассматривать дела об административных правонарушениях. Вместе с тем анализ судебной практики выявляет необходимость дальнейшего совершенствования как нормативной базы, так и практики применения этих мер правоохранительными и судебными органами [9]. Важное значение имеет обеспечение надлежащего баланса между необходимостью применения процессуальных мер для достижения целей административного судопроизводства и гарантиями защиты конституционных прав и свобод участников административного производства. Перспективы развития связаны с внедрением современных технологий фиксации и контроля процедур применения мер обеспечения, что повысит объективность и прозрачность административного процесса, а также снизит количество спорных ситуаций и необоснованных жалоб [10].

Для сотрудников патрульно-постовой службы полиции выявленные в ходе исследования проблемы и рекомендации имеют особую практическую значимость, поскольку ППС ежедневно сталкивается с необходимостью применения мер обеспечения в полевых условиях, требующих оперативности и одновременного соблюдения всех процессуальных требований. Совершенствование нормативной базы, развитие ведомственных инструкций, повышение уровня правовой подготовки кадров ППС и внедрение современных технологий должны обеспечить оптимальный баланс между эффективностью правоохранительной деятельности и защитой конституционных прав граждан. Внедрение предложенных рекомендаций позволит создать условия для справедливого, прозрачного и эффективного функционирования административного правосудия при активном участии патрульно-постовой службы Российской Федерации, что будет способствовать укреплению законности и порядка в обществе.

Список литературы:

[1] Псомиади К. Ю. Практика применения отдельных мер обеспечения производства в делах об административных правонарушениях // Вестник науки. 2024. № 7 (76). С. 121-135.

[2] Шанько, В. В. Понятийные и методологические подходы к проблемам современного правопонимания / В. В. Шанько, Е. Г. Светличный // Философия права. – 2021. – № 3(98). – С. 64-67..

[3] Бельчик А. М. Административный порядок защиты гражданских прав и интересов: некоторые проблемы, возникающие в процессе реализации // Административное право и процесс. 2020. № 4. С. 45-52.

[4] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. Федерального закона от 26 декабря 2024 г. № 459-ФЗ). Статья 27.1 «Меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/

[5] Обзор судебной практики рассмотрения дел об административных правонарушениях по статье 19.28 КоАП РФ // Официальный портал Верховного Суда Российской Федерации. 2024. URL: https://vsrf.ru/

[6] Административный порядок защиты гражданских прав: материалы Верховного Суда Российской Федерации // Официальный портал ВС РФ. 2024. С. 156-172.

[7] Основные изменения в КоАП РФ в 2024 году: актуальные поправки и их правоприменение // КонсультантПлюс. 2024. URL: https://www.consultant.ru/law/

[8] Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 285-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 33.

[9] Ивакина Н. Н. Судебная защита прав и интересов граждан в административном производстве // Российская юстиция. 2024. № 11. С. 34-42.

[10] Рукавишникова И. Е. Современные тенденции развития административного процесса и перспективы реформирования КоАП РФ // Журнал российского права. 2024. № 12. С. 88-102.

References:

[1] Psomiadi K. Yu. Practice of the application of individual measures to ensure production in cases of administrative offenses//Bulletin of Science. 2024. № 7 (76). S. 121-135.

[2] Shanko, V.V. Conceptual and methodological approaches to the problems of modern legal understanding/V.V. Shanko, E.G. Svetlichny//Philosophy of Law. – 2021. – № 3(98). - S. 64-67..

[3] Belchik A.M. Administrative procedure for the protection of civil rights and interests: some problems arising in the process of implementation// Administrative law and process. 2020. № 4. S. 45-52.

[4] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation No. 195-FZ dated December 30, 2001 (as amended by Federal Law No. 459-FZ dated December 26, 2024). Article 27.1 “Measures to ensure proceedings in the case of an administrative offense “//ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/

[5] Review of the judicial practice of considering cases of administrative offenses under Article

19.28 of the Administrative Code of the Russian Federation//Official portal of the Supreme Court of the Russian Federation. 2024. URL: https://vsrf.ru/

[6] Administrative procedure for the protection of civil rights: materials of the Supreme Court of the Russian Federation//Official portal of the RF Armed Forces. 2024. S. 156-172.

[7] The main changes in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in 2024: current amendments and their enforcement//ConsultantPlus. 2024. URL: https://www.consultant.ru/law/

[8] Federal Law of August 8, 2024 No. 285-FZ "On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation "//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. № 33.

[9] Ivakina N. N. Judicial protection of the rights and interests of citizens in administrative proceedings//Russian Justice. 2024. № 11. S. 34-42.

[10] I. Rukavishnikova. Current trends in the development of the administrative process and prospects for reforming the Administrative Code of the Russian Federation//Journal of Russian Law. 2024. № 12. S. 88-102.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-483-486

АСЛАНОВ Марат Амурович,
преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России,
майор полиции,
e-mail: aslanov.ayzek@gmail.com

ПАВЛЕНКО Николай Олегович,
преподаватель кафедры специальных дисциплин ВФ ФГКО ВО РЮИ МВД России,
майор полиции,
e-mail: pavlenkonikolai@gmail.com

К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ НАРЯДАМИ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ ПОЛИЦИИ ПРИ ПРЕСЕЧЕНИИ НАРУШЕНИЙ УСТАНОВЛЕННОГО ПОРЯДКА ПРОВЕДЕНИЯ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Аннотация. *Автор в своей статье проводит анализ методики и тактики действий сотрудников патрульно-постовой службы полиции как структурного подразделения непосредственной обязанностью которого является обеспечение охраны общественного порядка и общественной безопасности по применению физической силы и специальных средств при задержании правонарушителей в период проведения массовых мероприятий.*

Кроме того, определяет тактику индивидуальных и групповых действий нарядов патрульно-постовой службы полиции входе реализации задач и функций способствующих достижению целей и служебных задач при применении физической силы при предупреждении и пресечении массовых беспорядков или иных групповых нарушений установленного порядка проведения массовых мероприятий, в порядке, пределах и условиях применения мер государственного принуждения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: *федеральный закон, органы внутренних дел, патрульно-постовая служба полиции, массовые мероприятия, массовые беспорядки, правопорядок, безопасность, ограничения, физическая сила.*

ASLANOV Marat Amurovich,
Lecturer at the Department of Law Enforcement Organization activities of the North Caucasus Institute for Advanced Studies qualifications (branch) of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, police Major

PAVLENKO Nikolay Olegovich,
Lecturer at the Department of Special Disciplines VF FGKO VO RUI Ministry of Internal Affairs of Russia, police Major

ON THE LEGAL GROUNDS FOR THE USE OF PHYSICAL FORCE BY PATROL POLICE UNITS TO PREVENT VIOLATIONS OF ESTABLISHED PROCEDURES FOR HOLDING MASS EVENTS

Annotation. *In this article, the author analyzes the methods and tactics of patrol police officers, a structural unit directly responsible for ensuring public order and public safety, in using physical force and special means to detain offenders during mass events.*

Furthermore, the author defines the tactics of individual and group actions by patrol police units in the implementation of tasks and functions that contribute to the achievement of goals and official objectives when using physical force to prevent and suppress mass riots or other group violations of established procedures for holding mass events, within the procedure, limits, and conditions for the application of state coercive measures by employees of internal affairs agencies of the Russian Federation.

Key words: *federal law, internal affairs agencies, patrol police service, mass events, mass riots, law and order, security, restrictions, physical force.*

В условиях нарушения установленного порядка проведения массовых мероприятий правовыми основаниями применения выступают правовые гарантии и полномочия установленные положением статьи 20 Федерального закона «О полиции», определяющие исчерпывающий перечень оснований для такого применения.

Дополнительное регулирование осуществляется и ведомственными приказами, а также Федеральным Законом «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» закреплено определение базового средства подготовки полицейских к применению силы - военно-прикладных и служебно-прикладных видов спорта.

Таковыми признаются виды спорта, основой которых являются специальные действия (в том числе приемы), связанные с выполнением военнослужащими и сотрудниками некоторых федеральных органов исполнительной власти своих служебных обязанностей.

Особенностью массовых мероприятий является необходимость соотнесения требований закона с конкретной оперативной обстановкой, характеризующейся наличием большого скопления людей, повышенной эмоциональной напряженностью и высоким риском совершения противоправных действий.

Наряды патрульно-постовой службы полиции территориальных органов задействованные на обеспечение охраны общественного порядка и общественной безопасности граждан на территории которых проводятся массовые мероприятия, согласно расстановки комплексного использования сил и средств органа внутренних дел полномочны применять боевые приемы борьбы как это указано в ст. 20 Федерального закона «О полиции» , в случае если не силовые способы применяемые нарядами ППСП не достаточно эффективны для предотвращения установленного порядка проведения массового мероприятия, делинквентных действий и обеспечения неотвратимости наказания нарушителей, а также для преодоления противодействия законным требованиям сотрудника полиции, а также для доставления в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, в помещение муниципального органа, в иное служебное помещение лиц, совершивших преступления и административные правонарушения, и задержания этих лиц.

Характерной чертой является то, что в условиях массового скопления граждан физическая сила часто применяется как средство первоначального воздействия, перед тем как обеспечить применение мер государственного принуждения, в том числе болевых приемов борьбы, как одной из методов.

При применении физической силы сотруднику органов внутренних дел следует соблюдать следующие принципы.

Сотрудники полиции, в частности наряды патрульно-постовой службы полиции при пресечении противоправных действий со стороны правонарушителя, должны четко знать и помнить, что такая мер государственного принуждения как применение болевых приемов борьбы иногда проявляющаяся в форме мускульного воздействия на правонарушителя осуществляется только в исключительных случаях, таких как:

1) Неповиновение, а равно воспрепятствование требованиям сотрудника полиции прекратить те или иные противоправные действия правонарушителем;
2) Когда превентивные меры применяемы в форме профилактической беседы с правонарушителем пытаясь обеспечить выполнение требований сотрудника полиции не имеет эффективного воздействия на дальнейшее поведение правонарушителя;
3) Проявление в демонстративной форме правонарушителем отказа от выполнения законного распоряжения, а равно осуществление воспрепятствования действиям сотрудников ППСП, направленных на предупреждение нарушения общественного порядка при проведении массовых мероприятий, с соблюдением принципа законности и соразмерности при применении мер государственного принуждения.

Содержание принципа необходимости:

– законной целью при задержании является пресечение правонарушения и доставление

лица в орган внутренних дел, применение силы не может быть целью само по себе;

– сотрудник обязан последовательно применять спектр доступных мер: от вербального воздействия (предупреждение, требование прекратить противоправные действия) и демонстрации решимости - к попытке физического воздействия без причинения вреда (обхват, удержание) - и только затем к применению силы, причиняющей болевые ощущения или повреждения;
– в динамичной обстановке массового мероприятия оценка «исчерпанности» иных мер должна быть практически мгновенной, но от этого не менее обоснованной (например, если правонарушитель при попытке задержания немедленно оказывает активное физическое сопротивление, стадия длительных переговоров считается автоматически пропущенной в силу очевидной неэффективности).

Принцип соразмерности является центральным и требует, чтобы интенсивность, продолжительность и вид применяемой физической силы строго соответствовали характеру и степени опасности противоправного посягательства, а также реальной обстановке.

Содержание принципа соразмерности:

– сила, применяемая сотрудником, должна быть адекватна силе, исходящей от правонарушителя. Не допускается применение приемов, опасных для жизни или здоровья, для пресечения малозначительного правонарушения или пассивного сопротивления (например, умышленное падение на землю);
– в условиях массового мероприятия принцип соразмерности приобретает расширительное толкование. Сотрудник должен учитывать не только прямую угрозу от конкретного лица, но и потенциальный риск эскалации насилия в толпе. Так, более решительные действия могут быть соразмерны для быстрой нейтрализации зачинщика беспорядков, дабы предотвратить массовые столкновения;
– из всех возможных и эффективных способов воздействия должен быть избран тот, который с наибольшей вероятностью приведет к цели при наименьших возможных негативных последствиях для здоровья задержанного и окружающих.

Принцип законности устанавливает границы, за которые не может выходить сотрудник даже при наличии необходимости и соразмерности. Любое применение силы должно иметь четкое основание в законодательстве (в первую очередь, Федеральный закон «О полиции»). Также действия сотрудника должны строго соответствовать регламентам и служебным инструкциям, определяющим порядок и условия применения физической силы. В частности, в случае невыполнения указания о прекращении публичного мероприятия сотрудники полиции принимают необходимые меры по прекращению публичного мероприятия, действуя при этом в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В условиях массового мероприятия существенное значение также имеет координация действий сотрудников. Применение физической силы в большинстве случаев осуществляется групповыми методами, когда несколько сотрудников взаимодействуют для эффективного задержания правонарушителей. При этом один сотрудник может осуществлять непосредственное физическое воздействие, другой - обеспечивать его прикрытие от возможного нападения со стороны других участников мероприятия, третий - осуществлять контроль за обстановкой вокруг места задержания.

Важной процедурной установленной гарантии является требование о необходимости соблюдения требований, связанных с заблаговременным разъяснением и доведением до лиц, в отношении которых наряды ППСП намерены применить физическую силу с последующим обеспечением соразмерности вреда здоровью правонарушителя и при необходимости оказания первой помощи.

Когда применение физической силы осуществляется в составе подразделения (группы) указанное предупреждение делает один из сотрудников полиции, входящих в подразделение (группу).

Соблюдение вышеуказанного требования обязательно, за исключением случаев, когда данное применение мер государственного принуждения как требование может быть реализовано в упрощенной форме - через громкое и четкое вербальное предупреждение, либо не применяться в случаях, когда промедление создает непосредственную опасность для жизни и здоровья граждан или сотрудников.

Сотрудник полиции имеет право применять физическую силу во всех случаях, когда федеральным законом «О полиции» разрешено применение специальных средств или огнестрельного оружия.

Необходимо помнить, что любое применение мер государственного принуждения не должно противоречить принципу законности, в том числе и пресечении массовых беспорядков. В такой ситуации физическое воздействие может применяться для рассечения толпы, изоляции наиболее активных нарушителей, освобождения захваченных помещений и территорий.

При этом сотрудники действуют в составе оперативных групп, применяя специальные тактические построения и приемы.

О каждом случае применения физической силы, в результате которого причинен вред здоровью гражданина или причинен материальный ущерб гражданину либо организации, сотрудник полиции обязан сообщить непосредственному начальнику либо руководителю ближайшего территориального органа или подразделения полиции и в течение 24 часов с момента их применения представить соответствующий рапорт (ч. 8 ст. 19 ФЗ «О полиции»).

Это обеспечивает последующий ведомственный и прокурорский контроль за законностью действий сотрудников полиции.

Таким образом, применение физической силы в условиях массовых мероприятий представляет собой сложный комплекс действий, требующий от сотрудников не только отличной физической подготовки, но и умения быстро оценивать оперативную обстановку, выбирать адекватные средства воздействия и действовать в строгом соответствии с нормами законодательства.

Применение физической силы признается правомерным только при соблюдении следующих условий:

1) наличие реальной и непосредственной угрозы жизни, здоровью или имуществу граждан, либо угрозы общественной безопасности;
2) соблюдение принципа соразмерности - интенсивность и характер применяемой силы должны соответствовать степени опасности правонарушения и силе оказываемого сопротивления;
3) предварительное предупреждение о намерении применить физическую силу, за исключением случаев, когда промедление создает непосредственную опасность для жизни и здоровья граждан или нарядов патрульно-постовой службы полиции;
4) исключение применения физической силы сразу после достижения законной цели;
5) оказание медицинской помощи лицам, получившим телесные повреждения в результате применения физической силы.

При проведении массовых мероприятий наряды ППСП имеют право прибегнуть к силовому воздействию на нарушителей, при наличии ряда специфических случаев, таких как:

1) применение болевых приемов допустимо для пресечения групповых нарушений общественного порядка;
2) разрешается использование специальных тактических приемов и построений для задержания правонарушителей в толпе;
3) применение физической силы должно быть направлено на минимизацию вреда для законных участников массового мероприятия.

Подводя итоги целесообразно отметить, что правовые основания применения физической силы представляют собой строго регламентированную систему условий и ограничений, направленную на обеспечение баланса между эффективностью правоохранительной деятельности и защитой прав граждан.

Список литературы:

[1] О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.10.2025).

[2] О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.10.2025).

[3] О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.10.2025).

[4] Хомяков Э.Г. Специальные средства правоохранительных органов: Учебное пособие / Э.Г. Хомяков. – Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2020. – 124 с.

[5] Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД России от 02 февраля 2024 года № 44 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.10.2025).

References:

[1] On the police: Federal Law No. 3-FZ of February 7, 2011 [Electronic Resource]//Access from the ConsultantPlus reference legal system (date of appeal: 08.10.2025).

[2] On physical culture and sports in the Russian Federation: Federal Law No. 329-FZ of December 4, 2007 //Access from the ConsultantPlus legal help system (accessed on: 08.10.2025).

[3] On meetings, rallies, demonstrations, processions and pickets: Federal Law No. 54-FZ of June 19, 2004 (as amended 05.12.2022) //Access from the ConsultantPlus legal help system (accessed on: 08.10.2025).

[4] Khomyakov E.G. Special means of law enforcement: Textbook/E.G. Khomyakov. - Izhevsk: Udmurt State University, 2020. - 124 s.

[5] Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 02 dated February 2024, 44, approving the Procedure for Organizing Training for Filling Positions in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation //Access from the ConsultantPlus legal help system (accessed on: 08.10.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-487-491

ЛУКАШЕНКО Дмитрий Владимирович,
доктор психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерации,
e-mail: dim-mail-ru@mail.ru

БОДЯКОВ Владимир Николаевич,
доцент кафедры уголовно-процессуального
права и криминалистики юридического факультета
Владимирского юридического института ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: krim33@mail.ru

ПОНЯТИЕ И ПРОБЛЕМАТИКА СТРЕССА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема стресса в отечественной и зарубежной литературе, проведен анализ различных источников и точек зрений на понятие «стресс».*
Ключевые слова: *стресс, психология, личность, тревога, фактор, системность, комплексность.*

LUKASHENKO Dmitry Vladimirovich,
Chief Researcher of the Research Institute
of the Russian Federal Penitentiary Service,
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor,
Moscow, Russian Federation

BODYAKOV Vladimir Nikolaevich,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure Law and Criminalistics
of the Faculty of Law of the Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

THE CONCEPT AND PROBLEMS OF STRESS IN RUSSIAN AND FOREIGN LITERATURE

Annotation. *The article examines the problem of stress in Russian and foreign literature, and analyzes various sources and points of view on the concept of "stress".*
Key words: *stress, psychology, personality, anxiety, factor, system, complexity.*

Термин «стресс», несмотря на его давнее и активное использование в научной психологической литературе, до сих пор не имеет точного однозначного определения. Историки психологии вообще считают, что это понятие вначале возникло и стало использоваться не в гуманитарных, а технических науках. Этим понятием вначале обозначали крайне напряженное состояние металлических конструкций, подвергаемых большим нагрузкам – такое, за которым следует их разрушение. Впервые в этом его значении термин «стресс» был упомянут был упомянут в 13303 году в англоязычной литературе по физике и технике, а затем уже стал использоваться в других науках. [2].

Истоки современного научного понимания проблемы с психологической точки зрения лежат в работах С. Къеркегора и З. Фрейда, которые ввели в научный оборот понятия тревоги и стресса, а также в трудах В. Вундта и У. Джемса, раскрывших значение фактора напряженности – расслабленности в психической жизни человека. Со временем понятие «стресс» стало рабочим термином, часто используемым в публикациях по

физиологии, медицине и психологии. Одна из первых психологических работ, посвященных стрессу, была написана канадским физиологом Г. Селье Г. Селье [3].

В настоящее время существует представление о многих видах стрессов и стрессовых ситуаций. Достаточно часто встречается разделение стрессов, как психофизиологических состояний, на два основных вида: системный (физиологический стресс) и частичный (психологический стресс).

Последний, в свою очередь, условно делят, в частности Н. В. Самоухина, на два вида: информационный и эмоциональный. Информационный стресс возникает в ситуациях значительных информационных перегрузок, когда человек не справляется с переработкой поступающей информации, не успевает принимать правильные решения в требуемом темпе. Эмоциональный стресс возникает в ситуациях угрозы, обиды опасности и сопровождается высоким эмоциональным возбуждением и определенными чувствами. [4].

Выделено много аспектов в изучении стресса: физиологические, клинические, психофизиологические, инженерно-психологические и другие. Научные исследования стресса ведутся, соответственно, комплексно и по разным направлениям: биологии, физиологии, медицины, психологии, педагогики, социологии, наук об управлении и других [5].

Физиологические аспекты впервые были выделены и обсуждены в научных трудах У. Кеннона и Г. Селье. У Кеннон описал один из специфических аспектов стрессовой реакции – нейроэндокринный процесс. Он исследовал феномен, который получил название реакции «битвы-бегства». Центральным органом, который участвует в этой реакции, является мозговой слой надпочечников. Реакциия «битвы-бегства» рассматривалась У. Кенноном как мобилизация организма, которая подготавливает мышцы и системы организма к действию в ответ на угрозу. Адаптационные реакции, которые возникают при стрессе, являются биологически целесообразными и полезными, так как при этом мобилизуются функции жизненно важных систем и ресурсов. Этот механизм дает возможность индивиду либо бороться с угрозой, либо бежать от нее [6].

В модели физиологического стресса, которая предложена Г. Селье, он определил и описал стресс как неспецифическую генерализованную реакцию организма в ответ на любые неблагоприятные воздействия, т.е. «болезни адаптации». Автор свел механизмы неспецифического приспособления к изменениям уровней адаптационных гормонов в крови, хотя они имеют более сложную природу. Основное внимание Г. Селье и его последователи уделили биологическим и физиологическим аспектам проблематики стресса. Традиционным после опубликования их трудов стало понимание стресса как физиологической реакции организма, в частности, реакции эндокринных желез, контролируемых гипофизом, на действие различных отрицательных факторов. Г. Селье разделил исходное понятие стресса (сам он предпочитал пользоваться термином «дистресс» для обозначения соответствующего отрицательного состояния организма) на две разновидности – дистресс (деструктивный) и эвстресс (конструктивный), указывая, что не всякий стресс (это понятие для него было равнозначным эмоциям) является вредным. Он считал, что стрессовая активация может быть положительной, мотивирующей силой, которая может улучшать субъективное «качество жизни» — эустрессом или эвстрессом, и ослабляющей, деструктивной – дистрессом [4].

Расширением сферы использования понятия «стресс», его перенесение из биологии и медицины в психологию привели к объединению психологического: и физиологического подходов к, его изучению. В этом ключе были выполнены работы отечественных ученых: А. Д. Сперанского, Д. Н. Насонова, А. Цанка, А. А. Виру [8].

Так, Д. Н. Насонов в своих исследованиях показал, что содержимое живой клетки (протоплазма) поразительно однотипно реагирует на любые изменения окружающей среды. Этот стереотип ответов клетки был назван Д. Н. Насоновым «паранекрозом». Тем самым фактически был открыт стресс уже не только на организменном, но также и на клеточном уровне [9].

Продолжая дальше развивать психофизиологическое учение о стрессе, отечественные ученые доказали, что ведущая роль в генезисе стресса как физиологического состояния принадлежит не только гормональным, но и многими другим физиологическим реакциям организма, в частности, центральной нервной системе (ЦНС). Учитывая ведущую роль ЦНС в формировании общего адаптационного синдрома, К.И. Йогодаев определяет стресс как состояние напряжения или перенапряжения процессов метаболической адаптации головного мозга, ведущих к защите или повреждению организма на разных уровнях его организации [10].

Концентрация внимания физиологов-исследователей только на физиологических аспектах стресса, который понимается как ответная реакция организма на воздействие стрессора, приводила к игнорированию роли психологических факторов в его возникновении и динамике. В настоящее время большинство исследователей

стресса исходят из того, что физиологическая ответная реакция организма на стрессогенный фактор определяется не столько присутствием стрессора, как такового, сколько его психологическим воздействием на личность [11].

Благодаря известной работе Г. Селье «Стресс без дистресса», внимание ученых было привлечено к психологическим аспектам стресса, специфике его ментальных (психологических) проявлений у человека. Г. Селье описал стресс (дистресс) его как психологическое состояние человека, которое возникает под влиянием ситуаций, обусловленных издержками современной цивилизации (урбанизации, возрастающего темпа повседневной жизни, загрязнения окружающей среды и т.д.). Идеи Г. Селье были поддержаны отечественными исследователями Г. И. Косицким, В. М. Смирновым, в работах которых подчеркивалась ведущая роль нервной системы в развитии защитноприспособительных реакций [12].

В последние годы многие исследователи отмечают условность разделения и отдельного рассмотрения физиологического и психологического стрессов. В физиологическом стрессе всегда есть психические элементы, и наоборот. По утверждению В. Л. Марищука, стрессом можно называть лишь такое состояние, которое характеризуется значимым выбросом стероидных гормонов, не менее чем на величину вероятного отклонения от исходных показателей. При этом, любой стресс является физиологическим, так как сопровождается различными физиологическими реакциями. Также он связан с определенными нейрорефлекторными механизмами и различными эндокринными реакциями, и всегда является эмоциональным, поскольку сопровождается соответствующими эмоциональными переживаниями [13].

Значительный вклад в изучение стресса внесли Л.А. Китаев-Смык, И.Г. Малкина-Пых и другие, которые стали применять такие понятия, как психологический или эмоциональный стресс [14].

Согласно трактовке А.В. Вальдмана и его соавторов эмоциональный стресс – это личностная реакция на аверсивный (негативно оцениваемый) стимул, который имеет вид целостной, динамичной функциональной системы. По отношению к человеку специфика стресса состоит в сознательной переработке отрицательных эмоций с участием механизмов психологической защиты личности [15].

В.Л. Марищуком и другими было высказано мнение, что наименование стресса (эмоциональный, боевой, учебный, авиационный, спортивный и др.) определяется содержанием стресс-фактора. Эмоциогенное воздействие вызывает эмоциональный стресс, спортивные нагрузки – спортивный стресс, факторы полета могут вызвать авиационный стресс и т.д [16].

Таким образом, анализ исследований в области стресса свидетельствует о том, что первичное понятие «стресс» в ходе изучения претерпело значительные изменения, связанные с расширением сферы его применения, с изучением различных аспектов этой проблемы: причин, проявлений, регуляции, преодоления стресса. Применение данного понятия не всегда обоснованно, иногда им подменяются другие близкие по смыслу термины, что приводит к неоднозначности во взглядах на сущность тех или иных психических явлений, противоречивости полученных данных, отсутствию строгих крите¬риев при их интерпретации, использованию неадекватных методических приемов и диагностических средств исследования.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимоноа. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[2] Брайт, Д. Стресс. Теории, исследования, мифы / Д.Брайт, Ф. Джонс. СПб.: прайм - ЕВРОЗНАК, 2003. с. 45

[3] Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии /С.Л.Рубинштейн. — СПб:I1. Питер, 2000. с.516

[4] Селье Г. Психофизиология стресса. М, 1991., - с. 30

[5] Психические состояния: хрестоматия. СПб.: Питер, 2000., - с. 287

[6] Лазарус, Р.С. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс. — Л.: Медицина, 1970. с. 302

[7] Селье Г. Стресс без дисстресса. – М., Прогресс, 1979., - с.120-121

[8] Ильин, Е.П. Психофизиология состояний человека. — СПб.: Питер,2005., - с.319

[9] Исаев, Д.Н. Эмоциональный стресс, психосоматические и соматопсихические расстройства у детей / Д.Н Исаев. — СПб.: Речь, 2005. — с.32

[10] Психология. Учебник. / Под. ред. А.А. Крылова. - М.: «Проспект», 2012. – с.454

[11] Медведев, О.С. Эмоциональное напряжение и стресс // Физиология кровообразования / О.С. Медведев. — М.: Медицина. 1986. - С. 507-525.

[12] Соловьева, С.Л. Психология экстремальных состояний. СПб., ЭЛБИ, 2003., - с.152

[13] Прохоров, А.О., Валиуллина М.Е., Габдеева Г.Ш., Гарифуллина М.М., Менделеевич В.Д. Психология состояний: Учебное пособие / Под ред.А.О. Прохорова. М.:Изд-во «Когито-Центр», 2011. — с.403

[14] Китаев-Смык, Л.А. Психология стресса. Психологическая антропология стресса. – М.: Академический проект, 2009. – 943 с.

[15] Социальный стресс и психическое здоровье / Под ред. академика РАМН проф. Т.Б. Дмитриевой и проф. А.И. Воложина. М.: ГОУ ВУНМЦ МЗ РФ, 2001., - с. 97

[16] Черепанова, Е. Психологический стресс. -М.: Академия, 1997., - с.133Вилкова А. В. Формирование нравственной ответственности несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. ежеквартальное научно-практическое издание. Москва, 2025. С. 60-67.

[17] Вилкова А. В., Г. Г. Дмитриев Коллектив сотрудников в уголовно-исполнительной системе / В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. ежеквартальное научно-практическое издание. Москва, 2025. С. 67-71.

[18] Вилкова А. В. О нравственных качествах молодых ученых / А. В. Вилкова, Я. Н. Полякова // Вестник Самарского юридического института. 2025. № 3(64). С. 107-112.

[19] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социопатогенез личности несовершеннолетних и пути ранней психодиагностики и профилактики // Прикладная юридическая психология. 2025. № 2(71). С. 128-136.

[20] Вилкова А. В. Хайрутдинова И. В., Якупов Ф. А. Русский жестовый язык – средство коммуникации или лингвистическая система? // Современное педагогическое образование. 2025. № 5. С. 60-64.

[21] Швырев Б. А. Физические основы и защиты информации. Основы электромагнетизма и антенн. Учебное пособие. Краснодар. 2024.

[22] Ковтуненко Л. В. Современные проблемы психологии, педагогики и образования / Л. В. Ковтуненко, И. А. Матвиенко, А. Б. Ковтуненко. Учебное пособие. Воронеж, 2024.

[23] Вилкова А. В. Информационная безопасность в УИС как социальная инженерия / А. В. Вилкова // В сборнике: Обеспечение безопасности в учреждениях УИС. Сборник статей круглого стола. Москва, 2024. С. 30-33.

References:

[1] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonoa. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[2] Bright, D. Stress. Theories, research, myths/D. Wright, F. Jones. St. Petersburg: Prime - EUROZNAK, 2003. from. 45

[3] Rubinstein, S.L. Fundamentals of General Psychology/S.L. Rubinstein - St. Petersburg: I1. Peter, 2000. p.516

[4] Selye G. Psychophysiology of stress. M, 1991., - p. 30

[5] Mental states: textbook. St. Petersburg: Peter, 2000., - p. 287

[6] Lazarus, R.S. Stress Theory and Psychophysiological Research//Emotional Stress. - L.: Medicine, 1970. from. 302

[7] Selye G. Stress without stress. - M., Progress, 1979., - pp. 120-121

[8] Ilyin, E.P. Psychophysiology of human conditions. - St. Petersburg: Peter, 2005., - p. 319

[9] Isaev, D.N. Emotional stress, psychosomatic and somatopsychic disorders in children/D.N. Isaev. - St. Petersburg: Speech, 2005. - p.32

[10] Psychology. Textbook ./Under. ed. A.A. Krylova. - M.: “Prospect,” 2012. - p.454

[11] Medvedev, O.S. Emotional stress and stress//Physiology of blood formation/O.S. Medvedev. - M.: Medicine. 1986. - S. 507-525.

[12] Solovyova, S.L. Psychology of extreme states. St. Petersburg, ELBY, 2003., p.152

[13] Prokhorov, A.O., Valiullina M.E., Gabdeeva G.Sh., Garifullina M.M., Mendeleevich V.D. Psychology of states: Textbook/Ed. A.O. Prokhorova. M.: Publishing house “Kogito-Center,” 2011. - p.403

[14] Kitaev-Smyk, L.A. Psychology of stress. Psychological anthropology of stress. - M.: Academic project, 2009. - 943 s.

[15] Social stress and mental health/Ed. Academician RAMS prof. T.B. Dmitrieva and prof. A.I. Volozhina. M.: SEI VUNMC MZ RF, 2001., - p. 97

[16] Cherepanova, E. Psychological stress. -M.: Academy, 1997., - p. 133 Vilkova A.V. Formation of the moral responsibility of juvenile convicts/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. quarterly scientific and practical publication. Moscow, 2025. S. 60-67.

[17] Vilkova A. V., G. G. Dmitriev Collective of employees in the penitentiary system/In the collec-

tion: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. quarterly scientific and practical publication. Moscow, 2025. S. 67-71.

[18] Vilkova A.V. On the moral qualities of young scientists/A.V. Vilkova, Y. N. Polyakova//Bulletin of the Samara Law Institute. 2025. № 3(64). S. 107-112.

[19] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Sociopathogenesis of the personality of minors and the ways of early psychodiagnosis and prevention//Applied legal psychology. 2025. № 2(71). S. 128-136.

[20] Vilkova A. V. Khairutdinova I. V., Yakupov F. A. Russian sign language - a means of communication or a linguistic system ?//Modern pedagogical education. 2025. № 5. S. 60-64.

[21] Shvyrev B. A. Physical basis and information protection. Fundamentals of electromagnetism and antennas. Tutorial. Krasnodar. 2024.

[22] Kovtunenko L. V. Modern problems of psychology, pedagogy and education/L. V. Kovtunenko, I. A. Matvienko, A. B. Kovtunenko. Tutorial. Voronezh, 2024.

[23] Vilkova A.V. Information security in the penal system as social engineering/A.V. Vilkova//In the collection: Ensuring security in penal institutions. Collection of roundtable articles. Moscow, 2024. S. 30-33.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-492-497

ШИКУЛА Ильмира Рифкатьевна,
Профессор кафедры Гражданского и Уголовного права и процесса
АНОВО «Московский международный университет»
доктор юридических наук, доцент;
Профессор кафедры прикладного правоведения и
междисциплинарных юридических исследований Факультета
«Высшая школа прикладной юриспруденции»
ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»,
Член экспертного совета комитета Государственной Думы РФ
По защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства,
Член-корреспондент РАЕН,
e-mail: ila.vnii@mail.ru

ПОЛЯКОВ Дмитрий Сергеевич,
Магистрант кафедры гражданского и уголовного права и процесса
Московского международного университета,
e-mail: info01@yandex.ru

ПОСЛЕДСТВИЯ РЕОРГАНИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ НА ПРИМЕРЕ РЕОРГАНИЗАЦИИ В ФОРМЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ, В КОНТЕКСТЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРОБЛЕМ ПРАВОВОГО СТАТУСА НЕКОТОРЫХ ОБЪЕКТОВ ИМУЩЕСТВА И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ, А ТАКЖЕ В ЧАСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЗАДОЛЖЕННОСТЕЙ ЗА ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ КОММУНАЛЬНЫХ И ЭКСПЛУАТАЦИОННЫХ УСЛУГ

Аннотация. *В статье авторы исследуют последствия реорганизации юридических лиц на примере реорганизации в форме присоединения учреждений здравоохранения города Москвы, в части правового статуса некоторых объектов имущества и юридических лиц, а также последствия реорганизации юридических лиц на примере реорганизации в форме присоединения учреждений здравоохранения города Москвы, в части возникновения задолженностей за предоставление коммунальных и эксплуатационных услуг.*

Ключевые слова: *реорганизация, задолженность, коммунальные услуги, эксплуатационные услуги, управляющая организация, ресурсоснабжающая организация.*

SHIKULA Ilmira Rifkatyevna,
Professor, Department of Civil and Criminal Law and Proceedings,
ANOVO "Moscow International University," Doctor of Law, Associate Professor;
Professor, Department of Applied Law and Interdisciplinary Legal Studies,
Faculty of Higher School of Applied Jurisprudence, FSAEI HE Russian State University
for the Humanities, Member of the Expert Council of the State Duma Committee
on Family Protection, Fatherhood, Motherhood and Childhood,
Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences

POLYAKOV Dmitry Sergeevich,
Graduate student of the Department
of Civil and Criminal Law and Procedure
of Moscow International University

THE CONSEQUENCES OF THE REORGANIZATION OF LEGAL ENTITIES, USING THE EXAMPLE OF REORGANIZATION IN THE FORM OF THE MERGER OF HEALTHCARE INSTITUTIONS IN THE CITY OF MOSCOW, IN THE CONTEXT OF THE EMERGENCE OF PROBLEMS WITH THE LEGAL STATUS OF CERTAIN PROPERTY AND LEGAL ENTITIES, AS WELL AS IN TERMS OF THE EMERGENCE OF DEBTS FOR THE PROVISION OF UTILITIES AND OPERATIONAL SERVICES

Annotation. *In the article, the authors examine the consequences of the reorganization of legal entities using the example of reorganization in the form of accession of healthcare institutions in the city of Moscow, in terms of the legal status of certain property objects and legal entities, as well as the consequences of the reorganization of legal entities using the example of reorganization in the form of accession of healthcare institutions in the city of Moscow, in terms of the emergence of debts for the provision of utilities and operational services.*

Key words: *reorganization, debt, utilities, operational services, management organization, resource supply organization.*

Реорганизация юридических лиц является одним из важнейших инструментов экономической политики и юридической практики, позволяющим эффективно решать задачи перераспределения активов, изменения структуры бизнеса и адаптации компаний к условиям рыночной экономики. Современное развитие российской экономики требует комплексного анализа действующего законодательства и судебной практики, связанных с вопросами реорганизации юридических лиц. Важность изучения данной тематики обусловлена рядом факторов: необходимостью устранения выявленных недостатков правового регулирования, гармонизации норм гражданского законодательства и повышением эффективности судебных решений, затрагивающих вопросы правопреемства и ответственности реорганизуемых юридических лиц.

Далее будут рассмотрены два примера последствий реорганизации бюджетных учреждений.

Поручением Департамента здравоохранения города Москвы в 2016 году была создана рабочая группа на базе ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ».[1]

В рамках работы проведен многоаспектный анализ психиатрической службы города Москвы. Результаты позволили выявить системные недостатки, которые стали основой стратегического направления развития и совершенствования службы охраны психического здоровья.

В конечном итоге была сформулирована концепции развития психиатрической службы города Москвы. Руководствуясь данной Концепцией, была проведена масштабная оптимизация медицинских учреждений в сфере психиатрии [2].

Вместе с тем, в период 2010-2020 гг. проводилась реорганизация учреждений здравоохранения города Москвы. Рассмотрим первый пример.

В соответствии с приказами Департамента здравоохранения города Москвы от 16.04.2012 г. № 296 «Психиатрическая клиническая больница № 4 им. П.Б. Ганнушкина Департамента здравоохранения города Москвы», «Психоневрологический диспансер № 3 Департамента здравоохранения города Москвы», «Психоневрологический диспансер № 4 Департамента здравоохранения города Москвы, «Психоневрологический диспансер № 5 Департамента здравоохранения города Москвы» и «Психоневрологический диспансер № 17 Департамента здравоохранения города Москвы» и от 16.05.2012 г. № 437 «О внесении изменений в приказ Департамента здравоохранения города Москвы от 16.04.2012 г. № 296» проведена реорганизация ряда учреждений здравоохранений. В результате реорганизации к ГБУЗ «ПКБ № 4 ДЗМ» присоединены в качестве обособленных подразделений (филиалов) Психоневрологические диспансеры. [1][2]

Ранее указанные диспансеры представляли собой отдельные юридические лица по типу государственных казенных учреждений города Москвы. В их штатное расписание входили органы управления, бухгалтерия, юридическая и кадровая службы.

Указанные реорганизации породили ряд проблем. В данной статье будет рассмотрена одна из них – проблема правового статуса некоторых объектов имущества и юридических лиц.

Как ранее было указано, в результате реорганизации к ГБУЗ «ПКБ № 4 ДЗМ» присоединены

в качестве обособленных подразделений (филиалов) Психоневрологические диспансеры.

После присоединения Психоневрологические диспансеры прекратили свою деятельность, как самостоятельные юридические лица. Одним из таких филиалов является «Психоневрологический диспансер № 3» СЗАО г. Москвы.

Согласно Приложению № 1 к указанным выше приказам в перечне подлежащих передаче в оперативное управление ГБУЗ «ПКБ № 4 ДЗМ» от ПНД № 3 значилось только нежилое помещение по адресу: г. Москва, ул. Циолковского, д. 5 (фактический адрес филиала).

До реорганизации в Уставе Психоневрологического диспансера № 3, утвержденным приказом Департамента здравоохранения города Москвы от 13.12.2011 г. № 1722 в качестве обособленного подразделения указаны Лечебно-производственные мастерские (ЛПМ) расположенные по адресу: г. Москва, Шмитовский проезд, д. 11б.

Однако на момент реорганизации ЛПМ являлись самостоятельным юридическим лицом, имели свой Устав и все регистрационные уставные документы (свидетельство о регистрации в Московской регистрационной палате, свидетельство о внесении записи в ЕГРЮЛ, свидетельство о поставке на учет в налоговом органе).

В Уставе Лечебно-производственных мастерских отдельным пунктом Учредитель не был указан. По сведениям, полученным из налоговой инспекции в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ) данные об Учредителях (участниках) юридического лица Лечебно-производственные мастерские ПНД № 3 ЦАО г. Москвы не зарегистрированы.

ЕГРЮЛ содержал сведения о лице, имеющем право без доверенности действовать от имени юридического лица.

Контракт на право оперативного управления нежилым фондом по адресу: г. Москва, Шмитовский проезд, д. 11б, общей площадью 842,8 кв.м. был заключен непосредственно между Департаментом государственного и муниципального имущества г. Москвы и Лечебно-производственными мастерскими, в лице Директора. Право оперативного управления было зарегистрировано в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним, субъектом права указаны Лечебно-производственные мастерские.[3]

Психоневрологическому диспансеру № 3 данный нежилой объект в оперативное управление никогда не передавался.

Таким образом, в порядке правопреемства и согласно передаточному акту к больнице перешло право оперативного управления только на нежилой объект по адресу: г. Москва, ул. Циолковского, д. 5.

Помещение по адресу: г. Москва, Шмитовский проезд, д. 11б. по передаточному акту не передавалось.

Все перечисленные обстоятельства были подтверждены документально и свидетельствовали о том, что помещение по адресу: г. Москва, Шмитовский проезд, д. 11б юридически не имеет к ГБУЗ «ПКБ № 4 ДЗМ» никакого отношения.

Отношения, возникающие в связи с государственной регистрацией юридических лиц при их создании, реорганизации и ликвидации, при внесении изменений в их учредительные документы, регулируются Федеральным законом от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее - Закон N 129-ФЗ).

В нарушение пп. «в» и «д» пункта 1 статьи 5 Закона № 129-ФЗ и ст. 65.1 Гражданского кодекса Российской Федерации в ЕГРЮЛ сведения об учредителях Лечебно-производственных мастерских не содержались.

Таким образом, наличие вышеуказанного факта при осуществлении реорганизации столь большой сети государственных учреждений породили проблемы правового статуса некоторых объектов имущества и юридических лиц.

Рассмотрим другую ситуацию - последствия реорганизации юридических лиц на примере реорганизации в форме присоединения учреждений здравоохранения города Москвы, в части возникновения задолженностей за предоставление коммунальных и эксплуатационных услуг.

В соответствии с Приказом № 209 от 24.03.2017 г. Департамента здравоохранения города Москвы о реорганизации государственных бюджетных учреждений здравоохранения города Москвы: «Психиатрическая клиническая больница № 3 им В. А. Гиляровского Департамента Здравоохранения города Москвы», «Психиатрическая клиническая больница № 4 им. П. Б. Ганнушкина Департамента здравоохранения города Москвы» (ГБУЗ «ПКБ №3 ДЗМ»), реорганизованы в установленном законодательством Российской Федерации порядке государственные бюджетные учреждения здравоохранения города Москвы: ГБУЗ «ПКБ №3 ДЗМ» реорганизована в порядке присоединения к ГБУЗ «ПКБ № 4 ДЗМ».

Приложением №1 к вышеуказанному Приказу № 209 от 24.03.2017 г. Департамента здравоохранения города Москвы, определен перечень нежилых помещений для передачи ГБУЗ «ПКБ №4 ДЗМ», в том числе помещение Психоневрологического диспансера №8, расположенного по адресу: г. Москва, Измайловский проспект, д. 71, общей площадью 1 339, 70 кв. м.

В последствии, со стороны управляющей организации ОАО «РЕМОНТНОЭКСПЛУАТА-

ЦИОННОЕ УПРАВЛЕНИЕ № 22 РАЙОНА ИЗМАЙЛОВО»(ОАО «РЭУ-22») было направлено в Арбитражный суд города Москвы исковое заявление к Департаменту городского имущества города Москвы о взыскании задолженности в размере 9 304 228 руб. 66 коп. (Дело № А40-178708/17 - 22-1615) и в дальнейшем ГБУЗ «ПКБ №4» ДЗМ было привлечено в качестве третьего лица, а затем и ответчика.

Аргументация истца по делу № А40-178708/17 - 22-1615, в том числе, состояла в следующем: Департамент городского имущества города Москвы (Далее-ДГИ г.Москвы), являясь представителем субъекта РФ - города Москвы в силу пунктов 1, 6.5, 6.9 Положения о ДГИ г. Москвы, выполняет полномочия собственника в сфере управления и распоряжения имуществом города Москвы, осуществляет защиту интересов города Москвы в том числе в судах всех уровней, а также выполняет в том числе функции главного распорядителя, получателя бюджетных средств, главного администратора доходов бюджета, главного администратора источников финансирования дефицита бюджета города Москвы в соответствии с возложенными полномочиями. В соответствии с п. 4.2.46 вышеуказанного Положения и на основании и в силу положений п. 1 ст. 125 ГК РФ, п. 10 ст. 158 Бюджетного кодекса РФ и разъяснениями Пленума ВС РФ от 22.06.2006г №23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса РФ» именно ДГИ г.Москвы выступает от имени г.Москвы в суде, в том числе в качестве ответчика по искам к г.Москве. Согласно статьи 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации, главным распорядителем бюджетных средств является также орган государственной власти (государственный орган) имеющие право распределять бюджетные ассигнования и лимиты бюджетных обязательств между подведомственными распорядителями и (или) получателями бюджетных средств. В связи с этим по искам к субъекту Российской Федерации - городу Москве, ДГИ г.Москвы, являясь представителем субъекта, в силу положений п.1 ст. 125 Гражданского кодекса РФ и п. 3 ст. 158 Бюджетного кодекса РФ выступает в суде в качестве ответчика не от собственного имени, а от имени субъекта Российской Федерации. При этом, в силу положений ст. 125, ст. 126 Гражданского кодекса РФ и ст. 158 Бюджетного кодекса РФ, взыскание с публично - правового образования производится за счет казны. Соответственно, именно на город Москву в лице ДГИ г.Москвы возложена обязанность по несению эксплуатационных расходов в части помещений, находящихся в собственности города Москвы. Истец приводил в качестве примеру аналогичный правовой спор в производстве Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-19948/2016. Учитывая изложенное, истец просил взыскать с города Москвы в лице ДГИ г.Москвы за счет казны города Москвы в пользу истца задолженность по оплате услуг в размере 9 304 228,66 руб., в том числе расходы по оплате государственной пошлины в размере 69 521 руб. [4][6][7][8][9]

В рамках Дела № А40-178708/17 - 22-1615 от ответчика 14.12.2017 г. поступило ходатайство о привлечении ГБУ «Жилищник района Измайлово», Управа района Измайлово, ООО «Авангард», ГОУ СФК «Трудовые резервы», ГБУЗ «ПКБ №3 ДЗМ» в качестве третьих лиц. Доводы ответчика в том числе заключались в нижеследующем: помещение по адресу: Измайловский проспект, д.71 передано в оперативное управление ГБУЗ «ПКБ №3 ДЗМ» по соответствующему контракту.

Определением от 29.11.2018 (Резолютивная часть определения объявлена 16.11.2018 г., Определение в полном объеме изготовлено 29.11.2018 г.) было постановлено: в соответствии с п. 3 ст. 130 АПК РФ арбитражный суд первой инстанции вправе выделить одно или несколько соединенных требований в отдельное производство, если признает раздельное рассмотрение требований соответствующим целям эффективного правосудия. В силу ч. 4 ст. 130 АПК РФ объединение дел в одно производство и выделение требований в отдельное производство допускаются до принятия судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела в арбитражном суде первой инстанции. С учетом вышеизложенного, в целях правильного и своевременного рассмотрения требований, а также в целях осуществления эффективного правосудия на основании п. 3 ст. 130 АПК РФ, суд приходит к выводу о необходимости выделения требований заявленных к ГБУЗ «ПКБ №4 ДЗМ» и к ГБУ «Жилищник района Измайлово» в отдельные производства. Таким образом, было постановлено выделить исковые требования ОАО «РЭУ-22» к ГБУЗ «ПКБ №4 ДЗМ» в отдельное производство.

Определением от 12 декабря 2018 г. по Делу А40-296724/18 - 22-2404 постановлено принять исковое заявление и возбудить производство по делу.

Решением от 08.05.2019 постановлено взыскать с ГБУЗ «ПКБ №4 ДЗМ» в пользу ОАО «РЭУ-22» задолженность в размере 3 004 850,64 руб., а также расходы по уплате госпошлины в размере 38 024,00 руб.

В описательно-мотивировочной части указываются следующие доводы: ОАО «РЭУ-22» действует на основании лицензии на осуществление деятельности по управлению многоквартирными домами от 22.04.2015 № 077 000489, выданной Государственной жилищной инспекцией города Москвы. Согласно действующему законо-

дательству, основными функциями управляющих организаций, указанными в договоре управления многоквартирным домом, согласно ч.3 ст.162 ЖК РФ, являются содержание, ремонт общего имущества, и предоставление коммунальных услуг. Истцом было пояснено, что в оперативном управлении ответчика находится нежилое помещение по адресу: г. Москва, ул. Измайловский пр-т., д.71, кадастровый номер 77:03:0005001:9626. Однако, затраты на содержание, текущий ремонт и отопление нераспределенного нежилого помещения ответчиком не возмещались, в то время как коммунальные услуги собственникам и пользователям помещений были предоставлены в полном объеме.[5][9][10]

Следовательно, коммунальные услуги и услуги по содержанию помещений предоставлены, но не оплачены. Общий объём услуг в период с марта 2015 по декабрь 2015 составил 3 004 850,64 руб.

Согласно положениям статьи 296 Гражданского кодекса РФ, учреждения и казённые предприятия, которым имущество принадлежит на праве оперативного управления, имеют право владеть и пользоваться этим имуществом строго в рамках целей своей деятельности и назначения самого имущества, соблюдая при этом ограничения, установленные законом. Распоряжаться указанным имуществом данные юридические лица могут только с согласия собственника имущества, если иное прямо не предусмотрено законом.

Пунктом 4 постановления Правительства РФ от 5 января 1998 года № 3 (с изменениями от 26 декабря 2011 г.) «О порядке закрепления и использования находящихся в федеральной собственности административных зданий, строений и нежилых помещений» регламентировано, что административные здания, сооружения и нежилые помещения, находящиеся в оперативном управлении или хозяйственном ведении государственных органов и учреждений, эксплуатируются последними самостоятельно, используя средства, выделяемые по смете, либо иные разрешённые источники финансирования.

Часть 1 статьи 158 Жилищного кодекса РФ устанавливает обязанность собственника жилого помещения в многоквартирном доме нести расходы на содержание собственного помещения, а также участвовать в финансировании содержания общего имущества дома пропорционально размеру своей доли в общем имуществе. Это обеспечивается путём уплаты платы за содержание жилья и взносов на капитальный ремонт.[5]

Оценив в совокупности, представленные в материалы дела доказательства, суд считает, что истец документально подтвердил понесенные им расходы, в связи с чем, требование истца о взыскании расходов за коммунальные услуги в размере 3 004 850,64 руб., обоснованно и подлежит удовлетворению.

Девятый арбитражный апелляционный суд своим постановлением от 6 августа 2019 года оставил без изменений решение Арбитражного суда города Москвы от 8 мая 2019 года по делу № А40-296724/18, отказав в удовлетворении апелляционной жалобы Государственного бюджетного учреждения здравоохранения «Психиатрическая клиническая больница № 4 Департамента здравоохранения города Москвы» (ГБУЗ ПКБ № 4 ДЗМ).

Арбитражным судом Московского округа указанные судебные акты были оставлены без изменений, кассационная обращение ГБУЗ ПКБ № 4 ДЗМ отклонено.

Таким образом, установлена задолженность ГБУЗ «ПКБ № 4 ДЗМ» перед Открытым акционерным обществом «Ремонтно-эксплуатационное управление № 22» (ОАО «РЭУ-22»), образовавшаяся вследствие реорганизации в форме присоединения, поскольку ГБУЗ «ПКБ № 4 ДЗМ» является правопреемником ГБУЗ «ПКБ № 3 ДЗМ».

Как итог, несмотря на значительный объем норм, регулирующих реорганизацию юридических лиц, в законодательстве продолжают сохраняться пробелы и противоречия, затрудняющие практическое применение положений Гражданского кодекса РФ и сопутствующих законов.

Возрастает актуальность введения более детализированных норм, направленных на обеспечение прозрачности и точности процедур реорганизации, в том числе путем уточнения порядка составления передаточных актов и разделительных балансов.

Сохраняющаяся неопределенность в вопросе распределения ответственности после реорганизации создает значительные риски для кредиторов и других заинтересованных лиц, что негативно сказывается на стабильности гражданского оборота

Список литературы:

[1] Приказ № 209 от 24.03.2017 г. Департамента здравоохранения города Москвы. Система ГАРАНТ ООО «НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС». https://base.garant.ru/49602368/

[2] Департамент здравоохранения города Москвы. Концепция развития психиатрической службы города Москвы. https://mosgorzdrav.ru/ru-RU/magic/default/download/5027.html

[3] Постановление Правительства Москвы от 20.02.2013 № 99-ПП (ред. от 02.08.2022) «Об утверждении Положения о Департаменте городского имущества города Москвы». Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. https://www.mos.ru/upload/content/files/1_PolojenieoDGI.pdf

[4] Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 22.06.2006 № 23 (ред. от 28.05.2019) «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации») . Система Консультант Плюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61522/

[5] Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 № 99-ФЗ (последняя редакция) . Система Консультант Плюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113658/

[6] Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 22.04.2024, с изм. от 25.04.2024). Система Консультант Плюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/

[7] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024). Система Консультант Плюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

[8] Постановление Правительства РФ от 5 января 1998 г. № 3 «О порядке закрепления и использования находящихся в федеральной собственности административных зданий, строений и нежилых помещений» (с изменениями и дополнениями) . Система ГАРАНТ ООО «НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС».https://base.garant.ru/12106942/

[9] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 25 г. Москва 23 июня 2015 г. «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

[10] Постановление Правительства РФ от 5 января 1998 г. №3 «О порядке закрепления и использования находящихся в федеральной собственности административных зданий, строений и нежилых помещений» (с изменениями и дополнениями)

References:

[1] Order No. 209 dated 24.03.2017 of the Moscow Department of Health. GARANT system of NPP GARANT-SERVICE LLC. https://base.garant.ru/49602368/

[2] Moscow City Health Department. The concept of the development of the psychiatric service of the city of Moscow. https://mosgorzdrav.ru/ru-RU/magic/default/download/5027.html

[3] Decree of the Government of Moscow of 20.02.2013 No. 99-PP (ed. 02.08.2022) " On approval of the Regulation on the Department of Urban Property of the City of Moscow." The official portal of the Mayor and the Government of Moscow. https://www.mos.ru/upload/content/files/1_PolojenieoDGI.pdf

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 22.06.2006 No. 23 (as amended on 28.05.2019) " On Certain Issues of Application by Arbitration Courts of the Norms of the Budget Code of the Russian Federation"). Consultant Plus system. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61522/

[5] Federal Law "On Licensing Certain Types of Activities" dated 04.05.2011 No. 99-FZ (latest edition). Consultant Plus system. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113658/

[6] Housing Code of the Russian Federation No. 188-FZ dated December 29, 2004 (as amended on April 22, 2024, as amended on April 25, 2024). Consultant Plus system. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/

[7] Civil Code of the Russian Federation No. 30.11.1994 dated 51-FZ (as amended 11.03.2024). Consultant Plus system. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

[8] Decree of the Government of the Russian Federation of January 5, 1998 No. 3 "On the procedure for securing and using federally owned administrative buildings, buildings and non-residential premises" (as amended and supplemented). GARANT system NPP GARANT-SERVICE LLC .https ://base.garant.ru/12106942/

[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25, Moscow, June 23, 2015 "On the Application by the Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation."

[10] Decree of the Government of the Russian Federation of January 5, 1998 No. 3 "On the Procedure for Securing and Using Federally Owned Administrative Buildings, Structures and Non-Residential Premises" (as amended)

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-498-502

ПОПОВА Мария Дмитриевна,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
Россия, Москва,
e-mail: maru.ppv2103@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕДРЕНИЯ МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В настоящее время здравоохранение переживает этап цифровой трансформации. Ввиду реализации национальных проектов в Российской Федерации происходит трансформация здравоохранения, посредством которой используются современные цифровые технологии для решения задач, направленных на улучшение состояния здоровья граждан, доступа к своевременной и качественной медицинской помощи. В Российской Федерации в рамках реализации национальных проектов внедрение такого рода инноваций стало одним из приоритетных направлений. Медицинские изделия с технологиями искусственного интеллекта способны анализировать огромные массивы информации, тем самым повышая скорость и точность постановки диагноза и выбора метода лечения. Вместе с тем, стремительное развитие технологий порождает комплекс актуальных вопросов, в том числе юридических, для реализации и применения вышеуказанных медицинских изделий. Действующее законодательство о медицинских изделиях в Российской Федерации практически не содержит норм об определении правового статуса медицинских изделий с искусственным интеллектом, о пострегистрационном мониторинге. Также, актуальность данной темы определена социально-этическим аспектом, так как внедрение искусственного интеллекта в сферу здравоохранения поднимает вопросы доверия населения, предотвращения возникновения нежелательных реакций при применении медицинских изделий. Соответственно, новизна в данной статье заключается в том, что автором предложено определение понятия «медицинские изделия с технологиями искусственного интеллекта» и нормы для проведения пострегистрационного мониторинга. Исследование вышеуказанных вопросов правового регулирования важны для создания безопасной среды применения современных технологий для реализации со стороны государства конституционного права граждан на охрану здоровья, получения качественной и безопасной медицинской помощи.*

Ключевые слова: *медицинские изделия, технологии искусственного интеллекта, национальные проекты, процедура государственной регистрации, пострегистрационный мониторинг, здравоохранение, производитель, уполномоченный представить производителя (изготовителя), мониторинг безопасности.*

POPOVA Maria Dmitrievna,
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Russia, Moscow

CURRENT ISSUES OF LEGAL REGULATION OF THE INTRODUCTION OF MEDICAL DEVICES WITH ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *Healthcare is currently undergoing a stage of digital transformation. Due to the implementation of national projects in the Russian Federation, healthcare is undergoing a transformation, through which modern digital technologies are used to solve problems aimed at improving the health of citizens and access to timely and high-quality medical care. In the Russian Federation, as part of the implementation of national projects, the introduction of such innovations has become one of the priorities. Medical devices with artificial intelligence technologies are able to analyze huge amounts of information, thereby increasing the speed and accuracy of diagnosis and treatment choice. At the same time, the rapid*

development of technology generates a complex of urgent issues, including legal ones, for the implementation and application of the above-mentioned medical devices. The current legislation on medical devices in the Russian Federation contains practically no provisions on determining the legal status of medical devices with artificial intelligence or on post-registration monitoring. Also, the relevance of this topic is determined by the socio-ethical aspect, since the introduction of artificial intelligence in the healthcare sector raises issues of public confidence and the prevention of adverse reactions when using medical devices. Accordingly, the novelty of this article lies in the fact that the author has proposed a definition of "medical devices with artificial intelligence technologies" and standards for post-registration monitoring. The study of the above-mentioned issues of legal regulation is important for creating a safe environment for the use of modern technologies for the implementation by the state of the constitutional right of citizens to health protection, to receive high-quality and safe medical care.

Key words: *medical devices, artificial intelligence technologies, national projects, state registration procedure, post-registration monitoring, healthcare, manufacturer, authorised representative of the manufacturer (producer), safety monitoring.*

В Российской Федерации, наряду с другими развитыми странами, в настоящее время активно используются технологии искусственного интеллекта в медицинской сфере. Стоит отметить, что технологии искусственного интеллекта направлены на облегчение деятельности медицинских работников при решении не только рутинных задач, а также при лечении и проведении диагностических исследований пациентов. Иными словами, искусственный интеллект «способен улучшить профилактику и терапию пациентов, а также процесс принятия клинических решений» [1].

Вместе с тем пандемия коронавирусной инфекции значительно подтолкнула государства к цифровизации здравоохранения, так как использование технологий продемонстрировало свое значение для поддержания устойчивости сферы здравоохранения во время локдауна. Внедрение цифровых технологий в сферу здравоохранения, в первую очередь, было направлено на обеспечение доступности граждан к электронным сервисам и на формирование единого цифрового контура здравоохранения.

Технологии искусственного интеллекта проникли в сферу обращения медицинских изделий, в части разработки и производства медицинских изделий, применяющих программное обеспечение с искусственным интеллектом. Министерством здравоохранения Российской Федерации публикуется Перечень отечественных медицинских изделий на основе технологий искусственного интеллекта, зарегистрированных в Росздравнадзоре. По состоянию на 01.10.2024 Росздравнадзором в рамках государственной регистрации медицинских изделий зарегистрировано 28 МИ с ИИ. Тем не менее, согласно Государственному реестру медицинских изделий и организаций (индивидуальных предпринимателей), осуществляющих производство и изготовление медицинских изделий в настоящее время Росздравнадзором зарегистрировано 45 МИ с ИИ, среди них 50 отечественных медицинских изделий и 5 иностранных медицинских изделий. Стоит отметить, что с 2023 года началось их активное внедрение в связи с внесением изменений в федеральный проект «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ)», закрепившими обязанность субъектов Российской Федерации приобретать такого рода медицинские изделия для лечебных учреждений. На основании статистических данных, представленных Минздравом России, в 2023 году количество обработанных исследований искусственным интеллектом составило 251 150 исследований, за 2024 их количество значительно возросло и составило более 2 млн., согласно данным Комитета Совета Федерации по социальной политике.

Внедрение технологий искусственного интеллекта может иметь как риски, так и создавать новые возможности для выявления патологий и заболеваний. Н.В. Аликперова отмечает, что для минимизации рисков необходима «дополнительная подготовка медицинских работников в части освоения новых технологий, в том числе и с использованием ИИ» [1]. Также, для уменьшения риска ошибок и неточностей в постановке диагноза необходимо постоянно обучать искусственный интеллект и правильно выстраивать алгоритмы. К примеру, в США при использовании программы на основе технологий искусственного интеллекта, позволяющей диагностировать перелом запястья по рентгеновским снимкам было выяснено, что при обнаружении застарелых сросшихся переломов технологии искусственного интеллекта интерпретировали их как перелом, нуждающийся в накладывании гипса и мобилизации конечности [2]. Соответственно, необходимо минимизировать риски, связанные с применением технологий искусственного интеллекта в медицинских изделиях, так как количество обрабатываемых данных растет.

Стоит отметить, что административные процедуры, в том числе государственная регистрация МИ с ИИ, как и в отношении иных медицинских изделий, осуществляется в соответствии с Правилами государственной регистрации медицинских изделий, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 30.11.2024 № 1684 (далее – Правила). Внедрение положений об особенностях внесения изменений в документы, содержащиеся в регистрационном досье на медицинские изделия с технологиями искусственного интеллекта, стало новеллой в законодательстве, так как действовавшие ранее Правила государственной регистрации медицинских изделий, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 27.12.2012 № 1416 не содержали положений, напрямую относящихся к медицинским изделиям с технологиями искусственного интеллекта.

В целом, процедура государственной регистрации медицинских изделий с технологиями искусственного интеллекта аналогична той, которую Росздравнадзор осуществляет в отношении классических медицинских изделий. Вместе с тем, в Правилах определены особенности внесения изменений в документы, содержащиеся в комплекте регистрационного досье на программное обеспечение с применением технологий искусственного интеллекта, являющееся медицинским изделием. В соответствии с п. 135 Правил заявитель представляет заявление, в котором указывает информацию о версии программного обеспечения с применением технологий искусственного интеллекта, являющегося медицинским изделием, а также сведения о результатах клинических испытаний программного обеспечения с применением технологий искусственного интеллекта, являющегося медицинским изделием.

Стоит отметить, что в новых Правилах были заметно сокращены сроки проведения процедуры государственной регистрации и внесения изменений в комплект регистрационного досье. К примеру, при условии правильного заполнения документов и предоставления достоверных сведений о медицинском изделии, Росздравнадзор в течении 10 дней принимает решение о внесении изменений в документы, содержащиеся в комплекте регистрационного досье.

Динамичное развитие технологий искусственного интеллекта требует гибкости и адаптивности нормативной правовой базы для обеспечения безопасности, эффективности и этики его применения. Внедрение медицинских изделий с искусственным интеллектом в лечебно-профилактических учреждениях, начавшееся стремительное в рамках реализации национального проекта «Здравоохранение» и продолжающееся в связи с целями национального проекта «Новые технологии сбережения здоровья», определило необходимость внесения изменений в нормативные правовые акты для выполнения поставленных национальными проектами целей и задач.

Несовершенство нормативного правового регулирования медицинских изделий с искусственным интеллектом существует в иных государствах, так, например, иностранные авторы пишут, что «проблемой в индустрии медицинского оборудования являются быстрые темпы технологического прогресса. Цифровые технологии постоянно возникают, требуя от производителей корректировать свои разработки. Для безопасности пациентов могут возникнуть проблемы с совместимостью устройств и безопасностью данных. Более того, имеются веские клинические доказательства необходимы для усиления эффективности и безопасности технологий» [3].

В настоящее время в нормативных правовых актах разъяснения по обращению МИ с ИИ содержатся только по вопросу их регистрации и внесению изменений в регистрационное досье. Также, с 1 января 2025 был введен в действие ГОСТ Р 71737-2024, который содержит положения о разработке системы менеджмента риска, необходимой при подаче документов на государственную регистрацию медицинских изделий.

Исходя из вышеизложенного, в настоящее время отсутствует нормативное закрепление понятия «медицинское изделие с технологиями искусственного интеллекта», которое бы положило начало развитию нормотворчеству в отношении новых видов медицинских изделий.

В существующем правовом регулировании только закреплено определение правового обеспечения как медицинского изделия. В соответствии с ГОСТ Р 59765-2021 от 01.10.2022 программное обеспечение как медицинское изделие определяется как программное обеспечение, не являющееся составной частью медицинского изделия и предназначенное его изготовителем для применения с одной медицинской целью или более. В свою очередь, ГОСТ IEC 62304-2022 от 01.09.2023 определяет программное обеспечение медицинского изделия как составную часть разрабатываемого медицинского изделия или предназначенная для использования в качестве медицинского изделия.

Соответственно, предлагается внесение изменений в статью 38 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в которой необходимо определить медицинское изделие с технологиями искусственного интеллекта следующим образом «Медицинскими изделиями с применением технологий искусственного интеллекта являются аппараты, инструменты, оборудование,

которые используются в медицинских целях отдельно или в сочетании с иными медицинскими изделиями и содержат программное обеспечение с технологиями искусственного интеллекта, предназначенные для профилактики, диагностики и мониторинга состояния организма человека. Функциональное назначение медицинских изделий с применением технологий искусственного интеллекта не реализуется путём фармакологического, иммунологического, генетического или метаболического воздействия на организм человека».

Для усовершенствования правового обеспечения мониторинга медицинских изделий с технологиями искусственного интеллекта необходимо проработать вопросы пострегистрационного мониторинга. Ведь существующие нормы права, как правило, ориентированы на традиционные медицинские изделия и не учитывают особенности искусственного интеллекта, например, способность к самообучению и изменение поведения в процессе эксплуатации.

А.В. Басова отмечает, что в рамках пострегистрационного мониторинга необходимо создание единой базы данных о неблагоприятных событиях и ошибках, связанных с применением МИ с ИИ, и осуществление сбора информации со всех субъектов обращения на территории Российской Федерации [1].

Расширяя предложение А.В. Басовой, представляется возможным создать интернет сервис для производителей и уполномоченных представителей производителя (изготовителя) «Передача данных о функционировании медицинских изделий с технологиями искусственного интеллекта», в который ими будут загружаться данные не только о нежелательных событиях, связанных с применением медицинских изделий с технологиями искусственного интеллекта, а в целом сведения о работоспособности медицинского изделия и выполнении заложенных в него функций, о количестве проведенных с его помощью исследований, на основании которых сотрудниками органов государственной власти будут проводить мониторинг и формировать основания для проведения профилактических и контрольных (надзорных) мероприятий.

Важен факт, что техническое сопровождение, отслеживание и пресечение системных ошибок должны осуществлять производителями-разработчиками на протяжении всего использования и применения медицинских изделий с технологиями искусственного интеллекта, так как вероятность угрозы причинения вреда жизни и здоровья колоссальна и может возникнуть в любое время. Медицинские изделия с искусственным интеллектом могут качественно функционировать, только если они содержат алгоритмы работы, которые отражают постоянно обновляемый набор данных, в связи с развитием знаний о заболеваниях и процедуре их лечения, что особенно важно при принятии врачебных решений.

Предлагается дополнить Правила следующим положением:

«Производители и уполномоченные представители производителя (изготовителя) медицинских изделий с технологиями искусственного интеллекта, представляющие сведения о функционирование медицинских изделий с технологиями искусственного интеллекта подлежат упрощенной процедуре внесения изменений в документы, содержащиеся в регистрационном досье.

Заявитель при упрощенной процедуре внесения изменений в документы, содержащиеся в регистрационном досье посредством единого личного кабинета заявителя, представляет в регистрирующий орган заявление о внесении изменений в документы, содержащиеся в регистрационном досье, не включающее результаты клинических испытаний программного обеспечения с применением технологий искусственного интеллекта, являющегося медицинским изделием».

Данная норма позволит уменьшить административную нагрузку на производителей и уполномоченных представителей производителя (изготовителя) при подготовке комплекта документов для процедуры внесения изменений, поспособствует повышению заинтересованности в опубликовании данных, так как проведение клинических испытаний требует дополнительных расходов и занимает достаточно большое время в силу загруженности испытательных центров, осуществляющих проведение такого рода испытаний.

Таким образом, в обращении медицинских изделий применение искусственного интеллекта является совершенной новой областью. В отличии от обыкновенных медицинских изделий, создаваемых из обычных материалов, медицинские изделия с технологиями искусственного интеллекта требуют кодирования и программирования. Применение медицинских изделий с искусственным интеллектом имеет широкие перспективы для решения проблем в сфере здравоохранения, в частности кадрового дефицита медицинского персонала, доступности качественной и квалифицированной медицинской помощи. Как отмечают И.М. Грязнов и И.А. Самкова «заключения различных исследований показывают, что внедрение алгоритмов машинного обучения могут улучшить диагностику, безопасность и качество лечения пациентов, а также оптимизировать затраты учреждений здравоохранения» [4]. Соот-

ветственно, для более оптимизированного и последовательного внедрения в лечебные профилактические учреждения необходим комплексный подход, который будет включать не только правовое регулирование всего жизненного цикла медицинского изделия, но и включать подготовку медицинского персонала. Предлагаемые внесения изменений в нормативные правовые акты позволят сформировать эффективное взаимодействие производителей с органами государственной власти, которое положительно отразится на оказании квалифицированной и своевременной медицинской помощи.

Список литературы:

[1] Аликперова Наталья Валерьевна «Искусственный интеллект в здравоохранении: риски и возможности» // Здоровье мегаполиса. 2023. №3. – С. 41-48

[2] Басова Алла Викторовна «Применение искусственного интеллекта в медицине: правовые риски и перспективы» // Вестник СГЮА. 2024. №3. – С. 108-113

[3] Felix A. Tettey-Engmann. Ph.D., Santosh Kumar Parupelli, · Steven R. Bauer, Narayan Bhattarai, Salil Desai Advances in Artifcial Intelligence Based Medical Devices for Healthcare Applications, Received: 22 February 2025 / Accepted: 12 May 2025

[4] Грязнов И.М., Самкова И.А. «Преимущества применения медицинских изделий с технологией искусственного интеллекта при оказании медицинской помощи населению» // Вестник ВолГМУ. 2024. №4. – С. 179-184

References:

[1] Natalya Valerievna Alikperova “Artificial intelligence in healthcare: risks and opportunities “// Health of the metropolis. 2023. №3. - S. 41-48

[2] Basova Alla Viktorovna “The use of artificial intelligence in medicine: legal risks and prospects “// Bulletin of SSLA. 2024. №3. - S. 108-113

[3] Felix A. Tettey-Engmann. Ph.D. , Santosh Kumar Parupelli, · Steven R. Bauer, Narayan Bhattarai, Salil Desai Advances in Artifcial Intelligence Based Medical Devices for Healthcare Applications, Received: 22 February 2025 / Accepted: 12 May 2025

[4] Gryaznov I.M., Samkova I.A. “Advantages of the use of medical devices with artificial intelligence technology in the provision of medical care to the population “//Vestnik VolGMU. 2024. №4. - S. 179-184

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.01.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-503-507
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.

ТАТАРИНОВ Александр Алексеевич,
доцент кафедры трудового и предпринимательского права
Волго-Вятского института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук,
e-mail: aat55@outlook.com

ТРУДОПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОЦЕССА АДАПТАЦИИ ПЕРСОНАЛА

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы начального периода трудовых отношений, поэтапного вовлечении человека в рабочий процесс в новых для него условиях. Обращается внимание на необходимость правового оформления процесса адаптации, согласования приёмов и способов, практикуемых менеджментом, с нормами трудового права. Делается вывод о необходимости более детального законодательного регулирования различных этапов вхождения работника в трудовую деятельность, вносятся предложения к дополнению ст. 68 Трудового кодекса РФ, отмечается роль локального регулирования данных процессов.*

Ключевые слова: *Трудовые отношения, адаптация персонала, профессиональная адаптация, наставничество, обучение на рабочем месте, локальные нормативные акты.*

TATARINOV Aleksandr Alekseevich,
associate professor of department labor and business law
of the Volga-Vyatka Institute (branch) of the University
named after O.E. Kutafin (MSAL),
PhD in Law

LABOR LAW SUPPORT OF THE PERSONNEL ADAPTATION PROCESS

Annotation. *The article examines the issues of the initial period of labor relations, the gradual involvement of a person in the work process in new conditions. Attention is drawn to the need for legal registration of the adaptation process, the coordination of techniques and methods practiced by management with labor law standards. A conclusion is made about the need for more detailed legislative regulation of the various stages of an employee's entry into labor activity, proposals are made to supplement Art. 68 of the Labor Code of the Russian Federation, the role of local regulation of these processes is noted***.**

Key words: *Labor relations, staff adaptation, professional adaptation, mentoring, on-the-job training, local regulations*

Вступление в новую для человека деятельность, особенно в новой для него среде – это непростая ситуация, он объективно сталкивается с проблемами приспособления, начинается процесс адаптации. «Адаптация – это взаимное приспособление работника и организации, основывающееся на постепенной врабатываемости сотрудника в новых профессиональных, социальных и организационно-экономических условиях труда» [3]. Специалисты по управлению персоналом, социологи, психологи уделяют трудовой адаптации большое внимание, считая этап вхождения работника в трудовые отношения сложным и очень важным. Эффективность этого процесса отражается на производительности труда работника, на результативности отдельного структурного подразделения, определённого направления деятельности и организации в целом.

Выделяют различные виды адаптации:

1) профессиональная;
2) психофизиологическая;

3) социально-психологическая;
4) организационно-психологическая;
5) экономическая;
6) санитарно-гигиеническая.

Не вдаваясь в их подробную характеристику, заметим, что они в рамках данной статьи интересуют нас с различной степенью детализации – основное внимание уделим профессиональной, хотя отметим, что с позиций трудового права и другие представляют определённый интерес.

Вернёмся к основному понятию темы исследования: адаптация (от лат. adaptatio – приспособление) – это процесс активного приспособления человека к изменившейся среде с помощью различных социальных средств. Адаптация предполагает усвоение правил новой среды и ассимиляцию с этой средой, принятие форм и способов предметной деятельности (трудовой деятельности). Одновременно происходит и определённое приспособление среды к адаптируемому, что предполагает взаимную активность и заинтересованность. Это многосторонний, сложный процесс постепенного вхождения работника в коллектив и в свою профессиональную деятельность. Нормативно, на законодательном уровне, к сожалению, ему уделяется недостаточно внимания. Во всяком случае, до последнего времени. Попытаемся с позиций трудового права подойти к некоторым аспектам начала трудовой деятельности, определить пути согласования приёмов и способов, практикуемых менеджментов с нормами трудового права.

Начнём даже не собственно с процесса вхождения нового работника в должность, а раньше. Работодателю есть смысл на стадии, предшествующем заключению трудового договора с конкретным работником обратиться к содержанию должностной инструкции, провести некую ревизию основных её положений с целью приведения в соответствие с возникшими в последнее время производственными и организационными реалиями, планами, возможной корректировки с учётом деятельности предыдущего работника. Пока должность вакантна, то сделать это не сложно, после же приёма человека на работу, внести какие-либо изменения становится непростой задачей, вполне вероятно, потребуется обращаться к весьма обременительной процедуре, предусмотренной ст. 74 ТК РФ «Изменение определенных сторонами условий трудового договора по причинам, связанным с изменением организационных или технологических условий труда».

Известно, что в соответствии с частью 3 ст. 68 ТК РФ работодатель до подписания трудового договора обязан ознакомить лицо, поступающее на работу, под роспись с правилами внутреннего трудового распорядка, иными локальными нормативными актами, непосредственно связанными с трудовой деятельностью работника, коллективным договором (Обращает на себя внимание логическая ошибка законодателя: «При приеме на работу (до подписания трудового договора) работодатель обязан ознакомить работника под роспись…» - до подписания трудового договора лицо не является работником, возможно, ознакомившись с локальными нормативными актами, и не захочет быть работником). Очевидно, что такого первого ознакомления, недостаточно, поскольку речь идёт о целом комплексе разнообразных правовых актов, скорее всего, эта процедура позволит человеку понять лишь самые основные требования по должности, режиму работы, в целом уяснить условия оплаты труда, чтобы осознанно принять решение о заключении трудового договора.

Хотелось бы дополнить ст. 68 ещё одной нормой: «В течение двух первых рабочих дней после заключения трудового договора работник под руководством наставника, изучает локальные нормативные акты, непосредственно относящиеся к его работе (правила внутреннего трудового распорядка, должностную инструкцию, локальные нормативные акты о защите персональных данных, об оплате труда, инструкцию по охране труда, требования к обращению с конфиденциальной информацией, правила действий в случае возникновения чрезвычайных ситуаций), в соответствии с нормативными требованиями проходит первичный и вводный инструктаж по охране труда и оказанию первой помощи. Работник, впервые вступающий в трудовые отношения, знакомится с основами трудового законодательства». Кроме того, что мы обозначаем важность указанных мероприятий для нового работника и для работодателя, таким образом на законодательном уровне, хоть и косвенно, закрепляется перечень обязательных локальных нормативных актов (Вопрос о необходимости установить и закрепить в Трудовом кодексе РФ перечень обязательных локальных нормативных актов давно поднимается теоретиками трудового права и практиками).

В предложенном варианте ст. 68 Кодекса, как и во всём периоде адаптации активная роль отводится наставнику, который назначается из опытных работников. Наставничество – это давно известное и устоявшееся в практике понятие, долго ожидавшее своего места в Трудовом кодексе. С 01.03.2025 ТК РФ дополняется новой статьей 351.8 «Особенности регулирования труда работников, выполняющих работу по наставничеству в сфере труда», в которой определено, что

наставничество в сфере труда — это выполнение работником на основании его письменного согласия по поручению работодателя работы по оказанию другому работнику помощи в овладении навыками работы на производстве и (или) рабочем месте по полученной (получаемой) другим работником профессии (специальности). Срок, форма, содержание поручаемой наставнику работы должны быть закреплены в трудовом договоре или дополнительном соглашении. Наставничество должно обеспечиваться материальным стимулированием, т. е. работнику-наставнику необходимо установить соответствующую выплату. Для работников бюджетной сферы размер этих выплат определяется федеральными законами, иными нормативными правовыми актами РФ, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов РФ, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, работникам иных организаций выплаты могут устанавливаться коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами.

Для примера, в «Отраслевое соглашение по организациям и медицинским учреждениям, находящимся в ведении Федерального медико-биологического агентства, на 2025 - 2027 годы» включены следующие положения (раздел 7):

«7.2 Приоритетными направлениями в совместной деятельности являются:

– организация наставничества молодых специалистов;
– проведение разъяснительной работы среди молодых специалистов;
– развитие творческой активности молодых специалистов;
– обеспечение прав и социальной защиты молодых специалистов.

7.3.3. Закреплять наставников за всеми молодыми специалистами в первый год их работы в организации ФМБА России.

7.3.4. В коллективном договоре предусматривать меры поощрения наставников за работу с молодыми специалистами» [4].

Адаптация может предполагать овладение определёнными профессиональными навыками и умениями, необходимыми для выполнения трудовой функции, в этом случае трудовые отношения могут сопровождаться обучением у данного работодателя, в соответствии со ст. 196 Кодекса необходимость подготовки работников (профессиональное образование и профессиональное обучение) и дополнительного профессионального образования, для собственных нужд определяет работодатель. При таком развитии, безусловно, открывается простор для реализации многих направлений и форм адаптации. Обучение на производстве может проводиться в различных формах (индивидуальной, групповой и курсовой подготовки) и различных объёмах. Объём обучения работника, да и сама необходимость обучения определяется рядом факторов:

1) наличие, или отсутствие специальных требований к выполняемой работе;
2) объём имеющихся у работника общеобразовательных знаний;
3) наличие подтверждённой профессиональной подготовки (профессии, специальности, квалификации);
4) опыт работы по востребованной работодателем специальности, в определённой сфере деятельности;
5) актуальность имеющихся знаний и навыков [1].

Следует заметить, что порядок профессиональной подготовки работников в отдельных высокотехнологичных отраслях регулируется особо и является обязательным условием, в соответствующих ведомственных правовых актах можно почерпнуть очень много важного и заслуживающего внимания с позиций адаптационных мероприятий. Для примера обратимся к Приказу Минэнерго России от 22.09.2020 № 796 (ред. от 09.12.2024) «Об утверждении Правил работы с персоналом организациях электроэнергетики Российской Федерации».

В данном документе для различных категорий работников в обязательном порядке предусмотрены различные формы работы с персоналом:

– предэкзаменационная подготовка и проверка знаний;
– производственный инструктаж;
– инструктаж по охране труда;
– стажировка (включая ознакомление с особенностями функционирования объектов электроэнергетики);
– подготовка по новой должности (рабочему месту);
– дублирование;
– противоаварийные тренировки;
– специальная подготовка;
– стажировка (включая обучение работников рабочих профессий безопасным методам и приемам выполнения работ).

Стажировка должна проводиться по разработанной программе, под руководством работника, ответственного за стажировку, назначенного организационно-распорядительным документом. В процессе стажировки работник должен: усвоить требования отраслевых актов и инструктивно-технических документов в соответствующей сфере, инструкций по охране труда и пожарной безопасности, знание которых обязательно для работы в занимаемой им должности,

усвоить их практическое применение на рабочем месте, ознакомиться с расположением оборудования на объекте, отработать ориентирование на рабочем месте; приобрести навыки при выполнении производственных операций; изучить приемы и условия безаварийной, безопасной и экономичной эксплуатации обслуживаемого оборудования.

Допуск работника к стажировке должен быть оформлен организационно-распорядительным документом уполномоченного должностного лица организации (ее филиала, представительства), в котором указываются сроки стажировки и работник(и), ответственный(ые) за проведение стажировки. Продолжительность стажировки устанавливается индивидуально. Минимальный срок стажировки должен составлять 2 рабочих дня (смены) на каждом рабочем месте, но не должен превышать 14 рабочих дней (смен).

Относящиеся к категориям диспетчерского, оперативного, оперативно-ремонтного и ремонтного персонала вновь принятые работники организации, работники, переводимые на новую должность (рабочее место), и работники, имевшие перерыв в работе более 6 месяцев, допускаются к самостоятельной работе после прохождения этапов подготовки в соответствии с индивидуальной программой подготовки по новой должности.

Для обеспечения готовности персонала к работе на объектах электроэнергетики должны периодически проводиться обходы и осмотры рабочих мест, в ходе которого осуществляется проверка:

- выполнения работниками требований отраслевых актов и инструктивно-технических документов, поддержания установленного технологического режима работы оборудования;
- соблюдения работниками порядка приема-сдачи смены, ведения оперативной документации, производственной и трудовой дисциплины;
- своевременного выявления работниками имеющихся дефектов и неполадок в работе оборудования и оперативного принятия необходимых мер для их устранения;
- правильного применения работниками установленной системы нарядов-допусков при выполнении ремонтных и специальных работ;
- поддержания работниками гигиены труда на рабочем месте;
- исправности и наличия на рабочих местах инструмента, защитных средств и приспособлений.

Результаты обходов и осмотров рабочих мест должны фиксироваться в порядке, установленном руководителем организации или уполномоченным им должностным лицом [5].

Представляется, что подобный подход к организации работы персонала в период адаптации вполне применим в любой организации, если не целиком, то в значительной части. Разумеется, всё необходимо облечь в чёткую форму локальных нормативных актов.

Говоря об адаптации, трудно обойти вниманием и ст. 70 ТК РФ. Наиболее значимыми правовыми нормами, которые обращены к начальному периоду трудовых отношений, являются нормы об испытании. Именно потому, что испытание устанавливается при приёме на работу и продолжается, как правило, три месяца, его и рассматривают как одну из форм адаптации. Однако по своей сути, назначению и по буквальному смыслу слово «испытание» означает «изведать на деле», «проверить на опыте», но не приспособление [2]. Испытание, прежде всего, – это явление внешнее по отношению к работнику, рефлексия работодателя («рефлексия» в социологии – способность оценивать других людей). Только, пожалуй, норма части 3 ст. 70 ТК РФ, посвящённой испытанию при приёме на работу, может быть истолкована интересующем нас смысле: «В период испытания на работника распространяются положения трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, коллективного договора, соглашений, локальных нормативных актов», то есть работник не должен подвергаться дискриминации, ему должны быть созданы те же условия, что и для других.

В современных условиях выраженной проблемы дефицита кадров и обостряющейся конкуренции на рынке труда можно предположить, что к испытанию как проверке работодатель будет подходить не столь жёстко, и наоборот – вопросы адаптации, закрепления кадров будут выходить на первый план.

Таким образом, процесс адаптации следует рассматривать как необходимый этап в трудовых отношениях, позволяющий ускорить профессиональное становление, способствующий вырабатыванию важных для работодателя качеств, что позволяет добиться оптимальной отдачи от нового работника в кратчайшие сроки. Не менее важно взглянуть на этот процесс и с позиций сотрудника: подкрепляется уверенность человека в своих способностях, в правильности выбора работы, усиливается мотивация на сохранение рабочего места. Данный процесс будет эффективным только при активном участии работодателя. Многие мероприятия адаптационного характера требуют правового обеспечения, позволяющего создать режим быстрого, осознанного и последовательного усвоения работни-

ком обязательных правил, инструкций, специальных знаний. Нормативному закреплению соответствующих действий, прав и обязанностей как работодателя, так и работника, должно быть уделено больше внимания в трудовом законодательстве, иных нормативных правовых актах, содержащих нормы трудового права и, конечно же, в локальных нормативных актах.

Список литературы:

[1] Диалектика развития трудового права: от советского периода до наших дней: избранные труды Ю.П. Орловского. Москва: РГ-Пресс, 2018. – 776 с.

[2] Дубровина И.Л. Испытание при приёме на работу. Учебное пособие. – Киров, Полекс, 2001. – 101 с.

[3] Управление персоналом организации: Учебник/под ред. А.Я Кибанова. – 3-е изд., доп. и перераб. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 638 с.

[4] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_497719/#utm_campaign=fd&utm_source=consultant&utm_medium=email&utm_content=body

[5] Приказ Минэнерго России от 22.09.2020 № 796 (ред. от 09.12.2024) «Об утверждении Правил работы с персоналом в организациях электроэнергетики Российской Федерации».

References:

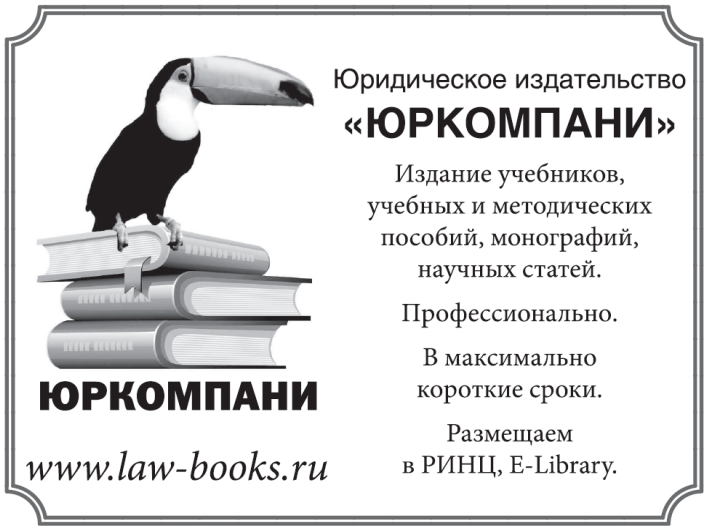
[1] Dialectics of the development of labor law: from the Soviet period to the present day: selected works of Yu.P. Orlovsky. Moscow: RG-Press, 2018. - 776 s.

[2] Dubrovina I.L. Employment test. Tutorial. - Kirov, Polex, 2001. - 101 s.

[3] Organization personnel management: Textbook/ed. A.Ya. Kibanova. - 3rd ed., Add. And revised. - M.: INFRA-M, 2005. - 638 p.

[4] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_497719/#utm_campaign=fd&utm_source=consultant&utm_medium=email&utm_content=body

[5] Order of the Ministry of Energy of the Russian Federation No. 796 dated 22.09.2020 (as amended 09.12.2024) “ On Approval of Rules for Work with Personnel in Organizations of the Electric Power Industry of the Russian Federation.”

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-508-515

ЛУКАШЕНКО Дмитрий Владимирович,
доктор психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерации,
e-mail: dim-mail-ru@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОПЛАТЫ ТРУДА РАБОТНИКОВ БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЫ

Аннотация. *В статье рассматриваются основные элементы организации оплаты труда работников бюджетной сферы. В бюджетных учреждениях правила начисления оплаты труда и дополнительных выплат регулируются трудовым законодательством и отраслевыми и ведомственными инструкциями, разработанными на основе трудового законодательства.*

Ключевые слова: *бюджетная сфера, оплата труда, законодательство, договор.*

LUKASHENKO Dmitry Vladimirovich,
Chief Researcher of the Research Institute
of the Russian Federal Penitentiary Service,
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor,
Moscow, Russian Federation

THE MAIN ELEMENTS OF THE ORGANIZATION OF REMUNERATION FOR PUBLIC SECTOR EMPLOYEES

Annotation. *The article discusses the main elements of the organization of remuneration for public sector employees. In budgetary institutions, the rules for calculating wages and additional payments are regulated by labor legislation and sectoral and departmental instructions developed on the basis of labor legislation.*

Key words: *public sector, remuneration, legislation, contract.*

Оплата труда - это система отношений, связанных с обеспечением установления и осуществления работодателем выплат работникам за их труд в соответствии с законами, иными нормативными правовыми актами, коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами и трудовыми договорами.

Заработная плата - вознаграждение за труд в зависимости от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы, а также выплаты компенсационного и стимулирующего характера.

Выплата заработной платы обычно производится в денежной форме в валюте РФ (в рублях). В соответствии с коллективным или трудовым договором по письменному заявлению работника оплата труда может производиться в иных формах, не противоречащих законодательству РФ. Доля заработной платы, выплачиваемой вне денежной формы, не может превышать 20% от общей суммы заработной платы.

В бюджетных учреждениях правила начисления оплаты труда и дополнительных выплат регулируются трудовым законодательством и отраслевыми и ведомственными инструкциями, разработанными на основе трудового законодательства.

В соответствии со ст. 143 Трудового кодекса РФ1, тарифные системы оплаты труда - системы оплаты труда, основанные на тарифной системе дифференциации заработной платы работников различных категорий.

Тарифная система дифференциации заработной платы работников различных категорий включает в себя: тарифные ставки, оклады (должностные оклады), тарифную сетку и тарифные коэффициенты.

Тарифная сетка - совокупность тарифных разрядов работ (профессий, должностей), определенных в зависимости от сложности работ и требований к квалификации работников с помощью тарифных коэффициентов.

Тарифный разряд - величина, отражающая сложность труда и уровень квалификации работника.

Квалификационный разряд величина, отражающая уровень профессиональной подготовки работника.

Тарификация работ - отнесение видов труда к тарифным разрядам или квалификационным категориям в зависимости от сложности труда.

Сложность выполняемых работ определяется на основе их тарификации.

Тарификация работ и присвоение тарифных разрядов работникам производятся с учетом единого тарифно-квалификационного «справочника работ» и профессий рабочих, единого квалификационного «справочника Должностей» руководителей, специалистов и служащих или с учетом «профессиональных стандартов». Указанные справочники и «порядок» их применения утверждаются в «порядке», устанавливаемом Правительством Российской Федерации (в ред. Федерального «закона» от 03.12.2012 N 236- ФЗ).

Тарифные системы оплаты труда устанавливаются коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права. Тарифные системы оплаты труда устанавливаются с учетом единого тарифно-квалификационного справочника работ и профессий рабочих, единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих или профессиональных стандартов, а также с учетом государственных гарантий по оплате труда (в ред. Федерального «закона» от 03.12.2012 М236-ФЗ).

Т.о., в бюджетных учреждениях применяется тарифная система оплаты труда, устанавливаемая на основе Единой тарифной сетки по оплате труда работников бюджетной сферы. Трудовым кодексом РФ также установлено, что порядок стимулирующих и компенсационных выплат в организациях, финансируемых из федерального бюджета, устанавливается Правительством РФ; в организациях, финансируемых из бюджета субъекта РФ, - органами государственной власти соответствующего субъекта РФ; в организациях, финансируемых из местного бюджета, - органами местного самоуправления.

Постановление Правительства РФ от 05.08.2008 N 583 (ред. от 14.01.2014) «О введении новых систем оплаты труда работников федеральных бюджетных, автономных и казенных учреждений и федеральных государственных органов, а также гражданского персонала воинских частей, учреждений и подразделений федеральных органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная и приравненная к ней служба, оплата труда которых в настоящее время осуществляется на основе Единой тарифной сетки по оплате труда работников федеральных государственных учреждений» (вместе с «Положением об установлении систем оплаты труда работников федеральных бюджетных, автономных и казенных учреждений») определяет систему оплаты труда работников федеральных бюджетных, автономных и казенных учреждений, которые включают в себя размеры окладов (должностных окладов), ставок заработной платы, выплаты компенсационного и стимулирующего характера, устанавливаются коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами в соответствии с трудовым законодательством, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, содержащими нормы трудового права, а также Положением (в ред. Постановлений Правительства РФ от 17.12.2010 N 1045, от 14.01.2014 N20).

Положение не распространяется на гражданский персонал воинских частей, федеральных учреждений и подразделений федеральных органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная и приравненная к ней служба, и Главного управления специальных программ Президента Российской Федерации, на работников федеральных государственных органов, система и условия оплаты труда которых устанавливаются в соответствии с пунктами 8 и 9 Постановления Правительства Российской Федерации от 5 августа 2008 г. N 583 и иными нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации, а также на работников федеральных государственных учреждений, в которых нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации определен иной порядок установления систем оплаты труда (в ред. Постановления Правительства РФ от 14.01.2014 N 20).

Федеральным органам исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная и приравненная к ней служба, и Главному управлению специальных программ Президента Российской Федерации до 1 сентября 2008 г. утвердить:

1. порядок утверждения штатных расписаний (штатов) гражданского персонала воинских частей, учреждений и подразделений;
2. размеры окладов (тарифных ставок) гражданского персонала с учетом требований к профессиональной подготовке и уровню квалификации, которые необходимы для осуществления соответствующей профессиональной деятельности (профессиональных квалификационных групп), а также порядок определения должностных окладов руководителей воинских частей, учреждений и подразделений, их заместителей и главных бухгалтеров;

3. условия, размеры и порядок осуществления выплат компенсационного характера гражданскому персоналу в соответствии с перечнем видов выплат компенсационного характера, утверждаемым Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации, но не ниже размеров, установленных в соответствии с законодательством;
4. условия и порядок осуществления выплат стимулирующего характера гражданскому персоналу, а также их размеры в соответствии с перечнем видов выплат стимулирующего характера, утверждаемым Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации;
5. порядок формирования и использования фонда оплаты труда гражданского персонала, включая порядок направления средств на выплату окладов (тарифных ставок) гражданского персонала, в том числе должностных окладов руководителей, а также доплат и надбавок компенсационного и стимулирующего характера;

Федеральным государственным органам по согласованию с Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации утвердить до 15 сентября 2008 г. условия оплаты труда работающих в них и в их территориальных органах работников (включая размеры окладов (тарифных ставок), а также порядок и условия выплат компенсационного характера и порядок, условия и размеры выплат стимулирующего характера в соответствии с перечнями видов выплат компенсационного и стимулирующего характера), вводимые с 1 декабря 2008г.

Финансовое обеспечение расходных обязательств Российской Федерации, связанных с реализацией Постановления, осуществляется в пределах бюджетных ассигнований, предусмотренных в установленном порядке на обеспечение выполнения функций федеральных казенных учреждений, воинских частей, учреждений и подразделений федеральных органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная и приравненная к ней служба, в части оплаты труда работников и гражданского персонала, а также на предоставление федеральным бюджетным учреждениям субсидии на финансовое обеспечение выполнения ими государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) физическим и (или) юридическим лицам, с учетом увеличения объема этих ассигнований с 1 декабря 2008 г. на 30 процентов в связи с введением новых систем оплаты труда (п. 10 в ред. Постановления Правительства РФ от 17.12.2010 N 1045),

Системы оплаты труда работников федеральных учреждений устанавливаются с учетом (в ред. Постановления Правительства РФ от N20):

1. единого тарифно-квалификационного справочника работ и профессий рабочих, единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих или профессиональных стандартов; (в ред. Постановления Правительства РФ от 14.01.2014 N 20)
2. государственных гарантий по оплате труда;
3. перечня видов выплат компенсационного характера в федеральных бюджетных, автономных и казенных учреждениях, утверждаемого Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации; (в ред.
4. Постановлений Правительства РФ от 17.12.2010 N 1045, от 26.09.2012 N 975, от 14.01.2014 N20)
5. перечня видов выплат стимулирующего характера в федеральных бюджетных, автономных и казенных учреждениях, утверждаемого Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации; (в ред. Постановлений Правительства РФ от 17.12.2010 N 1045, от 26.09.2012 N 975, от 14.01.2014 N20)
6. рекомендаций Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений;
7. мнения представительного органа работников.

Системы оплаты труда работников федеральных бюджетных и автономных учреждений устанавливаются с учетом примерных положений об оплате труда работников подведомственных бюджетных и (или) автономных учреждений по видам экономической деятельности, утверждаемых федеральными государственными органами, осуществляющими функции и полномочия учредителя этих учреждений, и учреждениями - главными распорядителями средств федерального бюджета, в ведении которых находятся федеральные бюджетные и (или) автономные учреждения, по согласованию с Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации. Указанные примерные положения носят для федеральных бюджетных и автономных учреждений рекомендательный характер.

Системы оплаты труда работников федеральных казенных учреждений устанавливаются положениями об оплате труда работников подведомственных федеральных казенных учреждений по видам экономической деятельности, утверждаемыми федеральными органами исполнительной власти, осуществляющими функции и полномочия учредителя, по согласованию с

Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации. Указанные положения носят для федеральных казенных учреждений обязательный характер (п. 2(1) введен Постановлением Правительства РФ от 14.01.2014 N 20).

С 1 сентября 2013 года в оклады (должностные оклады) по должностям работников, занимающих в финансируемых за счет средств федерального бюджета научных организациях штатные должности, по которым в соответствии с квалификационными требованиями предусмотрены ученые степени, включаются размеры выплат за ученую степень, которые действовали до дня вступления в силу Федерального закона от 02.07.2013 N 185-ФЗ с учетом требуемых по соответствующим штатным должностям ученых степеней (пункт 4 статьи 163 Федерального закона от 02.07.2013 N 185-ФЗ).

Размеры окладов (должностных окладов), ставок заработной платы устанавливаются в соответствии с пунктом 2(1) Положения руководителем федерального учреждения на основе требований к профессиональной подготовке и уровню квалификации, которые необходимы для осуществления соответствующей профессиональной деятельности (профессиональных квалификационных групп), с учетом сложности и объема выполняемой работы. (в ред. Постановления Правительства РФ от 14.01.2014 N20)

Выплаты компенсационного характера устанавливаются в соответствии с пунктом 2(1) Положения к окладам (должностным окладам), ставкам заработной платы работников по соответствующим профессиональным квалификационным группам в процентах к окладам (должностным окладам), ставкам или в абсолютных размерах, если иное не установлено федеральными законами или указами Президента Российской Федерации, (в ред. Постановления Правительства РФ от 14.01.2014 N 20)

Размеры и условия осуществления выплат стимулирующего характера устанавливаются в соответствии с пунктом 2(1) настоящего Положения коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовыми договорами с учетом разрабатываемых в федеральном учреждении показателей и критериев оценки эффективности труда работников этих учреждений, (п. 5 в ред. Постановления Правительства РФ от 14.01.2014 N20)

По отдельным вопросам установления должностного оклада руководителя федерального бюджетного учреждения см. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 02.04.2008 N 158н.

Заработная плата руководителей федеральных учреждений, их заместителей и главных бухгалтеров состоит из должностного оклада, выплат компенсационного и стимулирующего характера, (в ред. Постановления Правительства РФ от 14.01.2014 N 20)

Размер должностного оклада руководителя федерального учреждения определяется трудовым договором в зависимости от сложности труда, в том числе с учетом масштаба управления и особенностей деятельности и значимости федерального учреждения, (в ред. Постановления Правительства РФ от 14.01.2014N20)

Должностные оклады заместителей руководителей и главных бухгалтеров федеральных учреждений устанавливаются на 10 - 30 процентов ниже должностных окладов руководителей этих учреждений, (в ред. Постановления Правительства РФ от 14.01.2014 N 20)

Основной персонал федерального учреждения — работники федерального учреждения, непосредственно оказывающие услуги (выполняющие работы), направленные на достижение определенных уставом федерального учреждения целей деятельности этого учреждения, а также их непосредственные руководители.

Вспомогательный персонал федерального учреждения — работники федеральных учреждений, создающие условия для оказания услуг (выполнения работ), направленных на достижение определенных уставом федерального учреждения целей деятельности этого учреждения, включая обслуживание зданий и оборудования.

Административно-управленческий персонал федерального учреждения - работники федерального учреждения, занятые управлением (организацией) оказания услуг (выполнения работ), а также работники федерального учреждения, выполняющие административные функции, необходимые для обеспечения деятельности федерального учреждения, (п. 7 в ред. Постановления Правительства РФ от 14.01.2014 N 20)

Выплаты компенсационного характера устанавливаются для руководителей федеральных учреждений, их заместителей и главных бухгалтеров в процентах к должностным окладам или в абсолютных размерах, если иное не установлено федеральными законами или указами Президента Российской Федерации, (в ред. Постановления Правительства РФ от 14.01.2014 N20)

Федеральные государственные органы, учреждения — главные распорядители средств федерального бюджета, в ведении которых находятся федеральные учреждения, устанавливают руководителям этих учреждений выплаты стимулирующего характера, (в ред. Постановления Правительства РФ от 14.01.2014 N20)

Руководителям федеральных учреждений - главных распорядителей средств федерального

бюджета выплаты стимулирующего характера устанавливаются Правительством Российской Федерации, (в ред. Постановления Правительства РФ от 14.01.2014 N 20)

В качестве показателя эффективности работы руководителя федерального учреждения по решению федерального государственного органа, федерального учреждения - главного распорядителя средств федерального бюджета, в ведении которого находится федеральное учреждение, а в отношении руководителя федерального учреждения - главного распорядителя средств федерального бюджета - по решению Правительства Российской Федерации может быть установлен рост средней заработной платы работников федерального учреждения в отчетном году по сравнению с предшествующим годом без учета повышения размера заработной платы в соответствии с решениями Правительства Российской Федерации, (в ред. Постановления Правительства РФ от 14.01.2014 N 20)

Соотношение средней заработной платы руководителей и средней заработной платы работников федеральных бюджетных и казенных учреждений, формируемых за счет всех финансовых источников, рассчитывается за календарный год. Определение размера средней Заработной платы осуществляется в соответствии с методикой, используемой при определении средней заработной платы работников для целей статистического наблюдения, утвержденной федеральным органом Исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере официального статистического учета, (в ред. Постановления Правительства РФ от 14.01.2014 N20)

Предельный уровень соотношения средней заработной платы руководителей федеральных бюджетных и казенных учреждений и средней заработной платы работников этих учреждений устанавливается федеральным государственным органом, осуществляющим функции и полномочия учредителя соответствующих учреждений, в кратности от 1 до 8. (абзац введен Постановлением Правительства РФ от 26.09.2012 N 975, в ред. Постановления Правительства РФ от 14.01.2014 N 20)

Предельный уровень соотношения средней заработной платы руководителя федерального бюджетного и казенного учреждения и средней заработной платы работников этого учреждения в кратности от 1 до 8 может быть увеличен по решению федерального государственного органа - главного распорядителя средств федерального бюджета, в ведении которого находится федеральное бюджетное и (или) казенное учреждение, в отношении руководителя учреждения, которое включено в соответствующий перечень, утверждаемый Правительством Российской Федерации, за исключением федеральных учреждений, указанных в пункте 10(1) настоящего Положения, (в ред. Постановления Правительства РФ от 14.01.2014 N20)

Руководителю федерального учреждения выплаты стимулирующего характера выплачиваются по решению федерального органа исполнительной власти (государственного органа), федерального учреждения - главного распорядителя средств федерального бюджета, в ведении которого находится федеральное учреждение, с учетом достижения показателей государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ), а также иных показателей эффективности деятельности федерального учреждения и его руководителя, (в ред. Постановления Правительства РФ от 14.01.2014 N20)

Условия оплаты труда руководителей федеральных учреждений устанавливаются в трудовом договоре, заключаемом на основе типовой формы трудового договора, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2013 г. N 329 «О типовой форме трудового договора с руководителем государственного (муниципального) учреждения", (абзац введен Постановлением Правительства РФ от 14.01.2014 N20)

Штатное расписание федерального учреждения утверждается руководителем этого учреждения и включает в себя все должности служащих (профессии рабочих) данного учреждения, (в ред. Постановления Правительства РФ от 14.01.2014 N 20)

Для федеральных учреждений, функции и полномочия учредителя которых осуществляет Правительство Российской Федерации, размер предельного уровня соотношения средней заработной платы руководителя федерального учреждения и средней заработной платы работников этого учреждения устанавливается Правительством Российской Федерации или уполномоченным им федеральным органом исполнительной власти.

Федеральные государственные органы, осуществляющие функции и полномочия учредителя федеральных учреждений, и федеральные учреждения - главные распорядители средств федерального бюджета, в ведении которых находятся федеральные учреждения, могут устанавливать предельную долю оплаты труда работников административно-управленческого и вспомогательного персонала в фонде оплаты труда подведомственных федеральных учреждений (не

более 40 процентов), а также перечень должностей, относимых к административно-управленческому и вспомогательному персоналу этих учреждений.

Фонд оплаты труда работников федерального казенного учреждения формируется исходя из объема бюджетных ассигнований на обеспечение выполнения функций федерального казенного учреждения и соответствующих лимитов бюджетных обязательств в части оплаты труда работников указанного учреждения, (п. 11 в ред. Постановления Правительства РФ от 14.01.2014 N 20).

Бюджетные организации наряду с основной могут заниматься предпринимательской деятельностью. В этом случае часть работников организации оплачивается по формам и системам оплаты труда, применяемым в соответствующих отраслях народного хозяйства.

Основными видами оплаты труда являются повременная, сдельная и аккордная. Первые два вида оплаты труда имеют свои системы: простая повременная, повременно-премиальная, прямая сдельная, сдельно премиальная, сдельно-прогрессивная, косвенно-сдельная.

При повременной оплате оплата производится за определенное количество отработанного времени независимо от количества выполненных работ.

Заработок рабочих определяют умножением часовой или дневной тарифной ставки его разряда на количество отработанных им часов или дней. Заработок других категорий работников определяют следующим образом: если эти работники отработали все рабочие дни месяца, то их оплату составят установленные для них оклады; если же они отработали неполное число рабочих дней, то их заработок определяют делением установленной ставки на календарное количество рабочих дней и умножением полученного результата на количество оплачиваемых за счет предприятия рабочих дней.

При повременно-премиальной системе оплаты труда к сумме заработка по тарифу прибавляют премию в определенном проценте к тарифной ставке или к другому измерителю. Первичными документами по учету труда работников при повременной оплате являются табели.

При прямой сдельной системе оплата труда рабочих осуществляется за число единиц изготовленной ими продукции и выполненных работ исходя из твердых сдельных расценок, установленных с учетом необходимой квалификации.

Сдельно-премиальная система оплаты труда рабочих предусматривает премирование за перевыполнение норм выработки и достижение определенных качественных показателей (отсутствие брака, рекламации и т.п.).

При сдельно-прогрессивной системе оплата повышается за выработку сверх нормы.

При косвенно-сдельной системе оплата труда наладчиков, комплектовщиков, помощников мастеров и других рабочих осуществляется в процентах к заработку основных рабочих обслуживаемого участка.

Труд некоторых работников иногда оплачивается и по сдельной, и по повременной оплате труда, например, оплата труда руководителя небольшого коллектива, который совмещает руководство коллективом (повременная оплата) с непосредственной производственной деятельностью, оплачиваемой по сдельным расценкам.

Аккордная оплата труда предусматривает определение совокупного заработка за выполнение определенных стадий работы или производство определенного объема продукции.

Расчет заработка при сдельной оплате труда осуществляется по документам о выработке.

Для более полного учета трудового вклада каждого рабочего в результаты труда бригады с согласия ее членов могут использоваться коэффициенты трудового участия (КТУ).

Для правильного начисления оплаты труда рабочим большое значение имеет учет отступлений от нормальных условий работы, которые требуют дополнительных затрат труда и оплачиваются дополнительно к действующим расценкам на сдельную работу. Доплаты оформляют следующими документами:

дополнительные операции, не предусмотренные технологией: Производства, - нарядом на сдельную работу, который обычно содержит какой-либо отличительный знак (например, яркая черта по диагонали); отклонения от нормальных условий работы — листком на доплату, который выписывают на бригаду или отдельного рабочего. В нем указывают номер основного документа (наряда, ведомости и др.), к которому производится доплата, содержание дополнительной операции, причину и виновника доплат и расценку; Простои не по вине рабочих — листком учета простоев, в котором указывают время начала, окончания и длительности простоя, причины и виновников простоя и причитающуюся рабочим за простой сумму оплаты. Время простоя по вине работодателя оплачивается в размере не менее двух третей среднего заработка работника. Простои по вине рабочих не оплачивают и документами не оформляют.

Неисправимый, или окончательный, брак оформляют актом о браке или ведомостью о браке, кроме того, его отмечают в первичных документах по учету выработки. Исправимый брак актом или ведомостью о браке не оформляют.

Брак не по вине работника оплачивается наравне с годными изделиями. Полный брак по вине работника оплате не подлежит. Частичный брак по вине работника оплачивается по пониженным расценкам в зависимости от степени годности продукции.

Оплата часов ночной работы (с 22 до 6 ч). Час ночной работы оплачивается в повышенном размере, предусмотренном коллективным договором организации, но не ниже размеров, установленных законодательством. Продолжительность ночной работы (смены) сокращается на 1 ч.

Оплата часов сверхурочной работы. Сверхурочные работы допускаются в исключительных случаях. Работа в сверхурочное время оплачивается за первые два часа не менее чем в полуторном размере, а за последующие часы - не менее чем в двойном размере за каждый час сверхурочной работы. Сверхурочные работы не должны превышать для каждого работника четырех часов в течение двух дней подряд и 120 ч в год.

К сверхурочным работам и к работе в ночное время не допускаются беременные женщины, работники моложе 18 лет, работники других категорий, установленных законодательством.

Оплата работы в выходные и праздничные дни. Работа в выходные и праздничные дни компенсируется работнику предоставлением другого дня отдыха или, по соглашению сторон, в денежной форме. Работа в выходные и праздничные дни оплачивается не менее чем в двойном размере:

1. сдельщикам - не менее чем по двойным сдельным расценкам;
2. оплачиваемым по часовым (дневным) ставкам - в размере не менее двойной часовой (дневной) ставки;
3. получающим месячный оклад - в размере не менее одной часовой (дневной) ставки сверх оклада, если работа проводилась в пределах месячной нормы рабочего времени, и в размере не менее двойной часовой (дневной) ставки сверх оклада, если работа проводилась сверх месячной нормы.

Оплата очередных отпусков. Право на отпуск работникам предоставляется по истечении 6 месяцев непрерывной работы на данном предприятии. За работником, находящимся в отпуске, сохраняют его средний заработок.

Оплата перерывов в работе кормящих матерей. Работающим женщинам, имеющим детей в возрасте до 1,5 лет, установлены дополнительные перерывы. Время этих перерывов засчитывается в счет рабочего времени и подлежит оплате в размере среднего заработка.

Пособия по временной нетрудоспособности выплачивают рабочим и служащим за счет отчислений на социальное страхование. Основанием для выплаты пособий являются больничные листы, выдаваемые лечебными учреждениями и подписанные профсоюзным органом. Размер пособия по временной нетрудоспособности зависит от стажа работы сотрудника и его среднего заработка: при непрерывном стаже работы до пяти лет - 60% заработка; от пяти до восьми лет - 80% заработка, от восьми лет и более - 100% заработка.

Независимо от стажа работы пособие выдается в размере 100%:

- вследствие трудового увечья или профессионального заболевания;
- работающим инвалидам Великой Отечественной войны и другим инвалидам, приравненным по льготам к инвалидам Великой Отечественной войны;
- лицам, имеющим на своем иждивении трех детей и более, не достигших 16 лет (учащиеся - 18 лет);
- по беременности и родам.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Подготовка кадров высшей категории в уголовно-исполнительной системе/ Антропогогика. 2025. № 3(19). С. 8-16.

[2] Фадеева С. А., Вилкова А. В. Уголовно-исполнительная система и пенитенциарная пробация: профессиональная готовность // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 147-154.

[3] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Трудности подготовки научно-педагогических кадров высшей категории в уголовно-исполнительной системе // в сборнике: XI педагогические чтения, посвященные памяти профессора С. И. Злобина. Сборник материалов. Пермь. 2025. С. 14-22.

[4] Мешкова Л. В., Вилкова А. В. К вопросу о развитии социальной активности будущих сотрудников ФСИН в процессе социально-психологического тренинга // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 3(25). С. 212-218.

[5] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Научно-педагогические кадры и их подготовка в адъюнктуре образовательных организаций ФСИН России // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 2(13). С. 47-54.

[6] Вилкова А. В., Ковтуненко Л. В., Лукашенко Д. В. Программа подготовки педагогических кадров: структурно-содержательная модель обучения взрослых / Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 89-2. С. 68-71.

References:

[1] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Training of the highest category in the penal system/Anthropology. 2025. № 3(19). S. 8-16.

[2] Fadeeva S. A., Vilkova A. V. Criminal executive system and penitentiary probation: professional readiness//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 147-154.

[3] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Difficulties in training scientific and pedagogical personnel of the highest category in the penal system//in the collection: XI pedagogical readings dedicated to the memory of Professor S. I. Zlobin. Collection of materials. Perm. 2025. S. 14-22.

[4] Meshkova L.V., Vilkova A.V. On the development of social activity of future employees of the Federal Penitentiary Service in the process of social and psychological training//Military legal and humanitarian sciences of Siberia. 2025. № 3(25). S. 212-218.

[5] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Scientific and pedagogical personnel and their training in the adjunct of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia//Issues of modern science and practice. 2025. № 2(13). S. 47-54.

[6] Vilkova A. V., Kovtunenko L. V., Lukashenko D. V. Teacher training program: structural-content model of adult education/Problems of modern pedagogical education. 2025. № 89-2. S. 68-71.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-516-519

ШАТВЕРЯН Нелли Григорьевна,
доцент кафедры гражданского права
Ростовского государственного экономического
университета (РИНХ),
e-mail: nelli_o@mail.ru

ПШЕНИЧНАЯ Мария Александровна,
студент 2 курса очной формы обучения
по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция
Ростовского государственного экономического
университета (РИНХ),
e-mail: psheni4najamar@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОХРАНЕНИЯ ЗАНЯТОСТИ И ПОДДЕРЖКИ РАБОТНИКОВ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ

Аннотация. *В статье анализируются правовые аспекты, связанные с сохранением занятости и поддержкой работников в условиях экономических кризисов. Показано, что при наличии развитой нормативной базы (Конституция РФ, Трудовой кодекс РФ, законодательство о занятости, специальные антикризисные меры) сохраняются проблемы недостаточно высоких социальных гарантий, неполной защиты работников и ограниченной гибкости правового регулирования [1–4]. Обосновано наличие разрыва между формально закреплёнными гарантиями и реальными потребностями участников рынка труда в кризисных ситуациях. Предлагается комплекс направлений совершенствования правовых механизмов: усиление страхования от безработицы, развитие механизмов субсидируемого сокращения рабочего времени, упрощение доступа к мерам поддержки, расширение охвата самозанятых и малого бизнеса мерами поддержки, а также использование зарубежного опыта. Сделан вывод о необходимости дальнейшего развития правовых инструментов для обеспечения устойчивости занятости и социальной защищённости граждан в периоды экономической нестабильности.*

Ключевые слова: *занятость, экономический кризис, трудовые права, пособие по безработице, антикризисное регулирование, социальная защита, субсидирование занятости.*

SHATVERYAN Nelly Grigoryevna,
Associate Professor, Department of Civil Law
Rostov State University of Economics (RINH)

PSHENICHNAYA Maria Aleksandrovna,
Second-year full-time student in training
for 40.03.01 Jurisprudence
Rostov State University of Economics (RINH)

LEGAL ASPECTS OF PRESERVING EMPLOYMENT AND SUPPORTING WORKERS IN CONDITIONS OF ECONOMIC CRISES

Annotation. *The article analyzes the legal aspects related to maintaining employment and supporting workers during economic crises. It is shown that despite the presence of a developed regulatory framework (the Constitution of the Russian Federation, the Labor Code of the Russian Federation, employment legislation, special anti-crisis measures), problems of insufficient social guarantees, incomplete protection of workers and limited flexibility of legal regulation persist [1-4]. The existence of a gap between formally enshrined guarantees and the real needs of labor market participants in crisis situations is substantiated. A set of directions for*

improving legal mechanisms is proposed: strengthening unemployment insurance, developing mechanisms for subsidized reduction of working hours, simplifying access to support measures, expanding the coverage of the self-employed and small businesses with support measures, as well as drawing on international experience. A conclusion is made on the need for further development of legal instruments to ensure the stability of employment and social protection of citizens during periods of economic instability.

Key words: *employment, economic crisis, labor rights, unemployment benefits, anti-crisis management, social protection, employment subsidies*.

Актуальность темы обусловлена высокой социальной значимостью занятости в периоды экономических кризисов. В кризисные периоды резко возрастает риск массовых увольнений и существенного сокращения рабочих мест, что негативно сказывается на уровне жизни населения и на темпах экономического развития страны [5]. Так, в условиях кризиса возможно резкое увеличение уровня безработицы, что ставит под угрозу социальную стабильность. Кризис COVID-19 наглядно выявил слабые стороны существующего правового регулирования занятости: действующие нормы оказались недостаточно гибкими для предотвращения всплеска безработицы и сохранения рабочих мест в чрезвычайной ситуации.

Несмотря на наличие развитой правовой базы и антикризисных мер, не все категории работников охвачены действующими гарантиями, и сохраняются проблемы, связанные с недостаточным уровнем социальных гарантий и неполной защитой трудящихся. Это подтверждается тем, что даже при формальном соблюдении установленных норм ряд потребностей участников рынка труда в кризисных условиях остаётся неудовлетворенным. Таким образом, обеспечение сохранения занятости становится приоритетной задачей государственной социальной политики в период кризиса. Примером этому служат решения, принимаемые в Российской Федерации во время пандемии: были оперативно приняты меры поддержки экономики и рынка труда.

Однако одного наличия правовых норм недостаточно, если их реализация сталкивается с затруднениями на практике. Необходимо не только совершенствовать содержание законодательства, но и повышать эффективность механизмов его применения [6].

В настоящее время основными правовыми механизмами сохранения занятости в условиях кризиса являются меры, предусмотренные трудовым законодательством и специальными нормативными актами. К таким мерам относятся, в частности, предоставление работодателям возможности вводить режим неполного рабочего времени, режим простоя или удалённую работу, что позволяет гибко реагировать на снижение экономической активности. Кроме того, предусмотрено повышение размеров пособий по безработице и упрощение процедур их получения. Так, в 2020 году был временно увеличен максимальный размер пособия по безработице и упрощён порядок его назначения, что дало возможность большему числу уволенных работников своевременно получать выплаты. Однако даже с учётом этих изменений минимальный размер пособия остаётся низким и мало влияет на доходы граждан.

Практика показала, что стандартные процедуры предоставления социальных гарантий не всегда достаточно оперативны и гибки в условиях острых кризисных явлений. Например, существующая система страхования от безработицы характеризуется ограниченным периодом выплаты и охватывает не всех нуждающихся, вследствие чего часть работников оказывается без поддержки. В то же время оперативность реализации мер имеет существенное значение: помощь должна предоставляться быстро, пока кризисные последствия не усугубились.

Следует отметить, что государство принимает дополнительные антикризисные решения для поддержки занятости. В период пандемии COVID-19 правительство РФ ввело специальные правила, позволявшие работодателям временно перевести работников на удалённую работу без ухудшения условий оплаты труда, а также субсидировало найм безработных граждан. Эти шаги способствовали сдерживанию роста безработицы. Тем не менее, их реализация на практике осложнена бюрократическими барьерами и недостаточной осведомлённостью работодателей о новых возможностях. Упрощение доступа к мерам государственной поддержки способно ускорить получение помощи и смягчить негативные последствия кризиса для работников.

Кроме того, требуются более широкие меры, охватывающие те группы, которые ранее не считались объектом особой защиты, например самозанятые и работники малого бизнеса. Не все из них могут воспользоваться существующими программами поддержки, поскольку некоторые программы рассчитаны преимущественно на официально оформленных работников крупных предприятий. Расширение охвата мер поддержки на самозанятых и малые предприятия позволило

бы снизить социальную напряжённость и предотвратить рост неформальной занятости в кризисных условиях [7].

Важное значение имеет обращение к зарубежным практикам. Зарубежный опыт (например, Германии) показывает эффективность таких инструментов, как компенсация государством части утраченного заработка при сокращении рабочего времени работников. В Германии в период кризиса успешно действует механизм короткого рабочего дня (Kurzarbeit), в рамках которого государство покрывает значительную часть (до 60–67%) заработка работников, вынужденно работающих неполный день, что позволяет быстро стабилизировать рынок труда и сохранить рабочие места. Российская практика пока не располагает аналогичным по масштабу механизмом прямого субсидирования сохранённых рабочих мест, хотя отдельные шаги предпринимаются (например, программы субсидирования найма безработных). Следует учитывать, что меры поддержки занятости, показавшие свою результативность за рубежом, зачастую требуют адаптации к отечественным условиям правового регулирования труда. Тем не менее, использование элементов успешных иностранных подходов может восполнить пробелы национальной системы и повысить её эффективность в условиях кризиса.

Таким образом, проведённый анализ свидетельствует о том, что правовые аспекты сохранения занятости и поддержки работников в период экономических потрясений требуют дальнейшего совершенствования.

Необходимо:

– усилить систему страхования от безработицы – как в части увеличения размеров и продолжительности выплаты пособий, так и в части охвата страховой защитой более широкого круга работников;
– развивать механизмы прямого субсидирования занятости, например стимулировать работодателей сохранять рабочие места через частичную компенсацию их затрат на оплату труда;
– упростить доступ работодателей и работников к мерам государственной поддержки, сокращая избыточные административные процедуры и повышая информированность о доступных программах;
– расширить охват мерами поддержки наиболее уязвимых категорий – самозанятых, работников малых и средних предприятий, лиц с нестандартными формами занятости, которые в наименьшей степени защищены текущим законодательством;
– активнее использовать международный опыт, адаптируя и внедряя проверенные практики, способствующие сохранению занятости, такие как программы поддержки сокращённой занятости и другие антикризисные инструменты, эффективно зарекомендовавшие себя за рубежом.

Реализация указанных направлений требует соответствующих изменений в нормативно-правовой базе и механизмов их воплощения. Законодательное закрепление новых мер должно сопровождаться детальной проработкой процедур их применения, чтобы обеспечить их действенность. При этом крайне важно, чтобы принимаемые меры были своевременными и адекватными масштабу кризисных явлений [8]. Если правовые решения запаздывают или оказываются слишком сложными для реализации, они не дают ожидаемого эффекта. Следовательно, государству необходимо обеспечивать мониторинг ситуации на рынке труда и готовность оперативно вносить изменения в трудовое законодательство и связанные с ним акты при появлении признаков экономической нестабильности.

Подводя итог, можно сделать вывод, что экономические кризисы обнажают как сильные, так и слабые стороны действующего трудового законодательства. Благодаря уже существующим нормам удаётся избежать полного коллапса рынка труда, однако имеющихся механизмов недостаточно для гарантированного сохранения занятости на прежнем уровне. Требуется дальнейшее развитие правовых инструментов обеспечения занятости и социальной защиты работников. Законодательные новации должны быть нацелены на повышение гибкости регулирования трудовых отношений в чрезвычайных ситуациях, усиление социальных гарантий для работников и создание условий для более активного участия государства в сохранении рабочих мест. Лишь при условии комплексного совершенствования правовых механизмов можно обеспечить устойчивость занятости и надлежащую защиту трудовых прав граждан в период экономических кризисов.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с изм. по состоянию на 06.10.2022) // Российская газета. 1993. 25 дек. № 237.

[2] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3.

[3] Федеральный закон от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О занятости населения в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 51.

[4] Постановление Правительства Российской Федерации от 17 октября 2025 г. № 1616 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации “Содействие занятости населения”» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru).

[5] Копыток В. К., Кузьмина Ю. В. Безработица времён COVID-19: что могут рассказать административные данные? / Центр перспективных управленческих решений. – М.: ЦПУР, 2020. – 38 с.

[6] Кубишин Е. С. Неформальная занятость в современной России: прежние проблемы и новые реалии // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 4. С. 521–534.

[7] Принят закон о поддержке рынка труда в период кризиса // РБК. 2008. 19 дек.

[8] Правительство разработало план восстановления экономики и доходов россиян // РБК. 2020. 2 июня.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 (as amended as of 06.10.2022) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. Dec 25 No. 237.

[2] Labor Code of the Russian Federation No. 197-FZ dated December 30, 2001 (as amended on 29.09.2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part I). Art. 3.

[3] Federal Law of December 12, 2023 No. 565-FZ (as amended by 08.08.2024) “ On Employment of the Population in the Russian Federation “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. № 51.

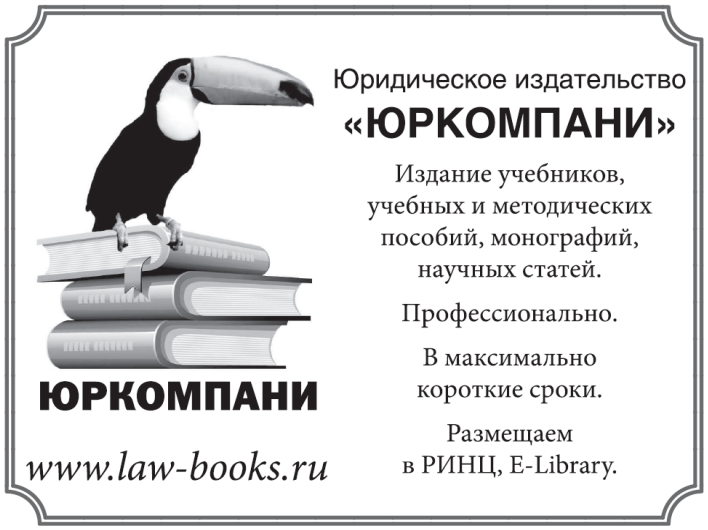
[4] Decree of the Government of the Russian Federation of October 17, 2025 No. 1616 “On Amendments to the State Program of the Russian Federation” Promotion of Employment “//Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru).

[5] Kopyshk V.K., Kuzmina Yu.V. Unemployment from the time of COVID-19: what can administrative data tell ?/Center for Advanced Management Solutions. - MOSCOW: CPUR, 2020. - 38 s.

[6] Kubishin E. S. Informal employment in modern Russia: previous problems and new realities// Standard of living of the population of the regions of Russia. 2022. T. 18. № 4. S. 521-534.

[7] A law was passed to support the labor market during the crisis//RBC. 2008. Dec. 19

[8] The government has developed a plan to restore the economy and incomes of Russians//RBC. 2020. June 2.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-520-523

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат юридических наук,
e-mail: yutish@list.ru

ОСОБЕННОСТИ И СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос особенностей и специфики социально-экономических и социально-трудовых отношений в уголовно-исполнительной системе.*

Ключевые слова: *социально-экономические отношения, социально-трудовые отношения, информация уголовно-исполнительный кодекс, учреждения уголовно-исполнительной системы*.

TISHCHENKO Yuri Yurievich,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation; Candidate of Legal Sciences

FEATURES AND SPECIFICS OF SOCIO-ECONOMIC AND SOCIO-LABOR RELATIONS OF THE PENAL SYSTEM

Annotation. *The article examines the issue of the specifics and specifics of socio-economic and socio-labor relations in the penal system.*

Key words: *socio-economic relations, social and labor relations, information on the penal enforcement code, institutions of the penal system.*

Основными целями законодательства Российской Федерации о бухгалтерском учете являются: обеспечение единообразного ведения учета имущества, обязательств и хозяйственных операций, осуществляемых организациями; составление и представление сопоставимой и достоверной информации об имущественном положении организаций и их доходах, и расходах, необходимой пользователям бухгалтерской отчетности.

Учреждения уголовно-исполнительной системы осуществляют наказание в виде ограничения свободы, ареста, лишения свободы и смертной казни. Термин «учреждения уголовно-исполнительной системы» впервые используется УИК. Тем самым заложена правовая основа для выделения определенных видов учреждений и органов, исполняющих наиболее часто применяемые судами наказания и одновременно наиболее затратные в организационном и финансовом отношении, в самостоятельную систему.

Впервые в нормативный оборот этот термин был введен Законом 1993г. «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». В соответствии с Законом в данную систему были включены учреждения, исполняющие лишение свободы и смертную казнь. УИК включил в нее учреждения, исполняющие ограничение свободы, - исправительные центры. Создание обособленной уголовно-исполнительной системы направлено на совершенствование ее управления и организации деятельности, а также на обеспечение правовой защиты персонала этих учреждений.

Деятельность уголовно-исполнительной системы осуществляется на основе принципов законности, гуманизма, уважения прав человека.

Интересы исправления осужденных не должны подчиняться цели получения прибыли от их труда.

Уголовно-исполнительная система включает в себя: учреждения, исполняющие наказания; территориальные органы уголовно-исполнительной системы; федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный в области исполнения наказаний (далее - федеральный орган уголовно-исполнительной системы).

В уголовно-исполнительную систему по решению Правительства Российской Федерации могут входить следственные изоляторы, пред-

приятия, специально созданные для обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы, научно-исследовательские, проектные, лечебные, учебные и иные учреждения.

Виды убеждений, исполняющих наказания, определяются Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации. Учреждения, исполняющие наказания, являются юридическими лицами.

Решения о создании и ликвидации учреждений, исполняющих наказания, принимаются Правительством Российской Федерации по согласованию с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Учреждения, исполняющие наказания, участвующие в многоцелевом пользовании лесным фондом Российской Федерации и дальнейшей переработке древесины в едином технологическом цикле, относятся к учреждениям с особыми условиями хозяйственной деятельности. Места их расположения определяют территориальные органы уголовно-исполнительной системы. По решению федерального органа уголовно- исполнительной системы могут создаваться объединения учреждений с особыми условиями хозяйственной деятельности, которые имеют обязанности и права учреждений, исполняющих наказания.

Штатная численность персонала сохраняется неизменной в течение двух лет при уменьшении численности осужденных в случаях проведения амнистии, изменения законодательства Российской Федерации, условий исполнения наказаний и в других случаях в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации.

Предприятия учреждений, исполняющих наказания, предназначены для привлечения осужденных к труду и обучения их общественно значимым профессиям и создаются при одном учреждении, исполняющем наказания, или объединении учреждений с особыми условиями хозяйственной деятельности как структурные подразделения этих учреждения или объединения учреждений.

Учредителем предприятий учреждений, исполняющих наказания, является федеральный орган уголовно-исполнительной системы, который утверждает их уставы, разработанные учреждениями, исполняющими наказания, или объединениями учреждений с особыми условиями хозяйственной деятельности, и закрепляет за предприятиями учреждений, исполняющих наказания, федеральное имущество.

Предприятия учреждений, исполняющих наказания, по своей организационно-правовой форме являются государственными унитарными предприятиями.

Предприятия учреждений, исполняющих наказания, осуществляют свою деятельность в соответствии с законодательством Российской Федерации с учетом следующих особенностей:

- создание, реорганизация и ликвидация предприятий учреждений, исполняющих наказания, распоряжение их имуществом осуществляются федеральным органом уголовно-исполнительной системы и его территориальными органами;
- руководство предприятиями учреждений, исполняющих наказания, осуществляется начальниками этих учреждений либо руководителями объединений учреждений с особыми условиями хозяйственной деятельности;
- перечни должностей в штатах предприятий учреждений, исполняющих наказания, замещаемых лицами, имеющими специальные звания сотрудников уголовно-исполнительной системы, утверждаются ФСИН России;
- предприятия учреждений, исполняющих наказания, производят обязательные отчисления из прибыли в специальные внебюджетные фонды, создаваемые федеральным органом уголовно-исполнительной системы и его территориальными органами для оказания финансовой помощи отдельным учреждениям, исполняющим наказания, и предприятиям учреждений, исполняющих наказания, и финансирование программ развития уголовно-исполнительной системы;
- предприятия учреждений, исполняющих наказания, самостоятельно планируют свою деятельность и определяют перспективы развития с учетом необходимости создания достаточного количества рабочих мест для осужденных;
- на предприятия учреждений, исполняющих наказания, не распространяется действие антимонопольного законодательства Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Ковтуненко Л. В., Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта в профессиональном становлении молодого ученого // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2025. № 3. С. 62-65.

[2] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Самооценка личности несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практтика. Материалы Всероссийской научно-практической

конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимоноа. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 87-93.

[3] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-рефлексивный подход при повышении квалификации управленческого персонала УИС / В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 9-14.

[4] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[5] Вилкова А. В., Казберов П. Н. Психологическая проблема личности несовершеннолетних в уголовно-исполнительной системе/ В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 84-92.

[6] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Уголовно-исполнительная система: подготовка научных кадров высшей категории / В сборнике: VII Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». Сборник тезисов выступлений и докладов участников VII международного пенитенциарного форума, приуроченного к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне и Году защитника Отечества. В 5-ти томах. Рязань, 2025. С. 68-73.

[7] Вилкова А. В., Дмитриев Г. Г. Коллектив сотрудников в уголовно-исполнительной системе / В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. ежеквартальное научно-практическое издание. Москва, 2025. С. 67-71.

[8] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Социально-педагогическая запущенность и делинквентность несовершеннолетних // В сборнике: Уголовно-исполнительная система: история и современность. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Псков. 2025. С. 65-68.

[9] Вилкова А. В., Фадеева С. А., Полякова Я. Н. Дополнительное профессиональное образование сотрудников уголовно-исполнительной системы // В сборнике: Пенитенциарная и постпенитенциарная ресоциализация осужденных: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Владимир. 2025. С. 38-44.

[10] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Делинквентность несовершеннолетних социально-педагогическая запущенность / В сборнике 3 года вместе: закон, порядок, справедливость. Сборник научных статей Международного форума, посвященного Дню воссоединения ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей с Российской Федерацией. Луганск, 2025. С. 36-38.

[11] Казберов П.Н., Вилкова А. В. Системное планирование профессиональной подготовки пенитенциарных психологов к работе с лицами, осужденными за террористические и экстремистские преступления / В сборнике: Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 26-33.

[12] Вилкова А. В., Лещенко С. А. Неблагополучная семья как фактор дисгармоничного развития нравственного сознания личности / В сборнике: Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 105-111.

[13] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. База данных тестовых заданий к курсу лекций «Воспитательная работа с осужденными для образовательных организаций ФСИН России. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623480. 22.08. 2025. Заявка № 2025623025 от 14.08.2025.

References:

[1] Kovtunenko L.V., Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject in the professional development of a young scientist//Bulletin of Voronezh State University. Series: Higher Education Challenges. 2025. № 3. S. 62-65.

[2] Vilkova A. V., Lukashenko D. V. Self-assessment of the personality of juvenile convicts/In the collection: The penal system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonoa. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of round-table articles. Tver, 2025. S. 87-93.

[3] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. A socially reflective approach to advanced training of management personnel of the penal system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 9-14.

[4] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the col-

lection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[5] Vilkova A.V., Kazberov P.N. Psychological problem of the personality of minors in the penal system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 84-92.

[6] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Penal system: training of scientific personnel of the highest category/In the collection: VII International Penitentiary Forum "Crime, Punishment, Correction." Collection of abstracts and reports of participants of the VII International Penitentiary Forum, dedicated to the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War and the Year of Defender of the Fatherland. In 5 volumes. Ryazan, 2025. S. 68-73.

[7] Vilkova A. V., Dmitriev G. G. Collective of employees in the penitentiary system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. quarterly scientific and practical publication. Moscow, 2025. S. 67-71.

[8] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Socio-pedagogical neglect and delinquency of minors//In the collection: The penal system: history and modernity. Collection of materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference with international participation. Pskov. 2025. S. 65-68.

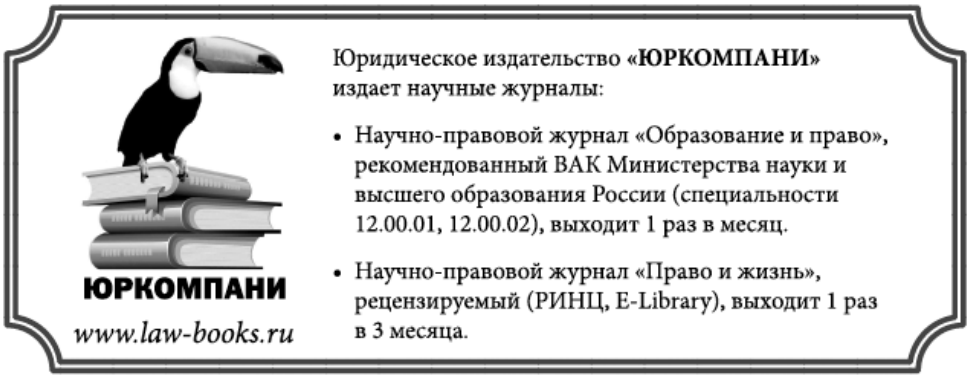
[9] Vilkova A. V., Fadeeva S. A., Polyakova Y. N. Additional professional education of employees of the penitentiary system//In the collection: Penitentiary and post-penitentiary resocialization of convicts: problems and prospects. Collection of scientific works of the international scientific-practical conference. Vladimir. 2025. S. 38-44.

[10] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Delinquency of minors social and pedagogical neglect/In the collection 3 years together: law, order, justice. Collection of scientific articles of the International Forum dedicated to the Day of reunification of the DPR, LPR, Zaporizhzhya and Kherson regions with the Russian Federation. Lugansk, 2025. S. 36-38.

[11] Kazberov P.N., Vilkova A.V. Systematic planning of professional training of penitentiary psychologists to work with persons convicted of terrorist and extremist crimes/In the collection: Extreme psychology and pedagogy: modern trends and promising studies. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 26-33.

[12] Vilkova A.V., Leshchenko S.A. Dysfunctional family as a factor in the disharmonious development of moral consciousness of the individual/In the collection: Extreme psychology and pedagogy: modern trends and promising research. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 105-111.

[13] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Database of test assignments for the course of lectures "Educational work with convicts for educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Certificate of registration of the RU 2025623480 database. 22.08. 2025. Request No. 2025623025 dated 14.08.2025.

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-524-527

АМИНОВ Ильдар Ринатович,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника научно-исследовательского отдела
Уфимского юридического института МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ГОЛУБЕВ Игорь Викторович,
преподаватель кафедры организации
охраны общественного порядка Тюменского института
повышения квалификации МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА

Аннотация. *В статье рассматривается актуальная проблема киберпреступности и мошенничества, с использованием электронных средств платежа. Приведена четкая статистика и зафиксировано резкое увеличение совершаемых преступлений данного вида. Рассмотрены детерминанты совершения подобного рода преступлений, определены причины совершения мошенничества с использованием электронных средств платежей, так как причины и порождают возрастание уровня преступности.*

Ключевые слова: *мошенничество, кража с банковского счета, мошенничество с использованием электронных средств платежа, киберпреступность, закрепление в законодательстве, личность киберпреступника.*

AMINOV Ildar Rinatovich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Deputy Head of the Research Department Ufa Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

GOLUBEV Igor Viktorovich,
Lecturer of the Department of Public Order Protection
Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF E-COMMERCE SCAMMING

Annotation. *The article discusses the current problem of cybercrime and fraud using electronic means of payment. Clear statistics are provided and a sharp increase in the number of crimes of this type is recorded. The determinants of committing such crimes are considered, and the causes of committing fraud using electronic means of payment are identified, as these causes contribute to the increase in the level of crime.*

Key words: *fraud, bank account theft, electronic payment fraud, cybercrime, legal enforcement, cybercriminal identity.*

Преступность как свойство человеческого общежития в масштабе мирового уровня его организации имеет место, и, вероятно, будет характеризовать всегда. В условиях многогранности развития всех сфер общественных отношений и их мобильности следует закономерное изменение структуры преступности, ее усложнение с составлением удельной части в сфере телекоммуникационных технологий [1; с.20].

С развитием информационных технологий наш мир значительно преобразился. Электронные устройства стали доступны каждому, многие привычные сейчас для нас вещи постепенно

перешли из реального в виртуальное пространство. Материальные платежные инструменты уступают место виртуальным финансовым активам. Цифровые деньги и безналичные расчеты становятся неотъемлемой частью современной экономической системы. Научно-технический прогресс открыл множество перспектив для развития общества. Изменились методики передачи данных, введен электронный документооборот и повсеместно внедряются онлайн-коммуникации [2; с.93].

Появились новые схемы мошенничества, поэтому в настоящее время следует быть бдительным и очень внимательным при совершении различных действий с использованием электронных устройств, особенно если это касается выполнения электронных платежей. Ведь при недостаточной осведомленности интернет-пользователь рискует попасть в очень сложное положение, потерять свои финансы или столкнуться с утечкой информации, своих персональных данных.

Отсутствие должной бдительности во время использования современных средств дистанционного банковского обслуживания неизбежно влечет за собой риски возникновения угроз криминального характера. Стоит учитывать, что мошенники используют очень хитрые уловки, проворачивая криминальные хакерские махинации, заставляют потенциальных жертв добровольно раскрывать свои личные данные, информацию о паролях, банковских реквизитах [3; с.109].

Сейчас данная тема очень актуальна, так как преступления подобного рода распространены во всем мире, соответственно в нашей стране ситуация обстоит таким же образом.

25 марта 2019 года состоялось заседание общественного совета, на котором выступил министр внутренних дел Российской Федерации Колокольцев В.А. Он отметил, что за последние годы количество киберпреступлений в стране увеличилось практически в 16 раз. В конце мая Банк России опубликовал статистику по операциям без согласия клиентов за первый квартал 2024 года. Количество мошеннических операций выросло почти на 17% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Также значительно увеличилось число атак, совершенных через систему быстрых платежей и электронные кошельки. В январе — марте 2024 года через систему быстрых платежей у граждан было похищено 1,13 миллиарда рублей, что в 2 раза превысило показатель первого квартала прошлого года[4]. Каждые полгода статистика растет и это серьезно подрывает общественную и финансовую безопасность как отдельных граждан так и всей страны.

За мошенничество с использованием электронных средств платежа предусмотрена реальная юридическая ответственность, которая регламентируется статьей 159.3 в уголовном законодательстве Российской Федерации. Появление нового вида мошенничества выявило необходимость отграничения на законодательном уровне «обычного, простого» мошенничества от мошенничества с использованием электронных средств платежа. Но ни в науке, ни в правоприменительной практике нет единого подхода к их существенному разграничению. Тяжесть наказания зависит от субъектов фигурируемых в деле. Объективной стороной данного вида мошенничества выступает факт хищения чужого имущества, совершаемого посредством электронных средств платежа. Обязательным признаком таких преступлений является само по себе электронное средство платежа. Определение закреплено в статье 3 Федерального закона «О национальной платежной системе». Субъективная сторона характеризуется виной в форме прямого умысла с корыстной целью. Это вывод сделан на основе суждения, что в случае заполучения денежных средств иного лица, злоумышленник пожелает присвоить их себе и воспользоваться ими.

Обратим внимание на детерминанты совершения преступлений подобного вида. Под детерминантами в криминологической науке понимается совокупность негативных условий, благодаря которым обуславливается высокий уровень преступности. Выделяют причины и условия совершения преступлений, а они действуют совместно, так как причина порождает следствие только с учетом наличия определенных условий в совокупности.

В случае обсуждения данной проблемы, можно выделить следующие причины мошенничества с использованием электронных средств платежа. Первоочередно выступают экономические процессы в стране, практически все население, начиная со школьников, заканчивая пенсионерами, постепенно перешло на электронные кошельки, пластиковые платежные карты. При этом стоит указать, что совсем немногие обладают знаниями о правилах безопасности в киберпространстве. В такой ситуации электронные деньги стали главной предвосхищаемой добычей для мошенников.

Немаловажную роль играют и внешние факторы, например, несовершенство нашего законодательства, все ведь прекрасно понимают, что преступления данного вида являются относительно новыми, так как широкое распространение в нашей стране получили лишь начиная с 2019 года, и, зачастую, случается так, что законодательство немного не успевает подстраиваться под новые тенденции. Конечно, со временем поя-

вились стратегии противодействующие киберпреступности, но они низкоэффективны и ограничены в своем применении. К внешним факторам также можно отнести социально-политическую ситуацию в стране, доступность высшего образования и его качество. Все эти факторы, сливаясь, формируют хорошую базу для осуществления отрицательных побуждений преступников[5; с.322].

Злоумышленники, как правило, обладают специальными квалифицированными знаниями и в сфере IT и в сфере психологии, поэтому у них достаточно легко получается войти в доверие и ввести свою жертву в подвешенное состояние паники и неосведомленности. Им без труда и каких-либо усилий удается провести неподготовленного человека и заставить его самого же сообщить свои персональные данные.

Личность преступника следует рассматривать не только с точки зрения понимания этого термина в юридическом смысле, как субъекта преступления, но стоит учитывать и общесоциологические и психологические признаки. На формирование осознанного побуждения человека осуществлять преступные замыслы влияет достаточный объем факторов в совокупности. Сюда же относятся и те, что были перечислены выше в виде детерминантов.

Киберпреступниками, как правило, являются лица более молодого возраста, это обуславливается тем, что старшее поколение менее «компьютеризировано», а навыки владения компьютером сейчас формируются уже в подростковом возрасте. Каждый преступник имеет свои личностные особенности, что касается киберпреступников – это люди, склонные к депрессии, тяжелым психологическим переживаниям. Пытаясь все это скрыть, они стараются компенсировать это большим самомнением. Совершая преступления подобного рода, они остаются обезличенными, при этом ощущают чувство превосходства над потерпевшим. Для киберпреступников важно комфортное место откуда они смогут спокойно совершать злодеяния. Дистанционность как раз таки и выступает главным условием совершения преступления. Что снова свидетельствует о неуверенности и, в какой-то степени, даже социофобии. Мошенники перед совершением преступления готовятся к нему, то есть детально изучают психологию потенциальных жертв, а также психологию поведения того лица, за которого они себя выдают. То есть мошенник скорее знакомится и применяет какие-либо профессиональные характеристики свойственные представителям определенной деятельности, для того чтобы быстро установить контакт и повысить степень доверия. Некоторые «наиболее подготовленные» специально ограничиваются кругом лиц, схожими по социальным характеристикам, например жертвы примерно одного возраста и схожего социального статуса. Делается это для того, чтобы облегчить или упростить сам процесс совершения преступления, ради экономии времени и извлечения наибольшей выгоды.

Как правило, на уловки мошенников чаще всего попадаются люди в возрасте. Это обусловлено их социальном статусом и возрастом, пожилые люди излишне доверчивы, обладают меньшей стрессоустойчивостью и более тревожны. В силу возраста и эмоционального состояния, они, как правило, не способны защитить свои права. Скорее это связано с тем, что люди данной категории находятся в некой изоляции от различных новшеств в сфере компьтеризации всех процессов. Со времени пандемии практически все сервисы перешли в электронный формат. Естественным образом, все, что связано с современными технологиями понимается и признается пожилыми людьми довольно сложно, поэтому они готовы поверить кому угодно и отдать все свои сбережения, чтобы, как им кажется на первый взгляд, обезопасить себя. Часты случаи, анонимных звонков пенсионерам от лжепредставителей банка, пенсионного фонда или лжесотрудников полиции с требованием перевести накопления на безопасный счет. Несомненно влияет на общую ситуацию факт доверчивости и наивности пенсионеров. Ведь они зачастую не имеют рядом близких родственников, которые могли бы оказать им поддержку и позаботиться о них. Поэтому легко входят в контакт с незнакомыми людьми. Вообще, пенсионеры, пожилые люли в целом являются наиболее беззащитной категорией граждан. Даже дети находятся под большей защитой государства, в нашей стране права несовершеннолетних в наиболее усиленной форме охраняются законом.

Таким образом, мы проанализировали основные аспекты мошенничества с использованием электронных средств платежа. Можно заключить, что данный вид мошенничества относительно недавно получил распространение, но уже представляет собой значительную опасность и требует проведения серьезных мер, направленных на недопущение и уменьшения статистики противоправных действий. В современных реалиях электронные средства платежа, платежные карты хоть и подвержены атакам мошенников, но так и остаются самым удобным на данный момент способом расчета. Развитие в этой сфере должно сопровождаться созданием эффективной системы управления, усовершенствованием нормативно-правовой базы в плане безопасности пользователей, а также усиления ответственности за совершение мошеннических действий с использованием электронных средств платежа.

Список литературы:

[1] Аминов, И. Р. К вопросу о предупреждении противоправного поведения в сфере информационно- телекоммуникационных-технологий / И. Р. Аминов // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения : Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Уфа, 03–04 апреля 2025 года. – Уфа: Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2025. – С. 20-23. – EDN AJLTJJ.

[2] Аминов, И. Р. Криптовалюта как предмет преступлений коррупционной направленности / И. Р. Аминов, С. В. Трусов // Международный научный вестник. – 2025. – № 1. – С. 93-97. – DOI 10.24412/2782-3849-2025-1-93-97. – EDN MFDHHE.

[3] Гречишников, В. А. Детерминанты мошенничества с использованием электронных средств платежа и способы его предупреждения / В. А. Гречишников // Закон и право. – 2020. – № 1. – С. 109-111. – DOI 10.24411/2073-3313-2020-10025. – EDN AEZGJV.

[4] Обзор отчетности об инцидентах информационной безопасности при переводе денежных средств https://www.cbr.ru/statistics/ib/review_1q_2024/

[5] Кодзокова, Л. А. Противодействие мошенничеству с использованием электронных средств платежа в Российской Федерации / Л. А. Кодзокова // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – Т. 13, № 4. – С. 322-325. – EDN INRMCZ.

References:

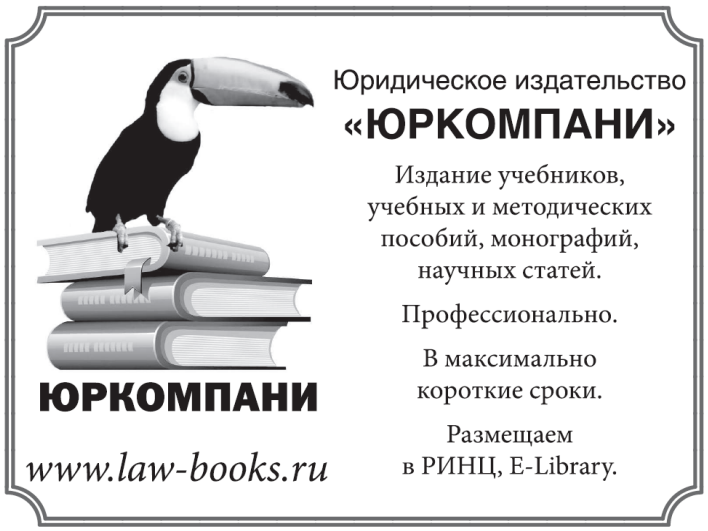
[1] Aminov, I.R. On the prevention of unlawful behavior in the field of information and telecommunication technologies/I.R. Aminov//Modern problems of the criminal process: solutions: Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference, Ufa, April 03-04, 2025. - Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2025. - S. 20-23. – EDN AJLTJJ.

[2] Aminov, I.R. Cryptocurrency as the subject of corruption-related crimes/I.R. Aminov, S.V. Trusov//International Scientific Bulletin. – 2025. – № 1. - S. 93-97. – DOI 10.24412/2782-3849-2025-1-93-97. – EDN MFDHHE.

[3] Grechishnikov, V. A. Determinants of fraud using electronic means of payment and ways to prevent it/V. A. Grechishnikov//Law and Law. – 2020. – № 1. - S. 109-111. – DOI 10.24411/2073-3313-2020-10025. – EDN AEZGJV.

[4] Overview of Information Security Incidents Reporting for Funds Transfers https://www.cbr.ru/statistics/ib/review_1q_2024/

[5] Kodzokova, L. A. Countering fraud using electronic means of payment in the Russian Federation/L. A. Kodzokova//Gaps in Russian legislation. – 2020. - T. 13, NO. 4. - S. 322-325. – EDN INRMCZ.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-528-533

ШАРЛОВА Марина Николаевна,
подполковник полиции, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД, Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России,
e-mail: charlova2017@yandex.ru

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ: МЕХАНИЗМЫ РАСПОЗНАВАНИЯ ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ И МЕРЫ ЗАЩИТЫ В ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ

Аннотация. *В научной статье анализируются особенности социальной безопасности в киберпространстве. Отмечается, что в киберпространствах пересекаются социальная, информационная, экономическая и психологическая безопасность личности и социальных групп. Анализируются технологии нарушения социальной безопасности в киберпространстве: вирусы, кибермошенничество, фейк, фишинг и др. Выявляются проблемы обеспечения социальной безопасности в киберпространстве, а именно, сложность выявления источников угроз и их авторства, трудности в определении времени наступления угроз, неосознание и непонимание пользователями опасности от их действий. Отмечается несколько популярных способов обмана в киберпространстве. Автором предлагаются правила, придерживаясь которых, получится уберечь себя и своих близких от угроз в современном информационном пространстве.*

Ключевые слова: *интернет, гаджет, киберпространство, информация, телефонное мошенничество, фейк, фишинг, дипфейк, кибератаки.*

SHARLOVA Marina Nikolaevna
Lieutenant Colonel of Police, Senior Lecturer at the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Interior Ministry, Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

SOCIAL SECURITY IN CYBERSPACE: MECHANISMS FOR DETECTING FALSE INFORMATION AND PROTECTION MEASURES IN INFORMATION SYSTEMS

Annotation. *The article analyzes the features of social security in cyberspace. It is noted that social, informational, economic and psychological security of individuals and social groups intersect in cyberspaces. The article analyzes technologies for violating social security in cyberspace: viruses, cyberbullying, fake, phishing, etc. The problems of ensuring social security in cyberspace are revealed, namely, the difficulty of identifying the sources of threats and their authorship, difficulties in determining the time of the threat, and users' lack of awareness and understanding of the danger from their actions. There are several popular ways of cheating in cyberspace. The author suggests rules, adhering to which, it will be possible to protect yourself and your loved ones from threats in the modern information space.*

Key words: *Internet, gadget, cyberspace, information, phone fraud, fake, phishing, deepfake, cyber attacks.*

В современном мире сложно представить человека без смартфона в руках, умных часов на запястье и аккаунта в глобальной сети. Интернет и социальные сети стали неотъемлемой частью жизни людей. Всемирная паутина, объединяющая пользователей в одном информационном пространстве, дает нам безграничные возможности. Узнавать новости с разных уголков планеты, совершать покупки в любое время суток, общаться с родными и близкими на рас-

стоянии, заводить новые знакомства, работать, не выходя из дома – все это теперь можно делать «в пару кликов» с персонального компьютера или смартфона.

Однако вместе с положительными аспектами, которые преподносит цифровая среда, есть и соответствующие риски. Раньше главной проблемой человека был поиск информации – сегодня ее фильтрация. Практически любое электронное устройство не принадлежит его владельцу в полной мере.

Главная задача современного мобильного телефона – собирать информацию о пользователе и управлять его вниманием. Чем интенсивнее используется смартфон, тем больше он знает о своем владельце. Данные собирают производители электронных устройств, платформ, а также легальные и вредоносные приложения. Рискам цифрового мира подвержен как сам смартфон с установленными на нем программами, сервисами, банковскими счетами, паролями, так и сознание пользователя мобильного гаджета. Характер информационных угроз многообразен – от развития интернет - зависимости до прямых атак на психику человека. Именно поэтому важно современному владельцу смартфона соблюдать цифровую гигиену.

Анализ данных о преступности в Российской Федерации, за период с января по декабрь 2024 года свидетельствует о сохранении стабильной обстановки [4].

Тем не менее, сохраняется тенденция к увеличению количества преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Отмечается увеличение на 23,5% по сравнению с аналогичным периодом 2023 года. Раскрываемость тяжких и особо тяжких деяний этой категории составляет 42,3%. Положительная динамика наблюдается в сфере мошенничеств с электронными платежами: их число сократилось на 56%.

В контексте спецоперации против Российской Федерации наблюдается беспрецедентная по масштабам борьба в информационном пространстве сети Интернет. Имеет место осуществление скоординированных атак из различных географических точек. Более 35 тысяч информационных ресурсов находятся под постоянным наблюдением государственных органов.

Согласно прогнозам, атаки программ-вымогателей сохранят статус основной киберугрозы в Российской Федерации как в 2024, так и в 2025 году. Защита информационных систем должна быть обеспечена от широкого спектра угроз, включая, помимо программ-вымогателей, вредоносное программное обеспечение, утечки данных, фишинг, DDoS-атаки и спамом. Ввиду сложности киберугроз и многообразия векторов атак, необходима комплексная стратегия защиты, включающая проактивные меры по обеспечению безопасности периметра, электронной почты, выявление уязвимостей и теневых активов, а также применение решений Threat Intelligence для превентивного предотвращения кибератак.

Поговорим о действиях, направленных на выявления ложных высказываний, фейков, схем манипуляции ложной информацией.

Распространение ложной информации в глобальной сети с каждым днем возрастает все сильнее, а вместе с этим растет и необходимость в ее распознании и пресечении. При помощи различных манипулятивных техник мошенники вербуют пользователей для получения собственной выгоды. Искусство применения психологических уловок с технологическими приемами, используя электронную коммуникацию, получило название социальная инженерия или социотехника.

Социальная инженерия – набор приемов психологической манипуляции, вынуждающие жертву сделать то, что нужно мошеннику-манипулятору. Владелец смартфона беспрекословно выполняет необходимые требования, так как полностью доверяет злоумышленнику. Социотехника применяется сегодня практически во всех видах сетевых манипуляций.

Киберугрозы включают в себя множество видов атак, такие как фишинг, вредные приложения, вирусы и трояны, телефонное мошенничество, платные подписки, вовлечение в массовые движения, фейки и многое другое.

Одной из первых разновидностей мошенничества в Сети стал фишинг. Фишинг (от английского fishing – рыбная ловля) – различные приемы для получения доступа к паролю и логину пользователя обычно при помощи поддельных сайтов, писем на электронную почту. Мошенник обычно требует обновить данные на сайте иначе доступ к странице, аккаунту будет не доступен больше.

Вредные приложения. Цель подобных сомнительных сервисов одна – получение экономической выгоды. Различают три основных типа таких приложений:

1. Фальшивые приложения – мимикрия под популярные платформы, связанные с платежными системами. Вредоносная программа при помощи прямого участия пользователя завладевает паролями, номерами счетов для дальнейшей кражи денежных средств с банковского счета, мобильного телефона.
2. Вымогатели – «локеры» и шифровальщики, блокирующие смартфон и требующие денежное вознаграждение за разблокировку. Под видом «хорошего» приложения пользователь устанавливает ловушку на свое цифровое устройство.

3. «Денежные пиявки» – программы со скрытой подпиской, пользующиеся экосистемой магазинов приложений и легкомыслием пользователя.

Вирусы и трояны. Целью вредоносных программ является незаметное проникновение на устройство пользователя для дальнейшего хищения данных, создания трафика на сайты, рассылки спама. Получить вирус на электронное устройство можно довольно простыми способами: открыть электронное письмо или приложенный файл, зайти на зараженный сайт, установить неизвестное приложение.

Телефонные мошенники. Мобильный вишинг - звонки от злоумышленников с целью получить финансовую или персональную информацию от наивного пользователя.

Рассмотрим типовые ситуации в сфере мобильных мошенничеств:

1. «Некогда объяснять». Мошенник звонит человеку, представляясь как родственник или близкий друг, и просит о срочной помощи – перевести деньги на карту, но объяснять, что случилось, нет времени.
2. Звонок из банка. Один из самых распространенных способов телефонных мошенничеств – это звонок якобы сотрудника из банка. Злоумышленник, используя различные приемы социотехники, пытается получить нужную ему информацию: номер карты, окончание срока ее действия, CSV-код, а далее просит подтвердить смс-код, только что поступивший на номер телефона клиента банка. Пока наивный пользователь думает, что сотрудничает с представителем банка, последний в свою очередь уже имеет доступ к банковскому счету. Поводы для звонка различны, от оповещения попытки снятия денежных средств до поздравления о выигрыше в лотерею.
3. Навязчивые расспросы. Мошенники звонят пользователю и начинают задавать вопросы с целью записать голос оппонента. Киберпреступники в ходе диалога вынуждают ответить «да» и назвать свои имя, отчество, фамилию. Данных сведений достаточно, чтобы пройти процедуру идентификации в банке.
4. Платные подписки операторов. Существуют два вида подписок на контент: открытые (легальные) и скрытые (нелегальные). При первом варианте подписок пользователь самостоятельно выбирает, тратить деньги на приобретение их или нет. Второй вариант подразумевает, что человек не знает о подключенных подписках и замечает данный факт лишь в момент списания денег.
5. Массовые движения. Пользователей глобальной сети Интернет постоянно привлекают к участию в тестах, заданиях, квестах, не несущих большой смысловой нагрузки, но обязательно подталкивающих к дальнейшему распространению среди друзей и близких. Организаторы завлекают участников яркими заголовками: «Проверьте свой IQ, если решите 9 из 10 заданий, верно, ваш интеллект выше 110», «Узнай, кем ты был в прошлой жизни», «Слово, которое ты найдешь первым в таблице, определит твой будущий год». Довольно частое явление в Сети – флешмобы. Участнику необходимо выполнить какое-либо действие: выложить свое фото десятилетней давности, облиться холодной водой (Ice Bucket Challenge), рассказать про самый неловкий случай из жизни и передать эстафету следующим. Несомненно, большая часть организаторов хотят заработать на бурном обсуждении массовых движений и их распространении, получая трафик и деньги с рекламы.
6. Фейки. Фейк – дезинформация в социальных сетях и средствах массовой информации. Фейк может быть как частичной, так и полной фальшивкой. По сравнению с обычными новостями, фейки распространяются в разы быстрее и имеют больший охват аудитории, а значит, и больше денег за рекламу. Связан данный феномен с тем, что поддельные новости имеют яркие, запоминающиеся, привлекающие внимание заголовки. Распространение непроверенной информации не что иное, как способ привлечь интерес пользователей, попытка стать известнее, заработок на наивных пользователях. С развитием технологий создание фейковой информации стало в разы легче. При помощи нейросетей сегодня можно создать подделку в любом формате: фото, видео, аудио.

Дипфейк – синтез контента, в котором на исходное изображение накладываются различные подмены. Например, заменяют лицо, мимику, движения на фото, аудиодорожки в видео. Лживые новости и посты в Сети становится практически невозможно отличить от настоящих.

7. Фишинг (Phishing) – представляет собой форму киберпреступности, целью которой является незаконное получение конфиденциальных данных пользователей, таких как идентификационные данные для входа в систему, номера телефонов и банковские реквизиты. Злоумышленники регулярно рассылают письма и сообщения с вирусами и ссылками на поддельные сайты, чтобы

получить пароли, номера банковских карт и другие личные данные пользователей. Такое интернет-мошенничество называется фишингом. Чаще всего фишинг реализуется с помощью электронной почты и социальных сетей.

Сегодня злоумышленники пользуются разнообразными способами обмана пользователей телефонов. Вишинг – это голосовой фишинг (от слияния двух слов «voice» и «phishing»), вид мошенничества с использованием социальной инженерии.

Вишинг – представляет собой форму телефонного мошенничества, характеризующуюся обманными действиями, направленными на получение денежных средств или конфиденциальных данных клиентов банковских учреждений. Чаще всего мошенники представляются сотрудниками банка или госструктур (МВД России, ФСБ России, Центробанка, Прокуратуры и представителями других организаций).

Отметим несколько популярных способов обмана, которые рекомендуется запомнить:

1. Похожий на известный, но содержащий незначительные отличия адрес компании.

Действие: не следует считать истинной информацию от таких адресатов.

2. Призывы произвести срочные, неотложные действия немедленно.

Действие: Не использовать гиперссылки в письмах от не доверенных адресатов для перехода по ним.

3. Фишинговые ссылки в теле писем.

Действие: Не использовать гиперссылки в письмах от недоверенных адресатов для перехода по ним.

4. Подозрительный файл в виде вложения к письму.

Действие: Всегда сканировать с помощью антивируса файлы, полученные от неизвестных отправителей.

5. Небрежный вид сайта электронного магазина, обещание выигрышей и значительное отличие цен на товары в меньшую сторону.

Действие: не оставлять свои контактные данные, данные банковских карт. Отказаться от использования сайта.

6. Требование заплатить незначительную сумму для получения крупного денежного вознаграждения (выигрыша, заработка, приза и т.п.).

Действие: отказаться от использования сервиса, сайта, не оставлять регистрационные данные.

7. Незначительные отличия в электронном адресе сайта в Web обозревателе – результат опечатки при вводе легитимного адреса.

Действие: проверьте электронный адрес сайта в адресной строке прежде чем вводить логин и пароль на форме ввода.

8. Гиперссылки в сообщении от имени банка или других компаний.

Действие: не переходить по гиперссылкам из сообщений.

9. Хвалебные отзывы о выигрыше денег или призов на сайте.

Действие: найти отзывы об организаторе акции на официальных новостных порталах, дополнительно изучить репутацию сайта. При отсутствии сведений– отказаться от посещения.

10. Сообщения с просьбой о незамедлительной помощи в социальных сетях от аккаунтов друзей (или с просьбой участвовать в голосовании за знакомого, родственника и т.п.).

Действия: связаться с людьми, с аккаунтов которых поступают подобные запросы по альтернативным каналам связи (стационарный, сотовый телефоны) для уточнения информации, не принимать спонтанных решений.

Таким образом, для парирования различных угроз при подозрении на наличие мошеннических действий или манипуляций в электронных сообщениях, звонках на мобильные телефоны, на электронных сайтах следует использовать выше приведенные тактики.

К дополнительным рекомендациям пользователям информационных систем, направленные на минимизацию рисков реализации угроз безопасности информации, следует отнести регулярное создание резервных копий важной информации и хранение резервных носителей в отключенном от информационной системы состоянии. Такой подход позволит сохранить ранее скопированные файлы при вирусном заражении компьютера или повреждении информационной системы шифровальщиком.

Общая рекомендация по нейтрализации атак, использующих методы социальной инженерии, в том числе использующие современные мессенджеры Telegram, Whatsapp, заключается в организации оперативной проверки поступающей информации через другие источники и альтернативные каналы связи. Сюда же следует отнести рекомендацию не разглашать различные персональные данные, данные банковских карт при поступлении подозрительных телефонных звонков, а также на малоизвестных сайтах интернет-магазинов, платежных систем и т.п., так как они могут оказаться фейковыми. Данный подход позволит сохранить конфиденциальность персональных данных.

Для того чтобы не попадаться на уловки мошенников в Сети необходимо знать основные

правила, придерживаясь которых, получится уберечь себя и своих близких от угроз в современном информационном пространстве:

1. Выстроить и сохранить личный информационный суверенитет.

Сегодня важно уметь выстроить и сохранить личный информационный суверенитет. Личный информационный суверенитет – способность человека сохранять самостоятельность мышления, не впадать в цифровую зависимость, не поддаваться манипуляциям в Сети. У большинства людей в наши дни выработалось «клиповое сознание» - восприятие мира только через короткие яркие образы. Пользователи Сети не могут долго сосредоточиться на чем-то одном, им постоянно необходимо переключаться с одной вкладки на другую. Жертвы данного феномена не могут читать длинные тексты или смотреть видео дольше 1-2 минут – начинают уставать. Это позволяет вербовщикам и мошенникам, используя одни и те же приемы, многократно обрабатывать пользователей. Избавиться от клипового мышления довольно трудно, так как для этого требуется заставлять себя концентрироваться на долговременных задачах.

2. Не доверять незнакомцам. Любой человек в Сети, с которым не было личных встреч в реальной жизни – незнакомец. Люди в цифровом пространстве не всегда те, за кого себя выдают, поэтому следует внимательнее относиться к тем, кого добавлять в друзья и с кем вступать в диалог. Мошенники пользуются преимуществом анонимности в Интернете и под видом защитников природы, представителей благотворительных фондов, сотрудников банков просят совершить переводы денежных средств.
3. Использовать хороший антивирус и регулярно обновлять его. Защитное программное обеспечение способно уберечь от многих проблем, связанных с кражей персональной информации, а также защитит цифровое устройство от электронных рисков.
4. Помнить о том, что из Интернета практически невозможно ничего удалить. Все, что попало в сеть остается там навсегда. Стоит следить за контентом, загружаемым в Интернет, любая компрометирующая информация может быть использована против ее владельца. Все фото, видео, сообщения, попавшие в цифровую среду, – публичные или могут стать публичными.
5. Использовать надежные пароли и многофакторную (двухфакторную) аутентификацию. Пароль должен соответствовать требованиям сложности, включающим использование букв верхнего и нижнего регистра, цифр и специальных символов. Не допускается использование легко угадываемых последовательностей символов и персональных данных в качестве пароля. Идентичные пароли на нескольких платформах ставят под угрозу их безопасность. Вторым фактором аутентификации может выступать, например, одноразовый код, присылаемый на личный номер сотовой связи в виде СМС.
6. Не переходить по неизвестным ссылкам. Яркая реклама на сайтах, призывы перейти по ссылке, прикрепленной к видео или посту, и продолжить просмотр могут таить под собой две главные опасности: похищение персональных данных и скрытую установку вредоносных программ.
7. Не скачивать приложения, музыку, кинофильмы, игры из сомнительных источников. Устанавливать различные программы и сервисы следует только из официальных лицензионных онлайн-магазинов или с сайтов разработчиков. Скачивая приложения из непроверенных информационных ресурсов, пользователь рискует занести вирус на свое электронное устройство.
8. Проверять информацию, полученную от незнакомых лиц или из неизвестных сообществ, страниц в Интернете. Всегда необходимо помнить о том, что в информационном потоке новостей и постов нередко встречаются и фейки. Нужно быть осторожным, развивать критичность мышления, искать и сохранять проверенные источники сведений, чтобы не попадаться на всевозможные махинации и злоупотребления.
9. Не разглашать персональной информации. Номера телефонов, банковских счетов, адрес, паспортные данные и другие личные сведения следует сохранять в тайне от цифрового мира. Для регистрации на различных онлайн-платформах рекомендуется использовать второй (альтернативный), не привязанный к банковским картам, номер телефона.

Соблюдение всех правил цифровой гигиены не может гарантировать полную безопасность в виртуальной реальности. Эффективное оружие против мошенников в Сети – это способность критически анализировать поступающую информацию; постоянная работа над повышением практических навыков, позволяющих отличать действительные факты от фейков.

При работе с различными информационными системами следует использовать про-

граммное обеспечение из доверенных источников, сертифицированное антивирусное программное обеспечение с актуальными базами вирусных сигнатур, при необходимости иметь на компьютере систему обнаружения атак, агентов мониторинга систем SIEM, DLP, SOAR. Данный подход позволит комплексно использовать имеющиеся современные системы защиты.

Список литературы:

[1] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года. – URL: https://мвд.рф/reports/item/48913905?ysclid=m50n6hwn84557964792. (Дата обращения 20.12.2025)

[2] Центр по компьютерным инцидентам фиксирует более 170 кибератак на РФ ежедневно. – URL: https://www.interfax.ru/digital/903202. (Дата обращения 22.12.2025)

[3] Аносов А.В. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий : учебное пособие : в 2 ч. /А.В. Аносов [и др.] – Москва : Академия управления МВД России, 2019.–Ч. 1.– С. 208.

[4] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года. – URL: https://мвд.рф/reports/item/48913905?ysclid=m50n6hwn84557964792.

References:

[1] Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January - December 2024. - URL: https://мвд.рф/reports/item/48913905?ysclid=m50n6hwn84557964792. (Date accessed 20.12.2025)

[2] The Computer Incident Center records more than 170 cyber attacks on the Russian Federation daily. – URL: https://www.interfax.ru/digital/903202. (Accessed 22.12.2025)

[3] A.V. Anosov. Activities of the internal affairs bodies to combat crimes committed using information, communication and high technologies: textbook: 2 hours/A.V. Anosov [et al.] - Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019.-Ch. 1. - S. 208.

[4] Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January - December 2024. – URL: https://мвд.рф/reports/item/48913905?ysclid=m50n6hwn84557964792.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-534-545

ПРОЦЕНКО Владислав Михайлович,
студент юридического факультета
Финансового университета при Правительстве РФ,
e-mail: vladwtch@gmail.com

Научный руководитель:
БЕЛОУСОВ Андрей Леонидович,
к.э.н., доцент Юридического факультета
Финансового университета при Правительстве РФ,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ БАНКОВСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. *В статье исследуется правовое регулирование цифрового рубля как новой формы денег, введённой Федеральным законом от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О цифровом рубле». Анализируются особенности правовой природы цифрового рубля, его отличия от наличных и безналичных денежных средств, роль кредитных организаций в функционировании платформы цифрового рубля. Рассматриваются правовые проблемы, возникающие при внедрении цифрового рубля в банковскую систему, включая вопросы гражданско-правового регулирования, банковской тайны, защиты прав потребителей финансовых услуг. Исследуется влияние цифрового рубля на традиционные банковские операции, систему банковского надзора и денежно-кредитную политику. Автор выявляет противоречия и пробелы в действующем законодательстве и формулирует предложения по совершенствованию правового регулирования цифрового рубля в контексте развития банковского законодательства Российской Федерации.*

Ключевые слова: *цифровой рубль, цифровая валюта центрального банка, банковское право, Банк России, платформа цифрового рубля, кредитные организации, банковские операции, финансовое регулирование, денежно-кредитная политика.*

PROTSENKO Vladislav Mikhailovich,
law student of the Financial University
under the Government of the Russian Federation

Scientific supervisor:
BELOUSOV Andrey Leonidovich,
Ph.D., Associate Professor, Faculty of Law,
Financial University under the Government
of the Russian Federation

LEGAL REGULATION OF THE DIGITAL RUBLE: NEW CHALLENGES FOR BANKING LEGISLATION

Annotation. *The article examines the legal regulation of the digital ruble as a new form of money introduced by Federal Law No. 340-FZ of July 24, 2023 "On the Digital Ruble". The features of the legal nature of the digital ruble, its differences from cash and non-cash funds, and the role of credit institutions in the functioning of the digital ruble platform are analyzed. Legal problems arising from the introduction of the digital ruble into the banking system are considered, including issues of civil law regulation, banking secrecy,*

and protection of the rights of consumers of financial services. The impact of the digital ruble on traditional banking operations, the banking supervision system and monetary policy is examined. The author identifies contradictions and gaps in the current legislation and formulates proposals for improving the legal regulation of the digital ruble in the context of the development of banking legislation of the Russian Federation.

Key words: *digital ruble, central bank digital currency, banking law, Bank of Russia, digital ruble platform, credit institutions, banking operations, financial regulation, monetary policy.*

Актуальность исследования обусловлена революционными изменениями в денежно-кредитной системе Российской Федерации, связанными с введением цифрового рубля — принципиально новой формы денег, эмитируемой Центральным банком. Цифровой рубль представляет собой цифровую валюту центрального банка (Central Bank Digital Currency, CBDC), которая объединяет преимущества наличных и безналичных денег, одновременно создавая новые правовые вызовы для банковского законодательства.

Принятие Федерального закона от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О цифровом рубле» [1] ознаменовало начало нового этапа в развитии платёжной инфраструктуры России. Цифровой рубль позиционируется как дополнительная форма российского рубля наряду с наличными и безналичными деньгами, что требует переосмысления фундаментальных категорий банковского права, включая понятия банковского счёта, банковского вклада, расчётных отношений и банковских операций.

Для банковского сектора внедрение цифрового рубля создаёт неоднозначные перспективы. С одной стороны, кредитные организации становятся обязательными участниками платформы цифрового рубля и получают новые инструменты для обслуживания клиентов. С другой стороны, цифровой рубль может привести к оттоку средств из банковской системы, изменению структуры пассивов банков и трансформации их бизнес-моделей.

Цель исследования — комплексный правовой анализ регулирования цифрового рубля, выявление проблем, возникающих при интеграции этой новой формы денег в существующую систему банковского законодательства, и разработка предложений по совершенствованию правового регулирования с учётом интересов всех участников финансового рынка и обеспечения финансовой стабильности.

Введение

Цифровая трансформация финансовой системы является глобальным трендом, охватившим как развитые, так и развивающиеся экономики. Центральные банки многих стран мира активно исследуют возможности выпуска собственных цифровых валют. По данным Банка международных расчётов, по состоянию на 2024 год более 90% центральных банков мира проводят исследования или пилотные проекты в области CBDC [2].

Российская Федерация стала одной из первых крупных экономик, перешедших от пилотного тестирования к законодательному закреплению и поэтапному внедрению цифровой валюты центрального банка. Банк России начал исследования в области цифрового рубля в 2020 году, опубликовав Доклад для общественных консультаций «Цифровой рубль» [3]. В 2021-2022 годах был реализован пилотный проект с участием 12 банков и реальных клиентов, что позволило протестировать технологические решения и правовые подходы.

Как отмечает С.В. Криворучко, «цифровой рубль представляет собой не просто технологическую инновацию, но фундаментальное изменение архитектуры денежной системы, требующее комплексного правового обеспечения» [4]. Действительно, правовая природа цифрового рубля существенно отличается от традиционных форм денег, что ставит перед юридической наукой и практикой ряд сложных вопросов.

Особенностью российской модели цифрового рубля является её двухуровневая архитектура: Банк России создаёт и поддерживает платформу цифрового рубля, тогда как кредитные организации обеспечивают взаимодействие с клиентами, открывают кошельки цифрового рубля и проводят операции. Такая модель призвана сохранить роль коммерческих банков в финансовой системе, однако она также создаёт правовые вызовы, связанные с разграничением функций и ответственности между Банком России и кредитными организациями.

Правовая природа цифрового рубля и его место в системе форм денег

Согласно статье 1 Федерального закона № 340-ФЗ, цифровой рубль определяется как «форма российского рубля в виде цифрового кода, выпускаемая Банком России в дополнение к наличным деньгам и безналичным денежным средствам, учитываемая Банком России без открытия банковских счетов на платформе цифрового рубля» [1]. Данное определение закрепляет несколько принципиальных характеристик.

Во-первых, цифровой рубль признаётся полноценной формой национальной валюты

наравне с наличными и безналичными деньгами. Это означает, что он обладает всеми свойствами денег: является законным средством платежа на территории Российской Федерации, обязателен к приёму по нарицательной стоимости, обеспечен всеми активами Банка России.

Во-вторых, цифровой рубль существует исключительно в цифровой форме и представляет собой уникальный цифровой код. Каждая единица цифрового рубля идентифицируется по уникальному идентификатору, что сближает цифровой рубль с наличными деньгами (каждая купюра имеет уникальный номер) и принципиально отличает его от безналичных денег, которые представляют собой записи на банковских счетах без индивидуализации конкретных денежных единиц.

В-третьих, цифровой рубль учитывается без открытия банковских счетов. Это фундаментальное отличие от безналичных денег, которые всегда связаны с банковскими счетами. Вместо счетов используются кошельки цифрового рубля — специальные записи на платформе цифрового рубля, содержащие информацию об остатках цифровых рублей и истории операций.

Данная конструкция ставит вопрос о правовой природе цифрового рубля с точки зрения гражданского права. Профессор Л.Г. Ефимова отмечала, что безналичные деньги являются имущественными правами требования к банку [5]. Однако цифровой рубль не создаёт обязательственных отношений между его владельцем и Банком России — владелец цифрового рубля имеет прямое право собственности на цифровой код, аналогично праву собственности на наличные деньги.

Часть 2 статьи 3 Федерального закона № 340-ФЗ устанавливает: «Цифровой рубль является объектом гражданских прав. К цифровому рублю применяются правила, установленные гражданским законодательством для вещей, если иное не установлено настоящим Федеральным законом» [1]. Таким образом, законодатель придал цифровому рублю режим вещи, несмотря на его бестелесную природу.

Такое решение представляется спорным с точки зрения традиционной цивилистической доктрины. Как указывает Е.А. Суханов, вещами признаются материальные объекты, обладающие физическими свойствами [6]. Цифровой рубль, будучи цифровым кодом, не обладает материальной формой. Тем не менее, законодатель исходил из практических соображений: применение вещно-правового режима позволяет обеспечить наиболее полную защиту прав владельцев цифрового рубля, включая виндикацию и защиту от незаконного обращения взыскания.

Важным аспектом является соотношение цифрового рубля с наличными и безналичными деньгами. Статья 4 Федерального закона № 340-ФЗ устанавливает принцип эквивалентности: «Один рубль в форме цифрового рубля равен одному рублю в форме наличных денег и одному рублю в форме безналичных денежных средств» [1]. Это означает возможность беспрепятственной конвертации одной формы рубля в другую по номиналу без комиссий и ограничений.

Вместе с тем, правовые режимы различных форм рубля существенно различаются. Наличные деньги обращаются свободно без фиксации операций, безналичные деньги требуют открытия банковских счетов и создают обязательства банков перед владельцами счетов, цифровой рубль учитывается в специальной платформе с полной прослеживаемостью операций при сохранении права собственности владельца.

Платформа цифрового рубля и роль кредитных организаций

Архитектура системы цифрового рубля построена по двухуровневой модели. Банк России создаёт и поддерживает платформу цифрового рубля — информационную систему, обеспечивающую выпуск, учёт и обращение цифрового рубля. Кредитные организации, присоединившиеся к платформе, обеспечивают взаимодействие с клиентами через свои каналы обслуживания.

Согласно статье 6 Федерального закона № 340-ФЗ, платформа цифрового рубля представляет собой совокупность технологических и программных средств, баз данных, обеспечивающих: выпуск цифрового рубля и его изъятие из обращения; открытие и ведение кошельков цифрового рубля; осуществление переводов цифрового рубля; формирование и хранение информации об операциях с цифровым рублём; взаимодействие с участниками платформы цифрового рубля [1].

Правовой статус платформы цифрового рубля является особым. Она не является платёжной системой в смысле Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе» [7], поскольку регулируется специальным законодательством. Банк России выступает одновременно оператором платформы, эмитентом цифрового рубля и регулятором деятельности всех участников.

Кредитные организации участвуют в функционировании платформы цифрового рубля на основании соглашения с Банком России. Статья 8 Федерального закона № 340-ФЗ устанавливает, что участниками платформы могут быть кредитные организации, имеющие лицензию на осу-

ществление банковских операций [1]. Банк России вправе устанавливать дополнительные требования к участникам, включая требования к капиталу, системе управления рисками и технологической инфраструктуре.

Функции кредитных организаций на платформе цифрового рубля включают: открытие кошельков цифрового рубля физическим и юридическим лицам; приём поручений клиентов на проведение операций с цифровым рублём; передачу поручений на платформу цифрового рубля; информирование клиентов о проведённых операциях; обеспечение идентификации клиентов в соответствии с требованиями законодательства о противодействии легализации доходов, полученных преступным путём.

Принципиальное отличие от традиционной банковской деятельности заключается в том, что кредитная организация не осуществляет учёт цифровых рублей на своём балансе и не несёт обязательств перед владельцами кошельков. Цифровые рубли учитываются непосредственно на платформе, которую контролирует Банк России. Банк выступает лишь посредником между клиентом и платформой.

Такая модель создаёт новые правовые вопросы. Во-первых, какова природа отношений между банком и владельцем кошелька цифрового рубля? Это не договор банковского счёта, поскольку счёт не открывается. Законодатель использует конструкцию договора об открытии и ведении кошелька цифрового рубля как самостоятельного вида договора (статья 10 Федерального закона № 340-ФЗ).

Во-вторых, каков объём ответственности банка перед клиентом? Банк не отвечает за сохранность цифровых рублей, так как они находятся на платформе. Однако банк отвечает за надлежащее исполнение поручений клиента, своевременную передачу информации, обеспечение конфиденциальности данных. Статья 12 Федерального закона № 340-ФЗ устанавливает, что убытки, причинённые клиенту ненадлежащим исполнением обязательств по договору об открытии и ведении кошелька, возмещаются банком в соответствии с гражданским законодательством [1].

В-третьих, как разграничивается ответственность между Банком России и кредитной организацией? Если ошибка произошла на уровне платформы (технический сбой, несанкционированное списание), ответственность несёт Банк России как оператор платформы. Если ошибка связана с действиями банка (неправильное оформление поручения, несвоевременная передача), отвечает банк. Однако на практике разграничение может быть затруднительным.

Операции с цифровым рублём: правовой режим

Федеральный закон № 340-ФЗ устанавливает перечень операций, которые могут осуществляться с цифровым рублём. К ним относятся: перевод цифрового рубля между кошельками; пополнение кошелька путём зачисления наличных денег или безналичных денежных средств с последующим их списанием и выпуском эквивалентной суммы в цифровом рубле; выдача цифрового рубля путём его изъятия из обращения с одновременным зачислением эквивалентной суммы в наличной или безналичной форме; осуществление платежей в пользу организаций и индивидуальных предпринимателей за товары, работы, услуги [1].

Правовая природа операций с цифровым рублём отличается от традиционных банковских операций. Перевод цифрового рубля не является расчётной операцией в классическом понимании, так как не предполагает списания и зачисления средств на счета. Это операция по изменению информации о владельце цифрового кода в распределённом реестре платформы.

С точки зрения гражданского права перевод цифрового рубля может рассматриваться как передача вещи (учитывая, что законодатель придал цифровому рублю режим вещи). Такая передача осуществляется путём внесения записи на платформе о смене владельца. Это сближает цифровой рубль с бездокументарными ценными бумагами, переход прав на которые также осуществляется путём внесения записи в реестр.

Особенностью переводов цифрового рубля является их мгновенность и окончательность. Согласно статье 13 Федерального закона № 340-ФЗ, перевод цифрового рубля считается осуществлённым с момента внесения соответствующей записи на платформе цифрового рубля [1]. В отличие от безналичных переводов, которые могут осуществляться в течение нескольких банковских дней, переводы цифрового рубля проводятся в режиме реального времени 24/7.

Это создаёт новые возможности для участников оборота, но также порождает правовые проблемы. В частности, возникает вопрос об отмене ошибочного перевода. Для безналичных переводов существует механизм отзыва платёжного поручения до момента списания средств со счёта плательщика. Для цифрового рубля, учитывая мгновенность операций, такой механизм неприменим. Возврат ошибочно переведённых цифровых рублей возможен только с согласия получателя или по решению суда.

Пополнение кошелька цифрового рубля и выдача из него представляют собой операции конвертации одной формы рубля в другую. С

юридической точки зрения это не обмен валют, а изменение формы существования одного и того же объекта — российского рубля. При пополнении кошелька происходит списание наличных или безналичных рублей и одновременный выпуск (эмиссия) эквивалентной суммы в цифровом рубле. При выдаче — обратный процесс.

Статья 14 Федерального закона № 340-ФЗ устанавливает, что пополнение и выдача осуществляются по номинальной стоимости без взимания комиссии [1]. Это принципиальное положение, обеспечивающее эквивалентность форм рубля. Банки не вправе устанавливать комиссии за конвертацию, что отличается от операций обмена валюты.

Платежи цифровым рублём за товары, работы и услуги представляют собой новый способ расчётов. Статья 15 Федерального закона № 340-ФЗ устанавливает, что организации и индивидуальные предприниматели обязаны принимать цифровой рубль в качестве средства платежа наравне с наличными и безналичными деньгами [1]. Отказ от приёма цифрового рубля рассматривается как отказ от приёма законного средства платежа.

Для обеспечения возможности приёма платежей в цифровом рубле организации должны заключить договор с кредитной организацией — участником платформы. Технически приём осуществляется через QR-коды или специальные приложения. Получатель платежа указывает сумму, плательщик подтверждает операцию, цифровые рубли мгновенно зачисляются на кошелёк получателя.

Важным преимуществом платежей цифровым рублём является возможность реализации смарт-контрактов — автоматизированных условных переводов. Статья 16 Федерального закона № 340-ФЗ предусматривает возможность осуществления переводов цифрового рубля при наступлении определённых условий, установленных в поручении [1]. Например, оплата может производиться автоматически при подтверждении факта поставки товара или оказания услуги.

Влияние цифрового рубля на традиционные банковские операции

Внедрение цифрового рубля оказывает существенное влияние на традиционную банковскую деятельность. Одним из ключевых вопросов является возможный отток средств из банковских депозитов в кошельки цифрового рубля. Если граждане и организации будут хранить значительные суммы в цифровом рубле, это приведёт к сокращению ресурсной базы банков и может затруднить кредитование экономики.

Для предотвращения таких рисков законодатель не предусмотрел начисления процентов на остатки цифрового рубля в кошельках. Статья 11 Федерального закона № 340-ФЗ прямо устанавливает, что проценты на остаток цифрового рубля в кошельке не начисляются [1]. Это делает нецелесообразным хранение больших сумм в цифровом рубле — он предназначен для расчётов, а не для накопления.

Тем не менее, даже транзакционные остатки в кошельках могут быть значительными. По оценкам экспертов, в первые годы после запуска объём цифровых рублей в обращении может составить 3-5% от объёма наличных денег в обращении. Это означает изъятие из банковской системы сотен миллиардов рублей.

Для компенсации возможного оттока средств Банк России может предоставлять кредитным организациям рефинансирование под залог активов. Кроме того, может быть введено требование об обязательном размещении определённой доли привлечённых средств в депозиты Банка России или государственные ценные бумаги.

Второе влияние связано с изменением структуры платёжного рынка. Цифровой рубль создаёт альтернативу существующим платёжным системам (карточные платежи, системы быстрых платежей). Преимуществами цифрового рубля являются: мгновенность расчётов; отсутствие комиссий для физических лиц; возможность офлайн-платежей (планируется); реализация смарт-контрактов.

Это может привести к сокращению доходов банков от эквайринга и переводов. Если значительная часть платежей переместится в цифровой рубль, банки потеряют комиссионные доходы. С другой стороны, банки могут предлагать дополнительные услуги, связанные с управлением кошельками, аналитикой расходов, интеграцией с другими финансовыми сервисами.

Третье влияние касается кредитных операций. Федеральный закон № 340-ФЗ не предусматривает возможности кредитования в цифровом рубле напрямую. Банк не может открыть кредитный кошелёк или предоставить овердрафт по кошельку. Однако возможна схема, при которой банк предоставляет кредит на банковский счёт, а заёмщик затем конвертирует средства в цифровой рубль.

Перспективным направлением является использование цифрового рубля для целевого кредитования. Благодаря программируемости можно обеспечить, что кредитные средства будут израсходованы строго на определённые цели (например, покупка автомобиля у конкретного дилера). Это снижает кредитные риски и может привести к снижению процентных ставок.

Четвёртое влияние связано с банковской тайной и конфиденциальностью. Традиционно

информация о банковских счетах и операциях клиентов составляет банковскую тайну. Статья 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» устанавливает обязанность кредитных организаций сохранять тайну об операциях, счетах и вкладах своих клиентов [8].

Применительно к цифровому рублю возникает вопрос: распространяется ли режим банковской тайны на информацию о кошельках и операциях? Формально кошелёк цифрового рубля не является банковским счётом, поэтому прямое применение статьи 26 невозможно. Однако статья 17 Федерального закона № 340-ФЗ устанавливает специальный режим конфиденциальности: «Информация о кошельках цифрового рубля и операциях с цифровым рублём является конфиденциальной и может быть предоставлена третьим лицам только с согласия владельца кошелька или в случаях, предусмотренных федеральными законами» [1].

Таким образом, законодатель установил режим, аналогичный банковской тайне, но с некоторыми особенностями. Информация о кошельках доступна как банку, открывшему кошелёк, так и Банку России как оператору платформы. Это создаёт потенциальные риски утечки информации и требует усиленных мер защиты данных.

Противодействие легализации доходов и финансированию терроризма

Операции с цифровым рублём подпадают под действие законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» [9] распространяется на операции с цифровым рублём.

Статья 18 Федерального закона № 340-ФЗ устанавливает обязанности участников платформы цифрового рубля по идентификации клиентов, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев, документальному фиксированию и представлению информации об операциях, подлежащих обязательному контролю [1].

Особенностью цифрового рубля является полная прослеживаемость всех операций. Платформа цифрового рубля ведёт полный реестр всех переводов с указанием отправителя, получателя, суммы, даты и времени. Это создаёт возможности для эффективного выявления подозрительных операций и схем отмывания денег.

Вместе с тем возникают вопросы о балансе между контролем и приватностью. Банк России как оператор платформы имеет доступ ко всей информации об операциях с цифровым рублём. Это превышает возможности контроля за наличными и безналичными операциями, где информация распределена между различными банками.

Для обеспечения баланса необходимо установить чёткие правила доступа к информации о кошельках и операциях. Доступ должен предоставляться только уполномоченным сотрудникам Банка России и исключительно для целей, предусмотренных законом (банковский надзор, противодействие отмыванию денег, реализация денежно-кредитной политики). Использование информации в иных целях должно быть запрещено и влечь ответственность.

Важным инструментом противодействия незаконным операциям является блокирование кошельков. Статья 19 Федерального закона № 340-ФЗ предусматривает возможность приостановления операций по кошельку по решению суда или по требованию уполномоченных органов в случаях, предусмотренных законодательством [1]. Это может применяться для предотвращения вывода средств, полученных преступным путём, или исполнения судебных решений о наложении ареста на имущество.

Банковский надзор и регулирование деятельности участников платформы

Деятельность кредитных организаций на платформе цифрового рубля подлежит надзору со стороны Банка России. Статья 20 Федерального закона № 340-ФЗ устанавливает право Банка России проводить проверки участников платформы, запрашивать информацию, устанавливать обязательные требования к организации деятельности [1].

Банк России принял ряд нормативных актов, детализирующих требования к участникам платформы. Особое внимание уделяется операционным рискам, связанным с технологическими сбоями, несанкционированным доступом, потерей данных. Кредитные организации обязаны обеспечить резервирование критически важных систем, регулярное тестирование процедур восстановления, защиту от кибератак.

В случае выявления нарушений Банк России вправе применять меры воздействия, включая: вынесение предписания об устранении нарушений; ограничение на открытие новых кошельков; приостановление участия в платформе; исключение из числа участников платформы.

Исключение из участников платформы является крайней мерой и применяется в случаях систематических грубых нарушений, создающих угрозу интересам владельцев кошельков или стабильности платформы. При исключении банка из участников кошельки, открытые этим банком, переводятся на обслуживание в другие банки по выбору клиентов.

Важным вопросом является страхование рисков, связанных с операциями с цифровым рублём. В отношении банковских вкладов действует система страхования вкладов, гарантирующая возмещение средств вкладчиков в случае банкротства банка. Однако цифровой рубль не является вкладом и не подлежит страхованию в системе страхования вкладов.

Риски потери цифрового рубля связаны не с банкротством банка (так как цифровые рубли не находятся на балансе банка), а с техническими сбоями платформы, несанкционированным доступом, ошибками при проведении операций. Для покрытия таких рисков могут создаваться резервные фонды, формируемые за счёт взносов участников платформы или самого Банка России.

Денежно-кредитная политика и цифровой рубль

Цифровой рубль создаёт новые инструменты для реализации денежно-кредитной политики Банка России. Возможность программирования цифрового рубля позволяет реализовывать целевые меры стимулирования или ограничения спроса в определённых секторах экономики.

Например, Банк России может эмитировать цифровые рубли с условием их использования только для определённых целей (инвестиции в приоритетные отрасли, потребление отечественных товаров) или с ограниченным сроком действия (стимулирование потребительского спроса). Такие инструменты невозможны для наличных и крайне затруднительны для безналичных денег.

Вместе с тем использование программируемых денег поднимает вопросы о пределах вмешательства государства в экономическую свободу граждан. Если деньги могут быть использованы только определённым образом, это ограничивает свободу распоряжения имуществом. Такие ограничения должны устанавливаться федеральным законом, преследовать легитимные цели и быть соразмерными.

Цифровой рубль также влияет на трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики. Традиционно Банк России влияет на экономику через регулирование ключевой ставки, которая определяет стоимость заимствований для банков и, через них, для экономики. При наличии значительных остатков в цифровом рубле снижается зависимость экономических агентов от банковского кредита, что может ослабить трансмиссионный механизм.

Для сохранения эффективности денежно-кредитной политики может потребоваться введение процентов на остатки цифрового рубля, которые Банк России будет устанавливать в зависимости от экономической ситуации. Положительные проценты будут стимулировать накопление в цифровом рубле, отрицательные (налог на остатки) — расходование. Однако такой инструмент потребует изменения Федерального закона № 340-ФЗ.

Защита прав потребителей финансовых услуг

Владельцы кошельков цифрового рубля являются потребителями финансовых услуг и имеют право на защиту своих прав. Законодательство о защите прав потребителей применяется к отношениям по открытию и ведению кошельков цифрового рубля с учётом специфики цифрового рубля.

Статья 21 Федерального закона № 340-ФЗ устанавливает право владельца кошелька на: получение полной и достоверной информации об условиях открытия и ведения кошелька; обеспечение сохранности цифрового рубля; конфиденциальность информации о кошельке и операциях; возмещение убытков, причинённых ненадлежащим исполнением обязательств участником платформы [1].

Особую проблему представляют несанкционированные операции с цифровым рублём. В отличие от операций по банковским картам, где действует развитая система защиты (чип, PIN-код, 3D-Secure), операции с цифровым рублём могут подтверждаться более простыми способами (биометрия, одноразовые пароли). Это создаёт риски мошенничества.

Статья 22 Федерального закона № 340-ФЗ устанавливает презумпцию авторизации операции владельцем кошелька, если она подтверждена с использованием средств идентификации [1]. Это означает, что бремя доказывания несанкционированности операции лежит на владельце кошелька. Однако если владелец докажет, что средства идентификации были скомпрометированы не по его вине, убытки подлежат возмещению.

Для защиты от мошенничества Банк России и участники платформы должны внедрять системы мониторинга подозрительных операций, двухфакторной аутентификации, лимитов на операции. Владельцам кошельков должна предоставляться возможность оперативной блокировки кошелька при подозрении на компрометацию.

Важным аспектом защиты прав потребителей является доступность механизмов досудебного урегулирования споров. Федеральный закон от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» [10]

распространяется на споры, связанные с цифровым рублём. Владельцы кошельков вправе обращаться к финансовому уполномоченному с требованиями о возмещении убытков, компенсации морального вреда.

Цифровой рубль в расчётах бюджетной системы и государственных закупках

Перспективным направлением использования цифрового рубля является его применение в расчётах бюджетной системы и государственных закупках. Программируемость цифрового рубля позволяет обеспечить целевое использование бюджетных средств, исключить их нецелевое расходование или хищение.

Например, субсидии, предоставляемые на определённые цели (модернизация оборудования, закупка отечественного программного обеспечения), могут быть выданы в цифровом рубле с программным ограничением их использования. Средства смогут быть потрачены только у определённых поставщиков и на определённые товары. Это существенно повысит эффективность бюджетных расходов.

В сфере государственных закупок цифровой рубль может использоваться для автоматизации расчётов. Оплата может производиться автоматически при подтверждении выполнения условий контракта (поставка товара, приёмка работ). Это сократит сроки расчётов, снизит административные издержки.

Вместе с тем массовое использование цифрового рубля в бюджетной сфере требует законодательных изменений. Бюджетный кодекс РФ регулирует кассовое обслуживание исполнения бюджетов и предполагает использование счетов, открытых в Федеральном казначействе или Банке России. Необходимо внести изменения, предусматривающие возможность использования кошельков цифрового рубля для операций по исполнению бюджетов.

Международные аспекты цифрового рубля

Цифровой рубль в его нынешней концепции ориентирован на внутренний рынок Российской Федерации. Однако в перспективе возможно его использование в трансграничных расчётах. Это требует решения ряда правовых вопросов.

Во-первых, необходимо обеспечить взаимодействие платформы цифрового рубля с цифровыми валютами других центральных банков. Банк России участвует в международных проектах по разработке стандартов взаимодействия CBDC, включая проект mBridge с участием центральных банков Китая, ОАЭ, Таиланда и Гонконга.

Во-вторых, требуется определить правовой режим трансграничных переводов цифрового рубля. Такие переводы должны соответствовать валютному законодательству Российской Федерации. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» [11] подлежит применению к трансграничным операциям с цифровым рублём.

В-третьих, необходимо урегулировать вопросы налогообложения трансграничных операций. Использование цифрового рубля не должно создавать возможностей для уклонения от налогообложения или вывода капитала. Информация о трансграничных переводах должна передаваться налоговым органам в соответствии с международными соглашениями об обмене налоговой информацией.

В-четвёртых, важным является вопрос юрисдикции при разрешении споров, связанных с трансграничными операциями. Если одна из сторон перевода находится за рубежом, возникают вопросы о применимом праве и компетентном суде. Целесообразно включение в соглашения с иностранными партнёрами арбитражных оговорок с указанием на разрешение споров в российских судах или международных арбитражах.

Проблемы правового регулирования и пути их решения

Анализ законодательства о цифровом рубле и практики его применения позволяет выявить ряд проблем, требующих законодательного или правоприменительного решения.

Первая проблема связана с пробелами в регулировании наследования цифрового рубля. Федеральный закон № 340-ФЗ не содержит специальных норм о судьбе цифрового рубля в случае смерти владельца кошелька. Применяются ли общие правила наследования? Каков порядок доступа наследников к кошельку умершего?

Поскольку цифровой рубль приравнен к вещам, к нему должны применяться общие правила наследования, установленные Гражданским кодексом РФ. Цифровой рубль входит в состав наследства и переходит к наследникам. Однако технический механизм передачи доступа к кошельку требует регламентации. Необходимо установить процедуру, при которой наследники, представив свидетельство о праве на наследство, могут получить доступ к кошельку умершего или перевести цифровые рубли на свои кошельки.

Вторая проблема касается правового режима цифрового рубля при банкротстве владельца. Включается ли цифровой рубль в конкурсную массу? Может ли он быть объектом взыскания по обязательствам?

Поскольку цифровой рубль является имуществом должника, он подлежит включению в конкурсную массу при банкротстве. Кредиторы вправе обратить взыскание на цифровой рубль в кошельке должника. Однако процедура наложения ареста и обращения взыскания требует детализации. Арбитражный управляющий должен иметь возможность получить информацию о наличии кошельков у должника и остатках в них, а также обеспечить блокирование операций и перевод средств на специальный счёт конкурсной массы.

Третья проблема связана с отсутствием регулирования офлайн-операций с цифровым рублём. В докладе Банка России 2020 года указывалось, что цифровой рубль должен обеспечивать возможность офлайн-платежей при отсутствии подключения к интернету [3]. Однако Федеральный закон № 340-ФЗ не содержит норм об офлайн-операциях.

Офлайн-операции создают специфические правовые вопросы. Как обеспечить защиту от двойного расходования при отсутствии связи с платформой? Как учитывать такие операции? В какой момент они считаются совершёнными? Для решения этих вопросов необходимы изменения законодательства, предусматривающие специальный правовой режим офлайн-операций с установлением лимитов, особенностей подтверждения и учёта.

Четвёртая проблема касается недостаточной детализации ответственности Банка России как оператора платформы. Статья 23 Федерального закона № 340-ФЗ устанавливает, что Банк России не отвечает по обязательствам участников платформы, а участники не отвечают по обязательствам Банка России [1]. Однако не определён объём ответственности самого Банка России перед владельцами кошельков.

Если в результате технического сбоя платформы произошла утрата цифрового рубля или несанкционированный перевод, кто несёт ответственность? Банк России обладает иммунитетом от судебного взыскания в силу статьи 2 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [12]. Это создаёт правовую неопределённость для владельцев кошельков.

Для решения данной проблемы целесообразно создание компенсационного фонда, из которого будут возмещаться убытки владельцам кошельков в случае сбоев платформы. Фонд может формироваться за счёт средств Банка России или взносов участников платформы. Должна быть установлена чёткая процедура рассмотрения требований о возмещении убытков и критерии определения размера компенсации.

Пятая проблема связана с регулированием комиссий участников платформы. Федеральный закон № 340-ФЗ запрещает взимание комиссий за пополнение и выдачу цифрового рубля, однако не регулирует комиссии за другие услуги. Банки могут устанавливать плату за открытие кошелька, его ведение, СМС-информирование и другие сервисы.

Отсутствие ограничений на размер комиссий создаёт риск чрезмерных тарифов, что может снизить доступность цифрового рубля для населения. Целесообразно предоставить Банку России право устанавливать предельные размеры комиссий за базовые услуги, связанные с кошельками цифрового рубля, по аналогии с регулированием тарифов на базовые банковские услуги.

Шестая проблема касается недостаточной проработки вопросов межбанковских переводов в цифровом рубле. Если отправитель и получатель обслуживаются в разных банках, перевод проходит через платформу без участия банков в расчётах. Однако банки несут издержки по обслуживанию клиентов, обработке поручений, поддержке технологической инфраструктуры.

Необходимо установить механизм компенсации затрат банков на обслуживание переводов. Это может быть межбанковская комиссия, уплачиваемая банком отправителя банку получателя, или централизованная система компенсаций из средств Банка России. Размер компенсации должен покрывать обоснованные издержки, но не создавать чрезмерной нагрузки на систему.

Зарубежный опыт внедрения цифровых валют центральных банков

Анализ международного опыта показывает разнообразие подходов к разработке и внедрению CBDC. Китай реализует наиболее масштабный проект — цифровой юань (e-CNY), который тестируется с 2020 года и по состоянию на 2024 год используется в более чем 200 городах. Китайская модель предполагает активное участие коммерческих банков в распространении цифрового юаня при сохранении контроля Народного банка Китая.

Европейский центральный банк разрабатывает цифровое евро, ориентируясь на обеспечение конфиденциальности пользователей при соблюдении требований по противодействию отмыванию денег. Планируется реализация офлайн-функционала и интеграция с существующими платёжными системами.

Багамские острова в 2020 году стали первой юрисдикцией, полностью запустившей CBDC — Sand Dollar. Опыт Багам показывает важность обеспечения финансовой инклюзии — цифровая

валюта позволила жителям отдалённых островов получить доступ к финансовым услугам без необходимости открытия банковского счёта.

Российская модель цифрового рубля сочетает элементы китайского и европейского подходов: двухуровневая архитектура с участием банков, полная прослеживаемость операций для регулятора при обеспечении конфиденциальности от третьих лиц, поэтапное внедрение с пилотным тестированием. Особенностью российского подхода является жёсткое законодательное регулирование с самого начала, тогда как в большинстве стран CBDC внедряются на основе подзаконных актов центральных банков.

Международный опыт подтверждает необходимость тщательной проработки правовых аспектов, включая защиту персональных данных, кибербезопасность, взаимодействие с существующей финансовой инфраструктурой. Важным является обеспечение баланса между инновациями и стабильностью финансовой системы.

Перспективы развития правового регулирования цифрового рубля

Развитие законодательства о цифровом рубле будет определяться результатами практического внедрения и выявленными проблемами. Можно выделить несколько направлений совершенствования правового регулирования.

Первое направление — расширение функционала цифрового рубля. Возможно введение процентных кошельков, на остатки в которых начисляются проценты по ставке, устанавливаемой Банком России. Это создаст альтернативу банковским депозитам и позволит Банку России напрямую влиять на сберегательное поведение населения.

Второе направление — развитие программируемых платежей и смарт-контрактов. Законодательство должно детально регламентировать условия исполнения смарт-контрактов, ответственность сторон, порядок разрешения споров при некорректной работе программного кода.

Третье направление — интеграция цифрового рубля с цифровыми активами. Возможно использование цифрового рубля для расчётов при сделках с цифровыми финансовыми активами, токенизированными реальными активами. Это потребует согласования законодательства о цифровом рубле и о цифровых финансовых активах.

Четвёртое направление — развитие трансграничного использования цифрового рубля. По мере создания международных платформ взаимодействия CBDC российское законодательство должно обеспечить правовую основу для трансграничных расчётов, включая регулирование валютных операций, налогообложения, информационного обмена.

Пятое направление — совершенствование защиты прав потребителей. По мере накопления практики могут быть выявлены новые риски для владельцев кошельков, требующие дополнительных гарантий и механизмов защиты.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, цифровой рубль представляет собой принципиально новую форму денег, обладающую особой правовой природой. Законодатель придал цифровому рублю режим вещи, что отличает его как от наличных денег (материальных вещей), так и от безналичных денег (имущественных прав требования). Такое решение обеспечивает эффективную защиту прав владельцев, но создаёт теоретические вопросы о границах применения вещно-правовых конструкций к бестелесным объектам.

Во-вторых, двухуровневая архитектура платформы цифрового рубля с участием Банка России и кредитных организаций создаёт новую модель взаимодействия центрального банка и коммерческих банков. Кредитные организации выполняют функции посредников между клиентами и платформой, не осуществляя учёта цифровых рублей на своём балансе. Это трансформирует традиционную банковскую деятельность и требует переосмысления понятий банковской операции и банковской услуги.

В-третьих, внедрение цифрового рубля оказывает существенное влияние на банковскую систему, создавая как возможности, так и риски. Возможный отток средств из банковских депозитов компенсируется запретом на начисление процентов на остатки в кошельках и мерами рефинансирования. Изменение структуры платёжного рынка требует от банков адаптации бизнес-моделей и развития новых сервисов на базе цифрового рубля.

В-четвёртых, действующее законодательство о цифровом рубле содержит ряд пробелов и недостаточно проработанных вопросов: правовой режим наследования и банкротства, регулирование офлайн-операций, ответственность Банка России как оператора платформы, механизм межбанковских компенсаций, регулирование тарифов участников платформы. Устранение этих пробелов требует внесения изменений в Федеральный закон № 340-ФЗ и принятия детализирующих подзаконных актов.

В-пятых, правовое регулирование цифрового рубля должно обеспечивать баланс между

несколькими целями: развитие инновационных технологий и обеспечение финансовой стабильности; эффективность контроля за финансовыми потоками и защита конфиденциальности граждан; доступность цифрового рубля для населения и устойчивость банковской системы; гибкость денежно-кредитной политики и предсказуемость правового регулирования.

В-шестых, международный опыт внедрения CBDC подтверждает важность тщательной правовой проработки всех аспектов функционирования цифровой валюты центрального банка. Российская модель, основанная на детальном законодательном регулировании с самого начала, обеспечивает правовую определённость, но требует гибкости для адаптации к меняющимся условиям и технологическим возможностям.

В-седьмых, перспективы развития правового регулирования цифрового рубля связаны с расширением его функционала, развитием программируемых платежей, интеграцией с цифровыми активами, обеспечением трансграничного использования. Эти направления требуют дальнейшего совершенствования законодательства с учётом баланса интересов всех участников финансового рынка и обеспечения макроэкономической стабильности.

Таким образом, правовое регулирование цифрового рубля представляет собой комплексную задачу, требующую согласованного развития норм банковского, гражданского, финансового, административного права. Успешное внедрение цифрового рубля зависит не только от технологических решений, но и от создания адекватной правовой основы, обеспечивающей защиту прав всех участников, финансовую стабильность и реализацию целей денежно-кредитной политики Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О цифровом рубле» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 31. – Ст. 4820.

[2] Bank for International Settlements. Central bank digital currencies: foundational principles and core features / BIS. – Basel, 2020. – 26 p.

[3] Банк России. Доклад для общественных консультаций «Цифровой рубль» / Банк России. – М., 2020. – 48 с.

[4] Криворучко, С.В. Цифровой рубль: концептуальные основы и направления использования / С.В. Криворучко, В.А. Лопатин // Экономика. Налоги. Право. – 2021. – № 3. – С. 71-79.

[5] Ефимова, Л.Г. Правовые проблемы безналичных денег / Л.Г. Ефимова // Хозяйство и право. – 1997. – № 2. – С. 39-47.

[6] Суханов, Е.А. Российское гражданское право: Учебник. В 2 т. Том I. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2011. – 958 с.

[7] Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «О национальной платёжной системе» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 27. – Ст. 3872.

[8] Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 29.05.2024) «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 6. – Ст. 492.

[9] Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33 (часть I). – Ст. 3418.

[10] Федеральный закон от 04.06.2018 № 123-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 24. – Ст. 3390.

[11] Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ (ред. от 31.07.2023) «О валютном регулировании и валютном контроле» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4859.

[12] Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 28. – Ст. 2790.

[13] Белоусов А.Л. цифровые финансовые активы: тенденции и перспективы // Инновационное развитие экономики: тенденции и перспективы. 2024. Т. 1. С. 264-274.

References:

[1] Federal Law of 24.07.2023 No. 340-FZ “On the Digital Ruble “//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2023. – № 31. - Art. 4820.

[2] Bank for International Settlements. Central bank digital currencies: foundational principles and core features / BIS. – Basel, 2020. – 26 p.

[3] Bank of Russia. Report for public consultations “Digital Ruble “/Bank of Russia. - M., 2020. - 48 s.

[4] Krivoruchko, S.V. Digital ruble: conceptual foundations and directions of use/S.V. Krivoruchko, V.A. Lopatin//Economics. Taxes. Right. – 2021. – № 3. - S. 71-79.

[5] Efimova, L.G. Legal problems of non-cash money/L.G. Efimova//Economy and law. – 1997. – № 2. - S. 39-47.

[6] Sukhanov, E.A. Russian Civil Law: Textbook. In 2 vols. Volume I. General part. Property law. Inheritance law. Intellectual rights. Personal non-property rights/E.A. Sukhanov. - M.: Statute, 2011. - 958 p.

[7] Federal Law of 27.06.2011 No. 161-FZ (as amended by 19.12.2023) " On the National Payment System "//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2011. – № 27. - Art. 3872.

[8] Federal Law No. 395-1 of 02.12.1990 (as amended by 29.05.2024) " On Banks and Banking Activities "//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 6. - Art. 492.

[9] Federal Law of 07.08.2001 No. 115-FZ (as amended by 14.07.2022) " On Combating the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism "//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. - No. 33 (Part I). - Art. 3418.

[10] Federal Law No. 04.06.2018 of 123-FZ (as amended by 29.12.2022) " On the Commissioner for the Rights of Consumers of Financial Services "// Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2018. – № 24. - Art. 3390.

[11] Federal Law of 10.12.2003 No. 173-FZ (as amended by 31.07.2023) " On Currency Regulation and Currency Control "//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2003. – № 50. - Art. 4859.

[12] Federal Law No. 10.07.2002 dated 86-FZ (as amended by 14.07.2022) " On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia) "//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 28. - Art. 2790.

[13] A.L. Belousov, digital financial assets: trends and prospects//Innovative development of the economy: trends and prospects. 2024. VOL. 1. S. 264-274

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-546-554

ТЮХТИН Дмитрий Анатольевич,
эксперт Экспертно-криминалистического центра
УВД по САО ГУ МВД России по г. Москве,
майор полиции, аспирант 2 курса кафедры криминалистики,
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: dtyuchtin@yandex.ru.

Научный руководитель:
ГАЛЯШИНА Елена Игоревна,
доктор юридических наук, доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой криминалистики
Московского государственного юридического университет
а имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
почетный работник сферы образования,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ В СФЕРЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. *Настоящая статья рассматривает применимость понятия криминалистически значимой информации в сфере инновационных технологий. Рассмотрены термины «информация» и «значимость» с точки зрения их языкового значения, а также рассмотрены мнения ведущих ученых-криминалистов относительно термина «криминалистически значимая информация».*

Ключевые слова: *Информация, значимая информация, криминалистически значимая информация, сведения, фактические данные, причинно-следственная связь.*

TYUKHTIN Dmitry Anatolyevich,
expert at the Forensic Center of the Department
of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow,
police major, 3-d year postgraduate student
of the Department of Criminalistic at the O.E. Kutafin
Moscow State Law University (MSAL)

Scientific supervisor:
GALYASHINA Elena Igorevna,
Doctor of Law, Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Criminalistic at the Kutafin Moscow
State Law University (MSAL),
Honorary Worker of Education

ON THE CONCEPT OF CRIMINALLY SIGNIFICANT INFORMATION IN THE FIELD OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES

Annotation. *This article examines the applicability of the concept of forensic significant information in the field of innovative technologies. The terms "information" and "significance" are considered from the point of view of linguistic meaning, and the opinions of leading forensic scientists regarding the term "forensic-significant information" are considered.*

Key words: *Information, relevant information, criminally relevant information, data, factual data, cause and effect relationship.*

Проблема определения понятия криминалистически значимой информации в криминалистической науке до сих пор остается не разрешенной. Не прекращаются споры о криминалистическом характере информации, о критериях ее значимости, о сущностных характеристиках, видах и пределах.

Научные дискуссии по данному вопросу в криминалистике обусловлены неоднозначностью определения самой категории «информация», выступающей предметом различных наук, в которых также нет единого логического вывода о ее сущности и природе [6 с. 10-11; 17 с. 16].

По такой схеме идет большинство исследователей, приводя вначале рассуждений перевод рассматриваемой категории с латинского языка. Например, в работе А.Н. Першина указано, что информация в переводе с латинского означает сведение, разъяснение, ознакомление [17 с. 16]. В монографии В.А. Савельева перевод с латинского informatio представлен также как разъяснение и как ознакомление, представление, понятие [19 с. 34].

По всей видимости, варианты истолкования информации как сведений, представления, понятия заимствованы из Википедии и относятся к современной интерпретации переводов с латыни. Если же обратиться к лингвистическим исследованиям этимологии обсуждаемой дефиниции, то увидим, что в «Словаре русского языка XVIII века» содержатся более детальные сведения по «механизму» заимствования из западноевропейских языков. Языком-посредником при заимствовании русским языком слова «информация» стал польский язык. «ИНФОРМАЦИЯ 1702, и, ж. Лат. informatio, через пол. informacyja, укр., бел. информация. Уведомление, извещение; донесение» [21 с. 108].

В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П.Я. Черных слово «информация» возводится к заимствованиям из западноевропейских языков, а в качестве первоисточника указывается латинское слово «informatiō» – изложение, истолкование, разъяснение [27 с. 335].

Хотим сразу обратить внимание, что в раннем значении в латинском языке информация интерпретировалась с помощью отглагольных существительных, описывающих действие по передаче характеристики какого-то предмета, явления, события от одного субъекта другому.

Как сообщение и сведение информация начинает интерпретироваться только ближе к середине 20 века. С 1935 г. в этом значении информация зафиксирована в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова, а с 1950-х годов в этих же значениях в словаре С.И. Ожегова, Большой советской энциклопедии и в «Словаре современного русского литературного языка» [9]. Как видим, появление в словарях значения «сведения» уже не является отглагольным существительным и не требует для своего существования субъекта передачи информации и адресата ее получения. В дальнейшем количество значений слова информация значительно расширилось в словарях в связи с активным использованием рассматриваемой категории в различных науках.

Новые значения у слова «информация» появляются только в середине 1960-х годов, что было зафиксировано в словаре-справочнике «Новые слова и значения» (1971), в котором приводится восемь значений этого слова: 1. Статья, заметка информационного, осведомительного характера. 2. Совокупность каких-либо сведений, знаний о чем-либо. 3. Сведения, сигналы об окружающем мире, которые воспринимают организмы в процессе жизнедеятельности. 4. Сведения, являющиеся объектом хранения, передачи и переработки. 5. Совокупность количественных данных, выражаемых при помощи цифр или кривых, графиков и используемых при сборе и обработке каких-либо сведений. 6. В биологии – совокупность химически закодированных сигналов, передающихся от одного живого объекта другому (от родителей потомкам) или от одних клеток, тканей, органов другим в процессе развития особи. 7. В математике, кибернетике – количественная мера устранения энтропии (неопределенности), мера организации системы. 8. В философии – свойство материальных объектов и процессов сохранять и порождать определенное состояние, которое в различных вещественно-энергетических формах может быть передано от одного объекта к другому; степень, мера организованности какого-либо объекта (системы) [13 с. 191-193].

В тот период формируются два подхода ученых к пониманию информации – атрибутивный и функциональный. Первые понимают информацию как свойство, присущее всем материальным объектам, вторые расценивают ее как свойство функционирующих самоорганизующихся систем, как функцию человеческого сознания, без которого информация в неживой природе существовать не может.

Позиция последних авторов, на наш взгляд, противоречит философской концепции отражения как всеобщему свойству материи. Теория отражения была воспринята большинством наук, в том числе и криминалистикой, для понимания феномена информации. Независимо от принадлежности к какому-либо из указанных подходов, ученые признают, что в процессе движения материи происходит взаимодействие объектов, которые изменяются в следствие такого взаимодействия.

Сведения (данные, сигналы) о таких изменениях, возникающих в результате взаимодействия, и выступают информацией. Дальнейшее разделение понимания сводится к дискуссии о том, может ли материальный объект неживой природы самостоятельно передавать эти изменения во времени, или же передача этих изменений ограничивается деятельностью и сознанием человека.

На наш взгляд, если процесс отражения и происходящие вследствие этого изменения уже признаются аксиоматичными, то сущность научной дискуссии сводится лишь к тому, могут ли эти изменения именоваться информацией. Как нам представляется, следует исходить из начального толкования слова информация, где все-таки отглагольные существительные прямо указывали на субъекта восприятия изменений в окружающем мире и субъекта-адресата, до которого эти данные следует довести, доложить. Сказать однозначно, что мы склоняемся к функциональному подходу тоже нельзя, т.к. мы не отрицаем возникновение информации как отражаемых изменений в объектах неживой природы, но ведем речь об обязательной субъективной оценке этих изменений с точки зрения их полезности для определенного субъекта или каких-либо целей. Таким образом для характеристики сущности информации обязательно должно подразумеваться присутствие потенциального получателя информации.

С этих позиций излагаются уже более поздние словарные определения обсуждаемой категории. Так, в «Словаре русского языка» информация дается в значении «сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком и специальными устройствами» [22 с. 674], аналогичная формулировка приводится во втором значении слова «информация» в Современном академическом словаре русского языка [3 с. 729], а также в словаре С.И. Ожегова [14 с. 250]. Комментируя толкование из последнего источника, В.О. Давыдов в своем диссертационном исследовании также отмечает, что информации придается субъективный характер, и она является таковой только в том случае, когда воспринята человеком, в том числе человек является конечным потребителем информации, когда она воспринята специальным техническим устройством [7 с. 65]. Такое категоричное построение комментария дает основание отнести его к функциональной группе определений информации, но считаем, что акцент на конечном потребителе сделан справедливый.

Как верно указано В.А. Савельевым относительно адресата получения информации, последняя есть представительная характеристика предметов, процессов и явлений в виде сигналов, которые должны быть восприняты получателем информации [19 с. 29]. Данный криминалист, проанализировав точки зрения многих ученых на понятие и сущность информации, пришел к выводу о существовании двух подходов к понятию информации, связанных с отождествлением исследуемого термина 1) со сведениями, фактами, которые теоретически могут быть получены, усвоены, преобразованы в знания; и 2) с данными, которые могут стать информацией в зависимости от методов их интерпретации и преследуемых целей [19 с. 30-32].

Первому из выделенных В.А. Савельевым подходов соответствует определение информации международными стандартами, приведенными в учебнике «Организация противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий»:

«знания о предметах, фактах, идеях и т.д., которыми могут обмениваться люди в рамках конкретного контекста;

знания относительно фактов, событий, вещей, идей и понятий, которые в определенном контексте имеют конкретный смысл» [15 с. 38].

На наш взгляд, знание выступает результатом, итогом процесса познания, оно требует не только восприятия сигналов, сведений, данных, но и их логического осмысления, сопоставления с другими сведениями, с имеющимся опытом. Информация же, даже как следует из приведенных определений, может быть передана без какого-либо осмысления и оценки, особенно, если воспринимаема специальным техническим устройством. Схожую точку зрения на данный аспект мы встречаем в исследовании Ю.Н. Соколова, который также, как и мы, считает, что знание не может приравниваться к тому информационному сигналу, который несет в себе совокупность определенных сведений, соотношение «знание» и «информация» должно определяться тем, что носителей информации об обстоятельствах преступления может быть несколько, а знание, подлежащее установлению, одно. Эти две категории могут соотноситься между собой лишь в рамках одного познавательного акта, в котором знание занимает место конечного элемента [25 с. 111].

В криминалистике категория информации входит в содержание предмета науки. С точки зрения Р.С. Белкина, термин «информация» в предмете науки понимается как совокупность сведений о механизме преступления и его участниках, содержащихся в отражении комплекса элементов события, а закономерности возникновения информации о преступлении и его участниках служат связующим звеном между преступной

деятельностью и деятельностью по раскрытию и расследованию преступлений. Именно последний вид деятельности рассматривается криминалистической наукой как работа с информацией о преступлении посредством придания этой информации статуса доказательств в процессе ее собирания, исследования, оценки и использования в целях доказывания. Процесс возникновения информации о механизме преступной деятельности есть процесс отражения этой деятельности в среде, а информация выступает результатом этого процесса [2 с. 37].

Однако предмет криминалистической науки ограничен информацией только о преступлении, в связи с чем возникает вопрос, а как быть с той информацией, которая не отражает изменения среды, непосредственно связанной с преступлением, но опосредованно может быть полезной для достижения целей раскрытия и расследования посягательства? Например, сведения о психологических свойствах личности свидетеля не относятся к доказательствам, и не позволяют напрямую формировать доказательства. Однако их тактическая полезность позволяет создать необходимую психологическую обстановку допроса, за счет которой добиться большей информативной результативности следственного действия. Кроме этого, в процессе исследования доказательств могут понадобиться сведения справочного характера, не имеющие тактического свойства, но необходимые для применения сравнительных и других методов следственной и экспертной работы по уголовному делу.

Тем самым круг сведений или данных, необходимых для достижения целей раскрытия и расследования преступления, значительно шире тех, которые непосредственно отражают изменения среды, связанные с событием преступления. Большинство ученых-криминалистов этот широкий круг информации именуют криминалистически значимой (далее КЗИ).

Р.С. Белкин определял КЗИ как «сведения, данные, имеющие отношение к раскрытию и расследованию преступления, т. е. информацию, содержащуюся в доказательствах, и ориентирующую – полученную из непроцессуальных источников и не имеющую доказательственного значения» [1 с. 83].

Довольно развернутое определение предлагают А.Ф. Волынский и Е.Р. Россинская: «...под информацией в криминалистике понимаются фактические данные или сведения, находящиеся в причинно-следственной связи с событием преступления и характеризующие способ его совершения, лиц, его совершивших, предметы преступного посягательства, орудия преступления и тому подобные обстоятельства. Такую информацию принято называть криминалистически значимой. Ее источниками при этом являются самые разнообразные (материальные и идеальные) следы преступлений, а, соответственно, и все следообразующие объекты» [4 с. 3]. В то же время, несмотря на объем определения, его содержание страдает усеченностью и не выходит за рамки информации, входящей в предмет криминалистики.

На наш взгляд, обозначенная в приведенных определениях направленность информации чрезмерно расширена и выходит за рамки криминалистического значения. В уголовно-процессуальной науке задачами судопроизводства выступают формы правового долженствования, реализуемые путем принятия процессуальных решений и выполнения процессуальных действий, направленные на достижение цели уголовного судопроизводства [24 с. 53]. Достаточно большое количество процессуальных решений и действий не направлено на раскрытие преступления, особенно в судебных стадиях и исполнения приговора. Такие задачи, как реабилитация лиц, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности, компенсация им причиненного уголовным преследованием ущерба, принятие мер по попечению о детях и других иждивенцах осужденного и пр. никак не требуют получения криминалистически значимой информации. Даже отдельные задачи стадии предварительного расследования не требуют для своего решения КЗИ. Например, приостановление предварительного расследования наоборот основывается либо на отсутствии КЗИ, либо, особенно иллюстративно, на медицинском факте. Избрание меры пресечения в отдельных случаях может и иметь криминалистические тактические основания и перспективы, но в большинстве своем представляет чисто процессуальное решение, направленное на обеспечение присутствия обвиняемого на следственных действиях, особенно при отсутствии у него постоянной регистрации и места жительства. Для выполнения задачи ознакомления участников расследования по его окончании с материалами уголовного дела также нет надобности получать какую-то специальную КЗИ.

Е.Н. Паршина такую значимость трактует еще шире через достижение целей уголовного процесса и под исследуемой категорией понимает информацию, имеющую «значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, или способствующую получению таковой, также любую информацию, имеющую значение для достижения целей уголовного судопроизводства» [16 с. 12]. Если исходить из понимания цели уголовного процесса как создания условий для реа-

лизации уголовной ответственности либо освобождения невиновного от таковой [24 с. 42,52], то КЗИ можно интерпретировать еще шире, чем в предыдущих определениях.

Ориентированное на раскрытие и расследование целеполагание КЗИ встречаем и у С.А. Ялышева, указывающего, что «криминалистически значимой информацией можно назвать фактические данные или сведения, находящиеся в причинно-следственной связи (прямой или косвенной) с событием преступления, а также справочную и иную ориентирующую информацию, необходимые для правильного раскрытия и расследования уголовного дела по существу [28 с. 24]. Правда, странно, что раскрывать и расследовать указанный автор собирается уголовное дело, а не преступление. И если в обиходе словосочетание «расследование уголовного дела» встречается достаточно часто, то представляется комичной категория «раскрытие уголовного дела», сразу воспринимаемая буквально. Кроме этого, по существу дело разрешается, а не раскрывается, и процесс его разрешения реализуется судом. Тогда как КЗИ собирается в большинстве своем на досудебных стадиях и в суд представляется также преимущественно только в части и в форме доказательств, где именно достаточность и доброкачественность последних позволяет принять решение по существу.

Ряд авторов в своих определениях не стали выделять цели и задачи, на достижение (решение) которых направлена КЗИ. Они хотя и говорят о раскрытии и расследовании преступлений, но лингвистическая конструкция их определений указывает на касательность к этому виду деятельности, как второй составляющей объекта криминалистики. Так, Л.А. Суворова ведет речь об относимости информации как к событию преступления, так и к процессу его раскрытия и расследования: «…сведения, данные, имеющие отношение к преступлению на всех стадиях его совершения (подготовки, исполнения, сокрытия), а также к процессу его раскрытия и расследования, полученные процессуальным и непроцессуальным путем» [23 с. 12]. К этой группе относится и дефиниция Д.С. Хижняка, достаточно обобщенно определяющего КЗИ, как сведения, данные, имеющие отношение к раскрытию и расследованию преступления [26 с. 162]. Ему вторит Я.А. Посков, повторяя слово в слово указанное выше определение [18 с. 13].

Такая касательность как с событием преступления, так и с процессом раскрытия и расследования, которую, кстати, мы в первую очередь встречаем в определении Р.С. Белкина, позволяет выводить КЗИ за пределы, ограниченные предметом криминалистики. То, что эта информация «имеет отношение», «причинно-следственную связь» или «может использоваться» в процессе раскрытия и расследования толкуется достаточно широко и не исключает, что в нее будут входить данные справочного, ориентирующего, тактического и пр. характера, не имеющие прямого отношения к событию преступления, но значимые для результатов расследования.

Возникает вопрос о характере такой значимости. По мнению Н.С. Колесниковой, слово «значимая» представляется излишним и не несущим никакой дополнительной смысловой нагрузки к словосочетанию «криминалистическая информация». Ссылаясь на толковый словарь С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, ученый строит такой логический ряд: значимый — имеющий какое-нибудь значение; синонимом слова «значение» является слово «смысл»; получается, что «криминалистически значимая информация» - это информация, имеющая криминалистический смысл. Тем самым, ученый делает вывод, что правильнее оперировать категорией «криминалистическая информация» без употребления слова «значимая», к которой и будет относиться информация, связанная с предметом криминалистики и практической деятельностью по раскрытию и расследованию преступлений [8 с. 203].

Однако, Н.С. Колесникова не уточняет в своем определении к какой части предмета криминалистики относится информация, в связи с чем можно сделать вывод, что речь идет об информации, отражающей данные, сведения, знания обо всем предмете науки криминалистики и обо всей практической деятельности по раскрытию и расследованию любого преступления, что действительно правильнее назвать просто криминалистической информацией. В частности, М.В. Салтевский именно в таком контексте рассматривает криминалистическую информацию как «данные о теоретических основах возникновения следов преступления, практических методах и средствах использования их для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений» [20 с. 37]. Схожие взгляды на природу криминалистической информации имеет и А.В. Лапин, определяющий данную категорию как «любые сведения доказательственного, оперативного, тактического, организационного характера, а также профессиональные знания следователя и иных участников расследования, вовлеченных в сферу борьбы с преступностью, с целью оптимального решения задач уголовного судопроизводства» [11 с. 7-8].

Д.А. Натура в своем определении ведет речь только о решении криминалистических задач, видимо, чтобы не смешивать уголов-

но-процессуальную и криминалистическую материи. С его точки зрения, «понятием «криминалистически значимая информация» по существу охватывается любая информация, используемая в целях решения криминалистических задач, вне зависимости от ее рода, вида и источников происхождения» [12 с. 76]

Анализ приведенных и иных понятий показывает, что ученые определяют криминалистически значимую информацию через сведения, данные, сигналы и знания. Относительно последнего мы уже излагали свою позицию, подкрепляя ее точкой зрения Ю.Н. Соколова. Однако, указанный ученый считает, что если в рамках одного или первичного познавательного акта знание занимает место конечного элемента, то в рамках последующего акта познания полученное знание уже может выступать информацией. Это утверждение относительно справедливо для всего процесса познания, реализуемого в деятельности по раскрытию и расследованию преступления. Однако, во-первых, оценочный характер категории знание позволяет судить о его конечной достоверности в уголовном судопроизводстве только при разрешении дела по существу (вынесение приговора или прекращение производства); во-вторых, применительно к предмету нашего исследования этап получения информации еще не предполагает ее досконального исследования и оценки до однозначности вывода о достоверности. Говорить о профессиональных знаниях субъекта расследования (М.В. Савельева и В.В. Степанов, А.В. Лапин), теоретических криминалистических (Н.С. Колесникова) или научных знаниях (Д.А. Ефремов) в контексте их получения даже можно сказать нелепо, т.к. это не будет относиться к деятельности по раскрытию и расследованию конкретного преступления, а тем более не требует применения каких-то специфических (тем более инновационных) методов получения такой теоретической информации (получение знания из учебных материалов или памяти следователя). Тем самым, использование категории знание по указанным здесь и выше причинам для определения КЗИ безосновательно.

Большинство ученых используют вместе категории данные и сведения (Р.С. Белкин, А.Ф. Волынский и Е.Р. Россинская, В.Н. Цимбал, Л.А. Суворова, С.А. Ялышев, Д.С. Хижняк, Я.А. Посков, Д.А. Ефремов, В.О. Давыдов). Однако использование противопоставительного союза и отнесение категории «данные» только к фактической информации, а сведений к справочной (А.Ф. Волынский и Е.Р. Россинская, С.А. Ялышев, В.О. Давыдов и др.) указывает на то, что ряд авторов эти категории не отождествляют. Интересный подход в этом контексте встречаем в диссертационном исследовании Я.А. Поскова, который предлагает информацию как определенные изменения в среде определять через данные, и только после того, как данные об этих изменениях становятся известными, они приобретают статус сведений. Похожее мнение можно усмотреть и в аргументах Соколова, считающего, что осмысленное (познанное) сообщение можно рассматривать как сведения, сведения как криминалистическую информацию. В диссертации Я.А. Поскова высказывается предположение о том, что в тех случаях, когда информация не может быть проверена немедленно, она является данными, а когда есть конкретное лицо, от которого получается эта информация, она является сведениями. В нашем исследовании речь идет о применении инновационных технологий только для получения КЗИ. Естественно, что на этапе получения информация в большинстве случаев не может быть проверена немедленно, а соответственно, КЗИ в пределах настоящей работы целесообразно определять через категорию данные.

В Международном инженерном стандарте «ISO/IEC 2382:2015 Information technology» понятие «данные» определены как поддающееся многократной интерпретации представление информации в формализованном виде, пригодном для передачи, связи или обработки. В определении, как указывается в специальной литературе, сделан важный акцент на том, что информация из данных может быть извлечена многократно, а для передачи и обработки используются именно данные, а не извлекаемая из них информация [11 с. 7-8], что также дополнительно подтверждает правоту нашей позиции.

Теперь необходимо определить характер и значение данных. В определении В.Н. Цимбала говорится о справочном, ориентирующем и (или) доказательственном значении. Паршина ведет речь о значении информации для установления предмета доказывания. В.Д. Корма говорит о процессуальном и непроцессуальном характере сведений. У А.В. Лапина сведения имеют доказательственный, оперативный, тактический и организационный характер. Несмотря на то, что у приведенных авторов нет совпадающих формулировок, по сути все они ведут речь о категориях одного смыслового порядка. Практически все авторы сходятся во мнении, что информация по своему содержанию отражает факты, напрямую связанные с событием преступления, и иные данные, которые помогают эти факты узнать или исследовать. Вспомогательная функция последней категории данных проявляется в трех направлениях: 1) в виде тактического воздействия на источник фактических данных; 2) ориентирую-

щем (указующем) на отыскание такого источника; 3) справочно-сравнительном. При этом лингвистически верно, характеризуя эти направления, вести речь о характере, а не о значении (т.е. смысле) информации, которая итак выступает криминалистически значимой.

В криминалистической литературе имеется достаточно большое количество определений криминалистической, а чаще тактической задачи [14 с. 39]. Однако, с информационно-содержательных позиций задача определяется лишь отдельными авторами.

Считаем обязательным признаком конструируемого определения должен стать ответ на вопрос, для чего используется криминалистически значимая информация. Выше мы уже приводили на этот счет точки зрения ученых и остановились на приемлемости позиции Д.А. Натуры, считающего что КЗИ предназначена для решения криминалистических задач. Однако, категория криминалистической задачи неоднозначна, и их количество в научно-методических источниках определяется по-разному.

Список литературы:

[1] Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2000.

[2] Белкин Р.С. Курс криминалистики. С. 88; Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика : учебник для вузов /под ред. заслуж. деятеля науки РФ, проф. Р. С. Белкина. — М., 2000. — 990 с.

[3] Большой академический словарь русского языка (БАС 2007). – М.; СПб.: Наука, 2007. – Т. 7.

[4] Волынский А.Ф. Криминалистическая регистрация / А.Ф. Волынский, Е.Р. Россинская. М., 1992.

[5] Гаврилин Ю.В., Головин А.Ю., Тишутина И.В. Криминалистика в понятиях и терминах. – . М.: Книжн. мир, 2006. – С. 115, 117–118

[6] Григорьев А.В. Теоретические аспекты информации и ее защиты в предварительном расследовании преступлений. Автореф. … канд. юрид.наук. Калининград, 2002, С. 10-11

[7] Давыдов В.О. О категории «криминалистически значимая информация в контексте концепции криминалистического учения об организации расследования преступлений Электронный ресурс URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-kategorii-kriminalisticheski-znachimaya-informatsiya-v-kontekste-kontseptsii-kriminalisticheskogo-ucheniya-ob-organizatsii С. 65. (Дата обращения 29.10.2025)

[8] Колесникова Н.С. Анализ категории информации в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 5. С. 199-207. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.114.5.199-207.

[9] Крюкова О.С. О семантической истории слова «информация». 2019.03.024. Электронный ресурс URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-semanticheskoy-istorii-slova-informatsiya (дата обращения 12.10.2025)

[10] Курс криминалистики. Общая часть / отв. ред. В.Е. Корноухов. – М., 2000.

[11] Лапин А.В. Теория информации и некоторые вопросы расследования преступлений // Вестник Белорусского университета имени В. И. Ленина. 1987. Сер. 3.

[12] Натура Д.А. К вопросу о классификации криминалистически значимой информации // Социум и власть № 3 (43) 2013.

[13] Новые слова и значения:: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 1960-х годов / под ред. Котеловой Н.З., Сорокина Ю.С. – М.: Сов. Энциклопедия, 1971.

[14] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. / Под ред. Н.Ю.

Шведовой – 23-е изд., испр. М., 1999.

[15] Организация противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий : учебник : в 2 ч. / Гаврилин Ю. В., Пинкевич Т. В., Мартыненко Н. Э. [и др.] ;под общ. ред. Ю. В. Гаврилина. – Москва : Академия управления МВД России, 2024. Ч. 1.

[16] Паршина Е.Н. Проблемы информационного обеспечения и защиты информации в предварительном расследовании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. С. 12.

[17] Першин А.Н. Криминалистические основы анализа документированной информации в уголовном судопроизводстве: монография. — Омск: Омская академия МВД России, 2015.

[18] Посков Я.А. Основы информационного обеспечения производства следственных и иных процессуальных действий: Автореф. … канд. юрид. наук. Люберцы, 2009.

[19] Савельев В.А. Проблемы получения и утраты информации в ходе расследования преступлений: монография / В. А. Савельев. – Краснодар: КубГАУ, 2015.

[20] Салтевский М.В. Криминалистика. В современном изложении юристов. Х. : Рубикон, 1996.

[21] Словарь русского языка XVIII в. (СРЯ XVIII в.). СПб.: Наука, 1997. Вып. 9. – 270 с.

[22] Словарь русского языка в четырех тт. (СРЯ 1985). – М.: Рус. яз., 1985. –Т. 1. – 702 с.

[23] Суворова Л.А. Идеальные следы в криминалистике: дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2005.

[24] Судницын А.Б. Задачи предварительного расследования: правовая природа, система, проблемы реализации и пути совершенствования : монография / А.Б. Судницын. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2019.

[25] Соколов Ю.Н. Информационные технологии и оборот цифровых данных в криминалистике: вопросы теории и практики: Дисс. …д-ра юрид. наук, ЕКБ, 2023.

[26] Хижняк Д.С. Источники получения криминалистически значимой информации о совершенных транснациональных преступлениях // Вестник Саратовской государственной юридической академии · № 4 (87) · 2012. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: 13 560 слов: – 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1994. – Т. 1. – 560 с.

[27] Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: 13 560 слов: – 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1994. – Т. 1. – 560 с.

[28] Якушин С.Ю. Тактические задачи при расследовании преступлений: понятие и виды // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 152. Кн. 4. – С. 207

[29] Ялышев С.А. Криминалистическая регистрация: проблемы, тенденции, перспектива: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 1999.

References:

[1] Belkin R.S. Forensic Encyclopedia. M., 2000.

[2] Belkin R.S. Forensics course. S. 88; Averyanova T.V., Belkin R.S., Korukhov Yu. G., Rossinskaya E.R. Criminalistics: a textbook for universities/ ed. scientist of the Russian Federation, prof. R. S. Belkin. - M., 2000. - 990 s.

[3] Great Academic Dictionary of the Russian Language (ALS 2007). - M.; St. Petersburg: Science, 2007. - VOL. 7.

[4] Volynsky A.F. Forensic registration/A.F. Volynsky, E.R. Rossinskaya. M., 1992.

[5] Gavrilin Yu.V., Golovin A.Yu., Tishutina I.V. Forensics in terms and concepts. – . M.: Book. world, 2006. - S. 115, 117-118

[6] Grigoriev A.V. Theoretical aspects of information and its protection in the preliminary investigation of crimes. Autoref.... cand.yurid.nauk. Kaliningrad, 2002, S. 10-11

[7] Davydov V.O. On the category “criminally significant information in the context of the concept of forensic teaching on the organization of crime investigation. Electronic resource URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-kategorii-kriminalisticheski-znachimaya-informatsiya-v-kontekste-kontseptsii-kriminalisticheskogo-ucheniya-ob-organizatsii P. 65. (Accessed 29.10.2025)

[8] Kolesnikova N.S. Analysis of the category of information in the activities of solving and investigating crimes//Actual problems of Russian law. 2020. VOL. 15. № 5. S. 199-207. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.114.5.199-207.

[9] Kryukova O.S. On the semantic history of the word “information.” 2019.03.024. Electronic resource URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-semanticheskoy-istorii-slova-informatsiya (date of contact 12.10.2025)

[10] Forensics course. Common part/hole ed. V.E. Kornoukhov. - M., 2000.

[11] Lapin A.V. Theory of information and some issues of crime investigation//Bulletin of the Belarusian University named after V.I. Lenin. 1987. Ser. 3.

[12] Natura D.A. On the classification of criminally significant information//Society and Power No. 3 (43) 2013.

[13] New words and meanings:: Dictionary-reference book on materials of the press and literature of the 1960s/ed. Kotelova N.Z., Sorokina Yu.S. - M.: Sov. Encyclopedia, 1971.

[14] Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language ./Ed. N.Yu.

Swede - 23rd ed., Rev. M., 1999.

[15] Organization of countering crimes committed using information and telecommunication technologies: textbook: 2 hours/Gavrilin Yu. V., Pinkevich T. V., Martynenko N. E. [et al.]; under the general. ed. Yu. V. Gavrilina. - Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. PART 1.

[16] E.N. Parshina. Problems of information support and information protection in the preliminary investigation: author’s review. dis.... cand. jurid. sciences. Izhevsk, 2004. S. 12.

[17] A.N. Pershin. Forensic basis of analysis of documented information in criminal proceedings: monograph. - Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015.

[18] Poskov Ya.A. Basics of information support for the production of investigative and other procedural actions: Author... Candidate of Law sciences. Lyubertsy, 2009.

[19] V.A. Savelyev. Problems of obtaining and losing information during the investigation of crimes: monograph/V.A. Savelyev. - Krasnodar: KubSAU, 2015.

[20] Saltevsky M.V. Forensics. In the modern presentation of lawyers. H.: Rubicon, 1996.

[21] Dictionary of the Russian language of the XVIII century. (SRY XVIII century.). St. Petersburg: Science, 1997. No. 9. - 270 s.

[22] Dictionary of the Russian language in four vols. (SRY 1985). - M.: Rus. language, 1985. -T. 1. - 702 s.

[23] Suvorova L.A. Ideal traces in forensics: dis.... cand. jurid. sciences. Voronezh, 2005.

[24] A.B. Sudnitsyn Tasks of preliminary investigation: legal nature, system, implementation problems and ways of improvement: monograph/A.B. Sudnitsyn. - Krasnoyarsk: SibYuI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019.

[25] Sokolov Yu.N. Information technologies and digital data circulation in forensics: questions of theory and practice: Diss.... Dr. Jurid. Sciences, EKB, 2023.

[26] D.S. Khizhnyak. Sources of obtaining criminally significant information about committed transnational crimes//Bulletin of the Saratov State Law Academy· No. 4 (87)· 2012. Chernykh P.Ya. Historical and etymological dictionary of the Russian language: 13,560 words: - 2nd ed., Stereotype. - M.: Rus. language, 1994. - VOL. 1. - 560 s.

[27] Chernykh P.Ya. Historical and etymological dictionary of the Russian language: 13,560 words: - 2nd ed., stereotype. - M.: Rus. language, 1994. - VOL. 1. - 560 s.

[28] Yakushin S.Yu. Tactical tasks in investigating crimes: concept and types//Scientific notes of Kazan State University. Humanities. – 2010. - T. 152. Kn. 4. - S. 207

[29] Yalyshev S.A. Forensic registration: problems, trends, perspective: abstract. dis.... Dr. Jurid. sciences. St. Petersburg, 1999.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-555-558

СТЕПАНЕНКО Анастасия Алексеевна,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
Россия, Москва,
e-mail: stasyaal02@mail.ru

ЦИФРОВАЯ ПЛАТФОРМА В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. *В данной научной статье проводится комплексный анализ проблематики гражданско-правовой квалификации цифровой платформы в условиях современной цифровой экономики. Актуальность исследования обусловлена существующей диспропорцией между колоссальной рыночной стоимостью цифровых экосистем и их неопределенной юридической формой в действующем российском законодательстве. На основе доктринальных подходов Л.А. Новоселовой в работе рассматривается концепция открытого перечня объектов гражданских прав, закрепленного в статье 128 ГК РФ. Автором критически оценивается устоявшаяся правоприменительная практика, сводящая регулирование сложнейших платформ исключительно к традиционным институтам интеллектуальной собственности (как совокупности программ для ЭВМ и баз данных). На основе исследований А.И. Савельева и материалов судебной практики (дело «ВКонтакте» против «Дабл Дата») убедительно доказано, что режим авторского права не обеспечивает надлежащую защиту таким ключевым элементам актива, как массивы больших данных и сетевые эффекты. Особое внимание уделено правовому дуализму, возникшему после принятия Федерального закона № 301-ФЗ («пятого антимонопольного пакета»): фиксируется признание платформы мощным субъектом экономической концентрации в публичном праве при отсутствии её понятного правового статуса в Гражданском кодексе. В качестве решения выявленной проблемы, с учетом позиций Л.В. Санниковой и Ю.С. Харитоновой, обоснована целесообразность квалификации цифровой платформы как единого имущественного комплекса (предприятия) по аналогии со статьей 132 ГК РФ. В заключении делается аргументированный вывод, что такой подход позволит легализовать оборот готового цифрового бизнеса и гармонизирует частноправовое регулирование с новеллами антимонопольного законодательства.*

Ключевые слова: *Цифровая платформа, объекты гражданских прав, статья 128 ГК РФ, имущественный комплекс, предприятие, статья 132 ГК РФ, сетевой эффект, пятый антимонопольный пакет, привратники, интеллектуальная собственность, цифровая экономика.*

STEPANENKO Anastasiya Alekseevna,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Russia, Moscow

DIGITAL PLATFORM IN THE SYSTEM OF CIVIL RIGHTS OBJECTS: PROBLEMS OF QUALIFICATION AND PROSPECTS FOR REGULATION

Annotation. *This research article provides a comprehensive analysis of the civil-law classification of digital platforms in the context of the modern digital economy. The relevance of this study stems from the existing disparity between the colossal market value of digital ecosystems and their uncertain legal form in current Russian legislation. Drawing on L.A. Novoselova's doctrinal approaches, the paper examines the concept of an open list of civil rights objects, as enshrined in Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation. The author critically evaluates established law enforcement practice, which reduces the regulation of highly complex platforms solely to traditional intellectual property institutions (as a set of computer programs and databases). Drawing on A.I. Savelyev's research and case law (the VKontakte v. Double Data case), it is convincingly demonstrated that the copyright regime fails to adequately protect key asset elements such as*

big data arrays and network effects. Particular attention is paid to the legal dualism that arose following the adoption of Federal Law No. 301-FZ (the "fifth antimonopoly package"): the platform is recognized as a powerful entity subject to economic concentration in public law, despite the lack of a clear legal status in the Civil Code. As a solution to this problem, taking into account the positions of L.V. Sannikova and Yu.S. Kharitonova, the advisability of classifying the digital platform as a single property complex (enterprise), similar to Article 132 of the Civil Code of the Russian Federation, is substantiated. The conclusion argues that this approach will allow for the legalization of existing digital businesses and harmonize private law regulation with the amendments to antimonopoly legislation.

Key words: *Digital platform, objects of civil rights, Art. 128 of the Civil Code of the Russian Federation, property complex, enterprise, Art. 132 of the Civil Code of the Russian Federation, network effect, fifth antimonopoly package, gatekeepers, intellectual property, digital economy.*

Введение

В современной экономической действительности наблюдается диспропорция между рыночной значимостью цифровых платформ и их неопределенным правовым статусом. Маркетплейсы, экосистемы и агрегаторы услуг выступают центрами концентрации капитала, однако в гражданском законодательстве Российской Федерации отсутствует легальная дефиниция данного явления как единого объекта прав. На практике сложнейшие архитектурные решения юридически квалифицируются фрагментарно — как совокупность отдельных лицензий на программное обеспечение. В данной статье ставится цель проанализировать место цифровой платформы в системе объектов гражданских прав, обосновать её соответствие признакам имущественного комплекса и определить вектор регулирования, опираясь на доктринальные источники и судебную практику.

Базисом для классификации имущественных благ выступает статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации. Норма содержит перечисление видов объектов: вещи, иное имущество, результаты интеллектуальной деятельности и нематериальные блага. В правовой науке ведется дискуссия относительно того, является ли этот перечень закрытым. Как аргументировано в работах Л.А. Новоселовой, перечень объектов гражданских прав носит открытый характер, в особенности это касается категории «иное имущество» [1, с. 30]. Данный доктринальный подход имеет фундаментальное значение: он позволяет интегрировать в правовое поле новые экономические сущности, возникающие под влиянием технологического прогресса, без необходимости немедленного изменения кодифицированного акта.

Законодателем была предпринята попытка адаптации кодекса путем введения статьи 141.1 ГК РФ о цифровых правах. Однако, как указывается в исследованиях Е.А. Суханова, легальная конструкция цифровых прав сформулирована узко и узкоспециализированно [4, с. 12]. Она охватывает преимущественно обязательственные и иные права, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения записей в информационную систему на основе распределенного реестра. Вследствие этого классические цифровые платформы, функционирующие на централизованных серверных мощностях и не использующие токенизацию, оказались за пределами данного регулирования. Это порождает правовой вакуум: платформа не является «вещью» в силу нематериальности и не является «цифровым правом» в смысле закона.

Для признания явления объектом гражданских прав оно должно обладать признаками дискретности и оборотоспособности. В текущей правоприменительной практике платформы защищаются через институты интеллектуальной собственности: как программы для ЭВМ (ст. 1261 ГК РФ) и базы данных (ст. 1260 ГК РФ).

Данный подход подвергается детальной критике в монографии А.И. Савельева [2, с. 156]. Исследователь отмечает, что авторское право охраняет исключительно форму произведения (исходный текст кода), но не его содержание (алгоритмы, функциональные принципы и бизнес-логику). Экономическая же сущность платформы заключается не в наборе команд, а в способности аккумулировать пользовательскую базу и генерировать сетевые эффекты (повышение ценности сервиса для каждого пользователя при увеличении общего числа участников). Режим охраны программы для ЭВМ не защищает владельца платформы от создания конкурентом аналогичного продукта с использованием иного кода, что обесценивает инвестиции в разработку бизнес-модели.

Кроме того, важнейшим признаком платформы является концентрация массивов данных (Big Data). В судебной практике, в частности в Постановлении Арбитражного суда Московского округа по делу № А40-18827/2017 «ВКонтакте» против «Дабл Дата», была зафиксирована необходимость защиты инвестиций в создание баз данных. Суд признал, что платформа несет суще-

ственные затраты на сбор и структурирование информации, и этот актив подлежит защите через конструкцию смежных прав изготовителя базы данных. Это свидетельствует о том, что платформа представляет собой сложный организационно-технический комплекс, ценность которого формируется информационными, а не только программными компонентами.

Л.В. Санникова и Ю.С. Харитонова в своем исследовании также подчеркивают, что правовая охрана цифровых активов должна исходить из их комплексной природы [3, с. 95]. Платформа выступает организатором цифровой среды, и именно инфраструктурная функция должна быть объектом правовой квалификации, а не отдельные элементы кода.

Необходимость обособления платформ как самостоятельных объектов подтверждается анализом зарубежного права и отечественного антимонопольного регулирования. Д.В. Шрам в научной работе, посвященной антимонопольному регулированию IT-гигантов, анализирует концепцию «привратников», закрепленную в актах Европейского союза [5, с. 54]. Крупные платформы признаются инфраструктурными объектами, контролирующими доступ к рынкам, что требует особого режима регулирования, отличного от регулирования обычного программного обеспечения.

Российское публичное право восприняло данный тренд с принятием Федерального закона № 301-ФЗ («пятый антимонопольный пакет»), внесшего изменения в Закон «О защите конкуренции». Законодатель легализовал понятие цифровой платформы как хозяйствующего субъекта, обеспечивающего взаимодействие продавцов и покупателей. Вследствие этого возник правовой дисбаланс: в публичном праве платформа рассматривается как единый экономический субъект с особыми обязанностями, а в гражданском обороте (при совершении сделок слияния и поглощения, залога, наследования) она юридически распадается на множество разрозненных прав на результаты интеллектуальной деятельности и договоров.

На основании анализа признаков объекта и доктринальных позиций представляется обоснованным отказ от применения к платформам режима сложного объекта (ст. 1240 ГК РФ), поскольку он ограничен сферой интеллектуальных прав и не охватывает имущественные отношения.

Наиболее перспективным решением является квалификация цифровой платформы как имущественного комплекса (предприятия) по аналогии со статьей 132 ГК РФ. В условиях цифровой экономики состав предприятия трансформируется. Цифровое предприятие как объект прав включает в себя:

- Результаты интеллектуальной деятельности: исключительные права на софт, алгоритмы, интерфейс, товарные знаки.
- Информационные активы: базы данных пользователей и транзакций, подлежащие защите как инвестиция.
- Обязательственные права: права требования и долги по пользовательским соглашениям и договорам с контрагентами.
- Нематериальные активы: деловую репутацию и сетевой эффект («цифровой гудвилл»).

Такая квалификация позволяет юридически консолидировать разрозненные элементы в единый объект гражданских прав. Это обеспечивает возможность отчуждения бизнеса по единому договору продажи предприятия, гарантируя переход к приобретателю всей полноты прав и обязанностей, связанных с функционированием платформы.

Реализация предложенного подхода требует скоординированных действий законодателя и правоприменителей. Во-первых, реализация должна опираться на стратегические документы, такие как Стратегия развития информационного общества в РФ, которая ставит целью формирование новой технологической основы экономики и совершенствование механизмов правового регулирования цифровой среды.

Во-вторых, инструментом безопасной апробации новых норм выступает механизм экспериментральных правовых режимов (ЭПР), предусмотренный Федеральным законом № 258-ФЗ. В рамках «цифровых песочниц» возможно отработать процедуру идентификации цифровых платформ как имущественных комплексов, а также механизмы их добровольной регистрации. Это позволит выявить потенциальные риски перед внесением масштабных поправок в Гражданский кодекс.

Заключение

Резюмируя, следует констатировать, что существующая парадигма гражданско-правового регулирования цифровых платформ достигла предела своей эффективности и требует качественной трансформации. Проведенный анализ продемонстрировал наличие фундаментального онтологического разрыва: в то время как экономический оборот воспринимает цифровые экосистемы в качестве высоколиквидных и целостных источников прибыли, гражданское законодательство продолжает фрагментировать их на разрозненные элементы интеллектуальной собственности (программный код и базы данных). Установлено, что такой редукционистский подход, сводящий сложную архитектуру платформы исключительно к объектам авторского права, оставляет без юридической охраны

ключевые факторы стоимости цифрового бизнеса – аккумулированные массивы больших данных («Big Data») и возникающие на их основе сетевые эффекты.

Ключевым итогом работы является теоретическое обоснование целесообразности отказа от поиска принципиально новых, экзотических правовых форм и переориентации на телеологическое толкование уже существующих институтов. Доказано, что наиболее органичной моделью для легализации статуса цифровой платформы выступает конструкция единого имущественного комплекса (предприятия), закрепленная в статье 132 ГК РФ. Такая квалификация позволяет юридически консолидировать в один оборотоспособный объект не только технический базис (софт), но и обязательственные права, клиентскую базу, гудвилл и информационные активы.

Перспективы внедрения данного подхода выходят за рамки чисто теоретического интереса и имеют прикладное значение для всего правопорядка.

Во-первых, это обеспечит конвергенцию частного и публичного права. Признание платформы имущественным комплексом устранит выявленный правовой дуализм, при котором «пятый антимонопольный пакет» возлагает ответственность на платформы как на мощных экономических гигантов, тогда как гражданское право не видит в них единого субъекта вещных прав.

Во-вторых, предлагаемая модель создаст надежный фундамент для безопасного гражданского оборота цифрового бизнеса. Квалификация платформы как предприятия позволит применять к сделкам с ней (купли-продажи, залога, доверительного управления) понятные и отработанные механизмы, гарантируя инвесторам защиту их вложений в нематериальные, но экономически значимые элементы актива.

Таким образом, адаптация конструкции статьи 132 ГК РФ к цифровым реалиям представляется наиболее перспективным вектором развития отечественной цивилистики. Это позволит не только легализовать фактически сложившиеся экономические отношения, но и создать гибкую правовую среду, способную эволюционировать вместе с технологиями, не требуя при этом радикальной ломки кодифицированного законодательства.

Список литературы:

[1] Новоселова, Л. А. Токенизация» объектов гражданского права / Л. А. Новоселова // Хозяйство и право. - 2017. - № 12. - С. 29–44.

[2] Савельев, А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование : монография / А. И. Савельев. - Москва : Статут, 2016. - 640 с.

[3] Санникова, Л. В. Цифровые активы: правовой анализ : монография / Л. В. Санникова, Ю. С. Харитонова. - Москва : 4 Принт, 2020. - 304 с.

[4] Суханов, Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» / Е. А. Суханов // Вестник гражданского права. - 2021. - Т. 21, № 6. - С. 7–29.

[5] Шрам, Д. В. Антимонопольное регулирование деятельности it-гигантов: основные тенденции зарубежного и российского законодательства / Д. В. Шрам // Пролог: Журнал о праве. - 2021. - № 1. - С. 54–65.

References:

[1] Novoselova, L. A. Tokenization” of civil law objects/L. A. Novoselova//Economy and law. - 2017. - № 12. - S. 29-44.

[2] Savelyev, A. I. E-commerce in Russia and abroad: legal regulation: monograph/A. I. Savelyev. - Moscow: Statute, 2016. - 640 s.

[3] Sannikova, L. V. Digital assets: legal analysis: monograph/L. V. Sannikova, Yu. S. Kharitonova. - Moscow: 4 Print, 2020. - 304 s.

[4] Sukhanov, E. A. On the civil law nature of “digital property “/E. A. Sukhanov//Bulletin of civil law. - 2021. - T. 21, NO. 6. - S. 7-29.

[5] Schram, D.V. Antimonopoly regulation of the activities of IT giants: the main trends in foreign and Russian legislation/D.V. Schram//Prologue: Journal of Law. - 2021. - № 1. - S. 54-65.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-559-562

МАЛОВ Никита Михайлович,
аспирант Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
Россия, г. Москва,
e-mail: mail@law-books.ru

СТАТУС И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОПРИМЕНЕНИИ

Аннотация. *Настоящая статья рассматривает статус веб-конференции как института процессуального права, включающего в себя нормы, регулирующие отношения суда и лиц, ходатайствующих о дистанционном участии в судебном процессе посредством подключения к Интернету. С использованием методов сравнения, анализа, конкретно-исторического и иных методов научного познания установлен неравный статус онлайн-заседания в постпандемийный период развития отечественного процессуального права. В результате исследования признана неизбежность углубления цифровизации общественных отношений, создающая перспективы для дальнейшего, более массового применения веб-конференции в российских судах. Автор статьи приходит к выводу о наличии в отечественном законодательстве ограничений, создающих неравенство между способами участия в судебном заседании онлайн и оффлайн, которые в определённой степени не отвечают требованиям времени и препятствуют реализации процессуальных гарантий лиц, заинтересованных в дистанционном участии в судебном процессе.*

Ключевые слова: *веб-конференция, гражданский процесс, цифровое правосудие.*

MALOV Nikita Mikhailovich,
postgraduate student
at the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Russia, Moscow

STATUS AND PROSPECTS OF THE WEB CONFERENCE IN MODERN LAW ENFORCEMENT

Annotation. *This article examines the status of the web conference as an institution of procedural law, which includes rules governing the relationship between the court and persons applying for remote participation in court proceedings via an Internet connection. Using methods of comparison, analysis, concrete historical and other methods of scientific knowledge, the unequal status of online meetings in the post-pandemic period of the development of domestic procedural law has been established. As a result of the study, the inevitability of deepening the digitalization of public relations was recognized, creating prospects for further, more widespread use of the web conference in Russian courts. The author of the article comes to the conclusion that there are restrictions in domestic legislation that create an inequality between the ways of participating in court proceedings online and offline, which to a certain extent do not meet the requirements of the time and hinder the implementation of procedural guarantees for persons interested in remote participation in court proceedings.*

Key words: *web conference, civil procedure, digital justice*.

В связи с ускоренной цифровизацией отношений во всех сферах жизни современного общества возникает необходимость интеграции взаимоотношений личности и государства в цифровую сферу. В Российской Федерации решение базовых вопросов, связанных с взаимодействием гражданина с государством, стал запуск 15 декабря 2009 г. Федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» («Госуслуги»). Внедрение цифровых технологий в судебную систему, в отличие от аналогичного процесса в системе органов исполнительной власти, было сопряжено с большими

трудностями, несмотря на то, что «первые слушания в удаленном режиме посредством ВКС состоялись в ВС РФ по трем уголовным делам 19 апреля 2000 года» [1]. Причинами неохотного применения видеоконференц-связи (ВКС) в судах стали:

1. наличие в начале XXI века в судейском сообществе недостаточно компетентных в сфере информатизации лиц;
2. недостаточная (зачаточная) компьютеризация судов, невозможная для единовременной реализации на всём пространстве РФ;
3. предубеждения, связанные с десакрализацией и падением авторитета судебной власти при возможности дистанционного участия в судебном процессе.

К моменту возникновения веб-конференции в отечественном процессуальном праве указанные проблемы были решены информатизацией аппаратов судей и естественной сменой работников судов и носителей судебной власти. К сожалению, массовое применение веб-конференции, как подлинно дистанционного способа участия в судебном процессе с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», произошло не на основании комплексной работы законодателя, а в результате фундаментального сбоя в функционировании государства, вызванного пандемией COVID-19. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации от 29.04.2020 №822 рекомендовало использование веб-конференции при фактическом отсутствии такого способа участия в судебном процессе в российском процессуальном законодательстве. Веб-конференция выступила в качестве эрзаца традиционному очному присутствию в зале суда как продвинутый вид видеоконференц-связи, несмотря на принципиальную разницу в способе подключения. Оформление веб-конференции как института в системе процессуального права прошло лишь по результатам правоприменения в период пандемии. Новые нормы в гражданском и арбитражном процессах стали важной ступенью на пути к построению цифрового правосудия.

Следует отметить, что цифровизация судебной системы сталкивается с критикой со стороны авторитетных исследователей юриспруденции. В.В. Ярков критиковал «курс на «деритуализацию» правосудия, исключение многих его традиционных процессуальных положений, имеющих, по мнению Верховного Суда РФ, «ритуальный» характер» [2, с. 45], связанный с ростом доли упрощённого производства в отечественном процессе. Однако применение технологий упрощающих взаимодействие граждан с судом, по мнению автора настоящей статьи, не является первопричиной сокращения традиционных слушаний и «слепоты» судей к сторонам процесса. Более того, отмеченный Верховным Судом «ритуальный» характер процессуальных действий не может рассматриваться в качестве такового в постиндустриальном обществе в светском государстве. Сакрализация отдельных действий судебной власти, существование догм, не установленных законом (а дистанционное участие в судебном процессе применялось на законных основаниях с начала века) очень опасны, поскольку так сужаются возможности внедрения эффективных улучшений, направленных на защиту прав граждан-участников процесса и на разгрузку судебной системы. Безусловно, текущий уровень научно-технического прогресса не позволяет полностью перейти к цифровому правосудию, более того, не выработаны даже базовый понятийной аппарат и конкретные пределы реализации данной концепции. Габазов Т.С. указывает следующее определение: «Цифровое правосудие, или электронная юстиция (в будущем может использоваться сокращение э-юстиция), представляет собой набор технологий и методов, используемых для того, чтобы сделать юридические услуги более доступными, эффективными и справедливыми. Данное понятие приобретает все большее значение для современной судебной системы в результате стремительного развития информационных технологий и цифровизации всех сфер жизни общества. Это уже свершившийся факт, который необходимо принять и развивать на благо государства и общества.»[3]. Признавая, что исключение в долгосрочной перспективе человека из отправления правосудия представляется излишним, автор настоящей статьи соглашается с мнением о необратимости действия введённых в теорию и практику элементов цифрового правосудия.

Тем не менее, веб-конференция продолжает являться дополнительным способом участия в деле. По мнению автора, данное положение этого института правовой системы противоречит логике, на основании которой происходило его начальное развитие. Веб-конференция в условиях пандемии стала единственным способом, надёжно изолирующим взаимодействующих лиц друг от друга при возможности донесения позиции до суда и дальнейшего обмена информацией, полноценной альтернативой традиционному судебному заседанию. Но законодателем при закреплении в процессуальном законе этого способа дистанционного участия в деле установлены ограничения, делающие применение веб-конференции невозможным. Рассмотрим на примере гражданского процесса универсальные основания для отказа в удовлетворении ходатайства об использовании в процессе веб-конференции. В

соответствии с ч. 2 ст. 155.2 ГПК РФ «суд, рассматривающий дело, отказывает в удовлетворении ходатайства об участии в судебном заседании путем использования системы веб-конференции в случае, если:

1) отсутствует техническая возможность для участия в судебном заседании с использованием системы веб-конференции;
2) разбирательство дела осуществляется в закрытом судебном заседании».

Указанные ограничения, по мнению автора, во многом носят искусственный характер. Отсутствие у суда технической возможности для проведения веб-конференции в качестве законного основания для отказа в её проведении в настоящее время свидетельствует лишь о необходимости продолжения процессов компьютеризации и информатизации судов, поскольку обеспечение на базе текущего оборудования электронного судебного документооборота уже не является достижением, закрывающим процесс цифровизации системы. На новом этапе реформирования ключевым становится обеспечение стабильного подключения устройств в здании суда к Интернету. Оценивая текущую правоприменительную практику использования веб-конференций, Зарбабян М.Г. отмечает, что «на практике такая активность реализуется преимущественно в системе арбитражных судов, которые рассматривают споры, связанные с предпринимательской деятельностью, в то время как в системе судов общей юрисдикции, где в большинстве своем рассматриваются семейные, жилищные, трудовые споры, нередко отсутствует даже техническая возможность полноценного электронного взаимодействия»[4]. Для системы судов общей юрисдикции, возможно, необходимо создание единой цифровой платформы, обеспечивающей проведение веб-конференции, аналогичной функционирующим в арбитражном процессе систем веб-конференции на базе информационных сервисов «Картотека арбитражных дел» и «Мой арбитр». Более перспективным и дешёвым решением, с учётом количества судов общей юрисдикции, представляется интеграция верифицированных надлежащим образом аккаунтов пользователей российского мессенджера в портал «Госуслуги» и дальнейшее использование функционала платформы (видеозвонок посредством подключения к Интернету) в судебной системе путём проведения веб-конференций между устройствами пользователей и устройствами в аппарате судьи. В долгосрочной перспективе указание на техническую невозможность обеспечить дистанционное участие в процессе как основание для отказа в проведении веб-конференции должно быть исключено из процессуального законодательства РФ.

Закрытые судебные заседания, обеспечивающие сохранность охраняемых законом тайн, также являются препятствием для дистанционного участия в процессе. Для гражданского процесса подобное ограничение выглядит излишним. Общественную опасность представляют преступления, последствия которых становятся предметом судебного разбирательства в уголовном процессе, где веб-конференция не применяется. В уголовном процессе также фигурирует и наиболее чувствительная информация о личной жизни лиц, и наиболее опасные нарушения правопорядка, связанные в т.ч. с государственной изменой и аналогичными деяниями, подробности которых нуждаются в обеспечении секретности. По сравнению с арбитражным процессом, коммерческая и иные тайны о деятельности хозяйствующих субъектов в силу специфики процесса реже становятся предметом упоминания в гражданском процессе. Тем не менее, любая охраняемая на основании закона тайна нуждается в защите. Но при этом возможность утечки информации о деле сохраняется как при ведении документооборота в аппарате судьи и работе в архиве суда, так и со стороны участников процесса. Также утечка персональных данных возможна при работе с любыми агрегаторами персональных данных, например при покупках через маркетплейсы. С точки зрения гражданина, негативные последствия возможной утечки равнозначны, однако в экономической деятельности лица руководствуются положениями ст. 10 ГК РФ о добросовестности участников гражданского оборота, в то время как онлайн-взаимодействие с судом в закрытом заседании невозможно вне зависимости от правового статуса лица, лишённого законом возможности использовать веб-конференцию. Наконец, веб-конференция использовалась в образовательной сфере, в т.ч. и для проведения контрольных/вступительных мероприятий в учреждениях высшего образования при осуществлении наблюдателем контроля за изоляцией пользователя веб-конференции в помещении. Подобные меры судебного контроля при надлежащей оценке статуса участника процесса могут осуществляться и в судах. Но на 2026 г. способы участия в судебном заседании законодательно не являются равнозначными при наличии универсальности очного присутствия в здании суда и ограничений дистанционного участия в судебном процессе.

Таким образом, способ участия в судебном процессе посредством веб-конференции остаётся вторичным по отношению к очному присутствию лица в здании суда. Данная ситуация при дальнейшем развитии цифровизации общественных отношений не может существовать в неизменном виде. С одной стороны, решение этой

проблемы может произойти при проведении следующего этапа компьютеризации органов государственной власти РФ. Замена оборудования на отечественное при развитии массовых платформ-мессенджеров, интергрированных с профилем лица в «Госуслугах» позволяет обеспечить уровень сохранности персональных данных, схожий с аналогичным в текущем процессе судебного документооборота. С другой стороны, обстоятельства, законодательно ограничивающие применение веб-конференции в гражданском и арбитражном процессе, по мнению автора настоящей статьи, не являются адекватными в текущих реалиях правоприменения и нуждаются в пересмотре. Президент Российской Федерации В.В. Путин, открывая совещание судей в 2023 г., отметил: «Абсолютно очевидно, что применение «цифры» в судопроизводстве будет только расширяться, и наша судебная система должна быть к этому полностью готова – и технически, и организационно, а главное, чтобы при этом неукоснительно соблюдались конституционные права граждан»[5]. Поэтому необходимо стремиться к обеспечению онлайн-заседаниям равноценного статуса по сравнению с традиционным очным присутствием в здании суда. Кроме того, не стоит забывать о поддержании компьютерного оборудования судов в надлежащем состоянии.

Список литературы:

[1] ВС РФ отмечает 20-летие использования видео-конференц-связи // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ от 17 апреля 2020 [Электронный ресурс] URL: https://www.garant.ru/news/1361912/?ysclid=mkomrtt06m629234716 (дата обращения: 20.01.2026)

[2] Интервью с заведующим кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета, заслуженным деятелем науки РФ, доктором юридических наук, профессором В.В. Ярковым // Юрист. 2019. № 9. С. 45.

[3] Габазов Тимур Султанович Цифровое правосудие в контексте гражданского судопроизводства: определение, особенности и перспективы // Аграрное и земельное право. 2024. №11 (239). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-pravosudie-v-kontekste-grazhdanskogo-sudoproizvodstva-opredelenie-osobennosti-i-perspektivy (дата обращения: 20.01.2026).

[4] Современная экономика требует активного внедрения цифровых технологий в судебную систему // Адвокатская газета 10.10.2023 [Электронный ресурс] URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/tsifrovoe-pravosudie/?ysclid=mkoiw94jws174455897 (дата обращения: 20.01.2026)

[5] Совещание судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов // Официальный сайт Президента РФ/События/14 февраля 2023 года [Электронный ресурс] URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/70510 (дата обращения: 20.01.2026)

References:

[1] The Armed Forces of the Russian Federation celebrates the 20th anniversary of the use of video conferencing//Information and legal portal ГАРАНТ.РУ dated April 17, 2020 [Electronic resource] URL: https://www.garant.ru/news/1361912/?ysclid=mkomrtt06m629234716 (contact date: 20.01.2026)

[2] Interview with the Head of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor V.V. Yarkov//Lawyer. 2019. № 9. S. 45.

[3] Gabazov Timur Sultanovich Digital justice in the context of civil proceedings: definition, features and prospects//Agrarian and land law. 2024. №11 (239). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-pravosudie-v-kontekste-grazhdanskogo-sudoproizvodstva-opredelenie-osobennosti-i-perspektivy (дата обращения: 20.01.2026).

[4] The modern economy requires the active introduction of digital technologies into the judicial system//Lawyer newspaper 10.10.2023 [Electronic resource] URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/tsifrovoe-pravosudie/?ysclid=mkoiw-94jws174455897 (contact date: 20.01.2026)

[5] Meeting of judges of courts of general jurisdiction, military and arbitration courts//Official website of the President of the Russian Federation/Events/February 14, 2023 [Electronic resource] URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/70510 (date of appeal: 20.01.2026)

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-563-566

ПИВНЕВА Людмила Валерьевна,
аспирант кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», майор полиции, преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина,
e-mail: iPVmila@yandex.ru.

ВИРТУАЛЬНАЯ ВИКТИМНОСТЬ: МЕТОДИКИ ПОВЫШЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ХИЩЕНИЙ

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные проблемы виртуальной виктимности в контексте развития цифровых технологий и киберпреступности. Анализируются методики повышения цифровой грамотности населения как эффективного инструмента предупреждения дистанционных хищений. На основе анализа статистических данных и научных исследований доказывается, что целенаправленная работа по повышению осведомленности граждан о рисках цифровой среды способна значительно снизить уровень виктимизации. Рассматриваются направления виктимологической профилактики и предупреждения, а также выявляются основные причины повышенной уязвимости отдельных групп населения перед киберугрозами.*

Ключевые слова: *виктимность, киберпреступность, цифровая грамотность, дистанционные хищения, мошенничество, профилактика, криминология, виктимология.*

PIVNEVA Lyudmila Valerievna,
postgraduate student in the Department of Criminal Law at the Southwestern State University, police major, lecturer in the Department of Operational Investigative Activities at the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin

VIRTUAL VICTIMITY: METHODS FOR INCREASING DIGITAL LITERACY OF THE POPULATION AS A TOOL FOR PREVENTING THEFT

Annotation. *This article examines current issues of virtual victimization in the context of digital technology and cybercrime development. It analyzes methods for improving digital literacy among the population as an effective tool for preventing remote theft. Based on an analysis of statistical data and scientific research, it is demonstrated that targeted efforts to raise public awareness of the risks of the digital environment can significantly reduce victimization rates. It examines areas of victimization prevention and warning, and identifies the main reasons for the increased vulnerability of certain population groups to cyberthreats*.

Key words: *victimization, cybercrime, digital literacy, remote theft, fraud, prevention, criminology, victimology.*

Развитие информационно-коммуникационных технологий привело к трансформации криминальной активности и появлению новых форм преступлений, совершаемых с использованием интернета и других цифровых средств, поскольку в современном постмодернистском информационном обществе, исходя из его ключевых сущностных характеристик, главным товаром выступает информация, получение и распространение которой одновременно является и основной угрозой безопасности данного общества.

Поэтому неудивительно, что в структуре современной преступности мы видим устойчивую

тенденцию к снижению так называемых контактных форм и способов совершения преступлений (убийств, разбоев, краж из жилых помещений и др.), с одновременным увеличением доли преступлений, совершаемых в информационном пространстве или с использованием методов удаленного воздействия на жертву. Такое структурное изменение преступности побудило криминологов обратить пристальное внимание на новый вид преступности — киберпреступность. При этом активно продвигаются идеи о необходимости выделения соответствующей ей отдельной частной теории криминологии, и как следствие — отдельной теории виктимологии — «кибервиктимологии» [1].

Как мы уже отметили выше, в последние годы отмечается значительный рост числа дистанционных хищений и мошеннических операций в финансовой сфере, что становится серьезной проблемой не только для Российской Федерации, но и для мирового сообщества в целом [1]. Параллельно с этим развивается и концепция виртуальной виктимности, как научного направления, изучающего закономерности становления и развития жертв в условиях цифровой среды. Основной причиной растущего уровня киберпреступлений является недостаточная цифровая грамотность значительной части населения, что делает потенциальных жертв уязвимыми перед различными видами киберугроз, поскольку низкий уровень осведомленности о методах мошенничества и способах защиты личной информации создает благоприятные условия для совершения преступлений в сфере дистанционных финансовых операций.

Ряд зарубежных исследователей так же обращают внимание на тот факт, что значительная часть угроз кибербезопасности пользователей исходит от самих пользователей. Они обращают внимание на ненадлежащее поведение в области кибербезопасности, отмечая, что гражданам не хватает знаний в области кибербезопасности при использовании интернета и цифровых устройств, и в целом существует несоответствие между возможностями интернета и поведением людей. Предлагается использовать теорию мотивации защиты (PMT) для поощрения надлежащего поведения в области кибербезопасност. Она предполагает, что оценка угрозы и оценка преодоления — это два основополагающих механизма, лежащих в основе поведенческих действий, когда люди сталкиваются с угрожающими событиями. Таким образом, они предлагают практику модели кибербезопасности, ориентированной на граждан [8] .

То есть пользователи постоянно становятся мишенями злоумышленников, и им требуется обладать достаточными знаниями, чтобы выявлять такие атаки и избегать их. В связи с этим, как мы видим, часть зарубежных криминологических исследований посвящена снижению виктимности у населения путем их обучения, повышения осведомленности в области кибербезопасности [8].

В связи с чем, данная проблема требует комплексного подхода к разработке и внедрению методик по повышению цифровой грамотности граждан, которые могли бы служить эффективным инструментом предупреждения криминальной виктимизации, поэтому актуальность исследования в данной сфере определяется необходимостью выработки эффективных стратегий предупреждения виктимизации населения в цифровой среде и развития научно обоснованных методов повышения цифровой грамотности граждан.

Виктимология цифровой преступности представляет собой относительно новое направление в системе криминологических наук, ориентированное на изучение характеристик, поведения и условий жизнедеятельности жертв киберпреступлений [6]. Вот почему в контексте развития информационного общества виктимология приобретает все большую значимость и позволяет выявить закономерности и факторы, способствующие виктимизации отдельных лиц и социальных групп. Необходимо отметить, что жертвы киберкраж и дистанционных хищений занимают особое место в системе объектов криминологического анализа и требуют специального внимания и комплексной защиты [4].

Анализ статистических показателей криминальной виктимности за 2021–2022 годы и данных последних лет свидетельствует о неуклонном росте числа лиц, ставших жертвами киберпреступлений [4]. Из него становится очевидным, что особенно уязвимыми перед киберугрозами оказываются граждане пожилого возраста, люди с низким уровнем технологической подготовки, а также лица, не обладающие достаточными знаниями о методах мошенничества и способах защиты в цифровой среде, что в условиях расширения спектра предоставляемых электронных услуг и роста объемов онлайн-транзакций, является потенциальной угрозой и как следствие виктимизация касается все более широких слоев населения.

Дистанционные хищения включают в себя различные формы неправомерного завладения чужим имуществом с использованием информационно-коммуникационных технологий [1]. К наиболее распространенным видам относятся фишинг, социальная инженерия, использование вредоносного программного обеспечения, кража учетных данных и несанкционированный доступ к банковским счетам. При этом, мошенничества в банковской сфере занимают отдельное место в системе дистанционных хищений и характеризуются специфическими чертами, связанными с особенностями функционирования финансовых учреждений [5]. Виктимологический анализ таких

преступлений показывает, что в значительном большинстве случаев именно поведение потенциальной жертвы, обусловленное недостатком знаний и навыков безопасной работы с цифровыми инструментами, становится основным фактором, позволяющим преступнику реализовать свой преступный замысел.

Повышение криминальной виктимности юридических лиц в Российской Федерации представляет собой отдельную проблему, требующую специального внимания [7]. Организации, в том числе банки, страховые компании и торговые сети, все чаще становятся жертвами киберпреступлений, что приводит к значительным финансовым потерям и репутационному ущербу, что свидетельствует о том, что недостаточная цифровая грамотность как отдельных граждан, так и сотрудников организаций является серьезным фактором риска в условиях современной цифровой экономики. В связи с чем, направления виктимологической профилактики и предупреждения дистанционных хищений должны быть основаны на комплексном подходе, включающем информационно-просветительскую работу, развитие навыков критического мышления в цифровой среде, повышение уровня технического образования граждан [3]. Актуальные направления виктимологической профилактики включают в себя разработку специализированных образовательных программ, проведение общественных кампаний по информированию о киберугрозах, совершенствование системы консультирования жертв киберпреступлений, а также установление партнерских связей между правоохранительными органами, учреждениями образования и коммерческими организациями, деятельность которых связана с защитой персональных данных граждан.

Методики повышения цифровой грамотности должны быть адаптированы к различным возрастным группам и уровням начальной подготовки граждан [2]. Для пожилых людей было бы целесообразно разработать специальные программы, ориентированные на формирование базовых навыков безопасного использования интернета и мобильных приложений для финансовых операций. Напротив молодежь и люди среднего возраста нуждаются в информации о более сложных формах кибератак и способах защиты от них, поэтому система образования должна включить в школьные и университетские программы обязательные курсы по цифровой безопасности и критическому анализу информации в интернете.

То есть, становится очевидным, что виктимологическая защита жертв дистанционных хищений требует создания многоуровневой системы, включающей оказание психологической помощи, правовое консультирование, содействие в восстановлении справедливости и защиту от повторной виктимизации [2]. Важным элементом такой защиты является информирование граждан об их правах и возможностях обращения в правоохранительные органы и другие компетентные учреждения при совершении против них преступлений в цифровой среде. Кроме того, необходимо развивать сферы воздействия виктимологической профилактики, расширяя количество субъектов, участвующих в предупреждении виктимизации [1].

Предупреждение виктимизации дистанционных хищений должно охватывать не только индивидуальный уровень (работа с конкретными гражданами), но и групповой и общественный уровни. Если на групповом уровне целесообразно разработать специализированные программы для отдельных социальных групп, находящихся в зоне повышенного риска, то на общественном уровне необходимо развивать культуру безопасности в цифровой среде через средства массовой информации, социальные сети и другие каналы коммуникации. При этом государственные органы должны активно участвовать в этом процессе, разрабатывая и внедряя нормативно-правовые акты, которые способствовали бы совершенствованию системы защиты граждан в цифровой среде и повышению уровня их цифровой грамотности.

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что виртуальная виктимность является объективной реальностью современного общества, требующей серьезного научного и практического внимания, поскольку рост числа жертв киберпреступлений, в особенности дистанционных хищений, непосредственно связан с недостаточным уровнем цифровой грамотности и осведомленности граждан о киберугрозах. В тоже время методики повышения цифровой грамотности населения показали свою эффективность как инструмент предупреждения криминальной виктимизации и должны развиваться и совершенствоваться на всех уровнях общественной системы. Необходимо разработать комплексную стратегию повышения цифровой грамотности, которая включала бы образовательные программы для различных возрастных групп, информационно-просветительскую деятельность, развитие навыков критического мышления в цифровой среде и систему поддержки жертв киберпреступлений. Ключевую роль в реализации этой стратегии должны играть государственные органы, учреждения образования, правоохранительные органы и коммерческие организации, деятельность которых связана с обеспечением информационной безопасности.

Дальнейшее развитие виктимологии цифровой преступности требует проведения дополнительных научных исследований, направленных на выявление новых форм киберпреступлений и

закономерностей виктимизации населения в условиях постоянно изменяющейся цифровой среды, поскольку совершенствование системы профилактики и предупреждения дистанционных хищений через повышение уровня цифровой грамотности граждан остается одной из наиболее перспективных и актуальных задач криминологии и виктимологии на современном этапе.

Список литературы:

[1] Евтушенко И. И. Предупреждение виктимизации дистанционных хищений и сферы его воздействия // Виктимология. 2024. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/preduprezhdenie-viktimizatsii-distantsionnyh-hischeniy-i-sfery-ego-vozdeystviya (дата обращения: 27.01.2026).

[2] Евтушенко И. И. Виктимологическая защита жертв дистанционных хищений // Виктимология. 2023. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/viktimologicheskaya-zaschita-zhertv-distantsionnyh-hischeniy (дата обращения: 27.01.2026).

[3] Евтушенко И. И. Актуальные направления виктимологической профилактики дистанционных хищений // Виктимология. 2022. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-napravleniya-viktimologicheskoy-profilaktiki-distantsionnyh-hischeniy (дата обращения: 27.01.2026).

[4] Кабанов П. А. Жертвы киберкраж как объект современной российской кибервиктимологии: криминологический анализ статистических показателей криминальной виктимности 2021–2022 гг. // Виктимология. 2024. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhertvy-kiberkrazh-kak-obekt-sovremennoy-rossiyskoy-kiberviktimologii-kriminologicheskiy-analiz-statistich-eskih-pokazateley (дата обращения: 27.01.2026).

[5] Репецкая Анна Леонидовна, Петрякова Людмила Александровна. Виктимологическая характеристика мошенничеств в банковской сфере (по материалам Сибирского федерального округа) // Всероссийский криминологический журнал. 2022. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/viktimologicheskaya-harakteristika-moshennichestv-v-bankovskoy-sfere-po-materialam-sibirskogo-federalnogo-okruga (дата обращения: 27.01.2026).

[6] Майоров А. В. Виктимология цифровой преступности: концепция научного направления // Виктимология. 2024. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/viktimologiya-tsifrovoy-prestupnosti-kontseptsiya-nauchnogo-napravleniya (дата обращения: 27.01.2026).

[7] Александрина Н. М. Уровень криминальной виктимизации юридических лиц в Российской Федерации // Виктимология. 2023. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-kriminalnoy-viktimizatsii-yuridicheskih-lits-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 27.01.2026).

[8] Mahlangu G ., Chipfumbu Kangara C ., Masunda F . (2023) . Citizen-centric cybersecurity model for promoting good cybersecurity behavior // Journal of Cyber Security Technology . 2023 . Vol . 7, no . 3 . P . 154–180 . DOI: https://doi .org/10 .1080/23742917 .2023 .2217535.

References:

[1] Evtushenko I. I. Prevention of victimization of distance theft and the scope of its impact//Victimology. 2024. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/preduprezhdenie-viktimizatsii-distantsionnyh-hischeniy-i-sfery-ego-vozdeystviya (дата обращения: 27.01.2026).

[2] Evtushenko I. I. Victimological protection of victims of remote theft//Victimology. 2023. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/viktimologicheskaya-zaschita-zhertv-distantsionnyh-hischeniy (дата обращения: 27.01.2026).

[3] Evtushenko I. I. Current directions of victimological prevention of distance theft//Victimology. 2022. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-napravleniya-viktimologicheskoy-profilaktiki-distantsionnyh-hischeniy (дата обращения: 27.01.2026).

[4] Kabanov P. A. Victims of cybercrazh as an object of modern Russian cybervictimology: criminological analysis of statistical indicators of criminal victimization 2021-2022//Victimology. 2024. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhertvy-kiberkrazh-kak-obekt-sovremennoy-rossiyskoy-kibervik-timologii-kriminologicheskiy-analiz-statistich-eskih-pokazateley (дата обращения: 27.01.2026).

[5] Repetskaya Anna Leonidovna, Petryakova Lyudmila Alexandrovna. Victimological characteristics of fraud in the banking sector (based on materials from the Siberian Federal District)//All-Russian Criminological Journal. 2022. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/viktimologicheskaya-harakteristika-moshennichestv-v-bank-ovskoy-sfere-po-materialam-sibirskogo-federalno-go-okruga (дата обращения: 27.01.2026).

[6] Mayorov A.V. The victimology of digital crime: the concept of a scientific direction//Victimology. 2024. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/viktimologiya-tsifrovoy-prestupnosti-kontsept-siya-nauchnogo-napravleniya (дата обращения: 27.01.2026).

[7] Alexandrina N. M. Level of criminal victimization of legal entities in the Russian Federation//Victimology. 2023. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-kriminalnoy-viktimizatsii-yuridiches-kih-lits-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 27.01.2026).

[8] Mahlangu G ., Chipfumbu Kangara C ., Masunda F . (2023) . Citizen-centric cybersecurity model for promoting good cybersecurity behavior // Journal of Cyber Security Technology . 2023 . Vol . 7, no . 3 . P . 154–180 . DOI: https://doi .org/10 .1080/23742917 .2023 .2217535.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-567-572

КАШКИНА Екатерина Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
доцент кафедры уголовного права, уголовного
процесса и правоохранительной деятельности
Юридического института РУТ (МИИТ),
e-mail: 000049@bk.ru

ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Аннотация. *В статье речь идет об истории коррупции в Советском государстве. Принятие и введение в действие уголовного кодекса РСФСР 1960 года ознаменовало начало нового этапа борьбы с должностными злоупотреблениями, в том числе и взяточничеством, но нормы Уголовного кодекса РСФСР 1960 года строились на коммунистической идеологии и отказ от нее, а также демократизация государственного и общественного строя определили необходимость принятия нового Уголовного кодекса 1996 года, отвечающего требованиям нового времени, в котором было более конкретизировано понятие состава преступления рассматриваемой категории.*

Ключевые слова: *взяточничество, репрессивные меры, борьба, закон, коррупция, наказание.*

KASHKINA Ekaterina Valeryevna,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor Leading researcher
of the Federal Scientific Research Institute
of the Federal Penal Correction Service of Russia Associate Professor
of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure,
and Law Enforcement at the Law Institute of RUT (MIIT)

BRIBERY IN THE SOVIET STATE

Annotation. *The article discusses the history of corruption in the Soviet state. The adoption and implementation of the Criminal Code of the RSFSR in 1960 marked the beginning of a new stage in the fight against official malfeasance, including bribery, but the norms of the Criminal Code of the RSFSR in 1960 were based on the communist ideology, and the rejection of this ideology, as well as the democratization of the state and social system, necessitated the adoption of a new Criminal Code in 1996 that met the requirements of the new era, which more specifically defined the concept of the crime under consideration.*

Key words: *bribery, repressive measures, struggle, law, corruption, punishment.*

Несмотря на многовековую борьбу с взяточничеством реальное положение дел с течением времени нисколько не изменилось. Взяточничество настолько внедрилось в государственный аппарат, что, по сути, стало неотъемлемой его частью. Жесткие репрессивные меры не привели к желаемому результату. Борьба со взяточничеством в государственном аппарате не увенчалась успехом потому, что успех этой борьбы всецело зависел от государственных чиновников, погрязших во взятках и не желавших расстаться с устойчивым источником дохода.

В Советах коррупция поселилась еще до прихода их к власти что, несомненно, помогло им развиться и окрепнуть после Октябрьской революции 1917 года. Есть документальные основания утверждать, что смена государственного строя и формы правления в октябре 1917 года не отменила коррупцию как явление, сформировав лицемерное отношение к ней, немало способствовавшее укоренению мздоимства и лихоимства в новой административной среде. Вместе с тем в закрытом письме ЦК КПСС «Об усилении борьбы с взяточничеством и разворовыванием

народного добра» от 29 марта 1962 года, взяточничество определялось как «социальное явление, порожденное условиями эксплуататорского общества».

Утверждалось, что Октябрьская революция ликвидировала коренные причины взяточничества, а «советский административно-управленческий аппарат – это аппарат нового типа». Уголовно-правовая борьба с взяточничеством имела важное значение как в период становления советского государства, так и в последующем.

В.И. Ленин на Втором съезде политпросветов говорил: «… если есть такое явление, как взятка, если это возможно, то нет речи о политике. Тут нет даже подступа к политике…потому что все меры останутся висеть в воздухе и не приведут ровно ни к каким результатам. Хуже будет от закона, если он будет практически применяться в условиях допустимости и распространенности взятки» [1].

В архивах хранится записка В.И. Ленина к Д.И. Курскому о необходимости немедленного внесение законопроекта, предусматривающего суровые наказания за взяточничество и письмо В.И. Ленина в ЦК РКП (б) с предложением поставить на повестку дня вопрос об исключении из партии судей? вынесших слишком мягкие приговоры по делу о взяточничестве. «Необходимо тотчас, с демонстративной быстротой, внести законопроект, что наказания за взятку должны быть не ниже десяти лет тюрьмы и, сверх того, десяти лет принудительных работ» [2].

Специальных правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за взяточничество до принятия декрета 8 мая 1918 года не было. Инструкцией Наркома Юстиции в декабре 1917 года о ревтрибунале предусматривалась уголовная ответственность лиц, «которые пользуясь своим общественным или административным положением, злоупотребляли властью, предоставленной им революционным народом» [3].

В такое широкое определение злоупотребления властью входило совершение действий, противоречащих интересам советского государства, в том числе действий, совершенных в результате подкупа, то есть взятки.

8 мая 1918 года за подписью В.И. Ленина был издан Декрет СНК «О взяточничестве», ставший первым в Советской России правовым актом, предусматривающим уголовную ответственность за взяточничество – принятие взятки, дачу взятки, подстрекательство и пособничество.

Это один из первых уголовных законов, характерной чертой которого были четко юридически разработанные вопросы ответственности за взяточничество.

Покушение на получение и дачу взятки приравнивалось им к совершенному преступлению. Кроме того, декрет уже содержал основные признаки простой и квалифицированной взятки. Закреплялся классовый подход: если лицо, виновное в даче или получении взятки принадлежало к имущему классу и пользовалось взяткой для сохранения или приобретения привилегий, связанных с правом собственности, то оно приговаривалось к наиболее тяжким принудительным работам и все имущество подлежало конфискации.

Декрет содержал также понятие должностного лица.

Таковым признавались – лица, состоящие на государственной или общественной службе (должностные лица Советского правительства, члены фабрично-заводских комитетов, кооперативов и профсоюзов и т.п. учреждений и организаций), виновные в принятии взяток за выполнение действия, входящего в круг их обязанностей или за содействие в выполнении действия составляющего обязанность должностного лица другого ведомства.

Декретом 4 мая 1918 г. дела о взяточничестве были отнесены к подсудности революционных трибуналов.

Однако 20 июля 1918 г. эти дела были изъяты из их ведения и переданы окружным народным судам. В последующем 21 октября 1919 г. дела о взяточничестве передаются в ведение Особого Революционного трибунала при ВЦИК [4].

В последствие в изменение декрета 8 мая 1918 года, был издан декрет от 16 августа 1921 года «О борьбе с взяточничеством» [5] давший понятия получения взятки воспроизведенное затем в уголовных кодексах.

К уголовной ответственности привлекались: лица, состоящие на государственной, союзной или общественной службе, лично или через посредников, получившие или пытавшиеся в каком бы то ни было виде получить взятку за выполнение в интересах дающего какого-либо действия, входящего в круг их служебных обязанностей.

Законом предусматривались квалифицирующие обстоятельства: особые полномочия должностного лица, нарушение служебных обязанностей и вымогательство взятки. Нововведением было установление уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве и укрывательство взятки.

Декрет закрепил возможность освобождение от уголовной ответственности при условии, что лицо, давшее взятку, своевременно заявит о вымогательстве взятки или окажет содействие раскрытию дела о взяточничестве. В конечном итоге декрет уточнил понятие взяточничества и дополнил его новыми признаками. Большинство

положений декрета 16 августа 1961 г. без особых изменений перешло в Уголовный кодекс 1922 г.

В историю Советского государства 1922 год вошел как год значительных событий в оформлении государственно-правовой системы социализма. Была создана прокуратура, принято Положение о судоустройстве РСФСР, образована адвокатура, проведена интенсивная кодификационная работа, способствовавшая укреплению социалистической законности и революционного правопорядка.

Первый Уголовный кодекс советского государства формировался при активном участии соратников В.И. Ленина, таких крупных государственных деятелей как П.И. Стучка, Д.И. Курский.

Проект первого Уголовного кодекса активно обсуждался в мае 1922 года на сессии ВЦИК девятого созыва. Сессия внесла значительные изменения, уточнения и дополнения в проект закона. 24 мая 1922 г. при постатейном голосовании Уголовный кодекс был принят. Одновременно сессия утвердила постановление о введении его в силу с 1 июня 1922 года, после чего утратили силу разрозненные и ранее принятые уголовно-правовые нормативные акты.

Первый Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. заметная веха в развитии правовой системы Советского государства, первый опыт кодификационной формы систематизации советского уголовного законодательства. По сути он явился итогом всей предшествующей законодательной деятельности Советского государства в области уголовного права и воплотил в себе опыт практики народных судов и ревтрибуналов.

В 1921-1922 гг. взяточничество приобрело значительные размеры в связи с чем в Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. была введена, в качестве санкции за взяточничество при наличии отягчающих обстоятельств, высшая мера наказания, применяемая в исключительных случаях – расстрел.

Высшая мера была включена по настоятельному требованию В.И. Ленина, который настаивал на неукоснительном применении расстрела судами и, не признавая их независимости, требовал снятия судей, выносивших слишком мягкие приговоры, то есть приговоры без назначения смертной казни.

Именно в эти годы на судебно-прокурорский небосклон взошла кровавая звезда А. Вышинского, выступающего государственным обвинителем по ряду дел о коррупции, наиболее крупным из которых было дело судебных работников в Ленинграде.

Понятие взяточничества данное в декретах от 8 мая 1918 года и 16 августа 1921 года, послужило основой для конструкции статьи 114 УК РСФСР 1922 года, установившей ответственность не только за получение взятки (ч. 1), но и за посредничество и укрывательство взяточничества (ч. 2), а также включила квалифицированные виды получения (ч. 3) и дачи взятки (ч. 4). Санкции за получение, дачу взятки, посредничество и укрывательство были дифференцированы.

Получение взятки при отягчающих обстоятельствах, а именно: в случаях особых полномочий должностного лица, нарушения должностным лицом служебных обязанностей либо допущения вымогательства или шантажа – каралось лишением свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет, вплоть до высшей меры наказания с конфискацией имущества.

Дача взятки и посредничества влекли более мягкое наказание.

Кроме того, статья 114 УК РСФСР предполагала возможность освобождения от уголовной ответственности при условии, что лицо своевременно заявило о вымогательстве взятки или оказало содействие раскрытию дела о взяточничестве.

Применительно к характеристике должностных преступлений в примечании к статье 105 УК РСФСР 1922 года под должностными лицами подразумевались лица, занимающие постоянно или временно должности в каком-либо государственном (советском) учреждении или предприятии, а также в организации или объединении, имеющие по закону определенные права обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, просветительских и других общегосударственных задач. В декрете 8 мая 1918 года говорилось о «лицах, состоящих на государственной или общественной службе в РСФСР».

Эта формула расширяется в декрете 16 августа 1921 года где речь идет уже о лицах, состоящих «на государственной, союзной или общественной службе». Первая попытка дать развернутое определение понятию должностного лица была предпринята в УК РСФСР 1922 года, а в дальнейшем в УК РСФСР 1926 года.

Особенностью нового уголовного закона стало введение нормы, определившей ответственность за провокацию взятки – статья 115 УК РСФСР.

Под провокацией взятки понималось заведомое создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение взятки в целях последующего изобличения дающего взятку. При этом за совершения этого преступления предполагалось суровое наказание – лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет или высшей меры наказания.

Однако введение в действие нового уголовного закона и усиление борьбы с взяточничеством в 1922-1923 гг. не дало положительного результата в связи с чем Народный Комиссариат юстиции в циркуляре «О мерах борьбы с взяточничеством» отмечал: «…чрезвычайный рост преступлений предусмотренных статьей 114 УК РСФСР 1922 года, заставил руководящие учреждения советской власти обратить особое внимание на борьбу с этими преступлениями» [6].

Кроме того, им была проведена широкая общественная ударная кампании по борьбе с взяточничеством. Одновременно с судебной репрессией применялись другие меры: пересмотры и чистка личного состава учреждений, издание правил о государственной службе и т.п.

Уголовное законодательство этого периода неоднократно возвращалось к проблеме борьбы с взяточничеством.

Декретом ВЦИК и СНК от 19 октября 1922 года в связи с ростом взяточничества в сторону усиления репрессии, был изменен текст статьи 114 УК РСФСР 1922 года и введена новая статья 114-а, усилившая репрессию за дачу взятки и посредничество в даче взятки, а также сформулированы новые составы преступлений: оказания какого-либо содействия или непринятие мер противодействия взяточничеству.

Вместе с тем, законодательство об ответственности за взяточничество было достаточно стабильным с момента введения в действие Уголовного кодекса РСФСР 1926 года и до принятия Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 года.

Принятие в изменение ранее действующего Уголовного кодекса РСФСР 1922 года уголовного закона 1926 года было обусловлено изменившимися условиями государственной, политической и общественной жизни.

Ответственность за взяточничество в УК РСФСР 1926 года предусматривалось статьями 117, 118, 119. Диспозиция статьи 119 предусматривала ответственность за получение взятки должностным лицом лично или через посредников в каком бы то ни было виде за выполнение или невыполнение в интересах дающего какого-либо действия, которые должностное лицо могло или должно было совершить исключительно вследствие своего служебного положения.

Применительно к определению понятия должностного лица законодатель, в УК РСФСР 1926 года в примечании к статье 109 внес ряд новых положений.

Под должностными лицами подразумевались лица, занимающие постоянно и временно должности государственных (советских) учреждениях, предприятиях, а равно в организациях или объединениях, на которых законом возложены определенные обязанности, права и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, профессиональных или других общегосударственных задач.

Однако данное определение не представлялось значительно четким, в связи с этим наметилась тенденции к неоправданно широкому толкованию понятия должностного лица, что на практике приводило к привлечению к ответственности за должностные преступления рядовых рабочих и служащих.

Следует отметить, что ни УК РСФСР 1922 года ни УК РСФСР 1926 года не содержали четкого определения предмета взятки, употребляя довольно расплывчатую формулировку принятия взятки «в каком бы то ни было виде», что позволяло осуществлять вольные толкования в процессе квалификации.

Вместе с тем в теории советского уголовного права того периода преобладала точка зрения, согласно которой, предметом взятки могло быть все чем можно подкупить должностное лицо и оказать на него влияние путем предоставления любых благ, услуг, независимо от того, материального или нематериального они свойства.

Таким образом, в качестве предмета взятки могли выступать кроме денег, некоторые формы протекционизма, назначение на ответственную должность не имеющие денежного выражения, но представляющие гораздо больший интерес для взяткополучателя, нежели непосредственное предоставление ему денег или иных материальных ценностей.

Необходимо указать на тот факт, что в УК РСФСР 1926 года законодатель объединил в одной статье – ст. 118, дачу взятки и посредничество во взяточничестве, не определив тем самым посредничество в качестве самостоятельного состава преступления.

Кроме того, ст. 118, предусматривая ответственность за дачу взятки, не содержала признаков характеризующих это деяние в связи с чем приходилось обращаться к диспозиции статьи 117 УК РСФСР 1926 года.

В связи с ростом взяточничества возникла необходимость ужесточения уголовной ответственности за должностное преступление, которое признавалось наиболее опасным видом преступной деятельности, подрывающим авторитет советского государственного аппарата, дискредитирующим его в глазах граждан. Этим объясняется усиление борьбы с должностными преступлениями посредством уголовных репрессий в конце 50-х годов.

Значительная роль в борьбе с взяточничеством принадлежала постановлениям Пленумов Верховного Суда СССР, содержащих руководя-

щие указания по толкованию и применению уголовно-правовых норм всеми судебными органами СССР.

Не менее значимым являлся Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1962 года «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество» [7]. Взяточничество по этому Указу было отнесено к числу особо тяжких преступлений; повышены меры наказания за совершение данного преступления, а при особо отягчающих обстоятельствах получение взятки наказывалось высшей мерой наказаний – смертной казнью.

Текст Указа содержал характеристику трех составов преступления: получения взятки, дачи взятки и посредничество во взяточничестве.

Принятие и введение в действие уголовного кодекса РСФСР 1960 года ознаменовало начало нового этапа борьбы с должностными злоупотреблениями, в том числе и взяточничеством.

Однако нормы Уголовного кодекса РСФСР 1960 года строились на коммунистической идеологии и отказ от нее, а также демократизация государственного и общественного строя определили необходимость принятия нового Уголовного кодекса 1996 года, отвечающего требованиям нового времени, в котором было более конкретизировано понятие состава преступления рассматриваемой категории.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В. Ранняя психодиагностика и профилактика личности несовершеннолетних / А. В. Вилкова, Я. Н. Полякова// Вопросы современной науки и практики. 2025. № 1(12). С. 87-92.

[2] Зинина Н. А. Развитие социально-коммуникативных навыков в образовательном процессе / Н. А. Зинина, А. В. Вилкова. Москва. 2025.

[3] Литвишков В. М. Профилактика наркомании и ресоциализация несовершеннолетних осужденных. Москва, 2018.

[4] Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Тверь. 2025.

[5] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Выпуск 4. Москва. 2024.

[6] Литвишков В. М. Коллектив сотрудников – коллектив воспитателей / В. М. Литвишков, А. В. Вилкова, Н. И. Ткаченко // В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Тверь, 2025. С. 130-132.

[7] Научно-практическое ежеквартальное издание / Выпуск 1. Москва. 2025.

[8] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Выпуск 2. Москва. 2025.

[9] Ковтуненко Л. В., Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта в профессиональном становлении молодого ученого // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2025. № 3. С. 62-65.

[10] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Самооценка личности несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практтика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимоноа. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 87-93.

[11] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-рефлексивный подход при повышении квалификации управленческого персонала УИС / В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 9-14.

[12] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[13] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.44. М., 1962. С.174.

[14] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.50, М.,1962. С.70.

[15] Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952. М., 1953. С.19.

[16] Утевский Б.С. Общее учение о должностных преступлениях. Юриздат Министерства юстиции СССР. М., 1948. С.258.

[17] Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952. Госюриздат. М.,1953. С.25.

[18] Еженедельник советской юстиции. 1922. №35, приложение, С.11.

[19] Ведомости Верховного Совета СССР. 1962. №8.

References:

[1] Vilkova A.V. Early psychodiagnostics and prevention of the personality of minors/A.V. Vilkova, Y. N. Polyakova//Issues of modern science and practice. 2025. № 1(12). S. 87-92.

[2] Zinina N. A. Development of socio-communicative skills in the educational process/N. A. Zinina, A. V. Vilkova. Moscow. 2025.

[3] Litvishkov V. M. Prevention of drug addiction and resocialization of juvenile convicts. Moscow, 2018.

[4] Spiritual and moral education of the individual in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Tver. 2025.

[5] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Issue 4. Moscow. 2024.

[6] Litvishkov V. M. Collective of employees - a team of educators/V. M. Litvishkov, A. V. Vilkov, N. I. Tkachenko//In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Tver, 2025. S. 130-132.

[7] Scientific and Practical Quarterly Edition/ Issue 1. Moscow. 2025.

[8] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Issue 2. Moscow. 2025.

[9] Kovtunenko L.V., Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject in the professional development of a young scientist// Bulletin of Voronezh State University. Series: Higher Education Challenges. 2025. № 3. S. 62-65.

[10] Vilkova A. V., Lukashenko D. V. Self-assessment of the personality of juvenile convicts/In the collection: The penal system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonoa. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 87-93.

[11] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. A socially reflective approach to advanced training of management personnel of the penal system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 9-14.

[12] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[13] Lenin V.I. Complete works. T.44. M., 1962. S.174.

[14] Lenin V.I. Complete works. T.50, M., 1962. S.70.

[15] Collection of documents on the history of criminal legislation of the USSR and the RSFSR 1917-1952. M., 1953. S.19.

[16] Utevsky B.S. General doctrine of malfeasance. Yurizdat of the USSR Ministry of Justice. M., 1948. S.258.

[17] Collection of documents on the history of criminal legislation of the USSR and the RSFSR 1917-1952. Gosyurizdat. M., 1953. S.25.

[18] Soviet Justice Weekly. 1922. No. 35, Appendix, S.11.

[19] Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1962. №8.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-573-577

МАКСИМОВ Виталий Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
e-mail: maximovva@mail.ru

ПИДДУБРИВНАЯ Альбина Юрьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
e-mail: alba.78@mail.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СОГЛАШЕНИЯ О НЕПРЕДСТАВЛЕНИИ ИСКА (PACTUM DE NON PETENDO) В РИМСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. *В статье рассматривается правовая природа и значение соглашения о непредставлении иска (pactum de non petendo) в римском праве. Анализируется его место в системе ius civile и ius honorarium, а также процессуальный характер эксцепции, возникающей из данного пакта. Особое внимание уделяется разграничению pactum de non petendo и материально-правовых способов прекращения обязательств, прежде всего прощения долга, предусмотренного современным гражданским законодательством Российской Федерации. На основе анализа источников римского права и доктринальных подходов делается вывод о двойственной природе pactum de non petendo и обосновывается возможность использования данной конструкции в качестве альтернативного механизма защиты интересов сторон обязательства в современном праве.*

Ключевые слова: *римское частное право; обязательства; pactum de non petendo; эксцепция; преторское право; прощение долга; отказ от иска; гражданско-правовая ответственность; процессуальные средства защиты.*

MAKSIMOV Vitaly Alexeevitch,
candidate of law, Associate Professor of the Department
of Civil Law Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

PIDDUBRIVNAYA A.Y.,
candidate of law, Associate Professor of the Department
of Civil Law Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

THE LEGAL NATURE OF THE AGREEMENT NOT TO BRING AN ACTION (PACTUM DE NON PETENDO) IN ROMAN LAW

Annotation. *The article examines the legal nature and significance of the agreement not to bring an action (pactum de non petendo) in Roman law. It analyzes its place within the system of ius civile and ius honorarium, as well as the procedural character of the exception arising from this pact. Particular attention is paid to distinguishing pactum de non petendo from substantive-law methods of terminating obligations, primarily the remission of debt as provided for by the contemporary civil legislation of the Russian Federation. On the basis of an analysis of the sources of Roman law and doctrinal approaches, the article concludes that pactum de non petendo has a dual legal nature and substantiates the possibility of using this construction as an alternative mechanism for protecting the interests of the parties to an obligation in modern law*.

Key words: *Roman private law; obligations; pactum de non petendo; exception; praetorian law; remission of debt; waiver of action; civil liability; procedural remedies.*

Иск (actio) занимал центральное место в системе римского частного права и выступал ключевым критерием существования субъективного права. Правовое регулирование в Риме строилось преимущественно через процессуальные формы, в связи с чем воздействие на правоотношение нередко осуществлялось не путем изменения его материального содержания, а посредством ограничения или устранения судебной защиты. Особую роль в этом механизме играло преторское право, развившее разветвленную систему исков и возражений, позволявшую гибко корректировать действие норм ius civile.

В настоящее время Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) предусматривает такой способ прекращения обязательства как «прощение долга», под которым понимается освобождение (прощение долга) кредитором должника от его обязанностей, если это не нарушает прав третьих лиц относительно имущества кредитора (ст. 415 ГК РФ). Этот способ прекращения обязательств, который осуществляется через волеизъявление кредитора, является, по сути, отказом кредитора от требований к должнику. Впрочем, усматривается, что в результате такого волеизъявления имущественное положение кредитора не восстанавливается, долг, который не был уплачен, остается в любом случае, а потому добровольный отказ кредитора от своих требований к должнику по правовым последствиям очень близок к договору дарения. Прощение долга имеет своим правовым эффектом также лишение кредитора возможности предъявить иск к должнику, который основывался бы на обязательстве, из которого возник долг, поскольку обязательство уже является прекращенным.

Похожий правовой эффект имело соглашение о непредставлении иска (pactum de non petendo) в римском праве, которое представляло собой неформальное соглашение, по которому кредитор обязывался не подавать иск к должнику вообще или определенное время в случае невыполнения им обязательства. Этот пакт принадлежал к pacta nuda (голых пактов), то есть не порождал право на иск. Такое соглашение подчинялось правилу «nuda pactio obligationem non parit, sed parit exceptionem» - голый пакт не порождает обязательства, но порождает эксцепцию. Поэтому должник в случае невыполнения кредитором обязательства по непредставлению иска (т.е. в случае подачи им иска) имел процессуальное предостережение - exceptio pacti, которое служило средством защиты от недобросовестного поведения кредитора. Эта защита основывалась на преторском праве, поскольку именно претор и применял указанную эксцепцию о заключенном соглашении. Римский юрист Павел указывает: «Относительно залога по праву магистратов возникает иск из заключенного соглашения, а устраняется путем эксцепции всегда, когда я заключаю соглашение о том, что не буду подавать иск» [5].

Сущность правовой природы pactum de non petendo объясняется дихотомией римского права на гражданское (ius civile) и преторское право (ius honorarium). Преторское право являло собой отдельную ветвь правопорядка, с помощью которой можно было использовать средства защиты на процессуальном уровне путем применения эксцепций, не затрагивая при этом уровень материального права, что сводило на нет действия истца [1, с. 984].

Действие pactum de non petendo распространялось только на стороны обязательства, а потому соответствующая эксцепция была доступна только должнику. Однако это соглашение могло также касаться наследника должника или солидарного содолжника, или поручителя. Впрочем, по словам Павла, если кто-то заключит соглашение, что иск будет подаваться не к нему, а к его наследнику, то наследнику эксцепция не поможет [6].

Поэтому pactum de non petendo мог быть заключен в отношении определенного лица (ne a personam petam) или быть безличным (pactum de non petendo in rem). Ульпиан указывает, что «соглашения касаются вещи, если я обязуюсь вообще не подавать иск. Соглашения касаются лица, если я обязуюсь не подавать иск к определенному лицу, то есть не подаваться к Луцию Тицию» [7].

В случае сомнения предполагалось, что был заключен pactum de non petendo in rem, если кредитор не мог доказать иное [2, с. 596]. Эксцепция могла действовать на определенный срок (dilatoria) или без ограничения срока (peremptoria). В последнем случае возможность выполнения оставалась только по воле должника, а кредитор все равно мог отказаться от принятия исполнения [4, с. 209].

Pactum de non petendo не прекращало материального правоотношения - обязательства. Действие pactum de non petendo лишь парализовывало право кредитора на предъявление иска. Можно предположить, что по происхождению, pactum de non petendo использовался в сфере гражданских правонарушений как форма освобождения от ответственности за деликт, который еще в классическую эпоху порождал эффект прекращения обязательства по гражданскому праву за кражу (furtum) или оскорбление (iniuria) [2, с. 596]. Но речь идет не об освобождении от ответственности за деликт, который еще не совершен, а в случае удовлетворения потерпевшего (кредитора), например, денежным возмеще-

нием. То есть субъект, который возместил ущерб потерпевшему от кражи или от оскорбления, мог заключить с таким кредитором соглашение о том, что последний не будет на него подавать в суд (D.14.27.3).

Использовался pactum de non petendo и в договорных обязательствах, например, для устранения ответственности должника. Так, Ульпиан допускает действительность pactum de non petendo в пользу хранителя. Причем юрист сразу же проводит параллель с соглашением, которое как бы наоборот - расширяло ответственность хранителя: соглашение о том, что хранитель будет отвечать во всех случаях за вред, причиненный переданной на хранение вещи [8]. Можно сказать, что назначение таких пактов было изменить общий порядок ответственности, предусмотренный для исполнителя договора. Учитывая то, что по римскому праву договор хранения был всегда безвозмездным, то освобождение хранителя от ответственности за повреждение вещи путем заключения pactum de non petendo было вполне оправданным.

Итак, pactum de non petendo был процессуальным средством, не прекращал обязательства в силу самого права (ipso iure), однако предоставлял возможность должнику защищать себя в процессе ссылкой на заключенное соглашение. Сущность этой эксцепции разъясняется в Институциях Гая: «Если также я заключу с тобой соглашение о том, что не буду у тебя требовать того, что ты мне должен, я, тем не менее, могу требовать от тебя то, что ты мне должен предоставить, поскольку обязательства не отменяется из-за заключения (такой) соглашения. Но считается, что мое требование может быть устранено эксцепцией о заключенном соглашении» [9].

В тексте Павла противопоставляется стипуляция и pactum de non petendo: «после заключения соглашения о неподаче иска следующее соглашение о возможности подачи иска отменяет первое соглашение, но не в силу самого права (ipso iure), как стипуляция может отменить другую стипуляцию, потому что стипуляция содержит в себе право, а в пактах рассматриваются фактические обстоятельства. Если, например, было заключено соглашение для того, чтобы исключить иск на основании совершения оскорбления, то потом нельзя заключить соглашение о том, что можно подать иск, поскольку первый иск исключен и следующее соглашение не может породить иск: ведь иск по совершению оскорбления порождается не на основании соглашения, а из-за факта оскорбления» [10]. Ситуация, описанная Павлом, может быть реконструирована следующим образом: было совершено оскорбление, после чего потерпевший (кредитор в деликтном обязательстве) заключил соглашение о непредставлении иска (через получение денежного возмещения или в силу других обстоятельств). Право на иск возникло из-за причинения оскорбления (деликт) и стороны обязательства не могут его прекратить, или, другими словами, право потерпевшего на иск не может быть отменено. Однако потерпевший и обидчик могут заключить соглашение о непредставлении иска, основанное на определенных фактах (например, на основании возмещения вреда потерпевшему). Следующее соглашение о возможности потерпевшего подать иск не может отменить первого соглашения о непредставлении, поскольку в самом pactum de non petendo заложены определенные фактические обстоятельства (основания отказа от иска). Зато стипуляция, как формально-юридический акт, в основе которой есть не факт, а право, может быть отменена другой стипуляцией (таким же формально-юридическим актом), в результате чего прекращается материальное правоотношение - обязательство.

Проблему соотношения pactum de non petendo с просрочкой выполнения рассматривает в своем исследовании Томассо далла Массара. Ученый обращает внимание на фрагмент D. 2.14.54., в котором Кв. М. Сцевола указывает, что в случае заключения соглашения о том, что кредитор не будет требовать по иску раба Стиха, которого ему должны, считается, что нет просрочки, и в случае дальнейшей смерти Стиха должник не несет ответственности, поскольку до заключения сделки он не допустил просрочки [11]. Томассо далла Массара связывает это с вопросом риска. Пакт о непредставлении иска исключает просрочку должника, в этом случае нет ответственности должника и риск невозможности отдать раба на должника не возлагается [4, с. 219].

М. Орландо указывает на двойную природу pactum de non petendo: с одной стороны, это соглашение может рассматриваться как то, что создает новое обязательство, которое накладывается на структуру первоначального, с другой стороны, это соглашение лишает права на иск или установление возражений против иска на чисто процессуальном уровне, не затрагивая материальное правоотношение [3, с. 90].

Оценивая правовые последствия заключения pactum de non petendo, можно сказать, что если поддержать мнение, что это соглашение создает обязательство, то это будет негативное обязательство sui generis, то есть такое, которое будет иметь только процессуальный эффект. Во-первых, это обязательство нематериальное, поскольку не опосредует обмен материальными благами, во-вторых, это бессрочное обязательство, поскольку направлено на неограниченное во времени действие, в-третьих, невыполнение

этого обязательства не влечет за собой гражданско-правовую ответственность, поскольку его нарушение предоставляет другой стороне право ссылаться на наличие такого соглашения и только лишит кредитора возможности процессуальной защиты. Поэтому можно согласиться с М. Орландо, по мнению которого pactum de non petendo ограничивает действие первоначального обязательства, лишая ответсвенности за его невыполнение [3, с. 93].

В современном праве соглашение о непредставлении иска запрещено законодательно: « Отказ от права на обращение в суд недействителен» (ч. 2 ст. 3 ГПК РФ). Однако, на наш взгляд, подобная конструкция как римский pactum de non petendo мог бы быть полезной альтернативой прощению долга, предусмотренному статьей 415 ГК РФ. Это дало бы возможность обезопасить должника от иска кредитора, не прекращая при этом само действие материального правоотношения - обязательства. Окончательный размер убытков, как правило, может быть определен только решением суда, а потому до подачи иска кредитору не известно, на какую сумму он имеет право (а к определению объема обязательства должника нельзя применить «прощение долга»). Впрочем, должник может предложить предоставить возмещение еще до предъявления иска. Если размер такого возмещения устраивает кредитора, то стороны могли бы заключить соглашение о непредставлении иска.

Таким образом, в заключении проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что pactum de non petendo в римском праве представлял собой особую правовую конструкцию, направленную не на прекращение обязательства, а на ограничение возможности его судебной реализации. Будучи отнесённым к числу pacta nuda, данный пакт не порождал иска, но обеспечивал должнику эффективное средство процессуальной защиты в форме эксцепции, применяемой претором.

Двойственная природа pactum de non petendo проявляется в том, что он, с одной стороны, основывался на соглашении сторон, а с другой — имел исключительно процессуальный эффект, не затрагивая материальное правоотношение. Это позволяло гибко регулировать ответственность должника, исключать просрочку и перераспределять риски, не разрушая структуры обязательства. В этом аспекте pactum de non petendo существенно отличается от таких институтов, как стипуляция или прощение долга, которые влекут прекращение обязательства ipso iure.

Сравнение с современным гражданским правом показывает, что запрет соглашений об отказе от обращения в суд лишает стороны возможности использовать подобный инструмент для внесудебного урегулирования споров. В этом контексте обращение к опыту римского права позволяет по-новому оценить потенциал процессуальных средств защиты и поставить вопрос о допустимости альтернативных механизмов, которые обеспечивали бы баланс интересов кредитора и должника без формального прекращения обязательства.

Список литературы:

[1] Gallo P. Pactum de non petendo e prescrizione. Rivisto di diritto civile. Cedam, 2020. № 5. P. 984-1020.

[2] Lovato A., Puliatti S., Solidoro Maruotti L. Diritto privato romano : Torino : G.Giappichelli Editore, 2014. 825 p.

[3] Tomasso dalla Massara, M. Orlandi. Studi sull'accordo di non chiedere. Roma : Roma TrePress, 2024. 112 p.

[4] Tomasso dalla Massara. Sulla relazione tra pactum de non petendo e mora. Studi in ricordo di Carlo Augusto Cannata. Napoli : Jovene Editore, 2021. P. 205-243.

[5] D. 2.14.17.2, Paul. 3 aded.: De pignore iure honorario nascitur ex pacto actio: tollitur autem per exceptionem, quotiens paciscor ne petam.

[6] D. 2.14.17.3, Paul. 3 ad ed.: Si quis paciscatur, ne a se petatur, sed ut ab herede petatur, heredi exceptio non proderit.

[7] D. 2.14.7.8, Ulp. 4 ad ed.: Pactorum quaedam in rem sunt, quaedam in personam. In rem sunt, quotiens generaliter paciscor ne petam: in personam, quotiens ne a persona petam, id est ne a Lucio Titio petam.

[8] D. 2.14.7.15,Ulp. 4 ad ed.: Sed et si quis paciscatur, ne depositi agat, secundum pomponium valet pactum. item si quis pactus sit, ut ex causa depositi omne periculum praestet, Pomponius ait pactionem valere nec quasi contra iuris formam factam non esse servandam.

[9] Gai 4.116b: Item si pactus fuero tecum, ne id quod mihi debeas a te petam, nihilo minus id ipsum a te petere possum dari mihi oportere, quia obligatio pacto conuento non tollitur; sed placet debere me petentem per exceptionem pacti conuenti repelli.

[10] D. 2.14.27.2, Paul. 3 ad ed.: Pactus, ne peteret, postea convenit ut peteret: prius pactum per posterius elidetur, non quidem ipso iure, sicuttollitur stipulatio per stipulationem, si hoc actum est, quia in stipulationibus ius continetur, in pactis factum versatur: et ideo replicatione exceptio elidetur. Eadem ratione contingit, ne fideiussoribuspriuspactum prosit. Sedsipactumconventumtale fuit, quodactionem quoque tolleret, velut iniuriarum, non poterit, postea paciscendo ut agere possit, agere: quia et

prima actio sublata est et posterius pactum ad actionem parandam inefficax est: non enim ex pacto iniuriarum actio nascitur, sed ex contumelia.

[11] D. 2.14.54, Scaev. not. ad Iul. 22 Dig.: Si pactus sim, ne stichum, qui mihi debebatur, petam: non intellegitur mora mihi fieri mortuoque sticho puto non teneri reum, qui ante pactum moram non fecerat.

References:

[1] Gallo P. Pactum de non petendo e prescrizione. Rivisto di diritto civile. Cedam, 2020. № 5. P. 984-1020.

[2] Lovato A., Puliatti S., Solidoro Maruotti L. Diritto privato romano : Torino : G.Giappichelli Editore, 2014. 825 p.

[3] Tomasso dalla Massara, M. Orlandi. Studi sull'accordo di non chiedere. Roma : Roma TrePress, 2024. 112 p.

[4] Tomasso dalla Massara. Sulla relazione tra pactum de non petendo e mora. Studi in ricordo di Carlo Augusto Cannata. Napoli : Jovene Editore, 2021. P. 205-243.

[5] D. 2.14.17.2, Paul. 3 aded.: De pignore iure honorario nascitur ex pacto actio: tollitur autem per exceptionem, quotiens paciscor ne petam.

[6] D. 2.14.17.3, Paul. 3 ad ed.: Si quis paciscatur, ne a se petatur, sed ut ab herede petatur, heredi exceptio non proderit.

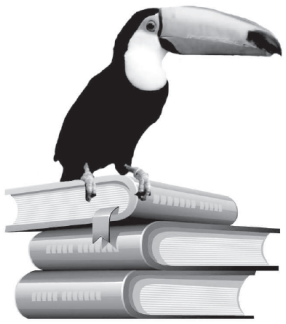
[7] D. 2.14.7.8, Ulp. 4 ad ed.: Pactorum quaedam in rem sunt, quaedam in personam. In rem sunt, quotiens generaliter paciscor ne petam: in personam, quotiens ne a persona petam, id est ne a Lucio Titio petam.

[8] D. 2.14.7.15,Ulp. 4 ad ed.: Sed et si quis paciscatur, ne depositi agat, secundum pomponium valet pactum. item si quis pactus sit, ut ex causa depositi omne periculum praestet, Pomponius ait pactionem valere nec quasi contra iuris formam factam non esse servandam.

[9] Gai 4.116b: Item si pactus fuero tecum, ne id quod mihi debeas a te petam, nihilo minus id ipsum a te petere possum dari mihi oportere, quia obligatio pacto conuento non tollitur; sed placet debere me petentem per exceptionem pacti conuenti repelli.

[10] D. 2.14.27.2, Paul. 3 ad ed.: Pactus, ne peteret, postea convenit ut peteret: prius pactum per posterius elidetur, non quidem ipso iure, sicuttollitur stipulatio per stipulationem, si hoc actum est, quia in stipulationibus ius continetur, in pactis factum versatur: et ideo replicatione exceptio elidetur. Eadem ratione contingit, ne fideiussoribuspriuspactum prosit. Sedsipactumconventumtale fuit, quodactionem quoque tolleret, velut iniuriarum, non poterit, postea paciscendo ut agere possit, agere: quia et prima actio sublata est et posterius pactum ad actionem parandam inefficax est: non enim ex pacto iniuriarum actio nascitur, sed ex contumelia.

[11] D. 2.14.54, Scaev. not. ad Iul. 22 Dig.: Si pactus sim, ne stichum, qui mihi debebatur, petam: non intellegitur mora mihi fieri mortuoque sticho puto non teneri reum, qui ante pactum moram non fecerat.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-578-584

ПОЛЯКОВА Янина Николаевна,
кандидат психологических наук,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Ростовского института (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России),
e-mail: ynpolyakova@yandex.ru

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ АМНИСТИИ И ПОМИЛОВАНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье речь идет о видах смягчения положения осужденных, таких как амнистия и помилование.*

Ключевые слова: *амнистия, помилование, право, уголовное законодательство.*

POLYAKOVA Ya.N.,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Psychological Sciences

THE HISTORY OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF AMNESTY AND PARDON INSTITUTIONS IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article discusses types of mitigation of the situation of convicts, such as amnesty and pardon.*

Key words: *amnesty, pardon, law, criminal legislation.*

В системе существующих в уголовном праве различных видов смягчения положения осужденных амнистия и помилование занимают особое место, так как их применение связано с деятельностью высших органов государственной власти.

Достаточно часто прощение в российском государстве даровалось преступникам вне зависимости от тяжести совершенного преступления и выражалось в актах амнистии или помилования. Следует заметить, что «государственное» прощение, в той или иной форме, проявлялось на разных этапах развития российской государственности.

На Руси большее распространение получило понятие помилования. В период частых истребительных войн и нашествия внешних врагов на Русь ослаблялась мощь и сила княжеской власти, и в целях примирения с врагами князья использовали все средства и способы. Нередко бывшие противники объединялись для последующей совместной борьбы со своими врагами. Для приобретения единомышленников в стране недругов князья пользовались правом на «прощение» для приобретения «союзников». Известен, например, исторический факт, когда Даниил Галицкий отбил принадлежавший ему ранее город Галич, захваченный Ростиславом с помощью местных бояр, и, несмотря на их предательство, помиловал их, так как надеялся великодушием обезоружить мятежников.

Следует отметить, что в Судебнике Ивана III не предусматривались ни помилование, ни амнистия.

Позднее, с развитием законодательства, стал применяться термин «амнистия» в самых разнообразных видах, вне зависимости от помилования отдельных преступников. Так, Стоглавый Собор предложил введение «Прекращения иска в суде в связи с праздником Пасхи», в силу которого к данному празднику свободу получали некоторые осужденные, кроме совершивших

тяжкие преступления (убийство, разбой). После этого русские цари начали традиционно издавать манифесты об амнистии, приуроченные к разным значительным событиям: восшествия на престол, окончания войн, годовщины царствования, рождения наследника и т.д.

Первым законодательным актом, в котором право помилования нашло законодательное отражение, стал Судебник 1550 г. Официально амнистия впервые применяется Борисом Годуновым в 1598 г. в честь его коронации. Позже Лжедмитрий помиловал почти всех подданных, подвергнутых гонениям со стороны Бориса Годунова. В 1584 г. Иван Грозный завещал освободить после своей смерти всех узников.

П.И. Люблинский писал об этом периоде развития амнистии следующее: «С одной стороны, мы имеем дело с применением общей милости под влиянием религиозно-политических тенденций, с другой – при политических неурядицах она использовалась в целях призыва к общему примирению».

В Соборном уложении 1649 г., которое явилось первым в истории России систематизированным сводом законов, хотя и не определялись понятия «амнистия» и «помилование», но вообще о помиловании как прощении лиц, совершивших преступления, упоминалось.

Во время царствования Петра Великого также применялись акты «всепрощения» по поводу важных событий, произошедших в государстве. Так, например, при заключении мира со Швецией в 1720 г. Петром I был подписан манифест, по которому «прощение даровалось всем каторжным и колодникам, кроме смертоубийц и разбойников, вследствие милости Всевышнего в войне». Следует заметить, что данный манифест, по существу, являлся актом амнистии, так как полностью или частично освобождал от наказания определенный круг лиц.

Впоследствии прощение широко применялось в период царствования Екатерины I, Петра III, Анны Иоановны. Так, например, Екатерина II считала, что помилование должно распространяться не только в отношении преступников, но и в отношении политических преступников. В Наказе Екатерины говорилось о необходимости помилования как института, гарантирующего правосудие.

Дальнейшая регламентация институтов амнистии и помилования произошла при кодификации законодательства. Свод законов Российской Империи содержал подробные постановления о помиловании, которые с некоторыми редакционными изменениями вошли в «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г.

Новые аспекты в применении амнистии отмечаются во время царствования Александра I. В отличие от прежних амнистий, он разделял амнистированных на тех, кто находится под следствием (они получали полную амнистию), и уже осужденных (были помилованы частично).

В период правления Николая I законы об амнистии были впервые систематизированы.

При Александре II учитывался характер назначенного судом наказания осужденным. В законодательстве указывалось, что прощение не зависело от воли преступника, т.е. в случае, если лицо объявляли помилованным, он не мог отказаться от дарованной ему милости и просить о применении наказания.

Прощение, как уже было отмечено, в дореволюционной России даровалось только царем, но в исключительных случаях могло быть возбуждено судом с докладом царю через Министерство юстиции.

Правильным будет согласиться с мнением А.Д. Градовского о том, что императору принадлежало исключительное право помилования. То есть, помилование являлось, по сути, не актом правосудия или законом, а проявлением милосердия монарха. Помилование осуществлялось в форме манифеста до 1905 г., когда оно стало издаваться в форме Указа.

Революция 1917 года положила начало новому этапу развития российского уголовного законодательства.

Амнистия и помилование, провозглашаемые в Советском государстве, являлись одним из средств проведения политики государства. Одним из первых актов амнистии, изданным VI Всероссийским съездом Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов 6 ноября 1918 года, было предписание всем судам обязательно пересмотреть уголовные дела для последующего освобождения всех лиц, не представляющих опасности для Советского государства.

После февральской революции Временное правительство в 1917 г. амнистировало 88 тыс. осужденных, что составило 75% всех лиц, находившихся на тот момент в заключении. Право издания амнистии, в соответствии с первой Конституцией РСФСР, было предоставлено Всероссийскому съезду Советов и Всероссийскому Центральному исполнительному комитету.

Как и в царской России, общая амнистия проводилась в честь торжественных событий, праздников. Акты относились к различным преступлениям, к одному какому-либо преступлению или к отдельной категории преступников. Общие амнистии относились к осужденным и подследственным и обычно объявлялись в форме закона.

О.С. Зельдова классифицировала советские акты амнистии по функциональной направленности. Это амнистии политической направ-

ленности, которые издавались в отношении лиц, совершивших массовые преступления; уголовно-политической направленности, в результате которых освобождались лица, утратившие общественную опасность для общества; разгрузочно-корректирующие и амнистии исправительной направленности, способствующие исправлению осужденных. В.В. Комаров предлагает несколько иную классификацию амнистий советского периода, разделяя их по объему действия на полные и частичные, а по характеру применения на условные и безусловные. При этом под полной амнистией понимается освобождение полностью или частично от основного вида наказания (лишения свободы, исправительных работ без лишения свободы и т.д.) или от дополнительного вида наказания (ссылки, высылки, штрафа, конфискации имущества), или как от основного, так и дополнительного вида наказания (например, лишения свободы и ссылки), или даже и от правовых последствий осуждения (снятия судимости). При частичной амнистии освобождение от наказания могло состоять в смягчении наказания путем сокращения назначенного судом неотбытого наказания, либо в замене наказания более мягким (например, лишение свободы – исправительными работами без лишения свободы, смертной казни – лишением свободы и т.д.).

Исследуя акты, изданные ЦИК СССР и его президиумом в период действия Конституции СССР 1924 г., становится ясным, что понятие «помилование» отождествлялось с понятием «частная амнистия».

1937 год вошел в историю нашего государства как год массовых репрессий. Это отразилось в том, что в 30-е годы амнистии практически не проводились, а также они не освобождали от уголовного наказания.

Перед Великой Отечественной войной в системе ГУЛАГ было 53 исправительно-трудовых лагеря и 425 исправительно-трудовых колоний. На 1 января 1941 г. в местах заключения находились: в лагерях – 1500524 человека; в колониях – 429204 человека. Значительную часть осужденных составляли лица призывного возраста. Так, большинство осужденных за малозначительные деяния были освобождены из мест лишения свободы для пополнения рядов Советской Армии. Всего за период Великой Отечественной войны было издано 4 акта об амнистии и помиловано порядка 400 тысяч человек. Лицам, осужденным на срок свыше 3 лет, оставшийся срок лишения свободы сокращался наполовину, кроме лиц, осужденных за тягчайшие преступления, а также снималась судимость с ряда осужденных лиц.

Период культа личности Сталина (с 1947 г. по 1952 г.) не было издано ни одного акта амнистии. История уголовного законодательства этого периода свидетельствует о том, что гуманизм как правовое явление в этот период практически отсутствует. В преступниках видели врагов общества, применяя такие наказания, которые не соответствовали ни содеянному, ни личности виновного.

Амнистия, объявленная после смерти И.В. Сталина в 1953 г. стала самой объемной за всю историю СССР. Однако поспешность ее проведения принесла множество отрицательных последствий и для исправительно-трудовой системы; резко увеличилось число лиц, осужденных за особо опасные преступления, активизировалась преступная деятельность осужденных, к которым амнистия не была применена. Вместе с тем эта амнистия, с положительной стороны, начала развитие гуманизма в советском уголовном праве. Показателем этого также служит ряд амнистий: только в 1955 г. их было издано две, а, в 1956 г.– три.

Уголовный Кодекс РСФСР 1960 г. и Уголовные кодексы союзных республик закрепили понятие амнистии и помилования как института освобождения от уголовной ответственности и наказания. Амнистии 60-80-х годов принимались нечасто, в основном, в честь каких-либо значимых государственных событий.

Конституция СССР 1977 г. и Конституция РСФСР 1978 г. значительно расширили правовую основу амнистии и помилования и предусматривали освобождение от уголовной ответственности и наказания на любой стадии уголовного процесса, что как следствие являлось прерогативой высших органов государственной власти. Однако отношение государства к амнистии и помилованию не было однозначным. В отличие от амнистии, помилование применялось значительно чаще. Оно применялось вне зависимости от личности преступника, характера и тяжести совершенного деяния. Помиловались лица, осужденные к смертной казни, наказание которым назначалось на срок более 15 лет, но не более 20 лет.

В конце 80-х начале 90-х годов уголовное законодательство оставалось чрезвычайно суровым, однако целый ряд законодательных актов свидетельствует о некоторых чертах гуманизации в уголовном праве. Следует отметить, что акты амнистии и помилования по-прежнему не разделялись. Взгляд на помилование, как на вид амнистии, существовал довольно долго, и в 80-х годах давалась следующая характеристика: «Амнистия может быть общей ... или частичной, то есть относящейся к отдельным лицам (помилование)».

Последняя крупная амнистия в России была проведена в декабре 2013 года к 20-летию принятия Конституции РФ.

В связи с принятием Конституции РФ 1993 года, а также принятием России в Совет Европы обозначилась новая социальная политика государства. Смертная казнь заменялась пожизненным лишением свободы, но суд не мог назначить эту меру наказания, это право фактически принадлежало Президенту РФ. Государствам – членам Совета Европы разрешается вводить смертную казнь только в исключительных случаях.

В УК РФ 1996 г. помилованию и амнистии посвящены отдельные статьи главы 13 (ст. 84 – амнистии, ст. 85 – помилованию). Право помилования и амнистии по-прежнему принадлежит высшим органам государственной власти в лице Президента РФ и Государственной Думы, однако Конституция РФ, относя объявление амнистии к ведению Государственной Думы, не дает каких-либо указаний о характере и содержании акта амнистии.

Ходатайства о помиловании осужденных до 2002 г. поступали в Управление по делам о помиловании при Президенте РФ, которое готовило необходимую документацию для решения вопроса по существу. Эти материалы направлялись в Комиссию по вопросам помилования (общественное формирование) при Президенте РФ, которая предлагала то или иное решение вопроса о помиловании. Данная рекомендация не имела обязательной силы для Президента РФ.

Таким образом, до 2002 г. в нашей стране функционировала только одна Комиссия по помилованию при Президенте РФ. О том, насколько она была перегружена делами, дает представление следующий факт; как показали исследования, с ходатайствами о помиловании к Президенту РФ обращаются 87,2% осужденных к лишению свободы. Таким образом, следствием такой непосильной работы были отдельные ошибочные рекомендации Комиссии.

Порядок помилования в настоящее время детально регламентируется Указом Президента РФ от 28 декабря 2001 г. № 1500 «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации», а также «Положением о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации», что свидетельствует о более детальном и тщательном подходе к вопросу рассмотрения ходатайств о помиловании.

Следует заметить, что после принятия новой процедуры обращения с ходатайствами о помиловании заметно сократилось число помилованных лиц. Так, например, в 1997 г. помилование было применено к 3647 осужденным, отбывающим наказание в местах лишения свободы, в 1998г. -4244, 1999 г. - 11627, в 2000- 12836. Количество помилований в 2000-х годах постоянно сокращалось. Владимир Путин, будучи Президентом, в 2003 году помиловал 187 человек, в 2004 - 72, в 2005 - 43, в 2006 - 9, а в 2007 - никого. За свой президентский срок Дмитрий Медведев помиловал немногим более 160 осужденных. В 2013 году из нескольких сотен прошений по освобождению положительное решение было принято только по пяти осужденным.

В настоящее время в связи с вступлением Республики Крым в состав Российской Федерации было принято Положение о временном порядке предоставления ходатайств о помиловании подаваемых осужденными, отбывающих наказания на территории Республики Крым и города Севастополя.

Таким образом, российские власти, очевидно, пытаются решить проблему хотя бы части осужденных, находящихся в крымских СИЗО и тюрьмах. Из-за состоявшегося присоединения полуострова к России эта категория граждан оказалась в правовом вакууме: с одной стороны, осуждены или арестованы они были по законам Украины, а теперь отбывают наказание уже в российских учреждениях. В результате оказалось непонятно, считать ли их гражданами Украины или России, на каких основаниях и что делать с ними дальше.

При этом возникла неразрешимая пока дилемма: поскольку эти осужденные российских законов не нарушали, теоретически их надо было бы, наверное, освободить. Но освобождать убийц и насильников, разумеется, никто не станет. Их также можно было бы отправить для дальнейшего отбывания наказания на Украину, но без согласия самих осужденных и властей Украины это опять же сделать нельзя. Возможность же помилования, судя по всему, поможет решить судьбу хотя бы тех обитателей крымских колоний и тюрем, кто был осужден или арестован за нетяжкие или ненасильственные преступления. Хотя многие юристы сомневаются в юридической чистоте и такого подхода.

Ряд современных российских юристов полагает, что институты амнистии и помилования нецелесообразны для применения в российском обществе. Так, С.Н. Сабанин полагает, что издание актов амнистии фактически ведет к нарушению принципа справедливости, поэтому амнистия не должна иметь место ни в практике высших органов государственной власти, ни в уголовном законодательстве.

Несомненно, имеются не только противники, но и сторонники данных институтов. В частности, И.Л. Марогулова считает, что это гуманная, необходимая мера. С. Ширинский, Т. Кадышева считают, что амнистии следует применять не от

случая к случаю, а ежегодно, так как многие осужденные осознают свои ошибки задолго до окончания назначенных им сроков лишения свободы, и данные акты будут являться стимулами для исправления осужденных. Чаще всего среди положительных черт амнистии и помилования, исследователи называют то, что она отвечает целям экономии уголовной репрессии, способствует корректировке наказания в сторону его смягчения, а ведущие политики разъясняют общественности, что амнистии проводятся для «разгрузки» мест лишения свободы.

Итак, в начале XXI в. нормативная база, регулирующая рассматриваемые вопросы, претерпела значительные изменения. Приняты новые нормативные акты на уровне Президента РФ и Законодательного Собрания РФ, что позволило максимально усовершенствовать механизм реализации конституционных полномочий Президента РФ по осуществлению помилования, обеспечения участия органов государственной власти и общественности при рассмотрении вопросов помилования. Установлены новые сокращенные сроки прохождения материалов о помиловании. С началом применения данной процедуры качество подготовки ходатайств о помиловании осужденных улучшилось. Стало возможным проведение выездных заседаний комиссий по помилованию в колониях с участием заинтересованных в помиловании осужденных. Новый порядок рассмотрения дел о помиловании осужденных повысил обоснованность и качество принимаемых комиссией решений.

Список литературы:

[1] Марогулова И.Л. Амнистия и помилование в российском законодательстве. М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 2008. С. 8.

[2] Люблинский П.И. Право амнистии: историко-догматическое и политическое исследование. Одесса, 1907. С. 197.

[3] Таганцев Н.С. Курс уголовного права. СПб, 1902. С. 365.

[4] Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2-х т. Т.2. М., 2004. С. 385.

[5] Гришко А.Я. Амнистия и помилование: Монография. Рязань: Академия права и управления ФСИН России, 2006. С. 70.

[6] Люблинский П.И. Указ.соч. С. 209.

[7] Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль. Типография губернского правления. 1909. С. 316.

[8] Градовский А.Д. Начала русского государственного права. СПб: Типография Стасюлевича, 1875-1883. С. 624.

[9] Ромашкин Л.С. Амнистия и помилование в СССР. М., Госюриздат, 1959. С. 5.

[10] Зубков А.И., Калинин Ю.И., Сысоев В.Д. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России: история и современность. М., 2008. С. 26.

[11] Вилкова А. В., Ковтуненко Л. В., Полякова Я. Н. Подготовка научных кадров высшей квалификации для уголовно-исполнительной системы: проблемы и стратегии развития // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4(110). С. 189-195.

[12] Ковтуненко Л. В., Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта в профессиональном становлении молодого ученого // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2025. № 3. С. 62-65.

[13] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Самооценка личности несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практтика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимоноа. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 87-93.

[14] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-рефлексивный подход при повышении квалификации управленческого персонала УИС / В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 9-14.

[15] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[16] Вилкова А. В., Казберов П. Н. Психологическая проблема личности несовершеннолетних в уголовно-исполнительной системе/ В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 84-92.

[17] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Уголовно-исполнительная система: подготовка научных кадров высшей категории / В сборнике: VII Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». Сборник тезисов выступлений и докладов участников VII междуна-

родного пенитенциарного форума, приуроченного к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне и Году защитника Отечества. В 5-ти томах. Рязань, 2025. С. 68-73.

[18] Вилкова А. В., Дмитриев Г. Г. Коллектив сотрудников в уголовно-исполнительной системе / В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. ежеквартальное научно-практическое издание. Москва, 2025. С. 67-71.

[19] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Социально-педагогическая запущенность и делинквентность несовершеннолетних // В сборнике: Уголовно-исполнительная система: история и современность. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Псков. 2025. С. 65-68.

[20] Вилкова А. В., Фадеева С. А., Полякова Я. Н. Дополнительное профессиональное образование сотрудников уголовно-исполнительной системы // В сборнике: Пенитенциарная и постпенитенциарная ресоциализация осужденных: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Владимир. 2025. С. 38-44.

[21] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Делинквентность несовершеннолетних социально-педагогическая запущенность / В сборнике 3 года вместе: закон, порядок, справедливость. Сборник научных статей Международного форума, посвященного Дню воссоединения ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей с Российской Федерацией. Луганск, 2025. С. 36-38.

[22] Казберов П.Н., Вилкова А. В. Системное планирование профессиональной подготовки пенитенциарных психологов к работе с лицами, осужденными за террористические и экстремистские преступления / В сборнике: Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 26-33.

[23] Вилкова А. В., Лещенко С. А. Неблагополучная семья как фактор дисгармоничного развития нравственного сознания личности / В сборнике: Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 105-111.

[24] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. База данных тестовых заданий к курсу лекций «Воспитательная работа с осужденными для образовательных организаций ФСИН России. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623480. 22.08. 2025. Заявка № 2025623025 от 14.08.2025.

[25] Фадеева С. А., Мухин М. И., Угрюмов Ю. М., Чопик О. А. Государственно-политическое, духовно-нравственное и патриотическое воспитание работников УИС молодежного возраста. Тверь, 2025.

[26] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Основные трудности, ожидающие молодых ученых // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 3(25). С. 92-101.

[27] Vilkova A. Prerequisites, conditions and grounds for the removal of the criminal record: the prospects for the legislative improvement of the institute / A. V/ Vilkova // Military Law Review. 2018. № 1. С. 204.

References:

[1] Marogulova I.L. Amnesty and pardon in Russian law. M.: CJSC Intel-Sintez Business School, 2008. P. 8.

[2] Lublin P.I. Amnesty law: historical, dogmatic and political research. Odessa, 1907. S. 197.

[3] Tagantsev N.S. Course of criminal law. St. Petersburg, 1902. S. 365.

[4] Tagantsev N.S. Russian criminal law. Lectures. Part general. In 2 vols. T.2. M., 2004. S. 385.

[5] Grishko A.Ya. Amnesty and pardon: Monograph. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2006. S. 70.

[6] P.I. Lyublinsky. S. 209.

[7] Feldstein G.S. The main trends in the history of the science of criminal law in Russia. Yaroslavl. Printing house of the provincial government. 1909. S. 316.

[8] Gradovsky A.D. Beginnings of Russian state law. St. Petersburg: Stasyulevich Printing House, 1875-1883. P. 624.

[9] Romashkin L.S. Amnesty and pardon in the USSR. M., Gosyurizdat, 1959. S. 5.

[10] Zubkov A.I., Kalinin Yu.I., Sysoev V.D. Penitentiary institutions in the system of the Ministry of Justice of Russia: history and modernity. M., 2008. S. 26.

[11] Vilkova A. V., Kovtunenko L. V., Polyakova Y. N. Training of highly qualified scientific personnel for the penitentiary system: problems and development strategies//Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4(110). S. 189-195.

[12] Kovtunenko L.V., Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject in the professional development of a young scientist//Bulletin of Voronezh State University. Series: Higher Education Challenges. 2025. № 3. S. 62-65.

[13] Vilkova A. V., Lukashenko D. V. Self-assessment of the personality of juvenile convicts/In the collection: The penal system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian

Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonoa. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 87-93.

[14] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. A socially reflective approach to advanced training of management personnel of the penal system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 9-14.

[15] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[16] Vilkova A.V., Kazberov P.N. Psychological problem of the personality of minors in the penal system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 84-92.

[17] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Penal system: training of scientific personnel of the highest category/In the collection: VII International Penitentiary Forum "Crime, Punishment, Correction." Collection of abstracts and reports of participants of the VII International Penitentiary Forum, dedicated to the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War and the Year of Defender of the Fatherland. In 5 volumes. Ryazan, 2025. S. 68-73.

[18] Vilkova A. V., Dmitriev G. G. Collective of employees in the penitentiary system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. quarterly scientific and practical publication. Moscow, 2025. S. 67-71.

[19] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Socio-pedagogical neglect and delinquency of minors//In the collection: The penal system: history and modernity. Collection of materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference with international participation. Pskov. 2025. S. 65-68.

[20] Vilkova A. V., Fadeeva S. A., Polyakova Y. N. Additional professional education of employees of the penitentiary system//In the collection: Penitentiary and post-penitentiary resocialization of convicts: problems and prospects. Collection of scientific works of the international scientific-practical conference. Vladimir. 2025. S. 38-44.

[21] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Delinquency of minors social and pedagogical neglect/In the collection 3 years together: law, order, justice. Collection of scientific articles of the International Forum dedicated to the Day of reunification of the DPR, LPR, Zaporizhzhya and Kherson regions with the Russian Federation. Lugansk, 2025. S. 36-38.

[22] Kazberov P.N., Vilkova A.V. Systematic planning of professional training of penitentiary psychologists to work with persons convicted of terrorist and extremist crimes/In the collection: Extreme psychology and pedagogy: modern trends and promising studies. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 26-33.

[23] Vilkova A. V., Leshchenko S. A. Dysfunctional family as a factor in the disharmonious development of moral consciousness of the individual/In the collection: Extreme psychology and pedagogy: modern trends and promising research. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 105-111.

[24] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Database of test assignments for the course of lectures "Educational work with convicts for educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Certificate of registration of the RU 2025623480 database. 22.08. 2025. Request No. 2025623025 dated 14.08.2025.

[25] Fadeeva S. A., Mukhin M. I., Ugryumov Yu. M., Chopik O. A. State-political, spiritual, moral and patriotic education of employees of the penal system of youth age. Tver, 2025.

[26] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The main difficulties awaiting young scientists//Military legal and humanitarian sciences of Siberia. 2025. № 3(25). S. 92-101.

[27] Vilkova A. Prerequisites, conditions and grounds for the removal of the criminal record: the prospects for the legislative improvement of the institute / A. V/ Vilkova // Military Law Review. 2018. № 1. C. 204.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-585-591

ИВАНОВА Наталия Николаевна,
кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин,
Псковский филиал Университета ФСИН России,
e-mail: nataliya.ivanova.73@list.ru

МАНОЙЛОВА Марина Алексеевна,
доктор психологических наук, доцент,
заведующий кафедрой философии и теологии,
Псковский государственный университет,
e-mail: marinaman@list.ru

ВИНОГРАДОВА Надежда Алексеевна,
преподаватель кафедры философии и теологии,
Псковский государственный университет,
e-mail: umo1@pskgu.ru

КРИЗИС ТЮРЕМНОЙ СИСТЕМЫ ИРЛАНДИИ: ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ И СПОСОБЫ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ (ОЧЕРК ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА)

Аннотация. *В статье рассматривается реальное положение дел в тюремной системе Ирландии на протяжении последних 15 лет. Существующая в Ирландии тюремная политика является бедствием как для осужденного, так и для общества в целом. Создание безопасных тюрем, в которых для осужденных будут созданы условия для получения общего и профессионального образования, необходимой психологической и социальной помощи, задействованы специалисты из разных областей для проведения реабилитационных программ, адресованных различным категориям осужденных, остается актуальной задачей для уголовного правосудия Ирландии и требует пересмотра существующей в стране пенитенциарной политики.*

Проблема переполненности тюрем со всеми вытекающими отсюда последствиями, связанными с ненадлежащими условиями содержания и обращения с заключенными, недоступностью для большинства осужденных реабилитационных программ, повышением опасности криминального заражения, развития наркотической зависимости или превращения их в жертву физического или психологического насилия в среде осужденных требует пересмотра концепции исполнения наказаний и перехода от карательной модели исполнения наказаний к гуманной, направленной на исправление осужденных, оказание помощи людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации. В связи с этим предпринятые в уголовном правосудии Ирландии меры, связанные с изменением стратегии вынесения приговоров молодым людям, не достигшим 30 лет, доказали эффективность применения альтернативных видов наказаний для данной категории лиц.

В настоящей работе представлен анализ результатов зарубежных исследований, в которых рассматриваются причины, последствия и способы преодоления существующего кризиса тюремной системы Ирландии, подчеркивается необходимость декриминализации ее уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: *переполненность тюрем, альтернативные виды наказаний, реабилитация, восстановление справедливости, рецидивизм.*

IVANOVA Nataliya Nickolaevna,
candidate of philological sciences,
associate professor, associate professor of the Department
of humanitarian and socio-economic disciplines,
Pskov Branch of the University of the Federal
Penal Service of Russia

MANOILOVA Marina Alekseevna,
doctor of psychology, associate professor,
head of the Department of philosophy and theology,
Pskov State University

VINOGRADOVA Nadezhda Alekseevna,
lecturer at the Department of philosophy and theology,
Pskov State University

THE CRISIS OF THE IRELAND PENITENTIARY SYSTEM: CAUSES, CONSEQUENCES AND WAYS TO OVERCOME IT (STUDY OF FOREIGN EXPERIENCE)

Annotation. *The article examines the current state of affairs in the Irish prison system over the past 15 years. The current prison policy in Ireland is a disaster for both the inmates and society as a whole. Creating safe prisons that provide inmates with access to general and vocational education, psychological and social support, and multidisciplinary rehabilitation programs tailored to different types of offenders remains a pressing issue for the Irish criminal justice system and requires a review of the current prison policy.*

The problem of overcrowded prisons, with all the consequences that this entails, such as inadequate conditions and treatment of prisoners, the inaccessibility of rehabilitation programs for the most part of the convicts, and the increased risk of criminal infection, drug addiction, or physical or psychological abuse among convicts, requires a review of the concept of punishment and a shift from a punitive model of punishment to a humane model that focuses on rehabilitating convicts and providing assistance to individuals in difficult situations. In this regard, the measures taken in the Irish criminal justice system to change the sentencing strategy for young people under the age of 30 have proven to be effective in using alternative forms of punishment for this category of individuals.

This paper presents the analysis of the results of foreign studies that examine the causes, consequences, and ways to overcome the current crisis in the Irish prison system, emphasizing the need for decriminalization of its penal system.

Key words: *overcrowded prisons, alternative forms of punishment, rehabilitation, restoration of justice, recidivism.*

Существующая система уголовного правосудия в Ирландии, находящаяся на протяжении последних 15 лет в состоянии кризиса, претерпев ряд изменений и инноваций, разрабатывает новые подходы для борьбы с преступностью, делая ставку на использование альтернативных видов наказаний и программ реабилитации, что отражает переход от карательного подхода к исполнению наказаний к более гуманному и справедливому, направленному на устранение причин преступности и восстановление справедливости в обществе.

Согласно годовому отчету от 10 ноября 2010 г., подготовленному ирландскими тюремными капелланами, для министра юстиции и правового реформирования Ирландии, состояние тюремной системы Ирландии характеризуется как кризисное по ряду причин, одной из которых является политизация системы уголовного правосудия в Ирландии [1]. Суть данного явления заключается в том, что в предвыборных целях с целью манипулирования законным стремлением общества к безопасности правительство приняло решение по увеличению тюремных площадей и сокращению ресурсов, выделяемых на реабилитацию осужденных. Так, резкий контраст нового пустующего дорогостоящего тюремного комплекса Торнтон Холл и камер с матрасами вместо кроватей в обычных тюрьмах Ирландии, откладывание реализации долгожданной комплексной программы отбывания наказаний на неопределенный срок из-за недостаточного финансирования - все это указывает на дисбаланс и хаос не только в тюремной системе, но и в стране в целом.

Следует подчеркнуть, что комплексная программа отбывания наказания, предназначенная для лиц, приговоренных к лишению свободы на год и более, составляющих всего 20% от общего числа осужденных, была отложена на неопределенный срок, и даже это малое число осужденных не получило должную реабилитационную помощь. Если бы для остальных 80% осужденных со сроком заключения от 3 до 12 месяцев были предусмотрены альтернативные меры наказания, то нуждающейся в реабилитации категории осужденных была бы доступна эта помощь.

Однако это противоречило бы политике правительства по наращиванию тюремных площадей для «повышения» безопасности общества.

Увеличение средней продолжительности пожизненного заключения в тюрьме, бюрократизация процесса пересмотра приговоров осужденных, проходящего с длительными задержками, в связи с тем, что окончательное решение по нему принимается министром; игнорирование заключения служб о положительных результатах работы с осужденным и рекомендаций психологов – вот ряд помех, чинимых государственными органами, которые негативно отражаются на всех осужденных, поскольку они подрывают их доверие к процедуре пересмотра приговора и обесценивают достигнутые результаты в исправлении осужденного. Более того, это способствует стигматизации процесса отбывания наказания в тюрьме, не позволяя людям надеяться на скорейшее освобождение. И очевидно, что никто из органов государственной власти не задумывается о проблеме переполненности тюрем.

Бывший инспектор тюрем, судья Дермот Кинлен (Dermot Kinlen) отметил такую особенность органов государственного управления как гипертрофированное желание властвовать, контролировать и не разглашать сведения, и описал существующую тюремную систему, в которой 70% осужденных не могут извлечь никакую пользу от размещения в тюремных условиях, как ужасную растрату денежных средств. В связи с этим мониторинг стоимости содержания осужденного в тюрьме должен стать частью государственной политики в сфере противодействия преступности и быть в открытом доступе для общества.

Таким образом, тюремная система Ирландии до 2010 г. обеспечивала лишь содержание осужденных под стражей, и назвать ее гуманной и безопасной как для заключенных, так и для персонала и, в конечном счете, для общества в целом не представляется возможным ввиду кризиса тюремной системы, а точнее трех кризисов: переполненности тюрем, распространения наркомании и насилия. Отсутствие адекватной политики по преодолению кризисов привело к созданию дисфункциональной тюремной системы, которая не способна обеспечить безопасность общества исходя из имеющихся в тюрьме условий, которые можно рассматривать как оскорбление и посягательство на человеческое достоинство.

Переполненность тюрем является краеугольным камнем кризиса пенитенциарной системы Ирландии, затрудняющим работу всех служб по реабилитации осужденных и оказанию противодействия распространению наркомании и насилия.

Следует подчеркнуть, что статистика о переполненности тюрем Ирландии опирается на концепцию «количества койко-мест» в тюрьме, что позволяет скрыть степень переполненности тюрем. Установив в большинстве одноместных камер двухъярусную кровать, можно удвоить “вместимость” тюрьмы.В некоторых камерах могут быть даже две двухярусные кровати, в то время как в других на полу лежат матрасы. Таким образом, тюрьма может быть сильно переполнена, но статистика “количества койко-мест” покажет, что в ней есть свободные места. Например, тюрьма Маунтджой была рассчитана на 489 заключенных, и инспектор тюрьмы отметил, что в ней не могут безопасно размещаться более 540 заключенных, но заявленное “количество койко-мест” составляет 630. По состоянию на 30 июля 2010 года в тюрьме содержалось 759 заключенных, и это означало, что у 129 заключенных не было кровати, а у некоторых не было даже матраса. Данная тюрьма была предусмотрена для содержания максимум 391 заключенного, но заявленное “количество койко-мест» составило 470 [1].

Переполненность тюрем, работающих на 120% мощности и выше, имеет ряд негативных последствий. Во-первых, происходит сокращение и без того недостаточных возможностей для получения образования или профессиональной подготовки осужденными, и в результате реабилитация, которая должна быть основой тюремной политики, становится большинству осужденных недоступной. Во-вторых, в среде осужденных происходит активное распространение криминальной субкультуры и наркокультуры, что способствует превращению осужденных в особо опасных рецидивистов и наркозависимых. В-третьих, усиливается напряженность внутри тюрьмы, что ведет к росту конфликтов и насилия в среде осужденных. В-четвертых,

создаются антигуманные условия для содержания осужденных пожилого возраста, страдающих серьезными хроническими заболеваниями, неспособными заниматься ни профессиональным обучением, ни образованием, тем более, что они не представляют угрозу для общества.

В докладе на тему о состоянии тюремной системы Ирландии Кэрон Маккафри (Caron Mccaffrey), генеральный директор тюремной службы Ирландии, президент Европейской организации тюрем и исправительных учреждений, на 30-й Конференции директоров тюрем и служб пробации Совета Европы, проходившей в Кракове 24-25 сентября 2025 г. отметила, что удовлетворение растущего спроса на помещения для

осужденных остается главной проблемой пенитенциарной системы Ирландии уже на протяжении последних десяти лет [2].

В связи с этим ряд цифр, касающихся уровня преступности в Ирландии пол века назад, могут показаться нереальными по сравнению с современными данными. В 1960 году в Ирландии на 100 000 человек приходилось 16,4 заключенных. К 1990 году этот показатель вырос до 60,1. В 2020 году - до 74,4, а в отчете за 2024 год - до 90. В настоящее время, по оценкам, на 100 000 населения приходится 105 заключенных [2]. Исследуя причины увеличения числа заключенных в местах лишения свободы, следует понимать, что факторы, влияющие на переполненность тюрем, могут меняться гораздо быстрее по сравнению с тем, сколько времени потребуется на строительство новых тюрем или подготовку социальных работников для управления системой пробации. Проблема заключается в том, что невозможно запланировать увеличение тюрем заранее.

Независимо от уровня развития страны и благосостояния ее людей подавляющее большинство осужденных в тюрьмах живут в бедности и лишениях. Очевидно, что люди, оказавшиеся в местах лишения свободы, имеют похожие по ряду признаков семьи, окружение и даже места проживания. Для огромного числа осужденных тюрьма является местом, в котором еще острее ощущается социальная несправедливость [3], царящая в обществе. Наряду с увеличением числа осужденных, естественно, увеличивается и объем средств, необходимых для содержания тюрем. Однако, если бы общество могло сделать больше для поддержки детей, оказавшихся в группе риска и постоянно нарушающих правопорядок и законы общества, возможно, эти деньги и не понадобились бы.

Согласно исследованиям, лица, пережившие негативный детский опыт (насилие, побои) 4 раза и более, в 15 раз чаще сами совершают акты насилия в течение последующих 12 месяцев, и вероятность того, что они попадут в тюрьму в 20 раз выше. Средний школьный возраст тех, кто в настоящее время находится в местах лишения свободы в Ирландии, составляет 14 лет [2]. Эта цифра заставляет задуматься и свидетельствует о необходимости как можно раньше начинать работать с детьми в зоне риска. Исследования и жизненный опыт осужденных показывают, что лицо без образования значительно более склонно к совершению преступных деяний по сравнению с тем, кто имеет образование и обеспечен работой [4]. Последствиями полученного негативного детского опыта является не только склонность к совершению правонарушений, но и развитие зависимости от психоактивных веществ. В раннем возрасте, когда ребенок не может самостоятельно справиться с подавляющими его непонятными эмоциями, одной из эффективных стратегий изменения эмоционального состояния становится употребление психоактивных веществ, притупляющих невыносимые чувства страха, стыда, гнева или неуверенности. Употребление психоактивных веществ превращается в незаменимую «копинг стратегию», благодаря которой лицу удается преодолеть свои негативные психо-эмоциональные состояния, так как возможности научиться здоровым способам управления своей жизнью, и особенно - своими эмоциональными реакциями на жизненные события у него не было. Почти во всех клинических оценках риска совершения преступлений, проводимых пенитенциарными психологами, эмоциональная дисрегуляция определяется как основная причина преступного поведения лица и, в частности, насильственного преступления.

Преступления, связанные с наркотиками, занимают центральное место среди всех противоправных деяний и являются главной причиной переполненности тюрем. Более того, зависимость индивидов от психотропных веществ влияет также и на успешность их исправления и реабилитации в самой тюрьме. Более 70% осужденных Ирландии страдают от той или иной формы зависимости. Оказание помощи заключенным в преодолении сложного жизненного опыта, который привел к их зависимости, является главной задачей процесса реабилитации, реализации которого мешают люди, пытающиеся нажиться за счет осужденных. Ущерб от поставляемых преступными группировками контрабанд наркотиков и других предметов в тюрьмы огромен, так как они сводят на нет все прилагаемые сотрудниками усилия по оказанию помощи осужденным в преодолении зависимости. Риск передозировки от употребления наркотиков является одной из основных причин смертности и несчастных случаев среди осужденных и эта ситуация становится еще опаснее в связи с все большим распространением синтетических наркотиков. Более того, семьи и друзья осужденных, боясь расправы над собой или близкими в случае отказа от оплаты наркотиков, передаваемых осужденному, оказываются втянутыми в этот бизнес, так как именно им зачастую приходится оплачивать товар.

Таким образом, переполненные тюрьмы Ирландии перестали быть безопасными и больше не могут предложить необходимую осужденным поддержку в виде обучения и участия в программах реабилитации вместо этого предлагая бес-

цельное пребывание в условиях изоляции от общества в криминально зараженной среде, способствующей еще большей криминализации лиц и общества в целом.

Как считает Кэрон Маккафри (Caron Mccaffrey), для того, чтобы избежать переполненности тюрем необходимо сделать все возможное, чтобы люди не попадали в них и приложить еще больше усилий, чтобы люди не возвращались в них обратно.

Существуют разные успешные практики, реализуемые странами Европы, благодаря которым становится возможным заменить уголовную ответственность альтернативными видами воспитательного воздействия. Именно такая модель исправления осужденных была апробирована в Ирландии. В соответствии с данной концепцией молодые люди имеют право на ошибку, а заключение их в тюрьму даже на короткий срок может привести к более тяжелым последствиям как для них самих, так и для общества в целом, например, способствовать их криминальному заражению или развитию наркотической зависимости. И эта модель исправления, по мнению Кэрон Маккафри (Caron Mccaffrey) является достаточно эффективной. Так, например, за период с 2009 г. по 2024 г. число людей в возрасте от 18 до 21 года, отбывающих наказание в тюрьмах Ирландии, сократилось на 65%, в то время как общее число людей, отбывающих наказание, увеличилось на 20%. Также произошло небольшое сокращение числа осужденных в возрасте до 25 и до 30 лет.

Однако, с 2016 г. несмотря на сокращение числа осужденных среди молодежи, увеличение общего числа осужденных объясняется появлением нового фактора, связанного с ростом числа осужденных старше 50 лет. В 2009 году в тюремной системе Ирландии было менее 300 заключенных старше 50 лет; сейчас их более 900. Медицинское обслуживание данной категории лиц представляет собой серьезную проблему для администрации тюрем, никогда ранее не сталкивавшихся с проблемой такого масштаба. Очевидная закономерность заключается в том, что чем старше заключенные, тем более длительные сроки заключения они отбывают. По мере взросления правонарушителей тяжесть совершенных ими преступлений, а иногда и само их количество с течением времени, заставляет суды выносить более длительные приговоры.

Увеличение числа осужденных, отбывающих более длительные сроки наказания, является еще одной причиной возникновения переполненности тюрем. Эта категория осужденных не сможет освободить место для вновь поступивших. И, несмотря на значительный по времени период пребывания осужденных в тюрьме и, соответственно, длительную реабилитацию, которая могла бы привести к позитивным изменениям у осужденных, тюрьма не располагает достаточным количеством помещений и перечнем услуг, чтобы обеспечить их всем необходимым. Отсюда вытекает необходимость найти способы предотвращения возвращения людей в тюрьму. Если второй приговор обычно длиннее первого, а третий длиннее первые двух вместе взятых, то предстоит найти другие способы разорвать этот цикл повторных правонарушений.

Отправной точкой изменения политики уголовного правосудия Ирландии является возвращение к уважению человеческого достоинства. Проведенные исследования и опыт работы тюремных служб других юрисдикций предлагают важные идеи, которые могли бы быть использованы системой уголовного правосудия Ирландии в целях улучшения ее работы и преодоления существующего кризисного состояния.

Проблема оказания поддержки осужденным преклонного возраста актуальна для многих стран. Успешный опыт применения реабилитационной программы KAMEO (CAMEO), направленной на создание для осужденных преклонного возраста гармоничной среды и условий, максимально приближенных к условиям нормальной жизни, был разработан тюремной службой Норвегии. Результатом этой программы стало улучшение качества жизни, психического и физического здоровья осужденных, улучшение их социально-коммуникативных навыков и паттернов поведения.

Реализуемый в Грузии проект «Цифровой университет» призван расширить возможности получения образования для осужденных. Предлагая дистанционное высшее образование на цифровых платформах, данный проект предоставляет возможность осужденным узнать что-то новое о мире, и наладить социальные контакты с миром через взаимодействие с педагогами, что увеличивает шансы осужденных на успешное прохождение реабилитации и социальной реинтеграции, повышения их самооценки и целеустремленности.

Отношение общества к человеку, ставшему на путь исправления и искупившему свою вину, как к бывшему осужденному мешает процессу его успешной реинтеграции в общество и увеличивает риск повторного совершения им преступлений, делая общество менее защищенным.

С целью изменить отношение общества к людям, осужденным за уголовное преступление, в Испании была разработана и внедрена практика прямого доступа к центрам социальной интеграции (Direct Access to Social Inclusion

Centres), в которых заключенный может с самого начала отбывать наказание в тюрьме открытого типа и иметь возможность продолжать заниматься некоторыми аспектами своей обычной жизни, например, выходить на работу. Благодаря открытости для общества процесса реабилитации правонарушителя, безопасность и эффективность интеграции заключенных обратно в общество становится очевидной.

В Англии практика по созданию команды по трудоустройству осужденных в Королевской тюрьме в Хэтвилде (HMP Hatfield) значительно улучшила результаты работы с заключенными. Ключевым фактором успеха стало создание сильной сети из работодателей в местном сообществе. Таким образом, до 120 заключенных каждый день получают разрешение на освобождение из тюрьмы в течение дня с целью выхода на оплачиваемую работу, что помогает им в дальнейшем не потерять ее после освобождения. Эта программа позволила снизить негативные последствия тюремного заключения, обеспечила трудоустройство около 120 человек и гарантировала трудоустройство более 90% освобожденных лиц, при этом 100% лиц были обеспечены жильем.

Проект по созданию дома предварительного заключения в пенитенциарной системе Бельгии был запущен с целью создания более гуманной, эффективной и ориентированной на реинтеграцию формы содержания под стражей. В этих небольших домах предварительного заключения проживающим (а не «заключенным») предоставляется большая автономия и ответственность с целью содействия их успешной реинтеграции в общество и снижения риска повторных правонарушений [5].

Одной из успешных реабилитационных практик для осужденных женщин, применяемых в Великобритании, является комплекс программ Хоуп-стрит, предлагающих женщинам индивидуально разработанные программы, целью которых является помочь им в различных жизненных ситуациях. Причем мать и ребенок живут вместе; что повышает успешность процесса реабилитации женщин и уменьшает возможность получения детьми травмирующего опыта жизни без мамы. Это именно то вмешательство, которое может разорвать порочный круг из повторяющихся с определенной периодичностью тюремных заключений.

Практика применения альтернативных видов наказаний в разных странах показала, что инвестиции в общественные альтернативы тюремному заключению эффективны в процессе исправления осужденных, так как направлены на устранение коренных причин противоправного поведения. Увеличение тюремных площадей не позволяет решить проблему переполненности тюрем, так как в целом пребывание в условиях лишения свободы по опыту тюремной системы Ирландии делает из осужденных закоренелых преступников и наркоманов, обреченных на дальнейшее совершение преступлений.

Кризис тюремной системы Ирландии, проявляющийся в ненадлежащем тюремном заключении осужденных в условиях переполненности тюрем, в которых процветают насилие и наркомания, и при этом реабилитационные программы недоступны большинству осужденных, свидетельствует о неверно выбранном курсе пенитенциарной политики [6].

Многочисленные доказательства творящегося в тюрьмах Ирландии хаоса свидетельствуют от необходимости более широкого применения альтернативных видов наказаний особенно за преступления небольшой тяжести, внедрение новых программ реабилитации для удовлетворения потребностей всех групп осужденных, а также применение тюремного заключения в качестве крайней меры наказания за совершение наиболее тяжких преступлений.

Список литературы:

[1] Irish Prison Chaplains Annual Report to the Minister for Justice & Law Reform. November 2010 // URL: file:///C:/Users/DNS/Downloads/The_Revolving_Door_at_the_Prison_Gate_Exploring_th.pdf

[2] 30th Council of Europe Conference of Directors of Prison and Probation Services (CDPPS), Krakow, Poland // URL: www.coe.int/en/web/prison/krakow-24-25-september-2025

[3] O'Brian S.P. Restorative justice: principles, practices and application. // URL: https://na.events-cloud.com/file_uploads/e55c8348f32f15b-f8c90d185d17484c1_Restorative_justice__principle.PDF

[4] Padfield N., Maruna Sh. The revolving door at the prison gate: Exploring the dramatic increase in recalls to prison. Criminology & Criminal Justice. 2006 SAGE Publications (London, Thousand Oaks & New Delhi) and the British Society of Criminology // URL: The_Revolving_Door_at_the_Prison_Gate_Exploring_th.pdf

[5]Ahidjo N. The Efficacy of Restorative Justice Programs in Reducing Recidivism RatesInternational Journal of Humanity and Social Sciences. 2024.Vol. 2, Issue No. 4, pp. 38 – 51.

[6] Tonry M. Confronting Crime: Crime Control Policy Under New Labour. Cullompton, UK: Willan Publishing.2003.

References:

[1] Irish Prison Chaplains Annual Report to the Minister for Justice & Law Reform. November 2010 // URL: file:///C:/Users/DNS/Downloads/The_Revolving_Door_at_the_Prison_Gate_Exploring_th.pdf

[2] 30th Council of Europe Conference of Directors of Prison and Probation Services (CDPPS), Krakow, Poland // URL: www.coe.int/en/web/prison/krakow-24-25-september-2025

[3] O'Brian S.P. Restorative justice: principles, practices and application. // URL: https://na.events-cloud.com/file_uploads/e55c8348f32f15b-f8c90d185d17484c1_Restorative_justice__principle.PDF

[4] Padfield N., Maruna Sh. The revolving door at the prison gate: Exploring the dramatic increase in recalls to prison. Criminology & Criminal Justice. 2006 SAGE Publications (London, Thousand Oaks & New Delhi) and the British Society of Criminology // URL: The_Revolving_Door_at_the_Prison_Gate_Exploring_th.pdf

[5]Ahidjo N. The Efficacy of Restorative Justice Programs in Reducing Recidivism Rates. International Journal of Humanity and Social Sciences. 2024.Vol. 2, Issue No. 4, pp. 38 – 51.

[6] Tonry M. Confronting Crime: Crime Control Policy Under New Labour. Cullompton, UK: Willan Publishing.2003.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-592-601

АХМАДУЛЛИН А.С.,
кандидат юридических наук,
старший инспектор контрольно-следственного
отдела следственного управления
Следственного комитета Российской Федерации
по Донецкой Народной Республике (г. Донецк),
e-mail: ahelza@yandex.ru

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ XX И XXI ВЕКОВ ПРИНЦИПА ВСЕСТОРОННЕГО, ПОЛНОГО И ОБЪЕКТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

Аннотация. *Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, действующий в настоящее время, введен в действие Федеральным законом от 18.12.2001 № 177-ФЗ. Законодатель отказался от принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, ранее содержавшегося в ст. 20 УПК РСФСР и являвшегося основополагающим началом всего уголовного процесса. При этом, в ст. 15 УПК РФ законодатель нормативно закрепил новый принцип уголовного судопроизводства – принцип состязательности и равноправия сторон. Он разделяет основные процессуальные функции: обвинения, защиты и разрешения дела. Отныне участники уголовного судопроизводства выполняют либо функцию обвинения, либо функцию защиты, либо разрешают уголовное дело.*

В статье «История формирования и развития в уголовно-процессуальном законодательстве России XX и XXI веков принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела» поднят вопрос проблемы обеспечения всесторонности, полноты и объективности предварительного расследования в условиях действия принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве. Раскрыты понятия всесторонности, полноты и объективности. Эти понятия рассмотрены, как исторически присущие уголовному процессу России категории, имманентные свойства досудебного и судебного производств по уголовному делу.

Ключевые слова: *принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, принцип состязательности сторон, установление истины по уголовному делу.*

AKHMADULLIN A.S.,
Candidate of Legal Sciences,
Senior Inspector of the Control and Investigation Department
of the Investigation Department of the Investigative Committee
of the Russian Federation for the Donetsk People's Republic (Donetsk)

THE HISTORY OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE PRINCIPLE OF ALL-SIDE, COMPLETE, AND OBJECTIVE INVESTIGATION OF THE FACTS IN THE CRIMINAL PROCEDURE LAWS OF RUSSIA IN THE 20TH AND 21ST CENTURIES

Annotation. *Federal Law No. 177-FZ of December 18, 2001 introduced the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which is currently in force. The legislator abandoned the principle of comprehensiveness, completeness and objectivity of the investigation of the circumstances of the case, which was previously enshrined in Article 20 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR of 1960, being the fundamental beginning of the entire criminal process. At the same time, in Article 15 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the legislator normatively fixed a new principle of criminal proceedings*

– the principle of competition and equality of the parties. This principle presupposes the separation of the main procedural functions: prosecution, defense and case resolution. Now, in accordance with the law, all participants in criminal proceedings must perform their functions either on the prosecution side or on the defense side, or resolve the case.

The article "The history of the formation and development in the criminal procedure legislation of Russia in the twentieth and twenty-first centuries of the principle of comprehensive, complete and objective investigation of the circumstances of the case" raises the issue of ensuring the comprehensiveness, completeness and objectivity of the preliminary investigation in the context of the principle of competition and equality of the parties in criminal proceedings. The concepts of comprehensiveness, completeness and objectivity are revealed. These concepts are considered as historically inherent categories of the Russian criminal process, the immanent properties of pre-trial and judicial proceedings in a criminal case.

Key words: *the principle of comprehensiveness, completeness and objectivity of the investigation of the circumstances of the case, the principle of adversarial parties, establishing the truth in a criminal case*.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, действующий в настоящее время, введен в действие Федеральным законом от 18.12.2001 № 177-ФЗ [1]. Законодатель отказался от принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, ранее содержавшегося в ст. 20 УПК РСФСР [2] и являвшегося основополагающим началом всего уголовного процесса. При этом, в ст. 15 УПК РФ законодатель нормативно закрепил новый принцип уголовного судопроизводства – принцип состязательности и равноправия сторон. Он разделяет основные процессуальные функции: обвинения, защиты и разрешения дела. Отныне участники уголовного судопроизводства выполняют либо функцию обвинения, либо функцию защиты, либо разрешают уголовное дело.

Прокурор, следователь, дознаватель – участники стороны обвинения (глава 6 УПК РФ). Подозреваемый, обвиняемый, защитник – участники стороны защиты (глава 7 УПК РФ). Суд, не являясь органом уголовного преследования и не выступая на стороне обвинения или стороне защиты, создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав, и, очевидно, по задумке законодателя, таким образом выполняет функцию разрешения дела.

Несмотря на существенное перестроение всего уголовного процесса, в современном УПК РФ сохранились-таки некоторые отдельные нормы, которые по-прежнему обязывают обеспечить всесторонность, полноту и объективность его производства. Теперь они выглядят как некие рудименты когда-то важнейшей идеи, которой обязаны были руководствоваться в своей деятельности дознаватель, следователь, прокурор и суд. Эти упрощённые, недоразвитые формулировки, утратившие своё основное значение в УПК РФ в процессе его развития, с трудом обнаруживаются провоприменителями, и уж тем более не воспринимаются как принцип.

Так, ч. 4 ст. 152 (Место производства предварительного расследования) УПК РФ определяет, что «предварительное расследование может производиться по месту нахождения обвиняемого или большинства свидетелей в целях обеспечения его полноты, объективности…». Часть 2 ст. 154 (Выделение уголовного дела) УПК РФ сообщает, что «выделение уголовного дела в отдельное производство … допускается, если это не отразится на всесторонности и объективности предварительного расследования и разрешения уголовного дела…».

«Отголоски» остались и в подзаконных нормативных правовых актах. Приказ Генерального прокурора России от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» требует от прокуроров изучать уголовные дела на предмет полноты проведенного расследования [3]. Приказ СК России от 09.01.2017 № 2 «Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации» ориентирует следователей и их руководителей при продлении процессуальных сроков оценивать полноту производства предварительного следствия [4].

Конституционный Суд РФ в п. 2.2 Постановления от 08.12.2003 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» упомянул, что при выявлении нарушений суд вправе принять меры по их устранению с целью создания условий для всестороннего и объективного рассмотрения дела по существу [5], а в п. 3 Постановления от 29.06.2004 N 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» [6] особо подчеркнул, что

дознаватель, следователь и прокурор обязаны обеспечить подозреваемому (обвиняемому) право на защиту, а обвинение может быть признано обоснованным только тогда, когда все противостоящие ему обстоятельства дела объективно исследованы и опровергнуты. Дознаватель, следователь и прокурор обязаны принять меры к получению доказательств, как подтверждающих виновность, так и подтверждающих невиновность лица.

Актуальность рассматриваемого в данной работе вопроса – история формирования и развития принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела в уголовно-процессуальном законодательстве России XX и XXI веков обусловлена значимостью данного принципа для выполнения назначения уголовного процесса, защиты прав и законных интересов человека и гражданина, его традиционностью для уголовно-процессуального законодательства России. В работе показано развитие и становление рассматриваемых положений, начиная с УПК РСФСР 1922 года до современного УПК РФ.

Несоблюдение требований расследовать преступление с позиций всесторонности, полноты и объективности влечет нарушения прав подозреваемого (обвиняемого), потерпевшего. Отсутствие данного принципа в системе принципов уголовного процесса вместе с распространением состязательности не только на судебное производство, но и на досудебное производство способно превратить следственную работу в одностороннюю деятельность исключительно по обвинению. Вместе с тем, лишь в результате всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств уголовного дела возможно предъявить обвинение, осуществлять уголовное преследование. Несмотря на вышеприведенные обстоятельства, в последнее время исследования в данной области практически отсутствуют, хотя раньше велись активные дискуссии по данному вопросу. Принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела практическим позабыт исследователями. Настало время по-новому переосмыслить его значение.

На основе анализа уголовно-процессуального законодательства поставлена цель доказать, что расследование уголовного дела с позиций всесторонности, полноты и объективности является присущим для современной России положением, нуждающимся в законодательном закреплении в качестве самостоятельного принципа в УПК РФ.

Для достижения цели определены следующие задачи: проанализировать нормы УПК РСФСР 1922, 1923, 1960 годов, закреплявших рассматриваемые требования, нормы действующего УПК РФ; определить понятия и значения исследуемых категорий; рассмотреть всесторонность, полноту и объективность как исторически присущие российскому предварительному расследованию свойства, в рамках которых осуществляются его функции, в том числе функция обвинения.

Первый Уголовно-процессуальный кодекс России XX века – УПК РСФСР принят 25.05.1922 Всероссийским центральным исполнительным комитетом РСФСР [7], но уже 15.02.1923 постановлением ВЦИК РСФСР утвержден новый УПК РСФСР в редакции, согласованной с принятым ранее «Положением о судоустройстве РСФСР» от 03.11.1922 [8]. Данный уголовно-процессуальный закон действовал до 27.10.1960, когда Верховный Совет РСФСР постановил утвердить и ввести в действие новый УПК РСФСР. Он, в свою очередь, утратил силу с 01.07.2002 со вступлением в силу Федерального закона от 18.12.2001 №177-ФЗ «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», который с изменениями действует и по настоящее время.

Структура уголовно-процессуального закона РСФСР 1922 года не содержала отдельного раздела, посвященного принципам уголовного процесса. Между тем уже тогда, с завершением периода «военного коммунизма» и началом новой экономической политики, законодателем были предприняты первые попытки в современной России установить нормативные требования расследовать каждое преступление всесторонне, полно и объективно.

Приведем примеры некоторых норм из УПК РСФСР 1922 года.

Глава IX «Общие условия производства предварительного следствия». Статья 111: «Следователь, если признает поступивший к нему материал дознания достаточно полным…, вправе не производить предварительного следствия или же ограничиться производством отдельных следственных действий». Статья 113: «При производстве предварительного следствия следователь обязан выяснить и исследовать обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а равно все обстоятельства как усиливающие, так и смягчающие степень и характер его ответственности». Статья 114: «Следователь направляет предварительное следствие, руководствуясь обстоятельствами дела, в сторону наиболее полного и всестороннего рассмотрения дела. Следователь не вправе отказать обвиняемому или потерпевшему в допросе свидетелей и экспертов и в собрании других доказательств, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, могут иметь значение для дела».

Глава XXVI «Производство в Совете народных судей». Статья 360: «Недостаточным и неправильно проведенным признается следствие, которое либо проведено не полно, т.е. таким образом, что остались невыясненными ни на предварительном, ни на судебном следствии обстоятельства, выяснение коих необходимо должно было повлиять на приговор, либо проведено неправильно, т.е. таким образом, что не подвергались обследованию и выяснению возможные действительные причины, обстоятельства и виновные в совершении преступления, коих подлежало выяснить». Статья 361: «Существенными нарушениями форм судопроизводства признаются нарушения статей настоящего Процессуального кодекса, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав сторон при рассмотрении дела или иным путем помешали суду всесторонне разобрать дело и повлияли или могли повлиять на вынесение правильного приговора».

Требования рассматривать (расследовать) уголовное дело всесторонне, полно и объективно предъявлялись однозначно суду (ст.ст. 32, 47, 49, 114 УПК РСФСР и др.). Но вместе с тем, ст.ст. 111, 113, 114, 116, 117, 125, 127, 212 УПК РСФСР и др., где-то прямо, а где-то опосредованно, требуют того же и от следователя. Статья 117 УПК РСФСР вообще определяла целью следствия раскрытие истины: «Обвиняемый и потерпевший могут присутствовать при… следственных действиях и задавать вопросы свидетелям и экспертам. Следователь вправе отказать им в осуществлении означенных прав, если признает, что присутствие и участие их при производстве следственных действий может препятствовать раскрытию истины…».

Аналогичные требования содержались и в УПК РСФСР 1923 года: к суду – в ст.ст. 30, 45, 112, 124 и других, к следователю – в ст.ст. 109, 111, 112, 114, 122, 124 и других.

Интересно, что в УПК РСФСР 1923 года дальнейшее развитие получил институт установления истины: ст. 147: «При разрешении вопросов о необходимости принять меру пресечения… следователь принимает во внимание: важность преступления,…, тяжесть имеющихся… улик, вероятность возможного со стороны обвиняемого… препятствования раскрытию истины…»; ст. 158: «Заключение под стражу… может быть назначено… при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, находясь на свободе, будет препятствовать раскрытию истины»; ст. 159: «В тех случаях, когда в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу исключительно в виду опасения, что обвиняемый, находясь на свободе, будет препятствовать раскрытию истины, содержание обвиняемого под стражей не может продолжаться более двух месяцев»; ст. 257: «Председательствующий в судебном заседании управляет ходом судебного заседания,…, направляя судебное следствие в сторону, наиболее способствующую раскрытию истины»; ст. 283: «Допрос подсудимого в отсутствии других подсудимых допускается только в исключительных случаях, если этого требуют интересы раскрытия истины».

Как видно, уже в первые годы Советской власти истина заявлялась целью уголовно-процессуального доказывания, на основании которой возможно справедливое осуждение и наказание виновного лица в совершении преступления.

УПК РСФСР 1923 года также не содержал отдельного раздела, посвященного принципам уголовного процесса, а наиболее существенные нормы, определяющие сущность уголовного процесса, содержание и направления действия уголовно-процессуальных норм в целом содержались в разделах об общих условиях производства предварительного следствия, о следственных участках, посвященных непосредственно деятельности судов либо иных.

Наконец апогеем, пределом развития и закрепления принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела в уголовно-процессуальном законодательстве современной России стал УПК РСФСР 1960 года. В ст. 20 данное требование законодатель определил в качестве отдельного принципа уголовного процесса в целом. Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны были принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие его вину обстоятельства. Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, не вправе были перелагать обязанность доказывания на обвиняемого.

Необходимость установления истины по уголовному делу следовало при этом из требований ст. 89 (Применение мер пресечения), ст. 243 (Председательствующий в судебном заседании), ст. 246 (Участие подсудимого в судебном разбирательстве), ст. 257 (Отложение разбирательства и приостановление уголовного дела), ст. 280 (Допрос подсудимого) и ст. 285 (Допрос несовершеннолетнего свидетеля).

Уголовно-процессуальный кодекс РФ, принятый в 2001 году и действующий с изменениями в настоящее время, как уже было выше отмечено отказался от принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств

дела. Вместо него закреплен принцип состязательности и равноправия сторон, предполагающий разделение основных процессуальных функций, о чем упомянуто выше.

Причину, по которой законодатель отказался от исследуемого принципа, некоторые ученые сразу увидели в том, что он противоречит и не соответствует принципу состязательности сторон. По этой же причине нет в УПК РФ и принципа объективной истины, который, по сути, равнозначен принципу всесторонности, полноты и объективности. Само слово «истина» не упоминается ни разу [9, С. 18].

С.В. Корнакова и некоторые другие полагают, что истина, как цель доказывания, отсутствует в законе, поскольку принцип состязательности, построенный на разделении основных процессуальных функций, обуславливает и различие целей сторон обвинения и защиты и их несовпадение, единая цель у участников уголовного судопроизводства отсутствует [10, С. 73].

В ряде норм УПК РФ остались «следы» исследуемого принципа. Это и ранее описанные ст.ст. 152 и 154 УПК РФ. Также нормы главы 9 УПК РФ «Обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве». Они призваны гарантировать, как на предварительном расследовании, так и при судебном рассмотрении дела, беспристрастность (объективность) дознавателя, следователя, прокурора и судьи. Статьи 24 «Основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела» и 27 «Основания прекращения уголовного преследования» УПК РФ обязывают следователя (дознавателя) и суд прекратить уголовное дело и уголовное преследование в случае установления факта отсутствия состава преступления в деянии подозреваемого или обвиняемого или его непричастности к совершенному преступлению. «По логике вещей, чтобы прекратить дело, следователь должен исследовать также и обстоятельства, опровергающие обвинение, т.е. действовать всесторонне и объективно» [11, С. 19]. Статья 73 УПК РФ «Обстоятельства, подлежащие доказыванию» определяет, что подлежат доказыванию в том числе обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, исключающие преступность и наказуемость деяния, смягчающие и отягчающие наказание и обстоятельства, могущие повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания. Часть 6 ст. 340 УПК РФ также гласит, что и судебному разбирательству присущ принцип объективности и беспристрастности.

Как отмечал А.А. Тарасов, ранее требование всесторонности, полноты и объективности было прямо закреплено в законе, а теперь его приходится логически выводить из многих других: о законности, обоснованности и мотивированности властных решений всех правоприменителей, включая суд (ст. 7 ч.4 УПК РФ), о круге обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ), о содержании обвинительного заключения (ст. 220 ч.1 УПК РФ), описательно-мотивировочной части обвинительного приговора (ст. 307 УПК РФ). Признание целью доказывания объективной истины требует возведения в ранг принципа всесторонности, полноты и обьективности [12, С. 73-74].

Действительно, требования всесторонности, полноты и объективности оказались «размытыми» по целому ряду норм УПК РФ. При отсутствии закрепленного в законе принципа всесторонности, полноты и объективности собирание смягчающих вину и оправдательных доказательств может рассматриваться правоприменителями, как личная проблема подозреваемого (обвиняемого), которая должна решаться им самим и защитником. Разделение функций обвинения и защиты и отнесение следователя (дознавателя) к стороне обвинения, в отсутствии закрепленного в законе принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, не только приводит в отдельных случаях к «обвинительному уклону», но и создает для этого благоприятную правовую среду.

Итак, принцип состязательности и равноправия сторон гласит, что уголовное судопроизводство осуществляется только на основе состязательности сторон. При этом функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. Суд не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Стороны обвинения и защиты равноправны перед ним.

Из этого следует – состязательность осуществима, во-первых, при отделении функции обвинения, защиты и разрешения дела друг от друга и, во-вторых, при недопустимости возложения на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо осуществления более одной функции.

Считаем, что позиция законодателя, изложенная в ст. 15 УПК РФ, полностью относится лишь к судебным стадиям процесса. Состязательность сторон, недопустимость соединения функций обвинения, защиты и разрешения дела в одном органе или должностном лице верно лишь для судебных стадий уголовного процесса и никак невозможно при производстве предварительного расследования. В досудебных стадиях процессе принцип состязательности и равноправия сторон, если и действует, то весьма ограниченно.

Суд, являющийся органом, стоящим над субъектами, осуществляющими с одной стороны

обвинение, а с другой стороны защиту, вершит правосудие, выражает суждение о нарушении или ненарушении права, о виновности или невиновности подсудимого. Являясь арбитром, суд не должен собирать недостающие доказательства вместо сторон, восполнять пробелы обвинения и защиты, а должен выносить приговор, основываясь на представленных сторонами доказательствах.

Суд участвует в исследовании доказательств (ч.3 ст. 240 УПК РФ): задает вопросы, осматривает вещественные доказательства и т.д. По закону обвинение и защита равны перед судом. Функцию обвинения осуществляет государственный (частный) обвинитель, функцию защиты – подсудимый, (защитник, законный представитель).

С принятием УПК РФ 2001 г. обеспечена, ранее носившая во многом декларативный характер, состязательность сторон в суде – государственный обвинитель участвует при рассмотрении всех категорий уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения (ст. 246 УПК РФ). Именно на такой основе теперь осуществляется производство в суде: функции обвинения, защиты и разрешения дела отделены друг от друга, а стороны равны перед судом. Вместе с тем, на предварительном расследовании положение существенно отличается от судебных стадий.

По мнению М.С. Строговича обвинение – это деятельность, направленная на изобличение лица в совершении преступления в целях последующего применения наказания в соответствии с законом [13, С. 13]. В рассматриваемом аспекте функция обвинения представляет собой такое направление процессуальной деятельности уполномоченных законом субъектов, которая состоит в изобличении лица в совершенном преступлении, осуществлении его уголовного преследования, что выражается в возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, его задержании, применении в отношении него мер процессуального принуждения.

На предварительном расследовании равенство сторон отсутствует. Лицо, осуществляющее производство по уголовному делу, наделено государством властными полномочиями по отношению к другим участникам уголовного процесса, в том числе подозреваемому (обвиняемому). Он самостоятельно принимает решения о производстве тех или иных следственных или процессуальных действий и проводит расследование по уголовному делу. Никто такими полномочиями больше не обладают. Сторона защиты вправе представлять предметы, документы, справки или полученные объяснения от других лиц, заявлять ходатайства о необходимости проведения следственных или иных процессуальных действий в порядке ст.ст. 53 ч.1 и 86 ч.3 УПК РФ. Но решения по ним принимает лицо, осуществляющее производство по уголовному делу. Это все заявляется и представляется ему. Он принимает решения об удовлетворении ходатайств или об отказе в их удовлетворении, приобщении представленных предметов и материалов в качестве доказательств или нет.

Несмотря на право защитника собирать доказательства, сведения, собираемые им, могут иметь статус доказательств только после соответствующего решения следователя (дознавателя) о приобщении их к делу в качестве таковых (хотя, как представляется, в любом случае они должны быть приобщены к материалам дела для их последующей оценки прокурором и судом) [14, С. 40-41].

По понятным причинам, состязательность на предварительном расследовании невозможна, например, когда не установлено лицо, совершившее преступление.

Деятельность по расследованию преступлений осуществляется от имени государства и в публичных интересах. Государство и общество заинтересовано в установлении объективной истины по уголовному делу. Истину возможно установить только путем всестороннего, полного и объективного расследования. От подозреваемого (обвиняемого), как правило, не следует ожидать стремления к установлению истины по делу, т.к. он не обязан содействовать следователю в своем собственном изобличении. Если в установлении истины и объективности будет содержаться угроза интересам подозреваемого (обвиняемого), то сторона защиты скорее будут препятствовать ее установлению. Следовательно, лицо, осуществляющее производство по делу, само должно обеспечить всесторонность, полноту и объективность.

Следователь (дознаватель), осуществляя уголовное преследование и предъявляя обвинение, при этом также осуществляет обеспечение права обвиняемого на защиту, разъясняя ему его права и гарантируя их соблюдение, обеспечивая ему участие защитника, проверяя все версии по делу, в том числе оправдывающие обвиняемого, и т.д. Выполняя действия, связанные с предъявлением обвинения, следователь (дознаватель) ставит в известность лицо о том, в чем конкретно оно обвиняется, тем самым представляя возможность защищаться всеми законными способами и оспаривать обвинение.

Следователь (дознаватель) осуществляет не функцию защиты, которую выполняют подозреваемый (обвиняемый), его законный представитель и защитник, но функцию обеспечения права на защиту. При этом он выступает не как частное лицо, а как представитель государства. Органи-

ческое сочетание функции обвинения и функции обеспечения права на защиту предполагает не только доказывание виновности, но и отказ от уголовного преследования при недостаточности доказательств обвинения.

Лицо, расследующее преступление, самостоятельно принимает решения по делу: определяет необходимость в предъявлении обвинения и его объем, принимает решение об окончании расследования и т.д. То есть следователь (дознаватель) осуществляет функцию разрешения дела.

Деятельность органов дознания, следствия и прокуратуры не сводится лишь к установлению лица, совершившего преступление, и привлечению его к ответственности. Их обязанности предусматривают проведение мер, направленных на профилактику преступлений, выявление обстоятельств, способствующих их совершению и т.д. (ч. 2 ст. 73 УПК РФ). Сама государственная деятельность по расследованию преступления уже служит формированию правомерного поведения у непрофессиональных участников уголовного процесса. При выявлении обстоятельств, способствовавших преступлению, следователь (дознаватель) вносит представление об их устранении соответствующему должностному лицу или организации.

Наконец, на досудебном производстве нет постоянного стороннего арбитра, способного принимать решения по всем вопросам, возникающим при производстве расследования, исходя из более убедительной доказанности позиций той или иной стороны. Состязательность двух сторон по определению невозможна без участия третьей независимой стороны. Прокурор, по мнению законодателя, не может выступить в качестве такого арбитра, т.к. он отнесён им к стороне обвинения. Рассмотрение судом жалоб на действия и решения следователя (дознавателя), рассмотрение им ходатайств о даче разрешения на производство следственных и процессуальных действий, затрагивающих основные конституционные права и свободы человека, не свидетельствует о наличие состязательности на предварительном расследовании. В этом случае суд выносит суждение о законности или незаконности обжалуемого действия или решения следователя (дознавателя), о разрешении производства отдельных следственных и процессуальных действий, в рамках судебного заседания, которое не входит в содержание предварительного расследования. Это элементы судебного контроля и судебной проверки.

Таким образом, ограничение деятельности лица, осуществляющего предварительное расследование, лишь функцией обвинения, уголовным преследованием, сужает эту деятельность, умаляет ее сущность.

В ч. 2 ст. 118 Конституции РФ сообщается, что посредством уголовного судопроизводства осуществляется именно судебная власть, а согласно ч. 3 ст. 123 Основного закона судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Само слово «судопроизводство» означает «производство в суде», а не до суда, не досудебное производство. Возможно изменение понятия «уголовное судопроизводство», закрепленное в ст. 5 УПК РФ, и приведение его в соответствие его значению и смыслу, могло бы стать первым шагом на пути решения рассматриваемой проблемы.

Таким образом, в деятельности следователя (дознавателя) по расследованию преступления сочетаются элементы всех трех основных функций: обвинения, обеспечения права подозреваемого и обвиняемого на защиту (защиты) и разрешения дела, образующие в совокупности более общую функцию предварительного расследования. Это полностью соответствует назначению уголовного процесса, изложенному в ст. 6 УПК РФ: защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод; уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию. С этим согласуются и обязанности следователя (дознавателя), изложенные в ч. 1 ст. 11 и в ч. 2 ст. 16 УПК РФ: следователь (дознаватель) должен разъяснить подозреваемому и обвиняемому их права и обеспечить им возможность защищаться всеми не запрещенными УПК РФ способами и средствами.

Традиционно в российской правовой науке понятия всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела понимаются следующим образом. Всесторонность – это проверка всех возможных версий по делу, доводов, исходящих от обвиняемого, получение и проверка в полном объеме необходимых доказательств, выявление обстоятельств, как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, смягчающих и отягчающих его наказание. Поэтому односторонность расследования – есть увлечение одной из версий, недостаточное выяснение какого-либо существенного обстоятельства дела, оставление без внимания того или иного факта, уличающего или оправдывающего подозреваемого или обвиняемого.

Полнота исследования означает установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ): время,

место, способ и другие обстоятельства совершения преступления, т.е. событие преступления, виновность лица в совершении преступления, форма вины и мотив, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, характер и размер вреда, причиненного преступлением, обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, а также смягчающие и отягчающие наказание, обстоятельства, могущие повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания, обстоятельства, способствовавшие совершению преступления – каждое из этих обстоятельств должно быть доказано. Отсутствие достаточных доказательств хотя бы по одному из таких обстоятельств делает предварительное расследование неполным. Соответственно неполнота предварительного расследования – есть сужение пределов доказывания, недостаточность доказательств, ставящих под сомнение достоверность выводов.

Объективность расследования означает беспристрастное, непредвзятое исследование обстоятельств дела. Соответственно, необъективное расследование– расследование, проведенное предвзято, заинтересованно, с «обвинительным уклоном» [15, С. 159-160].

В 2012 году Следственный комитет РФ предпринял попытку внести изменения в УПК РФ, разработав законопроект, который вводит понятие «институт установления объективной истины», оставшийся до конца так и не реализованным. Давая интервью «Российской газете», Председатель СК России А.И. Бастрыкин прокомментировал, что объективная истина не связана с политической идеологией, а является принципом научного познания. Невозможно соблюсти предназначение уголовного процесса, закрепленного в ст. 6 УПК РФ, без выяснения обстоятельств уголовного дела такими, какими они были в действительности, то есть установления по делу объективной истины. Уголовный процесс должен быть ориентирован на объективную истину, как цель доказывания, что является условием для правильного рассмотрения уголовного дела судом [16].

В других постсоветских государствах принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела в уголовно-процессуальном законодательстве исторически сохранен, и успешно реализуется по настоящее время. Так, ст. 18 УПК Республики Беларусь гласит, что орган уголовного преследования обязан принять все предусмотренные законом меры по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств уголовного дела, собрать доказательства, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, установить обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, защиты прав и законных интересов участвующих в уголовном деле лиц [17]. Статья 24 УПК Республики Казахстан определяет, что суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств, необходимых и достаточных для правильного разрешения дела. Выяснению по делу подлежат обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, а также смягчающие и отягчающие их ответственность и наказание. Органом, ведущим уголовный процесс, должны быть проверены все заявления о невиновности или меньшей степени виновности, а также наличии доказательств, оправдывающих подозреваемого, обвиняемого, подсудимого либо смягчающих их ответственность, а также применении недозволенных методов следствия при собирании и закреплении доказательств [18].

По результатам исследования формулируем следующие выводы и предложения:

1. Несмотря на отсутствие закрепления в законе, всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела были и по-прежнему остаются важнейшим принципом всего уголовного процесса, в том числе предварительного расследования. Вместе с тем, для правильного понимания следователем своего предназначения необходимо закрепить эти положения в УПК РФ в виде отдельного принципа, включенного в главу 2 «Принципы уголовного судопроизводства» и привести остальные нормы уголовно-процессуального закона в соответствие с ним.

Провозглашенная законодателем состязательность сторон действует в полной мере только в судебных стадиях уголовного процесса. В этой связи предлагается изменить понятие «уголовное судопроизводство», данное в ст. 5 УПК РФ и определить его только как судебное производство по уголовному делу.

Принцип всесторонности, полноты и объективности будет способствовать усилению гарантий конституционных прав личности на свободу и личную неприкосновенность, права обвиняемого на защиту, презумпции невиновности, обеспечению потерпевшему доступа к правосудию. Этот принцип будет ориентировать следователя (дознавателя) на отказ от поспешных, недостаточно обоснованных выводов и решений, на вдумчивое исследование обстоятельств дела, внимательное отношение к показаниям и ходатайствам обвиняемого (подозреваемого) и других участников уголовного процесса.

2. Обеспечение всесторонности, полноты и объективности предварительного рассле-

дования является обязанностью лица, осуществляющего производство по уголовному делу, и надзирающего прокурора. Деятельность лица, производящего предварительное расследование, имеет многофункциональное содержание и не сводится лишь к осуществлению функции уголовного преследования (обвинения). Наряду с уголовным преследованием (обвинением), следователь (дознаватель) осуществляет и иные функции, в том числе обеспечения подозреваемому (обвиняемому) права на защиту, обеспечения прав иных участников процесса, предупреждения преступлений, которые в целом образуют направление его деятельности – предварительное расследование, как более общую (родовую) функцию.

3. Механизмом, обеспечивающим всесторонность, полноту и объективность предварительного расследования, являются законодательные и нравственные начала, процессуальные права участников и порядок предварительного расследования, прокурорский надзор, ведомственный контроль, судебный контроль и судебная проверка.

Список литературы:

[1] КонсультантПлюс : справ.-прав. сис. : сайт / Региональный центр правовой информации Информправо. Москва, 1997–2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34470/ (дата обращения 01.11.2025).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Государственное издательство юридической литературы. М., 1960. 247 с.

[3] КонсультантПлюс : справ.-прав. сис. : сайт / Региональный центр правовой информации Информправо. Москва, 1997–2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396068/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddf518/ (дата обращения 01.11.2025).

[4] КонсультантПлюс : справ.-прав. сис. : сайт / Региональный центр правовой информации Информправо. Москва, 1997–2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216166/ (дата обращения 01.11.2025).

[5] КонсультантПлюс : справ.-прав. сис. : сайт / Региональный центр правовой информации Информправо. Москва, 1997–2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45528/ (дата обращения 01.11.2025).

[6] КонсультантПлюс : справ.-прав. сис. : сайт / Региональный центр правовой информации Информправо. Москва, 1997–2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48286/ (дата обращения 01.11.2025).

[7] КонсультантПлюс : справ.-прав. сис. : сайт / Региональный центр правовой информации Информправо. Москва, 1997–2025. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4006#4uWze1VZiFbL0AUP (дата обращения 01.11.2025).

[8] КонсультантПлюс : справ.-прав. сис. : сайт / Региональный центр правовой информации Информправо. Москва, 1997–2025. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3551#4Js1f1VaWaDZw0A51 (дата обращения 01.11.2025).

[9] Шейфер, С.А. О правовой регламентации доказательственной деятельности следователя/ С.А. Шейфер // Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России : (Материалы науч. конф. 22-23 янв. 2002 г. Москва). — Москва : Проспект, 2002. — 188 с.

[10] Корнакова, С.В. Об установлении истины в уголовном судопроизводстве России в свете принципа состязательности уголовного процесса/ С.В. Корнакова // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2010 - №1 (11).

[11] Шейфер, С.А. О правовой регламентации доказательственной деятельности следователя/ С.А. Шейфер // Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России : материалы науч. конф. 22-23 янв. 2002 г. Москва. — Москва : Проспект, 2002. — 188 с.

[12] Тарасов, А.А. Еще раз об истине в уголовном судопроизводстве /А.А.Тарасов// Новый Уголовно-процессуальный кодекс России в действии: материалы круглого стола, 13 декабря 2003 г., Москва / Отв. ред. И.Ф. Демидов. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 192 с.

[13] Строгович, М. С. Избранные труды/ М.С. Строгович. — М. : Наука, 1992. — 277 с.

[14] Бородинова, Т.Г., Демидов, И.Ф. Обвинение и защита: проблема равных возможностей/ Т.Г. Бородинова, И.Ф. Демидов // Журнал Российского права. – 2005 - № 2.

[15] Курс советского уголовного процесса. Общая часть / В.Б. Алексеев, Л.Б. Алексеева, В.П. Божьев, А.Д. Бойков, и др.; под ред.: А.Д. Бойков, И.И. Карпец - М.: Юрид. лит., 1989. - 640 с.

[16] Александр Бастрыкин предлагает вернуть в УПК поиск объективной истины// Российская газета от 16.03.2012 №58 (5731).

[17] «ЭТАЛОН-ONLINE»: информационно-поисковая система Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь: официальный сайт – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900295 (дата обращения 04.11.2025).

[18] Учет.kz: информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан: официальный сайт – URL: https://zakon.uchet.kz/rus/history/K1400000231/10.01.2025 (дата обращения 04.11.2025).

References:

[1] ConsultantPlus: Legal page: website/ Regional Legal Information Centre Informpravo. Moscow, 1997-2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34470/ (date of contact 01.11.2025).

[2] Code of Criminal Procedure of the RSFSR. State Publishing House of Legal Literature. M., 1960. 247 pp.

[3] ConsultantPlus: Legal page: website/ Regional Legal Information Centre Informpravo. Moscow, 1997-2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396068/ 2ff7a8c72de-3994f30496a0ccbb1ddafdaddf518/(circulation date 01.11.2025).

[4] ConsultantPlus: Legal page: website/ Regional Legal Information Centre Informpravo. Moscow, 1997-2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216166/ (date of contact 01.11.2025).

[5] ConsultantPlus: Legal page: website/ Regional Legal Information Centre Informpravo. Moscow, 1997-2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45528/ (date of contact 01.11.2025).

[6] ConsultantPlus: Legal page: website/ Regional Legal Information Centre Informpravo. Moscow, 1997-2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48286/ (date of contact 01.11.2025).

[7] ConsultantPlus: Legal page: website/ Regional Legal Information Centre Informpravo. Moscow, 1997-2025. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base= ESU&n = 4006#4uWze1VZiFbL0AUP (circulation date 01.11.2025).

[8] ConsultantPlus: Legal page: website/ Regional Legal Information Centre Informpravo. Moscow, 1997-2025. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n= 3551#4Js1f1VaWaDZw0A51 (accessed date 01.11.2025).

[9] Schafer, S.A. On the legal regulation of the evidence activities of the investigator/S.A. Schafer// Conceptual foundations of the reform of criminal proceedings in Russia: (Materials scientific. conf. January 22-23, 2002 Moscow). - Moscow: Prospect, 2002. - 188 s.

[10] Kornakova, S.V. On establishing the truth in criminal proceedings in Russia in the light of the principle of adversarial criminal proceedings/S.V. Kornakova//Legal science and law enforcement practice. - 2010 - №1 (11).

[11] Schafer, S.A. On the legal regulation of the evidence activities of the investigator/S.A. Schafer// Conceptual foundations of the reform of criminal proceedings in Russia: scientific materials. conf. January 22-23. 2002 Moscow. - Moscow: Prospect, 2002. - 188 s.

[12] Tarasov, A.A. Once again about the truth in criminal proceedings/A.A. Tarasov//New Criminal Procedure Code of Russia in action: materials of the round table, December 13, 2003, Moscow/Otv. ed. I.F. Demidov. - M.: TC Welby, Prospekt Publishing House, 2004. - 192 s.

[13] Strogovich, M.S. Selected works/M.S. Strogovich. - M.: Nauka, 1992. - 277 p.

[14] Borodinova, T.G., Demidov, I.F. Prosecution and defense: the problem of equal opportunities/T.G. Borodinova, I.F. Demidov//Journal of Russian Law. – 2005 - № 2.

[15] Course of the Soviet criminal process. General part/V.B. Alekseev, L.B. Alekseeva, V.P. Bozhiev, A.D. Boykov, etc.; ed.: A.D. Boykov, I.I. Karpets - M.: Jurid. lit., 1989. - 640 c.

[16] Alexander Bastrykin proposes to return to the Criminal Procedure Code the search for objective truth//Rossiyskaya Gazeta dated 16.03.2012 No. 58 (5731).

[17] “ETALON-ONLINE”: information and search system of the National Center for Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus: official website - URL: https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900295 (date of appeal 04.11.2025).

[18] Accounting: information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan: official site - URL: https://zakon.uchet.kz/rus/history/K1400000231/10.01.2025 (date of appeal 04.11.2025).

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

(№ 1 январь)

2026 год

Подписано в печать 25.02.2026.
Формат 60x90/8. Печ. л. 75,25. Тираж 100 экз. Заказ № 15.

Отпечатано в типографии ИП Миронова В. В.
г. Орехово-Зуево Московской области, ул. Ленина, д.102.